THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

655.5147
L554n

This **BOOK** may be kept out **ONE MONTH** unless a recall notice is sent to you. A book may be renewed only once; it must be brought to the library for renewal.

MAR 29 1966
SEP 12 196?

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/nikolaevskezhand00lemk

Мих. Лемке.

НИКОЛАЕВСКІЕ ЖАНДАРМЫ И ЛИТЕРАТУРА 1826—1855 ГГ.

ПО ПОДЛИННЫМЪ ДѢЛАМЪ ТРЕТЬЯГО ОТДѢЛЕНІЯ
СОБСТВ. Е. И. ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРІИ

Съ 7 портретами

Изданіе второе, С. В. Бунина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

Того же автора:

Думы журналиста. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Эпоха обличительнаго жара (1857—1864 гг.).—Эпоха цензурнаго террора (1848—1885 гг.).—Русское «Bureau de la presse». — Ѳаддей Булгаринъ. — Съ 19 портретами и 81 каррикатурой. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Изданіе ред. газеты «Восточное Обозрѣніе». Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Съ портретами и иллюстраціями. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ. Съ портретами. Изданіе 2-е, О. Н. Поповой. Спб. 1909 г. Ц. 3 р.

Изданія С. В. БУНИНА.

Мих. Лемке. НИКОЛАЕВСКІЕ ЖАНДАРМЫ И ЛИТЕРАТУРА 1826—1855 гг. По подлиннымъ дѣламъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. Съ портретами шефовъ жандармовъ и ихъ помощниковъ. Спб., 1908 г.

...ати о первомъ изданіи:

...ъ и подвываніе Меньшиковыхъ наводятъ на васъ, чита-
...ли, прочтите недавно вышедшую книгу Лемке „Нико-
...довъ.“ Это одна изъ тѣхъ книгъ, съ которыми нельзя
...страницы, а, прочтя, еще долго бродишь подъ впечат-
... февраля 1908 г. № 375).
...зученіемъ архивныхъ дѣлъ III Отдѣленія въ связи съ
... рядъ интересныхъ данныхъ... На читателя вѣетъ со
...ертой атмосферой угнетенія и произвола. Висѣвшій
...й, кулакъ зубодробительный, кулакъ скуловоротъ“ съ
..., самаго злого изъ своихъ враговъ... Г. Лемке очень
...ать изъ архивныхъ документовъ и цѣлой груды печат-
...рное“... („Товарищъ“, 1 декабря 1907 г. № 438).
...несла за 30 лѣтъ—значитъ изложить всю интересную

49/30

Того же автора:

Думы журналиста. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Эпоха обличительнаго жара (1857—1864 гг.).—Эпоха цензурнаго террора (1848—1885 гг.).—Русское «Bureau de la presse».—Ѳаддей Булгаринъ.—Съ 19 портретами и 81 каррикатурой. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Изданіе ред. газеты «Восточное Обозрѣніе». Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Съ портретами и иллюстраціями. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ. Съ портретами. Изданіе 2-е, О. Н. Поповой. Спб. 1909 г. Ц. 3 р.

Изданія С. В. БУНИНА.

Мих. Лемке. НИКОЛАЕВСКІЕ ЖАНДАРМЫ И ЛИТЕРАТУРА 1826—1855 гг. По подлиннымъ дѣламъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. Съ портретами шефовъ жандармовъ и ихъ помощниковъ. Спб., 1908 г.

Изъ отзывовъ печати о первомъ изданіи:

1) „Если торжествующій ревъ Илліодоровъ и подвываніе Меньшиковыхъ наводятъ на васъ, читатель, тоскливыя мысли о будущемъ русской земли, прочтите недавно вышедшую книгу Лемке „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 годовъ.“ Это одна изъ тѣхъ книгъ, съ которыми нельзя разстаться, пока не дочитаешь ихъ послѣдней страницы, а, прочтя, еще долго бродишь подъ впечат-
...“ (Проф. А. Погодина, „Слово“—8 февраля 1908 г. № 375).
...ботавъ года полтора надъ изученіемъ архивныхъ дѣлъ III Отдѣленія въ связи съ
... Лемке извлекъ цѣлый рядъ интересныхъ данныхъ... На читателя вѣетъ со
...ужасомъ „мора“, спертой атмосферой угнетенія и произвола. Висѣвшій
... искросыпительный, кулакъ зубодробительный, кулакъ скуловоротъ“ съ
...лся на литературу, самаго злого изъ своихъ враговъ... Г. Лемке очень
...онъ сумѣлъ вычитать изъ архивныхъ документовъ и цѣлой груды печат-
...ительное и характерное“... („Товарищъ“, 1 декабря 1907 г. № 438).
...что литература вынесла за 30 лѣтъ—значитъ изложить всю интересную

ВСТУПЛЕНІЕ

Со свойственнымъ себѣ остроуміемъ современникъ Николая Перваго Герценъ назвалъ его эпоху „моровой полосой"... Ничего болѣе яркаго, короткаго и правдиваго не сказано никѣмъ... Именно моръ стоялъ въ Россіи. Припомните:

Россія тягостно молчала,
Какъ изумленное дитя,
Когда, неистово гнетя,
Одна рука ее сжимала...

Порвавъ съ самаго вступленія на престолъ съ Аракчеевымъ, Николай не порвалъ, однако, съ его идеей обращенія всего государства въ грандіозную казарму, въ которой не было бы иного воздуха, кромѣ послушно проникавшаго въ узаконенное число высочайше разрѣшенныхъ окошекъ, иного слова, кромѣ „смирно!", иной вѣры, кромѣ вѣры въ премудрость самаго главнаго капрала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ не приходилось встрѣчать другой такой всесторонней характеристики николаевской эпохи и ея героя, какую далъ покойный историкъ Соловьевъ. Многіе окрашивали эту тему въ болѣе рѣзкіе тона, отдѣлывали ее съ большею детализаціею, иногда мѣстами рисовали неподражаемо хорошо, но той цѣльности, ясности, опредѣленности, законченности и—что особенно важно—полной правдоподобности, на которую только и способенъ, съ одной стороны, очевидецъ „моровой полосы", съ другой—историкъ, привыкшій рисовать не только фигуры, но и цѣлыя эпохи,—никто, повторяю, не достигъ съ такимъ успѣхомъ.

По словамъ названнаго историка, на лицѣ Николая всякій легко могъ прочесть страшные „мани, факелъ, фаресъ": „остановись, плѣснѣй, разрушайся!"... „Деспотъ по природѣ, имѣя инстинктивное отвращеніе отъ всякаго движенія, отъ всякаго выраженія индивидуальной свободы и самостоятельности, Николай любилъ только бездушное движеніе войсковыхъ массъ по командѣ. Это былъ страшный нивелировщикъ: всѣ люди передъ нимъ были равны, и онъ одинъ имѣлъ право раздавать имъ по произволу способности, умъ, все, что мы называемъ дарами

655.5147
1021198
L554n

Божіими; нужды нѣтъ, что въ этомъ нечестивомъ посягновеніи на права Бога онъ безпрестанно ошибался; онъ не отставалъ до конца отъ своего взгляда и направленія, до конца не переставалъ ненавидѣть и гнать людей, выдававшихся изъ общаго уровня по милости Божіей, до конца не переставалъ окружать себя посредственностями и совершенными бездарностями, произведенными въ великіе люди по волѣ начальства, по милости императора. Не знаю, у какого другого деспота въ такой степени выражалась ненависть къ личнымъ достоинствамъ, природнымъ и трудомъ пріобрѣтеннымъ, какъ у Николая; онъ не желалъ, подобно извѣстному безумному императору, чтобъ народъ имѣлъ одну голову, которую можно было бы отрубить однимъ ударомъ; онъ хотѣлъ бы другого— возможности однимъ ударомъ отрубить всѣ головы, которыя поднимались надъ общимъ уровнемъ.

„.... Онъ инстинктивно ненавидѣлъ просвѣщеніе, какъ поднимающее голову людямъ, дающее имъ возможность думать и судить, тогда какъ онъ былъ воплощенное: *„не разсуждать!“*... По воцареніи Николая просвѣщеніе перестало быть заслугою, стало преступленіемъ въ глазахъ правительства; университеты подверглись опалѣ; Россія предана была въ жертву преторіанцамъ; военный человѣкъ, какъ палка, какъ привыкшій не разсуждать, но исполнять и способный пріучить другихъ къ исполненію безъ разсужденія, считался лучшимъ, самымъ способнымъ начальникомъ вездѣ; имѣлъ ли онъ какія-нибудь способности, знанія, опытность въ дѣлахъ — на это не обращалось никакого вниманія. Фронтовики возсѣли на всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, и съ ними воцарилось невѣжество, произволъ, грабительство, всевозможные безпорядки. Смотръ сталъ цѣлью общественной и государственной жизни. Все дѣлалось напоказъ, для того, чтобы державный пріѣхалъ, взглянулъ и сказалъ: „хорошо! все въ порядкѣ!“ Отсюда все потянулось напоказъ, во внѣшность, и внутреннее развитіе остановилось. Начальники выставляли Россію передъ императоромъ на смотръ на большихъ дорогахъ—и здѣсь было все хорошо, все въ порядкѣ; а что было дальше, туда никто не заглядывалъ, тамъ былъ черный дворъ.... Тяжелая рука лежала на просвѣщеніи, враждебное начало проводилось въ системѣ государственнаго управленія, всѣ чувствовали, понимали, что государь до просвѣщенія не охотникъ“... [1]

Москва можетъ гордиться своей прозорливостью въ отношеніи Николая. Во время его коронаціи она украсила тріумфальныя ворота иллюминаціоннымъ транспарантомъ съ надписью: „успокоителю отечества“... Дѣйствительно, такъ *успокоить* Россію, какъ это сдѣлалъ Николай, начиная съ позорной для него казни пяти декабристовъ, надо было сумѣть... Самъ Тамерланъ могъ позавидовать своему позднѣйшему послѣдователю.

Разумѣется, ненависть Николая I къ просвѣщенію объясняется его собственной необразованностью, весьма значительной даже и по тогдашнему времени. Королева

[1] „Записки“ С. М. Соловьева. „Вѣстникъ Европы“, 1907 г. май, 41—44.

Викторія говорила о русскомъ царѣ: „я не считаю его очень умнымъ; умъ его необработанъ; его воспитаніе было небрежно; политика и военное дѣло — единственные предметы, внушающіе ему большой интересъ; онъ не обращаетъ вниманія на искусства и на всѣ болѣе нѣжныя занятія“. [1] Она не могла только предвидѣть, что политическія способности приведутъ Николая къ войнамъ 1828—1829, 1849 и 1853—1856 годовъ, а знаніе военнаго дѣла такъ трагически обнаружится въ Восточную войну...

Общество военныхъ, всевозможныхъ полуграмотныхъ генераловъ и флигель-адъютантовъ, было для него самымъ пріятнымъ, потому что позволяло оставаться самимъ собой и не доставляло чрезмѣрно-самолюбивому самодержцу никакихъ уколовъ, не заставляло его искать темы для разговора... Въ Петербургъ пріѣхалъ Гумбольдтъ. Его пригласили во дворецъ, чтобы имѣть право сообщить въ Европу о визитѣ міровой знаменитости. Что̀ бы вы думали пришлось на его долю въ царскихъ аппартаментахъ? Императоръ и всѣ его окружавшіе сѣли играть въ рулетку, а ученый тихонько вышелъ побесѣдовать съ... камердинерами государыни, которыхъ зналъ еще по Берлину... Наконецъ, замѣтивъ, что Гумбольдтъ умираетъ съ тоски въ интересномъ обществѣ, къ нему экстренно вызвали Жуковскаго... [2]

Не даромъ Парротъ, въ минуту откровенности, писалъ Николаю: „Васъ даже подозрѣваютъ, что Вы меньше препятствуете вывозу наличныхъ денегъ, чѣмъ ввозу образованія“... [3] Кто знаетъ, ка̀къ Николай боролся съ вывозомъ драгоцѣннаго металла за границу, думая такими мѣрами поднять въ корень расшатанное народное благосостояніе, тотъ оцѣнитъ всю глубину этой откровенности.

Начавъ съ Герцена, хочется имъ и закончить...

Незадолго до смерти Николая I, мучившагося ходомъ севастопольской эпопеи, онъ писалъ Линтону:

„Николай хотѣлъ больше быть царемъ, чѣмъ императоромъ, но, не понявъ славянскій духъ, онъ не достигъ цѣли и ограничился преслѣдованіемъ всякаго стремленія къ свободѣ, угнетеніемъ всякой идеи прогресса и остановкою всякаго необходимаго развитія. Онъ хотѣлъ изъ своей имперіи создать военную Византію, отсюда его народность и православіе, холодныя и ледяныя, какъ петербургскій климатъ. Николай постигъ только китайскую сторону вопроса. Въ его системѣ не было ничего движущаго, даже ничего національнаго,—не сдѣлавшись русскимъ, онъ пересталъ быть европейцемъ. Въ свое долгое царствованіе онъ послѣдовательно коснулся почти всѣхъ учрежденій, вводя всюду элементъ паралича, смерти. Дворянство не могло оставаться замкнутой кастой, по легкости, съ которой получали дворянскія грамоты. Николай поставилъ препятствія, соединяя достоинство потомственнаго дворянина съ чиномъ маіора въ военной службѣ и статскаго со-

[1] *С. Татищевъ*, „Императоръ Николай и иностранные дворы“, 1889 г., 28—29.

[2] „Записки А. О. Смирновой“. 1894 г., 55—56.

[3] „Русская Старина“, 1895 г. апрѣль, 217.

вѣтника въ гражданской. До Николая всякій дворянинъ былъ избирателемъ, онъ учредилъ избирательный цензъ... Онъ ввелъ смертную казнь за преступленія политическія и отцеубійство. [1] Уголовные законы не признавали нелѣпаго наказанія тюрьмой, Николай ввелъ его... Всѣми этими средствами Николай затормозилъ движеніе, подкладывая каменья подо всѣ колеса, и теперь негодуетъ, что ничего не идетъ. Онъ во что бы то ни стало хочетъ что нибудь сдѣлать, старается изо всѣхъ силъ... можетъ, колеса разсыпятся и кучеръ свернетъ себѣ шею"...

Какъ же относился Николай I къ литературѣ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и является настоящая книга.

Впрочемъ, здѣсь нужна одна оговорка. Послѣдующія страницы не содержатъ *полной* исторіи отношеній Николая и его правительства къ литературѣ. Тема эта умышленно сужена мною. Не желая повторять многаго сказаннаго уже другими историками литературы, я ограничиваюсь одной стороной, почти никѣмъ не разработанной.

---

[1] И дѣлалъ это съ отеческимъ попеченіемъ о жизни своихъ подданныхъ... Такъ, когда генералъ-губернаторъ Западной Сибири донесъ, что, послѣ долгихъ поисковъ, схвачена, наконецъ, шайка разбойниковъ, долго нарушавшая покой мирныхъ обывателей, и просилъ разрѣшенія императора повѣсить ихъ для примѣра и поученія, Николай положилъ истинно трогательную резолюцію: „Слава Богу, смертная казнь еще не введена въ Россіи и не мнѣ ее вводить" и приказалъ дать каждому изъ виновныхъ солидную порцію палокъ съ проведеніемъ сквозь строй... Рапортъ о смерти всѣхъ пойманныхъ не замедлилъ прійти изъ Сибири...

I.

„Третье отдѣленіе“ и литература

1826—1855 годовъ.

I.

Высшая и тайная полиція до Николая I.

Чтобы ясно отдать себѣ отчетъ въ обстоятельствахъ, вызвавшихъ къ жизни приснопамятное, или, какъ говорилъ Герценъ, „неудобозабываемое“ Третье Отдѣленіе, необходимо вкратцѣ ознакомиться съ предшествовавшими ему учрежденіями.

Слово „жандармъ“, такъ хорошо давно всѣмъ намъ знакомое, впервые упоминается въ лѣтописяхъ нашей исторіи въ 1792 году, когда въ составѣ гатчинскихъ войскъ Павла Петровича была, по его настоянію, учреждена конная команда, называвшаяся въ офиціальныхъ актахъ то кирасирскимъ, то жандармскимъ полкомъ. Когда Павелъ вступилъ на престолъ, полкъ этотъ былъ включенъ въ составъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Въ 1815 году сформированъ на правахъ старой гвардіи жандармскій лейбъ-гвардіи полуэскадронъ, просуществовавшій до 1876 года, а Борисоглѣбскій драгунскій полкъ переименованъ въ жандармскій и распредѣленъ небольшими частями по арміи, главнымъ образомъ на югѣ. Въ 1817 году учреждены жандармы внутренней стражи или, какъ ихъ чаще называли —„конная городская полиція“.

На ряду съ этими вполнѣ открытыми учрежденіями Александръ I образовалъ еще два высшихъ и при томъ тайныхъ. Первое называлось „Комитетомъ высшей полиціи“ и учреждено было 5 сентября 1805 года исключительно на время отсутствія царя изъ столицы. Въ составъ комитета входили министры: военный, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Все дѣлалось въ совершенной тайнѣ и главная цѣль комитета состояла въ поддержаніи порядка и въ открытіи всего, касавшагося дѣятельности иностранцевъ въ Россіи, могшей вредить начатымъ военнымъ дѣйствіямъ.

Второе учрежденіе, просуществовавшее до 17 января 1829 года, называлось „Комитетомъ охраненія общей безопасности“ или просто „Комитетомъ 13 января 1807 года“. Въ него входили: министръ юстиціи кн. Лопухинъ, сенаторы Макаровъ и Новосильцовъ, военный министръ Вязмитиновъ, министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей и фельдмаршалъ Салтыковъ. Это была уже, не-

сомнѣнно, возрожденная прежняя тайная канцелярія: не даромъ выдающуюся въ ней роль игралъ небезызвѣстный сподвижникъ Шешковскаго—Макаровъ. Комитету подлежали главнымъ образомъ дѣла: о подозрѣваемыхъ въ перепискѣ съ непріятелемъ и зловредныхъ разглашеніяхъ, о слухахъ относительно возстановленія Польши, о возбужденіи народа слухами о вольности крестьянъ, о подозрѣніяхъ и извѣтахъ заговоровъ противъ царя и его фамиліи и оскорбленія ихъ дерзкими и неприличными словами, о государственной измѣнѣ, о ложныхъ и вредныхъ слухахъ по поводу военныхъ дѣйствій, о возмутительныхъ возваніяхъ и вредныхъ сочиненіяхъ, о тайныхъ обществахъ и запрещенныхъ сходбищахъ, о проектахъ побѣды надъ врагомъ и расширенія владѣній, о самозванцахъ, о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, о поступкахъ разныхъ лицъ, грозящихъ общественному благоприличію и т. д.

Всего этого Александръ I считалъ совершенно достаточнымъ, особенно на ряду съ особымъ министерствомъ полиціи, имѣвшимъ свою довольно широкую шпіонскую организацію.

Но вотъ произошелъ скандалъ, который императоръ долго не могъ забыть: въ 1820 году взбунтовалась часть стараго, испытаннаго въ вѣрности Семеновскаго полка...

Очевидно, по мнѣнію правительства, необходимо было принять какія-нибудь экстраординарныя мѣры охраны тишины и спокойствія въ войскахъ, не совсѣмъ-то охотно мирившихся съ родными порядками послѣ долговременнаго пребыванія въ Европѣ.

И именно въ войскахъ, а не въ обществѣ, потому что весь цвѣтъ тогдашней интеллигенціи, за весьма незначительными исключеніями, былъ въ рядахъ арміи. Сословіе, которое только и могло комплектовать ряды этой интеллигенціи, дворянство— считало долгомъ своей чести начинать службу въ военномъ мундирѣ... Вотъ почему декабрьское движеніе было движеніемъ почти исключительно военнымъ. Это совсѣмъ не значитъ, что тогдашняя армія была болѣе революціонно настроена...

Командиръ гвардейскаго корпуса, князь Васильчиковъ, очень быстро составилъ проектъ объ устройствѣ военной полиціи при своемъ корпусѣ и въ серединѣ декабря 1820 года отправилъ его государю въ Лайбахъ.

Указавъ на недостаточность свѣдѣній, имѣвшихся въ распоряженіи полковыхъ командировъ, Васильчиковъ писалъ: „Если даже полковые командиры будутъ все знать происходящее въ полкахъ и доводить до свѣдѣнія начальства, то сего еще недостаточно. Офицеры посѣщаютъ общества, имѣютъ связи; безпокойное броженіе умовъ во всей Европѣ, особенно со времени послѣднихъ происшествій, можетъ вкрасться и къ намъ; могутъ найтиться и злонамѣренные люди, кои будучи всегда недовольны самымъ лучшимъ правленіемъ, въ надеждѣ собственныхъ выгодъ, станутъ замышлять пагубныя затѣи; можетъ даже встрѣтиться, что чужеземцы, завидуя величію Россіи, подошлютъ тайныхъ искусныхъ агентовъ, кои легко успѣютъ вкрасться въ общество. Естественно, что все вниманіе такихъ людей обратится на гвардію.“ За всѣмъ этимъ полковые

командиры совершенно не могутъ услѣдить, и потому Васильчиковъ предлагалъ завести особую военную полицію. Она „должна быть такъ учреждена, чтобъ и самое существованіе ея покрыто было непроницаемою тайною. Не вѣдая о ней, менѣе будутъ недовѣрчивы и она принесетъ болѣе пользы; но когда извѣстно будетъ даже другому какому-нибудь начальству, то вѣроятно, что по соревнованію скоро перестанетъ быть тайною“. Управленіе военной полиціей должно быть поручено лицу, непосредственно подчиненному командиру корпуса. Управляющій еженедѣльно представляетъ вѣдомости, а въ случаѣ необходимости — особенныя записки. Составъ полиціи таковъ: девять смотрителей для наблюденія всего происходящаго въ полкахъ и за нижними чинами, одинъ, неизвѣстный девяти, трое смотрителей для наблюденія за офицерами и одинъ письмоводитель. Расходъ на всю организацію исчислялся въ 40000 рублей въ годъ. [1] Любопытно, что въ особомъ письмѣ Васильчиковъ, желая пояснить сравнительно высокіе оклады „смотрителей“, говоритъ: „чтобы заставить хорошо служить этихъ мерзавцевъ, необходимо имъ хорошо платить“.

4 января 1821 года Александръ положилъ на проектѣ резолюцію: „быть по сему“, и управляющимъ новой полиціей былъ назначенъ Грибовскій.

По образцу гвардейскаго корпуса была учреждена секретная полиція и во второй арміи, о чемъ хлопоталъ начальникъ ея штаба Киселевъ.

Однако, слѣдя за мелочами, всѣ военныя полиціи проморгали подготовлявшееся декабрьское движеніе, свѣдѣнія объ организаціи котораго были получены инымъ путемъ...

II.

Проектъ Бенкендорфа объ учрежденіи высшей полиціи.

14-е декабря 1825 года было днемъ, когда судьба николаевской Россіи рѣшилась твердо и надолго. Николай никогда не могъ простить своимъ подданнымъ того неописуемаго страха и ужаса, который онъ испыталъ въ этотъ день, навѣки затѣмъ памятный не только для него, но и для его преемниковъ... Купленное цѣною риска за свою собственную жизнь обычно пріобрѣтаетъ тѣмъ большую цѣнность. Николай видѣлъ, что надо себя обезопасить на будущее время, да и не только себя, но и наслѣдника.

Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, самодержавный монархъ счелъ за лучшее для этого не какія-либо коренныя реформы, способныя упрочить престолъ за проведшей ихъ династіей, а болѣе простое средство, нисколько не расходящееся съ принципами полнаго самодержавія. Достаточно было оглянуться вокругъ или бро-

[1] „Русская Старина“, 1882 г. № 1, 217—219.

сить взглядъ на недавнее русское прошлое, чтобы прійти къ заключенію, что виною въ кровавомъ вступленіи на прародительскій престолъ была недостаточная внимательность къ скрытой жизни врага — общества. Новому государю казалось, что „преображенскій приказъ" Петра, котораго онъ такъ почиталъ исключительно за его несокрушимую энергію въ проведеніи своихъ собственныхъ убѣжденій, тайная канцелярія Екатерины I, канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны и, наконецъ, тайная экспедиція Екатерины II, которую онъ не могъ не считать умной женщиной, хотя во многомъ относился къ ней отрицательно, какъ къ женщинѣ, не сумѣвшей твердо устоять противъ западно-европейскихъ новшествъ и революціонныхъ началъ,—казалось, что всѣ эти учрежденія, и только они, способны были сохранить самодержавіе въ Россіи. Нужды нѣтъ, что та же тайная экспедиція прозѣвала задушеніе его отца, что и нѣкоторые другіе его предшественники не совсѣмъ-то почетно сошли съ престола, — важно было, что, все-таки, самый престолъ, какъ фактъ, существовалъ и, переходя изъ рукъ въ руки, не былъ, однако, упраздненъ.

Жандармская организація брата не могла итти въ счетъ: вмѣстѣ съ Особенной канцеляріей министерства полиціи, а затѣмъ министерства внутреннихъ дѣлъ она допустила до 14-го декабря, не сдѣлавъ никакихъ открытій правительству. Надо было искать чего-нибудь новаго, гораздо болѣе совершеннаго.

„Покончивъ съ мятежемъ и съ тайнымъ обществомъ, правительство—говоритъ историкъ Николая, Шильдеръ—увидѣло передъ собою важную задачу: устранить на будущее время всякую возможность подобнаго явленія, чтобы всегда быть въ состояніи задушить въ самомъ зародышѣ всякій умыселъ враговъ существующаго порядка. Но для достиженія подобной цѣли нельзя было попрежнему пренебрегать настроеніемъ общественнаго мнѣнія; отнынѣ надо было знать, что затѣвается въ обществѣ, какія мысли его волнуютъ, что въ немъ говорится, о чемъ оно размышляетъ; для успѣшнаго рѣшенія подобной задачи предстояло проникнуть въ сердце и тайные людскіе помыслы". [1] „Возникла мысль объ учрежденіи тайнаго надзора, хотя и преслѣдовавшаго, въ сущности, тѣ же цѣли, какъ и родственныя съ нимъ учрежденія XVIII столѣтія, существовавшія въ разное время и подъ разными наименованіями, но обставленнаго въ своемъ новомъ видѣ несравненно мягче и порученнаго людямъ, до нѣкоторой степени образованнымъ, обладающимъ къ тому же свѣтскимъ лоскомъ. По мысли государя, лучшія фамиліи и приближенныя къ престолу лица должны были стоять во главѣ этого учрежденія и содѣйствовать искорененію зла. При такой постановкѣ вопроса оставалось надѣяться, что этотъ фениксъ, возродившійся изъ пепла, обладая средствами все узнавать, доставитъ правительству возможность прервать многочисленныя злоупотребленія, которыми страдала Россія, и не получитъ слишкомъ односторонняго направленія при развитіи своей разнообразной дѣятельности". [2]

[1] „Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе", т. I, 1903 г., 466.

[2] Ibidem, 466—467. Замѣчу кстати, что почти въ тѣхъ же выраженіяхъ писала и редакція „Рус. Старины" 26 лѣтъ назадъ (ср. „Рус. Стар.", 1881 г., IX, стр. 164—165).

Ставшій во главѣ этого новаго учрежденія генералъ Бенкендорфъ такъ объясняетъ его возникновеніе. „Императоръ Николай стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обагрившаго кровью первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, который окончательно стекался бы въ одно средоточіе. Государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣсненнымъ и наблюдала бы за злоумышленіями и людьми, къ нимъ склонными“. [1]

Почему же во главѣ такого главенствовавшаго учрежденія былъ поставленъ Бенкендорфъ, а не кто-нибудь другой?

За Бенкендорфа были для этого вѣскіе шансы. Еще въ 1821 году онъ представилъ Александру I записку, въ которой предупреждалъ государя о готовившемся заговорѣ тайныхъ обществъ. Написанная, по однимъ свѣдѣніямъ, Грибовскимъ, по другимъ— самимъ Бенкендорфомъ, но по даннымъ, полученнымъ отъ Грибовскаго,—записка эта не была сочувственно встрѣчена государемъ и безплодно пролежала въ его письменномъ столѣ до самой смерти. Когда Николай вступилъ на престолъ, онъ могъ удостовѣриться въ необыкновенной „проницательности“ своего начальника дивизіи и оцѣнилъ ее, какъ увидимъ, вполнѣ.

Въ виду желанія дать читателю наиболѣе полный матеріалъ для характеристики Бенкендорфа, я привожу его „Записку“ о тайныхъ обществахъ въ особомъ приложеніи въ концѣ книги.

Тогда же Бенкендорфъ выступилъ и съ проектомъ широкой организаціи высшей полиціи, покрывавшимъ всѣ отдѣльныя организаціи при гвардейскомъ корпусѣ, южной арміи и т. п. На это дѣлаетъ указаніе князь Волконскій-декабристъ: „Бенкендорфъ воротился изъ Парижа при посольствѣ и, какъ человѣкъ мыслящій и впечатлительный, увидѣлъ, какую пользу оказывала жандармерія во Франціи. Онъ полагалъ, что на честныхъ началахъ, при избраніи лицъ честныхъ смышленыхъ, введеніе этой отрасли соглядатаевъ можетъ быть полезно и царю, и отечеству, приготовилъ проектъ о составленіи этого управленія и пригласилъ насъ, многихъ своихъ товарищей, вступить въ эту кагорту, какъ онъ называлъ, добромыслящихъ, и меня въ ихъ числѣ; проектъ былъ представленъ, но не утвержденъ. Эту мысль Ал. Хр. осуществилъ при восшествіи на престолъ Николая, въ полномъ убѣжденіи, въ томъ я увѣренъ, что дѣйствія оной будутъ для охраненія отъ притѣсненій, для охраненія во-время отъ заблужденій“. [2]

Судьба этого проекта была та же, что и записки о тайныхъ обществахъ. Въ „Запискахъ“ Я. И. де-Санглена есть указаніе на то, что маркизъ Пиньятели (изъ Вѣны) прислалъ Александру I планъ учрежденія жандармовъ въ Россіи и что этотъ проектъ былъ переданъ государемъ на разсмотрѣніе извѣстнаго тогда своими полицейскими способностями Санглена. Послѣдній высказался противъ

[1] Ibidem., 465—466.

[2] „Записки“, изд. 2-е, 1902 г., 135—136.

предложенія Пиньятели. [1] Не потому ли не имѣлъ успѣха и проектъ Бенкендорфа...

Разумѣется, какъ только Николай вступилъ на престолъ, Бенкендорфъ кое-что измѣнилъ въ своемъ проектѣ и въ первыхъ числахъ января 1826 года представилъ его новому государю. Въ апрѣлѣ „Проектъ объ устройствѣ высшей полиціи“ былъ отправленъ къ начальнику главнаго штаба Дибичу и гр. П. А. Толстому съ тѣмъ, чтобы, по разсмотрѣніи, они возвратили его въ собственныя руки Николая съ своими о немъ мнѣніями. Надо пояснить, что Толстой, проведшій послѣдніе годы александровскаго царствованія въ Москвѣ, въ должности командира корпуса, по восшествіи на престолъ Николая I былъ вызванъ въ Петербургъ и тамъ, въ роли генералъ-губернатора и члена государственнаго совѣта, участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ правленія, пользуясь громаднымъ довѣріемъ, уваженіемъ и любовью императора.

Проектъ Бенкендорфа настолько интересенъ, что приводится мною полностью въ русскомъ переводѣ.

„Событія 14-го декабря и страшный заговоръ, подготовлявшій уже болѣе десяти лѣтъ эти событія, вполнѣ доказываютъ ничтожество нашей полиціи и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному какъ можно быстрѣе въ исполненіе. Тайная полиція почти немыслима; честные люди боятся ея, а бездѣльники легко осваиваются съ ней.

„Вскрытіе корреспонденціи составляетъ одно изъ средствъ тайной полиціи и при томъ самое лучшее, такъ какъ оно дѣйствуетъ постоянно и обнимаетъ всѣ пункты имперіи. Для этого нужно лишь имѣть въ нѣкоторыхъ городахъ почтмейстеровъ, извѣстныхъ своею честностью (!) и усердіемъ. Такими пунктами являются Петербургъ, Москва, Кіевъ, Вильна, Рига, Харьковъ, Одесса, Казань и Тобольскъ.

„Для того, чтобы полиція была хороша и обнимала всѣ пункты имперіи необходимо, чтобы она подчинялась системѣ строгой централизаціи, чтобы ея боялись и уважали и чтобы уваженіе это было внушено нравственными качествами ея главнаго начальника.

„Онъ долженъ бы носить званіе министра полиціи и инспектора корпуса жандармовъ въ столицѣ и въ провинціи. Одно это званіе дало бы ему возможность пользоваться мнѣніями честныхъ (!) людей, которые пожелали бы предупредить правительство о какомъ-нибудь заговорѣ или сообщить ему какія-нибудь интересныя новости. Злодѣи, интриганы и люди недалекіе, раскаявшись въ своихъ ошибкахъ или стараясь искупить свою вину доносомъ, будутъ по крайней мѣрѣ знать, куда имъ обратиться.

„Къ этому начальнику стекались бы свѣдѣнія отъ всѣхъ жандармскихъ офицеровъ, разсѣянныхъ во всѣхъ городахъ Россіи и во всѣхъ частяхъ войска: это дало бы возможность замѣстить на эти мѣста людей честныхъ (!) и способныхъ, ко-

[1] „Русская Старина“, 1883 г., № 3, 570—571.

торые часто брезгаютъ ролью тайныхъ шпiоновъ, но, нося мундиръ, какъ чиновники правительства, считаютъ долгомъ ревностно исполнять эту обязанность.

„Чины, кресты, благодарность служатъ для офицера лучшимъ поощренiемъ, нежели денежныя награды, но для тайныхъ агентовъ не имѣютъ такого значенiя, и они нерѣдко служатъ шпiонами за и противъ правительства. Министру полицiи придется путешествовать ежегодно; бывать время отъ времени на большихъ ярмаркахъ, при заключенiи контрактовъ, гдѣ ему легче прiобрѣсти нужныя связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся къ наживѣ.

„Его проницательность подскажетъ ему, что не слѣдуетъ особенно довѣрять кому бы то ни было. Даже правитель канцелярiи его не долженъ знать всѣхъ служащихъ у него и агентовъ.

„Личная выгода и опасенiе лишиться чрезвычайно доходнаго мѣста будутъ ручательствомъ въ вѣрности этого правителя канцелярiи относительно тѣхъ дѣлъ, которыя должны быть извѣстны ему. Гражданскiе и военные министры и даже частныя лица встрѣтятъ поддержку и помощь со стороны полицiи, организованной въ этомъ смыслѣ. Полицiя эта должна употребить всевозможныя старанiя, чтобы прiобрѣсти нравственную силу, которая во всякомъ дѣлѣ служитъ лучшей гарантiей успѣха. Всякiй порядочный человѣкъ сознаетъ необходимость бдительной полицiи, охраняющей спокойствiе общества и предупреждающей безпорядки и преступленiя. Но всякiй опасается полицiи, опирающейся на доносы и интриги. Первая внушаетъ честнымъ людямъ безопасность, вторая же — пугаетъ ихъ и удаляетъ отъ престола.

„Итакъ, первое и важнѣйшее впечатлѣнiе, произведенное на публику этой полицiей, будетъ зависѣть отъ выбора министра и отъ организацiи самого министерства; судя по нимъ, общество составитъ себѣ понятiе о самой полицiи.

„Рѣшивъ это дѣло въ принципѣ, нужно будетъ составить проектъ, который по своей важности не можетъ быть составленъ поспѣшно, но долженъ быть результатомъ зрѣлаго обсужденiя, многихъ попытокъ и даже результатомъ самой практики“. [1]

Кромѣ этого общаго проекта, Бенкендорфъ представилъ потомъ Николаю еще нѣсколько частныхъ, касающихся отдѣльныхъ сторонъ жандармской организацiи, но, къ сожалѣнiю, найти ихъ до сихъ поръ не удалось.

[1] „Русская Старина“, 1900 г., № 12, 615—616. Французскiй подлинникъ проекта напечатанъ Шильдеромъ въ первомъ томѣ его сочиненiя о Николаѣ I; см. стр. 780—781.

III.

Учрежденіе Третьяго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

Мнѣнія Дибича и Толстого относительно проекта Бенкендорфа неизвѣстны, но можно предположить, что въ нихъ содержалось возраженіе на учрежденіе вновь особаго министерства полиціи. Однако, Николай I придавалъ очень большое значеніе осуществленію проекта и потому, рѣшивъ не образовывать министерства полиціи, приголубилъ жандармерію при своей собственной канцеляріи подъ видомъ Третьяго ея Отдѣленія. 24 апрѣля 1826 г. было образовано Второе Отдѣленіе, для составленія свода и кодификаціи законовъ, при чемъ въ рескриптѣ на имя предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Лопухина, Николай высказалъ мысль, что призналъ нужнымъ взять это дѣло въ непосредственное свое вѣдѣніе, „желая сколь можно болѣе удостовѣрить успѣшное его совершеніе". Ясно, что по тѣмъ же мотивамъ при собственной его императорскаго величества канцеляріи открывалось и Третье Отдѣленіе.

Въ день рожденія Николая I, 25 іюня 1826 года, былъ изданъ указъ объ основаніи жандармской полиціи, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго установленія, съ назначеніемъ шефомъ жандармовъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, а указомъ 3 іюля того же года Особая канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ была преобразована въ Третье Отдѣленіе с. е. и. в. канцеляріи, отданное подъ начальство того же Бенкендорфа. 28 апрѣля слѣдующаго года издано „Положеніе" о корпусѣ жандармовъ". [1]

Кругъ вѣдомства Третьяго Отдѣленія опредѣлялся такъ:

1) „всѣ распоряженія и извѣстія по всѣмъ вообще случаямъ высшей полиціи; 2) свѣдѣнія о числѣ существующихъ въ государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ; 3) извѣстія объ открытіяхъ по фальшивымъ ассигнаціямъ, монетамъ, штемпелямъ, документамъ и пр., коихъ разысканіе и дальнѣйшее производство остаются въ зависимости министровъ: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; 4) свѣдѣнія подробныя о всѣхъ людяхъ, подъ надзоромъ полиціи состоящихъ, равно и всѣ по сему предмету распоряженія; 5) высылка и размѣщеніе людей подозрительныхъ и вредныхъ; 6) завѣдываніе наблюдательное и хозяйственное всѣхъ мѣстъ заключенія, въ коихъ заключаются государственные преступники; 7) всѣ постановленія и распоряженія объ иностранцахъ; 8) вѣдомости о всѣхъ безъ исключенія происшествіяхъ; 9) статистическія свѣдѣнія, до полиціи относящіяся. [2]

Какъ немного „пунктовъ" и какъ велико ихъ содержаніе! Въ кругъ вѣ-

[1] Въ 1832 году въ Ц. Польскомъ былъ учрежденъ особый жандармскій корпусъ изъ поляковъ и русскихъ.

[2] „Министерство внутр. дѣлъ," историческій очеркъ, 1902 г., 97.

домства Третьяго Отдѣленія входили дѣла почти всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, исключая министерства двора (учрежденнаго лишь 22 августа 1826 г.) и военнаго; впрочемъ, принимая въ соображеніе п. 8, исключеніе второго врядъ ли не было фикціей. Особенному контролю подвергалось, какъ видно, министерство внутреннихъ дѣлъ. Обращаю вниманіе читателей на полное отсутствіе указаній о роли Третьяго Отдѣленія въ дѣлѣ цензуры: такая роль подразумѣвалась сама собою.

Престижъ главнаго начальника Третьяго Отдѣленія поддерживалъ очень высоко самъ государь. Такъ, напримѣръ, когда Бенкендорфъ, доведя до высочайшаго свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ по вѣдомству путей сообщенія, прибавилъ, что объ этомъ не сообщено главноначальствующему путями сообщенія, такъ какъ онъ не принимаетъ предупрежденій и замѣчаній съ тою благосклонностью, какъ это дѣлаютъ другіе министры,—Николай I собственноручно написалъ на докладѣ: „всѣ министры *обязаны* принимать свѣдѣнія, отъ васъ сообщаемыя; потому ихъ благосклонности вовсе не нужно. [1] По словамъ г. Бартенева, „начальникъ Третьяго Отдѣленія былъ своего рода первымъ министромъ и олицетворялъ собою то единство управленія, о которомъ такъ вздыхали потомъ“ [2]. Дѣйствительно, извѣстно, что Бенкендорфъ былъ твердо увѣренъ, что всѣ бѣды 1825 года являлись прямымъ результатомъ умаленія правъ государя, какъ самодержца, и потому принималъ всѣ мѣры къ ихъ увеличенію.

„Имѣя основною цѣлью своей дѣятельности—читаемъ въ офиціальномъ источникѣ—охраненіе устоевъ русской государственной жизни, Третье Отдѣленіе собств. е. и. в. канцеляріи сосредоточивало преимущественное вниманіе въ разныя эпохи на разныхъ вопросахъ, выбирая тѣ стороны жизни, которыя по обстоятельствамъ даннаго времени получали преобладающее значеніе. Политическая часть въ первые годы царствованія императора Николая Павловича не требовала особенныхъ усилій, потому что почти всѣ революціонные элементы, образовавшіеся въ предшествующую эпоху, были захвачены процессомъ декабристовъ; поэтому дѣятельность Третьяго Отдѣленія по политическому надзору ограничивалась почти исключительно распоряженіями касательно осужденныхъ декабристовъ. Вполнѣ спокойное настроеніе массы общества не подлежало сомнѣнію, но нѣкоторыя отдѣльныя личности и, особенно, кружки молодежи привлекали вниманіе Третьяго Отдѣленія, которое стояло на той точкѣ зрѣнія, что со зломъ надо бороться въ его зародышѣ, такъ какъ отвлеченные разговоры въ тѣсномъ кружкѣ легко могутъ получить распространеніе и перейти въ недопустимые поступки, а тогда неизбѣжно карѣ придется подвергать уже значительно большее количество лицъ [3].

Какъ обширна была компетенція Третьяго Отдѣленія, можно видѣть, между прочимъ, и изъ воспоминаній Н. М. Колмакова. Оказывается, „оно очень часто брало на себя даже судебныя функціи, опредѣляло вины лицъ по дѣламъ не

[1] Ibidem, 100.

[2] „Рус. Арх.“, 1889, VII, 530.

[3] „Министерство внутр. дѣлъ“, 100.

политическаго свойства, брало имущество ихъ подъ свою охрану, принимало по отношенію къ кредиторамъ на себя обязанности администраціи и входило нерѣдко въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, кто и какъ нажилъ себѣ состояніе, и какой кому и въ какомъ видѣ онъ сдѣлалъ ущербъ. Однимъ словомъ, кругъ дѣятельности Третьяго Отдѣленія въ области суда былъ весьма обширенъ". [1] Ознакомленіе съ архивомъ Третьяго Отдѣленія вполнѣ подтверждаетъ это указаніе. Не было стороны въ русской жизни, которая бы избѣгла контроля и вліянія неудобозабываемаго учрежденія. Интересующіеся найдутъ въ воспоминаніяхъ Колмакова не мало фактовъ, иллюстрирующихъ это общее указаніе. „Стремленія сего отдѣленія—продолжаетъ авторъ—съ перваго взгляда казались по тогдашнему для нѣкоторыхъ ограниченныхъ людей похвальны, ибо они имѣли цѣлью оградить гражданъ отъ всякаго могущаго и содѣяннаго зла, но способы и порядки сихъ дѣйствій, не сдерживаемые формами установленнаго суда, для коихъ законы были не пустой звукъ, а святое правило, какъ и слѣдовало ожидать,—были отяготительны, дышали иногда личнымъ произволомъ и навлекали на себя справедливый ропотъ".

Теперь интересно выслушать самого Бенкендорфа. Людьми „склонными къ злоумышленіямъ" онъ почиталъ чуть ли не всѣхъ подданныхъ своего государя. „Число ихъ возросло до ужасающей степени съ тѣхъ поръ, какъ множество французскихъ искателей приключеній, овладѣвъ у насъ воспитаніемъ юношества, занесли въ Россію революціонныя начала своего отечества, и еще болѣе со времени послѣдней войны чрезъ сближеніе нашихъ молодыхъ офицеровъ съ либералами тѣхъ странъ Европы, куда заводили насъ наши побѣды. Никогда не думавъ готовиться къ этому роду службы, я имѣлъ о немъ лишь самое поверхностное понятіе, но благородныя и благодѣтельныя побужденія, давшія поводъ къ этому учрежденію, и желаніе быть полезнымъ новому нашему государю не позволяли мнѣ уклониться отъ принятія образованной имъ должности, къ которой призывало меня высокое его довѣріе.

„Рѣшено было учредить подъ моимъ начальствомъ корпусъ жандармовъ. Всю имперію раздѣлили въ семъ отношеніи на семь округовъ; каждый округъ подчиненъ генералу и въ каждую губернію назначено по одному штабъ-офицеру; дальнѣйшее же развитіе и образованіе новаго установленія было предоставлено времени и указаніямъ опыта. Учрежденное въ то же время Третье Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи представляло подъ моимъ начальствомъ средоточіе этого новаго управленія и вмѣстѣ высшей секретной полиціи, которая, въ лицѣ тайныхъ агентовъ, должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ. Государь, чтобы сдѣлать эту должность болѣе пріятною въ моихъ глазахъ, благоволилъ присоединить къ ней и званіе командующаго своей главной квартиры.

„Я неотложно приступилъ къ дѣлу, и Богъ помогъ мнѣ исполнить новыя

[1] „Рус. Стар.", 1881 г., IX, 190.

Гр. А. Х. Бенкендорфъ.
(Съ портрета у кн. П. А. Демидова).

мои обязанности къ удовольствію государя и не возстановивъ противъ себя общественнаго мнѣнія. Мнѣ удалось дѣлать добро, оказывать многимъ одолженія, открыть много злоупотребленій и, въ особенности, предупредить и отвратить много зла". [1]

Читатель видитъ, какъ тщательно скрываетъ Бенкендорфъ отъ публики свою инициативу въ дѣлѣ созданія новой опричины. Ему понятно также, что званіе командующаго императорской главной квартиры дано Бенкендорфу вовсе не для подслащиванія его личнаго вкуса, а для приданія бо́льшаго вѣса и довѣрія въ глазахъ публики, уже и тогда знавшей цѣну отечественной полиціи...

Кстати упомяну объ очень распространенной легендѣ.

Когда Бенкендорфъ, вступая въ свою новую должность, просилъ у государя руководящей инструкціи для будущей широкой дѣятельности, государь, державшій въ этотъ моментъ въ рукахъ носовой платокъ, протянулъ его удивленному генералу и сказалъ: „Вотъ тебѣ вся инструкція. Чѣмъ больше отрешь слезъ этимъ платкомъ, тѣмъ вѣрнѣе будешь служить моимъ цѣлямъ..."

Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, но тѣмъ не менѣе разсказъ очень характеренъ; думали отирать, а на дѣлѣ вызывали слезы...

Въ отношеніи своихъ подчиненныхъ Бенкендорфъ не ограничился носовымъ платкомъ, а далъ всѣмъ имъ въ самомъ же началѣ инструкцію, которая показываетъ, какъ тщательно скрывали отъ нихъ въ началѣ истинную цѣль новаго учрежденія, надѣясь такимъ способомъ залучить въ ряды синихъ мундировъ лицъ, дѣйствительно заслуживавшихъ общественнаго расположенія, что, въ свою очередь, необходимо было для лучшаго пріема обществомъ несимпатичнаго института шпіоновъ всякаго ранга и чина.

Инструкція эта гласила:

„Стараясь выполнить въ точности высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли государя императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

„1. Обратить особенное ваше вниманіе на могущіе произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

„2. Наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей-либо личной властью и преобладаніемъ сильныхъ лицъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

„3. Прежде, нежели приступить къ обнаруженію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично сноситься и даже предварять начальниковъ и членовъ

[1] *Шильдеръ*, н. с., I, 466.

тѣхъ властей или судовъ или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны, ибо цѣлью вашей должности должно быть, прежде всего, предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла; напримѣръ, дойдутъ ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и дурныхъ поступкахъ молодыхъ людей, предварите о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и вывести ихъ на путь истинный, прежде нежели обнаружить гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

„4. Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила, несомнѣнно, должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который чрезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго гражданина немедленно поставить подъ высочайшую защиту государя императора.

„Сколько дѣлъ, сколько беззаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ, сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностью ближняго, устрашатся приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству его императорскаго величества.

„На таковомъ основаніи вы въ скоромъ времени пріобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего государя.

„5. Вы, безъ сомнѣнія, даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные, или сирые, служащіе безкорыстно вѣрой и правдой, не могущіе снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ, о таковыхъ имѣете доставлять мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю его императорскаго величества: отыскивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ.

„Вамъ теперь ясно открыто, какую ощутительную пользу принесетъ точное и безпристрастное выполненіе вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительности дѣйствія, то, конечно, нѣтъ мѣры наказанію, какому подвергнется чиновникъ, который, чего Боже сохрани, и чего даже помыслить не смѣю, употребитъ во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушитъ предметъ сего отеческаго государя императора учрежденія.

„Впрочемъ, нѣтъ возможности поименовать здѣсь всѣ случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей“. [1]

Читателю, надѣюсь, уже болѣе или менѣе ясно, что въ лицѣ Третьяго Отдѣленія въ русскую жизнь первой половины XIX столѣтія вступала припомаженная, завитая и вычищенная древняя тайная канцелярія. По остроумному выраженію Драгоманова, Благовѣщеніемъ его была обязательность доносовъ при Иванѣ III, а Рождествомъ—опричина Ивана IV... Николай не пожелалъ считаться съ отмѣною „навсегда“ тайной канцеляріи Александромъ I, не говоря уже о Петрѣ III, тоже „навсегда“ уничтожившимъ придворный застѣнокъ... А въ указѣ этого трагически царствовавшаго императора, между тѣмъ, были строки, которыя слѣдовало бы помнить. „Всѣмъ извѣстно,—писалъ отецъ Павла I—что къ учрежденію Тайныхъ разыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ не было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ. Но какъ тайная канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами поносить своихъ начальниковъ и непріятелей. Вышеупомянутая Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся“. [2]

IV.

А. Х. Бенкендорфъ и М. Я. фонъ-Фокъ.

Въ Россіи больше чѣмъ гдѣ-нибудь игнорировался всякій законъ и потому особенно важное значеніе имѣли всегда люди, создававшіе и самые законы и устанавливаемыя ими учрежденія. Вотъ почему необходимо познакомиться съ біографіей и характеромъ перваго начальника III Отдѣленія и его помощника.

Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ родился въ 1783 году. Отецъ

[1] *Шильдеръ*, н. с., I, 468—469. На 781 — 782 страницахъ того же тома напечатана инструкція полковнику Бибикову, которую надо признать менѣе соотвѣтствующею оригиналу, чѣмъ только что приведенную.

[2] *Соловьевъ*, XXV, 16.

его былъ довольно обыкновеннымъ генераломъ временъ Павла I, а мать прибыла въ Россію, изъ Вюртемберга, вмѣстѣ съ императрицею Маріею Ѳедоровною и пользовалась всегда полною ея дружбою и вмѣстѣ съ тѣмъ почти ненавистью самого Павла, называвшаго ее въ минуты своего гнѣва „madame Ziegendrücker“... Сына своего Александра она воспитывала въ іезуитскомъ пансіонѣ аббата Николая, гдѣ перебывали многіе дѣятели первой половины XIX столѣтія, какъ-то: гр. Орловы, Голицыны, Гагарины, Меньшиковы, Строгановы, Вяземскіе и др. На 15-мъ году Бенкендорфъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ и тогда же былъ произведенъ въ прапорщики и пожалованъ въ флигель-адъютанты императора. По настояніямъ Маріи Ѳедоровны молодого офицера очень часто посылали то за границу съ какимъ-нибудь придворнымъ порученіемъ, то внутрь Россіи, то въ армію.

Въ 1813—1815 гг. боевая дѣятельность замѣтно выдвинула храбраго молодого генерала, и въ 1816 г. онъ командовалъ 2-й драгунской дивизіей, а въ 1819 г. назначенъ былъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса и пожалованъ въ генералъ-адъютанты.

Дальнѣйшее прохожденіе службы при Александрѣ I было довольно обыкновенное: государь холодно относился къ начальнику штаба наиболѣе дорогого его сердцу корпуса, несмотря на представленныя имъ двѣ „записки“, а, можетъ быть, и благодаря имъ. Незадолго до отъѣзда Александра въ Таганрогъ въ 1825 году Бенкендорфъ написалъ государю, что очень скорбитъ по поводу постигшей его немилости. „Oserais-je donc supplier humblement Votre Majesté d'avoir la grâce de me faire savoir en quoi j'ai pu avoir le malheur de manquer. Je ne saurais vous voir partir, Sire, avec l'idée accablante d'avoir peut-être démérité les bontés de Votre Majesté Impériale“. [1]

14—16 декабря 1825 г. Бенкендорфъ, приближенный къ себѣ Николаемъ I, командовалъ войсками, расположенными на Васильевскомъ островѣ. [2]

Затѣмъ Бенкендорфъ играетъ видную роль въ слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ. Для глазъ подсудимыхъ онъ велъ себя довольно прилично,

[1] *Шильдеръ*, „Императоръ Александръ Первый“, IV, 472.

„Осмѣлюсь ли я униженно умолять Ваше Величество смилостивиться поставить меня въ извѣстность, въ чемъ я имѣлъ несчастіе провиниться. Я не смогу видѣть Васъ, государь, уѣзжающимъ, съ тягостной мыслью, что, быть можетъ, я заслужилъ немилость Вашего Императорскаго Величества“.

[2] 14 декабря онъ присутствовалъ, по должности генералъ-адъютанта, при утреннемъ одѣваніи Николая I. Предчувствуя опасность, государь ему сказалъ: „сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ, но, по крайней мѣрѣ, мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ“ (*Бар. Корфъ*, „Восшествіе на престолъ имп. Николая I“, 1857 г., 13). 16 января 1826 г. Бенкендорфъ писалъ кн. М. С. Воронцову про государя: „il daigne me traiter avec une bonté toute particulière; ce que je puis lui offrir, c'est un zèle pur et infatigable“ („Архивъ кн. Воронцова“, XXXV, письмо № 110).

„Онъ благоволилъ обращаться со мною съ совершенно исключительной добротой; я могу ему предложить чистое и неутомимое усердіе“.

опасаясь подвергнуться порицаніямъ въ домахъ, хорошо знавшихъ о его прежнихъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ героевъ 14 декабря, но на самомъ дѣлѣ обнаружилъ въ комиссіи большія свои жандармскія способности. Когда же дѣло дошло до приговора, то Бенкендорфъ настаивалъ на преданіи пятерыхъ смертной казни для примѣра... [1] Наглость его особенно бросается въ глаза при прочтеніи слѣдующаго мѣста его „Записокъ“:

„Наконецъ, послѣ пятимѣсячныхъ неусыпныхъ трудовъ, слѣдственная комиссія закрыла засѣданія и передала свое дѣло въ руки правосудія. Государь, желая придать этому дѣлу возможную степень законности и гласности (sic!), приказалъ нарядить для разбора его верховный уголовный судъ изъ членовъ государственнаго совѣта, министровъ, сенаторовъ и еще другихъ почетнѣйшихъ сановниковъ, военныхъ и гражданскихъ, находившихся въ то время въ столицѣ. Никогда въ Россіи не бывало судилища, внушавшаго большее къ себѣ уваженіе и вмѣстѣ пользовавшагося большею независимостью (sic!). Этотъ верховный судъ, ознакомившись съ актами дѣла, назначилъ двѣ комиссіи для подробнаго ихъ разсмотрѣнія и для опроса подсудимыхъ, одного за другимъ: не имѣютъ ли они чего прибавить въ свою защиту, или предъявить какія либо жалобы на произведенное слѣдствіе, либо на кого-нибудь изъ членовъ слѣдственной комиссіи. Всѣ отозвались, что уже истощили всѣ средства къ своему оправданію и могутъ только благодарить за предоставленіе всѣхъ способовъ къ защитѣ (sic!).

„Тогда верховный судъ приступилъ къ обсужденію всей общности заговора и большей или меньшей виновности каждаго изъ участниковъ въ немъ. Всѣ были обличены въ измѣнѣ, большая часть и въ преступномъ умыслѣ противъ жизни монарха и членовъ императорскаго дома; всѣ принесли собственное сознаніе; намѣренія и дѣйствія ихъ были очевидны: оставалось слѣдственно опредѣлить лишь степень вины и приложить къ каждой существующій законъ. Желаніе судей и самого государя клонились къ возможному снисхожденію (sic!). По законамъ и военнымъ и гражданскимъ, всѣ безъ изъятія подсудимые повинны были смерти. Судъ раздѣлилъ преступниковъ на разряды, и государь, по тщательномъ пересмотрѣ сего приговора, только для пятерыхъ утвердилъ смертную казнь. Прочіе были присуждены къ инымъ наказаніямъ, начиная отъ пожизненной каторжной работы до тюремнаго заключенія на нѣсколько мѣсяцевъ. Преступникамъ объявили сперва приговоръ, произнесенный надъ ними по законамъ, потомъ смягченія, дарованныя монаршимъ милосердіемъ“...

Только большая наглость могла позволить Бенкендорфу написать эту ужасную пошлость... Даже такой не въ мѣру сдержанный историкъ, какъ Шильдеръ, не могъ оставить безъ оцѣнки эту тираду и нашелъ, что „трудно въ немногихъ строкахъ высказать взглядъ, менѣе согласный съ истиннымъ положеніемъ дѣла“. [2]

Не лучше и другое мѣсто „Записокъ“, написанное Бенкендорфомъ послѣ присутствованія при совершеніи самой смертной казни:

[1] *А. О. Смирнова*, „Записки“, 89.

[2] *Шильдеръ*, н. с., I, 440—441.

„Меня влекло къ тому не одно любопытство, но и состраданіе: то были большею частью молодые люди, дворяне хорошихъ фамилій; многіе изъ нихъ прежде служили со мною, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, князь Волконскій, были непосредственно моими товарищами. У меня щемило сердце; но вскорѣ чувство сожалѣнія, возбужденное во мнѣ мыслію объ ударѣ, поразившемъ столько семействъ, уступило мѣсто негодованію и омерзѣнію. Грязныя и неумѣстныя рѣчи и шутки этихъ несчастныхъ свидѣтельствовали и о глубокой нравственной ихъ порчѣ, и о томъ, что сердца ихъ недоступны ни раскаянію, ни чувству стыда“...

6 декабря 1826 года Бенкендорфъ былъ пожалованъ въ сенаторы и щедро одаренъ 25,000 десятинъ земли въ Бессарабской губерніи въ вѣчное и потомственное владѣніе. [1]

По этому поводу баронъ Корфъ замѣчаетъ, что никакія милости „не могли сдѣлать изъ благороднаго и достойнаго, но обыкновеннаго человѣка—генія“.

„Вмѣсто героя прямоты и праводушія, онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно-добрымъ человѣкомъ, подъ именемъ котораго совершалось, на ряду со многимъ добромъ, и не мало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностью, которыя многократно давали поводъ къ разнымъ анекдотамъ, очень забавнымъ для слушателей или свидѣтелей, но отнюдь не для тѣхъ, кто бывалъ ихъ жертвою, наконецъ, безъ мѣры преданный женщинамъ, онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ, и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ государственномъ совѣтѣ, я,—говоритъ баронъ Корфъ,—ни единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу, хотя многія приходили отъ него самого, а другія должны были интересовать его лично. Часто случалось, что онъ послѣ засѣданія, въ которомъ присутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня, чѣмъ рѣшено такое-то изъ внесенныхъ имъ представленій, какъ бы его лица совсѣмъ тутъ и не было.

„Однажды въ государственномъ совѣтѣ министръ юстиціи, графъ Панинъ, произносилъ очень длинную рѣчь. Когда она продолжалась уже съ полчаса, Бенкендорфъ обернулся къ сосѣду своему, графу Орлову, съ восклицаніемъ:

— Sacré Dieu, voilà ce que j'appelle parler! [2]

— Помилуй, братецъ, да развѣ ты не слышишь, что онъ полчаса говоритъ противъ тебя!

— Въ самомъ дѣлѣ? — отвѣчалъ Бенкендорфъ, который тутъ только понялъ, что рѣчь Панина есть отвѣтъ и возраженіе на его представленіе.

[1] Всѣ эти данныя біографіи несомнѣнно устанавливаются изъ многихъ, иногда противорѣчивыхъ, источниковъ: *К. Б.*, „Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ“, Спб., 1841 г.; *В. Квадри и М. Соколовскій*, „Краткій историч. обзоръ Имп. Главн. Квартиры“, II, Спб., 1902 г.; *М. Морошкинъ*, „Іезуиты въ Россіи“, II; „Изъ Записокъ бар. М. А. Корфа“, „Рус. Стар.“, 1899 г., XII и др.

[2] „Чортъ, возьми! Вотъ такъ рѣчь!“

„Черезъ пять минутъ, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: à présent adieu, il est temps que j'aille chez l'Empereur [1] и оставилъ другимъ членамъ распутывать споръ его съ Панинымъ по ихъ усмотрѣнію.

„Подобные анекдоты бывали съ нимъ безпрестанно, и отъ этого онъ нерѣдко вредилъ тѣмъ, кому имѣлъ намѣреніе помочь, послѣ самъ не понимая, какъ случилось противное его видамъ и желанію. Должно еще прибавить, что при очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ, и при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, *онъ имѣлъ самое лишь поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамоты не зналъ порядочно*, чему могутъ служить свидѣтельствомъ всѣ сохранившіеся французскіе и нѣмецкіе автографы его и его подпись на русскихъ бумагахъ, въ которой онъ только въ самые послѣдніе годы своей жизни пересталъ, вѣроятно, по добросовѣстному намеку какого-либо приближеннаго, писаться „покорнѣйшей слуга". [2]

„Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣренно не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе соотвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: *ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія или высшихъ взглядовъ*. Словомъ, какъ онъ былъ человѣкъ болѣе отрицательно-добрый, такъ и польза отъ него была исключительно отрицательная: та, что мѣсто, облеченное такою огромною властью, занималъ онъ съ парализировавшею ее апатіею, а не другой кто, не только менѣе его добрый, но и просто стремившійся дѣйствовать и отличиться...

„Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что лѣтъ двѣнадцать или болѣе графъ Бенкендорфъ былъ однимъ изъ людей, наиболѣе любимыхъ императоромъ Николаемъ, не только по привычкѣ, но и по уваженію въ немъ, при всѣхъ слабостяхъ, чувствъ неограниченно преданнаго, истиннаго джентльмэна, кроткаго и ровнаго характера, всегда искавшаго болѣе умягчать, нежели раздражать пылъ своего монарха. Справедливо и то, что во время болѣзни его въ 1837 году императоръ Николай проводилъ у его постели цѣлые часы и плакалъ надъ нимъ, какъ надъ другомъ и братомъ". [3]

Все только-что сказанное пріобрѣтаетъ тѣмъ большую цѣну, что бар. Корфъ

[1] Теперь прощай, мнѣ пора идти къ государю.

[2] Безграмотность Бенкендорфа на французскомъ языкѣ тоже поистинѣ удивительна. Вотъ, напримѣръ, его помѣта на письмѣ Пушкина, въ которомъ поэтъ проситъ ходатайствовать у государя о ссудѣ ему крупной суммы. Было отпущено 10,000 руб. Помѣта графа: „l'Empereur lui propose 10,000 roubles et 6 moi (!) de congé au bout de quel (!) il voira (!) s'il doit prendre son conge ou non" („императоръ предлагаетъ ему 10,000 руб. и 6-мѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ—подать ему въ отставку или нѣтъ"). Ниже читатель увидитъ еще много подобныхъ примѣровъ.

[3] „Изъ записокъ барона М. А. Корфа", „Рус. Стар.", 1899 г., XII, 484—488. Курсивъ мой.

справедливо прибавляетъ: „считаю долгомъ замѣтить здѣсь, что отношенія ко мнѣ графа были всегда самыя пріязненныя, и между нами не случилось ни одной непріятности: слѣдственно, въ этомъ очеркѣ его портрета я руководствуюсь не какимъ-либо предубѣжденіемъ противъ него, а однимъ голосомъ истины, можетъ быть, даже еще съ нѣкоторымъ послабленіемъ въ его пользу“. Показанію бар. Корфа объ умственной ограниченности Бенкендорфа совершенно не противорѣчитъ то, что въ 1816—18 гг. Бенкендорфъ былъ членомъ масонской ложи „Соединенныхъ Друзей“: извѣстно, что въ ложахъ собирались люди самаго различнаго свойства, отъ мистиковъ до шпіоновъ включительно. Любопытно лишь, что одновременно съ нимъ членами ложи состояли Чаадаевъ, Грибоѣдовъ и Пестель... [1]

Отношенія Николая I къ Бенкендорфу были настолько близки, что, напримѣръ, во время болѣзни Бенкендорфа, въ 1837 г., когда тотъ находился въ своемъ имѣніи Фаллѣ, государь не называлъ его въ письмахъ иначе, какъ „мой милый другъ“ (mon cher ami), а подписывался неизмѣнно: „на всю жизнь любящій васъ Николай („A vous pour la vie, votre tendrement affectionné Nicolas“. [2] Когда больной переѣхалъ въ Петербургъ, Николай I навѣщалъ его по два раза въ день. [3] Надо ли говорить, что дворцовая аристократія спѣшила быть угодною государю и при малѣйшей болѣзни Бенкендорфа бросалась къ нему опрометью съ своимъ поддѣльнымъ участіемъ. [4]

Въ теченіе многихъ лѣтъ, до болѣзни въ 1837 году, Бенкендорфъ былъ неизмѣннымъ спутникомъ Николая I во всѣхъ его поѣздкахъ и путешествіяхъ, занимая при этомъ всегда сосѣднее съ государемъ мѣсто въ коляскѣ. Ему довѣрялись вещи, никому другому не поручавшіяся. Такъ, напримѣръ, Николаю неоднократно жаловались на несдержанность его брата Михаила, не знавшаго удержу въ моменты вспыльчивости и горячности, вызывавшихся самыми мелочными упущеніями по строевой службѣ ввѣренныхъ ему чиновъ гвардейскаго корпуса. Государь однажды приказалъ Бенкендорфу переговорить объ этомъ съ великимъ княземъ... Михаилъ Павловичъ стихъ, затаивъ злобу противъ всесильнаго царедворца. Впрочемъ, не одинъ великій князь питалъ къ нему этого рода чувства. Въ письмѣ Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ марта 1827 года находимъ такое мѣсто: „Но лишь бы была польза, а я во всемъ утѣшусь, потому что моя единственная цѣль—благо, но трудно дѣйствовать; съ каждымъ днемъ гнѣвъ высшихъ чиновниковъ, а именно генералъ-губернаторовъ обѣихъ столицъ, растетъ противъ меня по той причинѣ, что общественное мнѣніе высказывается за учрежденіе высшей охранительной полиціи и, осмѣлюсь сказать, за то, какъ я руковожу ею. Пока только окажется возможнымъ, я оберегу императора отъ какихъ бы то ни было непріятностей, я посѣдѣю отъ этого, но никогда не стану жаловаться; когда интриги превзойдутъ мѣры моего терпѣнія, я попрошу мѣсто моего

[1] *Пыпинъ*, „Обществ. движеніе въ Россіи при Алекс. I“, изд. 3-е, 1900, 318.
[2] „Рус. Арх.“, 1884 г., I.
[3] „Рус. Стар.“, 1883 г., X, 162, 164.
[4] „Дневникъ П. Г. Дивова“, „Рус. Стар.“, 1900 г. XI, 488.

брата во главѣ какой-либо кавалерійской части, тамъ, по крайней мѣрѣ, когда гремятъ орудія, интрига остается позади фронта". [1]

Силу Бенкендорфа прекрасно видѣли и потому снаружи всегда окружали его полнымъ вниманіемъ, почетомъ и лестью, лестью безъ конца. До чего шефъ жандармовъ привыкъ къ окружавшему его низкопоклонничеству, можно судить по такому факту. Пріѣхавъ какъ-то въ Вѣну, онъ приказалъ кн. А. М. Горчакову, тогда старшему совѣтнику нашего посольства, заказать хозяину отеля обѣдъ для себя, и очень былъ взбѣшенъ отказомъ князя принять роль лакея. За это бывшій впослѣдствіи канцлеръ отмѣчался въ спискахъ Третьяго Отдѣленія, какъ „нелюбящій Россію". [2]

Только самъ Бенкендорфъ могъ воображать, что все поклоненіе, какимъ его окружали, искренне и относится къ его личнымъ заслугамъ и качествамъ. Очень смѣшно читать въ его „Запискахъ", какъ онъ расхваливаетъ самого себя, растроганный „общимъ вниманіемъ" къ его болѣзни въ 1837 году. Онъ дѣйствительно, повидимому, былъ увѣренъ, что являлся „едва-ли не первымъ изъ всѣхъ начальниковъ тайной полиціи міра, смерти котораго страшились и котораго не преслѣдовали на краю гроба ни одною жалобою". [3]

Могъ ли такой начальникъ Третьяго Отдѣленія, какимъ намъ нарисовалъ его бар. Корфъ, пользоваться неподдѣльной популярностью, которую ему старались придать его льстецы? Какъ принималъ онъ ту „толпу", которая якобы лѣзла въ двери узнать о его здоровьѣ? Какъ относился онъ къ ея бѣдамъ и злоключеніямъ? Кромѣ отвѣтовъ бар. Корфа, приведу еще одинъ, человѣка, близко стоявшаго къ графу по службѣ: „Зная графа, мы хорошо знали всю безполезность пріемовъ его. Онъ слушалъ ласково просителя—*ничего не понимая*; прошенія онъ никогда, конечно, уже не видалъ; но публика была очень довольна его ласковостью, терпѣніемъ и утѣшительнымъ словомъ". [4]

Панегиристъ Бенкендорфа—Н. И. Гречъ, все-таки, называетъ его „безтолковымъ царедворцемъ", „добрымъ, но пустымъ", „безтактнымъ". [5]

„Наружность шефа жандармовъ—говоритъ Герценъ—не имѣла въ себѣ ничего дурного; видъ его былъ довольно общій остзейскимъ дворянамъ и вообще нѣмецкой аристократіи. Лицо его было измято, устало, онъ имѣлъ обманчиво добрый взглядъ, который часто принадлежитъ людямъ уклончивымъ и апатическимъ. Можетъ, Бенкендорфъ и не сдѣлалъ всего зла, которое могъ сдѣлать, будучи начальникомъ этой страшной полиціи, стоящей внѣ закона и надъ закономъ, имѣвшей право мѣшаться во все,—я готовъ этому вѣрить, особенно вспоминая прѣсное выраженіе его лица,—*но и добра онъ не сдѣлалъ*, *на это у*

[1] *Шильдеръ*, н. с., II, 37—38.

[2] Указаніе на это, между прочимъ, находимъ въ „Рус. Стар." 1894 г., 43; „Рус. Арх." 1889, VII, 530 и пр.

[3] „Истор. Вѣстн." 1903 г., II.

[4] Записки Э. И. Стогова, „Рус. Стар.", 1903 г., V, 312.

[5] „Записки о моей жизни", Спб. 1886 г., 327, 331, 381.

него не доставало энергіи, воли, сердца. Робость сказать слово въ защиту гонимыхъ стоитъ всякаго преступленія на службѣ такому холодному, безпощадному человѣку, какъ Николай. Сколько невинныхъ жертвъ прошли его руками, сколько погибли отъ невниманія, отъ разсѣянія, оттого, что онъ занятъ былъ волокитствомъ,—и сколько, можетъ, мрачныхъ образовъ и тяжелыхъ воспоминаній бродили въ его головѣ и мучили его на томъ пароходѣ, гдѣ, преждевременно опустившійся и одряхлѣвшій, онъ искалъ въ измѣнѣ своей религіи заступничество католической церкви, съ ея всепрощающими индульгенціями". [1]

Какъ же Бенкендорфъ относился къ литературѣ?

Конечно, не иначе, чѣмъ къ просвѣщенію вообще. А послѣднее онъ считалъ вреднымъ для Россіи и находилъ, что намъ „не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнулъ тогда на ослабленіе ихъ власти". [2] Это не мѣшало Бенкендорфу считать себя „sehr gebildet"... Такимъ образомъ, Бенкендорфъ оказывался вѣрнымъ хранителемъ и защитникомъ той политической системы, которая отмѣчаетъ всю нашу вторую четверть XIX столѣтія. По справедливому замѣчанію Смирновой, этому жандарму „хотѣлось бы совсѣмъ упразднить русскую литературу".

На этомъ можно бы и остановиться, если бы мы не имѣли одного свидѣтеля, цѣнность и искренность показаній котораго нельзя игнорировать. Я говорю о кн. С. Г. Волконскомъ. Что Бенкендорфа всячески восхваляютъ Гречъ и ему подобные—это понятно; но мнѣніе Волконскаго иного порядка. Какъ мы уже видѣли, князь категорически утверждаетъ, что Бенкендорфъ былъ „мыслящій и впечатлительный человѣкъ". Далѣе, онъ называетъ его „чистой душой" и „*свѣтлымъ умомъ*", говоритъ, что они были въ тѣсной дружбѣ. Какъ примирить все это съ приведеннымъ выше, наконецъ, съ самимъ Волконскимъ? Объясненіе, мнѣ кажется, просто. Прежде всего, князь говоритъ о Бенкендорфѣ до 1825 года, когда, съ одной стороны, онъ самъ былъ еще молодъ и недостаточно опытенъ въ опредѣленіи людей, съ другой—и Бенкендорфъ, можетъ быть, не былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ впослѣдствіи, упоенный властью и почетомъ. Во-вторыхъ,—и это самое главное—могъ ли Волконскій не цѣнить человѣка, хорошо себя державшаго, по крайней мѣрѣ наружно,—въ отношеніи декабристовъ—своихъ друзей и пріятелей? Могъ ли онъ, преслѣдуемый жизнью, не оцѣнить потомъ выше стоимости тѣ мелкія услуги, какія оказывалъ ему и другимъ Бенкендорфъ, этотъ всесильный человѣкъ, имѣвшій возможность надѣлать всякихъ непріятностей? Сынъ кн. С. Г. Волконскаго въ своемъ „послѣсловіи" прямо даетъ ключъ для такой разгадки; онъ говоритъ: „добрую память оставилъ по себѣ и генералъ Бенкендорфъ, всегда прямой и вѣжливый, хотя входящій во всѣ подробности пока-

[1] „Былое и думы", IV, 1879 г., 178. Намекъ на общеизвѣстный тогда разсказъ о переходѣ его въ католичество, благодаря чарамъ одной петербургской львицы.

[2] *Шильдеръ*, н. с., II, 287.

заній". [1] Вотъ тѣ главныя соображенія, которыя не даютъ намъ права измѣнить высказанное мнѣніе о Бенкендорфѣ.

Теперь нѣсколько словъ о первомъ непосредственномъ его помощникѣ Максимѣ Яковлевичѣ фонъ-Фокѣ, занявшемъ должность директора канцеляріи III Отдѣленія. [2] Свѣдѣнія о немъ очень не велики. Однако, общій отзывъ, что это былъ „человѣкъ несомнѣнно образованный и свѣтскій".

Находясь въ началѣ своей службы по полиціи подъ руководствомъ мастера этого дѣла, де-Санглена, Фокъ быстро выдвинулся въ глазахъ начальства и долго занималъ должность директора Особенной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ. Оттуда онъ и былъ переведенъ въ III Отдѣленіе.

„Обширное знакомство и связи въ высшемъ обществѣ Петербурга давали ему возможность видѣть и знать, что дѣлалось и говорилось въ средѣ тогдашней аристократіи, въ литературныхъ и прочихъ кружкахъ населенія столицы. Въ помощь ему, для наблюденія за настроеніемъ другихъ классовъ населенія столицы, завербованы были разные агенты, какъ стоявшіе на службѣ „надзора", такъ и дѣйствовавшіе con amore, какъ они увѣряли, подъ вліяніемъ чистой идеи безкорыстнаго служенія интересамъ родины... Въ числѣ этихъ агентовъ попадались иногда и люди большого свѣта; были литераторы, и весьма плодовитые, бывали дамы и дѣвицы, вращавшіяся въ высшихъ слояхъ общества и, по всей вѣроятности, служившія „надзору" изъ побужденій не менѣе благородныхъ..." [3]

Бенкендорфъ очень цѣнилъ Фока, какъ прекраснаго работника, и полагался на него вполнѣ.

Послѣ смерти Фока въ 1831 году Пушкинъ занесъ въ свою записную книжку: „Надняхъ скончался въ Петербургѣ фонъ-Фокъ, начальникъ III отдѣленія государевой канцеляріи (тайной полиціи), человѣкъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: „J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer. [4] Вопросъ, кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другого вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей. [5]

Что касается другихъ чиновниковъ III Отдѣленія, то мы уже знаемъ, что ихъ стремились вербовать изъ среды высшей аристократіи. По этому поводу очень интересенъ разсказъ кн. П. М. Голенищева-Кутузова-Толстого:

„Въ 1825 г. я состоялъ адъютантомъ при ген.-адъют. Бенкендорфѣ, начальникѣ 1-й гвардейской кирасирской дивизіи. Вскорѣ послѣ драмы 14 декабря, прихожу я къ нему съ докладомъ, какъ старшій адъютантъ этой дивизіи. Первыя его слова были: „здравствуйте, господинъ жандармскій офицеръ!"—Я не могъ этого принять иначе, какъ въ шутку, такъ какъ еще не зналъ о назначеніи его

[1] „Записки кн. С. Г. Волконскаго", 452.

[2] Шильдеръ называетъ его ошибочно Михаиломъ Максимовичемъ.

[3] „Рус. Стар.", 1881, IX, 165—166.

[4] „Я потерялъ Фока; могу только оплакивать его и жалѣть, что не могъ его любить".

[5] „Сочиненія", 1903, V, 577.

шефомъ жандармовъ, и когда я, удивленный, ему сказалъ, что на мнѣ кавалергардскій мундиръ, а не жандармскій, который виденъ всегда при разъѣздахъ публики, онъ мнѣ сказалъ: „я самъ буду носить этотъ мундиръ и хочу, чтобъ и вы носили его“. Я ему отвѣчалъ: „ваша служба уже извѣстна всей Россіи, и вы можете возстановить и облагородить этотъ мундиръ въ глазахъ націи; мнѣ же, въ моихъ лѣтахъ (мнѣ было 25 лѣтъ), въ моемъ чинѣ невозможно начинать военной карьеры жандармомъ“.—„Итакъ, мы разстаемся“, сказалъ Бенкендорфъ. На другой же день я привезъ ему прошеніе объ увольненіи моемъ отъ должности адъютанта при немъ и о поступленіи въ полкъ. Но Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что я могу оставить это прошеніе при себѣ и что я остаюсь при немъ въ прежней должности. Послѣ я узналъ, что фраза Бенкендорфа: „здравствуйте, господинъ жандармскій офицеръ“, была выраженіемъ желанія самого императора. Изъ разговора съ Бенкендорфомъ мнѣ стала ясна цѣль императора Николая Павловича. Учреждая жандармскую полицію, онъ хотѣлъ прежде всего показать обществу, насколько важна и благородна цѣль этого учрежденія; лучшія фамиліи и приближенныя лица къ государю должны были стоять во главѣ этого учрежденія. Укажу на нѣкоторыхъ, которые были назначены въ помощники къ Бенкендорфу: ген. Балабинъ, ген. графъ Апраксинъ, генералъ Волковъ и многіе другіе“. [1]

Но кромѣ такихъ офиціальныхъ лицъ, Третье Отдѣленіе стремилось всегда къ созданію большого кадра жандармовъ-волонтеровъ, комплектуя ихъ изъ людей, занимавшихъ болѣе или менѣе видное положеніе въ обществѣ, или, наоборотъ, изъ тѣхъ подонковъ, представители которыхъ охотно жандармствуютъ за спорадическія подачки въ видѣ благодарности за каждую отдѣльную оказанную ими услугу.

Въ этомъ отношеніи очень любопытенъ разсказъ г. Есакова, относящійся къ 1839 году. Дѣдъ его, генералъ Есаковъ, былъ тогда только что назначенъ комендантомъ Вильны. Поспѣшно отправляясь къ мѣсту своего новаго служенія, генералъ просилъ Бенкендорфа, по настоянію котораго имъ было получено новое назначеніе, оказать всякое содѣйствіе своей женѣ по переѣзду ея въ незнакомый городъ. Когда Есаковой пора уже было уѣзжать, она письменно напомнила Бенкендорфу о просьбѣ мужа. „Черезъ часъ по отправленіи ею этого письма графъ прибылъ къ ней лично. Любезно расшаркиваясь и цѣлуя ей ручку, онъ заявилъ, что имъ уже сдѣланы нужныя распоряженія, чтобы путешествіе показалось ей не длиннымъ и пріятнымъ. Вездѣ на станціяхъ, по отданному имъ приказанію, въ распоряженіе бабушки предоставлялись царскіе покои и, кромѣ того, курьеръ долженъ былъ сопровождать ее до самой Вильны. Затѣмъ графъ сталъ говорить ей о томъ, въ какомъ положеніи находится Сѣверо-Западный край, о сильномъ броженіи въ немъ умовъ, о тамошнемъ обществѣ и о томъ, какую она, по положенію своего мужа, должна играть роль въ столицѣ Литвы. Коснувшись этого

[1] „Рус. Арх“, 1883 г. I, 231. Нельзя не напомнить по этому поводу одной остроты А. П. Ермолова: „теперь у каждаго или голубой мундиръ, или голубая подкладка, или хоть голубая заплатка“.

предмета, онъ очень ловко перешелъ къ главной цѣли своего посѣщенія и сталъ доказывать бабушкѣ, что, независимо отъ общественнаго своего положенія, она, пользуясь этимъ положеніемъ, можетъ, какъ русская, оказать большую услугу отечеству, сообщая секретно ему, гр. Бенкендорфу, все, что ей покажется тамъ въ салонныхъ кружкахъ достойнымъ его вниманія.

— „En un mot,—закончилъ онъ свою рѣчь,—vous pouvez être, madame, d'une grande utilité au gouvernement et... à la troisième section...“ [1]

„Какъ ни молода и неопытна была въ то время бабушка, но тутъ она сразу поняла, въ чемъ дѣло и чего отъ нея добивается грозный начальникъ Третьяго Отдѣленія. Она встала, сдѣлала реверансъ и сказала:

— „M-r le comte, je ne vous connais que comme un cavalier de salon et je me sens trop bête pour vous être utile en quelque chose dans votre rôle d'homme d'état“. [2]

Такихъ приглашеній начальники Третьяго Отдѣленія дѣлали не мало и не всегда терпѣли неудачу...

V.

Свобода печати въ сознаніи николаевскаго общества.

Вотъ какому учрежденію (и съ какими людьми) предстояло играть столь важную и часто рѣшающую роль въ судьбахъ русской литературы второй четверти прошлаго столѣтія.

Николай I не признавалъ литературы, какъ таковой, т.-е. свободной и независимой. Литература должна была быть вѣрной и покорной слугой его режима, постоянно точнымъ барометромъ потребностей царской политики. Литераторъ не могъ быть свободнымъ и независимымъ уже потому, что въ Россіи вовсе не было такихъ людей. Каждый долженъ былъ, если хотѣлъ хоть какой-нибудь защиты закона и властей, числиться на извѣстной службѣ, состоять при извѣстномъ департаментѣ. „Интеллигентныхъ профессій“ не существовало. Все для и отъ государства. И писатель, числившійся на службѣ, чувствовалъ это: его литературныя произведенія не могли подвергаться уничтожающей критикѣ, потому что правительство сейчасъ же принимало ее на себя, полагая необходимымъ защиту своего представителя. Общественное мнѣніе не существовало, по крайней мѣрѣ, гласно

[1] „Однимъ словомъ, вы можете быть очень полезны правительству и... III Отдѣленію“.

[2] „Русская Старина“, 1881 г. № 7, 496—497.

„Графъ, я знаю Васъ только какъ свѣтскаго человѣка и чувствую себя очень глупой, чтобы быть Вамъ полезной чѣмъ бы то ни было въ Вашей роли государственнаго человѣка“.

и открыто: общество не признавалось существующимъ. Были общества, гостиныя, салоны и мнѣнія обществъ, гостиныхъ и салоновъ, но не было общественнаго мнѣнія. Вся пресса сводилась къ нѣсколькимъ газетамъ и журналамъ, издатели которыхъ не могли не имѣть какого-либо служебнаго положенія или сильнаго покровительства. Они хорошо знали, что̀ влекло за собой самое незначительное не только нарушеніе цензурнаго закона, но и просто расхожденіе въ мнѣніяхъ на тотъ или другой вопросъ съ правительствомъ или его отдѣльными представителями... Все, что было напечатано на территоріи Россійской державы, все разсматривалось, какъ общая принадлежность всѣхъ ея подданныхъ, а отнюдь не какъ мнѣніе автора или редакціи. Авторовъ и редакцій не признавалось, въ печати могло быть выражаемо только вполнѣ соотвѣтствовавшее видамъ правительства, и это-то и называлось иногда даже въ офиціальныхъ актахъ „общественнымъ" или, какъ тогда выражались, „общимъ мнѣніемъ". Никакая книга или статья не могла появиться въ свѣтъ, если она была хоть сколько-нибудь индивидуальна. Все подъ ранжиръ, все подъ стрижку на николаевскомъ барабанѣ, который аккомпанировалъ только одной руладѣ:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый россъ...

И сознаніемъ принципа такого насилованія литературы были проникнуты не только государь и мало образованные его помощники, но и лучшіе члены правительства того времени. Кто не знаетъ порядочности, ума и государственныхъ способностей адмирала Н. С. Мордвинова. А между тѣмъ и онъ не разъ жаловался на литературу. Въ этомъ отношеніи особенно характерно его письмо къ министру народнаго просвѣщенія отъ 28 августа 1841 года:

„Александръ Семеновичъ Шишковъ, покойный другъ мой и предмѣстникъ Вашего Высокопревосходительства, принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ воспоминаніе безсмертно заслугами отечеству, и самъ Государь Императоръ почтилъ его погребеніе своимъ присутствіемъ. Между тѣмъ, въ одномъ повременномъ изданіи (на которое обратилъ я вниманіе только потому, что оно называется „Отечественными Записками"), сверхъ многихъ нелѣпостей, служащихъ къ развращенію вкуса, ума и нравственности возрастающаго поколѣнія, какъ-то, что *„грѣхъ состоитъ въ сознаніи грѣха"* („Отеч. Зап." № 8, критика, стр. 31), я нашелъ, къ удивленію, дерзкій отзывъ объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ, что *„никто"* не слушалъ даже и тѣхъ его замѣчаній, которыя были дѣльны, что *онъ не понималъ*, что славянскія и вообще старинныя книги могутъ быть предметомъ изученія, но *„отнюдь не наслажденія"*, что, наконецъ, *„онъ думалъ, что дамы не люди"* (1841 г. № 7, іюль, критика, стр. 7). Безъ сомнѣнія, такого отзыва не допустилъ бы сдѣлать о себѣ цензоръ, пропустившій сіи строки; до какой же степени могутъ быть терпимы подобныя выходки тогда, когда правительствомъ воспрещаются всякія личности, я съ глубокимъ прискорбіемъ оставляю на благоразсмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, но тѣмъ не менѣе почитаю дол-

гомъ обратить Ваше вниманіе на журналъ, колеблющій коренное основаніе благоустройства: согласныя съ вѣрою понятія о нравственности и уваженіе къ личности гражданина и человѣка". [1]

Вотъ каковы были взгляды на обязанности литературы у лучшихъ людей николаевскаго правительства...

По установившемуся въ нашей литературѣ шаблону принято думать, что съ такимъ правительствомъ современное ему общество вело постоянную борьбу не на животъ, а прямо на смерть; что были два воюющихъ лагеря, безъ какихъ бы то ни было массовыхъ перебѣжчиковъ, особенно изъ второго въ первый; что понятіе свободы печати такъ же старо, какъ солнце и любовь...

Надо ли говорить, насколько неисторична такая точка зрѣнія. Достаточно оглянуться кругомъ теперь, по прошествіи болѣе полустолѣтія, чтобы увидѣть всю вздорность такого шаблона. Развѣ еще теперь мы не имѣемъ въ самомъ обществѣ враговъ свободы печати? Развѣ предѣлы этой свободы одинаковы въ представленіи всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности? Развѣ мы не имѣемъ доносчиковъ явныхъ и тайныхъ на тѣ или другія литературныя преступленія?.. Разумѣется, понятіе свободы печати, какъ часть понятія о политической свободѣ вообще, должно было пройти и еще пройдетъ нѣсколько фазисовъ, чтобы стать однообразнымъ въ общемъ представленіи массы — немногочисленныя исключенія будутъ, вѣроятно, всегда.

Дѣйствительно, историческое изученіе судебъ русской общественности и литературы въ частности, наоборотъ, убѣждаетъ насъ прежде всего въ томъ, что иногда, въ тѣ времена, когда надъ всѣмъ царствовалъ желѣзный николаевскій режимъ, не только представители этого послѣдняго, но и самого цензурнаго вѣдомства имѣли на свободу печати болѣе либеральный взглядъ, чѣмъ нѣкоторые писатели и ученые. Они нерѣдко защищали право критики и право собственнаго мнѣнія на каждое изъ явленій жизни и литературы. И историки нашей цензуры приводили такіе факты, не понимая ихъ истиннаго значенія, или, что еще менѣе научно — понимая и считая неловкимъ сказать это вслухъ, полагая, что принятый шаблонъ: — правительство неизмѣнно душило литературу, всегда жадно рвавшуюся впередъ — единственно правильный методъ исторической работы...

Между тѣмъ, куда же поставить, напримѣръ, извѣстныя пушкинскія „посланія цензору"? Въ 1824 году двадцатипятилѣтній поэтъ, обращаясь къ Церберу литературы, говоритъ:

Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной—
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У насъ писатели, я знаю каковы;
Ихъ мыслей не тѣснитъ цензурная расправа,
И чистая душа передъ тобою права.
. . . .
. . . .

[1] Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 6735.

Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный!
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
. . . .
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
Когда невѣжества несла Россія бремя;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.

А во второмъ посланіи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе стихи:

Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ у тебя,
Чтобъ, всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно. [1]

Развѣ изъ этихъ выдержекъ не видно, что Пушкинъ, человѣкъ такъ любившій свободу, и поэтъ, такъ дорого цѣнившій отсутствіе оковъ, несомнѣнно признавалъ необходимость цензуры? И такимъ онъ оставался и потомъ, когда страдалъ отъ нея на каждомъ шагу. А надо ли говорить, насколько впереди многихъ своихъ современниковъ шелъ этотъ гигантъ.

Когда, десять лѣтъ спустя послѣ сочиненія процитированныхъ „посланій цензору“, былъ закрытъ передовой журналъ своего времени „Московскій Телеграфъ“, Пушкинъ писалъ: „Телеграфъ запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу. (Выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: „я радъ, что Телеграфъ запрещенъ, хотя жалѣю, что его запретили“. Телеграфъ достоинъ былъ участи своей: мудрено съ большей наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска“. [2]

Далѣе, развѣ самое нахожденіе массы писателей николаевскаго времени въ рядахъ цензоровъ (Сенковскій, Аксаковъ, Вяземскій, Глинка, Тютчевъ, Никитенко, Очкинъ и др.) не служитъ разительнымъ доказательствомъ отсутствія у нихъ глубокаго убѣжденія въ необходимости свободы печати? Среди нихъ не всѣ были людьми недостойными, сознательно шедшими на компромиссъ ради казеннаго жалованья.

И этому нечего удивляться; еще менѣе можно негодовать по адресу писателей, не сознававшихъ того, что неясно всѣмъ еще и теперь. Къ фактамъ подобнаго рода надо относиться научно, исторически и понимать, что все это такъ и *должно* было быть, что *не могло* быть иначе. Только при свѣтѣ этого убѣжденія мыслимо научное изученіе роста русской литературы, роста самосознанія

[1] „Сочиненія“, изд. 1903 г. подъ ред. П. А. Ефремова, 1, 523—530.
[2] Ibidem, V, 645.

М. Я. фонъ-Фокъ.

(«Альбомъ Пушкинской выставки», М. 1899).

и стремленія къ свободѣ, предѣлы которой все время расширяются въ общемъ сознаніи, а не даны разъ навсегда отлитой формой.

Страшное закрѣпощеніе человѣка и подчиненіе гражданина во всемъ государству николаевскаго склада не могло не создать крѣпостническихъ душъ и умовъ.

Отъ требованій цензуры на свои собственныя произведенія, отъ сознанія необходимости ея въ видахъ государственности одинъ шагъ до добровольнаго ея насажденія, одинъ шагъ до доносительства всякаго рода. И дѣйствительно, доносчиковъ-литераторовъ было очень много. Это не значитъ, опять-таки, что всѣ они были людьми низкими, негодяями. Причина этого явленія не такъ проста. Ни нравственныя качества доносителей, ни узость пониманія свободы слова не могутъ быть признаны единственной причиной. Гораздо важнѣе знать, почему была эта узость, что ее обусловливало въ нашемъ прошломъ. На это прекрасно, по моему мнѣнію, отвѣчаетъ г. Ольминскій въ своей очень содержательной статьѣ: „Изъ исторіи дореформенной печати“.

„Развитіе антидворянскихъ тенденцій во второй четверти XIX вѣка представляетъ собою нѣчто роковое. Оно сравнительно мало отражалось въ литературѣ, вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій, поддержанныхъ дружными доносами всѣхъ противниковъ новыхъ требованій жизни. Вообще, наша литература на всемъ протяженіи исторіи ни разу еще не могла явиться полнымъ отраженіемъ борьбы общественныхъ силъ. Но торжество (сравнительное, конечно) демократическихъ принциповъ послѣ 1860 года не могло создаться изъ ничего, и немногія историческія справки достаточны, чтобы уяснить всю стихійность антидворянскаго движенія. Вспомнимъ Гоголя, художественная дѣятельность котораго безсознательно для него самого подрывала въ корнѣ тѣ самыя традиціи, на защиту которыхъ онъ выступалъ, какъ публицистъ. Духъ времени до такой степени настойчиво ставилъ на очередь все одинъ и тотъ же вопросъ, что даже въ періодъ примирительнаго отношенія къ дѣйствительности Бѣлинскій съ удовольствіемъ замѣчалъ, что, благодаря отсутствію у насъ майоратовъ, русское дворянство разлагается само собой, безъ всякихъ революцій и внутреннихъ потрясеній. Передъ смертью Бѣлинскій высказывалъ мысль, что гражданское развитіе Россіи начнется только послѣ превращенія дворянства въ буржуазію.

„Противоположеніемъ принциповъ родовой аристократіи и трудовой демократіи характеризуется общій смыслъ русскаго общественнаго, а слѣдовательно, и литературнаго движенія во второй четверти истекшаго вѣка. Это противоположеніе должно было сказаться на печати той энергіей, съ какой поборники старыхъ тенденцій обрушивались на новыя вѣянія, шедшія снизу и заражавшія отчасти верхніе слои. Новыя вѣянія относились къ высшему правительству въ меньшей степени, чѣмъ къ такъ называемому обществу,—и въ этомъ разгадка того, что общество было притѣснительнѣе правительства (указаніе Грановскаго). Чаадаевъ говорилъ, что толчекъ реакціонному движенію не идетъ сверху. Большинство общества видѣло въ критическомъ отношеніи къ дѣйствительности только хулу, непозволительное своеволіе и вольнодумство“. [1]

[1] „Правда“, 1904 г., № 11, 186—187.

Такимъ образомъ, доносительство было отвѣтомъ одного класса общества другому, шедшему на него безкровной, но смертной войной. Когда Пушкинъ писалъ: „Телеграфъ“ достоинъ участи своей: мудрено съ большей наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства“,—въ немъ говорилъ родовитый дворянинъ, столь ненавидѣвшій единственный тогда въ Россіи демократическій журналъ, принявшій на себя бой за права людей, почитавшихся правительствомъ, Николаемъ и „обществомъ“ за паріевъ.

Разумѣется, не всѣ доносчики и приспѣшники цензуры были бойцами дворянскаго класса. Такіе, какъ Булгаринъ, Гречъ, Сенковскій, Федоровъ и имъ подобные, ловили лишь жирную рыбу въ мутной водѣ, безотносительно къ какимъ бы то ни было идеямъ, имъ почему-либо дорогимъ. И смѣшивать эти два лагеря гонителей свободы слова значитъ не понимать сущности въ тогдашнемъ положеніи вещей.

Я умышленно остановился на этомъ вопросѣ, чтобы читатель сразу сталъ на мою точку зрѣнія, которая, можетъ быть, не такъ замѣтно будетъ проходить по всѣмъ ея послѣдующимъ страницамъ.

VI.

1826 годъ.

Отзывы Третьяго Отдѣленія объ обществѣ и литературѣ. Заказъ Эртелю. Жалоба в. кн. Константина Павловича.

Итакъ, Третье Отдѣленіе проникало во всѣ поры государственнаго организма, не дѣлая никакого исключенія для литературы и прессы. Съ 1826 и до 1848 года его гегемонія въ цензурѣ была абсолютна, съ 1848 же по 1855 г. оно имѣло равноправнаго помощника—бутурлинскій комитетъ [1] —что, конечно, не умаляло, въ сущности, его прежняго главенства. Вотъ почему слова автора офиціознаго изданія — „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія“ (Спб. 1902 г.)—: „съ учрежденіемъ III Отдѣленія собств. е. и. в. канцеляріи къ нему перешелъ высшій надзоръ по *нѣкоторымъ* цензурнымъ дѣламъ“ [2] —представляются безусловной ошибкой. Третье Отдѣленіе было верховнымъ надзирателемъ по *всѣмъ* цензурнымъ дѣламъ, не будучи, съ одной стороны, ограничено никакими рамками, съ другой,—снабжено какой-нибудь инструкціей, дававшей ему право постояннаго вмѣшательства въ жизнь литературы.

[1] См. мою книгу: „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“. Спб. 1904 г.

[2] Стр. 219.

Поэтому не можетъ не представлять интереса, какъ смотрѣло Третье Отдѣленіе на современное его возникновенію общество и въ частности на литературу и литераторовъ.

Въ этомъ смыслѣ имѣется очень цѣнный матеріалъ—донесенія Фока Бенкендорфу, бывшему въ Москвѣ на коронаціи. [1] Относясь къ періоду съ 17 іюля по 25 сентября 1826 года, эти донесенія, представлявшіяся въ подлинникахъ государю, ярко обрисовываютъ какъ настроеніе различныхъ кружковъ петербургскаго общества, такъ и взглядъ на послѣднее самого Третьяго Отдѣленія. Характеръ этихъ писемъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ, чисто интимный; тонъ ихъ носитъ на себѣ отпечатокъ почтительной дружбы, какая могла существовать между высокопоставленнымъ начальникомъ и талантливымъ подчиненнымъ.

Русское общество состояло, по терминологіи Фока, изъ двухъ неравныхъ группъ: „благонамѣренныхъ“ и „недовольныхъ“. Обѣ онѣ ожидали преобразованій отъ молодого государя. Реформы начала царствованія, шедшія съ висѣлицы 13 іюля, извѣстны... „Благонамѣренные“ склонялись на любой компромиссъ. „Недовольные“, наоборотъ, требовали рѣшительныхъ мѣръ. Во главу угла ставилась отмѣна крѣпостного рабства и бюрократическаго произвола. Образованіе Третьяго Отдѣленія встрѣчено было тоже, разумѣется, различно. Одни думали, что это контроль всей полиціи, и ожидали распространенія его на всю исполнительную власть; они вѣрили возможности успѣха для учрежденія, во главѣ котораго стоялъ Бенкендорфъ. Не такъ были настроены „недовольные“. „Опытъ доказалъ намъ, говорятъ они,—писалъ Фокъ,—что почти всѣ преобразовательныя мѣры производили до сихъ поръ только впечатлѣніе ракетнаго букета. Хотятъ исправлять! Но подумали ли о томъ, что это значитъ чистить Авгіевы конюшни, что надо начать съ того, чѣмъ кончатъ,—дать обезпеченное положеніе чиновникамъ и упростить судопроизводство. Но такъ какъ правительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни денежныхъ, ни моральныхъ средствъ, чтобы достигнуть этого двойного результата, то и всякое исправленіе становится—если не совершенно невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма труднымъ... Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что вражда установится прежде всего между новыми и старыми блюстителями порядка и затѣмъ между этими послѣдними и лицами, подчиненными ихъ надзору. Какъ же станетъ дѣйствовать правительство, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы предупредить и предотвратить неизбѣжную реакцію? Это вопросъ чрезвычайной важности“... „Недовольные“ оказались прозорливцами до мелочей. Дѣйствительно, до 1880 года министерство внутреннихъ дѣлъ находилось въ постоянномъ, очень остромъ антагонизмѣ съ Третьимъ Отдѣленіемъ...

„Какъ образуется общественное мнѣніе?“—спрашиваетъ Фокъ и отвѣчаетъ на этотъ интересный вопросъ въ двухъ письмахъ.

„Существуетъ небольшой кружокъ людей, стоящихъ очень высоко, которые

[1] „Русская Старина“, 1881 г. №№ 9—11.

искренно добиваются истины, глубоко все обдумываютъ *и высказываютъ свои мысли на ухо очень немногимъ, способнымъ понимать ихъ.* Нѣкоторые лучи этихъ мыслей спускаются ниже, но они рѣдко сохраняютъ свою чистоту: почти всегда свѣтъ ихъ получаетъ отраженіе или преломляется. Болѣе многочисленный кружокъ людей подхватываетъ ихъ, но при этомъ извращаетъ, или, пропустивъ ихъ чрезъ свое невѣжество, свои предразсудки и свои страсти, люди эти воображаютъ, что они сами думаютъ, тогда какъ это не болѣе, какъ одинъ заемъ; но то, что у первыхъ выходило хорошо, у вторыхъ выходитъ дурно. Между тѣмъ эти послѣдніе, постоянно повторяя то, чего не понимаютъ—и составляютъ мнѣніе большинства, которое говоритъ, не думая, и только извращаетъ,—не сознавая и не желая этого,—доходящія до него идеи, и безъ того не отличавшіяся особенной чистотой. Несмотря, однакожъ, на все это, Талейранъ выразился очень вѣрно: „Я знаю кого-то, кто умнѣе Наполеона, Вольтера съ компаніей, умнѣе всѣхъ министровъ настоящихъ и будущихъ, и этотъ кто-то—общественное мнѣніе“. Общественное мнѣніе не навязывается; за нимъ надо слѣдовать, такъ какъ оно никогда не останавливается. Можно уменьшить, ослабить свѣтъ озаряющаго его пламени, *но погасить это пламя—не во власти правительства.* Наполеонъ самъ сказалъ, что если бы можно было дать сраженіе общественному мнѣнію, онъ не боялся бы его; но что, не имѣя такихъ артиллерійскихъ снарядовъ, которые могли бы попадать въ него, приходится побѣждать его правосудіемъ и справедливостью, передъ которыми оно не устоитъ: дѣйствовать противъ него другими средствами, говоритъ онъ, значитъ даромъ тратить и деньги, и почести; надо покориться этой необходимости; общественное мнѣніе не засадишь въ тюрьму, а прижимая его—только доведешь до ожесточенія... Сила общественнаго мнѣнія составляетъ не абсолютное, а относительное благо. Оно можетъ назваться благомъ, когда оно просвѣщенно и въ то же время прочно и умѣренно. Но общественное мнѣніе составляетъ зло, когда оно заблуждается въ выборѣ цѣли и средствъ, становясь, такимъ образомъ, силою, которая противится правительству“.

Вдумавшись въ это опредѣленіе общественнаго мнѣнія, нельзя не увидѣть здѣсь цѣлую программу, ясную теоретизировавшему Фоку и совершенно не совпадавшую съ практическими взглядами Бенкендорфа.

„Литераторы, эти провозвѣстники мнѣній, люди, пользующіеся въ настоящее время вліяніемъ больше, чѣмъ когда-либо,—пишетъ дальше Фокъ,—говорятъ, что новый цензурный уставъ (1826 года—*М. Л.*) закрываетъ имъ ротъ; общество вторитъ имъ, замѣчая, что такъ какъ новымъ уставомъ не дается даже авторамъ гарантія, опредѣленная законами, то положеніе ихъ становится подчасъ очень незавиднымъ. Кромѣ того, прибавляютъ нѣкоторые, такъ какъ отвѣтственность продолжаетъ лежать на писателяхъ даже послѣ того, что сочиненіе пройдетъ чрезъ горнило цензуры, то совершенно лишнее имѣть цензоровъ. Далѣе, къ чему было издавать законъ, который всѣми читается и комментируется всюду, даже на рынкахъ?“

Выводъ изъ всего этого ясенъ: пока общественное мнѣніе только слышно—на него въ Третьемъ Отдѣленіи есть достаточно намордниковъ; видно же оно не будетъ, потому что печать въ своей жизни слѣдуетъ точно опредѣленнымъ рамкамъ недозволеннаго... Все общественное мнѣніе выражалось вотъ уже два года „Сѣверной Пчелой“ Булгарина и Греча, — единственной русской газетой, получавшейся тогда во дворцѣ и потому именовавшейся за-границей „Hof-Zeitung“. Третье Отдѣленіе вполнѣ основательно было увѣрено въ благонамѣренности этихъ двухъ литераторовъ...

„Сѣверная Пчела“ играла такую важную роль въ исторіи отношеній Третьяго Отдѣленія къ литературѣ, а Булгаринъ занималъ въ ряду жандармовъ настолько любопытное мѣсто, что въ настоящей книгѣ имъ посвящена особая работа, въ которую включены всѣ собранные мною факты.

---

28 іюля Фокъ писалъ Бенкендорфу:

„Г. Эртель, переведшій на нѣмецкій языкъ, по высочайшему повелѣнію, докладъ слѣдственной комиссіи, желалъ бы приложить къ своей книжкѣ переводъ высочайшаго манифеста и докладъ верховнаго суда. Такъ какъ переводъ этотъ появился уже въ нѣмецкихъ газетахъ, издаваемыхъ С.-Петербургской Академіей, то по этому поводу не можетъ быть, повидимому, никакихъ затрудненій. Наши подлежащія власти раздѣляютъ это мнѣніе, но, несмотря на это, отказываются дать оффиціальное разрѣшеніе перепечатать эти документы и отсылаютъ другъ къ дружкѣ прошеніе г. Эртеля. Такъ какъ г. Эртель предполагаетъ послать нѣсколько сотъ экземпляровъ своего перевода за-границу, то было бы, я думаю, желательно, чтобы онъ присоединилъ къ нимъ переводъ послѣднихъ правительственныхъ актовъ, какъ для того, чтобы дополнить разсказъ объ этомъ событіи, такъ и съ тѣмъ, *чтобы предупредить ошибочное толкованіе ихъ*. Не найдете ли, ваше превосходительство, возможнымъ доложить объ этомъ его величеству и сообщить мнѣ мнѣніе государя по этому поводу“.

Читатель, разумѣется, понялъ, что Эртель исполнялъ заказъ Третьяго Отдѣленія, спѣшившаго предупредить общественное мнѣніе Европы отъ „ошибочнаго толкованія“ важнаго государственнаго акта, совершоннаго 13 іюля на валу Петропавловской крѣпости... Все, просимое Фокомъ, было разрѣшено Николаемъ и въ результатѣ въ Петербургѣ тогда же была напечатана книга Эртеля: „Der Bericht zur Ausmittelung übelgesinnter Gesellschaften in Russland niedergesetzten Untersuchungs-commission“ и разослана во всѣ концы Европы въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Въ серединѣ сентября Бенкендорфъ получилъ письмо отъ великаго князя Константина Павловича, изъ Варшавы, съ призывомъ къ воздѣйствію на прессу.

„Въ ту минуту, какъ я оканчивалъ это письмо,—пишетъ великій князь,—

мнѣ попалъ въ руки 109 нумеръ политической и литературной газеты „Journal de St.-Pétersbourg“. Я замѣтилъ тамъ одну нелѣпость, которую крайне необходимо исправить. Въ той статьѣ, гдѣ идетъ рѣчь о смягченіи наказаній, дарованномъ его императорскимъ и царскимъ величествомъ по случаю его коронованія, передъ словомъ каторжные, которыхъ касается это смягченіе, поставленъ титулъ *господа* (sieurs). [1] Но всякому извѣстно, что человѣкъ, осужденный на каторжныя работы, лишается всѣхъ своихъ дворянскихъ титуловъ и нѣкоторымъ образомъ ставится внѣ закона. И кому же даютъ этотъ титулъ? Преступникамъ, приговореннымъ къ смертной казни на эшафотѣ. „Journal de St.-Pétersbourg“—газета политическая, полуофиціальная; все, что въ ней сообщается, служитъ основой для мнѣній всѣхъ иностранныхъ государствъ и даже, можно сказать, цѣлаго міра. Не знаю, произошла ли указанная мною нелѣпость отъ недосмотра издателя, или же была послѣдствіемъ предумышленнаго коварства; но дѣло въ томъ, что эта нелѣпость очень важна, и какъ я теперь ее осуждаю, такъ будутъ ее осуждать не только за-границей, но и внутри Россіи.

„Я прилагаю при семъ эту газету, съ помѣченной карандашомъ статьей, о которой идетъ рѣчь. Я счелъ долгомъ обратить ваше вниманіе на этотъ важный предметъ, и я не долженъ скрывать отъ васъ, что уже не разъ замѣчалъ такія несообразности, которыхъ не слѣдовало бы допускать въ газетахъ такого рода. Прошу васъ доложить его императорскому и царскому величеству объ изложенныхъ здѣсь соображеніяхъ для того, чтобы вызвать его высочайшее повелѣніе къ прекращенію указанныхъ мною злоупотребленій“. [2]

Тонъ этого письма не оставляетъ никакихъ сомнѣній, съ одной стороны, въ томъ, что право вмѣшательства Бенкендорфа, помимо министра народнаго просвѣщенія, въ цензуру было уже извѣстно варшавскому намѣстнику, съ другой—что оно съ самаго начала восходило, для резолюціи, къ государю. И дѣйствительно, почти ни одно свое распоряженіе Бенкендорфъ не выпускалъ изъ Отдѣленія, не заручившись высочайшимъ согласіемъ.

Бенкендорфъ вполнѣ согласился съ великимъ княземъ, потому что какъ разъ до напечатанія указанной статьи было дано общее предписаніе по цензурѣ: „принять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ его величества, допуская тѣ только изъ сего рода, кои заимствуются изъ С.-Петербургскихъ академическихъ газетъ или изъ Journal de St.-Pétersbourg“. Ясно, что послѣ такого указанія, послѣдняя газета офиціально ставилась органомъ правительства, пославшаго „господъ каторжныхъ“ въ дальнюю Сибирь.

---

[1] Рѣчь идетъ о приговорѣ надъ декабристами.

[2] «Рус. Архивъ», 1884 г., VI, 253—254.

VII.

1827 годъ.

Цензурный уставъ 1828 года. „Звѣздочка". „Истинно - бѣшеные либералы". Внушеніе министру народнаго просвѣщенія. Участіе въ дѣлѣ лишенія крѣпостныхъ образованія.

Въ первый же докладъ свой новому государю министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Шишковъ, получилъ повелѣніе составить новый цензурный уставъ, такъ какъ Николай I совершенно не склоненъ былъ оставаться при старомъ и притомъ самомъ либеральномъ цензурномъ законѣ 1804 года. [1] Шишковъ, желая угодить государю, торопилъ своего директора департамента, кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова, а послѣдній, недолго думая, вытащилъ изъ архива министерства цензурный проектъ Магницкаго 1824 года и обрадовалъ министра... Уставъ былъ утвержденъ, но не просуществовалъ и года, какъ пришлось заняться его пересмотромъ.

Не потому, разумѣется, что Николай находилъ его ужъ очень строгимъ, а просто потому, что необходимо было включить въ уставъ особую часть о цензурѣ иностранныхъ книгъ, съ другой стороны—нѣкоторые справедливо указывали, что шишковскій уставъ 1826 года ставитъ правительство въ положеніе какого-то защитника всего, что бы ни было напечатано съ разрѣшенія цензоровъ, между тѣмъ, какъ ни для кого не было секретомъ, что многіе изъ нихъ, по малой своей образованности, не могли считаться хорошо усвоившими политику правительства. Не говоря уже о томъ, что, на основаніи устава 1826 года, цензура не только должна была наблюдать за литературой, но и „дать полезное или, по крайней мѣрѣ, безвредное для блага отечества направленіе ей", чего было особенно трудно достигнуть на практикѣ.

Въ назначенный для пересмотра устава комитетъ, въ числѣ немногихъ лицъ, былъ назначенъ и Бенкендорфъ. Его участіе сказалось прежде всего въ включеніи въ уставъ 1828 года двухъ статей, изъ которыхъ одна подчиняла цензуру драматическихъ сочиненій для представленія ихъ на сценѣ всецѣло Третьему Отдѣленію, другая—обязывала содержателей типографій доставлять въ Третье Отдѣленіе по одному экземпляру печатаемыхъ у нихъ газетъ, журналовъ и альманаховъ.

Кромѣ того, утвержденнымъ 25 апрѣля 1828 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта предписано было включить въ частные наказы цензорамъ, что „когда бы представлены были кѣмъ-либо на разсмотрѣніе цензуры книга или художественное

[1] Интересующихся содержаніемъ и исторіей устава 1804 г. отсылаю къ своей статьѣ—„Пропущенный юбилей"—въ XI книжкѣ „Русской Мысли" 1904 г.

произведеніе, клонящіяся къ распространенію безбожія, или обнаруживающія въ сочинителѣ или художникѣ нарушителя обязанностей вѣрноподданнаго, *то о семъ немедленно извѣщать высшее начальство для учрежденія за виновнымъ надзора, или же и преданія его суду по законамъ*,[1] т.-е. рѣчь шла попросту о доносѣ въ Третье Отдѣленіе.

Къ новому, 1826 году Александръ Бестужевъ (Марлинскій) и К. Ѳ. Рылѣевъ приготовили продолженіе альманаха „Полярной Звѣзды", подъ названіемъ „Звѣздочка". Нѣсколько листовъ уже было отпечатано въ типографіи главнаго штаба, а на прочія статьи у издателей находились уже пропущенныя цензурою рукописи. Послѣ 14 декабря 1825 г. всѣ отпечатанные листы и оригиналы были конфискованы. Между тѣмъ, книгопродавцы добивались купить у вдовы Рылѣева и матери Бестужева рукописи за 2,500 руб., съ правомъ напечатать ихъ безъименно. Сдѣлка эта не состоялась. Вдругъ въ „Невскомъ Альманахѣ" на 1827 годъ появились: статья Бестужева „Замокъ Эйзенъ", Сомова—„Гайдамакъ", Туманскаго—„Пѣсня", Хомякова—„Къ зарѣ",—всѣ изъ „Звѣздочки", съ перемѣною лишь или фамилій авторовъ, или заглавій произведеній. Бенкендорфъ сразу замѣтилъ выходку издателя альманаха, Е. Аладьина, и только заступничество за него генерала Дибича спасло виновнаго отъ готовившихся преслѣдованій.[2]

Кому неизвѣстенъ политическій образъ мыслей Погодина? Человѣкъ этотъ, казалось, воплощалъ въ себѣ тогдашній идеалъ „благонамѣренности". И если его позже могли осуждать за рѣзкость, то въ концѣ двадцатыхъ годовъ это былъ ужъ несомнѣнный приверженецъ всякой предержащей власти. И вдругъ такой молодой человѣкъ оказывается чуть не карбонаріемъ. По крайней мѣрѣ, былъ такой доносъ на него:

„Въ С.-Петербургъ прибылъ изъ Москвы издатель „Московскаго Вѣстника" Погодинъ. Онъ только *по имени* издатель, на что въ доказательство имѣются собственноручныя его письма. Главные начальники сей редакціи суть: Соболевскій, Титовъ, Мальцовъ, Полторацкій, Шевыревъ, Рагозинъ и еще нѣсколько истинно бѣшеныхъ либераловъ (!!). Нѣкоторые изъ нихъ (Мальцовъ и Соболевскій) дали деньги на поддержаніе журнала и платятъ Пушкину за стихи. Главная ихъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ ввести политику въ этотъ журналъ. На 1828 годъ они намѣревались издавать политическую газету, но какъ ни одинъ изъ нихъ

[1] Уставъ 1828 г. замѣчателенъ именно тѣмъ, что на другой же день его утвержденія стали издаваться въ массѣ всевозможныя распоряженія, имѣвшія цѣлью усиленіе охранительнаго принципа цензуры, очень мягко сравнительно указанныя въ самомъ законѣ; послѣдній въ своемъ чистомъ видѣ не существовалъ на практикѣ ни одного дня; къ такимъ-то прибавкамъ относятся и знаменитые „частные наказы" цензорамъ.

[2] *Н. Д.* „Полярная Звѣзда" и „Невскій Альманахъ"—„Рус. Стар.", 1901 г. XI; „Звѣздочка"—„Рус. Стар." 1883 г., VII.

не могъ представить своихъ сочиненій, какъ повелѣно цензурнымъ уставомъ, то они выписали сюда Погодина, чтобъ онъ снова отъ своего имени просилъ позволенія ввести политику.

„Погодинъ человѣкъ чрезвычайно искательный. Онъ, переводя сочиненія Круга и восхваляя его, попалъ въ корреспонденты академіи наукъ и теперь покровительствомъ Уварова надѣется получить желаемое позволеніе на помѣщеніе политики въ своемъ журналѣ, которую намѣрены редактировать Титовъ и Полторацкій. Погодинъ не имѣетъ вліянія на сихъ молодыхъ людей и состоитъ у нихъ въ зависимости, потому что они богаты и смѣлы, а онъ бѣденъ, безъ имени и робокъ. Сіи юноши не пишутъ ничего литературнаго, почитая сіе недостойнымъ себя, и занимаются однѣми политическими науками. Образъ мыслей ихъ, рѣчи и сужденія отзываются самымъ явнымъ карбонаризмомъ (!!). Соболевскій и Титовъ (служащій въ иностранной коллегіи) суть самые худшіе изъ нихъ. Собираются они у князя Владиміра Одоевскаго, который слыветъ между ними философомъ, и у Мальцова“. [1]

Итакъ, люди, давшіе отъ себя одного царскаго воспитателя (Титова), представителей „официальной народности“ (Погодинъ и Шевыревъ) и приверженцевъ всего существующаго, зачислены были Третьимъ Отдѣленіемъ въ разрядъ карбонаріевъ и „истинно бѣшенныхъ либераловъ“...

Къ концу 1827 года Бенкендорфъ, повидимому, вполнѣ уже освоился съ своей цензорской ролью и готовъ былъ забыть, что она не закрѣплена за нимъ никакимъ законодательнымъ актомъ. Въ этомъ отношеніи очень любопытна переписка его съ министромъ народнаго просвѣщенія Шишковымъ, возникшая благодаря жалобѣ Булгарина, приведенной мною въ статьѣ „Ѳаддей Булгаринъ и Сѣверная Пчела“. На жалобѣ Бенкендорфомъ собственноручно была положена такая подлинная резолюція:

„Мин. просв.: что мнѣ высочайше приказано читать всѣ стихи офицерами посылаемыя г. Булгарину, дабы судить могутъ ли быть напечатаны; не находя въ сихъ стихахъ ничево противно закону цензурнаго устава, прошу покорнейше меня увѣдомить чемъ руководствовались цензоры запрещая печатаніе сихъ стиховъ и прочихъ не законныхъ придирокъ по крайней мере видивши мое имя, могли бы здѣлать мнѣ честь спросить у меня, и тогда узнали бы что я ничево не дѣлаю безъ волѣ Государя (;) объяснен ій по сему предмету нужно мнѣ дабы въ предь не могли случиться такія не приличныя поступки“. [2]

Въ виду такой резолюціи, 21 ноября Шишкову было отправлено отъ имени Бенкендорфа слѣдующее отношеніе:

„Милостивый государь Александръ Семеновичъ! Государю Императору благо-

[1] „Русская Старина“, 1892 г., № 1, 34.

[2] Архивъ III отд. с. е. и. в. канцеляріи, 1-й экспедиціи, 1827 г., дѣло № 171.

угодно было мнѣ высочайше повелѣть перечитывать всѣ стихи, присылаемые нашими офицерами къ г. Булгарину, для помѣщенія въ издаваемыхъ имъ журналахъ. На семъ основаніи просматривалъ я стихи г. Анненкова, подъ заглавіемъ: *„Война въ Персіи“*, и не найдя въ нихъ ничего противнаго правиламъ цензурнаго устава, возвратилъ оные г. Булгарину для напечатанія.

„Нынѣ освѣдомленъ я, что цензура, несмотря на то, что г. Булгаринъ объявилъ мое одобреніе, не только не пропустила сихъ стиховъ, но позволила себѣ даже не уважить моего имени и отнести разрѣшеніе сего вопроса на уваженіе Азіатскаго департамента.

„Вслѣдствіе сего я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство почтить меня увѣдомленіемъ, какими правилами руководствовалась цензура въ семъ дѣйствіи, которое, по моему мнѣнію, совершенно противно предначертаніямъ самого цензурнаго устава. Увидя мое имя, г. цензоръ въ случаѣ сомнѣнія, кажется, долженъ бы былъ сдѣлать мнѣ честь со мною объясниться, и узналъ бы тогда, что *я безъ воли Его Величества не осмѣливаюсь дѣлать ни одного шага.*

„Увѣдомленіе, о которомъ я васъ, м. г., прошу, нужно мнѣ на тотъ конецъ, дабы предотвратить на будущее время подобные неприличные и неделикатные поступки. [1]

Шишковъ отвѣчалъ 25 ноября, что Булгаринъ не предъявилъ цензурѣ подлиннаго разрѣшенія, а главному цензурному комитету совершенно была неизвѣстна воля государя объ особомъ видѣ цензуры стиховъ русскихъ офицеровъ.

На это Бенкендорфъ отвѣчалъ 28 ноября: „Получивъ отвѣтное отношеніе Вашего Высокопревосходительства по предмету неблаговиднаго дѣйствія цензуры при разсматриваніи одобренныхъ мною стиховъ подъ заглавіемъ: „Война въ Персіи“, я поспѣшаю покорнѣйше Васъ, М. Г., просить дѣло сіе почитать съ моей стороны прекращеннымъ, ибо я полагаю оное незаслуживающимъ того, чтобы быть доведену до свѣдѣнія Государя Императора.

„Впрочемъ, поставляю долгомъ со свойственною мнѣ откровенностью объяснить Вамъ, М. Г., что я нахожу всѣ представленныя цензурою извиненія совершенно неосновательными, равно какъ поступокъ оной весьма неприличнымъ и неделикатнымъ, присовокупляя къ тому, что еслибъ кто либо изъ подчиненныхъ мнѣ лицъ осмѣлился сдѣлать подобный поступокъ противъ особы Вашего Высокопревосходительства, то я, конечно, взыскалъ бы съ него самымъ строгимъ образомъ“.

Шишковъ, повидимому, не особенно былъ доволенъ начатой перестрѣлкой и, сдѣлавъ еще разъ подробное объясненіе всего происшедшаго, такъ заканчивалъ свое отношеніе отъ 30 ноября: „Напослѣдокъ, обращаясь къ самому себѣ и къ Вамъ, я скажу, что мнѣ очень жаль, есть ли Вы думаете, какъ изъ письма Вашего видно, будто я съ нѣкоторою противъ Васъ несправедливостію

[1] Бумага эта съ большими неправильностями напечатана въ „Русской Старинѣ“, 1888 г., VI, 617.

защищаю цензора. Такое Ваше заключеніе обо мнѣ происходитъ отъ того, что я не имѣю чести быть короче знаемъ Вами и что есть ли бы сіе было, то бы Вы совершенному почтенію и уваженію моему къ Вамъ отдали больше справедливости!"

2 декабря Бенкендорфъ „чувствительнѣйше благодарилъ за изъявленіе благосклоннаго расположенія" и повторялъ „покорнѣйшую свою просьбу считать дѣло *по цензурнымъ недоразумѣніямъ* съ своей стороны совершенно прекращеннымъ".

Такимъ образомъ министру народнаго просвѣщенія было внушено, съ какимъ уваженіемъ и предупредительностью должна относиться цензура къ начальнику Третьяго Отдѣленія.

Къ этому же году относится весьма интересное дѣло, хотя и не касающееся литературы, но очень характерное какъ для того времени, такъ и для изученія фигуры начальника Третьяго Отдѣленія и его вліянія на общую политику.

Бенкендорфъ систематически настраивалъ Николая I принять рядъ ограничительныхъ мѣръ въ отношеніи ищущихъ образованія не-дворянъ, полагая, что все ихъ образованіе должно оставаться въ предѣлахъ самой элементарной грамоты. Съ этою цѣлью онъ неоднократно представлялъ государю всевозможныя „записки", изъ которыхъ приведу для примѣра лишь одну:

„Извѣстно ли Вашему Императорскому Величеству, что отставной артиллеріи генералъ-маіоръ Николай Муравьевъ, учредитель бывшей въ Москвѣ школы колонновожатыхъ, имѣетъ нынѣ въ здѣшней губерніи Рузскаго уѣзда въ деревнѣ своей другое заведеніе, въ коемъ 60 крестьянскихъ дѣтей воспитываются столь хорошо, что въ теченіе четырехъ лѣтъ могутъ быть управителями имѣній. По слухамъ, Муравьевъ намѣревается теперь распространить еще сіе заведеніе. Но, сообразивъ извѣстныя послѣдствія отъ прежней его школы, не благоугодно ли будетъ Вашему Величеству приказать подробно и съ точностью разсмотрѣть сіе новое крестьянское Муравьева заведеніе, ибо оное, дѣйствуя на многочисленнѣйшій классъ народа, можетъ быть въ будущемъ гораздо опаснѣе первой его школы".

Николай положилъ резолюцію: „Не мѣшаетъ узнать". Когда же разслѣдованіе было представлено Бенкендорфомъ, то, по его совѣту, пожелалъ—дабы государственный совѣтъ постановилъ законъ, чтобъ крѣпостныя дѣти отнюдь не были отдаваемы для воспитанія въ такія учебныя заведенія, въ коихъ они могли получить образованіе, превышающее состояніе ихъ, и чтобъ были обучаемы въ приходскихъ училищахъ". 10 іюля эта царская воля была сообщена предсѣдателю государственнаго совѣта, графу В. П. Кочубею. Этотъ когда-то сподвижникъ „дней александровыхъ прекраснаго начала" вполнѣ согласился съ мыслью Бенкендорфа, замѣтивъ лишь, что она можетъ быть осуществлена помимо государственнаго совѣта, простымъ рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія. Хитрый царедворецъ писалъ: „Я смѣю думать, что таковое распоряженіе

и потому было бы удобнѣе, что оно произвело бы менѣе огласки. Законъ, совѣтомъ изданный, сдѣлался бы всей Европѣ извѣстнымъ, произошли бы разные толки и проч., и хотя мы находимся въ особомъ положеніи отъ другихъ европейскихъ державъ по внутреннимъ нашимъ установленіямъ, однакожъ не можно презирать мнѣніемъ оныхъ, ни мнѣніемъ внутри самого государства; наипаче должно стараться основать оное, сколько можно лучше, при началѣ царствованія, большія надежды въ подданныхъ породившаго".

Николаю только оставалось согласиться съ хитрой лисой, не даромъ назначенной на отвѣтственный постъ, и онъ написалъ на его докладѣ: „Мнѣніе г. Кочубея совершенно согласно съ моимъ; я не выразилъ довольно en d'ètail классъ учебныхъ заведеній, въ который принимать крѣпостныхъ полагаю; надо велѣть с.-с. Блудову изготовить проектъ указа министру народнаго просвѣщенія, въ коемъ подробно изложить сей предметъ".

Указныхъ и рескриптныхъ дѣлъ мастеръ, Блудовъ, написалъ требуемый актъ довольно быстро и 19 августа онъ удостоился высочайшаго одобренія.

Вотъ эта классическая грамота царя Николая I на имя Шишкова:

„Александръ Семеновичъ. Вамъ извѣстно, что, почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія державы, отъ Бога мнѣ врученной, я желаю, чтобъ для онаго были постановлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію государства. Для сего необходимо, чтобъ повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый вмѣстѣ съ здравыми для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился черезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Вашимъ занимающійся устройствомъ учебныхъ заведеній, призналъ сію необходимость, но въ настоящемъ порядкѣ многое противно предположенному имъ правилу. До свѣдѣнія моего дошло, между прочимъ, что часто крѣпостные люди изъ дворовыхъ и поселянъ обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій. Съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сіи заведенія; съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко въ уныніи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ. Дабы предупредить такія послѣдствія, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, я нахожу нужнымъ нынѣ же повелѣть:

„1. Чтобы въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, находящихся въ вѣдомствѣ или подъ надзоромъ министерства народнаго просвѣщенія, а равно и въ гимназіяхъ и въ равныхъ съ оными по предметамъ преподаванія мѣстахъ, принимались въ классы и допускались къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній, не исключая и вольно-отпущенныхъ, кои представятъ удостовѣрительныя въ томъ виды, хотя бы они не были еще причислены ни къ купечеству, ни къ мѣщанству и не имѣли никакого иного званія;

„2. чтобы помѣщичьи крѣпостные поселяне и дворовые люди могли, какъ доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и въ частныхъ заведеніяхъ, въ коихъ предметы ученія не выше тѣхъ, кои преподаются въ училищахъ уѣздныхъ;

„ и 3. чтобы они также были допускаемы въ заведенія особеннаго рода, кои учреждены или впредь будутъ учреждаемы казною и частными людьми для обученія сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствамъ, нужнымъ для усовершенствованія или распространенія земледѣльческой, ремесленной и всякой иной промышленности, но чтобы и въ сихъ заведеніяхъ тѣ науки, которыя не служатъ основаніемъ или пособіемъ для искусствъ и промысловъ, были преподаваемы въ такой же мѣрѣ, какъ въ уѣздныхъ училищахъ.

„Постановляя сіи правила и поручая вамъ привести оныя въ дѣйство, я не сомнѣваюсь, что воля моя будетъ въ точности исполнена. Снабдивъ попечителей учебныхъ округовъ и прочія подчиненныя вамъ мѣста и лица надлежащими наставленіями, вы можете, когда нужно, объявлять о сихъ распоряженіяхъ и начальствамъ другихъ вѣдомствъ, распространяя отнынѣ надзоръ министерства, вамъ ввѣреннаго, на всѣ училища безъ исключенія, кромѣ военныхъ и духовныхъ; комитетъ устройства учебныхъ заведеній не оставитъ съ своей стороны заняться изысканіемъ средствъ, чтобы въ уѣздныя училища ввести курсъ ученія, достаточный для воспитанія людей нижнихъ состояній въ государствѣ, стараясь въ особенности обогащать ихъ тѣми свѣдѣніями, кои по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ могутъ быть имъ истинно полезны“. [1]

Каждому внимательно прочитавшему этотъ памятникъ николаевскаго царствованія ясно, какъ хорошо отразилась въ немъ вся политика этой эпохи...

---

[1] *Шильдеръ*, н. с., II, 32—35.

Въ дневникѣ князя А. С. Меншикова отъ 21 мая 1827 года находимъ весьма любопытную запись: „Въ 9 часовъ былъ съ докладомъ у государя на Елагиномъ острову и между прочими предметами показывалъ записку князя Павла Павловича Гагарина, въ которой онъ проситъ объ опредѣленіи сына въ морскую службу и спрашиваетъ, не нужно ли будетъ отправить его въ Англію для изученія мореходства. На сію статью государь сказалъ слѣдующее: „je vous avoue que je n'aime pas les envois à l'étranger; les jeunes gens

VIII.

1828 и 1829 годы.

Цензура театральныхъ рецензій. „Невѣжество“ профессора Павлова. Полевой проситъ жандармской цензуры.

Въ 1828 году Бенкендорфъ, принужденный сопровождать государя то на театръ военныхъ дѣйствій, то по Россіи, почти не былъ въ Петербургѣ.

За этотъ годъ извѣстно его распоряженіе о цензурѣ драматическихъ произведеній. Несмотря на § 12 только-что опубликованнаго тогда цензурнаго устава, предоставлявшій обыкновенной цензурѣ дозволять „всякія сужденія“ „о представленіяхъ на публичныхъ театрахъ и о другихъ зрѣлищахъ“,—Бенкендорфъ самолично сдѣлался цензоромъ всѣхъ театральныхъ рецензій, что́ видно изъ его резолюціи на одной изъ корректуръ „Сѣверной Пчелы“: „позволяется печатать и впредь можно писать о театрахъ, *показывая мнѣ*“. [1] Такимъ образомъ, получалась возможность оказывать благоволеніе его всегдашнимъ фавориткамъ-актрисамъ...

Въ свое отсутствіе цензуру пьесъ и рецензій Бенкендорфъ поручалъ подчиненнымъ, изъ которыхъ многіе отличались сказочною придирчивостью. Такъ, напримѣръ, цензоръ III Отдѣленія И. Л. Нордстремъ даже не пропустилъ названія пьесы „Изба“, находя его тривіальнымъ, и переименовалъ ее самъ въ „Святки“, тогда какъ дѣйствіе происходило на масляной... [2]

Въ мартовской книжкѣ „Атенея“ за 1829 г., въ статьѣ „Антропологическая прогулка“ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Возьмемъ, напримѣръ, нашихъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе кажутся для меня неизъяснимыми аномаліями (anomalie—уклоненіе, несходство), разстраивающими всѣ полученныя понятія, заставляющими сомнѣваться въ превосходствѣ правила мудраго надъ силою привычки и полагать,

en reviennent avec un esprit de critique qui leur fait trouver, *peut-être avec raison*, les institutions de leur pays défectueuses“ („Признаюсь, я не люблю отправокъ за границу; молодые люди возвращаются оттуда съ духомъ критики, заставляющимъ ихъ находить, можетъ быть основательно, учрежденія ихъ страны плохими“).

[1] „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, 1862 г., 49. Замѣчу кстати, что писавшій по этому поводу Усовъ, совершенно не знавшій о § 12 устава 1828 г., приписываетъ заслугу въ разрѣшеніи печати начать разборъ театральныхъ пьесъ Булгарину, якобы исхлопотавшему его у Бенкендорфа. Онъ же видитъ въ приведенной резолюціи начальника III отдѣленія особую *милость* русской литературѣ (см. „Истор. Вѣстн“. 1883 г., V, 377—379)...

[2] *М. Стаховичъ*, „Клочки воспоминаній“, 1904, 33.

что пребыванiе Аннибала въ Капуѣ не имѣло на судьбу его того влiянiя, которое оному приписываютъ. Взгляните на ихъ щегольской нарядъ, на ихъ изнѣженность, на принужденность ихъ обращенiя. Посмотрите, какъ они убиваютъ цѣлые дни въ самыхъ пустыхъ занятiяхъ; по три, по четыре часа сидятъ за деликатнымъ столомъ; разбираютъ съ утомительною подробностью достоинство какого-нибудь новаго блюда; проводятъ часть вечера съ хорошенькою модисткою или зѣваютъ въ оперѣ. Всѣ ихъ ученыя занятiя ограничиваются чтенiемъ новаго романа и ихъ одностороннее существованiе пробуждается только за карточнымъ столомъ. Вѣроятно, нельзя выдумать образа жизни, болѣе способнаго питать трусость и превратить самого Марса въ сибарита. Но возгорѣлась война, и сiи раздушенные щеголи летятъ въ армiю. Одной минуты довольно превратить ихъ въ героевъ: они не думаютъ о трудностяхъ похода; стремятся въ опасности; презираютъ смерть; они готовы идти цѣлый день, бодрствовать цѣлую ночь: они спятъ тамъ и тогда, когда можно, ѣдятъ, какъ собаки, и сражаются, какъ львы"...

Могла ли такая характеристика особенно обидѣть русскаго офицера? Оказывается, могла. Великiй князь Михаилъ Павловичъ, командиръ гвардейскаго корпуса, просилъ Бенкендорфа обратить вниманiе на журналъ профессора М. Г. Павлова. Немедленно послѣдовало такое представленiе на высочайшее имя:

„Его императорское высочество великiй князь Михаилъ Павловичъ изволилъ препроводить ко мнѣ книжку русскаго, издающагося въ Москвѣ, журнала „Атеней", въ коемъ помѣщена статья, подъ заглавiемъ „Антропологическая прогулка", переведенная, какъ по всему вѣроятiю кажется, изъ англiйскаго языка, но заключающая въ себѣ выраженiя нелѣпыя и неприличныя на счетъ гвардiи офицеровъ.

„Статья сiя произвела непрiятное впечатлѣнiе на его высочество и можетъ произвести справедливое негодованiе въ молодыхъ офицерахъ. Хотя сiя статья, по строгомъ разбирательствѣ, не можетъ быть признана умышленно дерзновенною и преступною, но нельзя не замѣтить, съ одной стороны, неосторожность и *даже глупость цензора*, оную пропустившаго, а съ другой—неосмотрительность и, можно сказать, *невѣжество издателя журнала*, г. Павлова, который занимаетъ мѣсто профессора въ московскомъ университетѣ.

„Случай сей осмѣливаетъ меня всеподданнѣйше испросить высочайшаго вашего императорскаго величества разрѣшенiя предписать всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ о доставленiи въ Третье Отдѣленiе собственной вашего величества канцелярiи по одному экземпляру всѣхъ выходящихъ въ государствѣ журналовъ и публичныхъ листовъ, дабы имѣть способъ удобнѣе наблюдать за духомъ перiодической литературы и предотвращать неблагопрiятные впечатлѣнiя и толки". [1]

Высочайшая резолюцiя--„согласенъ".

Итакъ, пользовавшiйся громкою извѣстностью ученый, натуръ-философъ Павловъ изобличенъ былъ начальникомъ Третьяго Отдѣленiя въ „невѣжествѣ", а

[1] *Б. Г.*, „Невѣжество" издателя и „глупость" цензора, „Истор. Вѣстн.", 1897 г., VII.

цензоръ В. Измайловъ, человѣкъ по своему времени безусловно развитой и тоже небезызвѣстный писатель, признанъ просто „глупымъ"... Это представленіе Бенкендорфа интересно и тѣмъ, что подчеркиваетъ еще разъ, насколько мало онъ зналъ свои офиціальныя права: полученіе Третьимъ Отдѣленіемъ всѣхъ періодическихъ изданій, какъ мы уже видѣли, было узаконено уставомъ 1828 года. Самъ Бенкендорфъ, разумѣется, ни газетъ, ни журналовъ, ни альманаховъ не видѣлъ въ глаза, ограничиваясь, по примѣру своего государя, „Сѣверной Пчелой"...

Въ 14 номерѣ „Московскаго Телеграфа" появилась статья „Приказные анекдоты". Въ ней разсказывалось, какъ иногда приказные чиновники проводятъ и обманываютъ мало знающихъ дѣло губернаторовъ. Какъ-то статья попалась Николаю I. По прочтеніи онъ велѣлъ Бенкендорфу приказать начальнику московскаго округа корпуса жандармовъ, генералу Волкову, призвать къ себѣ Полевого и цензора С. Н. Глинку, узнать, кто сочинилъ статью, объявить, что „при первомъ случаѣ, когда появится вновь такого рода статья, то поступлено будетъ съ ними по закону", и сдѣлать Глинкѣ строгій выговоръ. Журналистъ и цензоръ покорно выслушали высочайшій выговоръ и просили Волкова разрѣшить представить свои объясненія.

Просьба была уважена. Вотъ что писалъ Полевой 26 сентября:

„Съ чувствіемъ глубокой скорби внималъ я объявленное Вами мнѣ Высочайшее повелѣніе. Какъ святому долгу, какъ первой обязанности моей повинуюсь волѣ моего великаго государя. *Да будетъ мнѣ стыдно*, если я покушался на чью-либо личность въ статьѣ, помѣщенной въ № 14-мъ „Телеграфа", если я, писавши ее, имѣлъ въ виду что-либо другое, кромѣ общественной пользы и славы монарха русскаго! Покорно прошу Ваше Превосходительство оказать мнѣ благодѣтельное участіе, доведя до свѣдѣнія высшаго начальства нижеслѣдующее.

„Въ № 17 „Телеграфа", стр. 121—127, помѣщена статья, которую писалъ я въ дополненіе и поясненіе всѣхъ прежде помѣщенныхъ статей сего рода. [1] Я страшусь подумать, что ее могутъ почесть возраженіемъ или оправданіемъ, писаннымъ послѣ объявленной мнѣ высочайшей воли и, слѣдственно, предположить, что я осмѣлился изъяснять и толковать, вмѣсто безпрекословнаго повиновенія, которое почитаю моимъ долгомъ. Когда Ваше Превосходительство объявили мнѣ полученное Вами предписаніе, 17-я книжка „Телеграфа" была уже отпечатана и раздавалась, такъ что я не могъ остановить ее. Благоволите обратить на сіе вниманіе Ваше.

„Чтобы извлечь надлежащую пользу для общества изъ критическихъ статей о нравахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣйствовать сообразно намѣреніямъ и волѣ правительства, да позволено мнѣ будетъ отнынѣ прежде обыкновенной цензуры подвер-

[1] „Новый живописецъ общества и литературы".

гать статьи сего рода, кромѣ мелочныхъ и ничтожныхъ по содержанію своему статей, цензурѣ особенной, доставляя ихъ для разсмотрѣнія къ Вашему Превосходительству. Я осмѣливаюсь думать, что тогда ревность моя дѣйствовать сочиненіями къ исправленію нравовъ и тѣмъ споспѣшествовать благодѣтельнымъ видамъ правительства не вовлечетъ меня въ неумышленную ошибку, которая можетъ дѣлать виновнымъ въ виду онаго.

„Во всемъ этомъ, Ваше Превосходительство, изволите видѣть искреннее желаніе: согласить пользу посильныхъ трудовъ моихъ съ охраненіемъ порядка общественнаго. Какъ русскій, пламенно любящій славу монарха, видящій въ немъ не только моего государя, *но и великаго, геніальнаго человѣка нашего времени*, я увѣренъ, что его свѣтлый умъ знаетъ и цѣнитъ всѣ, даже и малѣйшія средства дѣйствовать на подвластный ему народъ, сообразно мудрымъ его предначертаніямъ“.

Письмо это было доложено Бенкендорфомъ государю, и Николай I обратилъ право Полевого по его просьбѣ въ обязанность по своему повелѣнію: критическія статьи „Московскаго Телеграфа“ прежде представленія ихъ цензурѣ передавать на разсмотрѣніе генерала Волкова. [1]

Зачѣмъ же Полевой добровольно надѣвалъ на себя такой страшный хомутъ? — спроситъ читатель. Нѣтъ, это былъ не хомутъ. У Полевого съ Волковымъ были очень добрыя личныя отношенія, а московская цензура иногда не давала ему возможности просто пикнуть, заставляя представлять чуть ли не втрое больше матеріала, чѣмъ нужно было въ очередной номеръ, и часто весь его уничтожая, такъ что книжки нерѣдко опаздывали. Полевой хорошо зналъ любившаго повеселиться Волкова и понималъ, что, передавъ ему верховный надзоръ за журналомъ, онъ этимъ самымъ освободитъ себя отъ назойливости и свирѣпства цензоровъ, всегда имѣвшихъ возможность сослаться на предварительное разрѣшеніе жандарма. Послѣдній же былъ такъ силенъ при Бенкендорфѣ, по настоятельной просьбѣ котораго промѣнялъ видное строевое мѣсто на жандармскій мундиръ, что мало чѣмъ рисковалъ даже и при такомъ царѣ, какимъ былъ Николай. Государь и самъ очень дорожилъ Волковымъ, сумѣвшимъ расположить къ себѣ населеніе Москвы за исключеніемъ, разумѣется, ея интеллигентныхъ одиночекъ.

---

[1] *Н. Д.* (убровинъ). „Н. А. Полевой, его сторонники и противники по „Московскому Телеграфу“, „Русская Старина“, 1903 г., № 2, 264—266.

IX.

1830 годъ.

Арестъ С. Н. Глинки. Арестъ А. Ѳ. Воейкова. Отношеніе къ іюльской революціи. Закрытіе „Литературной Газеты". Циркуляръ губернаторамъ. Переписка о „Le Furet". Недопущеніе анонимныхъ статей.

Въ первой книжкѣ „Московскаго Вѣстника" были напечатаны три замѣтки С. Т. Аксакова, изъ которыхъ одна осмѣивала какого-то министра, дававшаго рекомендацію чиновнику. Она очень не понравилась въ Петербургѣ. Бенкендорфъ распорядился арестовать цензора, С. Н. Глинку, такъ какъ за автора его просилъ кн. А. А. Шаховской. Глинка былъ посаженъ въ Москвѣ на гауптвахту. [1] Въ серединѣ того же 1830 года Глинкѣ пришлось высидѣть на гауптвахтѣ вторично за стихи въ альманахѣ „Денница", которымъ было дано какое-то противоправительственное толкованіе. [2]

Въ первомъ номерѣ Воейковскаго „Славянина" многихъ поразило стихотвореніе „Цензоръ", съ подзаголовкомъ „басня":

Когда *Ларобине* отпряли Парки годы
Того *Ларобине*, который въ жизни самъ
Былъ Паркою ума, и мыслей, и свободы,
Побрелъ онъ на покой къ Нелѣпости во храмъ.
„Кто ты?"—кричатъ ему привратники святыни.
„Яви, чѣмъ заслужилъ признательность богини?
„Твой чинъ? твой формуляръ? занятья? мастерство?"
— Я при Г—ѣ [3] былъ Цензоръ! молвилъ онъ.
И вдругъ предъ нимъ чета кладетъ земной поклонъ,
И двери растворились сами!

Съ французскаго *К. В—ій.*

Поднялась буря... Воейкова таскали на допросы, онъ отвѣчалъ, что не помнитъ, кто доставилъ ему стихи; цензоръ же К. С. Сербиновичъ сказалъ, что не подозрѣвалъ въ „переводѣ" личности. [4] Бенкендорфъ посадилъ Воейкова на гауптвахту.

[1] „Русскій Архивъ", 1904 г., № 3, 515—516.

[2] „Остафьевскій архивъ", III, 209.

[3] „Генералъ-полиціймейстеръ Парижскій, славный невѣжествомъ, но еще болѣе ханжествомъ"—гласило примѣчаніе переводчика, направленное на бывшаго министра народнаго просвѣщенія кн. Голицына.

[4] *А. В. Никитенко*, н. с., 200.

Курьезно, что стихотвореніе это было написано въ 1823 году княземъ Вяземскимъ и послано А. А. Бестужеву для его „Полярной Звѣзды“. Оптимистически настроенный князь писалъ при этомъ, что посылаетъ свою „Быль, которая сбудется“, въ надеждѣ, что въ 1824 году „надъ нами сіять будетъ солнце здраваго смысла, и цензура, какъ ночная сова, спрячется отъ лучей его въ дупло на вѣки вѣковъ“... Стихотвореніе было не совсѣмъ такимъ, какимъ попало въ „Славянинъ“, и прямо указывало на классически нелѣпаго цензора Красовскаго.

Когда Красовскаго пресѣкли Парки годы,
Того Красовскаго, который въ жизни самъ
Былъ Паркою ума и мыслящей свободы,
Побрелъ онъ на покой къ Нелѣпости во храмъ.
„Кто ты?“ кричатъ ему привратники святыни,
Невѣжество и Ханжество.
„Яви, чѣмъ заслужилъ признательность богини?
„Твой чинъ? твой формуляръ? занятье? мастерство?
„Отвѣтствуй передъ нами!“
„Я при Голицынѣ былъ цензоръ!“ молвилъ онъ,
И вдругъ предъ нимъ чета кладетъ земной поклонъ,
И двери растворились сами. [1]

Грянувшая іюльская революція во Франціи насторожила Николая и его приближенныхъ, особенно Третье Отдѣленіе. Государь не называлъ ее иначе, какъ „подлой“, и считалъ европейскія событія за предупрежденіе Россіи. Бенкендорфъ въ бесѣдахъ съ царемъ указывалъ, что „съ самой смерти Людовика XIV французская нація, болѣе испорченная, чѣмъ образованная, опередила своихъ королей въ намѣреніяхъ и потребности улучшеній и перемѣнъ; что не слабые Бурбоны шли во главѣ народа, а онъ самъ влачилъ ихъ за собой и что Россію наиболѣе ограждаетъ отъ бѣдствій революціи то обстоятельство, что у насъ со временъ Петра Великаго всегда впереди націи стояли монархи, но что по этому самому не должно слишкомъ торопиться съ просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнулъ тогда на ослабленіе ихъ власти“. [2]

Молодежь наша очень интересовалась всѣмъ, происходившимъ на Западѣ, вся же масса русскаго общества и до и послѣ революціи не знала, что дѣлалось по ту сторону ея западной границы. По справедливому замѣчанію М. А. Антоновича, „до насъ не доходилъ изъ Европы шумъ войнъ и сраженій, мы не слышали о великихъ государяхъ и великихъ полководцахъ, и потому воображали, что въ Европѣ нѣтъ исторіи, что она не живетъ; мы если и знали что-нибудь

[1] „Русская Старина“, 1888 г., № 11, 318.
[2] *Шильдеръ*, н. с., 11, 287.

объ европейской исторической жизни, то не могли ея понять, потому что у насъ самихъ была другая жизнь. Наши общественныя, политическія и соціальныя отношенія оставались неизмѣнными и не подвергались тѣмъ колебаніямъ, какія были съ ними въ новѣйшее время на Западѣ; насъ не занимали вопросы, волновавшіе Европу, потому что наша жизнь не задавала ихъ намъ; мы оставались безучастными къ политической гражданской борьбѣ, непрерывно продолжавшейся на Западѣ, потому что не имѣли и не видѣли у себя этой борьбы и намъ было все равно, кто побѣдитъ и кто будетъ побѣжденъ на Западѣ; ни съ одною стороною мы не чувствовали себя солидарными, родственными или соединенными хоть платоническою любовью". [1]

Въ 1830 году читатель русскихъ газетъ никакъ не могъ догадаться, что во Франціи приготовляются какія-то необыкновенныя событія. А когда буря разразилась, то она была для него непонятною неожиданностью.

Вотъ какъ изображена іюльская революція въ русскихъ газетахъ.

„По обнародованіи королевскихъ опредѣленій Парижъ сдѣлался позорищемъ бѣдственныхъ происшествій, кои мы не прежде хотѣли сообщить читателямъ нашимъ, какъ по полученіи достовѣрнѣйшихъ о томъ свѣдѣній. Королевско-Прусская государственная газета содержитъ въ себѣ касательно означенныхъ происшествій слѣдующее: 27 числа пополудни въ 4 часа произошли первые безпорядки въ улицѣ Сентъ-Оноре; войска храбро устояли противъ собравшагося народа, перепалка продолжалась во всю ночь, и на другое утро вооруженные жители парижскіе уже явились въ значительныхъ отрядахъ.

„Городъ былъ объявленъ въ блокадномъ состояніи, и по повелѣнію короля долженствовалъ состоять подъ исключительнымъ начальствомъ герцога Рагузскаго. Главныя стычки происходили въ продолженіе 28 іюля передъ Городскою Думою...; большая часть воинскихъ постовъ и карауленъ достались въ руки народа. Вечеромъ начали заграждать улицы. Въ продолженіе дня во всѣхъ частяхъ города раздаваемы и прибиваемы были къ стѣнамъ прокламаціи; присутственныя мѣста, биржа, всѣ общественныя и частныя заведенія были закрыты, а около полуночи битва на всѣхъ пунктахъ прекратилась, и жители, сражавшись 11 часовъ противъ хорошо вооруженныхъ военныхъ силъ, удалились. — 29 числа пополуночи въ $3^1/_2$ часа снова ударили въ набатъ и защищаемый швейцарскою стражею Луврь послѣ упорнаго сраженія взятъ приступомъ. Наконецъ около 6000 парижскихъ жителей заняли Тюллерійскій дворецъ послѣ двухъ нападеній, въ коихъ были сильно отражаемы, а ввечеру королевская гвардія, которая отличалась храбростью, заслуживающею великихъ похвалъ, принуждена была оставить Парижъ. Число убитыхъ и раненыхъ обывателей и военныхъ людей еще въ точности опредѣлить нельзя.—Около 50 депутатовъ собрались для сочиненія протестаціи противъ королевскихъ опредѣленій.—Въ сей же день Временное правительство по-

[1] *Шлоссеръ*, „Исторія XVIII столѣтія и XIX до паденія французской имперіи", изд. 2, 1871 г., ст. VIII, предисловіе М. Антоновича, стр. LXI.

средствомъ прокламаціи извѣстило публику, что учреждена муниципальная (городовая) комиссія, составленная изъ депутатовъ... Въ ночи 30 іюля король съ королевскою фамиліею оставили (sic) Сенъ-Клу. Временное правительство избрало министерство, состоящее изъ слѣдующихъ лицъ...—Палата депутатовъ въ своемъ засѣданіи 30 іюля опредѣлила просить его королевское высочество герцога Орлеанскаго пріѣхать въ столицу и принять на себя званіе намѣстника государства, вслѣдствіе чего 31 іюля въ часъ пополудни обнародована была прокламація, въ коей герцогъ Орлеанскій объявилъ, что соглашается на принятіе таковаго предложенія". [1]

И этотъ вздоръ, сочиненный по приказанію Николая, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и одобренный въ Третьемъ Отдѣленіи, былъ напечатанъ въ официальномъ органѣ нашего правительства—„Journal de St-Pétersbourg".

Въ слѣдующемъ номерѣ повторенъ съ немногими видоизмѣненіями этотъ же разсказъ. Кромѣ того прибавлено, что король издалъ декларацію, въ которой изъявилъ согласіе на собраніе обѣихъ палатъ къ 3-му августа и даровалъ герцогу орлеанскому званіе намѣстника. Затѣмъ было сказано:

„Вечеромъ 2 августа герцогъ Орлеанскій получилъ письмо, коимъ король извѣстилъ его о принятомъ Его Величествомъ рѣшеніи отказаться отъ короны, а равно объ отреченіи Дофина, въ пользу герцога Бордосскаго, имѣющаго вступить на престолъ подъ именемъ Генриха V.—Его королевское высочество, открывъ палаты 3 августа, извѣстилъ ихъ въ своей рѣчи объ отреченіи короля отъ короны, а Дофина отъ правъ наслѣдства.—(Въ письмѣ Карла X, извѣщавшемъ объ этомъ герцога Орлеанскаго и напечатанномъ въ русскихъ газетахъ, говорилось между прочимъ: „Потомъ мы опредѣлимъ другія мѣры вслѣдствіе перемѣнъ царствованія"). При отправленіи сихъ извѣстій изъ Парижа еще не были извѣстны дальнѣйшія рѣшенія по сему дѣлу; но вообще думали, что король и королевская фамилія рѣшатся оставить Францію; говорено было о принятыхъ уже мѣрахъ для облегченія ихъ морского путешествія и для охраненія Августѣйшихъ Путешественниковъ до прибытія ихъ на корабли. [2]

Затѣмъсказано было, что, по предложенію палаты, намѣстникъ принялъ корону Франціи. „Journal de St.-Pétersbourg" напечаталъ еще нѣсколько рѣчей легитимистовъ, говорившихъ противъ возведенія въ королевскій санъ герцога Орлеанскаго, а не указаннаго Карломъ X-мъ Генриха V.

Въ „Сѣверной Пчелѣ" буквально повторены всѣ статьи официоза и на этомъ февральская революція была кончена.... Ничего другого никому разрѣшено не было.

---

[1] Переводъ цитирую по №№ 94 и 95 „СПБ. Вѣдомостей".

[2] Ibidem, № 96.

28 октября въ самомъ концѣ 61-го нумера „Литературная Газета“ помѣстила слѣдующую замѣтку:

„Вотъ новые четыре стиха Казимира де-ла-Виня, на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля:

France, dis-moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funèbre munoment:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaitre“. [1]

Перевода сдѣлано не было, какъ бы изъ боязни пустить стихи въ болѣе широкую массу.

Черезъ два дня Бенкендорфъ уже просилъ новаго министра народнаго просвѣщенія, кн. Ливена, сообщить ему, кто прислалъ эти „помѣщенные ни къ какой стати стихи“, „которыхъ содержаніе, мягко сказать, неприлично и можетъ служить поводомъ къ неблаговиднымъ толкамъ и сужденіямъ“, и какими правилами руководствовался разрѣшившій ихъ цензоръ. Издатель „Литературной Газеты“ бар. А. А. Дельвигъ отвѣчалъ, что стихотвореніе де-ла-Виня „прислано ему отъ неизвѣстнаго, какъ произведеніе поэзіи, имѣющее достоинство новости, и напечатано въ газетѣ, какъ многія другія чисто литературныя произведенія, безъ всякаго примѣненія къ обстоятельствамъ или отношеніямъ, съ разрѣшенія цензуры“. Цензоръ Семеновъ, съ своей стороны, отозвался, что въ стихахъ „онъ, по чистой совѣсти, не нашелъ ничего противнаго отечественнымъ законамъ и цензурнымъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что смерть людей, на памятникѣ которыхъ предположено сдѣлать надписи, сопряжена съ новымъ правительствомъ Франціи, которое признано и Россіею, и прочими державами Европы“. Онъ никакъ не могъ предполагать, „чтобъ стихи де-ла-Виня могли сколько-нибудь быть примѣнены къ Россіи, которая блаженствуетъ подъ скипетромъ мудраго монарха и находится въ совершенно другихъ отношеніяхъ, нежели Франція“. [2]

Бенкендорфа все это совершенно не удовлетворяло. Объясненіе Дельвига онъ находилъ „не только недостаточнымъ, но даже непростительнымъ для человѣка, коему сдѣлано довѣріе издавать журналъ“. „Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ—прибавлялъ Бенкендорфъ въ письмѣ къ кн. Ливену отъ 8 ноября—и самонадѣянный, *нѣсколько* дерзкій образъ его извиненій

[1] „Франція, скажи мнѣ ихъ имена? Я ихъ не вижу на этомъ печальномъ памятникѣ. Они такъ скоро побѣдили, что ты была свободна раньше, чѣмъ успѣла ихъ узнать“.

[2] „Цензура въ царствованіе императора Николая I“—„Русская Старина“, 1901, IX, 662—663. Работа эта, составленная на основаніи подлинныхъ матеріаловъ министерства народнаго просвѣщенія, принадлежитъ перу покойнаго В. В. Стасова, что мнѣ удостовѣрилъ въ свое время Дубровинъ, редакторъ „Русской Старины“. Кстати замѣчу, что, кажется въ семидесятыхъ годахъ, Стасову же было поручено государемъ составить очеркъ исторіи Третьяго Отдѣленія, который имъ и представленъ былъ Александру II. Къ сожалѣнію, въ семьѣ Стасовыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ отъ этой интересной работы.

меня еще болѣе убѣдилъ въ семъ моемъ заключенiи". „Нѣсколько дерзокъ" Дельвигъ былъ потому, что его, человѣка вполнѣ благонамѣреннаго, но благодаря стихамъ зачисленнаго въ лигу „истинно бѣшеныхъ либераловъ", Бенкендорфъ въ глаза назвалъ почти якобинцемъ и далъ почувствовать, что правительство держитъ его подъ надзоромъ.

Кн. Ливенъ первый высказалъ мысль о запрещенiи „Литературной Газеты". [1] Бенкендорфу она пришлась вполнѣ по вкусу. Ни министръ, ни начальникъ Третьяго Отдѣленiя не взвѣсили, насколько эта суровая мѣра соотвѣтствовала „вреду" органа. Они игнорировали, что газета бар. Дельвига была все время очень далека отъ какого бы то ни было „либерализма" и не выходила изъ предѣловъ строго литературныхъ. Отъ Третьяго Отдѣленiя былъ представленъ докладъ государю, на которомъ положена резолюцiя: „Семенову сдѣлать строгiй выговоръ, а Дельвигу запретить изданiе газеты". Изданiе ея было передано, по желанiю Дельвига, Оресту Сомову, но у него она не продержалась дальше iюня слѣдующаго года.

Въ серединѣ января 1831 года Дельвига не стало: онъ умеръ отъ испытаннаго потрясенiя. По словамъ Анненкова, вслѣдъ за претерпѣнной имъ отъ Бенкендорфа бурей угрозъ, подозрѣнiй и оскорбленiй, „онъ заперся въ своемъ домѣ, завелъ карты, дотолѣ невидѣнныя въ немъ, никуда не показывался и никого не принималъ, кромѣ своихъ близкихъ. Подъ дѣйствiемъ такого образа жизни и глубоко почувствованнаго огорченiя можно было опасаться, что первая серьезная болѣзнь унесетъ всѣ его силы. Такъ и случилось—болѣзнь не заставила себя ждать и быстро свела его въ могилу". [2] За мѣсяцъ до его смерти Пушкинъ писалъ Плетневу: „Дельвигъ долженъ оправдаться передъ государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его газетѣ не было и тѣни не только мятежности, но и недоброжелательности къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ, а то шпiоны-литераторы заѣдятъ его, какъ барана, а не какъ барона". [3]

Но, очевидно, баронъ Дельвигъ не имѣлъ силъ бороться съ Бенкендорфомъ, не очень-то долюбливавшимъ его за дружбу съ Пушкинымъ, а „Газету"— за пушкинскiя статьи, не будь которыхъ, она преспокойно бы продолжала существовать.

Хорошо освѣдомленный Никитенко записалъ: „Публика въ ранней кончинѣ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа".

---

[1] *Никитенко*, „Записки и дневникъ", 1904 г., I, 207.

[2] „Воспоминанiя и критич. очерки", III, 233. По словамъ Мельгунова, Дельвигъ умеръ „отъ воспаленiя въ мозгу *вслѣдствiе простуды*", но это никѣмъ не подтверждается (*Кенигъ*, „Очерки русской литературы", Спб., 1862 г., 122).

[3] Сочиненiя, VII, 380.

21 декабря Бенкендорфъ разослалъ губернаторамъ печатный циркуляръ, въ которомъ увѣдомлялъ, что государь императоръ, „предполагая, что, по случаю возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ безпорядковъ, злонамѣренные, помогающіе возмущенію и безначалію, могутъ содѣйствовать къ распространенію преступныхъ своихъ правилъ между жителями и внутреннихъ губерній Россіи, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ обратить на сіе должное вниманіе начальниковъ губерній, съ тѣмъ, чтобы на случай, когда въ губерніи появятся какія-либо воззванія къ народу или сочиненія, клонящіяся къ внушенію мирнымъ жителямъ мнѣній, противныхъ государственнымъ постановленіямъ или гражданскому порядку, губернаторъ, немедленно препроводивъ оныя, принялъ надлежащія мѣры къ открытію сочинителей и распространителей таковыхъ разглашеній“. [1]

Министръ просвѣщенія, кн. К. А. Ливенъ, [2] старался держаться возможно независимѣе по отношенію къ Бенкендорфу, чѣмъ это дѣлалъ подъ конецъ его предшественникъ, Шишковъ, и иногда подчеркивалъ это совершенно ясно.

Это не значило, что онъ не сочувствовалъ программѣ Бенкендорфа въ области цензуры; онъ лишь давалъ всегда почувствовать, что во главѣ своего „досмотра“ ставитъ писанный законъ, а не III Отдѣленіе. Любопытное столкновеніе на этой почвѣ произошло у нихъ въ концѣ 1830 года. 22 декабря Бенкендорфъ написалъ Ливену: „Покорнѣйше прошу Вашу Свѣтлость воспретить издателю французской газеты „Le Furet“ помѣщать въ оной статьи объ императорскихъ театрахъ, поручивъ цензурѣ надлежащее за симъ наблюденіе. [3] Такое ничѣмъ не мотивированное вмѣшательство разсердило Ливена, и онъ тотчасъ же отвѣчалъ, что исполнить этого не можетъ, такъ какъ уставъ 1828 г. дозволяетъ всякія сужденія о театрахъ. „Если же“, прибавлялъ онъ, „есть высочайшая государя императора воля, либо вы находить изволите нужнымъ, чтобъ во всѣхъ журналахъ вообще или только въ „Furet“, по причинѣ какого-либо съ его стороны упущенія, не печатать сужденія о театрахъ, то для учиненія надлежащаго распоряженія я долженъ имѣть высочайшее о томъ повелѣніе, которымъ бы отмѣнялось прежде данное его величествомъ узаконеніе“.

Бенкендорфъ, не привыкшій вообще къ подобнымъ афронтамъ, рѣшилъ съехидничать: „На отвѣтъ вашей свѣтлости, въ коемъ вамъ угодно было спросить меня, по высочайшему ли повелѣнію просилъ я васъ запретить издателю „Le Furet“ помѣщать въ семъ изданіи статьи объ императорскихъ театрахъ, честь имѣю отвѣтствовать, что помѣщеніе въ журналѣ „Le Furet“ статей объ императорскихъ театрахъ воспрещается издателю онаго по высочайшему повелѣнію государя императора, и что въ первомъ отношеніи моемъ по сему предмету къ вашей свѣтлости не употребилъ я высочайшаго имени его величества, бывъ увѣренъ, что само

[1] „Русская Старина“, 1889 г., XI, 363—364.

[2] Родной братъ его былъ женатъ на родной сестрѣ Бенкендорфа.

[3] Газета издавалась преподавателемъ французскаго языка въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Карломъ Сенъ-Жульенъ.

собою разумѣется, что таковыя запрещенія дѣлаются не мною, а государемъ, священное имя коего намъ вообще надлежало бы употреблять гораздо рѣже въ обыкновенныхъ нашихъ отношеніяхъ".

Въ послѣднихъ словахъ заключается цѣлый пріемъ не только III Отдѣленія, а и другихъ министровъ николаевскаго царствованія. Бенкендорфъ употреблялъ его лишь чаще другихъ и, благодаря этому, сплошь и рядомъ его личныя распоряженія исполнялись безпрекословно, потому что думали, что они основаны на высочайшей волѣ. Утвержденіе современниковъ, что Николай I часто не зналъ, что творилось III Отдѣленіемъ якобы его именемъ,—совершенно вѣрно и подтверждается словами самого государя, сказавшаго де-Санглену про Бенкендорфа и другихъ, что отъ него скрываютъ иногда важныя бумаги, „содержатъ все въ тайнѣ и отвѣчаютъ за меня". [1]

Кн. Ливенъ, окончательно возмущенный такимъ наставительствомъ, въ тотъ же день отвѣчалъ: „Изъ отношенія вашего, полученнаго мною сегодня, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что вы, милостивый государь, изволите полагать, будто я спрашивалъ васъ, по высочайшему ли повелѣнію вы относитесь о запрещеніи издателю „Le Furet" помѣщать статьи о театрахъ. Прочитавъ вновь прежнее мое отношеніе, я не нашелъ въ ономъ вышеозначеннаго вопроса. Въ немъ я выписалъ § высочайше утв. устава о цензурѣ, въ силу коего главное управленіе цензуры не можетъ воспрещать издателямъ журналовъ печатать сужденія о театрахъ, дабы показать, что я не въ правѣ исполнить требованіе ваше безъ высочайшаго повелѣнія. Никто, конечно, не благоговѣетъ болѣе меня предъ августѣйшимъ именемъ его величества и не можетъ быть осторожнѣе въ употребленіи онаго. Сей урокъ мнѣ не нуженъ и въ бумагѣ вашей ко мнѣ излишенъ. Но бумага, въ которой требуется противное закону, утвержденному священнымъ именемъ государя императора, не есть обыкновенное отношеніе и не можетъ имѣть никакого дѣйствія безъ объясненія высочайшей на то воли. Въ такомъ случаѣ подразумѣваніе невозможно и онаго требовать никто права не имѣетъ. Вслѣдствіе же послѣдняго отношенія вашего о высочайшемъ повелѣніи запретить печатать въ „Furet" статьи о театрахъ я сдѣлалъ надлежащее о томъ распоряженіе".

Черезъ день Ливенъ почувствовалъ, что̀ значило не слушаться сразу всесильнаго „охранителя". Онъ разрѣшилъ напечатать анонимную статью „Общій статистическій взглядъ на Петербургъ" въ „Сѣверномъ Меркуріи", встрѣтившую препятствіе у цензора. Такъ какъ статья разрѣшена была формально главнымъ управленіемъ цензуры, въ которомъ предсѣдательствовалъ министръ, то данный управленію, по докладу Бенкендорфа, высочайшій выговоръ, несомнѣнно, касался ближе всего кн. Ливена. [2]

[1] *Я. И. де-Сангленъ*, „Записки", „Русская Старина", 1883 г., III, 570.

[2] „Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Русская Старина", 1901 г., IX, 658—659.

Анонимныя статьи, всегда не по вкусу приходившіяся карателямъ литературы, потому что часто нельзя было добиться отъ редакторовъ имени истиннаго виновнаго, навели Бенкендорфа на мысль положить конецъ такому укрывательству. 28 декабря онъ сообщилъ Ливену о высочайшемъ повелѣніи принять, какъ общую мѣру, за правило, чтобы „никакая статья не могла быть напечатана въ газетахъ и журналахъ безъ подписи сочинителя". 29 декабря министръ сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, въ силу котораго „всѣ поступающія въ редакціи повременныхъ изданій статьи, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, за исключеніемъ объявленій о подрядахъ, продажахъ, зрѣлищахъ и т. п., должны быть за подписью сочинителей и переводчиковъ, и при томъ не вымышленной, но подлинной ихъ фамиліи". [1] Это нововведеніе даже цензурой было встрѣчено не совсѣмъ сочувственно. Немедленно петербургскій цензурный комитетъ отнесся въ главное управленіе съ представленіемъ о неосуществимости такого приказанія. „Если всѣ безъ изъятія статьи должны носить подпись сочинителя—спрашивалъ онъ между прочимъ,—то какой подписи можно требовать отъ издателей, если ими печатаются статьи, сочиненныя министрами или начальниками управленій, дабы приготовить публику къ принятію извѣстнаго правительственнаго распоряженія, или разрѣшить ея недоумѣнія и опровергнуть ложные толки?" „Какія могутъ быть удостовѣренія, что имя, выставленное подъ статьею, истинное, а не вымышленное?". [2]

„Подарокъ русскимъ писателямъ къ новому году — записалъ Никитенко подъ 30 декабря:— въ цензурѣ получено повелѣніе, чтобы ни одно сочиненіе не допускалось къ печати безъ подписи авторскаго имени. Истекшій годъ, вообще, принесъ мало утѣшительнаго для просвѣщенія въ Россіи. Надъ нимъ тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія въ прозѣ и стихахъ запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники... *Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ*. Намъ пришлось удостовѣриться въ горькой истинѣ, что на землѣ русской нѣтъ и тѣни законности. Умы болѣе и болѣе развращаются, видя, какъ нарушаются законы тѣми самыми, которые ихъ составляютъ; какъ быстро одни законы смѣняются другими и т. д. Въ образованной части общества все сильнѣе возникаетъ духъ противодѣйствія, который тѣмъ хуже, чѣмъ онъ сокровеннѣе: это червь, подтачивающій дерево. Якобинецъ порадуется этому, но человѣкъ мудрый пожалѣетъ о политическихъ ошибкахъ, конецъ коихъ предвидѣть не трудно".

---

[1] „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г.", 1862 г., 219.
[2] „Русская Старина", 1901 г., IX, 665—666.

X.

1831 годъ.

Снова анонимныя статьи. Выговоръ Ливену. Комитетъ 1831 года. Хитрость С. Т. Аксакова. Награда Погодину. Желаніе подкупить Каратыгина. „Ослы“. Сожженіе русской конституціи.

6 января 1831 г. Бенкендорфъ, убѣжденный обстоятельствами въ совершенной неисполнимости „новогодняго подарка“, сообщилъ Ливену слѣдующее высочайшее повелѣніе:

„Для устраненія *всякаго* недоразумѣнія и затрудненія въ литературныхъ занятіяхъ, могущаго возникнуть (изъ вышеприведеннаго запрещенія—*М. Л.*), государю императору угодно было, чтобы министръ народнаго просвѣщенія представилъ на высочайшее утвержденіе слѣдующія правила, въ дополненіе къ уставу о цензурѣ:

1) Издатель журнала, представляя статью въ цензуру, долженъ объявить цензору имя автора, если оно ему извѣстно.

2) Если статья доставлена отъ неизвѣстной особы, то сіе должно быть объявлено цензору.

3) Подъ статьею, одобренною къ напечатанію, можно выставлять имя автора, начальныя буквы его имени и фамиліи или какой-либо шифръ, также имя вымышленное; можно печатать статью и безъ подписи, лишь бы сочинитель оной былъ извѣстенъ цензору.

4) Въ случаѣ напечатанія статьи, доставленной отъ неизвѣстнаго, вся отвѣтственность падаетъ на издателя журнала, какъ бы на сочинителя статьи“. [1]

Но министръ нашелъ, что „неудобно было бы присоединить такія правила къ уставу о цензурѣ, потому что они противорѣчили бы § 47 этого устава, гдѣ сказано, что отвѣтственность за напечатаніе книги или статьи лежитъ на цензорѣ или цензурномъ комитетѣ, давшемъ пропускъ“. Поэтому кн. Ливенъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ заключеніе котораго писалъ: „Въ настоящихъ обстоятельствахъ со стороны правительства можетъ быть потребно обратить особенное вниманіе на образъ мыслей и на намѣренія лицъ, предпринимающихъ дѣйствовать на публику чрезъ повременныя изданія; посему я осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству, не благоугодно ли повелѣть сдѣлать *секретное* предписаніе цензурнымъ комитетамъ о наблюденіи вышеизложенныхъ правилъ. Такимъ образомъ цѣль сего распоряженія будетъ удобнѣе достигнута оттого, что принятая мѣра не получитъ общей гласности“. [2]

[1] Секретная „Записка о цензурѣ колл. асс. Фукса“, 1862 г., 66.

[2] „Цензура въ царствованіе императора Николая I“—„Русская Старина“, 1901 г., IX, 666.

Такое упорное нежеланіе кн. Ливена подчиниться разъ принятому рѣшенію было причиной очень непріятнаго для него распоряженія: для совѣщанія по поводу злосчастнаго авторскаго имени былъ назначенъ немедленно особый комитетъ изъ вице-канцлера гр. Нессельроде, ген.-ад. Васильчикова, министра юстиціи Дашкова и Бенкэндорфа. [1] Ливенъ былъ обойденъ.

Черезъ нѣсколько дней на него обрушился другой ударъ. Государь, разсматривая одно цензурное дѣло, положилъ резолюцію: „министру народнаго просвѣщенія велѣть подтвердить цензорамъ быть осторожнѣе, ибо съ нѣкоторыхъ поръ во всѣхъ журналахъ, не исключая даже „Академическихъ Вѣдомостей", проскакиваютъ неприличныя и даже часто весьма дерзкія статьи. Впредь министръ просвѣщенія за сіе отвѣчаетъ". [2] Это уже было слишкомъ серьезно и необычно.

Понимая, что, благодаря стараніямъ Бенкендорфа, почва подъ нимъ можетъ ускользнуть, Ливенъ рѣшилъ удовлетворить его лишней литературной уздой—и вотъ появилось распоряженіе: „цензурѣ поставляется въ обязанность разсматривать періодическія изданія съ особымъ вниманіемъ и въ пропускѣ назначаемыхъ для нихъ статей соблюдать крайнюю осмотрительность и осторожность, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности цензора, которой вмѣстѣ съ нимъ подвергаются лично и редакторы, за всякое дурное направленіе статей ихъ изданій". [3] Изданное 17 января распоряженіе это было повторено кн. Ливеномъ еще дважды: 25 мая 1831 г. и 9 февраля 1832 года. Куда дѣвалась и законность: отвѣтственность редакторовъ была не меньшей новостью, чѣмъ мѣра Бенкендорфа.

Особый комитетъ окончилъ свои занятія въ мартѣ 1831 г. и въ результатѣ представилъ государю очень интересную секретную записку, въ которой видно особенное вліяніе начальника III Отдѣленія.

Начинается она съ указанія на извѣстный уже читателю всеподданнѣйшій докладъ-записку кн. Ливена, а затѣмъ читаемъ:

„По внимательномъ разсмотрѣніи сей записки и по соображеніи предполагаемыхъ дополненій съ разумомъ и точными словами устава о цензурѣ, мы, съ своей стороны, находимъ слѣдующее:

„Цѣлію сего устава было способствовать успѣхамъ истиннаго просвѣщенія и даровать упражняющимся въ словесности и наукахъ всю возможную свободу издавать въ свѣтъ труды свои, съ тѣмъ, однакоже, необходимымъ условіемъ, чтобы въ оныхъ не было ничего противнаго правиламъ вѣры и неприкосновен-

[1] 8 февраля 1831 г. ему повелѣно присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ.

[2] „Цензура въ царствованіе импер. Николая I"—„Русская Стар.", 1903 г., II, 307.

[3] „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ", 219.

ности верховной самодержавной власти и ничего оскорбительнаго для доброй нравственности и для личной каждаго чести. Вслѣдствіе сего отмѣнены постановленія прежняго устава, стѣснявшія сочинителей и переводчиковъ въ безвредномъ распоряженіи ихъ произведеніями, а въ отношеніи къ отвѣтственности за изданіе книги или статьи, противной правиламъ цензуры, оная возложена § 47 на цензора или членовъ комитета, подписавшихъ опредѣленіе о пропускѣ. Но таковое постановленіе, обращая, по строгой справедливости, отвѣтственность за изданіе вредной книги или статьи исключительно на тѣхъ, кои имѣли прямую и непремѣнную обязанность воспретить оное, отнюдь не могло освободить и не освобождаетъ отъ законнаго преслѣдованія самихъ сочинителей или переводчиковъ во всѣхъ случаяхъ, когда они, по существу представленной ими книги или статьи, подлежатъ дѣйствію общихъ уголовныхъ законовъ. Пропускъ къ напечатанію вредной книги есть, собственно, вина цензора; но что было преступленіемъ до изданія оной, то не перестаетъ быть преступленіемъ и послѣ, и авторъ безбожнаго или возмутительнаго сочиненія, представившій оное въ цензуру, и, слѣдовательно (?), изобличенный въ намѣреніи обнародовать (?) оное, долженъ быть преданъ суду на основаніи общихъ законовъ, несмотря на данное ему отъ цензора одобреніе.

„Изъ сего слѣдуетъ, что правительство, *отнюдь не нарушая цензурнаго устава* и оставляя отвѣтственность за изданіе книги исключительно на цензурѣ, имѣетъ, однакоже, полное право требовать объявленія ему имени каждаго сочинителя или переводчика, въ произведеніяхъ коего будетъ усмотрѣно нарушеніе общихъ уголовныхъ законовъ, или стремленіе къ вредной для общаго спокойствія цѣли, для преданія его суду, или же для учрежденія за нимъ полицейскаго надзора, смотря по существу вины его. Въ первомъ случаѣ нѣтъ никакой нужды дѣйствовать секретными предписаніями: ибо само собою очевидно, что невинная свобода, даруемая авторамъ, скрывать предъ публикою имена свои, не можетъ ни въ какомъ отношеніи служить имъ ни предлогомъ, ни средствомъ къ укрытію себя отъ заслуженнаго по общимъ законамъ наказанія“.

Находя, что „существующими узаконеніями (извѣстное уже читателямъ мнѣніе госуд. совѣта отъ 25 апрѣля 1828 года о доносѣ цензорами на авторовъ) приняты уже достаточныя мѣры для обузданія неблагонамѣренныхъ авторовъ и издателей“, особый комитетъ полагалъ, что для исполненія объявленной ему высочайшей воли „остается только обратить вниманіе на то, чтобы виновные не могли избѣгать заслуженнаго ими наказанія или надзора сокрытіемъ именъ своихъ отъ правительства“. А для этого комитетъ рекомендовалъ: „привести въ дѣйство вышесказанное постановленіе госуд. совѣта скорѣйшимъ, по возможности, составленіемъ наказовъ цензорамъ, а между тѣмъ, на семъ же основаніи, вмѣнить имъ въ обязанность, хотя частными предписаніями, чтобы они о сочиненіяхъ, показывающихъ духъ неблагонамѣренный, извѣщали высшее начальство“.

Дальше слѣдовалъ второй пунктъ, повторявшій четыре пункта отношенія Бенкендорфа къ кн. Ливену отъ 6 января 1831 г.

Въ заключеніи записки говорилось: „Признавая таковыя мѣры осторожности

достаточными, безъ дополненія цензурнаго устава, мы осмѣливаемся повергнуть мнѣніе наше на высочайшее усмотрѣніе в. и. величества. Къ тому считаемъ долгомъ присовокупить, что, вникая въ причины нѣкоторыхъ недоразумѣній и противорѣчій въ исполненіи устава, мы не можемъ не отнести ихъ отчасти къ недостатку въ главномъ управленіи цензуры свѣдѣній *о настоящемъ расположеніи умовъ и о соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ*. Для отвращенія сего неудобства, мы единогласно полагаемъ, что въ главное управленіе цензуры надлежало бы опредѣлить сверхъ членовъ отъ министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, еще члена со стороны шефа жандармовъ". [1]

28 марта Бенкендорфъ препроводилъ къ Ливену записку комитета, съ высочайшей на ней резолюціей: „исполнить". На слѣдующій же день по министерству народнаго просвѣщенія были сдѣланы всѣ соотвѣтствующія распоряженія, а 31 марта подтверждено къ неуклонному исполненію мнѣніе госуд. совѣта 25 апрѣля 1828 г. о немедленномъ доносительствѣ по начальству на авторовъ неблагонамѣренныхъ сочиненій...

Такимъ образомъ, начало новаго года преподнесло подарокъ, едва ли не превосходящій первый: установилась и до сихъ поръ существующая двойная отвѣтственность—цензора и издателя, рядъ доносовъ возобновился съ новой энергіей испуганныхъ цензоровъ, цензурное вѣдомство имѣло члена отъ III Отдѣленія, который вносилъ въ него новыя знанія „о настоящемъ расположеніи умовъ и соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ",—знанія, въ немалой степени опредѣлявшія дальнѣйшую дѣятельность этого учрежденія...

Представителемъ III Отдѣленія въ главномъ управленіи цензуры былъ ближайшій помощникъ Бенкендорфа,— А. Н. Мордвиновъ, смѣнившій умершаго въ 1831 году Фока. [2] Свѣдѣнія о немъ очень скудны. Есть лишь вѣроятіе предполагать, что насколько онъ былъ менѣе талантливъ, чѣмъ его предшественникъ, настолько же былъ и непорядочнѣе его.

Очень характернымъ фактомъ, иллюстрирующимъ настроеніе Бенкендорфа въ годину польскаго возстанія, является инцидентъ съ драмой Погодина „Марѳа Посадница". Цензировавшій ее С. Т. Аксаковъ еще въ концѣ августа 1830 года не нашелъ возможнымъ не пропустить ее, но въ свѣтъ она выпущена не была: осторожный авторъ „Семейной хроники" пріостановилъ выпускъ въ виду іюльскихъ дней во Франціи, а затѣмъ подошли польскія дѣла. Желая сложить съ

[1] „Записка о цензурѣ колл. асс. Фукса", 61—65.

[2] Послѣдній шагъ Фока по отношенію къ литературѣ—задержка на два года (до 1833 г.) напечатанія „Горя отъ ума", полученнаго имъ отъ Ливена и спрятаннаго подъ сукно („Русская Стар.", 1903 г., VI, 645).

себя отвѣтственность, Аксаковъ написалъ объ этомъ Бенкендорфу, и вотъ какой отвѣтъ получилъ отъ него:

„Милостивый государь, Сергѣй Тимофѣевичъ! Искреннѣйше благодарю васъ, милостивый государь, за довѣріе, оказанное мнѣ вами въ письмѣ, при коемъ вы изволили препроводить ко мнѣ экземпляръ трагедіи „Марѳа Посадница Новгородская“, напечатанной по дозволенію вашему, но не выпущенной въ свѣтъ по нѣкоторому сомнѣнію, для разрѣшенія коего вы, милостивый государь, съ согласія г. сочинителя сей трагедіи, спрашиваете мнѣнія моего. Честь имѣю васъ увѣдомить, что чтеніе сей трагедіи, написанной въ духѣ отлично благородномъ и похвальномъ, доставило мнѣ величайшее удовольствіе и что я не предвижу ничего, могущаго препятствовать выпуску оной въ продажу; но въ уваженіе причинъ, побудившихъ васъ, милостивый государь, обратиться съ симъ вопросомъ ко мнѣ, я съ своей стороны полагалъ бы неизлишнимъ, *въ предупрежденіе какой-нибудь непріятности*, отложить обнародованіе сего сочиненія до перемѣны нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствъ. Предоставляя, впрочемъ, сіе мое мнѣніе собственному вашему благоусмотрѣнію, честь имѣю быть и пр.“. [1]

Впрочемъ, Погодинъ испыталъ въ этотъ годъ не только непріятность со стороны III Отдѣленія. Въ разгаръ польскаго возстанія онъ послалъ Бенкендорфу статью о правахъ Россіи на Литву, напечатанную потомъ въ „Телескопѣ“. Всѣ ноты николаевскаго марша были въ этой патріотической стряпнѣ такъ полны и высоки, что черезъ нѣсколько времени былъ полученъ запросъ отъ начальника III Отдѣленія: „чего желаетъ авторъ за статью, которая читана и понравилась?“ По этому поводу Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „предложеніе Бенкендорфа не такъ щекотливо, какъ кажется“. [2] Что именно онъ получилъ—неизвѣстно...

Вторую награду за изступленный ревъ: „Громъ побѣды раздавайся“ хотѣли дать актеру Каратыгину, у котораго Бенкендорфъ бывалъ на дому, какъ добрый и любезный знакомый; это, вѣдь, давало возможность сближаться съ актрисами... Послушаемъ разсказъ сына:

„Когда, въ 1831 году, [3] отецъ мой отдалъ на сцену первый свой водевиль— „Знакомые незнакомцы“, имѣвшій блестящій успѣхъ и особенно понравившійся императору Николаю Павловичу, Бенкендорфъ, встрѣтивъ моего отца у графа В. В. Мусина-Пушкина, сказалъ ему *глазъ-на-глазъ*:

— Государю очень понравился вашъ водевиль, и вы, если хотите, можете много выиграть и въ мнѣніи его величества, и въ вашей авторской карьерѣ.

[1] „Русскій Архивъ“, 1873 г., № 11, 02299—02300.

[2] *Н. Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, III, 271—273.

[3] Авторъ ошибочно говоритъ о 1830 годѣ.

Вставьте въ вашъ водевиль куплетъ патріотическаго содержанія по поводу нынѣшнихъ событій (польскаго мятежа и недавней холеры въ Москвѣ). Если сердце подскажетъ слово въ похвалу государю,—это не повредитъ эффекту на публику. Подумайте о моемъ предложеніи и дня черезъ два дайте отвѣтъ...

„Молодой, только-что начинавшій водевилистъ, при всей своей любви къ государю,—можетъ быть, именно вслѣдствіе этой любви,—не рѣшился профанировать своихъ патріотическихъ чувствъ, выставляя ихъ напоказъ передъ театральною публикою и превращая ихъ въ орудіе собственныхъ выгодъ и неизвѣстныхъ ему видовъ графа Бенкендорфа. Отправясь къ нему, отецъ мой смѣло и рѣшительно отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, говоря, что водевиль свой считаетъ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы вставлять въ него куплетъ съ напоминаніями о царѣ и отечествѣ.

„Графъ Бенкендорфъ пристально посмотрѣлъ на отца, потомъ, протянувъ ему руку, сказалъ:

— До сихъ поръ я васъ любилъ, какъ человѣка талантливаго, а теперь уважаю, какъ человѣка честнаго". [1]

Каратыгинъ оцѣниваетъ этотъ фактъ по его заключительному моменту, полагая, что Бенкендорфъ хотѣлъ лишь испытать его отца. Я думаю, что, наоборотъ, все, начиная съ предложенія, сдѣланнаго съ глазу-на-глазъ, говоритъ за необходимость иного толкованія...

Въ „Сѣверномъ Меркуріи" не мало насмѣшила всѣхъ статья Кори „Естественная исторія ословъ". Начиналась она такъ:

„Несправедливо судятъ о семъ животномъ, которое заслуживаетъ въ свѣтѣ гораздо почетнѣйшее мѣсто, нежели опредѣлено ему въ кругу обитателей земли. Сіе неуваженіе заставило многихъ ословъ искать счастья подъ различными названіями, заимствованными у другихъ народовъ. Въ сихъ-то видахъ многіе ослы занимаютъ важныя мѣста въ свѣтѣ. Дабы лучше и подробнѣе узнать сіе достопримѣчательное животное, надобно сначала познакомиться съ происхожденіемъ его, и замѣтить нѣкоторыя другія обстоятельства, касающіяся до ословъ вообще".

Затѣмъ попадаются такія мѣста:

„Всѣ почти естествоиспытатели описываютъ намъ осла, какъ животное четвероногое, съ длинными ушами, и обыкновенно сѣраго цвѣта. Но каждый человѣкъ, имѣющій хотя малѣйшія познанія объ ослахъ, скажетъ, что ни сѣрая шерсть, ни длинныя уши, ни даже четыре ноги не составляютъ важнѣйшихъ примѣтъ, по которымъ узнаются ослы".

„Нѣмецкій писатель Функъ говоритъ, что осла можно узнать издали по звуку, часто имъ издаваемому, который имѣетъ особенное сходство съ ја, что значитъ

[1] *П. Каратыгинъ*, „Бенкендорфъ и Дубельтъ", „Историч. Вѣстникъ", 1887 г., № 10, 165—166.

по-русски *да*. Но и сія примѣта невѣрна, ибо есть множество ословъ, которые нерѣдко кричатъ: *нѣтъ*! *нѣтъ*!" [1]

Нѣмецъ-Бенкендорфъ страшно возмутился этой выходкой и, препровождая нумеръ съ своими отмѣтками къ кн. Ливену, писалъ:

„Я полагаю, что цензоръ, одобрившій къ напечатанію такое мѣсто, долженъ быть наказанъ, и покорнѣйше прошу вашу свѣтлость приказать объявить издателю „Сѣвернаго Меркурія", что если онъ осмѣлится впредь помѣщать въ своемъ журналѣ статьи, столь *неблагонамѣренныя и дерзкія* то ему будетъ запрещено изданіе онаго..." [2]

Терминъ „неблагонамѣренный" всѣмъ достаточно ясенъ, если только вообще это слово можетъ претендовать на какой-нибудь смыслъ. Что же касается слова „дерзкій", то въ 1831 году оно имѣло особый смыслъ.

Польскія дѣла увеличили тревожное состояніе правящихъ сферъ до того, что слово „дерзость" въ приложеніи къ литературному произведенію стало положительно доминирующимъ. „Никто,—говоритъ Стасовъ,—не обращалъ вниманія на то, справедливы или несправедливы указанія литературы; до сущности дѣла никто не касался, и всякій жаловался только на дерзость. Дерзость была любимымъ обвинительнымъ словомъ того времени". [3]

Въ концѣ года III Отдѣленіе было занято отобраніемъ экземпляровъ... русской конституціи.

Во время возстанія въ Варшавѣ поляки, захватили не мало секретныхъ документовъ у цесаревича Константина Павловича и Новосильцова. Между прочимъ взята была и „государственная уставная грамота", разработкою которой когда-то, еще при Александрѣ I, занимался Новосильцовъ. Разумѣется, польское революціонное правительство воспользовалось этимъ, какъ отличнымъ агитаціоннымъ средствомъ въ Россіи, и въ іюлѣ выпустило текстъ русской конституціи на русскомъ и польскомъ языкахъ съ предисловіемъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, Городисскаго. Къ вступленію въ Варшаву русскихъ войскъ „грамота" продавалась во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и, конечно, раскупалась. Николай былъ очень взволнованъ и писалъ Паскевичу 14 сентября: „Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденнаго у Новосильцова въ бумагахъ; напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 человѣкъ нашихъ молодыхъ офицеровъ 90 прочтутъ, не поймутъ и презрятъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ—и, главное, *не забудутъ*. Это пуще всего меня безпокоитъ. Для того столь желательно мнѣ, какъ менѣе возможно, продержать гвардію въ Варшавѣ. Вели графу Витту стараться достать елико можно болѣе

[1] „Сѣверный Меркурій", 1831 г., № 72.

[2] „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", 53.

[3] „Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Русская Стар.", 1903 г., II, 307—308.

экземпляровъ сей книжки и уничтожить, а рукопись отыскать и прислать ко мнѣ, равно какъ и оригинальный актъ конституціи польской, который искать должно въ архивѣ сената. Начальникамъ велѣть обращать самое бдительное вниманіе на сужденія офицеровъ и стараться и словами и собственнымъ примѣромъ доказывать, коликаго презрѣнія заслуживаютъ тѣ, кои подобнымъ оружіемъ намъ вредить хотятъ“.

Паскевичъ принялъ всѣ мѣры и отвѣчалъ императору 26 октября: „Генералъ графъ Виттъ, которому я во исполненіе Высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества поручилъ сдѣлать разысканіе о такъ называемой русской конституціи, донося мнѣ, что изъ числа 2000 экземпляровъ, въ Варшавѣ напечатанныхъ, взято революціоннымъ правительствомъ для раздачи всѣмъ министрамъ, членамъ революціоннаго правленія и депутатамъ сейма 150, отправлено помянутымъ правленіемъ къ главнокомандующему арміею мятежниковъ для употребленія по его усмотрѣнію 150, распродано частнымъ лицамъ: до занятія нашими войсками Варшавы 102 и въ первые дни по занятіи сего города распродано 18,— доставилъ ко мнѣ рукопись сей книги на французскомъ и русскомъ языкахъ и 1578 печатныхъ экземпляровъ, нами выкупленныхъ, кромѣ экземпляра, представленнаго Вашему Императорскому Величеству, и экземпляра врученнаго его императорскому высочеству государю великому князю Михаилу Павловичу. Поднося при семъ Вашему Императорскому Величеству упомянутую рукопись, всеподданнѣйше доношу, что означенные 1578 экземпляровъ отправлены мною въ двухъ запечатанныхъ печатью генерала графа Витта ящикахъ для представленія Вашему Императорскому Величеству къ генералъ-адъютанту графу Чернышеву. Что же касается до экземпляровъ, взятыхъ революціоннымъ правительствомъ и распроданныхъ частнымъ лицамъ, то генералъ графъ Виттъ при всемъ усерднѣйшемъ стараніи не успѣлъ еще открыть, у кого оные находятся, и по сіе время никакого не оказалось повода, по коему бы можно было полагать, чтобы нѣкоторые изъ тѣхъ экземпляровъ были у гвардейскихъ офицеровъ“. [1]

23 ноября полученные экземпляры были сожжены въ московскомъ Кремлѣ въ присутствіи особо назначенныхъ лицъ, а на имѣвшіеся въ обращеніи устремлены агенты Паскевича и III Отдѣленія. Мордвиновъ писалъ бывшему въ отпуску Бенкендорфу:

„Сегодня утромъ призвалъ меня къ себѣ государь и передалъ мнѣ сочиненіе объ императорѣ Александрѣ. Оно запрещено здѣсь и, однако, читается въ городѣ. Его величество поручилъ мнѣ постараться, чтобы тѣ экземпляры, про которые я могу узнать, были изъяты изъ обращенія“. [2]

Характерно, что Паскевичъ нисколько не постѣснялся обмануть государя своею и подчиненныхъ якобы распорядительностью. По свѣдѣніямъ польскихъ источниковъ, грамота была напечатана не въ 2000 экземплярахъ, а въ 10000 и продавалась въ Варшавѣ съ небывалой тогда быстротой.

---

[1] *Шильдеръ*, н. с., II, 390—391.
[2] „Русскій Архивъ“ 1886 г. № 11, 411.

XI.

1832 годъ.

Польскій офиціозъ. Запрещеніе „Европейца“. Арестъ Даля. Бесѣда съ Полевымъ. Возведеніе Бенкендорфа въ графское достоинство.

Еще въ 1829 году въ Петербургѣ была основана газета на польскомъ языкѣ „Tygodnik“ („Еженедѣльникъ“), находившаяся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ III Отдѣленія, но не бывшая вполнѣ офиціальнымъ органомъ. Съ начала же 1832 года „Tygodnik“ принялъ уже названіе „Офиціальной газеты Царства Польскаго“, которое и сохранилъ до самаго конца въ 1858 году.

Этимъ способомъ думали упорядочить возставшій край и, что было еще важнѣе,— инспирировать общественное мнѣніе Европы по больному польскому вопросу.

23 января Бенкендорфъ писалъ кн. Ливену: „Его Императорское Величество по всеподданнѣйшему моему докладу высочайше повелѣть соизволилъ, дабы издаваемый здѣсь на польскомъ языкѣ журналъ „Tygodnik“ былъ отнынѣ впредь оффиціальною газетою и чтобъ вслѣдствіе того помѣщаемы были въ оной всѣ акты и высочайшія повелѣнія, относящіеся къ Царству Польскому, опредѣленные ко всеобщему свѣдѣнію, съ тѣмъ, чтобы журналъ сей оставался впрочемъ (въ прочемъ?) на прежнемъ основаніи и чтобы оный, не минуя однакоже установленной цензуры, состоялъ, равно какъ и издатель, въ непосредственномъ моемъ вѣдѣніи“. [1]

1832-ой годъ ознаменовался запрещеніемъ журнала „Европеецъ“, издававшагося И. В. Кирѣевскимъ. Для характеристики дѣйствій III Отдѣленія въ области печати, исторія „Европейца“ крайне поучительна. Общество увидѣло, насколько оно не гарантировано отъ совершенно произвольныхъ обвиненій. „Вѣроятно,—писалъ Пушкинъ Дмитріеву,—вы изволите уже знать, что журналъ „Европеецъ“ запрещенъ вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники—или, по крайней мѣрѣ, клевета—успокоится и будетъ изобличена“. [2]

[1] Цензурныя дѣла, переданныя въ 1892 г. изъ министерства народнаго просвѣщенія въ импер. публичную библіотеку и хранящіяся тамъ въ рукописномъ отдѣленіи подъ № 158, № 1, т. IV, стр. 2527—2528. Странно послѣ этого читать въ воспоминаніяхъ Пржецлавскаго, редактора „Tygodnik’a“, что органъ его былъ совершенно самостоятеленъ.

[2] „Сочиненія“, VII, 463.

Никакой побѣды добраго начала надъ злымъ, однако, не произошло...

Исторія запрещенія журнала начинается издалека. Первой бумагой въ „дѣлѣ“ [1] подшито оригинальное письмо. Привожу его буквально:

„А. Кошелевъ и В. Титовъ въ С.-Петербургѣ—пишутъ Его благ. Ивану Васильевичу Киреевскому въ Москву, въ домѣ Померанцова за Сухаревой башнею.

„Нижеподписавшіеся, не получая никакого отвѣта отъ г-на Кирѣевскаго на много кратныя представленія, ему дѣланныя, находятся къ крайнему ихъ сожалѣнію въ необходимости объявить ему, что, естьли въ продолженіи 15 дней, щитая отъ сего 6 іюля, они не получатъ удовлетворительнаго отъ Е. Б. отвѣта, то, 1-е прервать всѣ сношенія съ нимъ, 2. предать проклятію и 3. вычеркнуть его изъ числа *нашихъ*.

А. Кошелевъ.
В. Титовъ“.

Сверху рукою Бенкендорфа написано: cette lettre est très intéressante a ce qu'il parroit voyer s'il est possible de savoir qui sont les individu et ce que cela peut être...

Письмо это, очевидно, попало въ перлюстрацію въ тотъ же день и 6-го же іюля 1827 г. Бенкендорфъ писалъ генералу А. А. Волкову, начальнику 2 московскаго округа корпуса жандармовъ, что „по встрѣтившимся крайне уважительнымъ обстоятельствамъ, весьма любопытно знать, кто таковъ сей Кирѣевскій? какую онъ имѣетъ общую репутацію, какого поведенія, съ кѣмъ находится въ связяхъ и сношеніяхъ?“ Въ виду этого онъ просилъ Волкова „поручить благовидное и скрытое по сему предмету развѣдованіе благонадежному человѣку“, которому внушить узнать что можно о Кошелевѣ и Титовѣ.

Очевидно, нѣкоторая таинственность письма рисовала уже III Отдѣленію какой-нибудь крамольный заговоръ...

9 августа полученъ былъ отвѣтъ Волкова, который привожу полностью:

„По предписанію Вашего Пр—ва отъ 6 іюля подъ № 1411-мъ, о Иванѣ Васильевичѣ *Киреевскомъ* секретныя развѣданія открыли слѣдующее: что онъ изъ дворянъ Орловской губерніи, воспитанъ очень хорошо, пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія, основателенъ и даже почитался глубокомысленнымъ; отъ роду ему 22 года; имѣнія за нимъ въ общемъ съ братомъ и матерью его владѣніи состоитъ до 1500 душъ; въ 1824 году поступилъ онъ въ Государственный Архивъ Иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ, вскорѣ (какъ говорятъ) будетъ представленъ къ производству въ переводчики; жительство имѣетъ здѣсь въ Москвѣ, вмѣстѣ

[1] Архивъ III Отдѣленія, 1 экспед., 1827 г., ч. 1-ая, дѣло № 213.

съ матерью своею, которая вышла въ замужество вдовою за Алексѣя Андреевича Елагина; кругъ знакомства его составляютъ: Сергѣй Александровичъ Соболевскій (побочный сынъ Сойманова, находится вмѣстѣ съ Кирѣевскимъ въ иностранной архивѣ), князь Мещерскій, Владиміръ Павловичъ Титовъ, Афросимовъ, Норовъ, Арбеневъ, Александръ Ивановичъ Кошелевъ и живописецъ Аргуновъ; главнѣйшая связь и частыя посѣщенія замѣчены изъ нихъ: съ Соболевскимъ, Мещерскимъ, Одуевскимъ и Титовымъ; а особливо съ первымъ, который пріѣзжаетъ къ Киреевскому почти ежедневно и часто вмѣстѣ выѣзжаютъ изъ дома верхами; изъ сего заключаютъ, что они содержатъ что-либо отъ другихъ въ тайнѣ, тѣмъ болѣе, что и при съѣздахъ прочихъ его посѣтителей онъ, Киреевскій съ Соболевскимъ не рѣдко, отдаляясь отъ нихъ, разговариваютъ одни въ особой комнатѣ; въ прочемъ, судя по скромному образу жизни, кроткому нраву, отличному образованію и добротѣ его Киреевскаго къ своимъ людямъ, можно почти ограничиться во мнѣніи къ дурнымъ его качествамъ; въ отношеніи же занятій его, онъ исключительно прилѣженъ къ чтенію сочиненій лучшихъ авторовъ, чемъ нерѣдко занимается и по ночамъ долгое время; въ разговорахъ же отрывистыхъ и остроумныхъ примѣтна искра либеральная; однакоже весьма остороженъ, а другихъ уважительныхъ пристрастій въ немъ не видно и выѣздовъ въ публичныя и партикулярныя мѣста кромѣ театра и друзей своихъ не имѣетъ.

„Что принадлежитъ до означенныхъ въ предписаніи Вашего Пр—ва А. Кошелева и В. Титова, которые, какъ и выше упомянуто, находятся въ кругу короткихъ знакомыхъ съ Киреевскимъ: Первый изъ нихъ сынъ полковника Ивана Родіоновича, съ начала былъ въ Пажескомъ корпусѣ, въ 1823 году поступилъ въ иностранный архивъ актуаріусомъ; но въ нынѣшнемъ году перешелъ въ иностранную коллегію въ Петербургѣ, а второй, равномѣрно молодой человѣкъ, служитъ въ томъ же архивѣ актуаріусомъ—вотъ все то, что только можно было узнать о г-нѣ Киреевскомъ и связяхъ знакомства его“.

Въ виду этихъ данныхъ, за всѣми троими было учреждено „наблюденіе“.

12 сентября Волковъ писалъ Бенкендорфу, что „усерднѣйше желалъ бы проникнуть въ таинственную связь“ наблюдаемыхъ, но „истощилъ уже всѣ возможныя ему средства и предлоги, изъ которыхъ подъ однимъ, въ видѣ сватовства богатой невѣсты за Кирѣевскаго, сведено знакомство и даже дружество съ его камердинеромъ“, но, все-таки, новаго ничего открыть не удается, „и тайна его остается въ той же неизвѣстности!“ „А по сему я—заканчивалъ генералъ,—покорнѣйше прошу Ваше Пр—во разрѣшить мнѣ: должно ли продолжать надъ Кирѣевскимъ сіе столь деликатное, но въ прочемъ по видимому безъ-успѣшное наблюденіе; или ежели бы по настоящему толикой важности предмету дозволено было мнѣ поступить нѣсколько смѣлѣе, то какія бы въ семъ послѣднемъ случаѣ могъ я употребить мѣры?—Начальственное Ваше о семъ разрѣшеніе для меня тѣмъ необходимѣе, что оно будетъ мнѣ служить урокомъ и впредь при подобныхъ случаяхъ“.

Повидимому, дѣло такъ и кончилось лишь надзоромъ, въ надеждѣ, однако, открыть „таинственную связь“ молодыхъ актуаріусовъ.

Но вотъ возникаетъ снова какая-то таинственность... 10 іюня 1828 г. дежурный генералъ главнаго штаба, А. Н. Потаповъ (изъ лагеря у Троянова Вала при р. Карасу), секретно сообщаетъ находящемуся тамъ же Бенкендорфу копію съ письма И. В. Кирѣевскаго изъ Москвы, отъ 23 мая 1828 г., къ В. П. Титову въ Петербургъ и увѣдомляетъ, что начальникъ главнаго штаба его величества, ген.-ад. Дибичъ, проситъ обратить вниманіе на письмо, узнать объ упоминаемомъ въ немъ происшествіи и обо всемъ впослѣдствіи сообщить ему для доклада государю. Бенкендорфъ отослалъ эту бумагу вмѣстѣ съ письмомъ въ Петербургъ къ Фоку.

Вотъ что писалъ И. В. Кирѣевскій Титову:

„Читать одному Титову и никому не показывать.

„Вотъ что случилось, вчера, т.-е. въ понедѣльникъ, приходитъ Василій Рожалинъ [1] къ Селивановскому [2] и отдаетъ ему на имя Погодина письмо, которое проситъ ему доставить чрезъ нѣсколько часовъ. Селивановскій, примѣтя его разстроенный видъ, заблагодазсудилъ отнести оное сію же минуту; письмо распечатали и нашли въ ономъ, что онъ намѣренъ застрѣлиться въ Астанкинѣ [3] и проч., и проч. Погодинъ сію же минуту съ дуру поскакалъ къ Шульгину [4] взялъ у него 18 казаковъ и бросился въ Астанкино, тамъ собралъ сотню-другую рабочихъ и ну искать Василія по всему саду, ищетъ, ищетъ и не находитъ. Въ это время Шевыревъ, узнавъ объ этомъ, отправляется туда же и у самыхъ воротъ находитъ несчастнаго... который цѣлехонекъ отправляется домой. Шевыревъ сажаетъ его на дрожки и везетъ домой. Тогда Погодинъ послѣ тщетныхъ поисковъ возвращается къ себѣ, находитъ тамъ мертвеца и везетъ его (считая сіе въ обязанность) къ Шульгину. Всѣ просятъ его потушить дѣло; но онъ отказывается, говоря, что оно слишкомъ гласно и должно быть рапортовано Голицыну. [5] Я сію минуту писалъ къ Зинаидѣ, [6] чтобы она заступилась и просила его не доводить до суда“.

„Теперь вотъ въ чемъ дѣло: Василій писалъ тому нѣсколько дней къ Николаю [7] что-то, Богъ вѣсть. Не говоритъ ли онъ о своемъ намѣреніи? Если да, то Николай взбѣленится и поскачетъ сюда, и тогда прощай надежды и путешествіе, и все. Итакъ вамъ слѣдуетъ о семъ дѣлѣ молчать и стараться его спровадить въ Любекъ. Если же онъ узнаетъ о намѣреніи, то показать ему сіе и увѣрить его, что изъ этого ничего не выйдетъ; ибо мы здѣсь все поставимъ верхъ дномъ, а до бѣды не допустимъ. Прощайте, завтра получишь подробное извѣстіе о всѣхъ послѣдствіяхъ“.

[1] Пріятель Кошелева, Погодина и др.

[2] Московскій типографъ, товарищъ ихъ.

[3] Имѣніе Останкино.

[4] Московскій оберъ-полицеймейстеръ.

[5] Московскій генералъ-губернаторъ.

[6] Кн. З. А. Волконская.

[7] Николай Рожалинъ собирался ѣхать за границу въ качествѣ домашняго репетитора

7 іюля Фокъ сообщалъ Волкову, что посылаетъ ему письмо Кирѣевскаго, которое „въ разныхъ отношеніяхъ“ требуетъ особеннаго вниманія наблюдательной полиціи, и тѣмъ болѣе, что прописанныя въ ономъ обстоятельства доселѣ не доходили официальнымъ образомъ до свѣдѣнія правительства, и проситъ увѣдомить обо всемъ, что удастся узнать по этому поводу. Черезъ недѣлю временно замѣнявшій Волкова полковникъ Бѣгичевъ доносилъ, что Василій Рожалинъ рѣшилъ застрѣлиться подъ вліяніемъ сознанія невозможности отдѣлаться отъ грязныхъ предложеній своей мачехи, не сообщивъ объ этомъ отцу, котораго не хотѣлъ тѣмъ оскорбить; затѣмъ все разсказанное Кирѣевскимъ вполнѣ подтверждалось. Шульгинъ посадилъ Рожалина на Тверскую съѣзжую, гдѣ онъ просидѣлъ недѣлю, пока не былъ освобожденъ кн. Голицынымъ.

Все это было сообщено Бенкендорфу и Дибичу, и, повидимому, дѣло опять-таки кончилось ничѣмъ.

Въ концѣ 1831 года Кирѣевскому было даже дано право на изданіе въ Москвѣ ежемѣсячнаго журнала „Европеецъ“, что, впрочемъ, еще не означало окончанія счетовъ съ III Отдѣленіемъ, начатыхъ въ 1827 г.: разрѣшеніе журналовъ лишь съ 1832 года было поставлено въ зависимость отъ справокъ о благонадежности, дававшихся III Отдѣленіемъ. До тѣхъ поръ дѣла эти возникали и рѣшались самолично министерствомъ просвѣщенія, которое иногда лишь запрашивало полицію по мѣсту жительства просителя-издателя.

Первый январскій номеръ „Европейца“, заручившагося согласіемъ лучшихъ литературныхъ силъ, [1] начинался программой статьей И. Кирѣевскаго: „Девятнадцатый вѣкъ“. Принадлежа къ первымъ опытамъ философской конструкціи русской исторіи, она указывала на отрѣшенность русскаго прошлаго отъ общаго хода всемірнаго историческаго развитія, какъ на результатъ недостатка у насъ духовной античной культуры. По мнѣнію будущаго славянофила, намъ необходимо было усвоеніе современнаго ему европейскаго романтическаго религіознаго настроенія, необходимо какъ непремѣнное условіе нашего всемірно-историческаго будущаго. Мѣсто этой работы Кирѣевскаго въ общемъ ходѣ развитія русской исторической мысли хорошо указано П. Н. Милюковымъ, [2] и потому я не буду останавливаться на ней въ этомъ отношеніи. Скажу только, что значеніе она имѣла лишь для тѣхъ, кто получилъ возможность прочесть окончаніе ея въ третьей книжкѣ „Европейца“ [3]. Для тѣхъ она, дѣйствительно, была чисто политической статьей,

[1] Пушкинъ писалъ Н. М. Языкову 18 ноября 1831 г.: „Поздравляю всю братію съ рожденіемъ „Европейца“. Готовъ, съ моей стороны, служить вамъ чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти“ („Сочиненія“, VII, 444).

[2] „Главныя теченія русской исторической мысли“, т. I, М., 1898 г., 370—374.

[3] Она, кажется, не была выпущена въ свѣтъ, хотя и получилось разрѣшеніе цензуры на каждую изъ статей. Неполный ея экземпляръ имѣется въ Академіи Наукъ. Во всякомъ случаѣ, если третья книжка и была выпущена, а не только подарена близкимъ друзьямъ издателя, то не раньше начала февраля, т.-е. когда уже *окончилась* вся переписка III Отдѣленія. Кромѣ того, въ дѣлѣ только и упоминается первый номеръ „Европейца“.

но и то вовсе не „предосудительнаго“ характера. Для читавшихъ же лишь начало (въ первой книжкѣ) она была совершенно неясна. [1] Тѣ подтасовки словъ, которыя отмѣтилъ Николай I, можно было, пожалуй, сдѣлать, но не слѣдовало, потому что мысль автора была далека отъ сочувствія революціи. [2]

Что было вслѣдъ за выходомъ перваго нумера—сказать пока невозможно. Можно только предполагать, что „Европеецъ“ попалъ и во дворецъ, куда проникъ черезъ Жуковскаго, родственника Кирѣевскому, Пушкина и Смирнову—это съ одной стороны. Съ другой—изъ приводимыхъ ниже документовъ ясно, что Жуковскій, напримѣръ, зналъ о доносѣ на „Европеецъ“ и, по всей вѣроятности, доносѣ Булгарина. Неизвѣстно, что написалъ послѣдній по поводу „Европейца“, но въ „дѣлѣ“ о „Сѣверной Пчелѣ“ есть его письмо отъ 25 января 1830 г. съ приложеніемъ доноса на альманахъ „Денницу“ и именно за статью Кирѣевскаго о его романѣ (см. въ статьѣ „Θаддей Булгаринъ и „Сѣверная Пчела“).

Но, такъ или иначе, государь прочелъ „Девятнадцатый вѣкъ“...

Я совершенно убѣжденъ, что громъ грянулъ вовсе не изъ-за „Девятнадцатаго вѣка“, а изъ-за статьи „Горе отъ ума—на Московскомъ театрѣ“, гораздо болѣе понятной церберствующей кликѣ и, конечно, очень обидной; „Девятнадцатымъ вѣкомъ“ лишь прикрывались передъ государемъ... Вотъ конецъ статьи о грибоѣдовской комедіи:

„Но любовь къ иностранному не должно смѣшивать съ пристрастіемъ къ иностранцамъ; если первая полезна, какъ дорога къ просвѣщенію, то послѣднее, безъ всякаго сомнѣнія, и вредно, и смѣшно, и достойно нешуточнаго противодѣйствія. Ибо,—не говоря уже о томъ, что изъ десяти иноземцевъ, промѣнявшихъ свое отечество на Россію, рѣдко найдется одинъ просвѣщенный,—большая часть такъ называемыхъ иностранцевъ не разнится съ нами даже и мѣстомъ своего рожденія; они родились въ Россіи, воспитаны въ полурусскихъ обычаяхъ, образованы также поверхностно и отличаются отъ коренныхъ жителей только своимъ *незнаніемъ русскаго языка* и иностраннымъ окончаніемъ фамилій. Это незнанье языка естественно дѣлаетъ ихъ чужими посреди русскихъ и образуетъ между ними и коренными жителями совершенно особенныя отношенія. Отношенія сіи, всѣмъ имъ болѣе или менѣе общія, рождаютъ между ними общіе интересы, и потому заставляютъ ихъ сходиться между собою, помогать другъ другу и, не условливаясь, дѣйствовать заодно. Такъ самое *незнанье языка* служитъ для нихъ *паролемъ*, по которому они узнаютъ другъ друга, а недостатокъ просвѣщенія нашего заставляетъ насъ смѣшивать иностранное съ иностранцами, какъ ребенокъ смѣшиваетъ учителя съ наукою и въ умѣ своемъ не умѣетъ отдѣлить понятія объ учености отъ круглыхъ очковъ и неловкихъ движеній“. [3]

[1] Въ № 2-мъ „Девятнадцатый вѣкъ“ не помѣщенъ. Онъ разрѣшенъ цензоромъ 25 января 1832 года.

[2] Да и подтасовки невѣрны. Напримѣръ, власти поставили знакъ равенства между понятіями „искусно“ и „искусственно“. У Кирѣевскаго второе, у Бенкендорфа первое...

[3] „Европеецъ“, 1832 г., I, 140—141.

Конечно, это было сугубой дерзостью, когда во главѣ нашего управленія стояли Бенкендорфы, Ливены, Нессельроды, Канкрины et tutti quanti.

5 февраля Бенкендорфъ предписывалъ Волкову „собрать подъ рукою“ „сколь возможно въ непродолжительномъ времени, для доклада государю императору“, подробныя свѣдѣнія о поведеніи, образѣ жизни и мыслей и о связяхъ Кирѣевскаго, и, „какъ извѣстно, что онъ ѣздилъ за границу, то въ какое именно время, гдѣ и долго ли находился въ чужихъ краяхъ“. Повидимому, необходимы были данныя для составленія формальнаго обвинительнаго акта, гдѣ было бы указано на поврежденіе ума и характера Кирѣевскаго, съѣздившаго въ буйную Европу...

Но на слѣдующій же день мысль эта была оставлена, что видно изъ слѣдующаго письма Бенкендорфа къ кн. Ливену отъ 7 февраля: „Государь Императоръ, прочитавъ въ № 1 издаваемаго въ Москвѣ Иваномъ *Кирѣевскимъ* журнала подъ названіемъ „Европеецъ“ статью *Девятнадцатый вѣкъ*, изволилъ обратить на оную особое Свое вниманіе. Его Величество изволилъ найти, что всѣ статьи сіи есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ.—Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобы видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное; что подъ словомъ *просвѣщеніе* онъ понимаетъ *свободу*, что *дѣятельность разума* означаетъ у него *революцію*, а *искусно отысканная середина* не что иное, какъ *конституція*. Посему Его Величество изволитъ находить, что статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ воспрещено помѣщать что-либо о политикѣ, и какъ, сверхъ того, оная статья, не взирая на ея наивность, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ, то и не слѣдовало цензурѣ оной пропускать. Далѣе, въ той же книжкѣ „Европейца“ Государь Императоръ изволилъ замѣтить въ статьѣ „Горе отъ ума“ самую неприличную и непристойную выходку на счетъ находящихся въ Россіи иностранцевъ, въ пропускѣ которой цензура уже совершенно виновна.

„Его Величество о сихъ замѣчаніяхъ Своихъ повелѣлъ мнѣ сообщить Вашей Свѣтлости, съ тѣмъ, чтобъ Вы изволили обратить законное взысканіе на цензора, пропустившаго означенную книжку „Европейца“, и дабы изданіе онаго журнала было на будущее время воспрещено, такъ какъ издатель, г. Кирѣевскій, обнаружилъ себя человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству угодно, дабы на будущее время не были дозволяемы никакіе новые журналы, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, и дабы при испрашиваніи такого разрѣшенія было представляемо Его Величеству подробное изложеніе предметовъ, долженствующихъ входить въ составъ предполагаемаго журнала, и обстоятельныя свѣдѣнія объ издателѣ“. [1]

[1] Письмо это съ ошибками приведено въ статьѣ „Цензура въ царствованіе импер. Николая I“, „Рус. Стар.“, 1903 г., II, 314—315.

Черезъ день, 9 февраля, Бенкендорфъ спѣшилъ сдѣлать Ливену и общія указанія о московской журналистикѣ:

„Разсматривая журналы, издаваемые въ Москвѣ, я неоднократно имѣлъ случай замѣтить расположеніе издателей оныхъ къ идеямъ самаго вреднаго либерализма. Въ семъ отношеніи особенно обратили мое вниманіе журналы „Телескопъ" и „Телеграфъ", издаваемые Надеждинымъ и Полевымъ. Въ журналахъ ихъ часто помѣщаются статьи, писанныя въ духѣ весьма недобронамѣренномъ и которыя, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ поселить вредныя понятія въ умахъ молодыхъ людей, всегда готовыхъ, по неопытности своей, принять всякаго рода впечатлѣнія. О такихъ замѣчаніяхъ я счелъ долгомъ сообщить Вашей Свѣтлости и обратить особенное Ваше вниманіе на непозволительное послабленіе московскихъ цензоровъ, которые, судя по пропускаемымъ ими статьямъ, или вовсе не пекутся объ исполненіи своихъ обязанностей, или не имѣютъ нужныхъ для сего способностей. По симъ уваженіямъ, я осмѣливаюсь изъяснить Вашей Свѣтлости мое мнѣніе, что не излишнимъ было бы сдѣлать московской цензурѣ строжайшее подтвержденіе о внимательномъ и неослабномъ наблюденіи ея за выходящими въ Москвѣ журналами".

„Телескопъ" и „Московскій Телеграфъ" стояли, значитъ, на очереди...

Отъ генерала Волкова никакихъ свѣдѣній о Кирѣевскомъ больше не поступало, и на этомъ „дѣло" архива кончается. Но не кончилось дѣло жизни.

Зачисленіе Кирѣевскаго въ разрядъ неблагонамѣренныхъ и неблагонадежныхъ особенно подѣйствовало на Жуковскаго, способствовавшаго разрѣшенію журнала. По свидѣтельству А. П. Елагиной, онъ позволилъ себѣ выразиться предъ Николаемъ I, что за Кирѣевскаго вполнѣ ручается. „А за тебя кто поручится?"— возразилъ государь. Жуковскій послѣ этого сказался больнымъ... Императрица Александра Θеодоровна употребила свое посредничество. „Ну, пора мириться",— сказалъ царь, встрѣтивъ Жуковскаго, и обнялъ его. [1]

Но Жуковскій не ограничился этимъ. Будучи еще въ 1830 году оклеветанъ Булгаринымъ, онъ зналъ, какъ быстро можно потерять престижъ при дворѣ, благодаря Бенкендорфу, и потому выступилъ съ защитой Кирѣевскаго, которая была, разумѣется, и самозащитой. Онъ одновременно написалъ письма Николаю I и начальнику III Отдѣленія, представляющія большой интересъ для характеристики какъ эпохи, такъ и отдѣльныхъ лицъ.

Сначала о первомъ письмѣ.

Доказавъ полную несостоятельность обвиненій Кирѣевскаго въ желаніи замаскировать философіей политику и сказать между строкъ о необходимости конституціи, Жуковскій продолжаетъ: „Не имѣя возможности указать на поступки, обвиняютъ *тайныя намѣренія*. Такое обвиненіе легко, а оправданія противъ него быть не можетъ. Можно отвѣчать: *я не имѣю злыхъ намѣреній*. Кто же повѣритъ на слово? Можно представить въ свидѣтельство непорочную жизнь свою. Но и она уже издалека

[1] *Н. Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина", IV, 10—11.

очернена и подрыта. Что же остается дѣлать честному человѣку, и гдѣ можетъ найти онъ убѣжище? Примѣръ передъ глазами. Кирѣевскій, молодой человѣкъ, чистый совершенно, съ надеждою пріобрѣсти хорошее имя, берется за перо и хочетъ быть авторомъ въ благородномъ значеніи этого слова. И въ первыхъ строкахъ его находятъ *злое намѣреніе*. Кто прочитаетъ эти строки безъ предубѣжденія противъ автора, тотъ, конечно, не найдетъ въ нихъ сего тайнаго злого намѣренія. Но уже этотъ авторъ представленъ Вамъ, какъ человѣкъ безнравственный, и онъ, неизвѣстный лично Вамъ, не имѣетъ средства сказать никому ни одного слова въ свое оправданіе, уже осужденъ передъ верховнымъ судилищемъ, передъ Вашимъ мнѣніемъ.

„На дурные поступки его никто указать не можетъ, ихъ не было и нѣтъ; но уже на первомъ шагу дорога его кончена. Для васъ онъ не только чужой, но вредный. Одной благости Вашей должно приписать только то, что его не постигло никакое наказаніе. Но главное несчастіе совершилось: Государь, представитель закона, слѣдственно самъ законъ, наименовалъ его уже виновнымъ. На что же послужили ему двадцать пять лѣтъ непорочной жизни? И на что можетъ вообще служить непорочная жизнь, если она въ минуту можетъ быть опрокинута клеветой?“ [1]

Несомнѣнно, устами Жуковскаго, говорило все русское общество, и потому это смѣлое письмо имѣетъ историческое значеніе. [2]

Бенкендорфу Жуковскій писалъ еще рѣзче:

„На сихъ дняхъ запрещенъ журналъ, издаваемый въ Москвѣ подъ названіемъ „Европейца“. Издателю сего журнала приписываютъ *злыя намѣренія*, а это обвиненіе основывается на томъ положеніи, будто бы въ статьѣ его XIX вѣкъ заключается въ нѣкоторыхъ напечатанныхъ выраженіяхъ тайный смыслъ, понятный только автору, и что онъ, говоря о словесности и философіи, хотѣлъ говорить о политикѣ.

„Если бы прежде совершенія наказанія надъ авторомъ или прежде доведенія до свѣдѣнія Государя Императора о мнимой винѣ его было потребовано отъ него какое-нибудь объясненіе, то онъ, вѣроятно, нашелъ бы способъ оправдаться: но этого не сдѣлано, и молодой человѣкъ, ни однимъ поступкомъ въ жизни не заслуживавшій нареканія, объявленъ теперь публично злонамѣреннымъ и подозрительнымъ человѣкомъ.

„Будучи близкимъ ему свойственникомъ, зная его прекрасныя свойства, зная совершенно всю его жизнь, почти отъ колыбели до теперешней минуты, я почелъ себя обязаннымъ дать за него то объясненіе, котораго отъ него не потребовали, и вступиться передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, если не за его журналъ, который уже не существуетъ, то, по крайней мѣрѣ, за честь его, оскорбленную безъ всякаго со стороны его проступка.

[1] „Русскій Архивъ“, 1896 г., I, 119.

[2] О немъ Жуковскій писалъ И. В. Кирѣевскому: „Я уже писалъ къ государю и о твоемъ журналѣ, и о тебѣ. Сказалъ мнѣніе свое на чистоту. Отвѣта не имѣю и, вѣроятно, не буду имѣть, но что надобно было сказать, то сказано“ (*В. Лясковскій*, „Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ“, 1899 г., 39).

„Нѣтъ строки, сколь бы она просто ни была написана, которой бы нельзя было истолковать самымъ гибельнымъ образомъ, если вмѣсто словъ, употребленныхъ авторомъ, выдумать другія и, предположивъ въ авторѣ дурное намѣреніе, заставить его говорить не то, что думалъ онъ, а то, что заставляешь его думать. Нѣтъ молитвы, которая такимъ образомъ не была бы превращена въ богохуленіе.

„Это и сдѣлано со статьею Кирѣевскаго. Думаютъ, что подъ нѣкоторыми выраженіями, имъ употребленными въ статьѣ напечатанной, надобно разумѣть другія тайныя, дающія онымъ совсѣмъ иной и вредный смыслъ. Что же могло заставить это подумать? Кому авторъ открылъ свою тайну? и гдѣ доказательства, что онъ имѣлъ такое намѣреніе?

„Зная его лично съ ребячества, зная его образъ мыслей, смѣло могу утверждать передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, что онъ сего намѣренія не имѣлъ и что онъ по своему прямодушію неспособенъ поступить такъ криво, тѣмъ болѣе, что подобный поступокъ былъ бы безъ всякой цѣли: ибо для кого можетъ быть написана статья, въ которой читаешь одно, а долженъ понимать другое? Нуженъ ключъ для читателя; а гдѣ найти этотъ ключъ? Развѣ только у автора. Но для этого нужно, чтобы самъ авторъ объявилъ письменно или хотя подъ рукою, что у него есть такой ключъ. Кому же объявлялъ объ этомъ авторъ? Пусть укажутъ хотя на одного человѣка, съ коимъ бы онъ говорилъ объ этомъ? Итакъ, обвиненіе ни на чемъ не основано. Что же надлежитъ заключить изъ того вреднаго толкованіе, которое дано передъ Вами статьѣ напечатанной и на которомъ основано осужденіе ея сочинителя? То, что нашелся злонамѣренный человѣкъ, который хотѣлъ погубить его и растолковать статью его по-своему, не подтвердивъ того никакимъ доказательствомъ.

„Клеветать на намѣреніе легко и всегда выгодно для клеветника; ибо чѣмъ можно защититься противъ клеветы его? Можно просто сказать: *я не имѣлъ того намѣренія, которое мнѣ приписываютъ*; но кто же повѣритъ на слово и гдѣ взять доказательствъ? Но и клеветникъ также утверждаетъ свое безъ доказательствъ, и ему вѣрятъ на слово. Почему же тотъ, кто убиваетъ тайно чужую честь, имѣетъ право на довѣренность; а тотъ, чья честь убита, безъ всякой защиты передъ закономъ, не имѣетъ ни голоса, ни средства защитить свою лучшую драгоцѣнность, доброе имя? Почему слову, произнесенному клеветникомъ безъ доказательства: *онъ злодѣй*—должно вѣрить, а слову, произнесенному обвиненнымъ: *я не злодѣй*—и вѣрить не должно“. [1]

Неизвѣстно, отвѣчалъ ли Бенкендорфъ Жуковскому, и если да, то что. Извѣстно лишь, что онъ предложилъ послѣ этого Кирѣевскому дать объясненія, какія тотъ найдетъ необходимыми. Кирѣевскій немедленно обратился къ нему съ особой запиской, которую написалъ ему Чаадаевъ, хорошо знавшій начальника III Отдѣленія еще прежде по военной службѣ и частью по масонской

[1] Ibidem., 114—115.

ложѣ. Мысли, выраженныя въ запискѣ, принадлежатъ самому Кирѣевскому. Переведенная съ французскаго изъ книги кн. И. С. Гагарина („Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef" (1862 г.), она представляетъ тоже большой интересъ.

Покоряясь волѣ государя, пріемля его верховный судъ, Кирѣевскій проситъ Бенкендорфа выслушать, однако, его и доложить о томъ государю. Далѣе онъ обѣщаетъ изложить „всю совокупность своихъ воззрѣній на тотъ предметъ, котораго онъ лишь коснулся въ своемъ журналѣ". Тамъ, между прочимъ, говорится:

„Что же касается меня, то вотъ моя мысль полностью. Каково бы ни было дѣйствительное достоинство различныхъ европейскихъ законодательствъ, какъ всѣ соціальныя формы, они представляютъ необходимыя слѣдствія цѣлаго ряда предъидущихъ условій, которымъ мы остались чужды, и поэтому они не могутъ подходить намъ никоимъ образомъ. Больше того: будучи много позади Европы въ нашей цивилизаціи и имѣя еще въ нашихъ собственныхъ учрежденіяхъ множество того, что, очевидно, окончательно несовмѣстимо съ подражаніемъ европейскимъ учрежденіямъ, мы должны думать лишь о томъ, чтобъ извлечь изъ самихъ себя тѣ блага, которыми мы призваны пользоваться со временемъ. Прежде всего мы должны позаботиться о распространеніи серьезнаго и здраваго (forte) классическаго образованія. Оно будетъ заимствовано не съ верхушекъ современной европейской цивилизаціи, но изъ эпохи предшествующей, произведшей все то, что есть дѣйствительно добраго въ современной цивилизаціи. Вотъ первое, чего я желаю для моей родины. Затѣмъ я желаю освобожденія крестьянъ, такъ какъ считаю, что это необходимое условіе всякаго послѣдующаго развитія для насъ и особенно развитія нравственнаго. Считаю, что въ настоящее время всякія измѣненія въ законахъ, какія бы правительство не предпринимало, останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока мы будемъ находиться подъ вліяніемъ впечатлѣній, оставляемыхъ въ нашихъ умахъ зрѣлищемъ рабства, насъ съ дѣтства окружающаго: лишь его постепенное уничтоженіе можетъ сдѣлать насъ способными воспользоваться другими преобразованіями, которыя наши государи въ своей мудрости найдутъ удобными сдѣлать. Полагаю, что исполненіе законовъ, какъ бы мудры они ни были, не можетъ никогда быть соотвѣтственнымъ намѣренію законодателя, если оно будетъ поручено людямъ, съ молокомъ кормилицы впитавшимъ всевозможныя мысли неравенства, если всѣ вѣтви администраціи будутъ вручены подданнымъ, съ колыбели своей освоеннымъ со всякаго рода несправедливостью.

... „Не съ политической, но съ мыслящей Европой хотѣлъ я установить у насъ болѣе тѣсную связь, и это, полагаю, ясно видно изъ перваго выпуска моего журнала. Если бы мнѣ позволено было продолжать, я бы попытался показать моимъ читателямъ, что для насъ нѣтъ иной политики, кромѣ науки, что безъ извѣстныхъ предварительныхъ свѣдѣній самыя мудрыя и благожелательныя мѣры правительства всегда останутся непримѣнимыми, и наилучшія намѣренія государя всегда будутъ парализованы въ исполненіи своемъ. Затѣмъ я бы попытался дать имъ понять, что самое главное для насъ это—отдать самимъ себѣ отчетъ о нашемъ соціальномъ положеніи, дабы мы знали, въ какомъ положеніи мы нахо-

димся по отношенію къ Европѣ; такъ какъ лишь такимъ образомъ мы узнаемъ, что намъ слѣдуетъ заимствовать у нея, что должно оставаться намъ чуждо". [1]

Сказаннаго оказалось довольно, чтобы Бенкендорфъ понялъ, какъ „опасенъ" былъ Кирѣевскій. Этого убѣжденія не могли поколебать другія мѣста записки, дѣйствительно, пріятныя Бенкендорфу, какъ представителю „порядка". Кирѣевскій хотѣлъ истиннаго просвѣщенія, какъ начала, *кореннымъ образомъ* мѣняющаго существующій укладъ жизни; хотѣлъ его въ то время, когда, по прекрасному выраженію Никитенко,—„требовали, чтобы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требовали, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли... Требовали отъ юношества, чтобы оно училось много и при томъ механически, но чтобъ оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову, вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ". [2] Это ли не была истинная злонамѣренность и дерзость?!. За Кирѣевскимъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ, а когда, въ 1834 г., состоявшему при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, титулярному совѣтнику Андросову разрѣшено было издавать „Московскій Наблюдатель" и ходатайство его утверждено государемъ безъ какихъ бы то ни было замѣчаній и ограниченій, издателю сообщили непремѣнное требованіе исключить изъ программы журнала имя Ив. Кирѣевскаго... [3]

Черезъ шесть дней послѣ закрытія „Европейца" по министерству народнаго просвѣщенія было сдѣлано распоряженіе, чтобы при испрашиваніи разрѣшенія на изданіе новыхъ журналовъ были представляемы „обстоятельныя свѣдѣнія о способностяхъ издателя и нравственной его благонадежности", [4] изъ которыхъ вторыя тщательно провѣрялись уже въ III Отдѣленіи.

Въ томъ же 1832 г. извѣстный ненавистникъ „гибельныхъ стремленій Запада"—В. И. Даль вынесъ крупную передрягу за свои только-что изданныя „Русскія сказки казака Владиміра Луганскаго", переполненныя преданностью современному режиму... Въ своемъ донесеніи бывшему въ отъѣздѣ начальнику III Отдѣленія помощникъ его, Мордвиновъ, писалъ: „надѣлала у насъ шуму книжка, пропущенная цензурою, напечатанная и поступившая въ продажу. Заглавіе ея: „Русскія сказки казака Луганскаго". Книжка напечатана самымъ простымъ слогомъ, вполнѣ приспособленнымъ для низшихъ классовъ, для купцовъ, солдатъ и прислуги. Въ ней содержатся насмѣшки надъ правительствомъ (!!), жалобы на горестное положеніе солдата и пр. Я принялъ смѣлость поднести ее его величеству, который приказалъ арестовать сочинителя и взять его бумаги для раз-

[1] „Рус. Архивъ", 1896, VIII—578, 579.
[2] „Дневникъ", „Рус. Стар.", 1889 г. VIII, 270—271.
[3] „Цензура въ царствованіе импер. Николая I",—„Рус. Стар.", 1903 г., III, 590.
[4] „Сборникъ постановленій etc.", 221.

смотрѣнія. Я теперь занимаюсь этими бумагами“. [1] 27 октября Даля арестовали, но, не найдя въ бумагахъ его ничего сомнительнаго, въ тотъ же день освободили и сказали, что „случай этотъ не будетъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій и вліянія на будущность его, и что хорошая служба его во время возстанія въ Польшѣ его императорскому величеству извѣстна“. [2] Черезъ девять лѣтъ, какъ увидимъ дальше, благонамѣреннѣйшій Даль еще разъ столкнулся съ III Отдѣленіемъ.

---

8 февраля Бенкендорфъ писалъ Полевому:

„Милостивый Государь Николай Алексѣевичъ!

„Я не рѣшился бы писать къ вамъ и дѣлать мои замѣчанія на ваши сочиненія, еслибы неоднократные опыты вашего ко мнѣ добраго расположенія не давали мнѣ права полагать, что разсужденія мои вы примите доказательствомъ моего къ вамъ уваженія и доброжелательства.

„Сожалѣя чрезвычайно, что многосложныя занятія отымаютъ у меня возможность безпрерывно вникать въ журналъ, вами издаваемый, и что по сей причинѣ только теперь обращено мое вниманіе на № 16 „Московскаго Телеграфа“ 1831 года, я твердо увѣренъ, что ежели вы разсмотрите съ безпристрастіемъ мои разсужденія, то оныя принесутъ очевидную пользу какъ вамъ, такъ и публикѣ, для коей вы пишите.

„Въ разборѣ брошюры г. S: „Горе отъ ума“, на стр. 519, 520 и 521 вы утверждаете, что революціи необходимы, и что кровопролитія и ужасы, сопровождающія насильственные перевороты въ правленіи, не такъ гибельны, какъ воображаютъ такіе простяки, каковъ г. S; что даже польза революцій очевидна для потомства и что только непросвѣщенные мыслители могутъ жаловаться на бѣдствія, происходящія отъ оныхъ!

„Позвольте, милостивый государь, вамъ замѣтить, что это не литература, а совершенное разсужденіе о высшей политикѣ! Я не столько удивляюсь, что цензура пропустила такія вредныя сужденія, какъ удивляюсь тому, что столь умный человѣкъ, какъ вы, пишетъ такія нелѣпости! Желалъ бы имѣть ваше объясненіе, съ какою цѣлію, съ какимъ намѣреніемъ вы позволяете себѣ печатать столь вредныя мнѣнія для общаго блага!

„Для совершеннаго опроверженія вашей системы не нужно входить въ обширныя разсужденія; я ограничу себя только тѣмъ замѣчаніемъ, что подобный образъ мыслей весьма вреденъ въ Россіи, особливо если онъ встрѣчается въ человѣкѣ умномъ, образованномъ, который имѣетъ даръ писать остро и замысловато; въ сочинителѣ, коего публика читаетъ охотно, и коего мнѣнія могутъ по-

[1] „Русскій Архивъ“, 1886, XI, 412.

[2] *В. Даль.* „Автобіографическая записка“—„Рус. Стар.“ 1878 г., V, 183 и дѣло архива III Отдѣленія, № 69, 5 эксп., 1833 г.

сѣять такія сѣмена, могутъ дать такое направленіе умамъ молодыхъ людей, которое вовлечетъ государство въ бездну несчастій. Не думайте, что въ то время ваше раскаяніе, сила вашихъ сочиненій могла прекратить тѣ бѣдствія, коихъ вы будете виновникомъ. И по сей причинѣ, какъ человѣкъ, желающій вамъ добра, совѣтую не печатать подобныхъ статей въ вашемъ журналѣ, которыя сколько вредны, столько же и нелѣпы. Вникните, милостивый государь, какія мысли вы внушаете людямъ неопытнымъ! Я не могу не скорбѣть душою, что во времена, въ кои и безъ вашихъ вольнодумныхъ разсужденій юные умы стремятся къ общему безпорядку, вы еще болѣе ихъ воспламеняете и не хотите предвидѣть, что сочиненія ваши могутъ и должны быть одною изъ непосредственныхъ причинъ разрушенія общаго спокойствія. Писатель съ вашими дарованіями принесетъ много пользы государству, если онъ дастъ перу своему направленіе благомыслящее, успокоивающее страсти, а не возжигающее оныя. Я надѣюсь, что вы съ благоразуміемъ примете мое предостереженіе и что впредь не поставите меня въ непріятную обязанность дѣлать невыгодныя замѣчанія на счетъ сочиненій вашихъ и говорить вамъ столь горькую истину.

„Не менѣе того примите увѣреніе въ моемъ къ вамъ отличномъ уваженіи и преданности, съ коею пребыть честь имѣю вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою *А. Бенкендорфъ*". [1]

Читатель, разумѣется, въ полномъ недоумѣніи... Шефъ жандармовъ, опора охранительной политики Николая I, самъ первый ретроградъ, ненавистникъ литературы и—вдругъ такое письмо,—да еще послѣ польскаго возстанія и іюльской революціи... Въ чемъ же дѣло? Почему Бенкендорфъ не представилъ царю о необходимости немедленно запретить столь дерзкій журналъ? По моему, есть вполнѣ удовлетворительныя объясненія. Во-первыхъ, потому, что жалоба на журналъ была бы жалобой на генерала Волкова, лично пропустившаго критическую статью... Желая прикрыть этотъ мотивъ, Бенкендорфъ дѣлаетъ видъ, что не помнитъ о цензорскихъ обязанностяхъ своего московскаго подчиненнаго, и пишетъ о слабости цензуры... Во-вторыхъ, Полевой былъ цѣненъ какъ талантливый журналистъ и Бенкендорфъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы дать ему понять, что при желаніи онъ можетъ быть полезенъ государству, а безъ такого желанія, достаточно ясно проявленнаго, можетъ разсчитывать на немедленное закрытіе... Въ третьихъ, если бы представить царю докладъ, то онъ прежде всего спросилъ бы, гдѣ были глаза у III Отдѣленія во-время, а не полгода спустя... Все это и продиктовало оригинальное письмо, отвѣтъ на которое Полевого, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ...

---

[1] „Русскій Архивъ", 1866 г., № 12, 1753—1756.

Несмотря на всю эту энергичную дѣятельность III Отдѣленія, находились еще люди, обвинявшіе Бенкендорфа и Ливена въ опасномъ... бездѣйствіи. Подъ 1 января 1833 г. приверженецъ всякаго давленія—Диковъ записалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „министерство народнаго просвѣщенія не обладало (1832 г.) достаточной энергіей, чтобы обуздать періодическія изданія, которыя начали печатать извлеченія изъ статей, содержанія самаго антимонархическаго и противнаго самодержавію. Тайная полиція съ ея явными и тайными цензорами съ своей стороны дѣйствовала въ семъ важномъ случаѣ *весьма вяло*. Самъ графъ Бенкендорфъ какъ будто находился подъ обаяніемъ этихъ писакъ; можно опасаться послѣдствій этой небрежности“. [1] Ознакомившись съ личностью самого Дивова, съ занимаемымъ имъ служебнымъ положеніемъ и съ его дневникомъ, можно категорически утверждать, что онъ высказалъ здѣсь не только свое мнѣніе, а мнѣніе значительной части тогдашней бюрократіи... Да, она находила русскую прессу распущенной и являлась такимъ образомъ plus royaliste, que le roi.

Но Николай зналъ истинную цѣну своего цербера и 10 ноября „за отличныя заслуги государю и отечеству“ возвелъ его въ графское россійской имперіи достоинство, которое по просьбѣ Бенкендорфа, въ виду неимѣнія сыновей, было распространено на его родного племянника. Девизомъ герба Николай I избралъ „Persévérance“, постоянство...

XII.

1833 годъ.

Условія для разрѣшенія новыхъ журналовъ. Вступленіе Уварова на постъ министра просвѣщенія.

1833-й годъ начался какъ бы нарочно такъ, чтобы доказать Дивовымъ ихъ несправедливое мнѣніе о какихъ-то послабленіяхъ литературѣ. Послѣ переписки съ начальникомъ III Отдѣленія, кн. Ливенъ циркулярно объявилъ по своему министерству: „Главное управленіе цензуры положило за три мѣсяца до истеченія каждаго года подвергать разсмотрѣнію періодическія изданія съ тѣмъ, чтобы издателямъ, кои окажутся неблагонадежными къ сему званію по неблагонамѣренности или по частнымъ замѣчаніямъ, ими на себя навлеченными, не будетъ уже дозволено продолжать ихъ журналы и принимать подписку на слѣдующій годъ“. Послѣднее обстоятельство требуетъ поясненія. До конца царствованія Николая I періодическія изданія получали всѣ свои подписныя деньги отъ почтамтовъ, принимавшихъ подписку, и частенько бывали случаи, что администрація задерживала подписку по взысканіямъ частныхъ лицъ, жалобамъ, явно не подлежавшимъ ея компетенціи и т. п.

[1] „Русская Старина“, 1900 г., № 4, 128—129.

Но нѣчто лучшее печати еще только предстояло: 21 марта министра Ливена смѣнилъ товарищъ его С. С. Уваровъ.

Никто такъ хорошо не охарактеризовалъ этого крупнаго карьериста николаевскаго царствованія, какъ историкъ Соловьевъ, которому, кстати сказать, принадлежатъ вообще прекрасныя характеристики выдающихся людей того времени; въ своихъ недавно напечатанныхъ „Запискахъ" Соловьевъ обнаружилъ положительно талантъ въ познаваніи людей.

„Уваровъ былъ человѣкъ безспорно съ блестящими дарованіями, и по этимъ дарованіямъ, по образованности и либеральному образу мыслей, вынесеннымъ изъ общества Штейновъ, Кочубеевъ и другихъ знаменитостей александровскаго времени, былъ способенъ занимать мѣсто министра народнаго просвѣщенія, президента академіи наукъ etc.; но въ этомъ человѣкѣ способности сердечныя нисколько не соотвѣтствовали умственнымъ. Представляя изъ себя знатнаго барина, Уваровъ не имѣлъ въ себѣ ничего истинно-аристократическаго; напротивъ, это былъ слуга, получившій порядочныя манеры въ домѣ порядочнаго барина (Александра I-го), но оставшійся въ сердцѣ слугою; онъ не щадилъ никакихъ средствъ, никакой лести, чтобъ угодить барину (императору Николаю); онъ внушилъ ему мысль, что онъ, Николай, творецъ какого-то новаго образованія, основаннаго на новыхъ началахъ, и придумалъ эти начала, т.-е. слова: православіе, самодержавіе и народность; православіе—будучи безбожникомъ, не вѣруя въ Христа даже и по-протестантски; самодержавія— будучи либераломъ; народность—не прочитавъ въ свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-нѣмецки. Люди порядочные, къ нему близкіе, одолженные имъ и любившіе его, съ горемъ признавались, что не было никакой низкости, которой бы онъ не былъ въ состояніи сдѣлать, что онъ кругомъ замаранъ нечистыми поступками. При разговорѣ съ этимъ человѣкомъ, разговорѣ очень часто блестяще умномъ, поражали, однако, крайнее самолюбіе и тщеславіе; только, бывало, и ждешь—вотъ скажетъ, что при сотвореніи міра Богъ совѣтовался съ нимъ насчетъ плана..." [1]

Либерализмъ былъ спрятанъ Уваровымъ очень далеко, какъ только Николай вступилъ на престолъ, и потому я не понимаю, какъ могутъ историки нашего образованія возносить Уварова на степень министра, создавшаго здоровую по тогдашнимъ временамъ школу. Историки литературы и журналистики не дѣлаютъ такой ошибки и, наоборотъ, утверждаютъ, что министерство этого политикана было очень тяжело и той и другой. Такимъ образомъ получается, что, насаждая здоровую школу, Уваровъ гналъ литературу... Достаточно сообразить всю нелѣпость этого противопоставленія именно для человѣка, съ одной стороны, умнаго, съ другой—хитраго и угодливаго, чтобы видѣть, что въ характеристикѣ Уварова правы не историки школы...

Назначенный въ апрѣлѣ 1832 г. товарищемъ министра просвѣщенія, Уваровъ въ августѣ былъ командированъ для осмотра московскаго университета, а

[1] „Вѣстникъ Европы", 1907 г., IV, 453—454.

4 декабря представилъ государю знаменательный отчетъ, въ которомъ не преминулъ изложить свои общіе взгляды на задачи высшаго и средняго образованія и на цензуру. Онъ зналъ непрочность положенія кн. Ливена...

„Утверждая—писалъ между прочимъ Уваровъ,—что въ общемъ смыслѣ духъ и расположеніе умовъ молодыхъ людей ожидаютъ только обдуманнаго направленія, дабы образовать въ большемъ числѣ оныхъ полезныхъ и усердныхъ орудій правительства, что сей духъ готовъ принять впечатлѣнія вѣрноподданнической любви къ существующему порядку, я не хочу безусловно утверждать, чтобы легко было удержать ихъ въ семъ желаемомъ равновѣсіи между понятіями, заманчивыми для умовъ недозрѣлыхъ и, къ несчастью Европы, овладѣвшими ею, и тѣми твердыми началами, на коихъ основано не только настоящее, но и будущее благосостояніе отечества; я не думаю даже, чтобы правительство имѣло полное право судить слишкомъ строго о сдѣланныхъ, можетъ быть, ошибкахъ со стороны тѣхъ, коимъ было нѣкогда ввѣрено наблюденіе за симъ заведеніемъ; но я твердо уповаю, что намъ остаются средства сихъ ошибокъ не повторять и, постепенно завладѣвши умами юношества, привести оное почти нечувствительно къ той точкѣ, гдѣ сліяться должны, къ разрѣшенію одной изъ труднѣйшихъ задачъ времени, образованіе правильное, основательное, необходимое въ нашемъ вѣкѣ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и теплою вѣрой въ истинно русскія охранительныя начала *Православія*, *Самодержавія и Народности*, составляющія послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества“.

„Съ давняго времени,—продолжалъ Уваровъ,—раздѣлялъ я со многими благомыслящими непріятное впечатлѣніе, производимое дерзкими, хотя отдѣльными, усиліями журналистовъ, особенно московскихъ, выступать за предѣлы благопристойности, вкуса, языка и даже простирать свои покушенія къ важнѣйшимъ предметамъ государственнаго управленія и къ политическимъ понятіямъ, поколебавшимъ уже едва-ли не всѣ государства въ Европѣ. При вступленіи въ должность, думалъ я, что, укротивъ въ журналистахъ порывъ заниматься предметами, до государственнаго управленія относящимися, можно бы было предоставить имъ полную свободу разсуждать о предметахъ литературныхъ, не взирая на площадныя ихъ брани, на небрежный слогъ, на совершенный недостатокъ вкуса и пристойности; но, вникнувъ ближе въ сей предметъ, усмотрѣлъ я, что вліяніе журналовъ на публику, особенно на университетскую молодежь, не безвредно и съ литературной стороны; развратъ нравовъ пріуготовляется развратомъ вкуса; студентъ, не имѣющій книгъ, не имѣющій сообщенія съ обществомъ, бѣдный, одинокій студентъ съ жадностью читаетъ журналы и ищетъ въ нихъ пищи для ума и сердца. Что-жъ онъ въ нихъ находитъ? Незнаніе правилъ логики и языка, рѣзкій и надменный тонъ въ сужденіяхъ, насмѣшливое представленіе тѣхъ самыхъ людей, отъ коихъ онъ долженъ получать образованіе. Какими глазами будетъ онъ смотрѣть на профессора, котораго онъ видѣлъ наканунѣ покрытаго журнальною грязью? Какое уваженіе можетъ онъ сохранить къ человѣку, обращенному въ общій смѣхъ, и который тѣмъ болѣе обязанъ молчать, чѣмъ болѣе онъ достоинъ своего

званія? Борьба съ журналистами сего рода неровная; ихъ крикъ беретъ верхъ надъ простымъ разсудкомъ. Неопытный читатель блуждаетъ во тьмѣ и мало-помалу свыкается съ площаднымъ духомъ и съ грубыми формами противниковъ, равно недостойныхъ уваженія. Желая возобновить угасшую дѣятельность профессоровъ, имѣлъ я еще въ виду и то, чтобы посредствомъ сего журнала [1] внушить молодымъ людямъ охоту ближе заниматься исторіей отечественной, обративъ больше вниманія на узнаніе нашей народности. Не только направленіе къ отечественнымъ предметамъ было бы полезно для лучшаго объясненія оныхъ, но оно отвлекло бы умы отъ такихъ путей, по коимъ шествовать имъ не слѣдуетъ; оно усмиряло бы бурные порывы къ чужеземному, къ неизвѣстному, къ отвлеченному въ туманной области политики и философіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что таковое направленіе къ трудамъ постояннымъ, основательнымъ, безвреднымъ, служило бы нѣкоторою опорою противъ вліянія такъ называемыхъ „европейскихъ идей", грозящихъ намъ опасностью, но силу коихъ, обманчивую для неопытныхъ, переломить нельзя иначе, какъ чрезъ наклонность къ другимъ понятіямъ, къ другимъ занятіямъ и началамъ. *Въ нынѣшнемъ положеніи вещей и умовъ нельзя не умножать, гдѣ только можно, число „умственныхъ плотинъ"*. Не всѣ оныя окажутся, можетъ быть, равно твердыми, равно способными къ борьбѣ съ разрушительными понятіями; но каждая изъ нихъ можетъ имѣть свое относительное достоинство, свой непосредственный успѣхъ". [2]

Выше я назвалъ этотъ отчетъ знаменательнымъ потому, что имъ впервые ставились ясно три начала политики Николая I вообще. „Православіе", „самодержавіе" и „народность", провозглашенныя Уваровымъ, немедленно стали основаніями нашей политической жизни, а въ благодарность ихъ первому провозвѣстнику—вошли въ девизъ графскаго герба Уварова, получившаго эту милость въ 1846 году.

---

[1] Рѣчь идетъ о предложеніи товарища министра московскимъ профессорамъ издавать „Ученыя Записки Московскаго Университета".

[2] *Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина", IV, 82—85. Вотъ какъ объясняетъ Барсуковъ происхожденіе этихъ трехъ принциповъ: „Въ 1832 году, послѣ великихъ бѣдствій, испытанныхъ Россіею въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и отъ губительныхъ войнъ, и отъ междоусобной брани, и отъ моровой язвы, надъ нашимъ отечествомъ просіяла великая благодать Божія. Въ этомъ году, въ богоспасаемомъ градѣ Воронежѣ, послѣдовало обрѣтеніе честныхъ мощей, иже во Святыхъ отца нашего Митрофана, перваго епископа Воронежскаго. Въ день открытія Св. мощей архіепископъ Тверскій и Кашинскій, Григорій, всенародно произнесъ молитву Святителю Митрофану, въ которой испрашивалось предстательство Его у „Христа Бога нашего да возродитъ во Святой Своей православной Церкви живый духъ правыя вѣры и благочестія, духъ вѣдѣнія и любви, духъ мира и радости о Дусѣ Святѣ". Этотъ *живый духъ правыя вѣры и благочестія* внушилъ помазаннику Божію поставить во главу угла воспитанія русскаго юношества: *Православіе*, *Самодержавіе* и *Народность*; а провозгласителемъ этого великаго символа нашей русской жизни—избрать мужа, стоявшаго во всеоружіи европейскаго знанія".

„Въ самомъ началѣ своей дѣятельности новый „просвѣщенный“ министръ обратился къ цензурнымъ комитетамъ съ слѣдующимъ замѣчательнымъ циркуляромъ: „нахожу нужнымъ поставить цензурнымъ комитетамъ на видъ, чтобъ въ дѣйствіяхъ своихъ они неуклонно слѣдовали какъ высочайше утвержденному уставу о цензурѣ, такъ и всѣмъ предписаніямъ и распоряженіямъ, которыя даны послѣ обнародованія устава. На издаваемыя у насъ книги и преимущественно не повременныя сочиненія буду я обращать постоянное вниманіе. Я желаю, чтобы не только по содержанію и духу своему сіи изданія не заключали въ себѣ ничего несообразнаго съ цензурными правилами, но *чтобъ тонъ оныхъ и изложеніе соотвѣтствовали, по возможности, требованіямъ приличія и благопристойности, дабы возвысить и облагородить сію отрасль нашей словесности*“.[1]

Этого одного было бы уже достаточно, чтобы сказать съ увѣренностью о возрожденіи дней Шишкова, ставившаго въ обязанность цензурѣ улучшеніе „словесности россійской“.

Вскорѣ Уварову пришлось высказаться и по поводу нѣсколькихъ ходатайствъ о разрѣшеніи дешевыхъ періодическихъ изданій. По этому очень важному именно въ Россіи вопросу министръ полагалъ, что „дешевыя повременныя изданія тѣмъ неумѣстнѣе нынѣ, что вкусъ къ чтенію и, вообще, литературная дѣятельность, которые прежде заключались въ границахъ сословій высшихъ, именно въ настоящее время перешли въ средніе классы и предѣлы свои распространяютъ *даже* далѣе. Впрочемъ, независимо отъ этой политической несовмѣстности дешевой литературы для народа, она не только не приноситъ существенной пользы истиннымъ успѣхамъ ума и просвѣщенія, но, напротивъ того, скорѣе служитъ препятствіемъ онымъ; во вредѣ этой литературы сознаются благомыслящіе люди даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ она возникла и утвердилась; ибо легкое пріобрѣтеніе неполныхъ свѣдѣній о многихъ предметахъ отклоняетъ отъ изученій основательныхъ и распространяетъ поверхностныя познанія, а, слѣдовательно, и весь вредъ оныхъ. По симъ соображеніямъ главное управленіе цензуры было убѣждено и выгодами государственными, и выгодами самого просвѣщенія въ необходимости отклонить введеніе у насъ дешевыхъ простонародныхъ журналовъ“.[2]

Вотъ кто являлся во главѣ органа, направлявшаго духовную жизнь русскаго общества... Могъ ли его союзъ съ III Отдѣленіемъ не пугать печать?...

---

[1] „Русская Старина“, 1903 г., № 3, 572—573.
[2] Ibidem, 586.

XIII.

1834 годъ.

Запрещеніе „Московскаго Телеграфа“.
„Аскольдова могила“.

Въ 1834 году погибъ лучшій русскій журналъ, „Московскій Телеграфъ“, и хотя помимо III Отдѣленія, но намъ необходимо остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ этого крупнаго литературнаго факта, съ одной стороны, потому, что оно играло въ немъ нѣкоторую роль, съ другой, — потому, что изъ этихъ обстоятельствъ будетъ видно нѣкоторое покровительство Полевому со стороны жандармовъ, которое потомъ, съ годами, опредѣлилось еще болѣе. Покровительство издателю-редактору журнала, явно направленнаго противъ старой Россіи, такъ прекрасно олицетворявшейся въ этихъ самыхъ жандармахъ — это фактъ, заслуживающій изслѣдованія.

Своимъ возникновеніемъ „Московскій Телеграфъ“ обязанъ всецѣло министру народнаго просвѣщенія Шишкову, цѣнившему въ Полевомъ коренного русскаго человѣка, купца, вышедшаго изъ народа. Русскому сердцу Шишкова, страдавшаго отъ иноземщины вокругъ себя, это было особенно пріятно. По словамъ Сухомлинова, онъ былъ „счастливъ тѣмъ, что даетъ ходъ чисто русскому дарованію“. И это, несомнѣнно, справедливо; Полевой, не въ примѣръ прочимъ, былъ только писателемъ. Какъ же затѣмъ онъ сумѣлъ удержаться? Во-первыхъ, въ силу уже факта своего существованія, во-вторыхъ, благодаря ловкости, съ которою въ нужную минуту умѣлъ козырнуть своею благонамѣренностью, не измѣняя „якобинскаго“ направленія, просто-на-просто выгоднаго въ тѣ времена, когда ни одинъ другой журналъ не могъ удовлетворять молодую часть образованнаго общества, только загнанную въ подполье, но не изничтоженную никакими мѣрами свирѣпаго Николая. Въ этомъ отношеніи я совершенно не согласенъ съ тѣми историками литературы, которые видятъ въ Полевомъ двухъ разныхъ людей: вначалѣ человѣка несомнѣнно искренняго и глубоко протестовавшаго внутри себя противъ всей николаевской казарменщины и потомъ — пошедшаго на компромиссы съ совѣстью подъ вліяніемъ тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствъ личной и семейной жизни. Полевой не могъ не понимать, бывъ умнымъ человѣкомъ, что затѣваемое имъ предпріятіе, принося матеріальныя выгоды, не гарантировано отъ краха въ любой моментъ. Онъ каждую минуту долженъ былъ быть готовымъ къ запрещенію навсегда издательской дѣятельности. И, несомнѣнно, онъ это понималъ, потому что, начиная дѣло, явно небезопасное, сошелся съ княземъ Вяземскимъ, міросозерцаніе котораго ему не могло быть неясно. Вяземскій тѣмъ и характеренъ, что съ пеленокъ до гроба былъ всегда однимъ и тѣмъ же по существу, совершенно не отражая на своей чахлой и пустой духовной физіономіи настроеній молодости,

окружающей жизни и т. п. Онъ былъ нуженъ Полевому по сильнымъ связямъ въ высшихъ сферахъ. Затѣмъ, когда журналъ сталъ на ноги, Полевой постарался отдѣлаться отъ ненужнаго князя немало тормозившаго дѣло, надѣясь, что личныя способности быть когда нужно пріятнымъ помогутъ ему провести корабль среди бурь и смерчей. Достаточно внимательно изучить его журналъ, чтобы видѣть, какую массу компромиссовъ Полевой дѣлалъ не только для власти, но и для болѣе широкаго уловленія подписчиковъ. Человѣкъ искренній и глубоко ненавидѣвшій современный ему родной политическій строй не писалъ бы того, что писалъ Полевой въ случаяхъ, когда приходилось спасать корабль отъ нападенія пиратовъ. Это могло дѣлать только внутреннее двуличіе. Наконецъ, матеріальное положеніе Полевого послѣ крушенія „Телеграфа“ не было ужъ такимъ безвыходнымъ, какъ объ этомъ иногда говорятъ. По тогдашнимъ временамъ заработокъ его могъ быть гораздо большимъ, чѣмъ, напримѣръ, Бѣлинскаго... Въ стараніи реабилитировать и защитить Полевого я вижу все тотъ же шаблонъ, который не позволялъ историкамъ литературы открыто говорить о гонителяхъ гласности изъ среды видныхъ писателей. Полевой—знамя опредѣленнаго кружка либерально мыслившихъ людей. Какъ же набрасывать его фигуру истинными красками?!. Точно „Московскій Телеграфъ“ сдѣлается меньше въ нашихъ глазахъ, когда мы узнаемъ, что побуждало Полевого издавать его такимъ, а не другимъ. Для историка роль журнала не станетъ оттого менѣе значительна, а истина получитъ прямое свое выраженіе. Вѣдь, никто не сомнѣвается, чѣмъ былъ Краевскій, однако, его „Отечественныя Записки“ временъ Бѣлинскаго не теряютъ же своего значенія...

Мы уже видѣли, какой непріятности подвергся „Московскій Телеграфъ“ въ 1829 году. Знаемъ также, что въ 1832 году Бенкендорфъ обращалъ вниманіе Ливена на Полевого, какъ на человѣка ведущаго журналъ въ „духѣ весьма недобронамѣренномъ“. Въ концѣ 1831 года Полевой, все время понемногу расширявшій рамки своего вначалѣ скромнаго по программѣ журнала, обратился съ просьбою о новомъ расширеніи, на что Николай I отвѣтилъ: „Не дозволять, ибо и нынѣ ничуть не благонадежнѣе прежняго“,— но во всякомъ случаѣ, повидимому, чаша терпѣнія не была переполнена, журналъ существовалъ.

По-моему, это объясняется сравнительно просто. Помимо нѣкоторыхъ связей, которыя Полевой всегда умѣло поддерживалъ, „Московскій Телеграфъ“ стоялъ защищеннымъ твердой каменной стѣной въ лицѣ генерала Волкова. Послѣдній былъ на прекрасномъ счету не только у Бенкендорфа, очень его цѣнившаго и уважавшаго, но и у самого Николая. Говорить о журналѣ, какъ о неблагонамѣренномъ, значило говорить о Волковѣ, какъ о неумѣломъ цензорѣ, находить его плохо исполняющимъ свои обязанности, иначе—значило начинать возню съ Бенкендорфомъ, на что охотниковъ почти не являлось.

Въ министерство народнаго просвѣщенія вступаетъ Уваровъ. Его уже знали, по должности товарища министра, за гонителя литературы, зналъ и Полевой по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ на его счетъ Уваровымъ въ 1832 году, во время ревизіи московскихъ учрежденій министерства. Очевидно, надо было искать сильныхъ

покровителей... Случай благопріятствовалъ. Въ іюнѣ 1833 года умираетъ сошедшій съ ума Волковъ, бывшій верховнымъ цензоромъ „Московскаго Телеграфа“. Въ іюньской книжкѣ „Московскаго Телеграфа“ появляется обширная по тогдашнимъ размѣрамъ статья за подписью *А. Б.*, подъ которой, нѣтъ сомнѣнія, скрылся самъ Полевой. „Древняя столица наша оплакиваетъ кончину преданнаго, вѣрнаго государева слуги и добраго человѣка!“—такъ начиналась она. Конецъ же былъ, повидимому, предназначенъ для убѣжденія властей въ полной благонамѣренности издателя журнала. Вотъ онъ: „Россію часто упрекаютъ въ невѣжествѣ и даже варварствѣ. „Всѣ государства слѣдуютъ быстрыми шагами направленію вѣка; всѣ народы подвигаются къ совершенству; русскіе одни чуждаются просвѣщенія, оставаясь неподвижными на азіатской своей границѣ“. Таковы риторическія фигуры, введенныя въ моду европейскими либералами и безпрестанно ими повторяемыя, не токмо въ разговорахъ, но и въ сочиненіяхъ ихъ; но русскіе столь же равнодушны къ упрекамъ, какъ и къ совѣтамъ новыхъ мудрецовъ и преобразователей народовъ... Оставьте русскихъ въ счастливомъ ихъ заблужденіи... Русскіе сохраняютъ теплую вѣру своихъ предковъ; русскіе храмы свои посвящаютъ Единому Богу, а не тлѣннымъ тварямъ, могучествомъ его сотвореннымъ“. [1]

Ходъ былъ разсчитанъ съ искусствомъ опытнаго шахматиста. Масса Москвы, если можно такъ выразиться, любила генерала и присутствовала на его похоронахъ. Бенкендорфу статья страшно понравилась...

Въ сентябрѣ 1833 г. Уваровъ входитъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о запрещеніи „Московскаго Телеграфа“ за благонамѣренную статью „Взглядъ на исторію Наполеона“, находя ее неосновательной и оскорбительной для чести русскихъ и нашего правительства. Николай самъ прочелъ статью, это было небезызвѣстно Бенкендорфу, и, не найдя въ ней ничего сколько-нибудь существеннаго, положилъ на докладѣ резолюцію очень характерную для его всегда третирующаго отношенія къ литературѣ: „я нахожу статью сію болѣе глупою своими противорѣчіями, чѣмъ неблагонамѣренною. Виновенъ цензоръ, что пропустилъ, авторъ же—въ томъ, что писалъ безъ настоящаго смысла, вѣроятно, себя не разумѣя. Потому бывшему цензору строжайшее замѣтить, а Полевому объявить, чтобъ вздору не писалъ: иначе запретится его журналъ“. [2] Не Николаю можно было возражать что бы то ни было противъ разъ положенной резолюціи и потому Уваровъ проглотилъ пилюлю, но затаилъ злобное желаніе такъ или иначе покончить съ Полевымъ, неодобрительно къ тому же отзывавшимся объ изданіяхъ академіи наукъ, въ которыхъ Уваровъ принималъ нѣкоторое участіе уже какъ непосредственный ея начальникъ.

Министръ рѣшилъ поручить своему чиновнику Бруннову сдѣлать рядъ выписокъ изъ журнала и сочиненій Полевого, чтобы выступить съ ними при первомъ удобномъ случаѣ. Послѣдній скоро представился.

[1] „Московскій Телеграфъ“, 1833 г., № 12, іюнь, 517—533.

[2] *Сухомлиновъ*, н. с., II, 403.

Несторъ Кукольникъ выпустилъ въ свѣтъ свою несуразную драму „Рука Всевышняго отечество спасла“ и одновременно поставилъ ее на Александринской сценѣ. Въ тѣ годы, когда правительство искало всякихъ поводовъ для поднятія „патріотическаго“ чувства своихъ подданныхъ, расшатаннаго европейскими и польскими событіями, заказанная имъ драма была обставлена съ небывалой помпой. На ея постановку было израсходовано около 40000 рублей. Царь со свитой присутствовалъ на первомъ же представленіи и горячо аплодировалъ, радуясь, что воцареніе дома Романовыхъ обставлено такъ эффектно... Полевой, сидя въ Москвѣ, ничего этого еще не зналъ, а какъ только пьеса вышла въ свѣтъ, немедленно написалъ о ней рецензію, въ которой подвергъ драму жестокой критикѣ... Затѣмъ, пріѣхавъ въ Петербургъ и попавъ на представленіе, онъ увидѣлъ, какую сдѣлалъ ошибку... Подошедшій къ нему въ антрактѣ Бенкендорфъ поинтересовался мнѣніемъ московскаго журналиста, и, узнавъ о рецензіи, предупредилъ Полевого, чѣмъ она ему угрожаетъ... Полевой немедленно извѣстилъ брата, чтобы рецензія была выкинута, но было уже поздно: книжка „Московскаго Телеграфа“ разошлась по рукамъ подписчиковъ...

Съ поникшей головой вернулся онъ домой и ждалъ удара... 21 марта Уваровъ улучилъ удобный моментъ и представилъ царю свой докладъ о запрещеніи журнала вмѣстѣ съ объемистой тетрадью выписокъ.

Документъ этотъ настолько любопытенъ отсутствіемъ въ себѣ постояннаго въ такихъ случаяхъ шаблона и стараніемъ Уварова подѣйствовать на Николая во что бы то ни стало, что я приведу его полностью:

„Давно уже и постоянно „Московскій Телеграфъ“ наполнялся возвѣщеніями о необходимости преобразованій и похвалою революціямъ. Весьма многое, что появляется въ злонамѣренныхъ французскихъ журналахъ, „Телеграфъ“ старается передавать русскимъ читателямъ съ похвалою. Революціонное направленіе мыслей, которое справедливо можно назвать нравственною заразою, очевидно, обнаруживается въ семъ журналѣ, котораго тысячи экземпляровъ расходятся по Россіи, и по неслыханной дерзости, съ какою пишутся статьи, въ ономъ помѣщаемыя, читаются съ жаднымъ любопытствомъ. Время отъ времени встрѣчаются въ „Телеграфѣ“ похвалы правительству, но тѣмъ гнуснѣе лицемѣріе: вредное направленіе мыслей въ „Телеграфѣ“, столь опасное для молодыхъ умовъ, можно доказать множествомъ примѣровъ.

„Приступая къ симъ доказательствамъ, спросимъ: что, еслибы среди обширной столицы кто-нибудь вышелъ на площадь и сталъ провозглашать предъ толпою народа о необходимости революціи, о неосужденіи всеобщности революцій; что явленія нидерландской революціи прекрасны; что Россія, хитрою политикою разжигая раздоры и смуты, во всякомъ случаѣ выигрывала предъ Польшею; что еще Разумовскій согрѣвалъ въ душѣ тайную мысль о свободѣ Малороссіи; что жители Приволжья и Придонья совершенно чуждые намъ и тоже, что колонисты или цыгане; что наше правительство ежегодно ссылаетъ въ Сибирь по 25 тысячъ человѣкъ на желѣзномъ канатѣ; что французы теперь равны одинъ другому и что во Франціи теперь все ведетъ ко всему.

„Представимъ толпу слушателей умножающеюся, а человѣкъ продолжаетъ проповѣдывать: что разбойничество происходитъ отъ излишка силъ души; что Стенька Разинъ и Пугачевъ были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы въ борьбѣ дикой независимости съ силами Россіи; что отъ разбойничьихъ пѣсенъ дрожитъ русская душа и сильно бьется русское сердце; что сами русскіе произошли отъ разбойниковъ, назвавшихъ себя Русью; что братоубійцы достойны сожалѣнія, а не проклятія; что Мономахова корона и скипетръ принадлежатъ къ большимъ сказкамъ; что русскихъ пора будить отъ пошлой растительной бездѣйственности; что Магометъ былъ человѣкъ истинно вдохновенный; что природа, мать всѣхъ вещей, есть безсмертная ночь, есть то единство, посредствомъ котораго вещи существуютъ въ самихъ себѣ.

„Можетъ быть назвали бы такого человѣка сумасброднымъ (если не злонамѣреннымъ), но, вѣроятно, не позволили бы ему провозглашать долѣе на площади, гдѣ слова его могутъ возбудить разные толки. Однакожъ, именно есть такой провозглашатель, и на площади столь обширной, какъ Россія, не предъ толпой поселянъ, а предъ тысячами тѣхъ, которые владѣютъ поселянами, предъ тысячами молодыхъ людей, и безъ того уже легко заражаемыхъ французскимъ вольнодумствомъ. Все вышесказанное не произнесено на вѣтеръ, а напечатано для современниковъ и потомства въ тысячахъ экземпляровъ „Телеграфа“ и „Исторіи русскаго народа“. Прилагаются выписки съ указаніями страницъ, составляющія только самую малую часть того, что можно и должно замѣтить“.

Дальше шли самыя выписки, изъ которыхъ многія, дѣйствительно, доказывали справедливость утвержденій Уварова. [1]

Истинныя побужденія Уварова выясняются вполнѣ изъ его словъ, сказанныхъ послѣ запрещенія журнала Никитенку: „Это проводникъ революціи, онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила. Онъ не любитъ Россіи... Надо было отнять у него право говорить съ публикою, — это правительство всегда властно сдѣлать и при томъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ, ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привилегія, которую правительство можетъ дать и отнять когда хочетъ. Впрочемъ, извѣстно, что у насъ есть партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены: Полевой хотѣлъ быть органомъ ихъ“. [2]

21 марта Бенкендорфъ писалъ Московскому генералъ-губернатору: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, дабы издатель журнала „Московскій Телеграфъ“, Полевой, немедленно прибылъ въ С.-Петербургъ и дабы, для скорѣйшаго его пріѣзда, отправленъ былъ съ нимъ жандармскій унтеръ-офицеръ. Сообщая Вашему Сіятельству сію Высочайшую волю, для Вашего по оной

[1] Онъ полностью приведенъ въ указанной книгѣ Сухомлинова.

[2] *Никитенко*, н. с., I, 241.

исполненія, я покорнѣйше прошу Васъ объявить г. Полевому, чтобъ онъ тотчасъ по прибытіи его сюда явился ко мнѣ". [1]

По словамъ брата Полевого,—послѣдняго ,,привезли въ квартиру Л. В. Дубельта, начальника штаба корпуса жандармовъ. Генералъ Дубельтъ встрѣтилъ моего брата не только вѣжливо, но и съ изъявленіемъ самаго дружескаго расположенія. Онъ отвелъ ему одну изъ комнатъ въ своемъ помѣщеніи и сказалъ: ,,Скажу вамъ откровенно, что, по обязанности моей, я долженъ приставить стражу къ вашей комнатѣ; но я не сдѣлаю этого, только вы дайте мнѣ слово, что не будете имѣть ни съ кѣмъ сообщенія, ни переписки, оставаясь неотлучно дома. Къ вамъ въ комнату будутъ приносить обѣдъ, чай и все, что нужно. Я знаю, что вы не можете жить безъ книгъ: библіотека моя къ вашимъ услугамъ, и, сверхъ того, если вамъ угодно какую книгу, напишите мнѣ заглавіе, она будетъ къ вамъ доставлена. Между тѣмъ отдыхайте отъ дороги. Я доложу о вашемъ пріѣздѣ графу Александру Христофоровичу и передамъ вамъ его распоряженія".

„На другой или третій день по пріѣздѣ моего брата въ Петербургъ генералъ Дубельтъ объявилъ ему, что онъ долженъ явиться къ графу Бенкендорфу. „Въ семь часовъ потрудитесь отправиться къ нему: это очень близко отсюда, и графъ будетъ дома". Николай Алексѣевичъ пошелъ пѣшкомъ, *безъ провожатаго*, и могъ почесть это знакомъ особенной довѣренности.

,,По прибытіи въ домъ, гдѣ жилъ графъ Бенкендорфъ, братъ мой назвалъ себя, и его немедленно пригласили въ кабинетъ графа. При входѣ туда, онъ удивился, когда увидѣлъ министра народнаго просвѣщенія Уварова, сидѣвшаго подлѣ стола, насупротивъ графа Бенкендорфа, который привѣтливо встрѣтилъ моего брата и попросилъ его подсѣсть къ нимъ. Братъ еще не успѣлъ исполнить этого, какъ Уваровъ обратился къ нему съ рѣчью, торжественно говоря:

— Вотъ, г. Полевой, вы видите, справедливо ли я предупреждалъ васъ много разъ, чтобы вы, какъ журналистъ, дѣйствовали благоразумно и сообразались съ внушеніями высшихъ властей. Теперь вамъ, конечно, непріятно явиться здѣсь отвѣтчикомъ?

— Позвольте мнѣ сказать, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ Николай Алексѣевичъ,—что я не понимаю вашихъ словъ. Въ чемъ и за что являюсь я отвѣтчикомъ?

— Садитесь, садитесь, Николай Алексѣевичъ!—перебилъ его графъ Бенкендорфъ. Намъ надобно поговорить съ вами о многомъ.

,,Когда братъ мой сѣлъ, графъ спросилъ его, какимъ побужденіемъ руководствовался онъ въ своемъ отзывѣ о патріотической драмѣ Кукольника? И какъ могъ онъ выразить мнѣніе, противоположное мнѣнію *всѣхъ*. Братъ мой отвѣчалъ, что въ отзывѣ своемъ онъ пользовался правомъ, даннымъ всякому критику вы-

[1] *Н. Д.* (убровинъ). „Н. А. Полевой, его сторонники и противники по „Московскому Телеграфу", „Русская Старина", 1903 г., № 2. Въ этой статьѣ есть документы, отсутствующіе въ работѣ Сухомлинова; попадающіеся и тамъ и тутъ я цитирую по Сухомлинову.

ражать свое мнѣніе о произведеніяхъ литературы, и если его мнѣніе противоположно мнѣнію большинства или даже всѣхъ, то другіе критики могутъ опровергать его убѣжденія и доводы.

— Тутъ дѣло идетъ не о литературныхъ достоинствахъ сочиненія,—возразилъ Уваровъ,—а о противорѣчіи вашемъ общему патріотическому чувству, которое возбуждаетъ драма Кукольника. Вы, какъ русскій, не должны были бы чувствовать иначе, нежели всѣ самые возвышенные патріоты.

— Я ничего и не писалъ противъ патріотическихъ чувствованій, а указывалъ только на недостатки сочиненія, которое можетъ возбуждать патріотическій восторгъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть неудовлетворительно, какъ произведеніе литературное и поэтическое.

— Но, осуждая его, вы охлаждаете общее впечатлѣніе, которое, напротивъ, должно быть поддерживаемо. Драма Кукольника была для васъ какъ будто поводомъ къ осмѣянію самаго возвышеннаго чувства.

„Брату моему не трудно было опровергать такія обвиненія, шедшія совсѣмъ не отъ того побужденія, которое заставило его указать на недостатки *Руки Всевышняго.* Болѣе и болѣе одушевляясь, онъ развилъ свой взглядъ такъ убѣдительно, что графъ Бенкендорфъ сталъ поддерживать его и иногда возражать Уварову, который явно желалъ обличить моего брата въ неблагонамѣренности. Споръ длился уже часа два, когда, наконецъ, графъ сказалъ:

— Объ этомъ предметѣ довольно. А о другихъ поговоримъ завтра, для чего вы, Николай Алексѣевичъ, пожалуете ко мнѣ вечеромъ въ тотъ же часъ, какъ сегодня.

„Изъ этого разговора братъ мой ясно увидѣлъ, что обвинителемъ его былъ Уваровъ, а графъ Бенкендорфъ старался придать всему форму обыкновеннаго разговора, и предупредительностью своею останавливалъ рѣзкія выходки и обвиненія министра народнаго просвѣщенія. Ясно было также, что *Рука Всевышняго* служила поводомъ къ какимъ-то другимъ обвиненіямъ. Передъ Уваровымъ лежала толстая тетрадь въ листъ; по временамъ онъ перевертывалъ въ ней листы и заглядывалъ въ нее мимоходомъ.

„Въ слѣдующій вечеръ въ кабинетѣ графа Бенкендорфа братъ мой опять увидѣлъ министра Уварова. Онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, передъ своею толстою тетрадью, и на сей разъ сталъ прямо обвинять брата моего въ неблагонамѣренномъ направленіи „Московскаго Телеграфа", въ дерзостяхъ, какія онъ позволяетъ себѣ писать въ немъ, и главное—въ возбужденіи умовъ къ неуваженію властей и въ похвалахъ французской революціи.

„Братъ мой твердо возразилъ, что хотя онъ могъ бы не отвѣчать на такія обвиненія, сославшись законнымъ образомъ на то, что ни одна строчка въ его журналѣ не напечатана безъ одобренія цензуры, а послѣ такого одобренія онъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности, однако, желая уничтожить даже тѣнь подозрѣнія противъ его благонамѣренности и чистоты его помышленій, онъ проситъ объяснить, гдѣ и что въ его журналѣ могло дать поводъ къ тѣмъ обвиненіямъ, какія объявляетъ ему г. министръ.

„Тогда Уваровъ, послѣ метафизическаго объясненія, что направленіе журнала выказывается не въ отдѣльныхъ статьяхъ, а въ духѣ, проникающемъ каждую изъ нихъ, и что это явно для опытнаго наблюдателя, хотя и не можетъ быть обличено осязательно, провозгласилъ:

— За всѣмъ тѣмъ, какъ искусно ни скрываете вы тайное направленіе вашего журнала, оно невольно проявляется во многихъ статьяхъ. Напримѣръ...

„Тутъ онъ развернулъ свою толстую тетрадь, и началъ прочитывать выписки или, лучше сказать, выдержки изъ „Московскаго Телеграфа", наполнявшія эту тетрадь. То были большею частью отдѣльныя фразы или мысли изъ большихъ статей, и въ такомъ видѣ иногда представляли смыслъ, противоположный тому, какой придавалъ ему авторъ. Къ числу такихъ выдержекъ принадлежалъ отзывъ о Лафайэтѣ.

„Прочитавъ эту выписку, Уваровъ сказалъ.

— Такимъ образомъ, вы выхваляете Лафайэта, называя его самымъ честнымъ человѣкомъ, благороднѣйшимъ изъ гражданъ, а этотъ человѣкъ былъ однимъ изъ главныхъ двигателей французской революціи; это отъявленный противникъ королевской власти, самый опасный бунтовщикъ.

„Братъ мой, какъ говорилъ онъ мнѣ, былъ изумленъ нелѣпостью такого обвиненія въ устахъ просвѣщеннаго человѣка (какимъ несомнѣнно былъ Уваровъ); но, припомнивъ, откуда взята была похвала Лафайэту, онъ сказалъ, что выписанное изъ „Московскаго Телеграфа" мнѣніе о Лафайэтѣ принадлежитъ не ему; что это слова изъ анекдота, разсказаннаго англійскою писательницею леди Морганъ и слышаннаго ею во время путешествія въ Парижъ. Она пишетъ, что какъ-то Наполеонъ началъ жестоко порицать Лафайэта въ присутствіи графа Сегюра, который вступился за отсутствовавшаго своего друга, сослуживца, кажется, даже родственника, и, не страшась гнѣва деспота, сказалъ ему, что онъ отзывается о Лафайэтѣ, не зная его, что Лафайэтъ честнѣйшій человѣкъ и проч.

„Объяснивъ это, братъ мой спросилъ:

— Неужели изъ этого анекдота можно вывести, что я не только хвалю Лафайэта, какъ политическое лицо, но въ лицѣ его хвалю и французскую революцію? Можно ли приписывать мнѣ слова и мнѣнія, которыя составляютъ мимоходную подробность въ статьѣ, не мною писанной?

„Уваровъ, продолжая утверждать, что таково постоянное направленіе „Московскаго Телеграфа", привелъ въ доказательство еще одну выписку, гдѣ было сказано, что „Франція всегда идетъ впереди другихъ государствъ и даритъ своими успѣхами европейскіе народы". Чудесная память моего брата тотчасъ надоумила его, что это было сказано въ одной ученой статьѣ объ успѣхахъ французовъ въ химіи и вообще въ естествознаніи. Онъ, невольно улыбаясь, объяснилъ это, и заставилъ тѣмъ графа Бенкендорфа разсмѣяться. Вообще, какъ говорилъ мнѣ братъ мой, графъ Бенкендорфъ казался больше защитникомъ его или, по крайней мѣрѣ, доброжелателемъ: онъ не только удерживалъ порывы Уварова, но иногда подшучивалъ надъ нимъ, иногда просто смѣялся, и во все время страннаго до-

проса, какой производилъ министръ народнаго просвѣщенія, шефъ жандармовъ старался придать характеръ обыкновеннаго разговора тягостному состязанію бѣднаго журналиста съ его грознымъ обвинителемъ. Съ этой поры братъ составилъ себѣ благопріятное мнѣніе о характерѣ графа Бенкендорфа, который оправдалъ такое мнѣніе во всѣхъ послѣдующихъ сношеніяхъ съ нимъ.

„Невозможно было прочитать всю тетрадь, лежавшую передъ Уваровымъ: изъ нея были прочитаны лишь немногія мѣста, подававшія поводъ къ опроверженіямъ со стороны Николая Алексѣевича, и, наконецъ, уже просто шелъ разговоръ о разныхъ предметахъ, сообразныхъ съ обстоятельствами. Братъ мой откровенно передавалъ свои мнѣнія, свой взглядъ, свои убѣжденія, думая, конечно, что чѣмъ лучше узнаютъ его, тѣмъ больше отдадутъ ему справедливости. Разговоръ кончился тѣмъ, что Уваровъ прекратилъ свои нападенія, графъ Бенкендорфъ былъ очень любезенъ, и братъ мой могъ полагать, что онъ оправдалъ себя въ мнѣніи этихъ двухъ сановниковъ. Онъ оставилъ ихъ уже довольно поздно вечеромъ. Возвратившись къ генералу Дубельту, онъ пересказалъ ему происходившее въ этотъ вечеръ, и спросилъ, что-жъ остается ему еще дѣлать?—„Подождите,— отвѣчалъ г. Дубельтъ.—Вѣроятно, вы скоро узнаете это“.

„Прошло еще дня два, въ которые братъ мой оставался не выходя изъ дома и не слыша ничего новаго“. [1]

Вмѣстѣ съ устными показаніями и объясненіями Полевой представилъ Бенкендорфу 31 марта и письменное:

„Сіятельный графъ, Милостивый Государь. Въ исполненіе объявленной мнѣ Высочайшей воли: объяснить, въ какомъ смыслѣ сказано было мною, въ началѣ библіографической статьи о трагедіи „Рука Всевышняго отечество спасла“, что сія трагедія „опечалила рецензента“ и проч., чего теперь, не имѣя подъ рукою статьи моей, припомнить въ точности не могу,—симъ честь имѣю донести, что я судилъ о трагедіи по чтенію, не видавъ ее на сценѣ, и говорилъ о ней чисто въ литературномъ смыслѣ, какъ о поэтическомъ созданіи. Сочинитель ея прежде напечаталъ драму „Торквато Тассъ“, исполненную красотъ, хотя и далекую отъ совершенства. Послѣ „Тасса“ его новая трагедія казалась мнѣ,—повторяю, судя о ней, какъ о произведеніи поэтической фантазіи—прыжкомъ назадъ. Это было объясняемо мною въ рецензіи; къ этому относились и слова въ началѣ оной. Мнѣ казалось, что сильный духъ русскій могъ быть выраженъ въ драмѣ не только *словами, но и дѣйствіемъ*; что великія событія 1612 года могли быть выставлены вѣрно и произвесть сильнѣйшее дѣйствіе и впечатлѣніе; что трагедія обезображена ненужными вставками, характеры въ ней не выдержаны и самое избраніе царя Михаила должно было представить не слѣпымъ случаемъ какимъ-то, по жребію, но тайною, глубокою мыслью русскихъ душъ, провидѣвшихъ спасеніе и счастіе отечества въ державномъ юношѣ и мудромъ старцѣ, его родителѣ. Такъ я думалъ и писалъ. Готовъ сознаться въ ошибкѣ. Но смѣю увѣрить

[1] „Записки К. А. Полевого“, 1888 г., 336—342.

всѣмъ, что есть для меня святого и драгоцѣннаго, что никогда въ мысль мнѣ не приходило что-либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора. Душевно радовался я потомъ, что каждое слово, близкое родного всѣмъ намъ чувства къ царю и отечеству, доходило до сердецъ зрителей. По этому участію можно уже судить, что произвело бы на сценѣ твореніе, согрѣтое огнемъ генія, совершенное по сущности, какъ Шекспирова драма, и высказанное стихами Пушкина или Жуковскаго, предъ которыми стихи Кукольника кажутся мѣрною прозою, не болѣе. Съ истиннымъ, глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю пребыть Вашего Сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга *Николай Полевой*". [1]

На слѣдующій день, 1 апрѣля, Полевой былъ возвращенъ въ Москву. Братъ его разсказываетъ объ этомъ слѣдующее:

„Кажется, на третій день послѣ второго вечера, проведеннаго братомъ моимъ у графа Бенкендорфа въ состязаніи съ Уваровымъ, генералъ Дубельтъ объявилъ ему, что онъ должнъ возвратиться въ Москву.

— Какъ же я могу понимать это?—спросилъ братъ мой.—Оправдалъ я себя отъ нареканій? Свободенъ совершенно?

— Не знаю,—отвѣчалъ г. Дубельтъ.—Объявляю вамъ только, что вы должны возвратиться въ Москву и отправиться туда сегодня же вечеромъ, съ тѣмъ же провожатымъ.

— Какъ, опять на перекладныхъ? Въ телѣжкѣ?

— Да.

— Помилуйте, генералъ! Меня измучилъ такой переѣздъ изъ Москвы сюда, и уже слишкомъ тягостно будетъ ѣхать еще такимъ образомъ.

— Что-жъ дѣлать! Мнѣ приказано такъ отправить васъ.

— Да у меня и денегъ нѣтъ на проѣздъ; а откуда я возьму ихъ, не выходя изъ комнаты?

„Въ объясненіе надо замѣтить, что братъ мой ѣхалъ изъ Москвы, платя прогоны отъ себя, хотя подорожная была выдана жандарму. При отъѣздѣ у него было немного денегъ, и оставшихся въ Петербургѣ недостало бы на обратный переѣздъ въ Москву. Онъ полагалъ, что ему возвратятъ издержки на это невольное путешествіе; но генералъ Дубельтъ съ обычною своею любезностью сказалъ:

— О деньгахъ не заботьтесь, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ! Возьмите у меня, сколько вамъ надобно. По пріѣздѣ въ Москву вы возвратите ихъ мнѣ.

„Онъ немедленно вручилъ ему двѣсти рублей, и заботился вообще снарядить его сколько возможно удобнѣе".

3-го апрѣля участь „Московскаго Телеграфа" была рѣшена: его повелѣно было запретить... Николай не видѣлъ возможности не согласиться съ предложеніемъ министра; Бенкендорфъ, повидимому, неособенно энергично защищалъ Полевого, потому что не имѣлъ уже для этого достаточныхъ основаній въ личныхъ

[1] *Сухомлиновъ*, н. с., II, 410—411.

своихъ побужденіяхъ... Волковъ, вѣдь, былъ уже въ могилѣ... Начальникъ III Отдѣленія интересовался только, какія будутъ въ Москвѣ сужденія на счетъ поѣздки Полевого и что онъ самъ будетъ говорить о ней.

Замѣстившій Волкова генералъ Лесовскій отвѣчалъ Бенкендорфу 13 апрѣля: „По отъѣздѣ Полевого многіе благомыслящіе имѣли сужденіе, что давно пора бы унять подобныхъ вольнописцевъ и что правительство бдитъ о всенародномъ спокойствіи! Въ разговорахъ же о семъ со смѣхомъ говорили: „хорошо, еслибы посѣкли его порядочно". Одни писатели, товарищи его, сожалѣли о немъ, исключая врага его Надеждина, распустившаго слухъ, будто бы Полевой отданъ въ солдаты. Наконецъ, неожиданное скорое возвращеніе Полевого удивило всѣхъ и дало поводъ къ заключенію о невинности его, что породило разные сужденія и толки. Въ семъ послѣднемъ случаѣ говорятъ: „Если онъ невиненъ, то зачѣмъ же было поступать такъ жестоко съ человѣкомъ, облагороженнымъ правительствомъ?" и что употребленная надъ Полевымъ мѣра влечетъ къ невольному заключенію о небезопасности личности каждаго. Если же обнаружены преступныя намѣренія, то слѣдовало бы его примѣрно наказать. И какъ бы изъ сожалѣнія къ нему соглашаясь, что Полевой только злой сатирикъ, но что гораздо опаснѣе сочинители: о Годуновѣ, Дмитріи Самозванцѣ, Биронѣ и прочихъ. А потому заключаютъ, что запрещеніе „Телеграфа" обнаруживаетъ слабость правительства и огорчаетъ публику, и что лучше бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать въ духѣ правительства. Причемъ винятъ не сочинителя, а повѣряющую его цензуру, и что издатель „Телескопа" гораздо рѣшительнѣе открываетъ мысль о равенствѣ, но сего какъ будто бы не замѣчаютъ. Всѣ сіи слухи и толки собраны изъ отголосковъ разныхъ сужденій и разговоровъ, по множеству которыхъ нельзя съ довѣренностью положить основательнаго заключенія, и одно лишь время можетъ обнаружить истину оныхъ". [1]

Бенкендорфъ, вѣроятно, довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія Николая.

Передовое же общество, оставшись безъ журнала, сложило четверостишіе:

Рука Всевышняго три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ходъ дала
И Полевого задушила—

и этимъ, разумѣется, ограничилось въ своемъ протестѣ.

---

[1] *Н. Д.*, н. с., 269—270.

Въ томъ же году появилась другая патріотическая рулада, названная Загоскинымъ „Аскольдовой Могилой". Московская цензура не рѣшилась пропустить ее самолично, находя, что, благодаря упоминанію въ романѣ Владиміра Равноапостольнаго, онъ подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры. Загоскинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, побесѣдовалъ съ Бенкендорфомъ, разъяснилъ ему значеніе романа и получилъ разрѣшеніе печатать его съ незначительными исключеніями. Оберъ-прокуроръ синода обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ жалобою на богомерзкій романъ, но не получилъ никакого удовлетворенія. [1]

XVI.

1835 годъ.

Заграничныя опроверженія. „Кіевская Газета".

Какъ извѣстно, заграничная печать не упускалась изъ вида еще Петромъ Великимъ, платившимъ тамошнимъ литераторамъ за собственное прославленіе. При Николаѣ I этому вопросу тоже придавалось довольно важное значеніе. Такой государственно образованный и умный человѣкъ, какъ гр. П. Д. Киселевъ, и тотъ даже былъ за ласкательство иностранной прессы. „Однажды,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—за семейнымъ обѣдомъ у императора Николая, я поддерживалъ, противъ канцлера гр. Нессельрода, необходимость повліять на иностранную печать, составляющую нынѣ силу, съ которою надо бороться, если не хотятъ пріобрѣсти ее, чтобъ управлять ею, или по крайней мѣрѣ, надо имѣть органъ для опроверженія безобразной лжи, которую она позволяетъ себѣ въ отношеніи насъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Гр. Нессельродъ утверждалъ, что неприлично достоинству великаго государства входить въ борьбу съ прессой. Я отвѣчалъ, что конечно, это спокойнѣе, но не полезнѣе; что время оправдаетъ меня, а пока мнѣ жаль видѣть, что рутина сильнѣе очевидности".

Въ виду такого мнѣнія Нессельроде дѣло поддержанія въ Европѣ нашего престижа было направлено мимо министра иностранныхъ дѣлъ, черезъ Бенкендорфа. И, дѣйствительно, мы знаемъ, что въ интересующую насъ эпоху въ Европѣ Бенкендорфомъ содержались особые агенты-писатели. Вотъ его личное объ этомъ свидѣтельство:

„Во время нашего пребыванія въ Теплицѣ, кн. Меттернихъ старался со мною сблизиться и показывалъ мнѣ всевозможные знаки довѣрія. Съ годъ передъ тѣмъ я послалъ въ Германію одного изъ моихъ чиновниковъ, [2] съ цѣлью опро-

[1] *Никитенко*, н. с., I, 237.

[2] Барона Швейцера.

вергать посредствомъ дѣльныхъ и умныхъ газетныхъ статей грубыя нелѣпости, печатаемыя за границею о Россіи и ея монархѣ, и вообще стараться противодѣйствовать революціонному духу, обладавшему журналистикою. Послѣднее обстоятельство очень интересовало и князя Меттерниха. Увѣряя, что у него нѣтъ чиновника способнѣе къ этому моего, который имѣлъ случай сдѣлаться ему лично извѣстнымъ, онъ просилъ прислать его на жительство въ Вѣну, чтобы имъ работать тамъ соединенными силами на пользу Россіи и Австріи и на распространеніе добрыхъ монархическихъ началъ. Я тѣмъ охотнѣе на это согласился, что мнѣ не хотѣлось возбуждать подозрѣнія объ участіи въ семъ дѣлѣ нашего правительства, слишкомъ высоко стоявшаго для борьбы съ журналами. Вслѣдствіе того, мой чиновникъ, разъѣзжавшій по Германіи, какъ совершенно частное лицо, поселился въ Вѣнѣ въ такой же роли. Сверхъ того, князь Меттернихъ, постоянно обращавшій особенное вниманіе на дѣла высшей или тайной полиціи, предложилъ мнѣ прислать въ Вѣну одного изъ нашихъ жандармскихъ офицеровъ, чтобы ознакомить его со всѣмъ движеніемъ этой части въ Австріи, и введя его во всѣ подробности ея механизма, чрезъ то самое согласить наши обоюдныя мѣры противъ поляковъ. И на это предложеніе я также съ удовольствіемъ согласился и по возвращеніи моемъ въ Петербургъ тотчасъ же командировалъ въ Вѣну подполковника Озерецковскаго, который былъ принятъ тамъ со всею ласкою и предупредительностью". [1]

Смѣшнѣе всего, что Бенкендорфъ серьезно воображалъ себя учителемъ Меттерниха...

Впослѣдствіи мы еще будемъ знакомиться и съ другими фактами изъ области инспирированія и опроверженія европейскаго общественнаго мнѣнія силами агентовъ III Отдѣленія.

---

[1] *Шильдеръ*, н. с., II, 713—714. Кстати приведу мало извѣстный манифестъ 6 февраля 1834 года, который установилъ уже нѣкоторыя „обоюдныя мѣры противъ поляковъ".

„Желая наивящше укрѣпить связи искренней дружбы и добраго сосѣдства, существующія между Нами, Его Величествомъ Императоромъ Австрійскимъ, Королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ, Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ, а равно и между нашими Государствами; пріемля сверхъ того въ уваженіе, что всѣ три союзныя Державы въ равной степени должны пещись о сохраненіи тишины и законнаго порядка въ польскихъ областяхъ, каждой изъ нихъ подвластныхъ, Мы, по соглашенію съ Ихъ Величествами, утвердили нижеслѣдующія постановленія:

„Никто изъ оказавшихся въ областяхъ одной изъ трехъ державъ, то-есть Россіи, Австріи и Пруссіи, виновнымъ въ государственной измѣнѣ, оскорбленіи Величества, вооруженномъ бунтѣ или же изъ злоумышлявшихъ противъ престола и правительства, не будетъ имѣть ни защиты, ни убѣжища въ областяхъ двухъ другихъ Державъ. Всѣ три Державы, напротивъ того, обязуются выдавать немедленно всякаго изобличаемаго въ вышеозначенныхъ преступленіяхъ, коль скоро онъ потребованъ будетъ Правительствомъ, которому онъ принадлежитъ"...

Въ концѣ 1835 года кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ гр. Гурьевъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ ежедневную „Кіевскую Газету“. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Блудовъ, находилъ ходатайство заслуживающимъ удовлетворенія, но признавалъ нужнымъ принять въ отношеніи новой газеты нѣкоторыя особыя мѣры предосторожности. По его предложенію, „Кіевская Газета“ должна была способствовать „истинно-русскому просвѣщенію“ и находиться подъ ближайшимъ надзоромъ генералъ-губернатора; свѣдѣнія о замѣчательныхъ происшествіяхъ въ другихъ губерніяхъ печатать только послѣ опубликованія ихъ въ „нашихъ русскихъ газетахъ“, а о происшествіяхъ въ западныхъ губерніяхъ—только тогда, когда они достовѣрно извѣстны самому генералъ-губернатору или сообщены непосредственно мѣстнымъ начальствомъ. Что же касается статей о древностяхъ края, то „онѣ должны избѣгать всего могущаго возбуждать неумѣстныя сожалѣнія о старой Польшѣ и Литвѣ, или надежды на возстановленіе прежняго времени, напротивъ, онѣ должны доказывать, что этотъ край былъ издревле русскимъ и второй колыбелью нашей монархіи“... Запросили Бенкендорфа. III Отдѣленіе нашло, что при управленіи краемъ графа Гурьева условія, справедливо поставленныя Блудовымъ, будутъ соблюдены вполнѣ, но при назначеніи другого начальника, можетъ быть менѣе къ этому вопросу внимательнаго, газета „можетъ сдѣлаться орудіемъ неблагонамѣренныхъ людей“, и потому высказалось за отклоненіе ходатайства. [1]

Фактъ этотъ очень характеренъ для иллюстраціи отношенія правительства и къ несуществовавшей тогда провинціальной прессѣ, и къ національному вопросу.

XVII.

1836 годъ.

Полевой хочетъ писать исторію Петра I. Заказъ Загоскину. Книга Магницкаго. Высочайшее благоволеніе Полевому. Агентъ Я. Н. Толстой. Выговоръ Гречу.

Почти сразу послѣ запрещенія „Московскаго Телеграфа“ Полевой постарался поставить себя подъ крылышко Бенкендорфа. Начальникъ III Отдѣленія устроилъ такъ, что его статьи цензуровались въ III Отдѣленіи, якобы изъ желанія оградить русскую литературу отъ того тонкаго яда, который могъ быть незамѣтно разлитъ опальнымъ журналистомъ... Полевой торжествовалъ, находя такой порядокъ весьма для себя удобнымъ. [2]

[1] „Русская Старина“, 1903 г., № 3, 586—587.

[2] „Дневникъ Н. А. Полевого“, „Историческій Вѣстникъ“, 1888 г., № 3.

Въ началѣ 1836 года бывшій издатель „Московскаго Телеграфа" представилъ Бенкендорфу слѣдующую весьма любопытную записку.

,,Если бы Богу угодно было благословить мое всегдашнее желаніе, посвятить время и трудъ на изображеніе безсмертныхъ дѣлъ Петра Великаго, я почелъ бы это обязанностью остальной жизни моей, и залогомъ того, что щедроты Его благословляютъ меня оставить послѣ себя памятникъ, временнаго бытія моего на землѣ, заплатить тѣмъ долгъ мой отчизнѣ и споспѣшествовать, по мѣрѣ силъ, чести и славѣ Отечества.

,,Долговременнымъ размышленіемъ убѣдился я въ томъ, что,

1-е. Петръ былъ образецъ земныхъ царей, Посланникъ Божій для судьбы Россіи, и разгадать жизнь Его значитъ разгадать судьбу Русской Земли. ,,Россія не Царство, а часть свѣта"—говаривалъ онъ. Гордо можемъ мы поставить передъ Европою великое изображеніе Петра, и тѣнь Его закроетъ собою всѣ главныя имяна Западной Исторіи.

2-е. Исторія Петра Великаго всегда будетъ наставленіемъ Царей и поученіемъ народовъ. Здѣсь вѣрны слова, столь нерѣдко несправедливо повторенныя, что исторія есть наука опытной мудрости.

,,Въ слѣдствіе сего, еслибы мнѣ судилъ Богъ писать исторію Петра Великаго, я приступилъ бы къ составленію исторіи Его подробной, сколько можно, полной, какъ бы велика она ни была.

,,Предварительный трудъ для сего составило бы слѣдующее:

1. Обозрѣніе и соображеніе всего, что было писано о Петрѣ Великомъ Русскими и Иностранцами.

2. Обозрѣніе и соображеніе всего, что до нынѣ остается отъ Петра въ его живыхъ памятникахъ и бумагахъ.

3. Личное обозрѣніе всѣхъ тѣхъ мѣстъ гдѣ бывалъ Петръ Великій, а гдѣ бывалъ онъ, тамъ всегда дѣйствовалъ и великій геній Его. Голландія, Англія, Польша, Пруссія, Австрія, Саксонія, Франція, Дербентъ, Астрахань, Архангельскъ, Петербургъ, Москва, Нарва, Воронежъ, Азовъ, Полтава, Малороссія, Земля Донскихъ Казаковъ, Остзейскія области, Бессарабія, Финляндія,—все это суть мѣста, которыя надобно посѣтить и обозрѣть историку Петра Великаго.

„Среди сихъ обозрѣній и работъ, предварительно должно ему заняться составленіемъ *лѣтописи* собственно, или матеріаловъ.

„Эта лѣтопись должна изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изо дня въ день, представить всѣ малѣйшія подробности, всѣ дѣла, указы, письма его, намѣренія, слова. Она послужитъ руководствомъ къ полному обозрѣнію всѣхъ дѣлъ, всѣхъ, такъ сказать, мыслей Петра, объяснитъ Его время, все, что окружало Его. Какую драгоцѣнную нить опыта проведетъ такое соображеніе сквозь полустолѣтіе самаго любопытнаго періода Русской Исторіи! Разумѣется, что такое же тщательное наблюденіе должно обратить на внѣшнюю тогдашнюю политику и біографіи современниковъ и сотрудниковъ Петра. Мы получимъ такимъ образомъ матеріалы для Исторіи всего, чѣмъ началась наша новая исторія, ибо *чего не началъ Петръ?*

„Потомъ историкъ приступитъ къ начертанію жизни Петра Великаго— исторіи Русской съ 1672 по 1726-й.

„Это начертаніе должно составить отъ *четырехъ* до *шести* томовъ, не болѣе. *Исторія Карла V-го*, сочиненная Робертсономъ, можетъ быть принята мѣрою, но не образцомъ.

„Разумѣется, первый томъ посвятить должно предварительной картинѣ Россіи *до Петра*, такъ какъ исторія Его заключается картиною Россіи *послѣ него*. Но—бѣденъ тотъ историкъ, который рѣшится подражать кому бы то ни было, даже и Робертсону, не найдетъ новаго манера, новыхъ красокъ для созданія творенія самобытнаго, Русскаго, если онъ будетъ писать о Петрѣ! Не прагматическая, не политическая только должна быть исторія Петра: Петръ жилъ Россіею, Россія пересоздалась въ геніи Петра, жила имъ при немъ, жила имъ и послѣ него. *Петръ Сынъ Судебъ*—такова должна быть тема сочиненія... Я увлекаюсь величіемъ предмета, и не въ силахъ высказать обширной идеи, меня увлекающей...

„Вся прежняя Россійская исторія была приготовленіемъ къ періоду Петра. Вся новая исторія *до Николая* была развитіемъ періода Петра.

„*Нынѣ* развитіе это достигло своего предѣла. Богъ послалъ другого *сына судебъ*, который началъ періодъ новый. Историкъ изобразитъ Петра, какъ мужа Государственнаго, Русскаго Царя, великаго политика, воина, созидателя, преобразователя, наконецъ—какъ *человѣка*, и все это оживитъ яркимъ разсказомъ. вѣрною мѣстностью, глубиною идеи.

„Политика Европы и Азіи, созданіе Россіи—необъемлемый геній, поприще котораго Китай и Франція, Турція и Швеція, Польша и Персія, Сибирь и Индія, и надъ всѣмъ этимъ свѣтитъ постигнутая Петромъ великая будущность Россіи—вотъ объемъ картины.

„Слогъ историка будетъ не хвалебный—нѣтъ! простой, краткій, дышащій мыслью и благоговѣніемъ. Ни одной *фразы*. Философія не въ словахъ, но въ перспективѣ дѣлъ и изображеній.

„Изданіе должно быть достойно величія предмета. Портреты, планы и карты украсятъ его. Ихъ сдѣлаютъ русскіе художники.

„Царю Россіи *посвятить* твореніе русскаго. Награды никакой, кромѣ Его Царскаго: „Спасибо!“ и кромѣ дозволенія, да будетъ предполагаемый подвигъ совершенъ съ Его воли, съ Его отеческаго благословенія.

„Все это будетъ стоить нѣкоторыхъ издержекъ. *Плата за трудъ* была бы святотатствомъ. Платы никакой ненадобно, кромѣ временной ссуды на путешествіе, приготовленіе матеріаловъ и изданіе. Сумма будетъ невелика, и ту можно выручить изъ продажи экземпляровъ. Вся Россія расхватитъ подобное твореніе, и пусть потомки скажутъ объ немъ: „Оно не куплено, но создано волею Царя и усердіемъ русскаго!“

„Безъ *воли Царя* намѣреніе неисполнимо: молю Бога, да будетъ во услышаніе Его желаніе человѣка готоваго посвятить время и трудъ полезному и безкорыстному подвигу!

„Тайную мысль мою скажу въ окончаніе сего изложеннаго здѣсь: Исторія послѣднихъ *десяти лѣтъ* открыла намъ тайну праправнука Петрова, Того, Кто вступилъ на престолъ Россіи *ровно черезъ сто лѣтъ* (1725—1825-й годы). Мы знаемъ, *кто* ожилъ въ *Немъ.* Историкъ не промолвитъ этого въ исторіи Петра—Русскіе и безъ того поймутъ, на Кого были обращены взоры историка. Образъ современнаго будетъ отражаться на каждой страницѣ бытописаній прошедшаго, свѣтомъ котораго сіяетъ настоящее...“

Читатель еще разъ видитъ, какъ хитеръ былъ Полевой. Онъ зналъ, что часто указывать въ предполагаемомъ имъ капитальномъ трудѣ на сосѣдство Петра съ Николаемъ I значило бы подвергнуться насмѣшкамъ всѣхъ, кто понималъ перваго и видѣлъ царствованіе второго... И заранѣе приготовлялъ себѣ отговорку на случай требованій правительства открыто прославлять своего самодержца... Интеллигентная публика не знала бы, такимъ образомъ, что Полевой состоитъ негласнымъ государственнымъ исторіографомъ, и продолжала бы носиться съ „Исторіей Петра В.“, какъ носилась въ свое время съ „Московскимъ Телеграфомъ“, когда не знала, что дѣлалъ Полевой для его поддержанія...

Весьма возможно, что мысль о составленіи исторіи Петра подана Полевому Бенкендорфомъ, очень неохотно встрѣтившимъ разрѣшеніе государя Пушкину писать на ту же самую тему; онъ не особенно долюбливалъ и Карамзина за его нерасположеніе къ иностранцамъ, и уже мечталъ, можетъ быть, о созданіи новаго исторіографа...

19 января начальникъ III Отдѣленія подалъ такую всеподданнѣйшую записку: „Извѣстный Вашему Величеству *Полевой*, бывшій издателемъ московскаго журнала „Телеграфъ“, человѣкъ съ пылкими чувствами и отлично владѣющій перомъ, имѣетъ сильное желаніе писать исторію Петра I-го. Онъ прислалъ мнѣ свои мысли по сему предмету, и краткое изложеніе плана предполагаемой исторіи. Бумагу сію, примѣчательную, какъ по мыслямъ въ ней заключающимся, такъ и по самому изложенію ея, долгомъ поставляю представить у сего Вашему Императорскому Величеству“.

Но Николай не хотѣлъ обидѣть Пушкина и положилъ резолюцію: „Исторію Петра Великаго пишетъ уже Пушкинъ, которому открытъ архивъ Иностранной Коллегіи; двоимъ и въ одно время поручить подобное дѣло было бы неумѣстно...“

И проситель и ходатай остались ни при чемъ...

Бенкендорфъ увѣдомилъ объ этомъ Полевого 25 января съ необычными для него любезностями:

„Милостивый Государь Николай Алексѣевичъ!

„Намѣреніе Ваше принесть въ даръ Россіи Исторію Великаго Петра я имѣлъ счастіе доводить до Высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всеподданнѣйше повергалъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества доставленный ко мнѣ отъ Васъ планъ сего изданія.

„Его Величество съ благоволеніемъ удостоилъ принять Ваше намѣреніе; но не могъ вполнѣ изъявить Монаршаго соизволенія на всѣ Ваши предположенія

по той причинѣ, что начертаніе исторіи Петра поручено уже извѣстному литератору нашему А. С. Пушкину, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставлены и всѣ необходимыя средства къ совершенію сего многотруднаго подвига.

„Впрочемъ, Государю Императору было бы пріятно, если бы Вы употребили способности и Ваши свѣденія на предпріятіе, драгоцѣнное для сердца каждаго Русскаго. Но при семъ случаѣ Его Величество изволитъ, однакоже, полагать, что путешествіе въ чужіе края, въ мѣста, освященныя присутствіемъ Великаго Петра, не принесетъ ожидаемой Вами пользы, ибо память объ исполинскихъ дѣяніяхъ незабвеннаго преобразователя Россіи, столь священная для Русскихъ, конечно, въ чужихъ земляхъ, не могла сохраниться ни въ письменахъ, ни въ преданіяхъ изустныхъ, которыя если и существовали тамъ нѣкогда, то временемъ и переходомъ отъ одного поколѣнія къ другому, естественно утратили первобытную живость впечатлѣній, или совершенно изгладились изъ памяти чужеземцевъ; если же гдѣ и сохранились, то конечно уже не въ той чистотѣ, не въ томъ блескѣ и величіи, въ какомъ должны быть переданы потомству знаменитыя дѣянія Величайшаго изъ Монарховъ!

,,По Высочайшему повелѣнію, всѣ государственные архивы открыты для г. Пушкина; и потому Государь Императоръ равномѣрно изволитъ находить неудобнымъ, чтобы два лица, посвятившія труды свои одному и тому же предмету, почерпали необходимыя для себя свѣдѣнія изъ одного и того же источника.

,,Передавая Вамъ таковыя мысли Его Величества, не скрою отъ Васъ, Милостивый Государь, что и по моему мнѣнію, посѣщеніе архивовъ не можетъ заключать въ себѣ особенной для Васъ важности, ибо ближайшее разсмотрѣніе многихъ Вашихъ твореній убѣждаетъ меня въ томъ, что, обладая въ такой степени умомъ просвѣщеннымъ и познаніями глубокими, Вы не можете имѣть необходимой надобности прибѣгать къ подобнымъ вспомогательнымъ средствамъ. [1]

,,Впрочемъ, еслибы при исполненіи Вашего намѣренія представилась Вамъ надобность имѣть то или другое свѣдѣніе отдѣльно,—то въ такомъ случаѣ я покорнѣйше Васъ прошу относиться ко мнѣ и быть увѣреннымъ, что Вы всегда найдете меня готовымъ Вамъ содѣйствовать,—и вмѣстѣ съ тѣмъ я совершенно увѣренъ, что и Государь Императоръ, всегда покровительствующій благимъ начинаніямъ, изъявитъ согласіе на доставленіе Вамъ тѣхъ свѣдѣній, какія Вы признаете для себя необходимыми.

,,Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугой, *Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ*". [2]

---

[1] Когда читатель ознакомится, по особой статьѣ въ этой книгѣ, съ отношеніями Бенкендорфа къ Пушкину, онъ пойметъ, что значилъ этотъ комплиментъ Полевому: очевидно, Пушкинъ обладалъ менѣе просвѣщеннымъ умомъ и глубокими познаніями и потому и нуждался въ ненужныхъ архивныхъ документахъ...

[2] Дѣло архива III Отдѣленія, 2 экспедиціи, 1836 г., № 55.

20 апрѣля Уваровъ, въ виду отношенія Бенкендорфа, приказалъ: „не должно быть пропускаемо цензурою ни одного произведенія кого-либо изъ чиновниковъ жандармскаго корпуса, лейбъ-гв. Кавказско-горскаго полуэскадрона и собственнаго конвоя Государя Императора, безъ предварительнаго разрѣшенія шефа жандармовъ или начальника его штаба“. [1]

Авторъ „Юрія Милославскаго“, пользовавшійся, казалось бы, довольно независимымъ положеніемъ, какъ директоръ московскихъ императорскихъ театровъ и оружейной палаты, окруженный почетомъ, лично извѣстный императору, очень покорно выполнялъ литературные заказы Бенкендорфа.

Такъ, 11 августа 1836 г. начальникъ III Отдѣленія писалъ ему: „Шефъ жандармовъ, командующій императорскою главною квартирою, ген.-адъютантъ, графъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Михаилу Николаевичу, покорнѣйше проситъ его, какъ очевидца сегодняшняго шествія его величества государя императора въ Успенскій соборъ, потрудиться написать о семъ статью, которую и доставить къ нему, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, завтрашняго числа, къ 12 часамъ утра, для помѣщенія оной въ газету „Сѣверная Пчела“. [2]

Такое категорическое приказаніе Загоскинъ выполнилъ очень точно и въ № 192, отъ 24 августа, статья была напечатана. [3]

Извѣстный мракобѣсъ Магницкій написалъ книгу: „Наставительный отрывокъ изъ современной исторіи Западной Европы, открывающій истинную причину бѣдствій, ее терзающихъ, для предостереженія молодыхъ людей и умовъ, еще не зараженныхъ иноземной холерою духа времени“. Бенкендорфъ рѣшилъ, что въ этомъ сочиненіи говорится о предметахъ, которыхъ молодежи полезнѣе не знать вовсе, и что она, читая это благонамѣренное сочиненіе, найдетъ въ немъ, однако, изложеніе такихъ вредныхъ мнѣній, о которыхъ до того времени оставалась, можетъ быть, въ совершенной неизвѣстности. Книга не была напечатана. [4]

Осенью 1836 года Николай пріѣхалъ въ Москву. Бенкендорфъ, какъ всегда, сопровождалъ императора. Увидѣвъ своего чиновника, занимавшаго въ Москвѣ должность цензора періодическихъ изданій, онъ спросилъ, что подѣлываетъ Полевой. Ему отвѣтили, что завѣдуетъ редакціей „Живописнаго Обозрѣнія“ и пишетъ тамъ „прекрасныя статьи“.

[1] „Сборникъ постановленій etc“, 227.

[2] „Изъ переписки М. Н. Загоскина“, „Русская Старина“, 1902 г., VII, 86—87.

[3] Въ названной выше книжкѣ „Русской Старины“ ошибочно сказано: „№ 191 отъ 21 августа“.

[4] „М. Л. Магницкій въ 1812—1844 гг.,“ „Русская Старина“, 1875 г., № 12, 647.

Я. Н. Толстой.

(«Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки» М. 1899).

„Бывшій при этомъ московскій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ свиты Его Величества, Л. М. Цынскій,—разсказываетъ Ксенофонтъ Полевой—прибавилъ—съ своей стороны, что онъ, по обязанности, наблюдая за всѣми поступками Николая Алексѣевича, не можетъ сказать о немъ ничего, кромѣ добраго: Полевой живетъ тихо, скромно, трудится и рѣдко показывается въ обществѣ. „А что же это за журналъ, котораго редакторомъ Полевой?" спросилъ Бенкендорфъ у своего чиновника. Тотъ вынулъ изъ своего портфеля листки „Живописнаго Обозрѣнія" и, представляя ихъ графу, сказалъ: „Вотъ изданіе Полевого. Прошу ваше сіятельство обратить вниманіе на статью „Памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ", и вы согласитесь со мною, что нельзя писать благонамѣреннѣе и лучше". Графъ пробѣжалъ указанную ему статью, и она произвела на него такое благопріятное впечатлѣніе, что онъ воскликнулъ: „Я сейчасъ представлю это Государю Императору!" И съ листкомъ въ рукѣ онъ ушелъ во внутреннія комнаты дворца, а черезъ нѣсколько времени возвратился съ веселымъ лицомъ и сказалъ своему чиновнику: „Государь Императоръ чрезвычайно доволенъ статьею о Петрѣ Великомъ и поручилъ мнѣ изъявить свое благоволеніе за нее автору. Отправьте сейчасъ же фельдъегеря съ приказаніемъ къ Полевому, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ ко мнѣ. Надобно порадовать его!"[1]

Явившемуся Полевому Бенкендорфъ объявилъ высочайшее благоволеніе и объяснилъ, что государь готовъ поощрять его во всѣхъ полезныхъ трудахъ. Любопытно указаніе Ксенофонта Полевого на то, что Бенкендорфъ, бывая въ Москвѣ, призывалъ къ себѣ брата, „разсуждалъ съ нимъ очень любезно о разныхъ предметахъ, поручалъ составлять статьи о пребываніи государя императора въ Москвѣ и вообще обходился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ уважаемымъ и отнюдь не подозрительнымъ для правительства"...

Теперь намъ предстоитъ ознакомиться довольно подробно съ тѣмъ, какъ создавалась III Отдѣленіемъ заграничная литературная агентура.

Начну немного издалека, чтобы по пути нарисовать вкратцѣ портретъ виднаго литературнаго агента.

Яковъ Николаевичъ Толстой, такъ звали этого неофиціальнаго наблюдателя за достодолжной высотой престижа николаевскаго правительства,—родился въ 1791 году въ семьѣ богатаго тверского помѣщика Николая Яковлевича Толстого, принадлежавшей къ высшему кругу русскаго общества. Отданный въ Пажескій корпусъ, Толстой былъ потомъ произведенъ въ офицеры, но уже въ 1810 году вышелъ въ отставку „для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ". Однако, съ началомъ Отечественной кампаніи Толстой вступилъ въ дѣйствовавшую армію. Въ 1817 г. онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ къ Закревскому, бывшему въ то время дежурнымъ генераломъ главнаго штаба. Въ этомъ же году Толстой по-

[1] „Записки К. А. Полевого", 359—360.

знакомился съ Пушкинымъ, съ которымъ, въ числѣ другихъ молодыхъ повѣсъ, вошелъ въ небезызвѣстный кружокъ „Зеленой Лампы". Роль его въ кружкѣ была настолько значительна, что когда въ 1819 г. одинъ изъ видныхъ членовъ, Всеволожскій, уѣзжалъ изъ Петербурга, члены собирались на его квартирѣ. Толстой шалилъ перомъ, на подобіе нѣкоторыхъ другихъ товарищей, не бывшихъ записными писателями и, между прочимъ, обратился къ Пушкину съ шуточнымъ стихотвореніемъ, на которое великій поэтъ отвѣчалъ „Стансами", начинающимися такъ:

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.
Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ,
И на лампаду Эпиктета—
Златой Гораціевъ фіалъ.

Я не буду останавливаться на дальнѣйшемъ времяпрепровожденіи Толстого въ тѣ годы, а скажу, что въ 1823 году онъ взялъ заграничный отпускъ для излѣченія болѣзни ногъ. Во время декабрьскихъ событій 1825 года Толстой жилъ въ Парижѣ и очень волновался, потому что еще въ 1821 г. вступилъ въ тайное общество. Это открылось изъ показаній его товарищей по процессу, но самъ Толстой не подвергся и допросу и только понималъ, что возвратиться домой далеко небезопасно.

Въ столицѣ Франціи Яковъ Николаевичъ окунулся въ кипучую жизнь и очень старался пополнить свое недостаточное образованіе. Но это все стоило денегъ, а между тѣмъ ихъ становилось все меньше и меньше. Наконецъ, пошли долги, векселя, ихъ пересрочка, и въ сравнительно короткое время Толстой ужасно запутался. Нѣкоторая надежда была на литературный заработокъ. Толстой выпустилъ въ 1824 г. брошюрку, „Quelques pages sur l'Anthologie russe pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage, insérée dans le „Journal de Paris", въ которой вообще защищалъ права русской литературы на признаніе ея достоинствъ и въ частности—достоинства басенъ Крылова, развѣнчаннаго въ „Journal de Paris". Затѣмъ, когда въ 1825 г. въ Парижѣ вышла книга Alphonse Rabbe'a—„Resumé de l'histoire de Russie", Толстой напечаталъ свое возраженіе въ „Revue Encyclopédique", въ которомъ доказывалъ ошибочность многихъ утвержденій французскаго автора. Съ 1824 же года Толстой велъ въ этомъ журналѣ рядъ небольшихъ замѣтокъ о русской литературѣ съ цѣлью знакомить французовъ съ ея развитіемъ. Затѣмъ съ Alphons'омъ Rabbe у Толстого возгорѣлась довольно жаркая полемика.

Всего этого было достаточно, чтобы обратить на Толстого вниманіе русскихъ журналистовъ, и его стали приглашать сотрудничать то тамъ, то здѣсь, между прочимъ въ „Московскомъ Телеграфѣ", „Сынѣ Отечества". По словамъ его біографа, „хотя Толстой, повидимому, долженъ былъ навсегда потерять надежду получить прощеніе отъ государя или выйти изъ запутаннаго финансоваго поло-

женія, онъ, тѣмъ не менѣе, старался всѣми силами и способами возстановить репутацію вѣрноподданнаго. Желаніе это ясно просвѣчиваетъ во всѣхъ его литературныхъ работахъ, которыя быстро слѣдовали одна за другой и въ которыхъ онъ, съ удивительною настойчивостью, старался заявить себя патріотомъ, не жалѣющимъ своихъ силъ для пользы и чести отечества. Какъ видно изъ его писемъ, онъ посылалъ свои сочиненія въ Россію, старался распространять ихъ среди сильныхъ міра сего, хлопоталъ о томъ, чтобы государю стала извѣстна его ревностная дѣятельность во славу Россіи".

Бывшій на коронаціи Николая I Жакъ Ансело, извѣстный и плодовитый французскій драматургъ, пробывъ въ Россіи полгода, по возвращеніи въ Парижъ издалъ свои впечатлѣнія и наблюденія въ книгѣ „Six mois en Russie; lettres écrites à M. X. — B. Saintines en 1826". Толстой немедленно отвѣтилъ брошюрой: „Six mois suffisent-ils pour connaître un pays, ou observations sur l'ouvrage de M. Ancelot, intitulé „Six mois en Russie".

Характеръ черезчуръ ревностнаго патріотизма носила и критика Толстого на книжку Виктора Манье, вышедшую въ Парижѣ въ 1828 году—„Réponse aux Observations d'un officier d'Etat—major russe sur la dernière campagne de Turquie", подъ заглавіемъ — „Réplique à la Réponse de M. Magnier". По этому поводу Толстой писалъ брату: „Я не знаю, останутся ли мной довольны за изданную брошюру, но предвижу, что буду имѣть много непріятностей отъ писателей, враждебныхъ Россіи. Я полагаю, что наше правительство не будетъ ихъ желать мнѣ, но оно, быть можетъ, хотѣло бы болѣе лести, но эти средства ничего здѣсь не стоятъ и скорѣе подрываютъ довѣріе къ сочиненіямъ такого рода. Я сдѣлалъ то, что могъ, а не то, что̀ *хотѣлъ*".

Не видя скораго поощренія со стороны правительства Николая, очевидно, все еще не имѣвшаго достаточной увѣренности въ вѣрной преданности Толстого, Яковъ Николаевичъ былъ страшно удрученъ: матеріальныя условія становились совершенно невыносимыми... Но вотъ русскій посланникъ въ Парижѣ написалъ ему очень лестное письмо по поводу возраженій Манье, съ которымъ дѣло чуть-чуть не дошло до дуэли.

Въ 1829 году Толстой выпускаетъ еще брошюру: „Lettre d'un russe à un polonais à l'occasion du hatichérif de sa Hautesse le sultan Mahmoud,"—написанную по поводу приглашенія гати-шерифомъ султана полякамъ возстать противъ Россіи и тѣмъ помочь ему въ борьбѣ съ врагомъ. Памфлетъ былъ написанъ съ такимъ превознесеніемъ всѣхъ доблестей Николая, что не могъ не вызвать поощренія... Но все вниманіе русскаго двора пока не приносило Толстому ни гроша и потому дешево стоило для человѣка, имѣвшаго болѣе 30000 франковъ долгу.

Но вотъ представился случай, давшій Якову Николаевичу прочное положеніе. Въ концѣ сентября 1835 года братъ умершаго князя Паскевича обратился къ нему съ просьбой составить біографію знаменитаго фельдмаршала. Черезъ два мѣсяца готова была книга: „Essai biographique et historique sur le feld-maréchal prince de Varsovie comte Paskévitch d'Erivan".

Паскевичъ остался очень доволенъ необузданнымъ славословіемъ нанятаго панегириста и взялся похлопотать передъ царемъ объ улучшеніи его положенія. Николай самъ очень цѣнилъ фельдмаршала и отдалъ соотвѣтствующія приказанія Бенкендорфу.

Послѣдній въ августѣ 1836 года вызвалъ Толстого въ Петербургъ для переговоровъ объ опредѣленіи его въ качествѣ литературнаго агента, а чтобы его не задержали кредиторы, на уплату долговъ отпущено было 10000 рублей... Въ день новаго года Толстой былъ уже въ Петербургѣ, а 29 января, въ день смерти Пушкина, Бенкендорфъ увѣдомлялъ Уварова, что ,,отставной гвардіи штабсъ-капитанъ Яковъ Толстой назначается ,,,корреспондентомъ министерства народнаго просвѣщенія въ Парижѣ". Это былъ общій пріемъ: всѣ такіе корреспонденты на случай могущаго быть обнаруженія ихъ должности опредѣлялись якобы въ министерство просвѣщенія, которое, кстати сказать, дѣйствительно, имѣло нѣсколькихъ корреспондентовъ для своихъ надобностей,—но числился Толстой ,,по особымъ порученіямъ" въ III Отдѣленіи. Жалованья полагалось 3800 рублей въ годъ, при чемъ деньги должны были высылаться изъ казначейства въ III Отдѣленіе, а оттуда направляться къ Толстому. Яковъ Николаевичъ устроилъ свои дѣла, освободилъ изъ-подъ опеки имѣніе, получилъ впередъ 1000 рублей на расходы по ,,корреспонденціи", заручился обѣщаніемъ князя Паскевича на покровительство въ дальнѣйшемъ и въ іюнѣ 1837 года выѣхалъ въ Парижъ.

По словамъ Толстого, ,,мѣсто его было единственное, не опредѣленное никакими штатами" и создано было съ цѣлью ,,защищенія Россіи въ журналахъ и опроверженія статей, противныхъ Россіи". Офиціально онъ иногда сносился и съ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Толстой исполнялъ самыя разнообразныя порученія. То онъ сносился съ русскими, писавшими за границей и просилъ ихъ прекратить литературныя занятія, непріятныя русскому правительству; то писалъ политическія депеши о состояніи Франціи, о теченіи дѣлъ, о переворотахъ и борьбѣ партій; то опровергалъ сочиненія иностранцевъ о Россіи; то сочинялъ панегирики нелюбившему непроизводительно тратить деньги Николаю и т. п. Ниже мы еще не разъ встрѣтимся съ фактами изъ дѣятельности Толстого.

Но эта роль тяготила его. Онъ хлопоталъ о полученіи какого-нибудь, хотя и штатнаго, но болѣе спокойнаго мѣста. Въ 1848 году Толстой пишетъ брату: ,,Я все стою на одной точкѣ, при чемъ въ глазахъ моихъ соотечественниковъ слыву за подозрительнаго повѣреннаго, а въ глазахъ нѣкоторыхъ французовъ—даже за тайнаго агента. Это ложное положеніе составляетъ одно изъ мученій моей жизни". [1]

---

[1] Всѣ приведенныя данныя я заимствую изъ основательной біографической статьи Б. Л. Модзалевскаго -„Яковъ Николаевичъ Толстой", напечатанной въ „Русской Старинѣ" 1899 г., №№ 9 и 10, къ которой и отсылаю читателей, желающихъ познакомиться съ фигурою Толстого гораздо подробнѣе.

„Въ концѣ сентября 1836 года—разсказываетъ Гречъ—пригласили меня въ III Отдѣленіе канцеляріи Е. И. В. и объявили, что государь, читая въ Чембарѣ (гдѣ онъ лежалъ тогда больной отъ перелома ключицы) пятый томъ „Энциклопедическаго Лексикона“, замѣтилъ (въ статьѣ о фамиліи Бонапарте) предосудительныя мѣста, приказалъ розыскать, кто написалъ ихъ, и подвергнуть виновнаго отвѣтственности. Важнѣйшее изъ замѣченныхъ мѣстъ было слѣдующее: „(стр. 293 при исчисленіи дѣтей бывшаго короля голландскаго Лудовика-Наполеона) „Карлъ-Лудовикъ Наполеонъ, родившійся 1808 года, принцъ мужественный, любезный и кроткій, единственное утѣшеніе родителей по смерти старшаго своего брата“. На полѣ рукою государя было написано карандашомъ: „........!“ „Кто сочинитель этой статьи?—спросилъ у меня начальникъ секретнаго отдѣленія Лавровъ. „Это статья переводная“—отвѣчалъ я. „Откуда переведена? Покажите подлинникъ“. Я отправился домой, взялъ томъ лексикона „Encyclopédie des gens du monde“ и привезъ въ канцелярію. „Кто переводилъ?“—спросилъ начальникъ отдѣленія. Я вспомнилъ, что перевелъ эту статью или заставилъ перевести Иванъ Петровичъ Шульгинъ, ректоръ петербургскаго университета и что ректоръ московскаго университета Болдыревъ недавно пострадалъ по дѣлу о „Телескопѣ“ Надеждина, и сказалъ: „Право, не помню: у насъ переводятъ и дѣвицы. Но за содержаніе статей отвѣчаю я, главный редакторъ. На которую гауптвахту идти?“ Онъ засмѣялся и сказалъ: „Графъ Бенкендорфъ просилъ васъ только внимательнѣе смотрѣть за изданіемъ и больше ничего“. [1]

Но въ 1836 году произошло одно событіе гораздо большей важности, чѣмъ всѣ остальныя. Я говорю о запрещеніи московскаго журнала „Телескопъ“ за статью Чаадаева. Этому крупному явленію я посвятилъ особое изслѣдованіе, помѣщенное въ настоящей книгѣ подъ заглавіемъ „Чаадаевъ и Надеждинъ“.

---

[1] *Гречъ*, „Исторія перваго энциклопедическаго лексикона въ Россіи“, „Русскій Архивъ“ 1870 года, № 7, 1256—1257.

XVIII.

1837 годъ.

Два дѣла о Лермонтовѣ. Болѣзнь Бенкендорфа. Усиленіе цензурнаго дозора. Извѣщеніе о покушеніи на французскаго короля „неприлично". Полевой переѣхалъ въ Петербургъ.

29 января умеръ великій Пушкинъ...

Отношенія его къ III Отдѣленію и Бенкендорфу такъ любопытны, разнообразны и продолжительны, что имъ мною посвящена тоже особая статья.

Лермонтовъ не могъ сдержать накипѣвшей злобы и рѣзко отвѣтилъ всѣмъ, кого считалъ прикосновенными къ смерти Пушкина.

„Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Что-жъ? Веселитесь!..
. . . .
А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судія, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Разумѣется, стихи, ходившіе по рукамъ въ тысячахъ списковъ, не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія. 22 февраля временно командующій гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Бистромъ послалъ Бенкендорфу списокъ этой отповѣди, полученный имъ отъ генералъ-адъютанта Клейнмихеля. А черезъ три дня, 25-го февраля, Бенкендорфъ увѣдомилъ военнаго министра Чернышева, что государь приказалъ корнета л.-гв. Гусарскаго полка Лермонтова перевести въ Нижегород-

скій драгунскій полкъ, а чиновника XII класса Раевскаго, за распространеніе стиховъ „На смерть Пушкина" и въ особенности за „намѣреніе тайно доставить свѣдѣніе корнету Лермонтову о сдѣланномъ имъ показаніи", посадить подъ арестъ на одинъ мѣсяцъ, а потомъ послать на службу въ Олонецкую губернію.

Такъ расправились съ поэтомъ, оставшимся единственнымъ украшеніемъ русской поэзіи, несмотря на заступничество Смирновой и другихъ...

Кстати, здѣсь же разскажу и о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, чтобы больше уже къ нему не возвращаться.

Затѣмъ, вскорѣ, по ходатайству Бенкендорфа, Лермонтовъ былъ переведенъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій тогда въ Новгородѣ. 24 марта 1838 года начальникъ III отдѣленія сообщалъ Чернышеву, что бабка Лермонтова проситъ о переводѣ его вновь въ л.-гв. Гусарскій полкъ „дабы она могла въ глубокой старости спокойно наслаждаться небольшимъ остаткомъ жизни и внушать своему внуку правила чистой нравственности и преданность къ Монарху за оказанное уже ему благодѣяніе". Бенкендорфъ вполнѣ присоединялся къ просьбѣ и, въ свою очередь, просилъ „въ особенное личное ему одолженіе" испросить у государя ко дню св. Пасхи совершенное прощеніе Лермонтову и переводъ. Николай велѣлъ запросить мнѣніе Михаила Павловича, какъ командира гвардейскаго корпуса, не находитъ ли онъ препятствій къ исполненію просьбы Арсеньевой. Великій князь былъ совершенно согласенъ на переводъ, и Лермонтовъ снова очутился въ Петербургѣ. [1]

Когда послѣ дуэли съ Барантомъ поэтъ былъ сосланъ на Кавказъ, Лермонтовъ обратился къ великому князю Михаилу Павловичу съ слѣдующимъ любопытнымъ письмомъ:

„Ваше Императорское Высочество!

„Признавая въ полной мѣрѣ вину мою и съ благоговѣніемъ покоряясь наказанію возложенному на меня Его Императорскимъ Величествомъ, я былъ ободренъ до сихъ поръ надѣждой имѣть возможность усердною службой загладить мой проступокъ, но получивъ приказаніе явиться къ г. генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, я изъ словъ его сіятельства увидалъ, что на мнѣ лежитъ еще обвиненіе въ ложномъ показаніи, самое тяжкое, какому можетъ подвергнуться человѣкъ дорожащій своей честью.

„Графъ Бенкендорфъ предлагалъ мнѣ написать письмо къ Баранту въ которомъ бы я просилъ извиненія въ томъ что несправедливо показалъ въ судѣ что выстрѣлилъ на воздухъ. Я не могъ на то согласиться ибо ето было бы противъ моей совѣсти; но теперь мысль что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество можетъ быть раздѣляете сомнѣніе въ истиннѣ словъ моихъ, мысль ета столь невыносима, что я рѣшился обратиться къ Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушіе и справедливость Вашу, и будучи уже не разъ облагодѣтельствованъ Вами, и просить Васъ защитить и оправдать меня

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 эксп. 1837 г., № 43; тутъ оно все.

во мнѣніи Его Императорскаго Величества, ибо въ противномъ случаѣ теряю невинно и невозвратно имя благороднаго человѣка.

,,Ваше Императорское Высочество изволите сказать мнѣ со всею откровенностью: я искренно сожалѣю что показаніе мое оскорбило Баранта: я непредполагалъ етого, не имѣлъ етого намѣренія; но теперь не могу исправить ошибку посредствомъ лжи, до которой никогда не унижался. Ибо сказавъ что выстрѣлилъ на воздухъ я сказалъ истину, готовъ подтвердить оную честнымъ словомъ, и доказательствомъ можетъ служить то что на мѣстѣ дуэли, когда мой секундантъ, отставной поручикъ Столыпинъ, подалъ мнѣ пистолетъ, я сказалъ ему имянно что выстрѣлю на воздухъ, что и подтвердитъ онъ самъ.

„Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое я однако осмѣливаюсь надѣяться что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить вниманіе на горестное мое положеніе и заступленіемъ Вашимъ возстановить мое доброе имя во мнѣніи Его Императорскаго Величества и Вашемъ.

„Съ благоговѣйною преданностью имѣю щастіе пребыть Вашего Императорскаго Высочества Всепреданнѣйшій *Михаилъ Лермонтовъ* Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ.“

Письмо это было получено въ III Отдѣленіи 29 апрѣля 1840 года, а на слѣдующій день, по докладѣ его Николаю, Лермонтовъ былъ опредѣленъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. [1]

Судьба, точно, наказала Бенкендорфа за его позорное косвенное участіе въ смерти Пушкина. Въ мартѣ онъ такъ заболѣлъ, что не одинъ разъ въ продолженіе болѣзни висѣлъ на волоскѣ... Государь и вся его семья проявили большую теплоту въ отношеніяхъ къ больному. Послѣдній, дѣйствительно, воображалъ, что его болѣзнь была серьезнымъ событіемъ. ,,Государь продолжалъ почасту сидѣть у моей постели, разсказывать о такихъ новостяхъ, которыя, по его мнѣнію, могли меня развлекать безъ обремененія моихъ умственныхъ силъ, въ особенности же объ участіи, которое возбудила моя болѣзнь во всѣхъ сословіяхъ, и о письмахъ, полученныхъ по случаю ея изъ разныхъ городовъ. Это общее участіе превзошло всѣ самыя тщеславныя мои надежды; домъ мой сдѣлался мѣстомъ сборища для бѣдныхъ и богатыхъ, для знатныхъ и для людей, совершенно независимыхъ по своему положенію, для дамъ высшаго общества, какъ и для простыхъ мѣщанокъ; всѣ хотѣли знать, что со мною дѣлается; лѣстница была уставлена людьми, присылавшимися отъ своихъ господъ, а улица передъ домомъ—толпою народа, приходившаго навѣдываться о моемъ здоровьѣ. Государь, выходя отъ меня, лично удостаивалъ передавать имъ самыя свѣжія вѣсти. Въ православныхъ

[1] Дѣло архива III Отдѣленія I экспедиціи, 1840 года, № 135; оно все и заключается въ приведенныхъ бумагахъ. Письмо къ Михаилу Павловичу было напечатано въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ 1872 года, но совершенно невѣрно.

церквахъ просили священниковъ молиться за меня; такія же молитвы произносились въ лютеранскихъ и армянскихъ церквахъ, даже въ магометанскихъ мечетяхъ и еврейскихъ синагогахъ. Наконецъ, монархи прусскій, австрійскій и шведскій, равно какъ и высшее общество ихъ столицъ, осыпали меня лестными знаками своего вниманія.

„Я имѣлъ счастье заживо услышать себѣ похвальное надгробное слово, и это слово, величайшая награда, какой можетъ удостоиться человѣкъ на землѣ, состояло въ слезахъ и сожалѣніяхъ бѣдныхъ, сирыхъ, невѣдомыхъ, въ общемъ всѣхъ соболѣзнованіи и особенно въ живомъ участіи моего царя, который своимъ сокрушеніемъ и нѣжными заботами являлъ мнѣ лучшій и высшій знакъ своего милостиваго благорасположенія. При той должности, которую я занималъ, это служило, конечно, самымъ блестящимъ отчетомъ за 11-ти лѣтнее мое управленіе и думаю, что я былъ едва ли не первый изъ всѣхъ начальниковъ тайной полиціи, котораго смерти страшились и котораго не преслѣдовали на краю гроба ни одною жалобою. Эта болѣзнь была для меня истиннымъ торжествомъ, подобнаго которому еще не испытывалъ никто изъ нашихъ сановниковъ. Двое изъ моихъ товарищей, стоявшіе на высшихъ ступеняхъ службы и никогда не скрывавшіе ненависти своей къ моему мѣсту, къ которой, быть можетъ, немного примѣшивалась и зависть къ моему значенію у престола, оба сказали мнѣ, что кладутъ оружіе передъ этимъ единодушнымъ сочувствіемъ публики, и съ тѣхъ поръ оказывали мнѣ постоянную пріязнь. Но болѣе всѣхъ наслаждался этимъ торжествомъ государь, видѣвшій въ немъ одобреніе своего выбора и той твердости, съ которою онъ поддерживалъ меня и мое мѣсто противъ всѣхъ зложелательныхъ внушеній.“ [1]

Что у постели Бенкендорфа бывали государь и всѣ его приближенные—это вполнѣ понятно; что господа присылали своихъ слугъ, толкавшихся на лѣстницѣ и за неимѣніемъ мѣста на улицѣ, передъ домомъ—тоже ясно; что поплакала какая-нибудь жалостливая старушка, а мѣщанка-торговка, проходя мимо, освѣдомилась о сборищѣ—тоже ясно; что изъ разныхъ городовъ получались письма—въ этомъ тоже нѣтъ ничего мудренаго, если взвѣсить число жандармовъ по Россіи, губернаторовъ и прочихъ чиновъ, пользовавшихся удобнымъ случаемъ, чтобы выслужиться передъ графомъ или заручиться его вниманіемъ впередъ,—но что болѣзнь Бенкендорфа не была принята, какъ общее бѣдствіе, что его смерти не страшились—это тоже, надѣюсь, вполнѣ ясно, хотя бы уже потому, что въ массѣ всевозможныхъ мемуаровъ того времени никто не говоритъ о ней ни полслова. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что послѣ смерти Пушкина петербургскій beau monde раздѣлился на двѣ неравныя части: меньшая демонстративно подчеркивала свое расположеніе къ Бенкендорфу, обвинявшемуся общественной молвой въ косвенномъ участіи въ смерти великаго поэта... Нельзя также не упомянуть, что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что вся болѣзнь Бенкендорфа была про-

[1] *Шильдеръ*, н. с., II, 736—737.

стой симуляціей. Ему необходимо было провѣрить доходившіе стороной слухи о неудовольствіи царя за неумѣніе устранить дуэль Пушкина, которымъ Николай дорожилъ, какъ прекрасной декораціей къ своему темному царствованію. Государь зналъ, что Бенкендорфъ не сдѣлалъ всего, что долженъ былъ сдѣлать, еслибы не ненавидѣлъ Пушкина, и открыто выражалъ это шефу жандармовъ. Увѣренный въ сочувствіи нѣкоторой части общества, Бенкендорфъ хотѣлъ продемонстрировать предъ Николаемъ „народное“ къ себѣ расположеніе и тѣмъ опровергнуть молву своихъ недруговъ, указывавшихъ на массу пріобрѣтенныхъ имъ враговъ во всѣхъ сферахъ.

---

27 марта Уваровъ вошелъ со слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, написаннымъ послѣ совѣщаній съ Бенкендорфомъ:

„Неоднократные примѣры нарушенія цензурныхъ постановленій, преимущественно въ періодическихъ изданіяхъ, доказывали необходимость усилить законныя мѣры предосторожности по части внутренней цензуры.

„Помѣщеніемъ въ „Телескопѣ“ статьи Чаадаева необходимость эта подтверждена теперь новымъ случаемъ, обратившимъ на себя строгое вниманіе правительства.

„Убѣжденный въ потребности изыскать дѣйствительныя средства къ обезпеченію правительства противъ покушеній неблагонамѣренныхъ сочинителей, я предложилъ главному управленію цензуры войти въ ближайшее разсмотрѣніе сего важнаго предмета.

„Существующія нынѣ цензурныя постановленія представляютъ цензору право одобрять все то, что ему, по собственному усмотрѣнію, покажется непредосудительнымъ. Дозволеніе къ печатанію сочиненій зависитъ такимъ образомъ отъ произвола, отъ умышленнаго или неумышленнаго упущенія одного только лица. Нравственность и способность цензора составляютъ понынѣ единственное обезпеченіе правительства и общества противъ вреднаго вліянія опасныхъ произведеній и зломыслящихъ сочинителей.

„Доселѣ главная мѣра, которую употребляло правительство для устраненія неудобствъ выше сего изложенныхъ, состояла въ личной отвѣтственности цензора предъ закономъ. Не взирая на строгость законныхъ послѣдствій, коимъ подвергаются цензоры, они, однако, по неосторожности или по неспособности, пропускаютъ такія сочиненія, которыя высшимъ начальствомъ признаются противными цензурнымъ правиламъ. Въ семъ случаѣ и самое строгое наказаніе цензора не можетъ пособить вредному впечатлѣнію, произведенному на умъ читателей пропущеннымъ уже сочиненіемъ, ни вознаградить правительство за предосудительныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть распространеніе опасныхъ для общественнаго порядка правилъ и мыслей. Однимъ словомъ, законная отвѣтственность цензора, ограничивающаяся однимъ наказаніемъ совершоннаго уже вреда, не можетъ служить вѣрнымъ ручательствомъ въ предупрежденіи другихъ подобныхъ случаевъ. Для сего къ

мѣрамъ наказанія донынѣ существующимъ необходимо присоединить новыя мѣры предупрежденія.

„Еще не распространяя этихъ мѣръ предосторожности на книги, главное управленіе цензуры полагало нужнымъ принять ихъ въ отношеніи къ повременнымъ изданіямъ какъ потому, что послѣднія имѣютъ обширнѣйшій, нежели книги, кругъ дѣйствій, такъ и потому, что въ нихъ чаще замѣчаемы бывали нарушенія цензурныхъ правилъ. Сообразивъ различныя мѣры къ достиженію предполагаемой цѣли и взвѣсивъ выгоды и неудобства каждой изъ нихъ, главное управленіе цензуры признало лучшимъ разсмотрѣніе повременныхъ изданій въ одно время двумя лицами.

„На сей конецъ издатели періодическихъ сочиненій обязываются представлять по экземпляру корректурныхъ листовъ своего журнала или своей газеты въ одно и то же время къ двумъ цензорамъ, которые будутъ для того назначены. Каждый изъ цензоровъ, прочитавъ корректурный листъ и исключивъ изъ онаго все то, что признаетъ противнымъ цензурнымъ правиламъ, подписываетъ на концѣ листа, по принятой формѣ обыкновенное одобреніе и возвращаетъ ихъ издателю. Сей последній обязанъ исключить все, что тотъ или другой изъ цензоровъ найдетъ подлежащимъ исключенію, и печатать нумеръ журнала или газеты не прежде, какъ по полученіи одобренія отъ обоихъ цензоровъ. Въ случаѣ сомнѣній котораго нибудь изъ нихъ, онъ испрашиваетъ разрѣшенія по заведенному порядку либо отъ цензурнаго комитета въ общемъ засѣданіи или непосредственно отъ попечителя.

„Такимъ образомъ главное управленіе цензуры предполагаетъ доставить попечителямъ возможность учредить надъ цензурою періодическихъ изданій необходимый контроль обоюдною провѣркою мнѣній одного цензора мнѣніями другого. Основаніемъ этой мѣры служатъ два ясныя начала: во-первыхъ, что сочиненія, по формѣ изданія своего могущія имѣть столь сильное вліяніе на распространеніе въ общемъ кругѣ читателей понятій ложныхъ и мыслей опасныхъ, заслуживаютъ внимательнѣйшее и болѣе строгое наблюденіе со стороны правительства; во-вторыхъ, что надзоръ удвоенный надежнѣе надзора, однимъ лицомъ производимаго“.

Самъ сторонникъ мѣръ всяческаго надзора, Николай не понялъ, что предлагаемая мѣра ничего не дастъ правительству, и вполнѣ согласился съ предложеніемъ Уварова, приказавъ принять его въ видѣ опыта. [1]

Докладъ этотъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что правительство, въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія, признало, что организованная имъ цензура есть простой произволъ отдѣльныхъ лицъ...

---

[1] Цензурныя дѣла, переданныя изъ министерства народнаго просвѣщенія въ рукописное отдѣленіе Публичной Библіотеки, № 1, томъ II, стр. 383—390.

Въ № 240 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ была напечатана статья о покушеніи на жизнь французскаго короля. Бенкендорфъ немедленно сообщилъ Уварову, что находитъ „неприличнымъ помѣщеніе подобныхъ извѣстій въ вѣдомостяхъ, особенно правительствомъ издаваемыхъ, которыя расходятся въ столь большомъ количествѣ между среднимъ классомъ людей“, и просилъ принять мѣры къ предупрежденію печатанія такихъ „статей, которыя, не принося никакой пользы, могутъ быть вредны въ своихъ послѣдствіяхъ“.

Кромѣ того, онъ полагалъ не лишнимъ „поставить на видъ редакторамъ журналовъ, что извѣстный имъ духъ нашего правительства могъ бы уже ихъ вразумить, какія статьи могутъ быть допускаемы въ журналы ихъ и какія неприличны для передачи во всеобщее свѣдѣніе“. Замѣнявшій въ то время Уварова графъ Протасовъ отвѣчалъ, однако, что жандарму слѣдуетъ обратиться по этому поводу къ министерству иностранныхъ дѣлъ, разрѣшившему печатаніе „неприличнаго извѣстія“... [1]

Осенью 1837 года Полевой переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и провелъ всю свою остальную жизнь. Покровительство Бенкендорфа и его подчиненныхъ смягчало гоненія со стороны Уварова, заявившаго писателю, что не позволитъ не только объявлять его имени въ числѣ сотрудниковъ какого-либо изданія, но даже и подписываться подъ статьями... Полевой избралъ себѣ союзниковъ въ лицѣ... Булгарина и Греча и съ ними, своими прежними врагами, продолжалъ литераторствовать. Рѣшено было передать въ его завѣдываніе „Сѣверную Пчелу“ и „Сынъ Отечества“ Греча. Чтобы достигнуть цѣли помимо Уварова, написаны были записки и письма Бенкендорфу, находившемуся осенью 1837 года въ Москвѣ съ государемъ. Начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Дубельтъ, поддержалъ ихъ, написавъ съ своей стороны графу... Но вдругъ Бенкендорфъ сообщилъ Полевому, что не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженія Уварова и предлагаетъ ему точно сообразоваться съ распоряженіями министра, вѣдающаго цензурную часть... По этому поводу Полевой пишетъ брату: „Признаюсь, что сначала это меня какъ громомъ поразило! Къ чему же было ласкать меня, лелѣять посулами? и неужели не увѣрились еще во мнѣ, не видѣли моей искренности, не поняли меня, и хотятъ терзать даже послѣ такого письма, какое посылалъ я къ графу въ Москву? Ѣхать въ Москву самому, просить, объясняться,—это было бы невозможно, невозможно всячески,—даже потому, что безплодная издержка 500 руб., при теперешней моей нуждѣ, была бы мнѣ чувствительна. И между тѣмъ... мысль, что отказъ можетъ дѣйствовать на отношенія ко мнѣ Греча и Булгарина, можетъ положить въ ихъ глазахъ темную на меня тѣнь и дѣйствительно вредить имъ“... [2]

Письмо это очень любопытно. Къ сожалѣнію, письма къ Бенкендорфу, ко-

[1] „Русская Старина“, 1903 г., № 4, 166.
[2] „Записки К. А. Полевого“, 398—399.

торое, повидимому, было ужъ очень компрометирующе для Полевого, я не нашелъ въ архивѣ III Отдѣленія... Его угнетала возможность прослыть въ глазахъ Булгарина и Греча неблагонамѣреннымъ человѣкомъ!.. Да развѣ тотъ Полевой, какимъ его принято рисовать по шаблону, могъ такъ измѣниться въ теченіе трехъ лѣтъ?... Но вотъ изъ III Отдѣленія повѣяло вскорѣ же не такимъ холодомъ, какимъ несло отъ совершенно офиціальнаго письма Бенкендорфа, и Полевой, Гречъ и Булгаринъ подписали, все-таки, контрактъ на негласное завѣдываніе первымъ ихъ изданіями и этимъ скрѣпили свою сдѣлку, разъ навсегда уронившую Полевого въ глазахъ его интеллигентныхъ современниковъ...

XIX.

1838 годъ.

Виленское „Евангеліе". Сатира на кн. Волконскаго. Тріумфъ Полевого.

Этотъ годъ былъ очень бѣденъ событіями, извѣстны только слѣдующіе три факта.

2 мая Мордвиновъ, за отсутствіемъ Бенкендорфа и по его порученію, писалъ Уварову, что въ изданныхъ въ Вильнѣ „Евангеліяхъ", содержащихъ, между прочимъ, евангелія на дни покровителей короны Польской и великаго княжества Литовскаго, не прибавлено даже при этомъ слово „бывшихъ", каковое заглавіе можетъ дать всякому изъ поляковъ понятіе о существованіи короны польской и литовской отдѣльно отъ Россіи. Онъ полагалъ, что въ отвращеніе подобныхъ случаевъ въ будущемъ необходимо было бы постановить, чтобы свѣтская цензура въ Литвѣ обращала строгое вниманіе на издаваемыя тамъ книги. Уваровъ сдѣлалъ соотвѣтствующее секретное распоряженіе попечителю округа.

Довольно интересное дѣло возникло послѣ пожара Зимняго дворца. Въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, кн. Д. В. Голицына, служилъ нѣкій Стромиловъ, обладавшій довольно значительнымъ сатирическимъ талантомъ, т.-е. той стороной духовной дѣятельности, которая ужъ совершенно не признавалась возможной въ описываемую мною эпоху. Въ пожарѣ обвиняли неосмотрительнаго министра двора, кн. Волконскаго. Стромиловъ написалъ по этому случаю басню, начинавшуюся словами:

Волъ, конской сбруею украшенный,
Стоялъ и т. п.

По отзыву Погодина, сатира была очень злая и мѣткая... Черезъ нѣсколько времени Бенкендорфъ сообщилъ кн. Голицыну особое повелѣніе отыскать автора, заковать его и доставить въ Петропавловскую крѣпость. Голицынъ зналъ автора. Онъ призвалъ Стромилова и показалъ ему грозную бумагу. „Вотъ, — сказалъ князь,—Богъ даетъ вамъ, молодымъ, таланты, а вы обращаете ихъ себѣ во вредъ! Пиши на меня, а это ...не тронь. Ну, что если я тебя пошлю? Ты погибъ и изъ-за чего?— изъ-за краснаго словца! Ступай сейчасъ домой; у тебя, вѣрно, есть еще что запрещенное, уничтожь; могутъ накрыть жандармы, тогда и я не спасу, ступай скорѣй!“ Тѣмъ все и кончилось. III-му же Отдѣленію было сообщено, что автора найти не могутъ. [1]

Этотъ инцидентъ очень характеренъ: даже такіе люди, какъ кн. Голицынъ, въ общемъ несомнѣнные приверженцы существовавшаго режима, понимали истинную роль III Отдѣленія и, рискуя собственнымъ спокойствіемъ, спасали отъ него обвиняемыхъ.

Зимою Бенкендорфъ устроилъ такъ, что Николай I посѣтилъ первое представленіе только что написаннаго Полевымъ „Дѣдушки русскаго флота“ и лично одобрилъ къ представленію „Парашу Сибирячку“, окончательно порвавшую отношенія между своимъ авторомъ и Герценомъ, Бѣлинскимъ и другими. Вотъ что писалъ Н. А. своему брату: „Вчера графъ Александръ Христофоровичъ позвалъ меня къ себѣ.—„Государь благодаритъ васъ, велѣлъ сказать вамъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ необыкновенныхъ дарованіяхъ вашихъ, но не предполагалъ въ васъ такого сценическаго искусства. *Онъ проситъ васъ, приказываетъ вамъ писать для театра.* Давайте мнѣ все, что вы напишите, Государь самъ будетъ все читать“... Такъ и множество другого лестнаго говорилъ мнѣ графъ А. Х., обнялъ, расцѣловалъ меня и потомъ вручилъ мнѣ богатый брилліантовый перстень (его цѣнятъ около 2.500 руб.)“. [2]

Кромѣ перстня, здѣсь важно обратить вниманіе на подчиненіе писателя Полевого цензору-государю: это значительно умѣряло ретивость Уварова и сдѣлано было, разумѣется, не безъ Бенкендорфа...

Очевидно, послѣ всего этого Полевой могъ сказать, что „полиція обходится съ нимъ, какъ министръ просвѣщенія, а дѣйствительный министръ просвѣщенія, какъ полиція“.

„У автора необыкновенныя дарованія,—говорилъ царь—ему надобно писать, писать, писать! Вотъ что ему писать надобно, а не издавать журналы“.

Затѣмъ вскорѣ же Полевой снова былъ удостоенъ „вниманія“. Въ однѣ сутки написалъ онъ своего извѣстнаго „Иголкина“, представилъ его, по предварительному соглашенію, Бенкендорфу и очень скоро увидѣлъ уже на сценѣ. Го-

[1] „Русская Старина“, 1889 г., № 7.
[2] „Записки К. А. Полевого“, 445—446.

сударь былъ на спектаклѣ съ семьей, принялъ во всемъ живѣйшее участіе, хлопалъ этой патріотической стряпнѣ, смѣялся и велѣлъ изъявить автору полное свое удовольствіе... Съ легкой руки Николая „Иголкинъ" и „Дѣдушка русскаго флота" сдѣлались любимыми пьесами публики...

Но и этого еще мало. Въ морскомъ корпусѣ гардемарины играли „Дѣдушку". Полевой сочинилъ къ этому случаю стихи въ честь адмирала Крузенштерна, прочтенные со сцены однимъ изъ воспитанниковъ. Старикъ былъ очень растроганъ, обнималъ и цѣловалъ автора. Присутствовавшій на спектаклѣ великій князь Константинъ Николаевичъ тоже благодарилъ Полевого, а стихи Крузенштерну отвезъ показать своему родителю... Папенька былъ очень тронутъ...

Въ это же время Полевой познакомился съ графомъ А. Ф. Орловымъ, точно предчувствуя, что ему придется замѣстить потомъ Бенкендорфа... „Онъ обласкалъ меня — пишетъ Полевой брату — просилъ меня относиться во всемъ къ нему и сказалъ, что двери его кабинета всегда для меня отперты". [1]

XX.

1839 годъ.

Увольненіе А. Н. Мордвинова. Назначеніе на его мѣсто Л. В. Дубельта. Реформа въ III Отдѣленіи. Альманахи Владиславлева. Защита остзейскихъ дворянъ.

1839-й годъ принесъ съ собой очень важныя перемѣны въ составѣ и учрежденіи III Отдѣленія.

Произошло это такимъ образомъ.

Въ началѣ года былъ выпущенъ первый томъ альманаха „Сто русскихъ литераторовъ". Публика, любившая тогда подобныя сборныя изданія, очень охотно его раскупала, а когда узнала, что среди другихъ въ альманахѣ есть не только статья о незадолго передъ тѣмъ убитомъ на Кавказѣ декабристѣ и писателѣ А. А. Бестужевѣ (Марлинскомъ), но и его портретъ, то стала положительно расхватывать книгу. [2] Это дошло до государя. Немедленно занялись разслѣдова-

[1] Ibidem, 453.

[2] Въ 1832 и 1834 гг. въ Москвѣ изданы (8 частей) „Русскихъ повѣстей и разсказовъ" Бестужева. Имени автора нигдѣ проставлено не было. Портретъ Бестужева былъ конфискованъ. Замѣчательно, что для альманаха его передѣлывали, накинувъ бурку, которой на оригиналѣ не было... Потомъ черезъ много лѣтъ всѣ конфискованные экземпляры портрета поступили вдругъ на толкучій рынокъ въ Петербургѣ.

ніемъ, кто разрѣшилъ печатаніе портрета врага отечества... „Оказалось, что эту оплошность сдѣлалъ по недосмотру помощникъ Бенкендорфа, А. Н. Мордвиновъ... Никакія просьбы не могли успокоить гнѣвъ государя, и Мордвиновъ былъ уволенъ съ занимаемаго имъ мѣста. [1]

Вопросъ о преемникѣ Мордвинова былъ рѣшенъ очень скоро, въ теченіе нѣсколькихъ дней. Имъ явился начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ-маіоръ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, человѣкъ, имя котораго, наравнѣ съ именемъ Бенкендорфа, извѣстно и теперь еще чуть ли не всякому, хотя, правда, уже просто по наслышкѣ.

Считаю нужнымъ познакомить читателей съ этой очень примѣчательной фигурой николаевскаго царствованія.

Сынъ дворянина Дубельта и похищенной имъ въ Испаніи принцессы царствовавшаго королевскаго дома Медины-Челли, Леонтій Васильевичъ получилъ первоначальное воспитаніе подъ руководствомъ своей образованной матери. Затѣмъ былъ отданъ въ Горный корпусъ и, по случаю усиленнаго производства въ офицеры, въ 1807 г. четырнадцатилѣтній Дубельтъ былъ произведенъ въ прапорщики Псковскаго пѣхотнаго полка. Въ двадцатыхъ годахъ онъ былъ членомъ двухъ масонскихъ ложъ и даже „намѣстникомъ мастера“ ложи „соединенныхъ славянъ“, и, если вѣрить Гречу, считался „однимъ изъ первыхъ крикуновъ-либераловъ въ Южной арміи“. Когда арестовали участниковъ мятежа на Сенатской площади, всѣ, по словамъ Греча, спрашивали: „что же не берутъ Дубельта?“ Въ 1829 г., будучи уже командиромъ Старооскольскаго пѣхотнаго полка, онъ вышелъ въ отставку по недоразумѣніямъ съ начальникомъ дивизіи, а въ слѣдующемъ году поступилъ въ жандармскій корпусъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, при чемъ, совершенно случайно остался въ Петербургѣ, вмѣсто Твери, куда былъ назначенъ,—и уже не разставался съ Бенкендорфомъ, которому очень понравился.

Жена Дубельта, родная племянница извѣстнаго адмирала Н. С. Мордвинова, не особенно-то сочувствовала такому шагу своего мужа и писала ему: „не будь жандармомъ“. Дубельтъ на это отвѣчалъ горячо любимой женѣ: „Ежели я, вступя въ корпусъ жандармовъ, сдѣлаюсь доносчикомъ, наушникомъ, тогда доброе мое имя, конечно, будетъ запятнано. Но ежели, напротивъ, я, не мѣшаясь въ дѣла, относящіяся до внутренней полиціи, буду опорою бѣдныхъ, защитою несчастныхъ; ежели я, дѣйствуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетеннымъ, буду наблюдать чтобы, въ мѣстахъ судебныхъ давали тяжебнымъ дѣламъ прямое и справедливое направленіе,—тогда чѣмъ назовешь ты меня? Не буду ли я тогда достоинъ уваженія, не будетъ ли мѣсто мое самымъ отличнымъ, самымъ благороднымъ? Такъ, мой другъ, вотъ цѣль, съ которою я

[1] Потомъ онъ былъ назначенъ вятскимъ губернаторомъ, а впослѣдствіи—директоромъ департамента податей и сборовъ въ министерствѣ финансовъ.

Л. В. Дубельтъ.

(«Альбомъ Пушкинской выставки», М. 1899).

вступлю въ корпусъ жандармовъ; отъ этой цѣли ничто не совратитъ меня, и я, согласясь вступить въ корпусъ жандармовъ, просилъ Львова, чтобы онъ предупредилъ Бенкендорфа не дѣлать обо мнѣ представленіе, ежели обязанности неблагородныя будутъ лежать на мнѣ, что я не согласенъ вступить во ввѣренный ему корпусъ, ежели мнѣ будутъ давать порученія, о которыхъ доброму и честному человѣку и подумать страшно...“ Всѣ эти хорошія слова полетѣли прахомъ, какъ только Дубельтъ надѣлъ голубой мундиръ, точно также, какъ, обѣщая женѣ ни за что не принимать мѣста дежурнаго штабъ офицера при Бенкендорфѣ, потому что на этой должности, дѣйствительно, „порученія не совсѣмъ-то чистыя“, онъ немедленно его принялъ, какъ только оно оказалось свободнымъ. [1]

Вліяніе его стало вскорѣ же настолько сильно, что, напримѣръ, такой вельможа, какъ дядя его жены, Мордвиновъ, получилъ графское достоинство въ значительной степени благодаря внушенію и просьбамъ Дубельта передъ Бенкендорфомъ... Коротко, но очень ярко обрисовалъ его Герценъ: „Дубельтъ — лицо оригинальное; онъ навѣрно умнѣе всего третьяго и всѣхъ трехъ отдѣленій собственной канцеляріи. Исхудалое лицо его, оттѣненное длинными свѣтлыми усами, усталый взглядъ, особенно рытвины на щекахъ и на лбу ясно свидѣтельствовали, — что много страстей боролось въ этой груди прежде, чѣмъ голубой мундиръ побѣдилъ, или лучше — накрылъ все, что тамъ было. Черты его имѣли что-то волчье и даже лисье, т.-е. выражали тонкую смышленность хищныхъ звѣрей; вмѣстѣ уклончивость и заносчивость. Онъ былъ всегда учтивъ“. [2]

Если эту оцѣнку признать даже небезпристрастной, то вѣрность ея устанавливается тотчасъ по сравненію съ другой, сдѣланной человѣкомъ, могшимъ оцѣнить Дубельта иначе, благодаря діаметрально противоположному съ Герценомъ міровоззрѣнію. Я говорю о П. Каратыгинѣ. „Это была — пишетъ онъ, конечно, со словъ своего отца, — замѣчательная личность во многихъ отношеніяхъ: прекрасно образованный, прозорливый, умный и отнюдь не злой души человѣкъ, онъ, по должности, имъ занимаемой, и отчасти по наружности, былъ предметомъ ужаса для большинства жителей Петербурга. Его худощавое лицо, съ длинными сѣдыми усами, пристальный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ имѣли въ себѣ что-то волчье. Ироническая усмѣшка и язвительность при разговорѣ съ допрашиваемымъ пугали; но для литераторовъ, артистовъ, художниковъ и, вообще, мирныхъ гражданъ Л. В. былъ человѣкъ привѣтливый, ласковый и обязательный“. [3] Не мудрено, что Достоевскій, видѣвшій Дубельта на допросахъ по дѣлу петрашевцевъ, называлъ его „препріятнымъ человѣкомъ“. [4] Дубельтъ, дѣйствительно, умѣлъ обворожить словами... По словамъ Костомарова, онъ, выражаясь нерѣдко въ высшей степени мягко и все приговаривая: „мой добрый другъ“, „ловко цити-

[1] „Письма Л. В. Дубельта къ женѣ“, „Русская Старина“, 1888 г., № II, 501—502.

[2] „Былое и Думы“, 1879 г., ч. IV, 172.

[3] „Бенкендорфъ и Дубельтъ“, „Истор. Вѣстн.“, 1887 г., X, 174.

[4] *А. Н. Милюковъ*, — „Ѳ. М. Достоевскій“, — „Рус. Ст.“, 1881 г., III, 606.

ровалъ въ подтвержденіе своихъ словъ мѣста изъ священнаго писанія, въ которомъ былъ, повидимому, очень свѣдущъ, и искусно ловилъ на словахъ". [1]

Какой ужасъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушалъ этотъ приснопамятный человѣкъ даже людямъ, имѣвшимъ возможность чувствовать себя внѣ сферы его специфическаго вліянія, можно видѣть изъ разсказа В. А. Кокорева. Когда, по совѣту одного пріятеля, онъ отправился нанести визитъ всесильному генералу, не разъ уже о немъ спрашивавшему, какъ о новомъ петербургскомъ откупщикѣ, то только молилъ Бога поскорѣе вернуться домой.

Лиса-Дубельтъ принимаетъ его отмѣнно ласково, угощаетъ сигарой, разспрашиваетъ о дѣлахъ, разливается въ любезностяхъ и на прощанье спрашиваетъ: „Ну, что, г. Кокоревъ, подъ какимъ впечатлѣніемъ вы отъ меня уходите?"— „Уваженіе къ вашему превосходительству обязываетъ меня говорить откровенно"...— „Ну, что же?"—„Вы изволите бывать на представленіяхъ Зама? Въ клѣтку льва входитъ Замъ, гладитъ по гривѣ царя звѣрей, и публика съ замираніемъ любуется этимъ зрѣлищемъ. Но каково бѣдному Заму? Конечно, онъ про себя только и думаетъ: „унеси Богъ поскорѣе!" [2]

Свирѣпость Дубельта, въ связи съ наружной учтивостью и обходительностью, дала ему въ петербургскомъ обществѣ прозвище „le général Double"—„лукавый генералъ". [3] Почему благодѣтельствуемые имъ Полевой, Гречъ и др. называли его „человѣкомъ, какихъ немного"—ясно. Ясно и то, что дало хитрому Жуковскому поводъ сказать о Дубельтѣ:

„Быть можетъ, онъ не всѣмъ угоденъ,
Вѣдь это общій нашъ удѣлъ.
Но добръ онъ, честенъ, благороденъ,
Вотъ перечень его всѣхъ дѣлъ". [4]

„Лукавый генералъ" былъ натура не совсѣмъ обыкновенная. Очевидно, тамъ, внутри, у него было что-то, что, прикрытое мундиромъ, осталось, можетъ быть, неизвѣстнымъ современникамъ и потомству. Чѣмъ иначе объяснить такую, напримѣръ, мелочь: выдавая вознагражденіе своимъ агентамъ, Дубельтъ всегда придерживался цифръ кратныхъ 3-мъ; „въ память тридцати серебренниковъ!" пояснялъ онъ, шутя, въ кругу короткихъ знакомыхъ. [5] И, выдавая плату за доносъ, Дубельтъ пощечинами иногда училъ шпіоновъ, промышлявшихъ клеветой... [6] Изъ писемъ его къ женѣ видно, что онъ рыдалъ, глядя на картину Брюллова, изображающую распятіе Спасителя... [7] Все это подтверждаетъ спра-

[1] *Костомаровъ*, „Автобіографія", „Рус. Мысль", 1885 г., V, 127.
[2] „Русскій Арх.", 1892 г., VIII, 491.
[3] *Кн. Н. С. Голицынъ*, „Два событія изъ моей жизни"—„Рус. Стар.", 1890 г., XI, 378.
[4] *Е. Дубельтъ*, „Л. В. Дубельтъ"—„Рус. Стар.", 1888 г., XI, 497.
[5] „Истор. Вѣстн.", 1887 г., X, 172.
[6] *Жеденовъ*, „Случай въ Петербургѣ въ 1848 г."—„Рус. Стар.", 1890 г., VIII, 299.
[7] „Русская Стар.", 1888 г., XI, 510—511.

ведливость предположенія о бурѣ страстей, сдѣланнаго Герценомъ, тѣмъ Герценомъ, котораго Дубельтъ называлъ „мерзавцемъ" и не зналъ въ своихъ громадныхъ лѣсахъ такого „гадкаго дерева, на которомъ бы его повѣсить"... [1]

Бенкендорфа Дубельтъ ставилъ очень высоко, говоря: это—„человѣкъ ангельской доброты". Когда его патронъ уѣзжалъ за-границу, Дубельтъ плакалъ, а женѣ писалъ: „ты знаешь, душенька, какъ я люблю моего графа, и Богъ видитъ, что за каждый годъ его жизни я отдалъ бы годъ своей". У Герцена есть описаніе одной весьма характерной сцены въ пріемной Бенкендорфа.

Къ послѣднему пришелъ представиться какой-то генералъ передъ отъѣздомъ своимъ на войну. Его встрѣтилъ Дубельтъ, выслушалъ съ религіознымъ вниманіемъ эту рѣчь и, наклонясь нѣсколько въ знакъ уваженія, вышелъ и черезъ минуту возвратился.

— „Графъ,—сказалъ онъ генералу—искренно жалѣетъ, что не имѣетъ времени принять в. пр-во. Онъ васъ благодаритъ и поручилъ мнѣ пожелать вамъ счастливаго пути.—При этомъ Дубельтъ распростеръ руки, обнялъ и два раза коснулся щеки генерала своими усами". [2]

Злые языки говорили, что le général Double, будучи самъ весьма и весьма порядочнымъ ловеласомъ, принималъ иногда интимныя порученія и своего „графа"... Бенкендорфъ цѣнилъ безпредѣльную преданность своей „правой руки"—по его собственному выраженію, и „головы"—по мнѣнію современниковъ. Когда Николай I зналъ Дубельта еще очень мало, онъ повѣрилъ какой-то на него жалобѣ и сказалъ о своемъ неудовольствіи графу. Дубельтъ просилъ довести до свѣдѣнія государя о желаніи подать въ отставку. „На слѣдующій день графъ, окончивъ высочайшій докладъ, доложилъ его величеству заявленіе Дубельта и, держа въ рукахъ двѣ бумаги, положилъ одну изъ нихъ на столъ, при словахъ,—„то не угодно ли будетъ вамъ подписать его отставку". На вопросъ же государя о содержаніи другой бумаги графъ отвѣтилъ: „а это моя отставка, если вы ту подпишите"... [3]

Честность Дубельта—донынѣ вопросительный знакъ. По однимъ источникамъ, главнымъ образомъ по указаніямъ его сына и родственниковъ, она была внѣ подозрѣній, по другимъ—иною. Разсказываютъ, напримѣръ, что Дубельтъ былъ пайщикомъ въ игорномъ домѣ Политковскаго, куда публику заманивали для проигрыша въ карты колоссальныхъ иногда суммъ... [4]

Во всякомъ случаѣ состояніе Дубельта было порядочнымъ: 1700 душъ были получены его женой отъ родителей, 300 душъ куплены за 60,000 рублей. Это уже по свѣдѣніямъ сына...

Николай I имѣлъ случай нѣсколько разъ убѣдиться въ томъ, что Дубельта

[1] *И. В. Селивановъ*, „Записки", „Рус. Стар.", 1880 г., VI, 309.

[2] „Былое и Думы", 1879 г., ч. IV, 177.

[3] „Русская Стар.", 1888 г., XI, 492—493.

[4] „Русская Старина", 1880 г., XI, 128.

не такъ-то легко поймать на предложеніе взятки, и потому онъ настолько былъ убѣжденъ въ его честности, что разъ сказалъ, что даже у него нѣтъ достаточно денегъ, чтобы подкупить Дубельта.

Быстро подвигаясь по службѣ, въ 1837 году Дубельтъ былъ уже начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, т.-е. столь же приближеннымъ къ Бенкендорфу человѣкомъ, какъ и директоръ канцеляріи III Отдѣленія, А. Н. Мордвиновъ, даже больше, потому что извѣстно довольно много случаевъ, когда дѣлами распоряжался не фактическій директоръ канцеляріи, а лукавый генералъ-маіоръ. Это знали и иногда обращались прямо къ начальнику штаба съ дѣлами, вовсе его, въ сущности, не касавшимися.

Такъ въ 1837 г. поступилъ хитрый и умный А. А. Краевскій, представивъ рукопись Жуковскаго для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" не въ цензуру, даже не прямо въ III Отдѣленіе, а просто Дубельту черезъ помощника его, М. М. Попова. Это были „Черты исторіи государства россійскаго", т.-е. плодъ дѣятельности Жуковскаго, какъ наставника цесаревича Александра Николаевича.

5 сентября Дубельтъ писалъ Попову:

„Я ничего не читалъ прекраснѣе этой статьи и прошу васъ, родной мой Михаилъ Максимовичъ, принять на себя трудъ поблагодарить г-на Краевскаго за доставленіе мнѣ удовольствія прочесть новый прекрасный трудъ Жуковскаго. Поблагодарите его и за оказываемую имъ мнѣ довѣренность, за которую я долженъ отплатить ему откровенностью.

„Статья безусловно прекрасна, но будетъ ли существенная польза, ежели ее напечатаютъ? Вопросъ этотъ дѣлаю по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, чтобы видѣть всю красоту и пользу этого сочиненія, нужно знать твердо исторію государства Россійскаго; а какъ, къ несчастію, немногіе у насъ ее знаютъ,—то статья эта для немногихъ будетъ понятна. Во-вторыхъ, она оканчивается первымъ нашествіемъ Батыя. Вѣдь тутъ можно сказать: по усамъ текло, въ ротъ не попало! Второй набѣгъ этого татарина, еще болѣе ужасный, когда, послѣ паденія Кіева, состояніе Россіи было самое бѣдственное, когда живые завидовали спокойствію мертвыхъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, когда Ярославъ, изъ любви къ Россіи, изнуренной, безлюдной, полной гробовъ и развалинъ, долженъ былъ ѣхать въ станъ Батыевъ, а сына своего послать къ Октаю,—и далѣе отъ этого ужаснаго времени до начала освобожденія нашего отечества, когда ратныя дѣйствія россіянъ начинаются противъ моголовъ, когда побѣды наши прославили берега Непрядвы и поле Куликово—сочинитель статьи останавливается и, описавъ темныя времена быта Россіи, не хочетъ говорить о ея свѣтломъ времени,—жаль!

„Теперь два слова о 39-й, 40, 40^2, 41, 48^2 и 49^2 страницахъ. Не думаю, чтобы подобныя разсужденія цензура дозволила напечатать—и не совѣтую представлять въ цензуру статью съ этими разсужденіями,—они не ведутъ къ добру. Въ моихъ понятіяхъ, царь есть отецъ, подданные—его дѣти, а дѣти никогда не должны разсуждать о своихъ родителяхъ—иначе у насъ будетъ Франція, поганая Франція.

„Вотъ, мой другъ, мое мнѣніе, — брраните или хвалите меня, какъ вамъ угодно, я не менѣе буду благодаренъ г-ну Краевскому и за доставленное мнѣ удовольствіе, и за его ко мнѣ довѣренность“. [1]

Это письмо удивительно точно и ярко рисуетъ „лукаваго генерала“, того le général Double, который отличался необыкновеннымъ умѣньемъ нѣжно, съ ангельской кротостью и родительскимъ попеченіемъ посадить человѣка на колъ.

Но не менѣе характерно и письмо М. М. Попова къ Краевскому, которому онъ посылалъ и только что приведенное:

„Изъ посылаемой записки Л. В. вы изволите увидѣть, сколько онъ благодаренъ вамъ за вашу довѣренность къ нему. Удовольствіе его, по прочтеніи статьи Жуковскаго, было такъ велико, какъ милы и добродушны строчки, которыя онъ набросалъ. Вотъ писатель и вотъ критикъ: одинъ другого стоитъ! Случилось то, чего, кажется, еще не было у насъ... Статьѣ В. А. слѣдовало непремѣнно захватить позднѣйшее время. Начало жизни нашего народа, описанное сочинителемъ, есть самая худая половина этой жизни: а свѣтлое-то, блестящее— скрыто. Лучше было бы издать исторію съ временъ Іоанна III или нѣсколько прежде, безъ начала, чѣмъ начало безъ продолженія. Тутъ одно огорченіе, тутъ нѣтъ того, что миритъ насъ съ предками и судьбою. А какъ сладокъ былъ бы его голосъ тамъ, гдѣ онъ могъ бы быть и отраденъ!

„...Я нарочно распространяюсь, чтобы ни вы, ни В. А. не приняли къ дурному замѣчаній моего благороднаго генерала. Онъ самъ опасался передать вамъ эти мысли: ему было бы очень прискорбно потерять и немногое въ мнѣніи Жуковскаго. Онъ хотѣлъ было, чтобъ вы отослали статью въ цензуру, какъ она есть, безъ его замѣчаній, хотѣлъ не спорить ни противъ чего. Можетъ быть, я взялъ на себя лишнее, но я за васъ обоихъ увѣрилъ, что вамъ не придетъ и на мысль, чтобъ въ этихъ откровенныхъ и слишкомъ справедливыхъ замѣчаніяхъ не было столько же благонамѣренности, сколько ума и вкуса.

„Я сказалъ Л. В., что пошлю записку его къ вамъ, что не сниму съ васъ воли, если вздумаете передать ее Жуковскому. Я увѣренъ, что двое изъ насъ, у которыхъ не останется подлинника этой записки, будутъ завидовать третьему. Мнѣ еще хорошо: вы прочтете однѣ набросанныя наскоро мысли генерала, а я, кромѣ этого, велъ разговоръ съ нимъ въ счастливую минуту его таланта. Статья В. А. такъ понравилась ему, что онъ пришелъ именно въ то положеніе, которое зовутъ вдохновеніемъ. Кому же она не понравится?“ [2]

---

[1] „Русская Старина“, 1903 г., XII, 596. Перу Дубельта принадлежитъ анонимная статья объ императрицѣ Елизаветѣ въ № 5 „Литер. Прибав. къ Рус. Инв.“ за 1831 г.

[2] Ibidem, 598—599. Статья, разумѣется, напечатана не была.

Одновременно съ назначеніемъ Дубельта на новую должность (онъ же оставался и начальникомъ штаба), управленіе корпусомъ жандармовъ было соединено съ III Отдѣленіемъ и полностью ввѣрено Леонтію Васильевичу, получившему званіе „управляющаго III Отдѣленіемъ"; Бенкендорфъ же назывался уже „главноуправляющимъ". Вся эта реформа была сдѣлана въ день Благовѣщенія, чѣмъ Николай хотѣлъ оттѣнить ея важность... Остряки говорили, что благая вѣсть о реформѣ была вѣстью о предстоящемъ рожденіи новаго застѣнка...

Мы уже видѣли, какъ просто Бенкендорфъ заказывалъ необходимыя ему статьи извѣстному писателю Загоскину. Вотъ еще его письмо (24 января) изъ той же области къ тому же услужливому романисту:

„Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ!

„Издатель альманаха „Утренняя Заря" В. А. Владиславлевъ, котораго изданіе, ежегодно улучшаясь, пріобрѣло общее расположеніе отечественной публики и выгодные отзывы иностранныхъ журналовъ, какъ по литературному достоинству помѣщенныхъ въ немъ статей, такъ и по изяществу гравюръ и по типографской роскоши, возобновляетъ альманахъ свой на будущій 1840 годъ, въ роскошнѣйшемъ видѣ, въ пользу с.-петербургской дѣтской больницы.

„По званію предсѣдателя означенной больницы, принимая съ признательностью столь благотворительное приношеніе г. Владиславлева и желая съ своей стороны по возможности содѣйствовать его предпріятію, я пріемлю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не угодно ли будетъ вамъ удостоить участіемъ вашимъ изданіе его на будущій 1840 годъ, присовокупляя при томъ, что всякое приношеніе ваше въ сей альманахъ принято будетъ *мною* съ искреннею благодарностью". [1]

Загоскинъ помѣстилъ въ альманахѣ свой разсказъ „Нескучное..." Недаромъ въ это же время Бенкендорфъ предлагалъ ему перейти на службу въ III Отдѣленіе... [2]

Упомянутый Бенкендорфомъ Владиславлевъ состоялъ въ корпусѣ жандармовъ и былъ одно время личнымъ адъютантомъ начальника III Отдѣленія. Извѣстенъ онъ былъ своими альманахами, [3] о которыхъ и Бѣлинскій отзывался очень сочувственно, что, впрочемъ, понятно: въ концѣ 30-хъ годовъ неистовый Виссаріонъ еще не оцѣнивалъ какъ нужно мѣста службы альманашника. По словамъ современниковъ, III Отдѣленіе способствовало распространенію альманаховъ Владиславлева, сдѣлавъ ихъ для многихъ учрежденій обязательными...

---

[1] „Русская Старина", 1902, № 7, 87.

[2] *А. Ѳ. Кони.* „М. Н. Загоскинъ и цензура", „Подъ знаменемъ науки", сборникъ, 1901 г.

[3] „Альманахъ на 1828 годъ, составленный изъ литературныхъ трудовъ 24 литераторовъ", Спб., 1838 г.; „Утренняя Заря", альманахи на 1839—43 гг. Въ „Зарѣ" на 1843 г. въ числѣ иллюстрацій былъ портретъ дочери Бенкендорфа—С. А., а на 1843 г. была дана гравюра съ видомъ его имѣнія—Фалль.

Очень характерны два документа, имѣющіеся въ подлинникахъ въ моемъ распоряженіи и подаренные мною нынѣ рукописному отдѣленію библіотеки Академіи Наукъ.

Первый изъ нихъ подъ заглавіемъ, сдѣланнымъ рукою Греча—„Замѣчаніе на статью Сѣверной Пчелы“—гласитъ:

„Къ величайшему нашему удивленію, въ № 28 Сѣверной пчелы, которую читаетъ большая часть Русскихъ читателей и многіе изъ нихъ повторяютъ и присвоиваютъ себѣ мнѣнія сей газеты, нашли мы мнѣніе справедливо возбуждающее наше прискорбіе. Г. Гречъ, въ упомянутомъ листкѣ, сообщаетъ отрывокъ изъ своей біографіи, гдѣ онъ старается увѣрить читателей, будто бы жители Прибалтійскихъ провинцій Россійскаго государства не одушевлены истинною любовію къ Царю и сравниваетъ ихъ съ людьми, живущими въ домѣ по найму, которые многолѣтнею привычкою привязаны къ своему жилищу, но въ случаѣ пожара равнодушно собираютъ свои пожитки и спокойно переѣзжаютъ на другую квартиру. Таковое неосновательное мнѣніе не заслуживало бы нашего возраженія, если бы оно было произнесено не Г. Гречемъ—однимъ изъ карифеевъ Русскихъ литераторовъ.—Можетъ ли, спрашиваемъ, Г. Гречъ сказать Остзейскимъ провинціямъ: „Вы нѣмцы! Вы не любите Вашего монарха!“ Если же онъ вспомнитъ о достопамятной войнѣ противъ Наполеона, когда дворянство и граждане тѣхъ провинцій съ такою же готовностію, какъ и другіе Русскіе, жертвовали своимъ достояніемъ и жизнію за святое право Монарха; можетъ ли онъ утверждать, „что они не постигали, что значитъ ненависть къ чужеземному владычеству, не постигали, что невозможно присягнуть кому нибудь, кромѣ Русскаго Императора. Никогда жители Остзейскихъ провинцій не заслуживали такого обиднаго упрека, ибо сама Исторія учитъ насъ, что они, сохранивъ съ Германскимъ происхожденіемъ и нѣмецкую вѣрность, были всегда преданы своему Государю, и болѣе 150 лѣтъ мы видимъ въ Русской службѣ, какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ мужей, которые въ высшихъ должностяхъ всегда отличались и теперь отличаются преданностію къ Престолу. Этаго вѣрно никто отрицать не будетъ. Поставивъ жителей Прибалтійскихъ провинцій въ такое отношеніе къ Россіи, въ какомъ находится постоялецъ къ нанятому дому, Г. Гречь хотѣлъ сказать что Нѣмцы не Славяне, и Остзейскія провинціи не Россія, и смѣшивая умышленно идею о Россіи съ понятіемъ о Россійскомъ Государствѣ, состоящемъ изъ различныхъ земель, онъ явно вмѣняетъ въ преступленіе происхожденіе Прибалтійскихъ губерній, коимъ жители справедливо гордятся; но происхожденіе не мѣшаетъ любви къ Монарху, что и самъ Г. Гречь, котораго отецъ,[1] какъ говорятъ, былъ Богемецъ, безъ сомнѣнія понимаетъ. Любя же Русскаго Монарха нельзя не любить Россіи, ибо въ нашемъ понятіи Государь и Россія одно нераздѣльное, а ежели бы Россію постигло несчастіе, то можно быть увѣрену, что жители Прибалтійскихъ провинцій не переѣхали бы, какъ полагаетъ Г. Гречь

[1] Т. е. прапрадѣдъ. *Прим. Греча.*

на другую квартиру, но защищали бы до послѣдней капли крови землю любимаго своего Монарха и домы отъ угрожающей опасности. Но довольно о неосторожно высказанномъ мнѣніи Г. Греча; онъ самъ вѣроятно уже сознался въ неосновательности своихъ сужденій и отречется отъ нихъ".

По качеству самой вензелевой бумаги и почерку писца нѣтъ сомнѣнія, что возраженіе это написано въ самомъ III Отдѣленіи и при томъ по приказанію Бенкендорфа, считавшаго себя, какъ прибалтійскаго дворянина, и лично задѣтымъ Гречемъ. Сбоку карандашемъ написано Дубельтомъ: „Графъ Александръ Христофоровичъ проситъ васъ, любезный Николай Ивановичъ, ежели можно (sic!?) напечатать эту статью въ Сѣверной пчелѣ. Душевно вамъ преданный *Л. Дубельтъ*. 24 марта".

Гречъ понялъ необходимость исполнить „просьбу" Бенкендорфа, но хотѣлъ какъ-нибудь вывернуться и передъ III Отдѣленіемъ и передъ читателями и въ тотъ же день прислалъ Дубельту слѣдующій „отвѣтъ":

„Въ оправданіе свое привожу точныя слова обвиняемой статьи, и присовокупляю къ нимъ нѣсколько поясненій.

„Вотъ что напечатано въ № 28 Сѣверной Пчелы: „Я принадлежалъ къ числу тѣхъ людей (въ 1812 году), которые, съ самаго начала этой грозной войны, если не поняли, то внутреннимъ чутьемъ ощутили ея важность, ея святость: я не помнилъ, не зналъ ничего болѣе, кромѣ того, что намъ должно побѣдить или пасть съ честію. Семейственныя обязанности удерживали меня отъ принятія дѣятельнаго участія въ великомъ дѣлѣ того времени, но всѣ помышленія, всѣ движенія души и сердца моего были посвящены успѣху правоты и чести надъ неправдою и наглостію. Лекціи Словесности, въ Петровской школѣ, превратились у меня въ уроки Исторіи и Политики. Этимъ я нажилъ и искреннихъ и друзей, и заклятыхъ враговъ: я рубилъ, что называется съ плеча, не смотря куда падаютъ мои удары. Товарищи мои были люди благонамѣренные и почтенные, но большею частію *или* иностранцы, *или недворянскіе уроженцы Нѣмецкихъ провинцій Россіи* они нэ постигали, что значитъ ненависть къ чужому владычеству, не постигали, что не возможно присягнуть кому нибудь кромѣ Россійскаго Императора. Они любили Россію, какъ мы любимъ домъ, въ которомъ живемъ по найму: въ случаѣ пожара станемъ усердно его отстаивать, но потомъ спокойно переѣдемъ на другую квартиру. Они дивились моему изступленію, и сердились на выходки, въ которыхъ доставалось и Рейнскому Союзу". [1]

„Спрашиваю: гдѣ говорится здѣсь объ *Остъ-Зейскихъ* провинціяхъ? И не исключено ли именно *дворянское* сословіе, за которое, повидимому, преимущественно вступается авторъ статьи? Я не говорилъ вообще и о гражданахъ Остъ-Зейскихъ, а только имѣлъ въ виду тѣсный кругъ тогдашнихъ моихъ товарищей, и подъ уроженцами нѣмецкихъ провинцій разумѣлъ тѣхъ иностранцевъ (и дѣтей ихъ), которые, на основаніи старинныхъ привилегій Риги, Ревеля, Дерпта и др., пріѣзжаютъ туда изъ Германіи, и пользуются правами тамошняго гражданства: нѣ-

[1] Взятое курсивомъ вычеркнуто въ III Отдѣленіи...

которые изъ нихъ остаются тамъ или переселяются въ Петербургъ; иные возвращаются въ Германію. Они не понимаютъ Русскаго языка, не знаютъ Россіи, и остаются при своихъ Нѣмецкихъ понятіяхъ, при своемъ образѣ жизни. Могутъ ли они любить Россію, какъ любятъ ее Русскіе, и можно ли безъ явной несправедливости этого съ нихъ требовать?—Что же касается до дворянства Остъ-Зейскаго, еслибы я дерзнулъ изъявить малѣйшее сомнѣніе на счетъ его привер-женности къ Россіи и ея Государю, то поступилъ бы несправедливо и безсовѣстно. Стоитъ войти въ залу дворянскаго собранія въ Ревелѣ: стѣны ея покрыты именами Эстляндскихъ дворянъ, положившихъ животъ въ честной брани за отечество. Не нужно предполагать, какъ дѣлаетъ авторъ статьи, непріятельскаго нашествія на Россію, для испытанія непоколебимой вѣрности Остъ-Зейскаго Дворянства. Этотъ опытъ имѣли мы въ 1812 году, при занятіи непріятелемъ Курляндіи: мы видѣли блистательное поведеніе Курляндскихъ дворянъ, которые всѣ, безъ исключенія, явно и гласно доказали, какъ они понимаютъ святость присяги и вѣрность къ Россійскому Императору".

Бенкендорфъ ничего не имѣлъ противъ напечатанія „отвѣта" Греча, но почему-то ни то, ни другое не было напечатано...

XXI.

1840 и 1841 годы.

„Статьи" о пріѣзжающихъ. „Свѣтящіеся червячки". Подачка Полевому. Вторичный отказъ пустить его въ архивы.

Со вступленіемъ Дубельта дѣятельность III Отдѣленія въ области гоненія литературы и журналистики сразу замѣтно затихаетъ. Объясняется это просто. Во-первыхъ, Уваровъ настолько уже терроризировалъ цензоровъ, наблюдавшихъ за ними попечителей учебныхъ округовъ и другихъ чиновъ министерства, что они стали уничтожать все, мало-мальски могущее показаться подозрительнымъ или опаснымъ, и дошли въ этомъ отношеніи до верха совершенства, неизвѣстнаго раньше. Во-вторыхъ, было извѣстно, что Дубельта ни на какой мякинѣ не проведешь и что лучше съ нимъ не сталкиваться. Въ-третьихъ, стоили же чего-нибудь гоненія всѣхъ предыдущихъ лѣтъ, какъ опытъ литераторовъ и журналистовъ... Кромѣ того, начало сороковыхъ годовъ и въ общественной жизни не ознаменовалось ничѣмъ сколько нибудь выдающимся.

Одинъ мелкій штрихъ замѣчательно характеренъ для описываемой мною эпохи. 11 октября 1841 года по цензурѣ было сообщено слѣдующее высочайшее повелѣніе: „въ *статьяхъ* о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ не должны

быть помѣщаемы вообще тѣ лица, кои принадлежатъ въ вѣдомству корпуса жандармовъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они пріѣзжаютъ или уѣзжаютъ изъ столицы и не по казенной надобности“. Эти „*статьи*“ стоятъ многихъ страницъ въ исторіи николаевскаго царствованія. Въ полномъ пренебреженіи къ журналистикѣ, въ полномъ ея невѣдѣніи правительству все казалось одинаково цѣнно: фельетонъ, передовая или сухой, какъ и теперь, списокъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ... Вотъ ужъ подлинно, въ каплѣ дождя видна мудрость природы...

4-го января 1841 года Бенкендорфъ писалъ Уварову, что въ 43-мъ томѣ „Библіотеки для Чтенія“, въ отдѣленіи „Смѣсь“, обращаетъ на себя особенное вниманіе статья „Свѣтящіеся червячки“. „Нельзя видѣть безъ негодованія, говорилъ Бенкендорфъ, какой оборотъ даетъ господинъ сочинитель этой статьи выраженію, употребленному въ программѣ одного изъ дворянскихъ собраній, и до какой степени онъ презираетъ приличіемъ и нравственною стороною дворянства для того, чтобъ только сказать красное слово! Выходка эта не должна и не можетъ быть скрыта отъ государя императора, и не постигая, какъ можетъ быть допущена у насъ къ напечатанію подобная статья, я полагаю, что сочинитель оной долженъ быть подвергнутъ строжайшему наказанію, кромѣ воспрещенія печатать статьи свои, а цензоръ—выговору, ежели еще не большему взысканію; но, желая имѣть предварительное мнѣніе ваше, покорнѣйше прошу удостоить меня увѣдомленіемъ по сему предмету, дабы я, основываясь на ономъ, могъ сдѣлать мой всеподданнѣйшій докладъ его величеству“.

Статья, на которую указывалось, состояла въ извѣстіи объ изслѣдованіяхъ натуралистовъ Форстера и Одуэна надъ свѣтящимися червячками. Тутъ сообщались очень серьезные научные факты о сіяніи этихъ червяковъ, независимомъ отъ ихъ воли и стоящемъ въ связи съ половыми отправленіями. Но, по всегдашнему своему обыкновенію, Сенковскій вставилъ остроту на счетъ Петербургскаго дворянскаго собранія и одной неловкой фразы изъ его печатной программы.

„Одинъ монпельерскій натуралистъ (говорилось въ концѣ статьи) взялъ ночью самку Lampyridis noctilucae и черезъ окно выставилъ ее на ладони въ садъ: спустя нѣсколько минутъ, прилетѣлъ къ ней самецъ, какъ кажется съ тою же цѣлью, для какой, по словамъ печатной программы, учреждено и С-ое дворянское собраніе, т. е. *для соединенія лицъ обоихъ половъ*. Лишь только эти насѣкомыя исполнили программу почтеннаго собранія, свѣтъ самки тотчасъ погасъ. Другой натуралистъ, еще болѣе любопытный, убѣдился какъ нельзя лучше, при помощи микроскопа, что у свѣтящихся червячковъ сіяютъ не тѣла, а только тѣ части, безъ которыхъ любовь была бы загадкою: онъ примѣтилъ, что clitellum бываетъ тогда у нихъ чрезвычайно развитый и что источникъ свѣта заключается именно въ веществѣ, покрывающемъ его“.

Отъ Сенковскаго было потребовано объясненіе; онъ написалъ, что, по его приказанію, эта статья, вовсе имъ не одобренная, была перепечатана съ измѣ-

неніями, но, къ сожалѣнію, по неопытности переплетчика, въ первыхъ ста экземплярахъ, не вставили перепечатки, и такимъ образомъ роздано около сотни экземпляровъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они должны быть. Хотя цензура ничего не помарала въ статьѣ о червячкахъ, однако жъ, когда онъ, Сенковскій, получилъ изъ типографіи чистые листы, то примѣтилъ, что переводчикъ включилъ въ нее неумѣстную шутку на счетъ какого-то собранія, и тотчасъ распорядился о непоявленіи статьи въ такомъ видѣ; если же это случилось, то вопреки его желанію... Конечно, такому объясненію никто не могъ вѣрить, потому что знали за автора статьи самого Сенковскаго. Уваровъ воспротивился излишнимъ требованіямъ графа Бенкендорфа и самъ вошелъ къ государю императору съ докладомъ, гдѣ изложилъ дѣло въ весьма снисходительномъ видѣ, и прибавилъ, что редактору Сенковскому и цензорамъ Крылову и Ольдекопу даны строгіе выговоры. На это послѣдовала высочайшая резолюція: „Впредь быть осторожнѣе". На томъ дѣло и кончилось.

Зимой 1840—1841 года Полевой заболѣлъ или сдѣлалъ видъ болѣзни, но этого было достаточно. Бенкендорфъ спѣшитъ уже ему на помощь съ субсидіей и 22 января отправляетъ Николаю Алексѣевичу слѣдующее письмо:

„Милостивый Государь Николай Алексѣевичъ!

„Государь Императоръ, узнавъ о болѣзненномъ положеніи Вашемъ и о нѣкоторой степени нужды, въ которой Вы находитесь, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, немедленно выдать Вамъ *двѣ тысячи* рублей ассигнаціями въ единовременное вспомоществованіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщая Васъ о столь милостивомъ къ Вамъ вниманіи Его Императорскаго Величества и прилагая упомянутыя 2 т. руб., я искренно желаю, чтобы здоровье Ваше возстановилось для продолженія Вашихъ полезныхъ трудовъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашъ покорный слуга *Бенкендорфъ*". [1]

Такимъ образомъ дѣло уже дошло до прямыхъ подачекъ, даже и безъ всякаго внѣшняго повода...

Счастливый Полевой пишетъ брату черезъ нѣсколько дней: „Ты поймешь что *не деньги*, но *дѣло*, но то, какъ оно *было сдѣлано*, тронуло меня до глубины сердца. Просилъ ли я? Жаловался ли кому? Не само ли Провидѣніе внушило доброму царю мысль утѣшить, порадовать меня, когда... когда... все, казалось, отступилось отъ меня—и люди, и судьба! Не знаю, кому обязанъ я доведеніемъ до государя извѣстія обо мнѣ, и съ высоты своего трона онъ захотѣлъ утѣшить меня взоромъ и словомъ... На другой день поѣхалъ я къ Л. В. Дубельту, а вчера по утру, по его назначенію, былъ у графа Ал. Христ. Я говорилъ немного, но они поняли меня и, признаюсь, ихъ участіе, ихъ готовность сдѣлать все, что могутъ, въ пользу мою, растрогали меня до глубины сердца.

[1] Дѣло архива III Отдѣленія, 2 экспедиціи, 1841 года, № 110.

Благослови ихъ Богъ! Я долгомъ почелъ сказать, что не смѣлъ требовать пособія, ибо есть люди, которымъ оно нужнѣе; что я могу теперь опять работать, но за то буду просить ихъ обратить вниманіе на трудъ, окончаніемъ котораго неусыпно занимаюсь. „Надѣюсь“—отвѣчалъ графъ Ал. Хр.,—„что я буду *первый* читатель его“. Онъ улыбнулся и прибавилъ: „А государь второй“. [1]

Полевой подговаривался къ поощренію заканчивавшейся „Исторіи Петра Великаго“. Вотъ что онъ писалъ Бенкендорфу 5 марта того же года:

„Сіятельный графъ Милостивый Государь.

„Четыре года совершилось, когда Ваше Сіятельство удостоили Вашего благосклоннаго вниманія начатую мною тогда „Исторію Петра Великаго“. Нынѣ я кончилъ ее вполнѣ, истощивъ, по возможности, всѣ изданные до нашего времени русскіе и иностранные матеріалы. Позволеніе: посѣтить архивы и извлечь изъ нихъ матеріалы дополнительные было тогда остановлено тѣмъ, что по волѣ Государя Императора сочиненіе исторіи Петра Перваго препоручено было А. С. Пушкину. Онъ скончался, почти не начавши труда своего. Смѣю ли надѣяться предстательства Вашего, Сіятельный графъ, чтобы къ дополненію оконченной уже мною рукописи было мнѣ нынѣ Всемилостивѣйше дозволено осмотрѣть здѣсь въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ находящіеся архивы? Изучивъ предметъ свой, уже съ вѣрнымъ руководствомъ опыта могъ бы я воспользоваться столь драгоцѣннымъ позволеніемъ, и трудъ мой, въ видѣ уже гораздо болѣе совершенномъ, можетъ быть, дѣйствительно, хоть отчасти, достойномъ имени Великаго Петра, въ непродолжительномъ времени, при помощи Божьей, повергнуть къ священному Престолу Государя Императора. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю пребыть Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга *Николай Полевой*“.

Бенкендорфъ написалъ докладъ, въ которомъ, послѣ передачи своего прежняго доклада и только-что приведеннаго письма Полевого, въ заключеніе говорилъ:—„Я читалъ доставленное мнѣ Полевымъ начало его „Исторіи Петра Великаго“. Оно очень хорошо и написано въ такомъ духѣ и такимъ слогомъ, что нельзя не желать, чтобы ему доставлена была возможность вполнѣ развернуть талантъ свой, а потому я осмѣливаюсь просьбу Полевого о дозволеніи осмотрѣть здѣшніе и московскіе архивы повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества“.

Николай написалъ на докладѣ „переговоримъ“, что дѣлалъ всегда, когда находилъ самый докладъ не вполнѣ содержавшимъ всѣ мотивы докладчика,—но послѣ бесѣды съ Бенкендорфомъ просимаго разрѣшенія не далъ. [2] Къ сожалѣнію, неизвѣстно, чѣмъ руководствовался государь въ своемъ упорномъ нежеланіи пустить Полевого въ архивы. Отказъ его былъ отказомъ не только Полевому, но и Бенкендорфу и много хлопотавшему въ этомъ дѣлѣ, бывшему министру про-

[1] „Записки К. А. Полевого“, 510.

[2] Дѣло архива III Отдѣленія, 2 экспедиціи, 1836 года, № 55.

свѣщенія, князю А. Н. Голицыну... На Полевого это очень подѣйствовало... „Но рѣшительность моя тверда,—писалъ онъ брату—да и необходима, ибо иначе я погибъ: стану, не думая уже ни о чемъ, писать мою книгу прилежно, сколько по совѣсти могу лучше, кончу, напечатаемъ ея 5000 экземпляровъ, продадимъ ихъ, а царь добрый и великодушный, *конечно, не оставитъ тогда моего труда своимъ благодарнымъ вниманіемъ*“...

XXII.

1842 годъ.

Выговоръ Нестору Кукольнику. Демократизмъ Башуцкаго. Подачки Гоголю. Статья Хомякова. Театральный надзоръ.

6 января главный начальникъ III Отдѣленія писалъ гофъ-драматургу Нестору Кукольнику: „Историческій разсказъ—„Сержантъ, или всѣ за одно“, обратилъ на себя вниманіе публики желаніемъ вашимъ выказать дурную сторону русскаго дворянина и хорошую—его двороваго человѣка. Государь Императоръ удивляется, какъ можетъ человѣкъ, столь просвѣщенный и обладающій такимъ хорошимъ перомъ, какъ вы, милостивый государь, убивать время на занятія, васъ недостойныя, и на составленіе статей, до такой степени ничтожныхъ.

„Хотя разсказъ вашъ вы почерпнули изъ дѣяній Петра Великаго, но предметъ, вами описанный въ анекдотѣ, составляя прекрасную черту великаго государя, въ вашемъ сочиненіи совершенно искаженъ неумѣстными выраженіями и получилъ совершенно дурное направленіе. Желаніе ваше безпрерывно выказывать добродѣтель податного состоянія и пороки высшаго класса людей не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій, а потому не благоугодно ли вамъ будетъ на будущее время воздержаться отъ печатанія статей, противныхъ духу времени и правительства, дабы тѣмъ избѣжать взысканія, которому вы, при меньшей какъ нынѣ снисходительности, подвергнуться можете“. [1]

Авторъ совершившей три чуда „Руки Всевышняго“ былъ страшно взволнованъ этой минутной перемѣной вѣтра, писалъ, что онъ вполнѣ цѣнитъ снисходительность, ему оказанную, убитъ необдуманно сорвавшимися словами разсказа и т. д. По крайней мѣрѣ, такое заключеніе о его отвѣтѣ можно сдѣлать на основаніи второго письма Бенкендорфа.

„Получивъ письмо ваше отъ 27 сего января, спѣшу успокоить васъ, милостивый государь, что изъ памяти Государя Императора совершенно изгладилось

[1] „Русская Старина“ 1871 г., № 6, 733—734.

то впечатлѣніе, которое произведено было повѣстію вашею „Сержантъ Ивановъ“, и въ мысляхъ Его Величества не осталось противъ васъ ни малѣйшаго гнѣва; если же вамъ и сообщено было о замѣченныхъ недостаткахъ въ вашей повѣсти, то единственно потому, что Его Величество, памятуя всѣ другія произведенія ваши по части литературы, былъ нѣсколько остановленъ тѣмъ, что въ новой повѣсти вашей встрѣчаются мѣста, не вполнѣ достойныя пера вашего, и Его Императорское Величество соизволилъ замѣтить это именно потому, что считаетъ васъ въ числѣ отличныхъ писателей, всегда ожидалъ отъ васъ произведеній равныхъ вашему таланту, и что вы трудами своими можете приносить пользу и честь нашей литературѣ.

„Вмѣстѣ съ симъ мнѣ весьма пріятно удостовѣрить васъ въ моемъ истинномъ къ вамъ почтеніи и преданности etc“.

Не успѣло III Отдѣленіе забыть выходку Кукольника, какъ было поражено другой, гораздо болѣе рѣзкой. Нѣкій А. Башуцкій въ первой тетради своей книги „Наши, списанные съ натуры русскими“—помѣстилъ статью „Водовозъ“, гдѣ были, между прочимъ, слова: „народъ нашъ терпитъ притѣсненія, и добродѣтель его состоитъ въ томъ, что онъ не шевелится“. Демократизмъ, соціализмъ, коммунизмъ!..—иначе не называли ее въ бюрократическихъ кругахъ. Бенкендорфъ сдѣлалъ автору выговоръ „за возстановленіе низшихъ классовъ противъ высшихъ, аристократіи“. Мягкость такого исхода объясняется личностью какъ самого автора, занимавшаго высокое служебное положеніе, такъ и родствомъ цензора книги Корсакова съ попечителемъ петербургскаго округа“. [1] А чтобы парализовать вредное впечатлѣніе отъ „Водовоза“, Булгарину было приказано разрисовать всѣ прелести существованія „Водоноса“, не знавшаго, куда дѣваться отъ своего благополучія...

Извѣстно, что Гоголь ввелъ чуть ли не обязательной суммой въ свой бюджетъ подачки царя и другихъ членовъ двора. Ему въ этомъ отношеніи очень везло, и тысячи сыпались въ карманъ писателя почти послѣ каждаго представленія экземпляровъ новаго сочиненія или отсылки ласковаго письма къ Жуковскому и Смирновой. Очень понятно, что ему не оставалось ничего, какъ назвать Николая I „нѣкимъ Богомъ, сыплющимъ полною рукою благодѣянія и не желающимъ слышать никакихъ благодарностей“... Конечно, въ послѣднемъ Гоголь очень ошибался. Николай былъ не изъ тѣхъ, чтобы бросать тысячи на вѣтеръ (если онѣ тратились не на его собственныя прихоти), и поощрять попрошайничество. Деньги давались или съ желаніемъ приблизить къ себѣ полезнаго писателя, или за дешевую подачку пріобрѣсти возносителя въ Божій санъ... Весьма любопытенъ случай, когда Николай подарилъ Гоголю 4 тысячи рублей за удовольствіе, по-

[1] *Никитенко*, н. с., I. 321. „Русская Старина“ 1892 г., № 7, 2—3.

лученное отъ прочтенія шуточнаго письма его къ Жуковскому съ просьбою занять гдѣ-нибудь три тысячи... „Пусть еще напишетъ такое письмо, и я еще ему пошлю денегъ“—сказалъ хохотавшій царь... [1] Но я не буду останавливаться на подачкахъ, устраивавшихся помимо III Отдѣленія.

29 января 1842 года попечитель московскаго учебнаго округа, графъ Строгановъ, писалъ Бенкендорфу по-французски:

„Графъ. Узнавъ о стѣсненномъ положеніи, въ которомъ находится г. Гоголь, авторъ „Ревизора“ и одинъ изъ нашихъ самыхъ извѣстныхъ современныхъ писателей, нуждающійся въ особомъ содѣйствіи, думаю, что исполню по отношенію къ Вамъ свой долгъ, если извѣщу Васъ объ этомъ и возбужу въ Васъ интересъ къ молодому человѣку. Можетъ быть, Вы найдете возможнымъ доложить о немъ Императору и получить отъ него знакъ его высокой щедрости. Г. Гоголь строитъ всѣ свои надежды, чтобы выйти изъ тяжелаго положенія, въ которое онъ попалъ, на напечатаніи своего сочиненія „Мертвыя души“. Получивъ увѣдомленіе отъ московской цензуры, что оно не можетъ быть разрѣшено къ печати, онъ рѣшилъ послать ее въ Петербургъ. Я не знаю, что ожидаетъ тамъ это сочиненіе, но это сдѣлано по моему совѣту. Въ ожиданіи же исхода Гоголь умираетъ съ голоду и впалъ въ отчаяніе. Я нимало не сомнѣваюсь, что помощь, которая была бы оказана ему со стороны Его Величества, была бы одной изъ наиболѣе цѣнныхъ. Простите, графъ, попытку, которую мнѣ продиктовало мое чувство, почерпаемое въ увѣренности въ вашей просвѣщенной добротѣ и которой я имѣю столько доказательствъ, и позвольте, пользуясь случаемъ, принести Вамъ увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи“ и т. д.

Бенкендорфъ очень быстро исполнилъ просьбу Строганова: уже 2 февраля онъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ надо отмѣтить одну мелочь: называя автора „Ревизора“ „извѣстнымъ писателемъ“, III Отдѣленіе не постѣснялось назвать его „Гогелемъ“... Такъ онъ былъ ему извѣстенъ...

„Попечитель московскаго учебнаго округа генералъ-адъютантъ гр. Строгановъ увѣдомляетъ меня, что извѣстный писатель Гогель находится теперь въ

[1] *Шенрокъ*, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, III, 228. Послѣ смерти Гоголя Булгаринъ сообщилъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, что покойный сатирикъ служилъ въ 1829 году въ III Отдѣленіи... По словамъ Булгарина, близкій къ отчаянію отъ невозможности найти хоть какое-нибудь мѣсто, Гоголь явился къ нему съ похвальнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ воспѣлъ его, какъ русскаго Вальтеръ-Скотта и Адиссона, и просилъ помочь. Тронутый его положеніемъ, Ѳаддей Дубельтовичъ отправился къ Фоку и сейчасъ же устроилъ Гоголю мѣсто, да еще такое удобное, что онъ ходилъ только за полученіемъ жалованья („Сѣверная Пчела“ 1854 г., № 175). При всемъ моемъ стараніи отыскать что-нибудь въ дѣлахъ III Отдѣленія по экспедиціи личнаго состава, не удалось найти ровно ничего—дѣла эти уничтожены даже и за гораздо болѣе поздніе годы... Такимъ образомъ, нѣтъ пока возможности или опровергнуть или принять разсказъ Булгарина, какъ фактъ. Попытка въ этомъ отношеніи г. Энгельгардта („Историческій Вѣстникъ“ 1904 г., № 7) ровно ничего не выяснила, потому что печатные источники не даютъ никакихъ, дѣйствительно, неоспоримыхъ данныхъ.

Москвѣ въ самомъ крайнемъ положенiи, что онъ основалъ всю надежду свою на сочиненiи своемъ подъ названiемъ „Мертвыя души", но оно московскою цензурою неодобрено и теперь находится въ разсмотрѣнiи здѣшней цензуры, и какъ между тѣмъ Гогель не имѣетъ даже дневного пропитанiя и оттого совершенно упалъ духомъ, то графъ Строгановъ проситъ объ исходатайствованiи отъ Монаршихъ щедротъ какого-либо ему пособiя. Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству о таковомъ ходатайствѣ гр. Строганова за Гогеля, который извѣстенъ многими своими сочиненiями, въ особенности комедiей своей „Ревизоръ", я осмѣливаюсь испрашивать Всемилостивѣйшаго Вашего Величества повелѣнiя о выдачѣ въ единовременное пособiе пятьсотъ рублей серебромъ".

Ясно, что, представляя такой докладъ, Бенкендорфъ зналъ, что Николай уже помогалъ Гоголю, потому что иначе, разумѣется, никогда не рискнулъ бы просить за литератора, сочиненiе котораго не разрѣшено установленной правительствомъ цензурой.

Царь написалъ на докладѣ: „согласенъ", и деньги были посланы черезъ нѣсколько дней. [1]

---

9 iюля Бенкендорфъ просилъ Уварова увѣдомить его для доклада государю, была ли имъ разрѣшена статья Хомякова „О сельскихъ условiяхъ", напечатанная въ № 6 „Москвитянина". Къ сему вопросу,—писалъ главноуправляющiй III Отдѣленiемъ,—я побужденъ тѣмъ, что въ настоящее время, когда обнародованiе высочайшаго указа 2 апрѣля о договорахъ помѣщиковъ съ крестьянами произвело повсемѣстное впечатлѣнiе, котораго характеръ не вездѣ еще положительно опредѣленъ, я нахожу, что подобныя статьи, какъ бы онѣ ни были благонамѣренны, не должны быть допускаемы въ печать цензурою безъ предварительнаго просвѣщеннаго разсмотрѣнiя и особаго разрѣшенiя Вашего Высокопревосходительства собственно, тѣмъ болѣе, что онѣ касаются распоряженiй правительства". Уваровъ отвѣтилъ, что хотя статья Хомякова и не была представлена ему до напечатанiя, но онъ находитъ ее вполнѣ благонамѣренной, однако, сдѣлалъ распоряженiе, чтобы ничего не пропускать объ указѣ 12 апрѣля объ обязанныхъ крестьянахъ. [2]

Съ самаго своего возникновенiя III Отдѣленiе очень усиленно наблюдало за цензурою театральныхъ пьесъ, ревностно держась за эту свою привилегiю. Но мало-по-малу странствующiя труппы провинцiальныхъ театровъ, пользуясь вообще архаическимъ безпорядкомъ въ русской полицiи, стали иногда давать пьесы, со-

[1] Дѣло архива III Отдѣленiя, 2 экспедицiи, 1842 года, № 130.
[2] „Русская Старина" 1903 г., № 4, 173—174.

вершенно не прошедшія цензуры или даже запрещенныя ею. Когда это стало, наконецъ, извѣстно III Отдѣленію, Бенкендорфъ адресовался къ министру внутреннихъ дѣлъ, Перовскому, съ просьбой доставить ему списокъ всѣхъ театровъ и всѣ ихъ репертуары и наблюдать, чтобы антрепренеры не смѣли выходить изъ предѣловъ списка дозволенныхъ пьесъ, который будетъ всѣмъ скоро разосланъ.[1]

XXIII.

1843 годъ.

„Послѣднее новоселье“ Лермонтова. Бахвальство Уварова. Предѣлы театральной критики. Гречевская защита Россіи отъ маркиза Кюстина.

Въ январѣ 1843 г. Бенкендорфъ лягнулъ больно его въ свое время ударившаго, а тогда уже умершаго Лермонтова. Въ библіографическомъ отдѣлѣ „Отечественныхъ Записокъ“ было сказано о скоромъ выходѣ въ свѣтъ изданія „Morceaux choisis de la poésie russe“ въ переводѣ г. М. М. и приведенъ переводъ лермонтовскаго „Послѣдняго новоселья“, какъ извѣстно, написаннаго на перенось праха Наполеона съ острова св. Елены въ столицу Франціи. Бенкендорфъ дождался выхода книги и написалъ гр. Уварову, что „изданіе подобной пьесы неприлично и не соотвѣтствуетъ отношеніямъ нашимъ къ иностраннымъ державамъ. Сильныя выходки подлинника противъ Франціи усилены переводчикомъ до неприличной брани. При свободномъ книгопечатаніи во Франціи русское правительство не можетъ оскорбляться частыми непріязненными отзывами французскихъ писателей; но всякія выходки русскихъ сочинителей противъ иностранныхъ державъ разсматриваются цензурою и тѣмъ уже принимаютъ, нѣкоторымъ образомъ, оффиціальный характеръ (!). Кромѣ того, переводы г. М. обличаютъ переводчика въ совершенномъ незнаніи французскаго языка и французскаго стихосложенія,[2] и потому, если г. М. имѣетъ въ виду ознакомить Францію съ нашей отечественной литературой, то не только не достигаетъ предположенной цѣли, но даже наноситъ явный вредъ, искажая извѣстнѣйшихъ нашихъ сочинителей“.[3] Уваровъ сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, а III Отдѣленіе благодарилъ за полезнѣйшее указаніе и защиту интересовъ дорогой ему русской литературы...

---

[1] *Баронъ Н. В. Дризенъ.* „Матеріалы къ исторіи русскаго театра“, 1905 г., 132—133. Интересующихся театральной цензурой отсылаю къ этой книгѣ, въ которой есть кое-что любопытное, заимствованное изъ подлинныхъ архивныхъ дѣлъ.

[2] Переводчикомъ былъ хорошо образованный кн. М. Мещерскій.

[3] „Щукинскій сборникъ“, I, 1902 г., 301.

19 ноября истекло десять лѣтъ уваровскаго министерствованія. Очень довольный плодами своихъ все душившихъ рукъ, честолюбецъ рѣшилъ похвастать достигнутыми славными успѣхами, умолчавъ, разумѣется, о своемъ помощникѣ—III Отдѣленіи. Онъ представилъ Николаю отчетъ за десять лѣтъ, въ которомъ столько любопытнаго, отмѣчено столько заслугъ, по моему мнѣнію, принадлежащихъ, въ сущности, больше Бенкендорфу, чѣмъ Уварову, что я приведу здѣсь нѣсколько выдержекъ.

Вотъ, напримѣръ, ужъ чистый, какъ мы знаемъ, плагіатъ у Бенкендорфа:

„Не исключая даже лицъ крѣпостного состоянія отъ участія въ благотворныхъ плодахъ знаній и просвѣщенія, министерство, однако, считало необходимою обязанностію для себя привести ихъ въ мѣру истинныхъ нуждъ и прямой пользы умственной и нравственной людей этого сословія. Объемъ ихъ обученія ограниченъ одними приходскими и уѣздными училищами. Переходъ изъ низшихъ въ среднія учебныя заведенія, а изъ сихъ въ высшія, вездѣ и для всѣхъ состояній, подчиненъ опредѣлительнымъ правиламъ, всегда соблюдаемымъ въ точности, въ отношеніи же къ людямъ крѣпостного состоянія эта строгость еще болѣе усилена: они не иначе допускаются въ эти заведенія, какъ когда, по волѣ помѣщиковъ, получатъ увольненіе отъ сего состоянія. Согласно съ тѣмъ, и частныя заведенія, въ которыхъ кругъ ученія соотвѣтствуетъ гимназіямъ, сдѣланы недоступны для лицъ крѣпостного состоянія, а въ тѣхъ реальныхъ училищахъ, въ которыя допускаются ученики всѣхъ состояній, кругъ наукъ словесныхъ приведенъ въ соразмѣрность съ приходскими и уѣздными училищами и изъ нихъ исключено все, что не относится прямо и непосредственно къ техническимъ наукамъ“...

О цензурѣ читаемъ:

„Наблюдая десять лѣтъ за труднымъ и сложнымъ дѣломъ цензуры, я старался опредѣлить середину между изъисканною строгостью цензоровъ, могущей нечувствительно сдѣлаться стѣснительною, и легковѣрною ихъ безпечностію, которую не замедлили бы обратить во зло. Въ этотъ промежутокъ времени министерство не избѣгнуло, конечно, всѣхъ нареканій, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ смыслѣ. Между тѣмъ мы видимъ на опытѣ, что по цензурной части не оказалось въ это время никакихъ особенно замѣчательныхъ случаевъ или затруднительныхъ явленій. Обуздавъ единожды твердыми мѣрами врожденную строптивость періодическихъ изданій, наблюдая постоянно за ихъ духомъ и направленіемъ,— министерство рѣдко встрѣчало необходимость подвергать гласному взысканію эту вѣтвь литературной промышленности, которая, *къ сожалѣнію*, болѣе прочихъ дѣйствуетъ на массу читателей. Замѣтить можно, что оказавшіяся въ прежнее время уклоненія періодической литературы отъ правильнаго смысла могутъ быть большею частію приписаны вредному вліянію тогдашнихъ политическихъ идей, извнѣ къ намъ перешедшихъ. *Съ тѣхъ поръ, какъ въ кругу нашихъ писателей возродилась мысль о народности даже въ литературѣ,—большая часть иноземныхъ идей, въ политическомъ смыслѣ, лишилась своей приманки. Мысль объ умственной самостоятельности*

сильно распространилась въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ; и если эта мысль подлежитъ, можетъ быть, нѣкоторому преувеличенію въ умахъ незрѣлыхъ и пристрастныхъ, то по крайней мѣрѣ она изцѣляетъ ихъ, и не безъ успѣха, отъ чрезмѣрнаго предубѣжденія въ пользу другихъ понятій, болѣе опасныхъ и противныхъ существующему порядку въ государствѣ. Это измѣненіе въ направленіи умовъ доказывается даже цифрою *переведенныхъ* и *оригинальныхъ* сочиненій. Число первыхъ уменьшалось по мѣрѣ того, какъ умножалось количество другихъ; и теперь на 757 оригинальныхъ произведеній, переведенныхъ приходится только 36, между тѣмъ какъ въ 1832 году было первыхъ 672, а послѣднихъ 134".

Не менѣе замѣчательно и „заключеніе" доклада, весьма характерное для николаевской эпохи:

„Изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими: изцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпаго, необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и иноземному, распространяя въ юныхъ умахъ радушное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только принаровленіе общаго, всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу, можетъ принесть истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ обнять вѣрнымъ взглядомъ огромное поприще, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностью всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ Имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ, искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи *православія, самодержавія и народности,* — такова была цѣль, къ коей министерство народнаго просвѣщенія приближалось десять лѣтъ; таковъ планъ, коему я слѣдовалъ во всѣхъ моихъ распоряженіяхъ.

„Естественно, что направленіе, данное Вашимъ Величествомъ министерству и его тройственная формула — должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ *либеральныхъ* и *мистическихъ* идей: *либеральныхъ* — ибо министерство, провозглашая *самодержавіе,* заявило твердое намѣреніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому монархическому началу, во всемъ его объемѣ; *мистическихъ потому, что выраженіе — православіе,* — довольно ясно обнаружило стремленіе министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви. Наконецъ и слово *народность* возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство непріязненное за смѣлое утвержденіе, что министерство считало Россію возмужалою и достойною итти не *позади,* а по крайней мѣрѣ *рядомъ* съ прочими европейскими національностями. Еслибъ нужно было еще ближе увѣриться въ справедливости избранныхъ началъ, то это удостовѣреніе можно было бы найти и въ порицаніи ихъ противниками величія Россіи, и въ общемъ, радостномъ сочувствіи, съ коимъ эти завѣтныя слова были приняты въ

отечествѣ всѣми приверженцами существующаго порядка. Въ царствованіе Вашего Величества главная задача по министерству народнаго просвѣщенія состояла въ томъ, чтобы собрать и соединить въ рукахъ правительства всѣ умственныя силы, дотолѣ раздробленныя, всѣ средства общаго и частнаго образованія, оставшіеся безъ уваженія и частію безъ надзора, всѣ элементы, принявшіе направленіе неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитіе умовъ потребностямъ государства, обезпечить, сколько дано человѣческому размышленію, будущее въ настоящемъ. Послѣ десятилѣтняго періода можно безошибочно сказать, что начала, избранныя Вашимъ Величествомъ, и управлявшія безпрерывно, подъ моимъ руководствомъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, выдержали опытъ времени и обстоятельствъ, явили въ себѣ залогъ безопасности, оплотъ порядка и вѣрное врачеваніе случайныхъ недуговъ.

„Представляя Вашему Императорскому Величеству этотъ очеркъ исторіи ввѣреннаго мнѣ министерства въ теченіе десяти лѣтъ, я имѣлъ преимущественно въ виду утвердиться въ мысли, что это десятилѣтіе протекло не безъ замѣтныхъ слѣдовъ, и что усердіемъ лицъ, принадлежащихъ къ министерству, достигнуто нѣсколько результатовъ утѣшительныхъ для всѣхъ и каждаго и оправдывающихъ неусыпное попеченіе Вашего Величества о сей важной вѣтви государственнаго управленія. Сверхъ того, нахожу себя обязаннымъ оставить на будущее время неоспоримое свидѣтельство, что лица, коимъ Ваше Величество поручили, подъ Вашимъ наблюденіемъ, распоряженіе этою частью управленія, руководствовались не слѣпымъ подражаніемъ иноземному, не измѣнчивымъ проявленіемъ той или другой мысли, еще менѣе прихотливою оцѣнкою случайныхъ событій; но раціонально, твердо и неотступно покоряясь во всѣхъ движеніяхъ кореннымъ началамъ, стремились ежедневно ближе и ближе къ цѣли, систематически опредѣленной.

„Въ заключеніе всеподданнѣйше осмѣливаюсь съ умиленіемъ выразить предъ Вашимъ Величествомъ, что я считаю себя, въ полномъ значеніи слова, счастливымъ, что удостоился быть, въ продолженіе 10-ти лѣтъ, орудіемъ Вашихъ высокихъ видовъ, исполненіе коихъ не могло бы имѣть успѣха, еслибъ безпрерывное вниманіе Вашего Императорскаго Величества, Вашъ опытный взглядъ, Ваше драгоцѣнное, никогда не измѣняемое довѣріе не осѣняли меня и министерство на каждомъ шагу и во всѣхъ оборотахъ служебной дѣятельности“. [1]

Въ ноябрѣ право разрѣшенія театральныхъ рецензій было передано министру императорскаго двора, которому всѣ рецензіи направлялись черезъ III Отдѣленіе. Поэтому Бенкендорфъ не оставлялъ его своими совѣтами и указаніями. Довольно интересно его письмо о статьѣ „Сѣверной Пчелы“ по поводу пьесы „Бояринъ Ѳедоръ Васильевичъ Басенокъ“. „Его Величество находитъ, что, хотя статья эта,—писалъ Бенкендорфъ,—и писана благонамѣренно, тѣмъ не менѣе обнаружи-

[1] „Десятилѣтіе мин. нар. просвѣщенія, 1833—1843“. Спб., 1864. Секретно.

ваетъ, что правительство, во времена великаго князя Василія Васильевича Темнаго, само прибѣгало къ средствамъ ослѣпленія и, такимъ образомъ, давало нѣкоторый поводъ дѣйствовать наоборотъ съ толикимъ же варварствомъ Шемякѣ въ отношеніи великаго князя Василія. Его Величество Высочайше мнѣ повелѣть соизволилъ доложить Вашей Свѣтлости, что вообще разборъ театральныхъ пьесъ долженъ относиться къ похвалѣ или *умѣренному осужденію* сочиненія и игры артистовъ, а не къ исторіи, которую г. критикъ, *безъ всякой нужды*, присоединилъ къ предмету, который изъ сферы чисто театральной выходить не долженъ".

Въ заключеніе шефъ жандармовъ спрашивалъ Волконскаго, не находитъ ли тотъ полезнымъ, чтобъ и онъ принялъ надлежащія мѣры къ „удержанію театральной критики въ должныхъ и ей приличныхъ размѣрахъ". Зная, что все равно не отвязаться отъ Бенкендорфа, жившаго въ мірѣ театральныхъ интригъ, министръ двора выразилъ согласіе на предложенную помощь. [1]

Въ началѣ 1843 года въ Парижѣ вышла книга маркиза де-Кюстина— „La Russie en 1839", въ которой авторъ, аристократъ, консерваторъ и убѣжденный ультрамонтанъ, описалъ Россію, какою она представилась ему во время пребыванія въ ней въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1839 года. Маркизъ отправлялся въ Россію, чтобы искать тамъ аргументовъ противъ представительнаго правленія, а возвратился во Францію сторонникомъ конституціи... Едва ли какая нибудь другая книга о Россіи, выпущенная при Николаѣ I въ Европѣ, такъ нашумѣла и такъ разсердила русскаго царя и его придворныхъ. Кюстинъ говоритъ очень спокойно, съ вѣской аргументаціей и потому возражать ему очень нелегко. Я не буду останавливаться на передачѣ здѣсь всего содержанія его книги, а приведу лишь нѣсколько штриховъ, заимствуя ихъ изъ статьи г. Тарле. [2]

Съ первыхъ же дней, проведенныхъ въ Петербургѣ, Кюстинъ понялъ, что „русское правительство—это... осадное положеніе, сдѣлавшееся нормальнымъ состояніемъ общества". „Русскій образъ правленія есть абсолютная монархія, умѣряемая убійствомъ". Все подавлено, боязливо жмется, все мрачно, все молчаливо, все слѣпо повинуется невидимой палкѣ. „Тупая и желѣзная казарменная дисциплина сковала всѣхъ и все". „Я какъ бы вижу тѣнь смерти, рѣющею надъ этой частью свѣта". „Когда я, думая объ этихъ фактахъ (о ссылкѣ возмущавшихся крестьянъ въ Сибирь цѣлыми деревнями—*М. Л.*) и о массѣ другихъ жестокостей, болѣе или менѣе тайныхъ, ежедневно происходящихъ въ глубинѣ этой колоссальной имперіи, гдѣ разстоянія одинаково благопріятствуютъ возмущенію и репрессіи, то я начинаю ненавидѣть страну, правительство, все населеніе, неопредѣлимое тягостное чувство меня охватываетъ и я думаю только о томъ, какъ

[1] *В. Н. Дризенъ*, н. с., 141.

[2] „Самодержавіе Николая I-го и французское общественное мнѣніе", „Былое", 1906 г., №№ 9 и 10.

бы бѣжать“... И послѣ этого Николай I еще заявилъ Кюстину: „Деспотизмъ еще существуетъ въ Россіи, ибо онъ составляетъ сущность моего правленія, но онъ согласенъ съ геніемъ націи“... „Мысль о томъ, что могъ бы сдѣлать русскій народъ, если бы онъ былъ свободенъ, доводитъ до отчаянія гнѣвъ, который я чувствую, видя, что этотъ народъ дѣлаетъ теперь“... Когда маркизъ узналъ объ отношеніи Николая I къ дѣтямъ декабристовъ, онъ составилъ себѣ о немъ уже окончательное мнѣніе. „Нѣтъ болѣе колебаній, нѣтъ болѣе неизвѣстности, для меня судъ надъ императоромъ Николаемъ состоялся наконецъ. Это—человѣкъ характера и воли, и это нужно, чтобы сдѣлаться тюремщикомъ трети земного шара, но нѣтъ у него великодушія, это мнѣ слишкомъ доказываетъ употребленіе, которое онъ дѣлаетъ изъ своей власти“...

Чтобы знать, какъ отнеслась къ книгѣ Кюстина передовая часть общества, послушаемъ, что сказалъ о ней Герценъ. „Безъ сомнѣнія, это самая занимательная и умная книга, писанная о Россіи иностранцемъ. Есть ошибки, много поверхностнаго, но есть истинный талантъ путешественника, наблюдателя, глубокій взглядъ, умѣющій ловить на лету, умѣющій по нѣсколькимъ образчикамъ догадаться о массѣ. Всего лучше онъ схватилъ искусственность, поражающую на всякомъ шагу, и хвастовство тѣми элементами европейской жизни, которые только и есть у насъ для показа. Есть выраженія поразительной вѣрности: „un empire de façades... la Russie est policée non civilisée“ и др.; онъ глубоко подловилъ характеръ общества, описывая иронію и грусть его, подавленность и своеволіе, онъ оцѣнилъ національный характеръ, — это большое достоинство... Тягостно вліяніе этой книги на русскаго, голова склоняется на грудь и руки опускаются; и тягостно оттого, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного мѣста, и миришься съ нимъ за многое и болѣе всего за любовь къ народу“. [1]

Разумѣется, такъ могъ отнестись къ книгѣ только самый небольшой кружокъ. Громадная часть имѣвшихъ возможность узнать о ней негодовала, не говоря уже о Николаѣ, который, прочитавъ, бросилъ ее на полъ и сказалъ: „Моя вина, зачѣмъ я говорилъ съ этимъ негодяемъ!..“ И, что любопытно, негодовали не за ложь, которой не видѣли, а за правду, высказанную такъ просто иностранцемъ. Жуковскій говорилъ, что „нападать надобно не на книгу, ибо въ ней много правды, но на Кюстина“... Тютчевъ, написавшій по поводу книги отдѣльную брошюру, въ которой рѣзко отзывался о Кюстинѣ, не могъ, однако, не признать, что защищать Россію могутъ только люди, которые „въ избыткѣ усердія въ состояніи поспѣшно поднять свой зонтикъ, чтобы предохранить отъ дневного зноя вершину Монблана“...

Конечно, правительство смотрѣло на вопросъ иначе и озаботилось выпустить массу самыхъ разнообразныхъ опроверженій. Уже Яковъ Толстой написалъ два: одно подъ псевдонимомъ Яковлева—„La Russie en 1839, revée

[1] „Сочиненія“, изд. Павленкова, VI, 88—89.

par Mr de Custine, ou Lettres sur cet ouvrage, écrites de Francfort“, другое за своей подписью:—„Lettre d'un Russe à un journaliste français sur les diatribes de la presse anti-russe“.

Онъ первый въ серединѣ іюня извѣстилъ Дубельта о выходѣ книги. Ему предоставлено было отвѣчать все, что онъ самъ признаетъ нужнымъ.

Затѣмъ старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ К. К. Лабенскій выпустилъ книгу:—„Un mot sur l'ouvrage de M. de Custine, intitulé„ La Russie en 1839“, изданную въ Парижѣ дважды по-французски, въ Берлинѣ по-нѣмецки и въ Лондонѣ по-англійски. [1]

Приложилъ свою руку къ защитѣ Россіи и Николай Ивановичъ Гречъ, славный сподвижникъ Булгарина. Объ этомъ эпизодѣ я и хочу разсказать подробно, пользуясь очень интереснымъ „дѣломъ“. [2]

31 іюля Гречъ пишетъ изъ Гейдельберга Дубельту:

„Милостивый Государь Леонтій Васильевичъ!

„Вы позволили мнѣ писать къ вамъ о томъ, что я найду за границею любопытнаго и достойнаго вниманія. Пользуюсь симъ позволеніемъ, чтобы сообщить Вамъ нѣкоторыя мои наблюденія и мысли.

„Во время пребыванія моего здѣсь, въ Германіи, въ разныхъ странахъ ея, въ Гамбургѣ, Кобленцѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ и, наконецъ, въ Гейдельбергѣ, замѣтилъ я, что всѣ люди благонамѣренные, разсудительные, истинно образованные имѣютъ о Россіи и о ея Правительствѣ самое здравое и благое понятіе; [3] всѣ они чтутъ и уважаютъ нашего Государя. Иногда смущаются они и приходятъ въ недоумѣніе отъ статей, разсѣеваемыхъ въ газетахъ людьми злобными и неблагонамѣренными и когда станешь ихъ увѣрять, что все это неправда и ложь, они спрашиваютъ: почему же вы этого не опровергаете? Я отвѣчаю имъ сущую правду, что у насъ слишкомъ презираютъ подобные толки. Но, признаюсь, больно, что мы позволяемъ клеветать на себя такимъ образомъ. Посылаю при семъ листокъ здѣшней газеты со статьею о Россіи, которая напечатана была впервые въ Кельнской газетѣ, а потомъ перешла черезъ многія здѣшнія изданія. [4] Мнѣ кажется, не худо было бы возразить на нее. Если и вы того же мнѣнія, то потрудитесь сообщить мнѣ, были ли приняты какія-либо мѣры противъ русскихъ, пребывающихъ за границею, или все это напечатано безъ основанія. Я самъ того мнѣнія, что многихъ нашихъ милыхъ земляковъ не худо было бы держать дома, но не знаю, сдѣлано ли что-либо по сему предмету.

„При семъ случаѣ не худо было бы растолковать нѣмцамъ и прочимъ существо дѣла князя Д., котораго они считаютъ мученикомъ правды. Мнѣ кажется надлежало бы объяснить имъ, что онъ нарушилъ законы своего отечества, которые

[1] Г. Тарле не упоминаетъ объ этихъ книгахъ.
[2] Дѣло архива III Отдѣленія I экспедиціи, 1843 года, № 162.
[3] Не то было во Франціи и Англіи.
[4] Приложена вырѣзка изъ „Heidelberger journal“ 1843 г., № 217.

всякій подданный обязанъ наблюдать гдѣ бы онъ ни былъ, и особенно уличенъ въ лживыхъ поступкахъ, что онъ за это подвергался суду, а слѣдствіемъ суда, на основаніи Дворянской Грамоты, было бы лишеніе его дворянскаго достоинства и что слѣдственно, повелѣніе жить ему въ извѣстномъ губернскомъ городѣ есть милость, которую онъ можетъ заслужить впослѣдствіи, общеполезными трудами и удостоиться Всемилостивѣйшаго прощенія. Разумѣется, что либералы найдутъ это объясненіе оскорбительнымъ для чести князя Д., который уже безъ того наказанъ; но можно ли щадить частное лицо, и при томъ виновное, тамъ, гдѣ идетъ дѣло о чести государства и государя?[1] Правительство не должно входить ни въ какія объясненія и оправданія, но для чего не дозволитъ оно частному человѣку исполненіе сей обязанности? Самыя благія намѣренія и подвиги нашего Правительства подвергаются здѣсь кривымъ толкамъ и злонамѣреннымъ замѣчаніямъ въ газетахъ. Сочинители и распространители ихъ суть, большею частью, жиды некрещеные и крещеные, которые завладѣли нѣмецкими журналами. Они злятся на Россію преимущественно за то, что таможня на сухопутной границѣ Пруссіи не пропускаетъ ихъ контрабанды. Я удостовѣрился, что это главная причина злобы и ненависти къ Россіи.

„Изъ книгъ о Россіи, вышедшихъ въ новѣйшее время, самая гнусная есть твореніе подлеца маркиза де Кюстина. Достойно замѣчанія, что во Франціи она не произвела почти никакого впечатлѣнія, во-первыхъ, потому, что Кюстинъ по нравственности и поведенію своему навлекъ на себя общее презрѣніе, [2] а во-вторыхъ по той причинѣ, что во множествѣ ежедневно новыхъ книгъ все теряется въ Парижѣ. Рѣдкая книга проживетъ тамъ три недѣли: все тонетъ въ пучинѣ забвенія. Но здѣсь, въ Германіи, эту книгу жуютъ и пережевываютъ, твердя: зачѣмъ вы ее не опровергаете? Ваше Превосходительство! заставьте за себя вѣчно Бога молить! испросите мнѣ позволеніе разобрать эту книгу: я напишу разборъ ея какъ можно основательнѣе и хладнокровнѣе: безъ труда и безъ малѣйшей натяжки докажу я, что всѣ приводимые Кюстинымъ факты и дѣла суть сущая ложь, и тогда падутъ всѣ толки и выводы его, основанные на несправедливыхъ началахъ. Разборъ этотъ напишу я по-русски и отправлю къ Вамъ на разсмотрѣніе, а между тѣмъ переведу его на нѣмецкій языкъ и по полученіи соизволенія свыше, напечатаю въ „Allgemeine Zeitung" съ подписью моего имени, а потомъ издамъ въ Парижѣ по-французски, особою брошюрою. Воля ваша, это будетъ полезно и раскроетъ глаза многимъ людямъ, которыхъ вводили въ заблужденіе лжецы и клеветники. Возраженія сіи должны быть написаны безъ брани, безъ шутокъ, серіозно, строго, съ выраженіемъ негодованія, но не досады и гнѣва. Ради Бога, разрѣшите, не посрамлю земли Русскія! что не станетъ въ умѣ и талантѣ, то достанетъ пламенная моя любовь къ Государю и отечеству!

[1] Рѣчь идетъ о высылкѣ князя Долгорукаго въ Вятку. О немъ см. особую статью.

[2] Все это вздоръ. А. И. Тургеневъ категорически указывалъ: „Книга читается всей Европой" („Остафьевскій архивъ", IV, 256).

Н. И. Гречъ.

(«Русскій Художественный Листокъ» В. Тимма).

„Поручая себя и всѣхъ своихъ, собственно сына и намѣстника моего съ ульемъ „Сѣверной Пчелы“ благосклонному Вашему вниманію и покровительству, имѣю честь пребыть съ душевнымъ высокопочитаніемъ и истинною преданностью Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою *Николай Гречъ*.

За отъѣздомъ Бенкендорфа Дубельтъ представилъ это письмо Николаю I и отвѣчалъ Гречу, что „трудъ его будетъ хорошо принятъ и чтобы прислалъ въ III Отдѣленіе рукопись для предварительнаго разсмотрѣнія“.

Но Гречъ, не получивъ еще отвѣта на первое свое письмо, 6 августа строчитъ уже второе:

„Милостивый Государь Леонтій Васильевичъ!

„Въ ожиданіи благосклоннаго Вашего отвѣта на запросъ мой, можно ли написать замѣчанія на книгу Кюстина, я занялся этимъ дѣломъ. Угодно — кончу, не угодно — доволенъ буду тѣмъ, что желалъ по крайнему моему разумѣнію быть полезнымъ.

„Между тѣмъ, если мнѣ дозволено будетъ отвѣчать, то потрудитесь удостоить меня отвѣтомъ и разрѣшеніемъ въ слѣдующихъ предметахъ:

„1. Точно ли княгиня Трубецкая, жена сосланнаго на каторгу, дважды просила о позволеніи воспитывать дѣтей ея внѣ Сибири? *гдѣ* назначено мѣсто поселенія Трубецкого по окончаніи срока каторги? и, наконецъ, вообще, что послѣдовало по этому дѣлу? Если приводимое Кюстинымъ справедливо, то въ отказѣ государя я вижу только желаніе быть справедливымъ равно ко всѣмъ: давъ облегченіе Трубецкому и его дѣтямъ, онъ считалъ бы справедливымъ сдѣлать то же и для всѣхъ прочихъ (въ томъ числѣ и для людей, менѣе Трубецкого виновныхъ), а этого по причинамъ государственнымъ сдѣлать нельзя. Такъ ли я понялъ это дѣло? Благоволите разрѣшить.

„2. Кто таковъ французъ Перне (Pernet) и за что онъ былъ высланъ въ 1839 году за границу?

„3. Точно ли строится новый дворецъ въ Кремлѣ, по вкусу и въ стилѣ новой архитектуры и точно ли вошла въ его составъ церковь Спаса на бору?

„Я могу написать статью мою и безъ этихъ свѣдѣній, но лучше было бы имѣть отвѣтъ и на сіи пункты. Желалось бы, чтобы статья была безъ задоринки.

„Итакъ, почтеннѣйшій Леонтій Васильевичъ! если послѣдовало разрѣшеніе мнѣ писать, то потрудитесь разрѣшить и эти пункты.

„Съ истиннымъ душевнымъ почтеніемъ и неизмѣнною преданностью Вашъ всепокорнѣйшій *Н. Гречъ*“.

Работа кипѣла... 24 августа Гречъ пишетъ Дубельту:

„Милостивый Государь Леонтій Васильевичъ!

„Не дожидаясь отвѣта Вашего на письмо мое отъ 31 іюля, я принялся за разборъ книги Кюстина, кончилъ его и при семъ препровождаю. Одобрите — переведу на нѣмецкій языкъ и напечатаю въ журналѣ „Europe“, издаваемомъ въ Карлсруэ и распространенномъ во всей Европѣ. Не одобрите: и тутъ этотъ трудъ не пропадетъ: Вы найдете въ немъ свидѣтельство искренняго моего желанія быть

и на чужбинѣ, по мѣрѣ силъ, полезнымъ моему Государю и Отечеству. Повторяю искренне мое убѣжденіе, что мы *должны* опровергать взводимыя на насъ лжи и клеветы, и это очень нетрудно. Правительство этого дѣлать не должно, а можетъ поручить частному человѣку. Всѣ русскіе, которыхъ я здѣсь видѣлъ, С. А. Кокошкинъ, Ф. П. Лубановскій, князь Илья Андр. Долгоруковъ, П. Я. Убри, того мнѣнія, что опроверженіе этихъ книгъ и журнальныхъ статей было бы очень полезно. Всѣ убѣждали меня писать; я отвѣчалъ, что не считаю себя въ правѣ печатать что-либо въ семъ родѣ безъ формальнаго соизволенія Правительства. И въ случаѣ дозволенія буду посылать свои статьи на цензуру въ Петербургъ: съ искреннимъ усердіемъ и дѣйствительною благонамѣренностью, могу я, находясь на чужбинѣ, не угадать желаній и намѣреній Правительства и написать не то, что должно или, по крайней мѣрѣ, не такъ, какъ должно. Рѣшите!

„Касательно препровождаемой у сего статьи считаю долгомъ сказать, что если бы я писалъ для Россіи, то написалъ бы не такъ. Въ Германіи принужденъ я былъ взять нѣкоторыя вольности, которыя у насъ неумѣстны, а здѣсь произведетъ свое дѣйствіе, какъ я думаю. Мѣсто, отмѣченное на стр. 5 и 6 можно исключить: оно не прямо идетъ къ дѣлу и сверхъ того можетъ быть непріятно извѣстнымъ особамъ, бывшимъ въ родствѣ съ барономъ Унгеръ-Штернбергомъ. И все остальное предоставляю совершенно на благоусмотрѣніе Ваше. Все будетъ сдѣлано въ точности, какъ прикажутъ и укажутъ.

„Съ душевнымъ высокопочтеніемъ и искреннею преданностью имѣю честь пребыть Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою *Николай Гречъ*“.

22 сентября Дубельтъ отвѣчалъ Гречу:

„Милостивый Государь,

„Я читалъ графу Александру Христофоровичу статью Вашу, составленную въ справедливомъ негодованіи на клеветника Россіи. Его Сіятельство, найдя оную вполнѣ достойною и соотвѣтствующею своей цѣли, изволилъ сдѣлать въ ней слѣдующія замѣчанія:

„(Шли незначительныя замѣчанія, которыя я опускаю—*М. Л.*).

„Съ этими замѣчаніями переписанный экземпляръ статьи Вашей, представленъ графомъ Александромъ Христофоровичемъ Его Величеству.

„Графъ Александръ Христофоровичъ поручилъ мнѣ передать Вашему Превосходительству за составленіе сей статьи искреннюю признательность и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить: перевести возвращаемую при семъ рукопись на нѣмецкій языкъ для напечатанія въ одной изъ газетъ по усмотрѣнію Вашему,—и при напечатаніи не оставить измѣнить по отмѣткамъ Его Сіятельства.

„Все сказанное о баронѣ Унгеръ-Штернбергѣ уничтожить.

„На 25 стр., строкѣ 35 слова: „какой-нибудь подлецъ“ уничтожить, и

„Сверхъ помѣщенія статьи сей въ газетѣ, отпечатать особыми брошюрами на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ для распространенія за-границею сколь возможно въ большемъ числѣ экземпляровъ“.

Какъ разъ въ день отправленія этого письма было получено отъ Греча

предложеніе писать противъ католицизма въ Россіи и вообще создать подъ его еще наблюденіемъ, разумѣется хорошо оплачиваемымъ, кадръ писателей въ защиту Россіи...

Дубельтъ отвѣчалъ 25 сентября:

Милостивый Государь Николай Ивановичъ!

„Письмо Вашего Превосходительства отъ 11 сентября я имѣлъ честь докладывать графу А. Х. Бенкендорфу. Его Сіятельство, вполнѣ одобряя намѣреніе ваше продолжать опроверженіе книгъ и статей противъ Россіи, печатаемыхъ заграницею, изволилъ отозваться, что было бы весьма хорошо, еслибы и другіе литераторы, не по вліянію нашего правительства, а сами по себѣ слѣдили бы за подобными статьями и опровергали оныя. Пріискивать же такихъ писателей и имѣть ихъ подъ своимъ вліяніемъ неприлично достоинству нашего правительства, которое не менѣе того всегда съ благодарностію обратитъ вниманіе на писателей, трудящихся по собственной волѣ на пользу онаго, но не можетъ и не должно вмѣшиваться въ это дѣло, дабы не показать, что правительство имѣетъ надобность въ защитникахъ. Избравъ такихъ агентовъ, какъ въ Парижѣ Толстой и въ Германіи баронъ Швейцеръ, оно сдѣлало все, что можно было сдѣлать. Впрочемъ, если Ваше Превосходительство будете продолжать Ваши опроверженія противъ статей, исполненныхъ клеветъ на счетъ Россіи, то вы всегда будете имѣть право на признательность нашего правительства. Что же касается до предположенія Вашего помѣстить поясненіе о Тр. [1] и о Перне внизу, въ примѣчаніи, съ отмѣткою, что поясненія сіи получены вами по окончаніи статьи изъ вѣрныхъ рукъ, то Его Сіятельство изъявилъ на это свое согласіе“.

Очевидно, правительство считало, что незачѣмъ содержать за плату много агентовъ-литераторовъ, потому что, кромѣ расходовъ, будетъ еще и другое неудобство: они тогда не могутъ быть неизвѣстны, а въ такомъ случаѣ всѣ ихъ писанія не будутъ достигать цѣли.

Выписанные въ Россію экземпляры книги Кюстина приказано было всѣмъ книгопродавцамъ вернуть обратно за-границу.

8 октября Гречъ пишетъ Дубельту изъ Парижа:

„Милостивый Государь Леонтій Васильевичъ!

„Вы не повѣрите, какъ письмо ваше отъ 22 сентября меня ободрило и обрадовало! Итакъ, я успѣлъ усерднымъ трудомъ своимъ угодить нашему почтенному Графу! Итакъ, можетъ быть, усердіе мое будетъ пріятно Государю, нашему Отцу и Благодѣтелю! Я вполнѣ достигъ моей цѣли. Получивъ отъ васъ рукопись и сдѣлавъ въ ней указанныя мнѣ перемѣны и поправки, я въ тотъ же день отправилъ ее въ Карлсруэ къ г. Коцебу [2] для перевода на нѣмецкій языкъ. Я предполагалъ было повезти моихъ дѣтей въ Италію, но теперь останусь здѣсь, чтобъ исполнить приказаніе графа, т.-е. перевести статью на французскій языкъ,

[1] Княгиня Трубецкая.

[2] Старшій секретарь нашего посольства при Баденскомъ дворѣ.

напечатать ее и распространить здѣсь. Въ Германіи желалось бы мнѣ напечатать ее въ Аугсбургской „Allgemeine Zeitung“, которой расходится до 12,000 экземпляровъ, но, по нерасположенію негодяевъ-издателей къ Россіи, не могу сдѣлать сего иначе, какъ заплативъ за напечатаніе. Позволите ли вы сдѣлать эту издержку на счетъ казны? И еще: Коцебу переводитъ даромъ и охотно, но для перевода на французскій языкъ долженъ я нанять человѣка. Сверхъ того, напечатаніе этой статьи особыми брошюрами на нѣмецкомъ и на французскомъ языкахъ станетъ въ копѣйку. Я охотно сдѣлалъ бы все это на мой счетъ, еслибъ былъ въ состояніи, но вамъ извѣстно, я думаю, какія потери потерпѣлъ я въ началѣ нынѣшняго года. Сверхъ того, несмотря на то, что я работаю здѣсь для правительства во всѣхъ отношеніяхъ, обязанъ я платить за паспорты для меня и моего семейства по 1400 рублей асс. въ годъ, изъ коихъ половину уже съ меня взыскали при отъѣздѣ. По всѣмъ симъ причинамъ нахожусь я въ необходимости просить васъ о разрѣшеніи произвести вышеисчисленныя издержки на счетъ казны. Я постараюсь издержать какъ можно менѣе и во всемъ отдамъ подробный отчетъ.

„У меня есть еще другой замыселъ. Здѣсь нашелъ я очень хорошаго человѣка, Ипполита Оже (Auger), который съ 1814 до 1817 года былъ юнкеромъ въ Измайловскомъ полку, но оставилъ службу, видя невозможность содержать себя прилично по полученіи офицерскаго чина въ гвардіи. Онъ успѣшно занимается здѣсь литературою, особенно драматическою, но помнитъ и сердечно любитъ Россію. Прочитавъ книгу Кюстина, онъ весною порывался ѣхать въ Россію, чтобъ тамъ на мѣстѣ изобличить подлеца. Мы затѣваемъ съ нимъ написать водевиль: „Voyage en Russie“ и выставить Кюстина на посмѣяніе всему Парижу. Содержатель театра de la Porte St.-Martin берется дать эту піесу, но и тутъ нужно будетъ подмазать: Парижъ хуже нашего нижняго земскаго суда, безъ денегъ ничего не сдѣлаешь. Помогите, а я радъ стараться, и маркиза выставить предъ всѣмъ свѣтомъ какъ онъ того стоитъ. Я замышляю съ Оже составить италіанскую оперу изъ Русской исторіи и дать привезенныя мною сюда русскія мелодіи Доницетти для сочиненія музыки на русскіе мотивы. Я увѣренъ, что это произведетъ большое впечатлѣніе и очень выгодное.

„Какъ бы я желалъ быть агентомъ нашимъ и движетелемъ общаго мнѣнія въ Германіи и во Франціи въ нашу пользу! Право, почтеннѣйшій Леонтій Васильевичъ, этимъ пренебрегать не должно. Разумѣется, самому правительству не должно унижаться до отвѣтовъ, и дипломатамъ неприлично входить въ споры. Частный же человѣкъ можетъ смѣло вступаться за своихъ и опровергать лжи. Славно было бы, еслибъ за всякою ложью и клеветою немедленно слѣдовало сильное и рѣзкое опроверженіе. Въ разсужденіи русской литературы я достигъ въ Германіи этой цѣли. Двѣ брошюрки, напечатанныя мною въ опроверженіе выдумокъ и клеветъ Мельгунова и Кенига, достигли своей цѣли: никто теперь не смѣетъ рта разинуть о нашей словесности, и подлые корреспонденты, присылавшіе въ Германію всякій вздоръ изъ Москвы и Петербурга, нынѣ умолкли. Поду-

майте о моемъ мнѣніи: можетъ быть, оно ошибочно, но истекаетъ прямо изъ сердца и убѣжденія". [1]

Аппетитъ Греча, какъ видимъ, былъ очень великъ. Достаточно было сочувствія къ предложенію объ опроверженіи Кюстина, чтобы въ практической головѣ Николая Ивановича уже сложился обширный планъ, чтобы прожить за границей въ свое и своей семьи удовольствіе, не тратя собственныхъ денегъ... Разсчеты его, однако, потерпѣли фіаско... Онъ не понялъ, что правительство Николая I было деспотическимъ до конца: оно ждало отъ своихъ подданныхъ подлыхъ услугъ совершенно безплатно, зная, что кому нужно выслужиться, тотъ и такъ выслужится. Исключенія дѣлались, мы ихъ видѣли и еще увидимъ, но не такъ часто и, какъ мы уже замѣтили, платилось не очень-то таровато. Дадутъ 2.000—3.000 рублей ассигнаціями, а подлости надо совершить столько, что на всю жизнь себя замараешь...

Вотъ что́ отвѣчалъ Дубельтъ Гречу 29 октября:

„Исправно получилъ я письма Ваши отъ 8 и 16 октября, мой почтенный Николай Ивановичъ, и читалъ ихъ графу Александру Христофоровичу. Его Сіятельство совершенно одобряетъ желаніе Ваше напечатать статью о Кюстинѣ въ „Allgemeine Zeitung", чтитъ въ полной мѣрѣ Вашу благонамѣренность, но за всѣмъ тѣмъ не изъявляетъ согласія, чтобы Правительство дѣлало по сему предмету какую-либо издержку. Не соглашается, какъ потому, что писатели иностранные не требуютъ денежныхъ вспомоществованій отъ своихъ правительствъ, такъ еще болѣе по той причинѣ, что нѣкоторымъ образомъ подкупать журналы для помѣщенія въ оныхъ намъ угодныхъ статей не было бы согласно съ достоинствомъ и всегдашнимъ благородствомъ нашего Правительства. [2]

„Что же касается до брошюры на французскомъ языкѣ, то графъ отозвался въ томъ же смыслѣ и полагаетъ, что можно ее печатать только въ такомъ случаѣ, ежели отъ продажи экземпляровъ возвратятся употребленныя издержки.

„Когда же дѣло дошло до предполагаемаго Вами водевиля: „Voyage en Russie, то графъ сказалъ: ну, это совершенно зависитъ отъ Николая Ивановича,—пусть дѣлаетъ, какъ ему угодно".

[1] Рѣчь идетъ о книгѣ Греча: „H. Königs Literarische Bilder aus Russland in ihrem wahren Lichte dargestellt", изданной имъ въ Берлинѣ въ 1840 году, въ отвѣтъ на книгу Кенига „Literarische Bilder aus Russland" (1837), въ которой при помощи Мельгунова авторъ очень недурно впервые познакомилъ Европу съ русской литературой, указавъ на Булгарина, Греча и Сенковскаго, какъ на паразитовъ, питающихся на счетъ реакціоннаго русскаго правительства. Интересующихся этою книгою отсылаю ко II тому „Очерковъ по исторіи новой рус. литературы" Кирпичникова.

[2] Разумѣется, все это была лишь отговорка. III Отдѣленіе хорошо знало, какъ щедро платили за границей, и само подкупало нѣсколько наиболѣе вліятельныхъ газетъ, въ которыхъ и помѣщались опроверженія его агентовъ въ родѣ Толстого и Швейцера; но органы, названные Гречемъ, не были въ ихъ числѣ. Назвать же ихъ Гречу, чтобы онъ обратился именно туда, куда слѣдовало, III Отдѣленіе не считало возможнымъ, уже и такъ раскаиваясь въ сдѣланной ошибкѣ, когда оно назвало Гречу Толстого и Швейцера,—секретъ былъ выданъ съ какой-то непонятной болтливостью.

„Искренно желаю Вамъ всякаго успѣха, мой добрый, почтенный Николай Ивановичъ, и дружески обнимаю Васъ *Л. Дубельтъ*“.

Не получивъ еще только что приведеннаго письма, Гречъ (4 ноября) обратился къ Дубельту съ просьбой поддержать Оже, желающаго написать водевиль, покупкой для Россіи 250 экземпляровъ по 10 франковъ, и прислалъ предисловіе Оже къ будущей его пьесѣ. Бенкендорфъ доложилъ эту просьбу государю и получилъ приказаніе удовлетворить ее немедленно.

Черезъ три дня въ III Отдѣленіи была получена „защита“ Греча — „Ueber das Werk: „La Russie en 1839“ par le marquis de Custine, aus dem Russischen übersetzt von W. v. Kotzebue“ von N. Gretsch, Paris, Heidelberg, 1844, а спустя нѣкоторое время пришло и французское изданіе: „Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine, intitulé „La Russie en 1839“. Trad. du russe par A. Kouznetzoff. Paris. 1844; затѣмъ было дослано еще брюссельское изданіе.

9 ноября Дубельтъ писалъ Гречу:

„Еще никогда не начиналъ я письма съ такимъ удовольствіемъ, какъ сегодня, мой добрый, почтенный Николай Ивановичъ. Графъ А. Х. Бенкендорфъ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ имѣлъ случай вручить Государю Императору какъ письма ваши, такъ и опроверженіе на книгу Кюстина, равно и avant-propos г-на Оже. Государь все читалъ и всѣмъ былъ доволенъ. Графъ Александръ Христофоровичъ радуется, что труды Ваши такъ оцѣниваются, и приказалъ мнѣ просить васъ, чтобъ по отпечатаніи книги „Voyage en Russie“ par M. Oger вы прислали ко мнѣ 250 экземпляровъ, а деньги за оные 2500 фр. я вручу сего дня же барону Штиглицу для пересылки къ вамъ въ Парижъ.

„Вы не повѣрите, мой почтенный Николай Ивановичъ, какъ я всегда доволенъ, когда могу дать Вамъ отвѣтъ удовлетворительный. Душевно преданный *Л. Дубельтъ*“.

Но вдругъ налетѣлъ шквалъ...

18 ноября Дубельтъ пишетъ Гречу:

„Милостивый Государь Николай Ивановичъ!

Въ № 321-мъ Франкфуртскаго журнала, вырѣзка изъ коего при семъ прилагается, графъ Ал. Х. Бенкендорфъ съ удивленіемъ прочелъ статью о томъ, что Вашему Превосходительству поручено составить опроверженіе на сочиненіе маркиза Кюстина, и что вы уже приступили къ этому труду; что матеріалы для онаго вы получаете изъ офиціальнаго источника; что составленное вами опроверженіе передано будетъ г. Коцебу для перевода на нѣмецкій языкъ, и что впослѣдствіи оно издано будетъ и по-французски.

„Таковыя подробности Его Сіятельство не можетъ приписать ничему иному, какъ неосторожной нескромности Вашего Превосходительства и по этому судитъ, какъ мало онъ можетъ имѣть къ Вамъ довѣренности и до чего доводитъ самолюбіе и хвастливость лицъ, которыя по своему быту въ обществѣ обязаны были бы всѣ свои поступки окружать приличною осторожностью.

„Исполняя симъ волю Его Сіятельства, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Превосходительства покорнымъ слугою *Л. Дубельтъ.*

„Это слова графа. Но я, съ его дозволенія, писалъ въ томъ же смыслѣ, но въ выраженіяхъ смягченныхъ“...

Письмо это еще путешествовало въ курьерскихъ сумкахъ, какъ Гречъ 13 ноября снова предлагаетъ Дубельту свои услуги по систематическому опроверженію заграничныхъ статей и книгъ. 25 ноября Дубельтъ отвѣчаетъ ему:

„Я докладывалъ графу письмо ваше отъ 13 ноября, мой почтенный Николай Ивановичъ, и приложенную при ономъ статью изъ журнала „La Démocratie pacifique“. Графъ поручилъ мнѣ предоставить совершенно на вашу волю опровергать эту клевету или оставить оную безъ вниманія. Онъ признаетъ статью эту столь глупою, что для опроверженія оной нѣтъ надобности доставлять къ вамъ матеріаловъ, и полагаетъ, что было бы даже унизительно правительству входить въ состязаніе съ людьми, позволяющими себѣ писать подобныя нелѣпости. Путешественники и живущіе въ Россіи иностранцы видятъ, какъ католическіе храмы процвѣтаютъ не только въ провинціи, но даже и въ самыхъ столицахъ, и эти безмолвные факты сами собою доказываютъ всю гнусность писателей подобныхъ статей. Впрочемъ, повторяю, ежели вамъ угодно написать нѣсколько строкъ противъ упомянутой статьи, то графъ совершенно предоставляетъ это вашему благоусмотрѣнію.

„Потомъ нашъ Ѳ. В. Булгаринъ передалъ мнѣ письмо ваше, мой почтенный Николай Ивановичъ, и графъ вотъ какъ отозвался: „я ни объ чемъ не просилъ Николая Ивановича, онъ самъ предложилъ опровергать Кюстина и на это я только изъявилъ мое согласіе,—слѣдовательно, онъ долженъ былъ въ началѣ разсчитать какъ расходы, такъ и выручку, и, какъ человѣкъ умный, по своей опытности видѣть, что будетъ въ результатѣ: + или —. Не менѣе того и тутъ согласился бы я возвратить ему издержки, если бы не читалъ во всѣхъ газетахъ всѣ подробности предложеннаго не правительствомъ ему, а имъ правительству дѣла. Послѣ такой нескромности, когда онъ далъ поводъ журналистамъ предполагать и печатать, что правительство ему поручило дѣлать упомянутое опроверженіе, тогда какъ таковаго порученія никогда ему даваемо не было, а напротивъ, онъ самъ предложилъ написать и напечатать это опроверженіе,—пусть дѣлаетъ какъ хочетъ и какъ знаетъ и со мною прекратитъ всякую по этому предмету переписку“.

„Передавая вамъ слова графа, я прошу принять увѣреніе въ моемъ отличномъ къ вамъ уваженіи и неизмѣнной преданности. *Л. Дубельтъ*“.

Все еще не получа грозной отповѣди отъ 18 ноября, Гречъ обращается къ Дубельту съ просьбой выслать ему денегъ, такъ какъ отъ продажи изданія своей книги онъ выручитъ что-нибудь не скоро.

Затѣмъ черезъ день онъ проситъ наградить Коцебу камеръ-юнкерскимъ званіемъ за его услуги по переводу книги.

Но вотъ получено, наконецъ, письмо съ разрывомъ дипломатическихъ сношеній... Гречъ отвѣчаетъ жалкимъ лепетомъ, въ которомъ ничего, кромѣ словъ, нѣтъ. Ясно, что опубликованіе секрета не произошло бы, еслибы ради честолюбія онъ не болталъ лишняго...

Однако, Дубельтъ отвѣчалъ 19 декабря:

„Графъ поручилъ мнѣ доложить вамъ, мой почтенный Николай Ивановичъ, что ему весьма пріятно было чтеніе письма вашего отъ 6 декабря и что ему жаль было бы думать, что такой умный, добрый, просвѣщенный и благонамѣренный человѣкъ могъ сдѣлать такую неосторожность; что же касается до предыдущаго письма вашего о камеръ-юнкерствѣ, то Его Сіятельство употребитъ всевозможныя средства, чтобы удовлетворить Вашему справедливому желанію“.

Дѣйствительно, Бенкендорфъ просилъ министра иностранныхъ дѣлъ наградить старательнаго Коцебу. Николай приказалъ выдать ему годовой окладъ жалованья.

Въ январѣ 1844 года въ Петербургъ пріѣхалъ Оже, видѣлся нѣсколько разъ съ Бенкендорфомъ и Дубельтомъ, но потомъ вдругъ ихъ отношенія порвались. По крайней мѣрѣ, на одной изъ его записокъ есть резолюція рукою Дубельта: „графъ приказалъ никакого дѣла съ нимъ не имѣть...“

Дубельтъ увѣдомилъ Греча о наградѣ Коцебу. Николай Ивановичъ только этого и ждалъ, чтобы 29 марта 1844 г. написать слѣдующее:

„Милостивый Государь Леонтій Васильевичъ!

„Получивъ благосклонное увѣдомленіе Вашего Превосходительства о наградѣ, пожалованной г. Коцебу, долгомъ поставляю изъявить вамъ душевную мою благодарность за вниманіе, оказанное къ моему представленію. Я видѣлся съ г. Коцебу и нашелъ, что онъ, какъ человѣкъ семейный, очень доволенъ денежною наградою и другой не желалъ и не надѣялся.

„Изъ вниманія, оказаннаго переводчику моей книжки, заключаю, что и сочинитель ея когда-нибудь обратитъ на себя вниманіе своими усердными и посильными трудами, и въ сей сладостной надеждѣ, питающей меня уже нѣсколько лѣтъ пріятными цвѣтами, предвѣстниками плодовъ, честь имѣю пребыть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностью Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга *Н. Гречъ*“.

Изъ дѣла не видно, дождался ли Гречъ плодовъ болѣе существенныхъ, чѣмъ цвѣты, на которыхъ возлежали издатели „Сѣверной Пчелы“, спасенные III Отдѣленіемъ отъ всякой конкуренціи...

XXIV

1844 годъ.

„Негры“. „Продѣлки на Кавказѣ“. Книга Волкова о Россіи. Смерть Бенкендорфа и назначеніе гр. Орлова. „Тяжба“ Гоголя. Планъ Делакроа.

Крѣпостное право, этотъ самый проклятый вопросъ николаевской Россіи, всегда волновало лучшую часть русскаго общества. Несмотря на массу всевозможныхъ дозорныхъ, печать то тутъ, то тамъ высказывалась иногда о рабствѣ вообще и этимъ понемногу подготовляла общественное мнѣніе.

Въ 1844 году „Московскія Вѣдомости“ помѣстили статью „Освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ“, явно, разумѣется, направленную по опредѣленному адресу.

Адресаты поняли продѣлку хитраго редактора. Начальникъ московскаго округа корпуса жандармовъ, генералъ Перфильевъ (смѣнившій Лесовскаго), писалъ 17 апрѣля главноуправляющему III Отдѣленіемъ:

„Въ №№ 42, 43, 44 и 45 „Московскихъ Вѣдомостей“ помѣщена статья: „Освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ“. Предметъ и въ особенности изложеніе онаго обратило вниманіе публики. Пошли толки; иные того мнѣнія, что статья сія напечатана съ цѣлью Правительства и слова означенныя курсивомъ: „что намъ за дѣло до деспотизма и жестокости африканскихъ князьковъ, до несовершенствъ породы негровъ и возможнаго благосостоянія ея въ неволѣ. Не для *нихъ* или для *негровъ*, но для самихъ европейцевъ—*понимаете?*—для бѣлой породы требуемъ мы уничтоженія обычая, который не менѣе развращаетъ господъ, какъ и невольниковъ; для собственной своей чести и для спокойствія совѣсти своей усиливаются европейцы положить конецъ безнравственному господству человѣка надъ подобнымъ ему созданіемъ, для пользы цивилизаціи желаютъ они очистить законы отъ этого гнуснаго остатка варварства“—слова эти относятъ собственно къ нашему порядку вещей, какъ бы возвѣщая необходимость измѣненія онаго—это мало—иные такого еще мнѣнія, что эта фраза нарочно вставлена съ разрѣшенія и одобренія Правительства. Послѣдующія разсужденія приводятъ къ другимъ заключеніямъ, какъ на примѣръ: „Мы утверждаемъ, вмѣстѣ со всѣми достойными публицистами, вмѣстѣ съ государственными мужами и философами всѣхъ странъ, что хотя невольничество—какое бы ни было его происхожденіе, свойство и давность—можетъ быть законно тамъ, гдѣ законъ допускаетъ его; однакожъ тѣмъ не менѣе оно насильственно, противуестественно и потому составляетъ бытъ не только исключительный, но и существенно переходный, который самъ по себѣ несправедливъ, который не можетъ

долго держаться, и неизбѣжно долженъ быть измѣненъ, какъ скоро это можно сдѣлать, не нарушая правилъ благоразумія. Мы убѣждены, что въ настоящее время невольничество можетъ быть отмѣнено, безъ нарушенія этихъ правилъ, и его должно отмѣнить, потому что свобода невольниковъ не противна существеннымъ условіямъ нынѣшняго общественнаго порядка, покорности законамъ, безопасности гражданъ, уваженію собственности и т. д.“. [1]

„Фразы этѣ, какъ будто имѣютъ цѣлію—возбудить тѣхъ до кого онѣ относятся къ преждевременному достиженію новаго порядка. Газета сія доступна всѣмъ. Недальновидные, непросвѣщенные, малодушные помѣщики сами своими разсужденіями укажутъ интересъ этой статьи и возбудятъ любопытство окружающихъ, т.-е. Дворецкій, Камердинеръ, сельскій причетъ церковный все это примется читать—немудрено, что не доброжелательство воспользуется симъ и превратнымъ истолкованіемъ и вредными внушеніями можетъ произвести волненіе въ умахъ того состоянія людей, которые болѣе, или менѣе увлекаются сею мыслію и желаютъ измѣненія существующаго порядка. „Если объ этомъ напечатано, такъ видно что Правительство этаго хочетъ, но незнаетъ какъ приняться, а Вамъ въ ротъ кладутъ“. Вотъ такого роду могутъ возродиться разглашенія; такъ по крайней мѣрѣ разсуждаютъ нѣкоторые; другіе противъ этаго говорятъ; „что предусмотрительность сихъ простирается слишкомъ уже далеко и что если эта статья и произведетъ какое вліяніе, то совершенно частное“, однако за всѣмъ симъ соглашаются съ общимъ мнѣніемъ, что лучше, еслибы подобныя статьи не появлялись въ такой общей газетѣ, какова московская.

,,Почитаю обязанностію доложить, что въ самой Москвѣ люди лучшаго общества, не давъ себѣ труда прочесть со вниманіемъ и размыслить, берутъ отдѣльно фразу и даютъ ей толкъ совершенно несоотвѣтственный, предосуждая неблаговидныя мѣры Правительства. Мнѣ лично удалось нѣкоторыхъ убѣдить въ ошибкѣ разумѣнія и устыдить въ легкомысліи, съ которымъ толкуютъ о такомъ серьезномъ предметѣ въ полной увѣренности, что неблагонамѣренность здѣсь не имѣла мѣста. Во всякомъ случаѣ статья сія неумѣстна—это мнѣніе общее“. [2]

Толки въ Москвѣ были, дѣйствительно, настолько сильны, что генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ имѣлъ даже совѣщаніе съ попечителемъ учебнаго округа, гр. Строгановымъ, и, конечно, узналъ, что правительство никакого вліянія на помѣщеніе этой статьи не имѣло. Тогда Голицынъ отъ себя просилъ III Отдѣленіе сдѣлать выговоръ цензору и тѣмъ показать, что правительство въ сторонѣ. Замѣщавшій больного Бенкендорфа графъ Орловъ отнесся къ Уварову. Приведя почти полностью рапортъ Перфильева, онъ просилъ министра просвѣщенія дать цензорамъ для такихъ случаевъ ,,самое правильное направленіе и поставить имъ въ обязанность избѣгать такихъ статей, которыя могутъ быть примѣняемы вообще къ крѣпостному быту людей, дабы осторожнымъ выборомъ подобныхъ

[1] Обѣ эти цитаты изъ № 43 провѣрены мною по подлинной статьѣ.
[2] Орѳографія умышленно сохранена.

разсужденій могли быть прекращены неосновательные толки и то неправильное мнѣніе, что само правительство съ намѣреніемъ допускаетъ такія статьи къ напечатанію".

Уваровъ благодарилъ за содѣйствіе по надзору за порядкомъ въ литературѣ и сообщалъ, что сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія. [1]

Въ началѣ мая въ Петербургѣ вышла книжка Хамаръ-Дабанова—„Продѣлки на Кавказѣ", въ которой авторъ очень мѣтко и съ фактами въ рукахъ открывалъ грѣшки мѣстной администраціи, не называя, конечно, никого по именамъ. Это стало извѣстно Дубельту, и вотъ онъ проситъ Уварова распорядиться объ отобраніи всѣхъ книгъ изъ типографіи и магазиновъ и о запрещеніи журналамъ отзываться о появленіи книжки. Кромѣ того, былъ вытребованъ изъ Москвы цензоръ, профессоръ Крыловъ, пропустившій тамъ эту книжку. Въ видѣ особой милости, по ходатайству Строганова и Уварова, ему разрѣшено было прибыть въ Петербургъ не подъ присмотромъ жандармскаго унтеръ-офицера.

Разсказъ самого цензора въ передачѣ Пирогова такъ характеренъ, что я и приведу его.

Прежде всего Крыловъ явился къ Дубельту и уже съ нимъ отправился къ графу Орлову.

„Время было сырое, холодное, мрачное. Проѣзжая по Исаакіевской площади, мимо монумента Петра Великаго, Дубельтъ, закутанный въ шинель и, прижавшись къ углу коляски, какъ будто про себя, говоритъ:

— Вотъ бы кого надо было высѣчь, это Петра Великаго, за его глупую выходку: Петербургъ построить на болотѣ.

„Крыловъ слушаетъ и думаетъ про себя: „понимаю, понимаю, любезный, не надуешь нашего брата, ничего не отвѣчу". И еще разъ пробовалъ Дубельтъ по дорогѣ возобновить разговоръ, но Крыловъ оставался нѣмъ, яко рыба. Пріѣзжаютъ, наконецъ, къ Орлову. Пріемъ очень любезный. Дубельтъ, повертѣвшись нѣсколько, оставляетъ Крылова съ глазу на глазъ съ Орловымъ.

— Извините, г. Крыловъ,—говоритъ шефъ жандармовъ,—что мы васъ побезпокоили почти понапрасну. Садитесь, сдѣлайте одолженіе, поговоримъ.

— А я,—повѣствовалъ намъ Крыловъ,—стою ни живъ, ни мертвъ и думаю себѣ: что тутъ дѣлать: не сѣсть—нельзя, коли приглашаетъ, а сядь у шефа жандармовъ, такъ, пожалуй, еще и высѣченъ будешь. Наконецъ, дѣлать нечего. Орловъ снова приглашаетъ и указываетъ на стоящее возлѣ него кресло. Вотъ я потихоньку и осторожно сажусь себѣ на самый краешекъ кресла. Вся душа ушла въ пятки. Вотъ,-вотъ, такъ и жду, что у меня подъ сидѣньемъ подушка опустится и—извѣстно что...И Орловъ, вѣрно, замѣтилъ, слегка улыбается и увѣряетъ, что я могу быть совершенно спокоенъ, что въ цензурномъ промахѣ

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 5 экспедиціи 1844 года, № 6.

виноватъ не я. Что ужъ онъ мнѣ тамъ говорилъ, я отъ страха и трепета забылъ. Слава Богу, однакоже, дѣло тѣмъ и кончилось. [1]

Если принять во вниманіе профессорское званіе Крылова, бывшаго къ тому же деканомъ, то разсказъ этотъ, несомнѣнно, прекрасно иллюстрируетъ тотъ ужасъ, какой наводило на цензоровъ III Отдѣленіе, терроризировавшее ихъ до полнаго иногда отупѣнія.

По высочайшему повелѣнію, Крыловъ былъ отставленъ отъ должности цензора и арестованъ при университетѣ на 8 сутокъ. Что же касается автора „Продѣлокъ", то когда стало извѣстно, что это Лачинова, приказано было обращать особенное вниманіе на поступающія отъ нея въ цензуру рукописи.

Какой-то Волковъ написалъ книгу „La Russie et ses ressources" и пожелалъ напечатать ее въ России. III Отдѣленіе было противъ этого, но не хотѣло, однако, проститься съ возможностью увеличить число благонамѣренныхъ сочиненій... Это тонкое дѣло было рѣшено Дубельтомъ.

Вотъ что онъ писалъ Уварову 13 іюня: „Разсмотрѣвъ доставленное Вашимъ Высокопревосходительствомъ при отношеніи за № 745 сочиненіе „La Russie et ses ressources", я нахожу оное чрезвычайно благонамѣреннымъ и что надъ этимъ сочиненіемъ трудился человѣкъ, просвѣщенный, желающій добра России и основательно знающій исторію и настоящее положеніе оной; но раздѣляя мнѣніе цензурнаго комитета о важности всѣхъ приведенныхъ политическихъ и государственныхъ вопросовъ, какъ равно и о безпрерывныхъ указаніяхъ г. Волкова на маркиза Кюстина и другихъ писателей, я полагаю, что эти указанія заставляютъ всякаго читателя обращаться къ источнику, и такимъ образомъ книги запрещенныя получатъ большую извѣстность и содѣлаются нѣкоторымъ образомъ мнимо запрещенными. Не менѣе того, г. Волкову не должно запрещать печать этого благонамѣреннаго сочиненія за границей, ежели онъ приметъ совѣтъ не издавать онаго отъ имени русскаго подданнаго.

„Таковое мнѣніе мое я представлялъ на благоусмотрѣніе г. ген.-ад. гр. Орлова и его сіятельство, раздѣляя оное, приказалъ мнѣ донести о семъ В. Высокопревосходительству" [2]

---

30 іюля гр. Орловъ сообщилъ главнокомандующему надъ почтовымъ департаментомъ, Адлербергу, что, по высочайшему повелѣнію, берлинская нѣмецкая газета Фосса „воспрещена наистрожайше для России" и приказано принять мѣры, чтобы она „совершенно исключена была изъ числа терпимыхъ въ государствѣ". Чѣмъ вызвана эта мѣра—такъ изъ дѣла и не видно. [3]

---

[1] *Н. И. Пироговъ*, „Посмертныя записки", „Рус. Стар"., 1885 г., V, 260—261.

[2] Цензурныя дѣла etc, № 1, т. II, стр. 409—411.

[3] Дѣло архива III Отдѣленія 5 экспедиціи, 1844 г., № 13.

Въ апрѣлѣ Бенкендорфъ, по настоянію врачей, отправился на заграничныя минеральныя воды. Къ осени здоровье его какъ будто улучшилось, и онъ уже возвращался черезъ Ревель въ столицу, но 11 сентября, находясь на пароходѣ „Геркулесъ", совершенно неожиданно умеръ. Извѣстіе это быстро разнеслось по Россіи и нельзя сказать, чтобы огорчило ее... Тотъ же бар. Корфъ, который подтверждалъ „популярность" Бенкендорфа въ 1837 г., говоритъ, что „нѣсколько самоуправныхъ дѣйствій, въ которыя Бенкендорфъ былъ вовлеченъ своими подчиненными и которыми онъ компрометировалъ отчасти самого государя", были причиной угасшей популярности и даже постепеннаго охлажденія царя, перешедшаго почти въ равнодушіе, прикрытое, впрочемъ, до конца внѣшними формами прежней пріязни. [1] Этому послѣднему нельзя не повѣрить, потому что просматривавшій записки Корфа Александръ II оставилъ это мѣсто безъ всякихъ поправокъ... Правда, государь пожаловалъ Бенкендорфу, передъ поѣздкой его за границу, 500,000 руб. сереб.; правда, что пастору, служившему послѣдній церковный обрядъ надъ прахомъ приснопамятнаго человѣка, приказано было „упомянуть, въ нагробномъ словѣ, какимъ роковымъ считаетъ для себя государь 1844 годъ, унесшій у него дочь и друга"... Говорятъ даже, что бронзовый бюстъ Бенкендорфа поставленъ былъ въ ногахъ кровати государя, но все это не измѣняетъ, конечно, цѣннаго свидѣтельства бар. Корфа.

Николай не долго думалъ передъ назначеніемъ Бенкендорфу преемника. Находившійся при немъ, съ 1837 года, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ уже успѣлъ стать при государѣ едва-ли не самымъ близкимъ человѣкомъ. Почвой для сближенія послужила его самоотверженная помощь Николаю въ памятный день 14 декабря 1825 года. Тогда Орловъ, командовавшій л.-гв. Коннымъ полкомъ, первый привелъ къ присягѣ своихъ солдатъ, а затѣмъ ходилъ въ нѣсколько атакъ на возмутившіяся части... Близкое родство съ декабристомъ Михаиломъ Орловымъ (они были родные братья) не только не помѣшало Орлову, но даже оттѣнило твердость его „патріотическихъ" убѣжденій.

17 сентября Орловъ назначенъ былъ главноуправляющимъ III Отдѣленіемъ, шефомъ жандармовъ и командующимъ главной квартирой; эти же должности онъ исполнялъ послѣдніе мѣсяцы жизни Бенкендорфа.

Есть основанія утверждать, что Орловъ не хотѣлъ ихъ принять, будучи порядочнымъ лѣнтяемъ, но государь настоялъ на своемъ. [2]

Довѣріе царя къ гр. Орлову было безпредѣльно. По словамъ княгини Меттернихъ, Николай I обращался съ нимъ, какъ съ братомъ. [3] Бар. Корфъ записалъ уже въ 1839 году: „Графъ Орловъ есть нынче едва ли не ближайшій къ государю человѣкъ, и если государь не цѣнитъ свыше мѣры достоинство его въ государственномъ отношеніи, то, по крайней мѣрѣ, видитъ въ немъ истинно пре-

[1] „Рус. Стар"., 1899 г., XII, 483.

[2] „Русскій Архивъ", 1889 г., VII, 398.

[3] *С. Татищевъ*, н. с., 73.

даннаго себѣ, русскаго душою, благороднаго, добраго и столь благонамѣреннаго, сколько любезнаго и пріятнаго въ общественной жизни человѣка. Проходитъ рѣдкій день, чтобы Орловъ не видѣлъ государя, т.-е. не обѣдалъ или не проводилъ съ нимъ вечера, и между тѣмъ въ этихъ близкихъ, можно сказать, сердечныхъ отношеніяхъ онъ едва ли кому дѣлалъ зло, не упуская никакого случая дѣлать добро". [1]

Изъ намековъ заслуживающаго полнаго довѣрія Дена можно судить, что Орловъ не былъ искренно преданъ государю, называвшему его иногда „братъ Алексѣй". Честолюбіе и страсть къ деньгамъ— вотъ что побуждало его служить Николаю..." [2]

Какъ вѣрный глазъ, Орловъ присутствовалъ на лекціяхъ преподавателей наслѣднику Александру Николаевичу. Не слабый при дворѣ, канцлеръ гр. Нессельроде, не разъ прибѣгалъ, однако, къ помощи Орлова, о дипломатическихъ способностяхъ котораго царь былъ очень высокаго мнѣнія,—чтобы убѣдить государя послушаться своихъ совѣтовъ. Въ Орловѣ заискивали, его расположеніемъ дорожили. Отсюда надменность и высокомѣріе, такъ отличавшія этого николаевскаго тѣлохранителя отъ массы другихъ баловней фортуны.

Очень много цѣнныхъ замѣчаній о гр. Орловѣ находимъ въ запискахъ дипломатическаго представителя Баваріи въ Россіи, гр. де-Брэ, пробывшаго у насъ, съ небольшими перерывами, въ теченіе тридцати лѣтъ (1833—62 гг.). При посредствѣ массы агентовъ тайной полиціи, живущихъ въ Россіи и за-границей, говоритъ онъ,—„Орлову извѣстны самыя сокровенныя тайны отдѣльныхъ лицъ и семействъ, и ему приходится, на основаніи доставляемыхъ ими свѣдѣній, исполнять весьма нелегкія и щекотливыя порученія, которыя, смотря по обстоятельствамъ, могутъ угрожать нѣкоторымъ лицамъ бѣдствіемъ или предохранить ихъ отъ таковыхъ". „Вступленіе въ эту должность Орлова возбудило во многихъ, не оправдавшіяся, впрочемъ, современемъ опасенія". „Императоръ называетъ Орлова своимъ другомъ, относится къ нему, какъ къ таковому, и сообщаетъ ему самыя сокровенныя свои намѣренія, коихъ графъ является вмѣстѣ съ тѣмъ исполнителемъ. Хотя Орловъ дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ съ большою ловкостью, и ему сопутствуетъ всегда удача, но все же онъ скорѣе хорошій исполнитель, нежели совѣтникъ, и, какъ исполнитель, оказалъ своему монарху самыя важныя услуги". „Къ отличительнымъ свойствамъ его характера принадлежитъ лѣнь, которая заставляетъ его избѣгать важныхъ порученій, а не искать ихъ. Орловъ любитъ держаться въ сторонѣ и появляется только тамъ, гдѣ его присутствіе необходимо. Какъ человѣкъ тактичный, онъ рѣдко пользуется своей привилегіей говорить съ императоромъ свободно и откровенно, прибѣгая къ этому только въ случаѣ настоятельной необходимости; но когда осторожность того требуетъ, онъ умѣетъ жертвовать откровенностью требованіямъ своего положенія или того дѣла, которому онъ служитъ". [3]

[1] „Изъ дневника барона М. А. Корфа", „Русская Старина", 1904 г., II, 279.

[2] *В. И. Денъ.* „Записки", „Русская Старина", 1890 г.. VII, 134.

[3] „Императоръ Николай I и его сподвижники", „Рус. Стар.", 1902 г., I, 127—128.

Пушкинъ зналъ Орлова и посвятилъ ему,

„Питомцу пламенной Беллоны,
У трона вѣрному гражданину“,

особое стихотворенiе („А. Ѳ. Орлову“), датированное 1819-мъ годомъ, т.-е. когда графу было уже 32 года. Тамъ есть одно мѣсто, рисующее Орлова съ симпатичной стороны, а именно:

„О ты, который, съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верхомъ
Преподаешь царей науку,
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача! [1]

Гречъ называетъ Орлова „добрымъ, умнымъ, но безпечнымъ“, и, кажется, правъ.

Умирая, Бенкендорфъ завѣщалъ государю „всѣхъ своихъ сослуживцевъ и потому составъ III Отдѣленiя не былъ измѣненъ. Дубельтъ, конечно, остался на своемъ мѣстѣ: лѣнь Орлова гарантировала ему твердость служебнаго положенiя. Но есть указанiя на недовѣрiе къ нему новаго начальника. Оказывается, что по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ негласнымъ сотрудникомъ Орлова явился М. И. Позенъ; что „всеподданнѣйшiе доклады по важнѣйшимъ дѣламъ, имѣвшимъ государственное значенiе, составлялись послѣднимъ, такъ сказать, инкогнито и подносились государю отъ графа Орлова, какъ его собственные“. [2]

Какъ видно будетъ дальше, характеръ III Отдѣленiя, въ качествѣ цензурной инстанцiи, съ назначенiемъ Орлова не перемѣнился. И если личность самого главнаго начальника не такъ „популярна“ въ данное время, какъ его предшественника, то только потому, что къ литературѣ сталъ ближе Дубельтъ. Орловъ, потерявшiй всѣ слѣды „просвѣщеннаго ума“, положительно игнорировалъ ея существованiе и совершенно ничего не читалъ. Если при Бенкендорфѣ значительную часть его „писемъ“, „отношенiй“ и „указанiй“ составляли Фокъ, Мордвиновъ и Дубельтъ, а начальникъ подписывалъ ихъ, не читая, то при Орловѣ это стало правиломъ почти безъ исключенiй. Имя его прикрывало всегда перо Дубельта, иногда какого-нибудь другого чиновника III Отдѣленiя, штатъ котораго, кстати, былъ значительно увеличенъ.

---

[1] „Сочиненiя“, I, 336.

[2] М. М. Поповъ говоритъ, что Орловъ былъ очень гордъ съ подчиненными, крутъ, твердъ, вспыльчивъ и горячъ.

Очень интересны обстоятельства, сопровождавшія разрѣшеніе „Тяжбы“ Гоголя для сцены.

Осенью извѣстный актеръ М. С. Щепкинъ, пользуясь любезностью Дубельта, раздѣлявшаго, вмѣстѣ съ другими высокопоставленными лицами, мнѣніе о громадномъ талантѣ гастролировавшаго въ Петербургѣ московскаго комика, рѣшилъ обратиться къ своему поклоннику съ просьбой разрѣшить ему для бенефиса „Тяжбу“, до тѣхъ поръ на сцену не допускавшуюся. Генералъ принялъ Щепкина необычайно любезно, съ первыхъ же словъ успокоилъ его, обѣщая сдѣлать все возможное, и потребовалъ пьесу для прочтенія, такъ какъ совсѣмъ не зналъ ея, хотя она года три уже была напечатана... Щепкинъ оставилъ Дубельту свой экземпляръ и на другой день явился за отвѣтомъ. Возвращая ему книгу съ своими помѣтками, Дубельтъ сказалъ: „Играйте, но смотрите, чтобы зачоркнутое не произносилось на сценѣ. Я самъ буду въ театрѣ“. [1] Изъ зачеркнутыхъ Дубельтомъ словъ приведу лишь нѣкоторыя: „засидѣвшаяся въ дѣвкахъ“, „отецъ воръ“, „подлецъ“, „на карачкахъ“, „пьянъ, какъ стелька“, „одинъ Богъ, какъ говорятъ, не сегодня, такъ завтра властенъ“ etc, etc...

Объ инспираторскихъ пріемахъ Бенкендорфа я уже говорилъ. При Орловѣ они практиковались рѣже, что объясняется, съ одной стороны, указанной уже его апатичностью къ литературѣ вообще, съ другой—умомъ Дубельта, понимавшаго, какую цѣну вообще можетъ имѣть заказываемая николаевскимъ правительствомъ литература. Изъ имѣющихся въ этой области фактовъ приведу одинъ, довольно характерный для разрѣшенія возникшаго въ 1844 году вопроса объ учрежденіи русской журналистики за границей.

Служащій правителемъ канцеляріи курляндскаго губернатора, Делакроа, задумалъ быть редакторомъ журнала „Россія“ въ Германіи. Цѣль изданія—помѣщеніе выписокъ изъ русскихъ органовъ и опроверженій на заграничныя статьи о Россіи. Орловъ, совершенно не будучи знакомъ съ организаціей журнальнаго дѣла, обратился по этому поводу къ Уварову. Послѣдній отвѣчалъ, что „нельзя не отдать полной справедливости похвальнымъ намѣреніямъ Делакроа, но дѣйствительно принесть пользу можетъ это предпріятіе тогда только, когда будетъ имѣть успѣхъ несомнѣнный; въ противномъ случаѣ, кажется, благовиднѣе не приступать къ тому, особливо при участіи самого правительства, которое не можетъ остаться совершенно незамѣченнымъ. При нынѣшнемъ расположеніи умовъ въ чужихъ краяхъ въ отношеніи къ Россіи должно, однако, усомниться, чтобы г. Делакроа успѣлъ преодолѣть всѣ трудности, которыя его предпріятіе встрѣтитъ неизбѣжно въ непріязни и ослѣпленіи противъ Россіи... При томъ г. Делакроа не указалъ ни на одно имя, которое пользовалось бы авторитетомъ въ литературномъ мірѣ, и котораго участіе ручалось бы за успѣхъ въ литературномъ мірѣ, и котораго уча-

[1] *В. Вульфертъ*, „Тяжба“ Гоголя подъ цензурою Дубельта „Русскій Архивъ“, 1887 г., № 5.

Князь А. Ѳ. Орловъ.

(«Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ»).

стіе ручалось бы за успѣхъ предполагаемаго изданія. Въ заключеніе—писалъ Уваровъ—предоставляю собственному благоусмотрѣнію вашему рѣшить: въ какой мѣрѣ благовидно правительству содѣйствовать изданію, въ чужихъ краяхъ, журнала, назначеннаго исключительно на защиту Россіи отъ несправедливыхъ извѣстій о ней, а самъ ограничусь повтореніемъ мысли моей, что гораздо лучше вовсе не приступать къ подобному дѣлу, чѣмъ подвергаться всѣмъ невыгодамъ неудачнаго предпріятія". [1]

Орловъ отказалъ Делакроа. Потомъ мы имѣли нѣсколько оффиціозовъ въ Бельгіи и Франціи, но это было уже за предѣлами интересующей насъ эпохи.

XXV.

1845—1847 годы.

Пособія Полевому. „Колыбельная пѣсня". „Турусы на колесахъ". „Исторія Николая I". Подачки Гоголю. Украинское тайное общество. Книга эмигранта Тургенева.

Послѣ смерти князя Александра Николаевича Голицына, пользовавшагося расположеніемъ Николая I, въ бумагахъ его найдена была записка, скрѣпленная его собственноручною подписью, изъ которой увидѣли, что онъ намѣренъ былъ въ послѣдніе дни своей жизни, въ Крыму, въ ожиданіи туда государя, ходатайствовать передъ нимъ о ежегодномъ денежномъ пособіи Полевому „въ уваженіе трудовъ его на поприщѣ русской литературы". Главный начальникъ надъ почтовымъ департаментомъ, В. Ф. Адлербергъ, доложилъ объ этомъ государю и 10 февраля 1844 года получилъ приказаніе снестись по этому дѣлу съ графомъ Орловымъ, который уже и долженъ былъ сдѣлать докладъ съ выраженіемъ своего мнѣнія. При этомъ Адлербергъ привелъ на справку, что въ 1832 году литератору С. Н. Глинкѣ было назначено пособіе въ 3000 руб. ассигнаціями, а послѣ смерти его—женѣ и дочери, до смерти послѣдней изъ нихъ. Близкій къ Голицыну камергеръ Г. С. Поповъ въ особой запискѣ, приложенной къ письму Адлерберга къ Орлову, пояснилъ, что Голицынъ познакомился съ Полевымъ въ 1842 году, узналъ его и такъ полюбилъ и оцѣнилъ, „что не одинъ разъ въ недѣлю призывалъ его къ себѣ для чтеній и съ жадностью внималъ, особенно первымъ страницамъ, огненнымъ перомъ написаннымъ пространной исторіи великаго Петра". Кромѣ записки Попова, была приложена еще и записка со свѣдѣніями о Полевомъ, собранными издателемъ „Сказаній русскаго народа" Сахаровымъ. Послѣдній со-

[1] „Русская Старина", 1903 г., № 4, 181—182.

общалъ вкратцѣ біографію Николая Алексѣевича, его литературныя заслуги и семейное положеніе и прибавлялъ, что Полевой страдаетъ водянкой въ груди.

Орловъ, посовѣтовавшись съ Дубельтомъ, рѣшилъ помочь Полевому и приказалъ составить объ этомъ всеподданнѣйшую записку, которую и привожу.[1]

„Литераторъ Полевой въ 1829 году подвергся выговору за сочиненіе и напечатаніе въ издаваемомъ имъ тогда московскомъ журналѣ „Телеграфъ" статьи: о новомъ начальникѣ, которая произвела много пустыхъ толковъ и примѣненій. Въ мартѣ 1834 г. Полевой былъ вызванъ, по Высочайшему повелѣнію, въ С.-Петербургъ для отобранія отъ него объясненія, въ какомъ смыслѣ сказано было имъ въ началѣ библіографической статьи о трагедіи „Рука Всевышняго отечество спасла", что сія трагедія опечалила рецензента и проч. По представленіи на сіе объясненія, изъ коего видно, что Полевой относилъ означенныя слова къ литературному достоинству трагедіи, онъ тотчасъ же возвращенъ былъ въ Москву и вслѣдъ за тѣмъ, въ апрѣлѣ 1834 года министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: прекратить дальнѣйшее изданіе журнала „Московскій Телеграфъ".

„Кромѣ сего не было случаевъ, которые клонились бы не въ пользу г. Полевого; напротивъ, онъ какъ прежде, такъ и впослѣдствіи неоднократно обращалъ на себя Монаршее вниманіе полезными его литературными сочиненіями, коими онъ доказалъ вѣрноподданническую преданность и любовь къ Всеавгустѣйшему дому и отечеству. Особенно замѣчательны слѣдующія его сочиненія краткія исторіи: Россіи, Суворова и Петра Великаго, а также драматургическія его піесы: „Дѣдушка русскаго флота", „Иголкинъ", „Костромскіе лѣса", Параша Сибирячка", „Русскій человѣкъ добро помнитъ", „Русскій морякъ", „Ломоносовъ", „Елена Глинская", „Ермакъ". За труды по званію члена Мануфактурнаго совѣта по московскому отдѣленію Полевой награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени, а за литературныя избранъ корреспондентомъ Академіи Наукъ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

„Теперь Полевой на склонѣ лѣтъ и, будучи окруженъ семействомъ, состоящимъ изъ жены и 9 дѣтей, претерпѣваетъ крайніе недостатки въ содержаніи".

Орловъ объявилъ Дубельту, что государь повелѣлъ выдать Полевому тысячу рублей серебромъ, въ видѣ негласнаго пособія, и ежегодно возобновлять это пособіе, „ежели онъ того будетъ заслуживать".

Дубельтъ поспѣшилъ обрадовать своего пріятеля. Полевой отвѣчалъ:

„Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

„Имѣвши честь получить письмо Ваше и при немъ Всемилостивѣйше пожалованные мнѣ Государемъ Императоромъ тысячу рублей серебромъ, могу ли

[1] Къ этому времени между Дубельтомъ и Полевымъ были уже очень близкія отношенія. Напримѣръ, въ своемъ „дневникѣ" отъ 14 ноября 1843 года Н. А. записываетъ: „Рѣшился послать Наташу къ Леонтію Васильевичу просить 500 рублей". Пятьсотъ рублей въ тотъ же день были присланы („Историческій Вѣстникъ" 1888 г., № 4, 183; „Записки К. А. Полевого", 384).

сказать что либо иное, кромѣ того, что высочайшее благодѣяніе, имъ облагодѣтельствованнаго старца, подавшаго къ тому поводъ, и участіе, принятое въ томъ Его Сіятельствомъ графомъ Алексѣемъ Федоровичемъ и Вами, останутся навсегда запечатлѣнными въ сердцѣ моемъ. Молю Бога, чтобы Онъ далъ случай мнѣ или дѣтямъ моимъ доказать, что милость Монарха не упала на человѣка недостойнаго ея.

,,Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю пребыть Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга *Николай Полевой*''.

Любопытно, что когда Г. С. Поповъ предложилъ Полевому въ 1845 г. ссуду, повидимому, безъ отдачи, Н. А. писалъ Сахарову, что не можетъ на это дать своего согласія. „Иное дѣло принять пособіе царя, и признаться вамъ, я считаю даже себя въ правѣ просить его, ибо не я былъ причиною моего разоренія, десятилѣтнихъ страданій, болѣзней, которыя, какъ я предчувствую, скоро сведутъ меня въ гробъ. Ихъ причинили мерзавцы, употребившіе во зло имя государя, всегда для меня священное... Если что-нибудь согласится сдѣлать въ пособіе мнѣ царь, чтя память добродѣтельнаго *друга* своего, какъ называлъ онъ князя Александра Николаевича, поблагодарю Бога. Но и здѣсь, если ходатайство за меня можетъ причинить кому-нибудь малѣйшее затрудненіе, я прошу оставить его, ибо и у царя до сихъ поръ я не просилъ никогда и ничего. Но отказаться отъ заступленія за меня покойнаго общаго нашего благодѣтеля было бы непростительною гордостью—и я соглашаюсь предстать смиреннымъ просителемъ''.[1]

15 января 1846 года Полевой писалъ Дубельту:

„Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

„Позвольте мнѣ поздравить Ваше Превосходительство съ новымъ годомъ и пожелать Вамъ всѣхъ благъ и счастія, коего вы достойны за все доброе, чѣмъ знаменуется Ваша жизнь, которую да продлитъ Богъ еще многіе годы!

„Печально встрѣтилъ я новый годъ, растерзанный душевно, больной тѣлесно. Прошедшій годъ былъ мнѣ страшно тяжелымъ годомъ. Кромѣ тяжкой скорби, нанесенной мнѣ моимъ несчастнымъ сыномъ,[2] на меня, какъ градъ, сыпались горести и скорби. Разстройство дѣлъ моего брата, гдѣ и я сдѣлался снова жертвой, и безчестный обманъ человѣка, за котораго я поручился и долженъ платить, окончательно усилили недостатки мои, и еще надобно прибавить къ тому, что меня обокрали; едва только получилъ я въ прошломъ году Высочайшее пособіе и думалъ сберечь его, какъ изъ него похищено было у меня до тысячи рублей ассигнаціями и никакихъ слѣдовъ похищенія не отыскано. Я старался вознагра-

[1] *Козминъ*, „Очерки изъ исторіи русскаго романтизма", 532—533.

[2] Въ моемъ распоряженіи находится копія съ дѣла III Отдѣленія о сынѣ Полевого, Никтополеонѣ. Дѣло въ томъ, что онъ бѣжалъ изъ Петербурга съ намѣреніемъ перебраться за границу. Оставивъ записку отцу о своемъ бѣгствѣ съ политической цѣлью, сынъ, повидимому, надѣялся на его честность. Но Полевой явился въ III Отдѣленіе и выдалъ сына головой. Его поймали въ Западномъ краѣ и посадили въ крѣпость...

дить все трудомъ. Мой обыкновенный урокъ работы былъ ежедневно съ 4-хъ часовъ утра до 3-хъ пополудни и опять вечеромъ съ 8 часовъ до 11-ти. И хотя, по стѣсненію моему, долженъ былъ я все отдавать за безцѣнокъ, и все, что выручалось, поглощали мои неумолимые кредиторы, не однажды угрожавшіе мнѣ въ прошедшемъ году тюрьмою, но все еще могъ бы я биться, еслибы, наконецъ, безмѣрный трудъ не подавилъ совершенно разстроеннаго моего здоровья. Отъ утомленія я почти лишился употребленія правой руки. Врачъ мой помогъ мнѣ; я усилилъ трудъ, и теперь припадокъ возобновился сильнѣе, такъ что я едва съ трудомъ двигаю рукою и едва могу, при безпрерывномъ отдыхѣ, написать сіи строки. Всѣ мои занятія тѣмъ разрушаются, хотя и могъ бы я еще собрать силъ души на трудъ честный и полезный. Въ прошедшемъ году, кромѣ книги: „Русскіе полководцы“, за которую издатель ея удостоился щедрой награды Государя Императора, дѣятельно участвовалъ я въ трудѣ Ал. Ив. Данилевскаго. [1] Составленная мною, кромѣ многихъ другихъ, біографія незабвеннаго героя, генерала Дохтурова, имѣла счастіе заслужить вниманіе Ваше. Чувства души моей изложилъ я въ трагедіи „Ермакъ Тимоѳеевичъ“ и на дняхъ буду имѣть честь доставить Вамъ мое сочиненіе: „Столѣтіе Россіи, съ 1745 до 1845 года“, которое, смѣю надѣяться, заслужитъ одобреніе Ваше. Но всѣ благія начинанія мои гибнутъ теперь среди тяжкой болѣзни и угнетающей скорби...

„Только чувство христіанина можетъ еще поддерживать меня. „Молись и трудись!“ таковъ девизъ, выбранный мною, но крайность, въ какой нахожусь я, заставляетъ меня безпокоить Ваше Превосходительство. Вручая мнѣ въ прошедшемъ году, *марта 7-го*, Высочайше пожалованное денежное пособіе, состоявшее изъ *тысячи* рублей серебромъ, Вы позволили мнѣ надѣяться, что въ уваженіе памяти благодѣтеля моего, князя Александра Николаевича, при безграничномъ великодушіи Монаршемъ, я могу удостоиться его и въ нынѣшнимъ году. И хотя до годового срока остается еще нѣсколько недѣль, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство, удостоить меня Вашимъ ходатайствомъ у Его Сіятельства, графа Алексѣя Григорьевича (карандашемъ, рукою же Полевого—„Федоровича“), о возобновленіи мнѣ нынѣ Высочайшаго пособія на сей годъ. Если есть на то воля милосерднаго Монарха, Ему ли считать время срока милостямъ! Щедротѣ Царской нѣтъ предѣловъ, а я лишенъ теперь всякой возможности работать, страдая жестокою болью правой руки моей, и тѣмъ болѣе, что, по словамъ почтеннаго врача моего, если я не дамъ ей нѣкотораго отдыха, то могу вовсе лишиться употребленія ея...

„Да будетъ воля Божія! Можетъ быть, и всего вѣроятнѣе, что мнѣ остается жить недолго. Остатокъ жизни моей посвященъ Царю и Отечеству, пока дышу. Умирая, буду молиться за нихъ!

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю

[1] Рѣчь идетъ о заказанной Михайловскому-Данилевскому исторіи войны 1812 года.

пребыть Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга *Николай Полевой*".

Деньги были выданы заимообразно до срока...

Но Полевой оказался правъ: онъ прожилъ недолго... 26 февраля Орловъ доложилъ объ этомъ Николаю и получилъ повелѣніе выдавать ежегодно вдовѣ и дѣтямъ, въ видѣ негласнаго пособія, по тысячѣ рублей серебромъ. Булгарину, узнавшему объ этомъ отъ Дубельта, приказано не разглашать... Когда Булгаринъ написалъ прочувствованный некрологъ, Орловъ сказалъ Дубельту: „Спасибо Булгарину за статью о Полевомъ—меня она тронула! Видно, что онъ писалъ ее отъ чистаго сердца и далъ такой умный намекъ о благости, озарившей могилу усопшаго. Скажи ему мое искреннее спасибо". [1] Въ апрѣлѣ покровитель Полевого, П. И. Рикордъ, просилъ Орлова выдать вдовѣ заимообразно 3000 руб. сер. для выкупа у издателя права на книгу покойнаго „Исторія Наполеона", чтобы ей самой воспользоваться всѣми прибылями,—но Орловъ нашелъ неудобнымъ утруждать государя и подалъ мысль открыть для этого лучше подписку. Потомъ дѣло это было доведено до Николая, но онъ согласился съ Орловымъ... Въ 1848 г. снова возникъ тотъ же вопросъ, но Орловъ не сталъ уже и безпокоить государя. Тогда же вдова Полевого просила пособія на замужество своей дочери, но получила отказъ. Въ слѣдующемъ, 1849 году, Рикордъ просилъ Орлова предложить государю и царской фамиліи подписаться на „Исторію Наполеона", но Дубельтъ написалъ на его письмѣ: „не наше дѣло..." Пособіе выдавалось вдовѣ Полевого до 1862 года включительно. [2]

---

13 февраля 1846 года гр. Орловъ, по доносу „Москвитянина", жаловался Уварову на стихотвореніе Некрасова „Колыбельная пѣсня", напечатанное въ „Петербургскомъ сборникѣ":

Спи, пострѣлъ, пока безвредный,
    Баюшки-баю!
Тускло смотритъ мѣсяцъ мѣдный
    Въ колыбель твою.
Стану сказывать не сказки,
    Правду пропою.
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
    Баюшки-баю!

* *
*

По губерніи раздался
    Всѣмъ отрадный крикъ:
Твой отецъ подъ судъ попался,
    Явныхъ тьма уликъ!

[1] „Русская Старина" 1872 года № 2, 299.
[2] Дѣло архива III Отдѣленія 2 экспедиціи, 1845 года, № 73.

Но отецъ твой, плутъ извѣстный,
Знаетъ роль свою.
Спи, пострѣлъ, покуда честный!
Баюшки-баю!

* *
*

Подростешь и міръ крещеный
Скоро самъ поймешь,
Купишь фракъ темнозеленый,
И перо возьмешь.
Скажешь: „я благонамѣренъ,
За добро стою!“
Спи, твой путь грядущій вѣренъ!
Баюшки-баю!

* *
*

Будешь ты подъячій съ виду,
И подлецъ душой,
Провожать тебя я выйду
И махну рукой!
Въ день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою.
Спи, пострѣлъ, пока невинный!
Баюшки-баю!

* *
*

Тихъ и кротокъ, какъ овечка,
И крѣпонекъ лбомъ,
До хорошаго мѣстечка
Доползешь ужомъ
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю!

* *
*

Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ,
И вдругъ станешь баринъ важный:
Русскій дворянинъ.
Заживешь... и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою,
Спи, чиновникъ мой прекрасный!
Баюшки-баю!

Орловъ находилъ, что это стихотворенiе предосудительнаго содержанiя не должно было быть одобряемо цензурою, и просилъ министра просвѣщенiя принять мѣры, чтобы подобные случаи впредь не повторялись. Оказалось, что грозный попечитель петербургскаго округа, Мусинъ-Пушкинъ, самъ пропустилъ стихи, находя что въ нихъ осмѣивается порокъ, „распространяющiйся, къ несчастiю, въ Россiи и на искорененiе котораго нѣтъ другого средства, какъ нравственный бичъ". А потому выговоръ Орлова онъ принялъ на себя.

27-го марта Орловъ писалъ Уварову: „Получено мною свѣдѣнiе, что напечатанная, въ недавнее время, въ Москвѣ, брошюрка: „Турусы на колесахъ", принадлежа къ народнымъ разсказамъ, признана въ публикѣ явнымъ пасквилемъ, ибо объясняютъ, что напечатанное на стр. 15-й: „*пришла правда отъ Воскресенiя въ Кодошахъ*" означаетъ домъ бывшаго градского головы Шестова, который находится въ томъ приходѣ, и который названъ по имени его „дѣдушкой Андреемъ"; на той же и 16-й стр. слова: „*а то всякiй Иванъ смотритъ только въ свой карманъ*" относятъ къ московскому оберъ-полицеймейстеру Лужину, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за тѣмъ идетъ рѣчь о „*Левушкѣ, забубенной головушкѣ, который махнулъ отъ сѣвера на югъ*", въ чемъ видятъ ясное намѣренiе злословить генерала Цинскаго, уѣхавшаго на югъ въ Херсонскую губернiю. Далѣе, изъ словъ: „*Кто съ темной ночи оброкъ бралъ*" выводятъ общiя мысли о брантъ-маiорахъ, а подъ выраженiемъ: „*записного плута оправдалъ*"—разумѣютъ дѣло купца Сопова, произведенное бывшимъ полицеймейстеромъ Брянчаниновымъ. Между тѣмъ, слышны отзывы и о томъ, что цензоръ Зерновъ, который просматривалъ означенную брошюрку, будучи человѣкомъ отличныхъ правилъ и благонамѣреннымъ, пропустилъ оную, безъ сомнѣнiя, потому, что не зналъ всѣхъ отношенiй и не могъ отличить въ разсказѣ, испещренномъ поговорками, намеки на лица отъ пустыхъ и обыкновенныхъ рѣчей". Уваровъ обратилъ на эту брошюру вниманiе московскаго попечителя.

5-го мая, военный министръ писалъ Уварову, что онъ получилъ, по высочайшему повелѣнiю, отъ начальника III Отдѣленiя Собственной его величества канцелярiи, сообщенiе о томъ, что до свѣдѣнiя государя императора дошло о приготовленномъ къ выпуску въ свѣтъ сочиненiи чиновника провiантскаго департамента, Лебедева, подъ заглавiемъ: „Двадцать лѣтъ царствованiя императора Николая". Хотя это сочиненiе было уже пропущено гражданскою и военною цензурою (съ нѣкоторыми частными измѣненiями и поправками), но теперь предсѣдатель военно-цензурнаго комитета, генералъ-лейтенантъ Михайловскiй-Данилевскiй, отозвался, что не слѣдовало бы давать позволенiя на напечатанiе сочиненiя Лебедева, потому что оно написано слогомъ неправильнымъ, сбивчиво, безъ знанiя дѣла и рѣшительно недостойно своего высокаго предмета, а потому

необходимо запретить выпускъ его въ свѣтъ, истребить напечатанные экземпляры и остановить, буде есть возможность, объявленія. Признавая все это правильнымъ, военный министръ увѣдомилъ о томъ графа Орлова, для всеподданнѣйшаго доклада, а между тѣмъ запретилъ по военному министерству на будущее время представлять прямо въ цензуру сочиненія историческія, безъ разрѣшенія высшаго начальства. Уваровъ не разъ находилъ возможнымъ и умѣстнымъ запрещать, вопреки закону, печатаніе сочиненія изъ-за недостатковъ слога и изложенія; но, на этотъ разъ, онъ за отсутствіемъ графа Орлова тотчасъ же написалъ Дубельту, что § 15 цензурнаго устава не дозволяетъ цензурѣ входить въ сужденіе о слогѣ или ошибкахъ автора въ литературномъ отношеніи, если смыслъ и содержаніе не подлежатъ запрещенію по цензурнымъ правиламъ. Это постановленіе основано на томъ, что заключенія о достоинствѣ слога совершенно личныя; а въ настоящемъ случаѣ, всѣ цензуровавшіе рукопись (какъ въ гражданской, такъ и въ военной цензурѣ) не нашли въ ней, при чтеніи, столь разительныхъ литературныхъ недостатковъ, чтобъ она подлежала запрещенію. Поэтому онъ не можетъ согласиться на предлагаемую, со стороны военнаго министерства, мѣру чрезвычайной строгости въ отношеніи къ книгѣ. Вмѣсто пользы такая мѣра принесетъ вредъ, возбудивъ толки о сочиненіи, не имѣющемъ, можетъ быть, особенныхъ достоинствъ, какихъ можно бы пожелать этому творенію по предмету его, но безъ сомнѣнія далеко не столь вредномъ и опасномъ, какимъ стали бы выставлять его по истребленіи экземпляровъ. При томъ, по § 152 устава, издатель одобренной и потомъ запрещенной книги имѣетъ право на удовлетвореніе за убытки. Это взысканіе должно пасть на дозволившихъ книгу цензоровъ. 13-го мая Дубельтъ сообщилъ Уварову, что книгопродавецъ Поляковъ, издатель „Двадцатилѣтія“, добровольно изъявилъ согласіе прекратить печатаніе этой книги, отказываясь отъ всѣхъ правъ на изданіе, и потому онъ просилъ приказать, чтобы первые листы книги, уже отпечатанные, были немедленно доставлены въ III-е Отдѣленіе, и чтобы наборъ слѣдующихъ былъ тотчасъ разобранъ. Уваровъ отвѣчалъ, что эти распоряженія относятся къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ.

На другой же день Дубельтъ снова пишетъ ему, по повелѣнію наслѣдника, что если онъ, министръ, признаетъ сочиненіе Лебедева достойнымъ своего высокаго предмета, то не угодно ли ему будетъ предварительно отнестись, на основаніи § 9 цензурнаго устава, къ управляющему министерствомъ двора для исходатайствованія высочайшаго повелѣнія на изданіе сочиненія Лебедева. Но Уваровъ отвѣчалъ, что указанное постановленіе не относится къ дѣлу, потому что имѣетъ въ виду только извѣстія, сообщаемыя въ газетахъ и журналахъ объ особахъ императорской фамиліи, что же касается до самаго изданія, то послѣ отказа издателя Полякова печатать книгу, министерству народнаго просвѣщенія не предстоитъ уже болѣе никакого дѣйствія, такъ какъ съ его стороны исполнено все, что требовалось для охраненія правъ издателя. Вслѣдъ затѣмъ, 7-го іюня состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы „на изданіе всякаго сочиненія, въ коемъ описываются событія, относящіяся до его императорскаго

величества и особъ августѣйшей фамиліи, испрашивать высочайшее соизволеніе чрезъ министра императорскаго двора". Но министръ двора нашелъ, что это постановленіе, распространяя свое дѣйствіе не на одни только изданія повременныя, но и на отдѣльныя книги, можетъ породить недоразумѣнія, вслѣдствіе коихъ и всѣ историческія сочиненія, большею частью обширныя, будутъ присылаемы на цензуру министра двора, который не имѣетъ для того ни времени, ни средствъ, и вынужденъ будетъ просить объ опредѣленіи къ себѣ особаго цензора, содержаніе коего повлекло бы къ напрасной издержкѣ, и потому представлялъ на высочайшее усмотрѣніе мнѣніе, что 9-я ст. XIV т. Св. законовъ (пресѣч. преступл.) можетъ быть пополнена, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы кромѣ статей, помѣщаемыхъ въ газетахъ и журналахъ объ особѣ императорскаго величества и членахъ императорской фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и съѣздахъ, доставляемы были цензурными комитетами на разсмотрѣніе министра императорскаго двора только выписки изъ книгъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ описывается какое-либо событіе или разсказывается анекдотъ, до особы царствующаго императора или членовъ августѣйшей фамиліи относящіеся. Государь утвердилъ это предположеніе.

Мы уже знаемъ о пособіи Гоголю, въ 1842 году, выданномъ, не въ примѣръ многимъ предыдущимъ и послѣдующимъ, черезъ III Отдѣленіе. Въ 1844 году Смирнова довела до свѣдѣнія государя, что Гоголь снова нуждается, но тонко прибавила, что царь недавно выдалъ уже ему пособіе. „Онъ, навѣрное, все уже истратилъ—сказалъ Николай. Я велю вамъ выдать изъ моей шкатулки извѣстную сумму для него, но съ условіемъ, что это останется между нами, вы меня не назовете"... [1] Разумѣется, государь былъ убѣжденъ, что Смирнова не въ силахъ въ концѣ концовъ не проболтаться, и такимъ образомъ Гоголь вдвое оцѣнитъ эту подачку...

Затѣмъ, въ мартѣ 1845 года, благодаря содѣйствію и Смирновой, и наслѣдника, и великихъ княгинь Маріи Николаевны и Ольги Николаевны, а по ихъ стопамъ—и Уварова, Гоголю было выдано пособіе въ тысячу рублей серебромъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Передъ этимъ Смирнова бесѣдовала о Гоголѣ съ государемъ въ присутствіи Орлова и добилась того, что царь, обратясь къ шефу жандармовъ, сказалъ: „займись Гоголемъ". [2] Орлову ничего больше не оставалось, какъ исполнить высочайшую волю... Чтобы угодить царю и написать соотвѣтствующій докладъ, Орловъ рѣшилъ обратиться къ Жуковскому.

Вотъ что отвѣчалъ ему Василій Андреевичъ 7 (19) апрѣля 1845 года изъ Франкфурта-на-Майнѣ:

[1] „Записки А. О. Смирновой", „Сѣверный Вѣстникъ" 1895 г. № 10, 132. *Шенрокъ*, н. с., IV, 189.

[2] *Шенрокъ*, н. с. IV, 322-324.

„Милостивый Государь Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ.

„Александра Осиповна Смирнова писала ко мнѣ, что когда она говорила съ Вашимъ Сіятельствомъ о *Гоголѣ*, то вы изъявили ей желаніе знать о немъ мое мнѣніе. Спѣшу выразить его какъ можно короче, зная, что вы записной врагъ длинныхъ писемъ.

„Гоголь есть одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ русскихъ писателей. Написалъ мало потому, что часто бываетъ боленъ, но что̀ написалъ, то чрезвычайно значительно. Въ такихъ людяхъ, какъ онъ, самое важное есть та *надежда*, которую подаютъ они: если эта надежда часто не исполняется, то виною тому ихъ обстоятельства, а не ихъ воля. Гоголь есть одна изъ этихъ *большихъ надеждъ*; но обстоятельства, которыя грозятъ этой надеждѣ неисполненіемъ, суть *болѣзнь* и *бѣдность*. Чтобы писать, надобно быть здоровымъ или хотя полуздоровымъ; кто же боленъ, тому надобно вылѣчиться; чтобъ вылѣчиться, надобно имѣть карманъ полный или хотя бы полуполный; чтобы, вылѣчившись, писать, надобно что-нибудь притомъ ѣсть и пить не разъ въ недѣлю, а каждый день одинъ разъ; и для этого нужна вышесказанная полуполнота кармана. Гоголь боленъ и боленъ нервами (это я видѣлъ въ его шестимѣсячное пребываніе у меня во Франкфуртѣ); вылѣчиться ему нечѣмъ; а если и вылѣчится, то нечѣмъ будетъ доставлять себѣ удовольствія ѣсть каждый день. Слѣдовательно, Гоголю ни больному, ни здоровому нельзя будетъ писать, если не вступится въ судьбу его сила высшая. Такого рода забота достойна души графа Орлова. Ломоносову былъ покровителемъ графъ Шуваловъ, Карамзину (прежде нежели Александръ сдѣлался его искреннимъ другомъ) М. Н. Муравьевъ, Пушкину—самъ государь Николай Павловичъ; Россія имъ за то благодарна. Она будетъ благодарна и графу Орлову, если онъ для нея сохранитъ дарованіе Гоголя истинно русское и дастъ этому дарованію жизнь, избавивъ его отъ борьбы съ обстоятельствами, часто убійственными. Прибавлю еще одно: Гоголь по характеру и по своей жизни человѣкъ самый чистый, а по своимъ правиламъ врагъ всякаго буйства; онъ вполнѣ христіанинъ. За все это я ручаюсь.

„Хотите ли знать обо мнѣ? Живу пустынникомъ въ Франкфуртѣ, какъ жилъ до сихъ поръ въ Дюссельдорфѣ. У меня добрая жена и двое дѣтей. Благодаря Богу и милостямъ Царя судьба моя счастлива и я доволенъ. Васъ же помня, люблю и уважаю какъ всегда. Будете не только любезны, но и справедливы, если за мою вамъ преданность будете платить мнѣ дружескимъ воспоминаніемъ.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ вашего Сіятельства покорный слуга *Жуковскій*.“

Какъ только получилось это очень характерное для Жуковскаго письмо, такъ немедленно былъ составленъ докладъ и 2 февраля Орловъ представилъ его царю.

„Тайный совѣтникъ Жуковскій, узнавъ, что до меня дошли свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи писателя Гоголя, извѣстнаго и уважаемаго публикою по комедіи его „Ревизоръ“, роману „Мертвыя души“ и другимъ сочиненіямъ, въ доставленномъ ко мнѣ письмѣ свидѣтельствуетъ, что Гоголь, по изданнымъ имъ

сочиненіямъ, по дарованію истинно русскому и еще болѣе по той надеждѣ, которую онъ подаетъ въ будущемъ, заслуживаетъ исключительнаго покровительства, по примѣру писателей нашихъ Ломоносова, Карамзина и Пушкина, а между тѣмъ крайняя бѣдность угнетаетъ его до такой степени, что онъ не имѣетъ средствъ ни лѣчиться отъ болѣзней, коими страдаетъ, ни даже содержать себя, и лишенъ всякой возможности предаться литературнымъ занятіямъ. Жуковскій присовокупилъ къ сему, что Гоголь и по образу жизни и по правиламъ своимъ есть человѣкъ въ полномъ смыслѣ благонамѣренный.

„Какъ Ваше Императорское Величество сами изволили мнѣ отзываться, что на Гоголя уже обращено Всемилостивѣйшее Ваше вниманіе, то представляя при семъ въ подлинникѣ письмо тайнаго сов. Жуковскаго, имѣю счастіе всеподданнѣйше ходатайствовать не удостоите ли Высочайше повелѣть выдать Гоголю единовременное вспомоществованіе“.

Но оказалось, что Орловъ опоздалъ, Гоголю уже было выдано трехлѣтнее пособіе, о которомъ я только что упоминалъ.

Тогда Орловъ пишетъ Жуковскому 30 апрѣля:

„Милостивый Государь Василій Андреевичъ!

„Письмо вашего превосходительства, въ коемъ вы изложили мысли ваши на счетъ писателя Гоголя и принимаемое вами въ положеніи его участіе, я получилъ съ особеннымъ удовольствіемъ и поспѣшилъ въ то же время представить въ подлинникѣ Государю Императору; но Его Величество предупредилъ мое ходатайство и мнѣ соизволилъ отозваться, что министру Императорскаго Двора уже Высочайше повелѣно сдѣлать Гоголю вспомоществованіе.

„Вмѣняя себѣ въ пріятный долгъ увѣдомить объ этомъ ваше Превосходительство, приношу вамъ, милостивый государь, искреннѣйшую мою благодарность какъ за память вашу обо мнѣ, такъ и за то, что въ случаѣ, касающемся до добраго дѣла и покровительства дарованію, вы обратились ко мнѣ съ вашимъ ходатайствомъ. Я всегда и по собственному моему чувству уважалъ талантъ Гоголя, а съ сего времени мнѣ будетъ еще пріятнѣе дѣлать для него все отъ меня зависящее, потому что ваше Превосходительство изволите принимать въ немъ участіе.

„Пользуюсь случаемъ удостовѣрить васъ въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи и совершенной преданности *Гр. Орловъ*“.

Письмо это было написано по образцу, называвшемуся на языкѣ дѣлопроизводства въ III Отдѣленіи „дружескимъ“, о чемъ можно судить по надписи Орлова на всеподданнѣйшемъ докладѣ: „отъ меня написать Жуковскому дружеское письмо съ желаніемъ быть Гоголю впредь полезнымъ“... Онъ только подписалъ импровизацію своего чиновника...[1] Надменный графъ не считалъ придворнаго поэта достойнымъ своего собственноручнаго письма, несмотря на его высокій чинъ тайнаго совѣтника...

---

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 2 экспедиціи 1842 года, № 130.

Въ 1847 году III Отдѣленіе имѣло довольно хлопотъ съ обнаруженнымъ въ Кіевѣ Украйно-Словенскимъ обществомъ свв. Кирилла и Меѳодія. Дѣло это, какъ извѣстно, кончилось печально для Костомарова, Шевченка, Кулиша и др. Я не буду останавливаться на немъ, потому что къ цензурѣ оно имѣло лишь самое отдаленное отношеніе, но напомню нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, касающихся непосредственно нашей темы.

Приговоръ привлеченнымъ по этому дѣлу былъ объявленъ 30 мая, а 19 іюня министръ внутр. дѣлъ, гр. Перовскій, сообщилъ циркулярно губернаторамъ результатъ представленія III Отдѣленія: „напечатанныя сочиненія Шевченко—„Кобзарь", Кулиша—„Повѣсть объ украинскомъ народѣ", „Украйна" и „Михайло Чернышенко", Костомарова—„Украинскія баллады" и „Вѣтка"—запрещены и изъяты изъ продажи. Министромъ народнаго просвѣщенія тогда же было предписано по цензурному вѣдомству о недозволеніи впредь перепечатки этихъ сочиненій новымъ изданіемъ. [1] Кромѣ того, по приговору, Костомарову, Гулаку и Кулишу воспрещено было „навсегда" печатать свои сочиненія. Съ Шевченкомъ поступлено было гораздо строже: онъ не только не могъ печатать, но даже писать и рисовать, и потому великій украинскій поэтъ принужденъ былъ постоянно страдать отъ докучливаго присмотра ефрейторовъ своей роты, наблюдавшихъ, чтобъ онъ не нарушилъ тяготѣвшаго надъ нимъ запрещенія.

Достойно также вниманія, что донесшій на это общество студентъ кіевскаго университета, Петровъ, принужденный товарищами покинуть alma mater, былъ безъ экзамена удостоенъ званія дѣйствительнаго студента и, вытребованный въ Петербургъ, опредѣленъ „соотвѣтственно его способностямъ" чиновникомъ III Отдѣленія... [2]

Потомъ вскорѣ онъ былъ изгнанъ со службы за интриги: желая выслужиться, Петровъ вырѣзалъ какую-то подлинную резолюцію изъ секретной бумаги, отправилъ ее анонимно царю и писалъ, что въ III Отдѣленіи все можно сдѣлать съ деньгами... Николай возмутился, произвелъ слѣдствіе, Дубельтъ потребовалъ самой тщательной ревизіи и въ результатѣ Петрова прогнали, а управляющаго III Отдѣленіемъ пожаловали александровской лентой. [3]

Очень цѣнно свидѣтельство Костомарова о томъ, что въ виду неполной откровенности на допросѣ, Дубельтъ „сердился, ругалъ его самыми площадными словами и угрожалъ даже употребить жестокія мѣры, съ цѣлью заставить говорить искренно". [4]

---

[1] „Русская Старина", 1889 г., XI, 367—368. Тутъ въ оригиналѣ очевидная ошибка: вмѣсто 1847 г., поставленъ 1846 г.

[2] „Русская Старина", 1888 г., IX, 482. Интересующихся подробностями дѣла отсылаю къ „Автобіографіи" Н. И. Костомарова въ „Русской Мысли" 1885 г., №№ 5 и 6 и къ статьѣ В. И. Семевскаго — „Н. И. Костомаровъ" („Рус. Стар.", 1886 г., I); *Н. Барсуковъ*, „Жизнь и труды Погодина", т. IX.

[3] „Русская Старина", 1888 г., № 11, 494.

[4] *Н. Костомаровъ*, „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность", „Кіев. Стар.", 1883 г., II, 228.

Не мало волненій доставилъ III Отдѣленію и Николай Ивановичъ Тургеневъ, книга котораго—„Les mémoires d'un proscrit" оказалась ввезенной и распроданной въ Россіи. Орловъ просилъ министра внутр. дѣлъ, Перовскаго, принять самыя серьезныя мѣры для предотвращенія этого на будущее время, хотя и понималъ, что борьба съ модистками, провозившими тогда большую часть запрещенныхъ сочиненій среди дамскаго платья, возможна только въ таможняхъ. [1]

XXVI.

1848 годъ.

Подъ страхомъ возмущенія... Обѣды у Краевскаго и Боткина. Доносительство цензоровъ. Желаніе сблизиться съ Бѣлинскимъ. Старанія Краевскаго заслужить признательность. Книга Кулиша. „Комическій альманахъ".

Наступилъ „страшный" 1848-й годъ... Начало его не предвѣщало ничего, январь не зналъ, что будетъ имѣть его сосѣдъ... Затѣмъ грянула революція во Франціи...

„Февральскіе дни", широкой волной прошедшіе по Европѣ, были тѣмъ моментомъ, который совершенно ясно опредѣлилъ дальнѣйшее направленіе внутренней русской политики. Растерявшееся русское самодержавіе поспѣшило такъ законопатить отечественную храмину, чтобы въ нее не проходило ни струйки свѣжаго воздуха, ни луча солнечнаго свѣта...

„Пока я живъ — революція меня не одолѣетъ!" сказалъ Николай и, отдать ему справедливость, постарался сдержать свое слово. Когда ему указывали, что прусскій способъ — вызывать отвращеніе къ революціи — лучше его подавленія, Николай отвѣтилъ: „Но моя система все же лучше"... [2]

Разумѣется, III Отдѣленіе сейчасъ же усилило свою дѣятельность, о чемъ говоритъ и офиціальный источникъ. „Поляки съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за европейскими революціонными движеніями; появились многочисленныя прокламаціи, пошла усиленная пропаганда, мѣстами вспыхивали безпорядки, много поляковъ эмигрировало за границу (въ теченіе 1848—1849 г. г.—свыше 1,500 человѣкъ). Остальныя части имперіи оставались совершенно спокойны, *и не было никакого повода опасаться волненій и безпорядковъ. Однако*, память о катастрофѣ 1825 года была еще свѣжа, а мнѣнія, господствовавшія въ нѣкото-

[1] „Русская Старина", 1900 г., № 8, 382.

[2] *Татищевъ*, „Императоръ Николай и иностранные дворы", 313 и 321.

рыхъ нашихъ *литературныхъ* кружкахъ, казались органически связанными съ крайними ученіями французскихъ теоретиковъ. *Поэтому* состоялось высочайшее повелѣніе принять энергичныя и рѣшительныя мѣры противъ наплыва въ Россію разрушительныхъ теорій; часть этихъ мѣръ была возложена на III Отдѣленіе". [1]

Итакъ, въ авангардѣ насадителей „разрушительныхъ" теорій была поставлена литература, вѣрнѣе—литераторы.

Нѣтъ сомнѣнія, лѣнивому гр. Орлову приходилось серьезно подумать о томъ, какъ бы сложить съ себя обѣщавшія стать и очень тяжелыми и очень хлопотливыми обязанности по надзору за литературой и цензурой. Умный его совѣтчикъ, Дубельтъ, ясно провидѣлъ, какую обузу и, пожалуй, отвѣтственность возьметъ на себя III Отдѣленіе, если, занятое теперь массою дѣлъ политическихъ, будетъ продолжать и дѣятельность цензурою. Въ результатѣ—твердое желаніе Орлова уступить эту послѣднюю кому-нибудь другому. Подвернувшіяся какъ разъ во-время „записки" Строгонова и Корфа о вредномъ направленіи русской журналистики окончательно укрѣпили его въ этой мысли.

Надо только было выразить ее умѣло въ докладѣ, на что былъ большой мастеръ Дубельтъ.

Какъ составлялись подобные доклады можно видѣть именно на этомъ примѣрѣ.

Въ серединѣ февраля III Отдѣленіе получило анонимный доносъ на „Отечественныя Записки" и „Современникъ". Тамъ, между прочимъ, было сообщено слѣдующее:

„Редакторъ „Современника" профессоръ Никитенко и въ жизни и въ сочиненіяхъ своихъ есть человѣкъ скромный и умѣренный.

„Въ изданіи этого журнала участвуетъ еще Бѣлинскій, отдѣлившійся въ исходѣ 1846 г. отъ „Отечественныхъ Записокъ". Участвуя прежде въ московскихъ журналахъ и потомъ въ „От. Зап.", Бѣлинскій всегда обращалъ на себя вниманіе рѣзкостью сужденій о прежнихъ писателяхъ нашихъ, не признавая почти никакихъ достоинствъ ни въ Ломоносовѣ, ни въ Державинѣ, ни въ Жуковскомъ, ни во всѣхъ прочихъ литераторахъ и этимъ оскорбляетъ чувство тѣхъ, которые питаютъ уваженіе къ нашимъ старымъ писателямъ. Это мнѣніе раздѣляютъ съ Бѣлинскимъ Краевскій и почти всѣ молодые писатели наши, которые дошли до того, что считаютъ за ничто всякую старую знаменитость. Съ одной стороны, это дѣло литературное, зависящее отъ мнѣній, но съ другой—оно можетъ сдѣлаться важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Бѣлинскій и его послѣдователи пишутъ такимъ образомъ только для того, чтобы придать большій интересъ статьямъ своимъ, и нисколько не имѣютъ въ виду коммунизма, но въ ихъ сочиненіяхъ есть что-то похожее на коммунизмъ, а молодое поколѣніе можетъ отъ нихъ сдѣлаться вполнѣ коммунистическимъ". [2]

[1] *С. Адріановъ*, „Министерство внутреннихъ дѣлъ", истор. очеркъ, 1902 г., 101.
[2] Дѣло архива III Отдѣленія, 1 экспед., 1848 г., № 25, часть 2.

Теперь приведу докладъ Орлова отъ 23 февраля, въ которомъ только-что приведенная „записка“ помѣщена полностью:

„Журналы „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“, изъ которыхъ первый издается проф. Никитенкой, а второй Краевскимъ, считаются у насъ лучшими, имѣютъ передъ другими обширнѣйшій кругъ читателей и сходны между собою въ духѣ и направленіи. Послѣднее происходитъ между прочимъ отъ того, что въ „Современникѣ“ участвуютъ литераторы Иванъ Панаевъ, Некрасовъ и Бѣлинскій, которые до 1847 года участвовали въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

„Общій духъ этихъ двухъ журналовъ состоитъ въ томъ, что они изображаютъ природу и людей какъ они есть, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній, называя себя поэтому писателями *натуральной школы* и съ презрѣніемъ отзываются о всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ литераторахъ, которые описывали и описываютъ предметы болѣе идеальные, нежели существующіе въ природѣ.

„Гордость писателей натуральной школы и особенно успѣхъ журналовъ ихъ, „Современника“ и „Отеч. Записокъ“, возродили такую ненависть къ нимъ другихъ журналистовъ, что нѣкоторые изъ послѣднихъ доказываютъ, будто бы „Отеч. Записки“ и „Современникъ“ стараются незамѣтнымъ образомъ водворять у насъ пагубныя идеи Запада.

„Обстоятельство это обязало меня слѣдить за журналами натуральной школы и хотя, по безпристрастномъ соображеніи дѣла, оказывается, что прочіе журналисты преувеличиваютъ свои обвиненія, ровно нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы издатели „Современника“ и „Отеч. Записокъ“ питали какое-либо злоумышленіе, но тѣмъ не менѣе они, дѣйствительно, страннымъ направленіемъ своимъ подаютъ поводъ къ разнымъ сомнительнымъ о себѣ толкамъ.

„Собранныя по сему предмету свѣдѣнія заключаются въ слѣдующемъ:

„Издатель „Современника“ проф. Никитенко самъ по себѣ есть человѣкъ благонамѣренный и разумный въ сужденіяхъ; равно изъ перешедшихъ къ нему отъ „Отечественныхъ Записокъ“ Панаевъ и Некрасовъ, изъ которыхъ первый пишетъ только повѣсти, а второй стихи, не имѣютъ важнаго вліянія на духъ журнала, особенный же характеръ новой нашей журналистикѣ придаетъ Бѣлинскій.

„Участвуя прежде въ московскихъ журналахъ, потомъ въ „Отеч. Запискахъ“, а нынѣ въ „Современникѣ“, Бѣлинскій всегда отличался отъ другихъ критиковъ грубымъ тономъ и рѣзкостью своихъ сужденій. Онъ не признаетъ никакихъ достоинствъ ни въ Ломоносовѣ, ни въ Державинѣ, ни въ Карамзинѣ, ни въ Жуковскомъ, ни во всѣхъ прочихъ литераторахъ, восхищается произведеніями одного Гоголя, котораго писатели натуральной школы считаютъ своимъ главою, и одобряютъ только тѣхъ писателей, которые подражаютъ Гоголю. Бѣлинскій столь громко и столь настоятельно провозглашалъ свои мнѣнія, что нынѣ почти всѣ молодые писатели наши считаютъ за ничто всякую старую знаменитость въ нашей литературѣ. Это же мнѣніе постоянно выражается и въ журналѣ Краевскаго „Отеч. Записки“. Хотя сужденія о писателяхъ зависятъ собственно отъ вкуса и публики, но, съ другой стороны, дерзкіе отзывы о старыхъ знаменитостяхъ

оскорбляютъ чувство тѣхъ, которые привыкли уважать Державина, Карамзина и проч., какъ славу нашего отечества, а съ другой—неуваженіе къ литературнымъ знаменитостямъ можетъ приводить молодыхъ людей къ неуваженію всего, къ чему народъ питаетъ благоговѣніе; такъ, поручикъ корпуса горныхъ инженеровъ Банниковъ въ показаніи своемъ объяснилъ, что онъ, напитавшись изъ „Отеч. Записокъ“ неуваженіемъ къ старымъ нашимъ литераторамъ, перешелъ отъ этого къ неуваженію всего, чтимаго другими, и властей, и настоящаго порядка дѣлъ и даже особы Вашего Императорскаго Величества.

„Далѣе, превознося одного Гоголя, писателя натуральной школы, вдались также въ чрезмѣрную крайность; они хвалятъ только тѣ сочиненія, въ которыхъ описываются пьяницы, развратники, порочные и отвратительные люди, и сами пишутъ въ этомъ же родѣ. Такое направленіе имѣетъ свою вредную сторону, ибо если всѣ наши литераторы обратятся къ подобнымъ сочиненіямъ и публика не будетъ читать ничего другого, кромѣ произведеній натуральной школы, то въ народѣ, сверхъ уничтоженія чистаго вкуса, могутъ усилиться дурныя привычки и даже дурныя мысли.

„Наконецъ, вводя въ русскій языкъ безъ всякой существенной надобности новыя иностранныя слова, напримѣръ, принципы, прогрессъ, доктрина, гуманность и проч., они портятъ нашъ языкъ и съ тѣмъ вмѣстѣ пишутъ темно и двусмысленно; твердятъ о современныхъ вопросахъ Запада, ,,о прогрессивномъ образованіи“ разумѣя подъ прогрессомъ постепенное знакомство съ тѣми идеями, которыя управляютъ современною жизнью цивилизованныхъ обществъ, о „произведеніяхъ нашей литературы, въ которыхъ больше или меньше выражаются современныя стремленія“, „о томъ, что когда умы заняты ближайшими предметами, тогда они отвлекаются отъ предметовъ прошедшихъ, занимавшихъ прежнее общество, такъ, напримѣръ, смѣшно французамъ въ ихъ настоящемъ положеніи, при вопросахъ, теперь ихъ занимающихъ, восторгаться побѣдами Наполеона и ставить его идеаломъ государственнаго могущества“ и т. п.

„При поверхностномъ взглядѣ безъ соображенія съ общею мыслью сочиненія читатель можетъ подумать, что тутъ дѣло идетъ о чемъ-либо политическомъ или коммунизмѣ, что наши молодые люди идутъ по слѣдамъ успѣховъ Запада въ революціонныхъ мысляхъ, въ порчѣ нравственности, тогда какъ, вникнувъ въ точный смыслъ нашихъ писателей, всякій убѣдится, что они разсуждаютъ только объ успѣхахъ науки и словесности. Нѣтъ сомнѣнія, что Бѣлинскій и Краевскій и ихъ послѣдователи пишутъ такимъ образомъ единственно для того, чтобы придать большій интересъ статьямъ своимъ, и нисколько не имѣютъ въ виду ни политики, ни коммунизма, но въ молодомъ поколѣніи они могутъ поселить мысли о политическихъ вопросахъ Запада и коммунизмѣ.

„Странностями этими отличаются и нѣкоторые другіе журналы, но наиболѣе ,,Современникъ“ и ,,Отеч. Записки“, хотя послѣдній журналъ со времени отпаденія отъ него Бѣлинскаго сдѣлался умѣреннѣе въ нравственномъ отношеніи.

,,Обязываюсь повторить, что ,,Современникъ,, и ,,Отеч. Записки“ суть луч-

шіе наши журналы; они слѣдятъ за всѣми успѣхами наукъ и словесности; быстро и подробно передаютъ читателямъ всѣ новыя открытія и изобрѣтенія; печатаютъ часто на своихъ страницахъ превосходныя сочиненія и, по справедливости, уважаются публикою. Поэтому надобно пожалѣть, что журналы эти впадаютъ въ крайности и сами себѣ даютъ видъ чего-то сомнительнаго.

,,Принимая во вниманіе, что на основаніи законовъ за все отвѣтствуетъ не сочинитель, а цензоръ, я нахожу это правило весьма справедливымъ, ибо если слабъ присмотръ, то всегда найдутся люди съ попытками печатать худое и даже злоумышленное; при строгости же цензуры, или Бѣлинскій и его послѣдователи измѣнили бы свои мысли, или мнѣнія ихъ не имѣли бы ни гласности, ни значенія.

,,Поэтому было бы полезно усилить строгость цензурнаго устава и надзоръ за самими цензорами, чтобъ они не пропускали къ напечатанію не только прямо преступныхъ мыслей, но даже коммунистическихъ и политическихъ намековъ, сомнительныхъ выраженій о стремленіяхъ къ вопросамъ Запада; останавливали бы грязныя сочиненія натуральной школы, которыя рано или поздно повредятъ народной нравственности, вкусу образованныхъ людей и русскому языку; отвергали бы неприличные отзывы о прежнихъ знаменитыхъ писателяхъ нашихъ и вообще о предметахъ, къ которымъ благомыслящіе люди питаютъ уваженіе, и чтобы журналы ,,Современникъ" и ,,Отеч. Записки", особенно статьи Бѣлинскаго, были прежде отпечатанія подвергаемы наистрожайшему просмотру цензоровъ.

„Всеподданнѣйше докладывая о семъ Вашему Императорскому Величеству, осмѣливаюсь испрашивать, не изволите ли разрѣшить мнѣ сообщить вышеизложенныя соображенія и мнѣніе мое министру народнаго просвѣщенія“.

27 февраля Орловъ сообщилъ Уварову и другимъ, что „по дошедшимъ до государя императора изъ разныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ“, Николай I, на его докладѣ по этому предмету, положилъ резолюцію:

„Необходимо составить комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы. Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т.-е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта князя Меншикова, изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря барона Корфа, генералъ-адъютанта графа Александра Строганова, генералъ-лейтенанта Дубельта и статсъ-секретаря Дегая. Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и генералъ-адъютанта графа Левашева [1], а занятія комитета начать немедля“. [2]

Итакъ, Дубельтъ присутствовалъ теперь не только въ главномъ управленіи

[1] Предсѣдательствовавшій въ Госуд. Совѣтѣ и Комитетѣ министровъ.

[2] „Цензура въ царствованіе императора Николая I“, „Рус. Старина“, 1903 г., VII, 137—138.

цензуры, но и въ Меншиковскомъ, а потомъ въ Бутурлинскомъ комитетѣ, гдѣ голосъ его имѣлъ, конечно, достаточный вѣсъ. Уваровъ, лишенный всѣми этими распоряженіями всякой самостоятельности, уже не рѣшался самъ или съ помощью главнаго управленія разрѣшать и запрещать статьи, а сталъ посылать ихъ на предварительный просмотръ III Отдѣленія, [1] чѣмъ, конечно, поддерживалъ уже шатавшуюся подъ нимъ почву. [2]

Какъ же реагировала наша журналистика на европейскія событія?

Почти такъ же, какъ и на іюльскую революцію 1830 года.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ (№ 43) писали: „Парижская почта отъ 24 числа, которой ожидали здѣсь въ понедѣльникъ, не получена, но по извѣстіямъ, полученнымъ другимъ путемъ, въ Парижѣ произошли потомъ чрезвычайно важныя событія. Лудовикъ-Филиппъ отказался отъ престола, королемъ провозглашенъ графъ Парижскій, 9-лѣтній сынъ герцога Орлеанскаго, регентшею на время его малолѣтства назначена вдовствующая герцогиня Орлеанская“... „Телеграфическимъ путемъ получено изъ Брюсселя слѣдующее извѣстіе, за вѣрность котораго мы однакожъ не ручаемся. Регентство въ Парижѣ было не очень продолжительно. Тамъ провозглашена республика и учреждено временное правленіе“.

„Journal de St.-Pétersbourg“ далъ 25 февраля болѣе подробныя свѣдѣнія, которыя и были перепечатаны вездѣ въ переводѣ. На слѣдующій день на имя военнаго министра данъ былъ высочайшій указъ, косвенно указывавшій на европейскія событія. Онъ начинался словами:

„На западѣ Европы послѣдовали событія, обличающія злоумышленіе къ ниспроверженію властей законныхъ.—Дружественные трактаты и договоры, связующіе Россію съ сопредѣльными державами, поставляютъ насъ въ священную обязанность принять благовременныя мѣры для приведенія въ военное положеніе нѣкоторой части войскъ нашихъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если обстоятельства востребуютъ, противопоставить надежный оплотъ пагубному разливу безначалія“.

Жившій тогда въ Парижѣ Гречъ описалъ событія съ большими деталями и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„1) правительство рѣшилось не уступать и употребить всѣ силы и средства для потушенія мятежа и наказанія виновныхъ. 2) Дѣйствія военнаго начальства свидѣтельствуютъ о его бдительности и благоразуміи. 3) Войска дѣйствуютъ охотно, и повинуются приказаніямъ безусловно и быстро... 4) Народъ здѣшній самъ

[1] „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, 70.

[2] Образованіе и дѣятельность этихъ двухъ, другъ друга смѣнившихъ, высшихъ цензурныхъ Комитетовъ очень подробно изслѣдованы мною въ большой работѣ, напечатанной въ книгѣ: „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики въ XIX столѣтіи“, СПБ., 1904 г. Здѣсь я не буду касаться этихъ заставъ по пути развитія нашей печати, дѣйствовавшихъ совершенно самостоятельно въ отношеніи не только III Отдѣленія, но и всѣхъ вообще другихъ учрежденій.

не знаетъ, что дѣлаетъ, не понимаетъ, почему должно кричать: долой Гизо! не смыслитъ, что такое реформа. Ему бы только пошумѣть, побуянить, насолить полиціи и муниципаламъ. Его и щадятъ до послѣдней крайности. 5) Виновниками этихъ безпокойствъ, вредныхъ, опасныхъ и отвратительныхъ, должно, разумѣется, признать членовъ оппозиціи, которые взволновали народъ пустою претензіею дать реформистскій банкетъ на зло правительству; но не они руководятъ этими волненіями: злодѣи-радикалы, имѣющіе въ виду нарушеніе всякаго порядка, всякой законной власти, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы произвесть мятежъ: они подстрекаютъ, подкупаютъ, поятъ глупую чернь, орудіе ихъ сатанинскихъ замысловъ".[1]

Русскія газеты должны были изобразить, что король *добровольно* отказался отъ престола, и не убѣжалъ, а *поспѣшно уѣхалъ*... Изрѣдка давались самыя отрывочныя телеграфическія извѣстія, въ которыхъ не было ни правды, ни лживой послѣдовательности, ни просто иногда смысла... „Сѣверная Пчела" могла теперь особенно отличаться. Вотъ, напримѣръ, помѣщенное въ ней „Письмо русскаго изъ Франкфурта":

„Не берусь ничего новаго вамъ выписывать, ибо знаю только то, что слышу кругомъ себя, и не позволяю себѣ ни въ чемъ явнаго участія показывать—намъ Русскимъ должно быть теперь въ сторонѣ. Жалѣю о всѣхъ нашихъ Русскихъ, которые теперь въ Парижѣ... Парижъ, говорятъ, пока самое спокойное мѣсто во Франціи; но долго ли это продолжится? Коммунизмъ поднялъ свою голову или лучше сказать, свои тысячи головъ... отрезвитъ ли это Германію? И надѣяться невозможно. Опьяненіе слишкомъ сильное и всеобщее; возмутители всюду и на всѣхъ пунктахъ, и тайно и явно дѣйствующіе не думаютъ образумиться; книгопечатаніе дѣйствуетъ свободно вездѣ и въ Германіи начинаются клубы, а власть охранительная и обуздательная парализирована. Германія падаетъ.—Съ благоговѣніемъ смотрю теперь на нашу Россію. На своемъ неприступномъ для внѣшняго врага Востокѣ возвышается она теперь надъ взволнованною Европою, какъ ковчегъ, хранящій въ себѣ зародышъ новаго міра, надъ волнами потопа, поглотившаго древній. Помоги Богъ ея Царственному Кормщику провести ее посреди этой бездны, не поддавшись ея волнамъ. Въ Германіи теперь всѣ кричатъ: прочь отъ Россіи, намъ ненуженъ ея союзъ, онъ намъ противенъ, мы своими силами сладимъ съ грозящею намъ Франціею! На этотъ крикъ отвѣта не нужно. Съ тою Германіею, которая рождается изъ теперешняго хаоса, у Россіи союза быть не можетъ, онъ Россіи не нуженъ... Теперешнія происшествія, болѣе нежели когда-нибудь, указываютъ ей на ея судьбу и на ея будущее великое назначеніе. Самодержавіе, неограниченное отеческое самодержавіе, хранящее Божію правду, исполняющее ее для всѣхъ и каждаго, берегущее все законное, все, на что дано отъ Бога неотъемлемое право всѣмъ и каждому, — Самодержавіе, нѣкогда создавшее, а теперь хранящее и одно могущее сохранить сильную самобытность русскаго царства — имъ однимъ и въ дни всемірныхъ бѣдствій сохранится наше великое отечество. Мы

[1] „Сѣв. Пчел.", № 43.

стоимъ отъ всего въ сторонѣ... Мы будемъ ни Азія, ни Европа, мы будемъ Россія, самобытная, могучая Россія, не ботъ, прикрѣпленный къ кораблю европейскому, а крѣпкій русскій корабль перваго ранга“... [1]

28 февраля Орловъ писалъ Уварову: „Въ 42-мъ № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ фельетонѣ, въ статьѣ: „Вѣсти изъ Парижа“, между прочимъ, напечатано: „по субботамъ аристократія собирается въ отель Ламберъ у князя Чарторижскаго, гдѣ царствуетъ славянское радушіе и оживленная мазурка“. Государь Императоръ, находя совершенно неумѣстнымъ, что въ русской газетѣ помѣщаютъ извѣстіе о государственномъ преступникѣ и изгнанникѣ Чарторижскомъ, который доселѣ считается главою партіи польскихъ выходцевъ, злоумышляющихъ противъ Россіи, называютъ его княземъ и даже описываютъ въ заманчивомъ видѣ гостепріимство въ его домѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: виновнаго въ дозволеніи къ печатанію означенной статьи, за пропускъ арестовать на восемь дней“ [2]

14 марта Николай издалъ слѣдующій знаменательный манифестъ:

„Послѣ благословеній долголѣтняго мира, западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.—Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи и разливались повсемѣстно съ наглостью, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся наконецъ и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и нашей, Богомъ намъ ввѣренной Россіи.—Но да не будетъ такъ!—По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и не щадя себя, будемъ, въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью, защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.—Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, Царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ: и тогда въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся: яко съ нами Богъ“.

Обыкновенный среднiй обыватель былъ, разумѣется, ошеломленъ: все перепутывалось въ его мозгахъ, онъ видѣлъ какую-то опасность и, привыкшій въ трудныхъ обстоятельствахъ надѣяться, все-таки, только на попечительное начальство, самъ становился въ оборонительную позу... Николаю этого только и надо было.

---

[1] № 57.

[2] „Цензурныя дѣла etc“, № I, т. IV, 1897—1899 стр. Арестованъ былъ и редакторъ А. Н. Очкинъ.

Послѣдствіемъ такой обороны всегда бываетъ особенное развитіе добровольнаго сыска и доносительства.

Къ этому времени относится очень курьезное дѣло объ обѣдахъ у Краевскаго и Боткина. Надо сказать, что, какъ читатели увидятъ дальше, въ статьѣ о Булгаринѣ, послѣдній все время допекалъ III Отдѣленіе его снисходительностью къ „страшному соціалисту и коммунисту“ Краевскому. На него же указывали „записки“ Строганова и Корфа, находившихъ, что „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“—журналы очень вредные именно своимъ разрушительнымъ направленіемъ... Поэтому „дѣлу объ обѣдахъ“ и былъ данъ такой въ началѣ широкій размахъ...

Началось оно съ чьего-то доноса Орлову, что Заблоцкій-Десятовскій, Карнѣевъ, Милютинъ, Надеждинъ и Панаевъ собираются и пируютъ у Краевскаго и Баткина. Тогда и это было уже подозрительно. Орловымъ приказано Дубельту, а имъ—агентамъ „узнать, кто такіе Заблоцкій и Баткинъ, и опредѣлить, что это за собраніе у нихъ“. [1]

Справка нашлась, конечно, очень быстро. Заблоцкій оказался Андреемъ Парфеновичемъ Заблоцкимъ-Десятовскимъ, а Баткинъ — Ник. П. Боткинымъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе было передано дежурному штабъ-офицеру, полковнику Куцинскому.

Черезъ три дня подполковникъ Ракѣевъ доносилъ, что содержаніе записки Дубельта онъ „подвергалъ строгой повѣркѣ средствами, какія возможно допускать, имѣя честь носить мундиръ жандармовъ“, и что „пользовался слухами и толками людей, заслуживающихъ вѣроятіе“. Оказалось, что Карнѣевъ—статсъ-секретарь, Милютинъ—начальникъ отдѣленія департамента полиціи исполнительной, Н. И. Надеждинъ—профессоръ русской литературы (а рукою Дубельта еще вписано: „служитъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ“), Краевскій—издатель „Отечественныхъ Записокъ“, Панаевъ — „Современника“ и „Боткинъ, а не Баткинъ, два брата, дѣти московскаго почетнаго гражданина, торгующаго на огромные капиталы чаемъ съ Кяхтою, вояжировавшіе за границею, бывшіе здѣсь около масляной и уѣхавшіе по своимъ дѣламъ въ Москву“. „Всѣ онѣ люди болѣе или менѣе лучшаго ума, образованія и ничего общего между собою кромѣ литературныхъ занятій, и пристрастія къ этому дѣлу, не имѣютъ; посещали и посещаютъ другъ друга, именно по ремеслу, и иногда обѣдаютъ вмѣстѣ, однакоже далеко не всѣ. Люди преданныя, благомыслящія, не подающія на себя никакого подозрѣнія, кромѣ раздраженія завистникамъ, къ нимъ по молвѣ принадлежитъ злѣйшимъ Булгаринъ, и нѣкоторыя члены Географическаго общества, несогласныя въ мнѣніяхъ. Говорятъ—они вездѣ стараются чернить противниковъ“.

Другой сыскной чинъ, штабсъ-капитанъ Коломійцевъ, сообщалъ, что Заблоцкій-Десятовскій—„человѣкъ весьма ученый, образованный, пользуется особымъ вниманіемъ своего министра, гр. Киселева, и весьма друженъ съ племянникомъ, кол. совѣтникомъ Милютинымъ, служащимъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

[1] Дѣло архива III отдѣленія, I экспед., 1848 г., № 89.

Какъ человѣкъ образованный, былъ посылаемъ за границу для собранія свѣдѣній по ученой и хозяйственной части, для приспособленія ихъ къ быту государственныхъ крестьянъ"; „занимаясь ученою частью и разными проектами для устройства госуд. крестьянъ,—ведетъ жизнь болѣе тихую, кабинетную". Словомъ, аттестація была выдана прекрасная.

Боткинъ оказался Николаемъ Петровичемъ, братомъ Василія, автора „Писемъ объ Испаніи". Онъ останавливался, пріѣзжая изъ Москвы, въ Троицкомъ подворьѣ, въ особомъ флигелѣ, который ему отвелъ экономъ по просьбѣ „хорошаго знакомаго Боткина, отставного чиновника и коммиссіонера по части литературной Михаила Васильевича Языкова, который живетъ въ томъ же подворьѣ". „Въ бытность свою въ Петербургѣ Боткинъ иногда давалъ обѣды—въ квартирѣ Языкова, на которыхъ бывали общіе знакомые Боткина и Языкова—въ числѣ ихъ и Краевскій, у котораго тоже, какъ у редактора, бываютъ иногда обѣды, какъ бы по заведенному порядку, во время которыхъ трактуютъ о разныхъ ученыхъ предметахъ. Главное собраніе всѣхъ литераторовъ было въ конторѣ комиссіонерства Языкова, которою завѣдываетъ Тютчевъ—и для этого назначены были дни субботніе. Краевскій, Искандеръ (сверху рукою Дубельта написано карандашемъ: „Герценъ"— *М. Л.*), Панаевъ и Бѣлинскій здѣсь играли первую роль—въ разныхъ литературныхъ и общихъ разговорахъ и ожиданіяхъ, но какъ слышно, около двухъ недѣль, собранія эти прекращены."

На этомъ малограмотное „дѣло" кончается. Очевидно, вести его дальше не было смысла: Герценъ оказался приплетеннымъ сюда облыжно, потому что еще въ январѣ 1847 г. уже уѣхалъ за границу, Бѣлинскій лежалъ при смерти, а „опасныя рѣчи" Краевскаго и Панаева Дубельту были извѣстны...

---

10 мая гр. Орловъ сообщилъ Уварову, что „писатели нерѣдко представляютъ къ разсмотрѣнію сочиненія самаго преступнаго содержанія, и цензоры часто воспрещаютъ вполнѣ такія сочиненія или уничтожаютъ въ нихъ весьма многія мѣста. Поставленные въ затруднительное положеніе въ отношеніи къ писателямъ, которые ропщутъ и негодуютъ на строгость цензоровъ, послѣдніе иногда какъ бы принуждены бываютъ пропускать сочиненія съ сомнительными мѣстами. Цензоры объясняютъ, что если бы правительству извѣстны были всѣ сочиненія или мѣста въ статьяхъ, которыя ими воспрещены къ напечатанію, то, оно, усмотрѣвъ, сколько вредныхъ книгъ и мыслей остановлено, отдало бы еще похвалу усердію и предусмотрительности цензоровъ. Объясненія сіи показываютъ—продолжаетъ гр. Орловъ,—что дѣйствіе цензоровъ ограничивается единственно тѣмъ, что они возвращаютъ писателямъ преступныя сочиненія или уничтожаютъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, а сами писатели остаются не только безъ взысканія, но даже въ неизвѣстности правительству, тогда какъ многіе изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ обнаруживаютъ самый вредный образъ мыслей. Вслѣдствіе сего Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, дабы тѣ изъ воспрещенныхъ сочи-

ненiй, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное, въ политическомъ или нравственномъ отношенiи, направленiе, были представляемы отъ цензоровъ, *негласнымъ образомъ*, въ III Отдѣленiе Соб. Е. В. К. съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденiю вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденiе". [1] Уваровъ немедленно сдѣлалъ соотвѣтствующее секретное распоряженiе, и съ этого момента за русскими цензорами была окончательно установлена обязанность шпiоновъ и доносчиковъ.

Интересно отмѣтить, что требованiе отъ цензоровъ доносительства, повторенное, какъ вспомнитъ читатель, теперь третiй разъ, предъявлялось къ нимъ всегда въ моменты напряженiя реакцiи: изданное въ 1828 г., оно подтверждалось въ 1831 и 1848 гг... Вотъ истинная причина постоянныхъ въ эпоху 1848—55 гг. жалобъ нѣкоторыхъ литераторовъ на неимовѣрно продолжительную задержку цензорами ихъ рукописей и корректуръ: послѣднiя посылались въ III Отдѣленiе, гдѣ особенно съ ними не торопились...

Въ февралѣ графу Орлову было доставлено слѣдующее анонимное письмо. [2]

„Орловъ!

„Ни древняя, ни средняя, ни новая исторiя не передаютъ намъ столь поучительнаго примера тому, что совершается въ наше время!—Западъ просвещенной Европы, отъ Францiи до Россiи, взволновался—ринулся къ ниспроверженiю властей.—Что причиною такого бурнаго, всеобщаго возстанiя народовъ противу властей?—сами власти!—Законы, которыми охраняется безопасность, созидается щастiе и благоденствiе народа, парализированы властями!—Жадность къ обогащенiю, неправосудiе и наглое самовластiе повелителей народовъ, а равно и тѣхъ, которые окружаютъ троны ихъ, эти надменные памятники злополучнаго народа, угнетаютъ все, что ниже ихъ, и что поручено ихъ власти, все это, въ безумiи своемъ, вздумали щитать неравными имъ созданiями Божiими, не изъ того же, будто бы, матерiала, какъ и они, созданными, а какими то презрѣнными тварями, или вещами, стоящими внѣ природы человѣческой, сработанными неискуснымъ мастеромъ, или случайною игрою природы. — Сверхъ того, захвативъ себѣ всѣ преимущества и отличiя, народу оставили только тяжкiй кровавый трудъ и горькую нищету.

„Вотъ источникъ, изъ котораго по Западу Европы пролился бурный потокъ, угрожающiй теперь, справедливо парализировать личныя власти и сокрушить ихъ могущество. Народы долго стонали подъ бременемъ необузданнаго самовластiя!—

[1] „Записка о цензурѣ кол. ас. Фукса", 69—70. „Сборникъ постановленiй о цензурѣ", 247—248.

[2] Привожу его изъ статьи *П. Щ.*—„Эпизодъ изъ жизни В. Г. Бѣлинскаго", напечатанной въ октябрьской книжкѣ „Былого" за 1906 годъ. Къ сожалѣнiю, читая письмо въ подлинникѣ въ дѣлѣ архива III Отдѣленiя I экспедицiи 1848 года, № 104, я не имѣлъ тогда времени его списать.

Этому стону не внимали Цари, усыпленные своими кромешниками—что остается дѣлать измученному народу? Употребить свою силу противу беззаконной силы властей! Нарушителей закона, Божескаго и человѣческаго, злоупотребителей власти,—низпровергнувъ ихъ, установить новый порядокъ, согласный съ благомъ народа, порядокъ, пользу котораго ближе знаетъ и чувствуетъ самъ народъ, ибо цари, до безчувственнаго опьяненія упившись своимъ величіемъ, забыли, что они цари, подобныхъ имъ человѣковъ.

„Не дерзость, не безуміе, какъ реветъ Николай, а светлое благоразуміе, просіявшее изъ света наукъ, угрожаетъ подобнымъ возстаніемъ, не Россіи, а мерзкимъ властямъ въ Россіи—урокъ данный властямъ просвѣщенными народами запада, долженъ быть прочитанъ имъ и у насъ въ Россіи, ибо между нашими властями есть люди, вышедшіе изъ вонючей грязи, и, эти-то люди, не по достоинству и прямой заслугѣ отечеству, поднявшись изъ ничтожества на опасную высоту власти, смотрятъ съ нее на все и на всѣхъ, что ниже ихъ, съ презрѣніемъ давятъ, угнетаютъ все въ угожденіе своему обожаемому кумиру. Такъ! урокъ этотъ неизбѣжно долженъ выполниться и разразиться надъ пустыми и надутыми головами властолюбцевъ—будетъ! и будетъ тоже въ Россіи, если еще не въ сильнѣйшемъ, какъ на западѣ, разгарѣ озлобленнаго народа русскаго, страшнаго на поляхъ битвы, ужаснаго въ пылу мятежа противу разсвирѣпѣвшаго беззаконія властей. Истые по крови и вѣрѣ угнетенные русскіе, должны ожидать этой минуты, какъ благословенія небесъ!.. стонъ народовъ услышанъ небесами на Западѣ Европы!..

„Орловъ! ты хвалишься дружбою къ Николаю! скажи ему, что ежели нехочетъ онъ, чтобы царствованіе его заключилось позоромъ и низверженіемъ

. . . .

. . . . , то пусть ежели его благо неразрывно съ благомъ русскихъ, какъ говоритъ онъ всенародно, пусть предупредитъ у насъ ужасную грозу, которая поучительно поднялась съ Запада Европы,—пусть вникнетъ въ дѣйствія своихъ обаятелей кромешниковъ, подлыхъ министровъ—пусть приклонитъ слухъ свой къ воплю обиженныхъ, угнетенныхъ и слѣдовательно раздраженныхъ противу властей, а такихъ у насъ, къ несчастію, много! очень много!—пусть добросовѣстно—съ заботливымъ вниманіемъ заглянетъ въ разные низшіе и высшіе, до сената и далѣе суды,—эти торжища юстиціи, въ которыхъ правосудіе продается публично, ненаказанно—пусть для блага народа истребитъ разсвирѣпѣвшее тамъ зло неправосудія и лихоимства—пусть вникнетъ, какъ непрестанными налогами на разные предметы ограбляется народъ въ пользу своего властелина и его любимцевъ—впрочемъ что объ этомъ плодить слова напрасно—Царская Славянка, есть свѣжій, подлый памятникъ несправедливости и насилія . . . . , памятникъ постыдный для жадности . . . . , ненасытившагося еще ограбленіемъ народа!

„Будетъ!.. и будетъ такъ... а некакъ думаетъ Николай съ своими кромешниками!.. Сѣмя искуссною рукою брошенное въ подготовленную землю, при тща-

тельномъ и неусыпномъ надзорѣ, хотя и будетъ можетъ быть полито кровью, однако выростетъ, принесетъ желаемый плодъ и жатву обильную!..

„Такъ судьбы раздраженнаго народа вступили нынѣ въ славную борьбу съ судьбою царей,—сладко, беззаботно уснувшихъ въ объятіяхъ неограниченнаго самовластія, тиранскаго для человѣчества... народы вышли уже изъ младенческой колыбели—возмужали—нельзя теперь убаюкивать ихъ ничтожными ласками—эфемерными обѣщаніями, однимъ словомъ безстыдно обманывать, а въ случаѣ устрашать силою власти, которая, предъ глазами всего свѣта, замаралась въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ!

„Начинается борьба страшная, великая; но давно и глубоко обдуманная, восторжествуетъ надъ ложными земными Богами, подлою лестію такъ названными, которые сдѣлались презрѣнными и отвратительными въ глазахъ угнетенныхъ народовъ!..

„Разумейте Цари! что гласъ народа есть Гласъ Божій, покоряйтеся яко съ народомъ Богъ.

Истый Русскій".

Дѣлу „о безыменномъ письмѣ съ возмутительными предсказаніями насчетъ будущаго въ Россіи" былъ данъ ходъ. III Отдѣленіе рѣшило разыскать автора. На письмѣ Дубельтъ сдѣлалъ слѣдующую помѣтку: „спросить Булгарина", а на запискѣ о лицѣ, подбросившемъ письмо, его же рукой помѣчено: „искать въ типографіяхъ".

Польщенный порученіемъ, Булгаринъ обнаружилъ въ своемъ изслѣдованіи всѣ свои способности и очень скоро представилъ Дубельту слѣдующую „записку":

Догадки.

„1. Письмо непремѣнно писано человѣкомъ, владѣющимъ хорошо Русскимъ языкомъ.—Еслибъ мнѣ пришлось поправлять слогъ, едва-ли я нашелъ бы что поправить.—Относительно правописанія очевидно, что *яти* (ѣ) поставлены *умышленно* не на своихъ мѣстахъ.—Писалъ письмо Русскій человѣкъ, а Русскіе не знающіе основательно грамматики, по свойству Русскаго произношенія,—смягчающаго букву *е* и всегда ставятъ *ѣ* тамъ, гдѣ должно быть *е*. Въ письмѣ напротивъ ѣ поставлены иногда правильно; а чаще вмѣсто *ѣ*—стоитъ *е*. Слово *Кромешники* находящееся въ письмѣ доказываетъ, что Авторъ занимался Русскою Исторіей—ибо это слово не употребляется ни въ разговорѣ, ни въ изящной словесности—и первый Карамзинъ ввелъ его въ Исторію, означая словомъ *Кромешники* (правильно кромѣшники) тѣлохранителей Царя Іоанна Васильевича Грознаго, названныхъ *опричниками*. Кромѣшникъ—то же что *злой духъ*, отъ тьмы *кромѣшнія* т.-е *ада*.

„2. Воспоминаніе о покупкѣ Государемъ Славянки могло превратиться въ преступленіе только въ головѣ человѣка близкаго къ кругу графини Воронцовой-Дашковой. Бабушка графа В. А. Соллогуба, извѣстнаго писателя, урожденная

Нарышкина, тетка покойнаго Кириллы Александровича Нарышкина, слѣдовательно, графъ В. А. Соллогубъ близкій родственникъ графини Воронцовой-Дашковой. Не говорю, что Соллогубъ писалъ письмо — но какъ у него бываютъ литературныя собранія, равно и у князя Одоевскаго, на которыхъ собираются всѣ сотрудники и издатели Отечественныхъ Записокъ и Современника, т.-е. писатели, такъ называемой натуральной школы, то невозможно, чтобъ въ этихъ собраніяхъ не было рѣчи о Славянкѣ, занимавшей все высшее общество.—Тутъ у одного изъ присутствующихъ въ собраніи могла родиться мысль о мнимой несправедливости, оказанной графинѣ Воронцовой-Дашковой.

„3. Болѣе и смѣлѣе другихъ вопіютъ нынѣ въ пользу революцій, молодой писатель Бутковъ, сотрудникъ Отечественныхъ записокъ и Современника, авторъ юмористическаго сочиненія: „Петербургскія Вершины“. Некрасовъ, издатель Современника (одинъ изъ трехъ издателей: два другіе суть Ценсоръ Никитенко и Иванъ Ивановичъ Панаевъ)—и несчастный Фейгинъ, пріятель Краевскаго, который часто обѣдаетъ у него. Фейгинъ почитаетъ себя обиженнымъ и раззореннымъ несправедливостью. Бутковъ родомъ изъ мѣщанъ, былъ прежде письмоводителемъ или домашнимъ секретаремъ у Фейгина и писалъ дѣловыя бумаги и проэкты, подъ его диктовку. У Фейгина есть идеи — но онъ не знаетъ русскаго языка, хотя страстный охотникъ морать бумагу.

„Этотъ Бутковъ, года за два предъ симъ, явился ко мнѣ, въ самомъ несчастномъ видѣ. Я его призрѣлъ, далъ денегъ, напечаталъ нѣсколько его статей, но замѣтивъ въ немъ безпокойный духъ и революціонныя правила, за которыя онъ въ нашей редакціи прозванъ ожесточеннымъ, я посовѣтовалъ ему оставить Сѣверную Пчелу и перейти къ Краевскому и Никитенкѣ, по сходству образа мыслей—что онъ и сдѣлалъ, и принятъ въ обѣ редакціи. Иногда Бутковъ заходитъ въ редакцію Сѣверной Пчелы, къ нашему корректору, кажется подсылаемый Либеральною партіей: однажды я засталъ его въ редакціи—и онъ до моего прихода объявилъ,— что жизнь моя находится въ опасности и что при первомъ возмущеніи меня убьютъ, какъ приверженца правительства. Мои корректоры и писцы пересказали мнѣ это, въ шутку въ присутствіи Буткова и я также, шутя, возразилъ: „если будетъ бунтъ—Бутковъ защититъ меня и поставитъ у моего дома почетную стражу“.—Недѣли черезъ двѣ послѣ этого—я получилъ черезъ городскую почту, грозное письмо, въ которомъ угрожаютъ убить меня, если я не перестану писать въ защиту Самодержавія.

„Некрасовъ самый отчаянный коммунистъ: стоитъ прочесть стихи его и прозу въ С.-Петербургскомъ Альманахѣ, чтобъ удостовѣриться въ этомъ. Онъ страшно вопіетъ въ пользу революціи.

„4. Названіе Государя въ письмѣ Нѣмцемъ — приводитъ невольно къ заключенію, что письмо писано человѣкомъ незнающимъ нѣмецкаго языка—ибо эти люди у насъ болѣе прочихъ вопіютъ противу нѣмцевъ, ненавидятъ ихъ и подобно шайкѣ Рылѣева считаютъ Царскую фамилію Нѣмецкою. Таковы Бутковъ и Некрасовъ.

Мѣры къ отысканію автора письма.

„1. Мнѣ кажется, что лучше всего начать съ того, что уже было сдѣлано, когда къ фельдфебелямъ были разосланы возмутительныя письма, а именно забрать всѣ рукописи у издателей газетъ и журналовъ и въ Конторѣ Края, издателя Справочнаго Энциклопедическаго Лексикона. Особенное вниманіе должно обратить на Отечественныя записки (печатаемыя въ типографіи Глазунова), Современникъ (печатается у Праца въ домѣ Греча), Русскій Инвалидъ (въ Военной Типографіи) и Литературную Газету (не знаю гдѣ, ибо невижу газеты) и пересмотрѣть и сравнить рукописи Буткова и Некрасова.

„2. Бутковъ и Некрасовъ любятъ оба выпить, а Бутковъ таскается по трактирамъ и недавно едва не былъ схваченъ за враньe, какъ онъ самъ разсказывалъ въ редакціи Сѣверной Пчелы. Некрасовъ ведетъ себя повыше и упивается шампанскимъ, и упившись вретъ.—Нельзя ли найти человѣка, который бы напоилъ ихъ и пораспросилъ.

„3. Славянка—въ письмѣ есть такое явное указаніе, что можно навѣрное предполагать, что письмо вышло изъ круга, въ которомъ находятся люди близкіе къ обществу графини Воронцовой-Дашковой, а слогъ письма доказываетъ, что оно писано Литераторомъ. А какъ у насъ только одинъ Литературный кругъ, именно издателей и сотрудниковъ Отечественныхъ Записокъ и Современника, къ которому примкнули два человѣка изъ общества графини Воронцовой-Дашковой—именно Соллогубъ и Князь Одоевскій—то въ этомъ кругѣ и должно отыскивать автора письма.

„4. Полагаю, что этимъ однимъ письмомъ не ограничится партія. Весьма полезно было бы, еслибъ во всѣхъ лавочкахъ и мѣстахъ гдѣ принимаются письма на городскую почту были штемпели съ нумерами, т.-е. чтобъ каждое мѣсто имѣло свой нумеръ или пожалуй букву, и получивъ письмо, тотчасъ клеймило его, чтобъ узнать изъ какого мѣста прислано письмо. Это облегчило бы розысканія.

Заключеніе.

„Не дай Богъ никого довесть до бѣды подозрѣніемъ, но зная характеристику безпокойныхъ людей и ихъ отношенія, легче добраться до истины и найти виновнаго. Авторъ письма такой злодей, что по моему мнѣнію хуже убійцы.—Не дерзаю представлять моихъ мнѣній, но мнѣ кажется, что въ нынѣшнее время Государю Императору неслѣдовало бы одному прогуливаться пѣшкомъ раннимъ утромъ во кругъ Дворца, загроможденномъ лѣсами со стороны Большой Милліонной и по пустой Дворцовой Набережной. Революціонеры во всей Европѣ боятся *одного* Императора Николая Павловича; Прусская и Австрійская Польши объяты уже пламенемъ; въ Русской Польшѣ страхъ держитъ всѣхъ въ покоѣ; въ Россіи есть революціонные фанатики, не хуже французскихъ, что доказываетъ и *письмо*. Спокойствіе милліоновъ людей зависитъ отъ *одного лица*—и это лицо—отвѣтственно предъ Богомъ и человѣчествомъ за

наше счастье и спокойствіе. Точно такъ, какъ фанатики озлоблены противу Наполеона,—нынѣ озлоблены противу Императора Николая Павловича—и невѣрятъ, чтобы Россія не вмѣшалась въ дѣла Европы. Самъ Король Прусскій, въ своей Прокламаціи, объявилъ, что опасность угрожаетъ Германіи *съ двухъ сторонъ*. Какія же это стороны: — Разумѣется: *Франція* и *Россія*.—А какъ не повѣрить Королю Прусскому, бывшему вѣрному союзнику Россіи?—Развѣ чужіе края не могутъ выслать эмиссаровъ: Примемъ это ужасное *письмо*, какъ предостереженіе, ниспосланное провидѣніемъ, и упавъ предъ престоломъ, воскликнемъ: *осторожность!*"

Мы уже видѣли, что Бѣлинскій былъ записанъ въ число людей, надзоръ за которыми, ради сохраненія въ Россіи порядка, представлялся необходимымъ. Теперь, послѣ „записки" Булгарина, великій критикъ еще болѣе заинтересовалъ III Отдѣленіе и потому прежде всего рѣшено было получить подлинные автографы его и Некрасова, чтобы сличить ихъ съ почеркомъ дерзкаго письма. Съ этою цѣлью помощникъ Дубельта, М. М. Поповъ, нѣкогда учитель Бѣлинскаго, написалъ ему 20 февраля слѣдующее письмо:

„Леонтій Васильевичъ Дубельтъ желалъ бы познакомиться съ вами и проситъ васъ, милостивый государь, Виссаріонъ Григорьевичъ, пожаловать къ нему утромъ въ свободный для васъ день, отъ 12 до 2 часовъ, въ III Отдѣленіе Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе исполнить порученіе моего начальника, что при этомъ и я буду имѣть удовольствіе повидаться съ вами". [1]

Больной Бѣлинскій не могъ исполнить прикрытое лестью приказаніе и письменно довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Попова.

Послѣдній какимъ-то образомъ не получилъ отвѣта и, подождавъ мѣсяцъ, 28 марта снова пишетъ Бѣлинскому:

„Слышалъ я, что прежняя записка моя нѣсколько напугала васъ, милостивый государь Виссаріонъ Григорьевичъ.

„Въ приглашеніи васъ нѣтъ другой причины, кромѣ того, что Леонтій Васильевичъ желаетъ познакомиться съ вами.

„Вы, какъ литераторъ, пользуетесь извѣстностью; объ васъ часто говорятъ: очень естественно, что управляющій III-мъ отдѣленіемъ и членъ цензурнаго комитета желаетъ узнать васъ лично *и даже сблизиться съ вами*. Теперь, по его же порученію, покорнѣйше прошу васъ, не пожалуете ли къ нему въ III-е Отдѣленіе, въ понедѣльникъ или другой присутственный день. Повѣрьте, что вы встрѣтите самый ласковый и радушный пріемъ. Еще прошу васъ увѣдомить меня, поправилось ли ваше здоровье, и прибавить, когда вы можете быть въ III-е Отдѣленіе. Мнѣ нужно предварить объ этомъ Л. В. Если не успѣете записки вашей передать посланному, то адресъ мой: въ Семеновской улицѣ, въ домѣ Тура". [2]

[1] „Русская Старина", 1882 г., № 11, 434.

[2] Ibidem, 434—435. Моментъ полученія Бѣлинскимъ этого письма прекрасно схваченъ художникомъ Наумовымъ въ его извѣстной картинѣ: больной Бѣлинскій лежитъ на диванѣ, въ креслахъ сидятъ Некрасовъ и Панаевъ, жена вбѣгаетъ въ кабинетъ сообщить о приходѣ жандарма, который виденъ въ отдаленіи, въ открытую на кухню дверь...

Бѣлинскій рѣшилъ отвѣчать, самъ не зная, что автографа его только и ждутъ... Сейчасъ же онъ написалъ Попову:

„Милостивый Государь Михаилъ Максимовичъ. ,

„Изъ послѣдней вашей ко мнѣ записки я увидѣлъ что вы не получили моего отвѣта на первую,—отвѣта, который я вручилъ вашему же посланному. Это обстоятельство вдвойнѣ для меня непріятно и прискорбно: и вы и Его Превосходительство Леонтій Васильевичъ можете думать, что я отлыниваю и какъ будто хочу притаиться несуществующимъ въ этомъ мірѣ, потому что и не являюсь и не даю отъ себя никакого отзыва. Если бы я и дѣйствительно предвидѣлъ себѣ въ этомъ приглашеніи бѣду,—и тогда такая манера избѣгнуть ея была бы слишкомъ дѣтскою и смѣшною. Ваша первая записка сначала, точно, привела меня въ большое смущеніе и даже напугала, тѣмъ болѣе, что нервы у меня все это время такъ раздражены, что и менѣе важныя обстоятельства дѣйствуютъ на меня тяжело и болѣзненно; но потомъ я скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что былъ увѣренъ въ доставленіи вамъ моего отвѣта. Въ немъ писалъ я къ вамъ, что, по болѣзни, не выхожу изъ дому. Я и теперь еще не оправился, и докторъ запретилъ мнѣ ходить до тѣхъ поръ, пока не просохнетъ земля и не установится теплая погода. Теперь же для меня, какъ для всѣхъ чахоточныхъ, самое опасное время: чуть простудишься слегка, и опять появятся ранки на легкихъ, какъ это уже не разъ со мною было. Конечно, я не въ постелѣ, и только безъ опасности для моего здоровья не могу выйти изъ дому, но въ крайности выйти могу. Только въ такомъ случаѣ, я очень боюсь, что Его Превосходительство, вмѣсто того, чтобы, изъ разговора со мною, узнать, что я за человѣкъ, узнаетъ только, какъ я кашляю до рвоты и до истерическихъ слезъ. И ваше послѣднее письмо застало меня въ актѣ рвоты, такъ что я ужъ и не знаю, какъ я смогъ расписаться въ книгѣ о полученіи. Со спины моей не сходятъ мушки да горчичники, и я съ трудомъ хожу по комнатѣ. Смѣю надѣяться, что такія причины могутъ мнѣ дать право, не боясь навлечь на себя дурного мнѣнія со стороны Его Превосходительства, отсрочить мое съ нимъ свиданіе еще на нѣкоторое время, пока не установится весна и я не почувствую себя хоть немного крѣпче. Будьте добры, Михаилъ Максимовичъ, какъ вы прежде бывали ко мнѣ добры, потрудитесь увѣдомить меня, могу ли я поступить такъ. Меня пользуетъ главный докторъ Петропавловской больницы г. Тильманъ: онъ можетъ подтвердить справедливость моихъ словъ о состояніи моего здоровья.

„Въ надеждѣ вашего отвѣта, имѣю честь, остаться вашимъ, Милостивый Государь, покорнымъ слугой *В. Бѣлинскій*“. [1]

Въ тотъ же день Поповъ получилъ письмо и отъ Некрасова, отвѣчавшаго на приглашеніе: „Ваше Превосходительство Милостивый Государь Михаилъ Максимовичъ! Въ отвѣтъ на приглашеніе Ваше, честь имѣю увѣдомить Васъ, что я явлюсь въ третье отдѣленіе въ понедѣльникъ слѣдующей недѣли, т.-е. послѣ

[1] *П. Щ.*, н. с., 286—287.

завтра. Принося Вашему Превосходительству глубокую благодарность за великодушное предувѣдомленіе о причинѣ приглашенія—имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью Вашего Превосходительства Милостиваго Государя всепокорнѣйшій слуга *Н. Некрасовъ*".

Въ назначенный день Некрасовъ, дѣйствительно, посѣтилъ III Отдѣленіе и, по разсказу Пыпина,—„Поповъ вспомнилъ съ нѣжностью (!?) о дѣтскихъ годахъ Бѣлинскаго, выразилъ участіе къ его болѣзненному состоянію, просилъ успокоить больного и объяснить ему, что онъ вызывался не по какому-либо частному дѣлу или обвиненію, но какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы, единственно для того, чтобы лично познакомиться съ начальникомъ вѣдомства, *хозяиномъ* русской литературы". [1]

Когда сличеніе почерковъ Бѣлинскаго и Некрасова показало, что не они авторы „возмутительнаго письма", Поповъ доложилъ Дубельту:

„Изъ писемъ Бѣлинскаго и Некрасова Ваше Превосходительство изволитъ усмотрѣть, что почерки ихъ не сходны съ почеркомъ безымяннаго письма. Бѣлинскому я уже отвѣчалъ, чтобы онъ не безпокоился и пожаловалъ къ Вашему Превосходительству, когда дозволитъ его здоровье, хотя бы черезъ мѣсяцъ или черезъ два. Для дальнѣйшихъ розысковъ, не лучше ли испросить разрѣшенія графа: потребовать отъ Краевскаго и Никитенко по одной подлинной рукописи, изъ старыхъ или изъ новыхъ, всѣхъ сотрудниковъ О. З. и Совр.; а послѣ, если здѣсь ничего не найдемъ, потребовать рукописи отъ Края. Предлогомъ можно поставить то, что Ваше Превосходительство, какъ членъ комитета подъ предсѣдательствомъ кн. Меньшикова, встрѣчаетъ надобность, разсмотрѣть черновыя рукописи всѣхъ сотрудниковъ, дабы видѣть, что въ нихъ было уничтожаемо и пропускаемо цензурой. Комитетъ уже не тайна для литературы".

Но Орловъ почему то совершенно не одобрилъ эти предложенія и тѣмъ все дѣло и кончилось...

Послѣ объясненій Некрасова, Бѣлинскаго уже не безпокоили. Всѣ розсказни г. Захарьина (Якунина) объ арестѣ и пр. [2]—чистый вздоръ.

На похоронахъ къ друзьямъ умершаго В. Г. „присоединились три или четыре *неизвѣстныхъ*, вдругъ Богъ знаетъ откуда взявшіеся. Они оставались до самаго конца печальной церемоніи на кладбищѣ и слѣдили за всѣмъ съ величайшимъ любопытствомъ, хотя слѣдить было ровно незачѣмъ". [3]

Когда же разыгралось дѣло М. В. Буташевича-Петрашевскаго и, по прекрасному выраженію Кавелина,—„ключъ къ литературѣ сороковыхъ годовъ былъ подобранъ въ III Отдѣленіи". Дубельтъ яростно сожалѣлъ что Бѣлинскій умеръ, прибавляя: „мы бы его сгноили въ крѣпости. [4]

[1] *Пыпинъ*, „Бѣлинскій", II, 331. Курсивъ подлинника.
[2] „Истор. Вѣстн"., 1898 г., III.
[3] *Панаевъ*, н. с., 316.
[4] *К. Кавелинъ*, „Собраніе сочиненій", III, 1094.

Наконецъ, самое имя Бѣлинскаго послѣ 1849 г. сдѣлалось запретнымъ и впервые потомъ произнесено было Чернышевскимъ уже въ іюльской книжкѣ „Современника“ за 1856 годъ...

---

6 апрѣля съ Краевскаго и Никитенка была взята подписка, заканчивавшаяся высочайшимъ повелѣніемъ: внушить издателямъ „Отечественныхъ Записокъ“ и „Современника“, Краевскому и Никитенкѣ, чтобы они на будущее время не осмѣливались ни подъ какимъ видомъ помѣщать въ своихъ журналахъ статей и мыслей, подобныхъ вышеизъясненнымъ, чтобы, напротивъ того, всѣми мѣрами старались давать журналамъ своимъ направленіе совершенно согласное съ видами нашего правительства, и что за нарушеніе этого, при первомъ послѣ сего случаѣ, имъ воспрещено будетъ издавать журналы, а сами они подвергнутся наистрожайшему взысканію, и поступлено съ ними будетъ, какъ съ государственными преступниками“...

Краевскій до того былъ испуганъ, что много дней не могъ притти въ себя. Весьма любопытна записка, писанная 11 апрѣля М. М. Поповымъ, получившимъ приказаніе побесѣдовать съ опальнымъ издателемъ.

„Краевскій чрезвычайно опечаленъ и пораженъ, такъ что до сихъ поръ не можетъ приняться за работу. Вотъ содержаніе откровеннаго его разговора:

— Объявленіе, что со мной, если буду продолжать журналъ въ такомъ духѣ, поступятъ какъ съ государственнымъ преступникомъ, совершенно уничтожаетъ меня. Нѣсколько дней я думаю только о томъ, неужели правительство въ самомъ дѣлѣ считаетъ меня способнымъ на государственное преступленіе? Я русскій, съ съ дѣтства проникнутъ монархическими правилами; я отецъ семейства и содержу себя своми трудами; я слишкомъ понимаю, что если я спокоенъ и счастливъ, то этимъ обязанъ единственно нашему правительству, которое охраняетъ меня. Могу ли я желать подкапываться подъ этотъ порядокъ? Это значило бы итти противъ своихъ чувствъ и противъ самого себя.

— „Пусть разсмотрятъ жизнь мою. Всѣ знающіе меня подтвердятъ, что я не сдѣлалъ ни одного дурного поступка, не сказалъ никому и никогда ничего не благонамѣреннаго; я имѣю небольшой кругъ знакомыхъ и у нихъ бываю рѣдко; всегда почти сижу въ моемъ кабинетѣ и работаю. Если я такъ безукоризненъ въ поступкахъ и даже словахъ, то могу ли съ намѣреніемъ распространять злоумышленныя идеи въ столь гласномъ изданіи, каковъ журналъ?

— „Не только за себя, но даже за другихъ русскихъ я готовъ поручиться. Вникая въ нихъ прежде и нынѣ, я убѣжденъ, что всѣ они неограниченно привержены къ Государю Императору и къ отечеству. Случается, иные что нибудь болтаютъ, но это одни слова, а въ сердцѣ никто изъ насъ не измѣняетъ природному чувству русскаго человѣка.

— „При настоящихъ происшествіяхъ въ Европѣ, мы, всѣ русскіе, одного желаемъ, чтобы въ нашемъ государствѣ сохранился существующій порядокъ; объ одномъ умоляемъ, чтобы Государь Императоръ не допустилъ до насъ потока,

который въ другихъ государствахъ губитъ и общественное спокойствіе, и частную собственность, и личную безопасность.

— „Могъ ли я при такихъ убѣжденіяхъ съ намѣреніемъ вводить въ мой журналъ какія либо разрушительныя мысли? Если въ немъ были помѣщаемы статьи, которыя можно понимать въ этомъ смыслѣ, то или отъ неосмотрительности, или отъ непредвидѣнія, какое толкованіе сдѣлаютъ читатели.

— „Не только дѣйствовать противъ правительства, но я желалъ бы быть органомъ его. Не дѣлалъ я этого потому, что безъ уполномочія правительства не имѣю на это права, да и цензура не пропуститъ подобныхъ статей. Еслибъ мнѣ поручили представлять въ истинномъ губительномъ видѣ заграничные безпорядки, доказывать благость монархическаго правленія, поддерживать повиновеніе крестьянъ помѣщикамъ и вообще распространять тѣ мысли и убѣжденія, которыя правительство желаетъ видѣть въ народѣ, я увѣренъ, что журналъ мой былъ бы полезенъ и государству.

— „Пусть мнѣ даютъ темы, что я долженъ писать, или пусть мнѣ дозволятъ представлять такія статьи, непропускаемыя обыкновенною цензурою, высшему правительству, и я со всею готовностью буду его орудіемъ,

— „Если этотъ вызовъ мой не примется, то по крайней мѣрѣ онъ доказываетъ, что я не врагъ правительству, а въ полномъ смыслѣ слуга и вѣрноподданный моему Государю.

— „Мысль, что меня считаютъ способнымъ къ злоумышленію такъ ужасаетъ меня, что я готовъ бросить изданіе моего журнала и жить съ моимъ семействомъ въ нищетѣ, только бы правительство, которому я преданъ, было спокойно. Еще тревожитъ меня другое обстоятельство. Слышалъ я что надъ журналами, сверхъ обыкновенной цензуры будетъ еще высшая цензура, состоящая изъ Бутурлина, барона Корфа и Дегая, которые будутъ читать журналы и о замѣченномъ ими доводить до высочайшаго свѣдѣнія. Въ Бутурлинѣ и Корфѣ всѣ увѣрены, но Дегай еще не такъ быстро идетъ по службѣ, чтобы не желать выслужиться, а при этомъ желаніи онъ будетъ стараться найти дурное, чтобы имѣть о чемъ доложить. При желаніи же толковать дурно, все, самую невинную вещь можно перетолковать въ дурную сторону. Кто защититъ насъ?

— „По этимъ то двумъ опасеніямъ: не считаютъ ли меня дѣйствительно способнымъ на государственное преступленіе и кто защититъ насъ въ случаѣ преувеличеннаго обвиненія,—я желалъ послать письмо къ графу А. Ф. Орлову, но не смѣю и очень желалъ бы, чтобъ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ дозволилъ мнѣ явиться къ нему и просить совѣтовъ и наставленій“.

„Все это Краевскій говорилъ безъ всякихъ съ моей стороны разспросовъ, его опасенія такъ велики, что онъ, кажется, и не можетъ говорить ни о чемъ другомъ. Самъ же онъ просилъ меня передать вамъ просьбу его о дозволеніи явиться къ Вашему Превосходительству“. [1]

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экс., 1848 г., № 25, ч. 2.

Повидимому, Краевскому было разрѣшено представиться Дубельту. Поговоривъ съ нимъ, онъ увидѣлъ, что можетъ исправить свое положеніе. Для этого надо лишь совершить какую нибудь „патріотическую“ подлость. За нею дѣло не стало... 25 мая Краевскій отправилъ Дубельту слѣдующее письмо:

„Ваше Превосходительство, Милостивый Государь.

„Пользуясь благосклоннымъ позволеніемъ Вашего Превосходительства, имѣю честь представить при семъ статью: „Россія и Западная Европа въ настоящую минуту“, предназначенную для помѣщенія въ особый отдѣлъ моего журнала, называемый „Современною хроникою Россіи“. Предметъ статьи до того высокъ и обширенъ, что какъ ни старался я быть краткимъ, не могъ сдѣлать ее короче, а между тѣмъ многаго долженъ былъ только слегка коснуться въ ней, не вдаваясь въ подробности, отчего и сама статья вышла довольно сухою и, можетъ быть, слишкомъ серьезною. При мысли о Россіи въ нынѣшнемъ ея отношеніи къ Европѣ, въ душѣ всякаго истинно-русскаго возникаетъ такъ много ощущеній, что трудно заключить ихъ въ тѣсные предѣлы одной журнальной статьи. Мнѣ же было это еще труднѣе, потому что давно чувствовалъ я необходимость выразиться объ этомъ предметѣ со всею искренностью и всегда встрѣчалъ препятствіе въ цензурѣ, которая не дозволяла ни отдѣльныхъ такихъ статей, ни даже вставочныхъ мѣстъ въ другихъ статьяхъ, называя ихъ политическими разсужденіями, неумѣстными въ журналѣ не политическомъ. Въ противномъ случаѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ давно бы появился рядъ статей въ этомъ духѣ—отголоскѣ моихъ давнишнихъ, глубокихъ убѣжденій. Если Ваше Превосходительство изволите припомнить, я началъ свое журнальное поприще въ 1837 году, въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Рускому Инвалиду“, статьею: „Мысли о Россіи“, которая, удостоившись Вашего одобренія въ рукописи, тогда же и была напечатана въ 1-мъ и 2-мъ №№ этой газеты. Съ тѣхъ поръ, какъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“, такъ и въ начатыхъ мною въ 1839 г. „Отечественныхъ Запискахъ“ цензура не дозволяла подобныхъ статей на основаніи выше сего упомянутомъ, и я, принужденный отказаться отъ бесѣдъ съ моими читателями о предметѣ, можетъ быть наиболѣе для нихъ интересномъ долженъ былъ ограничиваться статьями чисто учеными и литературными.

„Не имѣя возможности говорить о Россіи, я, чтобъ говорить что нибудь въ своемъ журналѣ, долженъ былъ говорить о Западной Европѣ. Постепенно это чужеземное вліяніе проникло въ мой журналъ, и „Отечественныя Записки“, долженствовавшія бесѣдовать съ читателями преимущественно объ отечественномъ, разсуждали больше всего объ иностранномъ, хотя въ нихъ и сохранился отдѣлъ „Современной хроники Россіи“, въ которомъ дозволялось печатать сокращенно Высочайшіе указы и офиціальныя извѣстія, безъ всякихъ объясненій и размышленій. Мало-по-малу сотрудники мои, большею частью молодые люди, увлекшись этимъ направленіемъ, часто увлекали и меня, заставляя безъ вниманія пропускать многое, что, по своему впечатлѣнію на читателей, могло произвести вредныя для нихъ послѣдствія. Все это продолжалось въ такомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока страшныя

новѣйшія событія ни указали, къ какой ужасной безднѣ можетъ привести это иноземное вліяніе. Теперь и слѣда его нѣтъ въ „Отечественныхъ Запискахъ". Но Ваше Превосходительство, можно ли, особенно въ настоящее время, ограничиваться, въ отдѣлѣ „Современной хроники Россіи" однимъ указаніемъ на офиціальныя извѣстія, прочтенныя уже въ ежедневныхъ газетахъ моими читателями?

„Еслибъ представляемая присемъ статья удостоилась одобренія и еслибъ въ этомъ родѣ статьи, служащія къ объясненію того, что отрывочно печатается о Россіи въ газетахъ и производитъ неизвѣстно какое впечатлѣніе на массу читателей, могли быть допущены въ „Отечественныя Записки", я почелъ бы себя счастливымъ, трудясь надъ ихъ составленіемъ. Какъ вѣрный сынъ Россіи, какъ вѣрный подданный моего Государя и благодѣтеля, которому я, бѣдный сирота, обязанъ всѣмъ, —и воспитаніемъ, и тѣмъ, чѣмъ пользуюсь теперь въ жизни, я, вѣроятно, далъ бы этимъ статьямъ направленіе и интересъ, которые возможно придать сочиненію только тогда, когда пишешь его съ чувствомъ и увлеченіемъ. Не на пустыхъ газетныхъ фразахъ и возгласахъ основалъ бы я статьи свои, но на непреложныхъ историческихъ фактахъ, которые всѣми видимы, но которые легко забываются если не напоминать о нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ такомъ духѣ написана и статья теперь мною представляемая. Чувствую, что главный недостатокъ ея—недостатокъ таланта, который могъ бы сдѣлать ее живѣе и увлекательнѣе, но, смѣю думать, Ваше Превосходительство отдадите справедливость ея искренности, потому что все сказанное въ ней сказано не для фразы, а основано на указаніяхъ исторіи и на душевномъ убѣжденіи.

„Еслибъ Вашему Превосходительству угодно было одобрить мысль мою о составленіи ряда такихъ статей въ отдѣлѣ „Современной хроники Россіи", я осмѣлился бы тогда представить програму ихъ.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

Андрей Краевскій".

Помѣтка Дубельта, показавшаго статью Орлову:—„Графъ одобряетъ и не находитъ препятствія къ напечатанію, ежели обыкновенная цензура разрѣшитъ". [1]

Обыкновенная цензура не воспрепятствовала,—и въ іюльской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" появилась анонимная статья „Россія и Западная Европа въ настоящую минуту".

Вотъ начало этого „патріотическаго" изступленія:

„Европа представляетъ теперь зрѣлище безпримѣрное и чрезвычайно поучительное. Въ одной половинѣ ея—безначаліе со всѣми своими ужасными послѣдствіями; въ другой—миръ и спокойствіе со всѣми своими благами. Опредѣленіе и раздѣленіе здѣсь такъ вѣрны, что никакія географическія границы не могутъ означать ихъ лучше и вы уже назвали—Западную Европу и Россію. Отъ чего же это изумительное явленіе, которое поражаетъ всякаго, и особенно тѣхъ, кто

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспедиціи, 1846 г., № 11, ч. 3.

не привыкъ вникать въ причины видимыхъ явленій? Отчего въ одной половинѣ Европы ниспроверженіе всѣхъ государственныхъ и общественныхъ основаній, въ другой—умилительное зрѣлище незыблемой законности, которая только заимствуетъ новый блескъ и силу отъ противоположнаго ей явленія?"

Затѣмъ, на протяженіи печатнаго листа, шли объясненія и „доказательства" этихъ мыслей всей европейской и русской исторіей, а заканчивалась статья такъ:

„Россія въ юности своей была государствомъ самобытнымъ, отвергнувшимъ всѣ искушенія Запада, а въ крѣпости мужества своего она составляетъ незыблемый колоссъ. Лѣтописи міра не представляютъ подобнаго величія и могущества, и счастіе быть русскимъ есть уже дипломъ на благородство посреди другихъ европейскихъ народовъ. Какъ въ древнемъ мірѣ имя римлянина означало человѣка по преимуществу, такъ значительно въ наши дни имя русскаго. Мы не гордимся своею славою, силою и своими народными добродѣтелями, но онѣ сами въ себѣ заключаютъ предметъ уваженія для всѣхъ народовъ. Мы не чуждаемся другихъ народовъ, но и не переселяемся къ нимъ цѣлыми населеніями, какъ они къ намъ. Русскіе бываютъ въ Европѣ посѣтителями, гостями, бывали и освободителями отъ рабства, не разъ расплачивались они тамъ съ врагами своими въ великолѣпныхъ ихъ столицахъ; но всегда великодушіе сопровождало ихъ дѣйствія, и русская щедрость вошла въ повѣрье у многихъ народовъ. Намъ не надобно ни золота, ни хлѣба, за которыми они пріѣзжаютъ къ намъ, и никому изъ русскихъ не приходитъ въ голову мысль оставить свое отечество для насущнаго пропитанія, за которымъ толпами являются къ намъ чужеземцы. Мы богаты всѣмъ и потому-то всегда готовы помогать, а не вымаливать. Они хотятъ отдѣлить насъ отъ себя... Неразумные! они не видятъ, что мы уже отдѣлены отъ нихъ, отдѣлены лучше нежели стѣнами—отдѣлены историческимъ своимъ развитіемъ, нравственными своими началами, образованіемъ всѣхъ частей нашего государственнаго устройства.

„Они мечтаютъ, что мы учимся у нихъ жить, тогда какъ мы давно живемъ самобытною жизнью. Великій Петръ учился у саардамскихъ плотниковъ и корабельщиковъ, бесѣдовалъ съ Лейбницемъ, но не бралъ примѣра съ голландскаго народоправленія и не учился религіи у Сорена и другихъ проповѣдниковъ. Такъ и въ наше время, намъ надобны ихъ Уатты, Фультоны, Вернеты, Леверье, а не господа Прудонъ, Кабе и Ледрю-Ролленъ съ товарищами. Намъ надобны успѣхи просвѣщенія и образованности, намъ драгоцѣнны великіе люди, а развратныя ученія мы гонимъ отъ себя, какъ язву, и крѣпкій нравственный карантинъ защищаетъ насъ отъ этого бѣдствія. Мы готовы осыпать золотомъ и окружить всѣми выгодами какого-нибудь ученаго или художника; но не совѣтуемъ французскимъ говорунамъ пріѣзжать къ намъ; умрутъ съ голода, потому что никто не приметъ ихъ. Пусть роются въ своемъ домашнемъ хламѣ, уже не надѣясь попасть къ намъ въ учителя съ тѣхъ поръ, какъ мудрый Монархъ нашъ преградилъ путь и этой промышленности французскихъ шарлатановъ.

„Россія! Драгоцѣнное наше отечество! Цвѣти и красуйся подъ сѣнію своихъ

самодержавныхъ Монарховъ, болѣе и болѣе утверждаясь въ основныхъ началахъ твоего могущества и величія. Внѣшнія бури не испугаютъ насъ; мы отдѣлены отъ нихъ несокрушимымъ оплотомъ своей православной вѣры и всего нравственнаго и историческаго своего образованія".

Разсердивъ очень Погодина, взбѣшеннаго наглымъ плагіатомъ никѣмъ незамѣчаемыхъ писаній „Москвитянина", статья эта обратила на себя благосклонное вниманіе Комитета 2 апрѣля, и Бутурлинъ писалъ Уварову: „При обозрѣніи выходившихъ въ теченіе минувшаго іюля періодическихъ изданій, книгъ, отдѣльныхъ сочиненій и пр. Комитетъ, высоч. утвержденный во 2-й день апрѣля с. г., остановился на статьѣ, помѣщенной въ седьмомъ нумерѣ „Отечественныхъ Записокъ" подъ заглавіемъ „Россія и Западная Европа въ настоящую минуту", статьѣ, написанной самимъ редакторомъ журнала и отличающейся вѣрнымъ взглядомъ на описываемый предметъ, безпристрастнымъ, чуждымъ какого-либо ласкательства и внушающимъ тѣмъ болѣе довѣрія изложеніемъ, особою теплотою религіознаго чувства и патріотическимъ увлеченіемъ, достойнымъ всякой похвалы. Замѣчанія сіи комитетъ счелъ долгомъ повергнуть на Высочайшее воззрѣніе, вслѣдствіе чего Государю Императору благоугодно было повелѣть предоставить Вашему Сіятельству объявить коллежскому совѣтнику Краевскому, что означенная статья удостоилась обратить на себя всемилостивѣйшее вниманіе Его Императорскаго Величества".

Въ сентябрѣ Орловъ сообщилъ Уварову, что П. Кулишъ, извѣстный по дѣлу объ украинскомъ тайномъ обществѣ и служившій тогда при тульскомъ губернаторѣ, получивъ изъ III Отдѣленія разрѣшеніе заниматься литературой, прислалъ туда свою рукопись „Исторія Бориса Годунова и Дмитрія Самозванца", и проситъ не только о дозволеніи ея къ печати, но и объ исходатайствованіи ему на изданіе ссуды, которую возвратитъ изъ продажи. Поэтому главный начальникъ III Отдѣленія просилъ Уварова сообщить, въ какой мѣрѣ важно въ ученомъ отношеніи это сочиненіе. Устряловъ, которому была передана рукопись, забраковалъ ее, и она была возвращена въ III Отдѣленіе. [1]

Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ книжныхъ магазинахъ, несмотря на самый бдительный надзоръ полиціи и шпіоновъ, все-таки, продавали въ концѣ года французскій „Almanach comique". Въ немъ были очень удачныя и рѣзкія каррикатуры, между прочимъ, и на наше правительство. Напримѣръ, были нарисованы три бутылки. Одна съ шампанскимъ; пробка вылетѣла и въ искристомъ фонтанѣ изъ бутылки выбрасываются корона, тронъ, конституція, король, принцы, министры... Это—Франція. Другая съ чернымъ густымъ пивомъ, изъ мутной

[1] „Русская Старина", 1903 г., № 8, 406.

влаги котораго выжимаются короли, гросгерцоги, герцоги etc. Это—Германія. Третья бутылка съ русскимъ пѣнникомъ. На пробкѣ, крѣпко обтянутой прочной бечевкой, наложена казенная печать съ орломъ... Это—Россія...

Орловъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой принять самыя энергичныя мѣры къ немедленному возврату всего оставшагося альманаха за границу. [1]

XXVII.

1849 годъ. [2]

Отраженіе на литературѣ дѣла петрашевцевъ. Выговоръ „Современнику".

1849 годъ, ознаменованный нашимъ вмѣшательствомъ въ чуждыя Россіи, но не Николаю I, ревниво охранявшему всякое самодержавіе, австрійскія дѣла,—названнымъ историками „венгерской кампаніей",—сильно повліялъ на царя. Вотъ что говоритъ по этому поводу уже цитированный мною Оттонъ де-Брэ. „Императоръ Николай, полный до тѣхъ поръ юношескихъ силъ, возвратился съ Варшавскихъ праздниковъ, слѣдовавшихъ за умиротвореніемъ Венгріи, если не старикомъ, то во всякомъ случаѣ сильно постарѣвшимъ. Радость по поводу одержанной побѣды была для него во многихъ отношеніяхъ омрачена. Дѣйствія русской арміи, посланной для усмиренія венгерскаго возстанія, не были столь успѣшны, какъ можно было ожидать. Кампанія, предпринятая для спасенія австрійской монархіи, не встрѣтила одобренія даже въ тѣхъ кругахъ, на сочувствіе которыхъ императоръ особенно разсчитывалъ; между прочимъ, въ Москвѣ объявленіе войны вызвало явное неодобреніе. Кромѣ того, монарху, привыкшему къ безусловному и молчаливому повиновенію, пришлось быть свидѣтелемъ того, что весьма многіе изъ его офицеровъ нисколько не скрывали своей антипатіи къ нѣмецкимъ „бѣлоштанникамъ", съ которыми имъ приходилось дѣйствовать совмѣстно,

[1] Ibidem, 406—407 и др. источники.

[2] Въ мартѣ былъ арестованъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ и черезъ нѣсколько дней, проведенныхъ въ III Отдѣленіи, выпущенъ на свободу. Такъ какъ этотъ эпизодъ, весьма интересный и характерный, произошелъ не благодаря преслѣдованію виднаго славянофила за его сочиненія, а исключительно на почвѣ перлюстраціи получаемыхъ имъ писемъ, то я и не останавливаюсь на немъ, потому что иначе, подобными фактами пришлось бы раздвинуть рамки настоящей работы въ ущербъ ея цѣльности. Интересующихся этимъ эпизодомъ отсылаю къ статьѣ Сухомлинова—„И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ", напечатанной во второмъ томѣ его „Статей и изслѣдованій", и ко второму тому первой части изданія „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ", М. 1888 г., стр. 123—163.

и своего сочувствія къ венгерскимъ мятежникамъ, для умиротворенія которыхъ они были посланы... Государь возвратился въ Петербургъ поздней осенью 1849 г., посѣдѣвши, и его веселое настроеніе, казалось, пропало навсегда... Онъ сдѣлался еще строже и недоступнѣе, чѣмъ прежде, и при этомъ былъ твердо убѣжденъ, что для поддержанія существующаго порядка необходимо было усилить репрессивныя мѣры“.[1]

Это очень важное свидѣтельство хорошо освѣдомленнаго современника помогаетъ уяснить событія того времени. Конечно, подобное настроеніе Николая I сложилось не вдругъ; послѣ венгерской кампаніи оно стало лишь болѣе замѣтно. Не мало прибавили къ нему и факты русской дѣйствительности, а въ ихъ числѣ— прежде всего извѣстное дѣло петрашевцевъ. Послѣднее очень тяжко отразилось на русской печати.

Уже небезызвѣстный оберъ-доносчикъ, И. П. Липранди, связавшій свое имя съ этимъ политическимъ процессомъ, рекомендовалъ „разузнать и разъяснить въ возможной точности, въ какой связи эта пропаганда состоитъ съ нашей литературой“.[2] Утвержденный государемъ докладъ генералъ-аудиторіата, среди мѣръ для предупрежденія возможности возникновенія и впредь аналогичныхъ дѣлъ, полагалъ необходимыми: „бдительныя и строгія мѣры противъ ввоза иностранныхъ сочиненій опаснаго содержанія, способствующаго превратному образу мыслей въ умахъ юныхъ и неопытныхъ“ и „самый осмотрительный цензурный надзоръ за журналами и газетными статьями“.[3] Первое изъ предложеній явилось результатомъ массовой конфискаціи запрещенныхъ сочиненій у петербургскихъ и провинціальныхъ книгопродавцевъ. Такъ, у одного Лури (Спб.) было найдено 2500 томовъ и при томъ просто на полкахъ въ магазинѣ. Оказалось, что всѣ эти книги требовались и разсылались въ большомъ количествѣ по всей Россіи. „Изъ полученныхъ официальныхъ свѣдѣній отъ губернаторовъ видно,—пишетъ Липранди въ своемъ „мнѣніи“,—что запрещенныя книги въ провинціи высылались прямо по почтѣ: изъ Риги и Дерпта“.

Какъ все это могло повліять на III Отдѣленіе, совершенно проглядѣвшее петрашевцевъ и принявшее ихъ изъ рукъ министерства внутреннихъ дѣлъ за три дня до ареста?! Чтобы загладить свою вину передъ сильно гнѣвавшимся на такое упущеніе Николаемъ, Орлову и Дубельту оставалось только одно: усилить энергію свою и всѣхъ подчиненныхъ. Уваровъ, въ министерствѣ котораго оказались идеи, все еще не совсѣмъ согласныя съ желаемымъ наставленіемъ образованія юношества, конечно, долженъ былъ уступить свое мѣсто другому. Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ гасильникъ всякаго свѣта—кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ. По высочайшему повелѣнію, гр. Орловъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, обсудивъ мѣры къ предотвращенію дальнѣйшаго распро-

[1] „Императоръ Николай I и его сподвижники“, „Русская Старина“ 1902 г., I, 121.
[2] „Записки И. П. Липранди“, „Русская Старина“, 1872 г., VII, 84.
[3] Статья В. И. Семевскаго въ сборникѣ „На славномъ посту“, 1906 г., 151—152.

страненія въ Россіи „пагубныхъ сочиненій", пришли къ такимъ предположеніямъ, одобреннымъ въ своихъ основаніяхъ государемъ: 1) отнять у университетовъ и ученыхъ обществъ право получать иностранныя книги, цензурою неодобренныя"; это основывалось на томъ соображеніи, что „отъ ученыхъ людей запрещенныя книги или вредныя мысли изъ этихъ книгъ, могутъ переходить и къ другимъ лицамъ"; 2) „принять болѣе строгія мѣры относительно раскупорки тюковъ съ иностранными книгами и, между прочимъ, производить ее на границахъ въ таможняхъ, при чемъ книги, неодобренныя къ ввозу внутрь страны, сожигать". [1] Къ сожалѣнію, неизвѣстна послѣдняя полная редакція этихъ предположеній, переданныхъ на обсужденіе Ширинскаго-Шихматова и главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. канцеляріи, гр. Блудова; хотя извѣстно, съ одной стороны, что послѣдній возставалъ противъ сожженія книгъ, а съ другой—что предложенія Орлова и Перовскаго получили, всетаки, частичное осуществленіе. [2] Напримѣръ, другой офиціальный источникъ позволяетъ категорически утверждать, что право Академіи Наукъ, университетовъ и ученыхъ обществъ получать изъ за-границы всѣ изданія „было отмѣнено Высоч. утвержд. 8 мая 1850 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта о предупрежденіи ввоза изъ за-границы иностранныхъ книгъ". „Это послѣднее постановленіе состоялось вслѣдствіе всеподданнѣйшей записки бывшаго главнаго начальника III Отдѣленія гр. Орлова и бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскаго". [3]

---

26 октября предсѣдатель Комитета 2 апрѣля 1848 года, Анненковъ (смѣнившій умершаго Бутурлина), писалъ Орлову:

„Въ числѣ литературныхъ статей, помѣщенныхъ въ 10 нумерѣ „Современника" особое вниманіе Комитета Высочайше учрежденнаго во 2 день апрѣля 1848 года обратилъ на себя напечатанный тамъ разборъ одного сочиненія Смарагдова, въ которомъ критикъ обращается къ читателямъ со слѣдующими словами:

„Вы хотите новыхъ хорошихъ романовъ, хотите ученыхъ статей, хотите *умныхъ рецензій* и критикъ? Но подумали ли вы хотя разъ о положеніи вашей литературы, *вашей журналистики*? Кто нынче пишетъ? Нынче рѣшительно вѣкъ *книгоненавидѣнія*. Странная и непростительная лѣнь, съ страшною силою распространяется въ пищущемъ классѣ, какъ будто есть что нибудь въ самомъ воздухѣ, развивающее въ писателяхъ *новый недугъ*, *угрожающій погибелью литературѣ*, *журналистикѣ*, *типографіямъ*, *книгопечатанію*,—*недугъ книгоненавидѣнія*. И дѣйствительно развитіе это стало особенно замѣтно съ

[1] „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", 75—76.

[2] Неизвѣстно также, на какомъ основаніи Усовъ рѣшался утверждать, что мѣры эти не были приведены въ исполненіе (см. „Истор. Вѣстникъ", 1883 г., IV, 69—70); офиціальный источникъ не позволяетъ сдѣлать такое заключеніе.

[3] „Первоначальный проектъ устава о книгопечатаніи", Спб., 1862 г., разд. VI, 47.

появленіемъ эпидеміи (холеры)". Далѣе критикъ говоритъ, что онъ самъ на себѣ имѣлъ несчастіе испытать вліяніе *новой* эпидеміи.

„Во всѣхъ этихъ словахъ, написанныхъ тогда, когда физическая эпидемія уже исчезла, какъ ни прикрываетъ критикъ свою мысль шуткою и явленіемъ холеры, начавшейся здѣсь, какъ извѣстно, почти вслѣдъ за учрежденіемъ Комитета 2 апрѣля 1848 года, но прямое намѣреніе его, очевидно, клонится къ изъявленію жалобы на мнимыя стѣснительныя обстоятельства литературы и журналистики,—жалобы неумѣстной, хотя бы она и не относилась ко взысканіямъ, коихъ заслужили журналисты и неблагонамѣренные сочинители: почему Комитетъ полагалъ поручить министру народнаго просвѣщенія, призвавъ предъ себя издателей „Современника", объявить имъ, что тайная ихъ мысль не осталась скрытою отъ Правительства, и вслѣдствіе того, сдѣлать имъ строжайшій выговоръ, со внушеніемъ, что если бы и впредь еще они отважились на что нибудь подобное, то будутъ неминуемо подвергнуты примѣрному взысканію.

„Государь Императоръ, удостоивъ 24 сего октября изложенное здѣсь заключеніе Комитета Высочайшаго утвержденія, изволилъ независимо отъ сего повелѣть предоставить Вашему Сіятельству призвать къ себѣ издателей „Современника" и объявить имъ, что если они не измѣнятъ замѣченнаго неоднократно въ ихъ журналѣ неблагонамѣреннаго направленія, то Правительство вынуждено будетъ принять противъ нихъ самыя рѣшительныя мѣры.

„Доводя о Высочайшей волѣ сей до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, считаю долгомъ присовокупить, что собственно о заключеніи Комитета по сему дѣлу я вмѣстѣ съ симъ сообщилъ на зависящее распоряженіе г. Управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія".

Можно предположить, что какъ только Панаевъ и Некрасовъ узнали о предстоящемъ имъ выговорѣ въ III Отдѣленіи, такъ сейчасъ же, пользуясь связями съ Владиславлевымъ и другими, озаботились оправданіемъ себя въ глазахъ учрежденія, гораздо болѣе страшнаго, чѣмъ Комитетъ 2 апрѣля 1848 года, долговременность существованія котораго для многихъ была все еще сомнительна.

Это предположеніе можно сдѣлать потому, что въ III Отдѣленіи была составлена записка въ защиту „Современника", чего совершенно не могло бы произойти безъ вліянія издателей на автора записки. Вотъ ея содержаніе:

„Статья, помѣщенная въ „Современникѣ" объ исторіи женщинъ среднихъ вѣковъ, сочин. Смарагдова, написана въ шуточномъ тонѣ собственно на счетъ русской литературы и нашихъ писателей. Не одни издатели „Современника", но всѣ занимающіеся литературой замѣчаютъ и говорятъ, что уже лѣтъ 10-ть, какъ у насъ не появляется ни отличныхъ произведеній словесности, ни новыхъ литературныхъ талантовъ. Кромѣ *Жуковскаго*, не на кого теперь указать изъ русскихъ писателей. Подававшіе надежду въ началѣ своего поприща *Кукольникъ*, *Бенедиктовъ*, *Гоголь* и другіе, чѣмъ далѣе трудились, тѣмъ болѣе теряли свои права на литературную знаменитость. Всѣ относятъ это не къ строгости цензуры, не къ Правительству нашему, которое всегда поощряло и поощряетъ истинные

таланты, но къ тому, что у всѣхъ народовъ бываютъ времена, когда послѣ нѣсколькихъ знаменитыхъ писателей, умы какъ бы изсякаютъ и на поприщѣ литерутуры дѣйствуютъ одни малодарные писатели.

„Это есть общее мнѣніе о нынѣшней нашей литературѣ и эта самая мысль заключается въ статьѣ издателей „Современника“.

„Примѣнили же они такое положеніе нашей литературы къ эпидеміи, безъ сомнѣнія, потому что прошедшая эпидемія еще у всѣхъ въ памяти и сравненіе съ нею скорѣе всего приходитъ на мысль каждаго. Издатели „Современника“, какъ видно, не догадались, что начало эпидеміи у насъ сближается со временемъ учрежденія Комитета 2-го апрѣля 1848 года, и можно съ достовѣрностью полагать, что, кромѣ этого комитета, никто не пойметъ этой статьи такъ, какъ понялъ ее комитетъ. Послѣ выхода въ свѣтъ 10-го № „Современника“ прошло уже недѣли три, но ни въ публикѣ, ни между литераторами нѣтъ о ней никакихъ толкованій. Даже отъ *Булгарина*, который ищетъ, нѣтъ ли чего преступнаго въ каждой строкѣ другихъ журналистовъ, неслышно замѣчаній на статью „Современника“. Всѣ понимаютъ ее только въ томъ смыслѣ, что въ ней говорится о бѣдности нынѣшней нашей литературы, и особенно о недостаткахъ исторіи Смарагдова.

„По сему издателямъ „Современника“ можно сдѣлать замѣчаніе только за то, что они не умѣли предусмотрѣть, въ какомъ смыслѣ статью ихъ можетъ понять Комитетъ 2-го апрѣля 1848“.

Когда эту справку прочелъ Дубельтъ, онъ написалъ, что шефъ жандармовъ имѣетъ неблагопріятныя свѣдѣнія на счетъ образа мыслей Некрасова, и потому слѣдуетъ за нимъ наблюдать...

Издатели были призваны 1 ноября въ III Отдѣленіе и выслушали выговоръ, сдѣланный на точномъ основаніи отношенія Анненкова. [1]

Наблюденіе же было организовано. Какъ оно производилось, объ этомъ разсказываетъ жена Панаева.

„У насъ служилъ мальчикъ, лѣтъ 16, круглый сирота. Я взяла его еще дитей. Изъ замухрышки образовался такой отчаянный франтъ, что иногда онъ задерживалъ обѣдъ, потому что не хотѣлъ являться къ столу иначе, какъ завитой, ругался съ прачкой, если она ему нехорошо накрахмалила рубашку, не хотѣлъ чистить ножи и вилки, находя, что у него испортятся руки, вообще онъ держалъ себя съ такою важностью, что одинъ господинъ прозвалъ его „барономъ“. Этотъ мальчикъ вдругъ началъ по вечерамъ пропадать изъ дому. Я сперва молчала, но потомъ разсердилась и объявила ему, что если онъ еще разъ уйдетъ безъ спросу, то я болѣе его держать не буду. Онъ поблѣднѣлъ и горько зарыдалъ, повторяя: „я не виноватъ, ей Богу, не виноватъ, мнѣ велятъ, я не смѣю“. Меня удивили его слова, испугъ и слезы, и я начала его разспрашивать: „кто ему велитъ уходить изъ дому?“ но онъ не отвѣчалъ и только горько плакалъ. Онъ любилъ меня, да и я возилась съ нимъ много, уча его читать, писать и ухаживая во

[1] Дѣло архива III Отдѣленія, 1849 г., 1 экспед., № 18, ч. 5.

время болѣзни. Я дала ему слово, что никто не узнаетъ, если онъ мнѣ откроетъ, кто велитъ ему каждый день убѣгать изъ дому. Оказалось, какія-то личности настращали его и обязали каждый день доносить обо всемъ, что дѣлается у насъ.

— Ну, что же, ты все пересказываешь?—спросила я.

— Все-съ, рыдая отвѣчалъ онъ.

„Такъ какъ всѣ мы были очень осторожны въ разговорахъ и у насъ не было никакихъ тайныхъ сборищъ, то я и разрѣшила ему передавать бюллетени о нашемъ поведеніи каждый вечеръ. Василій (такъ звали мальчика) по секрету сообщилъ мнѣ, что дворникъ нашего дома тоже доноситъ, кто бываетъ у насъ. Мы догадывались объ этомъ ранѣе, потому что дворникъ опрашивалъ каждаго, кто проходилъ къ намъ или выходилъ отъ насъ, и всегда торчалъ подъ воротами около нашей лѣстницы“. [1]

XXVIII.

1850 и 1851 годы.

Сочиненія Жуковскаго. „Заказы“ Орлова.

Благонамѣренность Жуковскаго не могла быть сомнительной даже и для требовательнаго III Отдѣленія. Между тѣмъ, сочиненія его вовсе ужъ не считались такими полезными и желательными. Въ этомъ насъ убѣждаетъ заключеніе Дубельта, поданное имъ въ качествѣ члена главнаго управленія цензуры въ 1850 году.

„*Хотя*, съ одной стороны,—писалъ генералъ,—уже одно имя автора ручается за благонамѣренность его сочиненія, съ другой—результатъ всѣхъ его сужденій въ рукописи (за исключеніемъ только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей и выраженій) стремиться къ тому, чтобы обличить съ вѣрою въ Бога удалившагося человѣка отъ религіи и предоставить превратность существующаго нынѣ образа дѣлъ и понятій на Западѣ,—*тѣмъ не менѣе* вопросы его сочиненія духовные слишкомъ жизненны и глубоки, политическіе слишкомъ развернуты, свѣжи, намъ одновременны, чтобъ можно было безъ опасенія и вреда представить ихъ къ чтенію юной публики. Частое повтореніе словъ: *свобода*, *равенство*, *реформа*, частое возвращеніе къ понятіямъ: движеніе вѣка впередъ, вѣчныя начала, единство народовъ, собственность есть кража и тому подобнымъ, останавливаютъ на нихъ вниманіе читателя и возбуждаютъ дѣятельность разсудка. Размышленія вызываютъ размышленія: звуки—отголоски, иногда невѣрные. Благоразумнѣе не касаться той струны, которой сотрясеніе произвело столько разрушительныхъ переворотовъ въ Западномъ мірѣ и которой вибрація еще колеблетъ воздухъ. Самое вѣрное средство предостеречь отъ зла—удалить самое понятіе о немъ“. [2]

---

[1] „Русскіе писатели и артисты“, 202—203.

[2] *Кн. Вяземскій*, „Полное собраніе сочиненій“, IX. 48.

Газетная экспедиція III Отдѣленія съ удвоеннымъ усердіемъ поставляла матеріалъ Орлову и Дубельту, составляя уже съ 1850 года еженедѣльныя обозрѣнія о всѣхъ злодѣйствахъ цензоровъ и литераторовъ. Потомъ писцы строчили всевозможныя отношенія къ министрамъ и главноуправляющимъ, въ Бутурлинскій комитетъ и т. д. Инспирированная литература росла, потому что въ ней видѣли, все-таки, способъ настроить мятущееся общественное мнѣніе, совершенно не понимая, что заказныя статьи печатали такіе органы, которые не имѣли за собой интеллигентнаго общества. По этому поводу очень интересно секретное предложеніе кн. Ширинскаго-Шихматова предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета. „Въ здѣшнихъ повременныхъ изданіяхъ—писалъ онъ—помѣщаются иногда статьи по высочайшимъ повелѣніямъ или разрѣшеніямъ, объявляемымъ ген.-ад. гр. Орловымъ и при томъ по такимъ предметамъ или въ такихъ выраженіяхъ, на дозволеніе которыхъ цензурный комитетъ не имѣлъ бы права по общимъ правиламъ цензуры. Для избѣжанія могущаго въ такихъ случаяхъ встрѣтиться недоразумѣнія при наблюденіи за дѣйствіями цензуры со стороны министерства, я нахожу нужнымъ покорнѣйше просить ваше превосходительство о всѣхъ таковыхъ высочайшихъ разрѣшеніяхъ, объявляемыхъ цензурному комитету не чрезъ посредство министерства народнаго просвѣщенія, доводить немедленно до моего свѣдѣнія“.[1]

Ясно, что главный начальникъ III Отдѣленія совершенно игнорировалъ министра, дѣлая распоряженія по его вѣдомству внѣ всякаго формальнаго порядка сношеній. И, если Уварова это иногда обижало, то Ширинскій-Шихматовъ считалъ такой порядокъ вполнѣ нормальнымъ.

XXIX.

1852 и 1853 годы.

Высылка Тургенева. Стихи Каратыгина. Славянофилы. О Некрасовѣ.

Въ февралѣ 1852 года умеръ Гоголь. Не стало писателя, комедіей котораго такъ восхищался въ свое время Николай, не подозрѣвая, что слова городничаго: „надъ кѣмъ смѣетесь?! надъ собой смѣетесь!“ относились прежде всего къ нему самому... Умеръ писатель, сумѣвшій пожертвовать частью своей репутаціи, благодаря защитѣ въ „Перепискѣ съ друзьями“ существующаго порядка... Казалось бы, правительство должно было дѣлить скорбь и печаль русскаго общества при такой потерѣ. Между тѣмъ, оно дѣлало все, чтобы кончина Гоголя прошла какъ можно менѣе замѣтно. Въ чемъ же дѣло? Гдѣ разгадка этой загадки?

Мнѣ кажется, она не трудна. Когда новая критика во главѣ съ Бѣлин-

[1] „Сборникъ постановленій etc“, 274.

скимъ стала отождествлять ненавистную правительству „натуральную“ школу съ именемъ Гоголя, стала ставить его во главѣ этой школы; когда литераторы, прежде писавшіе по романтическому шаблону, стали обращаться къ анализу окружавшей ихъ жизни и реальныхъ условій; когда начали показываться признаки обличительной литературы, образцомъ которой былъ, конечно, Гоголь,—правительство поняло, что этотъ человѣкъ является знаменемъ непріятельскаго ему лагеря... Вмѣстѣ съ тѣмъ, по справедливому замѣчанію Сухомлинова, появленіе комедій Гоголя начали считать зловѣщимъ признакомъ; въ нихъ находили сходство съ комедіями Бомарше, а извѣстно, что послѣдняго французскіе писатели называли преемникомъ Вольтера и предтечею Мирабо...

Русское общество встрѣтило смерть Гоголя, какъ большое событіе. Бѣлокаменная приняла ее настолько близко, что даже генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, этотъ почти сказочный изувѣръ—и, выражаясь языкомъ современности,—типичный черносотенецъ, не только присутствовалъ на похоронахъ, но отмѣтилъ важность ихъ своей андреевской лентой... Когда ему было дано понять изъ Петербурга о неумѣстности такой выходки, Закревскій сразу сталъ въ враждебное къ Гоголю положеніе и, напримѣръ, 25 марта обратилъ вниманіе попечителя московскаго округа на неумѣстность траурной каймы въ статьѣ о Гоголѣ Погодина въ № 5 „Москвитянина“ и выраженія его: „похороны Гоголя приносятъ столько чести Москвѣ и ея начальству“. Немного спустя, уже въ апрѣлѣ, Закревскій выразилъ удивленіе попечителю, что все еще пишутъ о Гоголѣ (въ № 8 „Москвитянина“ были стихи Берга), и просилъ его, чтобы „статьи о Гоголѣ печатались впредь не иначе, какъ съ особеннымъ разборомъ и строгостію“. [1]

Подъ сильнымъ живымъ впечатлѣніемъ, Тургеневъ написалъ свою извѣстную статью—„Письмо изъ Петербурга“ (такое именно заглавіе станетъ понятно потомъ), изъ которой я приведу лишь нѣсколько первыхъ строкъ:

„Гоголь умеръ!.. Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ... Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы всѣ могли надѣяться, что онъ нарушитъ, наконецъ, свое долгое молчаніе, что онъ обрадуетъ, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія, пришла эта роковая вѣсть! Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертью, назвать великимъ; человѣкъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторіи нашей литературы; человѣкъ, которымъ мы гордимся, какъ одной изъ славъ нашихъ!“ [2]

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1852 г., 1 экспедиціи, № 92.

[2] Воспроизвожу изъ дѣла 1852 г., № 92, 1 эксп., съ подлинника, писаннаго рукой Тургенева. Въ собраніяхъ его сочиненій это „письмо“ приводится не совсѣмъ вѣрно. Вотъ три главнѣйшія ошибки: 1) На 15 строкѣ снизу 68 страницы, тома XII, изд. Маркса, 1898 г., напечатано „что прахъ его“, слѣдуетъ „что его прахъ“. 2) На строкѣ 10 снизу напечатано „люди не чувствуютъ“, слѣдуетъ опустить первое слово. 3) На строкѣ 2 снизу пропускъ: послѣ многоточія надо вставить предложеніе: „Если такіе найдутся, намъ жаль ихъ, жаль ихъ несчастья“.

Желая напечатать свою статью въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", Тургеневъ сдалъ ее въ цензурный комитетъ. Уже по пріему гр. М. Н. Мусина-Пушкина онъ чувствовалъ, что дѣло проиграно, и писалъ объ этомъ своемъ предположеніи пріятелю Е. М. Ѳеоктистову, бывшему потомъ, много лѣтъ спустя, не менѣе свирѣпымъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, чѣмъ самъ Мусинъ-Пушкинъ.

„26 февраля 1852 г. Вторникъ.

„Вы не можете себѣ представить, друзья мои, [1] какъ я вамъ благодаренъ за сообщеніе подробностей о смерти Гоголя,—я уже писалъ объ этомъ Боткину. Я перечитываю каждую строку съ какой-то мучительной жадностью и ужасомъ,—я чувствую, что въ *этой* смерти *этого* человѣка кроется болѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, и мнѣ хочется проникнуть въ эту грозную и горестную тайну. Меня это глубоко поразило—такъ глубоко, что я не помню подобнаго впечатлѣнія. Притомъ я былъ подготовленъ другими обстоятельствами, которыя вы, вѣроятно, скоро узнаете—если ужъ не узнали. Тяжело, Ѳеоктистовъ, тяжело, мрачно и душно... Мнѣ, право, кажется, что какія-то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ моей головой—и иду я на дно, застывая и нѣмѣя.

„Но объ этомъ когда-нибудь при личномъ свиданіи. А оно будетъ довольно скоро, если ничего не случится—около 10 апрѣля я въ Москвѣ, на Ѳоминой недѣлѣ.

„Вы мнѣ пишите о статьѣ, которую я долженъ написать въ „Современникъ". Не знаю, удастся ли мнѣ... Въ этомъ случаѣ нельзя сѣсть и писать необдумавши,—надо попасть въ тонъ, а уже думать о необходимости попасть въ тонъ, когда говоришь о смерти Гоголя, тяжело и даже жестоко.

„Я радъ, что его похоронили въ университетской церкви [2] и дѣйствительно нахожу Васъ счастливыми, что удостоились нести его гробъ. Это будетъ одно изъ воспоминаній Вашей жизни.

„Что Вамъ сказать о впечатлѣніи, произведенномъ его смертью здѣсь? Всѣ говорятъ о ней, но какъ-то вскользь и холодно. Однако, есть люди, которыхъ она глубоко огорчила. Другіе интересы тутъ все поглощаютъ и подавляютъ.

„Вы мнѣ говорите о поведеніи друзей Гоголя. Воображаю себѣ, сколько дрянныхъ самолюбій станутъ взбираться на его могилу и примутся кричать пѣтухами и вытягивать свои головки—посмотрите, дескать, на насъ, люди честные, какъ мы отлично горюемъ и какъ мы умны и чувствительны—Богъ съ ними... Когда молнія разбиваетъ дубъ, кто думаетъ о томъ, что на его пнѣ вырастутъ грибы—намъ жаль его силы, его тѣни...

„Я послалъ Боткину стихи, внушенные Некрасову вѣстью о смерти Гоголя; [3] подъ впечатлѣніемъ ихъ написалъ я нѣсколько словъ о ней для „Петербургскихъ Вѣдомостей", которыя посылаю Вамъ при семъ письмѣ, въ не-

[1] Ѳеоктистовъ и Вас. П. Боткинъ.

[2] Тамъ только отпѣвали.

[3] „Блаженъ незлобивый поэтъ" etc.

извѣстности — пропуститъ ли ихъ и не исказитъ ли ихъ цензура. Я не знаю, какъ онѣ вышли,—но я плакалъ навзрыдъ, когда писалъ ихъ.

„Прощайте, мой дорогой Евгеній Михайловичъ. Скоро напишу Вамъ опять. Жду отъ васъ и отъ Боткина всѣ подробности, которыя вы только услышите. Жму Вамъ дружески руку—Вамъ и графинѣ [1]—и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

„*P. S*, Кажется, нечего и говорить, что подъ статьей о Гоголѣ не будетъ выставлено моего имени. Это было бы безстыдствомъ и почти святотатствомъ.

„Вы жалуетесь, что я Вамъ не пишу; я въ пятницу послалъ Вамъ письмо“.

Тургеневъ не ошибся... Цензоръ Пейкеръ представилъ его рукопись въ комитетъ, заявивъ, что самъ не рѣшается ее пропустить. Мусинъ-Пушкинъ прочелъ и не разрѣшилъ. По его словамъ, „казалось неумѣстнымъ писать о Гоголѣ въ такихъ пышныхъ выраженіяхъ, едва ли приличныхъ говоря о смерти Державина, Карамзина или нѣкоторыхъ другихъ нашихъ знаменитыхъ писателей и представлять смерть Гоголя, какъ незамѣнимую потерю, а нераздѣляющихъ это мнѣніе — легкомысленными или близорукими“. „Мнѣ казалось, что всѣ эти возгласы, какъ выраженія частнаго мнѣнія“, не должно дозволять представлять, какъ чувства, впечатлѣнія и воззрѣнія общія“. [2]

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ такого варварскаго отношенія къ своимъ лучшимъ чувствамъ, выраженнымъ со слезами на глазахъ, Тургеневъ спѣшитъ подѣлиться имъ съ друзьями. 3-го марта онъ пишетъ два письма: одно И. С. Аксакову, другое Вас. П. Боткину. Мнѣ они извѣстны лишь въ тѣхъ частяхъ, которыя приложены къ „дѣлу“. Самыя же письма хранятся въ особо секретныхъ пакетахъ, содержащихъ всю изобильную перлюстрацію за царствованіе Николая I.

Вотъ выдержка изъ перваго письма:

„Скажу вамъ безъ преувеличенія, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатлѣнія, какъ смерть Гоголя,—все, что Вы говорите о ней, сказано мнѣ прямо изъ души. Эта страшная смерть—историческое событіе, понятна не сразу; это тайна, тяжелая, грозная тайна—надо стараться ее разгадать... но ничего отраднаго не найдетъ въ ней тотъ, кто ее разгадаетъ... всѣ мы въ этомъ согласны. Трагическая судьба Россіи отражается на тѣхъ изъ русскихъ, кои ближе другихъ стоятъ къ ея нѣдрамъ—ни одному человѣку, самому сильному духу не выдержать въ себѣ борьбу цѣлаго народа, и Гоголь погибъ! Мнѣ, право, кажется, что онъ умеръ потому, что рѣшился, захотѣлъ умереть и это самоубійство началось съ истребленія „Мертвыхъ душъ“... Что касается до впечатлѣнія, произведеннаго здѣсь его смертью, да будетъ вамъ достаточно знать, что попечитель здѣшняго университета гр. Мусинъ-Пушкинъ

[1] Графинѣ Е. В. Саліасъ-де-Турнемиръ, у которой, въ качествѣ наставника ея сына, жилъ Ѳеоктистовъ.

[2] Тургеневъ ошибается, говоря, что Мусинъ-Пушкинъ увѣрилъ власти, что лично передалъ ему запрещеніе печатать статью и проч. (см. стр. 70, т. XII, изд. 1898). Ничего подобнаго не было.

не устыдился назвать Гоголя публично писателемъ лакейскимъ. Это случилось надняхъ по поводу нѣсколькихъ словъ, написанныхъ мною для „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о смерти Гоголя (я ихъ послалъ Ѳеоктистову въ Москву). Гр. Мусинъ-Пушкинъ не могъ довольно надивиться дерзости людей, жалѣющихъ о Гоголѣ. „Честному человѣку не стоитъ тратить на это своего честнаго негодованія. Сидя въ грязи по горло, эти люди принялись ѣсть эту грязь—на здоровье. Благороднымъ людямъ должно теперь крѣпче, чѣмъ когда-нибудь, держаться за себя и другъ за друга. Пускай хоть эту пользу принесетъ смерть Гоголя“.

Боткину Тургеневъ писалъ, между прочимъ: „Отъ души благодарю тебя за присылку копіи съ письма Гоголя къ кн. Львову. Это письмо многое поясняетъ въ грустной катастрофѣ его кончины. Нельзя ли попробовать напечатать то, что я написалъ о Гоголѣ (разумѣется, безъ подписи) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, какъ отрывокъ изъ письма отсюда? Je voudrais sauver l'honneur des honnêtes gens, qui vivent ici.[1] Неужели это такъ пройдетъ и мы ни слова не сказали о тебѣ! Показывалъ ли Ѳеоктистовъ мою статейку о немъ въ „Петерб. Вѣд..?“ Мусинъ-Пушкинъ ее запретилъ и даже удивился дерзости такъ говорить о Гоголѣ—лакейскомъ писателѣ“.

Очевидно, этихъ двухъ писемъ было достаточно для того, чтобы III Отдѣленіе поняло, что готовится преступленіе: непропущенное въ Петербургѣ хотятъ напечатать въ Москвѣ... Немедленно гр. Орловъ пишетъ гр. Закревскому, чтобы тотъ предупредилъ появленіе статьи Тургенева.

Но... Закревскій ничего уже не могъ сдѣлать: Ѳеоктистовъ и Боткинъ энергично дѣйствовали въ пользу пріятеля, и статья въ видѣ „Письма изъ Петербурга“ и, вопреки просьбѣ автора, съ подписью: „Т...въ“, появилась 13 марта въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ съ разрѣшенія самого предсѣдателя цензурнаго комитета, Назимова, конечно не знавшаго о рѣшеніи своего петербургскаго коллеги...

Тогда III Отдѣленіе спѣшитъ навести у Закревскаго справку о томъ, „съ какой стороны извѣстны“ ему Боткинъ и Ѳеоктистовъ. Отвѣтъ получается уже въ серединѣ апрѣля. „Василій Петровъ Боткинъ имѣетъ званіе почетнаго гражданина и, хотя принадлежитъ къ купеческому сословію, но торговли не производитъ, занимается литературою и знакомство ведетъ съ иностранцами, учеными людьми и профессорами. Во время жительства въ Москвѣ извѣстнаго Бакунина, впослѣдствіи находившагося за границей, Боткинъ былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и, какъ говорятъ, даже помогалъ ему деньгами. Ведетъ онъ себя довольно скромно, но образа мыслей свободнаго и потому находится у меня подъ секретнымъ наблюденіемъ. Женатъ 1842 году на модисткѣ фрацуженкѣ, съ которою теперь не живетъ, вслѣдствіе происшедшей между ними ссоры. Съ Тургеневымъ состоитъ въ тѣсной дружбѣ“.

„Евгеній Михайловъ Ѳеоктистовъ выпущенъ въ 1851 году изъ здѣшняго

[1] Я бы хотѣлъ сохранить честь честныхъ людей, живущихъ здѣсь.

университета кандидатомъ юридическаго факультета, состоянія не имѣетъ, на службѣ нигдѣ не находится, а живетъ гувернеромъ въ домѣ графини Саліасъ и поддерживаетъ знакомство съ профессорами и литераторами. Съ Тургеневымъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ и потому вмѣстѣ съ Боткинымъ хлопоталъ о напечатаніи статьи о Гоголѣ“.

Пока шли изъ Москвы эти свѣдѣнія, отличавшійся прекрасной памятью Дубельтъ, призвавъ къ себѣ Тургенева, поинтересовался кстати его родствомъ съ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, столь непріятнымъ николаевскому правительству эмигрантомъ. Иванъ Сергѣевичъ заявилъ, что родство ихъ столь дальнее, что онъ даже затрудняется опредѣлить точно его степень...

13 апрѣля Дубельтъ представилъ Орлову проектъ всеподданнѣйшаго доклада о Тургеневѣ и его сообщникахъ. Послѣ разсказа всего уже извѣстнаго читателю, было написано слѣдующее заключеніе: („Всеподданнѣйше докладывая о семъ вашему императорскому величеству и находя, съ одной стороны, что въ нынѣшнее время литераторы являются дѣйствующими лицами во всѣхъ бѣдственныхъ для государства смутахъ и на нихъ необходимо обращать строгое вниманіе, а съ другой,—что Тургеневъ долженъ быть человѣкъ пылкій и предпріимчивый) я полагалъ бы пригласить Тургенева въ 3-е Отдѣленіе соб. е. и. в. канцеляріи, а Боткина и Ѳеоктистова къ московскому военному генералъ-губернатору, сдѣлать имъ (строжайшее) внушеніе, предупредить ихъ, что правительство обратило на нихъ (особенно бдительное) вниманіе, и учредить за ними надзоръ полиціи“.

По неизвѣстнымъ, однако, причинамъ, никогда ни съ кѣмъ не стѣснявшійся Орловъ нашелъ необходимымъ составить другой докладъ, „помягче“.

На слѣдующій же день онъ былъ готовъ. Начало почти совпадало съ прежнимъ, выкинуто было только упоминаніе о Бакунинѣ, пользовавшемся расположеніемъ и субсидіями Боткина, а конецъ измѣненъ такимъ образомъ: все взятое выше въ скобки было выпущено, а вмѣсто двухъ послѣднихъ словъ написано: секретное наблюденіе.

Николай I положилъ резолюцію болѣе строгую: „Полагаю этого мало, а за явное ослушаніе посадить его на мѣсяцъ подъ арестъ и выслать на жительство на родину подъ присмотръ, а съ другими поступить предоставить г. Закревскому распорядиться помѣрѣ ихъ вины“.

16 апрѣля Тургеневъ былъ посаженъ въ съѣзжую 2-й адмиралтейской части, что теперь на Офицерской улицѣ, близь Маріинскаго театра. [1] Когда наслѣдникъ почему-то узналъ, что къ Тургеневу ходитъ довольно много посѣтителей, то было отдано распоряженіе разслѣдовать это упущеніе, и 25 апрѣля Дубельтъ сообщилъ цесаревичу, что ходившіе допускались, „но не иначе, какъ съ разрѣшенія оберъ-

[1] Разсказъ кн. Д. А. Оболенскаго о дочеряхъ пристава, якобы устроившихъ Тургеневу сносную обстановку (см. „Рус. Старину“ 1873 г., XII, 949—950), не подтверждается. И едва ли приставъ пошелъ бы на это, особенно послѣ распоряженія о посѣтителяхъ, показывающаго вниманіе къ арестованному со стороны III Отдѣленія.

полицеймейстера, на основанiи общихъ правилъ о содержащихся подъ арестомъ" и что самъ Тургеневъ „изъ мѣста его заключенiя никуда не отпускается". Въ концѣ онъ прибавилъ: „посѣтителей болѣе къ нему допускать не будутъ"...

Что касается Боткина и Ѳеоктистова, то Закревскiй, сдѣлавшiй имъ свирѣпый разносъ, сообщалъ, что оба они узнали о запрещенiи статьи въ Петербургѣ послѣ напечатанiя ея въ Москвѣ и что „хотя въ поступкахъ Боткина и Ѳеоктистова по сему предмету не обнаруживается никакого преступленiя противъ правительства, но какъ Боткинъ торговымъ дѣломъ отца своего не занимается и имѣетъ свободный образъ мыслей, Ѳеоктистовъ же, получивъ образованiе въ университетѣ для гражданской службы, не избралъ до сего времени никакой должности, то я полагалъ бы учрежденное мною за Боткинымъ секретное наблюденiе обратить въ полицейскiй надзоръ, а Ѳеоктистову, по учрежденiи за нимъ такого же надзора, приказать вступить немедленно въ государственную службу"...

27 апрѣля Тургеневъ отправилъ черезъ пристава въ III Отдѣленiе запечатанное прошенiе на имя наслѣдника, которое въ тотъ же день было передано по назначенiю. Привожу его по изданiю писемъ 1885 года, потому что въ дѣлѣ его нѣтъ.

„Ваше Императорское Высочество! Всемилостивѣйшiй Государь!

„Прошедшаго 16 апрѣля былъ я, по высочайшему повелѣнiю, посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ, по истеченiи котораго долженъ быть отправленъ на жительство въ деревню. Наказанiю этому, сколько мнѣ извѣстно, я подвергся за помѣщенiе статьи о покойномъ Гоголѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Покоряюсь безропотно монаршей волѣ—и желая единственно оправдать себя отъ обвиненiя въ умышленномъ ослушанiи, прiемлю смѣлость представить милостивому воззрѣнiю вашего императорскаго высочества со всею искренностью сущность дѣла.

„Узнавъ о смерти Гоголя, я написалъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ желалъ выразить горесть, возбужденную во мнѣ этимъ извѣстiемъ. Статья моя была первоначально передана въ „Санктъ-Петербургскiя Вѣдомости", но въ нихъ не явилась; тогда я доставилъ ее въ редакцiю „Московскихъ Вѣдомостей": мнѣ было извѣстно, что статья эта подвергнется и тамъ всѣмъ установленнымъ цензурнымъ узаконенiямъ, оттого я и не усомнился сообщить ее журналу, издающемуся въ городѣ, гдѣ умеръ Гоголь. Осмѣливаюсь удостовѣрить ваше императорское высочество, что, отсылая статью свою въ Москву, я не только не думалъ ослушаться начальства или противиться его волѣ—но не имѣлъ даже помышленiя о томъ, что дѣлаю что-нибудь противузаконное; я бы тотчасъ уничтожилъ эту статью, еслибъ хоть отдаленно могъ предвидѣть, что мой поступокъ будетъ сочтенъ за ослушанiе. Теперь же, не зная за собой другой вины, я состою подъ арестомъ въ полицейской части и будущность моя находится въ неизвѣстности, тѣмъ болѣе для меня тягостной, что мое здоровье требуетъ частыхъ совѣщанiй съ столичными врачами.

„Въ такомъ положенiи мнѣ остается только прибѣгнуть къ милостивому снисхожденiю и высокому предстательству вашего императорскаго высочества.

Удостойте, всемилостивѣйшій государь, довести мое искреннее изложеніе дѣла до свѣдѣнія его величества, чѣмъ быть можетъ мнѣ доставится возможность оправдать по крайней мѣрѣ свои намѣренія передъ государемъ императоромъ. Одно благотворное вниманіе вашего высочества я уже почту облегченіемъ своей учести.

„Вашего императорскаго высочества всеподданнѣйшій *Иванъ Тургеневъ*, отставной коллежскій секретарь“.

Повидимому, Тургеневъ и не подозрѣвалъ, что письма его извѣстны: одни по перлюстраціи, другія потому, что были представлены Закревскому Ѳеоктистовымъ при допросѣ...

Предложеніе Закревскаго объ учрежденіи за Боткинымъ и Ѳеоктистовымъ полицейскаго надзора тоже было доложено наслѣднику, вполнѣ согласившемуся съ московскимъ генералъ-губернаторомъ.

16 мая Иванъ Сергѣевичъ былъ выпущенъ изъ-подъ ареста, а 18-го— высланъ въ село Спасское. [1]

Въ ноябрѣ онъ сообщилъ орловскому губернатору, что послѣ раздѣла съ братомъ получилъ имѣнія въ Орловской губерніи, въ Тульской (600 душъ), въ Калужской (400) и Тамбовской (болѣе 400), считаетъ безусловно необходимымъ лично осмотрѣть ихъ и желалъ бы быть на дворянскихъ выборахъ въ Тулѣ. По этому поводу былъ запрошенъ шефъ жандармовъ, который нашелъ, что еще рано говорить о какихъ бы то ни было снисхожденіяхъ.

16 апрѣля 1853 года Тургеневъ обратился къ наслѣднику со вторымъ прошеніемъ:

„Ваше Императорское Высочество! Всемилостивѣйшій Государь!

„Сегодняшняго числа минуло ровно годъ, какъ я имѣлъ несчастье подвергнуться гнѣву Государя Императора за перепечатанье въ Москвѣ статьи о Гоголѣ, недопущенной въ Петербургѣ. Сердечно каясь въ моей винѣ, хотя невольной,—и желая только не быть сочтеннымъ за умышленнаго ослушника,—дерзаю изложить передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ слѣдующую мою всенижайшую просьбу.

„Пребываніе мое въ деревнѣ, хотя сопряженное съ тѣмъ значительнымъ неудобствомъ, что мнѣ не дозволено посѣщать прочія мои имѣнія, лежащія въ сосѣдственныхъ губерніяхъ, не было бы для меня слишкомъ тягостнымъ, еслибъ въ послѣднее время здоровье мое окончательно не разстроилось. Совѣщанія съ столичными медиками сдѣлались для меня необходимостью; позволеніе видѣться съ ними я бы счелъ за отмѣнную милость. Пріемлю смѣлость прибѣгнуть къ высокому предстательству Вашего Императорскаго Высочества передъ Государемъ Императоромъ для полученія мнѣ подобнаго позволенія. Великодушная снисходительность Вашего Высочества составляетъ мою единственную надежду—и малѣй-

[1] Такимъ образомъ разсказы о томъ, что онъ отсидѣлъ только двѣ недѣли, являются вымысломъ. Неправъ и г. Гутьяръ (см. „Рус. Стар.“ 1905, I), утверждая, что Тургенева не торопили выѣздомъ.

шее вниманіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, къ моей участи усугубитъ то чувство глубочайшей благодарности и преданности, которое я навсегда посвятилъ въ сердцѣ своемъ Вашему Высочеству.

„Вашего Императорскаго Высочества всеподданнѣйшій *Ив. Тургеневъ*, отставной коллежскій секретарь“.

Прошеніе это было направлено затѣмъ къ Орлову, который снова нашелъ невозможнымъ исполнить просьбу Тургенева, сказавъ, что годъ пребыванія въ деревнѣ истечетъ только въ маѣ.

Въ октябрѣ 1853 года уѣзжавшій изъ Москвы Ѳеоктистовъ снова вернулся туда, и Закревскій спѣшитъ сообщить Орлову, что ничего предосудительнаго въ поведеніи его не замѣчено.

24 октября Тургеневъ, понявшій, очевидно, кого надо просить вмѣсто наслѣдника, написалъ Дубельту:

„Милостивый Государь! Леонтій Васильевичъ!

„Полтора года тому назадъ имѣлъ я несчастье навлечь на себя гнѣвъ Его Императорскаго Величества и вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія нахожусь съ того времени жительствомъ въ деревнѣ.

„Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года дерзнулъ я, по причинѣ разстроеннаго здоровья, въ письмѣ къ Государю Наслѣднику Цесаревичу просить Высокаго ходатайства Его Императорскаго Высочества о дозволеніи мнѣ ѣхать лѣчиться въ Москву или въ С.-Петербургъ. Съ тѣхъ поръ прошло шесть мѣсяцевъ и болѣзнь моя еще болѣе усилилась. Не получивъ ни отъ кого никакого отзыва по поводу письма моего, я нахожусь въ неизвѣстности, дошло ли оно до Его Императорскаго Высочества и потому пріемлю смѣлость обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшей просьбою повергнуть къ стопамъ государя императора мое всеподданнѣйшее прошеніе о разрѣшеніи мнѣ пріѣзда въ столицы для совѣщанія съ опытными врачами. Смѣю удостовѣрить ваше превосходительство, что если вамъ угодно будетъ принять мою просьбу въ уваженіе, я окажу себя достойнымъ подобной ко мнѣ довѣренности.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Ив. Тургеневъ*“.

Но Орловъ и теперь, въ третій разъ, призналъ еще несвоевременнымъ исполненіе просьбы... о чемъ Дубельтъ и увѣдомилъ Тургенева 31 октября.

Но вотъ черезъ двѣ недѣли взглядъ Орлова измѣнился... Оказывается, за Ивана Сергѣевича именемъ наслѣдника просилъ церемоніймейстеръ гр. Толстой. Орловъ не хотѣлъ не исполнить просьбы, и 14 ноября представилъ всеподданнѣйшій докладъ о дозволеніи Тургеневу выѣхать изъ деревни и жить въ обѣихъ столицахъ. Николай I положилъ резолюцію: „согласенъ, но имѣть подъ строгимъ здѣсь присмотромъ“. 16-го числа Орловъ увѣдомилъ Тургенева о такомъ исходѣ дѣла, назвавъ его Иваномъ Андреевичемъ... Въ тотъ же день онъ написалъ и наслѣднику о выполненіи его просьбы. Дубельтъ хотѣлъ уже отправить это извѣщеніе, какъ, увидѣвшись съ гр. Толстымъ, услышалъ отъ него, что наслѣдникъ,

въ сущности, не давалъ ему прямого разрѣшенія ходатайствовать о Тургеневѣ... Очевидно, Толстой поддѣлъ Орлова и зная, что можетъ попасть въ бѣду, самъ поспѣшилъ въ III Отдѣленіе, какъ будто и не подозрѣвая о положенной уже государемъ резолюціи... Какъ ни былъ хитеръ Дубельтъ, но онъ не понялъ хитрости Толстого, и просилъ Орлова измѣнить редакцію бумаги къ наслѣднику. Орловъ написалъ: „есть ли ты думаешь, что бумага моя къ цесаревичу можетъ сдѣлать вредъ гр. Толстому, то можешь ее не посылать, тѣмъ болѣе, что Тургеневъ самъ просилъ“.

Такимъ образомъ, Толстой былъ спасенъ.

Тургеневъ, однако, не обнаруживалъ терпѣнія и, не получивъ еще извѣщенія Орлова, 17 ноября рѣшилъ писать ему самому:

„Ваше Сіятельство Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ!

„Слишкомъ полтора года тому назадъ имѣвъ несчастіе навлечь на себя гнѣвъ Государя Императора, нахожусь я съ тѣхъ поръ въ деревнѣ, гдѣ здоровье мое, никогда не бывшее крѣпкимъ, въ послѣднее время окончательно разстроилось.

„Если Его Императорское Величество изволитъ найти, что я еще не заслуживаю совершеннаго прощенія, то позвольте мнѣ покорнѣйше просить Ваше Сіятельство исходатайствовать мнѣ Высочайшее позволеніе побывать въ Москвѣ или въ Санктъ-Петербургѣ для совѣщанія съ опытными врачами. Смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что благодарность моя за подобную милость будетъ постоянно руководствовать моими поступками и я не подвергну себя нареканію въ томъ, что не сумѣлъ оцѣнить ея и не оказалъ себя ея достойнымъ.

„Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершеннѣйшею преданностью честь имѣю пребыть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга *Ив. Тургеневъ*.“

На этомъ кончается дѣло о Тургеневѣ.

Въ маѣ 1856 года Закревскій сообщилъ Орлову, что Ѳеоктистову необходимо ѣхать за границу съ сыномъ гр. Саліасъ, графомъ Евгеніемъ Андреевичемъ, и потому спрашивалъ, не снять ли съ него надзоръ, чтобъ не воспрепятствовать отъѣзду? Ведетъ онъ себя очень хорошо, что подтверждалъ и жандармскій генералъ Перфильевъ. Орловъ сдѣлалъ докладъ государю, который 2 іюня написалъ: „согласенъ“.

Тогда Боткинъ тоже рѣшилъ просить объ окончательномъ прощеніи и въ сентябрѣ обратился къ смѣнившему Орлова кн. Долгорукову съ письмомъ, въ которомъ, разсказавъ вкратцѣ всю исторію, писалъ: „Нынѣ, по прошествіи слишкомъ четырехъ лѣтъ, я осмѣливаюсь надѣяться, что могъ доказать благонамѣренность моего образа мыслей и безукоризненность поведенія. Производя по смерти отца моего значительную торговлю съ Китаемъ въ Кяхтѣ, состою я по городскимъ выборамъ на службѣ попечителемъ мѣщанскаго училища въ Москвѣ, основаннаго московскимъ купеческимъ обществомъ въ память торжественнаго дня вступленія въ совершеннолѣтіе нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и недавно удостоился я получить за пожертвованіе въ 1854 г. на военныя

потребности золотую медаль на анненской лентѣ для ношенія на шеѣ, съ надписью „за усердіе“.

На запросъ Долгорукова Закревскій отвѣтилъ, что ничего не имѣетъ противъ удовлетворенія просьбы Боткина. 1 ноября 1856 года всеподданнѣйшимъ докладомъ испрашивалось и получено согласіе на снятіе надзора и съ Боткина.

Послѣ декабрьскаго (1852 г.) переворота во Франціи, Дубельтъ далъ замѣтить актеру Каратыгину, иногда баловавшему стихоплетствомъ, что недурно бы было отозваться на это событіе. Каратыгинъ написалъ „Посланіе къ галламъ, по случаю восшествія на тронъ Наполеона III“.

Народъ, смѣявшійся надъ всѣмъ, безъ исключенья,
Какъ ты въ нашъ вѣкъ смѣшно упалъ.
Къ чему вели тебя всѣ бунты и волненья?
Ты изъ огня да въ полымя попалъ!
Гдѣ жъ эта спорная, несчастная свобода?
Изъ за чего свою вы проливали кровь?
Гдѣ братство, равенство, права народа,
Гдѣ ваша къ вольности любовь?
Теперь вы новому властителю такъ рады...
Вы головы предъ нимъ рѣшились преклонить...
Зачѣмъ же строили вы ваши барикады?
Зачѣмъ же огородъ вамъ было городить?
Снимайте жъ колпаки!.. долой игрушки эти...
Да, правду-матку говоря:
Вы не сыны отечества, а дѣти,
Лягушки вы, просящія царя!
Король Филиппъ чурбаномъ вамъ казался,
Прогнали вы его, не въ добрый часъ,
Теперь, наоборотъ, такой вамъ гусь попался,
Что цаплей сдѣлался для васъ.
А вы всѣ съежились, свои хвосты поджали,
Склеили для него опять разбитый тронъ
И раболѣпно закричали:
„Да здравствуетъ Наполеонъ!“
Кричите громче... Бѣсноваться
Не въ первый разъ французамъ безъ пути...
Наполеона вамъ второго недождаться,
А съ третьимъ вамъ недалеко уйти!

Дубельтъ представилъ эти вирши Николаю. Царь очень хохоталъ, похвалилъ автора и просилъ себѣ нѣсколько копій для раздачи роднѣ... Напечатать ихъ тогда не рѣшились, и стихотвореніе ходило въ массѣ по рукамъ, поднимая презрѣніе къ „мятежникамъ-французамъ“...

---

21 апрѣля 1852 года въ Москвѣ вышелъ первый томъ славянофильскаго „Московскаго Сборника", этого перваго яркаго выраженія взглядовъ и мнѣній лучшихъ представителей новаго тогда направленія. Уже 2 мая генералъ-губернаторъ Закревскій обратилъ на это вниманіе III Отдѣленія, признавъ неумѣстными статью о Гоголѣ и стихи Хомякова: „Мы родъ избранный". Немного спустя, министръ народнаго просвѣщенія, Ширинскій-Шихматовъ, увидя, что сборникъ имѣетъ успѣхъ не только уже въ Москвѣ, что о немъ говорятъ, 19 мая представилъ Николаю докладъ, въ которомъ, войдя въ оцѣнку помѣщенныхъ въ сборникѣ произведеній, доложилъ, что уже принялъ отъ себя цѣлый рядъ мѣръ, а именно: сдѣлалъ выговоръ цензору, обратилъ вниманіе московскаго цензурнаго комитета и приказалъ не разрѣшать остальныхъ томовъ безъ согласія главнаго управленія цензуры. Немного позже предсѣдатель Бутурлинскаго комитета, генералъ Анненковъ, тоже напустился на „Московскій Сборникъ", находя изданіе его совершенно неумѣстнымъ.

Наконецъ, и III Отдѣленіе не сочло возможнымъ пройти мимо такого литературнаго явленія.

У него для этого были свои соображенія, навѣянныя рапортомъ Закревскаго.

14 іюля Дубельтъ писалъ Ширинскому-Шихматову:

„Московскій военный генералъ-губернаторъ графъ Закревскій всеподданнѣйше докладывалъ Государю Императору, что съ нѣкотораго времени образовалось въ Москвѣ общество славянофиловъ; что цѣль этихъ людей состоитъ въ томъ, дабы сдѣлать переворотъ въ русской литературѣ, не подражать иностраннымъ западнымъ писателямъ, искать для сочиненій своихъ предметовъ самобытныхъ и народныхъ; что хотя секретное наблюденіе за членами сего общества не обнаружило до сего времени ничего положительно вреднаго, но какъ общество это, подъ руководствомъ людей неблагонамѣренныхъ, легко можетъ получить вредное политическое направленіе и какъ члены онаго большею частью литераторы, то графъ Закревскій признавалъ совершенно необходимымъ, кромѣ личнаго за ними надзора, обратить особенное вниманіе цензуры на ихъ сочиненія. Къ этому онъ присовокупилъ, что Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: сообщить о вышеизложенномъ, для исполненія, шефу жандармовъ, и доставилъ списокъ извѣстныхъ ему славянофиловъ. По всеподданнѣйшему моему докладу Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ, дабы „на представляемыя какъ отъ тѣхъ лицъ, такъ и отъ другихъ писателей, сочиненія въ духѣ славянофиловъ было обращаемо со стороны цензуры особенное и строжайшее вниманіе".

Къ этому Дубельтъ прибавилъ, что, по отзыву Закревскаго, можно считать проявленіемъ вреднаго направленія славянофиловъ помѣщенныя въ „Московскомъ Сборникѣ" уже указанное мною стихотвореніе Хомякова и „Бродягу" И. С. Аксакова. Въ приложенномъ спискѣ славянофиловъ были смѣшаны самые разнообразные представители московской интеллигенціи: братья Аксаковы, Свербѣевъ,

Хомяковъ, Кирѣевскій, Дмитріевъ-Мамоновъ, Кошелевъ, историкъ Соловьевъ, Армфельдъ, Бестужевъ, Ефремовъ, Чаадаевъ, Драшусовъ, Львовъ, Масловъ... [1]

Вотъ какое понятіе имѣла тогдашняя администрація о славянофилахъ, какъ она поняла ихъ и въ какое общество сорганизовала...

Между тѣмъ, ничего еще не зная, 1 августа Аксаковъ сдалъ въ московскую цензуру рукописи второго тома сборника. Когда Орловъ узналъ объ этомъ отъ Закревскаго, то не преминулъ поставить въ извѣстность и министра народнаго просвѣщенія, что было, конечно, совершенно излишне. А затѣмъ, когда III Отдѣленію стало извѣстно, что второй томъ встрѣтилъ въ цензурѣ очень враждебное отношеніе, то, заинтересовавшись нарождавшимся „тайнымъ обществомъ", оно просило прислать ему эти рукописи.

Ознакомившись съ ними, Дубельтъ писалъ 23 января 1853 года Ширинскому-Шихматову:

„Разсмотрѣвъ статьи, помѣщенныя во второмъ томѣ „Московскаго Сборника", я нахожу, что московскіе славянофилы смѣшиваютъ приверженность свою къ русской старинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ, и, явно не доброжелательствуя нынѣшнему порядку вещей, въ заблужденіи мыслей своихъ безпрерывно желаютъ оттолкнуть наше отечество ко временамъ равноапостольнаго князя Владиміра; что хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ-то: Ивану Аксакову, Константину Аксакову и Хомякову, уже дѣлаемы были внушенія, но это на нихъ не подѣйствовало, а первый изъ нихъ такое сочиненіе, которое правительствомъ было признано неумѣстнымъ, не только дополнилъ, но и напечаталъ; что вообще они даже, послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній, дерзко представляютъ къ напечатанію статьи, которыя обнаруживаютъ ихъ открытое противодѣйствіе правительству. Дабы разъ навсегда положить предѣлъ распространенію таковаго вреднаго образа мыслей и предупредить строгія, но справедливыя взысканія правительства, которымъ подвергаются цензоры, я полагаю: 1. Второй томъ „Московскаго Сборника" вполнѣ запретить, 2. равно прекратить и дальнѣйшее изданіе этого *Сборника*, 3. редактора Ивана Аксакова лишить права быть редакторомъ какихъ бы то ни было изданій, 4. Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Кирѣевскому и князю Черкасскому, сдѣлавъ наистрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпыя и вредныя понятія, *воспретить даже и представлять къ напечатанію свои сочиненія*, 5. всѣхъ сихъ, какъ людей *открыто неблагонамѣренныхъ* подвергнуть не секретному, но явному полицейскому надзору". Черезъ мѣсяцъ Орловъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что лишать права названныхъ Дубельтомъ лицъ даже и представлять свои рукописи въ цензуру не слѣдуетъ; нужно только, чтобы онѣ шли на просмотръ главнаго управленія цензуры.

[1] „Русская Старина", 1903 г., № 9, 663—664.

2 марта 1853 года Ширинскій-Шихматовъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, который кончалъ предложеніемъ Дубельта съ поправкой Орлова. На слѣдующій день послѣдовала резолюція: „справедливо“.

Затѣмъ со славянофилами въ III Отдѣленіи на время все затихаетъ.

Въ апрѣлѣ 1853 года по какому-то дѣлу былъ арестованъ отставной прапорщикъ Бардовскій. На допросѣ въ III Отдѣленіи онъ, между прочимъ, показалъ, что найденное у него переписанное стихотвореніе: „Комментаріи на басню Крылова „Миронъ“, сочинено Некрасовымъ. Потомъ онъ прибавилъ, что слышалъ такъ, но не знаетъ, насколько слухъ справедливъ, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, поэтъ не могъ написать „столь глупаго стихотворенія“. Сейчасъ же было приказано составить „справку“ о томъ, что извѣстно III Отдѣленію о Некрасовѣ. Въ результатѣ слѣдующій документъ, датированный 23-мъ апрѣля того же года:

„Некрасовъ вмѣстѣ съ Иваномъ Панаевымъ издаетъ журналъ „Современникъ“. До 1848 года въ этомъ журналѣ замѣчались статьи, въ которыхъ отражалось тогдашнее направленіе умовъ Западной Европы, но въ то время редакторъ „Современника“ былъ профессоръ Никитенко, и по журналу комитета, который утвержденъ былъ для разсмотрѣнія всѣхъ русскихъ журналовъ, выговоръ за означенныя статьи былъ объявленъ не Некрасову и Панаеву, а Никитенкѣ.

„Въ 1849 году особый комитетъ о журналахъ, существующій доселѣ, замѣтилъ въ „Современникѣ“ статью, въ которой косвеннымъ образомъ намекалось, что съ учрежденія упомянутаго комитета явился въ Россіи ,,недугъ книгоненавидѣнія“. За это издателямъ Некрасову и Панаеву сдѣлано было внушеніе.

„Въ томъ же году Ваше Сіятельство (справка обращена къ Орлову—*М. Л.*) изволили получить неблагопріятныя свѣдѣнія о Некрасовѣ на счетъ его образа мыслей, и онъ послѣ того въ III Отдѣленіи имѣется на замѣчаніи.

„Некрасовъ извѣстенъ, какъ довольно хорошій сочинитель повѣстей и стиховъ. Нѣкоторые стихи его были недовольно нравственны и недовольно благопристойны; напримѣръ, въ стихахъ подъ названіемъ „Колыбельная пѣсня“ онъ, обращаясь къ младенцу, говоритъ о тѣхъ порокахъ, злости, пьянствѣ и проч., которыми этотъ младенецъ будетъ зараженъ въ совершеннолѣтіи“.

Вотъ и все: на этомъ кончается и дѣло о ,,Современникѣ“. [1]

---

[1] 1849 г., 1 экспед., № 18, ч. 5.

XXX.

1854 годъ.

Славянофилы. Стихи Ивана Аксакова.

Очевидно, „общество славянофиловъ“ очень интересовало III Отдѣленіе, боявшееся проглядѣть возникновеніе новой противоправительственной организаціи. Объ этомъ можно судить по тому трактату, который 18 января Дубельтъ послалъ министру народнаго просвѣщенія, А. С. Норову: ясно, что это была сводка всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ подъ его руководствомъ, и онъ спѣшилъ подѣлиться ею съ человѣкомъ, прикасавшимся такъ близко къ цензурѣ.

„Славянофилы наши,—писалъ Дубельтъ—подражая ученымъ Западной Европы, заботятся о сохраненіи памятниковъ древности, о возстановленіи собственной народности, языка и литературы, и объ изгнаніи изъ нашихъ нравовъ всего иноземнаго. Это направленіе, съ одной стороны похвальное, но съ другой—выходя изъ своихъ предѣловъ, иногда порождаетъ событія, несоотвѣтственныя настоящему порядку дѣлъ. У насъ славянофильство сдѣлалось замѣтно сначала въ Москвѣ. Изъ приверженцевъ этого ученія до 1847 года были тамъ извѣстны: бывшій профессоръ университета Бодянскій, профессоръ Шевыревъ, писатели: Кирѣевскій, Хомяковъ, Конст. Аксаковъ и другіе. Одни изъ нихъ носили простонародную русскую одежду и отпускали себѣ бороду, негодуя на императора Петра I, который, по ихъ мнѣнію, унизилъ Россію въ собственномъ ея народномъ началѣ, отдѣливъ высшее сословіе отъ низшаго одеждою и наружностью; иные въ преувеличенныхъ возгласахъ разсуждали о всемірномъ вопросѣ на счетъ славянъ, будто бы обратившемъ на себя вниманіе Европы, о необыкновенно-великомъ значеніи славянъ, которые рано или поздно сдѣлаются первенствующимъ народомъ въ образованномъ мірѣ, и тому подобномъ.

„Выражаясь напыщенно и двусмысленно, они нерѣдко заставляли сомнѣваться, не кроется ли подъ ихъ патріотическими возгласами цѣлей, противныхъ нашему правительству. Константинъ Аксаковъ въ 1846 году, по случаю 700-лѣтія существованія Москвы, напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статью, въ которой называлъ Москву народною столицею, говорилъ о земской думѣ, собранной при Іоаннѣ IV со всей земли русской, о спасеніи русской земли въ 1812 году народомъ и пр. Тогда же на эту статью обращено было вниманіе бывшаго попечителя Московскаго учебнаго округа, графа Строганова. Въ 1847 году обнаружено, что славянофильство можетъ принять и преступное направленіе. Въ Кіевѣ кандидатъ Гулакъ, адъюнктъ-профессоръ Костомаровъ и кандидатъ Бѣлозерскій учреждали тайное общество, подъ названіемъ „Общество Св. Кирилла и Мефодія“. Съ ними находились въ сношеніяхъ, или раздѣляли ихъ мнѣнія: бывшій учитель С.-Петербургской гимназіи Кулешъ, художникъ Шевченко и другіе молодые люди,

большею частью воспитанники университета св. Владиміра. Цѣль этого общества сначала заключалась въ томъ, чтобы, возстановляя народность, языкъ и литературу славянскихъ племенъ, приготовлять эти племена къ соединенію подъ одну державу, но какъ всѣ члены общества были уроженцы Малороссіи, то вскорѣ славянофильство ихъ обратилось въ украйнофильство, и они перешли къ предположеніямъ о возстановленіи Малороссіи въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась до присоединенія къ Россіи. Не только въ бумагахъ, хранившихся у соучастниковъ украйно-славянскаго общества, но даже въ напечатанныхъ сочиненіяхъ Кулеша и частью Костомарова описывались распоряженія императора Петра I и его преемниковъ въ видѣ угнетеній и подавленія правъ народныхъ; напротивъ того, духъ прежняго казачества они изображали съ восторженными похвалами, наѣзды гайдамаковъ представляли въ видѣ подвиговъ рыцарства, славу временъ гетманщины называли всемірною, приводили пѣсни украинскія, въ которыхъ выражается любовь къ вольности, намекая, что этотъ духъ не простылъ и доселѣ таится въ малороссіянахъ. Наконецъ, у нѣкоторыхъ изъ соучастниковъ найдены были уставъ общества и рукопись подъ заглавіемъ „Законъ Божій". Хотя бумаги эти не сдѣлались основаніемъ или правилами украйно-славянскаго общества, но оно могло принять направленіе, опасное для государственнаго спокойствія. Виновные въ то же время были подвергнуты строгимъ наказаніямъ; напечатанныя сочиненія Шевченки („Кобзарь"), Кулеша („Повѣсть объ украинскомъ народѣ", „Украина" и „Михаило Чернышенко") и Костомарова („Украинскія баллады" и „Вѣтка") изъяты изъ продажи; самимъ Кулешу и Шевченкѣ запрещено писать, а послѣднему и рисовать; бывшему адъюнктъ-профессору Чижову, который оказался хотя поборникомъ русской народности, но выходящимъ изъ границъ благоразумія, предписано представлять свои сочиненія на предварительное разсмотрѣніе въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи; цензорамъ же, пропустившимъ вышеозначенныя сочиненія, объявленъ былъ строгій выговоръ.

„Тогда обращено было вниманіе и вообще на славянофиловъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ находились при воспитаніи юношества. Сверхъ того лица, прикосновенныя къ украйно-славянскому дѣлу, оправдывали себя именно тѣмъ, что они считали дѣятельность свою согласною съ видами правительства: ибо само учебное начальство, поощряя изысканія о славянскихъ древностяхъ и нарѣчіяхъ, отправляя путешественниковъ (какъ отправляло и Кулеша) въ земли западныхъ славянъ и предписывая собирать въ Малороссіи и другихъ областяхъ Россіи мѣстныя слова, пословицы и др., какъ бы поощряло ихъ къ изученію науки славянской. Вслѣдствіе этого, по высочайшему повелѣнію, шефомъ жандармовъ сообщено было Уварову, дабы наставники и писатели отнюдь не допускали ни на лекціяхъ, ни въ книгахъ и журналахъ никакихъ предположеній о присоединеніи иноземныхъ славянъ къ Россіи и вообще ни о чемъ, что принадлежитъ правительству, а не ученымъ; чтобы всѣ выводы ученыхъ и писателей клонились къ возвышенію Россійской Имперіи, чтобы цензоры обращали строжайшее вниманіе особенно на московскія, кіевскія и харьковскія періодическія изданія и

на всѣ книги, сочиненныя въ славянофильскомъ духѣ, не допуская даже тѣхъ полутемныхъ и двусмысленныхъ выраженій, которыя, хотя не заключаютъ въ себѣ злоумышленной цѣли, но могутъ приводить читателей къ предположеніямъ неблагонамѣреннымъ. Передъ тѣмъ временемъ и бывшій министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ циркулярными предписаніями должныя наставленія по этому предмету попечителямъ учебныхъ округовъ.

„Въ 1852 году получено было свѣдѣніе, что въ Москвѣ вновь дѣлаются замѣтными славянофилы, что хотя цѣль ихъ состоитъ только въ томъ, дабы произвести переворотъ въ русской литературѣ, не подражать иностраннымъ писателямъ, искать для сочиненій своихъ предметовъ самобытныхъ и народныхъ, но это стремленіе, подъ руководствомъ людей неблагонамѣренныхъ, легко можетъ обратиться въ противозаконное и вредное. Поэтому, изъ московскихъ славянофиловъ надъ Константиномъ и Иваномъ Аксаковыми, Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, профессоромъ Соловьевымъ и другими учреждено секретное наблюденіе, и сверхъ того князю Ширинскому-Шихматову 14 іюля 1852 года сообщено было, дабы на сочиненія въ духѣ славянофиловъ цензура обращала особенное и строжайшее вниманіе“. [1]

Въ одномъ изъ „дѣлъ“ есть такая записка: „Стихи некоего Аксакова изъ Полтавы. Замѣчательны по духу противному законному порядку въ которомъ писаны, и требуетъ, кажется, чтобы на автора было обращено вниманіе Правительства“. Рукою Орлова написано на ней: „переговорить, похожи очень на стихи съ отвѣтомъ гр. Ростопчиной“. А рукою Дубельта:—„до пріѣзда графа Закревскаго. Графъ Закревскій полагаетъ заключить Аксакова въ крѣпость до окончанія войны. 4 мая 1854“. Затѣмъ на слѣдующій день Дубельтъ приписалъ: „Графъ приказалъ оставить до новаго приказанія“. [2]

Повидимому, рѣчь шла о стихотвореніи „На Дунай!“ написанномъ, однако, не въ Полтавѣ, а въ Елисаветградѣ, въ апрѣлѣ 1854 года. Привожу его полностью:

На Дунай!

На Дунай! туда, гдѣ новой славы,
Славы чистой свѣтитъ намъ звѣзда,
Гдѣ на пиръ мы позваны кровавый,
Гдѣ, на споръ взирая величавый,
Цѣлый міръ ждетъ Божьяго Суда!
    Чудный мигъ! мигъ строгій и суровый!
    Тамъ, въ бою сшибаясь роковомъ,
    Стонутъ царскія могучія основы,
    Старый міръ объ міръ крушится новый,
    Ходятъ тѣни вѣщія кругомъ.

[1] „Русская Старина“, 1903 г., № 9, 664—666.
[2] Дѣло архива III Отдѣленія, I экспедиціи, 1852 года, № 92.

И вѣка надъ ратными полками
Грозными видѣньями встаютъ,
Мрачными глядятъ на нихъ очами,
Держатъ свитки длинные руками,—
Къ страшному отвѣту ихъ зовутъ.
Тамъ, сквозь пыль и стоны, и рыданье,
Гулъ и громъ тревоги боевой,
Чьихъ то крылій слышно трепетанье,
Чье то дышетъ мѣрное дыханье,
Чья то длань простерлась надъ землей!
На Дунай! что медлишь ты напрасно?
Слыша силъ властительный призывъ,
Подвиговъ у Бога ежечасно
Ты просилъ... Мгновеніе прекрасно;
Подвигъ святъ и праведенъ порывъ!
О, туда! Отрадно на просторѣ
Тамъ вздохнуть средь жизни міровой,
Въ горѣ всѣхъ—свое растратить горе,
Въ счастьѣ всѣхъ—исчезнуть будто въ морѣ,
Хода дней не слышать надъ собой...
Въ общей жизни—жизнью потеряться,
Въ общемъ дѣлѣ— свято послужить:
Днямъ такимъ ужъ вновь не возвращаться,
На Дунай! Что медлить? чѣмъ смущаться?
Разъ одинъ дается въ мірѣ жить.
Такъ проси-жъ у Бога силъ небесныхъ,
Все для дня великаго забудь.
Весь зажгись огнемъ восторговъ честныхъ,
Межъ рабочихъ темныхъ и безвѣстныхъ
Ты вездѣ рабочимъ добрымъ будь! [1]

Арестованъ Аксаковъ не былъ.

XXXI.

1855 годъ.

Сочиненія Гоголя. Заключеніе.

Все меньше и меньше III Отдѣленіе принимало участіе въ цензурѣ. Въ эпоху позорной Крымской кампаніи ему было не до того. Скованный великанъ начиналъ расправлять свои занѣмѣвшіе члены, и хлопотъ съ нимъ было не мало... Николай тоже не обращалъ особеннаго вниманія ни на что, кромѣ войны, понимая, что влечетъ за собой ея проигрышъ...

[1] „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, III, 100.

Изъ хроники послѣдняго года его царствованія извѣстно только дѣло о сочиненіяхъ Гоголя.

Мы уже видѣли, какъ встрѣтило правительство смерть великаго сатирика.

Въ 1853 году возникла, однако, мысль издать его сочиненія, поддержанная либерально тогда настроеннымъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Мать Гоголя обратилась къ нему съ просьбой довести до государя ея всеподданнѣйшее прошеніе объ изданіи всѣхъ сочиненій сына не только до того напечатанныхъ, но и разысканныхъ новыхъ. 28 мая 1853 года великій князь писалъ Орлову:

„Графъ Алексѣй Θедоровичъ. Въ продолженіе прошлой зимы Я имѣлъ случай прочитать нѣкоторыя ненапечатанныя сочиненія покойнаго Гоголя, найденныя послѣ его смерти, какъ то: „Размышленія о литургіи", исповѣдь автора и проч. Сочиненія эти отличаются прекраснымъ религіознымъ направленіемъ и въ нихъ выражается теплая любовь къ Престолу. Нынѣ мать его доставила Мнѣ просьбу на Высочайшее имя о разрѣшеніи напечатать новое изданіе всѣхъ прежнихъ сочиненій его съ присовокупленіемъ найденныхъ послѣ него рукописей. Признавая подобное изданіе весьма полезнымъ и имѣя въ виду, что сочиненія Гоголя, не всегда правильно понимаемыя, возбуждали разные споры въ литературѣ, и что по сему едва ли удобно передавать оныя на разсмотрѣніе обыкновенной цензуры, и что на изданіе нѣкоторыхъ изъ нихъ состоялись въ прежнее время особыя Высочайшія повелѣнія, Я рѣшаюсь препроводить помянутую записку къ Вашему Сіятельству и ходатайствовать: повергнуть оную воззрѣнію Государя Императора на случай, не соизволитъ ли Его Императорское Величество поручить статсъ-секретарю барону Корфу пересмотрѣть всѣ сочиненія Гоголя для разрѣшенія напечатать оныя. Я увѣренъ, что баронъ Модестъ Андреевичъ съ удовольствіемъ и вполнѣ отчетливо исполнитъ подобное порученіе. Сочиненій Гоголя уже почти нѣтъ въ продажѣ и потому новое изданіе весьма бы желательно, тѣмъ болѣе, что оно послужило бы средствомъ къ содержанію семейства его находящагося въ крайней бѣдности.

„Пребываю къ Вамъ навсегда искренно доброжелательнымъ *Константинъ*".

2 іюня Орловъ отвѣтилъ великому князю, что государь не находитъ нужнымъ дѣлать для цензуры сочиненій Гоголя какихъ-либо исключеній изъ общаго порядка. [1] Такимъ образомъ сочиненія надлежало отдать московской цензурѣ. Послѣдняя не рѣшалась принять то или иное опредѣленное рѣшеніе, не узнавъ мнѣніе начальства и въ концѣ 1854 года запросила главное управленіе цензуры, въ которое переслала и оригиналъ.

Тогда 29 января 1855 года великій князь пишетъ Орлову:

„Графъ Алексѣй Θедоровичъ. Узнавъ отъ профессора Шевырева, что въ главное управленіе цензуры поступило полное собраніе сочиненій Гоголя, которое предполагается напечатать въ пользу семейства автора, которое находится

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспед., 1852 г., № 92.

въ крайней бѣдности, и при томъ имѣя въ виду, что сочиненій этихъ уже нѣтъ въ продажѣ, тогда какъ они должны бы находиться въ каждой русской библіотекѣ (даже у Меня нѣтъ полнаго собранія оныхъ), Я прошу Ваше Сіятельство принять на себя трудъ: попросить отъ Моего имени члена помянутаго главнаго управленія генералъ-лейтенанта Дубельта постараться, въ особенное Мнѣ удовольствіе, чтобы разрѣшеніе комитета на изданіе этихъ сочиненій послѣдовало по возможности въ непродолжительномъ времени. Сверхъ того, Я просилъ бы Леонтія Васильевича оказать просвѣщенное содѣйствіе еще по одному обстоятельству этого изданія. Я слышалъ, будто московскіе цензоры находятъ нужнымъ исключить въ новомъ изданіи Гоголя многія мѣста напечатанныя въ первомъ изданіи; подобное распоряженіе, Мнѣ кажется, будетъ имѣть слѣдствіемъ то, что вниманіе публики обращено будетъ именно на эти исключенныя мѣста и молодые люди, которые купятъ новое изданіе, станутъ вписывать въ него, для полноты, непропущенныя мѣста перваго изданія. Примѣры этому бывали уже неоднократно, и вмѣсто пользы предполагаемое распоряженіе принесетъ явный вредъ. Сверхъ того, личность Гоголя, его религіозныя вѣрованія и преданность къ Престолу слишкомъ извѣстны, чтобы можно было подозрѣвать въ его сочиненіяхъ какое либо неблагонамѣренное направленіе. Какъ сатирикъ и комикъ онъ осуждалъ дурное и смѣялся надъ смѣшнымъ, но цѣль его всегда была хорошая и плоды его сатиры были всегда полезны. Поэтому Мнѣ казалось бы, что необходимо даже оказать пособіе Правительства на изданіе ненапечатанныхъ еще его сочиненій, которыя желательно бы видѣть въ печати безъ всякихъ пропусковъ. Всѣ соображенія сіи прошу Ваше Сіятельство передать Леонтію Васильевичу и увѣрить его, что Я буду искренно благодаренъ ему за покровительство, которое онъ окажетъ сочиненіямъ нашего народнаго писателя, котораго Я весьма уважаю, и который своими твореніями доставилъ Мнѣ много пріятныхъ минутъ и принесъ истинную пользу.

„Пребываю къ Вамъ навсегда доброжелательнымъ *Константинъ.*“

Дубельтъ не только вполнѣ исполнилъ просьбу великаго князя, но еще и очень быстро: уже 31 января онъ внесъ въ главное управленіе свое особое мнѣніе, настолько любопытное для характеристики и эпохи, и самого хитраго жандармскаго владыки, что я привожу его полностью:

„Въ Москвѣ предположено напечатать новое изданіе сочиненій *Гоголя.* Въ это изданіе войдутъ: 1. *Четыре тома сочиненій* его, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были изданы въ 1842 году, и 2, оставшіеся по смерти автора въ рукописяхъ *пять главъ 2-го тома Мертвыхъ душъ* и *Авторская исповѣдь.*

„Все это уже разсмотрѣно бывшими московскими цензорами *Ржевскимъ* и *Похвисневымъ,* которые нашли, что сочиненія Гоголя, по общему ихъ духу и впечатлѣнію, производимому ими на читателя, не только не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, но еще отличаются чисто-нравственнымъ и благонамѣреннымъ направленіемъ; что изъ нихъ комедіи „Ревизоръ“ и другія постоянно разыгрываются на Императорскихъ театрахъ, а прочія сочиненія никогда не под-

вергались замѣчанію со стороны цензурнаго начальства. Не менѣе того, цензоры отмѣтили въ сочиненіяхъ и въ рукописяхъ *Гоголя* весьма много мѣстъ, почти на каждой страницѣ, которыя, будучи отдѣльно взяты, подвергались осужденію, не потому, чтобы въ нихъ заключались преступныя мысли, но потому только, что онѣ могутъ быть истолкованы читателями въ превратномъ видѣ и подать поводъ къ неблаговиднымъ заключеніямъ.

,,Генералъ-адъютантъ *Назимовъ* и члены московскаго цензурнаго комитета признаютъ новое изданіе сочиненій *Гоголя* весьма полезнымъ, какъ по рѣдкости экземпляровъ прежняго изданія, продающихся по неимовѣрно-дорогой цѣнѣ, такъ и по уваженію высокаго значенія сочиненій его въ нашей литературѣ, благонамѣренности направленія ихъ и нравственности производимыхъ ими впечатлѣній. При этомъ г. *Назимовъ* ходатайствуетъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на изданіе всѣхъ сочиненій *Гоголя* безъ перемѣнъ и исключеній, тѣмъ болѣе, что перемѣны и исключенія не только повредятъ ихъ достоинству, но еще болѣе возвысятъ цѣну прежняго изданія и подадутъ поводъ отыскивать по первому изданію выпущенныя мѣста, а это придастъ послѣднимъ такое толкованіе, какого прежде они никогда не имѣли. По мнѣнію г. *Назимова*, сочиненія *Гоголя* заслуживаютъ по преимуществу того, чтобы ихъ подвести подъ Высочайшее повелѣніе отъ 14-го августа 1851 года, въ которомъ сказано: ,,Предоставить главному управленію цензуры, при разсмотрѣніи донесеній цензурныхъ комитетовъ о сомнительномъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе въ примѣненіи къ содержанію ихъ цензурныхъ правилъ, съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, слога и языка, которыми эти произведенія написаны, большей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время, и, наконецъ, тѣхъ впечатлѣній, которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ обращенія, различая сочиненія, относящіяся къ легкому чтенію и доступныя большему числу читателей отъ тѣхъ, которыя читаются только людьми, посвятившими себя подробному изученію нашей литературы''.

Разсмотрѣніе сочиненій Гоголя.

По внимательномъ разсмотрѣніи сочиненій Гоголя, оказывается слѣдующее:

Гоголь, какъ сатирическій писатель, въ сочиненіяхъ своихъ выводилъ такихъ людей, которые смѣшны и забавны.

Какъ забавное и смѣшное особенно находится въ низшихъ классахъ народа, въ людяхъ подверженныхъ слабостямъ и порокамъ, то и онъ представляетъ сцены не всегда строго-нравственныя, и людей, которые выражаются не совсѣмъ пристойно, судятъ ошибочно или невыгодно о помѣщикахъ, о дворянствѣ, о военныхъ

и гражданскихъ чиновникахъ. Но общее направленіе у него всегда нравственное: неприличное и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе, или возбуждаетъ одинъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ. Нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіяхъ, дѣйствительно, кажутся рѣзкими и какъ бы сомнительными, но только въ такомъ случаѣ, если оторвать ихъ отъ цѣлаго разсказа, не обращая вниманія, кѣмъ и по какому случаю что сказано. Эти-то мѣста всѣ, безъ малѣйшаго исключенія, отмѣчены цензорами.

Вотъ, для примѣра, нѣкоторыя изъ нихъ:

Дьячекъ, разсказывая о дѣйствіяхъ лукаваго, прибавилъ: „*чтобъ ему, собачьему сыну, приснился крестъ святой!*" (Соч. т. I, ч. 1, стр. 77).

Въ разсказѣ того же дьячка находится: „*Чертъ съ тобою! давай креститься!*" (Тамъ же, стр. 97).

Казакъ Данило говоритъ про другого трезваго казака: „Горѣлки даже не пьетъ! Экая пропасть! мнѣ кажется, что онъ и *въ Господа Христа не вѣруетъ!*" (Тамъ же, ч. 2, стр. 116).

„Кто, я, сказалъ бурсакъ, я святой жизни?.. Богъ съ вами, панъ! что вы это говорите! да я, хоть оно не пристойно сказать, ходилъ къ булочницѣ, *противъ самаго страстнаго четверга!*" (Тамъ же, т. 2, стр. 344).

Кіевскій семинаристъ-философъ говоритъ: „Эхъ жаль, что *во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!*" (Тамъ же, стр. 360).

Въ комедіи „Игроки" (sic) сваха Ѳекла говоритъ: „Да на Руси есть такія прозвища, что только *плюнешь да перекрестишься!*" (Тамъ же, т. 4, стр. 253).

Та же Ѳекла, доказывая преимущество русскаго языка предъ иностранными, прибавила: „Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, рѣчь извѣстно какая: *всѣ святые говорили по русски*" (Тамъ же, стр. 299).

При видѣ князя *Потемкина* — „Это царь?" спросилъ кузнецъ Вакула одного изъ запорожцевъ. „Куда тебѣ царь! это самъ *Потемкинъ*",—отвѣчалъ тотъ (Т. 1, ч. II, стр. 74).

„Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, *садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить*". (Тамъ же, т. 3, стр. 316).

Помѣщикъ *Пѣтухъ*, съ своими крестьянами бродилъ въ озерѣ рыбу. Увидя проѣзжающаго *Чичикова*, онъ вышелъ на берегъ голый и просилъ путешественника къ себѣ обѣдать, держа одну руку надъ глазами козырькомъ, въ защиту отъ солнца, *другую же пониже, на манеръ Венеры Медицейской...* За обѣдомъ, безпрестанно потчуя Чичикова, и услышавъ выраженіе, что у него мѣста не осталось въ желудкѣ для новаго куска, Пѣтухъ сказалъ: „Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій—нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте, этотъ кусокъ тотъ же городничій" (Рукоп. Мертвыя Души, глава 3, стр. 8 и 28).

„Если бы проѣзжалъ сорочинскій *засѣдатель... съ дьявольски сплетенной плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика*" (Соч. т. 1, ч. 2, стр. 4).

Казакъ Вакула три раза ударилъ чорта хворостиной и „бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ *мужикъ, котораго только-что выпарилъ засѣдатель*". (Тамъ-же, стр. 86).

Пискаревъ пріѣхавъ на балъ въ Петербургѣ, въ тѣснотѣ „не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ-нибудь образомъ *какого-нибудь тайнаго совѣтника*". (Тамъ-же, стр. 39).

Въ запискахъ сумасшедшаго, въ одномъ мѣстѣ отмѣчено: „*Вѣдь черезъ-то, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу*". (Тамъ-же, стр. 365).

Въ тѣхъ же запискахъ сказано: „Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ; никакихъ совершенно рессурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголкѣ и пописываетъ. Фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: это, говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рысаковъ, или дрожки, или бобра въ рублей триста. Съ виду такой тихонькой, говоритъ такъ деликатно: одолжите ножичка обчинить перышко, а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ". (Тамъ-же, стр. 343).

„П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки; онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ... „*Большая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики, не хуже гусаровъ*"... „Чтобы еще болѣе показать образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и *проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать*". (Т. 1, ч. 2, стр. 194 и 195).

„Не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ (томъ-же) полку... За то, *въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ, послѣ полученія прапорщичьяго чина*, произведенъ онъ былъ въ подпоручики". (Тамъ-же, стр. 196).

„Ужъ такъ провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки". (Тамъ-же, т. 3, стр. 72).

Здѣсь выписаны наиболѣе рѣзкія мѣста, цензоры же отмѣтили множество мѣстъ, которыя, даже взятыя отдѣльно, не представляютъ ничего сомнительнаго. Всякое упоминаніе о Богѣ, о святомъ, о небесномъ и тому подобное останавливало ихъ, коль скоро эти упоминанія соединяются съ чѣмъ либо житейскимъ.

Сверхъ того, цензоры обращаютъ особенное вниманіе въ „Мертвыхъ Душахъ" на полковника *Кошкарева*, который въ помѣстьи своемъ учредилъ разныя коммисіи и завелъ огромное письменное дѣлопроизводство по сельскому управленію (гл. 3, стр. 69--87); и на доносы губернскихъ чиновниковъ другъ на друга, затѣянные въ цѣлію освободить отъ отвѣтственности *Чичикова*; также на положеніе мѣстнаго генералъ-губернатора, который не видѣлъ средствъ унять чиновниковъ и собирался ѣхать въ С.-Петербургъ жаловаться на нихъ государю

(гл. 5, стр. 116—123, 148—158). Но поступки Кошкарева представлены, какъ дѣйствія сумазброднаго помѣщика, и примѣнять ихъ къ государственному управленію было бы слишкомъ насильственнымъ примѣненіемъ; а при описаніи чиновничьихъ интригъ въ губерніи, выставлены въ яркомъ и прекрасномъ видѣ заботливость генералъ-губернатора о прекращеніи зла, и его твердая справедливость.

Соображеніе.

Ежели эти и подобныя мѣста, въ сущности безвредныя, запрещать, то цензура впадетъ въ тѣ же ошибки, въ которыя впали цензоры, помнится, лѣтъ 20-ть тому назадъ, судившіе, какъ ниже слѣдуетъ:

Въ сочиненіяхъ было сказано:	*Цензоръ:*
„Улыбку устъ твоихъ небесную ловить“.	Женщина недостойна того, чтобы ея улыбку называть небесною.
„Ты поняла, чего душа моя желала“.	Запретить, ибо дѣло идетъ о душѣ.
„Одинъ твой нѣжный взглядъ Дороже мнѣ вниманья всей вселенной“.	Запретить, ибо во вселенной есть высшія власти, которыя должны быть намъ дороже взгляда женщины.
„О! какъ бы я желалъ, Въ тиши и близъ тебя Къ блаженству пріучиться“.	Запретить, ибо къ блаженству должно пріучаться не близъ женщины, а близъ Евангелія.

По уваженію же того, что сочиненія *Гоголя* въ общемъ направленіи вполнѣ благонамѣренны; что исключеніе изъ новаго изданія нѣкоторыхъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ прежнемъ, заставитъ почитателей автора пріискивать выпущенныя мѣста по первому изданію, а это придастъ видъ преступнаго и тому, въ чемъ не было и нѣтъ ничего преступнаго; что съ тѣмъ вмѣстѣ упадетъ достоинство новаго изданія и наслѣдники *Гоголя* не получатъ тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтены для нихъ литературными заслугами умершаго ихъ родственника,—я полагаю справедливымъ, на основаніи вышеизложеннаго Высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1851 года, исходатайствовать разрѣшеніе на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочиненій *Гоголя*, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій“. [1]

Мало того, что Дубельтъ высказался въ пользу изданія сочиненій Гоголя, но онъ еще оказался и вполнѣ солидарнымъ съ великимъ княземъ, что и отмѣчено въ письмѣ къ послѣднему Орлова отъ 31 января, въ которомъ шефъ жандармовъ пишетъ, что „Дубельтъ считаетъ себя счастливымъ что мнѣніе его,

[1] Оба только что приведенные документа напечатаны въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1880 года, но съ неточностями, а потому приводятся съ подлинниковъ.

изложенное въ составленной имъ и прилагаемой при семъ запискѣ, совершенно согласуется съ мнѣніемъ Вашего Высочества“ и увѣряетъ, что онъ „ни какъ не отступитъ отъ своего мнѣнія“...

На другой же день великій князь вернулъ „записку“ Дубельта Орлову при письмѣ: „Возвращая Вашему Сіятельству записку генералъ-лейтенанта Дубельта о сочиненіяхъ Гоголя, которую Я прочелъ съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ, прошу Васъ выразить генералу Дубельту, что Я вполнѣ раздѣляю изложенный въ оной взглядъ его на помянутыя сочиненія и на то направленіе, которое должна имѣть разумная и истинно полезная цензура“. [1]

Главное управленіе вполнѣ согласилось, разумѣется, съ мнѣніемъ Дубельта, но нашло лишь необходимымъ перемѣнить названіе „Мертвыхъ душъ“ на „Похожденія Чичикова“... Государь утвердилъ всеподданнѣйшій докладъ министра, въ которомъ не было уже ничего новаго.

---

18 февраля 1855 года Николай умеръ...

Севастополь былъ сданъ...

Россія вступала на новый путь и не ея вина, если и онъ оказался тернистымъ и неимовѣрно длиннымъ...

III Отдѣленіе, этотъ, по выраженію Ивана Аксакова, — „родоначальникъ всякаго безпорядка“, это „безнравственное явленіе“, зло, которое порождаетъ только зло, этотъ „величайшій нравственный безпорядокъ“, продолжало существовать до августа 1880 года, когда было замѣнено нынѣ благополучно нами управляющимъ департаментомъ полиціи...

Что скажутъ историки объ этомъ послѣднемъ учрежденіи, можно напередъ предвидѣть. Что же касается III Отдѣленія, то даже Шильдеръ долженъ былъ признать, что „современники царствованія императора Николая Павловича признаютъ, однако, что ожиданія и надежды не оправдались въ дѣйствительной жизни. Намѣченная благая цѣль не была достигнута, а случилось какъ разъ обратное... Первоначальная руководящая цѣль отступила на задній планъ, какъ бы стерлась въ памяти призванныхъ къ дѣлу исполнителей, и скопленное вѣками зло осталось неприкосновеннымъ на многіе годы“.

---

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспед., 1855 г., № 44.

II.

Θаддей Булгаринъ и „Сѣверная Пчела“.

Передъ нами только что прошла лѣтопись преслѣдованій и всевозможныхъ воздѣйствій на печать со стороны III Отдѣленія за все время николаевскаго царствованія. Но она еще очень не полна сравнительно съ тѣмъ, какою можетъ быть теперь же при наличности имѣющихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ, не говоря уже о томъ, что было когда-нибудь напечатано. Въ слѣдующихъ за этимъ общимъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ статьяхъ я остановлю вниманіе читателя на тѣхъ сторонахъ этой лѣтописи, которыя, по моему мнѣнію, заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія.

Въ ряду этихъ послѣднихъ прежде всего надо познакомиться съ дѣятельностью весьма усерднаго помощника III Отдѣленія, тогдашняго извѣстнаго писателя Ѳаддея Венедиктовича Булгарина и его газеты—„Сѣверной Пчелы". При этомъ знакомствѣ читатель увидитъ, какъ уже значительно будетъ пополнена только что прочтенная имъ печальная лѣтопись.

Имя Булгарина еще и до сихъ поръ справедливо произносится съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Назвать имъ кого нибудь—значитъ оскорбить. Цѣлое сорокалѣтіе въ недолгой жизни русской журналистики, съ 1819 по 1859 г., тѣсно связано съ этой личностью. Каждый, интересующійся эпохами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго, встрѣчается съ Булгаринымъ; ни одно сочиненіе по исторіи этого періода, ни одинъ томъ относящихся къ нему воспоминаній не могли обойтись безъ упоминанія этого имени. Вотъ почему пройти мимо Ѳаддея Булгарина нѣтъ никакой возможности при освѣщеніи обстоятельствъ, сопровождавшихъ жизнь русской литературы 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ. При всемъ своемъ ничтожествѣ фигура эта слишкомъ замѣтна. Булгаринъ былъ не одинъ. Его окружали сподвижники. Какъ представитель извѣстной группы, онъ, несомнѣнно, былъ результатомъ тѣхъ общихъ условій, которыя регулировали печатное выраженіе общественной мысли.

I.

Біографія Булгарина до созданія III Отдѣленія.

Начнемъ съ біографіи Булгарина до его весьма непочетной „извѣстности“.

Въ 1794 г., въ разгаръ польской революціи, нѣкій Венедиктъ Булгаринъ убилъ генерала Воронова, за что и былъ сосланъ въ Сибирь. Жена его съ пятилѣтнимъ сыномъ Ѳаддеемъ (родившимся 24 іюня 1789 г.) отправилась въ Петербургъ и не безъ хлопотъ опредѣлила мальчика, въ 1798 г., въ сухопутный (нынѣ 1-й) кадетскій корпусъ. Въ 1806 г., успѣшно окончивъ ученіе, Булгаринъ, съ чиномъ корнета, былъ опредѣленъ въ уланскій Е. И. В. Гусударя Цесаревича полкъ. Жизнь въ Петербургѣ онъ велъ довольно разгульную, что, впрочемъ, не было исключеніемъ изъ общихъ офицерскихъ нравовъ... Вскорѣ онъ попалъ въ кампанію 1806—1807 гг. и получилъ на саблю аннинскій темлякъ. Подъ Фридландомъ Булгаринъ былъ раненъ въ животъ и, лежа въ кенигсбергскомъ лазаретѣ, встрѣтился со многими своими соотечественниками-поляками, служившими въ наполеоновской арміи. Они приглашали Булгарина перейти къ французамъ, но тотъ отвѣчалъ, что теперь это было бы безчестно. По возвращеніи изъ похода въ Финляндію, Булгаринъ написалъ злую сатиру на полкового командира и за это, въ началѣ 1809 г., былъ переведенъ въ кронштадтскій гарнизонный полкъ; въ серединѣ слѣдующаго года онъ перевелся въ Ямбургскій уланскій полкъ. Здѣсь Булгаринъ былъ плохо аттестованъ и 10 мая 1811 г. уволенъ отъ службы. Это произошло въ Ревелѣ.

Онъ до того опустился, что, ставъ прихлебателемъ у писарей полковой канцеляріи, выходилъ на городской бульваръ, гдѣ протягивалъ гуляющимъ руку за милостыней, при этомъ всегда въ литературныхъ, а иногда и въ стихотворныхъ выраженіяхъ... Потомъ знакомая ревельцамъ фигура вдругъ исчезала— Булгаринъ запивалъ горькую... Дошелъ онъ до того, что въ одинъ прекрасный день укралъ у офицера пальто... Въ это-то время онъ рѣшилъ перейти въ польскую армію и съ этою цѣлью поѣхалъ въ Варшаву, откуда въ званіи рядового отправился въ полкъ, бывшій уже въ Испаніи. Состоя въ рядахъ французской арміи и достигнувъ въ ней капитанскаго чина, Булгаринъ, въ корпусѣ маршала Удино, дѣйствовалъ противъ гр. Витгенштейна, что потомъ тщательно скрывалъ... Въ 1814 г. пруссаки взяли его въ плѣнъ, а по прекращеніи войны и обмѣнѣ плѣнныхъ, а онъ вернулся въ Варшаву, откуда вскорѣ перебрался въ Петербургъ и женился.

Отсутствіе всякихъ средствъ толкнуло его пойти въ стряпчіе. Но на этомъ поприщѣ онъ не встрѣтилъ удачи. Баснописецъ Измайловъ привѣтствовалъ перемѣну имъ профессіи слѣдующими стихами:

Ѳ. В. Булгаринъ.

(«Русскій Художественный Листокъ» В. Тимма).

Нѣтъ, не было еще такого изъ судей,
Каковъ былъ встарину *чугунный лобъ* Ѳадей:
Цыгане всѣ ему въ безстыдствѣ уступали!
Служилъ онъ въ конницѣ, какъ ротмистръ Бранербекъ,
И изъ конюшни вдругъ переведенъ въ Приказъ!! [1]

Тогда Булгаринъ рѣшаетъ обратиться къ литературѣ и въ 1822 г. вступаетъ на этотъ путь уже окончательно, сдѣлавшись издателемъ журнала „Сѣверный Архивъ", а до того пописывая пустяковыя повѣстушки, историческія и географическія замѣтки. [2] Лишенный характера общаго журнала, „Сѣверный Архивъ" поставилъ своей задачей исторію, статистику, путешествія и, конечно, при ужасной бѣдности журналистики имѣлъ кое-какихъ читателей.

10 февраля 1823 года министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, предписалъ попечителямъ учебныхъ округовъ предложить подвѣдомственнымъ имъ учебнымъ заведеніямъ, не пожелаютъ ли они подписаться на „Сѣверный Архивъ", въ которомъ „помѣщаются съ хорошимъ выборомъ разные донынѣ неизданные матеріалы, къ русской исторіи относящіеся, и любопытнѣйшія географическія и статистическія свѣдѣнія о Россіи и другихъ странахъ." [3]

Понимая необходимость литературныхъ связей, Булгаринъ сумѣлъ сойтись съ лучшею молодежью того времени. Въ числѣ его пріятелей и знакомыхъ мы видимъ Грибоѣдова, Рылѣева, братьевъ Бестужевыхъ, Кюхельбекера, Ник. Ив. и Алек. Ив. Тургеневыхъ и др. Чистый душою и довѣрчивый авторъ „Горя отъ ума" до смерти не охладѣлъ къ Булгарину и ему же оставилъ рукопись своей комедіи, принесшую „наслѣднику" не одинъ десятокъ тысячъ рублей...

Остановлюсь немного на отношеніяхъ Булгарина и Рылѣева. Когда они познакомились, кажется, неизвѣстно, но уже въ серединѣ 1821 года Рылѣевъ подписывается: „твой другъ", а въ первой книжкѣ альманаха „Полярная Звѣзда" на 1823 г. посвящаетъ даже ему свое стихотвореніе („Мстиславъ Удалый"). Но въ сентябрѣ 1823 г. между друзьями произошла серьезная размолвка. Дѣло было такъ. А. Ѳ. Воейковъ, поссорившись съ Гречемъ, вышелъ изъ его „Сына Отечества" и сейчасъ же, благодаря родственнику — Жуковскому, получилъ редактированіе „Русскаго Инвалида", въ которомъ вскорѣ напечаталъ, что тиражъ „Инвалида" больше чѣмъ вдвое тиража „Сына Отечества". Греча и Булгарина это сильно

[1] „Русская Старина", 1875 г., № 12, 751—752.

[2] Все сказанное есть результатъ критической сводки слѣдующихъ иногда противорѣчивыхъ источниковъ: *Н. И. Гречъ*, „Ѳ. В. Булгаринъ" (Русская Старина", 1871 г., XI); *А. Н.*, „Военная служба Ѳ. В. Булгарина" („Русская Старина", 1874 г.", IV); *П. Нащокинъ* — „О Булгаринѣ" (Рус. Арх.", 1884 г., VI); *Н. Д.*, „Къ исторіи русской литературы" („Русская Старина", 1900 г., IX); *Н. Гастфрейндъ*, „Матеріалы къ біографіи Ѳ. В. Булгарина" („Литер. Вѣстникъ", 1901 г., IV); Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона; „Сборникъ историческихъ матеріаловъ" изд. М. Михайлова 1873 г., 416—417; „Памятники новой русской исторіи", изд. Кашпирева, 1871 г., 403—404; *Ф. Вигель*, „Воспоминанія", III, ч. 6, М., 1866, 28—29.

[3] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспедиціи 1826 г., № 82.

раздосадовало, и вотъ второй изъ нихъ подаетъ прошеніе объ отдачѣ ему въ аренду „выгодной газеты“, обязуясь уплачивать казнѣ вдвое противъ Воейкова. Рылѣева это, разумѣется, взорвало, тѣмъ болѣе, что между конкурентами были пріятельскія отношенія... Кондратій Өедоровичъ написалъ Булгарину очень пространное и рѣзкое по опредѣленности письмо, въ концѣ котораго писалъ: „прошу тебя забыть о моемъ существованіи, какъ я забываю о твоемъ: по разному образу чувствованія и мыслей намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями“. Булгаринъ немедленно отвѣчалъ, что все это его убиваетъ и т. п.; „прости, братъ, и помни, что ты другого Булгарина для себя не найдешь въ жизни. Анатомируй какъ хочешь всѣхъ до единаго своихъ друзей — Булгарину все еще много останется“ — таковъ былъ торжественный заключительный аккордъ покаянія... Рылѣевъ не придалъ ему значенія, и натянутыя отношенія ихъ продолжались до 1825 г. Въ этотъ промежутокъ Булгаринъ старался вновь расположить къ себѣ друга и, должно быть, успѣлъ, потому что въ письмѣ между 14 и 26 марта 1825 года Рылѣевъ называетъ его „любезнымъ Өаддеемъ Венедиктовичемъ“, благодаритъ за лестный отзывъ о „Войнаровскомъ“ и пишетъ, что „не переставалъ и вѣрно не перестанетъ любить“ его... Дальше Рылѣевъ пишетъ: „Прошу вѣрить этому. Знаю и увѣренъ, что ты самъ убѣжденъ, что намъ сойтиться невозможно и даже безчестно: мы слишкомъ много наговорили другъ другу грубостей и глупостей, но по крайней мѣрѣ я не могу, не хочу и не долженъ остаться въ долгу, я долженъ благодарить тебя. Прилично или неприлично дѣлаю, отсылая къ тебѣ письмо это, — не знаю еще: слѣдую первому движенію сердца. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что поступокъ мой припишешь человѣку, а не поэту. Прошу тебя также, любезный Булгаринъ, впередъ самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь увлечься, какъ увлекся, говоря о Войнаровскомъ, а я человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить; это повредитъ мнѣ, — я хочу прочной славы, не даромъ, но за дѣло“. Хитрый Булгаринъ прикинулся расчувствованнымъ, возвратилъ Рылѣеву письмо съ надписью на верху: „Письмо сіе разцѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостоинъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать, — а я понимаю истинно“. Рылѣевъ отослалъ, однако, его обратно, сдѣлавъ тамъ же приписку: „Напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаиваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегаю. Письмо твое и должно остаться у тебя“.[1]

Вотъ какъ Булгаринъ умѣлъ приворожить къ себѣ этого человѣка... Правда, нѣкоторые относились къ нему, какъ къ „балаганному фигляру, приманивающему людъ въ свою комедь кривляніями и площадными прибаутками“; другіе цѣнили его, какъ интереснаго разсказчика. Но какъ бы то ни было, Булгаринъ вращался въ средѣ лучшаго, что давала тогда петербургская интеллигенція.

[1] Всѣ письма Рылѣева и Булгарина другъ къ другу цитирую по „Сочиненіямъ и перепискѣ К. Ө. Рылѣева“ изд. 2-е, подъ редакціей П. А. Ефремова, въ которыя они вошли безъ тѣхъ ошибокъ, какія сдѣланы въ „Рус. Старинѣ“ (1871 г., № 1) и „Девятнадцатомъ вѣкѣ“ (кн. I).

Одновременно онъ сблизился, однако, и съ тѣми низинами, гдѣ обдѣлывали свои темныя дѣла Магницкіе и Руничи; сумѣлъ снискать расположеніе Аракчеева, не пропустилъ и И. П. Скобелева,—вѣрнаго агента тайнаго надзора, тогда еще не переданнаго Бенкендорфу.

Но эта оборотная сторона медали не была видна энтузіастамъ середины 20-хъ годовъ. А. Бестужевъ и Рылѣевъ, издавая „Полярную Звѣзду" на 1825 г., печатали тамъ Булгарина, не зная, какую змѣю отогрѣвали на своей груди. [1] Въ своихъ обозрѣніяхъ русской литературы въ „Полярной Звѣздѣ" Бестужевъ хвалилъ „Сѣверный Архивъ", находя, что Булгаринъ „собираніемъ важныхъ матеріаловъ оказалъ большую услугу русской исторіи", что „живой, забавный слогъ, и новость мыслей, готовятъ для публики занимательное чтеніе". Булгаринъ всячески старался подлаживаться подъ господствовавшее настроеніе образованной молодежи, и если даже ничего не зналъ о заговорѣ, то, конечно, на словахъ сочувствовалъ конституціоннымъ стремленіямъ декабристовъ. Его любимая поговорка была: „Варвара—мнѣ тетка, а правда—сестра"... Только передъ самой катастрофой 14 декабря, когда Булгаринъ, благодаря искательству у Аракчеева и Шишкова, былъ уже издателемъ „Сѣверной Пчелы" и сразу же неумело раскрылъ свои крапленыя карты, ставъ грубымъ льстецомъ власти и высшей бюрократіи, — его начали понимать уже не только, какъ безвреднаго паяца и болтуна... Какъ-то разъ, очень раздраженный пресмыкательствомъ булгаринской газеты, Рылѣевъ крикнулъ: „Когда случится революція, мы тебѣ на „Сѣверной Пчелѣ" голову отрубимъ!.." И это былъ, несомнѣнно, голосъ не одного автора „Думъ", даже не исключительно его кружка... [2]

Въ 1823 г. Булгаринъ началъ издавать второй журналъ — „Литературные Листки", и въ это время познакомился съ Н. И. Гречемъ. Дружба этихъ двухъ достойныхъ другъ друга людей была закрѣплена съ начала 1825 года совмѣстнымъ изданіемъ „Сѣверной Пчелы", „Сѣвернаго Архива" и „Сына Отечества"; въ 1829 г. „Архивъ" былъ присоединенъ къ „Сыну Отечества" Греча, и, такимъ образомъ, два друга соединились очень крѣпко. Гречъ цѣнилъ въ Булгаринѣ ловкость и пронырство; Булгарину другъ былъ необходимъ по его связямъ и научному цензу...

По остроумному выраженію Герцена,—„нѣтъ ни одного человѣка въ Москвѣ,

[1] Тамъ помѣщенъ его разсказъ: „Еще военныя шутки"; въ „Полярной Звѣздѣ" на 1823 г. три его вещи: „Раздѣлъ наслѣдства", „Военная шутка" и „Освобожденіе Трембовли";— на 1824 г.—„Модная лавка". Такимъ образомъ онъ участвовалъ во всей „Полярной Звѣздѣ".

[2] „Рус. Старина", 1873 г., IV, 466; *Т. Сосновскій*—„А. С. Грибоѣдовъ" („Рус. Старина", 1874 г., VI); *М. Бестужевъ* — „Записки" („Рус. Старина", 1881 г., XI); *С. Венгеровъ* — Ежедневная печать конца дореформенной эпохи" („Лит. Вѣстникъ", 1902 г., VIII); *М. Семевскій* — „Альманахъ „Звѣздочка на 1826 г." („Рус. Архивъ", 1869 г., IV); *Н. Гречъ* — „Ѳ. В. Булгаринъ" („Рус. Старина", 1871 г., XI); „И. П. Скобелевъ и Ѳ. В. Булгаринъ" („Русская Старина", 1895 г., XI); *П. Каратыгинъ*—„Записки" („Рус. Старина", 1873 г., II); *В. Инсарскій*— „Записки" („Рус. Старина", 1894 г., II); „Изъ бумагъ Рылѣева" („Девятнадцатый вѣкъ", I).

который бы умѣлъ врознь понять Минина и Пожарскаго, — такъ какъ нѣтъ ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы умѣлъ понять врознь Греча и Булгарина, хотя бы одинъ жилъ для удовольствія и нравственныхъ наблюденій въ Парижѣ, а другой — для нравственныхъ наблюденій и для удовольствія въ Дерптѣ"... Но Гречъ всегда какъ-то умѣлъ держаться такъ, что былъ въ сторонѣ отъ подлостей Булгарина, старавшагося не только для себя, но и для своего товарища.

Надо ли говорить, что событія 14 декабря 1825 года нисколько не отразились на Булгаринѣ? Успѣвшій проявить въ „Сѣверномъ Архивѣ", „Литературныхъ Листкахъ" и „Сѣверной Пчелѣ" свою полную благонамѣренность, а въ личныхъ связяхъ и подслуживаніяхъ—готовность думать по приказанію,—Булгаринъ, конечно, былъ оставленъ въ сторонѣ, несмотря на пріятельство съ арестованными и повѣшанными.

По разсказу Греча, которому въ данномъ случаѣ можно вѣрить, вечеромъ 14 декабря Булгаринъ „жестоко ошеломленный взрывомъ, о которомъ онъ имѣлъ темное предчувствіе, пришелъ къ Рылѣеву и нашелъ честную компанію преспокойно сидящую за чаемъ. Рылѣевъ всталъ, преспокойно отвелъ его въ переднюю и сказалъ: „Тебѣ здѣсь не мѣсто. Ты будешь живъ, ступай домой"...

Николай очень интересовался шириною декабрьскаго заговора и, между прочимъ, причастностью къ нему литературы. Онъ спросилъ Бестужева, участвовали въ дѣлѣ журналисты? На отрицательный отвѣтъ царь выразилъ удивленіе безпрерывности сношеній ихъ съ журналистами. На это Бестужевъ отвѣтилъ: „Булгарину мы не могли ввѣриться. Онъ полякъ и дѣло Россіи ему чуждо. Греча мы не хотѣли запутать: онъ не одного съ нами мнѣнія, при томъ онъ отецъ семейства да еще слишкомъ довѣрчивъ и откровененъ: тотчасъ бы разболталъ нашу тайну". По дорогѣ изъ дворца въ крѣпость Бестужева нагналъ великій князь Михаилъ Павловичъ и тоже интересовался причастностью Булгарина и Греча, на что получилъ, разумѣется, тоже отрицательный отвѣтъ... По свидѣтельству того же Греча, по требованію полиціи, Булгаринъ „очень умно и мѣтко" описалъ примѣты разыскивавшагося Кюхельбекера...

Вдругъ, однако, Булгаринъ былъ взятъ подъ строгій присмотръ генералъ-губернатора... Ниже мы узнаемъ, чѣмъ объяснялась такая мѣра, ничего общаго не имѣвшая съ подозрѣніями его въ декабрьскомъ возстаніи... Булгаринъ былъ очень испуганъ и ошеломленъ, особенно когда узналъ, что, извѣщая о таковой высочайшей волѣ, дежурный генералъ главнаго штаба, А. Н. Потаповъ, просилъ также у генералъ-губернатора справку о службѣ „капитана французской арміи" Булгарина послѣ отставки, такъ какъ она требовалась государемъ. Генералъ-губернаторъ Кутузовъ сообщилъ данныя о прошломъ Булгарина, уже извѣстныя нашимъ читателямъ. 12 мая 1826 г. Булгаринъ написалъ Потапову слѣдующее очень пространное письмо:

„Вамъ извѣстно, что, будучи произведенъ въ офицеры въ весьма молодыхъ лѣтахъ, въ Уланскій Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Константина Павловича полкъ, я дѣлалъ школьническія шалости,

увлекаясь примѣрами товарищей и пылкостью моего характера. Полагаю, что не безызвѣстно вашему превосходительству, что не взирая на сіе, я оставилъ по себѣ въ полку память честнаго человѣка и не труса и даже имѣлъ случай отличиться въ Фридландскую кампанію 1807 и Финляндскую—1808 годовъ.

„Принужденъ будучи оставить россійскую службу, я въ Варшавѣ, во время существованія герцогства, увлекся общимъ стремленіемъ умовъ, страстью къ путешествіямъ, блескомъ славы Наполеона и вступилъ въ службу подъ его знамена. Въ извиненіе сего ничего не могу представить, кромѣ польскаго моего происхожденія и моей неопытности. Всегда, однакожъ, я сохранялъ братскую любовь къ Россіи и не участвовалъ въ войнѣ 1812 г. Когда въ 1814 г. имперія Наполеона рушилась, и разнородныя племена, составлявшія его армію, разбрелись восвояси, какъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія, я въ семъ общемъ хаосѣ, получивъ отъ французскаго правительства видъ, возвратился въ Варшаву. Тогда герцогствомъ Варшавскимъ управляло временное правительство, и членъ онаго генералъ Вавржецкій, управлявшій военною частью, удержалъ у себя французскій видъ, а выдалъ мнѣ другой для свободнаго прожитья въ Гродненской губерніи. На основаніи сего я получилъ прилагаемый при семъ паспортъ для проѣзда въ Петербургъ, а данный мнѣ видъ временнымъ правленіемъ Варшавскимъ удержалъ у себя заступившій мѣсто гражданскаго губернатора, коего подпись находится на паспортѣ. Съ тѣхъ поръ я оставался въ Петербургѣ и, нашедши здѣсь друзей, старыхъ товарищей и покровителей, поселился навсегда, занялся литературою, женился, и на жительство въ столицѣ сперва получилъ позволеніе военнаго губернатора Вязмитинова, который докладывалъ обо мнѣ блаженныя памяти государю императору, а послѣ того—графа Милорадовича.

„При полученіи позволенія на изданіе журнала „Сѣверный Архивъ“, я, кромѣ вида для проживанія, представилъ avis принца Невшательскаго (Бертье) и свидѣтельство офицеровъ. Этихъ бумагъ при мнѣ теперь нѣтъ, а находятся онѣ у моей матери, въ деревнѣ, однакожъ, онѣ занесены въ протоколъ цензурнаго комитета.

„Вотъ краткое и чистосердечное разрѣшеніе вопроса о моемъ званіи французскаго офицера, которыми наполнены Литва и Польша. Засимъ осмѣливаюсь представить Вашему Превосходительству мою покорнѣйшую просьбу, которую, если возможно, прошу повергнуть къ стопамъ Всемилостивѣйшаго Монарха въ такомъ видѣ, въ какомъ я представляю Вашему Превосходительству.

„Я десять лѣтъ подвизаюсь на поприщѣ русской словесности въ столицѣ и въ продолженіе этого времени не подвергнулся ни малѣйшему замѣчанію со стороны правительства, какъ въ отношеніи къ моему поведенію, такъ и въ отношеніи къ моимъ сочиненіямъ. Напротивъ того, я имѣлъ счастіе заслужить благорасположеніе многихъ первостепенныхъ чиновниковъ государства и благоволеніе публики. Ни однимъ поступкомъ, ни одною строкою я въ продолженіе 10 лѣтъ не погрѣшилъ противъ установленнаго порядка вещей. А десять лѣтъ много времени въ нашей краткой жизни! Напротивъ того, я многими сочиненіями старался

посѣять въ сердцахъ любовь и довѣренность къ престолу и чистую нравственность. Стоитъ взглянуть въ книжку „Сѣвернаго Архива“, вышедшую въ свѣтъ тремя днями ранѣе, предъ несчастнымъ днемъ 14 декабря (отпечатанную 8-го декабря), и прочесть мою повѣсть „Бѣдный Макаръ“, чтобы удостовѣриться, какія правила я стараюсь распространять и какія чувства прививать молодымъ людямъ. Удаляясь всегда отъ всякихъ политическихъ видовъ, я даже не хотѣлъ никогда вступать въ сословіе франкъ-масоновъ, опасаясь какой-нибудь таинственной цѣли. Но званіе благонамѣреннаго русскаго писателя и смиреннаго вѣрноподданнаго столь несовмѣстно съ несчастнымъ моимъ званіемъ французскаго офицера, что это мучитъ меня и терзаетъ. Я рѣшился во что бы то ни стало вырвать эту страницу изъ моей жизни. Надѣюсь, что по ходатайству Вашего Превосходительства Всемилостивѣйшій Государь Императоръ обратитъ вниманіе на бѣднаго литератора и внемлетъ моей всеподданнѣйшей просьбѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобы, въ уваженіе моихъ малыхъ заслугъ на полѣ брани въ 1807 и 1808 годахъ и трудовъ моихъ въ литературѣ, была мнѣ выдана отставка изъ инспекторскаго департамента, въ томъ чинѣ, въ которомъ я находился въ русской службѣ, и чтобы переименовать меня въ статскій чинъ, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ, гдѣ я могу быть полезенъ Государю Императору пріобрѣтенными мною небольшими свѣдѣніями и опытностью. Смѣю надѣяться, что если Ваше Превосходительство захотите вступиться въ это дѣло, то великодушный и милосердный Монархъ не откажетъ мнѣ въ этомъ желаніи, устремленномъ къ цѣли быть ему вѣрнымъ и полезнымъ слугою.

„Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою *Ѳаддей Булгаринъ*“. [1]

Черезъ нѣсколько дней Булгаринъ съ цѣлью укрѣпить въ Потаповѣ убѣжденіе въ своей благонамѣренности и способности быть вѣрнымъ и полезнымъ слугою государя, представилъ ему очень интересную записку „О цензурѣ въ Россіи и о книгопечатаніи вообще“, взявъ предварительно честное слово, что она не будетъ извѣстна съ его именемъ министру просвѣщенія, Шишкову...

Булгаринъ и ранѣе подавалъ уже записки такого же характера тогдашнему генералъ-губернатору Милорадовичу, но онѣ были гораздо менѣе обстоятельны. Въ одной онъ коснулся нѣкоторыхъ распоряженій по театральной части; въ другой— говорилъ о „курсѣ“, наступившемъ въ цензурѣ при министрѣ народнаго просвѣщенія Шишковѣ, обращая главное вниманіе на цензированіе сочиненій духовнаго содержанія. Послѣдняя записка была представлена Александру I. Но ни по той, ни по другой ничего не было предпринято. Булгаринъ лишь зарекомендовалъ себя „вѣрнымъ человѣкомъ“ въ глазахъ тогдашняго начальника секретной части— Милорадовича. Теперь, когда послѣдній былъ убитъ въ декабрьской катастрофѣ, нужно было, конечно, напомнить о себѣ, въ особенности въ виду приведенной выше просьбы государю.

[1] *Н. Д.*, „Къ исторіи русской литературы“, „Русская Старина“, 1900 г., IX, 576—579.

Говоря въ своей „запискѣ“ о сущности общественнаго мнѣнія, Булгаринъ замѣчаетъ: „большая часть людей, по умственной лѣни, занятіямъ, недостатку свѣдѣній, слабости характера, врожденной гибкости ума или раздражительному чувству, гораздо способнѣе принимать и присваивать себѣ чужое сужденіе, нежели судить сами, и какъ общее мнѣніе уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять онымъ посредствомъ книгопечатанія, нежели предоставлять его на волю людей злонамѣренныхъ“. А такъ какъ подобное управленіе требуетъ знанія публики, то Булгаринъ и останавливается прежде всего на ея классификаціи: знатные и богатые люди, среднее состояніе, нижнее состояніе и ученые и литераторы.

Первые, „отданные съ дѣтства на руки французскихъ гувернеровъ, подъ ихъ руководствомъ, учатся только многимъ языкамъ, получаютъ поверхностное понятіе объ исторіи и другихъ наукахъ“ и, потому „всѣхъ людей, даже китайцевъ, почитаютъ французами, смотрятъ на все французскими глазами и судятъ обо всемъ на французскій манеръ“. „Хотя по своему положенію въ свѣтѣ сей классъ людей долженствовалъ бы быть привязанъ къ настоящему образу правленія, но преждевременное честолюбіе, оскорбленное самолюбіе, неумѣстная самонадѣянность заставляютъ ихъ часто проповѣдывать правила вредныя для нихъ самихъ и для правительства“. „Правительству весьма легко истребить вліяніе сихъ людей на общее мнѣніе и даже подчинить ихъ господствующему мнѣнію дѣйствіемъ *приверженныхъ правительству писателей*“.

Но „истинныхъ литераторовъ, владѣющихъ языкомъ, начитанныхъ, знающихъ Россію и ея потребности и способныхъ распространить, изложить, украсить всякую *заданную* тему—должно сознаться къ стыду,—также мало. Но какъ у насъ всякій стихотворецъ и памфлетистъ пользуется въ обществѣ нѣкоторымъ преимуществомъ и даже имѣетъ вліяніе на свой кругъ общества, то вовсе безполезно раздражать этихъ людей, когда нѣтъ ничего легче, какъ привязать ихъ *ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія писать о бездѣлицахъ, напримѣръ, о театрѣ и т. п.*“. „Съ этимъ классомъ гораздо легче сладить въ Россіи, нежели многіе думаютъ. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы дать дѣятельность ихъ уму и обращать дѣятельность истинно просвѣщенныхъ людей на предметы *избранные самимъ правительствомъ*, а для всѣхъ вообще имѣть какую-нибудь одну общую *маловажную* цѣль, напримѣръ, театръ, который у насъ долженъ замѣнить сужденіе о камерахъ и министрахъ. Весьма замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ запрещено писать о театрѣ и судить объ игрѣ актеровъ, молодые люди перестали посѣщать театры, начали сходиться вмѣстѣ толковать вкось и впрямь о политикѣ, жаловаться на правительство даже явно. [1] Я въ душѣ моей увѣренъ, что сія

[1] Дѣйствительно, въ то время было запрещено не только что бы то ни было печатать о театрѣ, но даже въ самомъ театрѣ выражать свое удовольствіе игрою артистовъ аплодисментами или иными знаками... Разрѣшеніе на то и другое послѣдовало только въ 1828 году, но и затѣмъ неоднократно указывалось на необходимость „умѣреннаго порицанія, никому ненужнаго“...

неполитическая мѣра увлекла многихъ юношей въ бездну преступленія и въ тайныя общества".

Подъ „среднимъ состояніемъ" Булгаринъ подразумѣваетъ достаточныхъ, но не богатыхъ дворянъ, находящихся на службѣ, всѣхъ другихъ дворянъ, приказныхъ, богатыхъ купцовъ и промышленниковъ и частью мѣщанъ. По его мнѣнію, эта публика очень нетребовательна въ области чтенія. „Не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но даже обожаемымъ. Къ этому два средства: справедливость и *нѣкоторая гласность*". „Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать къ трону *одною только тѣнью свободы* въ мнѣніяхъ на счетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ правительства". „Возстановленіемъ сужденій о томъ, что угодно будетъ правительству передать на сужденіе публики, произведется благодѣтельное вліяніе на умы и не только въ Россіи, но даже и въ чужихъ краяхъ. Совершенное безмолвіе порождаетъ недовѣрчивость и заставляетъ предполагать слабость, неограниченная гласность производитъ своеволіе; гласность же, вдохновенная самимъ правительствомъ, примиряетъ обѣ стороны и для обѣихъ полезна. Составивъ общее мнѣніе, весьма легко управлять имъ, какъ собственнымъ дѣломъ, котораго мы знаемъ всѣ тайныя пружины".

Что касается „нижняго состоянія", т. е. мелкихъ подъячихъ, грамотныхъ крестьянъ и мѣщанъ, деревенскаго духовенства и раскольниковъ, то, по мнѣнію Булгарина, этими людьми можно легко управлять „магическимъ жезломъ— „*Матушка Россія*". „Искусный писатель—пишетъ онъ—представляя ей священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ, какъ въ калейдоскопѣ, легко покоритъ умы нижняго состоянія, которое у насъ разсуждаетъ болѣе, нежели думаетъ".

Начертавъ, такимъ образомъ, планъ быстраго, легкаго и вѣрнаго способа успокоенія русской публики, Булгаринъ останавливается на недостаткахъ современной ему цензуры. Здѣсь, что ни слово, то доносъ на бездѣятельность Шишкова, того Шишкова, который ему же помогъ основать „Сѣверную Пчелу" и другіе журналы.

Какъ еще лишняя иллюстрація тогдашней цензуры, эта часть „записки" не должна быть предана забвенію.

„Цензура установлена для того, *чтобы препятствовать распространенію идей вредныхъ вѣрѣ, нравственности, существующему образу правленія, и пресѣкать личности*. Неискусными мѣрами наша цензура не только не достигла сей цѣли и не произвела никакой пользы, но только раздражала умы и повредила правительству странными своими поступками. Бросимъ взглядъ на каждую часть въ особенности.

1) *Въ отношеніи къ вѣрѣ*. Цензура состояла сперва подъ вліяніемъ мистицизма, [1] а нынѣ состоитъ подъ вліяніемъ противной ему партіи. Сперва выходило множество книгъ сектаторскихъ, мистическихъ, нынѣ покровительствуются

[1] При министрѣ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынѣ.

книги, служащія опроверженіемъ первыхъ. Изъ сего боренія партій не произошло никакой пользы для вѣры и нравственности, напротивъ того, размножились секты, толки о вѣрѣ и самыя вредныя идеи для правительства. Объ этомъ предметѣ нельзя говорить кратко и потому я умалчиваю здѣсь объ этомъ. Мысли о семъ я излагалъ, по волѣ покойнаго графа Милорадовича, для блаженной памяти Императора Александра. Не знаю, гдѣ находится поданная мною бумага, въ кабинетѣ-ли его величества или между бумагами покойнаго графа.

„Что-же дѣлала цензура подъ вліяніемъ мистиковъ и ихъ противниковъ? Распространяя вредныя для чистой вѣры книги, она истребляла изъ словесности только одни слова и выраженія, освященныя временемъ и употребленіемъ. Вотъ для образчика нѣсколько выраженій, не позволенныхъ нашею цензурою, какъ оскорбительныхъ для вѣры: отечественное *небо*, *небесный* взглядъ, *ангельская* улыбка, *божественный* Платонъ, ради *Бога*, ей *Богу*, *Богъ* одарилъ его, онъ *вѣчно* занятъ былъ охотой и т. п. Всѣ подчеркнутыя здѣсь слова запрещены нашею цензурою, и словесность, а особенно поэзія совершенно стѣснены. Должно замѣтить, что даже папская цензура позволяетъ сіи выраженія чему служитъ доказательствомъ нынѣшняя итальянская поэзія.

„Столь смѣшное ханжество, представляя цензуру въ самомъ странномъ видѣ, заставляло многихъ подобныхъ людей принимать дѣйствіе за причину и уменьшило уваженіе ихъ къ правительству. Для краткости я пропускаю множество примѣровъ изъ дѣйствій цензуры, которыя, безъ приложенія подлинныхъ доказательствъ, показались бы невѣроятными. Стоитъ посмотрѣть выключенныя мѣста изъ одного листа газеты или одной книжки журнала, чтобъ удостовѣриться, что цензура не постигаетъ цѣли правительства, а вмѣсто того, чтобы смотрѣть на духъ сочиненій, привязывается къ однимъ *словамъ и фразамъ*.

„2) *Въ отношеніи къ правительству* вмѣсто того, чтобы запретить писать *противъ* правительства, цензура запрещаетъ писать *о правительствѣ и въ пользу онаго*. Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, директоръ, запрещена впередъ, чтобы она ни заключала. Повторяю, все зло происходитъ отъ того, что у насъ *смотрятъ не на духъ сочиненія, а на одни слова и фразы* и тотъ, кто искусными перифразами можетъ избѣжать въ сочиненіи запрещенныхъ цензурою словъ, часто заставляетъ ее пропускать непозволительныя вещи. Напротивъ того, всякое чистое, благоразумное, сужденіе и повѣствованіе о благодѣтельныхъ мѣрахъ правительства строго запрещено. Самыя сильныя препоны для словесности и наукъ воспослѣдовали отъ изданія повелѣнія въ 1822 г., [1] которымъ запрещено было всѣмъ служащимъ писать и публиковать о дѣлахъ, до службы касающихся, и о внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи Россіи, безъ позволенія начальства. Существо сего повелѣнія весьма справедливо, ибо нигдѣ, даже въ самой Англіи, не позволяется публиковать актовъ правительства безъ согласія онаго. Но наша цензура приняла сіе повелѣніе въ про-

[1] При кн. А. Н. Голицынѣ.

тивномъ смыслѣ и не позволяютъ печатать никакихъ даже маловажныхъ извѣстій безъ согласія различныхъ министерствъ, которыя иногда изъ снисхожденія позволяютъ, а чаще отговариваются тѣмъ, что не имѣютъ предписанія, какъ дѣйствовать въ семъ случаѣ, и множество любопытныхъ вещей пропадаетъ для наукъ. Съ тѣхъ поръ географія и статистика Россіи пришли въ совершенный упадокъ. Цензура не позволяетъ даже извѣщать публику, безъ согласія начальства разныхъ отраслей правленія, о всенародныхъ происшествіяхъ, парадахъ, фейерверкахъ, гуляньяхъ, экзаменахъ въ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ, о феноменахъ природы въ разныхъ мѣстахъ Россіи случающихся и проч. Кто бы подумалъ, что для помѣщенія извѣстія о *градѣ*, *засухѣ*, *ураганѣ* должно быть позволеніе министра внутреннихъ дѣлъ; о данномъ графомъ Милорадовичемъ фейерверкѣ въ Екатерингофѣ надлежало получить позволеніе самого графа; объ экзаменѣ частнаго пансіона нельзя извѣстить родителей безъ согласія самого начальника пансіона и т. п. Отъ этого періодическія изданія теряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатанія нѣсколькихъ страничекъ обѣгать всѣ министерства и часто безъ успѣха, вовсе отказываются отъ помѣщенія отечественныхъ извѣстій, и мы только изъ иностранныхъ журналовъ почерпаемъ ложныя и ошибочныя извѣстія о Россіи, напримѣръ: на приложеніе изображенія медали за взятіе Парижа въ „Сѣверной Пчелѣ“ самъ министръ просвѣщенія не могъ дать позволенія, и издатели у г. военнаго генералъ-губернатора выпросили право извѣстить публику о томъ, что̀ происходило всенародно. Трудно повѣрить, что наша цензура почитаетъ вреднымъ правительству. Одинъ писатель при взглядѣ на гранитныя колоссальныя колонны Исаакіевскаго храма восклицаетъ: „это, кажется, столпы могущества Россіи!“ Цензура вымарала съ замѣчаніемъ, что столпы Россіи суть министры. Другой писатель, описывая гробъ генерала де-ла-Круа, въ Ревелѣ, сказалъ, что ножки гроба изображаютъ орловъ— цензура вымарала съ замѣчаніемъ, что орелъ есть гербъ Россіи, потому и нельзя говорить о немъ такимъ образомъ. Таковыми поступками цензура не могла пріобрѣсть себѣ уваженія, напротивъ, сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ, сатиръ и эпиграммъ, въ которыхъ всегда обвинялось правительство.

„3) *Въ отношеніи нравственности.* Въ семъ случаѣ цензура, какъ и въ двухъ первыхъ, привязываясь единственно къ словамъ, часто пропускала самыя соблазнительныя стихотворенія, а иногда запрещала самыя невинныя статьи. Напримѣръ, повѣсть, въ которой жидъ представленъ добродѣтельнымъ человѣкомъ (хотя въ той же повѣсти ни одинъ христіанинъ не представленъ злымъ), почтена безнравственною, потому что жиды не могутъ и не должны быть добродѣтельными. Въ повѣстяхъ нельзя сказать: женихъ *поцѣловалъ* свою невѣсту, но *посмотрѣлъ* на невѣсту; вмѣсто онъ *любилъ* ее, должно говорить: онъ хотѣлъ *жениться* и т. п. Не смѣю утруждать вниманія множествомъ подобныхъ нелѣпостей и повторяю: стоитъ просмотрѣть одну книжку журнала.

„4) *Касательно личности.* У насъ до сихъ поръ защищали не лица, но пороки и дурные поступки. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ ино-

страннаго, представлять камергеровъ, министровъ, генераловъ и особенно князей и графовъ иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми самыми добродѣтельными. Отъ этого вмѣсто пользы проистекаетъ вредъ, ибо читатели, видя въ натурѣ слабости человѣчества и сравнивая съ идеалами, тѣмъ менѣе уважаютъ тѣхъ, которые представляются на бумагѣ всегда какъ образцы, какъ совершенство человѣчества. Добро не покажется добромъ, если не будетъ въ противоположности со зломъ: картина безъ тѣней не привлечетъ вниманія и похвалъ".

Дальше Булгаринъ излагалъ свои „мысли о преобразованіи цензуры", не представляющія ничего сколько-нибудь для него характернаго.

Скажу только, что въ проектѣ новой организаціи петербургскаго цензурнаго комитета онъ указываетъ на безусловную необходимость подчинить цензированіе театральныхъ пьесъ и періодическихъ изданій министерству внутреннихъ дѣлъ по части высшей полиціи. „Это потому, что театральныя піесы и журналы, имѣя обширный кругъ зрителей и читателей, скорѣе и сильнѣе дѣйствуютъ на умы и на общее мнѣніе. И какъ высшей полиціи должно знать общее мнѣніе и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно имѣть въ рукахъ своихъ служащія къ сему орудія". [1].

Потаповъ передалъ записку Булгарина начальнику главнаго штаба, бар. И. И. Дибичу, а послѣдній приказалъ спросить автора, считаетъ ли онъ полезнымъ представить копію съ нея Шишкову. Булгаринъ сильно перетрусилъ и просилъ Потапова не выдавать его имени. „Я мыслю только для Государя Императора—писалъ онъ,—я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство заступленія и покровительства въ семъ дѣлѣ". Бар. Дибичъ поспѣшилъ успокоить Булгарина, написавъ для Потапова на запискѣ: „Призовите его къ себѣ и успокойте его, ибо именно для того прежде спрашивали его же, и онъ напрасно труситъ; можно сдѣлать выписку изъ онаго и переписать рукою писаря и препроводить къ министру просвѣщенія, а оригиналъ оставить у меня самого. Я бы желалъ видѣть этого Булгарина; если онъ человѣкъ, желающій добра и уменъ, то долгъ службы требуетъ ему открыть дорогу и *простить прошедшее есть всегда дѣло доброе*".

Такимъ образомъ, все окончилось благополучно: Булгаринъ выигралъ во мнѣніи людей, стоявшихъ во главѣ высшей полиціи. Но его удача пошла еще дальше: переписанная записка 5 іюля была отправлена Шишкову съ увѣдомленіемъ, что прочитавшему ее государю, угодно имѣть по сему предмету его мнѣніе... [2]

---

[1] *Н. Д.* „Къ исторіи русской литературы", „Русская Старина", 1900 г., IX, 579—590.
[2] Ibidem, 590—591. Мнѣніе Шишкова см. на стр. 201—211 „Русской Старины" 1904 г., № 7.

II.

Близость къ III Отдѣленію съ самаго начала его существованія.

За два дня до такого исхода дѣла на сцену появляется III Отдѣленіе... Очевидно, нужно было принять всѣ мѣры для сближенія съ нимъ.

Гречъ сейчасъ же помогъ Булгарину познакомиться съ Фокомъ, которому онъ сразу понравился и водворился у него въ домѣ уже своимъ человѣкомъ...

Просьба Булгарина о дарованіи ему настоящей отставки и объ опредѣленіи въ гражданскую службу перешла къ Бенкендорфу. Очевидно, послѣдній скоро успѣлъ близко узнать способности издателя ,,Пчелы", потому что уже 28 октября 1826 года, т.-е. черезъ четыре мѣсяца послѣ вступленія въ свою новую должность, увѣдомилъ Шишкова, что ,,Государь Императоръ, освѣдомясь, что бывшій французской службы капитанъ Булгаринъ, обратившій на себя вниманіе похвальными литературными трудами, желаетъ поступить на службу и посвятить способности свои занятіямъ общеполезнымъ, Высочайше соизволяетъ на переименованіе Булгарина въ восьмой классъ и на причисленіе его къ министерству народнаго просвѣщенія." А 22-го ноября послѣдовалъ указъ правительствующему сенату: ,,обращая вниманіе на похвальные литературные труды бывшаго французской службы капитана Ѳаддея Булгарина, всемилостивѣйше повелѣваемъ переименовать его въ VIII-й классъ и причислить на службу по министерству народнаго просвѣщенія". Шишковъ не далъ, однако, Булгарину никакой опредѣленной должности, и послѣдній лишь *считался* чиновникомъ особыхъ порученій.

Записка Бенкендорфа о ,,похвальныхъ литературныхъ трудахъ" Булгарина настолько интересна, что на ней нельзя не остановиться.

,,Многіе ученые, литераторы и художники, не только иностранные, всемилостивѣйше производимы были прямо въ штабъ-офицерскіе чины по статской службѣ, изъ уваженія къ ихъ трудамъ, на которые они, посвящая время, не могли заниматься службою. Ѳаддей Булгаринъ, въ продолженіе десятилѣтняго своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, снискалъ себѣ уваженіе отличнѣйшихъ людей сей столицы за свое поведеніе и заслужилъ благосклонность публики своими литературными трудами",—таково вступленіе. Изъ дальнѣйшаго мы, кстати, ознакомимся съ нѣкоторыми фактами біографіи Булгарина, не приведенными выше.

,,Булгаринъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибы могъ получить статскій чинъ, нѣсколько сообразный съ его лѣтами, и избавиться отъ званія французскаго капитана, которое вовсе несообразно съ десятилѣтними его занятіями. Ожидая сей милости единственно отъ щедротъ Монарха, которому онъ преданъ душевно и готовъ посвятить Ему жизнь и всѣ свои способности, Булгаринъ нѣкоторымъ образомъ заслужилъ, чтобы обратить вниманіе на его труды. Съ 1816 г., онъ, снискавъ уже *почетное имя въ польской словесности*, началъ трудиться для россійской, помѣщая сперва

статьи своего сочиненія въ журналахъ, по части исторической критики, военныхъ наукъ и словесности. Усмотрѣвъ, что въ высшихъ училищахъ, вмѣсто учебной книги, употребляютъ *полное* изданіе Гораціевыхъ сочиненій, въ которыхъ находится множество предметовъ соблазнительныхъ, не приличныхъ юношеству, Булгаринъ издалъ и на свой счетъ напечаталъ „Избранныя оды Горація, съ комментаріями на россійскомъ языкѣ", гдѣ исключено все соблазнительное и помѣщено то, что сообразно съ христіанскою нравственностью. Книга сія на польскомъ языкѣ напечатана на казенный счетъ и введена въ училища.[1] Для поддержанія воинственнаго духа въ народѣ и для сопряженія любви народной со славою государя Булгаринъ издалъ: „Славныя воспоминанія россіянъ XIX столѣтія", собравъ и расположивъ на двухъ большихъ таблицахъ всѣ побѣды въ царствованіе императора Александра I, на каждый день въ году по одной. Сіе изданіе удостоилось вниманія блаженной памяти государя императора и чрезъ министерство просвѣщенія потребовано для эрмитажной библіотеки. Для распространенія историческихъ и географическихъ свѣдѣній въ Россіи, въ духѣ, свойственномъ образу правленія, Булгаринъ предпринялъ съ 1822 г. изданіе журнала „Сѣверный Архивъ", который исключительно посвященъ исторіи, статистикѣ, путешествію и правовѣдѣнію. Сіе изданіе, первое въ своемъ родѣ, заслужило вниманіе европейскихъ ученыхъ (!), которые безпрестанно (!) и всѣ (!) пользуются и переводятъ оттуда статьи, до Россіи касающіяся. Сей журналъ заслужилъ также вниманіе правительства, и бывшій министръ просвѣщенія кн. Голицынъ, безъ всякаго ходатайства со стороны издателя, рекомендовалъ оный во всѣ училища... Ея И. В. В. К. Марія Павловна, во время бытности гр. Кутайсова въ Веймарѣ, въ разговорѣ о россійской словесности, рекомендовать изволила особенно „Сѣверный Архивъ". Съ 1823 года Булгаринъ издавалъ „Литературные Листки", посвященные особенно исправленію нравовъ статьями въ родѣ Адиссонова Спектатора. Булгаринъ издалъ „Воспоминаніе объ Испаніи" въ томъ намѣреніи, чтобы доказать, что народъ, воспламененный любовью къ своимъ государямъ, бываетъ непобѣдимъ. Для распространенія любви къ драматическому искусству, сильно дѣйствующему на нравы, онъ издалъ первый въ Россіи драматическій альманахъ „Русская Талія", за который получилъ благоволеніе отъ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Съ 1825 года Булгаринъ издаетъ „Сѣверную Пчелу", литературную и политическую газету, *коей главнѣйшая цѣль состоитъ въ утвержденіи вѣрноподданническихъ чувствованій* и въ направленіи къ истинной цѣли, то есть: преданности къ престолу и чистотѣ нравовъ. Стоитъ прочесть статью на день 30-го августа 1825 г. и статью на плачевную кончину блаженныя памяти императора Александра I, чтобы увидѣть въ полной мѣрѣ духъ сей газеты. За сію послѣднюю статью Булгаринъ удостоился получить благоволеніе нынѣ благополучно

[1] Современники хорошо знали, что всѣ комментаріи Булгаринъ укралъ у Ежовскаго, благодаря смерти котораго и не могъ издать второго тома. Вообще, всѣ небеллетристическія „сочиненія" Булгарина были всегда беззастѣнчивой контрафакціей...

царствующаго Государя Императора чрезъ графа Милорадовича и отъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны чрезъ гофмаршала Нарышкина. Что Булгаринъ вытерпѣлъ за свой образъ мыслей отъ партіи, нѣкогда сильной въ обществѣ, которой пагубные замыслы открылись впослѣдствіи (т.-е. отъ декабристовъ—*М. Л.*) сіе извѣстно всѣмъ, составлявшимъ кругъ ихъ знакомства. Булгарина даже стращали публично, что современемъ ему отрубятъ голову на ,,Сѣверной Пчелѣ" за распространеніе неевропейскихъ (такъ они называли) идей. Но Булгаринъ всегда пребылъ твердъ въ своихъ правилахъ и, видя какое-то своеволіе мыслей между юношествомъ и нѣкоторыми умниками, не постигая тайной причины, всегда старался противодѣйствовать ихъ вліянію на общее мнѣніе. Доказательствомъ можетъ служить статья его сочиненія подъ заглавіемъ ,,Бѣдный Макаръ, или кто за правду горой, тотъ истый герой", появившаяся въ свѣтъ въ ,,Сѣверномъ Архивѣ" 8 декабря 1825 года, гдѣ монархическія чувствованія и правосудіе русскихъ государей выставлены въ самомъ блестящемъ видѣ. Съ нынѣшняго года Булгаринъ издаетъ безденежно [1] журналъ ,,Дѣтскій Собесѣдникъ" и, чтобы удостовѣриться, въ какомъ духѣ онъ составляется, стоитъ взглянуть на статью: ,,Исторія Славянъ". Главнѣйшая цѣль сего журнала есть распространеніе вѣрноподданническихъ чувствованій между россійскимъ юношествомъ. Получивъ монаршую милость, Булгаринъ получитъ новую жизнь, жизнь политическую, въ странѣ, которой онъ посвятилъ самого себя. Онъ первый изъ поляковъ появился на поприщѣ русской словесности, и вниманіе, оказанное къ трудамъ его, безъ сомнѣнія, произведетъ благодѣтельныя дѣйствія въ общемъ мнѣніи польскаго народа, который питаетъ въ себѣ любовь ко всему національному. Въ варшавскихъ журналахъ безпрестанно припоминаютъ, что Булгаринъ родомъ полякъ; слѣдовательно (?), тамъ почитаютъ его достойнымъ уваженія". [2]

III.

„Сѣверная Пчела".

Мы уже видѣли, что „Сѣверная Пчела" была признана Бенкендорфомъ вполнѣ благонамѣренною и стремящеюся къ утвержденію вѣрноподданническихъ чувствованій. III Отдѣленіе тогда же взяло ее подъ свое сильное покровительство и потому немудрено, что газета Булгарина и Греча считалась единственною представительницею „общественнаго" мнѣнія. Во дворцѣ ее только и читали; за

[1] Только для подписчиковъ „Сѣв. Архива", „Сына Отечества" и „Сѣв. Пчелы", въ видѣ приложенія...

[2] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспедиціи, 1826 года № 82. Часть документовъ, приводимыхъ мною изъ этого дѣла, напечатана Сухомлиновымъ въ его книгѣ „Статьи и изслѣдованія", томъ II, статья „Полемическія статьи Пушкина", но не всегда съ полной точностью.

границей она слыла придворнымъ органомъ. Въ Петербургѣ, до начала 60-хъ годовъ, не было другой частной ежедневной газеты. „Московскія“ же „Вѣдомости“ долгое время выходили три раза въ недѣлю. У Булгарина и Греча была, такимъ образомъ, въ рукахъ выгодная монополія, отъ которой терпѣли и русская литература, и русское общество. „Неужто, кромѣ „Сѣверной Пчелы“, писалъ Пушкинъ, „ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября“... Въ этихъ словахъ надо подразумѣвать еще и другую монополію: монополію „Сѣверной Пчелы“ на извѣстія политическаго характера о жизни Россіи и Европы. Только эта газета могла помѣщать тѣ скудныя новости, знаніе и распространеніе которыхъ среди публики не считалось вреднымъ. По словамъ самого Бенкендорфа, тамъ, напримѣръ, по его распоряженію, помѣщались статьи, имѣющія цѣлью „успокаивать публику насчетъ иностранныхъ дѣлъ и событій“, которыя нерѣдко писались Фокомъ.[1] Критиковать, оспаривать, а особенно опровергать подобныя статьи строго запрещалось, но всегда post factum, потому что онѣ снаружи не носили вида инспирированныхъ и принадлежали якобы редакціи. Когда, напримѣръ, въ „Литературной Газетѣ“ появилась довольно рѣзкая отповѣдь по адресу „Пчелки“ за ложность печатаемыхъ ею извѣстій, Бенкендорфъ немедленно просилъ министра просвѣщенія Ливена дать по этому поводу соотвѣтствующія объясненія.[2]

До чего душно было въ атмосферѣ „Пчелы“, можно судить по тону письма кн. Вяземскаго, въ которомъ онъ очень ядовито и зло замѣчалъ: „Извѣстно, что въ числѣ„ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то, хотя и не объявленное правительствующимъ сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни — люди надежные и достойные довѣренности правительства, всѣ прочіе, кромѣ единаго Полевого, злоумышленники“...

И, конечно, при всемъ несочувствіи къ „Сѣверной Пчелѣ“, къ ея издателямъ и къ той атмосферѣ, которая окружала дѣятельность этихъ низкихъ людей,— подписчики были; мало того—количество ихъ увеличивалось: надо же было знать хоть голый перечень нѣкоторыхъ событій... Ничего, что всѣ они освѣщались изъ III Отдѣленія, которое полновластно хозяйничало въ „своей“ газетѣ.

Временно завѣдывавшій редакціей Усовъ замедлилъ напечатать отчетъ Ольгинской больницы, присланный изъ III Отдѣленія, Булгаринъ пишетъ ему: „сдѣлайте милость, не пренебрегайте статьями, которыя я вамъ сообщаю для печатанія... Отчетъ напечатанъ въ „Полицейской Газетѣ“ и ко мнѣ прислана весьма непріятная бумага отъ гр. Орлова за неползованіе статьею, о которой хлопочутъ особы царской фамиліи. Мнѣ сущая бѣда!..“ Въ другомъ письмѣ находимъ: „посылаю вамъ стихи Бенедиктова: они хотя и высокопарны, но ихъ надобно непремѣнно напечатать въ „Пчелкѣ“, потому что Бенедиктовъ почитается однимъ

[1] „Рус. Старина“ 1901 г., № 9, 662.
[2] Ibidem.

изъ первыхъ поэтовъ и стихи были читаны съ одобреніемъ въ Гатчинѣ"... Аналогичныхъ фактовъ слишкомъ много.

III Отдѣленіе участвовало и въ расходахъ по редакціи, что видно, напримѣръ, изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ въ 1855 г. самимъ Булгаринымъ. „Даже за границею завербовалъ онъ (Гречъ—*М. Л.*) какого-то сорванца, который присылаетъ вырѣзки изъ газетъ и разныя писаныя сплетни, которыхъ я не вижу и не знаю. *Прежде* за это платило III отд. Собств. Его Величества канцеляріи, куда и поступаютъ заугольныя извѣстія, а теперь „Сѣв. Пчела" должна платить этому сорванцу 1.000 руб. серебромъ!" [1]

Пользуясь силою своей газеты, Булгаринъ внесъ въ журналистику взяточничество и самый низкій шантажъ. „Сѣверная Пчела" то и дѣло рекомендовала въ текстѣ тотъ или другой магазинъ или ресторанъ, ту или другую фабрику, опередивъ въ этомъ смыслѣ современную американскую рекламу. Булгаринъ бралъ взятки направо и налѣво, а упорствующихъ купцовъ немедленно наказывалъ жестокой критикой ихъ товаровъ и производства. Суда и расправы на все это не было. Петербургъ освоился съ такими пріемами редактора единственной своей ежедневной газеты. Бѣлинскій, только что пріѣхавъ изъ Москвы и не зная вблизи всѣхъ достоинствъ Булгарина, наивно вопилъ: „что это за міръ!—берутъ взятки открыто!".

До того гадка была булгаринская газета, что даже Щербина разразился „молитвой современныхъ писателей":

О, ты, кто принялъ имя слова!
Мы просимъ твоего покрова:
Избави насъ отъ похвалы
Позорной „Сѣверной Пчелы"...

Доходы „грачей-разбойниковъ", какъ ихъ назвалъ Пушкинъ, были очень велики: въ 1855 году каждый изъ двухъ издателей „Пчелы" получилъ на свою долю по 24.000 руб. сер.—доходъ и теперь еще необычайный для издателей многихъ ежедневныхъ газетъ. Недаромъ Булгаринъ при встрѣчѣ съ Краевскимъ, только что ставшимъ издавать „Отечественныя Записки", угадывая возможный подрывъ своего могущества на читательскомъ рынкѣ,—потому что и Краевскій былъ не безпомощенъ въ III Отдѣленіи,—просто-на-просто предложилъ ему присоединиться къ двуумвирату и сообща управлять департаментомъ литературы.

Здѣсь я не могу не остановить вниманіе читателей на одномъ легендарномъ объясненіи могущества „Сѣверной Пчелы" и Булгарина.

Заговорилъ о немъ печатно, впервые, если я не ошибаюсь, кн. В. Ѳ. Одоевскій, публикуя кое-какіе документы изъ своего архива, въ 1864 году. А, именно, онъ находилъ, что Сенковскій и Булгаринъ были представителями „польской партіи"! „Поляки—писалъ онъ—крѣпко стояли другъ за друга. Вновь по-

[1] „Рус. Архивъ", 1869 г., № 9, 1557.

явившаяся въ послѣднее время странная мысль о превосходствѣ какого-то польскаго шляхетскаго просвѣщенія надъ русскимъ постоянно проводилась уже тогда въ разныхъ видахъ. Тогдашняя цензура не обратила на это вниманіе, и изданія въ родѣ „Сѣверной Пчелы“ считались тогда самыми благонамѣренными. Такой взглядъ цензуры давалъ этимъ издателямъ возможность сколь возможно чернить все русское, и въ особенности писателей, не принадлежавшихъ къ польской партіи... Именно въ привилегированныхъ журналахъ („Сѣв. Пчела“ и „Библіотека для Чтенія“—*М. Л.*) и проводилось враждебное Россіи польское направленіе, котораго результаты оказались лишь впослѣдствіи... Вообще эта эпоха невѣжественнаго и вреднаго польскаго диктаторства въ нашей литературѣ и журналистикѣ, нынѣ едва понятная, весьма любопытна и поучительна“.[1]

Тогда же въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появилась статья,—въ которой прикосновенность Булгарина къ какой-то „польской“ партіи безусловно отвергалась: „мы не намѣрены—писалъ авторъ—отрицать въ Булгаринѣ его ума, но насколько извѣстна нравственная его личность, трудно въ ней предполагать какія-нибудь страсти, въ родѣ скрытыхъ симпатій къ Польшѣ и ненависти къ Россіи“.[2]

Но, несмотря на довольно обстоятельное возраженіе *Л.*, легенда, пущенная въ ходъ Одоевскимъ, нашла своихъ распространителей. Особенно любитъ стоять на этой почвѣ г. Бартеневъ, повторяющій легенду о „польской партіи“, съ Булгаринымъ и Сенковскимъ во главѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ въ массѣ редакціонныхъ примѣчаній на страницахъ „Русскаго Архива“. Въ самое послѣднее время ее повторилъ Барсуковъ, подписавшійся вполнѣ подъ словами Одоевскаго.[3]

Характерно, что вообще эта легенда есть достояніе людей, только и видящихъ, что угнетеніе и гоненіе всего русскаго...

Между тѣмъ, мнѣ кажется, не надо долго просматривать изданія Булгарина и Сенковскаго, чтобы увидѣть въ нихъ полное отсутствіе какого бы то ни было польскаго направленія. Достаточно знать то презрѣніе, съ которымъ относилась къ Булгарину польская интеллигенція, и тѣ неоднократно высказываемыя Сенковскимъ нелюбовь и нерасположеніе къ полякамъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ его личную жизнь), чтобы смѣло утверждать неосновательность легенды. Неужели Булгаринъ и Сенковскій могли быть представителями партіи?—тотъ Булгаринъ, который намъ уже болѣе или менѣе вырисовался въ предыдущемъ изложеніи? Предположить это—значитъ обидѣть и польскую, и русскую интеллигенцію: первую—за за делегированіе своихъ интересовъ такимъ „представителямъ“, вторую—за довѣріе къ нимъ. Не говорю уже о томъ, что русская цензура, находящаяся подъ присмотромъ Бенкендорфа, Орлова, Уварова и др., конечно, не могла быть слѣпой

[1] „Рус. Архивъ“, 1864 г., № 7—8, 827—830.

[2] *Л.*, „О полонизмѣ въ русской литературѣ 30-хъ годовъ“, „Отеч. Записки“, 1865 г., мартъ, книжка первая, 67.

[3] См. II томъ его работы о Погодинѣ, 331.

и всякое націоналистическое стремленіе душила въ зародышѣ. Если Булгаринъ и былъ представителемъ какой бы то ни было партіи, то она не могла называться иначе, какъ безпринципная продажность. Не вина поляковъ, что грязное пятно въ русской журналистикѣ первой половины прошлаго столѣтія случайно принадлежало къ ихъ національности. Если и можно говорить о польской партіи въ Россіи вообще, то находить ее въ русской журналистикѣ николаевской эпохи значитъ обнаруживать совершенное непониманіе какъ личности ея представителей и ея самой, такъ и условій жизни литературы того времени вообще.

Кромѣ того, легенда Одоевскаго стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактомъ достаточно общеизвѣстнымъ: Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій были петербургской группой „офиціальной народности", что, разумѣется, не совмѣстимо съ служеніемъ двоихъ изъ нихъ своей отчизнѣ.

Наконецъ, само III Отдѣленіе категорически утверждало неприкосновенность Булгарина къ польской партіи, что видно изъ отношенія его на представленіе Новосильцова о вредномъ духѣ сочиненія Мицкевича—„Конрадъ Валенродъ" и о вредномъ вліяніи на Польшу журналиста Булгарина, помѣченнаго 14 іюля 1828 г.

Въ декабрѣ 1824 г., попечитель виленскаго учебнаго округа, Н. Н. Новосильцовъ, писалъ Аракчееву о необходимости имѣть „непримѣтное наблюденіе" за нѣкоторыми жителями Петербурга, „предуспѣвающими разными происками своими по канцеляріямъ, ежели не совершенно ниспровергать, то по крайней мѣрѣ, значительнымъ образомъ ослабливать всѣ тѣ мѣры, которыя ихъ видамъ не соотвѣтствуютъ". Въ числѣ этихъ лицъ, опасныхъ для порядка въ Царствѣ Польскомъ, Новосильцовъ назвалъ Сенковскаго, Булгарина и Греча, „которыя принадлежали здѣсь къ весьма вредному обществу, существовавшему долгое время подъ именемъ „Шубравцевъ", между коими они назывались Рустиканами".

Такимъ образомъ сколько-нибудь явное обвиненіе Булгарина сводилось къ нахожденію прежде въ обществѣ „Шубравцевъ" („towarzystwo czubrawcuw"), созданномъ молодой профессурой виленскаго университета для оживленія общественной жизни.

Отсюда-то и надзоръ за Булгаринымъ въ 1826 году, о чемъ уже было говорено.

Въ апрѣлѣ же 1828 г., начальникъ главнаго штаба, гр. Дибичъ, писалъ Новосильцову: „государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ просить васъ увѣдомить, не открылось-ли съ того времени вновь какихъ-либо подобныхъ свѣдѣній или подробностей насчетъ Булгарина и Греча". Свѣдѣнія свои Новосильцовъ долженъ былъ представить ген.-ад. гр. Чернышеву для доклада государю.

Въ маѣ 1828 г., онъ сообщилъ, что „Булгаринъ въ издаваемыхъ имъ современныхъ сочиненіяхъ продолжаетъ покровительствовать распространенію и укрѣпленію польскихъ патріотическихъ помышленій, въ превратномъ и ложномъ ихъ направленіи столь противныхъ тѣсному и откровенному соединенію сего народа съ россіянами". „По поводу изданія въ С.-Петербургѣ польской поэмы, подъ названіемъ „Konrad Wallenrod", сочиненной Мицкевичемъ, бывшимъ членомъ

тайнаго патріотическаго польскаго общества „Филаретовъ“, счелъ я,—продолжалъ Новосильцовъ—обязанностью своею обратить вниманіе его императорскаго высочества цесаревича на предосудительное содержаніе сей книги. Такъ какъ въ донесеніи моемъ упоминается, между прочимъ, и о Булгаринѣ, сочиненіе сіе въ журналѣ своемъ одобрявшемъ, что я считаю неизлишнимъ приложить къ сему копію съ донесенія моего государю цесаревичу по сему предмету“.

Что же такое написалъ Булгаринъ по поводу выхода въ свѣтъ „Конрада Валенрода“? Это была очень небольшая замѣтка:

„Въ Петербургѣ отпечатано новое сочиненіе перваго современнаго польскаго поэта Адама Мицкевича: *Конрадъ Валенродъ*, историческая повѣсть въ стихахъ, почерпнутая изъ событій Литвы и Пруссіи. Мы давно уже намѣревались поговорить о произведеніяхъ сего поэта: теперь, при изданіи сочиненія, которое займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ славянскихъ народовъ, мы познакомимъ съ ними нашихъ читателей. Новое сіе сочиненіе съ 3 литогр. картинками продается въ книжномъ магазинѣ Грефа по 10 рублей за экземпляръ. За пересылку прилагается рубль“. [1]

Дѣло въ такомъ положеніи было передано III Отдѣленію, которое и отвѣтило гр. Чернышеву очень пространнымъ „отношеніемъ“ отъ 14 іюля 1828 года.

Изъ него видно, что еще въ 1827 году оно получило бумагу Новосильцова, писанную имъ въ 1824 году гр. Аракчееву; и что послѣдній тогда же произвелъ очень подробное слѣдствіе, которое обнаружило полную неосновательность обвиненій Булгарина и Греча и было признано совершенно соотвѣтствующимъ истинѣ и самимъ намѣстникомъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

Такъ, было обнаружено: „1) что общество Шубравское никогда не было тайнымъ, но явнымъ сатирико-литературнымъ, ибо уставъ онаго былъ напечатанъ и общество издавало журналъ; [2] 2) что оно не было вреднымъ, ибо главные онаго члены и понынѣ находятся въ университетѣ и пользуются особеннымъ покровительствомъ г. Новосильцова; 3) что Булгарина и Греча сдѣлали почетными членами общества единственно изъ литературной вѣжливости за ихъ сатирическія статьи, въ какомъ духѣ издавался журналъ общества, и что ни Булгаринъ, ни Гречъ не участвовали въ трудахъ общества; 4) что Булгаринъ былъ въ жизни только три мѣсяца въ Вильнѣ, въ 1819 году, по частнымъ дѣламъ, и только одинъ разъ присутствовалъ въ засѣданіи общества, а Гречъ вовсе не былъ никогда ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ и не знаетъ языка польскаго; 5) что Булгаринъ не учился въ университетѣ Виленскомъ, не имѣетъ и не имѣлъ въ ономъ друзей, ни родственниковъ и едва поверхностно зналъ нѣсколько профессоровъ, не имѣлъ съ ними никакихъ дружескихъ сношеній и вовсе чуждъ всякаго участія въ дѣлахъ университета; Гречъ же не знаетъ ни одного изъ нихъ, кромѣ ректора Пеликана, который обучался въ Петербургѣ“.

[1] „Сѣверная Пчела“ 1828 г., № 22.

[2] Онъ назывался „Wiadomosci Burkowe“.

III Отдѣленіе добавляло лишь отъ себя, что если бы Новосильцовъ считалъ общество Шубравцевъ „вреднымъ, равно какъ и всѣхъ членовъ онаго, то онъ не надѣлилъ бы своею довѣренностью профессоровъ Андрея Снядецкаго, Мяновскаго, Шидловскаго, котораго даже сдѣлалъ цензоромъ, и другихъ бывшихъ дѣйствительными Шубравцами. Изъ нихъ Снядецкій былъ президентомъ общества, а Шидловскій названъ ораторомъ“.

Останавливаясь на обвиненіи Булгарина въ проведеніи путемъ литературы польскихъ тенденцій, „отношеніе“ отвѣчаетъ:

„Сіе обвиненіе совершенно несправедливо и даже противоположно дѣйствіямъ Булгарина. Онъ, воспитанный въ Россіи, зная языкъ и духъ народа, своими сочиненіями пріобрѣлъ любовь русской публики и сдѣлался любимымъ ея писателемъ, чего не могъ бы достигнуть, если бъ писалъ въ польскомъ духѣ, а не въ русскомъ, ибо въ русскомъ народѣ понынѣ существуетъ предубѣжденіе о полякахъ. Напротивъ того, всѣ его сочиненія исполнены русскимъ патріотизмомъ, основаннымъ на преданности къ престолу. Ни одинъ полякъ не написалъ бы похвальнаго слова Петру I и Суворову, что сдѣлалъ, однако жъ, Булгаринъ. Кромѣ „Сѣвернаго Архива“, гдѣ помѣщено нѣсколько древнихъ польскихъ историческихъ документовъ относительно русской исторіи, въ журналахъ, Булгаринымъ издаваемыхъ, не печатается вовсе ничего о Польшѣ, и онъ, только по просьбѣ русскихъ литераторовъ, написалъ обозрѣніе польской литературы въ 1820 году, когда самъ не издавалъ еще ни одного журнала. По справкѣ оказалось, что Булгаринъ, выписывая множество газетъ и журналовъ изъ-за границы, не выписываетъ ни одного изъ Варшавы. Самъ Булгаринъ до такой степени чуждъ Польшѣ, что хотя онъ родомъ изъ Литвы, но, не живя тамъ никогда, и не имѣя никакихъ связей, рѣшился оставить навсегда сію провинцію и купилъ себѣ имѣніе въ Лифляндіи, чтобы тамъ навсегда поселиться въ отдаленіи отъ Польши. Булгаринъ многократно въ своей газетѣ совѣтуетъ всѣмъ жителямъ Россіи, особенно нѣмцамъ и полякамъ, учиться русскому языку, за что даже заслужилъ упрекъ польскихъ патріотовъ. Булгаринъ въ сочиненіяхъ и разговорахъ распространяетъ одну мысль,—вѣчное соединеніе поляковъ съ русскими. Въ статьѣ своей: „Освобожденіе отъ турокъ Трембовли“, гдѣ героиня—женщина, Булгаринъ говоритъ въ предисловіи къ польскимъ и русскимъ дамамъ: „Нынѣ вы составляете одно семейство, имѣете одного Отца; ваши дѣти и братья навѣки соединены узами взаимнаго счастья. Вы должны знать и уважать другъ друга“ и проч. Повторяя, что въ журналахъ и сочиненіяхъ Булгарина *нѣтъ ни одной строки*, дышащей польскимъ патріотизмомъ, невозможно постигнуть, на чемъ основано обвиненіе Булгарина г. Новосильцовымъ въ распространеніи польскихъ патріотическихъ помышленій.

„Наконецъ, по самомъ подробномъ изслѣдованіи оказывается, что подозрѣніе Булгарина въ сношеніи съ университетомъ основывается на томъ единственно, что пріѣзжающіе въ Петербургъ польскіе профессоры, литераторы или люди высшаго званія навѣщаютъ его, какъ своего единоземца, *пользующагося славою отлич-*

наго писателя и уваженіемъ многихъ знатныхъ особъ, и что Булгаринъ передъ ректоромъ Пеликаномъ, бывшимъ въ Петербургѣ, говорилъ неоднократно, что онъ не одобряетъ мѣръ, принимаемыхъ виленскимъ начальствомъ, чтобы выслуживаться несправедливыми доносами на юношей.

„Что же касается до похвалы поэмы Мицкевича, „Валенрода", то это относится къ литературному достоинству. Впрочемъ, Булгаринъ по долгу журналиста, обѣщая извѣщать о всѣхъ выходящихъ въ Россіи книгахъ, только извѣстилъ въ нѣсколькихъ строкахъ о появленіи сего сочиненія, и сіе поставляется ему въ преступленіе, между тѣмъ какъ въ донесеніи г. Новосильцова вовсе не упомянуто, что сія поэма „Валенродъ" была *подробно* разобрана и расхвалена въ „Московскомъ Телеграфѣ" и вполнѣ переведена на русскій языкъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" *съ величайшими похвалами*. Изъ сего, очевидно, слѣдуетъ, что противъ Булгарина дѣйствуетъ личность. Въ русскомъ журналѣ „Вѣстникъ Европы" безпрестанно помѣщаются статьи изъ польскихъ газетъ, сеймовыя рѣчи и т. п., но о семъ г. Новосильцовъ не говоритъ ни слова. Въ журналахъ Булгарина не только не было никогда говорено о сеймѣ или о чемъ-либо политическомъ, до Польши касающемся, но ничего о самой Польшѣ, однако жъ простое извѣщеніе о польской книгѣ подвергнуло Булгарина обвиненію въ злонамѣренности". [1]

Всего этого, въ связи съ нѣкоторыми другими документами и фактами совершенно достаточно, чтобы имѣть самыя вѣскія основанія отрицать какую бы то ни было работу Булгарина въ пользу его національности.

IV.

1827 и 1828 годы.

Одобреніе Николая I. Доносы на Полевого. Жалоба на цензуру. Брилліантовый перстень. „Оды" Горація. Письма П. И. Гаевскому. Доносъ на Вяземскаго.

Теперь, когда читателю ясны фигура Булгарина въ началѣ его карьеры и обликъ его могущественной газеты, я приступаю къ послѣдовательному разсказу всѣхъ подвиговъ и газеты и ея вдохновителя, изъ которыхъ уясняются ихъ отношенія къ III Отдѣленію.

Необходимо, однако, оговориться. Пусть не удивляется читатель, что въ текстѣ булгаринскихъ органовъ не встрѣчается прямыхъ доносовъ или „благона-

[1] Приведенные документы заимствованы мною изъ „Русской Старины" (1903 г., № 11, стр. 334—343) и изъ рукописей собственнаго архива.

мѣренныхъ указаній“: они не нужны были, потому что Булгаринъ о каждомъ литературномъ „преступленіи“, о каждомъ ударѣ по его карману конкурирующими изданіями или по самолюбію литературными врагами всегда непосредственно сообщалъ въ III Отдѣленіе. Чтобы печатать доносъ, будучи увѣреннымъ въ его успѣшности,—надо или быть гораздо глупѣе Булгарина, или стоять гораздо дальше отъ „блюдущихъ“ за литературою правительственныхъ органовъ. Зачѣмъ публично дѣлать себя виновникомъ чужихъ бѣдъ, когда то же можно сдѣлать келейно? Съ другой стороны, до нѣкоторой степени правъ и г. Венгеровъ, говоря о простой невозможности въ то время печатныхъ доносовъ. Дѣйствительно, въ первую половину прошлаго столѣтія „ничто не должно было нарушать убѣжденіе русскаго обывателя въ томъ, что благонамѣренность и покорность—такія же неотъемлемыя качества святой Руси, какъ неотъемлемъ воздухъ, которымъ она окружена“. Совершенно вѣрно, что печатно Булгаринъ не долженъ былъ упрекать „Современникъ“ въ якобинствѣ, потому что это, во-первыхъ, доказывало бы, что Дубельтъ (и вообще III Отдѣленіе) плохо бдитъ, и еще болѣе потому, что самая мысль о возможности ослушанія заключала въ себѣ соблазнъ. Булгаринъ не долженъ былъ доказывать превосходство дубельтовской системы предъ всякими иными, потому что это показывало бы, что есть на Руси люди, которые въ этомъ сомнѣваются“. [1]

И если кое-какія писанія „Сѣверной Пчелы“ и могутъ быть разсматриваемы, какъ доносы, то, всетаки, они имѣли иное значеніе. Указать на вольнодумство Пушкина значило, въ сущности, не донести на поэта, а лишь помочь въ стремленіи представить его такимъ тѣмъ, кто были въ этомъ отношеніи несолидарны съ озлобленнымъ противъ Пушкина Бенкендорфомъ. Когда же нужно было наказать кого-нибудь, эта форма „сообщенія къ свѣдѣнію“ считалась, конечно, непрактичною...

Въ началѣ 1827 года Гречъ представилъ Фоку корреспонденцію Катакази, озаглавленную „Корабль Азовъ на Ревельскомъ рейдѣ“, въ которой было описано посѣщеніе судна Николаемъ I. Бенкендорфъ доложилъ ее государю, тотъ сдѣлалъ нѣсколько сокращеній, лично его касавшихся мѣстъ и вернулъ начальнику III Отдѣленія съ выраженіемъ удовольствія.

Въ серединѣ 1827 года издатель враждебнаго „Сѣверной Пчелѣ“ „Московскаго Телеграфа“, Полевой, просилъ цензурное вѣдомство разрѣшить ему изданіе съ начала 1828 года журнала „Энциклопедическія лѣтописи отечественной и иностранной литературъ“ и газеты „Компасъ“. Шишковъ готовъ уже былъ дать просимое разрѣшеніе, какъ вдругъ встрѣтилъ препятствія со стороны III Отдѣленія.

Булгаринъ и Гречъ, имѣя вездѣ, гдѣ нужно, заручку то въ видѣ большого чиновника, то въ лицѣ мелкаго писца, хорошо освѣдомленнаго въ ходѣ дѣлъ пріютившаго его департамента, очень скоро узнали о домогательствахъ Полевого

[1] *С. Венгеровъ*, „Ежедневная печать конца дореформенной эпохи“, „Литературный Вѣстникъ“, 1902, № 8, 385.

и, разумѣется, сейчасъ же учли, чѣмъ грозилъ „Компасъ“ ихъ „Пчелкѣ“... Черезъ нѣсколько дней Бенкендорфъ получилъ три доноса, въ которыхъ Полевой и его сотрудникъ были представлены людьми совершенно неблагонамѣренными. Эти доносы приведены академикомъ Сухомлиновымъ въ статьѣ: „Н. А. Полевой и его журналъ „Московскій Телеграфъ“ („Статьи и изслѣдованія“, т. II), но онъ нигдѣ не называетъ автора ихъ. Затѣмъ гораздо позже, въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ за 1903 годъ, Дубровинъ вновь напечаталъ эти доносы, заимствовавъ ихъ изъ архива III Отдѣленія и не зная, повидимому, что они уже были опубликованы, но назвалъ ихъ безыменными. Между тѣмъ, есть достаточныя основанія, чтобы приписать эти доносы Булгарину. Только онъ изъ литераторовъ того времени могъ знать два факта, извѣстные тогда исключительно III Отдѣленію, а именно—о замѣчаніяхъ генерала Волкова и о прикосновенности Соболевскаго и Титова къ извѣстному уже читателю дѣлу о Кирѣевскомъ, возникшему въ 1827 г. (см. стр. 67—71). Во-вторыхъ, доносъ на статьи Александра Тургенева и кн. Вяземскаго. Какъ разъ оба они были врагами Булгарина и при томъ настолько серьезными, что Тургеневъ, напримѣръ, въ глаза назвалъ его въ 1825 году подлецомъ.[1] Въ-третьихъ, черезъ всѣ три доноса ясно проходитъ боязнь конкуренціи, а ее только и могъ обнаруживать Булгаринъ, потому что другихъ газетъ тогда не существовало. Наконецъ, весь тонъ доносовъ чисто булгаринскій и я убѣжденъ, что еслибы Сухомлиновъ и Дубровинъ встрѣтили ихъ въ дѣлахъ о Булгаринѣ же или о „Сѣверной Пчелѣ“, то имъ сразу бросилось бы и сходство почерка, но этого не случилось, потому что доносы подшиты къ дѣлу о Полевомъ, въ которомъ нѣтъ другихъ булгаринскихъ автографовъ. Я очень жалѣю, что лично не успѣлъ познакомиться съ подлинниками доносовъ, но, несмотря на это, совершенно убѣжденъ въ ихъ принадлежности Булгарину.

Вотъ эти три документа по записи Сухомлинова, гораздо болѣе правильной, чѣмъ дубровинская:

1.

„19-го августа.

„Издатель журнала „Московскій Телеграфъ“, купецъ *Полевой* старается пріобрѣсть позволеніе на изданіе въ Москвѣ частной политической газеты съ будущаго 1828 года.

По сему случаю осмѣливаемся сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

„1) Изданіе политической газеты даже въ конституціонныхъ государствахъ повѣряется людямъ, извѣстнымъ своею привязанностію къ правительству; опытнымъ и умѣющимъ дѣйствовать на мнѣніе. Въ политической газетѣ самое молчаніе о предметахъ, могущихъ произвести пріятное впечатлѣніе, и простой голый разсказъ о событіяхъ, представляющихъ власть въ видѣ превратномъ, могутъ волновать умы и посѣвать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ. Цензура не мо-

[1] „Остафьевскій архивъ“, III, 127.

жетъ заставить издателя разсуждать въ пользу монархическаго правленія, или говорить, гдѣ ему угодно молчать, а потому духъ газеты всегда зависитъ отъ образа мыслей издателя. Г. Полевой, по происхожденію своему, принадлежитъ къ среднему сословію, которое, по натурѣ вещей, всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ имъ уравненіе въ правахъ съ привилегированными классами: сей образъ его мыслей обнаруженъ въ поданномъ министру финансовъ мнѣніи московскаго купечества, въ концѣ царствованія блаженной памяти императора Александра. Мнѣніе сіе сочинено г. Полевымъ и въ свое время произвело большіе толки: тамъ и Вольтеръ, и Дидеротъ выведены на сцену для защиты правъ московскаго купечества. Въ „Московскомъ Телеграфѣ" безпрестанно помѣщаются статьи, запрещаемыя с.-петербургскою цензурою, и разборы иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ въ Россіи. Въ нынѣшнемъ году помѣщались тамъ письма А. Тургенева изъ Дрездена, гдѣ явно обнаружено сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ и прошедшихъ златыхъ временахъ. Вообще духъ сего журнала есть оппозиція, и все, что запрещается въ Петербургѣ говорить о независимыхъ областяхъ Америки и ея герояхъ, съ восторгомъ помѣщается въ „Московскомъ Телеграфѣ". Сіе замѣчено уже и генераломъ Волковымъ.

„2) Г. Полевой, по своему рожденію, не имѣя мѣста въ кругу большого свѣта, ищетъ протекціи людей высшаго состоянія, занимающихся литературою, и, само по себѣ разумѣется, одинакого съ нимъ образа мыслей. Главнымъ его протекторомъ и даже участникомъ по журналу есть извѣстный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, который, промотавшись, всѣми средствами старается о пріобрѣтеніи денегъ. Образъ мыслей Вяземскаго можетъ быть достойно оцѣненъ по одной его стихотворной пьесѣ: *Негодованіе*, служившей катехизисомъ заговорщиковъ, которые чуждались его единственно по его безхарактерности и непомѣрной склонности къ игрѣ и крѣпкимъ напиткамъ. [1] Сей-то Вяземскій есть меценатъ Полевого и надоумилъ его издавать политическую газету.

„3) Москва есть большая деревня. Тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ,

[1] Въ этомъ весьма длинномъ стихотвореніи, написанномъ еще 1818 году, обвиненію послужили стихи, въ родѣ слѣдующихъ:

Бестыдство предсѣдитъ въ собраніи вельможъ...
Зрѣлъ промышляющихъ спасительныхъ глаголовъ,
Ханжей, торгующихъ ученіемъ святыхъ,
Въ забвеньи Бога душъ—однимъ земнымъ престоламъ
Кадящимъ трепетно, однимъ богамъ земнымъ.
Хранители казны народной,
На правый судъ сберитесь вы;
Отвѣтствуйте: гдѣ дань отчаянной вдовы?
Гдѣ подать сироты голодной?
Корыстною рукой заграбилъ ихъ развратъ.
Презрѣвъ укоръ людей, забывъ небесъ угрозы,
Испили жадно вы средь пиршескихъ прохладъ
Кровавый потъ труда и нищенскія слезы.

нежели въ Петербургѣ, и цензура тамъ никогда не имѣла ни постоянныхъ правилъ, ни ограниченнаго круга дѣйствія. Замѣчательно, что отъ временъ Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя, нынѣ находящіяся въ оборотѣ, напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже „Думы“ *Рылѣева* и его поэма *Войнаровскій*, запрещенныя въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ. Все запрещаемое здѣсь печатается безъ малѣйшаго затрудненія въ Москвѣ. Сколько было промаховъ по газетамъ и журналамъ, то всегда это случалось въ Москвѣ. Всѣ политическія новости и внутреннія происшествія иначе понимаются и иначе толкуются въ Москвѣ, даже людьми просвѣщенными. Москва, удаленная отъ центра политики, всегда превратно толковала происшествія, и журналы, выбирая даже статьи изъ петербургскихъ газетъ, помѣщаютъ ихъ часто столь неудачно съ пропусками, что дѣла представляются въ другомъ видѣ. Вообще, московскіе цензоры, не имѣя никакого сообщенія съ министерствами, въ политическихъ предметахъ поступаютъ наобумъ и часто дѣлаютъ непозволительные промахи. По связямъ Вяземскаго, они почти безусловно ему повинуются.

„4) Г. Полевой, какъ сказано, состоитъ подъ покровительствомъ князя Вяземскаго, который по родству съ женою покойнаго исторіографа Карамзина находится въ связяхъ съ товарищемъ министра просвѣщенія Блудовымъ. Не взирая на то, что самъ Карамзинъ зналъ истинную цѣну Вяземскаго, Блудовъ, изъ уваженія къ памяти Карамзина, не откажетъ ни въ чемъ Вяземскому. Изъ угожденія Блудову, можно въ крайности позволить Полевому помѣщать политику въ своемъ двухнедѣльномъ журналѣ „Московскомъ Телеграфѣ“, но выдавать особую политическую газету въ Москвѣ невозможно, по причинамъ вышеизъясненнымъ и для предупрежденія зла, которое послѣ гораздо труднѣе будетъ истребить.

„Весьма полезно было бы, чтобы вообще позволеніе вновь издавать политическія газеты даваемо было не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, какъ сіе дѣлается во Франціи.

2.

„21-го августа.

„Я наугадъ выбралъ по одной книжкѣ изъ первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1827 года. Въ прошлыхъ годахъ есть гораздо сильнѣйшія вещи, именно политическія:

„1) Если со вниманіемъ прочесть замѣченныя мѣста въ первой статьѣ № 1,

На хищный вашъ алтарь въ усердіи слѣпомъ
Народъ имущество и жизнь свою приноситъ...
...Загорится день, день торжества и казни;
Раздастся пѣснь побѣдъ вамъ, истины жрецы,
Вамъ, други чести и свободы!
Вамъ—плачъ надгробный, вамъ, отступники природы,
Вамъ притѣснители, вамъ, низкіе льстецы!..

то ясно обнаружится желаніе издателя дать почувствовать читателямъ, что письмо сіе пишется Николаю *Тургеневу* подъ вымышленными буквами, явный ропотъ противу притѣсненія просвѣщенія, которое называютъ *запретною розою*, и сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ, на страницѣ 9, было всѣми понято и доставило большой ходъ журналу. Въ статьѣ все жалуются *на два послѣдніе* года, т.-е. 1825 и 1826—время отлучки Тургенева и ссылки бунтовщиковъ. Все такъ ясно изъяснено, что не требуетъ поясненій.

„2) Въ № 4, февраль, статья: Путешествіе въ Эрменонвиль написана въ такомъ духѣ, что сочинитель *Contrat Social* представленъ первымъ и величайшимъ философомъ. Извѣстно сколько зла надѣлалъ Руссо своими мечтами, а ему велятъ вѣрить! Стоитъ прочесть всю статью, что отмѣчено.

„3) Въ № 6, мартъ, статья: Философія исторіи наполнена революціонныхъ правилъ. Стоитъ прочесть замѣченныя мѣста. Особенно достойно примѣчанія мѣсто на концѣ 113 и переносъ на 114 страницу. Спрашивается, что значитъ: *„ученіе средины послѣдняго вѣка, которое навѣки пребудетъ убѣжищемъ всѣхъ избранныхъ душъ“*. Каждый школьникъ знаетъ, чему учили энциклопедисты въ половинѣ 18-го столѣтія,

„4) Въ № 7, апрѣль, приведено доказательство, какъ издатель умѣетъ въ рецензіи поэзіи примѣшивать политику. Замѣченныя мѣста содержатъ въ себѣ самый явный карбонаризмъ.

3.

„23-го августа.

„Издатель „Московскаго Телеграфа“ *Полевой* самъ пріѣхалъ сюда хлопотать о позволеніи издавать съ будущаго 1828 года политическую газету: *„Компасъ“*, т.-е. указатель и руководитель мнѣній. *Полеваго* покровительствуютъ всѣ такъ называемые патріоты, и даже Мордвиновъ. Всѣ замѣченные въ якобинизмѣ москвичи: *Титовъ*, *Кирѣевскій*, *Соболевскій*—сотрудники „Телеграфа“. Покровители онаго князь Вяземскій и бывшій профессоръ *Давыдовъ*, самый отважный якобинецъ. Если свыше не взято будетъ мѣръ, то якобинство пріобрѣтетъ величайшую силу для дѣйствованія на умы. Дѣло о „Компасѣ“ уже въ ходу, и всѣ русскіе такъ называемые патріоты торжествуютъ. Здѣсь ходатаемъ Полевого нѣкто *Нечаевъ*, принадлежавшій къ союзу благоденствія, какъ то оказалось изъ добровольнаго сознанія тульскаго почтмейстера. Самъ *Полевой* нынѣ въ Петербургѣ; Нечаевъ возилъ его къ Мордвинову, и онъ уже похваляется согласіемъ Блудова и министра и говоритъ, что для него будетъ разрѣшено печатать извѣстія безъ сношенія съ министерствами.

„Я счелъ непремѣннымъ долгомъ еще разъ обратить вниманіе на сей предметъ; ибо, по всѣмъ извѣстіямъ, духъ молодежи въ Москвѣ весьма дуренъ. *Соболевскій*, побочный сынъ Соймонова, замѣченный въ весьма либеральныхъ правилахъ и извѣстный по письму сомнительнаго содержанія къ *Кирѣевскому*,

прибылъ сюда и остановился у кавалергардскаго офицера *князя Трубецкаго*, въ домѣ *Устинова*, у Семеновскаго моста.

„*Кирѣевскаго* также ожидаютъ.

„*Титовъ* здѣсь служитъ въ иностранной коллегіи. Молодой человѣкъ развратныхъ правилъ.

„Вчера въ цензурномъ комитетѣ подписанъ журналъ о дозволеніи издавать въ Москвѣ газету „Компасъ" (политическую) и журналъ „Энциклопедія". Какія заглавія одни!!

„Извѣстный *Соболевскій* (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ заграницу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ и его легко увлечь. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы—князь *Вяземскій* и *Полевой*; пріятели: *Титовъ*, *Шевыревъ*, *Рожалинъ* и другіе москвичи. Соболевскій водится съ кавалергардами".

III Отдѣленіе, разумѣется, не осталось глухо къ этимъ доносамъ, и въ результатѣ—переписка съ Шишковымъ, не только послѣ этого отказавшимъ Полевому, но и предупредившимъ его о необходимости величайшей осмотрительности при выборѣ статей для „Московскаго Телеграфа".

Обрадованный Булгаринъ писалъ Бенкендорфу:

„Достойно замѣчанія, что за *Полевымъ*, намѣревавшимся издавать „*Компасъ*" и „*Энциклопедію*" въ Москвѣ, кромѣ своего „*Телеграфа*", пріѣхала въ Петербургъ цѣлая когорта москвичей, изъ коихъ самый дурной—сотрудникъ его, *Соболевскій*, а самый безтолковый и подозрительный цензоръ его *Снигиревъ*, который, имѣя порученіе визитировать школы въ Новгородѣ, заѣзжалъ въ Петербургъ. *Полеваго* сильно протежировали такъ называемые русскіе патріоты, или, какъ ихъ въ насмѣшку называютъ, *русскіе думники*. Первымъ протекторомъ былъ *Н. С. Мордвиновъ*. *Блудовъ* протежировалъ лишь по связи съ *Вяземскимъ*. Возилъ повсюду *Полеваго* извѣстный журналистъ *Свиньинъ*, который слыветъ подъ именемъ *мѣднаго лба* и *patriote réchauffé*. *Кикинъ* сильно дѣйствовалъ въ его пользу. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, и всѣ крайне удивились, когда Шишковъ объявилъ въ свое оправданіе, что запрещено *свыше*. Впрочемъ, Шишковъ, вѣроятно, видѣлъ предосудительныя мѣста въ „*Телеграфѣ*", ибо онъ былъ раздосадованъ на *Полеваго* и даже сказалъ: „Еслибъ мнѣ порядочно досталось за этотъ журналъ, то въ первый разъ было бы подѣломъ!" Жена Шишкова говорила, что *Н. С. Мордвиновъ* сильно нападалъ на ея мужа, зачѣмъ онъ не *отстоялъ Полеваго*, ибо онъ купецъ и патріотъ, а *намъ* должно поддерживать русскія дарованія.

„Литераторы здѣшніе и даже многіе москвичи чрезвычайно рады этому запрещенію. *Полевой* приписываетъ князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну сіе запрещеніе. Патріоты, такъ называемые *думники*, повѣсили носъ.

„Здѣсь получено извѣстіе, что *Вяземскій* переходитъ къ другой партіи

и научаетъ молодыхъ людей: *Михайлу Дмитріева*, *Писарева молодого* и еще нѣсколькихъ, испросить позволеніе на изданіе политической газеты въ Москвѣ. Ему непремѣнно хочется имѣть въ Москвѣ *частную* политическую газету“.

Желая заставить цензурное вѣдомство, находившееся подъ начальствомъ такого упорнаго человѣка, какимъ былъ Шишковъ, проникнуться уваженіемъ къ III Отдѣленію, Бенкендорфъ первое время иногда умышленно не прочитывалъ матеріалъ „Сѣверной Пчелы“ въ рукописяхъ, а послѣ его напечатанія шелъ съ жалобой къ царю, надѣясь этимъ добиться общаго распоряженія, въ силу котораго цензура вовсе не принимала бы участія въ просмотрѣ его органа... Николай, однако, и при Шишковѣ и послѣ него такого распоряженія не отдалъ, просто потому, что любилъ внѣшній порядокъ: разъ есть цензурное вѣдомство, пусть оно и занимается своимъ дѣломъ. Для иллюстраціи этихъ ходовъ начальника III Отдѣленія, интересно его отношеніе къ Шишкову отъ 11 сентября 1827 года.

„Милостивый Государь Александръ Семеновичъ!

„Государь Императоръ, прочитавъ во вчерашнемъ нумерѣ „Сѣверной Пчелы“ стихи на рожденіе Великаго князя Константина Николаевича, Высочайше повелѣть мнѣ изволилъ обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства на послѣднюю строку сихъ стиховъ, которой смыслъ въ политическомъ отношеніи, при настоящемъ случаѣ и въ *публичномъ листкѣ* можетъ подать поводъ къ различнымъ нелѣпымъ разсужденіямъ и толкамъ, почему Его Величество и желаетъ, чтобы цензура на подобныя аллузіи, въ публичныхъ листкахъ помѣщаемыя, смотрѣла съ большею разсмотрительностію“. Шишковъ отвѣтилъ, что сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія. [1]

Вскорѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“ была напечатана статья: „Нравы. Слухи, письмо ученаго часового мастера къ издателямъ „Сѣверной Пчелы“. Она была представлена царю, положившему на рукописи резолюцію: „permis de passer“.

---

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспедиціи 1827 года, № 171. При этомъ отъ редакціи сообщалось, что поэту представился день торжества Куликовой битвы—9 сентября, и имя Константинъ, страшное на Востокѣ для враговъ христіанства...

Вотъ что писалъ неизвѣстный поэтъ:

„Когда Донской на полѣ ратномъ
Побѣды день торжествовалъ,
Въ тотъ самый часъ, во громѣ благодатномъ
Петрополь вѣсть великую срѣталъ:
Залогъ побѣдъ и новой славы,
Намъ юный данъ Архистратигъ...
Ликуйте вы, сыны полночныя Державы!
Востокъ! вострепещи: конецъ судебъ твоихъ.

19 ноября 1827 года Булгаринъ обратился къ Бенкендорфу со слѣдующей жалобой:

„Милостивый Государь Александръ Христофоровичъ!

„На основаніи повелѣнія Вашего Превосходительства я представилъ Вамъ стихи, сочиненные Анненковымъ, подъ заглавіемъ „Война въ Персіи“. Ваше Превосходительство согласились на напечатаніе оныхъ и потому я послалъ ихъ къ цензору надворному совѣтнику Вѣтринскому, съ надписью: „*Стихи сіи были показываемы Его Превосходительству Начальнику Главной Квартиры Его Императорскаго Величества, Шефу Жандармовъ, генералъ-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу и онъ одобрилъ оные къ печатанію*“. Надпись сію скрѣпилъ я моею подписью. Казалось бы, что цензору ничего не оставалось, какъ подписать стихи, или въ случаѣ сомнѣнія моей подписи, *справиться* у Вашего Превосходительства. Но нѣтъ, г. Вѣтринскій, воспитанникъ знаменитаго Фотія, обрадовался случаю показать свое могущество. Онъ объявилъ, что не признаетъ власти генерала Бенкендорфа, и стараясь какъ-нибудь перетолковать смыслъ стиховъ, чтобы запретить ихъ для того только, чтобъ показать, что покровительство Вашего Превосходительства не имѣетъ силы въ цензурѣ. Онъ выдумалъ: *что въ стихахъ, т.-е. въ игрѣ воображенія, нѣтъ исторической вѣрности въ движеніяхъ войскъ и въ числахъ, а потому они подлежатъ запрещенію*. Цензурный комитетъ, хотя видѣлъ ничтожность сей привязки, но, горя желаніемъ сдѣлать непріятность Вашему Превосходительству, и показать, что отвергаетъ Ваше вліяніе, объявилъ, что согласіе Вашего Превосходительства недостаточно для напечатанія стиховъ и какъ война производится въ *Азіи*, то рѣшилъ послать стихи съ своимъ мнѣніемъ къ директору *Азіатскаго* департамента, Родофинкину. Смѣю сказать, что цензурный комитетъ поступилъ противозаконно въ семъ дѣлѣ, единственно слѣдуя внушенію своей гордыни, онъ забылъ, что стихи не подлежалъ § 141 [1] цензурнаго устава. Цензурный комитетъ даже не вздумалъ доложить о семъ Министру Просвѣщенія и не заблагоразсудилъ на основаніи §§ 59, 62 и 65 объявить мнѣ рѣшеніе дѣла, удержавъ просто рукопись у себя и не удостоивъ отвѣтомъ.

„Г. Родофинкинъ, приведенный въ затрудненіе вопросомъ цензуры, и не зная, какимъ образомъ причислить стихи къ дипломатикѣ, далъ отвѣтъ двухсмысленный, évasive. Цензура восторжествовала, и цензоры похваляются, что они одержали побѣду надъ Вашимъ Превосходительствомъ и не послушались Вашего согласія. Два благородные цензора: Сербиновичъ и Гаевскій изъ сего исключаются.

„Поелику сочинитель стиховъ есть *офицеръ* Гвардіи, и предметъ стиховъ *военный*, то по всей справедливости цензору надлежало бы руководствоваться § 204: „Письменное разрѣшеніе начальства снемлетъ съ цензурныхъ ко-

[1] § 141: „Статьи, касающіяся до государственнаго управленія, не могутъ быть напечатаны безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается“.

митетовъ всякую отвѣтственность“. Я ссылался письменно на Ваше Превосходительство, слѣдовательно, о *военномъ* человѣкѣ и по *военному дѣлу* надлежало бы только справиться у *Начальника Главной Квартиры* справедливо ли я ссылаюсь, а не пренебрегать властью Его и прибѣгать въ *Азіатскій* департаментъ! Здѣсь явное отступленіе отъ закона и явное желаніе сдѣлать непріятность Вашему Превосходительству.

„Столь дерзкій и вмѣстѣ съ тѣмъ противозаконный поступокъ цензурнаго комитета, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія Вашего Превосходительства, а потому я рѣшился довести оный до свѣдѣнія Вашего. Если всѣ присутственныя мѣста станутъ такимъ образомъ поступать небрежно, гдѣ употреблено имя Вашего Превосходительства, то отъ сего можетъ послѣдовать большой вредъ службѣ. Уже сопротивленіе цензуры и ея побѣда кружитъ по городу и составляетъ радость всѣхъ страшащихся Жандармовъ.

„Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью честь имѣю пребыть Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя, покорнѣйшимъ слугою *Ѳ. Булгаринъ.*“ [1]

Результатомъ этой очень хитро и нагло составленной жалобы была рѣзкая переписка Бенкендорфа съ Шишковымъ, изложенная мною при обозрѣніи 1827 года (см. стр. 41—43). Начальникъ III Отдѣленія, дѣйствительно, обратилъ серьезное вниманіе на могущее произойти умаленіе своей власти, и министерство просвѣщенія долго помнило переписку съ нимъ о стихахъ Анненкова...

Въ серединѣ того же 1827 года Бенкендорфъ представилъ царю „Сочиненія“ Булгарина, только что вышедшія тогда въ десяти частяхъ, и 18 сентября обрадовалъ его увѣдомленіемъ, что „Государь Императоръ удостоилъ ихъ благосклоннымъ принятіемъ и повелѣть соизволилъ объявить автору свое Всемилостивѣйшее удовольствіе“... Булгарину этого было мало. Онъ началъ хлопоты о наградѣ болѣе реальной и получилъ ее въ ноябрѣ въ видѣ брилліантоваго перстня...

Мы уже знаемъ, что Булгаринъ пожертвовалъ свою книгу „Избранныя оды Горація“. За это онъ тоже ожидалъ награды... Наконецъ, въ концѣ 1827 года выяснилось, что министерство народнаго просвѣщенія не хочетъ стараться для бенкендорфовскаго фаворита. Тогда Булгаринъ представилъ своему покровителю слѣдующую записку:

„Когда по Высочайшему повелѣнію учрежденъ былъ комитетъ для снабженія учебныхъ заведеній полезными книгами, чиновникъ 8 класса Булгаринъ (издатель „Сѣверной Пчелы“), желая по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать бла-

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспед., 1827 г., № 171.

гимъ видамъ Монарха, пожертвовалъ 1000 экземпляровъ книги „Избранныя оды Горація съ комментаріями". Булгаринъ самъ перевелъ на русскій языкъ комментаріи знаменитаго филолога Мичерлиха и издалъ книгу на свой счетъ. Изданіе же сей книги на польскомъ языкѣ напечатано на казенный счетъ и издатель г. Ежовскій получилъ съ согласія главнаго правленія училищъ денежное вознагражденіе за свои труды. Напротивъ того, съ Булгаринымъ поступлено совершенно иначе: Ученый комитетъ главнаго правленія училищъ сдѣлалъ полный и подробный разборъ пожертвованной Булгаринымъ книги, призналъ ее полезною и годною для употребленія въ училищахъ и, по существующимъ по сему предмету узаконеніямъ, единогласно положилъ, что онъ признаетъ пожертвованіе Булгарина достойнымъ ходатайства о Высочайшемъ благоволеніи пожертвователю, что можно видѣть изъ выписки изъ журнала комитета. Университетъ принялъ также даръ сей изъявленіемъ благодарности, какъ то видно изъ отношенія университета къ Булгарину. Но г. министръ просвѣщенія рѣшилъ вопреки мнѣнію комитета и университета, что сіе пожертвованіе не заслуживаетъ быть доведеннымъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, не потому, чтобы книга была нехороша и безполезна, но что назначеніе цѣны книгъ зависитъ вообще отъ произвола. Книги вообще цѣнятся самими издателями и понынѣ не было примѣра, чтобъ пожертвованіе было принято, а пожертвователь не удостоился никакого вниманія. Самое изданіе стоитъ Булгарину около 5000 рублей, кромѣ труда, и по каталожной цѣнѣ пожертвованіе составляетъ около 8000 рублей. За пожертвованіе книгъ меньшей цѣны и достоинства пожертвователи удостаивались не только Высочайшаго благоволенія, но даже награжденія орденами, а производитель дѣлъ ученаго комитета отнесся письменно къ Булгарину, что подобный несправедливости не было еще примѣра. Для Булгарина изъявленіе Высочайшаго благоволенія слишкомъ дорого, чтобы онъ могъ равнодушно перенесть сію несправедливость".

Бенкендорфъ далъ „запискѣ" ходъ, пославъ ее 8 декабря къ Блудову съ бумагой слѣдующаго содержанія: „Представляя Вашему Превосходительству записку о поступленіи съ г. Булгаринымъ по случаю сдѣланнаго имъ пожертвованія, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, обратить на сіе обстоятельство благосклонное вниманіе. Пріемля особенное участіе въ положеніи г. Булгарина, какъ человѣка мнѣ съ отличной стороны извѣстнаго, я сочту собственнымъ одолженіемъ всякое добро, которое Ваше Превосходительство угодно будетъ оказать ему въ семъ повидимому столь справедливомъ дѣлѣ".

Изъ дѣла не видно, что удалось сдѣлать Блудову.

Въ слѣдующемъ году Булгаринъ продолжалъ свои счеты съ ненавидѣвшей его цензурой. Очень любопытно письмо къ цензору Гаевскому, не хотѣвшему пропустить его статью „Литературныя шутки. Переписка Асмодея съ Мефистофелемъ о разныхъ литературныхъ диковинкахъ", въ которой Булгаринъ отвѣчалъ задѣвшему его Шевыреву.

„Милостивый Государь, Павелъ Ивановичъ, съ величайшимъ прискорбіемъ узналъ я изъ вашей записки, что вы и Константинъ Степановичъ [1] соглашаетесь на напечатаніе критики на стихи Шевырева въ „Сынѣ Отечества", а не въ „Пчелѣ", потому что „Пчелу" *всѣ читаютъ*. Но я вовсе ненамѣренъ скрываться съ критиками, а какъ въ „Пчелу" по-моему, входятъ критики, а виды и формы критикъ не означены закономъ, то и не вижу причины, почему нельзя печатать сей бездѣлки. Если вы найдете въ критикѣ что-либо противозаконное, или замѣтите личность, прошу отмѣтить; хотя я не нападаю вовсе на лица, но готовъ смягчить, что вамъ покажется излишнимъ. Имени Шевырева не могу не помѣстить, ибо, *во-первыхъ*, это ни однимъ въ мірѣ закономъ не запрещено, а *во-вторыхъ*, имя Шевырева не есть палладіумъ русской словесности. Вамъ, конечно, некогда читать всѣхъ журналовъ, но я не думаю, чтобы министерство и высшее правительство было настолько несправедливо, чтобы рѣшилось запретить мнѣ писать критики, когда мое имя поносятъ въ московскихъ журналахъ и лишаютъ меня *всего*. Такъ, цензура не запрещала упоминать о имени *сочинителя Сочиненій Ѳ. Булгарина*, и я думаю, что человѣкъ, который подписываетъ свое имя *подъ стихами*, не требуетъ самъ, чтобъ объ немъ молчали! Если форма и родъ критики моей кажутся вамъ забавными или смѣшными, то я объявляю торжественно, что я неспособенъ писать скучныхъ и педантичныхъ критикъ, а хочу, чтобъ мои читатели смѣялись, а не зѣвали. Цѣль всегда ставится одна и та же: исправленіе словесности. [2]

„Если г. Олинъ [3] хочетъ жаловаться, какъ вы изволили сказывать, то я былъ бы весьма радъ этому и тогда представилъ бы его критику на *Освобожденный Іерусалимъ, переводъ А. С. Шишкова*, нашего министра, гдѣ г. Олинъ изволитъ смѣяться и шутить надъ переводчикомъ. При семъ честь имѣю приложить Вѣстникъ Московскій, гдѣ меня разругалъ г. Шевыревъ, *не скрывая моего имени*. За особенную милость почту, если вы соблаговолите рѣшить сіе дѣло поскорѣе и возвратите мнѣ критику съ замѣчаніями своими. Во всякомъ случаѣ, однако жъ, я долженъ увѣдомить васъ, что, повинуясь во всемъ волѣ цензоровъ, я никакъ не могу согласиться на слѣдующее. *Первое*, чтобы кто-нибудь, кромѣ меня, распоряжался, что должно, а что не должно быть печатано въ „Пчелѣ", исключая статей, кои по законамъ цензуры не могутъ быть *нигдѣ* напечатаны. *Второе*, чтобы критики были писаны *сухо*, какъ будто *веселость* составляетъ *личность*. Смѣются и смѣялись всегда надъ глупыми сочиненіями, не трогая лица, т.-е. частной жизни автора. *Третье*, чтобъ не упоминать о лицахъ критикуемыхъ авторовъ, т.-е. *чтобы не называть ихъ по имени*.—Наша осторожная цензура довела насъ до того, что всѣхъ насъ ругаютъ, а намъ не позволяютъ

[1] Цензоръ К. С. Сербиновичъ.

[2] Булгаринъ вѣчно твердилъ, что цѣль его литературной работы одна—исправленіе словесности!..

[3] Олинъ—тогдашній переводчикъ-поэтъ. Очевидно, у него съ Булгаринымъ произошелъ какой-то конфликтъ.

отвѣчать на томъ основаніи, что „Пчелу“ *всѣ читаютъ*! Прошу васъ заглянуть въ каждую книжку *Славянина*, гдѣ мое имя свѣтится въ статьѣ, которая имѣетъ заглавіе *Хамелеонистика*, хотя всякому извѣстно, что *хамелеономъ* у насъ называютъ человѣка безъ постоянныхъ правилъ, двуличнаго. Г. Воейковъ [1] выводитъ на сцену отдѣльныя фразы, писанныя за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, и, сбивъ все въ кучу, выставляетъ меня *хамелеономъ*.

„Я вамъ долженъ сознаться, что столь жестокіе и несправедливые поступки перевернули во мнѣ всю внутренность, и я истинно заболѣлъ. На меня *все можно*, мнѣ ничего *нельзя*, потому что мою газету *всѣ читаютъ*, и потому что я долженъ писать *сухо*, чтобъ *не читали*. Вотъ что мнѣ предназначается!

„Я прошу васъ покорнѣйше рѣшить сіе дѣло, какъ вамъ заблагоразсудится, но только скоро, чтобъ я могъ принять свои мѣры для защиты своей, очищенія литературы и пути моимъ способностямъ—ибо я писать *сухо* ни за что не рѣшусь, а скорѣе откажусь отъ всего на свѣтѣ“.

Письмо это очень характерно во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, ясна „спеціальность“ Булгарина, имъ самимъ выраженная; во-вторыхъ, несомнѣнна увѣренность въ защитѣ со стороны III Отдѣленія, благодаря которой трусливый Булгаринъ пишетъ очень рѣзко и рѣшительно, хотя все сплошь лжетъ; торжественное заявленіе его о невмѣшательствѣ въ „Пчелу“ постороннихъ Гаевскій, конечно, умѣлъ оцѣнить; въ-третьихъ, наконецъ, оно все-таки иллюстрируетъ состояніе цензуры.

Пропустивъ статью о Шевыревѣ, [2] Гаевскій, въ концѣ декабря того-же года, уже при кн. Ливенѣ, не разрѣшилъ для „Сына Отечества“ статью Булгарина: „О новыхъ метеорологическихъ явленіяхъ въ русской литературѣ“—тоже полемическаго характера. Булгаринъ дѣйствуетъ еще болѣе рѣшительно:

„Милостивый Государь, Павелъ Ивановичъ, всегда, какъ только я представлялъ вамъ статьи моего сочиненія, вы старались по возможности найти въ нихъ что-либо къ помаркѣ. Личная ваша ко мнѣ ненависть мнѣ извѣстна и уже обнаруживалась въ тысячѣ случаяхъ. Пока К. С. Сербиновичъ и В. И. Семеновъ цензировали наши журналы, и правительство, и публика, и мы были довольны. [3] Вы же, напротивъ того, изыскиваете случаи, чтобы унизить меня передъ моими противниками. Я представлю начальству все, что именно было противъ меня въ „Моск. Вѣстникѣ“ и въ „Славянинѣ“, и буду просить, чтобъ сравнили съ тѣмъ, что мнѣ запрещали и запрещаете. Вы требуете отъ насъ какой-то школьной сухости, изгоняете всякую шутку, всю веселость, какъ будто статьи должны быть писаны по нраву цензора, а не по законамъ. Въ каждомъ вашемъ поступкѣ я замѣчаю закоренѣлую ко мнѣ ненависть. Извольте представлять эту статью, куда угодно. Я буду оправдываться и представлю все, что цензура пропустила про-

[1] Воейковъ—издатель *Славянина*, врагъ Булгарина, но далеко не принципіальный.

[2] Она напечатана въ № 37 „Сѣверной Пчелы“ за 1828 г.

[3] „Мы“—это Булгаринъ и Гречъ.

тивъ меня. Я не могу писать связно и высказать всего, что бы хотѣлъ, ибо память всѣхъ этихъ обидъ, притѣсненій и оскорбленій, которыя я принялъ отъ васъ, лишаетъ меня присутствія духа. Повѣрьте, что съ документами въ рукахъ я найду правосудіе у подножія трона нашего августѣйшаго монарха противъ вашихъ притѣсненій, которыя испытую я *всегда*, когда только вы имѣете случай показать власть свою надъ моими сочиненіями.—Отъ самаго начала нашихъ изданій правительство никогда не находило ничего вреднаго въ моихъ сочиненіяхъ, и даже самъ А. И. Красовскій признавалъ, что я пишу въ духѣ цензуры и правительства. Вы *одинъ*, [1] по личной ненависти, угнетаете меня". [2]

Въ началѣ 1828 г. московскій генералъ-губернаторъ, кн. Д. В. Голицынъ, вздумалъ попробовать издавать въ Москвѣ газету, поручивъ редакцію ея одному изъ чиновниковъ. До Булгарина этотъ слухъ дошелъ уже въ соединеніи съ именемъ кн. П. А. Вяземскаго. Очевидно, возникало опасеніе за подписку на „Сѣверную Пчелу"... И вотъ, вспоминается одна пирушка Вяземскаго въ веселой компаніи друзей, онъ аттестовывается „развратникомъ", жизнь котораго „недостойна образованнаго человѣка", — а таковой не имѣлъ уже права на изданіе печатнаго органа... Молодой поэтъ былъ ошеломленъ бумагой, въ которой ему вдругъ сообщалось о неразрѣшеніи какой-то „Утренней Газеты"—онъ даже ничего о ней не слышалъ. Прикосновенность къ этому дѣлу Булгарина утверждаетъ самъ Вяземскій. [3]

Кромѣ боязни конкуренціи, Булгаринымъ руководило и озлобленіе противъ Вяземскаго, какъ автора первой на него эпиграммы, въ которой была извращена его фамилія и получившей довольно большое распространеніе:

„Фигляринъ хочетъ слыть хорошимъ журналистомъ,
Фигляринъ хочетъ быть лихимъ кавалеристомъ...
Не обличу его въ лганьѣ;
Но на конѣ сидитъ онъ журналистомъ,
Въ журналѣ рубитъ смыслъ лихимъ кавалеристомъ
И выѣзжаетъ на враньѣ. [4]

---

[1] Подчеркнуто три раза.

[2] Цензурныя дѣла, переданныя въ 1892 г. изъ министерства народн. просв. въ Публич. библіотеку, № 4.

[3] „Полное собраніе сочиненій", IX, 99.

[4] „Москов. Телеграфъ", 1827 г., т. XV. Такимъ образомъ ясно, что прозвище „Фигляринъ" дано Вяземскимъ, а не повторявшимъ его Пушкинымъ.

V.

1830 годъ.

Защита „Сѣверной Пчелы“ передъ Волконскимъ. Арестъ Булгарина и Греча. Два брилліантовыхъ перстня. Доносы на Жуковскаго и Кирѣевскаго.

Очень двойственно сложился для Булгарина 1830 годъ. Онъ его помнилъ до самой смерти...

Въ первомъ номерѣ „Сѣверной Пчелы“ была напечатана театральная рецензія на постановку „Семирамиды“. Министръ двора кн. Волконскій, просматривая рецензію, приказалъ исключить нѣсколько мѣстъ, порицающихъ длинноты. Между тѣмъ рецензія была напечатана полностью. Волконскій обратился за разъясненіемъ къ Бенкендорфу...

Запросивъ редакцію, получили такое объясненіе: „По отпечатаніи Пчелы, сего утра въ 8 часу, по случаю статьи о театрѣ съ пожарною. Не дождавшись ее вчера, начали печатать въ 12 часовъ ночи, чтобъ вышелъ номеръ, основываясь на подписи цензора. Теперь опять будетъ экспедиція! Можно увѣрить Дирекцію, что исключенное мѣсто отнюдь относилось не къ ней, а къ свойству оперы Россини, въ коихъ она дѣйствительно невиновата. Никто не думалъ осуждать ее, и никто изъ читателей не подумаетъ отнести сужденіе сіе на ея счетъ. Напротивъ, она заслуживаетъ за то, что даетъ старыя оперы, величайшей благодарности. *Н. Гречъ*“.

5 января шефъ жандармовъ пишетъ Волконскому:

„Милостивый Государь Князь Петръ Михайловичъ.

„Въ слѣдствіе записки ко мнѣ Вашего Сіятельства о напечатаніи въ „Сѣверной Пчелѣ“ статьи объ итальянскомъ театрѣ, безъ исключенія тѣхъ мѣстъ, которыя были отмѣчены Вами въ рукописи, сносился я съ издателями сей газеты и получилъ отъ нихъ объясненіе въ отвѣтъ, что сіе произошло, въ сей разъ, оттого единственно, что они принуждены были, по причинѣ наступленія праздниковъ, въ кои прекращается работа въ типографіяхъ, напечатать 1-й номеръ „Пчелы“ днемъ ранѣе, и по сему не могли дождаться доставленія отъ меня рукописи сей статьи, а должны были напечатать нумеръ съ одобреніемъ одной только гражданской цензуры. При семъ случаѣ повторили они мнѣ искреннее увѣреніе, что всегда готовы исполнять всѣ замѣчанія и поправки Вашего Сіятельства, и не только отъ сего не уклоняются, но и просятъ о неоставленіи ихъ Вашимъ руководствомъ и указаніями. Я, съ своей стороны, также покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство о невмѣненіи имъ въ вину сей неумышленной ошибки и о обращеніи на ихъ статьи и въ будущее время Вашего благосклоннаго вниманія.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга *А. Бенкендорфъ*“.

Всегда больше всего боявшійся чужого литературнаго успѣха и потому набрасывавшійся постоянно съ ожесточеніемъ на всякую литературную новинку, Булгаринъ не могъ переварить и успѣха только-что вышедшаго романа Загоскина, когда самъ кропалъ своего „Дмитрія Самозванца“. Въ трехъ нумерахъ „Сѣверная Пчела“, перомъ Очкина, всячески критиковала „Юрія Милославскаго“, а въ заключеніе рѣшилась даже написать:

„Совѣтуемъ ему (автору) не вѣрить тѣмъ, которые станутъ въ глаза хвалить его и увѣрять, что онъ рожденъ для сочиненій въ семъ родѣ; совѣтуемъ ему оставить исторію и древности въ покоѣ и заняться сочиненіемъ романовъ изъ нынѣшняго дворянскаго купеческаго и болѣе мужицкаго быту, да попросить какого-нибудь семинариста выправлять его рукопись до отдачи въ типографію. Право, не хорошо писать и печатать книги такимъ образомъ“. [1]

Обыкновенно освѣдомленный о всякихъ теченіяхъ наверху, на этотъ разъ Булгаринъ сильно влопался: „въ глаза хвалилъ и увѣрялъ“ Загоскина, что онъ рожденъ для сочиненій въ родѣ „Милославскаго“, прежде многихъ другихъ самъ Николай I...

Пронюхавъ это, Воейковъ поспѣшилъ выступить на защиту Загоскина. Пошла полемика, вѣрнѣе—ругань. Государь вознегодовалъ на эту перебранку и велѣлъ Бенкендорфу объявить воюющимъ сторонамъ, чтобы онѣ прекратили бой.

„Немедленно онъ приказалъ Бенкендорфу — разсказываетъ Гречъ — унять Булгарина. Бенкендорфъ поручилъ это мягкосердному фонъ-Фоку, а этотъ объявилъ Булгарину очень легко, что нужно смягчить критику и по крайней мѣрѣ, не называть автора по имени“.

Придя послѣ выговора домой, Булгаринъ пишетъ Бенкендорфу (25 января):

„Милостивый Государь Александръ Христофоровичъ.

„Почитая величайшимъ счастіемъ и наградою за всѣ труды мои милостивое вниманіе къ онымъ обожаемаго моего Монарха, я съ душевнымъ прискорбіемъ принялъ выговоръ, объявленный мнѣ Вашимъ Высокопревосходительствомъ за напечатаніе въ „Сѣверной Пчелѣ“ критической статьи о романѣ сочиненія г. Загоскина: „Юрій Милославскій“. Ничто не можетъ быть для меня горестнѣе, какъ вѣсть, что если подобныя статьи будутъ помѣщаться въ „Пчелѣ“, то Государь Императоръ лишитъ сію газету своего милостиваго воззрѣнія. [2]

„Безпрекословно, съ подобострастіемъ и съ сердечнымъ прискорбіемъ, но безъ ропота, подвергаюсь постигшей меня карѣ. Высшаго наказанія для меня быть не можетъ, какъ неблаговоленіе моего Государя, для котораго я готовъ пролить послѣднюю каплю моей крови!

„Но позвольте мнѣ объясниться предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ [3] и изложить нѣкоторыя обстоятельства нашего литературнаго поприща.

[1] „Сѣв. Пчела“ 1830 г., № 9.

[2] Очень любопытная угроза. Не запретить газету, какъ дѣлалось съ другими, а именно лишить ее „милостиваго воззрѣнія“, проще—значенія офиціознаго органа...

[3] Въ желаніи выгородить себя изъ бѣды Булгаринъ умышленно возвысилъ чинъ своего покровителя.

„Три мѣсяца сряду я не имѣлъ времени заняться критикою и текущею литературою, ибо трудился надъ сочиненіемъ моего „Димитрія Самозванца". Въ это время я едва успѣлъ написать для „Пчелы" статью объ *адріанопольскомъ мирѣ* и о *состояніи Россіи въ 1829 году*. Теперь занимаюсь описаніемъ *кампаніи 1829 года*, для Парижа и Лондона. [1] Клянусь Вамъ честью, что до сихъ поръ не имѣлъ времени прочесть двухъ страницъ изъ романа „Юрій Милославскій" и не имѣю его у себя. Слышалъ только отъ литераторовъ, что языкъ въ ономъ неправиленъ и исторія не соблюдена, а самъ судить не могу, не читавъ. Критику для „Сѣверной Пчелы" писалъ, какъ вѣрно извѣстно, молодой и хорошій литераторъ Очкинъ, а товарищъ мой Гречъ, грамматикъ и строгій соблюдатель чистоты языка, помѣстилъ критику въ урокъ г. Загоскину, своему старому пріятелю, котораго я не знаю, не видалъ и не имѣлъ по литературѣ никакихъ сношеній.

„Позвольте испросить наставленія, какими правилами должны мы руководствоваться въ критикѣ? „Сѣверная Пчела", по программѣ, должна критиковать новыя книги, замѣчать въ нихъ хорошее и указывать на дурное, чтобъ юноши поучались, авторы избѣгали ошибокъ въ слогѣ и языкѣ, а публика забавлялась. Наша публика, какъ всякая другая, требуетъ умственныхъ занятій, и литературные споры замѣняютъ у насъ парламентскіе споры и брань съ министрами. Это хвостъ алумбіядовой собаки для отвлеченія аѳинянъ отъ политики! Но во всякомъ случаѣ „Сѣверная Пчела" не трогаетъ никогда личности автора; шутитъ иногда, чаще говоритъ холодно объ ошибкахъ и промахахъ авторскихъ; но предлогомъ критики всегда служитъ *книга*, а не *авторъ*. Можетъ быть авторъ критики на „Юрія Милославскаго" и не хорошо сдѣлалъ, что выписалъ изъ романа столь грубое и неприличное выраженіе, какъ, напримѣръ: *и этого-то не умѣлъ сдѣлать, собачій сынъ*! Но какъ это выраженіе г. Загоскинъ въ первый разъ напечаталъ въ „Юріи Милославскомъ", то литераторамъ показалось это неприличнымъ. Впрочемъ это наше правило подкрѣплять критики примѣрами и выписками изъ разбираемой книги, критиковать всегда *съ доказательствами*.

„Тому ли я подвергаюсь въ теченіе десяти лѣтъ? Будучи преслѣдуемъ въ литературной и гражданской жизни двумя литературными партіями и сонмомъ злоупотребителей, я подвергаюсь въ журналахъ жесточайшей брани и личностямъ. Бранятъ, ругаютъ сочиненія мои *безъ всякихъ доказательствъ* и вредятъ мнѣ вездѣ, какъ могутъ. Правда, что благосклонность публики и уваженіе благомыслящихъ людей съ лихвою вознаграждаютъ меня за эти непріятности, но еще никто не вступился за меня за то, что меня бранятъ въ журналахъ. Однажды

[1] Къ сожалѣнію, эта сторона дѣятельности Булгарина мною не изслѣдована. Есть только основаніе утверждать, что ему давались порученія прославлять въ заграничной печати, воображавшей до выхода въ свѣтъ книги Кенига (о которой я уже говорилъ на стр. 149), что Булгаринъ, дѣствительно, выдающійся въ Россіи журналистъ и писатель,—тѣ шаги и мѣры нашего правительства, которые не пользовались популярностью. Такой именно и была, напримѣръ, война 1829 года...

только министерство просвѣщенія сдѣлало замѣчаніе цензору, пропустившему статью г. Воейкова, въ которой онъ до того забылся, что приплелъ имя Императора Александра къ критикѣ и данный мнѣ орденъ за отличіе и полученную рану подъ Фридгангомъ въ 1807 году. Сочиненіе мое „Иванъ Выжигинъ", удостоившееся въ одинъ годъ трехъ изданій, [1] благосклонно принятое всѣми иностранными журналами, [2] доставившее мнѣ честь быть членомъ первыхъ европейскихъ ученыхъ обществъ [3] и благосклонные отзывы знаменитыхъ людей Европы, было разругано *безъ всякихъ доказательствъ* въ русскихъ журналахъ. За меня никто не вступился! Я хотѣлъ представить Вашему Высокопревосходительству выписку жестокихъ на меня ругательствъ, но это составитъ томъ и произведетъ въ Васъ непріятное впечатлѣніе. Что бы вы увидѣли? Грубости, личности, неприличія, брань—и *ни одного доказательства* почему книга не хороша. Представляю одну коротенькую выписку, сочиненіе *Кирѣевскаго,* племянника воспитателя наслѣдника престола, Жуковскаго. Вы увидите, что тутъ бранятъ не одного меня, но и тѣхъ, *которые читали „Выжигина"*. [4]

„Я долженъ открыть предъ Вами сердце мое, какъ предъ мужемъ, имѣющимъ полную увѣренность всѣхъ честныхъ людей. Меня гонятъ и преслѣдуютъ сильные нынѣ при Дворѣ люди: *Жуковскій* и *Алексѣй Перовскій*, за то именно, что я не хочу быть орудіемъ никакой партіи. Нѣкоторые вельможи и даже дамы нарочно призывали меня, чтобъ предостеречь и увѣдомить, что мнѣ могутъ повредить, ибо принимая за предлогъ бранить въ обществахъ „Выжигина", кончатъ рѣчь бранью *автора*. Все, что окружаетъ Государя Императора, не знаетъ меня, а связано узами дружбы съ моими неумолимыми преслѣдователями. Только Ваше Высокопревосходительство знаете меня коротко, знаете чувства мои, поступки и образъ мыслей. Нѣсколько разъ я намѣревался бросить литературное поприще, удалиться къ добрымъ моимъ нѣмцамъ въ Дерптъ [5] и перестать вовсе писать, чтобъ избѣгнуть преслѣдованій сильныхъ моихъ враговъ. Перемѣниться не могу—ибо пишу и говорю то только, что почитаю *правдою,* а правда глаза колетъ! Семейство мое слезно проситъ перестать писать, то же совѣтуютъ мнѣ друзья, боясь моей гибели. Но нынѣ удерживаетъ меня только на поприщѣ литературы необыкновенная благосклонность публики, надежда на правосудіе и благость Государя Императора и Ваше непоколебимое безпристрастіе и любовь къ истинѣ. Провидѣніе удерживаетъ мечъ Дамоклеса, повѣшенный врагами моими надъ моею головою! [6]

„Мы готовы выбросить критику изъ „Сѣверной Пчелы". Но что будетъ тогда

[1] Первое вышло въ 1829 году.

[2] Конечно, далеко не всѣми и не лучшими.

[3] Опять-таки громадное преувеличеніе.

[4] Намекъ на оскорбленіе рецензіей Кирѣевскаго самого Бенкендорфа.

[5] Подъ Дерптомъ у Булгарина было очень большое имѣніе, Карлово.

[6] Надо ли говорить, что Булгаринъ никогда бы не покинулъ выгоднаго „литературнаго" поприща...

„Пчела“? Всѣ другія газеты имѣютъ *привилегіи* и *монополіи*; наша „Пчела“ всякое официальное извѣстіе, всякое производство иначе не можетъ объявить, какъ *послѣ всѣхъ* русскихъ газетъ. [1] Она держится только литературою, а критика есть жизнь, душа литературы. Мы потеряемъ всякое вліяніе, будемъ безгласными членами общества, подвергнемся ударамъ каждаго школьника. Не будучи въ состояніи *судить*, мы войдемъ въ разрядъ *безсловесныхъ* журналовъ и лишимся читателей. Пчела, потерявъ жало, не будетъ защищаться отъ трутней и не станетъ собирать меду: она умретъ!

„Ожидая Вашихъ приказаній, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ уваженіемъ и душевною преданностью Вашего Высокопревосходительства, Милостиваго Государя, всепокорнѣйшимъ слугою *Ѳаддей Булгаринъ*“.

При этомъ оригинальномъ и весьма любопытномъ письмѣ былъ приложенъ и доносъ.

Выписка изъ альманаха „Денница“ на 1830 годъ.

„Журналы: „Галатея“, „Славянинъ“, „Московскій Вѣстникъ“, „Вѣстникъ Европы“, „Атеней“ цѣлый годъ ругаютъ „Выжигина“. Особенно въ № 9 „Атенея“ на 1829 годъ и въ № 10 и 11 „Вѣстника Европы“ помѣщены самыя грубыя брани *безъ доказательствъ*. Но все это такъ длинно, что нельзя выписывать. Вотъ образчикъ сихъ критикъ, хотя самый *умѣренный*.

„Денница“ страница LXXIII: „Менѣе таланта (нежели у самого несчастнаго автора Нарѣжнаго), но болѣе литературной опытности, языкъ болѣе гладкій, хотя безцвѣтный и вялый, находимъ мы въ „Выжигинѣ“, нравственно-сатирическомъ романѣ г. Булгарина. Пустота, безвкусіе, бездушность; нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ,—вотъ качества сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его достоинства, ибо они дѣлаютъ его поплечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катихизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть *люди*, которые *читаютъ* „Выжигина“ съ удовольствіемъ, слѣдовательно съ пользою, это доказательство что „Выжигинъ“ расходится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ меня. Мы не видимъ ихъ, точно такъ же, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются „Сонникомъ“ и книгою *о клопахъ*; но они есть, ибо и „Сонникъ“ и „Выжигинъ“ книга *о клопахъ* раскупаются во всѣхъ лавкахъ“.

„Вотъ какъ судятъ о „Выжигинѣ“ *безъ доказательствъ*. Но друзья

[1] „Петербургскія“ и „Московскія Вѣдомости“, „Русскій Инвалидъ“ и „Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи“ въ Петербургѣ пользовались привилегіей печатанія казенныхъ и частныхъ объявленій. Булгаринъ не считалъ самой важной своей привилегіи и монополіи: „Сѣверная Пчела“ была единственной частной газетой, выходившей черезъ день, а потомъ ежедневно. Ее выписывали всѣ тѣ учрежденія, которыя получали и только что названныя газеты,

г. Кирѣевскаго и родственники сильно разгнѣваются за то, что въ № 11, *сегодняшнемъ*, „Пчелы" *докажутъ* ему, что онъ пишетъ вздоръ и нелѣпости, хвалитъ достойное порицанія и превозноситъ друзей своихъ, пишущихъ нелѣпости. Должно ли молчать? Вслѣдъ за сими (дальше слово не разобрано—*М. Л.*) переводъ письма (и подлинникъ), полученнаго авторомъ „Выжигина" отъ знаменитаго Нѣмцевича изъ Варшавы, котораго Булгаринъ вовсе не знаетъ. [1]

Изъ Варшавы 21 января (ст. штиль) 1830 года.

„Достойный сотоварищъ. [2]

„Не простилъ бы я себѣ, еслибы не поспѣшилъ поблагодарить земляка моего за то удовольствіе, которое доставило мнѣ сочиненіе его „Иванъ Выжигинъ". Для чего не умѣю читать его въ подлинникѣ!? Въ переводѣ, хотя и неискусномъ, легко, однакожъ, открыть великое достоинство сочиненія и моральность предмета. Лесажъ изобразилъ намъ въ своемъ „Жильблазѣ" критику характеровъ въ обыкновенной жизни, болѣе сдѣлалъ Булгаринъ, ибо представилъ критику злоупотребленій въ жизни гражданской и административной. Какая великая, какая спасительная цѣль! Какія безчисленныя пользы обѣщаетъ сіе сочиненіе для блага Имперіи! Счастлива та страна, гдѣ можно писать такія сочиненія и гдѣ самъ Государь подобныя сочиненія покрываетъ своимъ покровительствомъ и авторовъ ободряетъ и защищаетъ! Не имѣемъ мы сей привилегіи: у насъ аксіома: l'autorité ne peut jamais avoir tort, и всякій чиновникъ у насъ почитаемъ *папою римскимъ, безошибочнымъ*. Отъ этого и общественная наша жизнь и литература въ летаргѣ. Для цензуры, пребывающей въ рукахъ одного Шенявскаго (безъ апеляціи и всякой инструкціи) нѣтъ правилъ и оттого у насъ не выходитъ ничего важнаго ни по части исторіи, ни поэзіи, ни драматическаго искусства.

„Поздравляю сотоварища, что пишетъ образцовымъ слогомъ, какъ слышно, по-русски. Служа общему двухъ народовъ государю, что сдѣлаетъ для одного народа, то и другой чтить обязанъ. Даже просвѣщенные россіяне превозносятъ ваше сочиненіе, только одинъ Новосильцовъ *вооружается жестоко* [3] противу него. Не обращай на это вниманіе, сотоварищъ; кто такъ прекрасно пишетъ, не долженъ переставать. Вы избрали себѣ отечествомъ страну, блистательнѣйшую и сильнѣйшую, нежели прежняя ваша родина, но, трудясь для славы и пользы но-

[1] Нѣмцевичъ, какъ и извѣстный Лелевель, долго вѣрилъ порядочности Булгарина, чему не мало способствовало незнаніе ими русскаго языка и многихъ скрытыхъ обстоятельствъ жизни Булгарина. Когда уже разразилось польское возстаніе, Нѣмцевичъ увидѣлъ, каковъ былъ его „сотоварищъ", но и то не во весь ростъ, потому что въ 1831 году уѣхалъ въ Парижъ...

[2] Нѣмцевичъ предсѣдатель королевскаго общества наукъ, а Булгаринъ членъ, вотъ почему называетъ его почтенный мужъ товарищемъ. *(Примѣчаніе Булгарина).*

[3] Вотъ новая бѣда! Бойся грому изъ Варшавы! (*Примѣчаніе Булгарина*).

ваго отечества, не забывайте никогда родимой страны, ибо чѣмъ несчастнѣе мать, тѣмъ дѣти ея должны болѣе любить. *Нѣмцевичъ*"

На слѣдующій же день, 26 января, Бенкендорфъ представилъ Николаю I и письмо и приложенія къ нему. Царь положилъ на немъ резолюцію: Критика не есть ругательство; ругать прилично тѣмъ, кто благородныхъ чувствъ не имѣетъ, c'est l'orme du faible. Тотъ, кто *умнѣе*, первый замолчитъ и презритъ отвѣтомъ"... [1]

Но Булгаринъ не могъ сдержаться... Онъ отнесся къ высочайшему выговору чисто формально и 30 января накаталъ въ своей газетѣ статью на Загоскина, не назвавъ его по имени. [2]

Это вывело изъ себя даже и Бенкендорфа, а тутъ царь замѣтилъ, что надо принять рѣшительныя мѣры... Рѣшено было хорошо припугнуть издателей „Пчелы"...

„Въ этотъ день пріѣхалъ я домой къ обѣду около четырехъ часовъ. Мнѣ подаютъ конвертъ съ офиціальною надписью: „Его Высокородію Н. И. Гречу: отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа". Въ немъ нашелъ я офиціальное приглашеніе, за нумеромъ, [3] немедленно явиться къ шефу жандармовъ. Недоумѣвая, о чемъ идетъ дѣло, я отправился къ Бенкендорфу. Онъ встрѣтилъ меня съ важною офиціальною миною и, отдавая пакетъ на имя с.-петербургскаго коменданта, Башуцкаго, сказалъ:

— Я говорилъ вамъ неоднократно, чтобы вы прекратили ваши перебранки. Теперь терпите. Извольте ѣхать съ этою бумагою къ коменданту.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство,—сказалъ я:—когда вы мнѣ говорили?

— Не я самъ, а Максимъ Яковлевичъ отъ меня, именемъ государя.

— Да не мнѣ лично.

— Все равно—Булгарину или вамъ. Вы должны были бы его удерживать.

— Позвольте,—сказалъ я,—попросить васъ: пошлите адъютанта или кого-нибудь другого ко мнѣ въ домъ съ объявленіемъ, что я остался обѣдать у васъ. Обо мнѣ будутъ безпокоиться. Домашніе мои Богъ знаетъ что подумаютъ, когда я не вернусь.

— Извольте,—отвѣчалъ добрый Бенкендорфъ:—это будетъ исполнено, но вы теперь же извольте ѣхать". [4]

Одновременно былъ арестованъ и Булгаринъ...

„На другой день пригласилъ меня къ себѣ Бенкендорфъ—разсказываетъ

[1] Дѣло архива III Отдѣленія, 1 экспед., 1827 г., № 171.

[2] „Сѣверная Пчела" № 13.

[3] Вотъ оно съ подлинника: „Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, по высочайшему повелѣнію Государя Императора, покорнѣйше проситъ Николая Ивановича Греча сейчасъ пожаловать къ нему". № 440. 30 января 1830, во 2 часу пополудни".

[4] „Записки о моей жизни", Спб., 1886 г., 458—459. Разсказъ объ этомъ Греча же помѣщенъ былъ и въ „Русской Старинѣ", 1874 г., III, 639—640, но приведенная нами версія вѣрнѣе.

Гречъ,—обошелся со мною очень учтиво, *обнялъ меня* и старался утѣшить и успокоить во вчерашней невзгодѣ".

Булгаринъ тоже скоро былъ утѣшенъ: въ концѣ февраля вышелъ въ свѣтъ его „Дмитрій Самозванецъ" и принесъ автору второй богатый брилліантовый перстень...

Но алмазъ не помѣшалъ Булгарину, оскорбленному до глубины души арестомъ, какъ знакомъ нивеллировки его въ глазахъ писателей со всѣми ими, помнить день своего ареста... Зная, что это дѣло рукъ Николая, Булгаринъ подписалъ подъ портретомъ царя, висѣвшимъ въ его кабинетѣ: „30 января 1830" и такъ и не стеръ эту надпись...

Въ томъ же году Булгаринъ еще разъ подкапывался подъ Жуковскаго, очень нелюбимаго Бенкендорфомъ. Имъ давно хотѣлось удалить поэта изъ сферы дворцовой жизни, и чего только ни предпринималось съ этою цѣлью... Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ государю, помѣченномъ 30 марта 1830 г., Жуковскій жалуется, что „Булгаринъ вездѣ разславляетъ, будто бы Кирѣевскій написалъ ко мнѣ какое-то либеральное письмо, которое извѣстно и правительству". [1] Николай I дѣйствительно охладѣлъ къ Жуковскому на нѣкоторое время, и только послѣ обстоятельнаго разъясненія, даннаго клеветѣ въ письмѣ поэта, сталъ относиться къ нему попрежнему.

Въ концѣ 1830 года Булгаринъ выпустилъ свой третій романъ „Петръ—Ивановичъ Выжигинъ", и по этому поводу есть очень интересное письмо его къ Бенкендорфу отъ 23 декабря. Прося послѣдняго походатайствовать у государя „соизволенія украсить списокъ подписавшихся на сію книгу священнымъ именемъ его императорскаго величества", Булгаринъ такъ мотивировалъ свою просьбу: „таковая высокомонаршая милость была бы во всякое время и для каждаго писателя неоцѣненною, но нынѣ будетъ для меня новымъ живительнымъ благотвореніемъ Великаго Монарха. Нынѣ, когда многіе изъ соотечественниковъ моихъ, по справедливости, лишились милостей своего государя (благодаря вспыхнувшему возстанію поляковъ—*М. Л.*), да позволено мнѣ будетъ показать свѣту, что я все счастіе жизни своей полагаю въ благосклонномъ взорѣ всеавгустѣйшаго монарха, и что Великій Государь не считаетъ меня недостойнымъ Своего взора. Упавшіе духомъ вѣрные поляки воскреснутъ, когда увидятъ, что ихъ соотечественникамъ открыты пути трудами и тихою жизнью къ монаршимъ милостямъ". Соизволеніе было дано, романъ представленъ, авторъ награжденъ третьимъ брилліантовымъ перстнемъ. [2]

Эта милость была настолько пріятна Булгарину, онъ считалъ ее настолько

[1] „Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго", „Русскій Архивъ" 1896 г., I. 111—114.

[2] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспед., 1826 г., № 82.

важною для успѣха и романа и своей газеты, что въ номерѣ послѣдней онъ 3 января 1830 года на первомъ мѣстѣ, въ рубрикѣ „Внутреннія Извѣстія" помѣстилъ слѣдующее:

„Полагая цѣлью всѣхъ литературныхъ трудовъ моихъ пользу общую, пользу отечества, а лестнѣйшею наградою за нихъ Всемилостивѣйшее благоволеніе Государя Императора, обратился я нынѣ передъ выходомъ въ свѣтъ третьяго моего романа *(Петръ Ивановичъ Выжигинъ)*, съ просьбою объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на всеподданнѣйшее поднесеніе экземпляра онаго Его Императорскому Величеству, къ г. генералъ-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу, въ которомъ всякій благонамѣренный человѣкъ всегда находитъ покровителя своимъ трудамъ и предстателя у Высочайшаго Престола. На письмо мое къ Его Высокопревосходительству, удостоился я получить отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„Я имѣлъ счастье докладывать Государю Императору письмо ваше, о выходящемъ вновь въ свѣтъ романѣ вашемъ, подъ заглавіемъ: Петръ Ивановичъ Выжигинъ, и Его Величество Всемилостивѣйше соизволяетъ на принятіе онаго, почему и прошу васъ, Милостивый Государь, прислать мнѣ сіе сочиненіе, для всеподданнѣйшаго представленія, какъ скоро оное выйдетъ изъ печати.

„При семъ случаѣ, Государь Императоръ изволилъ отозваться, что Его Величеству весьма пріятны труды и усердіе ваше къ пользѣ общей, и что Его Величество, будучи увѣренъ въ преданности вашей къ Его особѣ, всегда расположенъ оказывать вамъ милостивое свое покровительство.

„Увѣдомляя васъ съ особеннымъ удовольствіемъ о семъ благосклонномъ отзывѣ Его Императорскаго Величества, съ представленіемъ права дать оному гласность, имѣю честь быть, и пр. *А. Бенкендорфъ*".

№ 5256. 30 декабря 1850 г.

„Осчастливленный симъ живительнымъ отзывомъ, я не только не считаю нарушеніемъ скромности обнародованіе сего письма, по содержащемуся въ немъ на то соизволенію, но полагаю на то священнымъ долгомъ сообщить о томъ читателямъ моимъ, коихъ благосклонности и поощренію обязанъ я, отчасти, возможностью пріобрѣсть сіе лестное выраженіе Высокомонаршей милости. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ. *Ѳаддей Булгаринъ*".

Въ концѣ года Булгаринъ усердно послужилъ русскому правительству... 12 декабря въ извѣстномъ манифестѣ къ польскому народу Николай I аппеллировалъ къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ: „Народъ Царства Польскаго, послѣ столь многихъ превратностей наслаждавшійся миромъ и благоденствіемъ подъ сѣнью Державы Нашей, снова ввергнутъ въ пучину мятяжей и бѣдствій, минутно овладѣвшая имъ толпа легкомысленныхъ, хотя уже волнуемая страхомъ близкаго наказанія, дерзаетъ мечтать о торжествѣ, и Намъ, своему Государю законному, предлагать условія.

Россіяне! Вы знаете, что мы ихъ отвергнемъ съ негодованіемъ. Сердца ваши, пылающія ревностью къ престолу, понимаютъ всѣ чувства Нашего сердца"...

Бенкендорфъ призвалъ Булгарина и приказалъ еще написать правительственное сообщеніе о началѣ польскаго возстанія... Ѳаддей Дубельтовичъ немедленно исполнилъ волю своего повелителя и въ результатѣ приводимая мною во II приложеніи реляція... Затѣмъ, уже въ 1831 году, Булгаринъ писалъ нѣсколько воззваній, изъ которыхъ два приводятся мною въ III приложеніи.

Ниже читатель найдетъ и собственныя его указанія на свою службу въ пользу отчизны.

VI.

1831—1844 годы.

По польскимъ дѣламъ. Отставка. Доносъ на С. Т. Аксакова. Письмо Никитенку. Доносъ на „Полицейскую Газету". Доносъ на „Отечественныя Записки". Надгробное слово Бенкендорфу. Дѣло объ объявленіяхъ.

10 іюня 1831 года Бенкендорфъ пишетъ Булгарину:

„Милостивый Государь, Фаддей Венедиктовичъ!

„Николай Ивановичъ Гречъ сообщилъ мнѣ присланную Вами для напечатанія въ „Сѣверной Пчелѣ" превосходную статью: „Перечень письма изъ Варшавы", которую я прочелъ съ большимъ восхищеніемъ и имѣлъ счастіе представить Государю Императору. Его Величество, прочтя сію статью, также съ особеннымъ удовольствіемъ, изъявить изволилъ желаніе узнать отъ Васъ, Милостивый Государь, предварительно до напечатанія сей статьи въ „Сѣверной Пчелѣ", откуда Вы почерпнули анекдотъ о пустой каретѣ, о коемъ Государь Императоръ ничего не слышалъ, и до какой степени анекдотъ сей основанъ на истинѣ. Между тѣмъ поручилъ я помѣстить сію Вашу статью въ иностранныхъ заграничныхъ газетахъ. Поелику всѣ политическія статьи, помѣщенныя въ „Сѣверной Пчелѣ" почитаются публикою исходящими отъ Правительства, то нѣкоторая осторожность въ семъ отношеніи не можетъ быть признана Вамъ неудобною". [1]

Статья: „Перечень письма изъ Варшавы отъ жителя того города къ родственникамъ въ Петербургъ" настолько характерна и для „Сѣверной Пчелы", ее помѣстившей, и для Булгарина, ее написавшаго, но подписавшагося иниціалами *N. K.*, и для Николая I и Бенкендорфа, пришедшихъ отъ нея въ восхищеніе, что, несмотря на ея величину, я привожу ее полностью изъ №№ 145 и 147 булгаринской газеты за 1831 годъ.

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспед., 1826 г., № 82.

„...Пишу къ тебѣ черезъ Кенигсбергъ, безъ подписи моего имени, на удачу, не будучи увѣренъ, дойдетъ ли къ тебѣ мое письмо, ибо наши такъ называемые правители, навязывающіе намъ полную свободу, не позволяютъ намъ вздыхать и жаловаться на горестную нашу участь, въ которую ввергли насъ безуміе, гордость и ослѣпленіе части народа.—Вы, можетъ быть, думаете, что всѣ жители Польши, а тѣмъ болѣе Варшавы, раздѣляютъ мнѣнія и желанія тѣхъ, которые типографіями и газетами разглашаютъ свои безумства, отъ имени цѣлаго народа! Ошибаетесь, если вѣрите этому. Революціонеры увлекли войско на свою сторону страхомъ наказанія за первую измѣну, жалостью къ преступленіямъ товарищей и несбыточною надеждою на чужеземную помощь. Чернь заманили обѣщаніями улучшенія участи и прельстили своевольствомъ. Но лучшая часть народа, просвѣщенные помѣщики и высшее купечество, не увлечены въ бунтъ, но покорены бунтомъ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ своего избавленія.—Наши пожертвованія на вооруженіе народа, на содержаніе войска, которое упорствомъ своимъ навлекло бѣдствія на нашу страну, исторгаются, какъ говорится, съ ножемъ, приставленнымъ къ горлу. Мы плачемъ, а газеты объявляютъ о нашихъ радостныхъ восторгахъ! Неужели вы можете вѣрить, чтобы всѣ мы были до такой степени глупы и слѣпы, чтобъ не предвидѣли конца этой неровной преступной борьбы съ Россіею, подъ сѣнію которой мы блаженствовали пятнадцать лѣтъ, разбогатѣли, обзавелись фабриками, обстроили наши города и села, и узнали всѣ выгоды транзитной торговли собственными произведеніями? Кто былъ недоволенъ Правительствомъ передъ бунтомъ?—Гордецы, честолюбцы, горсть безпокойныхъ людей, которымъ хотѣлось мѣстъ, чиновъ и шуму на сеймахъ, чтобъ выказывать свое краснорѣчіе. Вотъ они, наконецъ, дождались поры выказать свою премудрость, и чтожъ мы видѣли и слышали на этомъ безсмѣнномъ Сеймѣ? Смѣшные, глупѣйшіе споры о словахъ, теоріяхъ, хвастовство, личности, высокопарный вздоръ—и результатъ этого: бѣдствіе народа! Нашъ Сеймъ, или наши Палаты, похожи на мальчиковъ, убѣжавшихъ изъ школы, которые, взбунтовавшись, противу учителя, собрались толковать за угломъ, воображаютъ себѣ, что они Греки или Римляне, и перефразируютъ рѣчи Цицерона и Демосѳена, ободряя другъ друга въ упорствѣ и неповиновеніи.—Нѣкоторые изъ депутатовъ, замѣшанные въ первыхъ покушеніяхъ къ бунту и въ связяхъ съ зачинщиками онаго, почувствовавъ всю тяжесть отвѣтственности передъ законнымъ Правительствомъ, употребили всѣ усилія, чтобы увлечь своихъ товарищей на путь преступленія. Ложь и обманъ были ихъ средствами. Подложныя письма изъ Франціи, Англіи и Германіи, вымышленныя извѣстія изъ Россіи, и увѣренія о скорой всеобщей Европейской войнѣ, которую начать, *якобы* приглашали Польшу западныя Державы, ослѣпили легковѣрныхъ, незнающихъ ни Россіи, ни отношеній ея къ другимъ Государствамъ. Войску старались вперить мнимыя понятія о *военной чести народа*, а поселянамъ *обѣщали* (хотя не дали и не дадутъ) земли въ собственность.—Однимъ словомъ, все основано на обманѣ и поддерживается страхомъ: однихъ стращаютъ своимъ войскомъ, а другихъ Русскимъ, а свое войско стра-

щаютъ и местью своего народа и Русскаго. Всѣ какъ въ чаду, и не знаютъ, что дѣлать!—Между тѣмъ средства истощаются: денегъ нѣтъ, съѣстные припасы рѣдки и чрезвычайно дороги, въ оружіи совершенный недостатокъ, и страна, лежащая между Вислой и Нѣманомъ, представляетъ пустыню, а провинціи, лежащія за Вислою, по прошлогоднему неурожаю, не въ состояніи пропитать всего народонаселенія и поддерживать войну. Поселяне, разогнанные войною, скитаются по лѣсамъ, какъ дикіе звѣри! Къ довершенію бѣдствія, холера свирѣпствуетъ ужасно въ странѣ, лишенной всякаго Правленія и порядка. Надежда цѣлой Польши на Варшаву, а Варшава истощена, заражена болѣзнью, и лишенная торговли и промышленности представляетъ самое бѣдственное зрѣлище! Бѣшеные наши революціонеры потребуютъ, чтобъ мы превратили Варшаву въ Сарагоссу, перекопали улицы, завалили домы, и заставляютъ всѣхъ вооружаться. Страхъ велитъ намъ молчать и терпѣть до времени этотъ Робеспьеровскій деспотизмъ. Каждаго благомыслящаго, каждаго честнаго гражданина объявляютъ измѣнникомъ и угрожаютъ висѣлицей и кинжалами! Наше именитое купечество, лучшіе наши ремесленники, почти всѣ иностранцы, большею частью нѣмцы, отъ которыхъ требуютъ, чтобъ они сражались за преступленіе поляковъ, какъ Испанцы въ Сарагоссѣ, за честь и вѣрность! Даже отъ Жидовъ требуютъ Англійскаго патріотизма и Спартанскаго мужества, и наполняютъ газетные листы возваніями, лестью и угрозами, дразня безпрерырно буйную пьяную Варшавску чернь, которую держатъ какъ бѣшаную собаку на привязи, чтобъ спустить на смирнаго прохожаго, если онъ не захочетъ повиноваться разбойничьимъ приказаніямъ. Между тѣмъ минута, въ которую должна восторжествовать истина, приближается! Какъ ни старались передъ нами скрывать, но мы наконецъ узнали объ уничтоженіи корпуса Дверницкаго, о пораженіи Сѣравскаго, о разсѣяніи взбунтовавшихся партій за Наревомъ, о многократномъ разбитіи Литовскихъ бунтовщиковъ и усмиреніи сей провинціи, и о бѣдственномъ положеніи корпуса Скржинецкаго, который обязанъ только холерѣ и голоду (отдѣляющимъ его отъ Русской арміи), что до сихъ поръ его не постигла участь Дверницкаго и Сѣравскаго.—Общее мнѣніе начинаетъ проясняться, и ужасная будущность у всѣхъ передъ глазами. Многіе люди съ твердымъ характеромъ уже не могутъ скрывать долѣе своего негодованія, видя ежедневно новые обманы, которыми революціонеры ослѣпляютъ народъ. Я думаю, вамъ извѣстно уже, что однихъ и тѣхъ же Русскихъ плѣнныхъ водятъ здѣсь по нѣскольку разъ по городу, увѣряя народъ, что это новые плѣнные, и называютъ притомъ прапорщиковъ генералами и солдатъ переодѣтыми офицерами. Русскія пушки, которыя находились въ Варшавѣ предъ начатіемъ бунта, показываютъ народу, какъ отнятыя на полѣ брани. Почти ежедневно извѣщаютъ, что наполеоновскіе генералы уже на пути въ Польшу и на дняхъ прибудутъ въ Варшаву. Для нѣкоторыхъ изъ генераловъ приготовили квартиры и освѣщали окна во время ночи, чтобы народъ думалъ, будто генералы уже пріѣхали. Но до сихъ поръ ни одинъ не являлся! Недавно также объявили, что взятъ въ плѣнъ одинъ извѣстный Русскій Генералъ, который находился въ Варшавѣ, при

Его Высочествѣ Цесаревичѣ. Къ комендантскому дому подъѣхала карета, съ завѣшанными стеклами, и народъ собрался толпами, чтобъ видѣть, какъ выйдетъ Русскій Генералъ. Прошло нѣсколько часовъ, но карета окруженная жандармами, не отпирается! Народъ сталъ роптать и негодовать, что генерала держатъ въ заперти, среди улицы. Вдругъ явился нашъ Военный Губернаторъ, и сталъ разгонять народъ. Одинъ Варшавскій гражданинъ, Павловичъ, у котораго квартировалъ сей Русскій Генералъ, подошелъ къ Губернатору и просилъ у него позволенія видѣть бывшаго своего постояльца, къ которому онъ сохранилъ уваженіе. Губернаторъ прогналъ Павловича ругательными словами, и когда онъ повторилъ свою просьбу и настаивалъ, чтобъ увидѣть генерала, то Губернаторъ ударилъ гражданина саблею. Справедливое негодованіе овладѣло Павловичемъ и народъ раздѣлялъ его чувствованія. Бросились къ каретѣ, отперли ее насильно и нашли что она—пуста!! Народъ сталъ смѣяться надъ этимъ самохвальствомъ, но обиженный Павловичъ требовалъ удовлетворенія и грозилъ застрѣлить Губернатора. Павловича схватили и бросили въ тюрьму, а карета взъѣхала быстро на дворъ Губернаторскій при свистѣ и шиканьи народа. Другое происшествіе показываетъ также, сколь мало довѣренности имѣетъ народъ къ нашимъ самозванцамъ-правителямъ. Въ одномъ изъ засѣданій Сейма, за нѣсколько дней передъ симъ, одна женщина, порядочно одѣтая, находилась въ галереѣ, гдѣ помѣщаются зрители. Вдругъ она встала со своего мѣста, и обращаясь къ депутатамъ, сказала громко: „Вы толкуете здѣсь о вздорахъ, господа, а мы умираемъ съ голоду и отъ заразы! пора чтобъ все это кончилось!“—Зрители закричали *браво*, а даму тотчасъ схватили жандармы, потащили въ тюрьму, и въ газетахъ объявили ее безумною!—Мнѣ кажется, что изъ цѣлаго собранія она одна была въ своемъ умѣ!

„Страна между Вислою и Нѣманомъ не воздѣлана къ нынѣшнему лѣту, а посѣянный хлѣбъ и вытоптанъ и скошенъ на кормъ войсками, во время частыхъ движеній въ семъ краѣ; хлѣба нѣтъ не только на посѣвъ, но даже на пропитаніе. Деревня разобрана на дрова, во время зимней кампаніи; городишки опустѣли. Все это необходимыя послѣдствія войны, которой всю тяжесть дало почувствовать жителямъ наше Польское войско, забирая безденежно въ видѣ реквизиціи, фуражъ, хлѣбъ, скотъ и лошадей. Русскіе платили вездѣ, гдѣ только нашли что-либо купить: но послѣ Польскаго войска мало что оставалось. Завислянскихъ крестьянъ буйные помѣщики и разъѣзжающіе повсюду революціонеры вытаскивали изъ домовъ, вооруживъ косами, пиками и дубьемъ. Страна и безъ того малонаселенная, лишена послѣдней подпоры, а толпы, выгнанныя изъ домовъ своихъ, гибнутъ отъ холоду, болѣзней и отъ картечъ Русскихъ, ибо революціонеры гонятъ этотъ глупый народъ, какъ стадо, на пушки, и толпами этихъ несчастныхъ прикрываютъ малое число оставшихся регулярныхъ солдатъ.—Вы не можете себѣ представить, какими нелѣпостями революціонеры ослѣпляютъ мужиковъ, и заставляютъ ихъ жертвовать жизнью для исполненія своихъ злодѣйскихъ замысловъ! Напримѣръ: поселянамъ толкуютъ, что Русскіе весь мужской полъ изъ Царства

польскаго переведутъ въ Сибирь, и заставятъ, какъ борзыхъ собакъ, ловить соболей и куницъ, или на всю жизнь рыться въ землѣ и копать руду. О Сибири говорятъ, что это страна на концѣ свѣта, покрытая два мѣсяца въ году мхомъ, а десять мѣсяцевъ льдомъ и снѣгомъ; что во всей Сибири такъ холодно, что камни трескаются отъ стужи, и что согнанные туда мужики принуждены будутъ питаться древесною корой и мясомъ соболей, куницъ и воронъ, которыхъ они должны сами ловить и бить стрѣлами; при всемъ томъ увѣряютъ еще мужиковъ, что старцевъ, старухъ, младенцевъ лишатъ жизни, молодыхъ женщинъ и дѣвицъ отдадутъ новымъ русскимъ поселенцамъ въ Польшѣ, татарамъ и калмыкамъ, которыхъ переведутъ изъ степей въ Польшу, а оставшихся въ живыхъ поляковъ принудятъ отречься отъ католической вѣры! Вотъ какими глупыми и вмѣстѣ злодѣйскими выдумками обманываютъ бѣдный простой народъ! Вы станете удивляться, какъ этому вѣрятъ. Но развѣ вы не знаете нашего мужика? какъ онъ не повѣритъ тому, что говоритъ Панъ и Ксендзъ (священникъ). Польскіе Ксендза едвали не болѣе всѣхъ виноваты, во-первыхъ, въ томъ, что не удержали народа отъ бунта; а во-вторыхъ, что сами приняли въ немъ участіе. Христосъ сказалъ: „Божіе Богови, а Кесарево Кесареви“, а служители его алтарей въ нашей Польшѣ, вмѣсто того, чтобъ внушать духовной паствѣ своей повиновеніе къ законнымъ властямъ и братскую любовь, возбуждаютъ къ неповиновенію, кровопролитію, и вспомнивъ старинныя проказы и неистовства своихъ собратій (заставившія Лютера предпринять реформацію), осмѣливаются нынѣ, въ XIX вѣкѣ, играть присягою и обманывать во имя вѣры!—И противу какого Государя ополчаются Ксендзы, забывъ слова Евангельскія? Противу Того, который покровительствовалъ ихъ болѣе, нежели всѣ католическіе Государи. Во Франціи, въ Австріи, въ Бельгіи и даже въ Испаніи Католическое Духовенство не имѣетъ нынѣ недвижимыхъ имѣній, т.-е. помѣстья духовныя взяты въ казну, а въ Россіи, т.-е. въ Литовской провинціи, въ Подоліи, Польшѣ и Бѣлоруссіи, Польское Католическое Духовенство пользуется неимовѣрными доходами, имѣетъ огромныя недвижимыя имѣнія и управляется независимо своими пастырями. Почти каждый Католическій Священникъ получаетъ болѣе доходу, нежели заслуженный Генералъ или Сенаторъ, обремененный семействомъ, и трудящійся безпрерывно для общаго блага. Основатели фундушей, или вкладчики, даря недвижимыя имѣнія и денежныя суммы монастырямъ, налагали обязанности на Ксендзовъ содержать школы, выкупать Христіанскихъ невольниковъ у турокъ, обращать въ Христіанскую вѣру жидовъ, идолопоклонниковъ и проч. Завѣщаніи сіи не исполняются въ главномъ, а хотя при нѣкоторыхъ монастыряхъ и есть школы, но такія, что Боже упаси! Кромѣ того Аббаты и Каноники, живущіе въ свѣтѣ, а не въ монастыряхъ, нерѣдко получаютъ по нѣскольку тысячъ червонныхъ, не имѣя никакой обязанности, кромѣ того, что служатъ обѣдню разъ въ мѣсяцъ, употребляютъ доходъ ни на что иное, какъ на жизненныя наслажденія, и живутъ роскошно, какъ сибариты. Ты знаешь ихъ довольно и слыхалъ, что говорятъ объ этомъ въ Варшавѣ! Было время, что Духовенство въ Польшѣ обладало всѣмъ просвѣщеніемъ, но нынѣ мы

находимся въ другой крайности. Богатство, разсѣваемое невѣжествомъ и фанатизмомъ, произвело, на почвѣ нѣги и праздности, ядовитые плоды. Дай Богъ намъ дождаться того, чтобъ излишнія богатства Католическаго Духовенства употребляемы были, по примѣру Императора Іосифа II, на школы и богоугодныя заведенія!—„Царство мое не есть царство міра сего“—сказалъ Христосъ.—Ничего нѣтъ отвратительнѣе, какъ видѣть этихъ фанатиковъ, въ монашеской одеждѣ, вооруженныхъ ножами и пистолетами, съ знаменіемъ Спасителя, оскверненнымъ или нарушеніемъ присяги законному Царю и Благодѣтелю, предводительствующихъ толпами пьяныхъ мужиковъ, такъ называемыхъ косоносцевъ, которыхъ они влекутъ на кровопролитіе отъ алтарей безкровной жертвы!—Сначала сіи сцены изумляли Варшаву, а наконецъ, когда разсудокъ началъ вступать въ свои права, явленія сіи возбуждаютъ жалость къ однимъ и омерзѣніе къ другимъ.

„Могу навѣрное сказать вамъ, счастливцамъ, находящимся въ портѣ во время бури, что общее мнѣніе въ Польшѣ чрезвычайно поправилось въ послѣднее время, и что большинство голосовъ въ цѣлой Польшѣ въ пользу Россіи. Но что смогутъ сдѣлать люди благоразумные, истинные патріоты, желающіе отечеству мира, тишины и счастья подъ скипетромъ могущественнаго Русскаго Государя? Революціонеры отняли у нихъ оружіе, и лишили всѣхъ средствъ дѣйствовать, соблазнивъ войска и обманувъ крестьянъ. Разумѣется, что обманъ не можетъ продолжаться, и тогда—горе обманщикамъ!—Но пока, бѣда, да и только!—Мы молимъ Бога о скоромъ прекращеній холеры, а съ нею и о прекращеніи бунта, истощившаго наши послѣднія силы и законы. Какъ ни горячится Военный Губернаторъ Варшавы, но граждане едвали станутъ защищать ее отъ Русскихъ, которыхъ всѣ смирные, честные ждутъ, какъ избавителей.—Нѣтъ ни одного человѣка въ Польшѣ, имѣющаго каплю здраваго разсудка, который бы не былъ увѣренъ въ душѣ, что этотъ бунтъ кончится на нашу бѣду; но какъ я уже выше сказалъ, зачинщики стараются всѣми силами продлить ослѣпленіе народа, чтобъ отдалить отъ себя минуту казни, и стремятся притомъ заманить въ свои сѣти какъ можно бо́льшее число, чтобъ оправдываться тѣмъ, будто они увлечены были силою общаго мнѣнія. Противники же бунта безсильны и потому мы сами никакъ не можемъ кончить этого гнуснаго дѣла и ждемъ съ нетерпѣніемъ, чтобъ братья наши, Русскіе, образумили нашихъ бѣшеныхъ демагоговъ, которые бредятъ точно въ горячкѣ, и въ точномъ смыслѣ слова бросаются на людей, чтобъ укусить!—Прости, счастливецъ! Слышу подъ окномъ шумъ: вѣрно опять какое-нибудь новое неистовство!“

Въ мартѣ 1831 года Булгаринъ уѣхалъ, по болѣзни, въ свое Карлово и оттуда просилъ министра народнаго просвѣщенія, кн. Ливена, продлить ему отпускъ сверхъ даннаго срока. По докладу министра, не особенно жаловавшаго своего „чиновника особыхъ порученій“, государь отказалъ: „нѣтъ причинъ отступать отъ правилъ; если хочетъ, можетъ просить отставки“. Надо было или явиться въ срокъ, или подать въ отставку. Больной Булгаринъ избралъ второе: въ то время его положеніе уже

вполнѣ выяснилось, и служба была не особенно нужна.[1] Но онъ разсчитывалъ получить при отставкѣ чинъ надворнаго совѣтника, а Ливенъ не сдѣлалъ и такого снисхожденія, находя, что разъ Булгаринъ не имѣлъ опредѣленной должности, то и судить о его способностяхъ нельзя. Отставка была дана 9 сентября. Булгаринъ увѣдомилъ объ этомъ своего благодѣтеля, и вотъ, 15-го декабря 1831 г.—слѣдовательно, послѣ важныхъ его услугъ русскому правительству во время польскаго возстанія,—Бенкендорфъ пишетъ упорному министру:

„Принимая въ уваженіе, что г. Булгаринъ опредѣленъ на службу по представленію моему о способностяхъ его и трудахъ на пользу общую; *что въ теченіе того времени, въ которое онъ считался на службѣ, былъ употребляемъ по моему усмотрѣнію по письменной части на пользу службы, и что всѣ порученія онъ исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ*, я поставляю обязанностью моею засвидѣтельствовать предъ Вашею Свѣтлостью о способности г. Булгарина и ревности его къ пользамъ государственной службы, и при томъ просить васъ о сдѣланіи надлежащаго распоряженія, чтобы сенатъ при увольненіи его не нашелъ никакого препятствія къ награжденію его чиномъ за выслугу узаконенныхъ лѣтъ“.

Дѣло было передано въ комитетъ министровъ, но послѣдній, не зная сути дѣла, согласился съ кн. Ливеномъ.

Въ 1832 г., въ Москвѣ, появилась баллада „Двѣнадцать спящихъ будочниковъ“. Авторъ ея признается, что гоняется не за славою, а за копейкою. „Меня ободряетъ“, писалъ онъ, „примѣръ гг. *Выжигиныхъ*, предъ коими она имѣетъ важное преимущество: ее можно прочесть несравненно скорѣе“. Для иллюстраціи искусства, съ которымъ составлена эта пародія на булгаринскіе романы, приведу строфу, рисующую пьянаго квартальнаго:

„И взвидѣлъ полицейскій глазъ,
Что въ лужѣ шевелился
Какой-то пьяница; тотчасъ
Мой крюкъ остановился.
Меня къ забору, рекъ, приставь,
А этого скотину
Скорѣй на съѣзжую отправь!
Ступай!.. родному сыну
Я пьянства не прощу во вѣкъ!
Какого развращенья
Достигнулъ нынѣ человѣкъ!
И все отъ просвѣщенья![2]

[1] Въ письмахъ Пушкина къ кн. Вяземскому, напечатанныхъ недавно въ XII книжкѣ „Старины и Новизны“, есть указаніе (стр. 323) великаго поэта на то, будто бы въ іюнѣ 1831 года Булгаринъ былъ высланъ изъ Петербурга;—это совершенно не вѣрно.

[2] Цитирую по книгѣ Барсукова о Погодинѣ, т. IV, стр. 12.

Заодно съ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Булгаринъ добился увольненія цензора С. Т. Аксакова.

17 февраля 1832 года Бенкендорфъ сообщилъ князю Ливену слѣдующее высочайшее повелѣніе: „Въ недавнемъ времени появилась въ Москвѣ книжка подъ названіемъ „Двѣнадцать спящихъ будочниковъ“, пропущенная въ печать цензоромъ Аксаковымъ. Государь Императоръ, прочитавъ эту книжку, изволилъ найти, что она заключаетъ въ себѣ описаніе дѣйствій московской полиціи въ самыхъ дерзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ; что, будучи написана самымъ простонароднымъ площаднымъ языкомъ, она приноровлена къ грубымъ понятіямъ низшаго класса людей, изъ чего видимо обнаруживается цѣль распространить чтеніе ея въ простомъ народѣ и внушить оному неуваженіе къ полиціи. Наконецъ, предисловіе сей книжки, равно какъ и слѣдующее за онымъ обращеніе къ цензурѣ, писаны съ явнымъ нарушеніемъ всякаго приличія и благопристойности. Государь Императоръ о таковыхъ замѣчаніяхъ своихъ относительно вышеозначенной книги, пропущенной московскою цензурою, повелѣлъ мнѣ сообщить Вашей Свѣтлости съ тѣмъ, что Его Величество заключаетъ изъ сего, что цензоръ Аксаковъ вовсе не имѣетъ нужныхъ для званія его способностей, и потому Высочайше повелѣваетъ его отъ должности сей уволить“. [1]

Министерство народнаго просвѣщенія, въ лицѣ Уварова, не сдѣлалось снисходительнѣе къ Булгарину, все время продолжая ему мстить за безпрестанныя указанія на упущенія цензоровъ въ статьяхъ и изданіяхъ его враговъ.

Въ 1835 году Булгаринъ пишетъ цензору Никитенку:

„Ѳаддей Булгаринъ проситъ покорнѣйше почтеннаго цензора, которому достанется читать рукопись 2-й части „Записокъ Чухина“, о нижеслѣдующемъ:

„1) Еслибъ какое мѣсто показалось ему сомнительнымъ, то не иначе вымарывать, какъ прочитавъ главу *до конца*, ибо каждое предложеніе развернуто у меня *впослѣдствіи* и выведено въ пользу истины, нравственности, религіи и существующаго порядка вещей въ Россіи. Затѣмъ *предложеніе* не должно быть принимаемо отдѣльно, но въ общности съ *послѣдствіемъ*.

„2) Всѣ поправки почтеннаго цензора принимаю безспорно, хотя въ сочиненіи моемъ, кажется, нѣтъ ничего такого, что бъ не могло быть сказано всенародно. Но прошу покорнѣйше не исключать цѣлыхъ періодовъ. И такъ уже оглядываясь на всѣ четыре стороны при сочиненіи этого романа, я исключилъ все, что только могло возбудить не только двусмысліе, но даже сомнѣніе въ строгихъ судьяхъ нашей зачахлой литературы!

„3) Было время тяжелое, во время Магницкаго и Аракчеева, но ни одна моя статья въ то время не была запрещена *даже Красовскимъ*, и всѣ романы прошли безъ помарокъ и безъ преслѣдованій! Ужели я сдѣлался хуже? Господи Боже! Хочу только правды и никогда не шелъ противъ видовъ правительства, что до сихъ поръ было имъ признано.

[1] „Русская Старина“, 1903 г., № 2, 315.

„Почтенные господа цензоры, будьте справедливы! И для васъ есть потомство!“

Уже одно это послѣднее патетическое воззванiе къ потомству доказываетъ, какъ доставалось Булгарину отъ „предковъ“...

Когда Дубельтъ занялъ свое видное положенiе, Булгаринъ, понявшiй, что это человѣкъ, безъ котораго просто немыслимо III Отдѣленiе, постарался укрѣпить съ нимъ прежде довольно холодныя отношенiя и до того дошелъ по этому пути, что въ письмѣ къ Дубельту отъ 18 апрѣля 1839 года писалъ: „я говорилъ объ Васъ въ одномъ обществѣ, гдѣ, между прочимъ, было три генералъ-адъютанта. Между прочимъ я не умолчалъ и о томъ, что Вы на меня гнѣвались, но объ Васъ говорилъ съ такимъ чувствомъ, что одинъ изъ старыхъ остряковъ назвалъ меня въ шутку *Ѳадеемъ Дубельтовичемъ*. Я не умѣю быть приверженнымъ на половину—и или молчу, или порицаю, а когда убѣжденъ душевно, хвалю душевно“...

Въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полицiи“ была напечатана слѣдующая замѣтка: „Говорятъ, что А. А. Орловъ издаетъ полное собранiе своихъ сочиненiй въ 2-хъ компактныхъ томахъ, въ большую восьмую долю листа, въ два столбца. Въ первомъ томѣ будетъ помѣщено: „Погребенiе Ивана Выжигина“, „Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина“ и пр. и пр. напечатанныя нѣсколькими изданiями сочиненiя и давно уже раскупленныя многочисленными читателями и почитателями А. А. Орлова. Во второмъ томѣ будутъ напечатаны нѣкоторыя новыя произведенiя знаменитаго романиста и между прочими: „Безпристрастное сужденiе автора о самомъ себѣ“. Къ этому присоединится портретъ автора, гравированный на стали въ Лондонѣ. Изданiе будетъ большое—и дешевое“. [1]

Уже этого одного было достаточно, чтобы Булгаринъ разсвирѣпѣлъ: А. А. Орловъ, дѣйствительно, писалъ пародiю на его „Выжигиныхъ“, а самый тонъ замѣтки очень походилъ на зазывательную рекламу булгаринской лавочки.

Но въ томъ же нумерѣ была и еще одна непрiятность. Тамъ книгопродавецъ Лисенковъ, между прочимъ, объявилъ, что онъ, какъ издатель сочиненiй Булгарина, „считаетъ обязанностью объявить, что замедленiе выхода пятой части произошло вовсе не отъ него, а отъ самого автора, который по сiе время медленно доставляетъ рукописи; нынѣ же начальство обязываетъ автора, давшаго контрактъ, окончить свое сочиненiе какъ можно скорѣе, и потому нѣтъ сомнѣнiя, что остальная часть скоро выйдетъ въ свѣтъ“.

Надо было искать защиты отъ враговъ и, конечно, въ III Отдѣленiи.

[1] „Вѣдомости Спб. Город. Полицiи“, 1839 г., № 22, прибавленiя.

„Всѣ газеты и журналы русскіе—писалъ Булгаринъ Дубельту,—до напечатанія разсматриваются цензорами, облеченными правительствомъ въ сіе званіе. „Сѣверная Пчела“ имѣетъ пять цензоровъ, напротивъ того, „Полицейская Газета“ не имѣетъ ни одного, и прибавленія къ сей газетѣ, заключающія въ себѣ литературныя статьи, издаются на отвѣтственности издателя, какъ въ Англіи и Франціи, гдѣ существуетъ неограниченная свобода книгопечатанія. *Соотвѣтственно ли это формѣ нашего* правительства и справедливо ли въ отношеніи къ другимъ журналамъ—судить не мое дѣло, но, будучи жертвою этой свободы книгопечатанія въ русскомъ царствѣ, прибѣгаю подъ покровительство в. п—ва и прошу обратить вниманіе ваше на злоупотребленія, которымъ не предвидится конца. Редакторъ „Полицейской Газеты“ есть юноша безъ литературнаго имени и безъ всякаго поручительства въ свѣтѣ. Можно-ли на его отвѣтственность поручать изданіе офиціальной газеты и позволять наполнять газету полицейскую литературными сплетнями и оскорбленіями литераторовъ? Въ какомъ государствѣ офиціальныя газеты занимаются литературою, рецензіями и полемикою? Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ! Хуже всего то, что г. Краевскій, другъ и покровитель редактора „Полицейской Газеты“ Межевича, безстыдно осмѣливается ссылаться на покровительство Вашего Превосходительства... „Полицейская Газета“, не имѣла права печатать объявленіе книжника Лисенкова въ томъ видѣ, какъ оно напечатано. Лисенковъ объявилъ ко мнѣ претензію, а я имѣю еще большія претензіи къ нему, и тяжба наша должна производиться на основаніи цензурнаго устава. До окончательнаго рѣшенія тяжбы формою суда никто не можетъ принудить меня исполнить требованія истца, и въ цѣломъ мірѣ не печатаютъ рѣшеній, пока они не наступятъ. Здѣсь со стороны полиціи явное нарушеніе законовъ! Что же касается до *пародіи объявленія* объ изданіи моихъ сочиненій, то, во-первыхъ, благопристойность и уваженіе къ нравственности публичной долженствовали бы воспретить печатаніе о Ванькѣ Каинѣ въ „Полицейской Газетѣ“, а, во-вторыхъ, сочетаніе Ваньки Каина съ названіемъ моего сочиненія есть явное оскорбленіе чести гражданина. Цензурнымъ уставомъ запрещено давать новымъ сочиненіямъ заглавія, уже вышедшія въ свѣтъ, безъ согласія автора, а всѣмъ извѣстно, что „Иванъ Выжигинъ“ написанъ мною. Я сидѣлъ на гауптвахтѣ не за личности, а за то только, что напечаталъ самую умѣренную критику, сочиненія Очкина, на романъ Загоскина. За шутки надъ сочиненіемъ, а не надъ лицомъ автора, меня угрожали совершеннымъ истребленіемъ! Неужели вся строгость для меня одного, а противъ меня все позволено? На меня печатаютъ пасквили за границей, наполняютъ эти пасквили самыми якобинскими идеями и оскорбленіями противу правительства, и этотъ пасквиль, то есть книга Кенига о русской литературѣ, допущена въ продажу въ Россіи, а другихъ отставляли отъ службы за напечатаніе невинныхъ статеекъ о Россіи, тогда какъ Мельгуновъ, *суфлеръ Кенига*, невредимъ! *На меня пишутъ гнуснѣйшія вещи* въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ и въ „Полицейской Газетѣ“, *а я не могу нигдѣ найти суда и расправы.* Что это значитъ, я не понимаю, а знаю

только, что акціонеры „Отечественныхъ Записокъ“ составили противъ меня заговоръ, и что они сильны, находясь на службѣ въ цензурѣ иностранной и въ министерствахъ. Но зная вашу душу и вашъ благородный характеръ, я твердо убѣжденъ, что В. П—во, для полезнаго примѣра, примете мѣры, чтобы Межевичъ, редакторъ „Полицейской Газеты“, былъ наказанъ явно, и чтобы у него отняты были средства къ распространенію сплетней и пасквилей посредствомъ официальной газеты. Les moeurs publiques outragées—есть повсюду преступленіе, а публиковать въ „Полицейской Газетѣ“ о Ванькѣ Каинѣ и къ этому гнусному титулу и, впрочемъ, запрещенной книгѣ пришить заглавіе книги живущаго автора не позволено было бы и въ Англіи, и такой поступокъ былъ бы наказанъ тюремнымъ заключеніемъ.—Police correctionelle и King's Bench у насъ нѣтъ. Куда прибѣгнуть съ жалобою? *Богъ, во благости Своей, далъ васъ и жандармскій корпусъ!* Къ вамъ прибѣгаю и умоляю о защитѣ! Съ истиннымъ высокопочтеніемъ и безпредѣльною преданностью честь имѣю быть В. П—ва, милостиваго государя покорнѣйшій слуга *Ѳ. Булгаринъ*“.

Межевичу было сдѣлано строгое внушеніе. [1]

Въ началѣ 1843 года почти одновременно въ „Отечественныхъ Запискахъ“,—добровольнымъ сотрудникомъ-рекламистомъ которыхъ Булгаринъ состоялъ, по свидѣтельству Бѣлинскаго, не разъ печатно благодарившаго метавшаго громы Фиглярина,—и въ „Литературной Газетѣ“ появились статьи, направленныя противъ Булгарина. [2]

Немедленно строчится доносъ въ видѣ письма къ предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета, кн. Г. П. Волконскому:

„Сіятельный князь, Милостивый Государь, Григорій Петровичъ!

„Благоволите заглянуть въ послѣднюю книжку *Отечественныхъ Записокъ* и въ послѣдній воскресный нумеръ *Литературной Газеты!* Есть ли тутъ слово о литературѣ—гдѣ говорится обо мнѣ? Однѣ личности, сплетни, клеветы, высказанныя языкомъ, который нынѣ не употребляютъ самые бранчивые лакеи и кучера. Я не привыкъ къ тяжбамъ (начало всѣхъ доносовъ Булгарина!—*М. Л.*), но это превосходитъ всякую мѣру! Конечно, я бы никогда не хотѣлъ отвѣчать подобными личностями и бранью, унижающими достоинство человѣка, дворянина и литератора; но мнѣ ничего не позволяютъ въ цензурѣ, потому что цензора, которые разсматриваютъ противные мнѣ журналы, находятся въ дружбѣ и связяхъ съ ихъ издателями и сами или журналисты, или сотрудники журналовъ, и держатся за руки и всѣ состоятъ подъ покровительствомъ

[1] Дѣло архива III Отдѣленія I экспед., 1836, года, № 95.

[2] Въ XXVIII томѣ „Отеч. Зап.“ былъ разборъ его сочиненія „Очерки русскихъ нравовъ“, въ „Литер. Газетѣ“ Кони велъ жаркую полемику съ Булгаринымъ.

г. Комовскаго, [1] человѣка *близкаго* къ министру и мнѣ *далекаго.* Питаю себя надеждою, что Ваша Свѣтлость, по врожденному Вамъ правосудію, безпристрастію и любви къ истинѣ, прекратите систематическое дѣйствіе злобы и зависти и введете литературную войну въ предѣлы литературныхъ приличій, удержавъ г.г. цензоровъ въ предѣлахъ закона. Они думаютъ, что меня можно безнаказанно оскорблять, потому что я полякъ, нигдѣ не служу, сильныхъ родныхъ здѣсь не имѣю и никогда не жаловался,—а, между тѣмъ, Карлово стоитъ всѣмъ костью въ горлѣ—и вотъ составилась партія, чтобы дѣйствовать противъ меня общими силами съ цензорами, за исключеніемъ почтеннаго *дворянина* Корсакова. [2] Свѣтлѣйшій князь, уничтожьте эту паутину! Только загляните въ Литературную Газету и въ Отеч. Записки—увидите, что это за грязь! Не смѣю долѣе мучить васъ.

„Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностью честь имѣю пребывать Вашей свѣтлости милостиваго государя покорнѣйшимъ слугою

Ѳ. Булгаринъ". [3]

Кн. Волконскій почелъ за лучшее совершенно прекратить печатныя ругательства.

Мѣра эта была неофиціально сообщена Булгарину, только что объявившему, что Краевскій унижаетъ Жуковскаго, несмотря на то, что поэтъ—авторъ нашего народнаго гимна... Булгаринъ не нашелъ ничего лучшаго для борьбы съ такимъ охранительнымъ распоряженіемъ, какъ снова написать письмо Волконскому, въ которомъ представилъ нѣсколько выдержекъ изъ „Отеч. Записокъ" особенно „неблагонамѣреннаго" свойства и при этомъ прибавилъ: „съ того времени, какъ вы предсѣдательствуете въ комитетѣ, пропускаются вещи, посильнѣе и почище этихъ". Кромѣ того, онъ обвинялъ Уварова въ ничегонедѣланіи, въ покровительствѣ либерализму, чего министръ всегда очень боялся; требовалъ особой слѣдственной комиссіи, передъ которой хотѣлъ предстать, какъ „доноситель", для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ; писалъ, что будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если государь не вникнетъ въ него, или дѣло до него не дойдетъ, то онъ попроситъ прусскаго короля довести до свѣдѣнія Николая I все, что ему, Булгарину, необходимо сказать для огражденія священной особы государя и его русскаго царства... Кончалось письмо угрозой: „я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, надѣвала цензура намордникъ!"

Волконскій отправилъ этотъ доносъ Уварову, Уваровъ—Бенкендорфу. Министръ такъ былъ взволнованъ всѣмъ этимъ, что сказалъ Волконскому, что „хочетъ, чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что-нибудь опредѣленное, а главное — я буду спать спокойно"... Бенкендорфъ получилъ отъ государя приказаніе сдѣлать такъ, какъ будто ничего обо всемъ разсказанномъ не знаетъ... [4]

[1] Директоръ канцеляріи министра просвѣщенія.
[2] Цензоръ, пріятель „Сѣв. Пчелы".
[3] „Отчетъ Импер. Публ. Библіотеки за 1892 годъ", Спб., 1895 г., приложеніе, 58—60.
[4] *А. Никитенко.* „Дневникъ", I., 347—348.

Но Бенкендорфъ не исполнилъ приказанія Николая I и немедленно сообщилъ Булгарину о понесенномъ ими пораженіи. Si le malheur doit arriver,—сказалъ онъ ему со слезами на глазахъ,—je prierai pour vous, comme pour moi même". [1]

Бенкендорфу не долго пришлось „хранить" эту тайну: 11 сентября 1844 г. его не стало... Булгаринъ спѣшитъ подслужиться его преемнику, который почитался другомъ покойнаго. Въ „Сѣверной Пчелѣ" появляется громадная статья: „Гр. А. Х. Бенкендорфъ". Уже одно начало достойно вниманія: „Въ лицѣ А. Х. Бенкендорфа государь лишился вѣрнаго и преданнаго слуги, отечество лишилось полезнаго и достойнаго сына, человѣчество—усерднаго поборника... Вся Россія знала А. Х. Бенкендорфа и во всѣхъ семействахъ повторялось имя его или съ благодарностью, или съ надеждою, и служило, какъ будто, порукою спокойствія и безопасности... Онъ былъ заступникомъ истины, утѣшителемъ несчастныхъ и страждущихъ; стремился къ добру по влеченію своего сердца и пользовался важностью своего званія единственно для содѣйствія общему благу. Онъ охранялъ всѣхъ и каждаго отъ злоупотребленія власти, пресѣкалъ тяжбы и ссоры средствами миролюбивыми, и гласъ беззащитнаго и угнетеннаго, чрезъ его посредство, всегда свободно доходилъ до священнаго престола. Надежда на безпристрастіе, правосудіе, добродушие и на доступность его оживляла каждаго; ему были всѣ равны: и бѣдный и богатый, и высокій сановникъ и безчиновный, и передъ лицомъ всей Россіи можно сказать утвердительно, что А. Х. Бенкендорфъ оправдалъ общую къ себѣ довѣренность и пріобрѣлъ себѣ почетное имя въ исторіи отечества и человѣчества". [2]

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Булгаринъ писалъ: „гр. Бенкендорфъ былъ ко мнѣ необыкновенно милостивъ, и даже болѣе нежели снисходителенъ, до самой своей кончины. За то и я любилъ его душевно и чту память его, потому что зналъ хорошо его благородную, рыцарскую душу! Со слезами истинной горести положилъ я цвѣтокъ на его могилѣ"... [3]

„Въ 1844 году Булгаринъ пишетъ Никитенку:

„Почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Покойный графъ Ростопчинъ сказалъ весьма справедливо: on ne fait pas du fromage dans le pays des antropophages, а еще ближе къ цѣли сказалъ знаменитый Клемперъ сказочному Музеусу, пріѣхавшему въ Россію на жительство, по приглашенію императрицы Маріи Θеодоровны: In Russland muss man nicht schreiben, aber bloss verdauen, т.-е. въ Россію ѣздятъ не для того, чтобы писать, но чтобъ упражняться въ пищевареніи! А мы,

[1] *С. Шубинскій.* „Письма Θ. В. Булгарина",—„Литер. Вѣстн.", 1901 г., II., 176.

[2] „Сѣв. Пчела" 1844 г., № 218, 26 сентября.

[3] „Воспоминанія", 1846 г., III, 368.

глупцы, пишемъ! Для потѣхи покажу вамъ нѣсколько корректурныхъ листовъ „Пчелы", подписанныхъ первыми членами сената—Іермандады, [1] Крыловымъ и Фрейгангомъ! Это уже такъ мило, что и сердиться нельзя! Тщательно храню я эти листы для исторіи нашей литературной эпохи. Но развѣ съ одной стороны горе? Понимаетъ ли наша публика дѣло? Вотъ вашъ хозяинъ Спасской мызы [2] пришелъ ко мнѣ объявить свое неудовольствіе за напечатаніе его имени въ фельетонѣ „С. Пчелы" и сообщилъ нѣкоторыя поправки насчетъ цѣны и проч. Пишу къ вамъ объ этомъ для того, чтобы вы видѣли, въ какомъ положеніи я нахожусь! Не будь милости Божьей, царской милости, то хоть прочь бѣги! Никѣмъ, никому и никогда угодить нельзя! Между тѣмъ, я одинъ изъ первыхъ воспользуюсь омнибусомъ, чтобъ навѣстить васъ на дачѣ и пожать вамъ дружески руку. Послѣ смерти П. А. Корсакова—вы остались одинъ *человѣкъ* въ цензурѣ. Да хранитъ васъ Господь отъ всѣхъ злыхъ навожденій и да поможетъ переносить тяжкое бремя, о чемъ умоляетъ Всевышняго вѣрно и искренно любящій васъ и преданный вамъ *Ѳ. Булгаринъ*". [3]

Въ 1844 году издатели „Сѣверной Пчелы" рѣшили добиться права печатать частныя объявленія. Дѣло объ этомъ очень любопытно.

30 апрѣля Булгаринъ пишетъ Дубельту замѣчательное письмо, изъ котораго мы узнаемъ о его вѣрной службѣ III Отдѣленію:

„Милостивый Государь Леонтій Васильевичъ.

„Если въ теченіе двадцатитрехлѣтняго моего литературнаго и журнальнаго поприща удалось мнѣ заслужить вниманіе моего Государя и принесть хотя малую пользу обществу, то это почитаю я величайшею наградою и никакихъ наградъ просить не смѣю и не имѣю на то права. Но у Бога и у Царя каждому позволено просить *милости* и я вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ Н. И. Гречемъ прибѣгаемъ къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою испросить у Графа Александра Христофоровича, чтобъ онъ, предъ выѣздомъ изъ Россіи, благоволилъ испросить для насъ Царскую милость, какъ изложено въ прилагаемой при семъ запискѣ. [4] Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ не можетъ знать тѣхъ причинъ, по которымъ графъ Александръ Христофоровичъ обѣщалъ исполнить мою просьбу, когда я однажды намекнулъ ему, что буду чрезъ его ходатайство утруждать Государя Императора. Болѣзнь графа и хлопоты передъ выѣздомъ не позволили мнѣ безпокоить его, хотя графъ Александръ Христофоровичъ былъ моимъ истиннымъ покровителемъ и благодѣтелемъ, при всякомъ случаѣ дѣлаетъ мнѣ добро и что болѣе, какъ нѣжный отецъ, утѣшалъ меня въ моихъ горестяхъ и возбуждалъ мужество и охоту къ трудамъ, которые онъ признаетъ полезными. Много,

[1] Цензурный комитетъ.

[2] Купецъ Беклешовъ.

[3] „Изъ архива А. В. Никитенко", „Рус. Старина", 1900 г., IV, 174, 176.

[4] Ея въ дѣлѣ нѣтъ.

очень много бумагъ написалъ я, по порученію графа А. Хр. въ началѣ достославнаго нынѣшняго царствованія и впослѣдствіи, и весьма много важныхъ вопросовъ предложено было мнѣ къ разрѣшенію, по знанію мною мѣстностей, предметовъ и лицъ, и всегда имѣлъ я счастье угодить и получить въ награду увѣреніе, что Государь Императоръ соблаговолилъ остаться довольнымъ. [1] Есть у меня нѣсколько бумагъ съ отмѣтками священной руки Государя Императора, которыя бумаги графъ Александръ Христофоровичъ подарилъ мнѣ въ награду для храненія изъ рода въ родъ. [2] Приведу одинъ примѣръ изъ многихъ, той важности порученій, которыя я всегда охотно исполнялъ внѣ моихъ литературныхъ занятій. Когда вспыхнулъ Польскій бунтъ и Государь Императоръ объявилъ о семъ на парадѣ, волненіе умовъ возросло въ высшей степени въ столицѣ и ложныя вѣсти производили самыя непріятныя впечатлѣнія. [3] Изъ Варшавы не было никакихъ порядочныхъ извѣстій, изъ которыхъ можно было бы составить что-нибудь полное. Наконецъ, получены были: *отрывокъ* изъ одного нумера Варшавской газеты и письмо жандармскаго генерала графа Нессельроде. Изъ этихъ двухъ *лоскутковъ* я, по порученію графа Александра Христофоровича, составилъ полную реляцію о бунтѣ Варшавскомъ и зная лица, характеры и мѣстности такъ счастливо попалъ въ цѣль, что когда князь Любецкій пріѣхалъ сюда изъ Варшавы, онъ сознался передъ Государемъ, что реляція о бунтѣ чрезвычайно вѣрна. Тотчасъ же графъ А. Хр. объявилъ мнѣ удовольствіе Государя Императора, спросилъ меня: не хочу ли я какой награды, я отвѣчалъ, какъ всегда, что величайшая для меня награда: благоволеніе Государя Императора. Эта бумага хранится у меня съ отмѣтками Царской руки. Всѣ воззванія къ Польскому народу и войску, всѣ письма къ магнатамъ польскимъ писаны мною же, на польскомъ языкѣ. [4] Послѣ 14 декабря, въ Турецкую войну и во время холеры, когда умы были въ волненіи, я писалъ и печаталъ статьи по указанію и волѣ Александра Христофоровича, для успокоенія умовъ, и графъ А. Хр. не однажды повторялъ мнѣ, что я изъ всей Польской націи примѣрный подданный, какими бы Государь Императоръ хотѣлъ видѣть всѣхъ поляковъ. [5] Признаюсь Вашему Превосходительству,

[1] Нерѣдко Бенкендорфъ выдавалъ булгаринскія бумаги за свои собственныя, а Ѳ. В. только обманывалъ высочайшимъ вниманіемъ...

[2] Теперь ясно, почему при просмотрѣ дѣлъ о Булгаринѣ такъ часто видно отсутствіе бумагъ, затѣмъ иногда даже и упоминаемыхъ. Въ этомъ дареніи была, конечно, и другая цѣль, помимо желанія сдѣлать пріятное Булгарину: надо было скрыть факты, о которыхъ никто изъ чиновниковъ III Отдѣленія не долженъ былъ знать... Послѣ смерти Бенкендорфа въ его домѣ было найдено довольно много важныхъ бумагъ Канцеляріи и потомъ онѣ были водворены на мѣсто.

[3] 26 ноября 1830 года, на разводѣ Преображенскаго полка въ Михайловскомъ манежѣ Николай I объявилъ офицерамъ о вспыхнувшемъ въ Варшавѣ мятежѣ.

[4] 5 (17) декабря 1830 года было обнародовано воззваніе Николая I къ войскамъ и народу Царства Польскаго, а 12 (24) декабря—манифестъ, изъ котораго уже цитировались нѣсколько фразъ.

[5] Еще бы...

что только безпредѣльная моя любовь къ графу Александру Христофоровичу и надежды на его деликатное душевное и искреннее покровительство поддерживали духъ мой въ послѣднее время. Отношенія мои къ Министру просвѣщенія Уварову только отчасти извѣстны Вашему Превосходительству, и я умалчиваю объ остальномъ, не любя утруждать никого жалобами. [1]

„Скажу только объ матеріальномъ горѣ! Съ паденіемъ книгопечатанія и книготорговли многіе книгопродавцы разорились. Вашему Превосходительству легко справиться, что Ширяевъ, Жебелевъ и другіе книгопродавцы остались должными „Пчелѣ" до 45.000 рублей, а бывшій правитель типографіи и кассиръ редакціи похитилъ въ прошломъ году 67.000 рублей. Этотъ дефицитъ мы съ Н. И. Гречемъ должны пополнить изъ собственнаго имущества, которое весьма невелико, не взирая на толки завистниковъ. Дай Богъ только, чтобъ я не оставилъ безъ куска хлѣба шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ „Сѣверной Пчелы" и книгопечатанія вообще. Мнѣ никакъ не хочется вѣрить, чтобъ добрый нашъ Государь попустилъ упасть „Сѣверной Пчелѣ", которая всегда вѣрно служитъ всѣмъ видамъ Правительства и чтобъ близкіе къ трону вельможи хладнокровно взирали на паденіе старшаго журнала и разореніе двухъ старыхъ и благомыслящихъ литераторовъ. Неужели и Н. И. Гречъ, журналистъ съ 1812 г., вѣрный и преданный сынъ отечества, не заслуживаетъ какой-нибудь милости? И чего же мы просимъ? Того, что никому не повредитъ, никого не разоритъ, чѣмъ другіе пользуются безъ спроса, безданно и безпошлинно; что будетъ для всѣхъ выгоднымъ и насъ между тѣмъ спасетъ отъ гибели. Но это не можетъ иначе сдѣлаться, какъ волею Царскою и Его священнымъ словомъ! Если Ваше Превосходительство вознамѣритесь передать мою записку Министру Уварову, то дѣло хуже, нежели пропало! Оно нарочно будетъ передано на посмѣяніе врагамъ нашимъ и сдѣлается баснею города! Мы просимъ Царской милости и чрезъ то лицо или мѣсто, которому извѣстны наши малыя заслуги, слѣдовательно, тутъ нѣтъ никакого опредѣленнаго пути.

„Ожидая съ нетерпѣніемъ исполненія моей и Н. И. Греча просьбы, честь имѣю пребыть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью Вашего Превосходительства Милостиваго Государя покорнѣйшимъ слугою *Ѳаддей Булгаринъ*".

Но Бенкендорфъ очень спѣшилъ отъѣздомъ и не взялся хлопотать о дѣлѣ „Сѣверной Пчелы", а потому оно было отложено до его возвращенія.

Когда же въ іюнѣ стало извѣстно, что состояніе здоровья Бенкендорфа не подаетъ надеждъ, Булгаринъ и Гречъ рѣшили возобновить свою просьбу уже передъ замѣнявшимъ его Орловымъ. Живя лѣтомъ въ Карловѣ, Булгаринъ пишетъ, между прочимъ, Гречу:

„Ты уже говорилъ мнѣ, что Орловъ меня вовсе не знаетъ, и почитаетъ какимъ-то польскимъ конфедератомъ временъ Пулавскаго, или наполеоновскимъ на-

[1] Дубельтъ ли не зналъ, какъ Булгаринъ не любилъ жалобъ...

ѣздникомъ. Я отъ роду не бывалъ у него и говорилъ съ нимъ только *мимоходомъ*. Какъ я могу явиться къ нему? Ты же, напротивъ, въ близкихъ сношеніяхъ съ нимъ и можешь не только просить его, но даже говорить съ нимъ откровенно. Я уже все сдѣлалъ, *что только могъ*; остается тебѣ исполнить, что только въ твоей власти, а если ты уже просилъ Дубельта, то только стоитъ настоятельно и лично просить графа Орлова. Тутъ больше дѣлать нечего! Если графъ Орловъ откажетъ,—тогда уже на мнѣ будетъ другая обязанность—начать дѣло *съ другой стороны*. Но лучше и ближе пути нѣтъ, какъ черезъ графа Орлова, а къ нему нѣтъ другого пути, какъ черезъ *тебя*! Итакъ, расшевелись и притисни графа Орлова, скажи, что мы ничего болѣе не хочемъ за нашу службу! Помни, что это будетъ *вторая „Пчела“*! [1]

Гречъ и самъ очень хорошо понималъ, какими доходами пахнетъ дѣло, и счелъ за лучшее письменно изложить его Орлову:

„Милостивый Государь Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ!

„Товарищъ мой, Ѳ. В. Булгаринъ, въ апрѣлѣ сего года обратился съ просьбою объ испрошеніи намъ обоимъ Высочайшей милости къ Его Сіятельству графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, письмомъ на имя Его Превосходительства Л. В. Дубельта, но по случаю предстоявшаго тогда отъѣзда графа и послѣдовавшаго вскорѣ затѣмъ отбытія Его Императорскаго Величества, не было возможности дать ходъ сей просьбѣ.

„Нынѣ, по случаю отсутствія самого г. Булгарина уѣхавшаго на лѣто въ Дерптъ, принимаю я на себя, какъ товарищъ и сотрудникъ его, стараніе о семъ дѣлѣ и всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство обратить благосклонное Ваше вниманіе на упомянутое письмо и не оставить насъ милостивымъ ходатайствомъ Вашимъ у Высочайшаго престола.

„Не имѣя нынѣ никого, кромѣ Васъ, предстателемъ предъ лицемъ Всемилостивѣйшаго Государя, находимся мы въ затруднительной необходимости говорить о самихъ себѣ, исчислять свои труды и выставлять свои хотя малыя, но усердныя и посильныя услуги, и въ семъ случаѣ утѣшаемся только тою мыслью, что такая нескромность извинена будетъ обязанностію нашею ходатайствовать и пещись о своихъ семействахъ и о будущей ихъ участи.

„Вашему Сіятельству извѣстна и жизнь моя, и правила, и труды ученые и литературные, которые всегда находили въ Васъ безпристрастнаго и снисходительнаго цѣнителя. Ровно сорокъ лѣтъ занимаюсь я русскою литературою (первые труды мои появились въ свѣтъ въ іюлѣ 1804 года); съ 1812 года издавалъ я, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ „Сынъ Отечества“ и могу сказать съ справедливою гордостью, что не мало способствовалъ Правительству усердными своими трудами въ то безпокойное и критическое время, направляя общее мнѣніе, одобряя унылыхъ, заглушая вопли недовольныхъ и боязливыхъ, опровергая толки

[1] *С. Шубинскій*, „Письма Ѳ. Булгарина“, „Литературный Вѣстникъ“, 1901 г., № 2, 175—176.

неблагонамѣренныхъ, возглашая славу Россіи, вѣрность сыновъ ея, благость и мудрость Государя и милость къ Нему Святаго Провидѣнія. Видимымъ памятникомъ той эпохи остался пожертвованный мною капиталъ, съ процентовъ коего воспитывается въ Третьей Санктпетербургской Гимназіи сирота, сынъ убитаго или умершаго отъ ранъ офицера. Еще недавно въ бытность мою въ Парижѣ, обрадованъ я былъ прилагаемымъ у сего извѣщеніемъ начальства Гимназіи о благомъ дѣйствіи сего неважнаго, но усерднаго пожертвованія. [1] Въ теченіе двадцати лѣтъ издаю я съ Ѳ. Б. Булгаринымъ „Сѣверную Пчелу", въ которой равномѣрно старался содѣйствовать благимъ видамъ и намѣреніямъ Правительства статьями, нерѣдко обращавшими на меня неоцѣненное Высочайшее благоволеніе. При сихъ тягостныхъ ежедневныхъ трудахъ не оставлялъ я и занятій собственно ученыхъ: между прочимъ написалъ я Русскую Грамматику, которая имѣла самое сильное и благодѣтельное вліяніе на объясненіе, дополненіе и упрощеніе правилъ русскаго языка, не только въ отношеніи собственно литературномъ, но и въ письменномъ его употребленіи по дѣламъ службы государственной. Нынѣ занимаюсь я, по лестному порученію Е. И. Высочества Государя Великаго Князя Михаила Павловича, составленіемъ Сводной Грамматики Русской, Нѣмецкой и Французской для военно-учебныхъ заведеній и надѣюсь совершить сей важный и полезный трудъ съ желаемымъ успѣхомъ.

„Если цѣлая жизнь, проведенная въ безпрерывныхъ, усердныхъ трудахъ на пользу Государя и Отечества, заслуживаетъ благосклоннаго взгляда и милостиваго вниманія, то Ваше Сіятельство не откажете быть предстателемъ моимъ въ нынѣшнемъ случаѣ и исходатайствованіемъ Всемилостивѣйшаго соизволенія на нашу общую просьбу наградите насъ за всѣ старанія и труды наши, обязавъ и остатокъ немногихъ дней посвятить тому же, что было предметомъ всегдашнихъ нашихъ занятій и помышленій: усердному содѣйствію видамъ, намѣреніямъ и подвигамъ благодѣтельнаго Правительства.

„Съ глубокимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою *Николай Гречъ*".

При этомъ письмѣ, которое представляетъ изъ себя тоже лестную авторекомендацію, была приложена „записка", въ которой подробно изъяснялось желаніе столь вѣрныхъ сыновъ отечества. Привожу и ее.

„Издатели „Сѣверной Пчелы", желая придать своей газетѣ большую занимательность и пользу въ глазахъ русской публики, полагаютъ, что весьма полезно было бы присовокупить къ ней частныя объявленія о разныхъ предметахъ общежитія, о продажѣ и куплѣ, объ отдачѣ внаймы, о пропажахъ, и проч. Таковыя объявленія были изстари достояніемъ „Санктпетербургскихъ Академическихъ" и „Московскихъ Университетскихъ Вѣдомостей", но и нынѣ пользуются правомъ печатанія ихъ и „Полицейская Газета" и „Journal de St.-Pétersbourg", а съ

[1] Возвращено Гречу.

1 января 1840 г. и „Русскій Инвалидъ“; въ послѣднее время право сіе распространено и на „Одесскій Вѣстникъ“ и на всѣ губернскія вѣдомости безъ исключенія. Въ § 21 Высочайше утвержденныхъ 16 февраля 1838 г. правилъ о обнародованіи узаконеній и распоряженій Правительства, именно сказано: „Частныя лица могутъ, если желаютъ, обращаться съ объявленіями своими и къ издателямъ газетъ или журналистамъ, но объявленія отъ Правительства въ частныхъ журналахъ не допускается“.

„На основаніи сего издатели „Сѣверной Пчелы“ испрашиваютъ милостиваго разрѣшенія на помѣщеніе въ *особыхъ* къ ней *прибавленіяхъ* частныхъ, одобренныхъ начальствомъ объявленій за установленную плату, съ которой (за исключеніемъ библіографическихъ объявленій въ самой „Пчелѣ“) обязуются вносить двадцать процентовъ изъ чистой прибыли въ пользу С.-Петербургской Дѣтской Больницы или другого какого-либо благотворительнаго заведенія. Доходъ съ сихъ объявленій покрылъ бы тѣ значительныя издержки, которыя произошли въ редакціи „Пчелы“ отъ удвоенія числа ея листовъ и расширенія формата, безъ увеличенія подписной цѣны и отъ потерь, простирающихся за сто тысячъ рублей ассигн. причиненныхъ банкротствомъ книгопродавцевъ и неисправностью кассира. При увеличеніи занимательности другихъ газетъ частными объявленіями „Сѣверная Пчела“ должна поневолѣ отстать отъ прочихъ изданій, къ чему высшее Правительство, конечно, не допуститъ газеты, дѣйствующей всѣми зависящими отъ нея средствами въ его духѣ и направленіи. Другія газеты отъ этого нисколько не потеряютъ, ибо желающій распространить извѣстіе о чемъ-либо, охотно напечатаетъ его вездѣ, гдѣ только возможно. „Полицейская Газета“, состоящая преимущественно изъ объявленій, нимало не уменьшила ихъ въ другихъ изданіяхъ. Издатели „Сѣверной Пчелы“ приложатъ стараніе, чтобъ печатаемыя при ней объявленія, излагаемы были въ приличномъ тонѣ, и правильнымъ языкомъ русскимъ, что въ нынѣшнихъ объявленіяхъ не всегда наблюдается“...

Орловъ ничего не имѣлъ противъ поддержанія „грачей - разбойниковъ“ и 16 іюля вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ находилъ, что просьба ихъ подлежитъ удовлетворенію. Но... на докладѣ его рукой написано: „Государь не соглашается безъ согласія министра народнаго просвѣщенія *не взирая на личное мое объясненіе* и на извѣстныя мнѣ сношенія“... Что значили послѣднія слова—неизвѣстно...

Пришлось передать дѣло на усмотрѣніе Уварова... Онъ воспользовался случаемъ показать Булгарину и Гречу, что ихъ голубые покровители не все могутъ сдѣлать, что хотятъ, и отвергъ просьбу...

7 ноября Булгаринъ пишетъ Дубельту:

„Милостивый Государь Леонтій Васильевичъ!

„Если только Г. министръ народнаго просвѣщенія не соглашается на печатаніе *объявленій* по предполагаемой имъ трудности въ разсчетѣ съ нами и говоритъ, что онъ бы вовсе отказался отъ объявленій при „С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ“, еслибъ ему вознагражденъ былъ доходъ отъ

16 до 18 тысячъ рублей ассигнаціями, — то это дѣло можно устроить такимъ образомъ. „Сѣверная Пчела“ будетъ ежегодно вносить въ министерство просвѣщенія по 5000 руб. серебромъ или 17500 руб. ассиг. въ три срока, оставляя сію сумму въ почтамтѣ, съ начала года, въ распоряженіи министерства. При семъ министерство просвѣщенія избавится отъ издержекъ и хлопотъ и будетъ получать наличныя деньги прямо изъ почтамта, безъ всякихъ расчетовъ.

„Благоволите, Ваше Превосходительство, принять сіе въ соображеніе и снестись хотя письменно по сему предмету съ г. министромъ.

„Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорный слуга *Ѳаддей Булгаринъ*“.

„*NB*. Разумѣется, что министерство промышленности уступая мнѣ право печатать *объявленія*, уже не должно печатать ихъ въ газетахъ отъ него издаваемыхъ, кромѣ Москвы, которая до насъ не касается“.

Дубельтъ самъ лично ѣздилъ къ Уварову, но и съ этими условіями не добился отъ него согласія...

Булгаринъ, все-таки, не потерялъ еще надежды и пишетъ Дубельту:

„Милостивый Государь Леонтій Васильевичъ!

„По дѣлу нашему *объ объявленіяхъ* министръ просвѣщенія Уваровъ *не можетъ ничего сдѣлать*, потому что это вовсе не въ его власти. Прежде *объявленія* печатались только въ двухъ газетахъ: „Академическихъ Вѣдомостяхъ“ и ,,Московскихъ Вѣдомостяхъ‘‘ и доходы шли на Академію Наукъ и на Московскій Университетъ. Когда это было установлено, тогда и большой надобности въ *объявленіяхъ* не было, но когда распространилась промышленность въ Россіи, то по заграничному примѣру, потребовалось болѣе мѣстъ для публикацій. Ни одна газета отъ этого ничего не потеряетъ, ибо кто хочетъ сдѣлать дѣло свое *извѣстнымъ*, тотъ радъ, чѣмъ болѣе имѣетъ мѣстъ для публикаціи. Безъ всякаго спроса и позволенія, кромѣ ,,Полицейской Газеты‘‘ начали печатать объявленія: ,,Инвалидъ‘‘, „Journal de St.-Pétersbourg“, театральныя афиши, — и наконецъ даже ,,Литературная Газета‘‘![1] Этой газетѣ могъ бы запретить министръ просвѣщенія — но газету протежируетъ директоръ его канцеляріи, и онъ молчитъ. Если вы спросите у Уварова — онъ скажетъ: я не имѣю права *позволить*, а могу *запретить*, ибо объявленія — привилегія ,,Академическихъ Вѣдомостей‘‘ и ,,Московск. Вѣдомостей‘‘. Мы просимъ у Царя позволенія *въ пользу народной промышленности* и для прибавленія существеннаго интереса газеты, просимъ какъ *милости*, за нашу вѣрную службу, за наши долговременные труды въ литературѣ и просимъ чрезъ то мѣсто, которому ,,Сѣверная Пчела‘‘ *подчинена* по Высочайшему повелѣнію, чрезъ Жандармерію, которой должны быть извѣстны наши заслуги! Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ добръ, какъ Ангелъ, — Вы нашъ отецъ и командиръ! Махните прямо къ Царю нашему, нашему благодѣтелю и моему вѣчному покровителю! Доложите хорошо — онъ не откажетъ Графу, а намъ дадите жизнь и хлѣбъ нашимъ дѣткамъ!

[1] Невѣрно; было получено разрѣшеніе.

„Отче мой, въ руцѣ твои предаю духъ мой!“

„А ужъ *послѣднiй срокъ*—еще недѣлька—и все пропало!

„Съ истиннымъ высокопочитанiемъ и душевною преданностью честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Ѳ. Булгаринъ*.

„*NB*. Если вѣрныхъ и преданныхъ слугъ чѣмъ нибудь не потѣшить,—что скажутъ невѣрные! О вѣрныхъ сказано въ Евангелiи: „просите и дастся вамъ“.

Но III Отдѣленiе больше уже не поднимало этого вопроса, и издатели „Пчелки“ такъ и не получили столь выгодной подачки. [1]

VII.

1845—1847 годы.

Отказъ въ ссудѣ 25,000 рублей. Доносы на „Отечественныя Записки“. Защита ихъ въ III Отдѣленiи. Покровительство Киркору. „Записки“ по внутреннему управленiю.

Не получивъ подачки въ видѣ объявленiй, Булгаринъ рѣшилъ добиться ее другимъ путемъ... 13 апрѣля 1845 года онъ пишетъ Орлову:

„Милостивый Государь, графъ Алексѣй Федоровичъ,

„Дѣйствуя всю жизнь по принятымъ однажды правиламъ, я той вѣры, что вѣрноподданный обязанъ содѣйствовать всѣми своими способностями твердости и славѣ священнаго Престола, и слѣдовательно не имѣетъ никакого права объявлять какихъ либо притязанiй на награду. Не испрашивая царской милости, мнѣ кажется, дозволено вѣрноподданному припомнить о его усилiяхъ на пользу общую, предоставляя оцѣнку ихъ Отцу Отечества. Не знаю, заслужилъ ли милостивый взглядъ моего Государя, но убѣжденъ въ душѣ, что я стремился быть полезнымъ въ теченiе 26 лѣтъ на избранномъ мною поприщѣ.

„До сихъ поръ написано мною и издано въ свѣтъ: по части словесности: 16 томовъ романовъ, 18 томовъ повѣстей, статей о нравахъ, бiографiй, разныхъ историческихъ отрывковъ и путешествiй, 1 томъ путешествiя въ Швецiю. По части ученой: 1 томъ Горацiевыхъ одъ, съ латинскимъ текстомъ и съ русскимъ комментарiемъ, пожертвованный въ пользу училищъ во время министерства князя Александра Николаевича Голицына, 6 томовъ сочиненiя „Россiя въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношенiяхъ“ съ картами, планами и видами, и „Суворовъ“ въ 1 томѣ. Почти всѣ мои сочиненiя

[1] Дѣло архива III Отдѣленiя 5 экспедицiи, 1844 года, № 7.

а въ томъ числѣ и ,,Россія" переведены на иностранные языки, на французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и даже испанскій. Ученаго изданія: ,,Сѣверный Архивъ", журналъ исторіи, статистики и путешествій издалъ я 56 томовъ, и всѣ русскіе и иностранные ученые, а въ томъ числѣ и Карамзинъ имъ пользовались; ,,Сѣверной Пчелы" издалъ я въ теченіе 20 лѣтъ всего 80 томовъ, а всего написано и издано мною въ теченіе моей литературной жизни 173 тома. Осмѣливаюсь утверждать рѣшительно, что ни одинъ писатель въ Россіи не оказалъ большей дѣятельности и при всемъ томъ Правительство не одного раза не сдѣлало мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, и всѣ министерства, даже иногда не благоволившія ко мнѣ по другимъ причинамъ, признавали труды мои полезными. Вездѣ и всегда старался я и стараюсь возбуждать въ читателяхъ любовь и довѣренность къ Правительству, скромность, послушаніе и чистую нравственность. Благое Провидѣніе наградило меня за мои тяжкіе труды домашнимъ счастіемъ и, смѣю явно сказать, такою популярностью, какая достается въ удѣлъ немногимъ литературнымъ труженикамъ. Дерзаю предложить Вамъ, Сіятельный Графъ, приказать спросить у перваго грамотнаго русскаго человѣка, знаетъ ли онъ меня,—вы услышите обо мнѣ народное мнѣніе. Въ отношеніи политическомъ образъ моихъ мыслей и мое поведеніе въ тяжкія годины извѣстны Правительству. По положенію моему въ свѣтѣ я былъ окруженъ врагами Правительства, но они, испытавъ твердость моихъ политическихъ правилъ, никогда не смѣли даже намекнуть мнѣ о своихъ замыслахъ. Хотя это и не заслуга, но долгъ, однакожъ, дерзаю припомнить, что я, какъ уроженецъ бывшей Польши, подалъ благой примѣръ моимъ родичамъ совѣстнаго, искренняго и чистаго смѣшенія племенъ подъ однимъ русскимъ скипетромъ.

,,Въ публикѣ утвердились толки, будто я литературными моими трудами нажилъ богатство. Хотя это было бы честное пріобрѣтеніе, но, по несчастью, слухи эти несправедливы. Литературными трудами у насъ только можно, при большомъ счастіи, прожить безбѣдно, но не обогатиться. Имѣніе въ Лифляндіи купилъ я, продавъ родовыя мои вотчины въ Могилевской и Гродненской губерніяхъ, чтобъ удалиться навѣки отъ гнѣзда безтолковыхъ политическихъ мечтаній и избавить дѣтей моихъ отъ этой заразы. Вмѣсто богатства, въ литературѣ я претерпѣлъ жестокія потери и даже введенъ въ излишніе расходы банкрутствомъ книгопродавцевъ Плюшара, Полеваго (брата писателя), Андрея Глазунова и Ширяева. Эти господа брали мои книги, продавали, а денегъ мнѣ не отдали. Упадокъ двухъ дѣятельныхъ книгопродавцевъ, Смирдина и Ольхина, у котораго въ нынѣшнемъ году похитили изъ дому 33 т. руб. сер., лишаютъ меня возможности, при ихъ содѣйствіи, кончить и издать два полезныя мои предпріятія, а именно: шесть томовъ сочиненія ,,Россія" и лѣтописи послѣдняго двадцатилѣтія, т. е. царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича, надъ чѣмъ я теперь тружусь. Это будетъ исчисленіе и разсказъ всего того, что сдѣлано въ Россіи въ теченіе двадцати лѣтъ по всѣмъ

отраслямъ администраціи, по части законодательства, юстиціи, просвѣщенія, фабрикъ и мануфактуръ, построекъ, перечень военныхъ дѣйствій, словомъ, картина всей жизни Россіи. При этомъ трудѣ надобно имѣть сотрудниковъ для черновой работы, граверовъ, чертежниковъ, живописцевъ, архитекторовъ, и даже высылать нарочно людей въ нѣкоторыя мѣста. Это сочиненіе будетъ безъ всякой лести и возгласовъ, ибо простое изложеніе того, что сдѣлано, будетъ лучшей похвалой Отцу Русской Семьи и упрекомъ нашимъ врагамъ.

,,Для составленія и изданія всего этого надобны деньги, а банкрутства книгопродавцевъ и расхищеніе кассы ,,Сѣверной Пчелы“ (о чемъ я уже имѣлъ честь докладывать Вашему Сіятельству) лишили меня послѣдняго запаса и даже ввели ,,Сѣверную Пчелу“ въ долги, которые она теперь выплачиваетъ. Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству, какъ вѣрнѣйшему изъ вѣрныхъ слугъ царскихъ и истинному патріоту, объ исходатайствованіи мнѣ царской милости. Прошу всенижайше ссудить меня изъ казны 25 т. руб. сер. на десять лѣтъ, съ уплатою казенныхъ процентовъ, подъ залогъ имѣнія моего Карлова въ Лифляндской губерніи. Одинъ домъ возлѣ самаго Дерпта стоитъ болѣе этой суммы, и обезпеченіе долга самое вѣрное. Но тутъ можетъ мнѣ помочь только Царская милость, потому что и въ этомъ случаѣ я не могу опереться на формы. Крестьяне въ Лифляндіи—люди вольные, и имѣнія не припимаются въ кредитныя установленія. Но развѣ не все равно, если на мое имѣніе наложить запрещеніе? Это также вѣрно. Я увѣренъ, что когда я самъ издамъ вышеозначенныя сочиненія, то ворочу занятую изъ казны сумму и крѣпко поправлюсь въ дѣлахъ моихъ: заплачу долгъ и пріобрѣту благодарность моихъ соотечественниковъ. Книгопродавцу Смирдину, въ награду его заслугъ въ литературѣ, выдали гораздо болѣе этой суммы взаймы, изъ казны, подъ залогъ книгъ, оставшихся у него непроданными, что также противу всѣхъ формъ. Ужели мои заслуги меньше смирдинскихъ?! Залогъ мой самый вѣрный—и всѣмъ извѣстно, что я не мотъ, но чадолюбивый отецъ многочисленнаго семейства.

,,Ужели лучъ Царской Милости никогда не озаритъ меня? Сіятельный графъ! Отъ Васъ зависитъ это и, если Вы только представите дѣло нашему доброму, правосудному и благодѣтельному Монарху, я увѣренъ, что Онъ не откажетъ мнѣ въ пособіи, отъ котораго государственная казна не понесетъ ни малѣйшаго убытка. О моей вѣчной благодарности и говорить нечего, но и справедливое потомство вспомнитъ о добромъ дѣлѣ. Кромѣ Васъ, у меня нѣтъ предстателей предъ Престоломъ.

,,Впрочемъ, что бы ни воспослѣдовало:

Боже, Царя храни...

„Съ истиннымъ высокопочитаніемъ, безпредѣльнымъ уваженіемъ и душевною преданностью честь имѣю быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою *Ѳаддей Булгаринъ*“.

Николай понималъ, что „исторію“ свою нельзя поручать человѣку, имя ко-

тораго является притчею во языцѣхъ, и категорически отказалъ Булгарину... Съ душевнымъ прискорбіемъ Дубельтъ сообщилъ объ этомъ своему пріятелю... 23 апрѣля Булгаринъ пишетъ ему:

„Отецъ командиръ!

„Я не знаю, какъ Васъ называть! *Милостивый Государь* и *Ваше Превосходительство* —все это такъ далеко отъ сердца, все это такъ изношено, что любимому душою человѣку—эти *условные* знаки вовсе не идутъ! А я люблю и уважаю васъ точно *душевно!* Ваша доброта, ваше снисхожденіе, ваша деликатность со мною—совершенно поработили меня, и нѣтъ той жертвы, на которую бы я ни рѣшился, чтобъ только доказать вамъ мою привязанность!

„Но вотъ *послѣдняя* моя просьба! По добротѣ и деликатности своей, Вы изволили заѣзжать ко мнѣ. Мнѣ бы слѣдовало *немедленно явиться къ вамъ*—и вотъ я на колѣняхъ умоляю Васъ извинить меня и *позволить не являться*, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторое время*, пока грусть моя нѣсколько утихнетъ и нервы успокоятся. Я нахожусь въ такомъ раздраженномъ положеніи, что прячусь отъ людей! Признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы изъ *вашихъ устъ* слышать *отказъ* въ моей просьбѣ. Если бъ было что-нибудь хорошее,—вы, по добротѣ своей (какъ покойный М. Я. Фонъ-Фокъ), не утерпѣли бы, чтобъ не увѣдомить, а теперь хочется *усладить горечь пилюлей.* Нѣтъ, добрый, благородный Леонтій Васильевичъ, есть горечи, которыхъ *нельзя усладить!* Не дѣло важно, но доказательство, во что меня цѣнятъ послѣ 26-тилѣтнихъ трудовъ—вотъ, что убійственно! Объ одномъ прошу васъ—разувѣрить, если бъ кто вѣрилъ, что я поступилъ дерзновенно, обратясь въ нуждѣ къ моему Государю. Я думалъ: если сочинителю „Гавриліады“, „Оды на вольность“ и „Кинжала“ (Пушкину—*М. Л.*) оказано столько благодѣяній и милостей, если банкроту Смирдину дано взаймы 35.000 руб. сер. подъ залогъ храма, т. е. *не продающихся книгъ*, если Полевому, которому самъ Государь запретилъ журналъ, дана пенсія и проч., и проч., то почему же не дать взаймы мнѣ подъ *вѣрный залогъ* имѣнія, за которое гр. Канкринъ давалъ сперва 300.000 р. ассигн. для университета (Генндингескаго института) а послѣ хотѣлъ купить для себя за 350.000 руб. ас. Вѣдь я просилъ *не подарка.* Покойный баронъ Штиглицъ далъ мнѣ на слово 50.000 руб. асс., которые я заплатилъ; во время процесса моего Молво далъ мнѣ, подъ росписку, 10.000 руб. сер., чему я и имѣю доказательства. Я человѣкъ *не нищій* и не безъ *кредита* и весь мой авантажъ былъ въ *двухъ процентахъ!!!* Просилъ я *не невозможнаго* и не надъ силы мои, но теперь вижу, какое мѣсто мнѣ назначено въ русскомъ царствѣ,—и я, какъ улитка, прячусь въ мою раковину! Досадно мнѣ, что я послушался совѣтовъ пріятелей, да ужъ не воротишь! Скомпрометировался, а дѣлать нечего! *Есть Богъ и потомство: быть можетъ, они вознаградятъ меня за мои страданія...* Вѣдь надобно же чѣмъ нибудь утѣшаться!“ [1]

[1] Дѣло архива III Отдѣленія I экспедиціи, 1826 года, № 82.

Дубельтъ утѣшилъ Булгарина, что желая, де, исполнить его просьбу, Орловъ, не докладываетъ объ этомъ дѣлѣ опять вторично, увѣренный въ отказѣ: надо дать время, чтобъ все забылось... Потомъ, однако, вопросъ о ссудѣ уже не поднимался.

Мы уже видѣли, какъ зорко смотрѣлъ Булгаринъ за „Отечественными Записками“ Краевскаго, которыя, благодаря Бѣлинскому и привлеченнымъ имъ сотрудникамъ (Герцену и другимъ), все прочнѣе и прочнѣе завладѣвали симпатіями передовой части русскаго общества... Разумѣется, Булгарину доставалось-таки въ этомъ журналѣ и врядъ ли кто умѣлъ его такъ кольнуть, какъ это дѣлалъ великій критикъ... Успѣхъ „Отечественныхъ Записокъ“ не могъ не отразиться на тиражѣ „Сѣверной Пчелы“, физіономія и литературное убожество которой становились ясны ихъ читателямъ... Булгаринъ рѣшился добиться уничтоженія своего врага и сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ цѣлый рядъ шаговъ.

Прежде всего онъ старался обезцвѣтить журналъ путемъ терроризированія читавшихъ его цензоровъ... Въ этомъ отношеніи любопытно письмо Булгарина къ цензору Никитенку отъ 28 ноября 1845 года:

„Отецъ и командиръ, Александръ Васильевичъ! Право, не постигаю той удивительной вольности, которою пользуются „Отеч. Записки“, и той неприкосновенности, которою обезпеченъ г-нъ Краевскій! Крыловъ (цензоръ) былъ сегодня у меня и показалъ мнѣ исключеніе изъ статьи объ „Отеч. Запискахъ“! Я рѣшился перенесть судъ повыше и всеподданнѣйше просить моего личнаго благодѣтеля, царя православнаго, разрѣшить: почему Краевскому позволено печатно поносить меня самымъ гнуснымъ образомъ, топтать мое имя въ грязь, употреблять самыя низкія выраженія,—а мнѣ запрещено даже защищаться! Дѣло это должно принять самый серьезный оборотъ, потому что у меня собраны факты. Наконецъ, вывели меня изъ терпѣнья!“

Но къ царю православному нельзя было пройти мимо жандармовъ, да и Булгаринъ не хотѣлъ иного пути...

Въ мартѣ 1846 года онъ подалъ Дубельту слѣдующую знаменательную записку.

Соціалисмъ, Комунисмъ и Пантеисмъ въ Россіи въ послѣднее 25-лѣтіе.

„Соціалисмъ и комунисмъ, два вида одной и той же идеи, породившей якобинисмъ, санкюлотисмъ, карбонарисмъ и всѣ вообще секты и общества, стремившіяся и стремящіяся къ ниспроверженію монархій и всякаго гражданскаго порядка, созрѣвали въ Германіи гораздо прежде, чѣмъ въ другихъ странахъ, въ которыхъ слабость правленія позволила имъ обнаружиться. Въ Германіи разру-

шительныя идеи скрывались и скрываются во мракѣ такъ называемой нѣмецкой философіи и религіознаго мистицисма, породившаго идею ниспроверженія христіанства и принявшаго наименованіе пантеисма, или общебожія. Основная идея пантеисма: все въ Богѣ и Богъ во всемъ, т.-е. Богъ—вся натура вмѣстѣ взятая—чистый матеріалисмъ. Адепты этой философіи, не составляя тайныхъ обществъ и не слѣдуя особымъ уставамъ, дѣйствовали и дѣйствуютъ въ духѣ соціалисма или комунисма и пантеисма, потому что это надежное оружіе къ пріобрѣтенію вліянія на народъ и богатства. Германскія правительства, хотя видѣли зло, но не знали, гдѣ скрыто его гнѣздо, и никакъ не воображали, что самыя опасныя революціонныя идеи (комунисмъ и безвѣріе, пантеисмъ) происходили изъ философіи, которой протестантскіе нѣмецкіе государи почитали своею обязанностью покровительствовать, по духу Реформаціи, основанной на умствованіи и критицисмѣ, т.-е. на правѣ каждаго человѣка подвергать все разбирательству, или анализу.

„Спокойно проповѣдывалъ профессоръ Гегель безбожіе въ Берлинѣ, наслаждаясь уваженіемъ и покровительствомъ покойнаго короля, по волѣ котораго вся система высшаго ученія въ Пруссіи основана была на Гегелисмѣ. По смерти Гегеля, два ученика его, Страусъ и Фейербахъ, обнаружили тайну Гегелисма, начавъ явно проповѣдывать противъ христіанской вѣры,—и теперь только и христіанскіе ученые и нѣмецкіе протестантскіе государи постигли, какое неисцѣлимое зло нанесли они человѣчеству, споспѣшествуя его отравѣ превратными идеями. Соціалисмъ или комунисмъ суть нераздѣльныя части той же философіи и пантеисма, вперяющихъ идеи равенства между людьми, натуральнаго права на общее владѣніе землею и уничтоженія всѣхъ различій между людьми и всякаго частнаго имущества. Между сектаторами выбираются всегда два рода людей, къ дѣйствованію на народы явно: смѣлые или дерзкіе въ государствахъ, гдѣ существуетъ свобода книгопечатанія, и хитрые и прозорливые въ странахъ, гдѣ нѣтъ свободы книгопечатанія, но гдѣ открыто свободное поприще для дѣйствія, по невниманію правительства, къ умственной жизни народа.

„Разрушительныя идеи проникли въ Россію въ двухъ видахъ. Подъ именемъ свободы и конституціи они перешли къ намъ послѣ Рейнскаго конгресса и сосредоточились въ такъ называемомъ Союзѣ благоденствія, изъ котораго потомъ составилась возмутительная и кровожадная шайка и подъ именемъ нѣмецкой философіи, обуявшей московскихъ ученыхъ и мнимыхъ ревнителей просвѣщенія. Эту нѣмецкую философію привезли въ Москву изъ Германіи, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, профессоры Давыдовъ и Павловъ, можетъ быть и не подозрѣвая, что они привезли ядъ, увлеченные блескомъ новизны и лакомъ мудрости. Въ Москвѣ тотчасъ образовалась огромная партія философовъ. Бакунинъ, отказавшійся отъ русскаго подданства, и одинъ профессоръ (не помню названія)—Бабкинъ, купецъ Клюшинъ, нынѣ сумасшедшій, профессоръ Рѣдкинъ, и проч. и проч., избравшихъ орудіемъ своимъ „Московскій Телеграфъ“, издававшійся покойнымъ Полевымъ, и они начали сильно дѣйствовать на читающій классъ идеями свободы и патріотисма. Быстрая развязка 14-го декабря, устрашила философовъ, но не уничтожила ихъ

намѣреній и когда, наконецъ, запретили „Московскій Телеграфъ“, партія, считая своимъ патріархомъ знаменитаго Новикова, шествовавшаго еще при императрицѣ Екатеринѣ II къ той же цѣли, путемъ мортилисма, вознамѣрилась перенести свои дѣйствія въ Петербургъ, чтобъ овладѣть властями, найти сильное покровительство и поставить себя въ безопасное положеніе.

„Многія попытки не удались, но, наконецъ, нашелся человѣкъ, который достигъ своей цѣли и поставилъ себя въ такое положеніе, что правительство уже не въ состояніи уничтожить его вліянія, потому что онъ имѣетъ самыхъ сильныхъ заступниковъ и покровителей во всѣхъ правительственныхъ лицахъ, которыя, чтобъ не скомпрометировать себя, должны скрывать истину предъ Престоломъ и убійственный ядъ, который они допустили разлиться, представлять безвреднымъ.

„Этотъ человѣкъ есть Краевскій. Онъ родился въ Москвѣ отъ незаконной связи бывшей содержательницы женскаго пансіона, г-жи фонъ-деръ-Паленъ, съ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Бѣдный и развратный бѣлорусскій шляхтичъ Краевскій, какъ говорятъ, за 300 рублей асс. согласился дать дитяти свою фамилію. Г-жа фонъ-деръ-Паленъ (кажется, до сихъ поръ дѣвица) признаетъ себя побочною дочерью извѣстнаго Архарова, а по крайней мѣрѣ воспитывалась въ его домѣ и неизвѣстно по какимъ причинамъ приняла знаменитую фамилію фонъ-деръ-Паленъ. Она лишилась носа и на мѣстѣ его носитъ черный пластырь, однакожъ, это при сильной протекціи не послужило препятствіемъ къ основанію женскаго пансіона (Ай, да Москва!), который теперь уже не существуетъ, по волѣ г. Краевскаго, считающаго себя теперь аристократомъ. Краевскій воспитывался въ Москвѣ и кончилъ курсъ ученія въ тамошнемъ университетѣ. Мать не могла давать ему много, и онъ занялся преподаваніемъ уроковъ русскаго языка и, наконецъ, лѣтъ за 10 передъ симъ, пріѣхалъ въ Петербургъ. Карьера его началась преподаваніемъ уроковъ богатству г. Давыдова (путешествовавшему по Греціи) и служащему въ министерствѣ просвѣщенія. Краевскій выправлялъ его сочиненія и черезъ него сдѣлалъ нѣкоторыя связи. Давыдовъ рекомендовалъ его въ редакторы „Журнала Министерства Просвѣщенія“. Плюшаръ, купивъ у наслѣдниковъ право на изданіе „Литературной Газеты“, поручалъ Краевскому редакцію, а, наконецъ, Краевскій самъ задумалъ издавать журналъ въ большемъ размѣрѣ, и чтобъ избѣжать всѣхъ формальностей, сопряженныхъ съ позволеніемъ, вознамѣрился купить у вдовы Свиньина право на журналъ—„Отечественныя Записки“. Тутъ онъ показалъ всю свою смышленность и хитрость. Началъ онъ съ того, что нашелъ акціонеровъ, давшихъ ему деньги (въ томъ числѣ Давыдова и князя Одоевскаго) на покупку журнала и на изданіе въ обширномъ видѣ. Потомъ убѣдилъ акціонеровъ и вдову Свиньина, что журналъ идетъ очень плохо и купилъ у нихъ право на часть журнала, сдѣлавшись однимъ его хозяиномъ, успѣвъ, однако, прежде черезъ ихъ посредство найти сотрудниковъ. Всѣ обстоятельства благопріятствовали Краевскому. Писателямъ негдѣ было печатать, потому что „Сѣверная Пчела“ не можетъ печатать длинныхъ статей, а „Библіотека для

Чтенія“ беретъ не иначе статьи, какъ съ правомъ поправлять ихъ и исключать изъ нихъ лишнее, что противно авторскому самолюбію. Краевскій сталъ печатать все, и сверхъ того платить деньги и хвалить безъ милосердія всѣхъ сотрудниковъ и ихъ критиковъ, а въ князьяхъ: Вяземскомъ, Одоевскомъ и графѣ Соллогубѣ нашелъ сильныхъ защитниковъ въ большомъ свѣтѣ.

„Между тѣмъ, журналъ „Отечественныя Записки“, издаваемый явно, безъ всякаго укрывательства въ духѣ Комунисма, Соціалисма и Пантеисма, произвелъ въ Россіи такое дѣйствіе, какого никогда не бывало. Съ одной стороны раздается вопль людей благонамѣренныхъ и истинныхъ христіанъ, которые не постигаютъ, какъ Правительство можетъ терпѣть такой журналъ; съ другой стороны, раззорившееся и развратное дворянство, безразсудное юношество и огромный классъ, ежедневно умножающійся, людей, которымъ нечего терять и въ переворотѣ есть надежда все получить—кантонисты, семинаристы, дѣти бѣдныхъ чиновниковъ и проч. и проч., почитаютъ „Отечественныя Записки“ своимъ Евангеліемъ, а Краевскаго и перваго его министра—Бѣлинскаго (выгнаннаго московскаго студента)—апостолами. Всего этого не видитъ Правительство, а напротивъ, награждаетъ Краевскаго и поручило ему изданіе своей офиціальной газеты: „Русскій Инвалидъ“.

„Какъ дѣйствуетъ Краевскій въ своихъ журналахъ, особенно въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ которыя Правительственнымъ лицамъ тяжело заглядывать, по толстотѣ книжекъ. Дѣйствуетъ умнѣе Марата и Робеспьера. Вся прежняя наша литература, поэзія и проза, сатира и комедія, имѣла характеръ монархическій и религіозный. Богъ и Царь—были священны и неприкосновенны. Краевскій сталъ разрушать всю прежнюю литературу, доказывая, что она никуда не годится, устарѣла, обветшала и что наше молодое поколѣніе требуетъ новой литературы. Карамзинъ, Державинъ, словомъ, все прежнее до Гоголя уничтожается въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Стариковъ мудрено соблазнить переворотами и старики могутъ удержать юношей, а потому въ каждой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ доказывается, что человѣкъ, дожившій до 40 или 50 лѣтъ, ни къ чему болѣе не способенъ и долженъ почитаться мертвымъ и что міромъ должно управлять новое поколѣніе. Нѣсколько разъ указывала на это „Сѣверная Пчела“, но правительство на это не смотритъ, а цензура не позволяетъ другимъ журналамъ дѣлать выписки изъ „Отечественныхъ Записокъ“, потому что сами же цензора—сотрудники этого журнала. Все направленіе или tendence „Отечественныхъ Записокъ“ клонится къ тому, чтобы возбудить жажду къ переворотамъ и революціямъ и это проповѣдуется въ каждой книжкѣ. Выбирать трудно примѣры, потому что зло въ духѣ и направленіи и, читая журналъ сплошь, ясно видишь, къ чему направлена каждая статья. Но чтобъ Правительство видѣло хоть каплю этого духа возьмемъ кое-что наугадъ, что подъ рукою:

„Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1842 г. № 6, мѣсяцъ іюль, на стр. 35 напечатано: „Какъ внутреннія потрясенія, великія бѣдствія, измѣненіе нравовъ и вѣрованій укрѣпляютъ, такъ сказать, новѣйшія государства, такъ разрушали они древнія“.

„Ясно ли? Слѣдовательно, для укрѣпленія новѣйшаго государства (а въ Европѣ нѣтъ новѣе Россіи и Бельгіи) нужны внутреннія потрясенія, т.-е. революціи, измѣненіе нашихъ монархическихъ нравовъ и вѣрованій, и отъ чего упалъ Римъ, отъ того возстанетъ Россія. Кажется ясно, а къ тому же вездѣ есть толкователи.

„Отечественныя Записки" 1841 года, № 8, томъ IV, отдѣленіе II. „Что не распадалось на противоположности, въ томъ еще нѣтъ жизни, потому что нѣтъ любви. И въ народѣ, пока онъ не началъ еще отрѣшаться отъ природы, не можетъ быть никакой жизни. И горе тому народу. Народы, предназначенные для жизни, въ самый мигъ появленія на свѣтъ начинаютъ процессъ движенія, начинаютъ расторгать свои узы и поражать еще не окрѣпшими дланями воздоившую ихъ грудь".

„Въ этомъ темно-философскомъ языкѣ, толкуемомъ юношеству адептами новой философіи, очевидно стремленіе къ возбужденію народа къ движенію, къ расторженію того, что разбойники называютъ узами, и къ пораженію груди— Правительства. Слѣпой развѣ не увидитъ.

„Но вотъ пояснѣе:

„Отечественныя Записки" 1844 г., № 2, стр. 98: „Богъ на крестѣ, освящающій свободу и равенство не однихъ римскихъ гражданъ, но и всѣхъ людей, какъ членовъ одного человѣчества, присущаго Его Божественности, вотъ что побѣдило древній міръ и не перестанетъ развиваться и плодотворяться въ мірѣ новомъ".

„Ясно ли? Болѣе не сказалъ ни Маратъ, ни Ребеспьеръ. Вотъ правила Рылѣева, изъясненныя въ предсмертномъ его письмѣ къ женѣ: „умираю во Христѣ".

„А чтобъ заманить къ революціи, вотъ какую перспективу показываютъ „Отечественныя Записки" 1844 г., смѣсь, стр. 79, гдѣ говорится о Бернадотѣ (королѣ шведскомъ): „Когда вспыхнула революція 1789 г., онъ въ девять лѣтъ выслужилъ только сержантскіе галуны. Понятно поэтому... что онъ съ жаромъ принялъ сторону революціи, которая, уничтожая всѣ отличія, основанныя на рожденіи и воспитаніи, позволяла простому рядовому домогаться самыхъ высшихъ чиновъ. Повышеніе шло быстро".

„Краевскій, редакторъ „Инвалида" (ибо Пезаровіусъ ничѣмъ не занимается) перепечаталъ то же и въ № 53 „Русскаго Инвалида", вторникъ, а чтобъ дѣло было понятнѣе солдату, вмѣсто сержанта поставилъ фельдфебеля. Правительство находитъ это превосходнымъ.

„А вотъ и прелестная піитическая картина революціи. „Отечественныя Записки" 1844 г. № 1, стр. 60. Говорится о революціи: „Любопытно прослѣдить это умственное движеніе (вспомнимъ, что прежде говорено было о движеніи) вѣка. Правда, не разъ придется содрогнуться при видѣ колебавшихся основъ общества: всюду всеобщая радость... о гибели вѣками освященнаго порядка, радость часто страшная, какъ сатанинская улыбка князя тьмы. Истинно есть ве-

личіе въ этомъ XVIII столѣтіи, но это величіе оледеняетъ ужасомъ душу, подобно величественному пожару дремучихъ лѣсовъ".

„Лѣсъ горитъ страшно смотрѣть, но неопасно, а потому всеобщая радость! Впрочемъ „Отечественнымъ Запискамъ" не страшна сатанинская улыбка. Вотъ чѣмъ онѣ восхищаются и выписываютъ за образецъ въ своей критикѣ: „Господенъ ангелъ чистъ и ясенъ. Надъ нимъ горитъ небесный лучъ, Но пышный демонъ такъ прекрасенъ, такъ лучезаренъ и могучъ".

„Отечественныя Записки" вездѣ научаютъ не робѣть зла, и, говоря о Гамлетѣ, 1844 г. № 2, стр. 101 и 102, не рѣшающемся на цареубійство, такъ изъясняются:

„Онъ знаетъ, что ему должно дѣлать; на что его вызвала судьба, и онъ робѣетъ предстоящаго подвига, блѣднѣетъ страшнаго вызова, колеблется и только говоритъ вмѣсто того, чтобъ дѣлать, въ своей позорной нерѣшительности".

„Послѣ этого чему удивляться, когда говорятъ, что революція возбуждаетъ всеобщую радость.

„За статью „Прометей" берлинскій профессоръ былъ выгнанъ изъ университета. Прометей изображаетъ аллегорически народъ, ищущій свободы, а Юпитеръ, приковавшій его къ скалѣ, есть Монархія. Старый мифъ, котораго примѣненіе воспаляетъ умы. У насъ это прошло безъ вниманія въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1843 г. № 2, стр. 48, предъ и послѣ.

„Отечественныя Записки" 1845 г. № 11, въ статьѣ „Науки и художества", стр, 59 и 60, фальшиво разсказали мифологію индусовъ о божествѣ Кришны, для того только, чтобъ сказать, что исторія Іисуса Христа взята оттуда. Это цѣликомъ изъ безбожныхъ Страуса и Фейербаха. „Отечественныя Записки" прибавили: „и рожденіе его, т.-е. божества Кришны, празднуется съ 24 на 25 декабря" и напечатали это курсивомъ, не забывъ прибавить, что все это было за 1800 лѣтъ до христіанской эры, для поясненія, откуда она взята.

„Право, ужасно!

„Теперь взглянемъ на ту декабрьскую книжку „Отечественныхъ Записокъ" 1845 г., гдѣ Правительство не можетъ найти ничего предосудительнаго. [1]

„Книжка начинается повѣстью „Кто виноватъ". [2] Тутъ изображенъ отставной русскій генералъ величайшимъ скотомъ, невѣждою и развратникомъ. Жена его такая же дрянь. Генералъ, будучи холостякомъ, взялъ къ себѣ крѣпостную дѣвку, прижилъ съ нею дочь и, женившись, велѣлъ дѣвкѣ выдти замужъ за своего камердинера, а дочь сослалъ въ лакейскую. Жена генерала беретъ ее въ комнаты. Эта дѣвушка и учитель генеральскаго сына, негодяя—герои повѣсти. Дворяне изображены подлецами и скотами, а учитель, сынъ лекаря, и прижитая дочь съ крѣпостной дѣвкой—образцы добродѣтели. Все одна и та же идея, которую про-

[1] Противъ этого мѣста Дубельтомъ написано: „Напротивъ, я нахожу всю повѣсть предосудительною".

[2] А. И. Герцена.

водилъ всегда Полевой и весь ихъ соборъ. Повѣсть бы и прошла, какъ все подобное проходитъ, незамѣченнымъ, но у Краевскаго во всемъ послѣдовательность, и чтобъ дворянство, поставленное въ тѣнь, было мрачнѣе, въ книгѣ набросаны соціальныя идеи. И гдѣ же? Въ разборѣ актовъ, изданныхъ Правительствомъ.

„Разбирая акты виленскіе и кіевскіе, критика „Отечественныхъ Записокъ" храбрость и упорство малороссійскаго народа, при освобожденіи его отъ польскаго ига, почитаетъ дѣтскою забавою и духовныя братства, существовавшія въ томъ краѣ для защиты православія, почитаетъ ничтожными, потому что ни казацкое товарищество, ни братства не развили соціальныхъ идей.

„Вотъ образчикъ умствованій: № 12, декабрь 1845 г., критика, стр. 51.

„Учрежденія соціальныя, какими, повидимому, были братства, всего менѣе способны исчезать такъ, какъ они исчезли. [1] Отчего же этотъ законъ, нигдѣ не измѣнившійся, былъ нарушенъ славянскимъ племенемъ, носившимъ въ себѣ такъ много юной жизни, обѣщавшимъ такъ много въ будущемъ? Отчего братства были столь безсильны, что не только допустили распространиться уніи, когда они должны были распространять православіе, но и сами подверглись ея вліянію. Были ли это только мертвые сколки съ европейскихъ учрежденій подобнаго рода, чуждые духа и жизни, была ли недостижима самая цѣль, для которой они учредились, или народъ, давшій имъ существованіе, не былъ способенъ къ подобной общественной организаціи, и, стало быть, не могъ поддержать учрежденій, чуждыхъ его духа и характера. Въ такомъ случаѣ, что же было знаменитое казацкое товарищество, какъ ни пустой призракъ общественной организаціи, забава дѣйствующаго народа, „политическое уродство", какъ выразилась императрица Екатерина въ указѣ объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи. По многимъ причинамъ мы не можемъ коснуться въ настоящее время этихъ вопросовъ, [2] которые и не представляютъ практической важности. Малороссія слилась съ Россіею и отнынѣ судьбы ихъ нераздѣлимы".

„Конечно, отдѣльно это умствованіе не важно, но въ общемъ направленіи журнала это имѣетъ глубокій смыслъ. Заключеніе критики уже яснѣе обнаруживаетъ духъ и направленіе журнала. См. стр. 58:

„Такимъ образомъ мы изложили здѣсь читателямъ содержаніе изданныхъ въ Вильнѣ и Кіевѣ актовъ и познакомили ихъ съ двумя главными учрежденіями, въ которыхъ отразилась внутренняя жизнь Западной Россіи. Намъ остается прибавить, что большая часть виленскаго сборника наполнена документами, касающимися правъ и привилегій городовъ Вильны, Ковна, Трокъ и тамошнихъ православныхъ церквей и монастырей, стало быть, имѣющихъ значеніе чисто мѣстное и чуждыхъ всякаго общаго, т.-е. живого, интереса. Третій отдѣлъ актовъ, издан-

[1] Противъ этихъ словъ Дубельтомъ написано: „Очевидно, тутъ говорится не о православіи, ибо народъ былъ православный".

[2] Противъ этихъ словъ Дубельтомъ написано: „Ясно!"

ныхъ кіевскою коммиссіею, заключаетъ въ себѣ документы, касающіеся исторіи Малороссіи въ славный періодъ ея существованія, именно во время войнъ Хмельницкаго. Несмотря на живой интересъ, возбуждаемый этими документами, въ которыхъ, какъ въ калейдоскопѣ, отражаются событія этой кровавой эпохи, мы сочли лучшимъ обойти ихъ, предоставивъ читателямъ самимъ познакомиться съ ними. Для насъ важнѣе подробности, дающія понятіе о внутренней жизни, о бытѣ семейномъ и общественномъ народа, слившагося съ нами послѣ короткой, младенческой жизни своей, наполненной буйнымъ разгуломъ, неимовѣрными подвигами геройства, громомъ войнъ и то кликами побѣдъ, то стонами страданій. Въ этой жизни желали бы мы доискаться залоговъ будущаго; изъ этой жизни убѣдились мы въ ничтожности прошедшаго Малороссіи и въ необходимости паденія ея отдѣльнаго существованія, имѣющаго только тѣнь самобытности, и то благодаря безпрерывнымъ войнамъ и религіознымъ преслѣдованіямъ. Избѣгая укора въ искаженіи фактовъ и преданіи имъ личнаго колорита, мы постоянно старались говорить подлинными словами документовъ, на которыхъ должно основаться сужденіе. Пусть читатели судятъ сами: передъ ними духовныя богатства, передъ ними права крестьянъ и владѣльцевъ. И то и другое въ историческомъ и практическомъ отношеніяхъ достойно вниманія каждаго образованнаго человѣка. Настоящее есть произведеніе прошедшаго, а между тѣмъ зародышъ будущаго въ настоящемъ,—эта старая истина перешла теперь въ убѣжденіе умовъ самыхъ поверхностныхъ. Пусть же по даннымъ стараго времени, по современнымъ фактамъ и отношеніямъ болѣе или менѣе доступнымъ всякому, слабый утвердится въ своихъ мнѣніяхъ и опредѣлитъ себѣ путь для дѣйствія; проникнутый несбыточными надеждами укоротитъ полетъ ихъ; отчаявшійся добросовѣстно отыщетъ зачатки развитія, необходимость движенія и тайное, какъ зародышъ въ утробѣ матери, образованіе будущаго. Вспомнимъ, что если высоко и благородно младенческое чувство безусловныхъ надеждъ и пылкаго энтузіазма, то несравненно выше, тяжеле и благороднѣе гордая покорность историческому разуму въ его непреклонной необходимости и грустное склоненіе головы передъ тѣмъ, чего мы измѣнить не въ состояніи“.

„Но какъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ направленіе идетъ всегда постепенно возвышаясь, то вотъ, наконецъ, правила, въ томъ же № 12, декабрь, 1845 г., смѣсь, стр. 100, которыя оправдываютъ всякое злодѣяніе и заохочиваютъ ко всѣмъ разбоямъ, сообщая разбойничеству и разврату неизъяснимую прелесть:

„Дитя, избалованное отъ самаго рожденія, пріученное къ незаслуженному почтенію, пользуясь и употребляя во зло богатство, которое окружаетъ его льстивыми рабами, мало по малу развращается. Оно принимаетъ за высшее предназначеніе заблужденіе своихъ необузданныхъ прихотей; оно принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ слова раболѣпствующихъ существъ, которыя съ притворствомъ покоряются мнимому превосходству избраннаго ума. Эти обманы, эта ложь приводятъ его шагъ за шагомъ къ безумію. Оно теряетъ точное сознаніе того, что оно есть, что можетъ быть и къ чему стремится. Вы готовы назвать это существо

шарлатаномъ, внимающимъ заблужденіямъ своего тщеславія. А между тѣмъ, оно искренно: оно само ошибается; по временамъ и сознается оно въ этомъ, но не имѣетъ силы разогнать чары, которыхъ бываетъ игрушкой, чисто добровольной. Прибавьте къ этой умственной болѣзненности раздражительность, аристократическую щекотливость и то внутреннее, тягостное состояніе, которое сопровождаетъ и наказываетъ лѣность, то отсутствіе твердаго ума, который безъ пощады преслѣдуетъ и отгоняетъ пустые парадоксы воображенія,—и вы разгадаете чудовищныя странности, которыя, появляясь по временамъ, изумляютъ умы болѣе здравые и менѣе робкіе. Ихъ странный блескъ можетъ соблазнить, и въ особенности соблазняетъ молодыхъ людей, жаждущихъ поэзіи, которыхъ тяготятъ и утомляютъ тѣсныя условія жизни, однообразіе пошлаго спокойствія. Они обольщаются соблазнительною наружностью абсолютной независимости, насыщенныхъ страстей, удовлетвореннаго любопытства, величественной расточительности. Они находятъ прекраснымъ бросать золото и проливать кровь, имѣть власть цезаря, стоять выше законовъ, подобно Картушу; словомъ, испытать всѣ ощущенія позволительныя и непозволительныя, начиная отъ ставки на карту по милліону, до разврата, пародирующаго гнусную любовь Тиверія или Геліогабала. Неопытна молодость, обманчиво воображеніе. Когда придутъ лѣта, умъ разовьется и созрѣетъ, тогда мы холоднѣе разбираемъ отдѣльно каждый изъ этихъ безпорядочныхъ и пылкихъ типовъ и находимъ въ нихъ столько же истиннаго величія, истиннаго счастія, столько же существующаго превосходства и прочнаго вліянія, столько же внутренняго спокойствія и ясности душевной, сколько замѣтили ихъ въ знаменитой, но несчастной пустынницѣ горы Ливанской“.

„Величіе и притомъ истинное, существенное превосходство спокойствія, ясность душевная, въ гнусныхъ порокахъ Тиверія и Геліогобала (т.-е. педерастіи и сералѣ) въ подвигахъ Картуша. Какъ послѣ этого какому-нибудь развратнику, какъ Яковлевъ съ бородой (сынъ корнета) не поддерживать, не превозносить „Отечественныхъ Записокъ“, льстящихъ всѣмъ страстямъ, всякому разврату.

„Впрочемъ декабрьская книжка „Отечественныхъ Записокъ“, на которую Правительство обратило вниманіе, хотя и исполнена вообще духа превратнаго и революціоннаго направленія, но гораздо безвиннѣе другихъ книжекъ, потому что вышла въ свѣтъ въ то время, когда новый попечитель Мусинъ-Пушкинъ обратилъ на журналъ нѣкоторое вниманіе. Тутъ Краевскій сыгралъ мастерски комедію. Пришелъ самъ къ попечителю, которому прежде былъ рекомендованъ князьями Вяземскимъ, Одоевскимъ и правителемъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія Комовскимъ, и объявилъ, что въ журналѣ находится кое-что не такъ, какъ бы слѣдовало, но виновенъ въ томъ сотрудникъ Бѣлинскій, котораго онъ якобы удаляетъ отъ журнала и, чтобъ замять дѣло, далъ Бѣлинскому денегъ на поѣздку въ Крымъ, якобы лечиться, обязавъ его, однакожъ, писать оттуда. Въ публику пущенъ пуфъ, якобы Краевскій съ Бѣлинскимъ рассорились, но это обманъ. [1]

[1] Фактъ этотъ весьма вѣроятный и очень характерный для политики Краевскаго.

„За что запретили Дельвигу „Литературную Газету“, за что запретили „Московскій Телеграфъ“ Полевому. Да въ этихъ журналахъ нѣтъ и милліонной части того, что ежемѣсячно появляется въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ явно проповѣдуется революція. А между тѣмъ и „Отечественныя Записки“ и Краевскій покровительствуются Правительствомъ. Въ послѣднее время онъ присоединилъ къ себѣ еще Полевого, съ которымъ былъ въ ссорѣ, и отдалъ ему „Литературную Газету“, съ тѣмъ, чтобъ дѣйствовать въ одномъ духѣ. Полевой умеръ, и Краевскій ищетъ теперь помощника. Краевскій — хозяинъ „Литературной Газеты“ и ,,Отечественныхъ Записокъ“ и полный распорядитель въ ,,Русскомъ Инвалидѣ“, имѣя званіе только помощника редактора. Краевскій составилъ теперь компанію съ Кирѣевымъ (театральнымъ) и бывшимъ банкрутомъ купцомъ Кушинниковымъ, зятемъ книгопродавца Глазунова, и хотятъ взять на откупъ ,,С.-Петербургскія Академическія Вѣдомости“, чтобъ имѣть еще большее вліяніе на публику. Компанія эта уже имѣетъ свою книжную лавку подъ именемъ торговли Ратькова. Словомъ, скоро Краевскій овладѣетъ совершенно общимъ мнѣніемъ. Журналы его разбираются въ училищахъ и студенты списываютъ революціонныя идеи. Правительство молчитъ и покровительствуетъ, а послѣ удивляется, откуда берутся злодѣи. Цѣль Краевскаго не та, чтобъ теперь возжечь бунтъ, но чтобъ приготовить цѣлое поколѣніе къ революціи, — подарокъ Наслѣднику. Бѣлинскій, у котораго собиралось юношество, явно называлъ себя русскимъ Іисусомъ Христомъ (чему можно представить свидѣтелей), а Краевскій вѣритъ, что ему будутъ воздвигнуты монументы.

,,Есть въ Петербургѣ старинный литераторъ, Борисъ Михайловичъ Федоровъ, членъ россійской академіи. Онъ человѣкъ честный, благородный, безъ упрека и истинный патріотъ, преданный Церкви и Престолу. Онъ собираетъ всѣ выписки изъ ,,Отечественныхъ Записокъ“. У него семь корзинъ съ выписками, методически расположенными, съ заглавіями: противу Бога, противу христіанства, противу государя, противу самодержавія, противу нравственности и т. п. Федоровъ живетъ на Фонтанкѣ, 4 или 5 домъ отъ Симеоновскаго моста, въ домѣ Хмельницкаго, вверху. Федоровъ былъ 12 лѣтъ безъ службы, а теперь опредѣленъ секретаремъ въ орденскій капитулъ. Разспросить объ немъ можно у Владиміра Ивановича Панаева, директора канцеляріи Императорскаго Двора. Федоровъ сообщитъ Правительству всѣ свои выписки, если нужны еще доказательства, что Краевскій дѣйствуетъ въ разрушительномъ духѣ.

,,Сказано уже выше, что цензура запрещаетъ другимъ журналамъ дѣлать выписки изъ ,,Отечественныхъ Записокъ“, а какъ Краевскій трактуетъ своихъ противниковъ, этому нѣтъ примѣровъ ни въ Англіи, ни во Франціи.

,,Отечественныя Записки“ 1844 г. № 2 стр. 101 и 102, въ ,,Русской литературѣ“: ,,Г. Егоръ Классенъ и затычка паровой трубы рѣшительно тождественны“. ,,Егоръ Классенъ, чтобъ написать три части, обратился къ своему черепу“.

,,Отечественныя Записки“ 1844 года № 2 стр. 98: ,,Мы увѣрены, что

г. Брандту стоитъ только явиться въ Парижъ съ французскимъ переводомъ своего романа—и его тотчасъ же сдѣлаютъ тамъ первымъ министромъ, на мѣсто Гизо. А какое было бы счастіе для Франціи имѣть подобныхъ министровъ. Онъ не хуже Ивана Александровича Хлестакова (въ „Ревизорѣ" Гоголя), все бы устроилъ для блага Франціи".

„Кто, послѣ такихъ выходокъ, изъ молодежи дерзнетъ противиться Краевскому. И гдѣ печатались когда-либо такія вещи?!

„Замѣчательно, что Краевскій никогда не подписываетъ своего имени подъ статьями. Онъ только какъ злой духъ паритъ надъ бездною—онъ вездѣ и нигдѣ.

„Имѣя болѣе 100 т. руб. годового дохода, три журнала, книжную лавку, сильныхъ покровителей, Краевскій хорошо знаетъ, что ему никто ничего не сдѣлаетъ и что Правительственныя лица, чтобъ избѣжать нареканія: „а чего вы до сихъ поръ смотрѣли?"—не посмѣютъ представить истины Государю. Вотъ какое обширное поприще злодѣямъ, когда нѣтъ никакихъ средствъ подданному довести прямо правду до Престола, и оттого слышно, что за границей печатается книга, въ которой будутъ помѣщены всѣ выписки изъ „Отечественныхъ Записокъ" и всѣ подвиги Краевскаго. Мельгунову, напечатавшему за границей пасквиль на преданныхъ Престолу людей, никто не сказалъ ни слова, и книга его, гдѣ Пушкинъ изображенъ мученикомъ свободы,—даже допущена къ привозу въ Россію,—посмотримъ, что будетъ съ книгой: „О Комунисмѣ въ Россіи".

„Вѣра и вѣрность, благо человѣчества и Отечества требуютъ, чтобъ истина дошла, наконецъ, до Престола". [1]

Надо ли пояснять, что никакой книги о комунизмѣ въ Россіи не готовилось за границей, что Булгаринъ припугнулъ ею Дубельта, въ увѣренности, что, благодаря такому сообщенію, генералъ поспѣшитъ поднести государю настоящую „записку"...

Въ „Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" 1843 г. (№ 3) было напечатано: „Гродненское губернское правленіе, препровождая при семъ ко всѣмъ по губерніи гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства, гродненскому и брестскому полицеймейстерамъ по одному билету на полученіе журнала подъ названіемъ „Отечественныя Записки", издаваемаго въ 1843 году, поручаетъ пригласить желающихъ на полученіе означеннаго журнала и о именахъ и мѣстожительствѣ подписавшихся доставить свѣдѣнія губернскому правленію вмѣстѣ съ причитающимися деньгами"... На поляхъ газеты Булгаринъ написалъ: „Губернское правленіе собираетъ подписку на *частный* журналъ; невиданное и неслыханное на Руси дѣло!"—и отправилъ ее Дубельту.

Кромѣ того, особымъ письмомъ на его имя „отца и командира Леонтія Васильевича" Булгаринъ черезъ нѣкоторое время (28 мая 1846 г.) сообщалъ, изъ своего Карлова, что знаетъ отъ литератора Буткова, какъ въ провинціи заставляютъ подписываться на „Отечественныя Записки" по высочайшей волѣ. Ему также извѣстно,

[1] Дѣло архива III Отдѣленія, 1 экспед., 1846 г., № 11, ч. 3-я.

что варшавскій намѣстникъ, князь Паскевичъ, далъ согласіе довести до государя объ истинномъ характерѣ этого журнала, на что „никто въ Петербургѣ не рѣшается, воображая, что Краевскій находится подъ покровительствомъ III Отдѣленія"... Это была вторая уловка хитраго Булгарина, чтобы заставить Дубельта познакомить государя съ его только что приведенной пространной „запиской"-доносомъ... А чтобъ подкрѣпить свой доносъ, Булгаринъ посылалъ Дубельту статью какого-то Иваницкаго изъ Вологды, озаглавленную: „Голосъ изъ провинціи объ „Отечественныхъ Запискахъ" и полученную имъ самимъ еще въ 1843 году. Впрочемъ, я не буду приводить ея содержанія, вполнѣ неблагопріятнаго Краевскому, но весьма легковѣснаго и пошлаго.

Гораздо интереснѣе и важнѣе отвѣтъ на „записку" Булгарина, составленный и доложенный Дубельту, по его приказанію, чиновникомъ III Отдѣленія, Гедеоновымъ. Какъ защита Краевскаго и пораженіе Булгарина изъ устъ жандармствовавшаго бюрократа, она заслуживаетъ вниманія.

О запискѣ г. Булгарина, обвиняющей журналъ „Отечественныя Записки".

„Г-нъ Булгаринъ пишетъ:

„Отечественныя Записки" издаются явно, безъ всякаго укрывательства, въ духѣ Соціализма, Комунизма и Пантеизма".

„Все направленіе или tendence „Отечественныхъ Записокъ" клонится къ тому, чтобъ возбудить жажду къ переворотамъ и революціямъ, и это проповѣдуется въ каждой книжкѣ".

„Но произнося это обвиненіе, г. Булгаринъ тотчасъ же затрудняется въ доказательствахъ и прибавляетъ:" выбирать примѣры трудно потому, что зло въ духѣ и направленіи".

„Если бы журналъ издавался точно явно и безъ укрывательства въ духѣ противномъ Правительству, могло ли быть труднымъ выбрать примѣры?

„Но г. Булгаринъ хорошо знаетъ, что нѣтъ книги въ свѣтѣ, не исключая и самого Евангелія, изъ которой нельзя было бы извлечь отдѣльныхъ фразъ и мыслей, которыя отдѣльно должны казаться предосудительными. На этомъ правилѣ онъ основалъ свои выписки. Разобравъ шестьдесятъ книгъ „Отечественныхъ Записокъ", т.-е. полное ихъ изданіе за пять лѣтъ, онъ не указалъ ни на одну полную статью, а представилъ только отрывки. Эти отрывки г. Булгаринъ толкуетъ по-своему".

Приведя далѣе нѣсколько цитатъ изъ „записки" Булгарина о Малороссіи и показавъ передержки въ ихъ истолкованіи, Гедеоновъ останавливается на мѣстѣ, касающемся Бернадота, и возражаетъ:

„Если г. Булгаринъ полагаетъ, что такая статья должна побуждать къ революціи, то, слѣдуя его мысли, надлежало бы запретить въ Россіи всякое преподаваніе исторіи, потому что въ каждой исторіи, сочиненной хотя бы для дѣтей,

упоминается, какъ во время революціи бѣдный корсиканскій дворянинъ сталъ Императоромъ.

„Г. Булгаринъ говоритъ, что „Отечественныя Записки“ фальшиво разсказали мифологію индусовъ о божествѣ Кришны для того, чтобъ сказать, что исторія Іисуса Христа взята оттуда,

„Отечественныя Записки“ никогда и нигдѣ не говорили, чтобы исторія Іисуса Христа была взята изъ мифологіи индусовъ, а умалчивать о мифологіи индусовъ онѣ не имѣютъ никакого повода, потому что эта мифологія разбирается въ каждомъ курсѣ археологіи, преподаваемой во всѣхъ россійскихъ университетахъ. Всѣмъ учащимся въ Россіи извѣстно, что индусы вѣрятъ въ божественную Троицу, въ Сиву, Вишну и Кришну, что Сива послалъ на землю своего сына для спасенія и примиренія разныхъ племенъ и проч.

„Знаменитый знатокъ христіанства Chateaubriand этимъ самымъ, до христіанства существовавшимъ вѣрованіемъ въ Троицу, доказываетъ непреложное ея существованіе.

„Г. Булгаринъ говоритъ, что „Отечественныя Записки“ дѣйствуютъ подобными статьями для уничтоженія христіанства. Но какъ примирить г. Булгарина съ самимъ собою, когда онъ тутъ же говоритъ, что „Отечественныя Записки“ дѣйствуютъ христіанствомъ для возбужденія революціи? Гдѣ же тутъ та послѣдовательность и то постоянное направленіе, въ которомъ г. Булгаринъ обвиняетъ журналъ.

„Наконецъ, устраняя всѣ посторонній и до журнала не касающіяся замѣчанія г. Булгарина, остается представленное имъ объявленіе о литераторѣ Федоровѣ. Несмотря на это послѣднее обѣщаніе г. Булгарина, г. Федоровъ, бывшій неоднократно требуемъ въ III Отдѣленіе для доставленія этихъ выписокъ, безпрерывно обѣщаетъ доставить оныя, но по сіе время не исполнилъ своего обѣщанія“.

Все-таки, выписки Федорова были доставлены позднѣе. Онѣ настолько любопытны для исторіи тогдашней общественности и журналистики, что заслуживаютъ быть приведенными здѣсь полностью. Въ нихъ видна рука опытнаго доносчика и таковымъ Федоровъ былъ на самомъ дѣлѣ: еще при Бенкендорфѣ и Мордвиновѣ, въ 1834 году, онъ представилъ III Отдѣленію добровольное описаніе „Отечественныхъ Записокъ“, принадлежащихъ тогда его литературному врагу— Свиньину.

Острякъ Соболевскій сложилъ на Федорова эпиграмму:

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы гадки,
А доносы сладки.

Доносъ Б. М. Федорова.

„Отечественныя Записки“ подъ новою ихъ редакціею издаются съ 1839 г., уже *восемь* лѣтъ, и хвалятся, что *неуклонно вѣрны своему характеру.* [1]

При разсмотрѣніи ихъ очевидно, что онѣ противорѣчатъ своему названію. Направленіе ихъ можетъ быть въ особенности вредно при распространеніи ихъ нынѣ въ числѣ почти *пяти тысячъ экземпляровъ.* [2]

Редакторъ ихъ имѣлъ въ своемъ завѣдованіи и „Литературную Газету“. Онъ же и помощникъ редактора „Русскаго Инвалида“. [3] Три журнала подъ вѣдѣніемъ одного и того же лица представили примѣръ литературной монополіи.

Не касаясь разсмотрѣнія двухъ послѣднихъ журналовъ, ограничимся выписками изъ такъ называемыхъ „Отечественныхъ Записокъ“, для убѣжденія, сколько необходимо принять противъ нихъ мѣры особенной предосторожности.

Выписки сіи можно раздѣлить на четыре отдѣла: I. *Противу-народность.* II. *Безнравственность.* III. *Вольнодумство.* IV. *Противу-религіозность.*

Противу-народность проявляется въ униженіи русскаго характера [4] и славы предковъ, [5] въ превратномъ представленіи русской исторіи [6] и въ разныхъ нареканіяхъ на отечественное. [7] „Отечественныя Записки“ позволили себѣ хвалить журналъ, воспрещенный Правительствомъ [8] и уличенный въ безразсудномъ направленіи, [9] печатали и расхваливали *безнравственныя пѣсни,* [10] исторія же, написанная въ духѣ истинной любви къ отечеству, и, по самому признанію Монарха, достойная русскаго народа, подвергалась нелѣпымъ порицаніямъ. [11]

Сужденія о новыхъ писателяхъ доведены въ „Отечественныхъ Запискахъ“ до *самой грубой личности.* [12] Самохвальство же „От. З.“ перешло всѣ границы вѣроятности и приличія. [13]

[1] Въ объявленіи объ изданіи „Отеч. Зап.“ на 1847 г., приложенномъ при № 9 1846 г.

[2] Тамъ же.

[3] Памятная книжка на 1844 г., стр. 141.

[4] 1841 г. № XI, Критика, стр. 22. 1839 г. т. IV. Крит. стр. 81 и 82. 1845 г. № 6, Крит. стр. 46. 1846 г. № 8, Крит. стр. 42.

[5] 1843 г., № 9, Крит. стр. 2. 1841 г., № XI, Крит. стр. 44. 1846 г. № 1, Крит. стр. 5.

[6] 1842 г. № 2, Крит. стр. 54 и 60.

[7] 1844 г. № 6, Библ. хрон. стр. 71 (въ статьѣ о книгѣ „Продѣлки на Кавказѣ“). 1845 г. Библ. хрон. стр. 55 о русскомъ языкѣ.

[8] 1846 г. № 3, Библ. хрон. стр. 2. 1846 г. № 6, Библ. хрон. стр. 62.

[9] Объ этомъ подробнѣе можно видѣть въ представленныхъ въ 1834 г. выпискахъ, изъ которыхъ краткое извлеченіе прилагается особо (Въ дѣлѣ его нѣтъ—*М. Л.*).

[10] *Тоска по волѣ. Разсчетъ съ жизнью* и проч. 1840 г. т. X, Крит. стр. 30. 1843 г. № 9, смѣсь, стр. 53.

[11] 1843 г. № 9, Крит. стр. 6 и 3. 1846 г. № 3, Библ. хрон. стр. 34. 1842 г. № I Крит. стр. 16.

[12] 1845 г. № 5, Крит. стр. 7. № 8, Крит. стр. 43. 1846 г. № 6, смѣсь, стр. 142.

[13] 1840 г. № 4, Библ. хрон. стр. 71.

Нужно имѣть превратное понятіе о нравственности, чтобы допускать въ журналѣ мысли, противорѣчащія основаніямъ семейныхъ отношеній и благоустройству обществъ. [1] „Отечественныя Записки" внушаютъ неуваженіе къ *отцамъ*, [2] презрѣніе къ *старикамъ*, [3] побуждаютъ къ *отвращенію* дѣтей отъ *разсудка*, [4] полагаютъ счастіе и величіе въ пылкихъ страстяхъ, [5] толкуя о Прометеяхъ [6], о пользѣ опіума, [7] о любви между мужчинами. [8]

„Отечественныя Записки" разрѣшили себя на грязныя выраженія всякаго рода, [9] а боятся только *нравственныхъ правилъ*. [10] Странное уклоненіе отъ разсудка вовлекло ихъ въ крайность оправдывать злодѣянія, находить въ Неронѣ школьника и признавать, что *каждый на его мѣстѣ сдѣлалъ бы то же, что онъ*, [11] *а разбойниковъ* называть *сильными натурами*, *удальцами и молодцами*. [12]

Безнравственность ведетъ къ *вольнодумству* и безначалію, и вотъ „От. Записки", съ удовольствіемъ повторяя разсказы о сектѣ убійцъ, [13] хвалятъ краснорѣчіе и истину Марата, защищаютъ Кромвеля и Робеспьера, [14] толкуютъ о выгодахъ революціи, выводящей людей изъ ничего, [15] и время отъ времени внушаютъ мятежныя мысли и правила. [16]

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ *противу-религіозномъ* направленіи „Отечественныхъ Записокъ". Впрочемъ, чрезвычайно ново для читателей въ „Отечественныхъ Запискахъ" прямое восхваленіе зла и даже самаго внушителя всякаго зла. [17]

Предметы святыни иногда смѣшиваются въ повѣстяхъ „Отеч. Записокъ" съ

[1] 1843 г. № 11, Крит. стр. 15 и 16. 1844 г. № 1, Библ. хрон. стр. 3.

[2] 1843 г. № 11. Крит. стр. 13. 1845 г. № 11. Библ. хрон. стр. 15.

[3] 1845 г. Библ. хрон. стр. 24 (о сочиненіяхъ Масальскаго).

[4] 1840 г. т. IX, № 3 Крит. стр. 19, 22. 1839 г. № 11, Библ. хрон. стр. 189.

[5] 1841 г. т. XVII. Крит. стр. 35, 1845 г. № 12, смѣсь, стр. 100 и 101.

[6] Тамъ же, иностр. литер. стр. 48.

[7] Тамъ же. смѣсь, стр. 130.

[8] 1843 г. № 9, Крит. стр. 12 и 13.

[9] 1840 г. № 3, Крит. стр, 46. 1842 г. № 1, Крит. стр. 13. 1843 г. № 12, словесность стр. 297. 1845 г. № 11, смѣсь, стр. 27.

[10] 1845 г. № 8, науки и худож. стр. 78. 1840 г. Крит. стр. 24 въ статьѣ о дѣтскихъ книгахъ.

[11] 1842 г. № 6, Крит. стр. 29 и 31.

[12] 1841 г. № 12, Крит. стр. 90.

[13] 1845 г. № 1, науки и худож. стр. 35. 1846 г.: Библ. хрон. стр. 104 и 105.

[14] 1846 г. № 1, иностр. литер. стр. 16. № 8, иностр. лит. стр. 23 и 24, № 1, иностр. литер. стр. 6, № 2 иностр. лит. стр. 28.

[15] 1844 г. № 4, смѣсь, стр. 79. 1845 г. № 6, смѣсь, стр. 73 и 77.

[16] 1845 г. № 4, иностр. лит., стр. 35, № 11, смѣсь, стр. 3. 1846 г. № 3, иностр. лит. стр. 21.

[17] 1845 г. № 11, науки и худ. стр. 17. 1839 г. № 10, смѣсь, стр. 47. 1842 г. № 3. Крит. стр. 15, 16. № 12, Крит. стр. 64 и 65.

каррикатурными очерками. [1] *Противу-религіозное направленіе* „От. Записокъ“ обличается ихъ похвалами язычеству, [2] прославленіемъ ученія писателей, въ противухристіанскомъ направленіи, которыхъ сами же „От. Записки“ сознались, [3] неумѣстнымъ примѣненіемъ, искаженіемъ и произвольнымъ толкованіемъ священныхъ текстовъ [4] и представленіемъ евангельскихъ событій *въ видѣ мифа.* [5] И на эту статью „От. Записки“ еще нѣсколько разъ указывали своимъ читателямъ. [6]

„Отечественныя Записки“ часто двойственны въ своихъ мнѣніяхъ. *Противорѣчія* въ нихъ доведены до изумительной разноголосицы. Но послѣ всего того, что мы видѣли въ нихъ, похвалы Вѣрѣ, Правительству и нѣкоторымъ благочестивымъ книгамъ кажутся вынужденными необходимостью и разсчетомъ, чтобъ подъ прикрытіемъ тѣмъ смѣлѣе дѣйствовать въ противномъ духѣ.

„Когда все указанное нами можно найти въ „Отечественныхъ Запискахъ“ печатное по-русски, что же было въ листахъ корректурныхъ, представляемыхъ въ цензуру, ибо, безъ сомнѣнія, весьма многое было остановлено и воспрещено цензурою, но это самое должно бы убѣдить цензуру во вредномъ направленіи журнала. Еслибы сохранялись листки сего рода на такомъ же основаніи, какъ сохраняются въ архивахъ дѣла, то зловредное направленіе журналиста весьма бы легко обличить: стоило бы только истребовать корректурные листы изъ цензурнаго архива“.

Краевскій, человѣкъ очень ловкій и смышленый, принялъ свои мѣры для борьбы съ Булгаринымъ и Федоровымъ, и III Отдѣленіе ровно ничего не сдѣлало по ихъ доносамъ...

---

10 января 1846 года Булгаринъ писалъ Дубельту:

„Осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство о покровительствѣ подателю сего письма г. Киркору, юношѣ литовцу, воспитанному по новой системѣ *въ русскомъ духѣ*, знающему основательно русскій языкъ. Мнѣ кажется, что всѣ бѣдствія въ Польшѣ происходятъ отъ того, что поляки не знаютъ Россіи и просвѣщеніе ихъ въ этомъ отношеніи было бы для нихъ благодѣяніемъ. Вотъ почему проектъ Киркора кажется мнѣ полезнымъ. Человѣкъ онъ надежный и весьма благонамѣренный“.

[1] 1843. № 12, словесность, стр. 300. № 7, смѣсь, стр. 17.

[2] 1842 г. № 4. Крит. стр. 44. 1843 г. № 2, иностр. лит. стр. 45. 1843 г. № 3, науки и худ., стр. 31. 1845 г. № 8, науки и худ. стр. 89 и 38.

[3] 1846 г. № 1, иностр. лит. стр. 18. 1845 г. № 6, смѣсь. стр. 79, 1839 г. № 1, Библ. хрон. стр. 69.

[4] 1843 г. № 12, словесность, стр. 294. № 1, смѣсь, стр. 50. № 12, науки и худ. стр. 58 и 59. Т. XXX, Библ. хрон. стр. 27. 1846 г. № 1, Библ. хрон. стр. 30. № 8, Библ. хрон., стр. 110.

[5] 1845 г. № 11, науки и худож., стр. 59 и 60.

[6] 1845 г. № 11. Библ. хрон. стр. 40. 1846 г. № 8. Библ. хрон. стр. 101.

Дубельтъ просилъ доставить и „записку“ самого Киркора, а когда ознакомился съ нею и увидѣлъ, что онъ желалъ издавать въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ газету „Невское Эхо“, то заявилъ и ему и Булгарину, что это не дѣло III Отдѣленія, вполнѣ довольнаго издававшимся подъ его наблюденіемъ „Tygodnik'омъ“.

Тогда 15 января Булгаринъ пишетъ своему „отцу—командиру“:

„Милостивый Государь, Леонтій Васильевичъ!

„Программу г-на Киркора представлялъ я Вашему Превосходительству не для того, чтобъ испрашивать позволеніе на изданіе журнала на польскомъ языкѣ, зная, что это принадлежитъ министру просвѣщенія, который, разумѣется, не дозволитъ, но эта программа представлена мною только для *свѣдѣнія*. Я той вѣры, что только *убѣжденіемъ* можно успокоить встревоженные умы и уязвленныя сердца въ Польшѣ, и для *убѣжденія* у насъ *ничего* не предпринимается и, вѣроятно, долго еще не будетъ предпринято. Отчего это происходитъ, что, не взирая на строгость мѣръ къ пресѣченію всѣхъ покушеній противу русскаго правительства, безпрестанно появляются новыя жертвы? Отъ заблужденія! Надобно плакать и смѣяться, когда слышишь, что поляки говорятъ и что они за границею пишутъ о Россіи, не изъ злобы, но по невѣдѣнію, по ложнымъ извѣстіямъ и предположеніямъ. Непостижимо, что *опроверженіе* заблужденій насчетъ Россіи столь же строго запрещено у насъ, какъ и самая ложь! Приказано всѣмъ молчать, и всѣ молчатъ а въ умахъ хаосъ, въ сердцахъ ядъ—просто нравственная чума! По моему мнѣнію, противу *нравственной силы*, неуловимой *силою физическою*, надлежало бы дѣйствовать *нравственною же силою;* а именно: *правдою* противу *лжи*, добродушіемъ противъ *ожесточенія,* просвѣщеніемъ противу *заблужденій* насчетъ Россіи. Зная совершенно духъ и характеръ Польши, я бы взялся, подъ карою смерти, въ теченіе *пяти лѣтъ* одною *письменностью* успокоить Польшу (sic!!) и убѣдить поляковъ, что все ихъ счастье, все благосостояніе края зависитъ отъ тѣснаго соединенія съ Россіею, разумѣется, еслибъ въ краѣ не было такихъ чиновниковъ, какъ, напримѣръ, кіевскій Писаревъ, о которыхъ анекдоты гораздо занимательнѣе и ужаснѣе *Парижскихъ тайнъ*. Но какъ мое дѣло *сторона*, то и я молчу, а зная ваше пламенное, неутомимое и безпрерывное стремленіе къ добру, *увѣдомилъ* васъ о предпріятіи г-на Киркора, въ которомъ нашелъ тоже искреннее желаніе къ примиренію и соединенію Польши съ Россіею, которое и меня одушевляетъ, предоставляя, впрочемъ, этотъ подвигъ Провидѣнію!“

„Пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ повторить Вашему Превосходительству чувства глубокаго уваженія и душевной привязанности, съ коими навсегда пребываю Вашего Превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшимъ слугою *Ѳаддей Булгаринъ*.

„Qui ne fait rien,

„Pas même académicien!“

NB. „Слышалъ я, что разсказываютъ русскіе чиновники министерства внутренныхъ дѣлъ, возвратившіеся изъ Лифляндіи,—и *знаю навѣрное*, что

тамъ происходитъ. Разсказы эти такъ же далеки отъ истины, какъ земля отъ солнца! Есть Богъ, и „сердце царево въ руцѣ Божіей“. Вотъ одна надежда и утѣшеніе!“

21 января Дубельтъ отвѣчалъ Булгарину:

„По докладу моему письма Вашего отъ 15 января, графъ А. Ѳ. Орловъ изволилъ поручить мнѣ изъявить Вамъ искренѣйшую благодарность за ваши извѣщенія и мнѣнія. Зная васъ за человѣка опытнаго, умнаго и благонамѣреннаго, Его Сіятельство весьма уважаетъ Ваши мнѣнія и если нѣкоторыя изъ нихъ не приводятся тотчасъ въ исполненіе, то не менѣе того, подавая поводъ къ соображеніямъ, онѣ приносятъ свою пользу. Посему Его Сіятельство будетъ вамъ особенно благодаренъ, если вы и на будущее время не оставите съ прежнею откровенностью сообщать обо всемъ, что по Вашему мнѣнію признаете важнымъ или достойнымъ вниманія, и будьте увѣрены, что ни одно основательное замѣчаніе Ваше не останется безъ послѣдствій, иногда не гласныхъ, но всегда полезныхъ“. [1]

Булгаринъ былъ весьма польщенъ такимъ заявленіемъ, котораго даже и не ожидалъ отъ Орлова, очень мало интересовавшагося всѣмъ, вокругъ его происходившимъ, и засѣлъ за составленіе „записки“, которую и представилъ Дубельту въ концѣ февраля 1846 года.

Нѣсколько правдъ, предлагаемыхъ на благоразсужденіе.

„Кабинетные ученые и такъ называемые *книжные черви* вездѣ обуреваемы страстью вводить теоріи въ дѣла общественныя. Изъ этого произошло въ мірѣ много *смѣшнаго* и много *злаго*. Я человѣкъ совершенно практическій: вѣрю теоріи тогда только, когда она испытана на практикѣ; ищу разума *въ книгахъ*, а повѣряю *на людяхъ*. Судьба поставила меня въ такое положеніе, что въ теченіе 25 лѣтъ я ежедневно вижусь съ людьми разнаго сословія, прибѣгающими ко мнѣ, какъ къ какому-нибудь канонику (chanoine) съ исповѣдью, за совѣтомъ и за справкою. Рѣдкій порядочный помѣщикъ, провинціальный купецъ, или чиновникъ, побываетъ въ столицѣ и не завернетъ ко мнѣ *потолковать* и познакомиться. О столичныхъ жителяхъ и говорить нечего. Бываютъ дни, что у меня утромъ отъ 8 до 2 часовъ перебываетъ до 50-ти человѣкъ! Справиться легко—правда ли! Благодаря Бога, люди имѣютъ ко мнѣ довѣренность, потому что я никому не измѣнялъ и не измѣняю. Кого утѣшу, кому посовѣтую терпѣніе, за иныхъ попрошу и похлопочу; а между тѣмъ узнаю ходъ дѣлъ и общественное мнѣніе. Всего не перетолкуешь, да мнѣ и писать некогда; но вотъ для пробы представлю нѣсколько выдержекъ изъ общественнаго мнѣнія.

„1) Носились слухи въ городѣ, *якобы* Государь Императоръ, встрѣтясь

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспед., 1846 г. № 11, ч. I.

гдѣ-то съ графомъ Киселевымъ, за границею, указалъ ему на книгу (путешествіе французскаго инженера съ женою по южной Россіи, для нивеллировки пространства между Чернымъ и Каспійскими морями), въ которой сказано и доказано, что въ Россіи есть *система сокрытія истины*, отъ низшаго чиновника до высшаго сановника, и что такимъ образомъ Государь Императоръ весьма мало знаетъ, что дѣлается въ Россіи. Не вхожу въ разборъ, справедливо ли, что Государь Императоръ говорилъ объ этомъ Киселеву, но что въ словахъ жены инженера есть много правды,—это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію.

„Напримѣръ: еслибъ я открылъ, что *будочникъ* былъ пьянъ и оскорбилъ проходящую женщину, я бы пріобрѣлъ враговъ: 1) министра внутреннихъ дѣлъ, 2) военнаго генералъ-губернатора, 3) оберъ-полиціймейстера, 4) полиціймейстеровъ, 5) частнаго пристава, 6) квартальнаго надзирателя, 7) городового унтеръ-офицера и par dessus le marché—всѣхъ ихъ пріятелей, усердныхъ подчиненныхъ, и такъ далѣе. Спрашивается: кому же придетъ охота открывать истину, когда каждое начальство почитаетъ врагомъ своимъ каждаго, открывающаго злоупотребленіе или злоупотребителей въ части, ввѣренной ихъ управленію?!!

„Еслибъ я былъ начальникомъ какой части, я былъ бы благодаренъ каждому, кто бы вырвалъ дурную траву изъ моего огорода!

„Долженъ ли министръ отвѣчать за открытіе злоупотребленій въ его управленіи? Тогда долженъ отвѣчать, когда *знаетъ* и *прикрываетъ*; но невозможно министру отвѣчать за чиновника, дѣлающаго зло за 3000 верстъ или за сто шаговъ отъ него, когда передъ нимъ *все скрываютъ*, чтобъ избѣжать наказанія или отвѣтственности *за допущеніе злоупотребленій!* Тутъ чистая логика! Когда всѣ отвѣтственны за одного, то всѣ прикрываютъ зло. *Всѣ* значитъ *никто*: tout le monde—c'est personne!

„Отъ системы укрывательства всякаго зла и отъ страха отвѣтственности одному за всѣхъ, выродилась въ Россіи страшная система министерскаго деспотизма и сатрапства генералъ-губернаторовъ. Это такое зло, которое угрожаетъ величайшими бѣдствіями престолу и отечеству, и ожесточаетъ всѣ сословія народа въ высшей степени. Русская пословица твердитъ: „Богъ высоко, царь—далеко". Но встарину можно было броситься въ ноги царю, передъ краснымъ крыльцомъ, а теперь нѣтъ никакихъ средствъ довесть истины до Царя. Комиссія *прошеній*—есть комиссія *отказовъ*. Вы подадите жалобу на министра или на военнаго генералъ-губернатора, и вашу просьбу отсылаютъ на разрѣшеніе въ то мѣсто, на которое вы жалуетесь, и къ тому самому лицу. Чиновники, до директора, опредѣляются самими министрами, отъ нихъ вполнѣ зависятъ и служатъ имъ, а не Государю и Отечеству. Государь и Отечество для чиновника—отвлеченная идея, une idée transcendentale!

„2) Заглянемъ на корень зла:

„Блаженной памяти императоръ Александръ Павловичъ, въ началѣ и даже въ половинѣ царствованія, сильно придерживался либеральныхъ идей, и въ этомъ духѣ учредилъ министерства по примѣру конституціонныхъ государствъ. Но въ

конституціонныхъ государствахъ министры *отвѣтственны* передъ палатами и парламентомъ и находятся подъ контролью свободнаго книгопечатанія. Въ чистыхъ монархіяхъ всегда былъ и есть *первый* министръ, отвѣтственный за всѣхъ предъ государемъ, слѣдовательно, власть находится всегда *сосредоточенною*, centralisé.

„У насъ какая отвѣтственность министровъ? *Ихъ отчеты!* А кто ихъ повѣряетъ? *Никто!*—Пишутъ, что угодно. На бумагѣ блаженство, въ существѣ горе! Сами чиновники, составляющіе отчеты, смѣются надъ этой *поэзіей*, какъ они называютъ *отчеты*! Chef d'oeuvres этой поэзіи — это отчеты министерства просвѣщенія!

„Изъ этого вышло, что министры раздѣлили между собою Россію и господствуютъ въ своихъ *удѣлахъ* самовластно, давая полную власть тѣмъ генералъ-губернаторамъ, которые сильны при дворѣ и связями. Милосердіе, правосудіе, благость царствующаго, при такомъ порядкѣ дѣлъ, почти безполезны для государства, потому что государь видитъ одни только *доклады*, т.-е. что нужно докладывающему, а не то, что полезно его подданнымъ. Кончилось тѣмъ, что *Собраніе законовъ и сводъ законовъ*, великій подвигъ добраго нашего Государя, полезенъ только въ теоріи и производствѣ тяжебныхъ дѣлъ, а въ администраціи или управленіи государства сводъ законовъ и собраніе законовъ *не имѣютъ ни малѣйшей силы* и подчиняются *министерскимъ предписаніямъ*.

„Трудно вѣрить, а правда! Мало этого! чтобъ быть независимымъ въ своемъ *удѣлѣ*, каждый министръ охотно принимаетъ въ своемъ управленіи предписанія другого министра, что касается до его части, и выходитъ сцена изъ Мольеровой комедіи: passez-moi le rhubarbe, je vous passerai la magnesie или т. п.

„Было бы забавно, еслибъ не было больно!

„Возьмемъ *ничтожные* примѣры! Пронеслась вѣсть, что Государю Императору благоугодно заглядывать въ *Сѣверную Пчелу*, и вотъ всѣ министры согласились между собою, чтобъ въ Пчелѣ *ничего не печатать* безъ ихъ воли! Кажется, ужъ и безъ того довольно безмолвія въ Россіи, но надобно было заглушить послѣдній законный голосъ, и заглушили. Въ цензурномъ уставѣ, въ главѣ первой, въ статьѣ 12-й, между прочимъ, сказано: „Дозволяются всякія сужденія *о новыхъ общественныхъ зданіяхъ*, *объ улучшеніяхъ* по части *народнаго просвѣщенія*, если сіи сужденія не противны общимъ правиламъ цензуры“. Кажется, ясно, а, между тѣмъ, графъ Клейнмихель отнесся, чтобъ не дозволять даже *упоминать* о новыхъ зданіяхъ и всемъ, касающемся до его управленія, безъ его воли! Ужъ гдѣ намъ *судить и разсуждать!* Мы хотимъ сказать: „*воздвигнуты* новые конно-гвардейскіе казармы“, — нельзя: посылайте къ графу Клейнмихелю! „Пароходы ходятъ по Бѣлу-озеру“ — нельзя: можетъ быть графъ Клейнмихель не хочетъ, чтобъ это было извѣстно! А уставъ напечатанъ въ сводѣ законовъ! Князь Чернышевъ не доволенъ даже, когда Пчела перепечатываетъ изъ Инвалида! Это еще ничего; но вотъ самъ министръ просвѣщенія *приказалъ*, чтобъ „Сѣверная Пчела“ не перепечатывала *постановленій министерства просвѣщенія изъ журнала* министерства, безъ воли директора

просвѣщенія, а это уже и противу устава и противу привилегіи, Высочайше утвержденной для „Сѣверной Пчелы“ блаженной памяти императоромъ Александромъ. Чего же боятся, чтобъ постановленія министерства были перечитаны? Чтобъ *не дошли до свѣдѣнія* Государя Императора! Я не доносчикъ, но стоитъ разспросить хоть одного благонамѣреннаго грамотнаго человѣка; онъ укажетъ такія вещи, за которыя и въ Англіи посадили бы въ тюрьму. Люди поумнѣли: тайныхъ обществъ не составляютъ, но всѣмъ, хотя мало знакомымъ съ литературою, извѣстно, что у насъ существуетъ чрезвычайно сильная партія, подъ покровительствомъ могущественнаго чиновника въ министерствѣ просвѣщенія,[1] дѣйствующая въ духѣ *коммунизма* и правилъ неистоваго либерализма. У меня бездна жалобъ, даже отъ епископовъ, но это не мое дѣло! Извѣстный литераторъ и академикъ Борисъ Федоровъ представилъ мнѣ нѣкоторыя *записки*, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, когда вспомнишь, что послѣ себя оставляешь шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, противу которыхъ вострятъ, на твоихъ глазахъ, топоры! Но партія эта пріобрѣла лестью сильнѣйшее покровительство, и ее никто не дерзаетъ затронуть, тѣмъ болѣе, что она привязала къ себѣ и матеріальными интересами. Мнѣ объ этомъ не слѣдуетъ распространяться, чтобъ не подумали, будто я дѣйствую по духу литературной вражды, но возьмите, если угодно, отъ меня *выписки* Бориса Федоровича и разспросите *его* не стращая, а лаская,—увѣренъ, что ужаснетесь! Для краткости я привелъ въ примѣръ ниспроверженія законовъ министерскими предписаніями только цензурный уставъ. Всѣ уставы также ниспровергнуты, гдѣ они затрудняютъ самовластіе министровъ.

„Важный вопросъ! Болѣзнь указана, а есть ли лекарство? Есть и *не новое*. Въ самодержавномъ смягченномъ, какъ наше, государствѣ — другого управленія быть не можетъ, какъ *коллегіальное*, введенное Петромъ Великимъ, по совѣту великаго Лейбница. Когда Императоръ Александръ уничтожилъ его и ввелъ министерства, онъ думалъ приготовить государство къ конституціи, что впослѣдствіи и было *напечатано* по-русски, при учрежденіи Царства Польскаго. Въ *коллегіальномъ управленіи* есть *отвѣтственность* министровъ и самовластіе ихъ умѣряется голосами членовъ, отъ нихъ *независимыхъ*.

„Теперь пусть членъ совѣта министерскаго подаетъ голосъ противу министра, ему не дадутъ ленты или попросятъ выйти въ отставку. Императоръ Александръ чувствовалъ потомъ ошибку свою, что уничтожилъ *коллегіальное управленіе* и учредилъ совѣты министровъ; но этимъ дѣла не поправилъ, подчинивъ министру членовъ совѣта и предоставивъ ему ихъ выборъ!

„Поразсудите и справьтесь,—увидите, что я говорю правду!

„3) Когда я хотѣлъ напечатать *историческій выводъ*, въ опроверженіе чужеземныхъ клеветъ на Государя и Россію, безъ *всякихъ споровъ* съ клеветниками, мнѣ сказано, что не нужно входить съ ними въ разглагольствія, а, между тѣмъ, въ то же самое время напечатали въ „Journal de St.-Pétersbourg“ одну

[1] Комовскаго, директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія.

изъ самыхъ *жестокихъ* выходокъ противу дѣйствій правительства! По совѣсти долженъ я сказать, что эта статья произвела весьма непріятное впечатлѣніе для Правительства. Изъ всѣхъ трактировъ и кондитерскихъ нумеръ газеты похищенъ (какъ говорятъ трактирщики), а вѣрно то, что у многихъ купленъ. Мнѣ извѣстно, что давали по 200 за нумеръ. Упрекъ правительству въ этой статьѣ насчетъ *пропаганды* православія тѣмъ сильнѣе подѣйствовалъ, что въ то же время появились въ лифляндской газетѣ „Inland" двѣ статьи, якобы *подтверждающія* истину упрека. Прилагаю при семъ газету „Inland".[1] Выраженія чрезвычайно замѣчательныя! Это въ точномъ смыслѣ псаломъ: *тамо, на рѣкахъ Вавилонскихъ, сѣдохомъ и плакахомъ.* Лютеранская вѣра называется *сиротствующею вдовицею*, аки Рахиль безутѣшная, въ одеждѣ печали, и т. п. Чудеса! До какого *отчаянья* должны быть доведены эти люди! И въ какое время посѣваютъ ненависть въ сердцахъ образованнаго сословія пограничныхъ губерній? Ради Бога, скажите, такъ ли должно дѣйствовать Православіе, во славу свою, на пользу Царя и Отечества, какъ оно дѣйствуетъ? Въ журналѣ *Маякъ*, съ дозволенія духовной цензуры, печатаются вещи, которыя были бы смѣшны и въ XV вѣкѣ! Описано, какъ *чортъ* былъ посредникомъ между *Христомъ и пьяницей*, и т. п. Вотъ вамъ книжица, предсказывающая *скорое представленіе свѣта!* Эта то же, что было въ Европѣ въ 999-мъ году по Р. Х., а вотъ другая книжица *противу* лютеранской вѣры, которую исповѣдуетъ столько людей, *начальствующихъ православными!*[2] Какъ же православный будетъ уважать человѣка, заблудшаго въ вѣрѣ, еретика? Non sens, вредъ Царю и Отечеству, и, какъ сказалъ Грибоѣдовъ въ „*Горе отъ ума*",—„все подъ личиною усердія къ царю".

„Мнѣ лютеранизмъ такъ же чуждъ, какъ и магометанство, но не чужды слова Царя и благо Россіи, которая, дерзаю сказать, любитъ меня и вѣритъ мнѣ! Хоть сожгите меня на кострѣ, но долженъ высказать правду, ибо почитаю это долгомъ совѣсти!

„4) Во всей Польшѣ бунты и заговоры! Ужели есть хотя одинъ такой дуракъ въ Польшѣ, чтобъ вѣрилъ, будто *возстаніе* можетъ побѣдить благоустроенныя арміи *трехъ* государствъ? Сомнѣваюсь! Ведетъ въ пропасть *отчаянье*. Отчаянье—это порохъ, а искры брошены *извнѣ*. Въ 1789 году и въ 1830 году, когда западнымъ революціонерамъ надобно было сдѣлать *диверсію* на сѣверъ,—они подожгли Польшу. Исторія—то же, что математика: по двумъ *извѣстнымъ* отыскиваютъ третье *неизвѣстное*. Заговоры и бунты въ Польшѣ, а огонь тлѣетъ теперь въ Германіи: въ Пруссіи и Австріи. Я не пророкъ, но увидите, что откроется по слѣдствію, если только на слѣдствіи будетъ хотя одинъ дальновидный человѣкъ! Искры брошены изъ Кенигсберга, Кельна и изъ Венгріи, иначе быть

[1] „Со стола кто-то взялъ; но отыщу и пришлю". *(Прим. Булгарина).*

[2] Одна изъ нихъ называлась: „Объ источникахъ христіанской религіи по ученію каѳолической церкви сравнительно съ ученіемъ лютеранъ о семъ предметѣ", Спб., 1845 г., другая:—„О преставленіи свѣта или кончинѣ міра", Москва, 1845.

не можетъ! Польскіе эмигранты—если участвуютъ, то второстепенно. Я убѣжденъ, что въ Германіи приготовляется революція, и поляковъ возмутили, чтобъ *занять* державы. По моему мнѣнію, ничего нѣтъ легче, какъ управлять поляками. Народъ живой, легковѣрный, удобовоспламенимый: съ ними надобно *играть* какъ съ дѣтьми, въ *игрушки*, надобно занять ихъ страсть къ дѣятельности и ихъ воображеніе. Все зависитъ отъ выбора людей, которые бы не *уничижали* ихъ. При мнѣ самый вѣрный царю полякъ *заплакалъ*, когда услышалъ, что Писареву (кіевскому) дали ленту! Но теперь не въ томъ дѣло. Главное въ томъ, что—я полагаю—Польша взбунтована Германіей и Венгріей, и въ Пруссіи что-то готовится недоброе. И теперь именно раздражаютъ до-нельзя остзейцевъ!!!

„Какая польза оттого, что я говорю правду? Ровно никакой! Въ началѣ польскаго бунта (въ 1831 г.), когда я составилъ изъ 3-хъ *отрывковъ* газетъ такую реляцію о возстаніи, что князь Любецкій вѣрилъ, якобы она составлена въ Варшавѣ нашимъ тамъ агентомъ, графъ Бенкендорфъ обѣщалъ мнѣ золотыя горы, которыхъ я вовсе не хотѣлъ и не требовалъ. Онъ хотѣлъ выслать меня въ Варшаву, вмѣсто графа Гауке, для усмиренія умовъ, и ужъ, конечно, я много сдѣлалъ бы добра,—меня не признали способнымъ! Писака бо есмь! Когда наши шли *со стороны Праги* на Варшаву, я написалъ къ Бенкендорфу: „зачѣмъ хотите пробивать лбомъ стѣну, когда можете *переправиться чрезъ Вислу на прусской границѣ* и подойти къ Варшавѣ отъ Воли!“ Бенкендорфъ задушилъ меня въ объятіяхъ,—а все я остался *нулемъ*: разъ въ жизни попросилъ бездѣлицы, и отказали со стыдомъ!! [1] Но и интересы мои, и самолюбіе, и честолюбіе кладу на жертвенникъ истины, и хотя знаю, что словеса *нуля*—пойдутъ на вѣтеръ, почитаю долгомъ высказать то, что, по моему мнѣнію, полезно моему Государю, которому я присягнулъ служить вѣрою и правдою!

„Тутъ можно было бы и много пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить!“... [2]

4 марта эти „правды“, въ которыхъ нельзя не признать многаго дѣйствительно справедливымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, были доложены Дубельтомъ графу Орлову...

---

11 марта Булгаринъ посылаетъ еще письмо:

„Отецъ и командиръ! 1. Съ горя посылаю вамъ кое что обивающееся объ мои уши! Въ городѣ говорятъ, что князь Воронцовъ прислалъ съ Кавказа медаль, выбитую въ Парижѣ, гдѣ Чарторыйскій изображенъ королемъ подъ именемъ Адама I. Слышу я, что эту медаль видѣли за два года передъ симъ въ Одессѣ

[1] Трудно повѣрить, чтобы на мѣстѣ не знали этой простой вещи, ясной каждому, кто жилъ въ Варшавѣ; но если это такъ, то, дѣйствительно, Булгаринъ достоенъ былъ задушенія... въ объятіяхъ жандарма.

[2] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспед., 1846 г., № 11, ч. I.

и будто это сдѣлали не друзья, а враги Чарторыйскаго, *демократическая* партія польской эмиграціи, чтобъ скомпрометировать Чарторыйскаго. Это, конечно, не дѣлаетъ лучшимъ стараго враля, но доказываетъ, что движеніе въ Польшѣ было демократическое, слѣдовательно, противно духу націи, которая склонна была и есть къ королямъ. Въ Польшѣ карбонарисмъ или либералисмъ совершенно отдѣльный, питающій свой собственный характеръ, что называется *полякерія*. Этотъ духъ никогда не могъ смѣшаться съ *чужеземщиной*, и только демократисмъ могъ войти въ сношенія съ чужеземными революціонерами. Общій голосъ въ Петербургѣ, что поляки, какъ они ни сумасбродны, не могли задумать войны съ тремя державами, еслибъ не были въ связяхъ съ демократическими партіями въ Германіи и даже въ Италіи и не надѣялись на общее возстаніе пруссаковъ, богемцевъ, венгерскихъ славянъ и итальянцевъ. При слѣдствіи—это важный пунктъ. Не поляки, а русскіе и даже военные, возвратившіеся съ юга, говорятъ со смѣхомъ: „вотъ жатва для кіевскаго Писарева! Тутъ-то онъ поживится!“ Ужели правительство ничего не знаетъ о подвигахъ Писарева?

„2. Лифляндскіе депутаты послѣ аудіенціи у государя императора, по русской пословицѣ: *какъ не солоно хлебали*! Они говорятъ: „дѣлать нечего, теперь мы видимъ, что государь убѣжденъ во всемъ, что ему представили Перовскій и гр. Протасовъ, и что наши объясненія не приняты въ уваженіе“. Пропаганда пойдетъ своимъ чередомъ, и духовный союзъ между туземцами въ Остзейскихъ провинціяхъ и нѣмецкимъ народонаселеніемъ, т.-е. дворянствомъ и горожанами, нарушенъ навсегда. Воля ваша, а мудрено вѣрить, чтобы чухны и латыши были такіе *богословы*, чтобъ предпочитали православіе лютеранисму, по *умственному и душевному убѣжденію*, безъ *всякаго внѣшняго вмѣшательства*! Меня въ этомъ не убѣдитъ ни Перовскій, ни Протасовъ! Въ двухъ моихъ имѣніяхъ въ Лифляндіи, въ Карловѣ и Саракуссъ, болѣе третьей части мужиковъ записались къ принятію православія, а какъ имъ объявили, что не дадутъ за это *земли и денегъ*, то перешло всего *пять* бездомныхъ работниковъ. Я живу здѣсь и вовсе не мѣшаюсь въ это дѣло! Сохрани меня Богъ! Когда меня спрашивали мужики, что должно дѣлать, я всегда отвѣчалъ одно: въ дѣлахъ вѣры повиноваться собственной совѣсти, а въ прочемъ правительству! такъ я учу и родныхъ дѣтей. Ни словечка ни pro ни contra! Когда правительство приказало уніатамъ перейти въ православіе, я велѣлъ своимъ бѣлорусскимъ крестьянамъ немедленно исполнить волю правительства, объявивъ, что непокорныхъ всѣхъ отдамъ въ солдаты. Но Лютеранское населеніе имѣетъ свои *школы*, и безграмотный лютеранинъ (чухна или латышъ) не допускается къ причащенію святыхъ тайнъ. Со времени *личной свободы крестьянъ* въ Остзейскихъ провинціяхъ просвѣщеніе сильно тамъ распространилось, пьянство, воровство и непослушаніе уменьшилось и теперь школы эти должны уничтожиться. Вотъ этого жаль! Изъ Лифляндіи выбрали сюда депутатовъ самыхъ жестокихъ враговъ всего русскаго и между ними одного изъ начальниковъ партіи такъ называемой *Юная Ливонія*, ландрата Этингера. Другой начальникъ партіи, баронъ Нолькенъ, уже давно извѣст-

ный государю. Депутаты говорятъ: „въ нашихъ рукахъ привилегіи, воспрещающія каждому русскому дворянину, купцу или ремесленнику дѣйствовать въ нашей странѣ сообразно ихъ занятіямъ, и такъ, только буквальнымъ исполненіемъ привилегій мы можемъ теперь защищаться отъ вліянія русизма". Будетъ много непріятнаго въ тѣхъ странахъ.

„3. Говорятъ, дѣйствит. статскій совѣтникъ со звѣздою Величко посаженъ *въ исправительное заведеніе*, то же что *смирительный домъ*, за неплатежъ доктору Флорію денегъ. Одни рады этому, что есть узда на козни, другіе говорятъ, почему же должно платить одному Флорію, когда Величко обобралъ столько семействъ и пустилъ по міру. Есть законы говорятъ они. По моему личному мнѣнію, въ чрезвычайныхъ случаяхъ должно принять предварительныя сильныя мѣры потому именно, что мы же сами не дорожимъ законами и пропускаемъ чрезъ нихъ сильныхъ и хитрыхъ плутовъ. Для злостнаго банкрота тюрьма, если доказано, что онъ злостный банкротъ. Вообще происшествіе съ Величкой надѣлало шуму и породило толки и, кажется, что за *формами* болѣе голосовъ.

„4. Загляните въ прилагаемую газету, гдѣ отмѣчено, и подивитесь лифляндской филантропіи. Мудрено ли послѣ этого, что мужики ненавидятъ тамъ господъ! Почему у меня до сихъ поръ хранится хлѣбъ въ мужичьихъ магазинахъ, и я до сихъ поръ не выдалъ гроша на продовольствіе моихъ крестьянъ? Оттого, что я *не обманываю* моихъ мужиковъ и храню въ цѣлости ихъ хлѣбъ. Замѣчательно, что только семь мызъ въ Лифляндіи сохранили хлѣбъ въ мужичьихъ магазинахъ и въ томъ числѣ мои двѣ мызы, Вульфа и графа Шереметева! Угнетать мужиковъ нельзя въ Лифляндіи, это пустое, но помѣщики ихъ обманываютъ въ расчетѣ рабочихъ дней, въ магазинахъ, повинностяхъ и проч. Вотъ гдѣ зло. Хорошій жандармъ и два-три примѣра строгости за обманъ исправятъ зло. А черезъ законъ нѣмцы пролѣзутъ. Одинъ изъ депутатовъ сказалъ на дняхъ: „пустое,—насъ голыми руками не возьмутъ" и правда.

„5. Одинъ весьма умный полякъ, на вопросъ, что можно было бы сдѣлать, чтобы Польша была *счастлива и спокойна*, отвѣтилъ въ большомъ обществѣ: „дать полякамъ людей, какъ графъ А. Ф. Орловъ, Кавелинъ, Перовскій (Оренбургскій) и, извините, не могу умолчать—какъ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ. Вотъ лучше всѣхъ конституцій, вѣчностей и прочихъ химеръ"—и правда! Поразберите, что за народъ высланы управлять Польшей. Господи, воля Твоя. Я не склоненъ къ бунтамъ и потому продалъ отцовскій кусокъ земли и бѣжалъ изъ Польши, навѣки вѣковъ, аминь! Строгость на злое, но мягкость, правосудіе, деликатность въ обхожденіи излѣчили бы всѣ раны. Анекдоты объ обращеніи русскихъ съ поляками возмущаютъ душу въ образованныхъ русскихъ. Ужели правительство ничего объ этомъ не знаетъ и не слыхало?

„6. Въ Дерптѣ смѣнили жандармскаго штабъ-офицера. Нечего сказать, дрянной былъ человѣкъ. Отъ выбора новаго много зависитъ! Дерптъ—важный пунктъ, центръ общаго мнѣнія и умственной дѣятельности трехъ образованнѣйшихъ провинцій, *нынѣ возставшихъ духомъ противу Россіи*. А возстаніе это важнѣе глупаго

польскаго мятежа, который безсмысленъ до смѣшного. Тутъ долженъ быть un homme sacré, многоязычный и красноязычный и главное не хвастунъ и фанфаронъ! Кого-то Вы выберете, добрый отецъ-командиръ! Желаю вамъ вдохновенія свыше!

„Да сохранитъ васъ Господь для моего счастія!

„Душевно и навѣки преданный *Ѳ. Булгаринъ*“. [1]

Орловъ читалъ и это письмо, но какъ и раньше—„на челѣ его высокомъ не отразилось ничего“ лестнаго для старательнаго совѣтчика.

---

25 апрѣля (1846 г.) Булгаринъ посылаетъ другую очень пространную „Записку“ при слѣдующемъ письмѣ:

„Отецъ и Командиръ!

„Знаю я, что литературу и цензуру почитаютъ у насъ хуже дохлой собаки, а литераторовъ трактуютъ, какъ каторжниковъ. Но я, ради Бога, прошу Васъ показать прилагаемое маранье графу Алексѣю Ѳедоровичу. Это человѣкъ Ecce homo! Остальное хоть бросьте.

„Вѣрный до гроба и за гробомъ и преданный душою *Ѳ. Булгаринъ*“.

Приложенной „запискѣ“ не было дано общаго заглавія, каждая часть была самостоятельна.

„*Сыскной приказъ.* Полиція наша не въ силахъ исполнять то, что требуется отъ полиціи въ благоустроенномъ государствѣ. У насъ главное занятіе полиціи: чистота въ городѣ (и то наружная, а не внутри домовъ и дворовъ, которые вообще грязны *до заразы*,) и наблюденіе порядка при съѣздахъ. Исполнительная часть по управленію идетъ плохо и медленно. Полагая даже, чтобъ частные и квартальные были умные и даже честные люди, невозможно отъ нихъ требовать, чтобы они занимались безопасностью гражданъ. У частныхъ и квартальныхъ нѣтъ на то *времени и денегъ!* Роскошь у насъ жестоко увеличилась, дворовые люди расплодились и шатаются безъ мѣстъ по городу; изъ всѣхъ концовъ Россіи стекается множество народу искать счастія и пропитанія въ столицахъ; мѣщанъ безъ ремесла бездна, и все это хочетъ жить и наслаждаться! По характеру, русскій народъ не кровожаденъ; онъ убиваетъ тогда только, когда *разъяренъ*; но воровство не почитается большимъ преступленіемъ. Воруютъ здѣсь *много*, но всѣ почти воровства открываются у насъ *случайно*. У насъ нѣтъ безподобнаго французскаго заведенія Police de Sûreté, или, какъ было встарину въ Россіи, *Сыскного приказа*, а это *первая потребность* въ благоустроенномъ государствѣ! Сыскной приказъ долженъ заниматься однимъ только отыскиваніемъ воровъ, разбойниковъ, бродягъ, бѣглецовъ, мошенниковъ всякаго рода; долженъ быть въ вѣчной войнѣ съ ними; наблюдать за каждымъ подозрительнымъ человѣкомъ; знать, чѣмъ онъ живетъ и гдѣ проживаетъ. Для этого надобны *люди* и *деньги!* Министръ Перовскій чувствовалъ

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспед., 1846 г. № 11, ч. 1.

потребность Police de Sûreté, но по несчастью попалъ на мошенника Синицына— плута въ родѣ Ваньки Каина, который былъ бы отличный *сыщикъ* подъ начальствомъ порядочнаго человѣка, но самъ не могъ быть начальникомъ и уронилъ дѣло въ глазахъ правительства. Примѣръ, какъ у насъ обдѣлываются эти дѣла: мой крѣпостной человѣкъ ночью вломился въ чайный магазинъ, пойманъ и взятъ въ полицію. Онъ во всемъ сознался. Мнѣ *не дали даже знать*, что онъ взятъ подъ стражу, и полиція не явилась ко мнѣ, чтобъ пересмотрѣть вещи арестанта и разспросить о немъ! Между тѣмъ въ теченіе цѣлой недѣли приходили въ домъ подозрительные люди навѣдываться, что сталось съ Гришкой (имя вора)! Парижская полиція переловила бы ихъ всѣхъ и открыла бы *цѣлую шайку воровъ!* Когда я спросилъ у полицейскаго чиновника, зачѣмъ полиція этого не дѣлала, онъ отвѣчалъ: „Помилуйте, и безъ того *много хлопотъ*, а тутъ пошла бы *переписка*, да *розыски*—ну, чортъ съ ними". У книгопродавца Ольхина украли изъ спальни 33,000 рублей серебромъ. Улики явныя: служанка имѣла любовника, человѣка безъ всякаго ремесла, у котораго въ квартирѣ найдены богатыя вещи. У сестры служанки найдено на 15,000 вещей, и она созналась, что эти вещи сестры; но служанка не *сознается*, и все покрыто! У одного моего знакомаго (Ордынскаго) украли всѣ вещи, накопленныя 25-ти лѣтнею службою и бережливостію. Улики были явныя; но воръ уѣхалъ, и полицейскій чиновникъ сказалъ: „а на какой счетъ я поѣду за воромъ?" Дѣло пропало! Будь у насъ Сыскной приказъ, было бы иначе. Сыскной приказъ только бы и дѣлалъ, что гонялся за ворами и отыскивалъ ихъ, имѣя на это все свое время и деньги. Кромѣ воровства, развратъ здѣсь усилился до высшей степени. Дѣвочки, отъ 9-ти до 11-ти лѣтъ, бѣгаютъ толпами и просятъ денегъ, предлагая себя. Ужасно! На толкучемъ рынкѣ днемъ, а ночью на главныхъ улицахъ, отъ нихъ нѣтъ отбоя! Полиція и не взглянетъ на это, чтобъ не навязывать себѣ дѣлъ, переписки и хлопотъ. Съ кого взыскивать? Полицейскій офицеръ скажетъ: „это не въ *нашей части-съ!*" Но въ начальники Сыскного приказа надобно выбрать человѣка отличнаго и Сыскной приказъ освободить отъ начальства полиціи. Онъ долженъ быть въ вѣдѣніи военнаго генералъ-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, а только сноситься съ полиціею. Разумѣется, что, по нашей общей системѣ, Сыскной приказъ будетъ въ вѣчной войнѣ съ полиціею; но для гражданъ это будетъ лучше, какъ сказано въ баснѣ Дмитріева: „благодаря стеченію воровъ". Наши трактиры, харчевни, особенно загородные,—сущіе притоны воровъ и мошенниковъ. Частные и квартальные получаютъ свою плату за то, чтобъ не мѣшать *торговать*, и они никого не безпокоятъ. Сыскной приказъ поочистилъ бы эти гнѣздилища. Кокошкинъ—прекрасный, благородный и честный человѣкъ, но онъ слабъ какъ монастырка, и первою обязанностію почитаетъ защищать свой *корпусъ офицеровъ*, какъ онъ называетъ полицейскихъ, а тамъ хоть трава не рости! Правило: „какъ можно меньше шуму" не годится въ полиціи, какъ не годятся камергеры въ *полиціймейстеры*. Начальникомъ Сыскного приказа долженъ быть такой звѣрь, какъ былъ у насъ *Эртель*; вотъ образецъ!

„А Сыскной приказъ, право, нужнѣе лишнихъ комитетовъ и департаментовъ!

„*Тарифъ.* Тарифъ долженъ быть непремѣнно *измѣненъ.* Безъ этого никакъ не обойдется. Нынѣшній тарифъ заключаетъ въ себѣ такія нелѣпости и противорѣчія, что не могъ бы существовать, еслибъ даже и не было измѣненія въ общей системѣ европейской торговли. Но кому поручить составленіе плана новаго тарифа? Разумѣется, министру финансовъ. А кто тамъ будетъ его составлять? Разумѣется, какой-нибудь *начальникъ отдѣленія.* За 50, а много за 100 тысячъ рублей ассигнаціями, опять можно будетъ ввести въ новый тарифъ тѣ же нелѣпости, какъ въ старомъ, напримѣръ, о соляхъ, химическихъ и аптекарскихъ матеріалахъ. Но при министерствѣ финансовъ есть *коммерческій совѣтъ!* Правда; но голосъ тамъ имѣютъ иностранцы, а русскіе купцы, засѣдающіе тамъ, какъ, напримѣръ, нынѣшній градской глава, старикъ Пономаревъ, такіе *невѣжды*, что англійская лошадь умнѣе ихъ! Недавно меня они разспрашивали, что значитъ *Пиль* и *его система!* Понятія ни объ чемъ не имѣютъ! Одинъ умный мужикъ тамъ *Харичковъ!* Вотъ это голова! Для составленія *плана* новаго тарифа долженъ быть составленъ *комитетъ* изъ купцовъ *всѣхъ* русскихъ портовъ: Петербурга, Риги, Одессы, Архангельска и проч., и изъ фабрикантовъ, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, и при засѣдательствѣ, по крайней мѣрѣ, министра внутреннихъ дѣлъ и министра государственныхъ имуществъ, имѣющихъ непосредственные интересы въ торговлѣ. Къ комитету можно пригласить нѣсколько извѣстныхъ лицъ изъ разныхъ вѣдомствъ и нѣсколько химиковъ, технологовъ и механиковъ. Тогда будетъ создано дѣло прочное и хорошее. Правиломъ должно положить, чтобы изъ купцовъ и фабрикантовъ не было ни одного, *кто не родился въ Россіи* и не имѣетъ недвижимой собственности. Англичане подкупятъ и самого чорта!

„Знаемъ мы людей довольно,
Знаемъ вдоль и поперегъ.
Разсказать—такъ будетъ больно,
Вдоль спины и поперегъ.

Аминь».

„*Литература и цензура,* „Никакія разсужденія и доказательства не могутъ исказить той великой истины, что безъ литературы нѣтъ славы ни для царей, ни для народа! Не распространяясь въ примѣрахъ, укажемъ на Елисавету Петровну и Екатерину II. Онѣ покровительствовали литературу, и она, изъ благодарности, закрыла все бывшее *зло* такимъ блескомъ, что *зло* видно только на ихъ приближенныхъ, а все *благое* вошло въ украшеніе идоловъ литературы. Народъ есть то же, что баснословный центавръ: полчеловѣка и поллошади, сирѣчь половина скота. Что замышляетъ *голова*, тому повинуется *туловище.* А есть ли народъ въ мірѣ, въ которомъ бы образованная, или, по крайней мѣрѣ, грамотная часть народа (т.-е. голова центавра) не желала пламенно имѣть свою собственную литературу? Конечно, нѣтъ! Въ Россіи, чувствующей свое высокое

назначеніе, это желаніе превратилось въ *страсть*; и презрѣніе, холодность и совершенное запущеніе литературы со стороны правительства не располагаетъ къ нему общаго мнѣнія. Въ Россіи литераторъ—настоящій *парія!* Для него нѣтъ мѣста на гражданственной лѣстницѣ! Чиновникамъ и военнымъ поставляется въ порокъ занятіе литературою, чего никогда и нигдѣ не бывало, а неслужащіе литераторы заброшены и ниже мѣщанъ. Всѣмъ извѣстно, что милости, оказанныя Карамзину, Жуковскому, Крылову и Пушкину, относятся къ ихъ положенію при дворѣ и связямъ съ такъ называемымъ придворнымъ дворянствомъ. На другихъ литераторовъ не упало ни одного луча вниманія и милости! И въ какое это дѣлается время! Когда въ цѣлой Европѣ, во Франціи, въ Пруссіи, въ Англіи и даже въ неподвижной Австріи литература и литераторы въ чести и осыпаны знаками вниманія, когда идеи кружатъ съ воздухомъ въ мірѣ и когда каждый сравниваетъ положеніе дѣлъ здѣсь и тамъ! Ужели презрѣніе къ литературѣ и къ литераторамъ или, пожалуй, холодность и невниманіе почитаются *полезнымъ?* Или ужели полагаютъ, что это дѣло такъ *ничтожно*, что имъ не стоитъ заниматься? Вспомнимъ о центаврѣ! Ужъ, воля ваша, а если грамотное сословіе голова центавра, то литераторы самые чувствительные нервы въ мозгу! Ужели исторія также презрѣнная наука! Вѣдь это *ящикъ съ опытностію*. Загляните туда и увидите, сколько зла и добра произведено литературою, именно тамъ, гдѣ вовсе не бывало свободы книгопечатанія. Она всегда возьметъ свое. Можно разбить или скрыть *компасъ*, но нельзя уничтожить качества *магнитной стрѣлки*. Снимите флюгера, чтобъ не знать, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ, а вѣтра не остановите! Общее мнѣніе вещь *неистребимая*, и оно приготовляетъ зло или добро въ будущемъ. Никакая сила не можетъ уничтожить его, а управлять имъ можетъ только *одна* литература. Этого-то у насъ знать не хотятъ, къ великому прискорбію людей, преданныхъ правительству!

„Когда на всѣ части администраціи обращается постепенное вниманіе, только на одно министерство просвѣщенія не хотятъ взглянуть съ настоящей точки зрѣнія.

„Извѣстно, что это министерство, полагая, что принадлежность его состоитъ единственно въ занятіи школами или учебными заведеніями, поставляетъ обязанностію *притѣснять литературу*. Уваровъ явно говоритъ, что цензура есть его *полиція*, а онъ *полиціймейстеръ* литературы! Лучше было бы, еслибъ цензура была *медицинскій* литературный факультетъ, а Уваровъ главнымъ *докторомъ*, и чтобъ они пеклись о здравіи и хорошемъ направленіи литературы! А въ какомъ состояніи наши училища? Правительство весьма мудро хочетъ распространить познаніе русскаго языка въ польскихъ и нѣмецкихъ провинціяхъ, а у насъ и въ Петербургѣ нѣтъ даже *порядочныхъ* учителей русскаго языка! Какихъ чиновниковъ даютъ русскіе университеты? Кандидаты и магистры не умѣютъ написать правильно *письма*! Гдѣ наши ученые, гдѣ химики, технологи, механики, гдѣ историки, лингвисты? Жалость, да и только! Оттого правительству такъ и тяжело двигать государственнымъ механизмомъ, что такъ мало

способныхъ людей. А въ отчетахъ министерства просвѣщенія *все сіяетъ, какъ солнце*, хотя этимъ отчетамъ никто не вѣритъ, кромѣ правительства.

„Цензура дѣло важное, должно сказать—дѣло *первой важности*, а у насъ она устроена хуже самой дурной полиціи въ заштатномъ городѣ. Уставъ напечатанъ въ сводѣ законовъ, а онъ *не исполняется ни въ одномъ пунктѣ*. Не только министръ, но каждый попечитель измѣняетъ каждую статью закона своими *предписаніями*! Есть ли это хотя въ одномъ государствѣ въ мірѣ?—Нѣтъ, и не будетъ! Намъ скажутъ, что нетолько трудно, но почти невозможно опредѣлить всѣ случаи по производству цензурнаго дѣла. Такъ говорятъ, но это несправедливо. Правила для всѣхъ цензурныхъ уставовъ въ мірѣ *одни*: *что не вредно, то можно печатать*. Вредное есть посягательство на вѣру, царя, мѣры правительства, нравственность и личность гражданина. Эти пункты легко опредѣлить, но вся важность *въ исполненіи*, а для *исполненія* должны быть выбраны *люди*, пользующіеся общимъ уваженіемъ, люди почтенные, уживчиваго нрава, деликатные, твердые, умные и притомъ свѣдущіе въ литературѣ и знающіе свѣтъ. Восемь человѣкъ можно для этого выбрать въ Петербургѣ и Москвѣ. Вѣдь надобно же имѣть какія-нибудь права, чтобъ быть судіею въ литературѣ и пользоваться уваженіемъ литераторовъ? Такъ и было прежде. Туманскій, Тимковскій, Красовскій—были люди ученые, почтенные, заслуженные. Взгляните на нынѣшнихъ цензоровъ! Кто съ борка, кто съ сосенки! Замѣчательно, что во всемъ составѣ цензуры былъ *одинъ только дворянинъ* природный, покойный Корсаковъ, а тутъ-то именно и нужны природные дворяне, чтобъ опираться идеямъ коммунизма и революціонному духу! Цензоръ Крыловъ признанъ негоднымъ занимать мѣсто адъюнкта статистики въ университетѣ, куда дѣвать его? Въ цензоры! Этотъ человѣкъ почти *идіотъ*, тупъ, какъ бревно! Что онъ запрещаетъ и что позволяетъ, удивитъ и разсмѣшитъ мертваго! Стоитъ переговорить съ нимъ три слова, чтобъ увидѣть его неспособность. Другой, настоящій *идіотъ*—цензоръ Фрейгангъ. Невѣжество его выше всего, что можно себѣ представить, а сверхъ того, онъ слабъ въ русскомъ языкѣ и мараетъ даже слова, которыхъ не понимаетъ. Недавно онъ вымаралъ слово „*исполать вамъ*", думая, что *исполать* (т.-е. здравствовать, быть въ чести) значитъ *бранное и непристойное* слово! На мѣсто Корсакова опредѣлили шведа *Михелина*, который едва знаетъ по-русски! Куторга, профессоръ *скотоврачеванія*, сирѣчь *коновалъ*—литературный цензоръ! Народъ этотъ не знаетъ ни свѣта, ни людей, ни литературы, ни даже грамоты, и держится правила, чтобъ *запрещать* все, что не понимаетъ. Но это еще только *меньшая половина* бѣды! Признано за аксіому, что купецъ не можетъ быть таможеннымъ чиновникомъ, и по этому правилу надобно непремѣнно положить, чтобъ для соблюденія безпристрастія, для пользы литературы и охраненія того, что правительство хочетъ охранить цензурою, цензоры не участвовали въ дѣятельной, ежедневной литературѣ. Пусть они пишутъ и издаютъ *книги*, но они не должны издавать *журналовъ* или участвовать въ нихъ. Что же у насъ дѣлается? Цензоръ Очкинъ редакторъ „*Библіотеки для*

чтенія“ (Сенковскій называется директоромъ журнала), а Фрейгангъ сотрудникъ его только для вида. Онъ же, Очкинъ, редакторъ Академическихъ Вѣдомостей, а Фрейгангъ его переводчикъ. Цензоры—Никитенко и Куторга сотрудники *„Отечественныхъ Записокъ“*. Эти господа цензируютъ журналы, въ которыхъ участвуютъ и отъ которыхъ получаютъ жалованье!!! Можетъ ли тутъ быть безпристрастіе и справедливость? Да и другіе цензоры не будутъ ли снисходительнѣе къ журналамъ, въ которыхъ участвуютъ ихъ товарищи? Это *радикальное зло*. И кому жаловаться на цензоровъ? Министръ и знать ничего не хочетъ; попечитель ничего не смѣетъ сдѣлать безъ министра, а главное правленіе цензуры почитаетъ непремѣннымъ правиломъ утверждать всѣ представленія цензуры, одобренныя министромъ. Слѣдовательно, для писателя нѣтъ никакого спасенія! Цензоръ надъ нимъ *самовластенъ!* Еслибъ Правительство вошло въ разбирательство цензурныхъ дѣлъ, то удивилось бы, въ какую *грязь* брошены у насъ два высшія качества человѣка: *разумъ* и *чувство*!

„Слышно, что хотятъ перемѣнить цензурный уставъ. Все, что дѣлаетъ Правительство, дѣлаетъ для добра, но добра быть не можетъ ни при какомъ уставѣ если не положатъ правиломъ избирать въ цензоры людей, которыхъ бы писатели должны были *уважать*; если не постановятъ, чтобъ министръ или попечитель *не имѣли права* измѣнять устава *предписаніями* отъ своего лица, и если не укажутъ, гдѣ писатель можетъ искать вѣрной защиты. Теперь ссылка со стороны писателя на цензурный уставъ почитается чѣмъ-то въ родѣ *бунта*. Едва самъ вѣришь тому, что пишешь, а все сущая правда.

„Еще разъ повторяю: для чести и славы Россіи, для успокоенія общаго мнѣнія, для уничтоженія справедливыхъ, *въ этомъ отношеніи*, насмѣшекъ иностранцевъ и русскихъ,—надобно составить цензуру изъ *людей достойныхъ* облагородить это званіе, какъ Канкринъ облагородилъ *все*, даже таможню, и позволить писателямъ, какъ говорится, *перевести духъ*, и писать обо всемъ свободно, что полезно для государства, разумѣется съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, и не касаясь того, о чемъ запрещено писать. Безъ людей—законъ пустой звонъ! Аминь“. [1]

За всѣ свои старанія Булгаринъ былъ произведенъ въ 1846 году въ надворные совѣтники, на что имѣлъ право, числясь съ 1844 года на службѣ по главному управленію государственнаго коннозаводства.

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспедиціи, 1846 года, № 11, часть 1. Нѣкоторые документы, приведенные мною изъ названнаго дѣла, напечатаны и въ книгѣ Сухомлинова, но не совсѣмъ точно.

VIII.

1847 и 1848 годы.

Стихотвореніе Ростопчиной и его послѣдствія. Письмо Никитенку. Награда. Что-то неясное. Жалоба Муравьева. Доносъ на „Отечественныя Записки“. Аттестація „Пчелы“.

Но уже при концѣ 1846 года надъ Ѳаддеемъ Дубельтовичемъ висѣла грозная туча, о которой онъ думалъ со скрытымъ страхомъ...

Въ № 284 „Сѣверной Пчелы“ Булгаринъ напечаталъ извѣстное стихотвореніе графини Ростопчиной — „Насильный бракъ“, сдѣлавъ при этомъ очень лестную для автора оцѣнку его поэтическихъ дарованій, которую кончилъ заявленіемъ, что авторъ пожелалъ остаться неизвѣстнымъ, чтобы узнать, догадаются ли о его имени друзья и почитатели...

Снаружи содержаніе баллады сводилось къ сѣтованіямъ барона-рыцаря на свою холодную и невѣрную жену, оправдывавшую законность своихъ чувствъ къ мужу насильно заключеннымъ бракомъ. Но внутренній смыслъ былъ иной: баронъ символизировалъ Николая I, его жена—Польшу.

На сѣтованія барона:

... Ее я призрѣлъ сиротою,
И разоренной взялъ ее,
И далъ съ державною рукою
Ей покровительство мое;
Одѣлъ ее парчей и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ;
И врагъ ее чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.

* *
*

Я знаю, жалобой, навѣтомъ
Она вездѣ меня клеймитъ,
Я знаю—передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянетъ мой кровъ и щитъ,
И косо смотритъ изъ подлобья,
И повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни, точитъ ножъ...
Вдуваетъ огнь междоусобья...
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена!!!...

Жена отвѣчаетъ:

...Раба ли я или подруга—:
То знаетъ Богъ!...Я-ль избрала
Себѣ жестокаго супруга?
Сама ли клятву я дала?...
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я...
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый...
Я предана... я продана...
Я узница, а не жена!

. . . .

Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ...
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моимъ,
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться...
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена.

* *
*

Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ;
Меня же предалъ притѣсненью
Рабовъ лазутчиковъ своихъ.

Очень цѣнный разсказъ по этому дѣлу находимъ у служившаго въ корпусѣ жандармовъ Э. И. Стогова.

„Въ Питерѣ не поняли тайнаго смысла баллады; говорятъ, первый обратилъ вниманіе и понялъ государь Николай Павловичъ—вѣроятно, кто-нибудь прислужился. Тогда шефъ жандармовъ былъ добрякъ гр. А. Ѳ. Орловъ. Государь спросилъ Орлова, указывая на „Сѣверную Пчелу“:

— Читалъ ты это?

— Когда мнѣ заниматься этими глупостями.

— Ну такъ я прочту тебѣ, слушай: „Старый баронъ—это я, невѣста—это Польша“. Государь прочелъ всю балладу, смыслъ былъ ясенъ, приказалъ хорошенько проучить того, кто напечаталъ и кто сочинилъ. Баллада была безъ подписи; литературнымъ отдѣломъ „Пчелы“ завѣдывалъ Булгаринъ. Разсказывали, когда Орловъ позвалъ Булгарина и указалъ ему на стихи, Булгаринъ притворился не понявшимъ (а можетъ быть, оно такъ и было), но когда Орловъ прочиталъ и разъяснилъ, Булгаринъ, какъ полякъ—страшно струсилъ, въ оправданіе приносилъ срочную газетную работу, и нѣсколько разъ плачевнымъ голосомъ повторилъ: „мы школьники!“

„Добрякъ Орловъ притворился гнѣвнымъ: „такъ ты школьникъ?“—хватилъ его за ухо и поставилъ у печки на колѣни, самъ сѣлъ писать и продержалъ Булгарина на колѣняхъ болѣе часа, но, простивъ, сказалъ: „помни, школьникамъ бываетъ и другого рода наказаніе“.

„Когда государь спросилъ Орлова, и тотъ разсказалъ подробно сцену съ Булгаринымъ, государь много смѣялся и сказалъ Орлову: „ты, чудакъ, не старѣешься“ [1]

Трудно, разумѣется, сказать утвердительно, что Булгаринъ не зналъ истиннаго смысла баллады, но, по моему мнѣнію, онъ никогда не осмѣлился бы такъ дерзко поступить по отношенію къ Николаю, если бы хоть немного понималъ значеніе стихотворенія. По всей вѣроятности, дорожа сотрудничествомъ талантливой графини, онъ поспѣшилъ помѣстить красивую вещь и больше ничего.

Возможно еще, что его, какъ любителя всякихъ великосвѣтскихъ сплетенъ, привлекло предположеніе, что Ростопчина написала якобы свою автобіографію... Такъ думали тогда въ началѣ многіе.

Но съ другой стороны, можно утверждать, что по истеченіи нѣкотораго времени Булгаринъ понялъ, въ какое ужасное положеніе попалъ самъ и поставилъ газету, и рѣшилъ молчать... По словамъ Никитенка, когда царь узналъ о разговорѣ Орлова съ Булгаринымъ и услышалъ заступничество за него, то сказалъ: „Если онъ не виноватъ, какъ полякъ, то виноватъ, какъ дуракъ“. [2]

Когда же Булгаринъ клялся Дубельту всѣми святыми, что онъ старый солдатъ и вѣрноподданный и никогда не былъ полонофиломъ, то обращавшійся съ нимъ за панибрата генералъ отрѣзалъ: „Не полонофилъ ты, а простофиля“... [3]

Кстати еще два штриха въ обращеніи Дубельта съ „простофилей“.

Когда, Булгаринъ, особенно передъ подпиской, дерзнетъ, бывало, дозволить себѣ самую крохотную либеральную выходку... хотя бы о непостоянствѣ и нѣкоторомъ вредѣ петербургской погоды, Дубельтъ строго ему замѣчаетъ:

— „Ты, ты, у меня! вольнодумствовать вздумалъ!? О чемъ ты тамъ нахрюкалъ?... Климатъ царской резиденціи бранишь!? Смотри!..“

Однажды Булгаринъ навлекъ на себя гнѣвъ государя, приказавшаго Дубельту сдѣлать ему выговоръ за какую-то замѣтку. Булгаринъ былъ вытребованъ.

— „Становись въ уголъ!—скомандовалъ Дубельтъ.

— „Какъ, ваше превосходительство?

— „Какъ школьникъ становится: носомъ къ стѣнѣ.

Булгаринъ повиновался и полчаса простоялъ въ углу“... [4]

Возможно, что все это анекдоты, но во всякомъ случаѣ они очень характерны для опредѣленія отношенія къ Булгарину его враговъ и публики.

1 *Э. И. Стоговъ*, его посмертныя записки, „Рус. Старина“, 1886 г., X, 79—80.

2 *Никитенко*, н. с., I, 368.

3 *Каратыгинъ*, н. с., 291.

4 Ibidem, 168.

Номеръ „Сѣверной Пчелы“ съ „Насильнымъ бракомъ“ былъ, разумѣется, отобранъ у кого можно, а разлиберальничавшаяся Ростопчина потеряла свое положеніе при дворѣ.

Никто не хотѣлъ вѣрить, что она оставалась тою же преданною „патріоткой“, что балладу свою написала исключительно подъ вліяніемъ заграничнаго общества, гдѣ, конечно, всегда осуждали нашу польскую политику. Осенью 1847 г. графиня вернулась изъ-за границы въ Петербургъ и прожила тамъ спокойно два мѣсяца: затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, переселилась въ Москву. Но когда при первомъ же высочайшемъ пріѣздѣ туда Ростопчина пожелала чести представиться ихъ величествамъ, государь гнѣвно велѣлъ не допускать ее во дворецъ. [1]

Потомъ графиня наверстала свою патріотическую репутацію и даже настолько, что послѣ одного изъ стихотвореній 1857 года фельетонистъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ написалъ, что дѣятельность графини разбивается на три отдѣленія: первое такое-то, второе такое-то, а нынѣ она вступила въ III-е отдѣленіе...

Но правительство не ограничилось конфискаціей номера газеты и гнѣвомъ по адресу издателя и автора. Сейчасъ же былъ призванъ Несторъ Кукольникъ и ему заказали поэтическое опроверженіе... Черезъ нѣсколько дней былъ готовъ „Отвѣтъ“, который и пущенъ былъ по рукамъ по образцу каратыгинскаго стихотворенія по адресу французовъ (см. стр. 213). Привожу этотъ любопытный „заказъ“.

Отвѣтъ вассаловъ барону.

Мы собраны, баронъ, тобою,
Чтобъ споръ давнишній твой судить
Съ неугомонною женою,—
Изволь, мы будемъ говорить:
„Твоей жены семья намъ всѣмъ знакома,
„Мы знаемъ всѣ ея дѣла:
„Въ раздорахъ вѣкъ свой провела
„И не могла ужиться дома!
„Такъ никого не удивитъ,
„Что баба вздорная кричитъ.

* *
*

„Ихъ три сестры; когда живали
„Въ своей семьѣ, то сколько разъ
„Ихъ съ молотка распродавали...
„Какихъ тамъ не было проказъ!..
„При этой жизни мудрено ли,
„Что не для нихъ законный бракъ,
„Что мужъ имъ будетъ вѣчно врагъ;
„Распутство—идеалъ ихъ воли,—
„И никого не удивитъ,
„Что баба дерзко говоритъ.

[1] *Л. Ростопчина*, „Правда о моей бабушкѣ“, „Историческій Вѣстникъ“, 1904 года, № 3, 865.

* *
*

„Кокетки старой криковъ вздорныхъ
„Не надо слушаться, баронъ.
„Есть у тебя еще покорныхъ
„И, кромѣ этой, много женъ.
„Есть дочь великая—святая!
„Она—противъ невѣрныхъ щитъ
„И непокорную смиритъ,
„Вражду къ ней давнюю питая;
„Тебя, баронъ, не удивитъ,
„Что твой вассалъ такъ говоритъ“.

Женъ.

„Раба ли ты, или подруга—
„Вопросъ не трудно разрѣшить:
„Жена—коль своего супруга
„Ты будешь слушаться, любить,
„Раба—коль безразсудно снова
„Ты въ мутный бросишься потокъ,
„Забывши данный ужъ урокъ;
„Тогда и цѣпь тебѣ готова,
„И никого не удивитъ,
„Когда баронъ тебя скрутитъ.

* *
*

„Несправедливо и превратно
„Ты говоришь, что продана:
„Барону ты неоднократно
„Побѣдой въ руки отдана.
„Война судьбу твою рѣшила.
„Сама ты вспомни—сколько разъ
„Поработить хотѣла насъ?..
„Да, вѣрно, силы не хватило;
„Такъ никого не удивитъ,
„Что сильный слушаться велитъ.

* *
*

„Но кто болтать тебѣ мѣшаетъ
„На языкѣ твоемъ родномъ?
„И кто молиться запрещаетъ
„Во храмѣ предковъ вѣковомъ?
„Болтай, молись, но будь покорна;
„Не слушай крикуновъ чужихъ,
„Друзей обманчивыхъ твоихъ,—
„Ихъ дружба вѣкъ была притворна.
„И никого не удивитъ,
„Что мужъ ихъ слушать не велитъ“.

* *
*

Но не жена стихи писала,
Писалъ ихъ въ чепчикѣ поэтъ,
У ней способностей не мало,
Жаль, что разсудка больше нѣтъ.
Не стоитъ на нее сердиться,
Не стоитъ даже говорить,
Довольно пальцемъ погрозить
И приказать ей возвратиться,
И никого не удивитъ,
Когда баронъ ее проститъ. [1]

Видя, что „Отечественныя Записки“ по прежнему благоденствуютъ, хотя уже и безъ Бѣлинскаго, перешедшаго въ „Современникъ“, Булгаринъ, не могшій сдержать своей злости, пишетъ въ 1847 году Никитенку грозное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

„Я думаю, что не весьма полезно для Государя и Отечества пропущенное вами въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1844 г., № 2, смѣсь, стр. 98), въ которыхъ имя ваше было выставлено въ числѣ сотрудниковъ: „Богъ на крестѣ, освѣщающій свободу и равенство не однихъ римскихъ гражданъ, но и всѣхъ людей, какъ членовъ одного семейства, присущаго Его Божественности, — вотъ что побѣдило древній міръ и не перестаетъ развиваться и оплодотворяться въ мірѣ новомъ“. Такихъ и еще посильнѣе мѣстъ, пропущенныхъ вами въ „Отечественныхъ Запискахъ“, еще нѣсколько есть, а потому я удивляюсь, что вамъ вдругъ вздумалось сдѣлать изъ меня человѣка злонамѣреннаго, пишущаго противъ правительства!.. Я долженъ буду защищаться, представить на видъ все пропущенное вами въ „Отечественныхъ Запискахъ“, которыя помѣщали болѣе, нежели журналы, гдѣ свобода книгопечатанія (sic!), и вы все утверждали своею подписью. Скажу вамъ откровенно: горе литературѣ, когда цензора издаютъ журналы или сотрудничаютъ въ нихъ, точно такъ же, какъ горе коммерціи, когда таможенные занимаются торговлей“. [2]

„Насильный бракъ“ настолько скоро былъ забытъ незлобливымъ въ отношеніи Булгарина Орловымъ, что въ маѣ 1847 года, „во вниманіе къ отлично-усердной и ревностной его службѣ“, было высочайше повелѣно „не считать препятствіемъ къ полученію пенсіи и другихъ наградъ, кромѣ знака отличія безпорочной службы, отставки Булгарина въ 1811 году, по худой аттестаціи, отъ службы“...

---

[1] *Е. Некрасова*, „Графиня Е. П. Ростопчина“, „Вѣстникъ Европы“, 1885 г. № 3.
[2] „Русская Старина“, 1900 г., № 1.

5 октября Булгаринъ послалъ Дубельту:

„Во избѣжаніе искушенія, я не читаю и не получаю русскихъ журналовъ, но вчера вечеромъ получилъ съ городской почты прилагаемый нумеръ „Полицейскихъ Вѣдомостей" съ *замѣчаніемъ*, для напечатанія въ „Сѣверной Пчелѣ". Печатать не дерзаю, потому что, если меня посадятъ въ полицію, то никто меня не выручитъ, и когда по жалобѣ г. Дершау, издателя „Финскаго Вѣстника" (назвавшаго въ разборѣ моихъ „Воспоминаній" мать мою *дѣвицею*) его сіятельство графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ приказалъ мнѣ объявить: „*что если я не уймусь, то посадитъ меня на гауптвахту и запретитъ изданіе „Сѣверной Пчелы*", то что же было бы со мною по жалобѣ г. оберъ-полицеймейстера! А что было бы со мною, еслибъ я, подобно г. Межевичу, напечаталъ, что отъ жандармовъ (во множественномъ числѣ), которымъ поручено наблюденіе благочинія, *несетъ водкою* даже на похоронахъ?!. Для меня, несчастнаго парія, имѣвшаго несчастіе родиться по ту сторону Днѣпра, судя по прошлому, не было бы мѣста и въ Сибири! Потому въ такомъ только случаѣ напечатаю возраженіе, если Ваше Превосходительство позволите. „Полицейскихъ Вѣдомостей" расходится до 7000 экземпляровъ—и скандалъ великій!" [1]

Къ сожалѣнію, неизвѣстно, въ чемъ тутъ дѣло. Дершау былъ близокъ ко двору и умѣлъ постоять за себя въ полемикѣ съ Булгаринымъ.

Въ январѣ 1848 года извѣстный святоша Муравьевъ жаловался Дубельту на „Сѣверную Пчелу" за критику его „Римскихъ писемъ". Дубельтъ поневолѣ запросилъ Булгарина. Послѣдній отвѣчалъ ему 30 января:

„Добрый мой отецъ и командиръ Леонтій Васильевичъ.

„Вполнѣ понимаю непріятную обязанность Вашего Превосходительства отвѣчать что-нибудь на жалобы лицъ, значащихъ что-либо въ свѣтѣ. По какому праву г. Муравьевъ жаловался Вамъ на „Сѣверную Пчелу"? Въ ней была только перепечатана слово въ слово часть критики на сію книгу изъ „Московскаго Сборника". Почему же онъ не жаловался на „Московскій Сборникъ" если полагаетъ, что въ свѣтскихъ журналахъ нельзя критиковать того, что напечатано съ дозволенія духовной цензуры, и почему же онъ не жалуется на первую книжку „Сына Отечества", въ которой книжка его „Римскія письма" выставлена образцомъ невѣжества? По цензурному уставу, журналы имѣютъ право критиковать всѣ сочиненія, выходящія въ Россіи, и въ критикѣ „Римскихъ писемъ" Муравьева она не коснулась догматовъ Церкви, но изобличала только невѣжество Муравьева въ исторіи и на это имѣла полное право. Еслибъ сегодня митрополитъ издалъ исторію Церкви или православія, историческая часть сочиненія подвергалась бы критикѣ. Этому же представила примѣръ „Сѣверная Пчела" и другіе журналы.

„Г. Муравьевъ воображаетъ, что критикуютъ его по интригѣ книгопродавца

[1] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспед., 1846 г., № 11, часть I.

Ратькова, которому онъ продалъ остальные экземпляры „Римскихъ писемъ“ перваго изданія, съ условіемъ не продавать второго изданія, пока не разойдутся всѣ экземпляры, проданные Ратькову. Когда безъ всякой интриги объявленіе о второмъ изданіи „Римскихъ писемъ“ было замедлено въ „Сѣверной Пчелѣ“ шестью днями, по недостатку мѣста, г. Муравьевъ обратился съ жалобою къ генералу Полозову, которому я и объяснилъ дѣло. Г. Муравьевъ долженъ былъ устыдиться.

„Чего же ищетъ святоша Муравьевъ, окруженный образами и теплящимися свѣчами?... Не царства небеснаго, но земныхъ выгодъ, денегъ, продавая по дорогой цѣнѣ свои негодныя, исполненныя самыми непростительными ошибками сочиненія, въ чемъ Вы можете удостовѣриться, прочитавъ критику въ „Московскомъ Сборникѣ“ и въ „Сынѣ Отечества“ № 1 на 1848 годъ. Продавая свои сочиненія книгопродавцамъ, онъ обѣщаетъ имъ впередъ, что противъ этихъ сочиненій не будетъ критики и что они будутъ продаваться по всѣмъ учебнымъ и духовнымъ заведеніямъ, а появилась критика, то жалуется высшей власти и клевещетъ, якобы критика появилась вслѣдствіе интригъ книгопродавца. Это ли святость, христіанское смиреніе и христіанское безкорыстіе!?... Повѣривъ числа появленія критики въ „Московскомъ Сборникѣ“ и въ „Сынѣ Отечества“, можно убѣдиться, что критика въ „Сѣверной Пчелѣ“ перепечатанная въ сокращеніи изъ „Московскаго Сборника“, появилась годомъ позже. А жалоба на „Сѣверную Пчелу!“ Хорошо было бы для всего человѣчества, если бы въ лицѣ г. Муравьева пріостановить корыстолюбивые порывы суесвятства, падшіе со времени Магницкаго и Фотія и нынѣ снова возстающіе съ большею дерзостью. Законъ есть, пусть онъ дѣйствуетъ.

„На завтра утромъ я приглашаюсь г. исправляющимъ должность оберъ-полицеймейстера въ его канцелярію, также по какимъ-нибудь объясненіямъ. Иду съ 14 томомъ Свода законовъ подъ пазухой (гдѣ цензурный уставъ), въ которомъ городской полиціи не показано никакого вмѣшательства въ литературѣ, гдѣ есть цензура и министръ просвѣщенія. Господи, Твоя воля! Ужели нашъ добрый Царь издалъ законы для того, чтобы каждая мѣстная власть могла попирать ихъ! Какъ прибѣгнуть къ Престолу? Попробую чрезъ комиссію прошеній. Комунисмъ разливается во всей силѣ въ Россіи и явно провозглашается въ журналахъ Краевскаго, но 150000 рублей дохода — для него эгида, — и вся бѣда падаетъ на людей, показывающихъ неправду въ книгахъ и безпорядки въ жизни.

„Честь имѣю препроводить: 1. Записку о крестьянахъ, не для печати, но для Вашихъ соображеній и 2. Стихи, кажется сочиненія генерала Дарагана, присланные его женой. Если можно, мы ихъ напечатаемъ въ „Пчелѣ“.

„Съ чувствами глубокаго уваженія и душевной преданности имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Ѳаддей Булгаринъ*“.

„Записки о крестьянахъ“ не привожу, потому что она не представляетъ особеннаго интереса...

Февральская революція способствовала еще большей графоманіи со стороны Булгарина, снова ухватившагося за Краевскаго, на котораго опять призывалъ всѣ громы земные... 6 марта онъ пишетъ Дубельту:

,,Отецъ и командиръ Леонтій Васильевичъ!

,,Ночью напоролъ Вамъ что знаю и во что вѣрю, какъ въ Бога! Если не разберете моей руки, прикажите явиться, назначивъ часъ—я явлюсь и прочту. Угодно, я велю переписать своему писцу. Любопытныя приложенія представлю во вторникъ. Вѣрю въ безпредѣльную преданность Вашу къ Царю, но если пощадите главу комунистовъ и развратителя цензуры—Краевскаго и поборника его Никитенко, ничего не сотворите. Полевому запретили журналъ *за одну статью*, Кирѣевскому *за десять строкъ* противъ нѣмцевъ,[1] мнѣ грозилъ графъ А. Ф. Орловъ, черезъ Васъ, запретить ,,Пчелу" и посадить на гауптвахту за полемику съ мальчишкой Дершау, который, разбирая мои воспоминанія, *насмѣхался надъ моею матерью*, а Краевскій — недотрога! Душевно и искренно люблю Васъ и уважаю и не смѣю говорить всего, но для защиты Вашей готовъ пролить кровь мою—и васъ въ городѣ называютъ защитникомъ Краевскаго, а я кричу—*лжете!* Увидите выписки— убѣдитесь, что за человѣкъ Краевскій, а что онъ даетъ направленіе цензурѣ, — это вѣрно, какъ Богъ на небѣ. Каждую пятницу на собраніяхъ у Никитенки этому можно научиться. Я отецъ малолѣтнихъ дѣтей и съ юности моей врагъ, и врагъ заклятый, революцій и революціонеровъ и если бы было можно, все что написали въ ,,Запискахъ", напечаталъ бы, доказалъ выписками и подписалъ мое имя. Пороковъ имѣю много, но лгать не умѣю, что признали и враги мои. Пишу, ибо страшусь за дѣтокъ моихъ!"[2]

Въ приложенной запискѣ ,,О цензурѣ и комунизмѣ въ Россіи" нѣтъ ничего новаго. То же обличеніе Краевскаго и цензоровъ съ прибавкою ругательствъ по адресу Никитенка, котораго Булгаринъ теперь вдругъ считаетъ самымъ опаснымъ человѣкомъ въ Россіи, ,,хуже Краевскаго"...

Въ мартѣ 1848 года III Отдѣленіе должно было сообщить меньшиковскому комитету свои характеристики періодическихъ изданій. Любопытно, какъ аттестовывалась „Сѣверная Пчела". Въ первоначальной характеристикѣ, написанной М. М. Поповымъ, ей досталось таки порядочно: и програму-то превышаетъ, и заманиваетъ публику всевозможными ухищреніями, и Булгаринъ злословитъ всѣхъ своихъ литературныхъ и личныхъ враговъ, особенно передъ подпиской и т. д. Конецъ же гласилъ: „Хотя Гречъ и Булгаринъ люди опытные и осторожные, а потому въ статьяхъ собственно литературныхъ не допустятъ ничего прямо преступнаго, но они не откажутся напечатать и преступную статью, если статья эта

[1] Булгаринъ не могъ не знать этого точно и потому мое предположеніе объ истинной причинѣ запрещенія „Европейца" вполнѣ основательно (см. стр. 72).

[2] Дѣло архива III Отдѣленія, 1848 года, № 25.

почему либо можетъ придать цѣну ихъ газетѣ. По важности значенія журналистики въ наше время должно желать, чтобы издатели журналовъ были люди безукоризненные и съ возвышенными чувствами, а этому требованію едва-ли не менѣе всѣхъ другихъ журналистовъ соотвѣтствуютъ издатели „Сѣверной Пчелы".

Но Дубельтъ не могъ не порадѣть родному человѣчку и написалъ: „ослабить обвиненія..." Вслѣдъ за этимъ меншиковскому комитету была отправлена такая характеристика:

„Сѣверная Пчела" выходитъ 6 разъ въ недѣлю, на основаніи же программы, утвержденной въ сентябрѣ 1824 г. (если впослѣдствіи не было дополнительныхъ разрѣшеній), должна выходить только 3 раза въ недѣлю. По содержанію статей „Пчела" не можетъ выходить изъ программы, ибо въ этой газетѣ разрѣшено печатать и политику, и все, что только принадлежитъ къ области наукъ, словесности, художествъ и общественной жизни. Въ этой газетѣ обращаетъ на себя вниманіе полемика, ибо издатели ея, сталкиваясь съ другими журналистами и писателями, по денежнымъ выгодамъ и различію мнѣній, нерѣдко завязывали продолжительныя критики и антикритики, такъ что въ 1843 г. по министерству народнаго просвѣщенія возникала переписка о средствахъ къ прекращенію этой полемики. Кромѣ того, Булгаринъ нѣсколько разъ былъ приглашаемъ въ III Отдѣленіе для убѣжденій, чтобы оставилъ личности и неудовольствія. Иногда же въ „Пчелѣ" помѣщались и такія статьи (напримѣръ, въ № 284 за 1846 г., стихотвореніе гр. Ростопчиной—„Насильственный бракъ"), которыя не слѣдовало предавать печати. Впрочемъ, „Сѣверную Пчелу" въ политическомъ отношеніи должно причислить къ самымъ благонамѣреннымъ, въ духѣ правительства дѣйствующимъ журналамъ". [1]

Въ началѣ 1848 года Булгаринъ удостоился получить отъ графа Орлова матеріалы для статьи о Сперанскомъ, которыми онъ и воспользовался въ статьѣ своей —„Воспоминанія", напечатанной въ іюльской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія". Потомъ, въ іюлѣ же, онъ получилъ высочайшій выговоръ за эту работу, найденную Комитетомъ 2 апрѣля совершенно неумѣстною по опубликованнымъ фактамъ изъ прошлаго Сперанскаго... [2] Но, не зная еще ничего о грозящей ему непріятности, Булгаринъ спѣшитъ благодарить Орлова и кстати похвастаться готовностью „Сѣверной Пчелы" поддержать негодованіе на „бунтовавшихся" французовъ. Онъ пишетъ шефу жандармовъ:

„Благодарю покорнѣйше Ваше Сіятельство за сообщеніе статьи покойнаго М. М. Сперанскаго. Она была превосходна *въ свое время*. Теперь другія обстоятельства, другія потребности и другой народъ, и съ нимъ надобно говорить иначе, *но говорить непремѣнно надобно*, ибо общее мнѣніе, какъ поверх-

[1] Ibidem.

[2] См. мою книгу „Очерки по исторіи рус. цензуры и т. д.", 215—216.

ность воды, всегда колеблется и съ которой стороны сильнѣе подуетъ, туда оно и стремится.

„Что „Сѣверная Пчела“ умѣетъ дѣйствовать на общее мнѣніе, это доказано послѣ бунта 14 декабря 1825 г.; въ турецкую войну, когда злонамѣренные люди распространили самые ядовитые толки, точно какъ въ 1809 году, о которыхъ говоритъ М. М Сперанскій, и, наконецъ, во время польскаго возмущенія, когда даже *офиціальное извѣстіе о бунтѣ* и всѣ воззванія къ полякамъ написаны мною, хотя Государю Императору, вѣроятно, это и неизвѣстно. И теперь „Сѣв. Пчела“—та же вѣрная слуга и я тотъ же вѣрный подданный, душевно преданный Государю. Но дѣйствовать теперь къ благой цѣли весьма трудно, ибо комунизмъ сильно овладѣлъ письменностью и цензурою, посредствомъ вліянія на всѣ министерства партіи „Отечественныхъ Записокъ“ и ,,Современника‘‘, такъ что всему честному и доброму трудно пробиться сквозь разставленныя сѣти. Нынѣшнюю статью въ ,,Сѣверной Пчелѣ‘‘ я съ трудомъ выпустилъ въ свѣтъ. Наша современная публика любитъ разсуждать и я представилъ ей *настоящую русскую философію*, основанную на евангеліи и природѣ. Другой философіи ,,Сѣверная Пчела‘‘ никогда не признавала. Это антиподъ противъ *комунизма*. Благоволите, сіятельнѣйшій графъ, заглянуть въ ,,Сѣверную Пчелу‘‘ при семъ прилагаемую. Ни отъ одного русскаго вельможи не слышалъ я такихъ великихъ истинъ и ни въ одномъ не видѣлъ такой глубокой проницательности, такой чистой, здравой логики, какъ отъ Васъ и у Васъ! И потому мнѣніе Вашего Сіятельства мнѣ чрезвычайно дорого.

,,Станьте, Сіятельнѣйшій графъ, *въ челѣ общаго мнѣнія*, и я готовъ на жизнь и смерть ратовать за правду подъ Вашимъ знаменемъ. Десять лѣтъ сряду комунизмъ безнаказанно, а напротивъ, въ почести и подъ защитою заражаетъ общее мнѣніе своимъ ядомъ. Десять лѣтъ я противоборствую ему, претерпѣвая различныя гоненія и непріятности. Пора вырвать съ корнемъ плевелы‘‘. [1]

Рѣчь шла о фельетонѣ Булгарина въ № 58 „Сѣверной Пчелы‘‘, который настолько характеренъ для этой газеты, что я привожу его подлинно:

,,Фельетонъ не кафедра, и въ немъ, какъ съ кафедры нельзя развивать вполнѣ высокихъ истинъ; удовольствуемся сравненіемъ благонамѣреннаго фельетона съ *часами*, при которыхъ находится *будильникъ*. Стрѣлка указываетъ на настоящее время и его потребность, а будильникъ призываетъ мысль къ работѣ. Помните, любезные наши читатели, что отъ невѣрности хронометровъ запутывается счисленіе во время плаванія, и корабль попадаетъ на мель или на подводные камни. Не всякимъ часамъ вѣрьте!

„Гдѣ высшая мудрость?—Въ мірозданіи.—А какъ создана Вселенная?—Въ величайшемъ порядкѣ, основанномъ на *согласіи* всѣхъ частей (harmonia) и *постепенности*. Жизнь, зараждающаяся во *мхѣ*, развита вполнѣ въ *человѣкѣ*, одаренномъ разумомъ и душею безсмертною. Всѣ планеты слѣдуютъ неотступно

[1] Архивъ III Отдѣленія 1 экспед. 1848 г., № 25.

законамъ солнечной системы. Вѣнецъ творенія—человѣкъ. Божественнымъ *откровеніемъ* ему указана будущая судьба его въ вѣчности, и данъ разумъ, для утвержденія счастія въ земной жизни. Человѣкъ не можетъ жить отдѣльно, уединенно, какъ дикіе звѣри, но долженъ жить въ обществѣ, въ соединеніи съ своими собратіями.

,,Какъ же должно быть устроено человѣческое общество, и съ чего взять человѣку примѣръ? Разумѣется, съ совершенства премудрости: съ міозданія. Каждое общество должно имѣть своего главу, свое солнце, и *въ каждомъ обществѣ* должны быть *согласіе* (harmonia) и постепенность, съ верху до низу. Все вмѣстѣ, на землѣ, составляютъ одну *природу*, а между людьми разныя сословія образуютъ одно *общество*. Физическое и нравственное устройство человѣка, образчика Вселенной (микрокосмъ), подтверждаетъ эту великую истину.

,,Каждая часть имѣетъ свое собственное назначеніе, и повинуется *головѣ*. Человѣкъ можетъ жить безъ ногъ и безъ рукъ, но не можетъ жить безъ *головы!* Нѣсколько головъ на одномъ туловищѣ было бы *уродливостью*, и жизнь такого существа была бы слаба, безсмысленна и недолговѣчна. При первыхъ человѣческихъ обществахъ старшій въ семьѣ былъ и главою его. Когда семейства размножились, родоначальникъ, т. е. патріархъ, былъ главою племени, или многихъ семействъ одного происхожденія, а наконецъ надъ многими племенами поставленъ патріархъ патріарховъ, царь, общій *отецъ* великой семьи всего народа и всей страны, названной, по его значенію, *отечествомъ*. Полное согласіе общества, основаннаго на высочайшей мудрости, зависитъ отъ взаимной любви и довѣренности между старшими и младшими и отъ повиновенія властямъ, учрежденнымъ для охраненія спокойствія и счастія всѣхъ и каждаго, отъ малаго до великаго. Этотъ порядокъ подтвержденъ словами Евангелія: ,,Всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется. Нѣсть бо власти, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть''. Посланіе Св. Апостола Павла къ Римлянамъ, Глава XIII ст. 1. Въ природѣ нѣтъ двухъ листовъ на одномъ деревѣ, совершенно сходныхъ между собою, т.-е. равныхъ. Между людьми есть только равенство духовное предъ Создателемъ, а на землѣ люди Высшею Силою подчинены *постепенности*. Отъ этой *постепенности* въ званіяхъ и разнообразія занятій въ обществѣ проистекаетъ общая сила и благоденствіе. Какъ въ семействѣ есть старшіе, такъ въ каждомъ гражданскомъ обществѣ, отъ глубочайшей древности до сихъ поръ, были, есть и будутъ старшины, встарину левиты, патриціи, то же, что въ наше время дворяне.

,,Дворянство—это живая лѣтопись народной славы. Исторія каждаго дворянскаго рода тѣсно связана со всѣми великими событіями въ отечествѣ; въ мирѣ и въ войнѣ. Въ старинной Французской Монархіи, основанной на рыцарствѣ, было правило: noblesse oblige, т.-е. дворянское званіе налагаетъ на человѣка обязанности! Въ нашемъ отечествѣ путь къ дворянству открытъ всякой доблести, всякой заслугѣ и всякому высокому таланту, потому что всѣ мы дѣти одного отца. Только этотъ порядокъ проченъ, надеженъ и ведетъ къ силѣ, могуществу,

истинному просвѣщенію и благосостоянію. Старинная пословица справедлива: „въ семьѣ не безъ урода".

„Въ нашъ вѣкъ просвѣщеніе въ Западной Европѣ, сошедъ съ пути, начертанномъ Вѣрою и чиномъ природы, отъ излишняго напряженія въ отыскиваніи тонкостей (subtilités) ослѣпло и попало на путь лжемудрствованія. Слѣпцы хотятъ указывать дорогу другимъ! Оградимся отъ нихъ словами Спасителя: „Рече же причту имъ: егда можетъ слѣпецъ слѣпца водити; не оба ли въ яму впадутъ". Еванг. отъ Луки, Глава VI ст. 39. Сбылось сказанное: попадали въ яму и вожатые и ведомые! Вотъ вамъ, любезные читатели, все наше ученіе! Оно не длинно, потому что правда не любитъ пустословія, а мы заклятые враги широковѣщательности, діалектики, софисмовъ и парадоксовъ, которыми слѣпые теоретики сбиваютъ съ толку незрѣлые умы. Краткое наше ученіе мы можемъ подкрѣпить цѣлыми томами примѣровъ, что многовластіе есть источникъ слабости и разрушенія, а единовластіе—основаніе силы и жизни. У язычниковъ, вѣрившихъ многобожію не было вѣры, т.-е. не было истинной, кроткой вѣры, надежды, любви, Христіанскаго милосердія и человѣколюбія. Іоаннъ III, Великій, такъ сказать, основалъ Россію на единодержавіи, а Петръ Великій самодержавною силою просвѣтилъ ее, выдвинулъ въ Европу, укрѣпилъ на вѣки и поставилъ въ ряду первыхъ Державъ въ мірѣ!

„Довольно! Пожалѣемъ о несчастіяхъ, постигнувшихъ Запад. Европу, и съ спокойнымъ сердцемъ, съ довѣренностью къ постепенно развивающемуся благоденствію нашей любезной Россіи, обратимся къ нашей вседневной жизни, къ нашимъ домашнимъ хозяйственнымъ хлопотамъ и забавамъ или отдохновенію.

„Мы уже говорили однажды въ Сѣверной Пчелѣ, что самое завидное положеніе въ свѣтѣ, по нашему мнѣнію, это положеніе Русскаго помѣщика. Какое обширное поприще для дѣятельности ума, познаній; сколько наслажденій для сердца представляетъ званіе помѣщика въ его вотчинѣ! Едва ли есть въ Россіи одна, которой достоинство нельзя было бы возвысить раціональнымъ хозяйствомъ. Какой пріятный трудъ! Можетъ ли быть высшее наслажденіе, какъ просвѣщеніе Русскаго человѣка Вѣрою и сообразными званію его познаніями, истребленіе вредныхъ для него повѣрій и предразсудковъ, спасеніе жизни врачебными пособіями, которыхъ крестьянинъ чуждается, потому что не понимаетъ! Вы изъѣздили, господа, чужія страны; примѣните же къ нашему быту хорошее, честное, полезное, сообразное съ нашими потребностями. Выстройте порядочный домикъ въ вашей усадьбѣ, заведите небольшое собраніе книгъ, украсьте стѣны, если не дорогими картинами, то хоть эстампами, преимущественно портретами Русскихъ героевъ и полезныхъ людей и изображеніями великихъ отечественныхъ событій. Разведите фруктовый садъ, учредите какую нибудь домашнюю фабрику, хоть бы простого крестьянскаго сукна и грубаго холста, чтобъ занять дѣтей и внуковъ старыхъ слугъ вашихъ родителей, которые еще не понимали, что огромная дворня—это антоновъ огонь (gangrena) въ имѣніи. Многіе вооружаются противу псовой охоты, а мы почитаемъ ее не только пріятнымъ, но даже

и необходимымъ занятіемъ для истребленія хищныхъ звѣрей, и совѣтуемъ вамъ охотиться для укрѣпленія вашего здоровья. Тихая жизнь въ семействѣ, пріятное общество въ кругу сосѣдей, музыка, чтеніе и труды на пользу вашихъ поселянъ слѣдственно на пользу общую,—это жизнь райская. Хорошо посмотрѣть, какъ живутъ въ чужихъ краяхъ, если умъ приготовленъ къ тому основательнымъ воспитаніемъ; но всему есть мѣра, и нѣтъ справедливѣе Русской пословицы, какъ: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше".

„Если вы страждете недугомъ, въ Россіи есть цѣлительныя воды всѣхъ свойствъ. Хотите ли непремѣнно пожить внѣ вашей вседневной жизни, милости просимъ къ намъ въ Остзейскія Губерніи, въ Либаву, Шлокъ, Гапсаль, Перновъ, Ревель, на морскія купальни; въ Аренсбургъ (на островѣ Эзелѣ) къ цѣлительнымъ грязямъ; въ Кеммернъ, въ Бальдонъ, къ минеральнымъ водамъ; въ красивый и ученый Дерптъ, за совѣтами знаменитаго тамошняго Медицинскаго факультета. Въ Остзейскихъ Губерніяхъ вы можете присмотрѣться къ обычаямъ тамошней жизни, научиться экономіи, сельскому хозяйству и дешевому наслажденію жизнью. Въ Финляндіи вы будете въ Скандинавскомъ мірѣ, среди нравовъ патріархальныхъ, если не ограничитесь однимъ Гельсингфорсомъ, а если захотите видѣть чудо, выше Швейцарскихъ ледниковъ и Рейнскаго водопада, взгляните въ Торнео на *незаходящее солнце* въ іюнѣ. Для насъ путешествіе изъ пуховиковъ въ пуховики, изъ за одного общаго стола (table d'hôte) за другой, пошло, скучно и не имѣетъ никакой прелести. Путешествіе съ небольшими лишеніями и хлопотами, напротивъ, оставляетъ пріятныя впечатлѣнія, и потому прогулка по нашему Сѣверу чрезвычайно занимательна".

Такихъ статей Булгаринъ и Гречъ писали не мало. Ограничиваюсь приведенной, какъ очень яркимъ образцомъ умѣнья приспосабливаться къ обстоятельствамъ...

---

16 апрѣля (1848 г.) Булгаринъ пишетъ Дубельту:

„Отецъ и командиръ Леонтій Васильевичъ.

„Его Сіятельство графъ Алексѣй Федоровичъ милостиво позволилъ мнѣ являться къ нему. Но я боюсь употребить во зло его милостивое распоряженіе, а потому я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство передать Его Сіятельству мою письменную бесѣду. Состарившись въ омутѣ жизни и видѣвъ многое, полагаю, что иногда замѣчанія мои могутъ быть небезполезны для вѣрнаго слуги царскаго и истиннаго патріота, котораго я душевно люблю и уважаю, и убѣжденъ, что онъ меня понимаетъ.

„1. По городу разнесся слухъ, якобы крестьяне въ Лифляндіи оказываютъ безпокойство духа и угрожаютъ помѣщикамъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже являлись ко мнѣ подѣлиться своимъ страхомъ и трепетомъ. Это древняя исторія. При императорѣ Павлѣ Петровичѣ до 30000 мужчинъ, эстовъ, подступали подъ Ревель. Во время польскаго мятежа мой карловскій приказчикъ доложилъ мнѣ,

что лишь только поляки вторгнутся въ Лифляндію, мужики станутъ рѣзать помѣщиковъ. Ненависть крестьянъ лифляндскихъ, особенно эстовъ, къ господамъ и вообще къ нѣмцамъ выше всего, что можно себѣ представить. Однажды я зашелъ съ русскимъ дворяниномъ Храпковымъ на охоту, верстъ за 20 отъ Карлова, и очутился въ лѣсу, на полянѣ, гдѣ было крестьянское жилище. Я спросилъ по-чухонски молока. Крестьянинъ грубо отвѣчалъ: „нѣтъ молока“. Я сказалъ, что заплачу; крестьянинъ высказалъ: „не нужно мнѣ твоихъ денегъ“. Обратясь къ моему товарищу, я сказалъ по-русски: „Экой разбойникъ, дойныя коровы пасутся передъ домомъ, а не даетъ молока“. Тутъ крестьянинъ спросилъ меня также по-русски: „А вы русскіе господа?“ Русскіе, отвѣчалъ я. „Ну, такъ для васъ есть молоко. А я думалъ, что вы мошенники нѣмцы“. Онъ далъ и никакъ не хотѣлъ взять денегъ.

„Когда за два года передъ симъ были безпокойства въ Лифляндіи и высланы были казаки, крестьяне мои пришли ко мнѣ гурьбою, и выбранный изъ нихъ сказалъ мнѣ: „Вы собираетесь ѣхать въ Петербургъ, баринъ. Мы слышали, что тамъ также будетъ бунтъ, останьтесь лучше съ нами, а если не можете, оставьте жену и дѣтей вашихъ. Они между нами будутъ въ безопасности, мы своею кровью защитимъ ихъ, еслибъ дошло до бѣды. Опасаться надобно нѣмцамъ, а не вамъ, нашему доброму, старому русскому барину“. Въ прошломъ году одинъ богатый крестьянинъ близъ Дерпта, нынѣ 75 лѣтъ отъ рожденія, на смертномъ одрѣ призвалъ къ себѣ пастыря Гегеве. Причастившись Св. Тайнъ, мужикъ обратился къ тремъ взрослымъ сыновьямъ и увѣщевалъ ихъ быть добрыми и честными людьми, а въ концѣ промолвилъ: „Завѣщаю вамъ вѣчную ненависть къ нѣмцамъ и приказываю вредить имъ при каждомъ случаѣ“. Пасторъ сталъ увѣщевать умирающаго, но онъ сказалъ: „Каюсь во всемъ передъ Богомъ, но ненависти къ нѣмцамъ не могу истребить въ душѣ и передаю ее дѣтямъ“. Это разсказывалъ мнѣ самъ пасторъ Гегеве... Не припоминаетъ ли это ненависть мексиканцевъ къ нѣмцамъ во времена Фернанда Кортеса? Одинъ кацикъ не хотѣлъ принять христіанства, умиралъ въ мученіяхъ, чтобъ не быть въ раю, вмѣстѣ съ испанцами.

„Вотъ основная причина той вѣрности, которою лифляндцы и эстляндцы хвастаютъ и гордятся. Пошевелись только нѣмцы противу Россіи—мужики всѣхъ ихъ вырѣжутъ, и нѣмцы знаютъ это очень хорошо. Войско нужно не для удержанія края въ повиновеніи русскому Царю, но для защиты нѣмецкихъ жизней отъ туземцевъ. Изъ ненависти къ помѣщикамъ мужики принимаютъ русскую вѣру. Да, нѣмцы не имѣютъ въ остзейскихъ провинціяхъ ни малѣйшаго вліянія на крестьянъ и кто говоритъ не это, тотъ говоритъ или по незнанію дѣла, или противу совѣсти. Il est bon de savoie cela.

„2. Пріѣхавшіе люди изъ Западныхъ губерній сказывали мнѣ, что и тамъ крестьяне въ такомъ же духѣ противу своихъ пановъ, какъ въ Лифляндіи крестьяне противу нѣмцевъ. У русскаго лакея одного русскаго чиновника крестьяне, въ Гродненской губерніи, спрашивали: „ачи скоро кажутъ намъ пановъ

рѣзать?“ (т.-е., скоро ли прикажутъ намъ рѣзать господъ), увѣряя, что до нихъ дошли слухи, якобы въ другихъ мѣстахъ уже рѣжутъ пановъ. Западныя губерніи, хотя бы желали, не могутъ возмутиться, особливо съ тѣхъ поръ, какъ повыбрали шляхту въ рекруты; тамъ также нужно войско не для удержанія края въ повиновеніи, а для защиты дворянства отъ крестьянъ.

„3. Бунтъ возможенъ только тамъ, гдѣ помѣщики и крестьяне, поляки, т.-е. говорятъ однимъ языкомъ и исповѣдуютъ одну католическую вѣру. Но этотъ бунтъ можетъ быть только вреденъ во время войны тѣмъ, что должно будетъ содержать войско въ тылѣ для охраненія транспортовъ, курьеровъ, госпиталей и магазиновъ. Возстать явно не посмѣютъ, не имѣя не только пушекъ, но даже барабанщика.

„4. Послѣ того, какъ Государь Императоръ объявилъ, что онъ не намѣренъ дать свободу крестьянамъ, дворянство торжествуетъ побѣду надъ министромъ Перовскимъ и графомъ Киселевымъ. Въ городѣ повторяютъ разныя bons-mots князя Меншикова: „намъ не страшенъ коммунисмъ, а страшенъ киселисмъ“, и т. п. Для меня Перовскій совершенно чуждый человѣкъ, но еслибъ онъ былъ врагъ мой, я сказалъ бы по совѣсти, что онъ довелъ удѣльныхъ крестьянъ до высшей степени благоденствія, не соблазняя крестьянъ помѣщичьихъ, а, такъ сказать, тихомолкомъ: завелъ общую запашку, общественный капиталъ, уничтожилъ взятки, давъ управителямъ честныя средства къ пріобрѣтенію, положилъ проценты въ ихъ пользу отъ каждаго улучшенія и т. п. Все это я повѣрилъ собственными глазами въ Псковской, т.-е. самой дурной губерніи.

„Его Сіятельству графу Алексѣю Федоровичу я имѣлъ честь докладывать изустно, что графъ Киселевъ, противу своей воли и желанія, произвелъ много зла безпрерывными обнародованіями правилъ французской конституціи 1791 года,— le avoit de l'homme, а на дѣлѣ разореніемъ въ пухъ государственныхъ крестьянъ. Можетъ ли быть порядокъ, когда по одной сторонѣ рѣки, въ государственныхъ имуществахъ, объявляютъ республиканское правленіе и le avoit de l'homme, а на другой сторонѣ рѣки, въ помѣщичьемъ имѣніи, помѣщикъ самовластенъ и можетъ даже по своему произволу сослать человѣка въ Сибирь безъ суда и расправы, если этому человѣку не понравится, что баринъ приволакивается за его женою или сестрою? Вся бѣда, что у насъ для одного сословія законъ не одинъ, и что Киселевъ окруженъ фанфаронами, невѣждами и плутами. Они разорили въ конецъ бѣдныхъ мужиковъ государственныхъ имуществъ, и я нарочно ѣздилъ въ Гдовскій уѣздъ и Псковскую губернію, чтобы удостовѣриться въ этомъ.

„Когда при восшествіи на престолъ Государя Императора было объявлено, что каждый вѣрноподданный имѣетъ право подавать свое мнѣніе на пользу общую, я написалъ мнѣніе и подалъ графу Бенкендорфу. Мое мнѣніе пропало, и только одинъ пунктъ уцѣлѣлъ, но исполненъ плохо. Вотъ перечень моего мнѣнія:

„1. Кто хочетъ научиться плавать, тотъ долженъ, хоть на помочахъ, броситься въ воду. 2. Крестьяне не могутъ всегда оставаться въ нынѣшнемъ положеніи и рано или поздно дойдетъ до топорной эмансипаціи. 3. Для каждаго

сословія: дворянскаго, средняго и крестьянскаго, долженъ быть особенный, но одинъ законъ, т.-е. права. 4. Никогда не начиная, никогда не кончишь. Когда-нибудь да надобно начать, и я показалъ, что начать надобно съ того, чтобъ все хорошее, существующее въ обычаяхъ, сдѣлать закономъ, т.-е. раздѣливъ Россію по климатамъ на три полосы, сѣверную, среднюю и южную, все благоустройство (т.-е. избраніе въ рекруты, барщину или оброкъ, сельское управленіе), существующее въ образцовыхъ имѣніяхъ, ввести закономъ во всѣ имѣнія. Это былъ бы первый шагъ на этомъ поприщѣ, ни для кого не обидный, кромѣ для тирановъ и мотовъ, которыхъ жалѣть нечего. 5. Каждый рожденный на землѣ Русской, князь и крестьянинъ, долженъ присягать въ вѣрности русскому Царю. Дѣло важнѣе, нежели другіе думаютъ. 6. Сочинить катехизисъ для простого народа, гдѣ бы простонародно истолкована была вѣра и обязанности каждаго сословія къ церкви и престолу. Это послѣднее мнѣніе мое исполнено, но неудачно. Поручили составленіе катехизиса ученому и педагогу митрополиту Жихареву. Онъ составилъ премудрость, которая не идетъ къ дѣлу. Есть въ Рыбинскѣ народный проповѣдникъ, выше парижскаго Лакордера, онъ одинъ въ состояніи написать народный катехизисъ.

„Я только назвалъ заглавіе статей моего мнѣнія, но въ подлинникѣ у меня все было развито и подкрѣплено примѣрами. Будь я дѣйствительный тайный совѣтникъ, меня бы послушали, можетъ быть. Воля ваша—объявить свободу вдругъ—страшно, но можно дѣйствовать исподволь, такъ что черезъ 50 лѣтъ дѣло сдѣлается легко. Но начать когда-нибудь надобно, даже и дворянство не замѣтитъ, что дѣлается для нихъ.

„Въ Москвѣ появилась каррикатура: идетъ тѣнь Пугачева, опираясь одной рукой на плечо Перовскаго, а другою на плечо Киселева. Нынѣ Пугачевъ на нихъ не будетъ опираться, а на костры дворянскихъ домовъ. Не надобно себя усыплять и обманывать—это вреднѣе даже коммунисма.

„Такъ говоритъ усердный и преданный *Булгаринъ*".

Довольно сложныя отношенія связывали „Сѣверную Пчелу" съ небезызвѣстнымъ „другомъ солдата", Луи Шнейдеромъ. Въ 1848 г. Гречъ предложилъ ему поставлять въ свою газету еженедѣльныя корреспонденціи о ходѣ политическихъ дѣлъ въ Пруссіи, по расчету 1.200 руб. въ годъ. Письма Шнейдера печатались не всѣ, потому что проходили предварительно черезъ руки государя, но 1.200 рублей Шнейдеръ получалъ аккуратно и не отъ „Пчелы," а отъ царя. [1]

Въ концѣ того же года Орловъ исходатайствовалъ Булгарину „во вниманіе къ отличному его усердію и *особымъ* трудамъ" чинъ коллежскаго совѣтника.

---

[1] *Татищевъ*, „Императоръ Николай и иностранные дворы", 319—320.

Сраженія его съ цензурой, очень озлобившейся указаніями Булгарина на ея промахи въ такое „горячее“ время, какимъ былъ приснопамятный къ Россіи 1848-й годъ, продолжались...

26 декабря 1848 года Булгаринъ настрочилъ цензору Крылову:

„Не хочу примѣнять къ Вамъ общаго мнѣнія на счетъ средствъ, употребляемыхъ книжнымъ спекуляторомъ *Краевскимъ* къ пріобрѣтенію покровительства господъ цензоровъ, но не могу не удивляться, почему вы съ такимъ постояннымъ тщаніемъ не позволяете упоминать его имени, и весьма часто даже его журнала въ „Сѣверной Пчелѣ“, когда онъ, книжный спекуляторъ *Краевскій*, въ каждой книжкѣ „Отеч. Записокъ“ поноситъ имя *Н. И. Греча* и мое и лжетъ на „Сѣверную Пчелу“. Имя святаго угодника не такъ охраняемо господами цензорами, какъ имя богатаго и щедраго книжнаго спекулятора *Краевскаго*! „Отеч. Записки“ и Евангеліе въ нашей цензурѣ поставлены въ одинъ разрядъ! Не знаю, на основаніи какихъ законовъ или тайныхъ предписаній вы дѣйствуете въ пользу *Краевскаго*; но мы долѣе не можемъ сносить столь явной несправедливости. Намъ также извѣстна воля нашего мудраго Монарха: „что все невредное печатать можно“. А вы трактуете насъ, какъ школьниковъ уѣзднаго училища; не позволяете намъ имѣть собственнаго мнѣнія и излагать честныхъ и благородныхъ мыслей приличнымъ языкомъ! Ужели мы такъ глупы и такіе новички, чтобъ не знали, что *можно*, а чего *нельзя*, и можетъ ли статься, чтобъ были тайныя предписанія въ защиту невѣждъ, каковъ *Краевскій*, *Очкинъ* и имъ подобные. Гдѣ *доказывается* незнаніе, искаженіе смысла, ложныя правила, тамъ должно быть и *имя* критикуемаго автора или переводчика, и названіе книги и журнала, въ которыхъ помѣщены нелѣпости. Это *общее правило* въ литературѣ и мудрое наше Правительство не могло отмѣнить его въ пользу коммуниста *Краевскаго* и слабоумнаго *Очкина*! Частныя же отношенія господъ цензоровъ и ихъ дружба съ издателями книгъ, или журналовъ не могутъ измѣнить общихъ литературныхъ правилъ. *Личности*—другое дѣло! они въ „Отеч. Запискахъ“, въ „Современникѣ“ и въ „СПБ. Вѣдомостяхъ“, а не въ „Сѣверной Пчелѣ“—и назвать автора по имени не значитъ *личность*. [1] Собравъ *все*, что пропущено *Вами* въ „Отеч. Запискахъ“, „Современникѣ“ и „СПБ. Вѣдомостяхъ“ противу *Греча*, меня и „Сѣверной Пчелы“, и *все*, что запрещается печатать въ „Сѣв. Пчелѣ“ противу *Великаго Краевскаго*, причтеннаго цензурою къ лику святыхъ, мы намѣрены всеподданнѣйше просить Высочайшаго воззрѣнія на оказываемую намъ несправедливость и нестерпимыя притѣсненія.

„Мѣра терпѣнія переполнилась. Высшее Правительство никогда не могло желать, чтобъ *Гречъ* и я, старѣйшіе литераторы, признанные благонамѣренными, доведены были до такой степени униженія, и чтобъ цензура обходилась съ нами

[1] Это тотъ самый Очкинъ, котораго нѣсколько лѣтъ назадъ Булгаринъ называлъ молодымъ и талантливымъ писателемъ. Дѣло въ томъ, что въ это время онъ былъ виднымъ сотрудникомъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, которыми завѣдовалъ Краевскій.

какъ съ мальчишками. Даже *Некрасовъ* великій мужъ у васъ и вы пропустили ему въ СПБ. Альманахѣ „Колыбельную пѣсню", которую мать якобы поетъ при колыбели младенца:

„Спи *подлецъ*, покуда честный!" и прч.

„Не нарушеніе ли это всѣхъ священныхъ чувствъ, не насмѣшка ли надъ природою и человѣчествомъ? На это указано въ № 12 1848 года „Москвитянина"! Да и то ли вы пропускали въ „Отечественныхъ Запискахъ" и другихъ изданіяхъ *Краевскаго* и его клевретовъ. Воля ваша, но въ Васъ нѣтъ чувства справедливости—и мы принуждены искать защиты Высшаго Правительства!

„Непріятно мнѣ высказывать вамъ истину и приносить жалобы, но на моемъ мѣстѣ другой давно бы съ ума сошелъ! Никакой шуткѣ, никакой остротѣ вы не позволяете появиться въ „Сѣверной Пчелѣ", принимая каждое слово за склянку съ ядомъ или за бомбу, и довели насъ до того, что мы рѣшительно не знаемъ, какъ и что писать! Ужасно!"

27 декабря Крыловъ подалъ предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета слѣдующій рапортъ:

„Считаю долгомъ представить Вашему Превосходительству полученное мною письмо г. Булгарина отъ 26 текущаго декабря. Остаться безъ такихъ писемъ едвали удалось хоть одному цензору, когда либо просматривавшему „Сѣверную Пчелу". Зная объ этомъ давно, я призналъ бы за лучшее пренебречь и теперешнимъ письмомъ г. Булгарина, если бы онъ не извѣстилъ на этотъ разъ о намѣреніи подать формальную жалобу на Высочайшее имя. Въ такомъ случаѣ письмо г. Булгарина можетъ быть нужно для соображенія о дѣлѣ.

„Не будучи въ состояніи представить Вашему Превосходительству никакого дальнѣйшаго объясненія по сему дѣлу, такъ какъ въ немъ одни общія мѣста и совсѣмъ нѣтъ указанія случаевъ, подавшихъ поводъ къ такому раздраженію, позволяю себѣ только замѣтить, что письмо это хорошо объясняетъ, какъ бы хотѣлось г. Булгарину писать о лицахъ, которыхъ онъ считаетъ своими врагами, и что приходится цензорамъ вымарывать изъ его фельетоновъ, какъ только коснется дѣло до его недружелюбныхъ отношеній".

Предсѣдатель цензурнаго комитета, зная, что съ Булгаринымъ лучше не связываться, отправилъ эти два документа въ III Отдѣленіе, прося его сдѣлать зависящее распоряженіе... Но III Отдѣленіе нашло, что это не его дѣло, а министра народнаго просвѣщенія, который и можетъ при желаніи сдѣлать Булгарину должное внушеніе". [1]

---

[1] Дѣло архива III Отдѣленія I экспедиціи 1848 г., № 25, ч. 7

IX.

1850—1859 годы.

Послѣднiе годы жизни Булгарина.
Оцѣнка его современниками.

Въ 1850 году Булгаринъ за что-то, согласно удостоенiю комитета министровъ, былъ награжденъ подаркомъ по чину... Что это за награда и какой подарокъ— неизвѣстно. Въ томъ же году Орловъ обѣщалъ ему похлопотать передъ смѣнившимъ Уварова княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ о разрѣшенiи „Сѣверной Пчелѣ" печатать частныя объявленiя согласно желанiю издателей, выраженному еще въ 1844 году, но и этотъ министръ не выразилъ своего согласiя на такое преимущество Булгаринской газетѣ...

Въ слѣдующемъ, 1851 году, Булгаринъ опять садится на своего излюбленнаго конька и снова доноситъ Орлову на „Отечественныя Записки", такъ къ тому времени умѣло выскользнувшiя изъ великой бѣды (см. стр. 191—197). Отъ Орлова онъ услышалъ, будто бы Краевскаго лишили права дальнѣйшей аренды „Петербургскихъ Вѣдомостей", и, наведя по этому поводу справки, написалъ графу, что, къ сожалѣнiю, все это совершенно невѣрно! Орловъ передалъ письмо Дубельту и приказалъ провѣрить справедливость слышаннаго.

Дубельтъ запросилъ Булгарина—и въ результатѣ письмо Ѳаддея Дубельтовича отъ 27 декабря 1851 года:

„Отецъ и благодѣтель Леонтiй Васильевичъ. Писалъ я къ Вамъ, что потому только адресовалъ письмо прямо въ собственныя руки графа Алексѣя Федоровича, что изъ устъ Его Сiятельства слышалъ, якобы Краевскiй устраненъ отъ изданiя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Этого устраненiя не было, быть не могло и не будетъ. Краевскiй, какъ всѣмъ извѣстно, состоитъ въ союзѣ съ двумя денежными и сильными довѣренностью своего начальства лицами. У этой троицы въ рукахъ всѣ спекуляцiи. Они берутся платить долги мотишекъ, вести самыя запутанныя тяжбы, скупаютъ векселя, содержатъ книжный магазинъ подъ именемъ Ратькова,—и имъ нужна была газета. Что они предприняли и взяли, то уже рѣшено и кончено. Мнѣ крайне жаль, что я надѣлалъ противу моей воли хлопотъ Вашему Превосходительству. Князь Ширинскiй-Шихматовъ добрый, честный человѣкъ и христiанинъ, но тутъ онъ не доберется толку. Такъ все запутано и перепутано. Вотъ, напримѣръ, со мною, такъ обходятся безъ церемонiи. Дершау въ разборѣ моихъ „Воспоминанiй" сказалъ, что моя мать дѣвица Булгаринова, а какъ я задѣлъ его перомъ, не трогая ни личности его, ни фамилiи, Ваше Превосходительство показали мнѣ письмо графа Алексѣя Федоровича, въ которомъ было сказано, что если я скажу слово о Дершау, то „Сѣверная Пчела" будетъ запрещена. Гдѣ же теперь этотъ Дершау? Бѣжалъ изъ Петербурга отъ своей постыдной жизни и обманулъ своихъ подписчиковъ.

„Графъ Строгановъ сообщалъ Государю замѣчаніе о журналахъ, ссылаясь на „Отечественныя Записки“ Краевскаго, а снаряженный для этого комитетъ сдѣлалъ отъ Высочайшаго имени выговоръ всѣмъ журналистамъ, безъ исключенія медиковъ и технологовъ, не упомянувъ имени Краевскаго. [1] Черезъ шесть недѣль послѣ этого Высшій цензурный комитетъ представилъ Краевскаго Государю Императору за одну статью о Западной Европѣ, какъ образецъ благонамѣренности... Ваше Превосходительство изволили слышать, что мнѣ сказано было утромъ 6-го января 1851 года. Я разъ когда то сказалъ графу Алексѣю Федоровичу, что весьма было бы любопытно, еслибъ онъ переговорилъ съ бывшимъ тогда въ столицѣ извѣстнымъ Федоромъ Николаевичемъ Глинкою, который разсказывалъ намъ, что въ Москвѣ было извѣстно о существованіи либеральнаго комитета въ самой Москвѣ, высылкѣ имъ дѣлателей въ Петербургъ и въ томъ числѣ Краевскаго и проч. Графъ изволилъ сказать, что Глинка поэтъ и видитъ все въ краскахъ поэзіи, а потомъ другъ Краевскаго Герцъ (Герценъ—*М. Л.*), русскій эмигрантъ, напечаталъ почти слово въ слово за границею слова Глинки, принявъ названіе Искандера. Но Краевскаго не назвалъ онъ по имени, хотя и обозначилъ „Отечественныя Записки“.

„Говорю все это для того только, чтобы доказать, что Краевскій могучъ и силенъ, болѣе даже, нежели о томъ думаютъ. Болѣе не буду безпокоить моими письмами объ этомъ предметѣ ни графа, ни Васъ, и это послѣднее мое письмо. Я долженъ знать и знаю, что я парія, что у меня нѣтъ союзовъ и партій, что только безмолвная часть русской благонамѣренной публики держитъ мою сторону и что мнѣ не пройдетъ даромъ ни недосмотръ, ни обмолвка, ни даже опечатка, между тѣмъ, какъ Краевскій печаталъ во всеуслышаніе: „Христосъ заповѣдалъ на крестѣ свободу, равенство и братство (liberté, égalité, fraternité) не одному римскому міру, но и всему человѣчеству, и всѣ должны стремиться къ этой цѣли“, и онъ же, Краевскій, лучше всѣхъ, никто на него поморщиться не можетъ. Я уже на седьмомъ десяткѣ, стою на краю могилы и долженъ сказать правду предъ тѣмъ, кого искренно люблю и душевно уважаю. Послушали бы, что говорятъ обо всемъ этомъ почтенные люди, сенаторы, правители дѣлъ и другіе благонамѣренные лица. А я говорю только передъ Вами—и то въ послѣдній разъ. Больше ни гу-гу!

„Съ высокимъ уваженіемъ и душевною преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Ѳаддей Булгаринъ*“.

Единственный разъ въ жизни Булгаринъ сдержалъ свое слово: больше отъ него не поступало доносовъ на Краевскаго.

Въ 1852 году Булгаринъ написалъ разборъ сочиненной Давыдовымъ русской грамматики, изданной академіей наукъ. Цензура возвратила статью, полагая, согласно мнѣнію министра просвѣщенія, что „все, что только издано и будетъ издано академіей наукъ, должно быть признаваемо ненарушимымъ и неприкосновеннымъ, какъ святы-

[1] Мы знаемъ уже, что это совершенно невѣрно.

ня...“ Булгаринъ обратился за содѣйствіемъ въ III Отдѣленіе. Дубельтъ написалъ Ширинскому-Шихматову. Того такъ возмутило ябедничество, что онъ подалъ наслѣднику, за отсутствіемъ Николая I, особый докладъ, въ которомъ особенно упиралъ на непогрѣшимость академіи, какъ „первенствующаго ученаго сословія въ Россійской Имперіи“. Наслѣдникъ положилъ резолюцію: „совершенно справедливо и Булгарину замѣтить, чтобы впредь былъ осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ“. [1]

Въ драмѣ Кукольника „Денщикъ“ (о которой Бенкендорфъ писалъ ему въ свое время) есть стихи, относящіеся къ Петру Великому:

Я видѣлъ, какъ великій анатомъ
Разсѣкъ Россіи одряхлѣвшей тѣло,
Перемѣнилъ въ ней внутренность гнилую,
Сложилъ ея очищенные члены,
Искусно всю перевязалъ порядкомъ,
За уши поднялъ, на ноги поставилъ,
И степь Московская, Китай Европы
За дивныя заслуги государя
Въ Имперію возведена соборнѣ!

Когда уже поздно, въ 1852 году, объ этихъ стихахъ случайно узналъ Погодинъ, онъ возмутился и указалъ въ январской книжкѣ своего „Москвитянина“ на массу историческихъ ошибокъ автора, въ прославленіи Петра забывшаго о его предшественникахъ. Булгаринъ напалъ на Погодина, указывая на него, какъ на подрывающаго патріотическое направленіе пьесы... Погодинъ отвѣчалъ, раскланялся передъ „Сѣверной Пчелой“ за чистоту и правильность ея русскаго языка и, все-таки, былъ взятъ подъ надзоръ полиціи... [2]

Послѣдніе годы Ѳаддей Дубельтовичъ понемногу успокаивался... Когда съ восшествіемъ на престолъ Александра II Орловъ былъ замѣненъ кн. Долгоруковымъ, а Дубельтъ—Шуваловымъ, онъ и совсѣмъ почти смолкъ.

Въ 1857 г. его разбилъ параличъ, а 1-го сентября 1859 г. русская литература вздохнула свободнѣе, будучи увѣренной, что мѣшать прежнюю грязь въ новую, все-таки, болѣе чистую струю жизни уже некому: семидесятилѣтній Булгаринъ отошелъ въ вѣчность въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, пожалованнаго ему при отставкѣ въ 1857 году.

Правдивость заставляетъ сказать, что не было человѣка, который бы пожалѣлъ о его смерти, если не считать сотоварищей по общему „дѣлу“... Она вполнѣ отвѣчала моменту, хоронившему старый николаевскій режимъ...

---

[1] „Русская Старина“ 1903 г., № 12, 695—696.
[2] *Барсуковъ*, н. с., XII, 86—92.

Въ заключеніе, когда вся жизнь Булгарина въ главныхъ ея чертахъ прошла передъ глазами читателя, я считаю необходимымъ познакомить съ мнѣніями объ этомъ продуктѣ николаевскаго царствованія его современниковъ.

Хорошо знавшій Ѳаддея Дубельтовича, актеръ Каратыгинъ говоритъ, что характеръ его представлялъ „пеструю смѣсь Фамусова, Молчалина, Скалозуба, Загорѣцкаго и Репетилова", а В. Р. Зотовъ, проработавшій съ Булгаринымъ нѣсколько лѣтъ, прямо заявляетъ: „литературная характеристика Булгарина внушаетъ такое отвращеніе, и этотъ кондотьеръ журналистики вполнѣ заслуживаетъ всѣ рѣзкіе эпитеты, начиная съ „патріотическаго предателя", какимъ заклеймилъ его Пушкинъ, до грязнаго клеветника и доносчика, какимъ онъ остался и до нашего времени".

Что же могли сказать о Булгаринѣ такіе идеально-честные и чистые люди, какъ Бѣлинскій? Что могли они чувствовать къ нему? „Неистовый Виссаріонъ" не называлъ Булгарина иначе, какъ негодяемъ, человѣкомъ „вреднымъ для успѣховъ образованія нашего отечества", Герценъ писалъ: „Булгаринъ и Гречъ никого не надули, ихъ ливрейную кокарду никто не принялъ за отличительный знакъ мнѣнія". Булгаринъ такъ низко стоялъ въ его глазахъ, что „доносы его не оскорбляли". Союзъ Булгарина съ Гречемъ авторъ „Былого и думъ" заклеймилъ выраженіемъ „открытый конкубинатъ"... Даже такой умѣренный человѣкъ, какъ Веневитиновъ, не могъ равнодушно слышать этого имени. Болѣе того — сторонникъ погодинскихъ убѣжденій, Любимовъ, кричалъ: „пора зажать ротъ этимъ мерзавцамъ!" Кн. Вяземскій, котораго ужъ никто не заподозритъ въ либеральномъ образѣ мыслей, находилъ Булгарина „нечистотой общественнаго тѣла". И какова же, значитъ, была увѣренность въ страшномъ мщеніи, если вся литература не рѣшалась открыть глаза обществу на „чиновника особыхъ порученій"!...

Въ обществѣ, впрочемъ, и безъ того репутація Булгарина установилась прочно. Панаевъ прямо заявляетъ: „новое пишущее и читающее поколѣніе этого времени (средины 30-хъ годовъ) все безъ исключенія презирало Булгарина".

По словамъ Анненкова, „нынѣшнему времени трудно и понять ту степень негодованія, какую возбуждали органы этой самозванной опеки (Греча, Булгарина и Сенковскаго—*М. Л.*) надъ литературою въ людяхъ, желавшихъ сохранить по крайней мѣрѣ за этимъ отдѣломъ общественной дѣятельности нѣкоторый призракъ свободы и человѣческаго достоинства. При отсутствіи общественныхъ и политическихъ интересовъ бороться съ тріумвиратомъ становилось почти дѣломъ чести, по хорошему или по дурному отношенію къ тріумвирату стали узнавать, въ нѣкоторыхъ кругахъ молодежи, впрочемъ очень немногочисленныхъ, нравственныя качества людей." [1]

Въ такія эпохи оцѣнка молодежи особенно многозначительна. И Булгаринъ оцѣнивался ею по достоинству. По этому поводу есть два разсказа.

Первый принадлежитъ Юрію Арнольду.

[1] „Воспоминанія", отдѣлъ III, 8.

Бывая въ Дерптѣ, Булгаринъ считалъ своимъ долгомъ доносить III Отдѣленію о порядкахъ въ тамошнемъ университетѣ.

„Осенью 1826 года—разсказываетъ г. Арнольдъ,—Булгаринъ сдѣлалъ подобную же въ этомъ родѣ попытку, и это дошло до свѣдѣнія студентовъ. Устраивались сходки оскорбившейся молодежи, сначала частныя по отдѣльнымъ корпораціямъ, а затѣмъ всеобщая сходка, и было рѣшено учинить ему „Pereat monstruosum". На другой день на плацу предъ почтовой станціею собрались до трехсотъ буршей, а оттуда въ строжайшемъ порядкѣ отправились на близлежащую мызу Карлово. Дойдя до господскаго дома, бурши подъ самымъ балкономъ чинно выстроились полукругомъ, и по знаку, поданному сеніораму существовавшихъ тогда пяти корпорацій, три раза прокричали „pereat!" Отъ громоваго гула раздавшихся трехсотъ молодецкихъ голосовъ затряслись зеркальныя окна карловскаго палаццо. Изъ за длинныхъ кисейныхъ гардинъ мелькомъ виднѣлись испуганныя женскія лица. Изъ дверей нижняго этажа (подъ самымъ балкономъ) вышелъ лакей съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ: что приказываютъ многоуважаемые господа?—„Пускай выйдетъ самъ г. Булгаринъ!" объявили спокойно стоявшіе впереди сеніоры.—„Господина „фонъ" Булгарина дома нѣтъ!"—трусливо пробормоталъ лакей. „Bulgarin heraus!" грохнулъ громогласно весь хоръ. Лакей, чуть ли не присѣвши на корточки, юркнулъ за двери.—„Bulgarin heraus!" пронесся еще сильнѣе возгласъ трехсотъ голосовъ. Отворилась дверь на балконѣ, и показался Ѳаддей Венедиктовичъ, облеченный въ роскошный халатъ, съ вышитой золотомъ шапочкою на головѣ и съ необыкновенно сладкой улыбкой на пухломъ лицѣ. „Мейнэ геэртенъ Херренъ", заговорилъ онъ, взявъ хриплымъ, бурливымъ своимъ басомъ наивозможно мягкую нотку, „мейнэ Херренъ... но до спича дѣло не дошло, потому что онъ былъ прерванъ общимъ крикомъ: „Шапку долой!" Булгаринъ побагровѣлъ, но шапку-то снялъ. И опять и еще слаще началъ: „Мейнэ Херренъ!" И опять не дали ему продолжать, а закричали: „Въ шлафрокѣ неприлично! Одѣваться, одѣваться!" Нечего было дѣлать! Пошелъ нашъ Ѳаддей Венедиктовичъ назадъ, а минутъ черезъ десять воротился одѣтый въ установленную по тогдашнему обычаю для визитовъ форму; тогда ему дозволили окончить свою рѣчь.

„Булгаринъ всѣми средствами бурсовой реторики изощрялся увѣрять, что онъ себѣ объяснить не можетъ, чѣмъ онъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя гнѣвъ гг. студентовъ, который несказано поражаетъ его сердце; что онъ глубоко уважаетъ достойныхъ сыновъ „almae matris Dorpatensis"; что онъ горячо имъ сочувствуетъ и т. д., и т. д. Студенты довольно терпѣливо его выслушали, хотя отъ времени до времени, да именно-то въ самые „трогательные" моменты патетическаго этого спича, они не въ состояніи были удержаться отъ громкаго, довольно непочтительнаго хихиканья, которое никакъ не могло служить знакомъ одобренія и сочувствія. Это неодобреніе-то и было ясно и кратко высказано Ѳаддею Венедиктовичу сеніоромъ Ливоніи (фонъ-Энгельгардтомъ), который напередъ уже былъ избранъ „спикеромъ" экспедиціи. Смыслъ его отвѣта заклю-

чался въ томъ, что рѣчь многопочтеннаго (vielehrenwerthen) г. Булгарина совершенно противорѣчитъ неоспоримымъ фактамъ, т.-е. доносоподобнымъ его статьямъ, а потому, несмотря на неотрицаемыя реторическія красоты его длиннаго спича, слова многопочтеннаго г. Булгарина, къ сожалѣнію, все-таки никакой вѣры не заслуживаютъ, вслѣдствіе чего отвѣтомъ ему можетъ только служить: „Pereat calumniator!“ „Pereat! pareat! pereat!“ дружно и неистово грянулъ весь хоръ. А затѣмъ бурши повернулись задомъ къ фронту дома и къ находившемуся на балконѣ Булгарину и ровнымъ тихимъ шагомъ, съ соблюденіемъ прежняго церемоніальнаго порядка, возвратились опять въ городъ. [1]

Мѣстный жандармскій полковникъ немедленно донесъ обо всемъ въ III Отдѣленіе, при чемъ сказалъ, что шесть депутатовъ предлагали Булгарину вопросъ: говорилъ ли онъ, что „общество студентовъ нечто иное, какъ глупые мальчики, разбойники и занимающіеся дѣланіемъ фальшивыхъ денегъ“. Разумѣется, все это было сочинено со словъ Булгарина. Послѣдній пожаловался еще и ректору, университетскій судъ нашелъ виновными депутатовъ и заключилъ ихъ на двѣ недѣли въ карцеръ на хлѣбъ и воду. [2]

Аналогичный же эпизодъ произошелъ позже, въ 1832 году. О немъ разсказываетъ извѣстный Пироговъ:

„Однажды за приглашеннымъ обѣдомъ у помѣщика Липгардта, въ присутствіи многихъ гостей и между прочимъ одного студента, Булгаринъ, подгулявъ, началъ подсмѣиваться надъ профессорами и университетскими порядками. Студентъ потомъ передалъ этотъ разговоръ, конфузившій его за обѣдомъ, своимъ товарищамъ. Поднялась буря въ стаканѣ воды. Начались корпоративныя совѣщанія о томъ, какъ защитить поруганное публично Ѳаддеемъ достоинство университета и студенчества. Порѣшили преподнести Булгарину въ Карловѣ кошачій концертъ. Слишкомъ 600 студентовъ съ горшками, плошками, тазами и разною посудою потянулись процессіею изъ города въ Карлово, выстроились передъ домомъ и, прежде чѣмъ начать концертъ, послали депутатовъ къ Булгарину съ объясненіемъ всего дѣла и требованіемъ, чтобы онъ, во избѣжаніе непріятностей кошачьяго концерта, вышелъ къ студентамъ и извинился въ своемъ поступкѣ. Булгаринъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ него, не на шутку струсилъ, но чтобы уже не совсѣмъ замарать польскій гоноръ, вышелъ къ студентамъ съ трубкою въ рукахъ и началъ говорить, не снимая шапки, не поздоровавшись. „Mütze herunter! шапку долой!“—послышалось изъ толпы.

„Булгаринъ снялъ шапку, отложилъ трубку въ сторону и сталъ извиняться, увѣряя и клянясь, что онъ никакого намѣренія не имѣлъ унизить достоинство высокоуважаемаго имъ дерптскаго университета и студенчества“. [3]

Пироговъ вообще характеризуетъ Булгарина, какъ выдающагося нахала и наглеца...

[1] „Воспоминанія“, т. 1, 151—153.

[2] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспед., 1826 г., № 82.

[3] „Русская Старина“ 1885 г., № 2, 302.

Эпиграммамъ на Булгарина буквально не было конца, и онѣ пользовались всегда широкой популярностью. Приведу, разумѣется, не всѣ:

„Фигляринъ вотъ полякъ примѣрный,
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь;
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Хитра къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Ходилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ:
Ратріотическій предатель,
Пазстрига, самозванецъ сей—
Уже не воинъ, ужъ писатель,
Ужъ русскій, къ сраму нашихъ дней!
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ!
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ. [1]

Она принадлежитъ Пушкину, какъ и пять слѣдующихъ:

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко—ляхъ, Мицкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ—и это не бѣда;
Бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ!

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнасѣ ты цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ:
Бѣда, что скученъ твой романъ.

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй:
Ахъ ты безстыдникъ! ахъ, злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь. [2]

Ѳаддей роди Ивана,
Иванъ роди Петра—
Отъ дѣдушки болвана
Какого ждать добра!

Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ,
Но я поэтъ—не лицемѣрю:
Согласенъ я—онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ—не вѣрю. [3]

[1] Ibidem. изд. 1905 г., VIII, 318.
[2] „Сочиненія“, т. II, 225.
[3] Ibidem, VII, 401.

Баратынскій заклеймилъ Булгарина слѣдующей эпиграммой:

„Повѣрьте мнѣ“,—Фиглярииъ моралистъ
Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ:
„Не должно красть; кто на руку не чистъ
Передъ людьми грѣшитъ и передъ Богомъ;
Не надобно въ судѣ кривить душой;
Не хорошо живиться клеветой,
Временщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже намъ всего!“
Ну, что-жъ? Богъ съ нимъ! Все это къ правдѣ близко,
А кажется, и ново для него“. [1]

Сидя какъ-то въ книжномъ магазинѣ Смирдина, гр. Соллогубъ импровизировалъ въ присутствіи Пушкина:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковскаго толкнешь...

Великій поэтъ немедленно добавилъ:

Иль въ Булгарина наступишь.

Въ Некрасовскомъ „Говорунѣ“ (1842 г.) есть нѣсколько мѣстъ на Булгарина. Такъ:

Захочешь позабавиться,—
Берешь газетный листъ,
Задумаешь прославиться,—
На то есть журналистъ:
Хвалы онъ всѣмъ славнѣйшія
Печатно раздаетъ,
И, какъ душа добрѣйшая,—
Недорого беретъ!

. . . .

Одѣтаго какъ барина,
Во всей его красѣ,
Увидишь тутъ Булгарина,
Въ бекешѣ, въ картузѣ.

. . . .

Такъ хорошо поетъ,
Что даже у Фиглярина
Ругательствъ не стаетъ. [2]

[1] „Вѣстникъ Европы“ 1887 г., V.
[2] „Стихотворенія“, изд. 1879 г. т. IV, 15, 17, 34.

Большимъ успѣхомъ пользовалось стихотвореніе до сихъ поръ, кажется, неизвѣстнаго автора:

„Онъ у насъ восьмое чудо,
У него завидный нравъ;
Неподкупенъ, какъ Іуда,
Храбръ и честенъ, какъ Фальстафъ!
Съ безкорыстностью жидовской,
Какъ Хавронья, милъ и чистъ;
Даровитъ, какъ Третьяковскій,
Столько-жъ важенъ и рѣчистъ;
Но страшитесь съ нимъ союза,
Не разладитесь никакъ:
Онъ съ французомъ—за француза,
Съ полякомъ—онъ самъ полякъ;
Онъ съ татариномъ—татаринъ,
Онъ съ евреемъ—самъ еврей;
Онъ съ лакеемъ важный баринъ,
Съ важнымъ бариномъ—лакей.
Кто же онъ? То самъ Булгаринъ
Венедиктовичъ Ѳаддей!“ [1]

Булгаринъ всего этого не могъ не знать... Онъ хорошо понималъ, какъ его ненавидятъ и не разъ указывалъ на это въ бумагахъ, съ которыми мы уже знакомы. Указывалъ и для широкой публики. Напримѣръ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ онъ писалъ:

„Весьма замѣчательно, что всѣ журналы, сколько ихъ ни было въ теченіе двадцати шести лѣтъ, начинали свое поприще, продолжали и кончали его—жестокою бранью противъ моихъ литературныхъ произведеній. Всѣ мои сочиненія и изданія были всегда разруганы, и ни одно изъ нихъ до сихъ поръ не разобрано критически, по правиламъ науки. Нигдѣ еще не представлено доказательствъ, почему такое-то изъ моихъ сочиненій дурно, чего я долженъ избѣгать и остерегаться. О хорошей сторонѣ—ни помина! Какая бы нелѣпость ни вышла изъ печати, господа журналисты всегда утверждаютъ, что все же она лучше, нежели мои сочиненія“. [2]

Между тѣмъ—„съ тѣхъ поръ, какъ я началъ мыслить и разсуждать, я мыслю *вслухъ* и готовъ былъ бы всегда печатать во всеуслышаніе всѣ мои мысли и разсужденія. Душа моя покрыта *прозрачною оболочкою*, чрезъ которую каждый можетъ легко заглянуть во внутренность, и всю жизнь я прожилъ въ *стеклянномъ домѣ*, безъ занавѣсей...“

Охъ, какъ хорошо всѣмъ былъ знакомъ этотъ рыцарь безъ страха и упрека...

---

[1] „Русскій Архивъ“, 1901 г., XI, 430. Въ 1845 г. оно было напечатано въ некрасовскомъ альманахѣ „1-е апрѣля“ и потому приписывается Н. А. Некрасову. Тамъ эпиграмма безъ заглавія и безъ послѣдней строки; послѣ словъ „кто же онъ?“ стояли точки.

[2] Томъ I, предисловіе.

III.

Чаадаевъ и Надеждинъ.

Ничего не можетъ быть болѣе не похожаго, какъ эти два человѣка. При желаніи сдѣлать рѣзкое сопоставленіе, можно было бы сдѣлать его менѣе удачно: Чаадаевъ и Надеждинъ—буквально „десница“ и „шуйца“ русскаго общества „временъ желѣзныхъ Николая“. Но сопоставленіе ихъ не есть произвольный выборъ двухъ противоположныхъ личностей: оно сдѣлано самой жизнью, которой угодно было обставить единственное пересѣченіе этихъ линій такими удивительными фактами, что, говоря о Надеждинѣ, нельзя не говорить о Чаадаевѣ, и наоборотъ.

Можно смѣло утверждать, что въ исторіи русской литературы 1826—55 годовъ нѣтъ момента наиболѣе ярко освѣщающаго всю эпоху, чѣмъ моментъ встрѣчи этихъ двухъ людей. А жизнь каждаго изъ нихъ очень характерна для изученія николаевскаго времени. Эту работу я строю на массѣ неизданныхъ еще матеріаловъ, которые даютъ возможность пролить на многое совершенно новый свѣтъ. Предшественники мои, по темѣ настоящей работы, внесли въ нее не мало легендъ, басенъ и просто ошибокъ.

П. Я. Чаадаевъ.

(1793—1836 гг.).

„Почти всѣ мы знали Чаадаева, многіе его любили и, можетъ быть, никому не былъ онъ такъ дорогъ, какъ тѣмъ, которые считались его противниками. Просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце,—таковы тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали; но въ такое время, когда повидимому мысль погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ особенно былъ дорогъ тѣмъ, что и самъ бодрствовалъ и другихъ побуждалъ,—тѣмъ, что въ сгущающемся сумракѣ того времени онъ не давалъ потухать лампадѣ и игралъ въ ту игру, которая извѣстна подъ именемъ: „живъ курилка“. Есть эпохи, въ которыя такая игра есть уже большая заслуга. Еще болѣе дорогъ онъ былъ друзьямъ своимъ какою-то постоянною печалью, которою сопровождалась бодрость его живого ума... Чѣмъ же объяснить его извѣстность? Онъ не былъ ни дѣятелемъ-литераторомъ, ни двигателемъ политической жизни, ни финансовою силою, а между тѣмъ имя Чаадаева извѣстно было и въ Петербургѣ, и въ большей части губерній русскихъ, почти всѣмъ образованнымъ людямъ, не имѣвшимъ даже съ нимъ никакого прямого столкновенія“...

Такъ спрашивалъ противникъ Чаадаева—А. С. Хомяковъ.

Дѣйствительно, врядъ ли кто даже и въ Европѣ пріобрѣталъ извѣстность, напечатавъ всего на всего двадцать страничекъ... Но читатель понимаетъ, что

этимъ сочиненіемъ, только имъ однимъ, нельзя было стать на такую высоту, чтобы еще и теперь считаться замѣтной фигурой. Очевидно, было и еще что-то другое. Да, оно было. Оно состояло въ самой личности Чаадаева, въ его умѣ и той выпуклости, съ которою его фигура вырисовывалась на фонѣ николаевскаго общества. Чаадаевъ—это яркая иллюстрація личности, закованной въ цѣпи произвола и насилія, ввергнутой въ темное подземелье, охраняемой безжалостными тюремщиками, пытаемой голодомъ и жаждой, но не прекратившей жизни интеллекта, не переставшей тонко и глубоко чувствовать, а лишь ушедшей далеко, далеко въ себя... Крайне развитая индивидуальность и потому она не можетъ назваться *типомъ*. Къ сожалѣнію, Чаадаевыхъ было очень и очень мало, ихъ пересчитывали по пальцамъ... Изучить Чаадаева, значитъ изучить передовую часть русскаго общества того времени.

Но я не ставлю себѣ этой громадной задачи, а хочу дать лишь контуръ этой замѣчательной личности.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ родился 27 мая 1793 года въ древней дворянской семьѣ; мать его была младшей дочерью извѣстнаго историка, кн. Щербатова. Отца Чаадаевъ потерялъ на первомъ же году жизни, мать тоже вскорѣ (1797 г.), и потому остался на попеченіи дядей, Щербатовыхъ, и тетки кн. А. М. Щербатовой. Всѣ заботы ихъ были направлены къ возможно широкому развитію мальчика. Юношей (въ 1808 г.) его отдали въ московскій университетъ по словесному отдѣленію, положившій, благодаря лекціямъ Мерзлякова, Буле, Бауза и Шлецера-сына, серьезное основаніе гуманитарнымъ знаніямъ. [1] „Лѣтъ 14, 15, 16 и никакъ не позже 17 молодой Чаадаевъ представлялъ собою слѣдующее явленіе: онъ успѣлъ перемѣнить порядочное количество дядекъ, гувернеровъ и учителей, между которыми запало нѣсколько памятныхъ именъ; онъ былъ отмѣнно красивъ и слылъ однимъ изъ наиболѣе свѣтскихъ, а можетъ быть и самымъ блистательнымъ изъ молодыхъ людей въ Москвѣ, пользовался репутаціей лучшаго танцовщика въ городѣ по всѣмъ танцамъ вообще“. Но „этотъ молодой изящный плясунъ оказывался въ то же время чрезвычайно умнымъ, начитаннымъ, образованнымъ и въ особенности гордымъ [2] и оригинальнымъ юношей. Складъ его рѣчи и ума поражалъ всякаго какой-то рѣдкостью и небывалой невиданностью, чѣмъ-то ни на кого не похожимъ“. [3]

12 мая 1812 г, П. Я. вступаетъ въ ряды л.-гв. Семеновскаго полка въ чинѣ подпрапорщика. Желая оставаться на почвѣ фактовъ, а не всевозможныхъ догадокъ, какъ это дѣлаетъ очень ихъ любящій, проф. Кирпичниковъ, [4] я не могу

[1] *М. Лонгиновъ*, „Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ“, „Рус. Вѣстникъ“, 1862 г., VII; *Чистяковъ* „Къ біографіи П. Я. Ч.“, „Рус. Стар.“ 1907 г., VIII.

[2] Эту сторону его характера отмѣтилъ и Пушкинъ.

[3] *Жихаревъ*, „П. Я. Чаадаевъ“, „Вѣстн. Европы“, 1871 г., VII, 180, 181.

[4] „П. Я. Чаадаевъ“ въ „Очеркахъ по исторіи новой рус. литературы“, т. II. М. 1903.

объяснить вступленіе Чаадаева въ военную службу: для этого нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ. Черезъ четыре мѣсяца онъ произведенъ въ прапорщики, а въ апрѣлѣ 1813 года въ поручики съ переводомъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ. Причины такой перемѣны рода оружія тоже неизвѣстны. Боевая жизнь воспитала въ П. Я. твердость и смѣлость. Первое его боевое крещеніе при Бородинѣ. Затѣмъ, онъ шелъ уже по стопамъ непріятеля и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Въ 1816 году Чаадаевъ переведенъ чиномъ корнета въ л.-гв. гусарскій полкъ, стоявшій и тогда въ Царскомъ Селѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Пушкинымъ, о чемъ подробнѣе дальше. Въ декабрѣ 1817 года П. Я. переѣхалъ въ Петербургъ, въ качествѣ адъютанта ген.-ад. И. В. Васильчикова, командира гвардейскаго корпуса, и въ 1817 году получилъ два чина, сдѣлавшись въ декабрѣ ротмистромъ. Среди товарищей онъ пользовался любовью и, что важно,— уваженіемъ. Его называли „le beau Tchaadaeff". По словамъ Е. Н. Орловой (урожд. Раевской), онъ былъ въ это время „самымъ замѣтнымъ и самымъ блистательнымъ изъ всѣхъ молодыхъ людей въ Петербургѣ. [1]

Въ 1820 году Чаадаевъ былъ ближайшимъ кандидатомъ изъ всѣхъ адъютантовъ Васильчикова во флигель-адъютанты: это званіе было обѣщано ему Александромъ I. Но производство было отложено за отъѣздомъ государя въ Троппау. Вскорѣ Петербургъ былъ сильно взволнованъ бунтомъ въ Семеновскомъ полку. Васильчиковъ отправилъ Чаадаева курьеромъ къ государю съ сообщеніемъ объ этомъ событіи. Чаадаевъ исполнилъ порученіе очень хорошо, былъ очень милостиво принятъ государемъ и, по его повелѣнію, также секретно выѣхалъ изъ Троппау, какъ и пріѣхалъ туда. [2] Очень быстро по городу распространилась сплетня: „Чаадаевъ, мучимый честолюбіемъ, самъ напросился у своего начальника на поѣздку въ Троппау; онъ былъ увѣренъ, что будетъ пожалованъ флигель-адъютантомъ, на что старшіе товарищи его имѣли больше правъ, слѣдовательно, онъ хотѣлъ интригою обойти ихъ; для этого онъ рѣшился предать цѣлый полкъ, да еще тотъ, въ которомъ самъ прежде служилъ; онъ старался представить государю дѣло въ самыхъ черныхъ краскахъ и содѣйствовалъ этимъ изъ личныхъ видовъ кассированію полка и проч. и проч." [3]

Весь этотъ вздоръ, который, хотя и повторяется еще иногда и теперь, не имѣетъ подъ собой никакой фактической почвы, также какъ и басня объ опозданіи Чаадаева въ Троппау и пр. Все это никакъ не можетъ быть адресовано Чаадаеву. Но тогда, попавъ въ клубокъ такихъ сплетенъ и обладая всегда боль-

[1] *Жихаревъ*, н. с., VII, 188, 190—191.

[2] Подробности этой поѣздки весьма разнорѣчиво передаютъ Лонгиновъ (кромѣ уже указанной статьи, еще „Эпизодъ изъ жизни П. Я. Чаадаева" въ „Рус. Архивѣ" 1868 г., стр. 1317—1328), Свербеевъ, Жихаревъ, Герценъ и др. Точная провѣрка всего ими сказаннаго изложена мною выше.

[3] *Лонгиновъ*, н. с., 136.

шимъ самолюбіемъ, П. Я. рѣшилъ покончить разъ навсегда со всѣми кумушкиными пересудами—и подалъ прошеніе объ отставкѣ. [1]

Послѣ этого рѣшенія, 2 января 1821 года онъ пишетъ своей теткѣ: „Этотъ разъ, любезная тетушка, я взялся за перо съ намѣреніемъ сообщить вамъ, что я положительно подалъ просьбу о моемъ увольненіи... Черезъ мѣсяцъ я надѣюсь извѣстить васъ о томъ, что просьба моя уважена. Надобно вамъ сказать, что она произвела сильное впечатлѣніе на нѣкоторыя личности. Сначала не хотѣли вѣрить, что я серьезно прошу отставки, затѣмъ поневолѣ пришлось повѣрить этому, но до сихъ поръ никто не можетъ понять, какимъ образомъ я могъ рѣшиться на это въ то время, когда я долженъ былъ получить то, чего я, повидимому, такъ желалъ, чего всѣ такъ добиваются, и наконецъ, того, что для молодого человѣка въ моемъ чинѣ считается самой лестной наградой. Иные полагаютъ даже, что я испросилъ эту милость во время моей поѣздки въ Троппау и что я подалъ прошеніе объ отставкѣ лишь съ цѣлью придать ей болѣе вѣсу. Черезъ нѣсколько недѣль они будутъ всѣ выведены изъ заблужденія. Дѣло въ томъ, что по возвращеніи императора меня хотѣли дѣйствительно назначить флигель-адъютантомъ къ нему; такъ говорилъ, по крайней мѣрѣ, Васильчиковъ. Я счелъ болѣе забавнымъ пренебречь этой милостью, нежели добиваться ея. Мнѣ было пріятно выказать пренебреженіе людямъ, пренебрегающимъ всѣми. Какъ видите, все это чрезвычайно просто. Въ сущности надобно сознаться, я очень доволенъ, что мнѣ удалось отдѣлаться отъ благодѣяній, такъ какъ, скажу откровенно, нѣтъ на свѣтѣ человѣка столь высокомѣрнаго, какъ Васильчиковъ, и моя отставка будетъ настоящимъ сюрпризомъ для него. Вы знаете, что я слишкомъ честолюбивъ, чтобъ гоняться за чьей-нибудь милостью и за пустымъ почетомъ, связаннымъ съ нею. Если я и желалъ когда-либо чего нибудь подобнаго, то это было все равно, какъ если бы я желалъ имѣть красивую мебель или изящный экипажъ, однимъ словомъ, какую-нибудь игрушку; ну, такъ игрушку за игрушку! Мнѣ еще пріятнѣе въ этомъ случаѣ видѣть злобу высокомѣрнаго глупца“. Затѣмъ тутъ же Чаадаевъ добавлялъ, что, по полученіи отставки, нѣкоторое время останется въ Москвѣ, а затѣмъ уѣдетъ въ Швейцарію, гдѣ и останется навсегда. „Я буду навѣщать васъ года черезъ три, черезъ два, можетъ быть ежегодно, но отечествомъ моимъ будетъ Швейцарія... Мнѣ невозможно оставаться въ Россіи по многимъ причинамъ“. [2]

Объ отставкѣ было сообщено начальнику главнаго штаба, кн. Волконскому, находившемуся съ государемъ въ Лайбахѣ. 21 февраля 1821 года она была дана, но вотъ что писалъ въ этотъ день Волконскій Васильчикову: „Предупре-

[1] Любопытно, что, опровергая нелѣпыя басни объ опозданіи Чаадаева въ Троппау (повторяемыя, между прочимъ, и Лореромъ—„Рус. Бог.“ 1904 г., III, 62—63), Жихаревъ считаетъ, однако, что сочинены онѣ самимъ Чаадаевымъ, желавшимъ замаскировать свое рѣшеніе покинуть службу подъ вліяніемъ оскорбительныхъ сплетенъ. Замѣчу кстати, что я нигдѣ не буду опровергать ошибокъ авторовъ компилятивныхъ біографій Чаадаева—это испестрило бы статью массою поправокъ.

[2] „Русская Старина“, 1882 года, № 2, переводъ съ французскаго сдѣланъ тамъ же.

ждаю васъ, любезный другъ, что его величество, вслѣдствіе вашего письма отъ 4 февраля, приказалъ дать испрашиваемую отставку вашему адъютанту Чаадаеву, но безъ пожалованія ему чина, потому что въ то время, когда я вамъ сдѣлалъ запросъ о причинахъ, побуждающихъ его уйти въ отставку,—по извѣстіямъ дошедшимъ съ другой стороны, государь получилъ свѣдѣнія *весьма для него невыгодныя*; ихъ государь предоставляетъ себѣ показать вамъ по своемъ возвращеніи въ Петербургъ. Государь желалъ бы, чтобы вы не говорили Чаадаеву о томъ, что я вамъ пишу, но скажите ему слѣдующую причину, если онъ васъ объ ней спроситъ: что находятъ его слишкомъ молодымъ и здоровымъ, дабы оставлять службу, на что онъ могъ рѣшиться только отъ лѣни, и потому онъ не имѣетъ правъ ни на какую награду. Храните это для себя, и вы удивитесь тому, что вамъ государь покажетъ". [1]

Что же это за компрометирующія свѣдѣнія? Нѣкоторыя полагаютъ, что это записка Бенкендорфа о тайныхъ обществахъ, въ которой есть указаніе на Чаадаева; но такое предположеніе едва ли справедливо: записка не была еще представлена въ первыхъ числахъ января. Гораздо вѣрнѣе другое: приведенное письмо, какъ извѣстно, попало въ перлюстрацію, не дошло до тетки, а вмѣсто нея попало къ кн. Волконскому... Разумѣется, оно не могло не показаться „весьма невыгоднымъ".

Вотъ, слѣдовательно, гдѣ причина непочетной отставки П. Я. А онъ о ней не зналъ совершенно, да и потомъ не скоро узналъ.

Имѣлъ ли Чаадаевъ на самомъ дѣлѣ какое-нибудь понятіе о революціонной работѣ въ тогдашнемъ обществѣ? Участвовалъ ли въ ней? На эти вопросы отвѣчаетъ прежде всего декабристъ Якушкинъ, категорически заявляющій, что онъ самъ принялъ Чаадаева въ тайное общество (Союзъ благоденствія). [2] Во вторыхъ, кн. Гагаринъ тоже категорически пишетъ: „въ молодости Чаадаевъ былъ прикосновененъ къ либеральному движенію, закончившемуся катастрофой 14 декабря 1825 г. Онъ сочувствовалъ либеральнымъ идеямъ людей, принимавшихъ участіе въ этомъ движеніи, былъ согласенъ съ ними въ реальности того сильнаго зла, отъ котораго страдала и страдаетъ Россія, но расходился съ ними въ пониманіи причинъ его, а въ особенности въ способахъ борьбы съ нимъ". [3]

Сближенію съ декабристами немало способствовало и то обстоятельство, что съ Н. И. Тургеневымъ и И. Д. Якушкинымъ Чаадаевъ учился вмѣстѣ въ университетѣ, а съ кн. Трубецкимъ, Матвѣемъ и Сергѣемъ Муравьевыми познакомился, служа въ одномъ полку. Самъ Чаадаевъ на допросѣ 1826 года, о которомъ будетъ сказано ниже, конечно, отрицалъ всякую свою прикосновенность къ тайнымъ обществамъ и говорилъ, что ровно ничего по этому поводу не знаетъ. Что же касается масонства, то П. Я. показалъ, что принадлежалъ къ ложѣ „Сое-

[1] „Рус. Архивъ", 1875 г., II, 78—79.

[2] „Записки И. Д. Якушкина", М., 1905, 56.

[3] „Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïeff publiées pour la première fois par P. Gagarin„ Paris, 1862, предисловіе Гагарина.

диненныхъ братьевъ" (Amis reunis), [1] но вышелъ изъ нея въ 1822 году „по собственному удостовѣренію, что въ ономъ ничего не заключается могущаго удовлетворить честнаго и разсудительнаго человѣка". [2]

Особому положенію Чаадаева въ кружкѣ декабристовъ, о которомъ говоритъ кн. Гагаринъ, онъ обязанъ несходству впечатлѣній, вынесеннымъ имъ и его товарищами отъ грандіозныхъ впечатлѣній европейскихъ событій 1812—1815 годовъ. П. Я. слишкомъ близко стоялъ къ тѣмъ сферамъ, которыя дѣлаютъ политику и непосредственнѣе всего ощущаютъ ея результаты. По справедливому мнѣнію П. Н. Милюкова, настроеніе немногочисленнаго немногимъ доступнаго круга, въ которомъ вращался Чаадаевъ, не совсѣмъ соотвѣтствовало тому, которое вынесли изъ тѣхъ-же заграничныхъ походовъ будущіе декабристы. Въ этомъ кругѣ не раздѣляли энтузіазма, вызваннаго въ большой публикѣ мнимымъ союзомъ государей съ народами, потому что лучше могли судить о качествѣ этого союза; здѣсь лучше понимали и связь только что пережитыхъ событій,—и въ низложеніи Наполеона торжествовали не побѣду народной свободы надъ деспотизмомъ, а пораженіе демократическаго цезаризма, созданнаго революціей. Разочарованія прошлаго были здѣсь гораздо менѣе надеждъ на будущее. Относясь скептически или враждебно къ мечтамъ о какой то новой эрѣ политической свободы, люди этого круга не могли помириться съ крушеніемъ старой доброй традиціи, и ждали всего не отъ писанныхъ конституцій, а отъ возстановленія старинной дисциплины общественной и нравственной. Надо думать, что уже тогда, во время освободительной войны, это настроеніе вліятельныхъ сферъ и избранныхъ умовъ не осталось не замѣченнымъ Чаадаевымъ и произвело на него извѣстное впечатлѣніе. Вернувшись въ 1817 г. въ Петербургъ, онъ и здѣсь долженъ былъ застать въ высокопоставленныхъ сферахъ модное увлеченіе идеями католической реакціи, сумѣвшее уже вызвать противъ себя въ это время репрессивныя мѣры со стороны правительства. [3]

Этому прежде всего способствовалъ одинъ изъ виднѣйшихъ теоретиковъ такой реакціи—Жозефинъ де-Местръ. Извѣстно его вліяніе въ петербургскомъ высшемъ обществѣ и одно время даже во дворцѣ. Чаадаевъ, вернувшись съ театра военныхъ дѣйствій, не могъ не попасть и въ эту жилу умственной жизни своего круга; а въ результатѣ онъ совершенно сознательно и прямо примыкаетъ уже къ доктринѣ католической реакціи. На этотъ шагъ, сыгравшій такое важное значеніе въ его послѣдующей жизни, не могли не вліять и самыя сочиненія де-Местра, напримѣръ его „Du pape" (1819 года), Боссюэта, Бональда, („Législation primitive, considérée par la Raison"), Боланша. И такое направленіе не бросалось тогда въ глаза своею исключительностью; напротивъ, извѣстно, что католическія идеи раздѣлялись, напримѣръ, Разумовскимъ, кн. Козловскимъ, декабристомъ Лунинымъ, Свѣчиной и многими другими.

[1] Въ ней были Пестель, Бенкендорфъ, Грибоѣдовъ и др.

[2] „Рус. Старина", 1900, XII, 587—588.

[3] „Главныя теченія русской исторической мысли", I, М. 1898 г., 375.

Разъ давъ своему образованію направленіе преимущественно религіозное, Чаадаевъ оставался вѣренъ себѣ и уже бросилъ мечты о Швейцаріи. Его громадная библіотека, пополнявшаяся всѣми новостями, содержала почти всю литературу интересующаго его предмета. „Изъ давняго времени—говорилъ онъ, — занимался я христіанскою литературою, не имѣя притомъ никакого другого вида, какъ умноженіе познаній своихъ насчетъ религіи и укрѣпленія своего въ вѣрѣ христіанской“.[1]

На этой почвѣ выросло и желаніе вступить въ масонскую ложу.

Теперь вернемся немного назадъ, къ отношеніямъ между Чаадаевымъ и Пушкинымъ.

Они встрѣтились впервые въ 1816 г. въ домѣ Карамзина. 23-лѣтній корнетъ и 15-лѣтній поэтъ почувствовали другъ къ другу живую симпатію и скоро сошлись по-пріятельски. Чаадаевъ былъ, конечно, тѣмъ, что всегда такъ дорого цѣнится юностью: умнымъ, расположеннымъ собесѣдникомъ, незамѣтно направляющимъ силы юноши на все благотворное и высокое. Въ 1817 году Пушкинъ уже написалъ „Къ портрету П. Я. Чаадаева“:

Онъ высшей волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской;
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
А здѣсь онъ—офицеръ гусарской.[2]

Только огромный талантъ Пушкина могъ тогда дать такую блестящую и совершенно вѣрную характеристику П. Я.

Въ 1818 году они встрѣчались уже чуть не ежедневно въ Петербургѣ, гдѣ оба и жили. Бесѣды Чаадаева заронили въ душу и умъ его молодого друга тѣ высокія побужденія и надежды, которыя онъ и не замедлилъ тогда же вылить въ посланіе „Къ Чаадаеву“:

. . . .
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.[3]

[1] „Рус. Старина“, 1900, XII, 586.
[2] *Пушкинъ*, „Сочиненія“ под. ред. П. А. Ефремова, I, 1903 г., 265.
[3] Ibidem, 310.

Когда Александру I въ 1819 году захотѣлось познакомиться съ произведеніями молодого поэта, кн. Васильчиковъ уже прямо обратился къ Чаадаеву съ просьбой достать что-нибудь у Пушкина. Друзья рѣшили дать „Деревню“, оканчивающуюся стихами:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Эти стихи были несомнѣннымъ выраженіемъ того основного предмета политической свободы, который такъ больно сознавался Чаадаевымъ. И онъ не только на словахъ болѣлъ крѣпостнымъ рабствомъ. Онъ продалъ свое нижегородское имѣніе, чтобы не имѣть крѣпостныхъ. [1]

Въ 1820 году Чаадаевъ способствовалъ болѣе легкому наказанію Пушкина, и послѣдній, пріѣхавъ на югъ, пишетъ второе посланіе „Чаадаеву“:

. . . .
Чаадаевъ, помнишь ли былое?
Давно-ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиреннымъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена. [2]

Разлука съ другомъ Пушкину была очень тяжела; онъ чувствовалъ отсутствіе человѣка, „жаръ котораго воспламенялъ къ высокому любовь“, и пишетъ (въ 1821 г.) третье посланіе „Чаадаеву“:

. . . .
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не замѣнитъ *единственнаго* друга.
Ты былъ цѣнителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, *тебѣ* я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, *спасенныя тобою*!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной

[1] *Свербеевъ*, „Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ“, „Рус. Архивъ“, 1868 г., VI. У Свербеева масса ошибокъ и сочиненій собственной фантазіи.

[2] „Сочиненія“, I, 368. Герценъ (какъ и нѣкоторые другіе), частенько таки путающій хронологію, относитъ это стихотвореніе къ 1825—1826 годамъ („Сочиненія“, Женева, VII, 283).

Ты поддержалъ меня недремлющей рукой—
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая *строгимъ взоромъ*,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
. . . .
Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я *сердечный твой привѣтъ?*
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда—мудрецъ, а иногда мечтатель,
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой *милый домосѣдъ*,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я... [1]

Внимательно прочтя эти отрывки, читатель сразу схватитъ и характеръ отношеній двухъ друзей, и отличительныя свойства старшаго изъ нихъ... И понятно, какъ гордился Чаадаевъ своимъ вліяніемъ на Пушкина. Когда П. В. Анненковъ сталъ издавать свои „матеріалы“ и умолчалъ о Чаадаевѣ, послѣдній писалъ Шевыреву: „Неужто г. Анненковъ думаетъ, что встрѣча Пушкина въ то время, когда его могучія силы только что стали развиваться, съ человѣкомъ, котораго онъ впослѣдствіи назвалъ лучшимъ своимъ другомъ, не имѣла никакого вліянія на ихъ развитіе?“ [2]

Послѣ выхода въ отставку, Чаадаевъ переѣхалъ въ Москву и жилъ то тамъ, то въ имѣніи своей тетки. Тутъ очень скоро онъ ближе сошелся съ Якушкинымъ, которому было поручено принять Чаадаева въ тайное общество. По словамъ Якушкина, П. Я. „на это согласился, но сказалъ мнѣ, что напрасно я не принялъ его прежде, тогда онъ не вышелъ бы въ отставку и постарался бы попасть въ адъютанты къ великому князю Николаю Павловичу, который, очень можетъ быть, покровительствовалъ бы подъ рукой Тайное Общество, если бы ему внушить что это Общество можетъ быть для него опорой въ случаѣ восшествія на престолъ старшаго брата“. [3] Въ серединѣ 1823 г., [4] по настоянію тетки и брата, онъ поѣхалъ за границу, чтобы поправить свое очень расшатанное здоровье.

[1] „Сочиненія“, I, 400—403. Курсивъ мой,
[2] „В. Европы“, 1871 г., XI, 343.
[3] „Записки И. Д. Якушкина“, М., 1905 г., 56.
[4] А не въ 1821 г., какъ писалъ Лонгиновъ, а за нимъ и другіе.

Пушкинъ пишетъ по этому поводу кн. Вяземскому: „Говорятъ, что Чаадаевъ ѣдетъ за границу—давно бы такъ: но мнѣ жаль изъ эгоизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать“. [1]

Поѣздкѣ за границу много мѣста отведено въ прекрасной книгѣ г. Гершензона, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи весьма цѣнные неизданные рукописные матеріалы. [2]

Г. Гершензонъ категорически утверждаетъ, что за два года, между отставкой и поѣздкой за границу, Чаадаевъ сталъ мистикомъ. Приводимыя имъ доказательства такого внутренняго переворота вполнѣ въ пользу этого утвержденія. Мистицизмъ легъ на почву, подготовленную постояннымъ болѣзненнымъ состояніемъ нервовъ Петра Яковлевича. Я не буду останавливаться на тонкомъ анализѣ, мастерски сдѣланномъ г. Гершензономъ—читатель имѣетъ возможность прочесть его самъ. [3] Скажу только, что во время заграничнаго путешествія „мысль о загробной карѣ преслѣдуетъ Чаадаева неотступно, онъ обезумѣлъ отъ ужаса, скорѣе, скорѣе, нельзя медлить минуты, надо сейчасъ спастись, чтобы не умереть въ грѣхѣ. И тутъ уже никакая цѣна не кажется слишкомъ дорогой, никакая предосторожность излишней, и нѣтъ такого грубаго суевѣрія, которому онъ не былъ бы готовъ слѣдовать, разъ оно стоитъ въ какой-нибудь связи съ представленіемъ о загробной жизни—тѣмъ болѣе, что, какъ онъ однажды отмѣчаетъ (въ своемъ дневникѣ), въ области сверхчувственнаго разумъ и наука безсильны“.

Найдя стоявшій въ Кронштадтѣ любекскій пароходъ грязнымъ и тѣснымъ, а англійскій корабль, шедшій прямо въ Лондонъ, весьма удобнымъ, Чаадаевъ вдругъ ломаетъ намѣченный раньше маршрутъ и направляется въ Англію. Не найдя въ Лондонѣ ничего любопытнаго, онъ ѣдетъ въ Брайтонъ на морскія купанья, потомъ переѣзжаетъ нѣсколько разъ съ мѣста на мѣсто въ Англіи и въ концѣ 1823 года живетъ уже въ Парижѣ, гдѣ и провелъ зиму, весну и лѣто. Осенью 1824 года Чаадаевъ поѣхалъ въ Швейцарію, оттуда въ Миланъ; прибылъ въ Римъ въ концѣ марта 1825 г., гдѣ жилъ вмѣстѣ съ братьями Тургеневыми. Потомъ начинаются скитанія въ Флоренцію, Венецію, Верону, Тироль, Мюнхенъ, Карлсбадъ, Дрезденъ... Все это время онъ безуспѣшно лѣчился. Трехлѣтнее путешествіе не принесло никакой пользы—Чаадаевъ это видѣлъ.

Въ серединѣ 1826 года онъ рѣшилъ вернуться въ Москву, совершенно не зная, что Якушкинъ, убѣжденный въ томъ, что Чаадаевъ навсегда останется за границей, въ началѣ того же года, на допросѣ, назвалъ двухъ членовъ тайнаго общества: умершаго генерала Пассека и его. Немудрено, что возвращеніе не обошлось безъ непріятностей.

Въ 1825 году въ Карлсбадѣ былъ в. кн. Константинъ Павловичъ. Зная

[1] „Сочиненія“, VII, 72.

[2] „Чаадаевъ“, Спб., 1907.

[3] Кирпичниковъ, конечно, и здѣсь строитъ ни на чемъ не основанныя предположенія, а остальные обходятся общими, ничего не говорящими, фразами.

обвиненіе Чаадаева Бенкендорфомъ и показанія Якушкина, онъ приглядывался къ жизни П. Я. и очень неодобрительно отнесся къ его связямъ съ братьями Тургеневыми, а особенно съ Николаемъ. Послѣ декабрьскихъ происшествій полиціи было, повидимому, приказано слѣдить за возвращеніемъ между другими и Чаадаева. Она исполнила требуемое и въ началѣ іюля (1826 г.) донесла великому князю о прибытіи изъ-за границы въ Варшаву отставного ротмистра Чаадаева. Константинъ Павловичъ приказалъ брестъ-литовскому пограничному почтмейстеру и начальнику тамошняго таможеннаго округа осмотрѣть всѣ вещи пріѣхавшаго и все подозрительное представить ему. Чаадаевъ пробылъ, однако, нѣсколько дней, благодаря легкому недомоганію, въ Варшавѣ, куда возвратился изъ Брестъ-Литовска и великій князь. Сейчасъ же былъ учрежденъ секретный надзоръ, по которому „ничего особеннаго въ поступкахъ Чаадаева подозрительнаго не оказалось“, и онъ выѣхалъ въ Брестъ. Тамъ при осмотрѣ нашли „разныя непозволительныя книги и подозрительныя бумаги“, которыя и представили въ Варшаву, оставивъ Чаадаева въ Брестѣ подъ надзоромъ.

„По разсмотрѣнію здѣсь оныхъ бумагъ—доносилъ великій князь государю изъ Варшавы 21 іюля,—оказываются особенно изъ двухъ къ нему, Чаадаеву, писемъ, слѣды связи его съ Николаемъ Тургеневымъ, съ Муравьевымъ и кн. Трубецкимъ, тѣми, которые извѣстны въ возмущеніи; также заслуживаютъ особаго вниманія стихи, подъ названіемъ „Смерть“, въ коихъ упоминается о Зантѣ, рекомендательное письмо англичанина Коока, обнаруживающее предметъ поѣздки Чаадаева въ Англію, и патентъ масонской верховной, и какъ видно россійской въ С.-Петербургѣ ложи, по коему принятъ въ общество *тайныхъ бѣлыхъ братій* и возведенъ въ восьмую степень“...

Всѣ эти бумаги препровождались къ государю, у котораго испрашивалось приказаніе на дальнѣйшее по отношенію самого Чаадаева. Послѣднему пришлось просидѣть въ Брестѣ больше мѣсяца. 26 августа съ него сняли допросъ, которымъ я уже неоднократно пользовался выше.

На вопросъ о связяхъ съ названными выше декабристами, Чаадаевъ отвѣчалъ: „хотя по знакомству моему съ ними, зналъ ихъ образъ мыслей и политическое вольнодумство, простиравшееся у многихъ до весьма высокой степени, но никакихъ причинъ не имѣлъ заключить о ихъ тайныхъ видахъ, преступныхъ и безумныхъ намѣреніяхъ“, т. е.—добавимъ отъ себя—остался вѣренъ своему взгляду на способы политической реформы въ Россіи.

Стихи оказались принадлежащими перу Пушкина. Что же касается патента масонской ложи, то Чаадаевъ показалъ, что закрытая уже ложа тайныхъ бѣлыхъ братьевъ принадлежала „къ обыкновенному масонству, въ Россіи принятому“, названіе же тайныхъ бѣлыхъ братьевъ присвоено лишь одной восьмой степени. [1]

[1] Рапортъ великаго князя съ показаніями напечатанъ въ „Рус. Старинѣ“ 1900, XII. Лонгиновъ, Жихаревъ и Свербеевъ разсказываютъ объ этомъ приключеніи Чаадаева и очень кратко и совсѣмъ невѣрно, хотя второй, напримѣръ, ручается за достовѣрность.

Неизвѣстно, когда именно, но вскорѣ послѣ 26 августа Чаадаевъ былъ отпущенъ на свободу, а московскому военному генералъ-губернатору было поручено имѣть за нимъ бдительный надзоръ... У брата его, Михаила, произвели обыскъ...

Итакъ, Чаадаевъ въѣзжалъ въ Москву... Тамъ стоялъ еще гулъ коронаціонныхъ офиціальныхъ торжествъ... Чаадаевъ смотрѣлъ вокругъ себя и не находилъ многихъ знакомыхъ лицъ... Ихъ поглотила Сибирь... Въ глазахъ П. Я. они были безумцами, но это было то честное, святое безумство храбрыхъ, за которое онъ не могъ ихъ осуждать. Наоборотъ, встрѣтивъ порядочно наблудившаго въ дѣлѣ Д. Н. Блудова, Чаадаевъ упрекалъ его въ стараніяхъ выставить всѣхъ осужденныхъ въ смѣшномъ, не серьезномъ видѣ... Очевидно, значитъ, онъ понималъ значеніе этихъ людей для исторіи, оцѣнивалъ ихъ, какъ серьезное явленіе, съ которымъ общество должно было быть ознакомлено съ надлежащей стороны... Около былъ только Пушкинъ, но Чаадаеву пришлось убѣдиться въ томъ, что его другъ тоже не тотъ...

Какъ Чацкій на балу, онъ былъ одинъ...

По словамъ Герцена, „Чаадаевъ засталъ въ Россіи другое общество и другой тонъ. Какъ молодъ я ни былъ, но я помню, какъ наглядно высшее общество пало и стало грязнѣе, раболѣпнѣе съ воцаренія Николая. Аристократическая независимость, гвардейская удаль александровскихъ временъ—все это исчезло съ 1826 годомъ. Были иные всходы, подсѣды, еще не совсѣмъ извѣстные самимъ себѣ, еще ходившіе съ раскрытой шеей á l'enfant или учившіеся по пансіонамъ и лицеямъ; были молодые литераторы, начинавшіе пробовать свои силы и свое перо, но все это было скрыто и не въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ Чаадаевъ“. [1]

Ко всему этому прибавились матеріальныя неурядицы, происходящія отъ совершеннаго неумѣнія быть практичнымъ. [2] Если вѣрить Жихареву (племяннику Чаадаева), то въ этомъ случаѣ дядя его былъ даже не совсѣмъ порядоченъ. Жаль только, что, написавъ много словъ о его расточительности, племянникъ не постарался привести сколько-нибудь вѣскихъ фактовъ. Указаніе на желаніе Чаадаева въ 1826 г. вступить на службу безусловно невѣрно—оно должно относиться къ 1833 году.

Чаадаевъ рѣшилъ поселиться въ подмосковной деревнѣ своей тетки, въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Тамъ, уйдя въ себя, онъ предался прежнимъ занятіямъ, анализу своихъ европейскихъ впечатлѣній, бесѣдѣ и пр.

Въ это время онъ полюбилъ Е. С. Норову, родную сестру бывшаго потомъ министра народнаго просвѣщенія. Она жила невдалекѣ отъ Щербатовой. „Болѣзненная и слабая, она, по словамъ Жихарева, не могла помышлять о за-

[1] „Сочиненія“, Женева, VII, 282.

[2] Въ 1832 году братья Чаадаевы раздѣлились и Петру Яковлевичу, по свѣдѣніямъ г. Гершензона, достались: 456 душъ съ долгомъ на нихъ въ 29 т. рублей и удобной земли 3000 дес., да свыше 1000 дес. лѣса; кромѣ того, братъ долженъ былъ выплачивать ему періодическими взносами 70,000 руб.

мужествѣ, нисколько не думала скрывать своего чувства, откровенно и безотчетно отдалась этому чувству вполнѣ, и имъ была сведена въ могилу. Любовь умирающей дѣвушки была, можетъ быть, самымъ трогательнымъ и самымъ прекраснымъ изъ всѣхъ эпизодовъ его жизни. Я имѣлъ счастливый случай читать письма, ею тогда къ нему писаныя. Не знаю, какъ онъ отвѣчалъ на эту привязанность, исполненную высокой чистоты, святого самоотверженія, безусловной преданности, полнаго безкорыстія, но передъ концомъ онъ вспомнилъ про нее, какъ про самое драгоцѣнное свое достояніе, и пожелалъ быть похороненнымъ возлѣ того нѣжнаго существа, для котораго былъ всѣмъ. Послѣднюю волю въ точности выполнили.“ [1] Больше ничего объ этой любви неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что смерть Норовой осталась не безъ вліянія на продолжавшееся одиночество и умышленное удаленіе отъ общества Чаадаева. Эти годы онъ еще болѣе усидчиво сталъ заниматься своимъ развитіемъ и дѣйствительно достигъ громадныхъ результатовъ.

Владѣя прекрасно четырьмя новыми языками (русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ), и умѣя справляться съ греческимъ и латинскимъ, онъ, конечно, располагалъ возможностью широко поставить чтеніе по любой области человѣческихъ знаній. Мы уже знаемъ основу его образованія—всеобщая исторія и богословіе. Въ этихъ областяхъ Чаадаевъ былъ гораздо выше очень многихъ спеціалистовъ. Но и во всѣхъ другихъ областяхъ онъ имѣлъ весьма солидныя свѣдѣнія. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ русскихъ энциклопедистовъ.

Ниже мы подробно ознакомимся съ выдающимися работами Чаадаева, а теперь я лишь скажу, что къ началу 1830-хъ годовъ онъ былъ уже извѣстенъ по рукописямъ, ходившимъ по рукамъ всѣхъ интересующихся волновавшими Чаадаева вопросами. „Про Чаадаева узнали люди, которые никогда его не видали, кругомъ своего существованія были отъ него совершенно отдѣлены, никогда не имѣли никакой вѣроятности съ нимъ встрѣтиться, и безъ того, быть можетъ, про него во всю жизнь бы не свѣдали. По милости его блистательнаго, искрившагося мыслями разговора, стали ему приписывать то, чего онъ никогда не говорилъ: по той причинѣ, что онъ писалъ не по-русски, [2] стяжалъ,—чего съ кровно-русскими почти-что никогда не бываетъ,—очень большую популярность между иностранцами, у насъ проживающими“. [3]

Не мало способствовала одиночеству и постоянная болѣзненность: Чаадаевъ вѣчно лѣчился то отъ того, то отъ другого...

[1] „Вѣстн. Европы“ 1871, IX, 15. Въ завѣщаніи, дѣйствительно, было сказано: похоронить близъ Е. С. Норовой, въ „Донскомъ монастырѣ“, а такъ какъ Чаадаевъ тамъ именно и похороненъ, то, благодаря этому, становится ясно и неназванное Жихаревымъ имя. Лонгиновъ спуталъ имена дѣвушекъ и потому утверждаетъ, что Чаадаевъ любилъ Панову, тогда тоже сосѣдку свою. Дальше читатель убѣдится въ невѣрности этого указанія.

[2] Желая дать болѣе широкій ходъ своимъ идеямъ, Чаадаевъ избиралъ французскій языкъ.

[3] *Жихаревъ,* н, с., IX, 22—23.

Однако, въ 1831 году онъ вдругъ сталъ показываться въ свѣтъ, а, видя всеобщее къ себѣ расположеніе, и — самъ принимать у себя. Отшельничество и одиночество сразу были замѣнены широкимъ общеніемъ съ людьми, постояннымъ посѣщеніемъ Англійскаго клуба, оживленной бесѣдой съ старыми и новыми знакомыми и пріятелями. Чаадаевъ уже не избѣгаетъ гуляній, театра, публичныхъ лекцій въ университетѣ, салоновъ и гостиныхъ, и аккуратно разъ въ недѣлю собираетъ у себя интеллигентную Москву. По словамъ Герцена, „какъ бы ни была густа толпа, глазъ находилъ его тотчасъ; лѣта не исказили стройнаго стана его, онъ одѣвался очень тщательно, [1] блѣдное, нѣжное лицо его было совершенно неподвижно, когда онъ молчалъ, какъ будто изъ воску или изъ мрамора, „чело какъ черепъ голый“, сѣро-голубые глаза были печальны и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ что-то доброе, тонкія губы, напротивъ, улыбались иронически. Десять лѣтъ стоялъ онъ сложа руки гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, къ клубѣ и—воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, безсмысленно вертѣвшихся около него, капризничалъ, дѣлался страннымъ, отчуждался отъ общества, не могъ его покинуть... Старикамъ и молодымъ было не ловко съ нимъ, не по-себѣ; они, Богъ знаетъ отъ чего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія“. [2]

Самолюбіе Чаадаева было огромно; проявленія его мы уже знаемъ. А оно было причиной честолюбія и тщеславія, которыя и не могли не стать чертами его характера: въ этомъ виноваты окружавшіе.

Вотъ, напримѣръ, какъ Ѳ. Н. Глинка рисуетъ Чаадаева въ обществѣ:

„Одѣтый праздникомъ, съ осанкой важной, смѣлой,
Когда являлся онъ предъ публикою бѣлой
Съ умомъ блистательнымъ своимъ,
Смирялось все невольно передъ нимъ!
Другъ Пушкина любимый, задушевный,
Всѣхъ знаменитостей тогдашнихъ былъ онъ другъ;
Умомъ его бесѣды увлеченный,
Кругомъ его умовъ тѣснился кругъ;
И кто не жалъ ему съ почтеньемъ руку?
Кто не хвалилъ его ума?“

По словамъ г. Гершензона, Чаадаевъ „сразу занялъ въ московскомъ обществѣ то своеобразное положеніе, которое удержалъ до конца своихъ дней,—положеніе вполнѣ свѣтскаго человѣка и вмѣстѣ учителя, и если наиболѣе блестящій періодъ

[1] Щеголеватость была потребностью его натуры: дома, въ одиночествѣ, Чаадаевъ всегда былъ одинаково безукоризненно одѣтъ, выбритъ, причесанъ. Графъ Поццо-ди-Борго замѣтилъ однажды, что, будь на то его власть, онъ заставилъ бы Чаадаева безпрестанно разъѣзжать по Европѣ, чтобы показывать европейцамъ „un russe parfaitement comme il faut“.

[2] „Сочиненія“, Женева, VII, 277—278.

его дѣятельности приходится на 40-ые годы, то его учительная роль вполнѣ опредѣлилась уже теперь, въ первой половинѣ 30-хъ годовъ".

И кто только не выражалъ Чаадаеву своего вниманія и расположенія?.. И Александръ I, и Пушкинъ, и Баратынскій, и графъ Орловъ, и Хомяковъ, и Герценъ, и князь Голицынъ и гр. Закревскій — люди самыхъ разнообразныхъ положеній и убѣжденій. Одинъ называетъ себя его „ученикомъ", другой проситъ разрѣшенія „видѣть помѣщеніе геніальнаго человѣка", третій считаетъ его „однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени и своей страны", четвертый оканчиваетъ свои письма: „je baise vos pieds, maître cher et respectable" и т. д., и т. д. Судите сами, имѣлъ ли Чаадаевъ право на честолюбіе...

Въ концѣ 1831 года онъ переѣхалъ во флигель дома Левашовыхъ, на Новой Басманной. Это было старинное, богатое дворянское семейство, въ которое Чаадаевъ вошелъ, какъ свой человѣкъ. Ниже мы познакомимся съ этимъ подробнѣе. Любопытно, что въ другомъ флигелѣ жилъ тогда М. А. Бакунинъ, не мало обязанный своимъ развитіемъ сосѣду по флигелю... На Басманной Чаадаевъ и кончилъ свою жизнь, ни разу не выѣхавъ изъ Москвы даже на недѣлю, чтобы дать возможность хоть немного отремонтировать квартиру. Флигель весь покривился, подгнилъ и вотъ-вотъ грозилъ придавить своего обитателя; не даромъ Жуковскій говорилъ, что домъ этотъ „держался уже не на столбахъ, а однимъ только духомъ".

Европейскія событія того времени произвели, конечно, на Чаадаева сильное впечатлѣніе, но не расположили его къ себѣ. Онъ называетъ ихъ „ужаснымъ разрушеніемъ". „Случилась вдругъ глупость одного человѣка—пишетъ онъ Пушкину, — одного изъ тѣхъ людей, которые, невѣдомо для нихъ самихъ, бываютъ призваны управлять человѣческими дѣлами, и вотъ: спокойствіе, миръ, будущее, все вдругъ разлетѣлось прахомъ. Подумайте хорошенько: все это произведено не однимъ изъ великихъ событій, сокрушающихъ царства и народы; нѣтъ, дурость одного человѣка!" У Чаадаева оставалась лишь надежда, что „изъ всего этого имѣетъ выйти одно только благо", и она умѣряла его неудовольствіе происшедшимъ. [1]

То же несочувствіе къ насильственнымъ переворотамъ и къ перенесенію тогдашнихъ европейскихъ формъ на русскую почву Чаадаеву пришлось выразить въ слѣдующемъ году въ письмѣ на имя гр. Бенкендорфа, которое онъ составилъ для И. В. Кирѣевскаго, какъ защиту отъ только что тогда разразившейся надъ послѣднимъ грозы, въ видѣ запрещенія „Европейца" и признанія его самого человѣкомъ неблагонамѣреннымъ.

Въ этомъ знаменательномъ письмѣ, — знаменательномъ потому, что оно одновременно выражало мнѣнія такихъ потомъ противоположно мыслившихъ людей, — написанномъ *послѣ* составленія „Философическихъ писемъ", о которыхъ рѣчь будетъ ниже — Чаадаевъ указываетъ на три средства для поднятія Россіи. Во-

[1] „Рус. Архивъ" 1881 г., I, 435—438.

первыхъ, „на распространеніе серіознаго и здраваго классическаго образованія", заимствованнаго „не съ верхушекъ современной европейской цивилизаціи, но изъ эпохи предшествующей, произведшей все то, что есть дѣйствительно добраго въ современной цивилизаціи". Во-вторыхъ—освобожденіе крестьянъ, это „необходимое условіе всякаго послѣдующаго развитія для насъ и особенно развитія нравственнаго". Считаю, что въ настоящее время всякія измѣненія въ законахъ, какія бы правительство не предпринимало, останутся безцѣльными до тѣхъ поръ, пока мы будемъ находиться подъ вліяніемъ впечатлѣній, оставляемыхъ въ нашихъ умахъ зрѣлищемъ рабства, насъ съ дѣтства окружающаго: лишь его постепенное уничтоженіе можетъ сдѣлать насъ способными воспользоваться другими преобразованіями, которыя наши государи въ своей мудрости найдутъ удобнымъ сдѣлать. Полагаю, что исполненіе законовъ, какъ бы мудры они не были, не можетъ никогда быть соотвѣтственнымъ намѣренію законодателя, если это будетъ поручено людямъ, съ молокомъ кормилицы впитавшимъ всѣ возможныя мысли неравенства, если всѣ вѣтви администраціи будутъ вручены подданнымъ, съ колыбели своей освоеннымъ со всякаго рода несправедливостью". Въ третьихъ — „пробужденіе религіознаго чувства". [1]

Но, будучи противникомъ пересаживанія къ намъ европейскихъ политическихъ формъ настоящаго, Чаадаевъ былъ очень далекъ отъ того націонализма, который сразу сталъ чувствоваться во всей политикѣ Николая I, обосновавшаго ее на подсказанной Уваровымъ формулѣ: „православіе, самодержавіе, народность". Къ серединѣ 1830-хъ годовъ плоды уваровской системы были уже на лицо, и Чаадаевъ писалъ А. И. Тургеневу: „Въ настоящее время у насъ происходитъ своеобразное движеніе умовъ. Стараются сфабриковать національность; а такъ какъ никакихъ матеріаловъ для этого не имѣется, то получится, конечно, совершенно искусственный продуктъ... Не грустно ли, скажите, видѣть, что въ тотъ моментъ, когда всѣ народы сближаются, всѣ мѣстныя и географическія особенности стушевываются, мы погружаемся въ себя и обращаемся къ узкому патріотизму".

И противъ такого націонализма Чаадаевъ возставалъ всѣми силами и теперь и, какъ увидимъ, позже. Онъ всегда стоялъ одною изъ главныхъ батарей западниковъ противъ славянофиловъ, всегда, по выраженію Герцена, „горько и уныло-зло оскорблялъ все дорогое имъ, начиная съ Москвы". „Въ Москвѣ, говаривалъ Чаадаевъ, каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя, и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ. Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью; или, можетъ быть, большой колоколъ безъ языка—гіероглифъ, выражающій эту огромную нѣмую страну, которую заселяетъ племя, назвавшее себя *славянами*, какъ будто удивляясь, что имѣетъ слово человѣческое". [2]

[1] „Рус. Архивъ", 1896 г. VIII.
[2] „Сочиненія", Женева, VII, 283—284.

Въ 1833 году у Чаадаева возникаетъ цѣлая переписка съ Бенкендорфомъ, которой предшествовала небольшая переписка послѣдняго съ московскими жандармами.

27 декабря 1832 года III Отдѣленіе получило безымянный доносъ о Чаадаевѣ, который „ведетъ жизнь странную, пишетъ что то, что нельзя достать, но извѣстно, что сочиненія читаютъ тихонько, и говорятъ, что они основаны на преобразованіи Россіи и тамъ будто выводится, что католическая религія есть настоящая, и потому должно всѣмъ ее принять“. Бенкендорфъ приказалъ московскому жандарму, генералу Лесовскому, собрать „подъ рукою“ свѣдѣнія и обо всемъ его увѣдомить. Со словъ производившаго слѣдствіе полковника Шубинскаго, Лесовскій вскорѣ опровергъ доносъ, сообщивъ, однако, что Чаадаевъ „живетъ чрезвычайно осторожно“; что „до двухъ часовъ пополудни бываетъ дома, потомъ всякій день выѣзжаетъ и возвращается очень поздно, а иногда и не ночуетъ дома“; что „лошадей своихъ не имѣетъ, а ѣздитъ съ наемнымъ кучеромъ, живущимъ у него уже два года; кучеръ весьма скроменъ и трезвъ, и на вопросъ: куда чаще ѣздитъ господинъ его,—сказать ничего не хотѣлъ“. Онъ сообщилъ также, что Чаадаевъ почитается всѣми „человѣкомъ умнымъ, начитаннымъ и даже мистикомъ; говорятъ, что въ церковь довольно часто ходитъ и богомоленъ; имѣетъ короткое знакомство и часто посѣщаетъ французскаго священника, что у Тверскихъ воротъ въ домѣ Голицына“.

На этомъ все и кончилось.

Вскорѣ Чаадаевъ дѣлаетъ шагъ, который какъ нельзя лучше иллюстрируетъ его кабинетность и полную непрактичность. Онъ просится на службу... Съ одной стороны, денежныя неурядицы (въ концѣ 1832 года опекунскій совѣтъ по третьему долгу пустилъ съ торговъ его послѣднее имѣніе, и у него остались только 7000 рублей, получаемыхъ ежегодно отъ брата, да и то въ 1833 году послѣдній разъ), съ другой—убѣжденіе, что онъ можетъ быть полезнымъ совѣтчикомъ николаевскому правительству, лишенному сколько нибудь образованныхъ людей—этого онъ не могъ не видѣть даже и при полномъ сочувствіи мѣрамъ усмиренія польской революціи... Чаадаевъ простодушно вообразилъ, что Николай I не можетъ отклонить его предложенія и для этого прежде всего обратился къ князю Васильчикову, совершенно не зная, что послѣднему извѣстна его характеристика, сдѣланная въ письмѣ къ теткѣ двѣнадцать лѣтъ назадъ. Васильчиковъ отвѣтилъ ему разумѣется уклончиво, что всѣ начальники вѣдомствъ, къ которымъ онъ обращался, вполнѣ признавая достоинства Чаадаева, затрудняются, однако, предоставить ему подобающее мѣсто, въ виду его невысокаго чина, но что Бенкендорфъ изъявилъ готовность всячески ему содѣйствовать, какъ только узнаетъ, чего собственно ему хочется.

Тогда съ наивностью Донъ-Кихота 1 іюня (1833 г.) Чаадаевъ обратился къ гр. Бенкендорфу со слѣдующимъ французскимъ письмомъ.

„Графъ.

„Я получилъ отъ генерала Васильчикова письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ о благожелательныхъ настроеніяхъ Вашего Сіятельства въ отношеніи меня. Онъ

извѣщаетъ, что вы желаете, чтобы я обратился лично къ Вамъ. О томъ же самомъ Вы говорили мнѣ въ наше послѣднее свиданіе. Если я до сихъ поръ не воспользовался Вашимъ любезнымъ предложеніемъ покровительства, то только потому, что, находясь въ свое время подъ начальствомъ генерала и считая себя обязаннымъ ему благодарностью за его ко мнѣ всегдашнее расположеніе, я находилъ, что обязанъ смотрѣть на него, какъ на своего естественнаго покровителя. Надѣюсь, графъ, что вы оцѣните мое поведеніе и не лишите меня теперь своего расположенія.

„Я знаю, что не имѣю права разсчитывать на вниманіе правительства. Прискорбныя обстоятельства, заставлявшія меня столько времени держаться вдали отъ службы, окончательно отбросили меня въ ряды людей, неимѣющихъ, въ глазахъ правительства, никакихъ заслугъ. Между тѣмъ, я имѣю все же смѣлость надѣяться, что если бы его величество удостоилъ вспомнить обо мнѣ, то, быть можетъ, онъ вспомнилъ бы также, что я не совсѣмъ недостоинъ его снисхожденія и предоставленія мнѣ возможности доказать свою преданность и употребить свои способности на службу его величеству. Прежде я думалъ, что, не имѣя привычки къ гражданской службѣ, могу домогаться только дипломатической должности. Поэтому я и просилъ генерала Васильчикова сообщить министру иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыя соображенія, которыя, какъ мнѣ кажется, могли бы найти примѣненіе при теперешнемъ положеніи Европы, а именно: о необходимости особенно наблюдать за движеніемъ идей въ Германіи. И въ данный моментъ я думаю, что это была бы именно та самая служба, гдѣ я могъ бы лучше всего утилизировать свои знанія и труды всей жизни. Но положеніе вещей въ политическомъ мірѣ усложняется съ каждымъ днемъ, и правительство въ настоящее время могло бы довѣрять это дѣло только такимъ людямъ, которые ему хорошо извѣстны. Я же мечтаю теперь только о томъ, чтобы его величество узналъ меня. Къ числу изумительныхъ вещей настоящаго достославнаго царствованія, въ которое осуществилось столько нашихъ надеждъ и было выполнено столько нашихъ желаній, принадлежитъ выборъ людей, призываемыхъ къ дѣламъ. И если всегда говорилось, что одно изъ главныхъ качествъ монарха заключается въ умѣньи находить людей, то само собою разумѣется, что каждый изъ подданныхъ его величества въ правѣ поэтому разсчитывать, если только онъ стремится къ чести быть имъ замѣченнымъ, что его старанія не останутся непризнанными, его рвеніе не пропадетъ даромъ и мудрость государя сумѣетъ разглядѣть способности, какъ бы онѣ ни были малы, которыя могли бы быть употреблены съ пользою для блага государства. Я отдаю себя, слѣдовательно, вполнѣ въ распоряженія его величества и буду почитать себя счастливымъ, если моею будущею судьбой буду обязанъ его величеству, высшему судьѣ всѣхъ нашихъ способностей и законному цѣнителю той пользы, которую каждый изъ насъ можетъ принести своей родинѣ.

„Но вы, графъ, такъ любезно предложившій мнѣ свое посредничество предъ лицомъ монарха, не откажетесь, конечно, обратить свое вниманіе на неудобство

моего положенія. Покойный императоръ, увольняя меня, не захотѣлъ наградить меня чиномъ полковника, который полагался мнѣ, но котораго я, безъ сомнѣнія, не заслуживалъ по причинѣ моего нелѣпаго упорства требовать отставки. Я, значитъ, имѣю только чинъ гвардіи ротмистра, но могу заявить, что, хотя, вслѣдствіе плохого состоянія моего здоровья и финансовъ, я долго не могъ нести никакой службы, все же старался употребить это время на пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ познаній, которыя могли бы, при случаѣ, оказаться полезными моей странѣ. Я очень нуждаюсь, графъ, во всемогущемъ благорасположеніи императора, такъ какъ безъ этого, осужденный пребывать въ неизвѣстности, на которую меня осуждаетъ мой чинъ я врядъ ли могу надѣяться, что взоры его величества падутъ на меня".

Не будемъ строго судить Чаадаева за тонъ письма: онъ былъ обусловленъ прямою, повидимому, необходимостью вступить на службу, главнымъ образомъ, благодаря серьезнымъ денежнымъ недостаткамъ. Письмо это характерно еще и тѣмъ, что показываетъ, какъ трудно было тогда человѣку, искавшему дѣла, жить безъ государственной службы: общественная жизнь не знала еще иной работы.

Въ концѣ іюня Бенкендорфъ сообщилъ Чаадаеву, что государь, прочтя его письмо, далъ согласіе на поступленіе его по министерству финансовъ... Видя такой, совершенно неожиданный, исходъ своей просьбы, Чаадаевъ написалъ письмо самому государю, приложивъ его при слѣдующемъ письмѣ къ Бенкендорфу отъ 15 іюля:

„Милостивый Государь Графъ Александръ Христофоровичъ.

„Я имѣлъ честь получить письмо Вашего Сіятельства. Государь Императоръ желаетъ, чтобъ я служилъ по министерству финансовъ. Я осмѣлился отвѣчать на это Самому Государю. Прошу покорнѣйше Ваше Сіятельство письмо мое вручить Его Величеству.

„Я пишу къ Государю пофранцузски. Полагаясь на милостивое Ваше ко мнѣ расположеніе, прошу Васъ сказать Государю, что писавши къ Царю Русскому не по русски, самъ тому стыдился. Но я желалъ выразить Государю чувство полное убѣжденія, и не съумѣлъ бы его выразить на языкѣ, на которомъ прежде не писывалъ. Это новое тому доказательство, что я въ письмѣ своемъ говорю Его Величеству о несовершенствѣ нашего образованія. Я самъ живой и жалкій примѣръ этого несовершенства.

„Вашему Сіятельству доложу я еще, что если вступлю въ службу, то въ сей разъ пишу по французски въ послѣдніе. По сіе время писалъ я на томъ языкѣ, на которомъ мнѣ всего было лехче писать. Когда стану дѣлать дѣло, то Богъ поможетъ, найду и слово русское: но перваго опыта не посмѣлъ сдѣлать писавъ къ Государю.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, покорный Вашъ слуга *Петръ Чаадаевъ*".

Бенкендорфъ, очевидно, вообразилъ, что запечатанное письмо къ государю содержитъ порицаніе установившихся порядковъ въ области образованія, и, не долго

думая, отвѣчалъ Чаадаеву: „М. Г., П. Я.! Получивъ письмо Ваше отъ 15 минувшаго іюля и усматривая изъ онаго, что Вы, въ приложенномъ при семъ письмѣ Вашемъ на Высочайшее имя, упоминаете о несовершенствѣ образованія нашего, я, имѣя въ виду пользу Вашу, не рѣшился всеподданнѣйшаго письма Вашего представить Государю Императору, ибо Его Величество, конечно бы, изволилъ удивиться, найдя диссертацію о недостаткахъ нашего образованія тамъ, гдѣ вѣроятно ожидалъ одного лишь изъявленія благодарности и скромной готовности самому образоваться въ дѣлахъ, Вамъ вовсе незнакомыхъ. Одна лишь служба, и служба долговременная даетъ намъ право и возможность судить о дѣлахъ государственныхъ, и потому я боялся, чтобы Его Величество, прочитавъ Ваше письмо, не получилъ о Васъ мнѣніе, что Вы, по примѣру легкомысленныхъ Французовъ, принимаете на себя судить о предметахъ Вамъ неизвѣстныхъ. Въ семъ уваженіи я счелъ лучшимъ препроводить къ Вамъ обратно всеподданнѣйшее Ваше письмо, которое при семъ прилагаю, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью Вашъ покорнѣйшій слуга *Графъ Бенкендорфъ*. [1]

Чаадаевъ поспѣшилъ успокоить шефа жандармовъ и отвѣчалъ ему 16 августа довольно тонко:

„М. Г. графъ Александръ Христофоровичъ.

„Приношу живѣйшую мою благодарность Вашему Сіятельству, за участіе которое Вы изволите принимать въ моей судьбѣ. Получивъ письмо Ваше, я былъ тронутъ, найдя въ немъ, что Вы для собственной моей пользы не вручили Государю всеподданнѣйшаго письма моего. Возвращая это самое письмо Вашему Сіятельству, я отнюдь не имѣю дерзости ожидать чтобъ оно сдѣлалось извѣстнымъ Его Величеству, но прошу Васъ только прочесть его. Надѣюсь что Вы увидите, что я не имѣлъ безумія включить въ оное разсужденія о дѣлахъ государственныхъ, и что въ особенности нѣтъ въ немъ ничего похожаго на преступныя дѣйствія французовъ, которыми болѣе кого либо гнушаюсь. Мнѣніе Государево для меня неоцѣненно, и я чрезмѣрно щастливъ, что благосклонностію Вашею сохраненъ отъ невыгоднаго Его Величества обо мнѣ понятія, но и мнѣніе Ваше для меня драгоцѣнно, потому и рѣшился я представить это письмо на Ваше сужденіе.

„Осмѣлюсь только сказать въ оправданіе свое, на щетъ того выраженія, которое показалось Вамъ предосудительнымъ, что мнѣ кажется, что состояніе

[1] Приводя это письмо, проф. Кирпичниковъ дѣлаетъ снова цѣлый рядъ догадокъ, изъ которыхъ почти ни одна невѣрна (стр. 142 его книги). Любопытно, какъ Бенкендорфъ собственноручно набросалъ редакцію этого письма.—„Отослать ему назадъ, что я для его пользы не смѣлъ подать письмо его Государю, онъ бы удивился диссертаціи о недостаткахъ нашаго образованія тамъ гдѣ искалъ бы только изъявленія благодарности и скромную готовность самому образоваться по дѣламъ ему Чаадаеву вовсѣ не известнымъ ибо одна служба и долговременное можетъ дать право и способъ судить о дѣлахъ государственныхъ, ане то онъ даетъ мнѣніе о себѣ что онъ по примеру легкомысленныхъ французовъ судитъ о томъ, чего не знаетъ“...

образованности народной не есть вещь государственная, и что можно судить о образованности своего отечества не отваживаясь мѣшаться въ дѣла правительственныя, потому что всякой по собственному опыту знать можетъ, какія способы и средства въ его отечествѣ для ученія употребляются, а глядя вокругъ себя, оцѣнить степень просвѣщенія въ ономъ. Къ тому же, говоря о несовершенствѣ нашего образованія, я не помышлялъ хулить наши учебныя учрежденія и дѣйствія правительственныя, а разумѣлъ только образъ ученья нашего, коего недостатковъ ношу въ себѣ горестное сознаніе. Прошу Ваше Сіятельство, покорнѣйше простить мнѣ это нескромное прекословіе, которое себѣ позволилъ единственно изъ желанія оправдать себя предъ Вами.

„Впрочемъ, какое бы мнѣніе Ваше Сіятельство по сему обо мнѣ не возымѣли, въ моихъ понятіяхъ, долгъ святой каждаго гражданина покорность безусловная властямъ провиденіемъ поставленнымъ, а Вы облеченные довѣріемъ самодержца, представляете въ глазахъ моихъ власть Его. Всякому Вашему рѣшенію смиренно повиноваться буду.

„Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью Вашего Сіятельства покорный слуга *Петръ Чаадаевъ*“. [1]

Что же Чаадаевъ писалъ царю?

Вотъ его французское письмо отъ 15 іюля:

„Государь! Ваше величество удостоили принять мою просьбу о возвращеніи на службу и выразили желаніе, чтобъ я служилъ въ министерствѣ финансовъ. Ваша воля, государь, для меня законъ, и милость, съ которою Вы снизошли къ моей просьбѣ, составляетъ мое счастье. Но когда я рѣшился снова посвятить себя службѣ Вашему Величеству, я не имѣлъ въ виду только мою выгоду, а стремился съ пользою служить Вамъ. Часть, для которой Вы меня предназначаете, государь, требуетъ положительныхъ знаній въ такой области, которая мнѣ недостаточно знакома. Воодушевленный желаніемъ повиноваться Вамъ, я, конечно, могъ бы, стараясь изучить этотъ предметъ, достигнуть общихъ познаній въ немъ. Но возвышенные взгляды, которые вы вносите во всѣ отдѣлы администраціи и которыми проникнуты всѣ предпринятыя Вами законодательныя мѣропріятія, дѣлаютъ изъ Вашего царствованія достославную эпоху, такъ что тѣ обыкновенныя средства, которыми располагаютъ слуги государства, не въ состояніи удовлетворить широкому размаху, дѣлаемому правительствомъ. Я, государь, не могъ бы, со своей стороны, внести ничего въ эту должность, кромѣ недостаточности познаній, какъ человѣкъ, изучавшій раньше только такіе предметы, которые не имѣютъ никакого отношенія къ этой области.

„Государь, я не имѣю права проникать въ Ваши царскіе помыслы и Ваши намѣренія въ отношеніи меня мнѣ неизвѣстны. Но я знаю, какъ и весь міръ, что

[1] Это письмо, какъ и всю переписку Чаадаева съ Бенкендорфомъ въ 1833 г., заимствую изъ архива III Отдѣленія (дѣла № 379, 2 экс. 1833 г. и № 485 1 экс. 1832 г.). Въ „Вѣст. Евр.“ 1871 г., XI, 325—326 оно напечатано съ очень неточнаго черновика.

всѣ дѣйствія Вашего правительства проникнуты великою идеей и что эта идея исходитъ отъ Васъ. Говоря Вамъ это, я вѣрю, что говорю съ государемъ, столь же высоко стоящимъ, какъ человѣкъ среди другихъ людей, такъ высоко онъ поставленъ, какъ монархъ, среди другихъ монарховъ.

„Много размышляя о состояніи просвѣщенія въ Россіи, я пришелъ къ убѣжденію, что могъ бы именно въ этой области быть полезнымъ, выполняя обязанности, удовлетворяющія требованія Вашего правительства. Мнѣ кажется, что въ этой области можно сдѣлать многое, именно въ духѣ той идеи, которая, какъ я думаю, является идеей Вашего Величества. Я полагаю, что просвѣщеніе въ Россіи должно носить особенный характеръ и что возможно утвердить его на національной основѣ, совершенно иной, нежели та, на которой она покоится во всей остальной Европѣ, такъ какъ Россія развилась совершенно иначе и у нея есть спеціальное назначеніе, которое она должна выполнить въ мірѣ. Я нахожу, что мы должны быть изолированы, какъ въ отношеніи научныхъ, такъ и въ отношеніи политическихъ взглядовъ, и русская нація, великая и сильная, должна, какъ мнѣ кажется, не заимствовать отъ другихъ народовъ ихъ дѣятельность, а заставить ихъ принять свою. Если бы эти взгляды оказались отвѣчающими взглядамъ Вашего Величества, то для меня было бы несказаннымъ счастьемъ, еслибъ я могъ содѣйствовать реализаціи ихъ въ нашей странѣ. Но прежде всего я глубоко убѣжденъ, что для насъ невозможенъ никакой прогрессъ иначе, какъ при условіи полнаго подчиненія чувства всѣхъ вѣрноподданныхъ чувствамъ государя.

„Государь, я считалъ своею обязанностью, какъ честнаго человѣка, представить вамъ мою неудовлетворительность въ той области, для которой Вы меня предназначаете, и указать то, что я могъ бы выполнить въ другой области. Но какова бы ни была Ваша высшая воля въ отношеніи меня, я съ радостью подчиняюсь ей. Вамъ, государь, судить, какое употребленіе, ради общаго блага, надо сдѣлать изъ способностей каждаго изъ Вашихъ подданныхъ. Я умоляю только Ваше Величество милостиво снизойти къ тѣмъ мотивамъ, которые руководятъ моимъ поведеніемъ въ этомъ отношеніи“.

Письмо это, такъ и не попавшее въ руки Николая I, интересно во многихъ отношеніяхъ. Тонъ его опять-таки не долженъ насъ поражать; нельзя забывать коэффиціентъ того времени... Не одинъ Чаадаевъ писывалъ письма такого характера... Во-вторыхъ, нельзя не видѣть, что Чаадаевъ какъ бы намѣчалъ тѣ два начала, которыя вошли въ извѣстную уваровскую формулу николаевской системы: самодержавіе и народность. То и другое понималось, конечно, иначе: подъ первымъ Чаадаевъ не хотѣлъ видѣть произволъ, подъ второй—квасной патріотизмъ, но, во всякомъ случаѣ, кое-что общее было. Въ третьихъ, Чаадаевъ былъ готовъ служить и по министерству финансовъ. Это послѣднее доказываетъ, что онъ очень нуждался въ жалованьѣ, а усиленная просьба принять на службу, гдѣ бы онъ могъ приносить пользу,—что ему хотѣлось хоть какого-нибудь дѣла.

Бенкендорфъ ничего не отвѣчалъ... Чаадаевъ написалъ ему еще разъ:

„Милостивый Государь Графъ Александръ Христофоровичъ.

„Не имѣя никакого права ожидать отвѣта на письмо которое писалъ къ Вашему Сіятельству, прошлаго августа мѣсяца, во время отсудствія Вашего за границею, теперь осмѣливаюсь писать къ Вамъ единственно для того, чтобъ естьли Вы по сему случаю, какъ либо, не изволили получить письма моего, извѣстить Васъ, что я не оставилъ поступка своего безъ оправданія. Я знаю, что сего оправданія не достаточно, потому что въ такихъ дѣлахъ не имѣю возможности представиться Вамъ въ другомъ видѣ въ какомъ разъ представился. Но находясь по сему случаю также и предъ Высокимъ лицомъ Государя, не могъ я не употребить хотя и безъ надѣжды, всѣ средства, дабы заслужить вновь милостиваго воззрѣнія Его Величества.

„Увѣряю Васъ, Ваше Сіятельство, что никто лучше меня самаго не можетъ оцѣнить моего безразсудства, и что горесть моя лишивъ себя щастья служить Государю, неописуема.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть Милостивый Государь, Вашего Сіятельства, покорнѣйшій слуга *Петръ Чаадаевъ*“.

Бенкендорфъ не отвѣтилъ и на этотъ разъ ничего... Очевидно, это было результатомъ разговора съ Николаемъ I... Тогда Чаадаевъ обратился къ министру юстиціи, Дашкову, съ просьбой взять его къ себѣ, тотъ представилъ письмо Бенкендорфу, послѣдній—государю. Разрѣшеніе было получено, а опредѣленіе Чаадаева по юстиціи предоставлено усмотрѣнію министра. Чаадаевъ, однако, не поступилъ на службу...

Н. И. Надеждинъ.

(1804—1836 гг.).

Если въ біографіи Чаадаева много басенъ и легендъ, то въ оцѣнкѣ личности Николая Ивановича Надеждина не меньше противорѣчій. Біографія его гораздо проще и яснѣе: онъ самъ оставилъ канву своей жизни, на которой, впрочемъ, умышленно многіе узоры совершенно даже не наметалъ.

Надеждинъ родился въ 1804 г., въ огаревскомъ селѣ Нижнемъ-Бѣломутѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Отецъ его былъ священникъ, по отзыву сына, довольно начитанный. Мальчикъ росъ подъ его вліяніемъ и десяти лѣтъ былъ опредѣленъ въ духовное училище, а черезъ годъ уже въ семинарію. Шестнадцати лѣтъ Надеждинъ, кончивъ еще только одинъ курсъ философіи, былъ, несмотря на это, отправленъ, годомъ раньше, въ московскую духовную академію. Благодаря Филарету, въ послѣдней преобладало философское теченіе надъ богословскимъ. Интересовавшійся уже раньше философіей, читавшій Канта, Надеждинъ, несмотря на причисленность къ математическому отдѣленію, довольно усердно занялся философіей и исторіей. Въ 1824 г. онъ получилъ степень магистра богословскихъ наукъ и опредѣленъ былъ въ рязанскую семинарію профессоромъ русской и латинской словесности и нѣмецкаго языка; одновременно

онъ преподавалъ латинскій языкъ въ рязанской гимназіи. По отзыву его ученика, лекціи Надеждина „не заключали въ себѣ ничего особеннаго, что показывало бы въ авторѣ передового человѣка, прокладывающаго новую дорогу въ наукѣ; по содержанію своему онѣ не отличались почти ничѣмъ отъ бывшихъ тогда въ употребленіи риторики Рижскаго и Толмачева". [1]

Въ концѣ 1826 г. Надеждинъ, въ виду болѣзни, былъ уволенъ и изъ духовнаго званія и изъ семинаріи и переѣхалъ въ Москву, гдѣ поступилъ домашнимъ наставникомъ въ семейство Самариныхъ. Онъ преподавалъ Ю. Ѳ. Самарину и его брату Законъ Божій, русскій и греческій языки, географію и исторію. Пользуясь громадной самаринской библіотекой, Надеждинъ, чувствуя необходимость „избрать карьеру", сталъ заниматься исторіей. [2]

Какъ разъ въ это время разгорался споръ „романтиковъ" съ „классиками", въ которомъ понемногу приняла участіе почти вся русская журналистика. Въ Москвѣ первые были представлены Полевымъ, вторые —старикомъ Каченовскимъ. Послѣдній былъ очень нужнымъ человѣкомъ для всякаго, желавшаго вступить въ университетъ по историко-филологическому факультету. Надеждинъ имѣлъ уже это желаніе... Онъ познакомился съ Каченовскимъ, выразилъ ему свое негодованіе на преслѣдованіе „шалымъ Полевымъ" „почтенныхъ стариковъ", былъ за это похваленъ... Каченовскому тоже улыбалось имѣть около себя молодого бойца... Очень скоро Надеждинъ смѣло входилъ съ просьбой къ ректору о допущеніи его къ испытанію на степень доктора по словесному факультету и, послѣ всевозможныхъ формальностей и диссертаціи, въ декабрѣ 1831 года былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи. Очень много помогли этому Каченовскій и его университетскіе друзья. Надеждинъ успѣлъ обратить на себя ихъ любовное вниманіе.

Такъ, напримѣръ, въ полемикѣ съ романтиками Надеждинъ, уже укрѣпившійся въ „Вѣстникѣ Европы", просто-на-просто указывалъ, что они непонятнымъ образомъ молчатъ о побѣдахъ Дибича-Забалканскаго въ славную войну 1829 года... Когда Каченовскій прославился своимъ гнуснымъ доносомъ на Полевого, Надеждинъ всю статью свою противъ его „Исторіи русскаго народа" наполнилъ исключительно одними ругательствами и оскорбленіями, настолько перейдя въ нихъ всякую границу, что очень неодобрившій „Исторію" Пушкинъ не могъ, однако, не замѣтить: „.....брань доведена до изступленія; болѣе чѣмъ на тридцати страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательствъ, нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого издателя (т.-е., Каченовскаго—*М. Л.)*, мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной исторіи". [3]

[1] „Записки И. Д. Ростиславова", „Рус. Стар." 1894 г., VI, 100.

[2] Автобіографія Н. И. Надеждина, „Рус. Вѣстн.", 1856 г., мартъ, I; *Н. Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина", IV, 40; *Н. Поповъ*, „Н. И. Надеждинъ на службѣ въ Московскомъ университетѣ", „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1880 г., I.

[3] „Сочиненія", V, 1903 г., 443.

Когда Полевой жестоко напалъ на диссертацію Надеждина, напечатанную переводными отрывками въ „Вѣстникѣ Европы" и „Атенеѣ", диссертантъ, пользуясь дружбой Погодина, которую тоже свелъ очень ловко и умѣло, отвѣчалъ Полевому въ „Московскомъ Вѣстникѣ": „Диссертація сія представлена была на судъ гг. профессоровъ еще за нѣсколько недѣль до назначенія диспута. Этотъ судъ профессоровъ былъ строгій, основанный на правилахъ, предписанныхъ самимъ закономъ, и по праву, отъ Верховной Власти, имъ дарованному. Слѣдовательно, это дѣло было офиціальное. Какъ же онъ, Полевой, будучи честнымъ человѣкомъ могъ вмѣшиваться въ такое дѣло? А тѣмъ болѣе, какъ онъ, не принадлежа собственно ни къ государственнымъ чиновникамъ, ни къ сословію ученыхъ, можетъ присвоить себѣ право быть ревизоромъ дѣйствій цѣлаго университета и послѣ одобренія университетомъ оной диссертаціи и удостоенія г. Надеждина высшей ученой степенью доктора смѣетъ столь дерзко поносить и сочиненіе и сочинителя?"... [1] Этотъ призывъ въ участокъ былъ подписанъ, конечно, псевдонимомъ—„Прямиловъ изъ села Тихомірова".

Въ отвѣтъ на очень остроумныя эпиграммы, въ которыхъ Пушкинъ отчиталъ Каченовскаго за доносъ и, вообще, за литературное старовѣрство, на великаго поэта посыпался цѣлый градъ насмѣшекъ и ругательствъ, подписанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" „Нікодимъ Надоумко" — это былъ новый псевдонимъ Надеждина, къ которому онъ еще иногда прибавлялъ: „Екс студентъ" или „съ Патріаршихъ прудовъ".

Пушкинъ не заставлялъ себя долго ждать—и на разборъ „Полтавы" отвѣчалъ по своему: по рукамъ стали ходить три эпиграммы (написанныя въ 1829 году).

На Надеждина.

1.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
„Охота есть да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?"
Пятнадцать.—„Только-то? Эй, розгу!"
Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелевъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ. [2]

[1] „Москов. Вѣстникъ", 1830 г. № 21—22, стр. 110—124. Погодинъ былъ очень радъ сотрудничеству Надеждина и писалъ Шевыреву: „Я нашелъ еще человѣка—*Надежду!* ученость, воображеніе, наша пламенная любовь къ просвѣщенію, и это нашъ" (*Барсуковъ*, н. с., III, 77).

[2] „Сочиненія", II, 1903, 211. Впервые напечатано было въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1830 годъ.

2. Притча.

Но видно по всему, что онъ семинаристъ.
Дмитріевъ.

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
Вотъ, подбочась, сапожникъ продолжалъ:
„Мнѣ кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишкомъ ли нага?“
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
„Суди, дружокъ, не свыше сапога“.
Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
Попробуй онъ судить о сапогахъ. [1]

3.

Надѣясь на мое презрѣнье,
Сѣдой Зоилъ меня ругалъ,
Но, потерявъ уже терпѣнье,
Я эпиграммой отвѣчалъ.
И возгоря желаньемъ славы,
Теперь, надѣясь на отвѣтъ,
Журнальный шутъ, холопъ лукавый,
Ругать бы также сталъ... О, нѣтъ!
Пусть онъ, какъ бѣсъ предъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ:
Лакей сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ бариномъ расчетъ. [2]

Итакъ, Надеждинъ получилъ каѳедру. О его профессорствѣ есть довольно много разсказовъ, изъ которыхъ написанные людьми совершенно заурядными превозносятъ его, принадлежащіе же перу людей, говорящихъ намъ своими именами, болѣе скромны. Очевидно, лучшіе свидѣтели—лица которыхъ мы знаемъ, поэтому, обходя разсказы Прозоровыхъ, [3] Лавдовскихъ [4] et tutti quanti, остановимся на К. С. Аксаковѣ, Гончаровѣ, Бѣлинскомъ.

Вотъ что говоритъ первый изъ нихъ: „Надеждинъ производилъ съ начала своего профессорства, большое впечатлѣніе своими лекціями. Онъ всегда импро-

[1] Ibidem, 211—212. Впервые напечатано въ № 3 „Современника“ за 1836 г.

[2] Ibidem, 212. Въ свое время напечатано не было. Явно говорится о подслуживавшемся къ Каченовскому Надеждинѣ.

[3] „Библ. для Чтенія“, 1859 г., XII.

[4] „Москов. Вѣдомости“, 1856, № 81.

визировалъ. Услышавъ умную, плавную рѣчь, почуявъ, такъ сказать, воздухъ мысли, молодое поколѣніе съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ юношей; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе, справедливо и строго осудивъ Надеждина, студенты его любили и, уже не увлекаясь, охотно слушали рѣчь. Я помню, что Станкевичъ, говоря о недостаткахъ Надеждина, прибавлялъ, что Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими знаніями, и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ. Тѣмъ не менѣе, благодарный ему за это пробужденіе, Станкевичъ чувствовалъ бѣдность его преподаванія". [1]

Другую оцѣнку дѣлаетъ Гончаровъ. По его словамъ, Надеждинъ былъ „человѣкъ съ многостороннею, всѣмъ извѣстною ученостью по части философіи и филологіи; это былъ самый симпатичный и любезный человѣкъ въ обращеніи, и какъ профессоръ онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра". [2]

Станкевичъ и Аксаковъ говорятъ—сухъ, безжизненъ, а Гончаровъ—вдохновененъ, горячъ... Но достаточно вспомнить солиднаго, всегда аптекарски уравновѣшеннаго Гончарова, чтобы понять, что маленькое отклоненіе въ сторону ему кажется всегда уже серьезнымъ. Что же касается „любезности въ обращеніи", то на вѣжливость Надеждина указываютъ всѣ, но развѣ это достоинство научнаго характера?...

Надеждинъ вообще оцѣнивается крайне различно, не только какъ профессоръ, но и какъ литераторъ, какъ критикъ, какъ человѣкъ, наконецъ.

Съ одной стороны, мы имѣемъ мнѣніе Чернышевскаго, который первый вдругъ такъ раздулъ значеніе Надеждина, что еще и до сихъ поръ, вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, его не могутъ начать оцѣнивать по истинной, очень небольшой стоимости. Для меня совершенно непонятно мнѣніе Чернышевскаго, это—просто крупная ошибка, причину которой найти невозможно. [3]

По мнѣнію Чернышевскаго, спеціалисты по исторіи и этнографіи потому не цѣнятъ статей Надеждина, что онѣ были „глубокомысленнѣе, нежели того требовалось въ его время"; въ философіи Надеждинъ „пошелъ далѣе Шеллинга и приблизился силою самостоятельнаго мышленія къ Гегелю, котораго, какъ по всему видно, не изучалъ", и, вообще, „смыслилъ въ философіи больше Кузена, и не только Кузена, а многихъ мыслителей, которые и въ Германіи успѣли пріобрѣсть себѣ извѣстность, какъ самостоятельные ученики того или другого великаго философа. [4]

[1] *К. Аксаковъ*, „Воспоминанія студентства 1832—35 годовъ", „День", 1862 г., № 40.

[2] „Вѣстн. Европы" 1887 г., IV, 506.

[3] С. А. Венгеровъ думаетъ, что одной изъ нихъ была ссылка Надеждина (о чемъ подробно ниже), но вѣдь Чернышевскій не могъ не знать, что продѣлывалъ Надеждинъ въ Петербургѣ послѣ ссылки...

[4] „Очерки гоголевскаго періода etc", Спб. 1892 г., 173, 197, 198.

Но этого всего мало. Чернышевскій находитъ, что „всѣ отрасли нравственно-историческихъ наукъ, отъ философіи до этнографіи, были такъ глубоко изучены имъ, какъ рѣдкому спеціалисту удается изучить одну свою частную науку“. И, по его словамъ,—„этимъ страшнымъ залогомъ знанія располагалъ умъ необыкновенно сильный, свѣтлый и проницательный, и потому, о чемъ бы онъ ни писалъ, онъ проливалъ новый свѣтъ на предметъ, какой бы науки ни касался, двигалъ ее впередъ“... Вотъ какой титанъ былъ Нікодимъ Надоумко... Но Чернышевскому и этого еще мало. Онъ утверждаетъ, что „рѣшительно никто въ тогдашней нашей литературѣ не могъ быть достойнымъ противникомъ Надеждину“, что „онъ одинъ тогда понималъ вещи въ ихъ истинномъ видѣ“, но что его не понялъ никто: „и потому, что онъ высказывалъ истину очень горькую для тѣхъ, кому говорилъ ее, и потому, что высказывалъ ее горько, и болѣе всего потому, что основанія, на которыхъ опирались его приговоры, были незнакомы никому“... [1]

Впрочемъ, Чернышевскій самъ же ставитъ два „но“. Одно—Надеждинъ явился слишкомъ рано для публики и литературы. Другое—онъ явился слишкомъ рано и для себя. „Образъ мыслей его не совершенно еще установился въ то время, когда онъ началъ свою литературную дѣятельность. Основныя воззрѣнія его были тверды и справедливы; но много осталось еще въ немъ слѣдовъ прежняго образованія, и почти вся его послѣдующая журнальная дѣятельность представляется, какъ исторія постепеннаго его освобожденія отъ различныхъ остатковъ той „старой трухи“ (по его выраженію), которая такъ связываетъ движенія мысли. Въ началѣ онъ часто, самъ того не замѣчая, выражалъ понятія, несообразныя съ его истиннымъ образомъ мыслей, съ его основными идеями“. Однако, они [2] не помѣшали ему признать Надеждина основоположникомъ нашей критики „образователемъ“ Бѣлинскаго.

Относительно „образованія“ Надеждинымъ Бѣлинскаго рѣчь еще впереди, а сейчасъ мы остановимся на другихъ мнѣніяхъ.

На первомъ мѣстѣ надо поставить М. М. Филиппова, большого знатока и философской литературы и развитія философской мысли въ Россіи. Спустя сорокъ лѣтъ со смерти Надеждина и шестьдесятъ—со смерти его, какъ журналиста, слѣдовательно, при свѣтѣ массы данныхъ и обстоятельствъ, совершенно неизвѣстныхъ Чернышевскому, Филипповъ категорически, съ доказательствами въ рукахъ, утверждаетъ, что „никакой настоящей силы, даже какъ профессоръ, Надеждинъ не представлялъ“; это былъ „неглубокій, хотя и начитанный ученый съ большой претензіей на настоящій здравый смыслъ“, въ области же философско-этическихъ теорій Надеждинъ 1828—31 годовъ „не поднялся выше туманныхъ и высокопарныхъ фразъ“; сказанное же въ 1831—33 гг. „было уже собственностью литературныхъ и философскихъ кружковъ“. По мнѣнію Филиппова, „Надеждинъ, безспорно, сдѣлалъ вкладъ въ исторію русской литературы и бѣдной

[1] Ibidem, 174, 192, 194—195.
[2] Ibidem, 200.

русской философіи,—хотя и не такой огромный и неоцѣнимый, какъ думаютъ его почитатели. Напротивъ того, оцѣнить въ этомъ случаѣ вовсе не такъ трудно. Не обладая настоящимъ остроуміемъ, которое свойственно лишь крупнымъ талантамъ, Надеждинъ соединялъ большую эрудицію съ умѣньемъ вышучивать все, что ему попадалось подъ руку—и этихъ средствъ было бы вполнѣ достаточно для борьбы съ третьестепенными талантами, съ маленькими русскими Байронами, съ такими „бурными геніями", какимъ былъ, напр., Кукольникъ и частью Полевой. Но какъ только Надеждинъ пытался подняться выше и тѣмъ же тономъ третировалъ не только Пушкина, но и Байрона и Гете, онъ просто городилъ смѣшной и пошлый вздоръ". [1]

Много похожаго сказалъ и г. Ивановъ, хорошій изслѣдователь исторіи русской критики, которому особенно удались именно 1830-ые и 1840-ые годы. По его мнѣнію, Надеждинъ не обладалъ тонкой, воспріимчивой, художественно-богатой натурой и потому „на университетской кафедрѣ и въ журналистикѣ явился новый дѣятель въ общемъ стараго типа, лишній тормазъ для русскаго творчества со стороны схоластики, для русской критики со стороны притязательной, нетерпимой учености". Конечно, изъ этого нельзя дѣлать выводъ о томъ, что у Надеждина не было положительно ни одной полезной мысли и что онъ не сказалъ ни одного прочнаго слова. Нѣтъ, „Надеждинъ, какъ и всѣ, стоялъ у источника великихъ идей, и было бы странно, если бы ни одной капли живой воды ни попало въ мутныя волны его писаній".

Оставаясь исключительно въ точно опредѣленныхъ предѣлахъ той эпохи и судя сравнительно и относительно, принимая за высшую мѣру современниковъ самого критика, г. Ивановъ дѣлаетъ вполнѣ, по моему, правильное заключеніе: „Надеждинъ въ общемъ ниже своего поколѣнія". „Нѣкоторыя идеи онъ довольно прочно усвоилъ отъ своихъ старшихъ современниковъ, хотя и не вполнѣ послѣдовательно. Но это какъ разъ идеи—труизмы, нисколько не стоящія такой напряженной широко-вѣщательной риторики. Другія, несравненно болѣе жизненныя и по времени спорныя, но явно прогрессивныя и для будущаго литературы властныя, не удостоились ни признанія, ни даже должнаго вниманія со стороны профессора". [2]

Пыпинъ и г. Венгеровъ признаютъ въ Надеждинѣ сильный, но холодный умъ, а второй изъ нихъ, кромѣ того, замѣчаетъ: „Надеждину было рѣшительно все равно, чѣмъ бы ни заниматься. Во все онъ вносилъ одну и ту же огромную энергію, одинъ и тотъ же блескъ ума и знаній, но и одинъ и тотъ же внутренній холодъ, безъ малѣйшаго сожалѣнія мѣняя одну область знанія и дѣятельности на другую". [3] Какъ увидитъ читатель, это замѣчаніе очень вѣрно.

Теперь намъ необходимо разобраться, по возможности, въ справедливости указанія Чернышевскаго на роль Надеждина, какъ „образователя" Бѣлинскаго.

[1] „Судьбы русской философіи", „Рус. Богатство", 1894 г., IX.

[2] *Ив. Ивановъ*, „Исторія русской критики", ч. I и II, Спб. 1898 г., 330, 347—348, 357.

[3] „Полное собр. соч. Бѣлинскаго", подъ ред. С. Венгерова, т. I, 407.

Послѣднiй сначала слушалъ лекцiи Надеждина, а въ посту 1833 г. и лично съ нимъ познакомился, сразу начавъ дѣятельно участвовать въ собственныхъ изданiяхъ своего бывшаго профессора. Въ началѣ августа 1834 года Бѣлинскiй перебрался къ Надеждину на жительство и чувствовалъ тамъ себя не дурно. На новой своей квартирѣ онъ заканчивалъ „Литературныя мечтанiя", въ которыхъ нѣкiй Прозоровъ брался чуть ли не по строчкамъ указать, что тамъ принадлежитъ самому Бѣлинскому, а не его вдохновителю и учителю... По мнѣнiю Пыпина, въ личномъ знакомствѣ съ Надеждинымъ нашъ великiй критикъ „нашелъ первую систему теоретическихъ понятiй, первое основанiе, съ котораго началось прочное и послѣдовательное развитiе его мнѣнiй". Въ другомъ мѣстѣ Пыпинъ оговаривается: „Дѣло, сдѣланное Надеждинымъ, стало вкладомъ въ цѣлую литературу, и отношенiе къ нему Бѣлинскаго не было, поэтому, какимъ-нибудь личнымъ заимствованiемъ, подражанiемъ ученика учителю, а просто продолженiемъ *впередъ* дѣла, оставленнаго предшественниками". [1]

Ту же мысль поддерживаетъ и г. Милюковъ [2]

Категорически противъ какого бы то ни было влiянiя высказываются Филипповъ, гг. Ивановъ и Венгеровъ. По мнѣнiю перваго, достаточно сопоставить статьи Надеждина съ сочиненiями Галича, Давыдова, Павлова, Кирѣевскаго, Веневитинова, Одоевскаго, чтобы отыскать ту общую почву, на которой выросла и критика Бѣлинскаго, и учено-литературная дѣятельность Надеждина. Если даже допустить, что для Бѣлинскаго Надеждинъ былъ первымъ источникомъ ознакомленiя съ германской философiей (что невѣрно, потому что такимъ источникомъ были и Павловъ, и Давыдовъ, и многiе другiе), то, во всякомъ случаѣ, не Надеждинъ познакомилъ Бѣлинскаго съ *русской* литературой, а эта литература и была для Бѣлинскаго матерiаломъ, позволившимъ ему такую самостоятельную переработку германскаго идеализма, о которой Надеждинъ не могъ и думать, просто потому, что не обладалъ ни художественнымъ чутьемъ, ни критическимъ генiемъ Бѣлинскаго". [3] „Если ужъ говорить о влiянiи Надеждина на Бѣлинскаго,—замѣчаетъ еще Филипповъ,—то я, въ свою очередь, выскажу предположенiе, кажется не далекое отъ истины, а именно, что это влiянiе выразилось исключительно въ отрицательную сторону, подѣйствовавъ на Бѣлинскаго въ смыслѣ враждебномъ французскому ново-романтизму, даже въ лицѣ его лучшихъ представителей". [4]

Выводъ этотъ повторяетъ и г. Венгеровъ, но у него, несомнѣнно, ошибочная постановка вопроса: всѣ, говорящiе о „влiянiи", не имѣютъ въ виду нравственнаго влiянiя, потому что каждому ясна пропасть, раздѣляющая въ этомъ смыслѣ Бѣлинскаго и Надеждина, а говорятъ исключительно объ умственномъ, поэтому

[1] „Бѣлинскiй etc", I, 68—69, 98.

[2] „Надеждинъ и первыя критическiя статьи Бѣлинскаго", сбор. „На славномъ посту", Спб. 1900 г.

[3] Н. с., 158.

[4] Ibidem, 168.

всѣ возраженія г. Венгерова, построенныя на невозможности именно нравственнаго вліянія, ломятся въ открытую дверь.

Что касается г. Иванова, то онъ очень кратокъ и ясенъ: „Надеждинъ далъ Бѣлинскому только то, что самъ получилъ отъ германской философіи, и что студентъ съ талантомъ и трудолюбіемъ Бѣлинскаго въ эпоху тридцатыхъ годовъ могъ найти во множествѣ другихъ источниковъ, несравненно болѣе свѣтлыхъ, чѣмъ статьи Надеждина.[1]

Но, чтобы взять ту или другую сторону въ этомъ спорѣ, необходимо выслушать самого Бѣлинскаго. Онъ былъ всегда благодаренъ и выражалъ свою благодарность открыто всѣмъ тѣмъ, кто помогъ ему стать на путь знаній и развитія. Между тѣмъ, вотъ что пишетъ онъ о своемъ „образователѣ“:

„Г. Надеждинъ началъ свое литературное поприще въ „Вѣстникѣ Европы“, и началъ борьбою противъ романтизма. Въ первыхъ статьяхъ своихъ онъ явился псевдонимомъ Надоумкою; но когда были напечатаны отрывки изъ его диссертаціи, писанной для полученія степени доктора, всѣ узнали, что Надоумко и г. Надеждинъ—одно лицо. Статьи Надоумка отличались особенною журнальною формою, оригинальностью, но еще чаще странностью языка, бойкостью и рѣзкостью сужденій. Какъ въ нихъ, такъ и въ диссертаціи, можно было замѣтить, что противникъ романтизма понималъ романтизмъ лучше его защитниковъ и *былъ не совсѣмъ искреннимъ поборникомъ классицизма такъ же, какъ и не совсѣмъ искреннимъ врагомъ романтизма.* Г. Надеждинъ первый сказалъ и развилъ истину, что поэзія нашего времени не должна быть ни классическою (ибо мы не греки и не римляне), ни романтическою (ибо мы не паладины среднихъ вѣковъ); но что въ поэзіи нашего времени должны примириться обѣ эти стороны и произвести новую поэзію. Мысль справедливая и глубокая:—г. Надеждинъ даже хорошо и развилъ ее. Но тѣмъ не менѣе, она не многихъ убѣдила и не вошла въ общее сознаніе. Много причинъ было этому, а главныя изъ нихъ: *какая то неискренность и непрямота въ доказательствахъ, свойственная докторанту, а не доктору,*[2] *и явное противорѣчіе между воззрѣніями г. Надеждина и ихъ примѣненіемъ.* Г. Надеждинъ, понимая, что классическое искусство было только у грековъ и римлянъ, называя французскую поэзію псевдоклассическою, неестественною и надутою, *въ то же время* съ благоговѣніемъ произносилъ имена Корнеля, Расина и Мольера и смѣло цитировалъ риторическіе стихи Ломоносова, Петрова, Державина и Мерзлякова,[3] увѣряя, что въ нихъ то и заключается всяческая поэзія. Далѣе, очень хорошо понимая, что Шекспиръ, Байронъ, Гете, Шиллеръ, Пушкинъ совсѣмъ не романтики, но представители новѣйшей поэзіи, онъ съ ожесточеніемъ глумился надъ ними, какъ надъ нечестивыми романтиками, и смѣшивалъ ихъ съ героями юной французской лите-

[1] Н. с., 333.

[2] Прозрачный намекъ на пресмыкательство передъ Каченовскимъ.

[3] Мерзляковъ въ то время былъ деканомъ словеснаго факультета, т.-е. человѣкомъ тоже очень нужнымъ Надеждину.

ратуры. *Это противорѣчіе едва-ли не было умышленно, въ уваженіе невѣрныхъ отношеній докторанта, желающаго быть докторомъ, и потому, по мѣрѣ возможности, не желающаго противорѣчить закоренѣлымъ предубѣжденіямъ докторовъ.* По этой уважительной причинѣ г. Надеждинъ вооружился противъ Пушкина всѣми аргументами своей учености, всѣмъ остроуміемъ своихъ „надоумочныхъ" или—какъ говорили тогда его противники—„недоумочныхъ" статей. Время и мѣсто не позволяютъ намъ распространиться о его *подвигахъ* въ ратованіи противъ Пушкина, ибо эта длинная и притомъ забавная и замѣчательная исторія, которую мы предоставляемъ себѣ разсказать въ другое время, какъ скоро представится удобный случай. Теперь же скажемъ только, что, сдѣлавшись докторомъ и получивъ каѳедру, г. Надеждинъ сдѣлался журналистомъ—и *совершенно измѣнилъ свои литературные взгляды и даже ороографію*: вмѣсто „эсѳетической" и „энѳузіазмъ" сталъ писать „эстетической" и „энтузіазмъ"; разбирая „Бориса Годунова", заговорилъ о Пушкинѣ уже другимъ тономъ, хотя и осторожно, чтобъ не слишкомъ рѣзко противорѣчить своимъ „недоумочнымъ" и „эсѳетическимъ" статьямъ." [1]

Ясно, что Бѣлинскій не считаетъ себя ничѣмъ обязаннымъ Надеждину. [2]

Обратимся теперь къ біографіи Надеждина, опуская пока все, что касается открытаго имъ въ 1831 году собственнаго журнала.

Въ серединѣ 1832 г. онъ получилъ разрѣшеніе на продолжительную поѣздку, по болѣзни, за-границу и, пробывъ тамъ полгода, пожилъ въ Италіи, Германіи и Франціи. По словамъ самого Надеждина, онъ неоднократно бесѣдовалъ въ Геттингенѣ съ Гереномъ, Мюллеромъ, Рауль-Рошеттомъ; наглядно изучилъ итальянскіе древніе памятники и, вообще, не оставлялъ ничего, что было связано съ занимаемой каѳедрой. [3]

Въ 1835 году въ „Ученыхъ запискахъ Императорскаго московскаго университета" (ч. I) Надеждинъ помѣстилъ свою рѣчь „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ", сказанную въ торжественномъ университетскомъ собраніи 6 августа 1834 года; ему было объявлено за это Высочайшее благоволеніе. [4]

Неоднократно ему приходилось ревизовать учебныя заведенія; такъ, въ 1833 г. Надеждинъ осмотрѣлъ московскую гимназію, а въ 1834—тверскую, всѣ уѣздныя и приходскія училища Твери, Торжка, Вышняго-Волочка и Клина, Рязанской и Тверской губ., и Москвы. Отчетъ о ревизіи, по обыкновенію, былъ представленъ

[1] „Сочиненія", I, 413—414. Курсивъ мой.

[2] Я нигдѣ не упомянулъ о статьѣ Трубачева—„Предшественникъ и учитель Бѣлинскаго" („Истор. Вѣстникъ" 1889 г., VIII и IX), потому что въ ней не только нѣтъ, что называется, своей строки, но и чужое скомпилировано такъ, какъ это только и умѣлъ дѣлать Трубачевъ.

[3] Любопытно, что другъ Надеждина, М. А. Максимовичъ, отрицаетъ его поѣздку въ 1832 году („Москвитянинъ", 1856, III, стр. 226). Н. Поповъ не нашелъ о ней свѣдѣній въ архивѣ университета.

[4] *Н. Поповъ*, н. с., 15.

попечителемъ министру. Уваровъ нашелъ, что Надеждинъ „не только представилъ подробныя свѣдѣнія объ осмотрѣнныхъ имъ училищахъ, но и сдѣлалъ полезныя для благоустройства оныхъ замѣчанія и весьма основательныя предположенія для улучшенія хода преподаванія", и объявилъ ему 17 іюля (1834 года) свою признательность. Но этого мало: какъ за службу въ университетѣ, такъ и за ревизію училищъ Надеждину была пожалована, по удостоенію комитета министровъ, 16 апрѣля 1835 г. награда въ 1000 рублей, а 15 мая онъ получилъ вторичную признательность Уварова... [1]

Факты эти очень важны, вообще, а въ сопоставленіи съ тѣмъ, что будетъ сказано ниже, и особенно.

Въ 1836 г. каѳедра изящныхъ искусствъ и археологіи, на основаніи устава 1835 г., подлежала упраздненію, а потому Надеждинъ заблаговременно оставилъ университетъ.

Теперь, чтобы довести біографію его до 1836 года, когда жизни Чаадаева и Надеждина дали весьма оригинальное пересѣченіе, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ его частной жизни.

Онъ познакомился, между прочимъ, въ Москвѣ съ домомъ Кобылиныхъ, поселился у нихъ и увлекся ихъ дочерью, Е. В. Сухово-Кобылиной. Она, однако, считала бракъ съ профессоромъ-семинаромъ mésalliance'омъ. Надеждинъ рѣшилъ тогда перемѣнить свою службу и сдѣлаться губернаторомъ, вице-губернаторомъ или, въ крайнемъ случаѣ, прокуроромъ. Подано было прошеніе объ отставкѣ, и Надеждинъ поѣхалъ въ Петербургъ, надѣясь тамъ устроить быстро и отставку и опредѣленіе свое на желаемое мѣсто. Тамъ подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Княжевичемъ, онъ рѣшилъ сначала остаться въ Петербургѣ, потомъ—проѣхаться по Европѣ, чтобы приготовить себѣ дорогу къ видной карьерѣ. Съ нимъ собирались ѣхать Д. Княжевичъ и К. С. Аксаковъ, но послѣдній потомъ отдумалъ... Чѣмъ выразилась въ это время любовь—неизвѣстно. Говорятъ, что Е. В. охладѣла къ Надеждину... Во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ не былъ безъ вліянія на него. Вернувшись въ концѣ 1835 года изъ-за-границы, онъ не забылъ свою любовь... [2]

„Телескопъ" и „Молва".

(1831—1836 гг.).

Въ 1831 году Надеждинъ вступаетъ на путь болѣе широкаго журнализма: онъ самъ начинаетъ издавать одновременно два журнала: *„Телескопъ", журналъ современнаго просвѣщенія, и „Молву", журналъ модъ и новостей.* Второй былъ прибавленіемъ къ первому.

[1] Ibidem, 26—32, 40.

[2] Сколько-нибудь правдоподобныя данныя объ отношеніяхъ къ Е. В. могутъ быть заимствованы только изъ „Рус. Архива" 1885, II, 573—583. Все, что разсказывалъ, напр., Н. Н. Мурзакевичъ („Рус. Старина" 1887, VI, 661)—просто вздоръ.

„Телескопъ“ выходилъ дважды въ мѣсяцъ книжками въ 7—9 печатныхъ листовъ. Онъ состоялъ изъ всѣхъ тѣхъ отдѣловъ (современная лѣтопись, изящняя словесность, критика, наука, нравы, смѣсь), которые были обязательны тогда каждому журналу. Въ особомъ объявленіи Надеждинъ обѣщалъ „сдѣлать свой журналъ указателемъ современнаго просвѣщенія“, главнымъ образомъ отечественнаго, чтобы показать, что „русская гордость не должна ограничиваться одними безотчетными восклицаніями“. Конечно, вступая на такой путь угожденія русской гордости, отчего было не вступить и на другой—угожденіе экономному обывателю: „Молва“, выходившая еженедѣльно, [1] содержала прежде всего „моды“, а затѣмъ уже текущія новости жизни, литературы и театра...

Еще такъ недавно порицая Полевого за торгашескую угодливость публикѣ, Надеждинъ ни на минуту не задумался послѣдовать его примѣру, какъ только дѣло дошло до своего кармана, вѣрнѣе—даже перещеголялъ Полевого, преподнося моды четыре раза въ мѣсяцъ...

Точно такая же „твердость взглядовъ“ была обнаружена Надеждинымъ и во внѣшности его изданій. Горячо защищаемая орѳографія Каченовскаго, въ родѣ „ѳсѳетическій“, „тѵпографія“ etc., была брошена, и „Телескопъ“ и „Молва“ не заслужили уже эпиграммъ грамотея—Пушкина.

Послѣдній даже взятъ теперь подъ защиту... Надеждинъ сумѣлъ обойти великаго поэта настолько, что заручился уже и его сотрудничествомъ... Общій пріятель ихъ, Погодинъ, умудрился такъ устроить, что въ нужную минуту Надеждинъ даже ссудилъ Пушкина деньгами и тѣмъ, конечно, обезоружилъ вѣчно нуждавшагося и денежно безалабернаго поэта. Погодинъ даже устроилъ особый вечеръ для примиренія ихъ другъ съ другомъ... [2] Псевдонимъ Пушкина „Ѳеофилактъ Косичкинъ“ только и употреблялся въ „Телескопѣ“.

Вообще, Надеждинъ совершенно забылъ „екс—студента Нікодима Надоумку“ и все ближе и ближе примыкалъ къ кружкамъ новыхъ литературныхъ и общественныхъ направленій... Впрочемъ, это дѣлалось съ осторожностью и осмотрительностью ловкаго человѣка: въ числѣ сотрудниковъ состояли, и не безъ вліянія на журналъ, Погодинъ, Шевыревъ и К°. Съ этими господами Надеждинъ былъ всегда ближе, чѣмъ съ тѣми, кто, прикрывая его своими свѣтлыми именами, давалъ „Телескопу“ и „Молвѣ“ право именоваться такъ или иначе прогрессивными изданіями. Какъ, напримѣръ, трогательно его письмо къ лизоблюдствовавшему въ Петербургѣ Погодину: „Ну, Мишутка! Я радъ, что дѣла твои обѣщаютъ хорошій успѣхъ. Да что-жъ ты, чучело, ничего ко мнѣ не пишешь, ни о чемъ меня не извѣстишь? Губы что-ли дуешь? Извѣсти, что говорятъ о *Телескопѣ*? Какое общее мнѣніе? Чѣмъ довольны? Чего требуютъ? Особенно повыспроси Пушкина и Жуковскаго“. [3]

[1] Въ 1832 г. по два раза въ недѣлю, въ 1833 г.—по три, а съ 1834 г. снова еженедѣльно.

[2] *Барсуковъ*, н. с., III, 31—32.

[3] Ibid., 335.

Кромѣ трогательнаго амикошонства, здѣсь есть очень цѣнный штрихъ: особенное вниманіе къ отзывамъ о „Телескопѣ“ Пушкина и Жуковскаго... Отзывы перваго нужны были, съ одной стороны, потому, что шли отъ умнаго человѣка, съ другой—отъ сотрудника, котораго надо было ублажать. Отзывы второго были отзывами дворца. Благодаря сотрудничеству Жуковскаго (черезъ А. П. Елагину), изданія Надеждина читались тамъ... Вотъ что печаталъ объ этомъ самъ издатель: „Высокое вниманіе Монарха, удостоившаго, во время пребыванія своего въ древней столицѣ, повелѣть считать себя пренумерантомъ *Телескопа* и *Молвы*, возвышаетъ ревность издателя до священной обязанности, исполненіе коей составитъ украшеніе и награду его жизни“. [1]

А Надеждинъ, дѣйствительно, „старался...“

То вдругъ обвинитъ Полевого въ посягательствѣ сдѣлать карикатуру „на Великаго Монарха (Петра), коего память есть предметъ благоговѣнія для насъ русскихъ“, [2] то разразится по его же адресу патріотической тирадой только потому, что издатель „Московскаго Телеграфа“ въ „Юріи Милославскомъ“ усмотрѣлъ звонъ въ „колокольчикъ народнаго самохвальства“.

Когда въ 1833 г. была разрѣшена „Библіотека для Чтенія“, Надеждинъ обратился и по адресу Сенковскаго. Онъ, напримѣръ, утверждалъ, что баронъ Брамбеусъ „возстаетъ, не хуже Руссо, противъ порядка вещей, существующаго въ образованномъ обществѣ; что подъ омутомъ домашняго насилія“ разумѣются у него семейныя узы, связывающія супруговъ съ супругами, „основной цементъ житейскаго быта“ и что вообще „всѣ доселѣ извѣстныя статьи Брамбеуса отзываются явнымъ недоброжелательствомъ къ условіямъ общественной жизни“. [3]

Такіе доносы одновременно достигали двухъ цѣлей: утопленія конкурентовъ и удовольствія журналовъ со стороны правительства. Послѣднее достигалось еще и цѣлымъ рядомъ статей, гдѣ Надеждинъ расписывался въ квасномъ патріотизмѣ. Лафайета онъ называлъ „наглымъ авантюристомъ“, іюльскіе дни 1830 года—„праздникомъ обманутыхъ дураковъ“, „мятежомъ“ etc., etc., etc. Помѣщая переводную статью „Современный духъ анализа и критики“, Надеждинъ говорилъ, что цѣнитъ ее, какъ „живую, искренную, сердечную исповѣдь современнаго европеизма, глубоко чувствующаго свое внутреннее растлѣніе и заслуженныя бѣдствія, отъ которыхъ благій промыслъ да сохранитъ навсегда наше любезное отечество!“. [4]

Велегласно привѣтствовалъ „Телескопъ“ паденіе Варшавы, находя, что оно „увѣнчало новою славою побѣдоносное оружіе русское, одушевило первыхъ нашихъ поэтовъ благороднымъ патріотическимъ восторгомъ и отозвалось на ихъ звучныхъ лирахъ достойными пѣснопѣніями“. [5]

[1] „Телескопъ“, 1831 г., № 24, стр. 586.
[2] „Молва“, 1831 г., № 27, стр. 9.
[3] Ibid., т. XXI, 255—256.
[4] Ibid., 1832 г., т. XI.
[5] Ibid., 1831 г., № 16, 505.

По тому же вопросу были помѣщены двѣ статьи Погодина о Польшѣ... [1] Вскорѣ авторъ ихъ получилъ запросъ отъ Бенкендорфа: чего онъ желаетъ за статью, очень понравившуюся государю?..

Очевидно, все это создавало „Телескопу“ соотвѣтствующее положеніе.

Я умышленно остановился на его первомъ годѣ, потому что онъ наиболѣе характеренъ: Надеждинъ спѣшилъ развернуть свой талантъ возможно шире... Говорить о томъ, чѣмъ былъ журналъ въ смыслѣ научно-литературномъ, я считаю не особенно важнымъ именно въ данной работѣ, не имѣющей въ виду такую сторону журнала. Намъ достаточно будетъ знать, что разнообразіемъ матеріала онъ не уступалъ „Московскому Телеграфу“, но сравниться съ нимъ, все-таки, не могъ.

Очень цѣнившій Надеждина, какъ критика, Чернышевскій вѣрно характеризовалъ его журналъ: „Телескопъ“ не пользовался особеннымъ успѣхомъ, хотя и не былъ журналомъ совершенно безъ читателей; онъ пользовался нѣкоторымъ, но не очень значительнымъ, вліяніемъ на публику“. [2]

Но и Надеждину на первыхъ же шагахъ приходилось слышать, что его журналъ не свободенъ отъ подозрѣній.

Первое по времени подобное заявленіе онъ услышалъ сразу послѣ выхода первой книжки: помѣщенная тамъ статья „Современное направленіе просвѣщенія“ не понравилась московскому оберъ-полицеймейстеру, С. Н. Муханову, и попечителю округа, кн. С. М. Голицыну. [3]

Это бы еще не было большой бѣдой. Гораздо хуже неодобреніе журнала Бенкендорфомъ. Но почему, на основаніи какихъ дѣйствительныхъ преступленій, Надеждинъ могъ быть скомпрометированъ передъ жандармскою властью? Отвѣтъ на это очень простъ. „Телескопъ“ не пользовался расположеніемъ Булгарина. Но и съ послѣднимъ у Надеждина не было принципіальной вражды. По духу они были даже сродни. Просто Булгаринъ былъ сначала обиженъ сатирической статьей Надеждина о его романѣ „Иванъ Выжигинъ, [4] а, затѣмъ, позже—статьей Пушкина „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Б... и о прочемъ...“ [5] Этого было, конечно, довольно, чтобы Ѳаддей, неизмѣнно вѣрный своему правилу: доноси при всякомъ случаѣ и безъ случая—ознакомилъ III Отдѣленіе съ неблагонамѣренностью надеждинскихъ органовъ. Уже 9 февраля 1832 года Бенкендорфъ писалъ министру просвѣщенія кн. Ливену: „Разсматривая журналы, издаваемые въ Москвѣ, я неоднократно имѣлъ случай замѣтить расположеніе издателей оныхъ къ идеямъ самаго вреднаго либерализма. Въ семъ отношеніи особенно обратили мое вниманіе журналы „Телескопъ“ и „Телеграфъ“, издаваемые Надеждинымъ и Полевымъ“.

[1] Ibid., 1831 г., №№ 7 и 9.

[2] „Очерки гоголевскаго періода etc“, 201.

[3] *Н. Барсуковъ*, н. с., III, 268.

[4] „Молва“, 1831 г., № 5.

[5] „Телескопъ“, 1831 г., XV.

Ливенъ, зная что съ Бенкендорфомъ спорить нельзя, сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Теперь понятно, почему бывшій въ томъ же году въ Москвѣ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, нашелъ „Телескопъ" столь же неблагонамѣреннымъ, какъ и „Московскій Телеграфъ". Онъ самъ пишетъ: „издателей „Телеграфа" и „Телескопа" призывалъ къ себѣ и излагалъ имъ съ умѣренностью, но твердо, всѣ послѣдствія, какія влечетъ за собою опасное направленіе ихъ журналовъ, и разсуждая съ ними о семъ предметѣ, получилъ отъ нихъ торжественное обѣщаніе исправить сію ложную и вредную нелѣпость; особенно издателю „Телескопа" и „Молвы", какъ профессору московскаго университета, замѣтилъ въ присутствіи Голохвастова [1], что его обязанность къ правительству двоякаго рода; ибо не только какъ журналистъ, но еще какъ профессоръ, долженъ онъ служить орудіемъ здраваго разсудка и хорошихъ началъ, и что изъ сей двоякой обязанности проистекаетъ для него двоякая весьма важная и тѣсная отвѣтственность. Тому и другому изъ сихъ журналистовъ изъяснилъ я, что пора прекратить имъ не только дерзкое сужденіе о предметахъ, лежащихъ внѣ ихъ круга, но также и облагородить ихъ изданія, положа конецъ ругательнымъ критикамъ и дерзкимъ личностямъ. По вниманію, кажется, искреннему, съ коимъ они слушали мои слова, долженъ я думать, что они, при бдительномъ надзорѣ цензуры, сдержатъ данное слово". [2]

Если бы это былъ не Уваровъ, то получалось бы какое-то странное противорѣчіе: очерченный выше „Телескопъ" находили вреднымъ... Но съ Уваровымъ все понятно. Этотъ человѣкъ, добиваясь министерскаго поста, вездѣ и во всемъ видѣлъ вредъ и злую мысль.

Давая слово исправиться, Надеждинъ могъ быть увѣренъ, что выполнитъ его...

Къ этому времени относится его знакомство съ Чаадаевымъ, происшедшее въ англійскомъ клубѣ. До этого Надеждинъ много слышалъ о немъ. „Но съ перваго взгляда,—говоритъ онъ,—странная наружность его истребила во мнѣ желаніе съ нимъ сблизиться. Въ 1832 г. мнѣ доставили въ переводѣ отрывки изъ неизвѣстнаго большого сочиненія, съ замѣчаніемъ, что это сочиненіе писано русскимъ, но по французски. Въ этихъ отрывкахъ говорено было о *древней архитектурѣ* и о *безсмертіи души*. Я напечаталъ ихъ въ моемъ журналѣ въ томъ же 1832 г., но въ которой именно книжкѣ, не припомню. Послѣ того вскорѣ, г. Чадаевъ, встрѣтясь со мной также въ клубѣ, объявилъ мнѣ, что онъ сочинитель напечатанныхъ отрывковъ, и предложилъ мнѣ свое знакомство, намекая, что онъ желалъ бы и впредь участвовать въ моемъ журналѣ помѣщеніемъ своихъ сочиненій. Вслѣдствіе такого предложенія, я сдѣлалъ ему визитъ; но при разговорѣ, относившемся, вообще, къ наукамъ и способу занятія ими, мое предубѣжденіе противъ него усилилось: я нашелъ въ немъ очень тяжелаго и сухого человѣка, такъ что не только

[1] Попечитель московскаго округа.

[2] *Н. Барсуковъ*, н. с., IV, 98—99.

не напомнилъ ему о его предложенiи, но и не сталъ къ нему больше ѣздить. Тогда я имѣлъ много сотрудниковъ по журналу, почему и не подорожилъ предложенiемъ г. Чадаева, тѣмъ болѣе, что онъ, повидимому, хотѣлъ дать этому предложенiю видъ одолженiя. Съ тѣхъ поръ снова прекратилось всякое сношенiе между мной и имъ. Мы только кланялись, видая другъ друга въ клубѣ; въ другихъ же обществахъ и не встрѣчались вовсе. Г. Чадаевъ принадлежалъ совсѣмъ къ другому кругу московскихъ литераторовъ, между которымъ и мною до послѣдняго времени (писано въ 1835 году—*М. Л.)* существовало журнальное несогласiе. Въ этомъ кругу журналъ мой не пользовался благорасположеннымъ мнѣнiемъ, и, сколько мнѣ извѣстно было по слухамъ, г. Чадаевъ былъ не изъ послѣднихъ моихъ противниковъ и охуждателей". [1]

Итакъ, вотъ очеркъ перваго знакомства Надеждина и Чаадаева. Читателю ясно, что эти люди и не могли сойтись сколько-нибудь серьезно и близко: ужъ очень они были различны во всѣхъ отношенiяхъ. Кромѣ того, нельзя забывать, что отъ Чаадаева объ этомъ знакомствѣ мы ничего не знаемъ; слѣдовательно, опровергнуть детали нѣтъ возможности.

Съ Бѣлинскимъ у Надеждина тоже не установилось хорошихъ отношенiй. „Настоящей симпатiи между ними не образовалось", — замѣчаетъ Пыпинъ. Надеждинъ „смотрѣлъ на Бѣлинскаго съ высоты своего ученаго величiя, а потомъ, и совсѣмъ недружелюбно. Недостатокъ сочувствiя не былъ бы удивителенъ: характеры были слишкомъ различны. Надеждину не могла быть симпатична или оставалась чужда природа Бѣлинскаго, состоявшая изъ энтузiазма и увлеченiя и совершенно лишенная житейскаго благоразумiя и разсчета". [2]

По словамъ Панаева, Надеждинъ не любилъ говорить о неистовомъ Виссарiонѣ, и на вопросъ о немъ, отвѣчалъ обыкновенно нехотя. Иногда, онъ, впрочемъ, выдумывалъ цѣлый разсказъ о томъ, какъ облагодѣтельствовалъ Бѣлинскаго хорошей квартирой и пр., а тотъ, будучи циникомъ (sic!), все это бросилъ. [3]

Теперь, намъ необходимо вернуться на время назадъ, чтобы разсказать о нѣкоторыхъ цензурныхъ перипетiяхъ „Телескопа".

Въ 1834 году, еще до отъѣзда Надеждина за границу, журналъ снова былъ взятъ въ особое подозрѣнiе; возникло особое дѣло.

Началось оно, благодаря отношенiю штабъ-офицера корпуса жандармовъ, находящагося въ Рязанской губ., подполковника Барановича начальнику 2 (московскаго) округа того же корпуса, ген.-лейт. Лесовскому. [4]

31 января 1834 г. Барановичъ сообщилъ Лесовскому, что находитъ въ № 18 „Телескопа" за 1833 г. нѣкоторыя мысли, изложенныя слишкомъ свободно.

[1] Дѣло архива III Отдѣленiя № 368, показанiя Надеждина на вопросные пункты.

[2] *Пыпинъ*, „Бѣлинскiй etc.", I, 142—143.

[3] *Панаевъ*, „Литературныя воспоминанiя", Спб., 1888 г., 127, 310.

[4] Съ этихъ бумагъ и начинается обширное дѣло архива III Отдѣленiя 1 экспед., 1834 г., № 368, „о запрещенiи журнала „Телескопъ", объ издателѣ онаго Надеждинѣ, о литераторахъ Чаадаевѣ и Бѣлинскомъ и о цензорѣ Болдыревѣ".

Напримѣръ, мѣсто въ переводной статьѣ: „Вліяніе Вальтеръ Скотта на богатство, нравственность и счастіе современнаго общества“. Поэтому Барановичъ полагалъ, что „помѣщеніе означенной статьи въ *Телескопѣ*, вовсе не соотвѣтствуетъ ни образу правленія существующаго въ нашемъ отечествѣ, ни оказываемому правительствомъ попеченію“.

Далѣе грамотный подполковникъ доносилъ: „При разсужденіи моемъ сомнѣніи благомыслящими и образованными людьми, о статье выше сего изъясненной—нѣкоторые соглашаясь со мнѣніемъ моимъ объ оной, въ подтвержденіе общаго явившагося подозрѣнія къ переводчику и самому издателю сего журнала г. Надеждину, къ какому-то неблагонамѣренному образу его мыслей указалъ мнѣ напечатанную виньетку на заглавномъ листкѣ первой книги того журнала, въ прошломъ 1833 году издававшагося. Изъ фигуръ составляющихъ оную, усмотрѣно ими значеніе нисколько не соотвѣтствующее *современному просвѣщенію*, для каковой цѣли предположилъ г. Надеждинъ издавать журналъ свой: Кинжалъ пронзающій Хартію, разорванная въ началѣ цѣпь, надъ коими изображенъ опрокинутый Сосудъ съ разъяренною змѣею и знакомъ побѣднаго торжества лавровою вѣтьвью; внушаетъ идею болѣе политическую, нежели относящуюся къ предметамъ литературнымъ и ученымъ. Но какъ обстоятельство сіе, по важности своей, подлежитъ болѣе высшему разсмотрѣнію, что и представляю оное на благоуваженіе Вашего Превосходительства; присовокупляя при томъ мое мнѣніе, что если предметъ мною здѣсь оставленный, обратитъ на себя вниманіе публики, то таковое вниманіе вѣроятно возбуждено весьма отдаленнымъ и тонкимъ отношеніемъ къ оной, съ какою-то подозрительною цѣлью, тѣхъ лицъ, которые составили сію эмблемму“.

Чтобы читатель видѣлъ самъ эту политически неблагонадежную „эмблемму“, помѣщаю ее ниже. При этомъ надо добавить, что она уже до того не разъ употреблялась типографіями Москвы (напр., на обложкѣ изданныхъ въ 1827 г. „Цыганъ“ Пушкина) и никогда не возбуждала никакихъ подозрѣній.

Генералъ Лесовскій передалъ докладную записку Барановича состоящему при себѣ камеръ-юнкеру Кашинцову, родственнику Полевого... Тотъ нашелъ докладъ основательнымъ и прибавилъ: „выраженіе упомянутой статьи въ журналѣ № 18 нахожу заслуживающимъ вниманія тѣмъ болѣе, что невыгодное заключеніе объ оной произошло изъ такого мѣста, которое есть родина издателя онаго г. Надеждина, совершенно извѣстнаго публикѣ сколько по его разсужденію въ Рязанской губ. столько и по воспитанію его въ тамошней семинаріи; относительно же

сужета на виньеткѣ перваго листа по основанію здѣланнаго впечатлѣнія онаго на публику, полагаю: не излишнимъ бы было выборъ таковыхъ издателями подвергнуть одобренію цензуры".

Лесовскому оставалось направить всю эту переписку къ Бенкендорфу и дать слѣдующее о ней заключеніе: „признавая заключеніе гг. подполковника Барановича и камеръ-юнкера Кашинцова, особенно по подробно изложенномъ представленіи перваго признаю справедливымъ, ибо рѣзкіе выраженія въ телескопѣ называющемся журналомъ современнаго просвѣщенія, служатъ вообще направленіемъ противнымъ духу благонамѣренности, я полагаю журналъ сей болѣе, или особенно оскорбляющій дворянство ироническимъ названіемъ (во многихъ номерахъ) *аристократовъ*, *аристократической ветоши* и даже названіемъ московскихъ улицъ *аристократными*, по общему на оный сѣтованію, воспретить изданіемъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлать за то г. Надеждину гласный выговоръ.—Изъ чего благородная публика убѣдится въ защитѣ и противъ дерзкихъ выходокъ журналиста, прочимъ же издателямъ послужитъ сіе примѣромъ и вмѣстѣ вѣроятно удержитъ поревновеніе молодыхъ людей отъ послѣдованія непріятнымъ внушеніямъ изданія".

На другой день послѣ полученія этого отношенія, 3 марта, Бенкендорфъ просилъ Уварова (тогда уже министра) прочесть бумаги московскаго и рязанскаго жандармовъ и, возвративъ ихъ ему, обратить строгое вниманіе на цензора, пропустившаго статью о Вальтеръ-Скоттѣ.

Уваровъ поспѣшилъ увѣрить грознаго генерала, что исполнитъ все, какъ слѣдуетъ, и прибавлялъ: „Вашему Сіятельству извѣстенъ мой образъ мыслей касательно журналовъ, въ Москвѣ издаваемыхъ, а именно „Телескопа" и „Телеграфа" и о всегдашнемъ, по мѣрѣ возможности наблюденіи за сими изданіями, которыя, не взирая на взыскательный надзоръ, еще отклоняются иногда къ сожалѣнію отъ назначаемой цѣли. При семъ случаѣ могу увѣрить васъ, что ежели издатели сихъ журналовъ не будутъ соображаться съ волею правительства, то я не премину приступить къ другимъ, еще болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, о коихъ я предоставляю своевременно объясниться съ Вашимъ Сіятельствомъ".

Вскорѣ они, дѣйствительно, объяснились, и 3 апрѣля „Московскій Телеграфъ" былъ уже запрещенъ...

Что говорилось о „Телескопѣ" — неизвѣстно. Но есть указаніе, что въ октябрѣ 1834 года Надеждинъ, по настоянію Погодина, посѣтилъ пріѣхавшаго въ Москву Уварова и вернулся отъ него „безъ памяти", говоря, что „не ожидалъ столько добра, столько здраваго смысла и готовности на все благое". [1] Очевидно, разговоръ былъ такого содержанія, который вполнѣ реабилитировалъ, дѣйствительно, мало повиннаго въ либерализмѣ Надеждина. Безъ труда онъ получилъ потомъ возможность офиціально оставить журналы на Бѣлинскаго и уѣхать за границу. [2]

[1] *Н. Барсуковъ*, н. с., IV, 210.

[2] Къ доносамъ враговъ по литературѣ, которыхъ у Надеждина было едва ли больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ современныхъ ему журналистовъ, надо отнести и тѣ свѣдѣнія о

Въ декабрѣ (1835 г.) онъ вернулся, а въ февралѣ былъ впервые у новаго попечителя, гр. С. Г. Строганова, чтобы узнать курсъ отношенiй его къ „Телескопу". „Графъ принялъ меня — пишетъ Надеждинъ — очень ласково, говорилъ со мной долго о моемъ путешествiи, о моихъ теперешнихъ намѣренiяхъ касательно мѣстопребыванiя и службы... Въ это время ни слова не было говорено о журналѣ".

Между тѣмъ, послѣднiй все улучшался и разнообразился. Въ 1836 г. была помѣщена статья Герцена—„Гоффманъ", первыя повѣсти Кудрявцева, первыя работы В. Боткина и И. Панаева. Въ это же время дружба Надеждина съ Погодинымъ и Шевыревымъ, благодаря Бѣлинскому, поослабла, и „Телескопъ" начиналъ выходить на путь иной, чѣмъ тотъ, по которому его велъ издатель въ 1831—34 гг. Но это давалось молодежи, окружающей Бѣлинскаго, очень нелегко. Влiянiе Надеждина все еще было значительно, и оно-то и вносило въ журналъ тотъ диссонансъ, который такъ рѣзалъ ухо каждому интеллигентному читателю.

Весьма понятно, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ „Телескопъ" уже не почитался органомъ сколько нибудь неблагонамѣреннымъ. Это видно и изъ показанiй Надеждина о своемъ второмъ (въ iюнѣ 1836 г.) посѣщенiи гр. Строганова. „Графъ говорилъ мнѣ, что онъ находитъ журналъ мой весьма полезнымъ, желалъ мнѣ ревности къ продолженiю его и ожидаетъ отъ него весьма много для содѣйствiя просвѣщенiю". Затѣмъ Надеждинъ поинтересовался узнать, о какихъ диссонансахъ въ „Телескопѣ" графъ говорилъ одному изъ ихъ общихъ знакомыхъ. На это Строгановъ отвѣтилъ, что разумѣетъ противорѣчiе надеждинскихъ мыслей о кое-какихъ частностяхъ воспитанiя „тѣмъ видамъ, которыми намѣрено руководствоваться университетское начальство". Строгановъ не скрылъ отъ Надеждина, что правительство намѣрено усилить изученiе древнихъ языковъ и дать преподаванiю наукъ исключительно эмпирическое направленiе, не вдаваясь въ логическiя построенiя ни по одной наукѣ. Надеждинъ заявилъ, что не присоединяется къ такому плану, но что „если графъ находитъ это мнѣнiе неумѣстнымъ, то впредь излагать его въ журналѣ не будетъ, хотя внутренно всегда при немъ останется". Лукавый графъ очень мило и любезно „отклонилъ" эту услугу, —„весьма ласково прибавилъ, что ему прiятнѣе было бы и для общаго дѣла просвѣщенiя было бы полезнѣе, еслибы я шелъ съ нимъ *рука въ руку*". Просто на просто сказано, значитъ, было, что ваши убѣжденiя намъ не нужны, нужны страницы журнала... Въ заключенiе свиданiя послѣдовала даже нѣжная сцена: „Графъ просилъ меня ходить къ нему чаще, забыть всѣ раздѣляющiя насъ отношенiя, говорить все просто, открыто, искренно, какъ „Строгановъ и Надеждинъ". Когда при прощаньи онъ снова мнѣ повторилъ, что я могу приносить и вѣрно принесу журналомъ своимъ большую пользу, я сказалъ

„Телескопѣ", которыя были сообщены начальнику московскаго жандармскаго округа генералу Перфильеву. Послѣднiй такъ сформулировалъ ихъ въ письмѣ къ Бенкендорфу: послѣ закрытiя „Московскаго Телеграфа", издатель „Телескопа" гораздо рѣшительнѣе открываетъ мысль о равенствѣ, „но сего какъ будто бы не замѣчаютъ".

ему, что для поддержанія во мнѣ ревности всего нужнѣе его начальническое покровительство; графъ обнадежилъ меня въ немъ самымъ благосклоннымъ и увѣрительнымъ образомъ". [1]

Сомнѣвается ли теперь читатель, что никакой оппозиціонной роли „Телескопъ" и не занималъ, и не собирался занять? Полагаю, что все сказанное достаточно убѣждаетъ въ полной смиренности Надеждина.

„Философическое письмо".

По замѣчанію г. Гершензона, „Чаадаевъ чувствовалъ себя носителемъ нѣкоторой высокой и благодѣтельной истины; онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ своей миссіи". Въ письмѣ къ Пушкину (1831 г.) онъ писалъ, что хотя главная задача его жизни—вполнѣ уяснить и раскрыть эту истину въ глубинѣ своей души и завѣщать ее потомству, но, однако, онъ не прочь выйти изъ своей безвѣстности, потому что „это помогло бы дать ходъ идеѣ, которую я считаю себя призваннымъ передать міру"... Съ этою цѣлью онъ постоянно пропагандировалъ въ знакомомъ кругу и, очень естественно, что въ концѣ концовъ ему захотѣлось возможности болѣе широкаго опубликованія своей мысли. Для этого сначала онъ сталъ разрѣшать снимать копіи съ своихъ сочиненій, а затѣмъ и искать случая ихъ напечатать. Извѣстно, напримѣръ, что весною 1831 года Пушкинъ взялъ съ собою въ Петербургъ третье его „Философическое письмо", чтобы напечатать его по-французски у книгопродавца Белизара, но не исполнилъ желанія Чаадаева. Въ слѣдующемъ году Петръ Яковлевичъ пытается издать по-русски два отрывка изъ второго и третьяго писемъ у московскаго типографа Семена, но терпитъ запретъ отъ духовной цензуры. Въ 1835 или 1836 году отдаетъ два письма открывавшемуся тогда „Московскому Наблюдателю", гдѣ они не появляются. Въ 1836 году посылаетъ какую то рукопись Александру Тургеневу, для напечатанія въ одномъ изъ французскихъ журналовъ.

Но вотъ въ концѣ сентября 1836 г. вышла въ свѣтъ 15-я книжка „Телескопа" этого года. [2] Въ отдѣлѣ „Науки и искусства" была, между прочимъ, помѣщена статья, очень оригинально озаглавленная: „Философическія письма къ г-жѣ***. Письмо 1-е". Вмѣсто подписи стояло: „Некрополисъ. 1829 г., декабря 17". [3]

[1] Одна изъ заученныхъ всѣми ошибокъ, состоящая въ общей убѣжденности въ высокихъ, и умственныхъ и нравственныхъ качествахъ гр. Строганова, ровно ни на чемъ серьезномъ не основана. Истинное его значеніе хорошо выяснено проф. Бобровымъ въ его компилятивной работѣ—„Литература и просвѣщеніе въ Россіи въ XIX в.", т. IV. Всѣмъ апологетамъ графа необходимо внимательно прочесть тѣ источники, которые лишь частично использованы въ этой книгѣ.

[2] Журналъ выходилъ очень неаккуратно: послѣдній, 24-й, номеръ за 1835 г. вышелъ въ концѣ сентября 1836 г.; 14 и 15 №№ за 1836 г. датированы цензурой 13 сентября.

[3] Теперь можно положительно уже утверждать, „что Философическія письма" писались къ Пановой, урожденной Улыбышевой. „Некрополисомъ" называлась Москва.

Редакторъ сдѣлалъ къ „письму“ такое примѣчаніе:

„Письма эти писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Рядъ ихъ составляетъ цѣлое проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія даютъ имъ особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ онѣ писаны на французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ оригинала относительно наружной отдѣлки. Мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что имѣемъ дозволеніе украсить нашъ журналъ и другими изъ этого ряда писемъ“.

Это уже обращало вниманіе на анонимную статью. И стоило начать читать ее, чтобы уже не оторваться.

Вначалѣ авторъ отдаетъ должное чистосердечію и искренности своей адресатки; убѣждаетъ ее предаться „безбоязненно религіознымъ чувствованіямъ: изъ этого чистаго источника не могутъ родиться чувства не чистыя“; высказывается о главной обязанности церкви—воцарять истину между людьми, и находитъ, что „религіозное чувство поддерживается лучше всего выполненіемъ постановленій церкви“; что же касается такой покорности, то, по его мнѣнію, она „заключаетъ въ себѣ гораздо больше, нежели предполагаютъ“, недаромъ ее „налагали на себя величайшіе умы“, и по „зрѣломъ разсужденіи, съ полнымъ сознаніемъ“ должна быть „настоящимъ чествованіемъ Бога“. „Большая часть обрядовъ христіанской религіи, постановленные самимъ Верховнымъ Умомъ, существенно дѣйствительны для каждаго, кто умѣетъ проникнуться истинами, которыя они выражютъ. Горе тому, кто приметъ обольстительные призраки своего тщеславія, суемудрствованія своего разсудка за высшее просвѣтленіе и возмечтаетъ, что оно освобождаетъ его отъ общаго закона!“

Но авторъ сознаетъ, что повторяетъ трюизмы, что всѣмъ это уже извѣстно... Всѣмъ, кромѣ нашего отечества, гдѣ подобныя азбучныя истины „имѣютъ всѣ достоинства новости“.

„Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія, что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ, менѣе насъ образованныхъ, у насъ только что открываются. *И это оттого, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежали ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того ни другого.* [1] Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. То, что у другихъ народовъ вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ есть только умствованіе, теорія“.

„У каждаго народа есть въ его прошломъ періодъ сильной, страстной, безсознательной дѣятельности; это время его юности, время наибольшаго развитія всѣхъ

[1] Курсивъ во всѣхъ цитатахъ „письма“ мой.

его духовныхъ силъ, время, которое потомъ, въ возрастѣ возмужалости, служитъ предметомъ наслажденія и урока.

„Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и до нынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. *Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи.* Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, *нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ.* Пробѣгите взоромъ *всѣ вѣка* нами прожитые, все пространство земли нами занимаемое, вы не найдете *ни одного* воспоминанія, которое бы васъ остановило, *ни одного* памятника, который бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. *Мы живемъ въ какомъ то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго.* Еслижъ иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлью достигнуть истиннаго существенно нужнаго и приличнаго намъ блага, а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія“.

Что же намъ дѣлать, чтобы наверстать такъ безплодно и неумѣло прожитые вѣка? „Надобно переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода“—отвѣчаетъ авторъ. „Конечно, великъ этотъ трудъ и можетъ быть одно поколѣніе людей не въ состояніи совершить его; но прежде всего необходимо узнать: въ чемъ дѣло, что это за воспитаніе человѣческаго рода, и какое мѣсто занимаемъ мы въ общемъ порядкѣ міра?“

„Мы явились въ міръ, *какъ незаконнорожденныя дѣти*, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности, которой мы соединялись съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ нужно молотами вбивать въ голову то, что у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ. *Наши воспоминанія не далѣе вчерашняго дня, мы, такъ сказать, чужды самимъ себѣ.* Мы идемъ по пути временъ такъ странно, что каждый сдѣланный шагъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Все это есть слѣдствіе образованія совершенно привознаго, подражательнаго. *У насъ нѣтъ развитія собственнаго, самобытнаго совершенствованія логическаго.* Старыя идеи уничтожаются новыми, потому что послѣднія не истекаютъ изъ первыхъ, а западаютъ къ намъ Богъ знаетъ откуда; наши умы не браздятся неизгладимыми слѣдами послѣдовательнаго движенія идей, которое составляетъ ихъ силу, потому что мы заимствуемъ идеи, уже развитыя. *Мы ростемъ, но не зрѣемъ; идемъ впередъ, но по какому то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли.* Мы подобны дѣтямъ, которыхъ не заста-

вляли разсуждать; возмужавъ, они не имѣютъ ничего собственнаго; все ихъ знанiе во внѣшности ихъ существованія, во внѣшности вся душа ихъ.

„Народы существа нравственныя, точно такъ же, какъ и люди. Они образуются вѣками, какъ люди годами. *Но мы почти, можно сказать, народъ исключительный.* Мы принадлежимъ къ націямъ, которыя, кажется, не составляютъ еще необходимой части человѣчества, а существуютъ для того, чтобъ современемъ преподать какой-нибудь великій урокъ міру. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это предназначеніе принесетъ свою пользу; но кто знаетъ, когда это будетъ?“

Для перевоспитанія необходимо обладать тѣми „начальными идеями“, которыя могли бы руководить нами въ этомъ сложномъ и очень трудномъ процессѣ. „*Это идеи долга, закона, правды, порядка*“. Но „онѣ развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада; это болѣе, чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія европейца“. „Чѣмъ вы замѣните все это?“—спрашиваетъ авторъ и этимъ уже даетъ понять, что замѣны и быть не можетъ. А между тѣмъ, „по нашему мѣстному положенію, между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: *воображеніе и разсудокъ*; должны бы совмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія, и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія, мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: *ни одной полезной мысли не возросло на безплодной нашей почвѣ;* ни одной великой истины не возникло изъ среды насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь.

„... Чтобъ обратить на себя вниманіе, мы должны были распространиться отъ Берингова пролива до Одера. Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать, и чтобъ заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, *но не коснулись просвѣщенія.* Въ другой разъ, другой великій государь пріобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта, и что же принесли домой? Одни дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ еще на полстолѣтіе“. [1]

[1] Здѣсь авторъ говоритъ, разумѣется, о событіяхъ 14 декабря 1825 года; это отношеніе его къ нимъ поразительно сходно съ тѣмъ, что говорили очень многіе послѣ возстанія декабристовъ, вѣрившіе въ совсѣмъ другой характеръ царствованія Николая 1, если

Гдѣ же искать причинъ такого нашего положенія? По мнѣнію автора, въ немъ виновата не только непостижимая судьба, но и „люди, которыхъ содѣйствіе во всемъ, что свершается въ нравственномъ мірѣ, неизбѣжно“. Поэтому онъ еще разъ обращается къ исторіи, надѣясь, что она объяснитъ это лучше всего.

„Что дѣлали мы въ то время, какъ изъ жестокой борьбы варварства сѣверныхъ народовъ съ высокою мыслію религіи, возникло величественное зданіе новаго образованія? Ведомые *злою судьбою*, мы заимствовали первыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія *у растлѣнной*, *презираемой всѣми народами Византіи*. Мелкая суетность только что оторвала ее отъ всемірнаго братства; и мы приняли отъ нея идею, искаженную человѣческою страстію. [1] Въ это время животворящее начало единства [2] одушевляло всю Европу. Все истекало тамъ изъ этого начала; все сосредоточивалось; всякое умственное движеніе силилось объединить человѣческую мысль; всякое побужденіе проявлялось могучею потребностью отыскать одну всемірную идею: это самое и составляетъ духъ новѣйшихъ временъ. *Чуждые этому дивному началу*, *мы сдѣлались добычею завоевателей*. Свергнувъ иго чужеземное, мы могли бы воспользоваться идеями, которыя развились между тѣмъ у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства“.

„... Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами, такъ же какъ эти послѣдніе возвышаются надъ готтентотами и лапландцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. *Несмотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ*. Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества; *не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства*“.

Поэтому ясно должно быть всякому, что „мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе“ только пройдя и исторію европейскую, развивавшуюся подъ напоромъ идей католицизма. Внѣ европейской образованности нѣтъ просвѣщенія.

„Итакъ, если эта сфера, въ которой живутъ европейцы, сфера единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія, есть

бы не 14 декабря. Одинъ изъ судей декабристовъ говорилъ кн. Трубецкому: „Ah, mon prince! Vous avez fait bien du mal á la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans“ („ахъ, князь, вы сдѣлали много зла для Россіи, вы отодвинули ее назадъ на 50 лѣтъ“). Ср. *Пыпинъ*, „Характеристики литератур. мнѣній etc.“, Спб. 1890 г., стр. 93.

[1] Это возможный при тогдашней цензурѣ намекъ на принятое нами отъ Византіи православіе. „Всемірное братство“—католичество.

[2] Тоже католичество.

плодъ религіи; если, напротивъ, враждебныя обстоятельства отстранили насъ отъ общаго движенія, въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы; если всѣ причины отбросили насъ въ категорію народовъ, которые не могли воспользоваться всѣмъ вліяніемъ христіанства, *то не очевидно ли, что должно стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами?* Вотъ что я хотѣлъ сказать, говоря, что у насъ должно переначать все воспитаніе человѣческаго рода".

Вѣрный своему основному положенію, авторъ возражаетъ всѣмъ, кто порицаетъ фанатизмъ католичества, выразившійся въ войнахъ за вѣру, кострахъ, нетерпимости и пр.: „мы можемъ только завидовать народамъ, которые въ этой ошибкѣ мнѣній, въ этой кровопролитной борьбѣ за истину, создали себѣ цѣлый міръ идей, міръ, который мы не можемъ представить себѣ воображеніемъ, не только перенестись въ него тѣломъ и душой, какъ у насъ предполагаютъ".

Въ заключеніе, „сдавленный жалкою, окружающею его существенностію", авторъ находитъ, что обвиненіе его въ излишнихъ нападкахъ на русскихъ было бы неосновательно: „нѣтъ, я говорилъ истину, и еще не высказалъ ее вполнѣ". [1]

Представьте себя, читатель, перенесеннымъ въ русскую атмосферу конца 1830-хъ годовъ—и вамъ сразу же станетъ ясно, какимъ молотомъ являлось „Философическое письмо"! Написанное еще въ 1829 году, оно съ тѣхъ поръ ходило въ рукописяхъ и теперь, напечатанное, сразу же было приписано своему истинному творцу—Чаадаеву. Послѣдній ни на минуту не отрицалъ этого.

Итакъ, это есть результатъ его историко-философскихъ размышленій въ періодѣ, когда онъ, по собственному признанію, переживалъ самые тяжелые годы своей жизни, „въ продолженіе долгаго уединенія, наложеннаго на себя по возвращеніи изъ-за границы". [2]

По мнѣнію г. Милюкова, это письмо есть „первая теоретическая попытка, поставившая вопросъ о національной и всемірно-исторической роли Россіи на ту почву, на которой этотъ вопросъ рѣшался затѣмъ теоретиками славянофильства. При всей своей смѣлости, попытка Чаадаева вовсе не такъ оригинальна, какъ кажется съ перваго взгляда, но и по продуманности мысли, и по блеску изложенія, она далеко оставляетъ за собою всѣ тѣ, о которыхъ можно говорить, разбирая основныя теченія нашей исторической мысли. [3]

Нельзя не согласиться съ Пыпинымъ, что „письмо" было самымъ крайнимъ

[1] Цитирую по 6-й книжкѣ „Полярной Звѣзды" (Лондонъ, 1861 г.), гдѣ „Философическое письмо" напечатано въ томъ же видѣ, какъ и въ „Телескопѣ". При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что цитаты въ работахъ г. Скабичевскаго и другихъ сдѣланы не по первоисточнику, а по передачѣ „письма" своими словами Герценомъ. Конечно, г. Милюковъ и Пыпинъ цитировали какъ слѣдуетъ, и это замѣчаніе къ нимъ не относится.

[2] „Вѣстникъ Европы" 1873 г., XI, 86, 88.

[3] „Главныя теченія русской исторической мысли", I, 378.

противорѣчіемъ системѣ официальной народности, проникавшей тогда насквозь всю русскую жизнь. „Во все теченіе этого періода не было высказано такого рѣзкаго, безпощаднаго приговора надъ русской дѣйствительностью и ея прошедшимъ: здѣсь собралось столько горькаго чувства, столько неотразимаго сознанія въ недостаткахъ русской жизни, сколько не было ни у кого еще изъ дѣятелей нашей умственной жизни,—и сколько авторитетъ, привыкшій къ панегирику, вѣроятно, даже не считалъ возможнымъ“. [1]

Какое же впечатлѣніе произвело „письмо“ на русское общество?

Конечно, очень различное.

Герценъ называетъ „письмо“ Чаадаева „послѣднимъ словомъ, рубежемъ“. „Это былъ выстрѣлъ,—говоритъ онъ,—раздавшійся въ темную ночь; тонуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ—все равно, надобно было проснуться. Что, кажется, значатъ два, три листа, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ обозрѣніи? а между тѣмъ, такова сила рѣчи сказанной, такова мощь слова въ странѣ, молчащей и не привыкнувшей къ независимому говору, что письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россію. Оно имѣло полное право на это. Послѣ „Горе отъ ума“ не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе“. Герценъ говоритъ даже, что боялся, не сошелъ ли онъ съ ума, когда видѣлъ „письмо“ напечатаннымъ по русски! [2]

„Ужасная суматоха въ цензурѣ и въ литературѣ“—записываетъ Никитенко. „Здѣсь такой трезвонъ по гостинымъ, что ужасъ“—сообщаетъ кн. Одоевскій Шевыреву изъ Петербурга. „Здѣсь большіе толки о статьѣ Чаадаева“—пишетъ А. И. Тургеневъ кн. Вяземскому изъ Москвы. „Баратынскій пишетъ опроверженіе—сообщаетъ онъ черезъ недѣлю. Здѣсь остервененіе продолжается, а паче молва бываетъ“. [3] Самъ кн. Вяземскій прислалъ опроверженіе своему другу—Тургеневу. „Письмо твое о *письмѣ*—отвѣчаетъ послѣдній—многимъ чрезвычайно понравилось... Ежедневно, съ утра до шумнаго вечера (который проводятъ у меня въ сильномъ и громогласномъ спорѣ Чаадаевъ, Орловъ, Свербеевъ, Павловъ и прочіе), оглашаемъ я преніями собственными и сообщаемыми изъ другихъ салоновъ объ этой филиппикѣ“. [4]

„Журнальная статья Чаадаева—свидѣтельствуетъ только-что упомянутый Свербеевъ—произвела страшное негодованіе публики и потому не могла не обратить на него преслѣдованія правительства. На автора возстало все и всѣ съ небывалымъ до того ожесточеніемъ въ нашемъ довольно апатическомъ обществѣ (я говорю только о Москвѣ) и, замѣтно, возстало не столько за оскорбленное православіе, сколько за грубые упреки современной Россіи и, главное, высшему нашему обществу“. [5]

[1] „Характеристики etc“, 185.

[2] „Сочиненія“, VIII, 1879 г., 274—276.

[3] „Остафьевскій архивъ кн. Вяземскаго“, III, 333, 336.

[4] Ibidem, 337.

[5] *Свербеевъ*, „Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ“, „Рус. Арх.“ 1868 г., VI, 985—986.

Не такъ обобщающе и гораздо болѣе основательно группируетъ общество біографъ Чаадаева, Жихаревъ. „Большинство безъ дальнихъ околичностей называло статью антинаціональною, невѣжественною и вздорною, не стоющею никакого вниманія, а между тѣмъ, непрерывающимися про нее бранчивыми толками и сужденіями само озабочивалось объ окончательномъ опроверженіи и уничтоженіи своего мнѣнія. Просвѣщенное меньшинство находило статью высокозамѣчательною, но въ конецъ ложною, чему, по его понятіямъ, причиною былъ принятый за точку отправленія и въ основаніе положенный чрезвычайно затѣйливый и специфически обманчивый софизмъ.[1] Большинство, изъ котораго безполезно было бы выключать великолѣпныхъ барынь и людей при крупныхъ чинахъ и съ громкими именами, на словахъ собиралось вооружиться уничтожающимъ презрѣніемъ, а на дѣлѣ обнаруживало распѣтушившееся, самое разъяренно-ненавидящее озлобленіе; меньшинство готовилось къ спокойному, благородному, пріятному, исполненному изящной вѣжливости и утонченнаго приличія, научно критическому опроверженію. Безусловно сочувствующихъ и совершенно согласныхъ не было ни одного человѣка“.[2]

Все это, не исключая и послѣдняго утвержденія, нужно признать весьма и весьма близкимъ къ дѣйствительности. Поэтому нѣтъ основаній не довѣрять и той картинѣ, которую Жихаревъ рисуетъ дальше: „Никогда съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали писать и читать, съ тѣхъ поръ, какъ завелась въ ней книжная и грамотная дѣятельность, никакое литературное или ученое событіе, ни послѣ, ни прежде этого (не исключая даже и смерти Пушкина)[3] не производило такого огромнаго вліянія и такого обширнаго дѣйствія, не разносилось съ такой скоростью и съ такимъ шумомъ. Около мѣсяца среди цѣлой Москвы почти не было дома, въ которомъ не говорили бы про „чаадаевскую статью“ и про „чаадаевскую исторію“; даже люди, никогда не занимавшіеся никакимъ литературнымъ дѣломъ, круглые неучи, барыни, по степени интеллектуальнаго развитія мало чѣмъ разнившіяся отъ своихъ кухарокъ и прихвостницъ, подъячіе и чиновники, увязшіе и потонувшіе въ казнокрадствѣ и взяточничествѣ; тупоумные, невѣжественные,

[1] Разумѣется, нарождавшееся тогда только славянофильство было все противъ статьи Чаадаева, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что она значительно способствовала скорѣйшему завершенію теоретическаго обоснованія славянофильства. Тутъ умѣстно привести возраженіе Чаадаева на обвиненіе „славянами“ Петра I въ похищеніи родной народности. На это онъ отвѣчалъ (впрочемъ, не печатно): „Ни Петръ Великій, ни кто другой, никогда не былъ въ состояніи похитить у цѣлаго народа его личности, на свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ столько сатанической индивидуальности, которая возмогла бы въ кратковременный срокъ человѣческой жизни украсть у цѣлаго народа его физіономію и характеръ и унести ихъ подъ полою платья“ („Вѣстн. Европы“, 1871 г., IX, 26).

[2] „П. Я. Чаадаевъ“, „Вѣстн. Европы“, 1871 г. IX, 31.

[3] Авторъ здѣсь оговаривается выноской: „Смѣшно было бы утверждать, что вліяніе, произведенное смертью Пушкина, было менѣе; но оно было совершенно разнородное и другого свойства. Въ кончинѣ Пушкина ничего больше не видѣли и не могли видѣть, какъ неизмѣримую и невозвратную, преждевременную народную потерю, общую народную печаль, общій народный трауръ“.

полупомѣшанные святоши, изувѣры или ханжи, посѣдѣвшіе и одичалые въ пьянствѣ, распутствѣ или суевѣріи; молодые отчизнолюбцы [1] и старые патріоты—все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія къ человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію. [2]

Все это весьма правдоподобно, потому что вотъ что записалъ объ этомъ же очевидецъ впечатлѣнія, маркизъ Кюстинъ: „il n'y avait dans toutes les Russies pas assez de Sibérie, pas assez de mines, pas assez de Knout pour punir un homme traître à son Dieu et à son pays. Pétersbourg et Moscou la sainte etaient en feu". [3]

Безусловно вѣрно мнѣніе г. Гершензона, что—„въ религіозно-исторической доктринѣ „Философическихъ писемъ" сужденіе Чаадаева о Россіи не играетъ никакой существенной роли: оно представляетъ собою лишь выводъ изъ его религіозно-философскаго догмата,—выводъ, который по существу стоитъ и падаетъ съ этимъ основнымъ положеніемъ. Этого не понялъ почти никто; почти никто не замѣтилъ его тезиса,—всѣмъ одинаково, и рукоплескавшимъ, и остервенившимся, бросился въ глаза только выводъ, касавшійся Россіи, и всѣ, не задумываясь, придали ему абсолютный смыслъ. Россія—пробѣлъ разумѣнія, наше настоящее ничтожно, прошедшаго у насъ совсѣмъ нѣтъ, намъ чужды руководящія идеи долга, порядка и права, мы равнодушны къ добру и истинѣ, намъ нужно переначать для себя воспитаніе рода человѣческаго и т. п., и т. п.: вотъ все, что вычитали въ чаадаевской статьѣ ея читатели, и за это порицаніе Россіи одни привѣтствовали, другіе осуждали автора". „Словомъ, и поклонники, и хулители вырвали изъ контекста средній членъ: „Россія, какъ она есть, равна нулю", отбросивъ все остальное; съ какой точки зрѣнія авторъ призналъ ее равной нулю, это никого не интересовало: утвержденію придали безусловный характеръ или, вѣрнѣе, его наполнили обычнымъ публицистическимъ содержаніемъ. Современники окарнали мысль Чаадаева и грубо вульгаризировали ту часть ея, которая одна оказалась имъ по плечу"... Исключеніемъ былъ, кажется, только одинъ Пушкинъ, написавшій Чаадаеву свое знаменитое письмо отъ 19 октября, но не пославшій его, въ виду уже свалившейся на автора кары...

Мнѣ только кажется, что писавшіе о „Философическомъ письмѣ" не обратили серьезнаго вниманія на одно обстоятельство, весьма, между тѣмъ, существенное. Чаадаевъ выступилъ лишь противъ двухъ началъ нашей тогдашней системы офи-

[1] „Въ то время я слышалъ—дѣлаетъ примѣчаніе авторъ—будто студенты московскаго университета приходили къ своему начальству съ изъявленіемъ желанія оружіемъ вступиться за оскорбленную Россію и преломить въ честь ея копье, и что графъ, тогдашній попечитель, ихъ успокаивалъ".

[2] Ibidem.; 31—32.

[3] „La Russie en 1839", цитирую по пыпинскимъ „Характеристикамъ etc". „Во всей Россіи не было достаточно Сибири, рудниковъ и кнута, чтобы наказать человѣка, измѣнившаго своему Богу и своей странѣ. Петербургъ и святая Москва были объяты пламенемъ"

ціальной народности,—православія и народности собственно, оставивъ въ сторонѣ третье—самодержавіе, и даже не въ сторонѣ, а какъ бы подъ легкою своею защитою. Припомните то мѣсто, гдѣ онъ славитъ Петра I „великимъ царемъ", Александра I—„великимъ государемъ" и гдѣ безусловно не сочувствуетъ декабристамъ... Въ оцѣнкѣ послѣдствій его сочиненія для него самого, для журнала и цензуры это обстоятельство играетъ, несомнѣнно, крупную роль. Впрочемъ, не буду забѣгать впередъ.

Итакъ, всѣ ждали, а многіе жаждали расправы съ авторомъ, съ издателемъ, съ цензоромъ...

Она, конечно, не заставила себя долго ждать и жаждать: это было не въ нравахъ и правилахъ николаевскаго времени...

Взглядъ правительства на статью Чаадаева вполнѣ ясенъ изъ словъ, сказанныхъ гр. Бенкендорфомъ М. Ѳ. Орлову, замѣтившему главному начальнику III Отдѣленія, что Чаадаевъ „суровъ къ прошедшему Россіи, но чрезвычайно много ждетъ отъ ея будущности": „Le passé de la Russie a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer; voilà, mon cher, le point de vue sous lequel l'histoire russe doit être conçue et écrite". [1]

Устами Бенкендорфа говорилъ весь режимъ...

Первая расправа.

Теперь намъ предстоитъ подробно ознакомиться съ крайне характерными деталями запрещенія „Телескопа", съ новыми данными по характеристикѣ Надеждина и Чаадаева и съ весьма цѣнными чертами эпохи Николая I.

До сихъ поръ гибель журнала объяснялась совершенно невѣрно. Сложилась легенда, ровно ни на чемъ не основанная—какихъ, впрочемъ, много въ объясненіяхъ историко-литературныхъ лицъ и явленій—и ее повторяютъ всѣ съ тѣми или иными подробностями.

И г. Скабичевскій („Очерки исторіи русской цензуры"), и Кирпичниковъ („Рус. Стар." 1896 г., III, 611—617), и В. Богучарскій въ своей книгѣ „Изъ прошлаго русскаго общества", и очень многіе другіе сводятъ все къ доносу небезызвѣстнаго Ф. Ф. Вигеля, сумѣвшаго, де, подѣйствовать на петербургскаго митрополита Серафима, просившаго, въ свою очередь, гр. Бенкендорфа довести до свѣдѣнія государя о содержаніи статьи Чаадаева. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Барсуковъ, не утверждая о роли Вигеля, не даютъ, однако, свѣдѣній

[1] *М. Жихаревъ*, „П. Я. Чаадаевъ", „Вѣстн. Европы". 1871 г., IX, 37—38. „Прошедшее Россіи было удивительно, ея настоящее болѣе, чѣмъ великолѣпно, что же касается ея будущаго, то оно выше всего, что можетъ нарисовать себѣ самое смѣлое воображеніе; вотъ, мой другъ, точка зрѣнія, съ которой русская исторія должна быть разсматриваема и писана".

о причинахъ, непосредственно вызвавшихъ запрещеніе „Телескопа". Отчасти это объясняется просто: подробное выясненіе событій помѣщено впервые въ мартовской книжкѣ „Русской Старины" за 1903 г. Говорю „отчасти" потому, что нѣкоторыя данныя были уже въ „Русскомъ Архивѣ". Теперь приходится реабилитировать, до нѣкоторой степени, и Вигеля, и Серафима. Написанное ими навсегда останется тѣмъ, что есть, но закрытъ „Телескопъ" не по ихъ навѣтамъ. Доносъ Вигеля помѣченъ 21 октября, а жалоба Серафима—27-мъ, тогда-какъ главное управленіе цензуры предложило министру закрыть „Телескопъ" 19-го, онъ вошелъ съ докладомъ 20-го, а государь положилъ резолюцію 22-го. До чего укоренилось въ памяти людей, занимающихся исторіей русской журналистики, это ложное представленіе о роли Вигеля, лучше всего видно изъ словъ Стасова, давшаго, повторяю, впервые такіе факты, съ которыми можно было уже категорически оспаривать старую легенду. Говоря о постановленіи главнаго управленія цензуры отъ 19 октября, онъ вскользь, все-таки, замѣчаетъ: „главное управленіе..., *вполнѣ сочувствуя доносу Вигеля на статью Чаадаева*, постановило" etc. [1] Очевидно, авторъ не провѣрилъ даты доноса.

Теперь все это можетъ быть нарисовано совершенно иначе.

На 15-ю книжку „Телескопа" было обращено, какъ мы уже знаемъ, общее вниманіе. Гр. Строгановъ донесъ обо всемъ министру, прося закрытія журнала съ новаго года. [2] Уваровъ, какъ человѣкъ, которому николаевская система была обязана установленіемъ трехъ своихъ символовъ, и какъ обиженный къ тому же Чаадаевымъ министръ народнаго просвѣщенія,—особенно внимательно прочелъ статью и самъ просмотрѣлъ и своею рукою добавилъ черновой проектъ опредѣленія главнаго управленія цензуры, засѣданіе котораго и назначилъ очень быстро—на 19-ое октября. Конечно, опредѣленіе было утверждено и 20-го представленъ государю такой всеподданнѣйшій докладъ:

„Усмотрѣвъ въ № 15 журнала „Телескопъ" статью „Философическія письма", которая дышитъ нелѣпою ненавистью къ отечеству и наполнена ложными и оскорбительными понятіями какъ насчетъ прошедшаго, такъ и на счетъ настоящаго и будущаго существованія государства, я предложилъ сіе обстоятельство на разсужденіе главнаго управленія цензуры. Управленіе признало, что вся статья равно предосудительна въ религіозномъ, какъ и въ политическомъ отношеніи, что издатель журнала нарушилъ данную подписку объ общей съ цензурою обязанности пещись о духѣ и направленіи періодическихъ изданій; также, что не взирая на смыслъ цензурнаго устава и непрестанное взыскательное наблюденіе правительства, цензоръ поступилъ въ семъ случаѣ если не злоумышленно, то, по крайней мѣрѣ, съ непростительнымъ небреженіемъ должности и легкомысліемъ. Вслѣдствіе сего главное управленіе цензуры предоставило мнѣ довести о семъ до

[1] „Рус. Стар." 1903 г., III, 582.

[2] Это прямое указаніе имѣется въ изслѣдованномъ мною дѣлѣ архива III Отдѣленія 1 экспед. 1834 г. № 368, въ бумагѣ генерала Перфильева отъ 15 октября.

свѣдѣнія Вашего И. В. и испросить Высочайшаго разрѣшенія на прекращеніе изданія журнала „Телескопъ“ съ 1-го января наступающаго года и на немедленное удаленіе отъ должности цензора Болдырева, пропустившаго оную статью“.

22-го октября Николай I положилъ резолюцію: „Прочитавъ статью, нахожу, что содержаніе оной смѣсь дерзостной безсмыслицы, достойной умалишеннаго: это мы узнаемъ непремѣнно, но не извинительны ни редакторъ журнала, ни цензоръ. Велите сейчасъ журналъ запретить обоихъ виновныхъ отрѣшить отъ должности и вытребовать сюда къ отвѣту“. [1]

Какъ разъ въ тотъ же день, 22-го, Бенкендорфъ получилъ рапортъ начальника московскаго округа корпуса жандармовъ, генерала Перфильева, отъ 15-го октября, въ которомъ сообщалось, что чаадаевская статья „произвела въ публикѣ много толковъ и сужденій и заслужила по достоинству своему общее негодованіе, сопровождаемое восклицаніемъ: „какъ позволили ее напечатать?“. „Въ публикѣ—сообщалось далѣе — не столько обвиняютъ сочинителя статьи — Чеодаева, [2] сколько издателя журнала — Надеждина, цензора же только сожалѣютъ“. Рукою Бенкендорфа написано на рапортѣ: „Чеодаева кто перевелъ?“

Въ день резолюціи Бенкендорфъ былъ позванъ къ государю и получилъ приказаніе составить проектъ отношенія къ московскому военному генералъ-губернатору, кн. Д. В. Голицыну. Черезъ нѣсколько часовъ проектъ былъ представленъ государю, который написалъ на немъ: „очень хорошо“.

Вотъ это историческое „очень хорошее“ отношеніе отъ 22-го октября:

„Въ послѣдневышедшемъ № 15 [3]) журнала „Телескопъ“ помѣщена статья подъ названіемъ Философическія письма, коей сочинитель есть живущій въ Москвѣ г. Чеодаевъ. Статья сія, конечно уже Вашему Сіятельству извѣстная, возбудила въ жителяхъ московскихъ всеобщее удивленіе. Въ ней говорится о Россіи, о народѣ русскомъ, его понятіяхъ, вѣрѣ и исторіи съ такимъ презрѣніемъ, что непонятно даже, какимъ образомъ русскій могъ унизить себя до такой степени, чтобъ нѣчто подобное написать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающіеся чистымъ, здравымъ смысломъ, и будучи преисполнены чувствомъ достоинства Русскаго Народа, тотчасъ постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественникомъ ихъ, сохранившимъ полный свой разсудокъ, и потому,— какъ дошли сюда слухи, — не только не обратили своего негодованія противъ г. Чеодаева, но, напротивъ, изъявляютъ искреннее сожалѣніе свое о постигшемъ

[1] Послѣдствіемъ прекращенія „Телескопа“ принято считать затрудненія въ полученіи разрѣшенія на изданіе новыхъ журналовъ. Это также недоразумѣніе. За три недѣли *до* этого, а именно 1-го октября по министерству народнаго просвѣщенія состоялось распоряженіе: „представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время воспрещаются“ („Сборникъ“, 227). Сдѣлано оно было въ виду резолюціи государя 13-го сентября на докладѣ Уварова о разрѣшеніи кн. Одоевскому, Враскому и А. А. Краевскому журнала „Русскій Сборникъ“: „и безъ того много“ („Рус. Стар.“, 1903 г. III, 588—589).

[2] Почти ни въ одной бумагѣ фамилія не напечатана правильно.

[3] Ошибка—Надеждинъ успѣлъ выпустить № 16-й.

его разстройствѣ ума, которое одно могло быть причиною написанія подобныхъ нелѣпостей. Здѣсь получены свѣдѣнія, что чувство состраданія о несчастномъ положеніи г. Чеодаева единодушно раздѣляется всею московскою публикою. Вслѣдствіе сего Государю Императору угодно, чтобы Ваше Сіятельство, по долгу званія вашего, приняли надлежащія мѣры къ оказанію г. Чеодаеву всевозможныхъ попеченій и медицинскихъ пособій. Его Величество повелѣваетъ, дабы Вы поручили лѣченіе его искусному медику, вмѣнивъ сему послѣднему въ обязанность непремѣнно каждое утро посѣщать г. Чеодаева, и чтобъ сдѣлано было распоряженіе, дабы г. Чеодаевъ не подвергалъ себя вредному вліянію нынѣшняго сырого и холоднаго воздуха; однимъ словомъ, чтобъ были употреблены всѣ средства къ возстановленію его здоровья.—Государю Императору угодно, что Ваше Сіятельство о положеніи Чеодаева каждомѣсячно доносили Его Величеству".

Этотъ документъ едва ли не лучше сотенъ другихъ рисуетъ тотъ страшный гнетъ, который давилъ все русское общество, то ужасное подавленіе и распоряженіе личностью, которое проходило красной чертой черезъ все царствованіе Николая I.

Наказать автора сумасшествіемъ — это отдаетъ такимъ средневѣковьемъ, такимъ ужасомъ, подобныхъ которому нѣтъ въ нашей исторіи! Въ глазахъ людей системы официальной народности Чаадаева лучше всего было вполнѣ дискредитировать въ общественномъ мнѣніи; показать полное благополучіе и отсутствіе здоровыхъ, не сумасшедшихъ протестантовъ и скептиковъ..

Кромѣ того, несомнѣнно, что, выбирая такую мѣру именно для Чаадаева, знали, что для него, всегда вполнѣ законно гордившагося своимъ умомъ, она будетъ особенно тяжела, гораздо тяжелѣе, чѣмъ ссылка, и т. п. Я вовсе не раздѣляю предположеній современниковъ, что съ Чаадаевымъ потому было поступлено такъ... „милостиво", что знали его матеріальное положеніе, при которомъ ссылка была бы очень тяжела. Не раздѣляю какъ потому, что не могу вѣрить въ гуманныя чувства того времени по отношенію человѣка его оскорбившаго, такъ и потому, что только толстокожіе патріоты могли находить годичное сумасшествіе болѣе милостивымъ, чѣмъ ссылку...

22-го же октября Голицыну сообщалось о необходимости немедленно выслать Надеждина, какъ нигдѣ не служащаго, въ Петербургъ, для допроса, а на слѣдующій день ген. Перфильеву предписывалось, по высочайшему повелѣнію, взять у Чаадаева „всѣ его бумаги безъ исключенія" и доставить ихъ Бенкендорфу. При этомъ прибавлялось: „Поручаю в. пр—ву исполнить сію Высочайшую волю, чрезъ надежнаго штабъ-офицера корпуса жандармовъ совмѣстно съ чиновникомъ московской полиціи и принять надлежащія мѣры, дабы таковая Его Величества воля была приведена въ исполненіе во всей точности, безъ всякаго снисхожденія и такимъ образомъ, чтобъ г. Чеодаевъ никакъ не успѣлъ быть предварительно извѣщенъ о семъ, и не могъ принять мѣръ къ сокрытію своихъ бумагъ. По отобраніи бумагъ г. Чеодаева прошу васъ тотчасъ прислать ихъ ко мнѣ съ нарочнымъ надежнымъ жандармомъ".

26-го октября Уваровъ писалъ Бенкендорфу: „Въ ожиданіи того, что Вы дадите мнѣ знать, въ которомъ часу Вы меня примите, я посылаю Вамъ конфиденціальное письмо г. Татищева, которое доказываетъ, что всѣ монархисты всецѣло раздѣляютъ убѣжденія государя. Я полагаю, что это письмо можетъ понравиться Его Величеству, какъ искреннее выраженіе мнѣнія человѣка преданнаго, какъ и мы, принципу консерватизма, и который имѣлъ возможность вблизи наблюдать такъ много. Вашъ Уваровъ".

А вотъ и французское письмо Татищева отъ 26-го октября:

„Филиппика Чаадаева, которую я Вамъ возвращаю, можетъ возбудить только негодованіе и отвращеніе. Меня это возмущаетъ! Подъ прикрытіемъ проповѣди въ пользу папизма авторъ излилъ на свое собственное такую ужасную ненависть, что она могла быть внушенной ему только адскими силами. Опровергнуть это писаніе было бы не трудно, потому что его заключенія выведены изъ противорѣчивыхъ фактовъ. Гдѣ это XV вѣковъ единенія между христіанами Запада? До IX, и даже позже, половина Германіи, Скандинавія, Богемія, Венгрія были языческими странами; въ тѣ времена готты въ Испаніи были арійцами. Ломбардскіе короли притѣсняли папу, такъ что духовная власть обязана своимъ блескомъ покровительству Карла Великаго. Сравненіе народовъ Запада съ греческой имперіей не заслуживаетъ довѣрія. Упадокъ этой страны въ эту эпоху—историческій фактъ, но гдѣ та нація, которая имѣла право презирать византійцевъ? Безпорядокъ былъ въ Италіи, въ Испаніи; исторія наслѣдниковъ Карла Великаго во Франціи—это собраніе ужасовъ. Произведеніе отвратительное. Фактъ его опубликованія очень важенъ для правительства; *онъ доказываетъ существованіе политической секты въ Москвѣ;* хорошо направленные поиски должны привести къ полезнымъ открытіямъ по этому поводу. Принадлежитъ ли авторъ къ тайнымъ обществамъ, но въ своемъ произведеніи онъ богохульствуетъ противъ святой православной церкви. *Онъ долженъ быть выданъ церкви.* Одиночество, постъ, молитва пришли бы на помощь пастырскимъ внушеніямъ, чтобы привести домой заблудшую овцу. Dixi. Vale et me ama (помни и люби меня)". [1]

На слѣдующій день Уваровъ снова пишетъ: „Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Вы получите переписку съ Строгановымъ по дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, и копію циркуляра моего цензурнымъ комитетамъ. [2] Полезно, больше чѣмъ когда-

[1] Курсивъ мой.

[2] Рѣчь идетъ о предписаніи Уварова отъ 24-го октября, въ которомъ, сообщая о карѣ, постигшей „Телескопъ" и цензора, министръ писалъ: „поставить на видъ гг. цензорамъ и издателямъ повременныхъ изданій, для предостереженія ихъ, что несоблюденіе правилъ цензурнаго устава и предписаній высшаго начальства первымъ и небрежное исполненіе обязанностей своихъ по даннымъ подпискамъ—послѣдними будетъ имѣть неминуемымъ слѣдствіемъ такое же распоряженіе". Въ дневникѣ Никитенка подъ 28 октября записано о призваніи въ цензурный комитетъ всѣхъ издателей и о внушеніи этого циркуляра. „Всѣ они вышли согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники". Кромѣ того, еще 20-го октября Уваровъ предписалъ не разрѣшать печатать гдѣ бы то ни было, что бы то ни было о „письмѣ" Чаадаева, даже въ опроверженіе. 29-го это уже стало извѣстно и публикѣ.

либо, чтобы Вы были обо всемъ освѣдомлены. Думаю, что безошибочно могу указать, что бумаги Надеждина (редактора „Телескопа") находятся въ рукахъ нѣкоего Билинскаго, его сотрудника по журналу, который и замѣнялъ его во время его отсутствія и который, вѣроятно, и есть его самое довѣренное лицо. Будьте такъ добры приказать, чтобы Болдыревъ, во время своего пребыванія здѣсь, находился подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ полиціи, чтобы узнать съ какими лицами онъ будетъ имѣть сношенія"...

Поведеніе министра просвѣщенія блестяще подтверждаетъ его полицейскія способности. Особенно хорошо согласіе съ мыслью Татищева о тайномъ обществѣ и постѣ съ одиночествомъ...

На послѣдней запискѣ Уварова Бенкендорфъ написалъ: „Государь приказалъ, дабы кн. Голицынъ немедля велѣлъ бы схватить всѣ бумаги V. Билинскаго, [1] обыскавъ бдительно и узнавъ, не спрячены ли у кого-либо другаго, за что въ послѣдствіе времяни Билинскій строго бы отвѣчалъ".

27-го же октября московскому губернатору Мартынову предписывалось выслать Болдырева и Надеждина въ Петербургъ и сдѣлать распоряженіе, „дабы они по пріѣздѣ къ заставѣ, немедленно были представлены: ст. сов. Болдыревъ къ г. министру народнаго просвѣщенія, а г. Надеждинъ въ штабъ корпуса жандармовъ".

Въ тотъ же день получено письмо митрополита Серафима, [2] на которомъ Бенкендорфъ положилъ резолюцію: „отвѣтить, что Государь и всѣ благомыслящіе люди совершенно раздѣляютъ его негодованіе; что журналъ запрещенъ, цензоръ и издатель вызваны сюда для отвѣта, а сочинитель признанъ сумасшедшимъ".

31-го октября кн. Голицыну сообщалась воля государя о взятіи всѣхъ бумагъ въ квартирѣ Бѣлинскаго и о доставленіи ихъ Бенкендорфу. „Его Величеству угодно, чтобы при семъ случаѣ былъ сдѣланъ у Билинскаго самый тщательный обыскъ, въ предупрежденіе того, чтобы онъ не могъ которыя либо изъ бумагъ скрыть, съ объявленіемъ ему, что буде въ послѣдствіи откроется передача имъ бумагъ въ другія руки или утайка оныхъ, то онъ будетъ подвергнутъ за сіе строжайшей отвѣтственности".

29-го октября Перфильевъ сообщаетъ, что московскій полицеймейстеръ полковникъ Брянчаниновъ и жандармскій полковникъ Бѣгичевъ отобрали у Чаадаева всѣ бумаги „самымъ негласнымъ образомъ", которыя и отсылаются въ III Отдѣленіе.

По словамъ Жихарева, нѣкоторыя бумаги потомъ были возвращены, другія же такъ и остались. Въ архивѣ III Отдѣленія ихъ нѣтъ. Курьезно, что былъ взятъ и огромный ворохъ „Московскихъ Вѣдомостей", несмотря на указаніе

[1] Въ письмѣ Уварова просто „Bilinsky". Значитъ, ужъ получили справку, что его зовутъ Виссаріономъ (V).

[2] Напечатано съ незначительными ошибками въ № 3 „Русской Старины", 1870 г., гдѣ и письмо Вигеля къ Серафиму.

Чаадаева, что это не бумаги, а бумага. А вотъ что писалъ Тургеневъ Вяземскому 30-го октября: „(Изорви). Я видѣлъ сегодня Чаадаева и нашелъ его спокойнымъ по совѣсти, но встревоженнымъ по своему положенію. У него отобрали вчера всѣ бумаги; вспомнивъ, что у писца и у одной дамы оставались еще какія-то двѣ статьи его, онъ вытребовалъ и куда-то доставилъ ихъ офиціально. [1] Очень хлопочетъ о томъ, что ему не возвратятъ бумагъ, въ коихъ, вѣроятно, найдутъ болѣе оправдательнаго, чѣмъ обвинительнаго. Общія бреды и только! Онъ сказалъ, что съ бумагами взяли у него и портретъ мой, Брюллова, съ извѣстною надписью: „безъ боязни обличаху" изъ лѣтописей Авраамія Палицина объ осадѣ Сергіева монастыря; слова лѣтописца о Плещеевѣ и предкѣ моемъ Петрѣ Тургеневѣ, кои „безъ боязни обличаху" Гришку Отрепьева въ самозванствѣ. Если спросятъ, то объясните". [2]

Читатель, вѣроятно, уже обратилъ вниманіе на то, что до сихъ поръ не было и рѣчи о личности переводчика „письма". Извѣстно, что это Н. Х. Кетчеръ, популярный тогда своими переводами Шекспира. [3] Сначала личность переводчика, повидимому, интересовала сыскную часть, а потомъ про нее просто забыли. Такъ Кетчера и не безпокоили, насколько видно изъ дѣла и извѣстно со словъ Жихарева. [4] 2 ноября Перфильевъ пишетъ директору канцеляріи III Отдѣленія, А. Н. Мордвинову: „Имѣю честь увѣдомить В. П-во, что переводчикъ извѣстной статьи есть самъ издатель Надеждинъ, который впрочемъ при возникшемъ процессѣ эту славу охотно предоставляетъ другимъ, довольствуясь участіемъ какъ издатель, отъ чего уже отозваться нѣтъ возможности. Подобная мистификація поставляла меня въ затрудненіе, и чтобъ сказать опредѣлительно, я желалъ видѣть и переговориться съ графомъ Строгановымъ; что самое и отдалило нѣсколько мой отвѣтъ, ибо письмо Ваше нашло меня въ постелѣ".

На слѣдующій день, 3 ноября, Перфильевъ снова пишетъ Мордвинову, что узналъ отъ людей, весьма близкихъ къ Надеждину, что послѣднему совер-

[1] Въ дѣлѣ есть письмо Чаадаева Н. П. Брянчанинову отъ 30-го октября, а прилагаемыхъ при немъ бумагъ нѣтъ. Вотъ оно: „М. Г. Никита Петровичъ. Сейчасъ вспомнилъ что два изъ моихъ сочиненій: одно находилось вчера въ рукахъ переписчика, а другое просто въ чужихъ рукахъ. Я полагаю, что не худо сдѣлаю, есть ли вамъ ихъ препровожу одно потому, что оно подъ нумеромъ, слѣдовательно, не видя этого нумера могли бы подумать, что я его скрылъ, и что въ немъ заключается Богъ вѣсть, что; сверхъ этого послѣдовательность была бы нарушена, и читатель при чтеніи не понялъ бы моихъ мыслей; другое же потому, что въ немъ не заключаются такія мѣста, которыя бы желалъ чтобы правительству были извѣстны. При семъ прилагаю оба сіи сочиненія. Прошу васъ, есть ли это не противно вашей обязанности, доставить мнѣ въ полученіи оныхъ росписку". Очевидно, рѣчь идетъ объ одномъ изъ „философическихъ писемъ". Все это было послано въ III Отдѣленіе.

[2] „Остафьевскій архивъ etc", III, 343—344.

[3] Нѣкоторые, въ томъ числѣ г. Скабичевскій, неосновательно считаютъ переводчикомъ Бѣлинскаго.

[4] „Вѣст. Европы" 1871 г., IX, 30.

шенно неизвѣстно имя переводчика, потому что онъ получилъ уже готовый переводъ. Этому жандармскій генералъ почему-то не вѣрилъ.

Въ тотъ же день онъ доносилъ Бенкендорфу: ,,На дняхъ [1] отставной ротмистръ Чеодаевъ былъ приглашенъ къ здѣшнему оберъ-полицеймейстеру, для объявленія ему мѣры правительства, послѣдовавшей по Высочайшему повелѣнію, въ слѣдствіи появившейся въ ,,Телескопѣ", извѣстной статьи, имъ сочиненной.

,,Прочтя предписаніе, онъ смутился, чрезвычайно поблѣднѣлъ, слезы брызнули изъ глазъ и не могъ выговорить слова. Наконецъ, собравшись съ силами, трепещущимъ голосомъ сказалъ: „Справедливо, совершенно справедливо",—объявляя, что дѣйствительно въ то время, какъ сочинялъ сіи письма, былъ боленъ и тогда образъ жизни и мыслей имѣлъ противный настоящимъ, что нынѣ согласился издать въ свѣтъ сумазбродныя, скверныя сіи письма (это его собственныя слова) по убѣжденію издателя Телескопа Надеждина, бывъ въ твердой увѣренности, что цензура не пропуститъ оныя; но что крайне былъ удивленъ, когда Надеждинъ, пріѣхавъ къ нему и потирая руками, объявилъ, что онѣ пропущены; и что будто онъ, Чеодаевъ, узнавъ о семъ, самъ хотѣлъ писать на свое сочиненіе возраженіе. Въ противорѣчіе же сему, продолжая разговоръ, говорилъ: что философическія письма, давно написанныя, были читаемы многими здѣсь и въ Петербургѣ; что сіе самое ободряло его и обольщало надеждою, что онѣ будутъ одобрены, какъ и прежде, читавшими и что къ сему онъ былъ увлеченъ Авторскимъ честолюбіемъ. Впрочемъ, въ продолженіи разговора, Чеодаевъ, нѣсколько разъ повторялъ, съ изъявленіемъ удивленія, какъ могла цензура пропустить подобное сочиненіе. По словамъ его, Чаодаева, письма сіи переведены были давно, какимъ то Норовымъ, [2] но очень дурно,—что онъ, отдавая, ихъ говорилъ и Надеждину, который отвѣчалъ: ,,на этотъ счетъ не безпокойтесь; мы сами ихъ переведемъ". Симъ самымъ подтверждается, что Надеждинъ дѣйствительно означенную статью получилъ въ переводѣ; однакожъ, съ тѣмъ же вмѣстѣ и обнаруживается, что онъ ею занимался.

[1] 1 ноября; 2-го Надеждинъ и Болдыревъ выѣхали изъ Москвы.

[2] Въ дѣлѣ есть письмо Александра Сергѣевича (брата Авраама, потомъ министра просвѣщенія) Норова къ Чаадаеву отъ 29 іюля 1836 г. о томъ, что, отсылая переводъ первой тетради, просилъ дать еще переводъ второй, ,,ибо знаетъ, что она должна быть напечатана". Затѣмъ его же письмо брату Аврааму отъ 22 ноября о томъ, что напечатанный переводъ „письма" не его и что, раскаиваясь въ легкомысліи, благодаря которому сталъ переводить ,,письма", онъ обѣщаетъ ,,вовсе не знать впредь Чаадаева". Наконецъ, письмо Авраама Норова Бенкендорфу отъ 3 декабря (по французски), въ которомъ онъ удостовѣряетъ, что напечатанный переводъ не его брата; что письмо, написанное имъ брату, съ позволенія графа, было очень строго; что оно уложило въ постель старика отца и что отвѣты Александра ,,передъ судилищемъ" были искренни; въ заключеніе просьба успокоить ,,испуганную и угнетенную горемъ" семью доведеніемъ всего этого до свѣдѣнія государя. На этомъ письмѣ Бенкендорфъ написалъ: „lui repondre que je savois (?) par Tschédaew que la traduction ayant été mal faite et le (?) ovoit été corrigée que du reste son frere" („отвѣтить ему, что я знаю отъ Чаадаева, что переводъ былъ плохо сдѣланъ, а потому исправленъ; его брату можно сообщить, что его дѣло кончено").

„Изъ отзывовъ Надеждина и Чеодаева замѣтно, что они другъ друга обвиняютъ, упрекая въ тѣхъ непріятныхъ послѣдствіяхъ, которыя теперь испытываютъ, и хотя видно было, что мѣра, объявленная Чеодаеву, его поразила и оскорбила чрезвычайно: но онъ принялъ сіе съ покорностію, повторяя: „Справедливо, совершенно справедливо". Въ публикѣ поговариваютъ, что велѣно его лѣчить, но еще безъ увѣренности въ справедливости, а потому и общихъ сужденій насчетъ сего еще неслышно".

Этому донесенію нельзя не дать довѣрія, во-первыхъ, потому, что Жихаревъ самъ констатируетъ трусость и малодушіе Чаадаева за это время; [1] во-вторыхъ, какое основаніе было Перфильеву преувеличивать раскаяніе, зная, что это говоритъ въ пользу Чаадаева? въ-третьихъ, если можно было ожидать такого преувеличенія со стороны кн. Голицына, относившагося къ Чаадаеву весьма симпатично, то Перфильевъ тутъ совсѣмъ ни при чемъ, потому что независимъ отъ князя. Что касается возраженія самому себѣ, которое Чаадаевъ хотѣлъ писать, то и на это есть указаніе А. И. Тургенева: „Чаадаевъ самъ противъ себя пишетъ и отвѣчаетъ себѣ языкомъ и мнѣніями Орлова (М. Ѳ.)". [2] Въ письмѣ къ Жуковскому 5-го іюня 1837 г. Чаадаевъ говоритъ: „моя глупая статья". [3]

Этому не противорѣчатъ слова въ письмѣ къ брату 5-го января (1837 г.): „Говорятъ, что правительство, поступивъ такимъ образомъ, думало поступить снисходительно; этому очень вѣрю, ибо нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что оно могло поступить несравненно хуже". [4] Здѣсь видно только, что самъ Чаадаевъ не считалъ „сумашествіе" снисхожденіемъ, что и понятно послѣ уже двухмѣсячныхъ страданій...

Жизнь его и самочувствіе за время „сумасшествія" обрисовываются въ литературѣ не очень подробно. Нѣкоторые, напримѣръ, И. И. Дмитріевъ, 1-го же ноября посѣтили Чаадаева и выразили ему свое глубокое соболѣзнованіе и возмущеніе. 3-го ноября Тургеневъ пишетъ Вяземскому: „Сказываютъ, что Чаадаевъ сильно потрясенъ постигшемъ его наказаніемъ; отпустилъ лошадей, сидитъ дома, похудѣлъ вдругъ страшно и какія-то пятна на лицѣ. Его кузины навѣщали его и сильно поражены его положеніемъ. Докторъ пріѣзжаетъ навѣдываться о его офиціальной болѣзни". И черезъ четыре дня: „Докторъ ежедневно навѣщаетъ Чаадаева. Онъ никуда изъ дома не выходитъ. *Боюсь, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ не помѣшался*". [5]

Вотъ какъ „милостиво" было наказаніе, что человѣкъ, увидѣвшій „помилованнаго" на седьмой день, боялся, что онъ дѣйствительно помѣшается!!

12-го ноября Тургеневъ пишетъ: „я былъ у него и нашелъ его болѣе въ ажитаціи, чѣмъ прежде. Посѣщеніе доктора очень больно ему. Онъ писалъ третьяго

[1] „Вѣстн. Европы" 1871 г., IX, 35.
[2] „Остафьевскій архивъ etc", III, 336.
[3] „Рус. Старина" 1903 г., X, 185.
[4] „Вѣстн. Европы" 1871 г., XI, 326.
[5] „Остафьевскій архивъ etc.", III,352.

дня къ графу Строганову и послалъ ему книгу Ястребцова, гдѣ о немъ и почти его словами говорится и въ выноскѣ сказано: ,,П. Я. Ч." и все въ пользу Россіи и въ надеждѣ ея быстраго усовершенствованія, какъ бы и въ опроверженіе того, что ему приписываютъ по первой статьѣ. Не знаю, что сдѣлаетъ Строгановъ съ симъ письмомъ, но статья была бы въ его пользу, если бы безпристрастно, сіи, также года за четыре писанныя, страницы разсмотрѣны были. Другія статьи его были одобрены какъ онъ сказывалъ, духовною цензурою. Все это могло бы смягчить къ нему теперешнихъ судей его, а еще болѣе то мнѣніе, которое о немъ теперь здѣсь господствуетъ, ибо всѣ знаютъ о его визитѣ и его словахъ гр. Строганову". [1]

5-го января Чаадаевъ пишетъ, между прочимъ, брату: ,,я долженъ довольствоваться одною прогулкою въ день и видѣть у себя ежедневно господъ медиковъ, ex officio меня навѣщающихъ. Одинъ изъ нихъ, пьяный частный штабъ-лекарь, долго ругался надо мною самымъ наглымъ образомъ, но теперь прекратилъ свои посѣщенія, вѣроятно, по предписанію начальства. Пріятели мои посѣщаютъ меня довольно часто и нѣкоторые изъ нихъ поступаютъ съ рѣдкимъ благородствомъ; но всего утѣшительнѣе для меня дружба моихъ милыхъ хозяевъ. [2] Бумагъ по сихъ поръ не возращаютъ и это всего мнѣ чувствительнѣе, потому что въ нихъ находятся труды всей моей жизни, все, что составляло цѣль ея. Развязки покамѣстъ не предвижу, да и признаться не разумѣю, какая тутъ можетъ быть развязка? Сказать человѣку: „ты съ ума сошелъ", — не мудрено, но какъ сказать ему: ,,ты теперь въ полномъ разумѣ?" Окончательно скажу тебѣ, мой другъ, что многое потерялъ я невозвратно, что многія связи рушились, что многіе труды останутся неоконченными, и наконецъ, что земная твердость бытія моего поколеблена навѣки". [3]

Первое время своего заточенія Чаадаевъ провелъ въ крайнемъ смущеніи и большомъ малодушіи. Сначала онъ совершенно растерялся. Потомъ болѣе и болѣе вдумывался въ положеніе... Онъ началъ нести его съ исполненнымъ достоинства спокойствіемъ, заслуживающимъ всякой похвалы и даже нѣкотораго удивленія". [4]

Требуемой оберъ-полицеймейстеромъ подписки ,,ничего не писать" Чаадаевъ не далъ, а замѣнилъ ее другой: ,,ничего не печатать". На его просьбу дозво-

[1] Ibidem, 359—369. Рѣчь идетъ о книгѣ доктора медицины И. М. Ястребцова, — „О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемымъ къ образованнѣйшему классу общества", М., 1833 г., изд. 2-е. Говоря о томъ, что одной изъ основъ системы ученія должно быть положеніе: „служить сколько можно болѣе, къ тому, чего требуетъ настоящее и предвидимое положеніе отечества" — авторъ констатируетъ отсутствіе для Россіи ея прошлаго и прибавляетъ: „одной особѣ (П. Я. Ч.) мы обязаны основными мыслями, теперь излагаемыми" (стр. 201). Надежды Тургенева на реабилитацію Чаадаева книжкой Ястребцова оказались совершенно неосновательными.

[2] Левашевыхъ.

[3] „Вѣстн. Европы" 1871 г., XI, 327—328.

[4] *Жихаревъ*, „Вѣстн. Европы" 1871 г. IX, 36.

лить ему ходить по улицамъ пѣшкомъ, къ чему онъ привыкъ, что было необходимо для его здоровья и безъ чего, говорилъ онъ, „онъ жить не можетъ", сейчасъ же согласились, совѣтуя, однако, избѣгать особенно многолюдныхъ улицъ, и онъ могъ гулять по городу, никуда не заходя, сколько и когда ему было угодно. При этомъ Жихаревъ ошибается, говоря, что насильственное лѣченіе отъ помѣшательства продолжалось съ мѣсяцъ или немного болѣе. Собственно насильственныхъ мѣръ, по его же словамъ, никто не употребилъ ни разу, а визиты врача продолжались не мѣсяцъ, а впредь до помилованія въ концѣ 1837 года. [1]

Чаадаевъ не даромъ тепло отозвался о личныхъ друзьяхъ. Они дѣйствительно всячески берегли его и окружали всѣми знаками своего вниманія. Разумѣется, рѣдко кто изъ нихъ напоминалъ ему о „Философическомъ письмѣ", а тѣ, кто собирался возражать (Хомяковъ, Баратынскій и др.) спрятали свои возраженія.

Въ это же время Чаадаевъ написалъ „Апологію сумашедшаго", [2] помѣщенную впервые въ заграничномъ изданіи его сочиненій. Здѣсь онъ довольно сурово обличаетъ публику, огласившую въ свое время зловѣщимъ крикомъ спокойную до того равнину русской журналистики. „Правительство—говоритъ Чаадаевъ—въ сущности только исполнило свой долгъ; можно даже сказать, что строгость, употребленная противъ насъ въ эту минуту, не имѣетъ ничего чрезвычайнаго, потому что, конечно, она далеко не превзошла ожиданій многочисленной публики. Что же, въ самомъ дѣлѣ, надо было сдѣлать правительству, самому благонамѣренному, какъ не сообразоваться съ тѣмъ, что оно искренно считаетъ серьезнымъ желаніемъ страны? Что же касается до криковъ публики, это совсѣмъ иное дѣло. Есть разные способы любить свое отечество: напримѣръ, самоѣдъ, который любитъ родные снѣга, дѣлающіе его подслѣповатымъ, дымную юрту, гдѣ онъ проводитъ, скорчившись, половину своей жизни, протухлый жиръ своихъ оленей, окружающій его вонючей атмосферой, конечно, онъ любитъ свою родину не такъ, какъ англійскій гражданинъ, гордый учрежденіями и высокой цивилизаціей своего славнаго острова и, безъ сомнѣнія, было бы очень жалко, если бы намъ приходилось еще любить нашу родину на манеръ самоѣдовъ. Любовь къ отечеству есть вещь прекрасная, но еще прекраснѣе любовь къ истинѣ... Правда, что мы, русскіе, всегда бывали довольно беззаботны о томъ, что истинно и что ложно. Поэтому, не слѣдуетъ очень сердиться на общество, если оно было живо затронуто нѣсколько ѣдкой апострофой, обращенной къ его слабостямъ. Поэтому, увѣряю васъ, я вовсе не досадую на эту милую публику, которая такъ долго меня баловала: я стараюсь отдать себѣ отчетъ въ моемъ странномъ положеніи хладнокровно, безъ всякаго раздраженія". [3]

[1] Пьянаго штабъ-лѣкаря замѣнили докторомъ Гульковскимъ.

[2] „Apologie d'un fou".

[3] Не имѣя подъ рукой заграничнаго изданія, цитирую по „Характеристикамъ etc" Пыпина.

Затѣмъ, сказавъ, что онъ никогда не искалъ популярности, [1] Чаадаевъ указываетъ, что общее мнѣніе вовсе не есть абсолютно справедливое, что здравый смыслъ народа вовсе не есть еще здравый смыслъ, что истина выходитъ не изъ шумной толпы...

Онъ сознается, что въ первомъ его ,,письмѣ" было преувеличеніе, состоящее, между прочимъ, въ непризнаніи, что мы пришли въ міръ на почву, нетронутую и неоплодотворенную предыдущимъ поколѣніемъ, гдѣ ничто не говорило намъ о протекшихъ вѣкахъ, гдѣ не было никакихъ слѣдовъ новаго міра, а также и въ томъ, что не отдано должное нашей церкви, столь смиренной, иногда столь героической, утѣшающей насъ за пустоту нашихъ лѣтописей".

Была и нетерпѣливость въ выраженіи, крайность въ мысли; но чувство, господствующее во всемъ ,,письмѣ", вовсе не враждебно отечеству: это—глубокое чувство нашихъ слабостей, выраженное лишь съ болью и горестью.

,,Повѣрьте, я больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ, люблю свое отечество, желаю ему славы, умѣю цѣнить высокія качества своего народа; но справедливо также, что патріотическое чувство, меня одушевляющее, создано не совсѣмъ по тому способу, какъ то, чьи умы разрушили мое спокойное существованіе... Я не умѣю любить свое отечество съ закрытыми глазами, съ приниженной головой, съ запертыми устами. Я нахожу, что можно быть полезнымъ отечеству только подъ условіемъ ясно его видѣть; я думаю, что время слѣпыхъ амуровъ прошло, что теперь прежде всего мы обязаны отечеству истиной".

,,Апологія" не кончена авторомъ, прервавшимъ ее на первыхъ же строкахъ второй главы.

Вернемся, однако, къ послѣдовательному изложенію.

6-го ноября, т.-е. на шестой день объявленія Чаадаева ,,сумасшедшимъ", Перфильевъ доносилъ Бенкендорфу, что о мѣрахъ по его адресу ,,разсуждаютъ вездѣ и всякій и почти единодушно одобряютъ"; ,,нѣкоторые лишь предосуждаютъ шутливо-насмѣшливый тонъ предписанія [2] насчетъ задержанія Чаадаева въ квартирѣ подъ видомъ участія. Многія говорятъ противъ запрещенія изданія журнала до срока, разсуждая такимъ образомъ: по недосмотрѣнію цензора, пропущена статья непозволительная; правительство могло подвергнуть его отвѣтственности, замѣстить другимъ, учредить сверхъ сего особое наблюденіе, но не вводить въ процессъ под-

[1] А къ серединѣ 1837 года, когда и писалась ,,Апологія", эта популярность очень возросла. По словамъ Панаева, прекращеніе „Телескопа" заставило прочесть ,,письмо" даже тѣхъ, которые отъ роду не читали такихъ серьезныхъ статей. 15-го нумера „скоро достать уже было невозможно: его расхватали, и статья Чаадаева стала расходиться во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ"; „статья пріобрѣтала популярность не только между всѣми грамотными и читающими людьми, но даже и между полуграмотными, которые придавали ей Богъ знаетъ какія невѣжественныя толкованія" (,,Литературныя воспоминанія", 121).

[2] Перфильевъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что оно было одобрено государемъ.

писчиковъ, дѣлу не причастныхъ. Оставалось нѣсколько мѣсяцевъ и нѣтъ сомнѣнія, что послѣ передряги, испытанной сочинителемъ, издателемъ и цензоромъ, направленіе и духъ журнала были бы въ совершенной гармоніи съ правительствомъ. Вотъ толки и сужденія теперь слышанныя; о дальнѣйшихъ же буду имѣть честь донести"!

10-го ноября кн. Голицынъ увѣдомлялъ Бенкендорфа, что всѣ бумаги Надеждина, какъ въ его квартирѣ, такъ и въ квартирѣ Бѣлинскаго, отобраны, но что „какъ г. Бѣлинскій выѣхалъ въ г. Тверь еще въ исходѣ августа мѣсяца къ помѣщику Бакунину, то проживающій нынѣ въ квартирѣ его дѣйствительный студентъ Воложининъ и обязанъ подпискою, что всѣ совершенно бумаги, находящіяся въ квартирѣ Бѣлинскаго, имъ отданы—и что онъ ничего изъ нихъ не скрылъ и даже не знаетъ, есть ли еще гдѣ у него таковыя. Причемъ объявилъ также, что Бѣлинскій при отъѣздѣ своемъ взялъ съ собою весьма незначительное число бумагъ, относящихся собственно къ его занятіямъ по ученой части. А какъ Бѣлинскаго ожидаютъ въ скоромъ времени въ Москву, то сдѣлано распоряженіе, дабы онъ при въѣздѣ въ городъ доставленъ былъ прямо отъ заставы къ оберъ-полицеймейстеру, для отобранія отъ него бумагъ". Всѣ отобранныя бумаги препровождались съ надежнымъ жандармомъ въ особомъ тюкѣ, но въ архивѣ III Отдѣленія и ихъ нѣтъ.

Вскорѣ, 19-го ноября, Бенкендорфъ былъ увѣдомленъ кн. Голицынымъ, что 15-го ноября Бѣлинскій при въѣздѣ въ Москву изъ деревни прямо съ заставы „былъ представленъ" оберъ-полицеймейстеру, но что „при тщательномъ осмотрѣ коего въ имуществѣ Бѣлинскаго ничего сумнительнаго не оказалось".

Этимъ вполнѣ подтверждается все сказанное о Бѣлинскомъ, невѣдавшемъ о бурѣ, грозившей „Телескопу", въ капитальномъ трудѣ Пыпина. [1] Чаадаева онъ, дѣйствительно, не зналъ тогда и познакомился съ нимъ позднѣе.

20-го ноября Перфильевъ, отвѣчая на отношеніе Бенкендорфа отъ 9-го, подробно характеризовалъ Е. Г. Левашеву, въ домѣ которой Чаадаевъ жилъ такъ долго, и самого Чаадаева.

По словамъ жандармскаго генерала, это была „женщина уже не молодыхъ лѣтъ, хорошо образованная, начитанная, съ репутаціей femme savante; образъ жизни ведетъ довольно уединенный, и имѣя дочерей взрослыхъ, рѣдко показывается въ обществѣ. Самъ г. Левашевъ слыветъ за человѣка ничтожнаго, и въ свѣтѣ, и дома. Знакомство имѣютъ большое; наиболѣе же ее посѣщаютъ: Курбатовъ, Козаковъ, Соймановъ, Михайло Федоровичъ Орловъ, Свербѣевъ, Раевской, жена сенатора Левашева, съ семействами ихъ, и многіе другіе. А отставной ротмистръ Чеодаевъ въ домѣ Левашевой, совершенно какъ свой. Близкія и короткія отношенія его съ нею, какъ полагаютъ, имѣютъ источникомъ симпатію, рожденную сходствомъ образа мыслей, взглядомъ и понятіемъ о вещахъ. [2]

„Чеодаевъ особенно привлекалъ къ себѣ вниманіе дамъ, доставлялъ удо-

[1] „Бѣлинскій", I, 154.

[2] Чаадаевъ говорилъ, что Левашева „изошла любовью" (она умерла въ 1893 г.). По словамъ Герцена, женщина эта принадлежала къ тѣмъ удивительнымъ явленіямъ русской жизни, которыя мирятъ съ нею, которыхъ все существованіе подвигъ, никому невѣдомый,

вольствіе въ бесѣдахъ, и передавая все читаемое имъ въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ и вообще вновь выходящихъ сочиненіяхъ съ возможною отчетливостію, имѣя щастливую память и обладая даромъ слова. Когда нарождался разговоръ общій, Чеодаевъ разрѣшалъ вопросъ, при сужденіяхъ о политикѣ, религіи и подобныхъ предметахъ, со свойственнымъ уму образованному, обилующему матеріалами, убѣжденіемъ. Знакомство онъ имѣетъ большое; въ короткихъ же связяхъ замѣчается: съ Дмитріевымъ (Иваномъ Ивановичемъ), Орловымъ (Михайломъ Ѳедоровичемъ), Масловымъ (Секретаремъ Медико-Хирургической Академіи), Тургеневымъ (Александромъ Ивановичемъ), княгинею Мещерскою (Софьею Сергѣевною); послѣднихъ двухъ были у Чаадаева и портреты, отобранные въ числѣ бумагъ, изъ коихъ Тургенева съ надписью: „*безъ боязни обличаху*". Съ сенаторомъ Салтыковымъ (Михайломъ Александровичемъ) были въ весьма короткихъ сношеніяхъ, видались почти каждый день; но когда дѣла Чеодаева начали приходить въ разстройство (теперь онъ почти ничего не имѣетъ) и Салтыковъ просилъ выдать ему заемное обязательство въ должной суммѣ, то Чеодаевъ, оскорбясь симъ, заплатилъ Салтыкову деньги (хотя досталъ оныя съ трудомъ) и прекратилъ съ нимъ знакомство. [1]

„Чеодаевъ часто бываетъ: у Екатерины Ѳедоровны Муравьевой, Ушаковой, Нарышкиной, Пашковой, Раевской, и у многихъ другихъ; знакомъ: съ сенаторомъ Нечаевымъ, секретаремъ московскаго депутатскаго собранія Колайдовичемъ, Клинскимъ предводителемъ дворянства фонъ-Визинымъ, графомъ Потемкинымъ, камергеромъ Ржевскимъ, Николаемъ Александровичемъ Чичеринымъ, [2] Васильемъ Петровичемъ Зубковымъ, Брусиловымъ, Григорьемъ Александровичемъ Римско-Корсаковымъ, Александромъ Александровичемъ Писаревымъ, Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, Петромъ Львовичемъ Нелединскимъ, Платономъ Степановичемъ Яковлевымъ и калужскимъ помѣщикомъ Хлюстинымъ.

„Образъ жизни Чеодаевъ ведетъ весьма скромный, страстей не имѣетъ; но честолюбивъ выше мѣры. Сіе то самое и увлекаетъ его иногда съ надлежащаго пути, благоразуміемъ предписываемаго. Объ этомъ должно сожалѣть: ибо исключая страннаго, предосудительнаго въ иныхъ случаяхъ, образа мыслей и взгляда на предметы, онъ имѣетъ много достоинствъ—таковъ общій отзывъ. При семъ заключаютъ, что на его характеръ имѣетъ большое вліяніе физическое нервное разстройство, которому онъ подверженъ и которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ до того усилилось, что дѣйствительно начало обнаруживаться въ признакахъ временнаго помѣшательства.

„Нынѣ часто посѣщаютъ Чеодаева изъ вышеназванныхъ лицъ: Тургеневъ, Дмитріевъ, княгиня Мещерская и докторъ Брокъ".

кромѣ небольшого круга друзей („Сочиненія", 1905 г., II, 282). Подобныя характеристики сдѣланы и другими современниками этой женщины, столь благодѣтельно вліявшей на ушедшаго въ себя Чаадаева.

[1] Это было до выхода 15-й книги „Телескопа".

[2] Отцомъ Б. Н. Чичерина.

Слѣдствіе.

I.

Какъ только Надеждинъ и Болдыревъ прибыли въ С.-Петербургъ, Николай приказалъ составить особую комиссію для разсмотрѣнія всего этого дѣла и для представленія ему заключенія.

Комиссія составилась изъ: Бенкендорфа, Уварова, оберъ-прокурора св. синода, гр. Протасова, и помощника перваго изъ нихъ—А. Н. Мордвинова.

Что же далъ допросъ Надеждина, Чаадаева и Болдырева? Насколько и какъ удалось вскрыть обстоятельства помѣщенія „Философическаго письма"? Почему рискнулъ на такой шагъ всегда услужливый по отношенію къ правительству Надеждинъ?

Всѣ эти и многіе другіе вопросы разрѣшаются довольно полно жандармскимъ слѣдствіемъ, веденнымъ очень непродолжительно, но подробно.

5-го ноября Болдыревъ и Надеждинъ прибыли въ С.-Петербургъ и въ этотъ же день были подвергнуты допросу. Болдырева допрашивалъ Уваровъ, у себя на дому, а затѣмъ въ канцеляріи министерства, Надеждина—въ III Отдѣленіи, въ извѣстномъ „зданіи у Цѣпного моста", или, какъ его мѣтко заклеймилъ графъ Алексѣй Толстой:

Большой довольно бѣлый домъ,
Своимъ извѣстный праведнымъ судомъ...

Вопросные пункты для Надеждина III Отдѣленіе получило отъ Уварова. Когда были спрошены издатель и цензоръ, III Отдѣленіе просило чрезъ Д. В. Голицына опросить Чаадаева. 17-го ноября онъ отвѣчалъ на всѣ предъявленные ему вопросы.

Прослѣдимъ послѣдовательно всѣ эти отвѣты.

На вопросъ: „Кто сочинитель статьи, помѣщенной въ 15 № Телескопа, подъ заглавіемъ: *Философическія письма къ Г-жъ***. Письмо первое.* На какомъ языкѣ она первоначально составлена и если не на русскомъ, то дѣйствительно ли вы сами перевели ее и въ томъ ли видѣ, какъ она нынѣ отпечатана, или съ измѣненіями и исправленіями, и въ такомъ случаѣ, чьими и какими?"— Надеждинъ отвѣчалъ, что сочинитель —„г. Чадаевъ, живущій въ Москвѣ", что статья „написана первоначально на французскомъ языкѣ" и что „самъ сочинитель доставилъ ко мнѣ русскій переводъ, тотъ самый, который напечатанъ. Нѣсколько самыхъ невинныхъ перемѣнъ сдѣлано потомъ мною въ этомъ переводѣ; не припомню, какія именно эти перемѣны; но всѣ онѣ были чисто литературныя и я сдѣлалъ ихъ сколько по обязанности издателя, на которомъ въ нѣкоторой степени лежитъ отвѣтственность за слогъ печатаемыхъ статей, столько и по просьбѣ сочинителя, который, жалуясь на недостаточность перевода, просилъ меня обратить

на него особенное вниманіе въ отношеніи къ языку и поправить погрѣшности, которыя я въ немъ замѣчу. [1]

„Когда вы именно познакомились съ сочинителемъ этой статьи, по какому случаю и въ какихъ находились съ нимъ отношеніяхъ?"

Показавъ въ началѣ то, что я уже цитировалъ выше, Надеждинъ продолжалъ:

„Нынѣшній годъ я рѣдко выѣзжалъ изъ дома и потому до іюня или іюля мѣсяца вовсе не видалъ г. Чадаева. Въ одномъ же изъ мѣсяцевъ, въ которомъ именно не вспомню, онъ, г. Чадаевъ, встрѣтивъ меня опять въ клубѣ же, подошелъ ко мнѣ самъ, началъ разговоръ и наговорилъ мнѣ очень много лестнаго о моемъ журналѣ. Меня удивила такая перемѣна въ человѣкѣ, котораго я считалъ къ себѣ нерасположеннымъ. Натурально, я продолжалъ съ нимъ разговоръ; и тутъ онъ снова предложилъ мнѣ свое желаніе участвовать въ моемъ журналѣ помѣщеніемъ своихъ сочиненій. На этотъ разъ, съ одной стороны, крайній недостатокъ въ сотрудникахъ, [2] съ другой же, радушный и пріятный тонъ г. Чадаева заставилъ меня изъявить готовность воспользоваться его предложеніемъ. Вслѣдствіе чего я получилъ отъ него переводъ *двухъ философическихъ писемъ*, именно *третьяго* и *четвертаго*, [3] которыя показались мнѣ написанными очень умно, достойными замѣчанія по содержанію. Тогда я самъ поѣхалъ къ г. Чадаеву, чтобы сказать ему мое мнѣніе объ этихъ письмахъ. И въ это посѣщеніе имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ, въ которомъ онъ убѣждалъ меня принять для моего журнала нравственно религіозное направленіе, какъ единственное основаніе общественнаго благоденствія и личнаго совершенствованія каждаго человѣка. Признаюсь, это меня совершенно расположило въ его пользу и загладило прежнія противъ него предубѣжденія. Разговоръ его былъ весь проникнутъ любовью къ общественному порядку и непріязнью къ потрясеніямъ, волнующимъ западную Европу. Главною причиною этихъ волненій онъ полагалъ отсутствіе вѣры, упадокъ религіи, въ чемъ и я совершенно съ нимъ соглашался. Тутъ онъ далъ мнѣ нѣсколько книгъ, рекомендуя сдѣлать изъ нихъ переводы для журнала; книги эти были: брошюрка д-Эккштейна *О вѣрѣ*, полученная имъ отъ самого сочинителя въ нынѣшнемъ году, *Исторія среднихъ вѣковъ* Шарпантье, нѣсколько книжекъ журнала „*L'Université—Catholique*" и *Письма объ Англіи* Раумера. Я точно воспользовался изъ нихъ нѣкоторыми статьями, которыхъ переводы помѣщены въ послѣднихъ книжкахъ моего журнала. Одно только замѣтилъ я страннаго при этомъ случаѣ въ г. Чадаевѣ, именно пристрастіе къ католицизму, о чемъ отъ другихъ слышалъ еще и прежде. Въ то же самое свиданіе разсказалъ онъ мнѣ, что у него цѣлый рядъ писемъ, написанныхъ въ томъ же духѣ, какъ и тѣ, которыя

[1] „Опечатки" въ концѣ 15-й книжки—поправки самого Чаадаева по чистымъ листамъ.

[2] Совершенный вздоръ: въ 1836 г. „Телескопъ" ими былъ обезпеченъ гораздо болѣе, чѣмъ въ 1832 г.

[3] Подлинникъ французскій Чаадаевъ показывалъ Надеждину только у себя на квартирѣ. Впослѣдствіи переводъ „третьяго" письма остался въ бумагахъ А. В. Болдырева, а „четвертаго" возвращенъ для поправокъ Чаадаеву.

уже у меня. Я изъявилъ ему готовность помѣстить всѣ ихъ, если они имѣютъ то же содержаніе и тотъ же духъ. Онъ просилъ меня подождать, пока онъ пересмотритъ переводъ перваго письма, которое, по его словамъ, должно служить введеніемъ ко всѣмъ прочимъ; и черезъ нѣсколько дней, прислалъ ко мнѣ этотъ переводъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда началось уже печатаніе писемъ, я былъ опасно боленъ, вслѣдствіе простуды. Въ это время г. Чадаевъ посѣтилъ меня; и это былъ первый и послѣдній разъ, что онъ былъ въ моей квартирѣ. Въ это посѣщеніе я спрашивалъ его о *второмъ* письмѣ, которое слѣдовало бы помѣстить за *первымъ* для порядка, но онъ сказалъ, что этого второго письма онъ напечатать не намѣренъ и что это, впрочемъ, не нарушитъ связи писемъ.

„Наконецъ, когда книжка журнала вышла, и въ Москвѣ стали уже говорить о статьѣ, я полубольной ѣздилъ еще разъ къ г. Чадаеву, чтобы разсказать ему о произведенномъ непріятномъ впечатлѣніи и о моемъ крайнемъ безпокойствѣ. Въ этотъ разъ онъ успокоивалъ меня всячески, увѣряя въ чистотѣ и благонамѣренности своихъ идей; при чемъ прибавилъ, что образъ его мыслей давно извѣстенъ правительству и совсѣмъ не съ дурной стороны, что даже всѣ эти письма давно уже извѣстны не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ, что онъ еще недавно послалъ ихъ въ подлинникѣ чрезъ кого-то къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія и съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ предувѣдомить г. Министра объ ихъ напечатаніи въ моемъ журналѣ. Это было мое послѣднее съ нимъ свиданіе; оно было 8 или 9 октября, въ точности не припомню; знаю только, что прежде, чѣмъ началось слѣдствіе по этой статьѣ со стороны г. Попечителя Московскаго Университета. Въ томъ, что я имѣю честь разсказать здѣсь, заключаются всѣ мельчайшія подробности моихъ сношеній съ г. Чадаевымъ. Присовокупляю еще къ вышеуказанному показанію, что я слышалъ отъ самого г. Чадаева, что письма его извѣстны Его Сіятельству, Графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу".

На послѣдній абзацъ Чаадаевъ возражалъ: „Я сказалъ Графу Строганову и господину оберъ-полиціймейстеру, что никогда никакого не имѣлъ намѣренія, ни желанія печатать извѣстную статью, а что узналъ о печатаніи оной тогда только, когда уже получила она одобреніе цензора и находилась въ корректурѣ. Это и теперь подтверждаю. Вѣроятно, я могъ бы и тогда еще остановить печатанье, еслибы только того потребовалось; но этого я не сдѣлалъ, къ крайнему моему сожалѣнію... Никто, конечно, болѣе меня не жалѣетъ объ томъ, что эта статья напечатана, и никто менѣе меня не желалъ видѣть ее напечатанною". [1]

[1] А брату Чаадаевъ писалъ: „Издателю *Телескопа* попался *какъ-то* въ руки переводъ одного моего письма, шесть лѣтъ тому назадъ написаннаго и давно уже всѣмъ извѣстнаго; онъ отдалъ его въ цензуру; цензора не знаю какъ уговорилъ пропустить; потомъ отдалъ въ печать и тогда только увѣдомилъ меня, что печатаетъ. Я сначала не хотѣлъ вѣрить, но, получивъ отпечатанный листъ и видя въ самой чрезвычайности этого случая какъ бы намекъ провидѣнія, *далъ свое согласіе*" („В. Европы", 1871 г., XI. 326). Повидимому, здѣсь нѣтъ серьезныхъ противорѣчій, но какъ тогда согласить „показанія" и приведенное мѣсто письма съ другимъ мѣстомъ въ томъ же письмѣ и со свидѣтельствомъ Тургенева.

Между тѣмъ, въ дополнительныхъ показаніяхъ Надеждина находимъ: „Я никогда самъ не просилъ статей у г. Чадаева, и ѣздилъ къ нему въ первый разъ уже благодарить за ихъ присылку. Г. Чадаевъ также никогда не говорилъ мнѣ о своихъ опасеніяхъ на счетъ цензуры, если онъ ихъ имѣлъ, тѣмъ болѣе не просилъ меня о непомѣщеніи перваго письма. Что онъ самъ желалъ видѣть свои статьи напечатанными гдѣ бы то ни было, на что я имѣю свидѣтельство г. *Андросова*, издателя Московскаго Наблюдателя, который, послѣ уже напечатанія перваго письма, говорилъ самому мнѣ, что письма эти были въ редакціи его журнала, но онъ не рѣшился помѣстить ихъ и тѣмъ крайне огорчилъ г. Чадаева. Самъ же г. Чадаевъ говорилъ, что напротивъ редакція Наблюдателя просила у него эти письма и вызывалась напечатать первое съ тѣмъ только, чтобы вездѣ, гдѣ говорится о Россіи, не говорить: „*мы*", а выражаться неопредѣленно: „*нѣкоторые народы*", на что онъ г. Чадаевъ не согласился. Всѣ эти слова, которыя теперь пришли мнѣ на память, я могу подтвердить свидѣтелями".

Въ связи съ только что сдѣланной выноской, это показаніе можетъ давать очень большую вѣроятность разсказу Надеждина о полученіи „письма" и очень маленькую—показанію Чаадаева. Психологически это и понятно: Надеждину не надо было скрывать путей, которыми „письмо" попало въ печать—фактъ напечатанія его въ „Телескопѣ" былъ уже обвиненіемъ противъ него. Иначе стоялъ Чаадаевъ: доказавъ полное свое неучастіе въ передачѣ „письма", случайность его появленія именно для него самого, онъ значительно устранялъ себя отъ отвѣтственности за самое участіе въ широкомъ, печатномъ опубликованіи... У него не хватило силы удержаться на пути правды... Ниже мы встрѣтимся еще съ однимъ фактомъ въ жизни Чаадаева, который, какъ и эту ложь, хотѣлось бы вычеркнуть, если бы то было возможно и добросовѣстно, изъ біографіи этого замѣчательнаго человѣка...

Возвратимся къ его возраженіямъ Надеждину.

„Справедливо то, что когда Надеждинъ пришелъ ко мнѣ и говорилъ о впечатлѣніи, произведенномъ статьею, и о своемъ безпокойствѣ, то я въ утѣшеніе ему сказалъ, что князь Ѳоимъ Петровичъ Мещерскій, человѣкъ, извѣстный своимъ благомысліемъ и служащій при министрѣ просвѣщенія, взялъ у меня подлинникъ извѣстнаго письма, чего, вѣроятно, онъ бы не сдѣлалъ, если бы оно было вовсе непозволительнаго содержанія, и что г. кн. Мещерскому сказалъ я, съ нимъ прощаясь, что онъ можетъ съ этимъ письмомъ дѣлать, что ему угодно. Показывать

Далѣе въ письмѣ къ брату есть такое мѣсто: „наконецъ, дѣло все принадлежитъ издателю, а не сочинителю, *которому конечно не могло прійти въ голову явиться передъ публикою въ дурномъ переводѣ,* въ то время какъ онъ давнымъ давно пользовался на другомъ языкѣ, и даже не въ одномъ своемъ отечествѣ, именемъ хорошаго писателя". Тургеневъ же пишетъ Вяземскому: „Я совершенно согласенъ съ тобой во мнѣніи о Ч. и, узнавъ по пріѣздѣ изъ Симбирска, что *онъ отдалъ въ печать* (и уже было напечатано) письмо его"... („Остафьевскій архивъ", III. 345).

же это письмо г. министру просвѣщенія, а еще менѣе увѣдомилъ г. министра о предполагаемомъ напечатаніи онаго въ „Телескопѣ", князя Мещерскаго я никогда не думалъ просить и г. Надеждину объ этомъ ни слова не говорилъ".

„Какимъ образомъ г. Надеждину вздумалось, что я будто бы сказалъ ему, что графу Бенкендорфу извѣстны мои письма, этого я не понимаю. Вѣроятно, имя графа Бенкендорфа въ разговорѣ было мною произнесено, и такъ какъ я лично зналъ графа, то съ похвалою, но конечно больше ничего". [1] Трудно сказать, насколько все это безусловно вѣрно.

Въ дополнительныхъ показаніяхъ Надеждинъ еще говоритъ по тому же поводу:

„Г. Чадаевъ, при послѣднемъ свиданіи моемъ съ нимъ, бывшемъ послѣ выхода статьи, говорилъ мнѣ, что онъ крайне будетъ сожалѣть, если это происшествіе сдѣлаетъ вредъ мнѣ и цензору, но что онъ на этотъ разъ спокоенъ, проситъ успокоиться меня и успокоить г. Болдырева, что есть люди, которые имѣютъ голосъ и будутъ писать объ этомъ дѣлѣ въ Петербургъ. Изъ числа такихъ людей, онъ наименовалъ мнѣ, если не ошибаюсь, г. Тургенева, о которомъ я послѣ слышалъ, что онъ точно весьма жалѣетъ обо мнѣ и о цензорѣ, бранитъ Чадаева, что онъ ввелъ насъ въ такую бѣду; что, признаюсь, меня очень удивило, потому что я г. Тургенева лично никогда не видывалъ, а о статьяхъ его, напечатанныхъ въ журналѣ „Современникъ", въ моемъ журналѣ недавно былъ самый неблагопріятный отзывъ.

„Г. Чадаевъ никогда не просилъ меня о непечатаніи письма. Даже бывши у меня, говорилъ, что онъ имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія, что начальство рѣшилось, въ цензурномъ отношеніи, давать писателямъ болѣе возможности высказывать себя, дабы чрезъ то составить вѣрное понятіе о настоящемъ духѣ и образѣ мыслей".

Вотъ что отвѣчалъ на это Чаадаевъ: „Ни прежде, ни во время печатанія, я не видался съ г. Надеждинымъ, потому что онъ былъ боленъ; а видѣлся съ нимъ тогда, какъ статья была уже напечатана. Если я говорилъ о снисходительномъ расположеніи правительства въ отношеніи цензурномъ, то не основывался ни на какихъ вѣрныхъ свѣдѣніяхъ, а на статьяхъ журнальныхъ; а объ намѣреніи правительства дать высказать писателямъ свои мнѣнія, конечно, ничего не говорилъ.

„Очень вѣроятно, что я сказалъ г. Надеждину, что добрые люди за меня заступятся, потому что былъ въ этомъ тогда увѣренъ, и теперь еще увѣренъ; но при этомъ никого не имѣлъ въ виду; а о людяхъ съ голосомъ вовсе не говорилъ. О Тургеневѣ, который, какъ извѣстно, никакого голоса не имѣетъ, сказалъ я г. Надеждину одно то, что онъ въ перепискѣ со многими въ Петербургѣ, что его, вѣроятно, извѣстятъ, какое эта статья тамъ произведетъ дѣйствіе, и что я ему сообщу, что отъ Тургенева узнаю. Все это г. Надеждинъ страннымъ образомъ перепуталъ.

[1] Эти показанія Чаадаева напечатаны, но очень неисправно, съ копіи, въ „Вѣстникѣ Европы" 1871 г., XI, 329—330.

„Можетъ быть, говорилъ, что будутъ писать въ Петербургъ, и что поэтому узнаемъ, что тамъ говорятъ, но изъ этого никакого другого заключенія не выводилъ, и никакихъ надеждъ на это не имѣлъ, потому что совершенно зналъ, что никто мнѣній, изложенныхъ въ этой статьѣ, не раздѣляетъ".

И здѣсь, какъ видимъ, Чаадаевъ не отрицаетъ фактовъ...

На вопросъ, „что побудило васъ написать замѣчаніе, на первой страницѣ помѣщенное? Полагали ли вы дѣйствительно, издать въ журналѣ рядъ сихъ писемъ безъ затрудненія со стороны цензуры и какое имѣли на сей конецъ удостовѣреніе?" Надеждинъ отвѣчалъ: „Примѣчаніе, напечатанное подъ *первымъ* письмомъ, было написано мною первоначально для *третьяго*, которымъ, не имѣя еще въ рукахъ *перваго* письма, я хотѣлъ начать печатаніе. Впослѣдствіи, когда первое письмо было прислано, печатаніе началось съ него, это примѣчаніе безъ всякихъ перемѣнъ помѣщено было подъ нимъ, по виновному съ моей стороны небреженію, но которое происходило отъ ослѣпленія... По несчастію, примѣчаніе это, попавшись подъ *первое* письмо, бросаетъ теперь на меня самый невыгодный свѣтъ. Я не могу ничего сказать противъ этого; умоляю только обратить вниманіе на то, что самое простодушіе, съ какимъ оно написано, есть уже очевидное нравственное доказательство, что я не ожидалъ отъ письма г. Чадаева того ужаснаго впечатлѣнія, которое произведено имъ".

Теперь мы выслушаемъ Надеждина по самому для насъ кординальному вопросу: „какимъ образомъ могло укрыться отъ васъ вредное содержаніе означенной статьи; а если не могло, то какія причины побудили васъ къ напечатанію оной?"

Несомнѣнно, отвѣтъ на этотъ въ упоръ поставленный вопросъ особенно интересенъ прежде всего для характеристики Надеждина. Это такой вопросъ, гдѣ ему, при отсутствіи міровоззрѣнія, сходнаго съ „письмомъ" Чаадаева, и даже при убѣжденіяхъ, во многомъ діаметрально противоположныхъ, необходимо было ясно высказать свое политическое credo... И онъ его высказалъ.

„Вопросъ этотъ приводитъ меня въ крайнее затрудненіе; ибо теперь, смотря съ другой стороны на означенную статью, я чувствую, какъ странно и даже не вѣроятно должно казаться мое тогдашнее ослѣпленіе. Но Богомъ свидѣтельствуюсь, что до печатанія и во время печатанія, однимъ словомъ пока другіе не открыли мнѣ глазъ, я видѣлъ эту статью совершенно въ другомъ свѣтѣ. Сколько могу теперь разобрать и опредѣлить тогдашнее мое положеніе, причины, предрасположившія меня къ такому странному ослѣпленію, были слѣдующія:

„1. Совершенная довѣренность, которую сочинитель статьи, г. Чадаевъ, умѣлъ внушить мнѣ относительно чистоты и благонамѣренности своего образа мыслей. Въ предыдущихъ отвѣтахъ я уже имѣлъ честь объяснить, что первыя письма г. Чадаева, которыя я читалъ, были третье и четвертое, произведшія на меня самое благопріятное впечатлѣніе своимъ нравственно-религіознымъ направленіемъ. Особенно увлекло меня *третье* письмо, которое все говоритъ о *покорности*, объ *уничтоженіи личной воли человѣка*, о *безусловной преданности закону*, не нашимъ произволомъ выдуманному, а *внѣ насъ* на-

ходящемуся. [1] Въ этой покорности, въ этомъ самоуниженіи, въ этой безусловной преданности, авторъ письма полагаетъ послѣднюю степень совершенства человѣческаго и говоритъ, что человѣкъ, совершенно уничтожившій въ себѣ порывы личнаго своеволія, убившій свое *я*, на землѣ еще создаетъ для себя *небо*. Такія мысли, совершенно согласныя съ моими убѣжденіями, совершенно расположили меня въ пользу означенныхъ писемъ и ихъ сочинителя. Но всю мою довѣренность г. Чадаевъ выигралъ обольстительно-умнымъ и благонамѣреннымъ разговоромъ при свиданіи, которое я имѣлъ съ нимъ по прочтеніи этихъ двухъ писемъ. Съ такимъ одушевленіемъ говорилъ онъ противъ нынѣшняго состоянія западной Европы, которой, вмѣсто обольстительнаго призрака совершенства, угрожаетъ конечное разрушеніе; и все это приписывалъ охлажденію вѣры Христовой и нарушенію проповѣдуемой въ Евангеліи покорности. Съ восторгомъ переносился онъ въ тѣ времена, когда западная Европа была вполнѣ христіанскою и безусловно преданною Евангельскимъ идеямъ дѣтскаго смиренія, дѣтскаго повиновенія, и называлъ эти времена золотыми вѣками Европейской исторіи, особенно эпоху крестовыхъ походовъ. Этотъ разговоръ, признаюсь, очаровалъ меня, сколько потому что согласовался съ моими собственными мыслями, столько и потому что мнѣ крайне пріятно было встрѣтить неожиданно человѣка, до такой степени проникнутаго христіанскими чувствами долга и покорности, не смотря на его иноземное, или какъ говорятъ *европейское* образованіе. Объ Россіи г. Чадаевъ при этомъ случаѣ говорилъ съ сожалѣніемъ, что особенно въ такъ называемомъ образованномъ нашемъ классѣ вѣра не имѣетъ той силы, какая необходима для истиннаго просвѣщенія. И въ этомъ отношеніи я также соглашался съ нимъ до нѣкоторой степени; ибо зналъ по опыту, какое малое участіе принимаетъ еще религія въ нашемъ образованіи... *Подъ державою нынѣ благополучно царствующаго Монарха, при новомъ образованіи училищъ, религія поставлена во главу и основаніе просвѣщенію.* [2] Но четырехлѣтняя служба моя при Московскомъ Университетѣ въ званіи профессора, сопровождавшаяся визитаціею училищъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, показала мнѣ, какъ слабо еще у насъ самые наставники Закона Божія понимаютъ всю важность своего высокаго служенія. Въ свое время я доносилъ объ этомъ университету, съ предложеніемъ мѣръ, которыя, по моему мнѣнію, слѣдовало бы внушить для дальняго преподаванія Закона Божія; и эти мѣры удостоились одобренія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, были потомъ введены какъ правила во всемъ Московскомъ Учебномъ Округѣ. Я беру смѣлость упомянуть здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ для того, чтобъ показать причины, по которымъ я соглашался съ г. Чадаевымъ въ бывшей недостаточности нашего религіознаго образованія. Что касается до гражданскаго устройства въ нашемъ отечествѣ, въ томъ же разговорѣ г. Чадаевъ изъявлялъ крайнее негодованіе противъ тѣхъ *мнимо-просвѣщенныхъ* людей, ко-

[1] Сбоку этой фразы рукой Уварова написано: „это все находится въ катехизисѣ“.

[2] Курсивъ мой.

торыя осмѣливаются мечтать о какихъ то *европейскихъ* формахъ гражданскаго быта. Здѣсь онъ говорилъ съ большою силою и отчетливостію, что эти мнимыя *европейскія* формы совсѣмъ не суть европейскія, а искаженіе, передразниваніе Англійскаго порядка вещей, который въ Англіи былъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, принадлежавшихъ собственно одной этой странѣ, почему и не можетъ быть свойственъ никакимъ другимъ государствамъ. Это доказывалъ онъ безпрестанными волненіями нынѣшней Франціи, устроившейся по Англійскому образцу, и еще болѣе плачевнымъ примѣромъ Испаніи, которой единственнымъ спасеніемъ, по его словамъ, должно быть самодержавіе Донъ-Карлоса. Что касается собственно до Россіи, то онъ съ торжествомъ показалъ мнѣ мѣсто въ новомъ сочиненіи Раумера объ Англіи, гдѣ этотъ просвѣщенный германецъ такъ возвышенно говоритъ о священной особѣ Государя Императора; далъ мнѣ книгу и совѣтовалъ перевести это мѣсто для журнала, что я и сдѣлалъ. *Переводъ этотъ напечатанъ въ той же 15 книгѣ, гдѣ и первое письмо.* [1]

„2) Признаюсь съ перваго прочтенія письма отъ меня не укрылся рѣзкій тонъ, которымъ авторъ его унижаетъ народъ Русскій, отрицаетъ у него прошедшее, говоритъ, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами, и пр. Я очень понимаю, что такіе отзывы должны оскорбить нашу *народную гордость.* [2] Но я имѣлъ, можетъ быть, странное, но тѣмъ не менѣе чистое и самое благонамѣренное убѣжденіе, что для блага нашего отечества не только полезно, но даже необходимо противодѣйствовать гордости въ собственномъ смыслѣ *народной.* Осмѣливаюсь испрашивать благосклоннаго и снисходительнаго вниманія на рядъ мыслей, породившихъ во мнѣ такое убѣжденіе. Я долженъ изложить ихъ съ нѣкоторою подробностью; потому что здѣсь дѣло идетъ о тайнахъ моей души, *потому что это будетъ моя торжественная исповѣдь, какъ передъ судомъ Божіимъ.* [3] Если я ошибался то ошибка моя была заблужденіе ума, а не сердца. Начинаю съ исторіи моего образованія. Я посвятилъ съ дѣтскихъ лѣтъ жизнь мою наукамъ. Мое первое воспитаніе было духовное, богословское, классическое. Кончивъ курсъ наукъ въ высшемъ духовномъ училищѣ, я получилъ твердый, логическій установленный образъ мыслей, состоявшій въ чистомъ религіозномъ воззрѣніи на вещи, въ безусловной преданности отеческимъ нравамъ, вѣрѣ, державной власти, и въ совершеннѣйшей увѣренности, что нѣтъ и не можетъ быть другого просвѣщенія, кромѣ сознательнаго благоговѣнія къ Богу, Престолу, Отечеству. Какъ же я былъ изумленъ, когда, принужденный обстоятельствами вступить въ такъ называемый свѣтъ, съ которымъ дотолѣ не имѣлъ никакого сообщенія, я увидѣлъ, что есть другой образъ мыслей о просвѣщеніи, о благѣ, объ усовершенствованіи? До тѣхъ поръ я весьма неопредѣленно зналъ послѣднія событія, впродолженіе сорока лѣтъ случившіяся въ Западной Европѣ,

[1] Курсивъ мой.
[2] Рукою Уварова: „только?"
[3] Курсивъ мой.

не читалъ никакихъ новыхъ книгъ, даже худо зналъ французскій языкъ; почему все, идеи и даже языкъ такъ называемаго *европеизма* былъ для меня совершенною новостью. Чувствуя въ себѣ силы, я рѣшился изучить все это. Но основныя идеи мои были уже такъ тверды, что *европеизмъ* не могъ поколебать ихъ. Въ 1829 году, послѣ трехъ лѣтъ непрерывнаго, уединеннаго занятія, я нашелъ себя столько сильнымъ, что явился на литературное поле. Мои первыя статьи были напечатаны въ издававшемся тогда *Вѣстникѣ Европы*. Я возсталъ въ нихъ съ жаромъ противъ вреднаго направленія, обуявшаго нашу словесность подъ именемъ романтизма, и съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ *Московскій Телеграфъ*, бывшій тогда главнымъ органомъ новой европейско-романтической школы. И меня встрѣтили съ непріязнію, съ ругательствомъ; въ тогдашнихъ Московскихъ и Петербургскихъ журналахъ всѣ называли меня *вандаломъ*, *семинаристомъ*, *старовѣромъ*. Когда *Вѣстникъ Европы*, вслѣдствіе недостатка средствъ, принужденъ былъ прекратиться, я не хотѣлъ сходить съ поприща и испросилъ себѣ дозволеніе издавать свой журналъ. [1] *Направленіе мое было: противодѣйствовать ложнымъ, вреднымъ идеямъ, заносимымъ къ намъ съ Запада*, [2] и я былъ столько счастливъ, что въ концѣ 1831 года, Его Императорское Величество Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть объявить мнѣ чрезъ тогдашняго г. попечителя Московскаго университета князя Сергія Михайловича Голицына, чтобы я считалъ Его Величество въ числѣ подписчиковъ моего журнала. Такая неоцѣненная монаршая милость влила мнѣ новую бодрость. Смѣю указать на всѣ *мои* статьи, помѣщавшіяся въ „Телескопѣ“ и „Молвѣ“ въ 1831 и 1832 годахъ: *онѣ исполнены чистѣйшей преданности къ великому Государю и Отечеству, проникнуты глубочайшимъ негодованіемъ противъ такъ называемаго европейскаго, губительнаго просвѣщенія.* [3] Я велъ тогда газетную полемику съ *Московскимъ Телеграфомъ*; *и квасной патріотизмъ*, любимое выраженіе этого журнала, былъ особеннымъ предметомъ моихъ нападеній. [4] Не имѣя подъ руками ни одного изъ моихъ журналовъ, я не могу указать здѣсь этихъ статей, но осмѣливаюсь просить обратить на нихъ благосклонное вниманіе.

„Съ 1833 года [5] ревность моя въ изданіи журнала ослабѣла. Я вступилъ въ Московскій Университетъ профессоромъ; на меня возложено было множество должностей, кромѣ чтенія лекцій, такъ что я не имѣлъ возможности заняться

[1] Рукою Уварова: „съ симъ не могу согласиться, ибо г. Надеждинъ долженъ помнить мои словесныя съ нимъ объясненія въ 1833 году, о чемъ и доложено было тогда же Государю Императору“.

[2] Курсивъ мой.

[3] Курсивъ мой.

[4] Неясно. Надеждинъ нападалъ не на „квасной патріотизмъ“, котораго самъ былъ представителемъ, а на Полевого, заклеймившаго этимъ опредѣленный терминомъ циклъ понятій.

[5] Рукою Уварова: „съ 1832“.

журналомъ, какъ прежде. Отъ того впродолженіе 1833 и 1834 годовъ журналъ мой наполнялся больше статьями переводными. Въ 1835 году занятія университетскія до того разстроили мое здоровье, что я долженъ былъ оставить службу и, по предписанію врачей, ѣхать за границу, чтобы укрѣпить себя отдыхомъ и путешествіемъ. Въ это время журналъ мой издавался особою редакціею съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія. Путешествіе мое продолжалось семь мѣсяцевъ, до начала послѣдняго года, оно возвратило мнѣ здоровье и силы.

„Я рѣшился возстановить мой журналъ, пришедшій въ отсутствіе мое въ совершенный упадокъ, [1] сколько потому, чтобы обезпечить себѣ возможность существовать, столько и по желанію быть полезнымъ, трудиться для истиннаго блага и истиннаго просвѣщенія. *На этотъ разъ я рѣшился измѣнить нѣсколько способъ дѣйствованія, вслѣдствіе обдуманнаго убѣжденія.* [2] Прежде я возставалъ преимущественно противъ непатріотическаго уничиженія Россіи предъ, такъ называемою, Европою и старался доказывать, что мы русскіе во всемъ можемъ равняться съ европейцами, даже гордиться предъ ними. Но опытъ убѣдилъ меня, что этой мѣры недостаточно. Такъ называемые, просвѣщенные люди съ жалкой улыбкой называли меня *квраснымъ патріотомъ*, говорили: „да что онъ знаетъ? гдѣ онъ былъ? что видѣлъ?“. Другіе могли обратить противъ меня мое оружіе, могли сказать: „мы согласны, что русскій народъ великъ, что онъ уже созрѣлъ; значитъ, онъ имѣлъ всѣ права на участіе въ плодахъ европейской цивилизаціи!“ И, признаюсь, это послѣднее мнѣніе казалось мнѣ въ тысячу разъ гибельнѣе перваго; *потому что первое безпрестанно разрушается благодѣтельными попеченіями правительства, совершенствующаго Россію, а послѣднее въ плодахъ этихъ попеченій находитъ себѣ новое лишь питаніе.* [3]

„Вотъ почему я рѣшился, призналъ полезнымъ возставать противъ этой ложной *народной гордости* и убивать ея вредныя послѣдствія. Съ этой новой цѣлью я началъ нынѣшній годъ „Телескопа“ своею собственною статьею, подъ заглавіемъ: „*Европеизмъ и народность въ отношеніи къ русской словесности*“. Статья эта вылилась у меня въ первыя минуты возвращенія въ отечество. Я старался въ ней убить нашу литературную гордость, которая почитаетъ себя столько созрѣвшею, что нарочно усиливается поддѣлаться подъ болѣзненную дряхлость нынѣшней французской литературы. Въ этой статьѣ я утверждалъ, что мы даже не имѣемъ языка литературнаго, и потому, вмѣсто подражанія французамъ и вообще европейцамъ, должны смиренно заняться обработкою, созданіемъ

[1] Это, пожалуй, ближе выражаетъ убѣжденія Надеждина о редакціи Бѣлинскаго, помирившагося, напримѣръ, съ Полевымъ, чѣмъ его печатное заявленіе, что онъ „ласкаетъ себя надеждою, что и сами читатели по вышедшимъ книжкамъ и листамъ отдадутъ справедливость“ его добросовѣстной заботливости объ ихъ интересахъ въ свое заграничное путешествіе („Телескопъ“ 1835 г., декабрь).

[2] Курсивъ мой.

[3] Курсивъ мой.

чистаго русскаго языка, достойнаго великой державы, которая говоритъ имъ. Не имѣя подъ руками книжекъ, я не могу припомнить ничего опредѣленно изъ этой статьи; *но умоляю обратить благосклонное вниманіе особенно на ея заключеніе, которое вполнѣ обнаруживаетъ мои истинныя чувства, чувства, которыми я считаю себя въ правѣ гордиться, какъ истинный сынъ Россіи, какъ преданный слуга Русскаго Царя.* [1] Въ этой статьѣ я говорилъ о *народности*, противополагая ее ложному европеизму. Но самое имя *народность*, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, показалось мнѣ опаснымъ, способнымъ къ перетолкованію и выводу ложныхъ идей. Европейская атмосфера такъ внѣдряется во все, что заразила даже самый языкъ, исказила смыслъ слова. Извѣстно, какъ понимаютъ *народность* на Западѣ, въ какомъ духѣ произносятъ, проповѣдуютъ это слово. Тамъ народность означаетъ какую-то отдѣльную самобытность народа; и не во имя ли этой *народности*, этой безумной гордости, мечтающей о какой-то самобытности народа, совершаются тамъ безпрестанныя волненія? Вотъ почему я положилъ идти гораздо далѣе: убивать чувство всякой отдѣльной *народности* въ нашемъ отечествѣ, которое до сихъ поръ не иначе жило и сознавало себя, какъ въ своей самодержавной Главѣ, для котораго *народность* состояла всегда въ чадолюбивой покорности, которое, и впослѣдствіи, должно на перекоръ Европѣ, явить въ себѣ блистательный урокъ, какъ изъ святого единства самодержавія должно возникнуть образцовое, высочайшее *народное* просвѣщеніе, блаженство и слава. [2] Начало этому я сдѣлалъ уже и въ той вышепомянутой статьѣ, гдѣ между прочимъ старался развить ту мысль, что Россія не *Европа* и не должна быть Европой, что эта великая держава, обнимая седьмую часть земного шара, есть *особая часть свѣта*, которая должна и предназначена промысломъ развить изъ себя свою русскую цивилизацію, которая такъ же обновитъ дряхлую Европу, какъ за нѣсколько вѣковъ Европа въ лицѣ Греціи и Рима обновила дряхлую Азію. *Потомъ я составилъ себѣ слѣдующій идеалъ русской самобытной цивилизаціи.* [3] Мы, Русскіе, до сихъ поръ, благодаря просвѣщенію, не принимали никакого участія въ ходѣ и волненіяхъ Западной Европы; мы составляемъ еще великое патріархальное семейство, въ тѣхъ частяхъ, первобытныхъ формахъ, какія самъ Господь изрекъ для перваго рода человѣческаго. Мы дѣти одного Отца Отечества, который печется о насъ и правитъ нами съ отеческою любовію и съ отеческимъ самодержавіемъ. Всѣ народы начали свою исторію съ того же самаго состоянія, которое есть единственно свойственное чело-

[1] Курсивъ мой.

[2] Могу себѣ представить удивленіе всѣхъ тѣхъ, кто до сихъ поръ считалъ Надеждина „поборникомъ народности", конечно, разумѣя въ понятіи послѣдней далеко не то, что такъ откровенно высказалъ здѣсь онъ самъ. См., напримѣръ, замѣтку г. Каллаша въ декабрьской книжкѣ „Русской Мысли" 1904 года. Подивился бы и покойный Пыпинъ. И въ самомъ дѣлѣ, при свѣтѣ этого откровенія видишь, какъ не понимали надеждинскія статьи 1836 г., особенно господа „народники".

[3] Курсивъ мой.

вѣческой природѣ: семья разумныхъ существъ людей есть по натурѣ своей монархія; только безсмысленныя животныя бродятъ непокорными, непослушными никому стадами. Но прочіе народы вышли изъ этого состоянія, растеряли свои силы въ буйномъ своеволіи и погибли въ болѣзненныхъ судорогахъ преждевременной старости. Такъ погибла Греція; такъ погибъ Римъ; такъ, безъ сомнѣнія, погибаетъ и всякій народъ, свергнувшій съ себя патріархальную власть отеческаго самодержавія, задумавшій жить самъ собой, безъ послушанія, въ состояніи звѣрей. Въ нашемъ любезномъ отечествѣ эта благодатная семейность сохраняется цѣлою и дѣвственною; но *европеизмъ* угрожаетъ ей своими тлетворными внушеніями. Чѣмъ же поддержать, упрочить это спасительное состояніе? Убѣжденіемъ, что *народъ* самъ по себѣ ничего не значитъ, что онъ имѣетъ смыслъ и значеніе только въ своей Главѣ, что всякое чувство отдѣльной самобытности есть для него гибель, что только въ дѣтскомъ смиреніи, въ дѣтскомъ самоуничиженіи, въ дѣтскомъ отреченіи отъ всѣхъ притязаній произвола, въ дѣтскомъ повиновеніи мудрому, попечительному промыслу родителя заключается его спасеніе, блаженство, сила. И какой другой народъ ближе къ этому высокому идеалу семейной цивилизаціи, какъ не русскій, который до сихъ поръ не переставалъ быть согласной, единодушной, безусловно покорной семьей, семьей дѣтей, конечно со свойственными дѣтямъ недостатками, но зато съ какими же надеждами? Съ такими, какихъ не имѣть ввѣкъ дряхлымъ европейскимъ народамъ, прожившимъ свои силы въ исканіи мнимой самобытности, въ желаніи пожить своимъ умомъ, своей волей!— „Но, говорятъ, мы ужъ не дѣти; мы давно выросли, созрѣли!"—Когда-жъ?— „Мы имѣемъ тысячу лѣтъ исторіи!"—Пусть европейцы хвалятся своими тысячелѣтними исторіями; онѣ имъ стоили и будутъ еще стоить много. Наша исторія не есть исторія *народа*, а исторія добрыхъ, мудрыхъ *царей*, въ которыхъ мы жили и должны жить всегда. Эта исторія не длинна: введеніе сдѣлалъ въ ней Іоаннъ; началъ ее вполнѣ Петръ, продолжаютъ его августѣйшіе преемники. Исторію нашу мы должны дѣлить не по періодамъ *народной* жизни, а по *царствованіямъ*, представляющимъ со временъ Петра непрерывную лѣстницу благодѣяній царей и блаженства подданныхъ. Европейцы въ своей исторіи ищутъ и находятъ разнородныя стихіи, изъ боренія которыхъ составилась общественная жизнь ихъ. У насъ не было этихъ стихій, у насъ нѣтъ ихъ, и дай Богъ, чтобъ никогда не было! У насъ одна вѣчная неизмѣнная стихія: Царь! Народъ русскій существуетъ только въ своемъ царѣ; безъ него это рядъ нулей; съ этой державной единицей нули превращаются въ билліонъ. *Вотъ мой символъ вѣры!* [1] Если я ошибался, если это мечта, то, по крайней мѣрѣ, источникъ ихъ чистъ и святъ. Словомъ: я объявилъ себя врагомъ собственно *народной гордости*, потому, что считалъ и теперь считаю ее несовмѣстною съ истиннымъ назначеніемъ народа русскаго, который долженъ гордиться собой только въ державной главѣ своей.

[1] Сбоку всего этого, начиная отъ предыдущаго курсива, Уваровъ написалъ: „какъ согласить это съ письмомъ Чаадаева?" Курсивъ мой.

При этомъ расположеніи духа и образѣ мыслей я читалъ письмо г. Чадаева. Я уже имѣлъ честь объяснить всѣ обстоятельства, предрасположившія меня въ пользу автора. И, признаюсь въ моемъ ослѣпленіи, рѣзкій, унизительный тонъ, которымъ онъ говоритъ о *народѣ* русскомъ, показался мнѣ согласнымъ съ моею цѣлію...

„И мое ослѣпленіе было тѣмъ естественнѣе, что г. Чадаевъ, говоря унизительно о *народѣ* Русскомъ, явно отдѣляетъ отъ народа *державную власть царей*, видя въ ней напротивъ единственное начало совершенства для народа, который самъ по себѣ ни къ чему не способенъ. [1] Такъ какъ я предполагалъ вслѣдъ за этимъ письмомъ немедленно помѣстить слѣдующее, гдѣ авторъ говоритъ о *покорности*, какъ о единственномъ условіи *существованія на землѣ царства Божія*, то я имѣлъ безразсудство думать, что оскорбленіе, нанесенное гордости *народа*, разсматриваемаго въ отдѣльности, будетъ имѣть полезное слѣдствіе, приведя къ тому неизбѣжному результату, что ничтожество наше должно получать значеніе, силу и достоинство не чрезъ сознаніе своего равенства съ Европою, а чрезъ нравственное религіозное образованіе, котораго первое основаніе есть христіанская покорность. [2]

„3. Наконецъ, при всемъ этомъ, я предчувствовалъ, что статья, написанная такимъ рѣзкимъ тономъ, должна непремѣнно возбудить во многихъ неудовольствіе и родить горячія опроверженія. Я ожидалъ этихъ опроверженій; и у меня уже были готовы въ мысли отвѣты, которые бы повели меня прямо къ цѣли. Я знаю, что могли сказать: „Но развѣ народъ Русскій не стоитъ уже на блистательной степени совершенства и въ отношеніи къ тому, что есть лучшаго въ западной Европѣ? Развѣ у насъ не процвѣтаютъ науки, искусства, торговля, промышленность? Развѣ съ каждымъ днемъ не умножаются школы, фабрики, полезныя и благотворительныя заведенія?“—Я готовъ былъ на это отвѣчать: „Такъ! все это правда. Но кто далъ намъ это? Сами ли мы? У насъ процвѣтаютъ науки, искусства, торговля, промышленность нашихъ самодержавныхъ Монарховъ! Всему этому насильно, противъ нашей воли, положилъ основаніе великій Петръ, который, чтобы принудить насъ учиться и работать, самъ своими державными руками строилъ корабли, ковалъ желѣзо! Петръ создалъ наше бытіе; Екатерина украсила его; Александръ возвеличилъ; Николай ведетъ далѣе къ совершенству!“ Я бы развилъ еще сильнѣе, еще ярче ту мысль, которая была уже высказана въ одной изъ послѣднихъ книжекъ моего журнала, по поводу посѣщенія Нижегородской ярмарки Его Величествомъ Государемъ Императоромъ: ту мысль, что если мы богатѣемъ съ часу на часъ, если промышленность наша идетъ исполинскими шагами, капиталы растутъ, торговля проникаетъ въ отдаленнѣйшія глубины Азіи, такъ это потому, что мудрый, великій Государь самъ зоветъ насъ, прокладываетъ

[1] Рукою Уварова: „коварно“.

[2] Мнѣ кажется, что все, сказанное Надеждинымъ въ этомъ 2-мъ пунктѣ, сказано съ почти полною чистосердечностью. Онъ, дѣйствительно, думалъ такъ.

пути къ обогащенію, и потомъ опять самъ же насъ изволитъ награждать, если мы обогащаемся согласно съ его намѣреніями. Я бы повторилъ еще громче превосходныя слова Раумера, помѣщенныя въ той же самой книжкѣ, гдѣ и письмо г. Чадаева, что у насъ въ Россіи *„одинъ центръ всего*, и этотъ центръ есть нашъ Императоръ, въ священной особѣ котораго соединены всѣ великія государственныя способности" (стр. 386). И потомъ я бы высказалъ съ новою силою мою задушевную мысль, что *народъ* Русскій самъ по себѣ *ничто*, что онъ ничего для себя не сдѣлалъ и сдѣлать не можетъ, что онъ не долженъ гордиться собой и надѣяться на себя; но что у него есть другая высшая надежда, благороднѣйшая гордость: она заключается въ его Царѣ, который въ себѣ соединяетъ всю Россію, носитъ ея просвѣщеніе, силу, блаженство! [1]

„Этимъ рядомъ мыслей и чувствованій, въ соединеніи съ вышеизложенными обстоятельствами, я увлеченъ былъ къ напечатанію статьи г. Чадаева и введенъ въ совершенное ослѣпленіе на счетъ ея содержанія, такъ что не ожидалъ отъ ней никакихъ другихъ впечатлѣній, кромѣ изъясненныхъ выше. Но теперь съ глубочайшею горестію вижу, какъ жалко я ошибся. Взятая отдѣльно, безъ связи съ другими письмами, статья эта можетъ только возмущать, оскорблять, производить справедливое негодованіе; безъ заключенія, которое я предполагалъ изъ ней вывесть, она осталась отвратительнымъ чудовищемъ, котораго я самъ содрагаюсь; и я отдалъ бы жизнь свою, чтобъ не видѣть ее никогда, не только связать съ ней мое до сихъ поръ чистое безукоризненное имя. [2]

„Беру смѣлость присовокупить здѣсь еще нѣсколько словъ о томъ мѣстѣ письма, гдѣ авторъ говоритъ, что мы заимствовали первыя сѣмена умственнаго и нравственнаго просвѣщенія у растлѣнной, презираемой всѣми народами Византіи. Эту выходку я имѣлъ несчастіе понимать не относительно православнаго Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія, [3] въ которомъ я родился и къ которому не переставалъ изъявлять глубочайшаго уваженія въ самомъ моемъ журналѣ, даже, кажется, въ 14 книжкѣ нынѣшняго года, по поводу *Писемъ о Богослуженіи Восточной Церкви* г. Муравьева. Понималъ же я эти слова въ отношеніи къ

[1] Этому тоже, зная образъ мыслей Надеждина, врядъ ли можно не повѣрить.

[2] Въ другомъ мѣстѣ показаній Надеждинъ разсказываетъ, что „письмо *третье*, которое предполагалось къ помѣщенію въ 17 книжкѣ журнала, г. Болдыревъ, уже узнавшій непріятное впечатлѣніе, произведенное *первымъ*, не рѣшился пропустить самъ, а представилъ предварительно въ корректурныхъ листахъ къ г. Попечителю Московскаго Университета, который, по прочтеніи, сказалъ, что статьи этой нельзя пропустить безъ позволенія духовной цензуры. Чувствуя, какъ важно для меня скорѣйшее помѣщеніе этого письма, объясняющаго духъ и направленіе автора, я самъ лично просилъ г. Попечителя о дозволеніи напечатать его безъ духовной цензуры, по той причинѣ, что содержаніе его не имѣло въ себѣ ничего богословскаго и церковнаго, а есть философически-религіозное; почему представленіе его въ духовную цензуру нисколько не нужно... Г. Попечитель, хотя и соглашался со мной, что это *третье* письмо должно убить впечатлѣніе *перваго*, но остался при своемъ рѣшеніи".

[3] Рукою Уварова: „Семинаристъ и Профессоръ!"

умственнымъ понятіямъ и нравственнымъ обычаямъ, которые мы также заимствовали у Византіи, и въ самое жалкое время ея существованія. [1] Дѣйствительно въ тѣ вѣка, когда мы послѣ принятія христіанства находились въ тѣснѣйшихъ, исключительныхъ сношеніяхъ съ Византіею, Греческая Имперія находилась въ крайнемъ невѣжествѣ и варварствѣ, которыя потомъ и довели ее до конечной гибели. Что мы заняли у Византіи многіе варварскіе обычаи, свидѣтельствуетъ исторія; Карамзинъ утвердительно говоритъ, что обычай выжигать глаза занятъ былъ нашими предками у Грековъ; фанатическая ненависть, возродившаяся между Востокомъ и Западомъ вслѣдствіе раздѣленія церквей, также намъ передана Византійцами. Греки до того ненавидѣли западныхъ христіанъ, что предпочитали лучше отдаться Туркамъ, чѣмъ прибѣгнуть къ ихъ помощи. И у насъ до времени великаго преобразователя Россіи Паписты и Лютеране считались хуже Жидовъ и Татаръ. Петръ, чтобы побѣдить эту вредную ненависть, неоднократно упрекалъ Русскихъ своихъ подданныхъ, что они коснѣютъ въ фанатизмѣ, который довелъ Грековъ до конечнаго разрушенія. Этотъ-то фанатизмъ, мнѣ казалось, имѣлъ въ виду авторъ письма, говоря, что мы приняли отъ Византіи „идею, искаженную человѣческою страстью“, и вслѣдствіе того были оторваны отъ всемірнаго христіанскаго братства, которое должно существовать несмотря на различіе вѣроисповѣданій и нынѣ дѣйствительно существуетъ. Касательно же тѣхъ словъ, что „мы не тронулись съ мѣста, когда западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ“ и что не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства, то весь предыдущій рядъ мыслей показываетъ, что онъ разумѣетъ здѣсь возрожденіе наукъ и искусствъ въ Европѣ, совершившееся, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ духовенства. [2] Вообще, хотя я и зналъ пристрастіе г. Чадаева къ католицизму, но никакъ не предполагалъ въ немъ нелѣпаго желанія унижать предъ нимъ Греко-Россійское вѣроисповѣданіе, тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ началѣ своего письма положилъ за основаніе, что „ученіе, основанное на высшемъ началѣ единства и на прямой передачѣ истины священно-служителями безусловно слѣдующими одинъ за другимъ, совершенно согласно съ истиннымъ духомъ религіи“ (стр. 277). А таково именно ученіе православной Греко-Россійской Церкви“.

На другой вопросъ Надеждинъ отвѣчалъ по тому же поводу: „Оправдываться въ напечатаніи означенной статьи теперь я не смѣю и помыслить, зная впечатлѣніе, произведенное ею, впечатлѣніе, котораго я уже не могу изгладить, какъ прежде имѣлъ безразсудство предполагать, я сознаю вполнѣ всю виновность моей неосторожности. Но окончательно убиваетъ меня та мысль, что напечатаніе этой статьи огорчило отеческое сердце Государя Императора; это, передъ моею совѣстью, обращаетъ сдѣланную мной неосторожность въ самое тяжкое преступленіе, такое преступленіе, для заглаженія котораго я считаю всю жизнь мою

[1] Тому, что Надеждинъ не понялъ мѣста, гдѣ собственно похвалялся католицизмъ, можно охотно вѣрить: пусть читатель вчитается въ него (оно было приведено выше).

[2] Рукою Уварова: „неправда“.

недостаточною. Если я могу еще что позволить себѣ, такъ увѣреніе въ отсутствіи всякой злонамѣренности при помѣщеніи этой статьи. Призываю сердцевѣдца Бога въ свидѣтели чистоты души моей, которая вся исполнена любви къ Отечеству и безусловной преданности великому Государю. Я не могу представить другихъ доказательствъ этой чистоты, кромѣ моей прежней безпорочной жизни и службы, равно какъ и всѣхъ моихъ собственныхъ сочиненій, печатанныхъ какъ въ моемъ журналѣ, такъ и въ другихъ изданіяхъ. [1] Но это доказательства нравственныя: они не рождаютъ довѣренности; имъ даетъ силу довѣренность, которой я имѣлъ несчастіе лишиться. Итакъ всю надежду моего оправданія возлагаю только на Бога и на милосердіе Монарха".

Наконецъ, въ дополнительныхъ показаніяхъ, данныхъ спустя нѣсколько дней послѣ вышеприведенныхъ, находимъ еще объясненія:

„Внѣшнихъ побужденій къ напечатанію статьи я не имѣлъ никакихъ другихъ, кромѣ желанія заинтересовать вниманіе публики *и тѣмъ дать ходъ журналу.* [2] Зная извѣстность и вѣсъ автора въ высшемъ обществѣ, я ожидалъ впечатлѣнія отъ самого имени его, котораго онъ нисколько не думалъ скрывать, хотя и не подписалъ подъ статьею. Отъ того же г. Андросова слышалъ я, что г. Чадаевъ, еще до напечатанія статьи, разглашалъ вездѣ, что онъ участвуетъ въ моемъ журналѣ и будетъ помѣщать въ немъ свои сочиненія. Такой авторитетъ для извѣстности и хода журнала, конечно, могъ быть выгоденъ. Что же касается до вредныхъ послѣдствій, то я никакъ не ожидалъ ихъ, предоставляя себѣ немедленно сдѣлать на эту статью возраженіе и тѣмъ, изгладивъ дурныя впечатлѣнія, *поддержать вмѣстѣ занимательность журнала.* [3] Но этому воспрепятствовало рѣшеніе г. попечителя графа Строганова, который приказалъ, чтобы объ этой статьѣ ничего нигдѣ помѣщаемо не было. [4] Почему я ограничился приготовленіемъ особой статьи *„о народной гордости"*, которая написана въ томъ же духѣ, какъ и послѣднее мое возраженіе, [5] только безъ всякаго отношенія къ письму. Статья эта, по причинѣ запрещенія журнала, не вышла въ свѣтъ. Кромѣ внѣшнихъ разсчетовъ журналиста, чтобы дать ходъ журналу, имѣлось въ виду еще и то, что, растрогавъ вниманіе публики, обращу и тѣмъ съ живѣйшимъ участіемъ и на собственныя мои мысли, состоящія въ рѣшительномъ противорѣчіи съ статьею г. Чадаева. Въ этомъ послѣднемъ я чувствовалъ тѣмъ большую нужду, что до сихъ поръ всѣ патріотическія мои мысли, которыми я имѣю полное право гордиться и которыя уже осчастливлены лестнымъ одобреніемъ начальства: *или вовсе не обращали на себя вниманія, или въ нѣкоторыхъ возбуждали презрительные отзывы въ посмѣяніе мнѣ.* [6] А что

[1] Рукою Уварова: „противъ этого могъ бы я сказать многое".
[2] Курсивъ мой.
[3] Курсивъ мой.
[4] Раньше приказанія Уварова.
[5] Т.-е. не напечатанная статья.
[6] Курсивъ мой.

я не скрывалъ этихъ мыслей, тому доказательствомъ могутъ служить всѣ мои собственныя статьи: нѣтъ строчки въ послѣднемъ моемъ возраженіи, которое удостоилось такого благосклоннаго вниманія, гдѣ бы содержалась мысль, не высказанная уже мной, иногда нѣсколько разъ, въ журналѣ.

„Однимъ словомъ: я считаю себя непростительно виноватымъ въ напечатаніи *статьи дикой, нелѣпой, чудовищной, наполненной грубыми клеветами и оскорбительными дерзостями;* [1] но увѣряю по сущей правдѣ и совѣсти, какъ предъ судомъ Божіимъ, что это сдѣлано было безъ всякой обдуманной злонамѣренности, вслѣдствіе непостижимаго для самого меня ослѣпленія. Это Божій гнѣвъ, небесное наказаніе! Вся прошедшая моя жизнь свидѣтельствуетъ чистоту моего образа мыслей и благонамѣренность чувствъ; будущее докажетъ всю глубину моего раскаянія въ этомъ гибельномъ ослѣпленіи, на заглажденіе котораго посвящу я всю мою жизнь, всѣ способности, данныя мнѣ Богомъ, и всѣ средства, полученныя отъ образованія“.

Теперь есть уже возможность ознакомиться съ тѣми двумя статьями, которыя Надеждинъ написалъ по поводу „Философическаго письма“, но не имѣлъ возможности напечатать, благодаря сначала запрещенію отвѣчать Чаадаеву, потомъ — закрытію журнала. Онѣ настолько характерны для редактора „Телескопа“, что, не считая возможнымъ дѣлать изъ нихъ извлеченія, я привожу ихъ полностью въ IV приложеніи и особенно рекомендую вниманію читателя. [2]

II.

Изъ всего этого очень пространнаго и весьма интереснаго „показанія“ намъ теперь совершенно ясно, почему Надеждинъ, — тотъ самый Надеждинъ, котораго мы узнали на страницахъ этой работы, а не изъ дифирамбовъ ему нѣкоторыхъ другихъ историковъ литературы, рѣшился помѣстить „письмо“ Чаадаева. Во-первыхъ, для этого не надо было вовсе никакой сколько-нибудь значительной рѣшимости: издатель „Телескопа“, *не понявъ* настоящаго смысла статьи, думалъ подчеркнуть ею еще разъ свою приверженность существовавшему въ его время порядку вещей. Во-вторыхъ, онъ былъ увѣренъ, что цензурное вѣдомство, зная его за человѣка безусловно благонамѣреннаго, дастъ ему возможность такъ отвѣтить Чаадаеву, чтобы уже не было никакихъ сомнѣній въ его собственномъ „усердіи“ славословить николаевскую систему. Въ-третьихъ, при убѣжденіи во всемъ только-что сказанномъ, онъ, какъ ловкій человѣкъ, намѣревался привлечь къ журналу вниманіе и враговъ и друзей этой системы...

Вотъ почему приходится вполнѣ согласиться съ заявленіемъ И. И. Ива-

[1] Курсивъ мой.

[2] Статьи эти опубликованы г. Козьминымъ въ августовской книжкѣ „Русской Старины“ 1907 года съ подлинниковъ автора.

нова:—„во всякомъ случаѣ, редакторъ „Телескопа“ пострадалъ не за либерализмъ. „Письмо“ обѣщало шумъ, и шуму, дѣйствительно, произошло даже больше, чѣмъ можно было ожидать. Журналъ, конечно, выигрывалъ, и, естественно, редакторъ подвергся сильному соблазну“ [1] Это вполнѣ правильное пониманіе факта, доказанное теперь, какъ видѣлъ читатель, документами.

Не вполнѣ правъ г. Венгеровъ, но и онъ стоитъ на болѣе правдоподобной почвѣ, чѣмъ Пыпинъ. Послѣдній говоритъ, что Надеждинъ „хотѣлъ какъ-нибудь поправить дѣло и употребилъ чаадаевскую статью, какъ героическое средство: онъ хотѣлъ или „оживить свой дремлющій журналъ, или похоронить его съ честью“ [2]

На это г. Венгеровъ возражаетъ: „Это глухое, ничѣмъ документальнымъ не подтвержденное, указаніе не только мало достовѣрно, оно даже не правдоподобно. [3] Въ тѣ времена всегда *намѣренное* дерзновеніе наказывалось безконечно строго, и если Надеждинъ отдѣлался сравнительно легко, то именно потому, что всѣмъ было ясно, что тутъ умысла не было. [4] Кромѣ того, нужно совсѣмъ забыть о реальномъ Надеждинѣ, чтобы даже на одну минуту допустить, что этотъ расчетливѣйшій и осторожнѣйшій практикъ и карьеристъ былъ способенъ на такой безумный планъ. Да при томъ тутъ даже и расчета никакого не было, потому что въ тѣ годы, когда волна декабризма совершенно замерла, а настроеніе 40-хъ годовъ еще не начиналось, даже и спроса никакого не было въ обществѣ на оппозиціонное и запретное. [5] Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что „философическое письмо“ первоначально взволновало и возмутило не административныя сферы, а общество, и сыръ-боръ разгорѣлся только тогда, когда изъ среды московскаго общества послѣдовалъ доносъ извѣстнаго Вигеля. [6] Если, наконецъ, ознакомиться съ самымъ „письмомъ“, то станетъ тоже вполнѣ яснымъ, что Надеждину эта очень умная и блестящая, хотя и не глубоко задуманная статья могла, конечно, показаться пикантной и способной оживить въ публикѣ интересъ къ журналу, но никакъ не чреватой такими послѣдствіями, какія она повлекла за собою“ [7]

Несмотря на массу ошибокъ, выводъ, все-таки, правиленъ.

Теперь намъ необходимо остановиться на результатахъ показаній Надеждина и Болдырева о томъ, какъ „письмо“ миновало цензурную заставу.

[1] „Исторія русской критики“, ч. I—II, Спб. 1898 г., 361—362.

[2] „Бѣлинскій etc.“ I, 154.

[3] Слова, взятыя Пыпинымъ въ кавычки, въ точно такомъ же видѣ, въ видѣ буквально сказанныхъ Надеждинымъ, помѣщены въ письмѣ Чаадаева къ брату („В. Европы“, 1871 г. XI, 327).

[4] Умыселъ, какъ мы видѣли, былъ, но не злостный, съ точки зрѣнія цензуры.

[5] Разъ самъ Надеждинъ заявляетъ о разсчетѣ, то ужъ, несомнѣнно, онъ былъ. Напрасно думаютъ, что Сибирь и Кавказъ впитали въ себя всю оппозицію, родившую событія декабря 1825 года. Ужъ очень бы тогда проста была и человѣческая психологія и сама оппозиція... Взглядъ этотъ, впрочемъ, высказывался не однимъ г. Венгеровымъ... Почему же Герценъ такъ „сумасшествовалъ“ послѣ статьи Чаадаева?...

[6] Мы уже знаемъ, что все это не такъ.

[7] „Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“, Спб. I., 1900 г., 404—405.

По этому поводу намъ предстоитъ тоже опровергать лживую легенду, разсказанную Буслаевымъ, о томъ, что будто бы цензура „письма“ держалась Болдыревымъ во время карточной игры съ университетскими дамами; что Надеждинъ устроилъ цѣлый походъ на разсѣянность заигравшагося цензора и т. д., и т. д. [1]

Все это совершенный вздоръ. Самъ Болдыревъ вовсе не обвиняетъ Надеждина въ какихъ бы то ни было недобросовѣстныхъ поступкахъ и единственно, что ставитъ ему въ вину, это присылку статьи въ корректурѣ какъ разъ въ тѣ дни, когда онъ былъ особенно занятъ и по должности ректора университета и по обязанности профессора. Правда, онъ еще очень недоволенъ, что когда, дней черезъ 10—14 послѣ выпуска 15-й книжки, онъ кинулся къ Надеждину съ просьбой пріостановить ея разсылку и перепечатать „письмо“ или замѣнить его чѣмъ-нибудь, то Надеждинъ сказалъ, что уже поздно. Но это и понятно. Если бы Надеждинъ могъ что-нибудь сдѣлать, то, конечно, сдѣлалъ бы, потому что самъ уже слышалъ такой шумъ и гвалтъ, на который никакъ не расчитывалъ. Наконецъ, если бы Надеждинъ и дѣйствительно употребилъ какую-нибудь хитрость для пропуска „письма“, то врядъ ли можно было ставить ему это въ вину: гнетъ цензуры самъ рождаетъ хитростъ и ловкость писателей...

III.

Когда слѣдственная комиссія закончила разсмотрѣніе показаній, Уваровъ представилъ ей 19 ноября „Выписки изъ „Телескопа“ 1835 и 1836 годовъ“, доказывавшія, по его утвержденію, что „духъ сего изданія былъ *всегда дуренъ*, а редакторъ всегда подозрителенъ“.

Я не буду приводить здѣсь этотъ весьма пространный документъ, неизвѣстно—чьей услужливой рукой написанный: это заняло бы слишкомъ много мѣста и ужъ очень отвлекло бы читателя въ мелочи. Скажу о немъ лишь нѣсколько словъ.

Выписки подраздѣляются на отдѣлы: первый — „Отзывы о русскихъ“, второй—„О Парижѣ“, третій—„Замѣчательное по прикосновенности къ религіи“, четвертый—„Замѣчательное по прикосновенности къ политическому вольнодумству“, пятый—„Образецъ сужденій объ юной словесности. Одобреніе безнравственности и безстыдства“, шестой—„Къ соображенію о безнравственныхъ статьяхъ и отмѣтки безнравственныхъ мѣстъ“, седьмой—„Личности“, восьмой—„Образцы выраженій, вводимыхъ въ словесность и допускаемыхъ въ литературномъ журналѣ“. А заканчивается документъ сей словами: „Изъ четырехъ лѣтъ „Телескопа“ до 1835 г. и изъ „Молвы“ до 1836 г. преимущественно наполнявшейся дерзкими сужденіями и статьями можно сдѣлать еще много выписокъ сего рода“...

Разумѣется, комиссія была вполнѣ солидарна съ Уваровымъ...

[1] „Воспоминанія“, „Вѣст. Европы“, 1891, X. Такія же басни разсказаны и Бодянскимъ („Рус. Стар.“ 1889 г. X, 137).

28 ноября она представила за своими подписями обширный всеподданнѣйшій докладъ.

Разсказавъ вкратцѣ ходъ дѣла, комиссія продолжаетъ:

„Не утруждая Вашего Величества изложеніемъ обстоятельствъ вполнѣ вамъ извѣстныхъ, мы считаемъ обязанностью обратиться прямо къ главнымъ видамъ, которые представились намъ по выслушаніи вышесказанныхъ лицъ и по соображеніи данныхъ ими письменныхъ объясненій.

„*Касательно бывшаго цензора Болдырева.*

„Изъ отвѣтовъ на вопросные пункты, равно какъ изъ словесныхъ его объясненій явствуетъ, что сей чиновникъ, озабоченный сверхъ должности цензорской, многотрудными обязанностями ректора московскаго университета, не обратилъ никакого вниманія на принятую имъ въ рукописи [1] статью. Хотя по собственному показанію и сдѣлалъ онъ въ ней нѣсколько поправокъ и перемѣнъ, но сомнѣнію не подлежитъ, что въ этомъ случаѣ Болдыревъ увлеченъ былъ слѣпымъ довѣріемъ къ издателю „Телескопа“ Надеждину, который, по замѣчанію министра народнаго просвѣщенія, будучи за нѣсколько лѣтъ передъ симъ секретаремъ университетскаго совѣта, имѣлъ на Болдырева вліяніе столь сильное, что министръ нашелъ себя тогда уже въ обязанности принять нѣсколько мѣръ въ кругу университетскаго управленія на тотъ конецъ, чтобъ устранить возникшія въ совѣтѣ неудовольствія. Вообще Болдыревъ, въ продолженіе всего производства настоящаго дѣла, оказалъ столь мало проницательности и такой недостатокъ въ самостоятельномъ соображеніи предметовъ, что не трудно было намъ убѣдиться, какъ легко онъ дѣйствительно могъ сдѣлаться жертвою своей безпечности и неограниченной довѣренности къ Надеждину, котораго и называетъ виновникомъ своего несчастія. Представленные имъ отзывы, равно и весь ходъ сего дѣла показываютъ, что Болдыревъ былъ слѣпымъ орудіемъ Надеждина, и кромѣ сего послѣдняго, не зналъ ни сочинителя, ни переводчика статьи и не былъ ни въ какомъ отношеніи сопричастенъ понятіямъ, какими могли руководствоваться тѣ лица, которыя непосредственно участвовали въ переводѣ и обнародованіи вышесказанной статьи. Сіе обстоятельство подтвердилось при очной ставкѣ Болдырева съ Надеждинымъ.

„Касательно *Надеждина* открывается, что несмотря на всѣ извороты, употребленные имъ въ письменныхъ и словесныхъ отвѣтахъ, на умышленно-преувеличенный монархическій образъ мыслей, изложенный въ его здѣшнихъ объясненіяхъ, на притворное простодушіе, съ какимъ онъ показываетъ себя *не понявшимъ до напечатанія смысла статьи и цѣли автора*, можно безошибочно вывесть заключеніе, что статья, написанная Чедаевымъ, перешедши отъ сочинителя въ руки журналиста, сдѣлалась предметомъ совокупнаго ихъ желанія издать оную въ свѣтъ чрезъ журналъ Надеждина. Можно прибавить, что безъ усерднаго содѣйствія сего послѣдняго, Чедаевъ не нашелъ бы средства напечатать въ Россіи эту статью: сіе доказывается уже и тѣмъ, что Болдыревъ не

[1] Безусловная ошибка: статья была дана въ корректурныхъ листахъ.

зналъ Чедаева и что переговоры съ цензоромъ шли единственно чрезъ Надеждина. Главная цѣль сихъ переговоровъ состояла въ томъ, чтобъ воспользоваться простодушіемъ цензора; ибо, если бы сей послѣдній хотя малѣйше усомнился въ содержаніи статьи, всякое совѣщаніе съ товарищами (не говоря уже о начальствѣ), было бы достаточно, чтобы огласить дѣло и тѣмъ самымъ пресѣчь всякую возможность издать въ Россіи статью Чедаева.

„Хотя дальнѣйшія показанія Надеждина противорѣчатъ показаніямъ Чедаева, хотя сей послѣдній говоритъ, будто никто менѣе его не желалъ напечатанія этой статьи, а Надеждинъ, напротивъ, утверждаетъ, что Чедаевъ до послѣдняго дня самъ держалъ корректуру и озабочивался поправками въ слогѣ,— но всѣ обстоятельства ведутъ прямо къ заключенію, что мысль перевести и напечатать на русскомъ языкѣ статью Чедаева принадлежитъ равно сочинителю и журналисту, и что только отъ ихъ совокупнаго дѣйствія могло это предпріятіе имѣть успѣхъ; безъ согласія и участія Чедаева Надеждинъ не могъ располагать статьею, а Чедаевъ не могъ издать оную, если бы журналистъ не имѣлъ вѣрнаго средства усыпить цензора, издавна ему извѣстнаго, и на котораго, какъ выше сказано, онъ и во время служенія при московскомъ университетѣ имѣлъ особое вліяніе.

„Очная ставка Надеждина съ Болдыревымъ вполнѣ утвердила комиссію въ сихъ заключеніяхъ.

„Не лишнимъ считаемъ присовокупить, что кромѣ употребленія во зло довѣрчивости цензора, Надеждинъ нарушилъ данную имъ, вмѣстѣ съ прочими издателями журналовъ и газетъ, 9 января 1835 года, по требованію Министерства Народнаго Просвѣщенія подписку въ томъ, что „какъ лицо, коему правительство довѣряетъ, и которому въ видѣ привилегіи предоставляетъ выгоды, сопряженныя съ его изданіемъ, оно обязано усердно и неусыпно содѣйствовать цензурѣ въ такихъ ея обязанностяхъ, допуская въ число своихъ сотрудниковъ только такихъ, кои руководствуются симъ же понятіемъ".

„Разсмотрѣніе бумагъ и показаній Чедаева не представляетъ никакихъ обстоятельствъ, могущихъ измѣнить предыдущее изложеніе сего дѣла. Отвѣтные его пункты не подтверждаютъ во всемъ содержанія словеснаго объявленія, даннаго имъ гр. Строганову и московскому оберъ-полицеймейстеру, но и не опровергаютъ онаго. Тонъ этихъ письменныхъ отвѣтовъ не такъ твердъ и не такъ чистосердеченъ, какъ слова, гр. Строганову говоренныя, вообще замѣтно стараніе сложить на Надеждина вину въ изданіи извѣстной статьи.

„Обозрѣвъ такимъ образомъ весь ходъ всего дѣла, коммиссія почитаетъ обязанностію повергнуть на Высочайшее В. И. В. благоуваженіе общіе выводы, какіе представлялись ей по тщательномъ и обдуманномъ соображеніи всѣхъ случайностей, сопровождавшихъ появленіе извѣстной статьи въ Телескопѣ, и потомъ перейти къ изложенію своего заключенія по сему дѣлу.

„Здѣсь слѣдуетъ, по мнѣнію коммиссіи, различать *двѣ стороны*, *два факта*: первый изъ нихъ есть: существо этого сочиненія, носящаго на себѣ отпечатокъ

умственнаго разврата, господствующаго въ Европѣ, и коимъ заразилось, къ сожалѣнію, и у насъ небольшое число людей слабоумныхъ и безпокойныхъ. Другой фактъ, несравненно важнѣйшій или лучше сказать, единственно важный въ семъ явленіи, есть обнародованіе подобной статьи въ то время, когда высшее правительство употребляетъ всѣ старанія къ оживленію духа народнаго, къ возвышенію всего отечественнаго. Мы не рѣшаемся выписывать отвратительныя и безумныя строки, въ коихъ авторъ статьи заноситъ руку на животворящее начало нашей самобытности; мы ограничиваемся объясненіемъ, что такая первая, почти открытая попытка противъ Грекороссійской церкви, жизнь коей столь тѣсно сопряжена съ жизнію государства, даетъ сему произведенію новую, отличительную между либеральными пасквилями, черту обнаруживающую какой-то отголосокъ, какую-то связь съ *новѣйшимъ католицизмомъ*, поднявшимъ недавно свою хоругвь во Франціи подъ предводительствомъ *Ламене* съ его школой въ то самое время, когда *О'Коннель* въ Англіи, *Потнеръ* между бельгійцами, наконецъ нѣсколько истинно-радикальныхъ сектъ въ Германіи и Швейцаріи, не отдѣлившихся подобно Ламене отъ власти Римской церкви, вмѣстѣ съ нимъ, ищутъ точку соединенія ея ученія съ революціонными началами, охватившими большую часть Европы. [1]

„По всѣмъ симъ уваженіямъ, къ какимъ была приведена коммиссія по подробномъ размышленіи о семъ дѣлѣ, осмѣливается она изложить слѣдующее мнѣніе свое о лицахъ къ сему дѣлу прикосновенныхъ:

„1) Комиссія считаетъ обязанностію всеподданнѣйше довести, что направленіе какъ напечатанной статьи *Чедаева*, такъ и рукописныхъ его бумагъ, указываетъ ясно, что при нѣкоторомъ религіозномъ расположеніи, онъ не только открыто и видимо пренебрегалъ ученіемъ Православной церкви, но еще отдѣлился духомъ и мыслію отъ оной; каковое заблужденіе коммиссія не можетъ не отнести къ незнанію догматовъ и исторіи Православной церкви и затѣмъ признаетъ въ Чедаевѣ одну изъ тѣхъ печальныхъ жертвъ ложнаго, иноземнаго просвѣщенія всегда готовыхъ къ принятію всѣхъ впечатлѣній, клонящихся къ отчужденію отъ Россіи и къ презрѣнію всякой святыни въ нѣдрахъ отечества. Къ сему коммиссія не можетъ однако, не прибавить, что мѣра наказанія, повелѣннаго Вашимъ Величествомъ Чедаеву, постигнувшая его въ раздражительномъ самолюбіи, и сколько мы знаемъ, имѣвшая послѣдствіемъ общее одобреніе здѣшней и московской публики, соотвѣтствуетъ уже нѣкоторымъ образомъ учиненному Чедаевымъ проступку въ томъ, что онъ обнаружилъ образъ мыслей, отъ коего долженъ былъ бы искать изцѣленія или о которомъ по крайней мѣрѣ, обязанъ былъ молчать, дабы не соблазнять неопытныхъ и слабоумныхъ.

„2) Издателя Телескопа *Надеждина*, вслѣдствіе его несомнѣнныхъ дѣйствій къ обнародованію статьи Чедаева, вопреки данной имъ подписки, коммиссія

[1] Обращаю особенное вниманіе читателей на весь этотъ абзацъ—онъ очень важенъ для уясненія взгляда правительства на „письмо" Чаадаева.

признаетъ главнымъ виновникомъ всего дѣла; почему и полагаетъ отправить Надеждина на жительство въ одинъ изъ губернскихъ городовъ Россіи, подъ надзоромъ полиціи, съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы.

„3) Касательно бывшаго цензора *Болдырева*, отрѣшеннаго уже отъ сей должности, почитая его вполнѣ, но не умышленно виновнымъ и находя сверхъ того, что дальнѣйшее его служеніе при Московскомъ университетѣ не только не принесло бы никакой пользы, но служило бы еще нѣкоторымъ соблазномъ для прочихъ лицъ, коммиссія осмѣливается представить всеподданнѣйшее В. И. В. объ увольненіи Болдырева вовсе отъ службы. Между тѣмъ принимая въ уваженіе прежнюю его безпорочную службу и даже самыя обстоятельства сего дѣла, коммиссія считаетъ долгомъ всеподданнѣйше ходатайствовать, чтобъ при увольненіи Болдырева отъ службы, онъ не былъ лишенъ права на полученіе по званію ординарнаго профессора, выслуженнаго имъ пенсіона, на основаніи существующаго узаконенія.

„4) Наконецъ, коммиссія думаетъ, что слѣдуетъ предписать Московскому военному генералъ-губернатору потребовать отъ содержателя типографіи Селивановскаго объясненіе, почему онъ выпустилъ въ свѣтъ и разослалъ 15 № Телескопа до полученія билета изъ Цензурнаго комитета, и буде не представитъ достаточнаго оправданія, предоставить военному генералъ-губернатору поступить съ содержателемъ типографіи на основаніи свода законовъ Устава Благочинія, приложенія къ IV части, статьи: 141, 143 и 145. [1]

„Всѣ таковыя предположенія свои комиссія осмѣливается повергнуть на благоуваженіе Вашего Императорскаго Величества“.

Государь 30 ноября положилъ резолюцію: „Чедаева продолжать считать умалишеннымъ и какъ за таковымъ имѣть медико-полицейскій надзоръ; Надеждина выслать на житье въ Усть-Сысольскъ [2] подъ присмотръ полиціи, а Болдырева отставить за нераденіе отъ службы; въ прочемъ согласенъ съ мнѣніемъ коммиссіи. Г. Строганову велеть на его строгой отвѣтственности избрать надежнаго цензора“.

Однако, только 4 декабря Надеждинъ былъ освобожденъ изъ подъ ареста, который отбывалъ въ домѣ III Отдѣленія, и 5 декабря получилъ обратно бумаги свои и Бѣлинскаго. [3] Черезъ три дня Надеждинъ уѣхалъ въ Москву, куда его сопровождала бумага Бенкендорфа, въ которой тотъ просилъ кн. Голицына дать ему остаться тамъ недѣли на двѣ для устройства своихъ дѣлъ. Недаромъ Надеждинъ, по словамъ Никитенка, съ благодарностью отзывался о Бенкендорфѣ и особенно о Дубельтѣ, тогда еще полковникѣ, который, въ качествѣ начальника штаба корпуса жандармовъ, вѣдалъ Надеждинымъ во время мѣсячнаго ареста.

[1] Дѣйствія Селивановскаго найдены потомъ не подлежащими наказанію.

[2] Надеждинъ наказанъ строже, чѣмъ предполагала комиссія: она говорила о губернскомъ городѣ.

[3] Въ томъ есть его собственноручная росписка. Интересно бы знать, гдѣ теперь бумаги Бѣлинскаго? Судя по замѣчанію Пыпина, въ архивѣ его ихъ не оказалось.

„Когда ему объявили о ссылкѣ, онъ просилъ Бенкендорфа исходатайствовать ему вмѣсто того заключеніе въ крѣпость, потому что тамъ, по крайней мѣрѣ, можетъ не умереть съ голоду. Бенкендорфъ исходатайствовалъ ему вмѣсто того позволеніе писать и печатать сочиненія подъ своимъ именемъ“. [1] Надо думать, что такъ категорически сообщаемый фактъ вѣренъ и слѣдовательно ходатайство было словесное. Бенкендорфъ лучше Уварова понималъ, что Надеждинъ переживаетъ ужасное потрясеніе: быть сторонникомъ существующаго порядка и оказаться въ числѣ его враговъ,—и потому былъ съ нимъ гораздо мягче. Вѣроятно, этому не мало способствовалъ и разговоръ съ Надеждинымъ Дубельта...

Въ концѣ декабря генералъ Перфильевъ доносилъ опять о ,,мнѣніяхъ публики‘‘, съ которыми, какъ видимъ, III Отдѣленіе постоянно знакомилось по каждому случаю. Болдырева жалѣли и находили наказаніе излишне строгимъ, потому что незаконнымъ; [2] о Надеждинѣ ,,не разсуждали‘‘, а о Чаадаевѣ говорили, ,,что есть ли отобранныя у него бумаги не заключаютъ въ себѣ новыхъ предметовъ къ обвиненію, то находятъ, что онъ уже довольно наказанъ‘‘.

Чаадаевъ въ 1837—1856 гг.

Князь Голицынъ ежемѣсячно доносилъ государю о „состояніи здоровья“ Чаадаева. Первый рапортъ за декабрь 1836 года гласилъ: „въ теченіи прошедшаго декабря мѣсяца были предпринимаемы нужныя средства къ врачеванію отставного ротмистра Чаадаева [3] и состояніе здоровья его находится въ прежнемъ положеніи...“

17-го декабря московское губернское правленіе свидѣтельствовало умственные способности Екатерины Дмитріевны Пановой, урожденной Улыбышевой, по просьбѣ мужа ея, пожелавшаго помѣстить жену въ лѣчебное заведеніе Саблера. Изъ отвѣтовъ, данныхъ ею на вопросы правленія, видно, что Пановой было 32 года, что замужемъ она пятнадцать лѣтъ, дѣтей не имѣетъ; живетъ всегда въ Москвѣ, зимою же иногда въ деревнѣ, гдѣ владѣетъ 150 душами. На вопросъ: „довольна ли она мѣстомъ своего жительства?“ Панова отвѣчала: „я самая счастливая женщина во всемъ мірѣ и всѣмъ была довольна“. На вопросъ: „чтитъ-ли и исполняетъ-ли она законы какъ духовные, такъ и гражданскіе?“ послѣдовалъ отвѣтъ: „Въ законахъ гражданскихъ я, какъ республиканка, по-религіи же я также исповѣдую законы духовные, какъ и вы всѣ, господа, а когда была поль-

[1] *Никитенко,* „Записки и дневникъ“, Т. I, 280.

[2] Гр. Строгановъ писалъ государю о необходимости чѣмъ нибудь обезпечить существованіе Болдырева. Бенкендорфъ отвѣчалъ ему (28 декабря 1836 г.), что на это нужно нѣкоторое время. Строгановъ тогда просилъ Бенкендорфа поддержать его просьбу. 7 февраля Болдыреву была пожалована 1.000 руб. Въ мартѣ 1838 г. онъ былъ прощенъ и награжденъ пенсіей.

[3] Первый разъ, что въ офиціальной перепискѣ фамилія его написана правильно.

ская война, то я молилась Богу, чтобы Онъ полякамъ ниспослалъ побѣду". Когда же ей сказали, что она лучше бы сдѣлала, если бы молилась за русскихъ, Панова отвѣтила: „молилась Богу за поляковъ потому, что они сражались за вольность". О своихъ нервахъ она заявила, что они „до того раздражительны, что я дрожу до отчаянія, до изступленія, а особенно когда начинаютъ меня бить и вязать..." Все это, особенно моленье за поляковъ, дало основаніе правленію признать Панову „въ разстроенномъ состояніи умственныхъ способностей" и помѣстить въ сумасшедшій домъ.

Читателю ясно, что мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ тѣхъ многихъ, особенно въ старину, случаевъ, когда за небольшую даже взятку можно было сгноить человѣка въ ужасно обставленныхъ желтыхъ домахъ...

Панова была давно знакома съ Чаадаевымъ. Какъ только до него дошли слухи о ея „сумасшествіи", Чаадаевъ попросилъ черезъ пристава разрѣшеніе явиться къ московскому оберъ-полицеймейстеру, Л. М. Цынскому; разрѣшеніе послѣдовало. Явившись, Чаадаевъ объявилъ и вкратцѣ изложилъ письменно, что „коллежская секретарша Панова во время свидѣтельствованія ее губернскимъ правленіемъ въ умственныхъ способностяхъ, разсказывала въ присутствіи, что она республиканка и что во время войны въ 1831 году она молилась за поляковъ, и тому подобные вздоры говорила; а потому онъ опасается, чтобы по прежнимъ его съ Пановою связямъ правительство не заключило, что онъ причиною внушенія ей подобнаго рода мыслей, такъ какъ философическія письма, припечатанныя въ Телескопѣ, были писаны къ ней".

На слѣдующій день (7-го января) Чаадаевъ писалъ Цынскому:

„М. Г. Левъ Михайловичъ. Несколько строкъ, написанныхъ мною вчера у вашего превосходительства объ моихъ сношеніяхъ съ госпожею Пановой, мнѣ кажется недостаточны для объясненія этого обстоятельства, и потому позвольте мнѣ объяснить Вамъ оное еще разъ. Я познакомился съ госпожею Пановой въ 1827 году въ подмосковной, гдѣ она и мужъ ее были мнѣ сосѣдями. Тамъ я съ нею видался часто, потому что въ бездомствѣ находилъ въ этихъ свиданіяхъ развлеченіе. На другой годъ, переселившись въ Москву, куды и они переѣхали, продолжалъ я съ нею видаться. Въ то время господинъ Пановъ занялъ у меня 1.000 руб. и около того же времени отъ жены его получилъ я письмо, *на которое отвѣчалъ тѣмъ, которое напечатано въ Телескопѣ, но къ ней его не послалъ, потому что писалъ его довольно долго, а потомъ знакомство наше прекратилось.* [1] Между тѣмъ срокъ по векселю прошелъ, и я не получилъ ни капитала, ни процентовъ. Спустя кажется еще годъ подалъ я вексель ко взысканію, и получилъ отъ госпожи Пановой другое письмо довольно грубое, въ которомъ она меня упрекала въ моемъ поступкѣ. Въ 1834 году передалъ я вексель купцу Лахтину за 800 руб. Въ это время я не видался съ ними, и даже не зналъ гдѣ они находятся. Прошлаго года госпожа Панова вдругъ

[1] Курсивъ вездѣ мой. Ясно, что 1-е „письмо" писалось въ 1828 году.

извѣстила меня что она здѣсь, и съ легкомысліемъ объявила мнѣ, что вексель будучи выплаченъ, она желаетъ возобновить со мною знакомство, на что я отвѣчалъ что готовъ ее видѣть. Тогда она пріѣхала ко мнѣ съ мужемъ, *и тутъ впервые узнала о существованіи письма къ ней написаннаго* и давно всѣмъ извѣстнаго. [1] Мы въ это время еще раза два видѣлись; потомъ она уѣхала въ Нижній, и болѣе я ее не видалъ Надобно еще знать, что всѣ протчіе, такъ называемые мои философическія письма, написаны какъ будто къ той же женщинѣ, *но что г. Панова объ нихъ никогда даже не слыхала.*

„Что касается до того, что эта несчастная женщина теперь, въ сумашествіи, говоритъ, на примѣръ, что она республиканка, что она молилась за поляковъ, и протчій вздоръ, то я увѣренъ, что есть ли спросить ее говорилъ ли я съ ней когда-либо про что-нибудь подобное, то она, несмотря на свое жалкое положеніе, не смотря на то что почитаетъ себя безсмертною и въ припадкахъ бьетъ людей, конечно скажетъ что нѣтъ. Сверхъ того и мужъ ее тоже можетъ подтвердить.

„Все это пишу къ Вашему превосходительству потому что въ городѣ много говорятъ объ моихъ сношеніяхъ съ нею, прибавляя разныя нелѣпости, и потому что я лишенный всякой ограды, не имѣю возможности защитить себя ни отъ клеветы, ни отъ злонамѣренія. Впротчемъ я убѣжденъ что мудрое правительство не обратитъ никакого вниманія на слова безумной женщины, тѣмъ болѣе что имѣетъ въ рукахъ мои бумаги, изъ которыхъ можно ясно видеть сколь мало я раздѣляю мнѣнія ныне бредствующихъ умствователей.

„Честь имѣю быть, м. г., съ истиннымъ почтеніемъ Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Петръ Чаадаевъ*". [2]

Вамъ, читатель, дѣлается, какъ то непріятно, когда вы читаете это поспѣшное отреченіе, да еще съ такимъ концомъ, человѣка, который тоже дѣлалъ видъ, что вѣрилъ въ сумасшествіе женщины, слишкомъ радикальной для современнаго ему московскаго общества... Я думаю, что Чаадаева оправдываютъ страданія отъ собственнаго „сумасшествія", которыя онъ, дѣйствительно, не будучи никогда республиканцемъ, боялся увеличить излишними подозрѣніями.

10 апрѣля, въ отчетѣ за мартъ, кн. Голицынъ къ обычной формѣ рапорта прибавилъ: „Нынѣ г. Чаадаевъ уже не находится въ такомъ расположеніи духа, какъ было при сочиненіи извѣстныхъ Вашему Императорскому Величеству философическихъ писемъ, онъ вполнѣ возчувствовалъ и заблужденіе свое, которое его завлекло къ изложенію ложныхъ понятій, чрезъ что подвергнулся онъ справедливому гнѣву Вашего Величества и общему нареканію".

Аналогичные рапорты были посланы еще 8 мая, 8 іюня и 9 іюля. На послѣднемъ рукою Бенкендорфа: „написать кн. Голицину, что по пріѣздѣ государя

[1] Въ „краткой запискѣ" Чаадаевъ говоритъ, что мужъ Пановой былъ у него на другой день и взялъ это письмо.

[2] Это письмо очень неисправно, съ копіи, напечатано въ „Вѣст. Европы" 1871 г., XI, 328—329.

въ Москву князь долженъ доложить о прекращеніи сего леченія". 29 октября 1837 года кн. Голицынъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, на которомъ 30-го была положена резолюція: „Освободить отъ медицинскаго надзора подъ условіемъ, не смѣть ничего писать". [1]

Вотъ, слѣдовательно, почему мы не имѣемъ ничего, кромѣ единственнаго „письма": Чаадаевъ, какъ писатель, уничтоженъ былъ до конца своихъ дней... Вникните въ эту ужасную кару, если можете понимать психологію писателя, и вамъ станетъ ясно многое изъ личной жизни „басманскаго философа"... Загнанный въ раковину собственнаго кабинета, собственныхъ мыслей и чувствъ, лишенный возможности широко дѣлиться ими съ окружающими, чувствовавшій на себѣ постоянный взоръ полицейскаго недреманнаго ока,—этотъ человѣкъ сталъ болѣзненно чувствителенъ къ каждому прикосновенію... По вѣрному опредѣленію Герцена, онъ сталъ „лишнимъ, сломаннымъ человѣкомъ"...

И московское общество охраняло Чаадаева отъ всякихъ подобныхъ прикосновеній. Даже враги заботились объ этомъ. Когда въ 1844 году „во Христѣ—Бозѣ нашемъ жандармствовавшій" Н. М. Языковъ, къ стыду славянофиловъ, называвшійся ихъ именемъ, написалъ на Чаадаева прямой стихотворный доносъ, славянофилы всячески скрывали его, и только послѣ смерти Языкова онъ попался на глаза самому адресату.

Вотъ это позорное стихотвореніе:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна!
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю Папъ,—
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушной,
Всего чужого гордый рабъ!
Свое ты все презрѣлъ и выдалъ.
Но ты еще не сокрушенъ;
Но ты стоишь, плѣшивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ!
Ты цѣлъ еще: тебѣ донынѣ
Вѣнки плететъ большой нашъ свѣтъ;
Своей презрительной гордынѣ
У насъ находишь ты привѣтъ.
Намъ не смѣшно, намъ не обидно,
Не страшно намъ тебя ласкать,
Когда изволишь ты безстыдно
Свои хуленья изрыгать

[1] Это совершенно опровергаетъ показанія Жихарева, Свербеева и др. о срокахъ прощенія. Повторяю сказанное еще въ началѣ: за массою ошибокъ писавшихъ о Чаадаевѣ, Надеждинѣ и „Телескопѣ", я совершенно не считаю нужнымъ слѣдить и исправлять каждую изъ нихъ, потому что это очень бы испестрило работу. Указываю лишь наиболѣе важное.

На насъ, на все, что намъ священно,
Въ чемъ наша Русь еще жива.
Тебя мы слушаемъ смиренно;
Твои преступныя слова
Мы осыпаемъ похвалами,
Другъ другу ихъ передаемъ
Страннопріимными устами
И небрезгливымъ языкомъ!
А ты тѣмъ выше, тѣмъ ты краше:
Тебѣ угоденъ этотъ срамъ,
Тебѣ любезно рабство наше.
О горе намъ, о горе намъ! [1]

Тотъ же Языковъ написалъ еще и другой доносъ на Чаадаева въ концѣ посланія къ К. С. Аксакову:

. . . .
Дай руку мнѣ. Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становитъ
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословитъ
И ненавидитъ всей душой,
И кто нѣметчинѣ лукавой
Передался.—И вслѣдъ за ней,
За госпожею величавой
Идетъ блистательный лакей...
А православную царицу
И матерь русскихъ городовъ
Смѣнять на пышную блудницу,
На вавилонскую готовъ! [2]
. . . .

Прочитавъ со вниманіемъ оба эти доноса, только вѣроятно благодаря кн. Голицыну, не имѣвшіе вредныхъ для Чаадаева послѣдствій, вамъ станетъ ясно, что Чаадаевъ былъ неисправивымъ „западникомъ", хотя и поддерживалъ личныя отношенія съ лучшими изъ славянофиловъ. Онъ до конца своихъ дней остался вѣренъ убѣжденіямъ, которыя можно формулировать вкратцѣ словами г. Гершензона. „Жить на свой манеръ, не подражая Европѣ, но непрерывно пользуясь плодами ея долгаго опыта, какъ научилъ насъ Петръ Великій; иными словами—твердое сознаніе нашей національной самобытности и тѣсное культурное общеніе съ западными народами". Очень естественно, что Чаадаева не могъ не раздра-

[1] Заимствую изъ „Рус. Архива" 1875 г. II, 111. По другому менѣе, по моему, вѣрному списку, они напечатаны у Жихарева („Вѣст. Евр." 1871 г., IX, 46—47).
[2] „Вѣст. Европы" 1871 г., IX, 44—45.

жать славянофильскій шовинизмъ, только для вида прикрытый религіозной санкціей, славянофиловъ же возмущалъ его разсудочный и условный патріотизмъ... Московское общество проявляло къ своему басманскому аборигену широкое расположеніе и преклоненіе. Вѣроятно, это было отчасти результатомъ психики и самого Чаадаева. „Умѣренность, терпимость и любовь ко всему доброму, умному, хорошему, въ какомъ бы цвѣтѣ оно не являлось,—вотъ мое исповѣданіе"—писалъ онъ въ это время Погодину въ отвѣтъ на приглашеніе участвовать въ реформировавшемся „Москвитянинѣ". [1]

Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что Чаадаевъ былъ со всѣми хорошъ и близокъ. Какъ и у каждаго, друзей у него было не особенно много, гораздо больше пріятелей и людей вполнѣ расположенныхъ, но были и враги, такіе враги, которые только дѣлали честь...

„Сначала въ продолженіе двухъ, трехъ, много четырехъ годовъ,—разсказываетъ Жихаревъ,—отъ него отчасти сторонились мало, впрочемъ, замѣтное число болѣе или менѣе офиціальныхъ или, быть можетъ, болѣе или менѣе трусливыхъ людей, да нѣсколько видныхъ тузовъ обоего пола, недовольныхъ и разгнѣванныхъ его мнѣніями, которыхъ они, однакоже, подробно и въ ясной точности никогда не знали. Съ прошествіемъ времени и это явленіе совершенно исчезло. Тузы не замедлили разобраться по кладбищамъ, офиціальные люди перестали дичиться, а къ робкимъ возвратилась бодрость, и въ чистомъ результатѣ оказалось, что его исторія способствовала къ выработанію для него большого общественнаго положенія... Онъ сталъ входить въ сношенія, со всѣми безъ различія, какъ будто бы его „исторіи" никогда не существовало, съ людьми офиціальными, правительственными, государственными, придворными, познакомился съ митрополитомъ и бывалъ приглашаемъ на праздники, гдѣ присутствовали государи и дворъ. Только до личныхъ сношеній ни съ государемъ, ни съ членами императорской фамиліи онъ не дожилъ". [2]

На гостепріимство москвичей Чаадаевъ отвѣчалъ широко распахнутыми дверьми собственнаго дома. Сначала вечерами по средамъ, а затѣмъ утрами по понедѣльникамъ онъ собиралъ у себя массу самыхъ разнообразныхъ членовъ общества и способствовалъ живому обмѣну мнѣній и новостей. „Кто бы ни проѣзжалъ черезъ городъ изъ людей замѣчательныхъ, давній знакомецъ посѣщалъ его, незнакомый спѣшилъ съ нимъ знакомиться. Кюстинъ, Могенъ, Марме, Сиркуръ, Мериме, Листъ, Берліозъ, Гакстгаузенъ,—всѣ у него перебывали". [3]

Здѣсь кстати привести прекрасное мѣсто изъ „Былого и думъ", гдѣ Герценъ отвѣчаетъ на вопросы, сами собой встающіе, вѣроятно, и передъ нѣкоторыми изъ читателей настоящей работы.

„Зачѣмъ въ его небольшомъ, скромномъ кабинетѣ толпились по понедѣль-

[1] „Вѣст. Европы" 1871 г., IX, 342.
[2] Ibidem, 39, 40.
[3] *Свербеевъ*, н. с., „Рус. Архивъ" 1868 г., VI, 995

никамъ „тузы“ англійскаго клуба, патриціи Тверскаго бульвара? Зачѣмъ модныя дамы заглядывали въ келью угрюмаго мыслителя, зачѣмъ генералы, не жалующіе ничего штатскаго, считали себя обязанными явиться къ старику, неловко прикинуться образованными людьми и хвастаться потомъ, перевирая какое-нибудь слово Чаадаева, сказанное на ихъ же счетъ? Зачѣмъ я встрѣчаю у него дикаго Американца-Толстого и дикаго генералъ-адъютанта Шипова, уничтожившаго просвѣщеніе въ Польшѣ? Чаадаевъ не только не дѣлалъ имъ уступокъ, но тѣснилъ ихъ и очень хорошо давалъ имъ чувствовать разстояніе между нимъ и ими. Разумѣется, что люди эти ѣздили къ нему и звали на свои рауты изъ тщеславія, но до этого дѣла нѣтъ; тутъ важно невольное сознаніе, что мысль стала мощью, имѣла свое почетное мѣсто вопреки высочайшему повелѣнію“. [1]

По словамъ Жихарева, — „Чаадаевъ отъ остальныхъ людей отличался необыкновенной нравственно-духовной возбудительностью. Онъ въ высокой степени былъ тѣмъ, что нѣмцы называютъ *anregend*. Его разговоръ и даже одно его присутствіе дѣйствовали на другихъ, какъ дѣйствуетъ шпора на благородную лошадь. При немъ какъ-то нельзя, не ловко было отдаваться ежедневной пошлости. При его появленіи всякій какъ-то невольно, нравственно и умственно осматривался, прибирался и охорашивался“. [2]

Это вполнѣ подтверждаетъ свидѣтельство Кирпичникова, что папки Румянцевскаго музея съ чаадаевскими бумагами переполнены письмами, авторы которыхъ обращаются къ нему со словами: „cher et bon maître“ и подписываются: „disciple“. [3]

Это, конечно, не значитъ, что молодежь сороковыхъ годовъ считала Чаадаева своимъ учителемъ. Наиболѣе передовые ея представители сознавали, что онъ „отсталъ“. Таково было впечатлѣніе и Герцена, записавшаго послѣ одного спора съ Чаадаевымъ о католицизмѣ и современности въ сентябрѣ 1842 года: „при всемъ большомъ умѣ, при всей начитанности и ловкости въ изложеніи и развитіи своей мысли, онъ ужасно отсталъ... Это голосъ изъ гроба, голосъ изъ страны смерти и уничтоженія. Намъ страненъ этотъ голосъ“. [4] И, все таки это не мѣшало уваженію...

Чаадаевъ былъ постоянно въ курсѣ общественной и литературной жизни, всегда самъ участвовалъ въ ней, поскольку могъ.

Москва живетъ лекціями Грановскаго — Чаадаевъ, конечно, въ числѣ слушателей и въ восторгѣ отъ ихъ содержанія.

На слѣдующій зимній сезонъ читаетъ лекціи „московскій скверноустъ“ Шевыревъ, а славянофилы ихъ всячески муссируютъ — Чаадаевъ опять сидитъ въ публикѣ, но, конечно, уже съ иными впечатлѣніями. „Не сомнѣваюсь, — пишетъ онъ французу Сиркуру, — что нашему профессору, въ концѣ концовъ, удастся

[1] „Сочиненія“, VII, 278—279.
[2] „Вѣстникъ Европы“, 1871 г., IX, 42.
[3] *Кирпичниковъ*, н. с., II, 135.
[4] „Сочиненія“, VI, 24.

доказать съ полной очевидностью превосходства нашей цивилизацiи надъ вашей, — тезисъ, къ которому сводится вся его программа“...[1]

Хомяковъ провелъ цѣлый рядъ бесѣдъ на свою излюбленную тему—Чаадаевъ уже сообщаетъ о нихъ тому же Сиркуру: „Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ мыслителей, котораго вы легко узнаете по этому признаку, недавно доказалъ съ отличающей его силой логики, что въ принципѣ христiанство было возможно лишь въ нашей соцiальной средѣ, что лишь въ ней оно могло расцвѣсти вполнѣ, такъ какъ мы были единственнымъ народомъ въ мiрѣ, вполнѣ приспособленнымъ къ тому, чтобы принять его въ его чистѣйшей формѣ; откуда слѣдуетъ, какъ видите, что Iисусъ Христосъ, строго говоря, могъ бы не разсылать своихъ апостоловъ по всей землѣ и что для исполненiя распредѣленной между ними обязанности было совершенно достаточно одного апостола Андрея“...

Все это такъ дѣйствовало на Чаадаева, что въ то же самое время онъ пишетъ А. И. Тургеневу: „Мы затопили у себя курную хату; сидимъ въ дыму; зги божьей не видать“.[2]

„Переписка съ друзьями“ Гоголя тоже оцѣнена Чаадаевымъ по достоинству. По его мнѣнiю, Гоголь насъ немного обманулъ, вотъ почему мы на него и сердимся.

„Что касается до меня,—пишетъ онъ кн. Вяземскому,—то мнѣ кажется, что всего любопытнѣе въ этомъ случаѣ не самъ Гоголь, а то, что его такимъ сотворило, какимъ онъ теперь предъ нами явился. Какъ вы хотите, чтобъ въ наше надменное время, напыщенною народною спѣсью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобъ голова у него не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Какъ народъ русскiй лучше всѣхъ народовъ въ мiрѣ, то само-собою разумѣется, что и каждый даровитый русскiй человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чванство искони въ обычаѣ, гдѣ оно, такъ сказать, по неволѣ вышло изъ событiй историческихъ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пошлая, тамъ оно по этому самому принадлежитъ толпѣ и на умъ высокiй никакого дѣйствiя имѣть уже не можетъ; у насъ же слабость эта вдругъ развернулась, наперекоръ всей нашей жизни, всѣхъ нашихъ вѣковыхъ привычекъ и понятiй, самымъ неожиданнымъ образомъ, такъ что всѣхъ застала врасплохъ, и умныхъ и глупыхъ: мудрено ли, что и люди, одаренные дарами необыкновенными, отъ нея дурѣютъ“!.. „Но знаете ли, откуда взялось у насъ на Москвѣ это безусловное поклоненiе даровитому писателю? Оно произошло оттого, что намъ понадобился писатель, котораго бы могли поставить на ряду со всѣми ве-

[1] „Вѣст. Европы“ 1900 г., XII, 473.
[2] Ibidem, 1871 г., XI, 333.

ликанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ, и выше всѣхъ иныхъ писателей настоящаго времени и прошлаго. Это странно, но это сущая правда"...[1]

Событія 1848—1849 годовъ значительно повліяли на Чаадаева. Онъ, подобно Герцену, сталъ испытывать тотъ соціальный пессимизмъ, который совершенно вырвалъ всякую надежду на будущее Европы. У Чаадаева, конечно, онъ сказался не такъ ярко, потому что, съ одной стороны, онъ былъ человѣкомъ другихъ лѣтъ и взглядовъ, а съ другой — не видѣлъ событій вплотную. Но во всякомъ случаѣ вѣра его въ Европу какъ бы надломилась.

Вотъ что онъ писалъ Хомякову: „въ одномъ только не могу съ нимъ[2] согласиться, а именно, что намъ не нужно заниматься Европой, что намъ должно оставить о ней попеченіе. Я полагаю, напротивъ того, что попеченіе наше о ней теперь необходимо, что намъ очень нужно ей теперь заняться. Такъ, вѣроятно, думалъ и тотъ, который увѣнчаетъ насъ новой, славной побѣдой. Не знаю, какъ сочинитель письма не замѣтилъ, что еслибъ мы не занимались Европой, то насъ бы не было въ Венгріи, то мятежъ не былъ бы укрощенъ, что Венгрія не была бы у ногъ русскаго Царя, великодушный Бахъ находился бы теперь очень въ непріятномъ положеніи, общая ваша пріятельница была бы въ глубокомъ горѣ и, наконецъ, мы не имѣли бы случая обнаружить своего въ торжествѣ смиренія. Въ томъ совершенно согласенъ съ вашимъ почтеннымъ сочувственникомъ, что Европа намъ завидуетъ, и увѣренъ, что еслибъ лучше насъ знала, еслибъ видѣла, какъ благоденствуемъ у себя дома, то еще пуще стала бы завидовать, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ намъ должно было оставить о ней попеченіе. Вражда ея не должна насъ лишать нашего высокаго призванія внести порядокъ, возвратить народамъ покой, научить ихъ повиноваться властямъ, такъ какъ мы сами имъ повинуемся, однимъ словомъ, внесли въ міръ, преданный безначалію, наше спасительное *начало*".[3]

Я думаю, что центръ тяжести всего этого прославленія нашего благополучія лежитъ въ послѣдней фразѣ: Чаадаеву чудилась возможность спасти Европу... И здѣсь сходство съ Герценомъ.

Этотъ отрывокъ не будетъ очень удивителенъ, если вспомнить пессимизмъ Герцена, вылившійся въ „Письма изъ Франціи и Италіи". Напримѣръ: „Вся Европа выйдетъ изъ фугъ своихъ, будетъ втянута въ общій разгромъ; предѣлы странъ измѣнятся; народы соединятся другими группами, національности будутъ сломлены и оскорблены. Города, взятые приступомъ, ограбленные, обѣднѣютъ, образованіе падетъ, фабрики остановятся, въ деревняхъ будетъ пусто, земля останется безъ рукъ, какъ послѣ Тридцатилѣтней войны; усталые, заморенные

[1] „Вѣстн. Европы" 1871 г., XI, 336, 337.

[2] Кто-то пересылалъ черезъ Чаадаева свою статью Хомякову. Она была прочитана первымъ до передачи. О ней и рѣчь идетъ.

[3] „Вѣстн. Европы" 1871 г., XI, 341.

народы покорятся всему, военный деспотизмъ замѣнитъ всякую законность и всякое управленіе. Тогда побѣдители начнутъ драку за добычу. Испуганная цивилизація, индустрія побѣгутъ въ Англію, въ Америку, унося съ собой, отъ гибели кто деньги, кто науку, кто начатый трудъ. Изъ Европы сдѣлается нѣчто въ родѣ Богеміи послѣ гусситовъ“. [1]

А, вѣдь, Чаадаевъ видѣлъ еще къ тому же, что рушатся страны католицизма...

Только тѣ, кто боленъ близорукостью, могутъ бросать это письмо къ Хомякову, какъ обвиненіе Чаадаева въ паденіи... [2]

Во всякомъ случаѣ, этотъ періодъ его жизни заслуживалъ бы серьезнаго вниманія и изученія, если бы мы обладали какими-нибудь къ этому источниками.

У Чаадаева случай паденія былъ, но позже.

Въ 1853 г. Герценъ выпустилъ второе изданіе „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“, гдѣ о Чаадаевѣ, между прочимъ, говорится: „Наконецъ, явился человѣкъ съ душой, переполненной до краевъ горечью; человѣкъ, который нашелъ ужасный языкъ, чтобы съ зловѣщимъ краснорѣчіемъ, съ тягостнымъ спокойствіемъ сказать все то, что въ теченіе десяти лѣтъ съ такой остротой накопилось на сердцѣ образованнаго русскаго“. По словамъ Жихарева, Чаадаевъ узналъ о книгѣ отъ гр. А. Ѳ. Орлова, шефа жандармовъ, съ которымъ онъ давно былъ знакомъ. Онъ былъ очень доволенъ и польщенъ отзывами Герцена и, вдругъ, на другой же день пишетъ Орлову: „М. г. графъ Алексѣй Ѳедоровичъ. Слышу, что въ книгѣ Герцена мнѣ приписываются мнѣнія, которыя никогда не были и никогда не будутъ моими мнѣніями. Хотя изъ словъ вашего сіятельства и вижу, что въ этой *наглой клеветѣ* не видите особенной важности, однако, не могу не опасаться, чтобы она не оставила въ умѣ вашемъ нѣкотораго впечатлѣнія. Глубоко благодаренъ бы былъ вашему сіятельству, если бы вамъ угодно было доставить мнѣ возможность ее опровергнуть и представить вамъ письменно это опроверженіе, *а, можетъ быть, и опроверженіе всей книги*. Для этого, разумѣется, нужна мнѣ самая книга, которой не могу имѣть иначе, какъ изъ рукъ вашихъ.

„Каждый русскій, каждый вѣрноподданный Царя, въ которомъ весь міръ видитъ Богомъ призваннаго спасителя общественнаго порядка въ Европѣ, *дол-*

[1] „Сочиненія“, V, 159.

[2] Здѣсь кстати упомянуть объ одной передержкѣ Щебальскаго. Этотъ „историкъ“, спеціально занимавшійся много лѣтъ подборомъ такихъ посылокъ, изъ которыхъ никогда бы нельзя было вывести желательнаго ему заключенія, вздумалъ, между прочимъ, „обезславить“ Чаадаева. При способностяхъ къ оклеветанію это и то не удалось. Вотъ что онъ продѣлывалъ, напримѣръ. У Жихарева есть разсказъ, какъ А. С. Цуриковъ передѣлалъ на французскій языкъ „Клеветникамъ Россіи“ и далъ брошюрку Чаадаеву. Щебальскій, не задумываясь, переписалъ эту передѣлку на Чаадаева и, тряся ею въ воздухѣ, кричалъ: „вотъ каковъ вашъ хваленый либералъ!“ А чтобы не остаться безъ резерва, даже сослался на Жихарева. Все это напечатано въ ноябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1884 года.

женъ гордиться быть орудіемъ, хотя и ничтожнымъ, его высокаго священнаго призванія; какъ же остаться равнодушнымъ, когда *наглый бѣглецъ, гнуснымъ образомъ искажая истину*, приписываетъ намъ собственные свои чувства и кидаетъ на имя наше *собственный свой позоръ*?

„Смѣю надѣятся, ваше сіятельство, что благосклонно примите мою просьбу и если не заблагоразсудите ее исполнить, то сохраните мнѣ ваше благорасположеніе.“ [1]

Очень скоро послѣ отправки этого письма по адресу, Чаадаевъ копію съ него прислалъ Жихареву, назначая на другой день съ нимъ гдѣ-то отобѣдать. Жихаревъ въ упоръ назвалъ эту выходку „bassesse gratuite“ (ненужной гадостью), а Чаадаевъ отвѣтилъ: „Mon cher, on tient à sa peau...“ Герценъ никогда не узналъ, насколько унизился боявшійся за свою шкуру Чаадаевъ... Вѣдь онъ его отнюдь не считалъ „гнуснымъ бѣглецомъ“, а за два года до выхода книги самъ же писалъ ему... Но это письмо какъ разъ и наводитъ на мысль, что Чаадаевъ ясно сознавалъ, что „гибнетъ, слабѣетъ и быстрыми шагами приближается къ концу“, и „не отъ того угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ униженіемъ и которое по этому самому пагубнѣе перваго“. [2]

Но врядъ ли мы можемъ бросить за это въ него камнемъ обвиненія, въ него, который имѣлъ уже на плечахъ 60 лѣтъ... Вѣдь, не перестали же мы уважать Некрасова за то, что, тоже берегя свою шкуру, онъ рѣшился вдругъ сказать Муравьеву-Вѣшателю:

„Пускай клеймятъ тебя позоромъ
Надменный Западъ и враги;
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги!“

А при николаевскихъ порядкахъ личности было гораздо труднѣе выдержать себя до конца...

Кромѣ того, весьма возможно, что Чаадаевъ зналъ въ это время и ужъ, навѣрное, ясно ощущалъ снова усилившійся за собой полицейскій надзоръ. Этимъ онъ обязанъ былъ гр. Закревскому, который въ заботахъ о крѣпости николаевскаго строя добился (въ 1852 году) политическаго гоненія на славянофиловъ, къ коимъ причислилъ и Чаадаева. Узнавъ объ этомъ, московскій жандармъ, генералъ Перфильевъ всячески доказывалъ, что ни Армфельдъ, ни Свербеевъ, ни Чаадаевъ никакъ не могутъ быть причислены къ славянофиламъ и потому подлежатъ освобожденію отъ полицейскаго надзора,—но это ни къ чему не привело: Закревскій не сдавался, находя, что поведеніе Чаадаева предосудительно. [3]

14 апрѣля 1856 г. Чаадаева не стало.

[1] „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., IX, 50. Курсивъ мой.
[2] „Сочиненія А. И. Герцена“, VII, 263.
[3] Дѣло архива III Отдѣленія, 1 экспед., 1849 года, № 471.

Надеждинъ въ 1837—1856 гг.

Въ началѣ февраля 1837 г. Надеждинъ выѣхалъ изъ Москвы въ ссылку. Повидимому, онъ успѣлъ еще тамъ познакомиться съ исправлявшимъ тогда должность вологодскаго губернатора, генераломъ Д. Н. Болговскимъ [1], и заручиться отъ него письмомъ къ его помощнику, П. А. Ножеву. По крайней мѣрѣ, 10-го февраля, уже изъ Вологды, Надеждинъ пишетъ Болговскому, что прибылъ туда. „Съ симъ вмѣстѣ позвольте мнѣ излить предъ Вами чувства глубочайшей признательности за этотъ благосклонный пріемъ, который я встрѣтилъ въ Вологдѣ и которымъ я обязанъ благородному покровительству В. Пр—ва. Въ Павлѣ Аполлоновичѣ, которому я имѣлъ честь вручить Ваше письмо, нашелъ я самую лестную снисходительность, самое обязательное вниманіе ко всѣмъ нуждамъ моего положенія; Богъ да благословитъ его и Васъ! Половина тяжести спала съ души моей, когда я увидѣлъ, въ чьи руки угодно было промыслу предать судьбу мою. Какъ высочайшее счастіе, цѣню я, что долженъ жить подъ начальствомъ В. П-ва. Одно только печалитъ меня, что слишкомъ дальнее разстояніе не дозволитъ мнѣ воспользоваться всѣмъ благодѣтельнымъ вліяніемъ, какое оно могло бы имѣть не только на внѣшнее, но и на внутреннее состояніе. Подъ непосредственнымъ Вашимъ надзоромъ я бы тверже вынесъ свое несчастіе и скорѣе бы укрѣпился въ духѣ, чтобы, согласно отеческой волѣ милосерднаго Монарха, загладить вину свою и собраться съ новыми, достойными силами для служенія Ему и Отечеству. Но да будетъ во всемъ воля Божія! Мой долгъ безусловная покорность, глубокая преданность Промыслу и надежда на его благость. Всѣ желанія, какія дозволяю я себѣ имѣть, состоятъ въ томъ, чтобы Богъ продлилъ ваше пребываніе въ Вологдѣ для моего счастія. Пока я буду чувствовать себя подъ начальствомъ В. П-ва, отчаяніе не найдетъ доступа въ мою душу; я не буду считать себя погибшимъ“.

Въ концѣ февраля Болговской вошелъ къ Бенкендорфу со слѣдующей докладной запиской: „Надеждинъ, надворный совѣтникъ, ему повелѣно быть въ Усть-сысольскомъ городѣ, отстоящемъ отъ губернскаго слишкомъ 800 верстъ. Дерзская не только редакція послѣднихъ бредней Чаадаева, но и апологія въ собственномъ его примѣчаніи изложенной въ пользу и смыслѣ сихъ писемъ, суть праведный приговоръ его; не менѣе того убѣждаясь видами правительства желающаго дарованіе сего писателя обратить на пользу и во славу любезнаго отечества, [2] заставляетъ меня мыслить, что пребываніе Надеждина въ губернскомъ

[1] Собственно: военнаго губернатора города Вологды и вологодскаго гражданскаго губернатора. Этотъ Болговской, будучи полковникомъ, былъ замѣшанъ въ дѣло Сперанскаго 1812 года. Его тогда арестовали, привезли въ Петербургъ и сослали въ Сибирь. Съ дороги Александръ I вернулъ его и снова далъ полкъ.

[2] Это вполнѣ подтверждаетъ слова Никитенка.

городѣ болѣе будетъ соотвѣтственно таковой цѣли и сіе потому, что тутъ находясь подъ личнымъ моимъ надзоромъ, онъ не только не учинитъ ничего противузаконнаго, но можетъ статься, не удастся ли мнѣ внушить ему не страхъ одинъ полицейскій, но и убѣдя его въ ложномъ о вещахъ понятіи, съ тѣмъ вмѣстѣ перелить въ него и настоящее чувство соотечественника вѣрноподданнаго...“

Вслѣдъ за этой удивительно понятной и грамотной бумагой слѣдовала другая, въ которой сообщалось, что, въ виду ревматизма обѣихъ ногъ, „гемарройдальныхъ“ припадковъ и боли въ груди, Надеждинъ остается пока въ Вологдѣ. 30-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ Бенкендорфу представленіе Болговскаго объ ослабленіи надзора за Надеждинымъ и о переводѣ его въ Вологду. Министру было отвѣчено: „надзоръ долженъ быть обыкновенный полицейскій. Ему нѣтъ воспрещенія писать и присылать сюда свои сочиненія, которыя и будутъ разсматриваться цензурою“. Дѣлать докладъ государю о Вологдѣ Бенкендорфъ „не счелъ себя въ правѣ“. Въ іюлѣ Надеждинъ выѣхалъ въ Усть-Сысольскъ.

Тамъ онъ сталъ составлять статьи для „Энциклопедическаго Словаря“ Плюшара (болѣе 100) и кое-что посылалъ въ „Библіотеку для Чтенія“ и въ „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“. Усиленная работа объяснялась, кромѣ всего другого, необходимостью расплачиваться съ долгами... Вскорѣ Надеждинъ узналъ, что Е. В. Сухово-Кобылина уѣхала за границу и въ Испаніи вышла за графа Генриха Сальяса-де-Турнемира. [1]

Спустя нѣкоторое время, 31-го августа, Надеждинъ снова возбуждаетъ вопросъ о переѣздѣ въ Вологду. Изложивъ въ письмѣ своемъ Болговскому ходъ своей болѣзни, онъ продолжаетъ:

„Въ такомъ крайнемъ положеніи беру смѣлость обратиться къ благородному покровительству В. П-ва, какъ единственнаго ходатая несчастныхъ предъ великодушнымъ правительствомъ, которое столько же милосердно, сколько и правосудно. Глубоко сознавая вину свою, я готовъ терпѣть всякое наказаніе. Но, В. П-во, я желалъ бы сохранить остатки бѣднаго моего существованія, чтобы хотя сколько-нибудь загладить несчастный проступокъ, погубившій меня, будущими неусыпными трудами на пользу отечества. Безпредѣльное милосердіе Монарха не лишило меня этой надежды, даровавъ возможность трудиться, изливать и передавать свои мысли. В. П-во понимаете всю важность этого единственно остающагося мнѣ утѣшенія. Я бы не побоялся смерти въ этой отдаленной пустынѣ; я боюсь только оставить на себѣ пятно моего несчастнаго проступка. Жизнь дорога для меня въ томъ только отношеніи, что я надѣюсь смыть ею это пятно—надѣюсь доказать, какъ чиста моя душа, какъ неукоризненъ мой истинный образъ мыслей, какой безпредѣльной преданностью исполнено сердце мое къ любезному Отечеству и обожаемому Монарху. Для этой высокой цѣли я

[1] *Н. Барсуковъ*, н. с., V, 51—56.

готовъ употребить всѣ мои силы, все рвеніе; но мнѣ недостаетъ физическихъ силъ которыя скоро могутъ и вовсе истощиться. Удостойте-жь, В. П-во, милостиваго вниманія это первое [1] и послѣднее прошеніе, которымъ осмѣливаюсь утруждать въ лицѣ Вашемъ правосудное и милосердое правительство! Будьте моимъ воскресителемъ! Исходатайствуйте мнѣ возможность существовать и трудиться—по крайней мѣрѣ, подъ Вашимъ непосредственнымъ надзоромъ, руководствомъ и попечительностью! Съ моей же стороны, я смѣю обѣщать, и сдержу обѣщаніе—что покровительство Ваше будетъ оправдано всею моею жизнью".

Снова Болговской возбуждаетъ ходатайство. Повторивъ почти слово въ слово свою прежнюю докладную записку, онъ такъ заканчиваетъ отношеніе къ Бенкендорфу: „смѣю только по долгу и обязанности сказать, что Надеждинъ во все время бытія его въ губерніи ведетъ себя отлично, скромно, ежечасно раскаивается въ проступкѣ своемъ и что томительное сіе чувство можетъ быть есть главнѣйшая причина и въ разстройствѣ его жизненности. Обстоятельство сіе, равно и жребій сего Надеждина имѣю честь предать ходатайству нѣжнаго сердца Вашего Сіятельства".

29-го октября 1837 г., въ тотъ же день, когда кн. Голицынъ вошелъ съ докладомъ о Чаадаевѣ, гр. Бенкендорфъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ о переводѣ Надеждина въ Вологду. 3-го ноября послѣдовала резолюція: „согласенъ, но имѣть подъ строгимъ надзоромъ".

Въ мартѣ 1838 года Болговской просилъ Бенкендорфа возбудить ходатайство о совершенномъ прощеніи Надеждина. 8-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ былъ увѣдомленъ о разрѣшеніи Надеждину „жить всюду, гдѣ пожелаетъ".

Возвратясь въ Петербургъ, Надеждинъ уже рѣшилъ промѣнять литературу на службу или вѣрнѣе—на служебную литературу. [2]

Въ августѣ 1839 г. онъ обратился къ Дубельту съ просьбой дать удостовѣреніе, что со стороны III Отдѣленія нѣтъ никакихъ препятствій къ поступленію его на какую угодно государственную службу,—и, конечно, немедленно получилъ. Вскорѣ послѣ этого Надеждинъ отправился въ Одессу, чтобы служить при таможнемъ попечителѣ, Д. М. Княжевичѣ. Тамъ онъ, помимо службы, сталъ довольно много работать въ открытомъ въ 1840 году въ Одессѣ Обществѣ Исторіи и Древностей, отъ котораго получилъ научную командировку въ славянскія земли, продолжавшуюся болѣе года. Затѣмъ, вернувшись въ Одессу и пробывъ тамъ до весны 1842 года, онъ отправился въ Петербургъ, чтобы вступить на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Интересную бумагу по этому поводу отослало III Отдѣленіе министру Л. А. Перовскому въ отвѣтъ на его запросъ, можно ли Надеждина взять къ себѣ. „Ген.-ад. гр. Бенкендорфъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе Е. Пр—ву Л. А.,

[1] Далеко не первое.

[2] Изъ литераторовъ онъ былъ очень близокъ съ жандармскимъ полковникомъ Владиславлевымъ.

вслѣдствіе записки Е. П. имѣетъ честь увѣдомить, что въ дарованномъ 7-го класса Надеждину въ 1838 г. Всемилостивѣйшемъ прощеніи, не заключалось никакого ограниченія, а потому не можетъ предстоять ему препятствій вступить въ службу. Къ сему гр. Бенкендорфъ долгомъ считаетъ присовокупить, что (по имѣющимся свѣдѣніямъ Надеждинъ ведетъ жизнь скромную и человѣкъ благонамѣренный)". Въ черновикѣ, исправленномъ рукою Бенкендорфа, по расположенію Дубельта къ Надеждину, вмѣсто словъ, взятыхъ мною въ скобки стояло: „прекрасныя качества души Надеждина дѣлаютъ его вполнѣ достойнымъ вниманія начальства..."

Надеждинъ вступилъ въ должность редактора „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія". Помощникомъ себѣ онъ избралъ В. В. Григорьева,—человѣка, въ дальнѣйшей судьбѣ котораго было два замѣтныхъ момента: оклеветаніе Грановскаго, за что Григорьева общественное мнѣніе занесло въ разрядъ гнусныхъ пасквилянтовъ,—и начальствованіе главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати... „Съ почтеннѣйшимъ Николаемъ Ивановичемъ мы живемъ чуть-чуть что не душа въ душу"—писалъ сей господинъ Погодину...

Но Перовскій не оставилъ его исключительно при „Журналѣ". Надеждинъ былъ у него мастеромъ на всѣ руки, начиная со всеподданнѣйшихъ докладовъ и кончая заказными патріотическими статьями въ газеты.

Такъ, напримѣръ, когда въ 1848 году какой то крестьянинъ Титовъ, подойдя на пожарѣ къ Николаю I и взявъ его за капюшонъ шинели, сказалъ ему: „Баринъ, отойди, убьютъ!" и съ силою сдернулъ государя съ мѣста, куда вскорѣ вылетѣлъ изъ окна горящаго дома огромный станокъ,—Надеждинъ написалъ, по приказанію Перовскаго, статью для „Русскаго Инвалида".

Конецъ ея стоитъ вниманія для оцѣнки, какъ „старался" Надеждинъ загладить свой „несчастный проступокъ".

„Заслуживаетъ примѣчанія и то, что Титовъ до сихъ поръ ни разу не былъ на пожарахъ, тутъ же, какъ будто нарочно что то потянуло его идти на пожаръ такъ поздно, въ глухую полночь; и когда онъ вмѣстѣ съ другими вбѣжалъ въ домъ, чтобы помогать выбрасываться, опять что то, безъ всякаго сторонняго приказанія или внушенія, такъ Богъ знаетъ какъ, увлекло его на улицу, съ мыслью предостереженія, которая повидимому столь мало согласна съ приписываемою простолюдинамъ безпечностью и невнимательностью.

„Случай этотъ, такъ дивно великій въ своей простотѣ, оправдываетъ слова Псалмопѣвца извѣстныя наизустъ каждому русскому, который, всякій разъ какъ слышитъ ихъ въ Святой Церкви, всегда съ благовѣйнымъ умиленіемъ относитъ къ священной особѣ помазанника Божія, держащаго въ рукѣ своей благо милліоновъ: „Яко ангеломъ своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранити Тя во всѣхъ путяхъ Твоихъ, на рукахъ возмутъ Тя, да некогда преткнеши о камень ногу Твою". [1]

Случайно эта статья не была напечатана...

[1] *П. Мельниковъ*, „Спасеніе жизни Императора Николая Павловича", „Русскій Архивъ" 1879 г., I, 140—141.

Приспособился Надеждинъ и къ службѣ по расколу. Извѣстны взгляды на послѣднiй въ эпоху Николая I... Въ 1845 г. Надеждинъ выпустилъ одно секретное изданiе—„Изслѣдованiе о скопческой ереси", [1] въ 1846 г. другое—„О заграничныхъ раскольникахъ" [2]—оба изданы министерствомъ, въ Петербургѣ. Передъ выпускомъ второй книги, Надеждинъ ѣздилъ въ Бѣлую-Криницу. Взгляды его на расколъ хорошо иллюстрируются его ученикомъ и достойнымъ преемникомъ по этой части—П. И. Мельниковымъ-Печерскимъ. Этотъ господинъ рекомендовалъ наказывать „упорствующихъ" отобранiемъ... дѣтей! Ужъ, значитъ, хороши были поступки Надеждина по части службы, если И. С. Аксаковъ, прiѣхавъ въ Петербургъ тоже на службу къ Перовскому и поневолѣ видѣвшiйся нѣсколько разъ съ Надеждинымъ, пишетъ домой: „Вамъ, *конечно*, непрiятна эта близость сношенiй съ Н**. Она для меня еще непрiятнѣе,—но я въ отношенiяхъ своихъ къ нему такъ самостоятеленъ, и онъ это такъ чувствуетъ, что эта близость ровно ничего не значитъ". [3] Писалось это С. Т. Аксакову, который былъ раньше близкимъ другомъ Надеждина... Изъ другихъ писемъ И. С. видно, какъ неловко себя чувствовалъ Надеждинъ въ присутствiи честнаго молодого чиновника и какъ старательно отваживалъ его отъ дѣлъ по расколу...

Пыпинъ, очень высоко цѣнящiй Надеждина, находитъ, однако, что сочиненiя его о раскольникахъ „оставляютъ впечатлѣнiе крайне несимпатичное". [4]

Надеждинъ завелъ даже особыя связи съ заграничнымъ православнымъ духовенствомъ и, пользуясь ими, устраивалъ изданiе на славянскихъ языкахъ брошюръ и книгъ, въ которыхъ расколъ трактовался съ точки зрѣнiя русскаго правительства. Передатчикомъ денегъ за такiе труды былъ „совѣстливый" чиновникъ". [5]

Случайно мнѣ пришлось натолкнуться на интересную бумагу въ „Слѣдственномъ дѣлѣ Петрашевскаго", веденномъ извѣстнымъ И. П. Липранди. Оказывается, Надеждинъ давалъ свое заключенiе по поводу рукописной книги: „Библiотека здраваго разсудка, или собранiе важныхъ сочиненiй для спасенiя", взятой на обыскѣ у А. А. Тучкова, тестя Огарева, въ 1849 году. Вотъ часть этого заключенiя: „Статьи эти всѣ направлены противъ религiи и имѣютъ содержанiе самое богохульное. Въ нихъ осмѣиваются и даже просто подвергаются самому безстыдному ругательству священнѣйшiе обряды, таинства и догматы христiанской вѣры; не щадится и самое лицо Iисуса Христа, не говоря уже о прочихъ свя-

[1] Перепечатано въ „Сборникѣ правительств. свѣдѣнiй о раскольникахъ" Кельсiева, вып. III, 1862.

[2] Напечатано въ вып. I (1860 г.) того же Сборника.

[3] „Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ", ч. 1-я, т. II, 6. Въ сентябрьской книжкѣ 1905 года „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенiя" помѣщена бiографiя Надеждина, написанная Н. К. Козминымъ. Какъ и слѣдовало ожидать—это неразборчивая апологiя, настолько неразборчивая, что г. Козминъ рѣшился назвать отношенiя Надеждина къ раскольникамъ „совѣстливыми..." Отчего бы послѣ этого не выдать премiи за добродѣтель и прiятелю Надеждина—Липранди...

[4] „Исторiя рус. этнографiи", Спб. 1890 г, т. I, 270.

[5] „Русскiй Архивъ" 1873 г., 1131—1140.

тыхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ открыто нападается на всѣ общественныя постановленія, столь тѣсно связанныя съ религіею: проповѣдуется естественное равенство людей, опровергаются и преслѣдуются всѣ установленныя различія сословій, чиновъ, властей и т. д. При переводѣ этихъ вредныхъ статей на русскій языкъ имѣлось, какъ видно изъ многихъ мѣстъ, явное намѣреніе принаровить ихъ къ русскимъ обычаямъ и обстоятельствамъ; говорится, напримѣръ, объ Андреѣ черезъ плечо и т. п.". Этого отрывка достаточно, чтобы видѣть, насколько Надеждинъ оправдалъ ожиданія Липранди... Нѣтъ основаній предполагать, что это была единственная въ такомъ родѣ экспертиза. [1]

Все это располагало Перовскаго къ своему образцово ретивому чиновнику и, кромѣ денежныхъ пособій, настолько значительныхъ, что Надеждинъ сталъ обладателемъ имѣнія въ Крыму,—онъ произвелъ его въ теченіе семи лѣтъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и наградилъ орденомъ Владиміра 3-й степени... [2]

Въ 1853 г. Надеждина разбилъ лѣвосторонній параличъ, а 11 января 1856 года онъ умеръ.

Такимъ образомъ почти одновременно сошли въ могилу оба героя „телескоповской исторіи".

---

[1] „Дѣло" это хранится въ Московскомъ историческомъ музеѣ и было прислано въ Петербургъ для В. И. Семевскаго, благодаря любезности котораго я имѣлъ возможность ознакомиться съ этимъ очень интереснымъ документомъ, писаннымъ рукой самого автора.

[2] Для насъ все это гораздо важнѣе, чѣмъ дѣятельность Надеждина на другихъ поприщахъ, напримѣръ, этнографо-географическомъ, о которомъ я предпочитаю просто молчать.

IV.

Муки великаго поэта.

Одиннадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни великій поэтъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, былъ, можно сказать, въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ начальствомъ III Отдѣленія. Бенкендорфъ, Фокъ и Мордвиновъ—вотъ кто были приставлены къ каждому его слову и шагу. Пушкинъ видѣлъ, въ какіе тиски попалъ, благодаря царской „милости", но былъ совершенно безсиленъ... На его долю выпали такія муки, которыхъ не испытывалъ тогда ни одинъ русскій писатель. Многое ему не было ясно, многое онъ понялъ къ концу жизни, многое унесъ въ могилу и оставилъ неразрѣшеннымъ, но время накопило теперь достаточно неоспоримыхъ данныхъ для того, чтобы имѣть возможность вскрыть фальшь и неискренность „покровительствовавшаго" поэту царя и III-го Отдѣленія его присно-памятной канцеляріи.

О милостяхъ Николая I къ Пушкину, о его умѣніи понять поэта, о желаніи поднять его надъ всѣми прочими литераторами, и избавить отъ излишняго вниманія Бенкендорфа и другихъ такъ много наговорено за послѣдніе семьдесятъ лѣтъ, что въ представленіи широкой публики этотъ государь является чуть ли ни Провидѣніемъ нашего великаго писателя. Изъ историковъ, оцѣнивающихъ положеніе дѣла иначе, по моему, лучше другихъ высказался г. Щеголевъ. Давъ прекрасный анализъ рѣдкихъ сценическихъ способностей Николая I, онъ говоритъ: „Государь выдавалъ себя не за того, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; государь игралъ. Въ дни и мѣсяцы сыска надъ декабристами Николай Павловичъ показалъ свое лицо въ неожиданномъ, зловѣщемъ освѣщеніи. Царь-актеръ, искусно мѣняющій личины... Изъ этой его духовной сущности, открывшейся въ въ началѣ царствованія, мы должны исходить, если желаемъ понять его личность, его образъ дѣйствія во всей послѣдующей жизни. Онъ всегда умѣлъ провести наблюдателей, которые простодушно вѣрили въ его искренность, благородство, смѣлость; а вѣдь онъ только игралъ. И Пушкинъ, великій Пушкинъ былъ побѣжденъ его игрой. Онъ думалъ въ простотѣ души, что царь почтилъ въ немъ вдохновенье, а духъ державный въ немъ не жестокъ. А для Николая Павловича Пушкинъ былъ просто шалопаемъ, требующимъ надзора. Снисходительность же объясняется исключительно желаніемъ и изъ поэта извлечь возможно большую выгоду"... [1]

[1] „П. Г. Коховскій", „Былое", 1906, № 2, 193—194. Статью эту необходимо прочесть каждому, кто хочетъ создать себѣ полное представленіе о Николаѣ I.

Эти нѣсколько строкъ кажутся мнѣ справедливѣе десятковъ страницъ многихъ изслѣдователей и біографовъ Пушкина. Достаточно внимательно изучить Николая I и затѣмъ перейти къ оцѣнкѣ его истинныхъ отношеній къ Пушкину, чтобы прійти именно къ такому выводу, конечно, выраженному уже не такъ бѣгло и схематично.

Царь всѣми мѣрами располагалъ къ себѣ человѣка, умѣвшаго занять такое громадное положеніе. Онъ зналъ, что, при желаніи, Пушкина можно всегда спрятать въ каменный мѣшокъ Петропавловской или Шлиссельбургской могилы, но не видѣлъ въ такомъ шагѣ большой пользы. Гораздо выгоднѣе приручить льва, и потомъ гордиться его вѣрностью, чѣмъ любоваться на роскошную шкуру;—это изреченіе древняго мудреца Николай помнилъ хорошо. Онъ зналъ, какъ довѣрчивъ поэтъ, какъ онъ впечатлителенъ, какъ не чуждъ желанія весело и широко пожить... и былъ увѣренъ, что не проиграетъ свою игру, въ которой былъ уже довольно искушенъ.

Когда, безумно любившій жену и дочь, Рылѣевъ закончилъ свое признаніе 16 декабря словами: „свою судьбу вручаю тебѣ, государь: я отецъ семейства",—Николай понялъ, на чемъ нужно играть съ вдохновителемъ страшныхъ событій сенатской площади... Онъ послалъ женѣ тогда уже предназначеннаго къ повѣшанію 2000 рублей, а императрицѣ поручилъ послать черезъ нѣсколько дней еще тысячу и — Рылѣевъ, честный Рылѣевъ, пишетъ женѣ: „Молись за императорскій домъ. Милости, оказанныя намъ государемъ и императрицею, глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ"...

Не срѣзавшись на Рылѣевѣ, Николай зналъ, что не срѣжется и на Пушкинѣ.

I.

Прощеніе, „милость" и неудовольствіе.

Въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1825 года, слѣдовательно, еще при Александрѣ I, выславшемъ Пушкина изъ Петербурга, поэтъ пишетъ Жуковскому: „Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны ни въ поступкѣ, ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по-французски, потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ, да будетъ воля твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишетъ за меня". [1]

Послѣ смерти Александра I, Пушкинъ пишетъ (4 декабря) Катенину: „Мо-

[1] Сочиненія, VII, подъ редакціей П. А. Ефремова, 184. При дальнѣйшихъ ссылкахъ на это изданіе, я не буду уже указывать на редактора. Какъ здѣсь, такъ вездѣ и дальше, хронологическія даты приводятся мною по работѣ г. Лернера: „А. С. Пушкинъ. Труды и дни", печатающейся нынѣ вторымъ, значительно дополненнымъ, изданіемъ.

жетъ быть, нынѣшняя перемѣна сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный, долженъ я, конечно, печалиться о смерти государя; но какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I: въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха IV. Къ тому же онъ уменъ, а съ умными людьми все какъ то лучше. Словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго“. [1] Затѣмъ поэтъ начинаетъ атаковывать своихъ друзей просьбами о вызволеніи его изъ плѣна ссылки, и, узнавъ, что арестованы многіе изъ его друзей-декабристовъ, пишетъ Жуковскому: „Теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю—не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc“. [2] Вскорѣ Дельвигу Пушкинъ пишетъ, что „какъ бы то ни было, я желалъ бы *вполнѣ искренно* помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ“... 7 марта 1826 г. онъ пишетъ Жуковскому: „Вступленіе на престолъ государя Николая Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть его величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости“... [3] Эти слова нельзя понимать иначе, какъ косвенное согласіе на отвергаемое раньше ручательство передъ правительствомъ...

11 мая Пушкинъ написалъ всеподданнѣйшее прошеніе, которое и представилъ, по мѣстожительству въ с. Михайловскомъ, псковскому губернатору, барону фонъ-Адеркасу.

„Всемилостивѣйшій Государь. Въ 1824 году, имѣвъ несчастье заслужить гнѣвъ покойнаго императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

„Нынѣ съ надеждой на великодушіе вашего императорскаго величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ вашему императорскому величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою:

„Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляя свидѣтельство медиковъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края.

„Всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества, вѣрноподданный *Александръ Пушкинъ*“.

[1] Ibidem, 234.
[2] Ibidem, 241.
[3] Ibidem, 247—248.

Къ прошенію была приложена подписка о непринадлежности впередъ ни къ какимъ тайнымъ обществамъ съ заявленіемъ, что поэтъ и раньше не принадлежалъ къ нимъ и „никогда не зналъ о нихъ". [1]

Вяземскій находилъ прошеніе холоднымъ и сухимъ. Пушкинъ отвѣчалъ на это, послѣ полученія свѣдѣнія о казни декабристовъ: „Иначе быть и невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы"...

Повидимому, у Пушкина было уже рѣшено воспользоваться, въ случаѣ разрѣшенія, правомъ поѣздки за границу. Въ письмѣ къ кн. Вяземскому въ началѣ іюня онъ говоритъ, что „презираетъ отечество съ головы до ногъ", удивляется, что его адресатъ можетъ еще оставаться въ Россіи и прибавляетъ: „если царь дастъ мнѣ *слободу*, то я мѣсяца не останусь". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мало надѣялся на удовлетвореніе прошенія. „Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Если бъ я былъ потребованъ Комиссіей, то я бы конечно оправдался; но меня оставили въ покоѣ, и кажется, это не къ добру". [2]

Отъ псковскаго губернатора прошеніе пошло служебнымъ порядкомъ и дошло до начальника главнаго штаба, барона Дибича, вѣдавшаго тогда многими дѣлами, потомъ подлежавшими компетенціи III Отдѣленія. Оно было доложено Николаю I послѣ коронаціи, и 28 августа царь положилъ резолюцію, записанную Дибичемъ въ такомъ видѣ: „Высочайше повелѣно Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мнѣ."

8 сентября Пушкинъ былъ уже въ Москвѣ и въ тотъ же день былъ представленъ Дибичемъ Николаю въ Чудовомъ дворцѣ... О чемъ бесѣдовалъ царь съ опальнымъ поэтомъ, такъ и осталось, въ сущности, неизвѣстнымъ... Лишь нѣсколько достовѣрныхъ штриховъ позволяютъ судить о канвѣ ихъ разговора. Баронъ Корфъ приводитъ въ своихъ „Запискахъ" слѣдующій разсказъ Николая I:

„Я,—говорилъ государь,—впервые увидѣлъ Пушкина, послѣ моей коронаціи, когда его привезли изъ заключенія ко мнѣ въ Москву совсѣмъ больного и покрытаго ранами—отъ извѣстной болѣзни. Что сдѣлали бы вы, если бы 14-го декабря были въ Петербургѣ?—спросилъ я его между прочимъ.—Сталъ бы въ ряды мятежниковъ,—отвѣчалъ онъ. На вопросъ мой, перемѣнился ли его образъ мыслей и даетъ ли онъ мнѣ слово думать и дѣйствовать иначе, если я пущу его на волю, онъ наговорилъ мнѣ пропасть комплиментовъ насчетъ 14-го декабря, но очень долго колебался прямымъ отвѣтомъ и только послѣ длиннаго молчанія протянулъ руку, съ обѣщаніемъ сдѣлаться другимъ." [3]

[1] Ibidem, 250—251.
[2] Ibibem, 256.
[3] „Русская Старина" 1900 г., № 3, 574.

Хорошо освѣдомленный чиновникъ III Отдѣленія, М. М. Поповъ, могшій знать о встрѣчѣ царя съ Пушкинымъ отъ Бенкендорфа и Мордвинова, разсказываетъ, что Николай принялъ поэта съ великодушной благосклонностью, легко напомнилъ о прежнихъ проступкахъ и давалъ ему наставленія, какъ „любящій отецъ". Пушкинъ будто бы дѣлался все свободнѣе, и, наконецъ, приперся къ столу, стоявшему позади его, и почти сѣлъ на него. Государь быстро отвернулся и сказалъ: „Съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ"... [1] Смирнова утверждаетъ, что Пушкинъ сказалъ ей, что Николай бесѣдовалъ съ нимъ, какъ отецъ съ сыномъ, и самъ поэтъ писалъ черезъ недѣлю къ одному изъ своихъ корреспондентовъ: „L'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable." [2]

Когда впервые Пушкинъ былъ представленъ начальнику III Отдѣленія, Бенкендорфу,—неизвѣстно. Можно лишь увѣренно предполагать, что они видѣлись до отъѣзда генерала, 30 сентября, вмѣстѣ съ государемъ, изъ Москвы, потому что иначе Бенкендорфъ не упомянулъ бы въ своемъ письмѣ, которое приводится ниже, о просьбѣ Пушкина разрѣшить жить въ Петербургѣ, принесенной, по всей вѣроятности, лично, потому что въ дѣлахъ III Отдѣленія она отсутствуетъ. Во всякомъ случаѣ, съ 30 сентября Пушкинъ былъ уже поставленъ въ непосредственныя сношенія съ жандармеріей. [3]

Вотъ что писалъ ему главный начальникъ III Отдѣленія передъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы, 30 сентября (1826 г.):

„Милостивый Государь Александръ Сергѣевичъ!

„Я ожидалъ прихода Вашего, чтобъ объявить Высочайшую волю по прозьбѣ Вашей; но отправляясь теперь въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что Государь Императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда Вамъ въ столицу, но предоставляетъ совершенно на Вашу волю съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшеніе черезъ письмо.

„Его Величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности Ваши на переданіе потомству славы нашего отечества передавъ вмѣстѣ безсмертію имя Ваше. Въ сей увѣренности Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Вы занялись предметомъ о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, Вамъ представляется совершенная и полная свобода когда и какъ представить Ваши мысли и соображенія; и предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.

„Сочиненій Вашихъ никто разсматривать не будетъ; на нихъ нѣтъ никакой

[1] „Русская Старина", 1874 г., № 8, 691.

[2] Сочиненія, VII, 258.

[3] Откуда г. Ефремовъ заимствовалъ („Сочиненія", VII., 299) свѣдѣніе, что Пушкинъ былъ отданъ подъ единоличный надзоръ Бенкендорфа уже 9 сентября—неизвѣстно. Приводя это утвержденіе, г. Брюсовъ самъ дѣлаетъ ошибку, говоря, что тогда Бенкендорфъ не былъ еще шефомъ жандармовъ, корпусъ которыхъ учрежденъ, де, лишь въ 1827 году („Русскій Архивъ", 1906, г. № 2, 325).

Цензуры. Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведенiй Вашихъ и Цензоромъ.

„Объявляя Вамъ сiю Монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что, какъ сочиненiя Ваши, такъ и письма, можете для представленiя Его Величеству доставлять ко мнѣ, но впрочемъ отъ Васъ зависитъ и прямо адресовать на Высочайшее имя.

„Примите присемъ увѣренiе въ истинномъ почтенiи и преданности, съ которыми честь имѣю быть Вашъ покорной слуга *А. Бенкендорфъ.*“ [1]

Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ царской милости и наивно принялъ ее за чистую монету. „Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ—мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная“. [2]

Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнiя, что, поступая такимъ образомъ, Николай имѣлъ свой расчетъ. Онъ хорошо зналъ, что молодой, двадцатишестилѣтнiй поэтъ приметъ это, какъ знакъ высокаго къ нему благоволенiя, тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ никто, кромѣ Карамзина (при Александрѣ I), не удостоивался такой чести. Съ другой стороны, такимъ знакомъ милости Николай гарантировалъ себя отъ шалостей пера Пушкина, передъ тѣмъ не мало волновавшихъ кровь молодежи. Далѣе, ему надо было гарантировать себя отъ возможныхъ промаховъ цензоровъ, о которыхъ онъ былъ всегда самаго невысокаго мнѣнiя, потому что, по трусости и полной неопредѣленности цензурнаго устава, они—то иногда запрещали вещи самыя безобидныя, то вдругъ пропускали такiя, которыя, дѣйствительно, должны были считаться, съ точки зрѣнiя правительства, предосудительными. А Пушкина такъ читали, и перо его было такъ сильно... Наконецъ, этотъ шагъ небезполезенъ былъ въ то время и по чисто дипломатическимъ соображенiямъ: въ началѣ царствованiя нѣкоторые, особенно въ Европѣ, ожидали реформъ и молодому царю выгодно было показать представителямъ европейскихъ дворовъ, что онъ покровительствуетъ лучшему изъ отечественныхъ поэтовъ...

[1] „Письма Пушкина и къ Пушкину“, подъ ред. В. Брюсова, 1903 г., 34—35. Эту, какъ и многiя другiя, бумагу приходится цитировать изъ указаннаго изданiя, хотя она напечатана и въ изданныхъ г. Сухонинымъ „Дѣлахъ III Отдѣленiя с. е. и. в. канцелярiи объ А. С. Пушкинѣ“, 1906 г. Послѣднимъ придана *снаружи* вся обстановка точности и правильности, включительно до желанiя передать даже и цвѣтъ канцелярскихъ дѣловыхъ обложекъ, но на самомъ дѣлѣ изданiе это изобилуетъ такою массою самыхъ разнообразныхъ ошибокъ, происшедшихъ по непростительной небрежности издателя, что цитировать его безъ крайней необходимости совершенно не представляется возможности. Мое прошенiе директору департамента полицiи о разрѣшенiи свѣрить эту книгу съ подлинными дѣлами не получило удовлетворенiя...

Мнѣ кажется, что г. Брюсовъ дѣлаетъ ошибку, признавая правильнымъ весь разсказъ Анненкова о свиданiи царя съ поэтомъ 8 сентября. По моему, разсказъ о томъ, будто царь самъ заявилъ Пушкину о своей цензорской роли, невѣренъ, иначе не имѣло бы смысла повторять это въ офицiальной бумагѣ, да еще три недѣли спустя. Анненковъ и самъ очень осторожно сообщаетъ эту часть разсказа, употребляя стереотипное: „какъ мы слышали“.

[2] Сочиненiя, VII, 263—264.

10 сентября Пушкинъ читалъ своего „Бориса Годунова“ у Веневитинова, потомъ повторилъ чтенія у Вяземскаго и Соболевскаго, а 12 октября снова читалъ у Веневитинова... Не скоро, но все же Бенкендорфъ узналъ объ этомъ и 22 ноября пишетъ Пушкину:

„Милостивый Государь Александръ Сергѣевичъ!

„При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ Вами переговорить, обратился я къ Вамъ письменно съ объявленіемъ Высочайшаго соизволенія; дабы Вы въ случаѣ какихъ либо новыхъ литературныхъ произведеній Вашихъ, до напечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ или чрезъ посредство мое, или даже и прямо Его Императорскому Величеству.

„Не имѣя отъ Васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ однакоже заключить, что оный къ Вамъ дошелъ, ибо Вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ.

„Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что Вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную Вами трагедію.

„Сіе меня побуждаетъ Васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня, справедливо ли таковое извѣстіе или нѣтъ. Я увѣренъ, впрочемъ, что Вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ Монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашъ покорный слуга *А. Бенкендорфъ*.“ [1]

Это письмо любопытно, съ одной стороны, по весьма распространительному толкованію царской „милости“: въ письмѣ отъ 30 сентября ни слова не было сказано о распространеніи рукописей, что надо признать весьма существеннымъ, потому что въ тѣ времена обычай читать произведенія раньше ихъ печатанія и, слѣдовательно, представленія цензурѣ, былъ очень распространенъ. Съ другой стороны—по тому яду, который разлитъ въ послѣднихъ строкахъ... Бенкендорфъ хорошо зналъ, что Пушкинъ дѣйствительно читалъ „Бориса“, но дѣлалъ видъ, что даже и не допускалъ мысли о такомъ фактѣ... Любопытно, что когда позднѣе, въ маѣ 1828 года, государю стало извѣстно о чтеніи Пушкинымъ „Годунова“ у графа Лаваля, онъ сказалъ пожаловавшемуся Бенкендорфу: „Никто не запрещалъ Пушкину читать свои стихи друзьямъ. Я его единственный цензоръ. Впрочемъ, онъ это знаетъ“... [2]

29 ноября, изъ Пскова, Пушкинъ отвѣчаетъ Бенкендорфу:

„Милостивый Государь Александръ Христофоровичъ.

„Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ Вашего Превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто

[1] „Письма Пушкина etc.“, 36.

[2] *Смирнова*, „Записки“, 45.

живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе Государя Императора, также какъ снисходительную благосклонность Вашего Превосходительства.

,,Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ (конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ Высочайшую волю Государя), то поставляю за долгъ препроводить ее Вашему Превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ была она мною читана, дабы Вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ Императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другова списка у мена не находится, то пріемлю смѣлось просить Ваше Превосходительство оный мнѣ возвратить.

„Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка Государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мѣлкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ Вашего Превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ.

„Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*“.[1]

Письмо это Бенкендорфъ представилъ императору, возвратившему его съ записочкой: „Je suis charmé du style de lettre de Pouschkin, et fort curieux de lire son oeuvre; faites en faire l'extrait par quelqu'un de sûr pour que la chose ne s'ébruite pas“.[2]

Одновременно (9 декабря) Бенкендорфъ извѣстилъ Пушкина о полученіи трагедіи и о представленіи ея государю, и просилъ сообщать ему для той же цѣли всѣ и мелкіе труды его „блистательнаго пера“.[3]

Черезъ нѣсколько дней Бенкендорфъ представилъ царю рукопись Пушкина, „Замѣчанія на комедію о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ“, „Выписку изъ комедіи о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ“ и записку Пушкина „О народномъ воспитаніи“, сопроводивъ все это слѣдующей докладной запиской: „При семъ прилагаются замѣтки на сочиненіе Пушкина и выписки изъ этого сочиненія. Во всякомъ случаѣ эта пьеса не годится для представленія на сценѣ, но съ немногими измѣненіями ее можно напечатать; если Ваше Величество прикажете, я ее ему верну и сообщу замѣчанія, помѣченныя въ выпискѣ, и предупрежу его, чтобы сохранилъ у себя копію и чтобы зналъ, что онъ долженъ быть насторожѣ. Вслѣдствіе разговора, который у меня былъ, по приказанію Вашего Величества, съ Пушкинымъ, онъ мнѣ только что прислалъ свои замѣтки на общественное воспитаніе, которыя при семъ прилагаю. Замѣтки человѣка, воз-

[1] Сочиненія, VII, 265—266.

[2] „Старина и Новизна“ кн. VI, 4. „Я очарованъ слогомъ письма Пушкина и мнѣ очень любопытно прочесть его сочиненіе; велите сдѣлать краткій пересказъ кому-нибудь вѣрному, чтобы сочиненіе не распространилось“.

[3] „Письма Пушкина etc.“, 38.

вращающагося къ здравому смыслу". На поляхъ Николай написалъ: „je garderai les notes" („замѣтки оставлю у себя"), а относительно записки о воспитаніи приписалъ": je verrai ce que c'est" („посмотрю, что это такое"). [1]

Ознакомившись съ „Борисомъ Годуновымъ", царь отмѣтилъ нѣсколько сценъ краснымъ карандашомъ, на „Замѣчаніяхъ" же написалъ: „Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибы *съ нужнымъ очищеніемъ* передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ на подобіе *Вальтера Скота*".

14 декабря Бенкендорфъ увѣдомилъ объ этомъ Пушкина, прибавивъ, что государь „изволилъ прочесть комедію съ большимъ удовольствіемъ" и что мѣста, обратившія на себя вниманіе царя и требующія „нѣкотораго очищенія", отмѣчены въ возвращаемой рукописи и въ „Выпискѣ"... Вся эта пилюля была подслащена заключительной фразой: „Мнѣ крайне лестно и пріятно служить отголоскомъ Всемилостивѣйшаго вниманія Его Величества къ отличнымъ дарованіямъ Вашимъ". [2]

3 января Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, что согласенъ, что поэма „болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ Государь Императоръ изволилъ замѣтить" и жалѣетъ, „что не въ силахъ уже передѣлать однажды написанное"; что же касается мелкихъ произведеній, то въ непродолжительномъ времени будетъ имѣть честь представить ихъ. Любопытно, что это, въ сущности, далеко не любезное письмо заканчивалось съ необычною любезностью: „съ чувствомъ глубочайшаго почтенія, благодарности и преданности имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга"... [3]

Потомъ поэма снова была предметомъ дѣловой ихъ переписки.

Записка „о народномъ воспитаніи" теперь уже всѣмъ достаточно извѣстна, а потому я не привожу ее. Напомню лишь, что въ заключеніи Пушкинъ сознавался, что если бы не порученіе, онъ не взялся бы за этотъ вопросъ, но просилъ государя дозволить ему повергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ болѣе ему близкихъ и знакомыхъ"...

23 декабря Бенкендорфъ писалъ Пушкину:

„Милостивый Государь, Александръ Сергѣевичъ!

„Государь Императоръ съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденія Ваши о народномъ воспитаніи и поручилъ мнѣ изъявить Вамъ Высочайшую свою признательность.

„Его Величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое Вами правило, будто-бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее Васъ самихъ на край

---

[1] „Старина и Новизна", кн. VI, 4—5. Въ оригиналѣ послѣдняя фраза доклада была сказана такъ: „c'est déjà d'un homme qui revient à la raison".

[2] „Письма Пушкина etc.", 39. „Замѣчанія" и „Выписка" приводятся мною въ V приложеніи и при томъ точно по книгѣ Сухомлинова: „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію", т. II, 219—228.

[3] „Сочиненія" VII, 269—270.

пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія Ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ.

,,Съ отличнымъ уваженіемъ честь имѣю быть Вашимъ Покорнымъ слугою покорнѣйшей слуга *А. Бенкендорфъ*". [1]

Въ ,,запискѣ" Пушкина ни словомъ не говорилось о геніи. Это совершенно самостоятельный выпадъ Николая... Какъ можно было ввести такую систему образованія, чтобы уничтожить табель о рангахъ и давать ходъ по службѣ по мѣрѣ просвѣщенности чиновниковъ... Да куда же бы дѣлись всѣ столь близкіе невѣжды и неучи...

Записка о народномъ воспитаніи, несомнѣнно, только и можетъ быть разсматриваема, какъ компромиссъ съ правительствомъ Николая.

Вторымъ компромиссомъ надо признать „Стансы".

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
. . . .
Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ...

[3] „Письма Пушкина etc.", 41. Письмо это совершенно соотвѣтствовало резолюціи царя на „запискѣ", изложенной самимъ Бенкендорфомъ: „Lui faire une réponse, le remercier pour ce papier, en lui observant cependant, que le principe qu'il avance, que l'instruction et le génie et tout est un principe faux pour tous les gouvernements, et nommément ce lui qui a manqué le précipiter lui-même dans l'abime et qui y a jeté tant de jeunes gens; que la morale, les services, le zèle doivent l'emporter sur l'instruction". („Написать ему отвѣтъ, благодарить за его бумагу, замѣтивъ ему, однакожъ, что выставляемое имъ начало, что просвѣщеніе и геній составляютъ все, есть начало ложное въ глазахъ всѣхъ правительствъ и оно-то едва не низвергло его въ ту бездну, въ которую бросило стольхихъ молодыхъ людей; что нравственность, исполненіе служебныхъ обязанностей, усердіе должны быть предпочитаемы просвѣщенію)...

Напечатанныя въ 1827 году, сразу послѣ того, какъ онѣ вылились изъ подъ пера поэта, эти строки не могли не заставить задуматься надъ послѣдующей общественно-политической дорогой Пушкина...

II.

Учрежденіе тайнаго надзора.

Когда Бенкендорфъ писалъ Пушкину свое письмо отъ 30 сентября, онъ уже имѣлъ въ рукахъ нѣкоторыя данныя о его неблагонамѣренности, извѣстныя и царю... Повидимому, рѣшено было не придавать имъ пока серьезнаго значенія, и можетъ быть именно потому и поспѣшили взять его подъ царскую цензуру, обойти которую значило уже совершить очень тяжкое преступленіе...

Еще въ августѣ 1826 года къ служившему въ тайной полиціи генералу Скобелеву явился его агентъ Коноплевъ и представилъ слѣдующіе стихи, полученные имъ отъ нѣкоего кандидата правъ Леопольдова съ заглавіемъ: „14 декабря“.

Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило;
Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ изрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.
Уже сіялъ твой мудрый геній,
Уже въ безсмертный пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ;
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули: „блаженство!..“
О горе! О безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ!

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! нѣтъ, не виновна ты.
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ,
Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бродитъ, жаждою томимъ...
Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
Тамъ буря мрачная минетъ...

А. Пушкинъ.

Скобелевъ по болѣзни не могъ лично явиться къ Бенкендорфу и поэтому отправилъ къ нему Коноплева съ своей записочкой. Коноплевъ разсказалъ начальнику III Отдѣленія, что зналъ. Бенкендорфъ написалъ Скобелеву слѣдующую записку:

„Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, сожалѣя, что не могъ быть у Вашего Превосходительства по причинѣ крайняго недостатка времени и предстоящихъ маневровъ, покорнѣйше проситъ сообщить ему по предмету препровожденныхъ къ нему стиховъ Пушкина слѣдующія свѣдѣнія:

„1-е. Какой это Пушкинъ тотъ ли самый, который живетъ въ Псковѣ, извѣстный сочинитель стиховъ?

„2-е. Если не тотъ, то кто именно, гдѣ служитъ и гдѣ живетъ?

„3-е. Стихи сіи самимъ ли Пушкинымъ подписаны и не поддѣлана ли подпись подъ чужое имя—также этотъ листъ, на которомъ они сообщены Генералъ-Адъютанту Бенкендорфу, суть ли подлинный или копія съ подлиннаго? гдѣ подлинникъ находится и черезъ кого именно они доставлены къ Вашему Превосходительству? *Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ*“.

Скобелевъ прислалъ свои отвѣты на томъ же листѣ. На первый вопросъ онъ отвѣтилъ: „Мне сказано, что тотъ которой писать подобные стихи имѣетъ уже запрещеніе не отосланъ к атцу его“. На второй не отвѣтилъ ничего, а на третій—: „Я представилъ копію, которая писана рукою моего чиновника, подлинная говорятъ прислана изъ Пѣтербурха о чемъ вѣрнѣе объяснитъ чиновникъ, коего буду имѣть честь (слово неразобрано)“. [1]

[1] Документъ этотъ приведенъ полностью въ изданныхъ г. Сухонинымъ „Дѣлахъ“ и неполностью, но съ соблюденіемъ орѳографіи, на стр. 259—260 „Сочиненій“, т. VII. Все это было до 21 августа, на что указываетъ и Коноплевъ въ объясненіи, данномъ полицеймейстеру (стр. 268 „Дѣлъ“), и упоминаніе Бенкендорфа о маневрахъ, которые были тогда только *до* коронаціи, происходившей 22 августа. 21 числа Коноплевъ былъ уже посланъ къ Леопольдову.

Леопольдовъ указалъ, что получилъ стихи отъ прапорщика Молчанова и скрылъ, что самъ далъ имъ заглавіе, которое стояло въ спискѣ Коноплева. Молчанова арестовали, допрашивали, ничего сразу не добились, приказомъ 9 сентября исключили изъ гвардіи и снова продолжали допросы. Въ концѣ концовъ онъ сказалъ, что знаетъ, что стихи дѣйствительно написаны Пушкинымъ.

Въ это время Пушкинъ былъ еще въ Москвѣ... Его потребовалъ къ себѣ московскій оберъ-полицеймейстеръ, Шульгинъ, получившій соотвѣтствующее приказаніе отъ военносудной комиссіи, которой было передано слѣдствіе по этому дѣлу, уже захватившему и штабсъ-капитана Алексѣева, какъ передавшаго стихи Молчанову. На вопросъ принадлежатъ ли ему „извѣстные стихи", поэтъ просилъ предъявить ихъ и пока отъ всякихъ показаній воздержался. Затѣмъ, когда стихи были доставлены въ особомъ конвертѣ, прежде всего исправилъ ихъ такъ, какъ они напечатаны выше, измѣнивъ нѣсколько словъ, и затѣмъ 27 января 1827 года, написалъ свое объясненіе, въ которомъ указалъ, что это есть не больше, какъ отрывокъ изъ элегіи „Андрей Шенье", напечатанной съ пропускомъ этого мѣста въ собраніи его стихотвореній. [1]

Въ концѣ концовъ Аудиторіатскій департаментъ, среди другихъ своихъ опредѣленій, призналъ необходимымъ потребовать у Пушкина объясненій черезъ судъ. 25 марта 1827 года государь утвердилъ это опредѣленіе.

29 іюня Пушкинъ далъ снова показаніе, при чемъ указалъ, что книжка, включавшая въ себя „Андрея Шенье", вышла изъ цензуры 8 октября 1825 года, но процензурованная рукопись у него не сохранилась; впрочемъ, въ доказательство пропуска онъ приводилъ замѣнившія его точки. Затѣмъ, сказавъ, какъ надо понимать этотъ отрывокъ, въ которомъ говорится о взятіи Бастиліи, о клятвѣ du jeu de paume, о перенесеніи тѣлъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства и объ уничтоженіи царей, Пушкинъ пишетъ: „чтожъ тутъ общаго съ нещастнымъ бунтомъ 14 декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?" [2]

Но судъ не удовлетворился такимъ объясненіемъ и пожелалъ знать, почему непропущенное цензурой стало ходить по рукамъ. 24 ноября Пушкинъ отвѣчалъ, что стихотвореніе было извѣстно вполнѣ гораздо прежде напечатанія, потому что онъ и „не думалъ дѣлать изъ него тайну". [3]

Затѣмъ дѣло перешло въ сенатъ, который опредѣлилъ: „избавя Пушкина отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою, дабы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія". Государственный совѣтъ согласился съ этимъ, но призналъ еще необходимымъ, чтобы „по неприличному

[1] „Сочиненія", VIII, 598—600, и указанная книга г. Лернера.

[2] *И. Шляпкинъ*, „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина", 339—340.

[3] Ibidem, 341.

(sic!) выраженію его въ отвѣтахъ на счетъ происшествія 14 декабря 1825 года и по духу самаго сочиненія, въ октябрѣ 1825 года напечатаннаго, поручено было имѣть за нимъ на мѣстѣ его жительства секретный надзоръ". 28 іюля 1828 года Николай утвердилъ это мнѣніе совѣта. Однако, лукавый политикъ кн. Кочубей, бывшій предсѣдателемъ государственнаго совѣта, и на этотъ разъ помогъ царю выйти изъ неудобнаго положенія (см. стр. 43—44) и въ проектѣ объявленія состоявшагося высочайшаго повелѣнія опустилъ все, касавшееся надзора, а просто сообщилъ объ этомъ главнокомандующему въ Петербургѣ и Кронштадтѣ... Такимъ образомъ въ оффиціально утвержденномъ мнѣніи совѣта, сообщенномъ Кочубеемъ сенату 12 августа 1828 года, мы находимъ въ отношеніи Пушкина только то, что первоначально предлагалъ сенатъ. Въ своемъ опредѣленіи отъ 20 августа сенатъ повторилъ первое опредѣленіе... 13 августа главнокомандующій, гр. Толстой, получилъ увѣдомленіе о надзорѣ за поэтомъ, 17-го числа предписалъ объ этомъ генералъ-губернатору, а 19-го имѣлъ уже отъ послѣдняго рапортъ о принятіи всѣхъ необходимыхъ мѣръ и отобраніи подписки отъ Пушкина, что онъ ничего не будетъ печатать безъ одобренія цензуры. [1]

III.

Стараются приблизить...

Забѣжавъ немного впередъ, чтобы кончить сразу изложеніе дѣла объ отрывкѣ изъ „Андрея Шенье", обратимся снова къ хронологическому разсказу.

23 февраля 1827 года баронъ Дельвигъ прислалъ Бенкендорфу, по порученію Пушкина, пять его сочиненій: „Цыгане", два отрывка изъ третьей главы „Онѣгина", „19-е октября" и къ ***, съ просьбой поэта скорѣе рѣшить „достойны ли они и могутъ ли быть пропущены". [2]

Всѣ эти стихотворенія, какъ въ свое время и „Борисъ Годуновъ", были переданы кому то для оцѣнки. Въ результатѣ—„Примѣчанія на доставленныя г. Дельвигомъ сочиненія А. С. Пушкина". Они стоятъ быть воспроизведенными.

„1. Въ *Цыганахъ*, хотя говорится о свободѣ и вольности, или лучше сказать, хотя въ сей піесѣ упоминаются сіи слова, но это не стремленіе къ воспламененію умовъ, не политическая свобода и вольность (такъ называемыя), но вольность цыганской бездомной жизни, свобода степей. Безъ всякаго сомнѣнія, сколь ни будетъ хорошо описанная цыганская жизнь и нравы кочующихъ, никто не броситъ своего и не промѣняетъ жизнь городскую на цыганскую. Это лучшее произведеніе Пушкина въ литературномъ отношеніи—въ родѣ Байрона.

„2. а) *Ночной разговоръ Татьяны съ няней*; б) Письмо Татьяны; с)

[1] „Сочиненія", VII, 298—300, и „Дѣла" 292—296.
[2] „Дѣла", 42.

Къ *** ничего не заключаютъ, что бы могло возбудить малѣйшую тѣнь двусмыслія.

„3. *19-е Октября*—для публики можетъ быть будетъ и незначущею піесою, но *заглавныя буквы друзей*—для тѣхъ, кто знаетъ, о комъ говорится—лишни. Также вовсе не нужно говорить о своей *опалѣ, о несчастіяхъ*—когда авторъ не былъ въ ономъ, но былъ милостиво и отечески оштрафованъ—за такіе проступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію“. [1]

На этой весьма любопытной бумагѣ Бенкендорфъ положилъ резолюцію: „отослать и написать къ Пушкину, что я удивляюсь, что онъ далъ другому препорученіе мнѣ доставить свои сочиненія“. 4 марта онъ подписалъ два письма. Одно къ Дельвигу, съ извѣщеніемъ, что отвѣтъ отправленъ прямо къ Пушкину, и съ заявленіемъ, что „сколько меня ни удивило посредничество Ваше въ семъ дѣлѣ, но мнѣ пріятно Васъ увѣрить въ чувствахъ почтенія“; другое къ Пушкину:

„Милостивый Государь, Александръ Сергѣевичъ!

„Баронъ Дельвигъ, котораго я вовсе не имѣю чести знать, препроводилъ ко мнѣ пять сочиненій Вашихъ, я не могу скрыть вамъ крайняго моего удивленія, что вы избрали посредника въ сношеніяхъ со мною, основанныхъ на Высочайшемъ соизволеніи.

„Я возвратилъ сочиненія ваши г. Дельвигу и поспѣшаю Васъ увѣдомить, что я представлялъ оныя Государю Императору.

„Произведенія сіи, изъ коихъ одно даже одобрено уже цензурою, не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ. Позвольте мнѣ одно только примѣчаніе: Заглавныя буквы друзей въ піесѣ *19-е Октября* не могутъ ли подать повода къ неблагопріятнымъ для Васъ собственно заключеніямъ? это предоставляю Вашему разсужденію.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою *А. Бенкендорфъ*“.

Письмо это ошибочно было отправлено въ Псковъ и потому отвѣтъ Пушкина былъ отправленъ изъ Москвы только 22 марта. Поэтъ объявилъ, что все присланное Дельвигомъ было давно отдано ему для альманаха и должно было быть напечатано въ началѣ года, но, вслѣдствіе письма отъ 9 декабря, нынѣ представлено. „Чувствительно благодарю Васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно піэсы *19 Октября*. Непремѣнно напишу Б. Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ—и вообще все, что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ было имъ исключено“. [2]

24 апрѣля Пушкинъ просилъ разрѣшенія у Бенкендорфа на пріѣздъ въ Петербургъ по семейнымъ обстоятельствамъ. 3 мая шефъ жандармовъ сообщилъ

[1] *Сухомлиновъ*, н. с., II, 216. Иниціалами были обозначены нѣкоторые декабристы.

[2] „Сочиненія“, VII, 271.

ему, что докладывалъ государю о его просьбѣ. „Его Величество, соизволяя на прибытіе Ваше въ С.-Петербургъ, Высочайше отозваться изволилъ, что не сомнѣвается въ томъ, что данное Русскимъ дворяниномъ Государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано. Мнѣ же съ моей стороны весьма пріятно будетъ съ Вами здѣсь увидѣться и изустно Васъ увѣрить въ совершенномъ почтеніи“... [1]

Пріѣхавъ впервые послѣ ссылки въ Петербургъ, Пушкинъ хорошо понималъ, что прежде всего надо явиться въ III Отдѣленіе, поѣхалъ туда, но не засталъ Бенкендорфа и рѣшилъ ждать приглашенія. Послѣдняго, однако, не было и Пушкинъ написалъ 29 іюня, что ожидаетъ отъ шефа жандармовъ назначенія мѣста и времени своего представленія. Только 5 іюля Бенкендорфъ извѣстилъ, что „весьма радъ будетъ свидѣться“ съ нимъ у себя на квартирѣ на слѣдующій день. [2]

Въ это время Бенкендорфъ подводилъ подъ Пушкина каверзу, о которой ничего ему не сказалъ. 30 іюня онъ писалъ своему московскому жандарму, генералу Волкову, по-французски:

„Небольшая поэма Пушкина, подъ названіемъ *Цыгане*, только что напечатанная въ Москвѣ, въ типографіи Августа Семена, заслуживаетъ особеннаго вниманія своей виньеткой, которая находится на обложкѣ. [3] Потрудитесь внимательно посмотрѣть на нее, дорогой генералъ, и Вы легко убѣдитесь, что было бы очень важно узнать навѣрное, кому принадлежитъ ея выборъ—автору или типографщику, потому что трудно предположить, чтобъ она была взята случайно. Итакъ, я очень прошу Васъ, дорогой генералъ, сообщить мнѣ Ваши наблюденія, а также и результатъ Вашихъ разслѣдованій по этому предмету“.

Волковъ сдѣлалъ все немедленно и уже 6 іюля, какъ разъ въ день свиданія Пушкина съ Бенкендорфомъ, отвѣчалъ, что выборъ виньетки „достовѣрно принадлежитъ автору, который ее отмѣтилъ въ книгѣ образцовъ типографскихъ шрифтовъ, представленной ему Семеномъ; Пушкинъ нашелъ ее вполнѣ подходящей къ своей поэмѣ.—Объяснить эмблему было бы довольно трудно, и каждый могъ бы ее понять различно.—Эта опрокинутая чаша наслажденія, змѣя—символъ яда, кинжалъ или месть, [4] или измѣна—все, по моему, аналогично сюжету. Впрочемъ, эта виньетка дѣлалась не въ Москвѣ. Г. Семенъ получилъ ее изъ Парижа отъ г. Фирмина-Дидо. Она имѣется въ Петербургѣ во многихъ типографіяхъ и, вѣроятно, изъ того же источника. Чтобъ еще болѣе убѣдить Васъ, Ваше Превосходительство, я прилагаю къ сему самую книгу, которая, впрочемъ, была представлена Его Величеству во время коронаціи въ Москвѣ. [5] Г. Семенъ

[1] „Письма Пушкина etc.“, 45.

[2] „Дѣла“, 51.

[3] Эта виньетка напечатана выше, на стр. 399.

[4] Дальше идетъ слово „l'ésrit“, въ которомъ очевидная опечатка, угадать ее я не сумѣлъ.

[5] Неизвѣстно, въ чемъ тутъ дѣло.

говоритъ, что употреблялъ уже эту виньетку два или три раза въ заголовкахъ трагедій". [1]

Къ этому же времени, вѣроятно, относится и его знакомство съ любимой царемъ фрейлиной государыни, Россетъ, потомъ Смирновой, всегда собиравшей около себя лучшія литературныя имена... Вскорѣ Смирнова сблизилась съ Пушкинымъ и начала передавать государю его стихи, которые возвращала поэту съ царскими поправками... Въ салонѣ Смирновой Пушкинъ довольно часто встрѣчался съ Николаемъ I, его братомъ Михаиломъ, вообще съ міромъ дворцовой знати и аристократіи... Однажды царь сказалъ ему, чтобы онъ приносилъ свои стихи Смирновой, что она будетъ передавать ихъ ему, а онъ будетъ ихъ прочитывать и возвращать... Уходя, государь сказалъ фрейлинѣ: ,,вы будете курьеромъ Пушкина, его фельдъегеремъ''... Когда царь узналъ, что Пушкинъ стѣсняется безпокоить его мелочами своего творчества, то подтвердилъ Смирновой свою волю и при этомъ прямо сказалъ, что хочетъ читать все *раньше* Бенкендорфа, и дважды ей повторилъ: ,,Не забудьте, это болѣе чѣмъ разрѣшеніе, я этого хочу''... [2] Смирнова не совсѣмъ достовѣрная свидѣтельница, въ ея запискахъ не мало указаній совершенно невѣрныхъ, искаженныхъ и перепутанныхъ, но все только что сказанное врядъ ли неправильно по существу. Конечно, ея оцѣнка государя и его отношеній къ великому поэту не можетъ быть принята серьезно. Съ женщинами вообще Николай умѣлъ вести себя такъ, чтобы заставить повѣрить искренности всего, что говорилъ, тѣмъ болѣе это было легко со Смирновой, обожавшей своего царя...

О чемъ говорилъ поэтъ съ шефомъ жандармовъ—неизвѣстно...

Но Бенкендорфъ, повидимому, хотѣлъ разсмотрѣть его поближе, потому что, поѣхавъ въ тотъ же день въ свое имѣніе, Фалль, пригласилъ къ себѣ и поэта и отца его... 12 іюля онъ пишетъ государю изъ Фалля: ,,Отецъ поэта Пушкина здѣсь; сынъ его пріѣдетъ сюда на дняхъ. Въ день моего отъѣзда изъ Петербурга этотъ послѣдній, послѣ свиданья со мной, говорилъ въ англійскомъ клубѣ съ восторгомъ о Вашемъ Величествѣ и заставилъ лицъ, обѣдавшихъ съ нимъ, пить за здоровье Вашего Величества. Онъ, все-таки, порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его рѣчи, то это будетъ выгодно'' (,,il n'en est pas moins un bien mauvais garnement, mais si on peut diriger sa plume et ses propos, ce sera un avantage''). [3]

Это мѣсто письма Бенкендорфа имѣетъ громадную важность. Въ немногихъ словахъ здѣсь раскрывается нѣчто грандіозное. Во-первыхъ, несомнѣнно, приглашеніе Пушкиныхъ въ Фалль было сдѣлано по совѣту съ государемъ, а, можетъ быть, да и вѣрнѣе всего — по его иниціативѣ: Бенкендорфъ не отличался тонкостью соображенія. Поэта хотѣли прибрать къ рукамъ, приручить,—это съ одной

[1] „Дѣла" 260—261.

[2] „Записки А. О. Смирновой", 19, 45, 50, 221 и др.

[3] „Старина и Новизна", VI, 5—6.

стороны; съ другой—изучить его какъ можно основательнѣе. Во-вторыхъ, неужели отецъ поѣхалъ безъ согласія сына?... Въ-третьихъ, бесѣда съ Бенкендорфомъ 6 іюля, очевидно, заключалась въ превознесеніи послѣднимъ царя и при томъ настолько сильномъ и аффектированномъ, что впечатлительный поэтъ, отправившись въ клубъ обѣдать, излилъ тамъ чувства къ царю, которыми заразился отъ жандарма, въ восторженномъ тостѣ... Въ-четвертыхъ, между царемъ и шефомъ жандармовъ было рѣшено направить перо поэта и его рѣчи въ собственную пользу... Все это окрашиваетъ, насколько искренни были отношенія къ нему „милостиваго" Николая и насколько они считали его безчестнымъ, способнымъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ...

И слабохарактерный, довѣрчивый Пушкинъ, не допускавшій и мысли о веденной противъ него гнусной блокадѣ, въ порывѣ чувствъ пишетъ, черезъ десять дней послѣ свиданія съ Бенкендорфомъ, своего „Аріона":

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я—безпечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою.
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою...

Пушкинъ прочиталъ Смирновой французскіе стихи объ Аріонѣ:

Юный Аріонъ, изгони изъ сердца страхъ,
Причаль къ берегамъ Коринѳа;
Минерва любитъ этотъ тихій берегъ,
Періандръ достоинъ тебя;
И глаза твои узрятъ тамъ мудреца,
Возсѣдающаго на королевскомъ престолѣ,—

и, кончивъ, прибавилъ: „тотъ, кто говорилъ со мной въ Москвѣ, какъ отецъ съ сыномъ, въ 1826 году, и есть этотъ мудрецъ"... Послѣ этихъ словъ, говоритъ Смирнова, лицо его прояснилось и онъ сказалъ: „Аріонъ присталъ къ берегу Коринѳа"... [1]

20 іюля Пушкинъ послалъ Бенкендорфу нѣсколько стихотвореній, [2] прося,

[1] „Записки", 176.

[2] „Ангелъ", „Стансы", третья глава „Онѣгина", „Графъ Нулинъ", „Фаустъ и Мефистофель", „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ".

въ случаѣ разрѣшенія ихъ для печати, отослать къ Плетневу, завѣдовавшему тогда изданіемъ его сочиненій. При этомъ письмѣ онъ отправилъ еще другое, въ которомъ жаловался на чиновника III Отдѣленія, Ольдекопа, напечатавшаго въ 1824 году „Кавказскаго плѣнника“ вмѣстѣ съ сдѣланнымъ имъ нѣмецкимъ переводомъ. По словамъ Пушкина, это изданіе мѣшаетъ своевременному выпуску второго изданія „Плѣнника“, за которое, однако, предлагали тогда 3000 руб. Отецъ своевременно жаловался на Ольдекопа по начальству (онъ тогда служилъ въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ III Отдѣленія еще не существовало), но не получилъ никакого удовлетворенія. 22 августа Бенкендорфъ отвѣтилъ Пушкину, что ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ въ Россіи нѣтъ закона объ авторской собственности (онъ изданъ позже, въ 1828 году, вмѣстѣ съ цензурнымъ уставомъ), и нигдѣ вообще не воспрещается издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. [1] Что же касается посланныхъ стихотвореній, то шефъ жандармовъ извѣщалъ, что царь прочелъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ и первыя три разрѣшаются къ печати полностью; въ „Нулинѣ“ необходимо измѣнить два стиха; собственноручно отмѣченные государемъ:

„Порою съ бариномъ шалитъ...
„Коснуться хочетъ одѣяла“,

также какъ и въ „Фаустѣ“ слѣдуетъ выпустить:

„Да, модная болѣзнь: она
Недавно намъ подарена“.

„Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“ „при всемъ поэтическомъ своемъ достоинствѣ, по содержанію своему не приличны къ напечатанію. Сверхъ того, Церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева...“ [2]

Министерство народнаго просвѣщенія всегда затѣмъ присылало въ Третье Отдѣленіе напечатанныя произведенія Пушкина и запрашивало разрѣшеніе на выпускъ ихъ въ свѣтъ. Такого рода переписки я не привожу, въ виду ея чисто формальнаго значенія.

Пушкинъ былъ внѣ себя отъ радости: до этого цензоръ Двигубскій нашелъ представленіе ему „Фауста“ совершенно неумѣстнымъ и вдругъ теперь онъ пропущенъ безъ двухъ стиховъ... „Побѣда! побѣда!“—пишетъ Пушкинъ Погодину и торжествующе подтруниваетъ надъ цензоромъ.

10 сентября Пушкинъ извѣщалъ Бенкендорфа, что „съ благоговѣніемъ и благодарностью“ получилъ чрезъ него отзывъ государя и что „почитаетъ за счастіе во всемъ повиноваться Высочайшей его волѣ“, а объ Ольдекопѣ замѣтилъ, что необходимо ввести въ законъ объ авторскомъ правѣ огражденіе правъ переводимаго автора.

[1] „Дѣла“, 53.
[2] Ibidem, 55.

Не знаю, случайно или дѣйствительно по совѣту Пушкина, но въ изданное 22 апрѣля 1828 года „Положеніе о правахъ сочинителей" была введена статья, называющая контрафакторомъ того, „кто, напечатавъ переводъ книги, въ Россіи или съ одобренія цензуры Россійской изданной, приложитъ къ оной и самый подлинникъ, не имѣя письменнаго на то позволенія законнаго издателя".

Когда вышли въ свѣтъ, изданныя при помощи Плетнева, стихотворенія Пушкина, и въ нихъ нашли произведенія, на которыя выше я уже обратилъ вниманіе читателей, до поэта стали доходить отзывы о немъ, какъ о льстецѣ предержащей власти... Даже такое ничтожество въ нравственномъ отношеніи, какимъ былъ А. Ѳ. Воейковъ, и тотъ лягнулъ Пушкина колкой эпиграммой:

„Я прежде вольность проповѣдалъ,
Царей съ народомъ звалъ на судъ,
Но только царскихъ щей отвѣдалъ—
И сталъ придворный лизоблюдъ".

Пушкинъ въ гнѣвѣ беретъ перо и отвѣчаетъ „друзьямъ", мнѣніемъ которыхъ дорожитъ:

„Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ—и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою.
И я ль, въ сердечномъ умиленьѣ,
Ему хвалы не воспою?

Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: „презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!“
Онъ скажетъ: „просвѣщенья плодъ—
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!“

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу...

Эту отповѣдь, гдѣ такъ много лестнаго для Николая, Пушкинъ лично вручилъ Бенкендорфу съ шестой главой „Онѣгина“... 5 марта 1828 г. шефъ жандармовъ отвѣчалъ, что государь читалъ „Онѣгина“ съ большимъ удовольствіемъ; что же касается до стихотворенія „Друзьямъ“, „то его величество совершенно доволенъ имъ, но не желаетъ, чтобы оно было напечатано“... На рукописи этого произведенія Николай I написалъ: „cela peut courir, mais pas être imprimé“ („это можно распространять, но нельзя печатать“). Въ фактѣ неразрѣшенія печатать это восхваленіе г. Якушкинъ видитъ какъ бы доказательство, что это стихотвореніе не должно быть принимаемо, какъ лесть. Почтенный историкъ литературы говоритъ и нѣчто большее, а именно: „Это очень характерно: произведенія Пушкина, которыя служатъ поводомъ къ обвиненію его въ лести, въ измѣнѣ либеральнымъ идеямъ, въ проповѣди офиціальнаго консерватизма, не дозволяются правительствомъ къ печати“. [1] Странно, что г. Якушкинъ не вникъ въ психологію Николая. Послѣдній, разумѣется, хорошо понималъ, что, печатая подобныя вещи болѣе или менѣе часто, онъ уронитъ Пушкина въ глазахъ лучшей части общества и Европы и тѣмъ будетъ рубить свой же собственный сукъ...

IV.

„Снова тучи надо мною“...

Въ тотъ же день Пушкинъ благодаритъ генерала за извѣщеніе о высочайшей волѣ и въ концѣ письма приписываетъ: „Осмѣливаюсь безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою: лично узнать отъ Вашего Превосходительства будущее мое назначеніе“... [2] О какомъ назначеніи шла рѣчь—неизвѣстно... Свиданіе поэта съ жандармомъ послѣдовало 10 марта. Можно лишь предполагать, что Пушкинъ уже въ мартѣ добивался быть назначеннымъ въ дѣйствовавшую въ Турціи нашу армію... 18 апрѣля онъ пишетъ Бенкендорфу, что, слѣдуя его приказанію, онъ былъ у него, чтобы „узнать рѣшительно свое назначеніе“, но не засталъ и не былъ допущенъ обождать генерала, а потому проситъ дать отвѣтъ письменно.

[1] „О Пушкинѣ“, 63.
[2] „Сочиненія“, VII, 292.

Одновременно съ Пушкинымъ просился въ армію и кн. Вяземскій, бывшій тогда въ опалѣ по доносамъ Булгарина (см. стр. 266). Повидимому, оба поэта, мучимые своимъ положеніемъ, искали перемѣны обстановки жизни, а, можетъ быть, кто знаетъ... и почетнаго конца своихъ дней...

Николай и его вѣрный слуга понимали, что̀ значило пустить поэтовъ въ армію: имъ казалось, что это создастъ деморализацію офицерской среды, и потому рѣшено было отказать обоимъ—„поелику всѣ мѣста въ арміи заняты и ежедневно случаются отказы на просьбы желающихъ опредѣлиться въ оной". Этой отговорки считали достаточнымъ, не сообразивъ, что люди, просившіе занять самыя обыкновенныя мѣста, понимали, что это неискусная отговорка. Впрочемъ, Бенкендорфъ прибавлялъ, что Государь не „забудетъ васъ и воспользуется первымъ случаемъ, чтобы употребить отличныя Ваши дарованія въ пользу Отечества"... [1]

Просьба поэтовъ о зачисленіи въ армію, очевидно, была взвѣшана очень внимательно. Въ этомъ отношеніи не малый свѣтъ проливаетъ переписка Бенкендорфа съ варшавскимъ намѣстникомъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

„Вы говорите,—пишетъ послѣдній шефу жандармовъ,—что писатель Пушкинъ и князь Вяземскій просятъ о дозволеніи слѣдовать за главной императорской квартирой. Повѣрьте мнѣ, любезный генералъ, что, въ виду прежняго поведенія, какъ бы они ни старались выказать теперь свою преданность службѣ его величества, они не принадлежатъ къ числу тѣхъ, на кого можно бы было въ чемъ-либо положиться; точно также нельзя полагаться на людей, которые придерживались одинакихъ съ ними принциповъ, и число которыхъ перестало увеличиваться лишь благодаря бдительности правительства". [2] Изъ другого письма истинная причина неразрѣшенія вырисовывается еще яснѣе: какъ уже сказано, идя въ предѣлы Блистательной Порты, съ цѣлью освободить грековъ отъ турецкаго ига, боялись возможности сближенія русской офицерской молодежи съ греками и поэтами... „Моя ненарушимая преданность къ нашему августѣйшему повелителю заставляетъ меня сказать вамъ, любезный Бенкендорфъ,—писалъ великій князь,—что вамъ представляется теперь случай доказать ему и вашу преданность, стараясь всѣми вашими силами препятствовать сближенію нашей легкомысленной молодежи съ этими греческими канальями (извините меня за выраженіе), такъ какъ это сближеніе могло бы привести къ весьма пагубнымъ послѣдствіямъ. И неужели вы думаете, что Пушкинъ и князь Вяземскій дѣйствительно руководствовались желаніемъ служить его величеству, какъ вѣрные подданные, когда они просили позволенія слѣдовать за главной императорской квартирой? Нѣтъ, не было ничего подобнаго; они уже такъ заявили себя и такъ нравственно испорчены, что не могли питать столь благороднаго чувства. Повѣрьте мнѣ, что въ своей просьбѣ они не имѣли другой цѣли, какъ найти новое поприще для распространенія съ

[1] „Дѣла", 72. „Письма Пушкина etc", 49.
[2] „Рус. Архивъ", 1884 г., VI, 319.

бо́льшимъ успѣхомъ и съ бо́льшимъ удобствомъ своихъ безнравственныхъ принциповъ, которые доставили бы имъ въ скоромъ времени множество послѣдователей среди молодыхъ офицеровъ".

Но Пушкинъ, должно быть, твердо рѣшилъ покинуть Петербургъ, гдѣ все было такъ полно интригой, потому что не ограничился молчаливымъ принятіемъ плохо замаскированнаго отказа, а 21 апрѣля пишетъ Бенкендорфу, повидимому, думая, что не онъ вдохновитель новаго недовѣрія:—„съ благоговѣніемъ пріемлю рѣшеніе Государя Императора и приношу сердечную благодарность Вашему Превосходительству за снисходительное Ваше обо мнѣ ходатайство"... Затѣмъ: ,,Такъ какъ слѣдующіе шесть или семь мѣсяцевъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы провести сіе время въ Парижѣ, что́, можетъ быть, впослѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если Ваше Превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ Государя сіе драгоцѣнное дозволеніе, то Вы сдѣлаете мнѣ новое, истинное благодѣяніе"... [1]

Какъ подѣйствовалъ на Пушкина отказъ принять его въ армію, можно видѣть изъ того, что онъ сразу заболѣлъ, потерялъ сонъ и аппетитъ, у него разлилась желчь, и здоровье внушало серьезныя опасенія.

Бенкендорфъ узналъ о болѣзни поэта и потому предпочелъ вмѣсто письменнаго отвѣта послать къ нему своего чиновника, что́ и сдѣлалъ 23 апрѣля, избравъ для этой цѣли нѣкоего Ивановскаго, не чуждаго тогда литературѣ и встрѣчавшагося съ Пушкинымъ въ обществѣ. Тотъ счелъ за лучшее захватить съ собой одного знакомаго, совершенно неизвѣстнаго Пушкину, и въ его сопровожденіи явился къ больному... На вопросъ Ивановскаго, правда ли, что онъ заболѣлъ отъ полученнаго отказа, Пушкинъ отвѣтилъ: ,,Въ отказѣ я вижу то, что видѣть должно—немилость ко мнѣ государя". Дальше приведу разсказъ самого Ивановскаго.

,,—Но справедливо ли это?—спросилъ онъ Пушкина.—И не должно ли видѣть здѣсь совершенно противнаго? Вы просили объ опредѣленіи васъ въ турецкую армію, замѣтьте—въ армію. Чѣмъ же можно опредѣлить васъ? Не иначе, какъ юнкеромъ. Нарушить коренное и положительное правило, т.-е... переименовать васъ въ офицеры, согласитесь, это дѣло невозможное Здѣсь кстати привести весьма примѣчательныя слова покойнаго императора: ,,если государь будетъ нарушать законы, кто же послѣ сего будетъ уважать и исполнять ихъ?". Но тутъ еще не все. Еслибъ и удовлетворили ваше желаніе, къ чему повело бы оно? Строевая и адъютантская служба—не ваше назначеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что, при докладѣ государю о вашей просьбѣ, его величество видѣлъ дѣло яснѣе и вѣрнѣе, чѣмъ мы, теперь его разлагающіе. Притомъ, можно-ли сомнѣваться, чтобы нашъ великій монархъ не зналъ цѣны вашему генію, если только можно въ глаза говорить по убѣжденію; можно ли сомнѣваться, чтобы сердцу государя не было пріятнѣе сберечь васъ, какъ царя скуднаго царства

[1] „Сочиненія", VII, 294—295.

родной поэзіи и литературы, для пользы и славы этого царства, чѣмъ бросить васъ въ дремучій лѣсъ русской рати и предать на произволъ случайностей войны, незнающихъ различія между исполинами и пигмеями. Мнѣ кажется, что все это стоитъ вашего вниманія и даже рѣшительно имѣетъ право на особенное утѣшеніе ваше, какъ и на глубокую, такъ вамъ свойственную, благодарность къ царю-отцу, уже вполнѣ дѣломъ высказавшему свое лестное къ вамъ благоволеніе. Подумайте объ этомъ и скажите свое мнѣніе: я готовъ слушать ваши опроверженія.

,,При этихъ словахъ Пушкинъ живо поднялся на постели, глаза и улыбка его заблистали жизнью и удовольствіемъ; но онъ молчалъ, погруженный въ глубину отрадной мысли. Я,—разсказываетъ Ивановскій,—продолжалъ:

— ,,Еслибъ вы просили о присоединеніи васъ къ одной изъ походныхъ канцелярій: Александра Христофоровича, или графа К. В. Нессельроде, или И. И. Дибича—это иное дѣло, весьма сбыточное, вовсе чуждое неодолимыхъ препятствій.

— ,,Ничего лучшаго я не желалъ бы!.. И вы думаете, что это еще можно сдѣлать?"—воскликнулъ онъ съ обычнымъ своимъ одушевленіемъ.

— ,,Конечно, можно.

— ,,До отъѣзда вашего въ армію?

— ,,Вамъ извѣстно, что день отъѣзда его величества назначенъ послѣзавтра; стало-быть, разстояніе отъ сегодняшняго числа до 25-го слишкомъ коротко. Мнѣ кажется, что Александру Христофоровичу удобнѣе будетъ доложить объ этомъ государю въ дорогѣ.

— ,,Вы не только вылечили и оживили меня, вы примирили съ самимъ собою, со всѣмъ... и раскрыли предо мною очаровательное будущее! Я уже вижу, сколько прекрасныхъ вещей написали бы мы съ вами, подъ вліяніемъ бусурманскаго небо для второй книжки вашего ,,Альбома Сѣверныхъ музъ!"

— ,,Благодарю за послѣднее и увѣренъ, что мусульманская муза послужила бы вамъ не хуже бессарабской и бахчисарайской. Но знаете ли, что я сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ? Я предпочелъ бы поѣздку въ армію графа Эриванскаго—въ колыбель человѣческаго рода, въ землю св. Ноя, въ отчизну Зороастровъ, Кировъ и Даріевъ, гдѣ еще звучитъ эхо библейскихъ, миѳологическихъ и древне-историческихъ преданій... Одинъ переѣздъ чрезъ кавказскія поднебесныя выси—эти живыя развалины природы, сколько раскрылъ бы предъ вами радужныхъ красокъ, неуловимыхъ тѣней и высокихъ идей!.. Вѣдь и братъ вашъ тамъ? Но когда зоркій глазъ вашъ, ваша пытливая мысль исчерпали бы и истощили до дна поэтическія и историческія сокровища этой романтической земли, тогда отъ васъ зависѣло бы испросить позволеніе перешагнуть къ намъ— въ Европейскую Турцію.

— „Превосходная мысль! объ этомъ надо подумать",—воскликнулъ Пушкинъ, очевидно ожившій.

— „Итакъ, теперь можно быть увѣрену, что вы рѣшительно отказались отъ намѣренія своего ѣхать въ Парижъ?

„Здѣсь печально-угрюмое облако пробѣжало по его челу.

— „Да, послѣ неудачи моей“,—сказалъ Пушкинъ,—„я не зналъ, что дѣлать мнѣ съ своею особою, и рѣшился на просьбу о поѣздкѣ въ Парижъ“.

„Замѣтивъ мою улыбку, онъ спросилъ: „А вы что думаете объ этомъ намѣреніи?“

— „Александръ Христофоровичъ увѣренъ, что вы сами не одобрите этого намѣренія. Что же касается до меня, я думаю, что оно, выраженное прежде просьбы вашей объ опредѣленіи въ армію, не имѣло бы ничего особеннаго и, такъ сказать, не бросалось бы въ глаза: но послѣ... Впрочемъ, зачѣмъ теперь заводить рѣчь о томъ, что уже не существуетъ. Завтра, часовъ въ семь утра, пріѣзжайте къ Александру Христофоровичу: онъ самъ хочетъ говорить съ вами. Можетъ быть, и теперь вы съ нимъ уладите ваше дѣло. Между тѣмъ, я обрадую его вѣстью объ улучшеніи вашего здоровья и разскажу ему о нашей съ вами бесѣдѣ. Прощайте! Да хранитъ васъ богъ любви и вдохновенія! Отъ всей души желаю, чтобъ къ завтрему вы были совершенно здоровы и чтобъ судьба свела насъ съ вами по ту сторону сторожевыхъ Балкановъ! Будемъ вѣрны золотымъ надеждамъ! Что впереди, то не потеряно!“ [1]

Еслибы въ этомъ весьма характерномъ и любопытномъ разсказѣ сквозило нерасположеніе Ивановскаго къ Пушкину или хоть какая-нибудь тѣнь личнаго неудовольствія, тогда была бы возможность не признавать его правильнымъ, но въ такомъ видѣ разсказъ долженъ быть признанъ безусловно соотвѣтствующимъ истинѣ... Какъ же легковѣренъ былъ Пушкинъ, какъ быстро онъ поддавался тонкой лести, разлитой въ рѣчахъ жандармствовавшей сирены!.. Какъ мало надо было, чтобы заставить его вѣрить въ искренность мучителей...

Разумѣется, выпустить поэта въ Европу означало, по мнѣнію Николая и Бенкендорфа, собственными руками создать себѣ врага, который, не вернувшись въ Россію, сумѣлъ бы сказать о ней жестокую и горькую правду... Кромѣ того, не забудемъ, что дѣло объ элегіи „Андрей Шенье“ тогда не было закончено. Власть могла предполагать, что еще получитъ вѣскія данныя для обвиненія Пушкина въ тяжкомъ преступленіи...

Вскорѣ, въ іюнѣ 1828 года, дворовые брата декабриста Митькова донесли митрополиту Серафиму, что баринъ развращаетъ ихъ въ понятіяхъ православной вѣры, прочитывая имъ рукописное стихотвореніе „Гавриліаду“. Дѣлу дали ходъ, арестовали Митькова, забрали его бумаги. Со словъ Митькова, стихи были приписаны Пушкину. Немедленно, конечно, была образована особая комиссія изъ гр. Кочубея, графа П. Толстого и кн. Голицына, которая въ засѣданіи своемъ 25 іюля положила, между прочимъ, предоставить петербургскому генералъ-губернатору, призвавъ Пушкина къ себѣ, спросить: имъ ли писана поэма „Гавриліада“,

[1] „Русская Старина“ 1874 г. № 2, 393—399. Любопытно, что Ивановскій хотѣлъ напечатать все приведенное еще въ 1846 году въ „Сѣверной Пчелѣ“, но не получилъ разрѣшеніе кн. Орлова...

въ которомъ году и имѣетъ ли онъ у себя оную, и если имѣетъ, то потребовать, чтобъ вручилъ ему свой экземпляръ и, кромѣ того, обязать Пушкина подпискою впредь подобныхъ богохульныхъ сочиненій не писать подъ опасеніемъ строгаго наказанія... [1]

Въ самомъ началѣ августа генералъ-губернаторъ, Голенищевъ-Кутузовъ, призвалъ къ себѣ Пушкина, но получилъ въ отвѣтъ, что поэма писана не имъ, что онъ впервые видѣлъ ее въ лицеѣ въ 1815 или 1816 году и переписалъ, но не помнитъ, куда дѣвалъ списокъ, и что съ того времени не видалъ его... Комиссія доложила объ этомъ Николаю I, но онъ, разумѣется, не ограничился такимъ показаніемъ и приказалъ вторично призвать Пушкина и спросить, отъ кого именно онъ получилъ поэму въ лицеѣ, „изъяснивъ, что открытіе автора уничтожитъ всякое сомнѣніе по поводу обращающихся экземпляровъ сего сочиненія подъ именемъ Пушкина"... 19 августа поэтъ показалъ, что рукопись ходила между офицерами гусарскаго полка, но отъ кого онъ досталъ ее, никакъ не упомнитъ, свой же списокъ сжегъ, вѣроятно, въ 1820 году. При этомъ Пушкинъ добавилъ, что „ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже изъ тѣхъ, въ коихъ я особенно раскаиваюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіею. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ произведеніе столь жалкое и постыдное."

28 августа показаніе это было доложено царю, положившему резолюцію: „Г. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моимъ именемъ, что, зная *лично* Пушкина, я *его слову* вѣрю. Но желаю, чтобъ онъ помогъ Правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидить Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ". Толстой исполнилъ волю государя. Пушкинъ, „по довольномъ молчаніи и размышленіи", спросилъ его, можетъ ли онъ написать обо всемъ прямо Николаю I, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, тогда же написалъ царю письмо, запечаталъ его и вручилъ Толстому. Комиссія опредѣлила, не вскрывая письма, представить его государю... Такъ это письмо и кануло въ лету... А между тѣмъ, надо думать, что оно представляетъ очень большое значеніе. [2] Я не буду входить здѣсь въ анализъ всевозможныхъ литературныхъ указаній за и противъ принадлежности „Гавриліады" великому поэту и скажу только, что, несомнѣнно, авторомъ поэмы былъ онъ.

Мы помнимъ, что 18 или 19 августа 1828 года, слѣдовательно, въ разгаръ слѣдствія о „Гавриліадѣ", съ Пушкина была взята подписка, чтобы онъ ничего не выпускалъ безъ цензуры... Это такъ на него подѣйствовало, что поэтъ рѣшилъ написать Бенкендорфу. „Государь Императоръ, въ минуту для меня незабвенную, изволилъ освободить меня отъ цензуры. Я далъ честное слово мое Государю, которому измѣнить не могу изъ явнаго благоразумія, не говоря уже о чести дворянина, но и по глубокой искренней моей привязанности къ царю и человѣку.

[1] „Дѣла", 326.

[2] „Старина и Новизна", V, 2—5, „Дѣла", 327 и слѣд.

Требованіе полицеймейстера однакоже унижаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ; я чувствую, что того не заслуживалъ... Я далъ бы въ томъ честное слово, если бы я смѣлъ еще надѣяться, что оно имѣетъ цѣну..." [1] Но письмо не было отправлено по неизвѣстной для насъ причинѣ.

V.

Рядъ непріятностей.

5 марта 1829 года Пушкинъ получилъ отъ петербургской городской полиціи подорожную на Тифлисъ и, не сказавъ ни слова Бенкендорфу, уѣхалъ 9 марта изъ столицы...

Только 21-го узналъ объ этомъ шефъ-жандармовъ изъ записки Фока. Она очень любопытна: ,,Я вамъ сказывалъ, что Пушкинъ поѣхалъ отсюда въ деревню *одинъ*. Вотъ первое о немъ извѣстіе отъ собаченки его Сомова. Что далѣе узнаю, сообщу. Вспомните при семъ, что у Пушкина родной братъ служитъ на Кавказѣ и что господинъ поэтъ столь же опасенъ pour l'Etat, какъ неочиненное перо. Ни онъ не затѣетъ ничего въ своей вѣтреной головѣ, ни его не возьметъ никто въ свои затѣи. Это вѣрно!.. Laisser le courir le monde, chercher des filles, des inspirations poètiques et—du jeu. „Можно сильно утверждать, что это путешествіе устроено игроками, у коихъ онъ въ тискахъ. Ему вѣрно обѣщаютъ золотыя горы на Кавказѣ, а когда увидятъ деньги или поэму, то выиграютъ—и конецъ". [2]

Разумѣется, на слѣдующій же день, 22 марта, Бенкендорфъ запросилъ петербургскаго генералъ-губернатора, предписалъ ли онъ тому начальству, въ районъ котораго уѣхалъ Пушкинъ, о надлежащемъ продолженіи учрежденнаго за нимъ секретнаго надзора, причемъ кольнулъ его замѣчаніемъ, что объ отъѣздѣ поэта изъ Петербурга узналъ ,,случайно". Кутузовъ отвѣтилъ, что довелъ объ этомъ до свѣдѣнія главнокомандующаго въ Грузіи, графа Паскевича-Эриванскаго.

Между тѣмъ, Пушкинъ двинулся изъ Москвы на Кавказъ только 1 мая. Бенкендорфъ умышленно ничего своевременно не сообщилъ государю и только 20 іюля представилъ ему такую записку: ,,О Пушкинѣ. Lui faire demander qui lui a permis d'aller à Erzeroum—d'abord c'est hors de la frontière et 2-me il a

[1] „Сочиненія", VII, 300.

[2] „Сочиненія", VII, 317. Я не видѣлъ подлинника этой записки, но, несмотря на то, позволю себѣ не согласиться съ утвержденіемъ г. Ефремова, что, „судя по почерку", она написана Мордвиновымъ. Мордвиновъ при жизни Фока былъ очень обыкновеннымъ чиновникомъ III Отдѣленія и, конечно, не посмѣлъ бы писать своему начальнику помимо Фока, не говоря уже о томъ, что конечно ужъ не написалъ бы: „сказывалъ", а обязательно поставилъ бы „почтительнѣйше докладывалъ" или что-нибудь подобное. Самый тонъ изложенія да еще съ вольными французскими фразами заставляетъ предполагать, что записка писана самимъ Фокомъ. Переводъ французской фразы: „Предоставьте ему обойти свѣтъ, искать дѣвъ, поэтическихъ вдохновеній и—игры".

oublie qu'il doit m'avertir de tout ce qu'il fait au moins en fait de voyage. Cela fera qu'a la premiere occasion on lui assignera un endroit". [1]

20 іюля Плетневъ обратился къ Фоку съ просьбой сличить представляемые имъ два рукописные экземпляра „Бориса Годунова", убѣдиться въ томъ, что Пушкинъ исправилъ его, согласно полученныхъ указаній, и разрѣшить къ печати. III Отдѣленіе не торопилось и только 30 августа сдѣлало соотвѣтствующій всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ отмѣтило, что, несмотря на волю государя, чтобы пьеса была передѣлана въ историческую повѣсть или романъ на подобіе Вальтеръ-Скотта, она осталась драматическимъ произведеніемъ. Царь написалъ: „прислать мнѣ для прочтенія". Приказаніе было исполнено. Только 10 октября Бенкендорфъ написалъ на сопровождавшей комедію бумагѣ: „Высочайшаго соизволенія не послѣдовало" и „возвратить Пушкину съ тѣмъ, чтобы перемѣнилъ бы нѣкоторыя слишкомъ тривіальныя мѣста и тогда я опять доложу Государю". Однако, Пушкину не писали, наказывая его за самовольный отъѣздъ на Кавказъ... [2]

12 сентября булгаринская „Сѣверная Пчела", зная, что Бенкендорфъ изъ себя выходитъ отъ своевольства Пушкина, подлила масла въ огонь, напечатавъ извѣстіе о пребываніи поэта проѣздомъ въ Владикавказѣ... А поэтъ уже возвращался въ Москву, куда и пріѣхалъ 20 сентября... Этого не знали въ III Отдѣленіи и очень радовались, что можно было ввести въ обманъ Николая I, сказавъ, что и для Бенкендорфа путешествіе Пушкина на Кавказъ—совершенная новость, которую онъ узналъ одновременно съ государемъ изъ газетъ... [3] Разгнѣванный царь приказалъ предписать тифлисскому военному губернатору призвать къ себѣ Пушкина и спросить его, по чьему позволенію онъ предпринялъ поѣздку и по какимъ причинамъ „противъ даннаго имъ" Бенкендорфу обѣщанія не предувѣдомилъ его о своемъ намѣреніи отправиться на Кавказъ и „исполнилъ сіе безъ его на то согласія". Бенкендорфъ 1 октября послалъ такое предписаніе и прибавилъ отъ себя: „При семъ случаѣ Ваше Превосходительство не оставите замѣтить г. Пушкину, что сей его поступокъ легко почесть можно своеволіемъ и обратить на него невыгодное вниманіе". [4]

Когда Бенкендорфъ узналъ, что Пушкинъ уже давно въ Москвѣ, то 14-го октября написалъ ему:

„Милостивый Государь, Александръ Сергѣевичъ!

„Государь Императоръ, узнавъ по публичнымъ извѣстіямъ, что вы, Милостивый Государь, странствовали за Кавказомъ и посѣщали Арзерумъ, Высочайше повелѣть мнѣ изволилъ спросить Васъ, по чьему позволенію предприняли Вы сіе путе-

[1] „Сочиненія", VII, 318. Слова „au moins" г. Ефремовымъ пропущены. „Спросить, кто ему позволилъ отправиться въ Эрзерумъ, во-первыхъ, потому что это внѣ нашихъ границъ, во-вторыхъ, онъ забылъ, что долженъ сообщать мнѣ о каждомъ своемъ путешествіи. Изъ этого выйдетъ, что послѣ перваго же случая ему будетъ назначено мѣсто пребыванія".

[2] „Дѣла", 90—93. *Сухомлиновъ*, н. с., 11, 229—230.

[3] „Тифлисскія Вѣдомости" 1829 г. №№ отъ 28 іюня и 9 августа.

[4] „Дѣла", 94.

шествіе. Я же съ своей стороны покорнѣйше прошу Васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили Вы сдержать даннаго мнѣ слова, отправились въ Закавказскія страны, не предувѣдомивъ меня о намѣреніи Вашемъ сдѣлать сіе путешествіе.

„Въ ожиданіи отзыва Вашего для доклада Его Императорскому Величеству, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, Милостивый Государь, вашъ покорной слуга *А. Бенкендорфъ*“. [1]

Прежде полученія отвѣта Пушкина, Бенкендорфъ имѣлъ сообщеніе тифлисскаго губернатора: въ Тифлисѣ имѣли за поэтомъ наблюденіе, а въ Эрзерумъ онъ проѣхалъ оттуда съ разрѣшенія самого Паскевича. Когда поэтъ отправился въ Москву, вслѣдъ было послано извѣщеніе московскому губернатору о принятіи его тамъ подъ надзоръ.

Пушкинъ отвѣтилъ Бенкендорфу въ день пріѣзда въ Петербургъ, 10 ноября. Онъ оправдывался тѣмъ, что, пріѣхавъ на Кавказъ, не могъ лишить себя свиданія съ служившимъ тамъ братомъ, думая, что имѣетъ право поѣхать въ Тифлисъ. Между тѣмъ, арміи тамъ уже не было и, потому, благодаря хлопотамъ друга дѣтства, Раевскаго, онъ пріѣхалъ въ лагерь, но тоже въ день перехода въ Саганъ-Лу. „Очутясь уже тамъ, мнѣ показалось неловкимъ избѣгать участія въ дѣлахъ, которыя должны были тамъ произойти, и такимъ образомъ я участвовалъ въ походѣ полу-солдатомъ, полу-путешественникомъ. Я сознаю, насколько мое положеніе было фальшиво, а поведеніе легкомысленно, но, по крайней мѣрѣ, тутъ было только одно легкомысліе. Мысль, что это можно приписать другой причинѣ, была бы для меня нестерпимой. Я скорѣе хотѣлъ бы подвергнуться самой строгой немилости, чѣмъ прослыть неблагодарнымъ въ глазахъ Того, кому я всѣмъ обязанъ, кому готовъ пожертвовать моею жизнью — и это не фраза“. Въ заключеніе, поэтъ просилъ Бенкендорфа быть его провидѣніемъ... [2]

„Провидѣніе“ молчало, повидимому; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ неизвѣстно, какъ оно отвѣчало Пушкину; впрочемъ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1829 года они видѣлись лично. Послѣ неудачнаго исхода предложенія Гончаровой, 7 января 1830 года Пушкинъ, пользуясь разрѣшеніемъ Бенкендорфа, обратился къ нему съ просьбой. „Не будучи еще женатъ и не числясь на службѣ, я очень бы желалъ совершить путешествіе или во Францію или въ Италію. Если же это мнѣ не будетъ дозволено, я просилъ бы милостиво разрѣшить мнѣ посѣтить Китай съ миссіей, которая туда отправляется“. Кромѣ того, Пушкинъ писалъ, что ему извѣстно о неполученіи Жуковскимъ офиціальнаго разрѣшенія на печатаніе „Бориса“. „Принимая во вниманіе, что я не богатъ, мнѣ было бы очень тяжело лишиться около 15000 рублей, которыя я могъ бы получить за трагедію, и очень грустно отказаться отъ напечатанія труда, надъ которымъ я много размышлялъ и которымъ доволенъ больше, чѣмъ другими“. [3]

Шефъ жандармовъ доложилъ объ этомъ новомъ желаніи поэта уѣхать изъ Россіи

[1] „Письма Пушкина etc“, 50.

[2] „Сочиненія“, VII, 322, оригиналъ по-французски.

[3] Ibidem, VII, 324—325, оригиналъ по-французски.

и 17 января сообщилъ поэту: „государь императоръ не изволилъ снизойти къ Вашей просьбѣ о разрѣшеніи посѣтить иностранныя земли, думая, что это слишкомъ разстроитъ ваши денежныя дѣла и въ то же время отвлечетъ васъ отъ вашихъ занятій. Ваше желаніе сопровождать нашу миссію въ Китай точно также не можетъ осуществиться, такъ какъ всѣ чиновники уже назначены и никто изъ нихъ не можетъ быть замѣщенъ безъ увѣдомленія о томъ Пекинскаго двора“... Что же касается „Годунова“, то онъ обѣщалъ извѣстить объ окончательномъ отвѣтѣ на тѣхъ же дняхъ. [1]

Пушкинъ далъ понять всесильному царедворцу, что видитъ истину, и въ письмѣ отъ 18 января, гдѣ просилъ о ходатайствѣ за вдову только что умершаго генерала Раевскаго, говоритъ: „Боже избави, чтобъ я сдѣлалъ какое нибудь возраженіе противъ воли Того, кто меня осыпалъ столькими благодѣяніями. Я подчинился бы ей съ радостью, если бы могъ быть увѣренъ, что не подвергся его неудовольствію“, а въ другомъ мѣстѣ того же письма, говоря объ отсутствіи у Раевской протекціи, прибавляетъ: „то, что ея выборъ остановился на мнѣ, уже доказываетъ насколько она лишена друзей, надежды и помощи“... [2]

Дѣйствительно, черезъ четыре дня (21 января) Бенкендорфъ просилъ „перемѣнить еще нѣкоторыя слишкомъ тривіальныя мѣста въ Годуновѣ“ и тогда обѣщалъ снова представить его царю. [3]

Въ двадцатыхъ числахъ августа Бенкендорфъ слегка прихворнулъ и на вопросъ государя, почему онъ не выходитъ изъ дому, написалъ, что простудился на балу у французскаго посланника. Николай подчеркнулъ послѣднія слова и помѣтилъ на поляхъ: „Кстати объ этомъ балѣ. Вы могли бы сказать Пушкину, что неприлично ему *одному* быть во фракѣ, когда мы всѣ были въ мундирахъ, и что онъ могъ бы завести себѣ, по крайней мѣрѣ, дворянскій мундиръ; впослѣдствіи, въ подобномъ случаѣ пусть такъ и сдѣлаетъ“. Бенкендорфъ 28 февраля довелъ объ этомъ до свѣдѣнія поэта... [4]

4 марта Пушкинъ уѣхалъ въ Москву, куда и прибылъ 12-го числа. 17-го Бенкендорфъ пишетъ ему: „Къ крайнему моему удивленію, услышалъ я, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, что Вы внезапно разсудили уѣхать въ Москву, не предваря меня, согласно съ сдѣланнымъ между нами условіемъ, о сей вашей поѣздкѣ. Поступокъ сей вынуждаетъ меня просить васъ о увѣдомленіи, какія причины могли васъ заставить измѣнить данному мнѣ слову? Мнѣ весьма пріятно будетъ, если причины, васъ побудившія къ сему поступку, будутъ довольно уважительны, чтобъ извинить оный; но я вмѣняю себѣ въ обязанность Васъ предувѣдомить, что всѣ непріятности, коимъ вы можете подвергнуться, должны вами быть приписаны собственному вашему поведенію“. [5]

[1] „Письма къ Пушкину etc.“, 51, оригиналъ по-французски.

[2] „Сочиненія“, VII, 326, оригиналъ по-французски.

[3] „Дѣла“, 100.

[4] „Старина и Новизна“, VI, 6—7. „Письма Пушкина etc.“, 53.

[5] „Русская Старина“ 1899 г., № 5, 251. Здѣсь письмо неполное, а въ „Дѣлахъ“ (стр. 104) очень искаженное.

Пушкинъ отвѣчалъ, что, получивъ еще въ 1826 году дозволеніе государя жить въ Москвѣ, а въ слѣдующемъ году самого Бенкендорфа—пріѣхать въ Петербургъ, онъ съ тѣхъ поръ ежегодно зимой бываетъ въ Бѣлокаменной, а осенью въ деревнѣ, никогда не испрашивая на это разрѣшеній и не получивъ ни разу замѣчанія. Что же касается именно этой поѣздки, то еще въ началѣ зимы, встрѣтивъ Бенкендорфа на гуляньѣ, онъ сказалъ, что собирается въ Москву, на что даже выслушалъ остроту: „vous êtes toujours sur les grands chemins.“ [1]

Бенкендорфъ положилъ резолюцію: „Я его прошу меня въ передъ увѣдомлять“. Въ этомъ смыслѣ было написано Пушкину письмо, на которое онъ отвѣчалъ 24 марта:

„Ваше Превосходительство.

„Письмо, которымъ Вы меня удостоили, серьезно огорчило меня: умоляю Васъ удѣлить мнѣ минуту снисхожденія и вниманія. Несмотря на четыре года спокойнаго поведенія, я не могъ пріобрѣсти довѣрія властей. Съ прискорбіемъ вижу, что малѣйшій мой поступокъ вызываетъ подозрѣніе и недоброжелательство. Извините, Ваше Превосходительство, что я осмѣливаюсь жаловаться, но, во имя неба, соблаговолите войти на минуту въ мое положеніе и посмотрите, насколько оно тягостно. Оно такъ непрочно, что я безпрестанно считаю себя наканунѣ несчастья, ни предвидѣть, ни избѣгнуть котораго не могу. Если до сихъ поръ я не испытывалъ никакой немилости, то обязанъ этимъ не знанію своихъ правъ и обязанностей, а исключительно Вашей личной благосклонности. Но не будь Вы завтра министромъ, и меня послѣ завтра засадятъ въ тюрьму. Г. Булгаринъ, который говоритъ, что имѣетъ у васъ вліяніе, сталъ однимъ изъ самыхъ заклятыхъ моихъ враговъ, вслѣдствіе одной критики, которую онъ приписываетъ мнѣ. Послѣ гнусной его статьи противъ меня я считаю его способнымъ на все. Я не могу не предупредить Васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, потому что онъ можетъ мнѣ причинить безграничный вредъ. Я разсчитывалъ поѣхать изъ Москвы въ деревню, въ Псковскую губернію, но если Николай Раевскій пріѣдетъ въ Полтаву, умоляю Васъ разрѣшить мнѣ поѣхать туда съ нимъ увидѣться“.

VI.

„Пускай ослиное копыто знаетъ“...

Возвратимся немного назадъ, чтобы понять, при чемъ тутъ былъ Булгаринъ.

Въ началѣ 1830 года онъ выпустилъ въ свѣтъ своего „Дмитрія Самозванца“. „Литературная Газета“ помѣстила 7 марта статью барона Дельвига,

[1] „Сочиненія“, VII, 333—334.

[2] Ibidem, VII, 336, оригиналъ по-французски. Г. Ефремовъ ошибочно вставилъ въ текстѣ въ скобкахъ послѣ „m'avez honoré“ „17 марта“. Ясно, что Пушкинъ именно отвѣчаетъ на письмо, явившееся результатомъ только что приведенной резолюціи Бенкендорфа, но случайно оно затерялось въ бумагахъ поэта, а въ черновикѣ по оплошности чиновника не пришито къ дѣлу.

въ которой тотъ отнесся къ роману очень критически. Булгаринъ вообразилъ, что статья принадлежала перу Пушкина, заподозрилъ его въ желанiи унизить его романъ, чтобы тѣмъ поднять интересъ къ приготовлявшемуся ,,Борису Годунову", и, недолго думая, разразился по адресу поэта грязнымъ пасквилемъ, которому придалъ внѣшность анекдота, якобы разсказаннаго англичаниномъ. Привожу выдержку изъ этой полемической выходки, предупреждая читателя, что подъ Гофманомъ и иноземцемъ надо понимать Булгарина, а подъ природнымъ французомъ—Пушкина.

,,Появился какой-то французскiй стихотворецъ, который, долго морочивъ публику передразниванiемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ, упалъ въ общемъ мнѣнiи, отъ стиховъ хватился за критику и разбранилъ новое сочиненiе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана въ мнѣнiи французовъ, злой человѣкъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ и представляетъ въ комедiяхъ своихъ странности французовъ съ умысломъ для возвышенiя своихъ земляковъ-нѣмцевъ. Гофманъ вмѣсто отвѣта на ложное обвиненiе и невѣжественный упрекъ напечаталъ къ одному почтенному французскому литератору письмо слѣдующаго содержанiя: „Дорожа вашимъ мнѣнiемъ, спрашиваю у васъ, кто достоинъ болѣе уваженiя изъ двухъ писателей: предъ вами предстаютъ на судъ, во-первыхъ, природный французъ, служащiй усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненiяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины; у котораго сердце холодное и нѣмое существо какъ устрица, а голова—родъ побрякушки, набитой гремучими риѳмами, гдѣ не зародилась ни одна идея; который, подобно изступленнымъ, въ баснѣ Пильпая, бросающимъ камнями въ небеса, бросаетъ риѳмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ; который мараетъ бѣлые листы на продажу, чтобъ спустить деньги на крапленыхъ листахъ, и у котораго одно господствующее чувство—суетность. Во-вторыхъ, иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнялъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу и чести, любилъ свое отечество до присоединенiя онаго къ Францiи и послѣ присоединенiя любитъ вмѣстѣ съ Францiей; который за гостепрiимство заплатилъ Францiи собственною кровью на полѣ битвъ, а нынѣ платитъ ей дань жертвою своего ума, чувствованiй и пламеннымъ желанiемъ видѣть ее славною, великою, очищенною отъ всѣхъ моральныхъ недуговъ; который пишетъ только то, что готовъ сказать каждому въ глаза и говоритъ, что радъ напечатать. Рѣшите, м. г., кто достоинъ болѣе уваженiя".

Когда этотъ номеръ пришелъ въ Москву, Пушкинъ послалъ Бенкендорфу свое письмо отъ 24 марта, которое уже приведено было выше.

Но и этого Булгарину показалось недостаточно, чтобы отмстить врагу, и въ своей газетѣ отъ 22 марта онъ глумится еще надъ только-что вышедшей седьмой главой „Евгенiя Онѣгина": „Мы сперва подумали,—пишетъ Булгаринъ, —

что это мистификація, просто шутка или пародія, и не прежде увѣрились, что эта глава есть произведеніе сочинителя „Руслана и Людмилы“, пока книгопродавцы насъ не убѣдили въ этомъ. Глава VII испещрена балагурствомъ; ни одной мысли въ этой водянистой главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія! Совершенное паденіе, chute complète! Всѣ вводныя и вставныя части, всѣ постороннія описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобъ можно было печатать такія мелочи. Съ величайшимъ наслажденіемъ находимъ двѣ пропущенныя самимъ авторомъ строфы, а вмѣсто нихъ двѣ прекрасныя римскія цифры VIII и IX. Какъ это пестритъ поэму и заставляетъ читателя мечтать, догадываться о *небываломъ*!...“

Николай I былъ въ этотъ день у больного Бенкендорфа, и, вернувшись во дворецъ, пишетъ ему:

„Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ нумерѣ „Пчелы“ находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ, навѣрное, будетъ продолженіе: поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія; и если возможно, запретите его журналъ“.

Очень любопытенъ отвѣтъ Бенкендорфа:

„Приказанія Вашего Величества исполнены: Булгаринъ не будетъ продолжать свою критику на Онѣгина.

„Я прочелъ ее, Государь, и долженъ сознаться, что ничего личнаго противъ Пушкина не нашелъ; эти два автора, кромѣ того, вотъ уже года два въ довольно хорошихъ отношеніяхъ между собой. Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается надъ тѣмъ, что путешествіе за кавказскими горами и великія событія, обезсмертившія послѣдніе годы, не придали лучшаго полета генію Пушкина. Кромѣ того, московскіе журналисты ожесточенно критикуютъ Онѣгина.

„Прилагаю при семъ статью противъ „Дмитрія Самозванца“, чтобы Ваше Величество видѣли, какъ нападаютъ на Булгарина. Если бы Ваше Величество прочли это сочиненіе, то вы нашли бы въ немъ много очень интереснаго и въ особенности монархическаго, а также побѣду легитимизма. Я бы желалъ, чтобы авторы, нападающіе на это сочиненіе, писали въ томъ же духѣ, такъ какъ сочиненія — *это совѣсть писателей*“.

На это государь отвѣчалъ:

„Я внимательно прочелъ критику на „Самозванца“ и долженъ вамъ сознаться, что такъ какъ я не могъ пока прочесть болѣе двухъ томовъ и только сегодня началъ третій, то *про себя* или *въ себѣ* размышлялъ точно такъ же. Исторія эта, сама по себѣ, болѣе чѣмъ достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главнаго событія. А потому съ этой стороны критика, мнѣ кажется, справедлива.

„Напротивъ того, въ критикѣ на Онѣгина только факты и очень мало смысла; хотя я совсѣмъ не извиняю автора, который сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы

не предавался исключительно этому весьма „забавному роду литературы, но гораздо менѣе благородному, нежели его „Полтава“. Впрочемъ, если критика эта будетъ продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее вездѣ“ [1]

Несмотря на категорическое приказаніе царя и на донесеніе Бенкендорфа, что оно будетъ исполнено, въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1 апрѣля появилось окончаніе критики седьмой главы „Онѣгина“. Какъ оно прошло незамѣченнымъ Николаемъ—сказать трудно: онъ ежедневно читалъ эту газету... По всей вѣроятности, Бенкендорфъ сумѣлъ отвлечь чѣмъ-нибудь вниманіе...

Пушкинъ отвѣтилъ Булгарину достойнымъ образомъ. Начальникъ парижской тайной полиціи, Видокъ, выпустилъ какъ разъ къ тому времени въ Парижѣ свои четырехтомныя записки. Пушкинъ помѣстилъ въ „Литературной Газетѣ“ замѣтку якобы объ этой книгѣ, на самомъ же дѣлѣ, въ лицѣ Видока разрисовалъ своего противника, назвавъ его „отъявленнымъ плутомъ, столь же безстыднымъ, какъ и гнуснымъ“ и т. п.

Публика хорошо поняла всѣ эти намеки... Новое прозвище стало настолько популярно, что когда одновременно стала ходить по рукамъ эпиграмма Пушкина: „Не то бѣда, что ты полякъ“ (см. стр. 356), Булгаринъ, подумавъ и посовѣтовавшись съ кѣмъ слѣдовало, рѣшилъ прикинуться стоящимъ выше всякой брани, и совершенно неожиданно для всѣхъ напечаталъ эпиграмму въ своемъ „Сынѣ Отечества“, замѣнивъ въ ней Видока Фиглярина Ѳаддеемъ Булгаринымъ... Мало того, онъ сопроводилъ ее такимъ поясненіемъ: „Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда для раздачи любопытствующимъ эпиграмма *одного извѣстнаго поэта*. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ и сберечь сіе драгоцѣнное произведеніе отъ искаженія при перепискѣ, печатаемъ оное“. [2]

Когда петербургскій книгопродавецъ Лисенковъ объявилъ о продажѣ у себя портрета Видока и давалъ приходящимъ физіономію Булгарина, публика валомъ валила въ магазинъ, какъ бы демонстративно подчеркивая свою солидарность съ остроумной выдумкой... Черезъ нѣсколько дней портретъ, конечно, былъ конфискованъ съ отобраніемъ подписки о непродажѣ его и вездѣ. [3] Не разрѣшали потомъ и статей о Видокѣ...

На письмо Пушкина отъ 24 марта Бенкендорфъ отвѣчалъ 3 апрѣля:

„Милостивый Государь,

„Спѣшу отвѣтить на два письма, которыя вы соблаговолили написать мнѣ изъ Москвы, и исполню это съ моей обычной откровенностью. Я не вижу, почему вамъ угодно считать свое положеніе шаткимъ; я его не нахожу таковымъ, и мнѣ кажется, что отъ Вашего собственнаго поведенія зависитъ сдѣлать его еще болѣе прочнымъ. Вы не правы также, думая, что кто бы то ни было можетъ на меня вліять во вредъ вамъ, потому что я знаю васъ слишкомъ хорошо. Что

[1] „Старина и Новизна“, VI, 7—10. Оригиналъ французскій.

[2] „Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ“, 1830 г. № 17, 303.

[3] „Заря“, 1871 г., IV, 19.

касается г. Булгарина, то онъ никогда не говорилъ мнѣ о васъ уже по той простой причинѣ, что я его вижу лишь два-три раза въ годъ и въ послѣднее время видѣлъ только для того, чтобъ сдѣлать ему выговоръ. Но я долженъ вамъ признаться, что вашъ послѣдній внезапный отъѣздъ въ Москву долженъ былъ вызвать подозрѣнія. Что касается вашего вопроса—можете ли вы ѣхать въ Полтаву, чтобъ увидѣться тамъ съ Николаемъ Раевскимъ, я долженъ васъ увѣдомить, что представилъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе Государя, и Его Величество соблаговолилъ мнѣ отвѣтить, что положительно запрещаетъ эту поѣздку, потому что имѣетъ причины быть недовольнымъ послѣднее время поведеніемъ г. Раевскаго. Вы убѣдитесь, слѣдовательно, изъ самаго этого обстоятельства, что мои добрые совѣты позволятъ вамъ избѣжать ложныхъ шаговъ, такъ часто вами предпринимаемыхъ, когда вы не спрашиваете моего мнѣнія". [1]

Сколько надо было имѣть наглости, чтобы утверждать, что Булгарина онъ почти не видитъ!..

VII.

Изобиліе милостей.

16 апрѣля Пушкинъ сообщилъ Бенкендорфу, что вскорѣ женится на Гончаровой, но что будущая теща видитъ къ этому два препятствія: необезпеченное матеріальное положеніе поэта и роль его въ отношеніи правительства. Первое его не заботитъ, потому что, благодаря государю, онъ можетъ жить честнымъ трудомъ, но вторая, дѣйствительно, фальшива и сомнительна. Поэтому онъ просилъ шефа жандармовъ оказать возможное содѣйствіе. Вторая часть письма касается „Бориса Годунова". „Умоляю его величество простить мнѣ смѣлость, съ которою я ему противорѣчу; я очень хорошо знаю, что это противорѣчіе поэта можетъ показаться смѣшнымъ, но до сихъ поръ я постоянно отклонялъ всѣ предложенія книгопродавцевъ; я былъ счастливъ, что могъ въ тишинѣ приносить эту жертву волѣ его величества. Въ настоящее же время вынуждаемый матеріальными обстоятельствами, умоляю его величество развязать мнѣ руки и позволить напечатать мою трагедію въ томъ видѣ, какъ она есть". [2]

На это Бенкендорфъ отвѣчалъ весьма любопытнымъ письмомъ отъ 28 апрѣля:

„Милостивый Государь,

„Я имѣлъ счастье представить Государю Императору письмо, которое вы изволили мнѣ написать 16 апрѣля. Его Императорское Величество, узнавъ о

[1] „Письма Пушкина etc", 55—56, оригиналъ по-французски.

[2] „Сочиненія", VII, 340—342, оригиналъ по-французски. Насколько это письмо нелегко далось Пушкину, видно изъ черновиковъ, напечатанныхъ г. Шляпкинымъ на стр. 77—81 его книги: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина".

бракѣ, въ который вы собираетесь вступить, соблаговолилъ замѣтить по этому поводу, что онъ надѣется, что вы, конечно, хорошо испытали себя, прежде чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, и что нашли въ себѣ необходимыя качества сердца и характера для составленія счастья женщины и въ особенности такой милой и интересной, какъ г-жа Гончарова. Что же касается вашего личнаго положенія по отношенію къ Правительству, я могу лишь повторить вамъ все то, что уже говорилъ столько разъ: я нахожу его вполнѣ для васъ благопріятнымъ; въ немъ не можетъ быть ничего ни фальшиваго, ни сомнительнаго, если, конечно, вы сами не захотите сдѣлать его таковымъ. Его Величество, Государь Императоръ, съ чисто отеческимъ попеченіемъ о васъ, милостивый государь, удостоилъ поручить мнѣ, генералу Бенкендорфу,—не шефу жандармовъ, а человѣку, которому Ему угодно оказывать довѣріе, слѣдить и руководить вами своими совѣтами; никогда полиція не получала приказанія наблюдать за вами. Совѣты, которые я вамъ давалъ время отъ времени, какъ другъ, могли быть вамъ лишь полезны, и я надѣюсь, что вы будете въ этомъ все болѣе убѣждаться. Какое же недовѣріе можетъ возбуждать ваше положеніе въ этомъ отношеніи? Я даю вамъ право показать это письмо всѣмъ, кому вы найдете нужнымъ. Что касается вашей трагедіи „Годуновъ", то Его Величество Государь Императоръ разрѣшилъ вамъ напечатать ее подъ вашей личной отвѣтственностью.

„Затѣмъ примите мои искреннѣйшія пожеланія по поводу вашего будущаго счастья и будьте увѣрены въ чувствѣ уваженія преданнаго вамъ *А. Бенкендорфа*". [1]

Какая сѣть лжи!.. Какъ великолѣпенъ этотъ жандармскій „другъ", этотъ опекунъ по приказанію!..

Пушкинъ былъ въ восторгѣ... „Милый! Побѣда!—пишетъ онъ Плетневу. Царь позволяетъ мнѣ напечатать *Годунова* въ первобытной красотѣ"... Бенкендорфъ тоже сталъ „человѣкъ снисходительный, благонамѣренный и чуть ли не единственный вельможа, чрезъ котораго намъ доходятъ частыя благодѣянія государя". [2]

Поэтъ, повидимому, вѣрилъ въ искреннее желаніе шефа жандармовъ всегда оказывать ему всевозможныя любезности и услуги. Въ этомъ отношеніи любопытна его просьба отъ 29 мая 1830 года совершенно частнаго характера. У дѣда его невѣсты, Гончарова, владѣльца извѣстнаго Полотнянаго завода, болѣе тридцати пяти лѣтъ лежала въ подвалѣ неудачно отлитая въ Берлинѣ бронзовая

[1] „Русская Старина" 1899 г. № 5, 255—256, оригиналъ по-французски.

[2] „Сочиненія", VII, 344, 359. Это, разумѣется, не мѣшало Пушкину потомъ оцѣнивать Бенкендорфа и совсѣмъ иначе. По словамъ Смирновой, поэтъ такъ однажды характеризовалъ своего цербера: „онъ обладаетъ педантичнымъ упрямствомъ нѣмецкаго совѣтника, онъ совершенно лишенъ идеала, воображенія и былъ бы превосходнымъ чиновникомъ въ Гессенъ-Касселѣ и всякой другой трущобѣ; онъ дѣйствуетъ въ странѣ, которой не знаетъ, онъ исполненъ тайнаго презрѣнія нѣмцевъ къ die Russen, онъ не любитъ Россіи, не любитъ государя, такъ какъ совсѣмъ не понимаетъ его. Онъ вѣренъ, насколько можетъ быть вѣрнымъ—и въ этомъ все его достоинство; я чувствую, что онъ мнѣ вредитъ и будетъ вредить („Сѣв. Вѣстникъ" 1894 г., № 3, 128).

статуя Екатерины II, которую онъ хотѣлъ поставить на заводѣ въ знакъ благодарности облагодѣтельствовавшей его императрицѣ. Въ моментъ предстоявшей женитьбы его внучки на Пушкинѣ, Гончаровъ не располагалъ свободными деньгами и потому, скрѣпя сердце, рѣшилъ продать статую за предлагаемыя 40.000 рублей. Сдѣлать этого было нельзя, не заручившись разрѣшенiемъ властей и вмѣстѣ сохраненiемъ за нимъ права поставить статую, когда пожелаетъ. Пушкинъ просилъ Бенкендорфа помочь дѣлу, говоря: „послѣ императора только его царственная бабка можетъ выручить насъ изъ затрудненiя"... Государь согласился исполнить просьбу. Пушкинъ благодарилъ Бенкендорфа въ изысканныхъ выраженiяхъ. [1]

Въ концѣ декабря 1830 года былъ выпущенъ въ свѣтъ „Борисъ Годуновъ" и представленъ государю. 9 января слѣдующаго года Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина: „Его Величество Государь Императоръ поручить мнѣ изволилъ увѣдомить Васъ, что сочиненiе Ваше: Борисъ Годуновъ, изволилъ читать съ особеннымъ удовольствiемъ". Любопытно, что первая редакцiя письма была болѣе прiятна для поэта. Она гласила: „Его Величество Государь Императоръ, прочитавъ сочиненiе Ваше, Борисъ Годуновъ, изволилъ отозваться, что чтенiе сего изящнаго пiитическаго творенiя доставило ему великое удовольствiе". Николай самъ исправилъ черновикъ и редактировалъ его, какъ только что сказано... [2]

Польщенный поэтъ отвѣчалъ весьма характернымъ признанiемъ: „Съ чувствомъ глубокой благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ Государя Императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованiе, „Борисъ Годуновъ" обязанъ своимъ появленiемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня Государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ Русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатанiе. Позвольте мнѣ благодарить усердно и Ваше Превосходительство, какъ голосъ Высочайшаго благоволенiя, и какъ человѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участiе"... [3]

На фонѣ этого признанiя несуществовавшаго, разумѣется, факта свободы печати, дѣлается понятно восторженное отношенiе Пушкина къ политикѣ Николая еще за годъ передъ тѣмъ, когда 16 марта 1830 г. онъ писалъ Вяземскому: „Государь, уѣзжая оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организацiи, контръ-революцiи революцiи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическiй памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенiя. Огражденiе дворянства, подавленiе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великiе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу"... [4]

1 „Дѣла", 304—307.
2 *Сухомлиновъ*, н. с., II, 232. „Письма Пушкина etc.", 59.
3 „Сочиненiя", VII, 387—388.
4 Ibidem, 331.

18 февраля Пушкинъ женился. 7 апрѣля Бенкендорфъ сообщалъ, что на неизвѣстное до сихъ поръ письмо поэта о переводѣ его брата въ дѣйствующую армію государь приказалъ снестись съ графомъ Паскевичемъ. [1]

Семейная жизнь съ красавицей женой, такъ любившей свѣтскія удовольствія, заботила поэта съ самаго начала. Онъ искалъ вѣрнаго и постояннаго денежнаго рессурса. При убѣжденіи, что правительство даровало печати свободу, очень естественно, что прежде всего приходила въ голову мысль издавать газету: доходы „грачей-разбойниковъ" у всѣхъ были на виду... Жуковскій познакомилъ Бенкендорфа съ этимъ желаніемъ своего друга и тогда, 27 мая, Пушкинъ пишетъ шефу жандармовъ:" До сихъ поръ я относился очень небрежно къ своимъ денежнымъ средствамъ. Въ настоящее время, когда я не могу быть безпеченъ, не погрѣшая противъ своихъ обязанностей, нужно мнѣ подумать о своемъ благосостояніи, и я прошу на это разрѣшеніе его величества, такъ какъ должность, къ которой его величество соизволилъ меня причислить, и мои литературныя занятія обязываютъ меня жить въ Петербургѣ, а у меня нѣтъ другихъ доходовъ, кромѣ тѣхъ, которые доставляетъ работа". [2]

При этомъ была приложена „записка", въ которой указывалось на исключительное положеніе „Сѣверной Пчелы" и на необходимость создать ей противовѣсъ. „Намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ „Сѣверной Пчелы", т. е. журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя новости. Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства и въ семъ случаѣ я полагаю священною обязанностью ему повиноваться и не только соображаться съ рѣшеніемъ цензора, но и самъ обязуюсь строго смотрѣть за каждой строкою моего журнала. Злонамѣренность была бы съ моей стороны столь же безразсудна, какъ и неблагодарна".

Повидимому, Пушкинъ хотѣлъ заручиться поддержкой Фока, зная, какъ Бенкендорфъ смотритъ на монополію „Пчелы", и воображая,—хотя странно, на какомъ основаніи?—что директоръ канцеляріи III Отдѣленія готовъ бороться съ нею;—онъ послалъ Фоку черновикъ своего прошенія о газетѣ, которое, вѣроятно, должно было быть представлено государю. Вотъ что отвѣчалъ лукавый Фокъ 8 іюня:

„Милостивый Государь! Безконечно польщенный довѣріемъ, которымъ вамъ угодно было почтить меня, усерднѣйше прошу васъ принять выраженіе моей столь же искренней, столь чувствительной признательности.

„Но, однако, дозвольте мнѣ, милостивый государь, возвращая при семъ черновую прошенія, которую вы были такъ добры мнѣ сообщить, увѣрить васъ со всей моей всегдашней откровенностью, что я далекъ отъ покровительства какому-либо литератору на счетъ его собратовъ. Къ несчастью, есть лица, слиш-

[3] „Письма Пушкина etc.", 60.

[4] „Сочиненія" VII, 404—405. Начало этого французскаго письма говоритъ о желаніи помочь сестрѣ декабриста Кюхельбекера изданіемъ нѣкоторыхъ его поэмъ. При этомъ поэтъ объясняетъ, что сестра обратилась къ нему потому, что знаетъ о ихъ еще лицейской дружбѣ.

комъ охотно старающіяся бросать тѣнь на обстоятельства самаго невиннаго свойства. Такъ и мнѣ вздумали приписывать вліяніе, котораго я никогда не имѣлъ и которое было бы діаметрально противоположно моимъ правиламъ. Издатели „Сѣверной Пчелы" болѣе близко знакомы мнѣ вслѣдствіе прежнихъ, чисто-общежительныхъ отношеній; они единственные изъ всѣхъ литераторовъ, которые иногда навѣщаютъ меня и съ которыми я мѣнялся мыслями по предметамъ, касающимся литературы, никогда, впрочемъ, не становясь исключительно на сторону ихъ воззрѣнія. Итакъ, приписывать мнѣ предпочтеніе къ этимъ господамъ не только совершенно неосновательно, но даже немного зло. Что касается статей политическаго содержанія, изрѣдка доставляемыхъ мною для помѣщенія въ издаваемой ими газетѣ, то это дѣлается мною по обязанности, по указанію генерала Бенкендорфа, который обыкновенно кладетъ на нихъ свое письменное одобреніе. По этой самой причинѣ позволяю себѣ думать, что, можетъ быть, и вы хорошо сдѣлали бы, обратясь, по поводу вашего предпріятія, къ генералу Бенкендорфу, который постоянно оказывалъ вамъ очевидныя доказательства своего особливаго благорасположенія (qui vous a constamment donné des preuves évidentes de sa bienveillance particulière).

„Я счелъ своимъ долгомъ изложить эти подробности для очищенія совѣсти и въ отвѣтъ на ваше любезное довѣріе. Желая вамъ самыхъ блестящихъ успѣховъ въ вашемъ предпріятіи, я, конечно, одинъ изъ первыхъ стану радоваться таковому и поздравлять публику, что человѣкъ вашего отличнаго таланта будетъ способствовать сколь къ ея удовольствію, столь и къ просвѣщенію". [1]

Повидимому, устные разговоры замѣнили переписку, потому что до второй половины іюля Пушкинъ, насколько извѣстно, ничего не писалъ по поводу своего проекта. Только послѣ 15 іюля онъ отправилъ Бенкендорфу слѣдующую весьма любопытную записку:

„Заботливость истинно-отеческая Государя Императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями Его Величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ изъ Лицея), къ несчастію, представляетъ мнѣ препятствіе на поприщѣ службы. Я считался въ Иностранной Коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т.-е. Титулярнаго и Коллежскаго Ассесора; но бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало.

„Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое, то буду стараться съ точностію и усердіемъ исполнить волю Его Величества и готовъ служить Ему по мѣрѣ моихъ способностей. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыхъ у насъ не существуетъ) и Правительству нѣтъ надобности имѣть свой офиціальный Журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо.

[1] „Рус. Архивъ" 1881 г., № 2, 440, оригиналъ по-французски.

„Съ радостію взялся бы я за редакцію Политическаго и Литературнаго Журнала, т.-е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію.

„Болѣе соотвѣтствовало бы моимъ занятіямъ и склонностямъ дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ Государственныхъ Архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не желаю взять на себя званія Исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина; но могу со временемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и Его наслѣдниковъ до Государя Петра III“.

Бенкендорфъ доложилъ этотъ историческій документъ государю. Николай и шефъ жандармовъ ясно видѣли, какъ все ближе и ближе примыкалъ Пушкинъ къ взглядамъ „вполнѣ благонамѣреннымъ“, и сочли тактичнымъ реагировать на это соотвѣтствующими мѣрами. Царь приказалъ принять поэта на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ и разрѣшить ему „рыться въ старыхъ архивахъ“ для составленія исторіи Петра Великаго... Пушкинъ снова внѣ себя отъ удовольствія. „Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди, попаду во временщики“... „Кстати скажу тебѣ новость (но да останется это по многимъ причинамъ между нами): царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли? Онъ сказалъ: puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite“.[1]

Послѣ тѣхъ изъявленій удовольствія политикой Николая I, какія мы уже привели, нѣтъ ничего удивительнаго, что Пушкинъ вполнѣ одобрялъ и отношеніе царя къ польскому возстанію. „Ихъ надобно задушить и наша медленность мучительна. Для насъ мятежъ Польши есть дѣло семейственное, старинная, наслѣдственная разпря, мы не можемъ судить ее по впечатлѣніямъ Европейскимъ, каковъ бы ни былъ впрочемъ нашъ образъ мыслей“.[2]

Тѣмъ болѣе, что, какъ указалъ г. Якушкинъ, еще въ 1824 году поэтъ былъ о польскомъ вопросѣ того же мнѣнія, что и въ 1831-мъ; тогда онъ написалъ посланіе графу О**, въ которомъ есть прямо стихи, вошедшіе потомъ въ извѣстную оду дѣйствіямъ русскаго правительства...[3]

2 августа Пушкинъ написалъ „Клеветникамъ Россіи“... совершенно не понимая, насколько ему, именно ему неумѣстно было писать подобную вещь...

Ужъ на что князь Вяземскій,—и тотъ былъ возмущенъ до глубины души, когда Пушкинъ и Жуковскій, два лучшіе наши поэта, наперебой славословили

[1] „Сочиненія“, VII, 425, 428—429. „Такъ какъ онъ женатъ и не богатъ, то надо, чтобы онъ не протягивалъ руку“.

[2] „Старина и Новизна“, XII, 323.

[3] *Якушкинъ*, н. с., 61.

наше позорное поведеніе и мужество и мудрость монарха... 5 сентября Пушкинъ дѣлаетъ второй шагъ и пишетъ ,,Бородинскую годовщину''... Смирнова подала ее царю и на молебнѣ по случаю взятія Варшавы Николай благодарилъ своего — онъ теперь могъ это думать—-поэта... [1] Г. Брюсовъ говоритъ: „есть извѣстіе, что эти стихи написаны Пушкинымъ по просьбѣ государя''... Всѣ, кто холопствовалъ передъ дворомъ, кто былъ истинно-русскимъ Тамерланомъ, кто одеревенѣлъ въ обстановкѣ Николая I..,—-восхищались стихами.

Пушкинъ, конечно, понималъ, какъ должны они быть встрѣчены всѣми другими, и потому, напримѣръ, Вяземскому стихи остались неизвѣстны до 14 сентября, значитъ, почти въ теченіе двухъ недѣль... Когда же князь ознакомился съ ними, то записалъ въ своемъ дневникѣ: ,,Будь у насъ гласность печати, никогда бы Жуковскій не подумалъ бы, Пушкинъ не осмѣлился бы воспѣть побѣды Паскевича... Курамъ на смѣхъ быть внѣ себя отъ изумленія, видя, что льву удалось, наконецъ, наложить лапу на мышь... И что за святотатство сближать Бородино съ Варшавою. Россія вопіетъ противъ этого беззаконія. Хорошо *Инвалиду* сближать эпохи и событія въ календарскихъ своихъ калейдоскопахъ, но Пушкину и Жуковскому, кажется бы, стыдно... Послѣ этихъ стиховъ не понимаю, почему Пушкину не воспѣвать Орлова за побѣды его Старорусскія, Нессельроде за подписаніе мира''. [2]

Забывъ совершенно содержаніе письма Бенкендорфа отъ 28 апрѣля 1830 года, Пушкинъ отнесъ его къ 1829-му и помнилъ при томъ, какъ разрѣшеніе вообще издавать впредь все подъ личною своею отвѣтственностью, и потому 19 октября 1831 года, проситъ Бенкендорфа разрѣшить, однако, ему изданіе книги со всѣми стихотвореніями, напечатанными въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ. Шефъ жандармовъ возстановилъ въ памяти поэта фактъ разрѣшенія за его личной отвѣтственностью только одного ,,Годунова'', замѣтилъ, что не встрѣчаетъ препятствій къ выпуску названной книги, и прибавилъ: ,,для меня всегда пріятно быть съ Вами въ сношеніяхъ по предмету Вашихъ сочиненій и потому я прошу Васъ всякій разъ, когда будете имѣть въ томъ надобность обращаться ко мнѣ со всею искренностью''. [3]

24 ноября Пушкинъ пишетъ Бенкендорфу:

,,Ваше Превосходительство, не будучи окончательно зачисленъ на службу и такъ какъ спѣшныя дѣла требуютъ моего пребыванія въ Москвѣ, я принужденъ отлучиться на двѣ или на три недѣли безъ всякаго другаго разрѣшенія, кромѣ разрѣшенія участковаго пристава, о чемъ и считаю своимъ долгомъ предупредить васъ.

,,Пользуясь этимъ случаемъ, чтобы поговорить съ вами о чисто личномъ

[1] *Смирнова,* н. с., 122, 123.

[2] „Сочиненія", IX, 159. Орловъ ѣздилъ усмирять бунтовавшихся въ Новгородѣ военныхъ поселянъ.

[3] „Сочиненія", VII, 442. „Письма Пушкина etc.", 63.

моемъ дѣлѣ. Вниманіе, которое вы благоволили всегда мнѣ выказывать, даетъ мнѣ смѣлость передать вамъ все подробно и съ полнымъ довѣріемъ.

„Приблизительно годъ тому назадъ одна изъ нашихъ газетъ напечатала сатирическую статью, въ которой говорилось о нѣкоемъ писателѣ, претендующемъ на благородное происхожденіе, тогда какъ въ дѣйствительности онъ не болѣе какъ мѣщанинъ. Прибавляли, что его мать была мулатка, отецъ которой, бѣдный негритенокъ, былъ купленъ однимъ матросомъ за бутылку рому. Хотя Петръ Великій вовсе не походилъ на пьянаго матроса, ясно, что имѣли въ виду меня, ибо кромѣ меня нѣтъ въ Россіи писателя, имѣющаго среди своихъ предковъ негра. Такъ какъ упомянутая статья была напечатана въ офиціальной газетѣ, и неприличіе довели до того, что въ фельетонѣ, который долженъ бы быть лишь литературнымъ, говорили о моей матери, и такъ какъ наши газетчики не дерутся на дуэли, я считалъ себя обязаннымъ отвѣчать *анонимному* сатирику, что и сдѣлалъ въ стихахъ и очень рѣзко. Я послалъ этотъ свой отвѣтъ покойному Дельвигу, прося напечатать въ его журналѣ. Дельвигъ совѣтовалъ мнѣ взять его обратно, указывая, что было бы смѣшно защищаться съ перомъ въ рукахъ противъ нападокъ такого рода и афишировать аристократическія чувства человѣку, который, если хорошенько разобрать, не болѣе, какъ почетный гражданинъ, если не мѣщанинъ. Я послушался его совѣта, и на этомъ дѣло кончилось. Но по рукамъ ходило нѣсколько копій этого отвѣта, что меня вовсе не огорчаетъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего такого, отъ чего бы я хотѣлъ отказаться. Признаюсь, я дорожу тѣмъ, что называютъ предразсудками: я считаю себя такимъ же дворяниномъ, какъ и всякій другой, хотя это и не приноситъ никакихъ выгодъ; я дорожу, наконецъ, именемъ своихъ предковъ, такъ какъ это единственное наслѣдство, которое они мнѣ оставили.

„Но такъ какъ мои стихи могутъ принять за косвенную сатиру на происхожденіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ фамилій, не зная, что это лишь очень сдержанный отвѣтъ на вызовъ, достойный крайняго порицанія, я счелъ своей обязанностію дать вамъ откровенное объясненіе и приложить при семъ сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь“.

Къ письму была приложена „Моя родословная“, направленная противъ Булгарина... Бенкендорфъ доложилъ ее государю. Николай положилъ резолюцію: „Вы можете сказать отъ меня Пушкину, что я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ его покойнаго друга Дельвига: такія низкія и подлыя оскорбленія, которыми его угостили, обезчещиваютъ не того, къ кому они относятся, а того, кто ихъ произноситъ. Единственное оружіе противъ нихъ есть—презрѣніе; вотъ что я сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Что касается до этихъ стиховъ, я нахожу ихъ остроумными, но въ нихъ больше злобы, чѣмъ чего либо другого. Лучше было бы для чести его пера и въ особенности для чести его ума не распространять эти стихи“. [1]

[1] „Сочиненія“, VII, 445—447, оригиналъ весь по-французски.

Въ своемъ отвѣтѣ 10 декабря Бенкендорфъ точно привелъ царское мнѣніе.

7 февраля 1832 года онъ запросилъ Пушкина, на какомъ основаніи помѣщены нѣкоторыя его стихотворенія и между прочимъ „Анчаръ, древо яда“ въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“ безъ предварительнаго испрошенія высочайшаго разрѣшенія? Поэтъ отвѣтилъ, что твердо былъ увѣренъ, что царская милость не лишила его, однако, права каждаго подданнаго—представлять свои произведенія въ общую цензуру, что онъ и дѣлалъ всѣ шесть лѣтъ, ни разу не получивъ никакого замѣчанія и напечатавъ, между тѣмъ, нѣсколько стихотвореній въ различныхъ альманахахъ, потому что не хотѣлъ къ тому же безпокоить по пустякамъ государя; Пушкинъ прибавилъ, что объ этомъ знаетъ и самъ шефъ жандармовъ. Въ заключеніе онъ просилъ дать ему свиданіе для объясненія нѣкоторыхъ затрудненій. [1]

17 февраля 1832 года Бенкендорфъ прислалъ Пушкину высочайшій подарокъ: экземпляръ полнаго собранія законовъ... Черезъ недѣлю поэтъ проситъ его исходатайствовать ему право разсмотрѣть находившуюся въ Эрмитажѣ библіотеку Вольтера, гдѣ были рѣдкія рукописи, доставленныя знаменитому ученому Шуваловымъ. Разрѣшеніе послѣдовало.

3 мая Пушкинъ поинтересовался узнать у Бенкендорфа, откуда и съ какого времени ему причитается получать жалованье по службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Бенкендорфъ запросилъ Нессельроде, но получилъ отвѣтъ, что для Пушкина нѣтъ штатнаго мѣста. Послѣ доклада объ этомъ государю, шефъ жандармовъ сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ, что царь приказалъ назначить жалованье по его, Нессельроде, усмотрѣнію со дня вступленія Пушкина въ министерство, съ 1 января 1832 года, а въ будущемъ году внести эту цифру въ смѣту министерства. Нессельроде, зная объ исключительномъ положеніи своего неслужащаго чиновника, попросилъ Бенкендорфа посовѣтовать, сколько же ему положить. 20 іюня шефъ жандармовъ отвѣтилъ, что слѣдовало бы дать 5.000 р. Такая сумма и была назначена. [2]

VIII.

Подъ тяжестью безденежья.

Мысль объ изданіи газеты не оставляла поэта, но въ серединѣ 1832 г. претворилась уже въ форму... союза съ Булгаринымъ и Гречемъ...

1 іюня второй пишетъ первому: „съ Пушкинымъ сходимся довольно дружно, и я надѣюсь, что сойдемся въ дѣлѣ. Но ради Бога не думай, чтобы я тобою пожертвовалъ“. Черезъ двѣ недѣли Гречъ извѣщаетъ своего друга, что журналъ

[1] „Сочиненія“, VII, 456. Черновое на стр. 457—458.

[2] Ibidem, 465. „Дѣла“, 132—134.

Пушкина, вѣроятно, не состоится, такъ какъ „сказываютъ, онъ расчелъ, что не изъ чего биться“. Еще черезъ недѣлю положеніе дѣлъ мѣняется. Пушкинъ получилъ разрѣшеніе начать газету съ сентября. Гречъ ободряетъ Булгарина, предсказывая поэту неудачу на поприщѣ газетчика. Но, повидимому, съ разрѣшеніемъ въ рукахъ Пушкинъ надѣялся только на болѣе выгодныя условія соглашенія съ „грачами-разбойниками“, потому что въ концѣ августа Гречъ извѣщаетъ Булгарина, что встрѣтилъ поэта на улицѣ, получилъ отъ него предложеніе издавать газету вмѣстѣ и ждетъ Пушкина къ себѣ для переговоровъ. Поэтъ, дѣйствительно, пришелъ къ Гречу и согласенъ былъ взять у него „Сынъ Отечества“, чтобы реформировать его на манеръ иностранныхъ журналовъ. Затѣмъ 4 сентября Пушкинъ сказалъ Гречу, что перемѣнилъ прежнее намѣреніе и хочетъ издавать газету три раза въ недѣлю, войти съ нимъ въ половину и печатать въ его типографіи, гдѣ печаталась и „Сѣверная Пчела“. Гречъ находилъ, что не надо „выпускать изъ рукъ Пушкина и его партію“, чтобы къ 1834 г. „соединиться съ нимъ въ одной газетѣ...“ 16 сентября Пушкинъ выдалъ довѣренность Тарасенко-Отрѣшкову на принятіе имъ званія редактора его газеты. 1 октября Бенкендорфъ извѣстилъ жену Пушкина (поэтъ былъ въ Москвѣ), что согласенъ принять Отрѣшкова редакторомъ газеты. [1] Въ серединѣ октября поэтъ увѣдомлялъ Нащокина, что въ 1832 году газету издавать не будетъ, такъ какъ долго не приходило разрѣшеніе. А Гречъ извѣщаетъ тогда же Булгарина, что Пушкинъ вернулся изъ Москвы съ пустыми руками и потому газета его—все еще дѣло будущаго, и добавляетъ: „еще „Пчелка“ не згинѣла...“ Въ тотъ же день Мордвиновъ увѣдомляетъ Пушкина, что необходимо съ газетой подождать возвращенія Бенкендорфа въ Петербургъ и представленія царю ея образцовъ. 16-го ноября Гречъ радуетъ Булгарина сообщеніемъ, что „Пушкинъ образумился“ и не будетъ издавать ни журнала, ни газеты. По словамъ Комовскаго, онъ предлагалъ поэту 1.000 или 1.200 рублей въ мѣсяцъ за сотрудничество въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Сынѣ Отечества“, но Пушкинъ отказался, не желая работать вмѣстѣ съ Булгаринымъ. Но вѣдь онъ зналъ, кѣмъ былъ Гречъ... [2]

22 іюля 1833 года Пушкинъ просился поѣхать въ Дерптъ къ вдовѣ Карамзина, а оттуда мѣсяца на три въ свое нижегородское имѣніе, въ Оренбургъ и Казань. Государь ничего не имѣлъ противъ Дерпта, но поинтересовался узнать, что побуждаетъ Пушкина ѣхать въ Оренбургъ и Казань, и оставлять возложенныя на него занятія. 30 іюля Пушкинъ отвѣтилъ Мордвинову (замѣщавшему отсутствовавшаго управляющаго III Отдѣленіемъ), что, занимаясь послѣдніе два года одними историческими изысканіями, онъ не имѣлъ времени написать ни строчки литературной, между тѣмъ литература его преимущественно и содержитъ; ему хочется отдохнуть мѣсяца два и кончить давно начатую книгу, которая доста-

[1] „Сочиненія“, VII, 477.

[2] Всѣ свѣдѣнія о перепискѣ Греча съ Булгаринымъ заимствованы мною изъ названной работы г. Лернера, гдѣ они опубликованы впервые.

витъ ему деньги. „Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но что дѣлать? они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ проживать съ моимъ семействомъ въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря Государя, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную“. [1] Рѣчь шла о повѣсти „Капитанская дочка“, мѣстомъ дѣйствія которой были Оренбургъ и Казань.

Николай отпустилъ Пушкина на четыре мѣсяца. [2]

Оренбургскій губернаторъ получилъ приказаніе о секретномъ надзорѣ за поэтомъ мѣсяцъ спустя послѣ его отъѣзда оттуда, и сообщилъ, что такъ какъ поэтъ останавливался у него въ домѣ, то онъ можетъ увѣрить, что поѣздка его въ Оренбургскій край не имѣла другой цѣли, кромѣ необходимыхъ историческихъ изысканій.

6 декабря Пушкинъ просилъ Бенкендорфа, во-первыхъ, разрѣшить, чтобы приглашавшій тогда его въ свой журналъ Смирдинъ могъ представлять его произведенія въ общую цензуру обыкновеннымъ порядкомъ, и, во-вторыхъ, представить императору рукопись „Исторіи Пугачевщины“, при этомъ былъ приложенъ и „Мѣдный всадникъ“. [3]

12 декабря поэтъ былъ вызванъ въ III Отдѣленіе, гдѣ ему возвратили „Мѣднаго всадника“ съ замѣчаніями государя. Царь не пропустилъ слова „кумиръ“ и зачеркнулъ стихи:

„И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова“.

На многихъ мѣстахъ пестрѣлъ вопросительный знакъ. [4] Что касается „Пугачевщины“, то 15 декабря Бенкендорфъ объявилъ Пушкину, что ее приказано представить государю; разрѣшеніе представлять статьи Пушкина прямо въ цензуру Смирдину дано.

31 декабря Пушкинъ былъ пожалованъ въ... камеръ-юнкеры... Николай украсилъ свою убогую свиту звѣздой первой величины, а ей самой показалъ, что труды ея достаточны теперь, чтобы имѣть право носить это высокое званіе...

Въ свои „записки“ Пушкинъ занесъ: „Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкера, (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Но Двору хотѣлось, чтобы Наталья Николаевна (жена—*М. Л.*) танцовала въ Аничковѣ. Такъ я же сдѣлаюсь русскимъ Don-Juan“. „Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ?—Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ;—а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только бы не за-

[1] „Письма Пушкина etc.“, 31.
[2] *Гастфрейндъ*, „Пушкинъ“, 1900 г., 35.
[3] „Сочиненія“, VII, 516—517.
[4] Ibidem, V, 636.

ставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ"... „Великій князь (Михаилъ Павловичъ — *М. Л.*) намедни поздравилъ меня въ театрѣ. Покорнѣйше благодарю, ваше высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись. Вы первый меня поздравили"... „Балъ у гр. Бобринскаго, одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Государь мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его". [1]

Внимательно читая всѣ эти разнообразныя, но близкія другъ къ другу записи, дѣлается ясно, что самолюбивый Пушкинъ не очень то былъ благодаренъ Николаю за его грубую услугу...

Царь сказалъ тогда же княгинѣ Вяземской: „j'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole et j'ai été content de lui". [2]

„Пугачевъ" былъ разрѣшенъ къ печати. 26 февраля 1834 года Пушкинъ проситъ Бенкендорфа избавить его отъ продажи этого труда книгопродавцамъ и для того исходатайствовать изъ казны ссуду въ 20000 рублей за установленные проценты, срокомъ на два года. [3] Государь приказалъ исполнить эту просьбу, какъ и другую — печатать книгу въ типографіи, состоящей при II Отдѣленіи с. е. и. в. канцеляріи въ вѣдомствѣ Сперанскаго.

Разумѣется, деньги были даны не только на расходы по печатанію. Это хорошо понимали обѣ стороны...

По этому поводу г. Якушкинъ говоритъ въ защиту поэта: „Мы можемъ допустить, что, живя въ Петербургѣ и нуждаясь въ большихъ средствахъ для содержанія семьи, Пушкинъ прибѣгалъ къ такимъ милостямъ правительства, къ которымъ иначе онъ, конечно, не обратился бы. Но если въ Одессѣ, какъ онъ выражался въ письмѣ къ Казначееву, онъ могъ смотрѣть на свое жалованье, какъ на арестантскій паекъ ссыльнаго, то онъ могъ требовать подобнаго же пайка и

[1] „Сочиненія", V, 636 — 638.

[2] Ibidem, 638. „Я надѣюсь, что Пушкинъ принялъ свое назначеніе какъ слѣдуетъ; до сихъ поръ я былъ имъ доволенъ".

[3] Ibidem, 520 — 522. Черновое письмо любопытно. Привожу его въ переводѣ. „Представляя его величеству II томъ „Пугачева", я беру смѣлость сообщить Вашему Сіятельству объ обстоятельствахъ, лично меня касающихся, и прибѣгнуть къ вашей всегдашней благожелательности. Разрѣшая напечатаніе сего труда, его величество упрочилъ мое состояніе. Сумма, которую я могу изъ сего выручить, даетъ мнѣ возможность принять наслѣдство, отъ котораго я былъ принужденъ отказаться за неимѣніемъ 40000 руб. Этотъ трудъ мнѣ ихъ дастъ, если мнѣ можно будетъ его издать самому, не прибѣгая къ книгопродавцамъ. 15000 (рублей) будетъ для меня достаточно. Я прошу о двухъ вещахъ: первое, чтобъ мнѣ разрѣшили напечатать мой трудъ на свой счетъ, въ собственной типографіи Его Величества, которою управляетъ г. Яковлевъ, единственной, гдѣ я увѣренъ не быть обманутымъ; второе, получить взаймы 15000 рублей, сумму, которая мнѣ позволила бы посвятить на изданіе все нужное для того время и стараніе. Я не имѣю другихъ правъ на просимую мною милость, какъ только оказанныя мнѣ уже благодѣянія, дающія мнѣ мужество и смѣлость опять прибѣгнуть къ нимъ. Вашему покровительству поручаю я мою нижайшую просьбу".

въ Петербургѣ, гдѣ онъ тоже былъ почти арестантомъ, гдѣ его насильно удерживали"...[1] Защита по меньшей мѣрѣ оригинальная...

8 марта Пушкину была возвращена рукопись второго тома „Пугачевщины" съ отмѣтками Николая I. Черезъ двѣ недѣли ему сообщили, что государь желаетъ назвать трудъ этотъ не „Исторія Пугачева", а „Исторія Пугачевскаго бунта". [2]

Поэтъ очень страдалъ отъ своего ложнаго положенія, отъ ссуды, словомъ, отъ всего, что насъ тяготитъ при чтеніи этихъ страницъ. „Дай Богъ—пишетъ онъ женѣ—тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость; особенно, когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя". Въ другой разъ онъ поясняетъ только что сказанное. „Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. *Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать какъ имъ угодно.* Опала легче презрѣнія". [3]

Вотъ только когда Пушкинъ понялъ, какъ уронилъ себя въ глазахъ царя, Бенкендорфа и tutti quanti сначала вступленіемъ на службу, гдѣ могъ ничего не дѣлать, затѣмъ просьбой о ссудѣ и полученіемъ ея...

Черезъ нѣкоторое время онъ пишетъ женѣ: „На *того* я перестал сердиться, потому что, toute réfléxion faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ, его окружающемъ... Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!". „Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можно еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться мнѣ богатымъ—а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову". „Я передъ тобой кругомъ виноватъ, въ отношеніи денежномъ. Были деньги—и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ нибудь, Все *тотъ* виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня во-свояси"... [4]

[1] *Якушкинъ*, н. с., 58.
[2] „Письма Пушкина etc.", 78—79.
[3] „Сочиненія", VII, 545, 551.
[4] Ibidem, 555, 557, 558.

Въ Пушкинѣ боролись два человѣка: одинъ, жаждавшій отрясти отъ своихъ ногъ прахъ николаевскаго двора и Петербурга, гдѣ все такъ говорило о его униженіи; другой, подпадавшій подъ вліяніе Смирновой и ея кружка, влюбленнаго въ Николая I... Одновременно съ письмами женѣ поэтъ пишетъ ,,Къ Н(иколаю)''. Какъ то царь, зачитавшись, какъ говорили, впрочемъ едва ли справедливо, ,,Иліады'', очень поздно вышелъ на придворный балъ. Пушкинъ по этому поводу слагаетъ славословіе:

„Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что-жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали...
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.
Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На пышныхъ играхъ Мельпомены,
И улыбается забавѣ площадной
И вольности лубочной сцены.
То Римъ его зоветъ, то гордый Альбіонъ,
То скалы старца Оссіана,
И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
Вослѣдъ Бовы иль Еруслана.

А судьба, точно нарочно, посмѣивалась надъ поэтомъ: какъ разъ въ это время письма его къ женѣ подвергались перлюстраціи, надъ нимъ издѣвались... Вотъ что записалъ Пушкинъ подъ 1-е мая: ,,Нѣсколько дней тому получилъ я отъ Жуковскаго записку изъ Царскаго Села. Онъ увѣдомлялъ меня, что какое-то письмо мое ходитъ по городу и что государь о немъ ему говорилъ. Я вообразилъ, что дѣло идетъ о скверныхъ стихахъ, исполненныхъ отвратительнаго похабства и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мнѣ. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н. Н. (женѣ—*М. Л.*) и, нашедъ въ немъ отчетъ о присягѣ великаго князя, писанный видно слогомъ неофиціальнымъ, донесла обо всемъ полиціи. Полиція, не разобравъ смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понялъ. Къ счастію, письмо было показано Жуковскому, который и объяснилъ его. Все успокоилось. Государю неугодно было, чтобы о своемъ камеръ-юнкерствѣ

отзывался я не съ умиленіемъ и благодарностію; но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шутомъ не буду и у Царя Небеснаго"... [1]

26 мая Пушкинъ просилъ у Мордвинова разрѣшенія издать вмѣстѣ всѣ свои прозаическія произведенія и послать по одному экземпляру всѣхъ своихъ сочиненій декабристу Кюхельбекеру. Отвѣтъ жандармовъ неизвѣстенъ. [2]

IX.

Въ борьбѣ съ самимъ собой.

Наконецъ, борьба, повидимому, кончилась: 15 іюня Пушкинъ умоляетъ Бенкендорфа выхлопотать ему отставку, такъ какъ семейныя дѣла требуютъ его присутствія то въ Петербургѣ, то въ деревнѣ, при чемъ надѣется, что право посѣщенія архивовъ будетъ за нимъ оставлено. [3]

Какъ только Жуковскій узналъ, что письмо это принято за неприличную выходку неблагодарнаго человѣка, такъ сейчасъ же поинтересовался у государя, какимъ образомъ можно поправить бѣду. „Почему же нельзя, отвѣчалъ Николай I,— пускай онъ возьметъ назадъ свое письмо. Я никого не держу и его держать не стану. Но если онъ возьметъ отставку, то между мною и имъ все кончено". Жуковскій немедленно извѣстилъ объ этомъ своего друга...

Пушкинъ понималъ, въ какія отношенія встаетъ къ Николаю и правительству... Нѣсколько дней тому назадъ они не были ему ясны... Рѣшеніе взято назадъ, борьба снова продолжается... 3 іюля онъ сознается въ неприличіи своего поступка и умоляетъ Бенкендорфа не давать хода дѣлу объ отставкѣ, „предпочитая лучше казаться непослѣдовательнымъ, чѣмъ быть неблагодарнымъ". [4]

Въ тотъ же день вечеромъ онъ получилъ сообщеніе и отъ Бенкендорфа, что „не желая никого удерживать противъ воли", государь повелѣлъ сообщить министру иностранныхъ дѣлъ объ исполненіи его просьбы. Посѣщеніе же архивовъ не можетъ быть предоставлено лицу, не находящемуся на службѣ...

Поэтъ спѣшитъ сообщить обо всемъ Жуковскому. „Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое не весело; перемѣна жизни почти необходима. Изъяснять это все гр. Бенкендорфу мнѣ не достало духа—отъ этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо. Впрочемъ, я ужъ вѣрно не имѣлъ намѣренія произвести что̀ вышло. Писать письмо прямо къ государю, ей Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня". [5]

[1] „Сочиненія", V, 652.
[2] „Письма Пушкина etc.", 24.
[3] „Сочиненія", VII, 558, оригиналъ по-французски.
[4] Ibidem, 561, оригиналъ по-французски.
[5] Ididem, 562.

Поэтъ, вѣроятно, предвидѣлъ, что Жуковскій покажетъ это письмо управляющему III Отдѣленіемъ, и не ошибся. Послѣдній представилъ царю письма Пушкина къ себѣ и къ Жуковскому при слѣдующей очень характерной запискѣ: „Такъ какъ онъ сознается въ томъ, что просто сдѣлалъ глупость, и предпочитаетъ казаться лучше непослѣдовательнымъ, чѣмъ неблагодарнымъ (такъ какъ я еще не сообщалъ о его отставкѣ ни князю Волконскому, ни графу Нессельроде), то я предполагаю, что вашему величеству благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило человѣка; лучше чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ“. Николай согласился съ этимъ и написалъ: „Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю безсмысленность его поведенія и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простительно двадцатилѣтнему безумцу, не можетъ примѣняться къ человѣку тридцати пяти лѣтъ, мужу и отцу семейства.“ [1]

4 іюля вечеромъ, вѣроятно, одновременно съ этой перепиской царя и шефа жандармовъ, Пушкинъ вторично писалъ Бенкендорфу: „Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости“.

Бенкендорфъ скрылъ отъ Жуковскаго, что уже доложилъ царю первое письмо Пушкина къ себѣ, а также и полученное отъ Жуковскаго, показалъ Василію Андреевичу второе пушкинское къ себѣ письмо и далъ ему замѣтить, что въ первомъ не содержится прямого указанія на желаніе остаться на службѣ, а второе такъ сухо, что можетъ показаться государю новою неприличностью. Жуковскій просилъ графа не представлять полученныя имъ оба письма государю до полученія еще третьяго и сейчасъ же увѣдомилъ обо всемъ Пушкина... Поэтъ уже сознавалъ, въ какое глупое и смѣшное попалъ положеніе; его очень нервила необходимость еще разъ писать Бенкендорфу... „Я, право, самъ не понимаю, что̀ со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе,— какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все таки не могу. Въ такомъ случаѣ, я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ. Теперь— отчего письма мои сухи? Да зачѣмъ же имъ быть сопливыми? Въ глубинѣ сердца моего я чувствую себя правымъ передъ государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ; но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннѣе и холоднѣе. Что мнѣ дѣлать? просить прощенія? Да въ чемъ? Къ Бенкендорфу

[1] „Старина и Новизна“, VI, 10—11. Подлинники по-французски.

я явлюсь и объясню ему, что̀ у меня на сердцѣ. Не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье." [1]

И вотъ въ тотъ же день, 6 іюля, онъ пробуетъ быть не такимъ „сухимъ..."

„Ваше Сіятельство, позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно. Прося дать мнѣ отставку, я думалъ лишь о запутанныхъ и тягостныхъ семейныхъ дѣлахъ. Я имѣлъ въ виду лишь неудобство быть вынужденнымъ совершать много поѣздокъ, тогда какъ я прикованъ къ службѣ. Клянусь Богомъ и своей душой, это была моя единственная мысль; съ глубокимъ огорченіемъ вижу я, что она жестоко перетолкована. Государь осыпалъ меня милостями съ перваго момента, какъ его царственная мысль обратилась на меня. О нѣкоторыхъ изъ этихъ милостей я не могу думать безъ глубокаго волненія: столько благородства и великодушія вложилъ онъ въ нихъ. Онъ всегда былъ для меня Провидѣніемъ, и если въ продолженіе этихъ восьми лѣтъ мнѣ приходилось роптать, никогда, клянусь, къ моимъ чувствамъ къ нему не примѣшивалось чувство горечи. И теперь меня огорчаетъ не мысль потерять всемогущаго покровителя, а оставить въ его умѣ впечатлѣніе, которое, по чести, я не заслужилъ. Повторяю, графъ, свою нижайшую просьбу не давать хода моему прошенію, посланному мною такъ легкомысленно. Ставя себя подъ Ваше могущественное покровительство, смѣю увѣрить Васъ въ моемъ глубочайшемъ уваженіи." [2]

На этомъ дѣло объ отставкѣ и кончилось... Могло ли оно не оставить въ душѣ поэта очень горькаго осадка?!. Черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ женѣ: „На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ *тѣмъ* чуть было не побранился— и трухнулъ-то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь—другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю, хоть и онъ не правъ". „Главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма". [3]

23 ноября 1834 года Пушкинъ сообщилъ управляющему III Отдѣленіемъ, что печатаніе „Исторіи пугачевскаго бунта" закончено и онъ желаетъ представить государю первый экземпляръ книги съ тѣми замѣчаніями, которыя не рѣшился напечатать, но думаетъ, что они будутъ любопытны для императора. При этомъ поэтъ просилъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ ему всего типографскаго завода книги. Послѣ переписки съ почему то очень осторожничавшимъ Сперанскимъ, экземпляры были выданы. Относительно же представленія государю книги было сказано, что государь самъ назначитъ время, въ которое ему угодно будетъ принять поэта. Когда послѣдовало представленіе—неизвѣстно. Замѣчанія къ пугачевскому бунту были представлены Бенкендорфу поэтомъ 26 января 1835 года вмѣстѣ съ просьбой исходатайствовать разрѣшеніе прочесть дѣло о Пугачевѣ въ

[1] „Сочиненія", VII, 563.

[2] Ibidem, 563—564, оригиналъ по-французски.

[3] Ibidem, 566, 569.

архивѣ. Царь принялъ замѣчанія съ благодарностью и далъ просимое разрѣшеніе, прибавивъ, что проситъ сдѣлать для него выписку изъ пугачевскаго дѣла.

11 апрѣля Пушкинъ представилъ шефу жандармовъ для высочайшаго прочтенія рукопись „Анджело“ и просилъ свиданія съ графомъ по личному дѣлу. Свиданіе было дано 16 числа. О чемъ они бесѣдовали, неизвѣстно. „Анджело“ потомъ былъ разрѣшенъ съ нѣкоторыми исключеніями.

А мысль объ удаленіи отъ двора снова не даетъ покоя нашему поэту... 1 іюня 1835 года онъ облекаетъ ее въ такую форму:

„Г. Графъ. Мнѣ совѣстно постоянно надоѣдать вашему сіятельству, но снисходительность и вниманіе, которыя вы изволили всегда мнѣ оказывать, послужатъ извиненіемъ моей нескромности. У меня нѣтъ состоянія; ни я, ни моя жена не имѣемъ еще той части, которая должна будетъ намъ принадлежать. [1] До сихъ поръ я пользуюсь лишь плодами моихъ трудовъ. Опредѣленный доходъ представляетъ жалованіе, которое государь соблаговолилъ мнѣ назначить. Работать для жизни не кажется мнѣ, конечно, унизительнымъ, но, привыкнувъ къ независимости, мнѣ совершенно невозможно писать для денегъ, и одной этой мысли достаточно, чтобъ привести меня въ полное бездѣйствіе. Жизнь въ Петербургѣ страшно дорога. До сихъ поръ я равнодушно смотрѣлъ на расходы, которые принужденъ былъ дѣлать; политическая и литературная газета, предпріятіе чисто коммерческое, дала бы мнѣ немедленно возможность получить 30—40 т. дохода. Однако, къ подобной работѣ у меня было такое отвращеніе, что я думалъ только въ крайнемъ случаѣ воспользоваться позволеніемъ, которое мнѣ соизволилъ дать его величество. Я вижу себя въ необходимости положить конецъ издержкамъ, приводящимъ меня лишь къ долгамъ и готовящимъ будущее, полное заботъ и затрудненій, если не нищеты и отчаянія. Три или четыре года уединенія въ деревнѣ поставятъ меня опять въ возможность вернуться въ Петербургъ и возобновить занятія, которыми я обязанъ опять таки милостямъ Его Величества. Я былъ осыпанъ благодѣяніями Государя Императора и буду въ отчаяньи, если его величество могъ бы предположить въ моемъ желаніи удалиться изъ Петербурга другой мотивъ, чѣмъ абсолютную необходимость. Малѣйшаго знака неудовольствія или подозрѣнія будетъ достаточно, чтобъ удержать меня въ положеніи, въ которомъ я нахожусь, потому что, въ концѣ концовъ, я предпочитаю быть стѣсненнымъ въ денежныхъ дѣлахъ, чѣмъ погибнуть во мнѣніи Того, кто былъ моимъ благодѣтелемъ, не какъ государь, не по долгу и справедливости, но по свободному чувству благородной и великодушной доброжелательности.“ [2]

Письмо было представлено Николаю, положившему резолюцію: „Нѣтъ препятствій ему ѣхать куда хочетъ, но не знаю, какъ разумѣетъ онъ согласить сіе

[1] Пушкинъ велъ судебный процессъ о бумажной фабрикѣ Гончарова.

[2] „Сочиненія“, VII, 595—596, оригиналъ по-французски. Любопытный черновикъ см. въ книгѣ г. Шляпкина, на стр. 101—103.

со службой. Спросите, хочетъ ли отставки, ибо иначе нѣтъ возможности его уволить на столь продолжительный срокъ"... Снова, значитъ, положеніе похожее на испытанное въ предыдущемъ году... 4 іюня, Пушкинъ пишетъ Бенкендорфу, что предаетъ совершенно судьбу свою въ царскую волю и желаетъ только, чтобъ рѣшеніе государя не было для него знакомъ немилости и чтобъ за нимъ было сохранено право занятій въ архивѣ во время пребыванія въ Петербургѣ.

Видя, что уже второй годъ поэтъ жалуется на стѣсненныя матеріальныя обстоятельства, Николай выразилъ желаніе подарить Пушкину нужную ему сумму и отпустить въ деревню его на четыре мѣсяца... [1]

Пушкинъ понималъ, въ какую трясину тянетъ его милостивое предложеніе подарка... Нѣсколько дней онъ боролся, что видно изъ сохранившихся черновиковъ писемъ къ Бенкендорфу, въ которыхъ поэтъ просилъ о разрѣшеніи ему газеты и журнала, надѣясь этимъ поправить свои средства... [2] Но, понявъ, что всѣ эти мѣры не помогутъ, въ сущности, ничему, Пушкинъ рѣшился, наконецъ, добровольно затянуть себѣ еще горшую петлю, только бы не видѣть семейныхъ непріятностей на денежной почвѣ... Послѣ личныхъ свиданій съ шефомъ жандармовъ, онъ пишетъ ему 22 іюля:

„Г. графъ! я имѣлъ честь быть у вашего сіятельства, но не имѣлъ счастія застать васъ дома. Осыпанный благодѣяніями его величества, я обращаюсь къ вамъ, чтобъ поблагодарить васъ за оказанное мнѣ вниманіе и откровенно высказать вамъ свое положеніе. Въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ моего пребыванія въ Петербургѣ, я сдѣлалъ около шестидесяти тысячъ долга. Кромѣ того, я былъ вынужденъ взять на себя дѣла моей семьи. Это меня такъ стѣснило, что я долженъ былъ отказаться отъ наслѣдства, и единственнымъ для меня средствомъ привести въ порядокъ свои дѣла было—или удалиться въ деревню, или—занять, разъ на всегда, большую сумму. Но послѣднее почти невозможно въ Россіи, гдѣ законъ даетъ кредитору слишкомъ слабую гарантію и гдѣ займы почти всегда суть долги между друзьями и на слово. Благодарность для меня не тягостное чувство; и, конечно, моя преданность къ особѣ его величества не омрачена скрытою мыслію стыда или раскаянія; но я не могу не признаться самому себѣ, что не имѣю ровно никакого права на благодѣянія его величества и что мнѣ невозможно о чемъ бы то ни было просить. Поэтому, вамъ, графъ, я еще разъ ввѣряю рѣшеніе моей судьбы и, умоляя принять увѣреніе въ моемъ высокомъ почтеніи, имѣю честь быть съ уваженіемъ и благодарностію нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою" и т. д. [3]

26 іюля Бенкендорфъ доложилъ это письмо царю и написалъ послѣ того: „l'Empereur lui propose 10,000 roubles et 6 mois de congé au bout de quel il verra s'il doit prendre son congé ou non". [4]

[1] „Сочиненія", VII, 597—598.

[2] *Шляпкинъ*, н. с., 113—115, 106—107.

[3] „Сочиненія", VII, 601—602, оригиналъ по-французски.

[4] „Императоръ предлагаетъ ему 10,000 рублей и шестимѣсячный отпускъ, по окончаніи котораго онъ увидитъ, долженъ ли подавать въ отставку или нѣтъ."

Когда Пушкину сообщено было объ этомъ въ тотъ же день, онъ немедленно пишетъ Бенкендорфу:

„Г. графъ! Въ ту минуту, когда я получилъ неожиданную милость, мнѣ тяжело просить еще двѣ другихъ, но я рѣшаюсь обратиться со всей откровенностью къ тому, кто соизволилъ быть моимъ Провидѣніемъ. Изъ 60.000 моего долга, половина—долги чести. Чтобъ ихъ уплатить, я вижу себя вынужденнымъ сдѣлать лихвенный заемъ, что удвоитъ мои затрудненія или поставитъ меня въ необходимость опять прибѣгать къ великодушію государя. Поэтому, я умоляю его величество оказать мнѣ полную и совершенную милость, давъ, во первыхъ, возможность уплатить 30,000 рублей и, во вторыхъ, соизволивъ разрѣшить мнѣ смотрѣть на эту сумму, какъ на заемъ, а потому повелѣвъ прекратить выдачу мнѣ моего содержанія до тѣхъ поръ, пока этотъ долгъ будетъ погашенъ“. [1]

Николай приказалъ выдать 30000 рублей ассигнаціями и удерживать жалованье. При выдачѣ этихъ денегъ съ Пушкина удержали половину ссуды, выданной въ 1834 году на „Пугачева“, но, послѣ просьбы его вернуть удержанное, возвратили и, по ходатайству министра финансовъ, разсрочили ссуду въ 20000 рублей на четыре года. [2]

X.

Доконали...

Въ началѣ августа 1835 года Пушкинъ навлекъ на себя неудовольствіе со стороны государя, Бенкендорфа и Уварова.

Въ то время опасно заболѣлъ графъ Шереметевъ. Уваровъ, которому въ случаѣ его смерти выпадала хорошая доля наслѣдства, много хлопоталъ еще при жизни больного графа о болѣе точномъ опредѣленіи размѣровъ наслѣдства...

Бойкое перо поэта очень живо набросало нѣсколько строфъ: „На выздоровленіе Лукулла“ и, смягченныя подзаголовкомъ: „Подражаніе латинскому“, онѣ, нигдѣ изъ страха не принятыя въ Петербургѣ, появились въ сентябрьской книжкѣ „Московскаго Наблюдателя“.

Въ первыхъ двухъ строфахъ описывался больной вельможа. Затѣмъ шло:

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы;
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

[1] „Сочиненія“, VII, 603—604, оригиналъ по-французски.
[2] „Дѣла“, 168—169.

* * *

Онъ мнилъ: „теперь ужъ у вельможъ
„Не стану няньчить ребятишекъ;
„Я самъ вельможа буду тожъ;
„Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
„Теперь мнѣ честность—трынъ-трава!
„Жену общитывать не буду,
„И воровать уже забуду
„Казенныя дрова!“

Дальше описываось неожиданное выздоровленіе Лукулла и огорченіе наслѣдника...

Жуковскій говорилъ Пушкину, что „Бенкендорфъ настроилъ противъ него Уварова“, что послѣдній „самъ признался ему, что это Катонъ навелъ его на мысль, что Пушкинъ мѣтилъ въ него“. Въ результатѣ Бенкендорфъ получилъ приказаніе царя сдѣлать поэту строгій выговоръ. [1]

Уваровъ сейчасъ же сталъ мстить Пушкину, дѣлая массу придирокъ при печатаніи его сочиненій...

31 декабря Пушкинъ прислалъ Бенкендорфу для представленія государю „Записки“ бригадира Моро де Бразе о походѣ 1711 года съ своими примѣчаніями и предисловіемъ, и просилъ разрѣшить ему въ будущемъ году изданіе четырехъ томовъ статей чисто литературныхъ, историческихъ, ученыхъ и критическихъ на подобіе англійскихъ трехмѣсячныхъ „Reviews“, говоря, что такое разрѣшеніе доставило бы ему матеріальную независимость. Николай и Бенкендорфъ хорошо знали, что никакой независимости журналъ не дастъ, и потому не отказали въ просимомъ.

Съ 1836 года Пушкинъ издавалъ „Современникъ“ (первый номеръ вышелъ 11 апрѣля) и испытывалъ на себѣ всю тяжесть злобы Уварова и его цензоровъ.

Въ апрѣлѣ 1836 года Пушкинъ получилъ письмо Кюхельбекера. 28 апрѣля Мордвиновъ, по приказанію Бенкендорфа, просилъ доставить это письмо и сообщить, черезъ кого оно получено. Въ тотъ же день Пушкинъ исполнилъ приказаніе и сообщилъ, что письмо было передано ему по возвращеніи съ прогулки прислугой, которая, въ свою очередь, получила его отъ неизвѣстнаго. [2]

Въ концѣ мая была выставлена извѣстная картина Брюлова „Распятіе“.

Почему то Бенкендорфъ распорядился приставить къ ней парныхъ часовыхъ... Пушкинъ страшно былъ взволнованъ этимъ нелѣпымъ приказаніемъ своего „покровителя“ и написалъ 1 іюня:

[1] Разсказъ Нащокина, записанный съ его словъ Куликовымъ, о выговорѣ (см. „Русскую Старину“ 1881 г. № 8, 616—618) я считаю совершенно анекдотическимъ. Ни Бенкендорфъ не велъ себя такъ съ Пушкинымъ, ни Пушкинъ не держалъ себя такъ въ отношеніи шефа жандармовъ.

[2] „Письма Пушкина etc.“, 91, „Сочиненія“, VII, 639.

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва.
Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены.

Но у подножія теперь креста честнаго,
Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зримъ—поставлено на мѣсто женъ святыхъ—
Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе—казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ или мышей?
Иль мните важности предать царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ *чернь* не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила,
И чтобъ не постѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда *простой народъ*?

Эти злые стихи дошли до Бенкендорфа и, разумѣется, не могли не озлобить надменнаго нѣмца...

И вотъ подлая рука нѣсколькихъ негодяевъ (съ Уваровымъ въ томъ числѣ) вносила драму въ семью поэта и тѣмъ платила ему за полученныя обиды... Они распространили извѣстный пасквиль на жену Пушкина, экземпляръ котораго доставили и ему самому... Вотъ переводъ этой гнусности:

„Великіе крестоносцы, командоры и рыцари святѣйшаго ордена *Рогоносцевъ*, собравшись въ Большой Капитулъ, подъ предсѣдательствомъ достопочтеннаго Великаго мастера ордена, Е. С. Д. Л. Нарышкина, *единогласно избрали* г. Александра Пушкина коадъюторомъ *Великаго мастера ордена Рогоносцевъ и исторіографомъ Ордена*. Постоянный секретарь гр. Боркъ“.

Пушкинъ еще разъ понялъ, какъ важно скорѣе убѣжать изъ этого смраднаго круга, въ который его ввергли „милостивые покровители“ и жандармствовавшіе „друзья...“

Удерживаемый двумя выданными ссудами, изъ которыхъ одну можно было покрывать жалованіемъ, а, слѣдовательно, надо было служить, другую—наличными деньгами, которыя необходимо было имѣть,—и боясь въ то же время, какъ бы „милостивый“ царь не вздумалъ простить долгъ въ 45.000 рублей и тѣмъ добить до конца,—поэтъ проситъ 6 ноября 1836 года министра финансовъ, Канкрина, взять въ уплату всего долга свое нижегородское имѣніе и не доводить объ этомъ до свѣдѣнія царя, „который, вѣроятно, по своему великодушію, не захочетъ таковой уплаты (хотя оная мнѣ вовсе не тягостна), а можетъ быть и прикажетъ

простить мнѣ мой долгъ, что поставило бы меня въ весьма тяжелое и затруднительное положеніе: ибо я въ такомъ случаѣ былъ бы принужденъ отказаться отъ царской милости, что и можетъ показаться неприличіемъ, напрасной хвастливостію или даже неблагодарностью". [1]

Неизвѣстно, какой исходъ приняло бы это дѣло, еслибы не семейныя осложненія поэта...

Окруженный подлой интригой, онъ, наконецъ, пишетъ Бенкендорфу 21 ноября 1836 года:

„Г. графъ! Я въ правѣ и считаю себя обязаннымъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что только что произошло въ моей семьѣ. Утромъ 4 ноября я получилъ три экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для моей чести и чести моей жены. По наружному виду бумаги, по слогу письма и его редакціи, я въ ту же минуту узналъ, что оно написано иностранцемъ, человѣкомъ высшаго общества, дипломатомъ. Я началъ розыски. Я узналъ, что семь или восемь человѣкъ получили въ тотъ же день по экземпляру того же письма, запечатанному, адресованному на мое имя и въ двойномъ конвертѣ. Большинство изъ получившихъ его лицъ, подозрѣвая гнусность, не прислали его мнѣ. Въ общемъ были возмущены такимъ подлымъ и безпричиннымъ оскорбленіемъ; но, повторяя, что поведеніе моей жены безупречно, говорили, что поводомъ къ этой подлости послужило упорное ухаживаніе за ней г. Дантеса. Мнѣ не подобало видѣть имя моей жены связаннымъ, въ этомъ случаѣ, съ чьимъ бы то ни было именемъ. Я поручилъ это сказать г. Дантесу. Баронъ Геккернъ явился ко мнѣ и принялъ вызовъ на дуэль Дантеса, испросивъ у меня 15 дней отсрочки. Случилось, что въ этотъ промежутокъ времени г. Дантесъ влюбился въ мою свояченицу, m-elle Гончарову, и просилъ ея руки. Узнавъ это изъ слуховъ, я поручилъ просить г. Аршіака (секунданта г. Дантеса), чтобъ мой вызовъ считался недѣйствительнымъ. За это время я убѣдился, что анонимное письмо принадлежало г. Геккерну, о чемъ считаю долгомъ своимъ увѣдомить правительство и общество... Будучи единственнымъ судьей и охранителемъ моей чести и чести моей жены, а слѣдовательно не требуя ни правосудія, ни мести, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что я утверждаю.

„Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, графъ, что это письмо есть доказательство уваженія и довѣрія, которое я питаю къ Вашей особѣ". [2]

Отвѣтомъ Николая и Бенкендорфа на это сообщеніе была присылка Пушкиной неизвѣстной намъ суммы для передачи, въ видѣ свадебнаго подарка, ея сестрѣ... Эти люди не знали другого участія въ горѣ человѣка, кромѣ бросанія казенныхъ денегъ...

Что было дальше—знаетъ каждый: раненый на дуэли съ Дантесомъ, Пушкинъ умеръ 29 января 1837 года...

[1] „Сочиненія", VII, 666.

[2] Ibidem, 671—673, оригиналъ по-французски.

Какъ только царь узналъ объ этомъ, такъ немедленно написалъ Бенкендорфу: „Пушкинъ умеръ; я приказалъ Жуковскому приложить свою печать къ его кабинету и предлагаю вамъ послать Дубельта къ Жуковскому, чтобы онъ приложилъ жандармскую печать для большей сохранности. По истеченіи восьми дней эти два лица могутъ снимать печати и Жуковскій разберетъ бумаги“.... [1] Всѣ многочисленныя розсказни о необыкновенной сердечности Николая въ отношеніи къ умиравшему поэту ровно ни на чемъ не основаны. Изъ распространявшихъ эти басни никто не попробовалъ вникнуть въ суть всѣхъ любезностей, никто не понялъ, что Николай относился къ смерти Пушкина не иначе, какъ къ потерѣ роскошныхъ украшеній своего дворца... Развѣ хотя бы при малой долѣ искренняго горя Николай утерпѣлъ бы не проѣхать къ умиравшему вмѣсто того, чтобъ ограничиться какимъ-то никому неизвѣстнымъ письмомъ, сейчасъ же по прочтеніи его Пушкинымъ увезеннымъ обратно къ царю?... Развѣ онъ позволилъ бы издѣваться надъ прахомъ умершаго генія, какъ издѣвались его приспѣшники?!

Когда Пушкинъ лежалъ въ гробу на своей квартирѣ, толпы народа валили отдать ему послѣдній долгъ. Происходило нѣчто подобное безмолвной народной манифестаціи... Похороны были назначены въ Исаакіевскомъ соборѣ, о чемъ и разослали извѣщенія; выносъ долженъ былъ происходить весьма торжественно... Но полиція—говоритъ хроникеръ событій, а на самомъ дѣлѣ, разумѣется самъ Николай, вмѣшивавшійся и въ гораздо менѣе значительныя событія столичной жизни,—приказала сдѣлать выносъ ночью въ присутствіи родныхъ и самыхъ близкихъ друзей и, конечно, Дубельта съ двадцатью жандармскими офицерами... По сосѣднимъ дворамъ были разставлены солдаты... Вмѣсто Исаакіевскаго собора тѣло вдругъ снесли въ церковь конюшеннаго вѣдомства... Мало того. Послѣ отпѣванія, чтобы избавиться отъ толпы, все еще валившей на поклоненіе праху, гробъ снесли въ церковный подвалъ... Но и это еще не все изъ милостей Николая. Отправленіе гроба въ село Михайловское послѣдовало тоже ночью. Ящикъ съ гробомъ поставили на телѣгу и въ полночь она тронулась при четырехъ жандармахъ и высочайше назначенномъ Александрѣ Ивановичѣ Тургеневѣ.

Жена Никитенка возвращалась какъ разъ въ эти дни въ Петербургъ и на одной изъ станцій увидѣла простую телѣгу, на ней солому, подъ соломой гробъ, обернутый рогожей. Три жандарма суетились на почтовомъ дворѣ, хлопотали о томъ, чтобы скорѣе перепрячь *курьерскихъ* лошадей и скакать дальше съ гробомъ. „Что это такое?“—спросила она у одного изъ находившихся при этомъ крестьянъ. „А Богъ его знаетъ что. Вишь какой-то Пушкинъ убитъ—и его мчатъ на почтовыхъ въ рогожѣ и соломѣ, прости Господи, какъ собаку“... [2] Развѣ все это позволилъ бы себѣ человѣкъ, хоть сколько-нибудь уважавшій Пушкина?..

19 февраля Паскевичъ писалъ Николаю: „Жаль Пушкина, какъ литератора—въ то время, когда его талантъ созрѣвалъ, но человѣкъ онъ былъ дурной“. Ни-

[1] „Старина и Новизна“, VI, 11, оригиналъ по-французски.

[2] *Никитенко*, „Записки и дневникъ“, 1, 286.

колай отвѣчалъ: „Мнѣніе твое о Пушкинѣ я совершенно раздѣляю и про него можно справедливо сказать, что въ немъ оплакивается будущее, а не прошедшее“...

Немудрено, что, видя такое отношеніе царя къ смерти величайшаго русскаго поэта, Бенкендорфъ и Уваровъ всѣми мѣрами старались потушить вспыхнувшее общественное пробужденіе. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ была напечатана слѣдующая замѣтка Л. Якубовича:

„Сегодня, 29 января, въ 3-мъ часу пополудни, литература русская понесла невознаградимую потерю: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*, по кратковременныхъ страданіяхъ тѣлесныхъ, оставилъ юдольную сію обитель. Пораженные глубочайшею горестію, мы не будемъ многорѣчивы при семъ извѣщеніи: Россія обязана Пушкину благодарностью за 22-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности, которыя были рядъ блистательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ успѣховъ въ сочиненіяхъ всѣхъ родовъ. Пушкинъ прожилъ 37 лѣтъ: весьма мало для жизни человѣка обыкновеннаго и чрезвычайно много въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ уже онъ въ столь краткое время существованія, хотя много, очень много могло бы еще ожидать отъ него признательное отечество“. [1]

Бенкендорфъ позвалъ Греча и сдѣлалъ ему строгій выговоръ за неумѣстность хвалебныхъ выраженій... Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ Краевскій напечаталъ:

„Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!.. Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силъ, да и не нужно; всякое русское сердце будетъ знать всю цѣну этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце растерзано. Пушкинъ нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!.. Неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина! Къ этой мысли нельзя привыкнуть!

„29-го января, 2 ч. 45 м. пополудни“. [2]

Краевскому былъ нагоняй со стороны Уварова.

7 февраля кабинетъ Пушкина былъ вскрытъ и всѣ бумаги перенесены въ квартиру Жуковскаго, гдѣ запечатаны печатями штаба корпуса жандармовъ и Жуковскаго, ключи отъ сундуковъ переданы Дубельту, а комната, въ которой они находились, также запечатана обѣими печатями. Затѣмъ просмотръ бумагъ дѣлался Дубельтомъ вмѣстѣ съ придворнымъ поэтомъ. Потомъ государю была представлена опись всѣмъ бумагамъ, и онъ собственноручно сдѣлалъ отмѣтки о назначеніи ихъ преимущественно Жуковскому, оставивъ себѣ секретныя записки о жизни и смерти Екатерины II на французскомъ языкѣ въ двухъ книгахъ и передавъ Бенкендорфу какой-то пакетъ съ билетами и еще кое-какія бумаги—лицамъ ихъ доставившимъ Пушкину, напримѣръ Тургеневу, кн. В. В. Долгорукову и др. Какъ Пушкинъ обѣщалъ еще при жизни—бумаги, въ которыхъ были записаны его разговоры съ государемъ, были сожжены имъ передъ самой смертью.

[1] „Сѣверная Пчела“ 1837 г. № 24.

[2] 1837 г. № 5.

Бенкендорфъ до самой смерти помнилъ Пушкина и при всякомъ удобномъ случаѣ старался показать свое къ нему пренебреженіе. Особенно характеренъ слѣдующій случай.

Погодинъ помѣстилъ въ „Москвитянинѣ" письма къ нему Пушкина, въ которыхъ публика называлась „глупою", литература—„вшивымъ рынкомъ", цензура слегка осмѣивалась, сравненіе автора писемъ съ Полевымъ называлось „свинствомъ". Желая защитить Полевого—съ одной стороны, и лягнуть уже умершаго поэта—съ другой, Бенкендорфъ вдругъ сталъ на защиту... публики и литераторовъ! „Какъ въ письмахъ Пушкина—писалъ онъ Уварову—встрѣчаются наиразличныя выходки противъ публики, литературы, цензуры и частнаго лица г. Полевого, то позвольте изложить вамъ мое мнѣніе, что ежели издатели „Москвитянина", печатая въ журналѣ своемъ эти письма, имѣли намѣреніе познакомить публику съ *настоящими* качествами г. Пушкина, *въ такомъ случаѣ цѣль ихъ истинно похвальна*, но не менѣе того цензоръ не имѣлъ права и не долженъ былъ пропускать къ печатанію неприличной брани, столь нетерпимой правительствомъ". [1] Уваровъ, отстоявъ и на этотъ разъ журналъ своего восхвалителя, благодарилъ, однако, III Отдѣленіе за цѣнное указаніе.

Судьба сблизила потомство Пушкина съ николаевскими жандармами: дочь великаго поэта Наталія Александровна (по второму мужу графиня Меренбергъ) вышла замужъ за сына Дубельта...

---

[1] „Рус. Стар.", 1903 г. IV, 174.

V.

Князь П. В. Долгоруковъ въ Россіи.

Князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ, авторъ генеалогическихъ и историческихъ трудовъ, потомъ своеобразный эмигрантъ—фигура мало извѣстная въ литературѣ. Между тѣмъ біографія его представляетъ несомнѣнный интересъ не только сама по себѣ, но и какъ страничка нашей родной лѣтописи за два царствованія: Николая I и его сына.

Въ этомъ этюдѣ я познакомлю читателя съ періодомъ жизни Долгорукова въ Россіи, до эмигрированія въ Европу въ 1859 году. Такимъ образомъ полная біографія князя не входитъ въ мою задачу.

I.

Долгоруковъ (сынъ Владиміра Долгорукова, обыкновеннаго военнаго, и Варвары Ивановны Пашковой) родился въ 1816 году. 11-ти лѣтъ его отдали въ пажескій корпусъ. Окончивъ его, князь предпочелъ свободу военной службѣ николаевскаго режима и безъ хлопотъ получилъ на это право. Онъ сталъ усиленно заниматься русской исторіей, чему не мало помогали широкія связи и знакомства, съ одной стороны, большія средства—съ другой.

Въ 1841 г. Долгоруковъ поѣхалъ за границу для продолженія своихъ научныхъ занятій.

Въ первыхъ числахъ февраля 1843 г. главноуправляющій III Отдѣленіемъ, Бенкендорфъ, получилъ донесеніе отъ Якова Толстого, изъ Парижа. Тотъ спѣшилъ сообщить о только-что вышедшей книгѣ графа Альмагро—„Notice sur les principales familles de la Russie", подъ именемъ котораго скрывался кн. П. В. Долгоруковъ.

„Эта брошюра произвела непріятное впечатлѣніе на тѣхъ немногихъ лицъ, которыхъ можетъ интересовать такой сюжетъ. Все же я—писалъ оберъ-наблюдатель шефу жандармовъ—счелъ долгомъ обратить вниманіе Вашего Сіятельства на ея появленіе, а также на ея неприличіе, съ которымъ авторъ открываетъ факты, кои ему, какъ доброму русскому, слѣдовало бы пройти забвеніемъ или же, по нѣсколько тривіальному выраженію Наполеона, мыть грязное бѣлье у себя дома. Всѣ были поражены непочтительностью его отзывовъ о лицахъ высокопоставленныхъ, которыя своими давнишними и крупными заслугами вполнѣ заслужили признательность своего государя и своей родины. Среди многочисленныхъ

статей этого памфлета, который читаешь съ глубокимъ отвращеніемъ, одна въ особенности возбуждаетъ общее негодованіе, это статья о родѣ Паленъ. Всѣ справедливо возмущаются эпитетомъ „злодѣй" (scélérat) который употребляетъ авторъ, говоря объ отцѣ того Палена, который въ данный моментъ представляетъ здѣсь священную особу государя императора. Эта брошюра, грѣшащая еще и неточностью въ изложеніи фактовъ, весьма некстати изображаетъ русское дворянство въ самыхъ гнусныхъ краскахъ, какъ гнѣздо крамольниковъ и убійцъ. Ваше Сіятельство замѣтите въ предисловіи [1] объявленіе объ исторіи Россіи отъ вступленія на престолъ дома Романовыхъ до нашихъ дней. Это произведеніе проникнуто духомъ удивительнаго безстыдства и распущенности. Авторъ имѣлъ нескромность говорить нѣсколькимъ весьма почтеннымъ лицамъ, между прочимъ, графу Моле, что онъ будетъ просить у русскаго правительства мѣста, соотвѣтствующаго его уму и дарованіямъ, а не такъ, какъ ихъ раздаютъ въ Россіи, смотря по чину, какой имѣешь. Онъ мечтаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ быть министромъ. Онъ еще прибавилъ, что если императоръ, къ которому онъ хочетъ обратиться непосредственно съ письмомъ, дастъ ему подходящее мѣсто, достойное его *высокихъ способностей*, то онъ передѣлаетъ свое произведеніе и вычеркнетъ изъ него все враждебное нашему правительству. Въ противномъ же случаѣ издастъ его, какъ оно есть.

,,Долгоруковъ думаетъ, что его книга можетъ служить пугаломъ, съ помощью котораго онъ добьется всего, что только взбредетъ ему на умъ. На замѣчаніе, что правительство, по всей вѣроятности, предложитъ ему вернуться въ Россію, онъ отвѣтилъ, что откажется выполнить такой приказъ, подъ предлогомъ болѣзни, и останется здѣсь еще четыре года, а тамъ, говоритъ, меня оцѣнятъ, и я смогу вернуться на родину ничего не опасаясь.

,,Опубликованіе этого памфлета кажется мнѣ настолько противнымъ интересамъ моего правительства, что я не колеблясь рѣшилъ обратить на него вниманіе Вашего Сіятельства. Столько уже французовъ рвутъ на части Россію и клевещутъ на нее, что если еще и русскіе, въ свою очередь и съ большими шансами на правдивость, начнутъ изрыгать на свою родину хулы и клеветы, слишкомъ ужъ трудна будетъ задача для насъ, ее защищающихъ. И мнѣ кажется, что подобное вѣроломство не можетъ быть терпимо. Князь Долгоруковъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, пылкаго и сумбурнаго характера, которымъ слѣдовало бы какъ можно рѣже уѣзжать изъ своей страны, гдѣ, по крайней мѣрѣ, за ними можетъ быть надзоръ, тогда какъ здѣсь онъ своей безтактностью уже закрылъ себѣ двери нѣсколькихъ домовъ и рискуетъ скомпрометировать себя и быть публично поднятымъ на смѣхъ печатью. Мнѣ очень прискорбно рѣшиться на такой шагъ, но я выше всего ставлю вѣрноподданническій долгъ, который и стараюсь выполнять въ полной мѣрѣ". [2]

[1] Экземпляръ книжки былъ приложенъ.

[2] Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспедиціи 1843 г. № 50. Это письмо въ оригиналѣ по-французски.

Бенкендорфъ взволновался и немедленно доложилъ обо всемъ Николаю. При дворѣ знали истинную цѣну книги Долгорукова, очень правдиво излагавшей грязную исторію нашихъ князей. Даже такой осторожный и политичный человѣкъ, какимъ былъ баронъ М. А. Корфъ, и тотъ находилъ, что „Долгоруковъ, представивъ съ своей точки зрѣнія образъ избранія на русскій престолъ дома Романовыхъ, откровенно разсказалъ происхожденіе и домашнія тайны нѣкоторыхъ высшихъ нашихъ фамилій...“ [1] Николай приказалъ поручить повѣренному въ Парижѣ, призвавъ въ посольство Долгорукова, объявить ему, чтобы немедленно выѣхалъ въ Россію, и при томъ въ Петербургъ, въ противномъ случаѣ—поступить съ нимъ по всей строгости законовъ.

Посланникъ Н. Д. Киселевъ исполнилъ волю царя и получилъ отъ Долгорукаго отвѣтъ, что какъ только онъ получитъ еще нѣсколько врачебныхъ совѣтовъ и исправитъ свою карету, такъ немедленно исполнитъ высочайшее повелѣніе, что, вѣроятно, и произойдетъ 31 марта. Какъ только министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ объ этомъ Бенкендорфа, послѣдній сдѣлалъ распоряженіе о командированіи въ Таурогенъ, на границу, фельдъегеря, которому дано было предписаніе арестовать Долгорукова и доставить со всѣми бумагами и книгами прямо въ III Отдѣленіе.

21 марта Долгоруковъ выѣхалъ уже изъ Парижа. На другой же день Киселевъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ (по-французски):

„Съ удовольствіемъ увѣдомляю Ваше Сіятельство, что я, наконецъ, избавился отъ присутствія князя Долгорукова, который вчера выѣхалъ изъ Парижа черезъ Берлинъ въ Петербургъ. Я тѣмъ болѣе доволенъ исчезновеніемъ этой жалкой личности, что его вранье и плутни съ журналистами уже обратили на себя вниманіе властей и, благодаря ему, у меня чуть было не вышли серьезныя непріятности съ правительствомъ. Къ счастью, мнѣ удалось предупредить ихъ, но тѣмъ не менѣе считаю долгомъ предупредить Васъ, что изъ за поведенія этого компрометирующаго насъ господина у меня были объясненія съ Гизо.

„Вечеромъ въ прошлый четвергъ, 18 (30) марта, когда я имѣлъ честь послать Вамъ письмо о графѣ Альмагро-Долгоруковѣ, встрѣчаюсь случайно съ Гизо, который просилъ меня удѣлить ему нѣсколько минутъ. И вотъ онъ мнѣ говоритъ, что здѣсь существуетъ нѣкій Долгоруковъ, поведеніе котораго по меньшей мѣрѣ необычайно, что на его личныя интриги не обращали вниманія, но что его скромности и даже клеветы могутъ создать серьезное дѣло. Подтвердивъ все уже извѣстное вамъ о визитѣ Долгорукова къ г. Арману Бертэну, о его разговорѣ съ этимъ журналистомъ и настоятельныхъ просьбахъ напечатать въ „Les Débats“ принесенную имъ статью, Гизо сообщилъ мнѣ, что на другой же день послѣ появленія этой статьи, Долгоруковъ сталъ распространять слухи, что къ этой статьѣ причастно министерство и даже болѣе *высокопоставленныя лица*. Но живущіе въ Парижѣ утромъ получили сообщеніе о статьѣ, напечатанной

[1] „Русская Старина“, 1889 г. XI, 294.

третьяго дня въ „Les Débats", при чемъ намекалось, что она писана съ вѣдома и согласія французскаго правительства. Сообщая мнѣ объ этомъ, Гизо сказалъ, что если въ лондонскихъ газетахъ упоминаемая статья появится съ такой инсинуаціей, которая можетъ исходить только отъ самаго Долгорукова, то французское правительство вынуждено будетъ опровергнуть клевету и выслать автора.[1]

„Послѣ всѣхъ уже имѣвшихся у меня доказательствъ двуличія и интригантства Долгорукова, слова Гизо не могли меня удивить, но прежде всего я просилъ его не придавать никакого значенія словамъ этой жалкой личности, которая въ своемъ необычайномъ тщеславіи стремится только къ одному: чтобы о ней думали и ею занимались. Я просилъ не доставлять ему удовольствія думать, что онъ можетъ доставить заботы французскому правительству, и былъ увѣреннымъ, что уже къ концу недѣли этой жалкой личности не будетъ въ Парижѣ. Гизо очень любезно согласился исполнить мою просьбу и предоставить мнѣ хлопоты по удаленію отсюда этого сквернаго интриганишки, не обращая болѣе вниманія на его выдумки и каверзы.

„На другой день послѣ этого разговора я потребовалъ, чтобъ Долгоруковъ ускорилъ свой отъѣздъ и выѣхалъ изъ Парижа не въ будущую среду, какъ онъ обѣщалъ мнѣ въ письмѣ, а самое позднее въ воскресенье, т. е. вчера, такъ какъ иначе онъ рискнетъ быть высланнымъ изъ Франціи, чему я никоимъ образомъ не буду противиться, несмотря на все мое нежеланіе видѣть кн. Долгорукова изгнаннымъ изъ Франціи, какъ былъ изгнанъ не такъ давно князь Лихновскій, рѣчи и поведеніе котораго были менѣе неприличны, чѣмъ его въ послѣдніе дни. Мои, хотя и не прямыя, внушенія, такъ какъ я не хотѣлъ показать, что придаю ему значеніе, произвели желаемое дѣйствіе, и со вчерашняго дня Парижъ очищенъ отъ этого интриганишки.

„Я тѣмъ болѣе доволенъ, что избавился такимъ образомъ отъ единственнаго соотечественника, поведеніе котораго подавало поводъ къ нареканіямъ, такъ какъ долженъ сказать къ чести всей русской колоніи, проводившей эту зиму въ Парижѣ, что до сихъ поръ всѣ въ одинъ голосъ признавали ея полную корректность во всѣхъ поступкахъ и даже изящество ея манеръ, обращающее на нее вниманіе во всѣхъ салонахъ здѣшней столицы. Считаю долгомъ засвидѣтельствовать это, и единственное исключеніе теперь исчезло съ парижскаго горизонта, чему я и мои здѣшніе соотечественники очень рады. Надѣюсь, что теперь, когда этотъ *„крученый"* (tortillard), какъ его здѣсь прозвали, исчезъ, мнѣ уже не придется больше хлопотать о томъ, чтобы усовѣщевать его, и что въ послѣдній разъ надоѣдаю Вамъ его каверзами".

По пути изъ Берлина Долгоруковъ написалъ Николаю I пространное письмо, датированное 10-мъ апрѣля, въ страстную субботу. Вотъ оно:

[1] Къ сожалѣнію, неизвѣстно, о какой статьѣ идетъ рѣчь.

„Всемилостивѣйшій Государь,

„Во исполненіе даннаго мнѣ повелѣнія, я съ первымъ пароходомъ отправляюсь изъ Любека въ Петербургъ. [1]

„При отъѣздѣ моемъ изъ Парижа многіе говорили мнѣ: ,,не возвращайтесь въ Россію; вы тамъ нажили себѣ враговъ сильныхъ, дѣятельныхъ, они васъ оклевещутъ и отравятъ всю будущность вашу". Я отвѣчалъ подателямъ совѣтовъ: ,,вы не знаете Россіи; и еще менѣе знаете Царя нашего. Сколь бы ни сильны и ни дѣятельны были враги мои, ни одинъ изъ нихъ не можетъ имѣть такого вліянія: судьба моя и судьба каждаго русскаго зависитъ единственно отъ Царя и только отъ Него; никто и никогда не имѣлъ и не будетъ имѣть ни малѣйшей тѣни вліянія на волю Царскую. Государь нашъ промысломъ Божіимъ и геніемъ своимъ поставленъ на высотѣ неизмѣримой, недоступной нашимъ мелкимъ страстямъ, нашимъ мелкимъ враждамъ, и всѣ эти постыдныя чувства издыхаютъ у подножія его престола. Люди, въ коихъ книжка графа Альмагро разбередила родовыя притязанія или самолюбіе личное, упрекаютъ меня: 1. что я писалъ истину безъ всякой пощады, 2. былъ пристрастнымъ, 3. упоминаю о порокахъ Петра I, 4. о слабостяхъ Екатерины II, 5. называю поименно всѣхъ цареубійцъ и 6. назвалъ Францію ,,страною гостепріимною".

,,Слова: ,,pays hospitalier de France" были учтивою платою за всѣ учтивости, за радушіе, оказанное мнѣ лицами, высоко стоящими во мнѣніи общемъ и по своему свѣтскому значенію, и по своимъ умственнымъ достоинствамъ. Лица эти (нѣкоторыми изъ нихъ справедливо можетъ гордиться Франція) осыпали меня, 26-лѣтняго молодого человѣка, ласками, тѣмъ болѣе для меня лестными, что ласки эти мнѣ были изъявляемы руководителями общаго мнѣнія. Не взирая на мои лѣта, они въ сношеніяхъ своихъ со мною возвышали меня до себя и при отъѣздѣ нѣкоторые взяли съ меня слово вести съ ними переписку.

„О безпристрастіи моемъ существуетъ печатное доказательство: это жизнеописаніе одного изъ злѣйшихъ враговъ дома моего, но одного изъ величайшихъ государственныхъ мужей Россіи—графа Андрея Остермана („Русская Бесѣда" 1841 г., томъ II).

„Писалъ я истину безъ всякой пощады потому, что истина—лучшая хвала, а похвалы безразборчивыя хуже всякаго пасквиля. Пасквиль пятнаетъ только своего сочинителя; похвалы безразборчивыя унижаютъ предметы священные. Писатель, который бы сталъ превозносить царствованіе императрицы Анны, могъ ли бы воздать должную справедливость Вашему Императорскому Величеству?... Могъ ли бы онъ отзываться въ одинаковыхъ выраженіяхъ о двухъ царствованіяхъ совершенно и во всемъ противоположныхъ?... Не преступленіемъ ли было бы со стороны историка потакать притязаніямъ фамилій, притязаніямъ часто нелѣпымъ до невѣроятности или покрывать завѣсою равнодушнаго забвенія гнусныя воспо-

[1] Узнавъ объ этомъ, Бенкендорфъ немедленно распорядился о возвращеніи фельдъегеря изъ Таурогена.

минанія лихоимства и грабежа?... Нѣтъ! Истина историческая—лучшее возмездіе доблестямъ прошедшимъ, лучшая хвала настоящему и самое грозное страшилище порокамъ грядущимъ. Что бы стало съ родомъ человѣческимъ и съ добродѣтелью, если бы не существовало этихъ двухъ хранительныхъ мыслей: о лучшемъ мірѣ и приговорѣ потомства?...

„Говорилъ я о порокахъ Петра I потому, что, отдавая полную справедливость генію Петра, я не могу, на ряду съ исполинскими подвигами его, не видѣть и его исполинскихъ ошибокъ, главнѣйшая изъ коихъ исправлена была двумя изъ преемниковъ его, Екатериною Великою и Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Петръ, въ безграничномъ пристрастіи своемъ ко всему иноземному (выражавшемуся даже въ подписи его Piter), попралъ духъ русскій и сдвинулъ насъ съ пути русскаго направленія. Великая слава возвращенія насъ на этотъ путь принадлежитъ Екатеринѣ и Вамъ, Государь! На счетъ пороковъ Петровыхъ и неимовѣрной жестокости его, мнѣ, можетъ статься, возразятъ, что эти пороки, эта жестокость принадлежали къ его вѣку, къ нравамъ современнымъ. Нѣтъ! Отецъ и дѣдъ его, Цари Алексѣй и Михаилъ, отличались кротостью и добродѣтелями своими. Велики заслуги Петра передъ Россіею, но не онъ первый предпріялъ образовать отечество наше: краеугольный камень тому положенъ былъ царемъ Алексѣемъ, Государемъ, доселѣ не вполнѣ оцѣненнымъ исторіей. Алексѣй, государь мудрый и великій, возвратилъ Россіи Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ, Малороссію, устраивалъ регулярныя войска, *пытался устроить флотъ*, попралъ внутренніе мятежи; сѣялъ просвѣщеніе, подобно Вамъ, въ духѣ Русскомъ, а не иноземномъ, и, подобно Вамъ, былъ законодателемъ своей страны. Отдавая полную справедливость генію и подвигамъ Петра, исторія, безпристрастная, нелицемѣрная скажетъ современемъ, что двухвѣковая эпоха образованія Россіи началась при Алексѣѣ, а совершилась при Николаѣ!

„Говорилъ я о слабостяхъ, болѣзненныхъ и неизбѣжныхъ, нашей Великой Екатерины для собственной славы сей мудрой государыни, или — правильнѣе сказать — сего мудраго государя! Слабости ея извѣстны были всей Европѣ, но мнѣ судьба предоставила завидное счастіе сказать о нихъ первое слово истины и чрезъ то оправдать эту необыкновенную жену, благодѣтельницу отечества нашего.

„Но высшею заслугою моею передъ доблестнымъ дворянствомъ, къ первому слою коего имѣю честь принадлежать по своему рожденію—было оклейменіе памяти цареубійцъ!.. Было въ Россіи время (грустно и больно русскому вспоминать о томъ времени), когда цареубійство было въ нравахъ и обычаяхъ русскихъ и престолъ Всероссійскій (по словамъ знаменитаго графа Николая Ивановича Панина), престолъ Всероссійскій былъ добычею каждаго ночного мятежа и кровопролитія. Постыдное время это минуло—и минуло невозвратно! Долгъ нашъ, долгъ новыхъ поколѣній — клеймить память цареубійцъ, въ неопровержимое доказательство, что преступленія, иногда по самой безмѣрности своей избѣгающія кары правосудія человѣческаго, не избѣгнутъ заслуженной мзды на скрижаляхъ исторіи!..

„Какъ!.. Фамиліи, члены коихъ обагряли руки свои въ священной крови предковъ Вашихъ, хотятъ, чтобы я воздавалъ ѳиміамъ дѣламъ позорнымъ или покрывалъ минувшія злодѣянія завѣсою преступнаго забвенія?.. Нѣтъ! Не такова обязанность исторіи. Призваніе историка священно. Безпристрастный судія вѣкамъ прошедшимъ, онъ вызываетъ предъ судилище свое людей и событія, увѣнчиваетъ добродѣтель, караетъ порокъ!

„Всемилостивѣйшій Государь! Вѣрное описаніе всѣхъ ужасовъ нашего прежняго быта политическаго и общественнаго, ужасовъ еще отъ насъ не отдаленныхъ, но уже столь чуждыхъ нынѣшнимъ нравамъ и понятіямъ нашимъ, такое описаніе едва ли не послужитъ самою лучшею, самою краснорѣчивою похвалою необыкновенной быстротѣ успѣховъ нашихъ на стезѣ образованности, неимовѣрной быстротѣ нашего развитія умственнаго и нравственнаго, развитія, коимъ мы болѣе всего обязаны двумъ государямъ: Великой Екатеринѣ и Вашему Императорскому Величеству.

„Обращаясь же собственно къ винѣ моей, отъ законодательнаго генія Вашего Императорскаго Величества не укроется огромное различіе между изданіемъ книги на русскомъ языкѣ или подъ именемъ русскаго, и напечатаніемъ на языкѣ иностранномъ, подъ именемъ иностраннымъ. Сознаваясь въ своей винѣ, могу сказать, что изданіе этой книжки было величайшею заслугою, когда-либо оказанною русскимъ писателемъ русскому дворянству. Старецъ Шатобріанъ—эта живая хоругвь чести и великодушія, сказалъ мнѣ: „Князь! Дворянству русскому слѣдовало бы соорудить вамъ памятникъ; до васъ никто изъ насъ ничего и не зналъ объ этомъ дворянствѣ!“ На первый мигъ заслуга моя не была оцѣнена, и неудивительно! При появленіи книжки закипѣла (и кипитъ еще) ярость претензій родовыхъ и самолюбій личныхъ. Ярость эта заглушаетъ *на время* то чувство глубокой признательности, какою *навсегда* обязано мнѣ Россійское дворянство.

„Всемилостивѣйшій Государь! Письмо это написано мною съ глубокимъ благоговѣніемъ и съ полною откровенностью, какъ подобаетъ дворянину, русскому князю и человѣку, имѣющему, не взирая на молодость свою, сознаніе умственныхъ способностей, дарованныхъ ему Богомъ, и—можетъ быть—не совсѣмъ обыкновенныхъ. Враговъ своихъ я не страшусь: личная злоба ихъ пребудетъ безсильною и жужжаніе ихъ не достигнетъ до престола, съ высоты коего Ваше Императорское Величество изливаете на подданныхъ своихъ тѣ рѣки милостей и благодѣяній, коими ознаменовано будетъ въ исторіи русское великое и славное царствованіе Ваше! Предавая себя милосердію и великодушію Вашего Императорскаго Величества, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе пребыть Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнымъ *князь Петръ князь Владиміровъ сынъ Долгоруковъ*“.

На конвертѣ было написано: „Его Императорскому Величеству. Всеподданнѣйшее письмо это, по совершенно особенному содержанію своему, назначено *прямо* въ Высочайшія руки. Отъ князя Петра Долгорукова“.

Письмо, безъ сомнѣнія, лакейское и неискреннее. Кто-кто, а занимавшійся собираніемъ историческихъ матеріаловъ и слышавшій обо всемъ, творившемся при дворѣ, Долгоруковъ, по натурѣ своей честный и гордый, не могъ одобрять политику, достаточно рѣзко бьющую въ глаза въ продолженіе восемнадцати лѣтъ правленія Николая... Зачѣмъ же понадобилось писать все это? Дѣйствительно, приходится повѣрить словамъ Киселева: честолюбивый Петръ Владимировичъ ждалъ дорогой платы за свои знанія тайнъ Зимняго дворца. Ему хотѣлось власти, виднаго служебнаго положенія, которое, впрочемъ, онъ, нѣтъ сомнѣнія, постарался бы использовать на общую пользу. Его собственныя слова въ приведенномъ письмѣ о своихъ „не совсѣмъ обыкновенныхъ способностяхъ" и другіе документы подтверждаютъ это заключеніе. Да, Долгоруковъ думалъ сыграть и на своей книгѣ, и на немедленномъ и безпрекословномъ исполненіи царскаго приказа о возвращеніи въ Россію. Онъ надѣялся на свою родовитость и связи, на голосъ европейскаго вообще общественнаго мнѣнія и французскаго въ частности, которое должно было обрушиться на царя, въ случаѣ репрессій добровольному пришельцу... Кромѣ того, матеріальныя дѣла Долгорукова не были тогда еще достаточно устроены, чтобы сразу открыто и рѣзко заявить въ Парижѣ о своемъ разрывѣ съ правительствомъ; имущество было бы конфисковано...

Но Петръ Владимировичъ плохо расчиталъ. Николай I и не былъ джентльменомъ, и не любилъ лести, когда она переходила границы и бросалась въ глаза; онъ любилъ лесть тонкую, къ которой пріучилъ своихъ приближенныхъ въ родѣ Бенкендорфа, Орлова и другихъ. Поэтому резолюція на письмѣ ясна была впередъ: по прежнему приказанію арестовать въ Кронштадтѣ...

1 мая Долгоруковъ слѣзъ съ любекскаго корабля и прямо попалъ въ руки крѣпостного надзирателя Иванова. При немъ оказались 4500 франковъ золотомъ, книги, масса вещей и камердинеръ, французъ Дидье Моренъ. Книги были отосланы въ таможню, а оттуда въ цензурный комитетъ, вещи и деньги сданы Иванову, а французъ получилъ право скитанія по Россіи безъ мѣста...

Долгорукова заключили въ III Отдѣленіе.

II.

Теперь намъ необходимо сначала вернуться немного назадъ, чтобы разсказать о томъ, чѣмъ мнѣ не хотѣлось прерывать изложеніе предыдущей главы.

Когда Яковъ Толстой сообщилъ Бенкендорфу о книгѣ Долгорукова, Николай понялъ, что у послѣдняго могли быть въ распоряженіи такіе документы, которые у него не должны были бы быть.

Такъ какъ заграничнымъ агентомъ по скупкѣ и снятію копій съ документовъ, компрометирующихъ прошлое и тогдашнее русское правительство, былъ небезызвѣстный Александръ Ивановичъ Тургеневъ (братъ знаменитаго Николая), то приказано было вытребовать его немедленно въ Петербургъ „для нѣкоторыхъ

объясненій“, какъ писалъ ему Бенкендорфъ [1]. Тургеневъ выѣхалъ изъ Берлина черезъ три дня, а 17 апрѣля былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ сейчасъ же написалъ пространное показаніе. Онъ сообщилъ, что въ августѣ 1838 г. пріѣхалъ въ Петербургъ съ рукописями о Россіи. Секретную рукопись о первыхъ семи годахъ царствованія Екатерины II, купленную въ Копенгагенѣ у графа Сенъ-При, онъ тогда же передалъ кн. А. Н. Голицыну для представленія государю. Краткій очеркъ содержанія другихъ рукописей, а именно депешъ Вераха, писанныхъ его секретаремъ, Кальяромъ, въ царствованіе Екатерины II (а ихъ было 6 фоліантовъ), онъ случайно, по усиленной просьбѣ, довѣрилъ Долгорукову. Сдѣлалъ онъ эту передачу въ квартирѣ отсутствовавшаго тогда князя П. А. Вяземскаго, гдѣ Тургеневъ всегда, какъ близкій другъ, останавливался. Однажды Долгоруковъ попросилъ одинъ фоліантъ къ себѣ на домъ, чтобы успѣть кончить работу, но черезъ нѣсколько дней вернулъ его безъ сдѣланной копіи. Тургеневъ разсердился на него... Въ 1841 г. оба они встрѣтились въ Парижѣ. Тургеневъ забылъ объ инцидентѣ 1839 года и далъ даже Долгорукову нѣсколько посылокъ для своихъ русскихъ друзей. А. И. утверждалъ, что въ только что вышедшей книгѣ Долгорукова о русскихъ княжескихъ родахъ нѣтъ признаковъ пользованія тѣми шестью фоліантами, которые были даны ему въ 1838 г. Самъ онъ никогда ничего не писалъ за границей о Россіи и всегда умѣлъ беречь тайну, будетъ умѣть дѣлать это и впредь.

Вотъ суть показаній.

Для лучшей иллюстраціи отношеній Тургенева къ Долгорукову, приведу небольшую французскую записку, посланную имъ Бенкендорфу черезъ какого-то возвращавшагося въ Россію князя К. и написанную тогда, когда Долгоруковъ прибылъ въ Берлинъ.

„Я не хочу отпустить молодого князя К. безъ нѣсколькихъ строкъ. Онъ передастъ на границѣ для отправки Вашему Сіятельству съ тяжелой почтой нѣсколько пріобрѣтенныхъ имъ здѣсь книгъ. Знаменитый кн. Долгоруковъ пріѣдетъ къ Вамъ съ первымъ любекскимъ пароходомъ. Здѣсь онъ въ теченіе нѣкотораго времени велъ себя смирно, но такъ какъ его тщеславіе не оставляетъ его въ покоѣ, то онъ написалъ государю письмо по меньшей мѣрѣ безполезное. У себя на дому я его не вижу и обращаюсь съ нимъ довольно скверно. Другіе, очевидно, проповѣдывали ему о благоразуміи, а онъ иногда слушается добрыхъ совѣтовъ, но потомъ его глупое тщеславіе беретъ верхъ. Раздавить это тщеславіе, сдѣлать такъ, чтобы о немъ и его произведеніяхъ говорили какъ можно меньше и даже совсѣмъ о нихъ забыли, значитъ оказать ему услугу и помѣшать ему и въ будущемъ злоупотреблять данными ему природой рессурсами. Здѣсь онъ не

[1] Все, что Тургеневъ собралъ за границей въ началѣ своей дѣятельности, было поднесено государю въ теченіе 1837—1839 гг. и въ концѣ 1839 года послѣдовало повелѣніе археографической комиссіи: всѣ эти акты напечатать. Такимъ образомъ получились: „Акты историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ д. ст. сов. А. И. Тургеневымъ“. Т. I—1841 г., II—1842 г.

нашелъ такой публики, какъ въ Парижѣ, и не играетъ роли, какъ было въ другихъ мѣстахъ. Думаю, графъ, что все это заинтересуетъ Васъ и подготовитъ къ встрѣчѣ съ этимъ непріятнымъ господиномъ".

Теперь обратимся къ прерванному разсказу.

Въ дѣлѣ имѣется бумажка, озаглавленная: „Объявлено князю Долгорукову" и датированная 5-мъ мая. Вотъ ея содержаніе: „Государь изволилъ отозваться, что послѣ всего, что князь Долгоруковъ дѣлалъ въ Парижѣ, нельзя дать вѣры, чтобы не онъ писалъ статьи въ журналъ и чтобы онъ сжегъ манускриптъ русской исторіи; хотя это невѣроятно, но во всякомъ случаѣ онъ не могъ сжечь матеріаловъ и выписокъ изъ разныхъ сочиненій и манускриптовъ Тургенева, между тѣмъ какъ въ бумагахъ его ничего подобнаго не найдено. Какъ кн. Долгоруковъ говоритъ, что онъ готовъ опять написать исторію, подобную преданной огню, то нѣтъ возможности предпринять подобный трудъ, не имѣя передъ глазами готовыхъ матеріаловъ,—гдѣ же они? Его Величество требуетъ, чтобы кн. Долгоруковъ объявилъ, гдѣ находятся всѣ его бумаги, ибо человѣкъ, обуреваемый страстью писать, не можетъ не сохранить важныхъ и драгоцѣнныхъ для него матеріаловъ. На представленную князю Долгорукову записку онъ можетъ дать объясненіе".

Ясно, что записка эта писана послѣ устнаго допроса Долгорукова. Николай добивался, нѣтъ ли у него копіи съ фоліантовъ, упоминаемыхъ Тургеневымъ, и съ другихъ документовъ, неизвѣстныхъ и самому Тургеневу...

На оборотѣ записки Долгоруковъ далъ объясненія:

„За границею, какъ свидѣтельствовано мною вчера, не имѣется болѣе моихъ бумагъ, а матеріалы для „Русской Исторіи" и всѣ бумаги мои находятся въ Петербургѣ у маркизы Елизаветы Александровны де Виллеро, рожденной графини Апраксиной. Тамъ находится рукопись на русскомъ языкѣ, начатая мною въ 1838 г. подъ заглавіемъ „Исторія Россіи отъ воцаренія дома Романовыхъ до кончины Александра Перваго". Рукопись эта доведена была до воцаренія императрицы Анны, и въ 1839 г. я ее отложилъ въ сторону и началъ на французскомъ языкѣ рукопись графъ Альмагро. Выписки изъ манускриптовъ Тургенева были сдѣланы карандашемъ и мною не сохранены и не переписаны перомъ, по той причинѣ, что, будучи вмѣстѣ и весьма кратки и весьма важны, остались у меня въ памяти, которая, къ счастью, весьма хороша. Нѣкоторыя выписки изъ хранящихся въ Россіи матеріаловъ вывезены были вмѣстѣ съ рукописью графа Альмагро и вмѣстѣ съ нею преданы огню. Чтеніе моей „Русской исторіи" докажетъ всю неосновательность взводимыхъ на меня обвиненій но обязанный говорить своему государю всю истину, я долженъ сознаться, что, къ несчастію, мнѣніе мое о Петрѣ Великомъ, который въ „Русской исторіи" изображенъ полубогомъ, въ рукописи графа Альмагро было иное. Въ этотъ промежутокъ времени оно измѣнилось чтеніемъ разныхъ книгъ о той эпохѣ и чтеніемъ записокъ адъютанта Петра Великаго, Вильбуа".

15 мая Бенкендорфъ представилъ Николаю опись бумагамъ и книгамъ, взя-

тымъ у Долгорукова. На ней рукою царя было написано: „отмѣченное отобравъ прислать ко мнѣ, прочее ему возвратить". А отмѣчено было слѣдующее: 1. рукопись „Жизнь Е. А. Таракановой, 1755—1777 гг.," 2. рукопись „Арбенинъ", драма Лермонтова, не напечатанная тогда, 3. рукопись „Отрывокъ изъ записокъ гр. Ростопчина" о послѣднемъ днѣ Екатерины II и первомъ Павла I., 4. рукопись „Записки Солдерна, министра польскаго, къ Екатеринѣ II", 1781 г., 5. рукопись „О восшествіи на престолъ Екатерины II", 6. рукопись „Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812 г. съ открытія кампаніи по 22 сентября, представленное Барклаемъ де-Толли Александру I", 7. рукопись „Россійско-царскій императорскій домъ", въ которой родоначальникомъ дома Романовыхъ признанъ Гланда Камбила, Дивоновъ сынъ, прибывшій въ Россію въ 1241 г. и нареченный при крещеніи Іоанномъ; 8. рукопись „Родословная дома Рюрика и дома Романовыхъ", 9. старинная церковная рукопись „Исторія о казанскомъ царствѣ", 10. два письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ кн. Багратіону, 11. рукопись „Секретнѣйшее наставленіе кн. Александру Вяземскому при назначеніи его генералъ-прокуроромъ" 12. шесть писемъ Н. А. Полевого и одно К. И. Арсеньева съ благодарностью за снабженіе ихъ разными рукописями, въ особенности же записками Вильбуа, и нѣкоторые другіе документы.

Разумѣется, Полевому было написано, чтобы немедленно доставилъ въ Ш Отдѣленіе записки Вильбуа. Полевой отвѣтилъ, что не имѣетъ у себя ни подлинника, ни копіи записокъ; что въ началѣ 1842 г. ему далъ ихъ на короткое время Долгоруковъ, и онъ успѣлъ лишь прочесть и перевести небольшую статью для „Русскаго Вѣстника" и что Долгоруковъ указывалъ на храненіе подлинника въ парижской королевской библіотекѣ, гдѣ они и были списаны имъ самимъ.

Тогда Дубельтъ сталъ склонять Долгорукова указать легчайшій способъ пріобрѣсти хотя бы копію записокъ Вильбуа. Просьба была исполнена: Долгоруковъ посовѣтовалъ переписать записки въ Парижѣ, но поручить это „не какому нибудь Якову Толстому", а одному изъ служащихъ посольства. Въ тотъ же день онъ признался, что давалъ записки Вильбуа для копированія церемоніймейстеру Смирнову и или В. Ѳ. Одоевскому или П. А. Вяземскому. Дубельтъ послушался совѣта Долгорукова, но не вполнѣ и поручилъ снятіе копіи именно Якову Толстому.

20 мая Николай приказалъ сослать Долгорукова въ Вятку, опредѣлить тамъ на службу и имѣть подъ строгимъ наблюденіемъ губернатора. Въ дѣлѣ находимъ такую записку Дубельта: „Графъ Бенкендорфъ приказалъ объявить кн. Долгорукову по Высочайшему повелѣнію, что невѣроятно, чтобы онъ сжегъ манускриптъ „Исторіи Петра I", и чтобы не надѣялся никакой перемѣны въ его участіи, доколѣ рукопись не будетъ представлена Государю".

На слѣдующій день Долгорукову было все это объявлено. Обманутый во всѣхъ своихъ надеждахъ, онъ вручилъ Бенкендорфу письмо, очень не безопасное и по тогдашнимъ временамъ, и по характеру упрямаго Николая.

„Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, графъ Александръ Христофоровичъ. Прошу у Вашего Сіятельства дозволенія представить Вамъ (и весьма бы мнѣ желательно было видѣть доведеннымъ это до Высочайшаго свѣдѣнія), что на счетъ опредѣленія моего на службу въ Вятку, опредѣленіе это нарушаетъ законъ о дворянствѣ, коимъ предоставлено право каждому дворянину служить или не служить. Законъ сей помѣщенъ въ Сводѣ Законовъ, изданномъ по повелѣнію Государя Императора. На счетъ ссылки моей за изданіе книги наиполезнѣйшей для русскаго дворянства, покоряюсь безъ ропота волѣ Бога и Государя, и куда бы меня не заточили, въ Вятку ли, въ Нерчинскъ ли, въ крѣпость ли, хотя на всю жизнь, я всякое несчастіе приму съ покорностью, какъ тяжкое испытаніе, ниспосланное мнѣ Богомъ, а судить меня съ Государемъ будутъ Богъ и потомство!

„Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою *князь Петръ Долгоруковъ.*“

Въ тотъ же день Долгоруковъ запросилъ III Отдѣленіе, можетъ ли онъ выѣзжать со двора для устройства своихъ дѣлъ передъ высылкой и получилъ въ отвѣтъ: „никуда и перевести въ арестантскую“. Однако, было сдѣлано распоряженіе о доставленіи въ III Отдѣленіе изъ таможни собственной кареты князя и незапрещенныхъ его книгъ.

24 мая „гражданскій генералъ и штабъ-докторъ“ Рихтеръ былъ призванъ для освидѣтельствованія Долгорукова. „Сообразно съ цѣлью свидѣтельствованія— писалъ Рихтеръ,—я обратилъ при семъ разговоръ на тѣ предметы, о которыхъ мнѣнія князя Долгорукова противорѣчатъ мнѣніямъ общепринятымъ и соотвѣтствующимъ общественному порядку. Изъ разговора сего я убѣдился, что кн. Долгорукова помѣшаннымъ признать нельзя: сужденія его обнаруживаютъ въ немъ только человѣка экзальтированныхъ понятій, которыя по причинѣ его неопытности въ практической части общественныхъ и житейскихъ отношеній, не приведены въ порядокъ и не введены въ надлежащія границы...“

Очевидно, это введеніе въ границы и должна была сдѣлать Вятка...

Получивъ такое свидѣтельство, Бенкендорфъ самъ составилъ по-французски всеподданнѣйшій докладъ, который приведу въ переводѣ:

„Я призывалъ кн. Долгорукова и, по возможности, вкратцѣ сообщилъ ему то, о чемъ вчера Ваше Величество изволили уговориться со мной, а затѣмъ сухо выпроводилъ его, чтобы онъ не вступилъ въ разговоры. Онъ вышелъ съ искаженнымъ лицомъ, на которомъ было написано самое наглое безстыдство. Достаточно взглянуть на него, чтобы убѣдиться, что это скверный шутъ и что было бы очень опасно свести его съ скромнымъ и слабымъ Потемкинымъ [1]. Завтра онъ отправляется въ Вятку въ сопровожденіи надежнаго жандармскаго

[1] Рѣчь, несомнѣнно, идетъ о послѣднемъ графѣ Потемкинѣ, Сергѣѣ Павловичѣ, тогда пятидесятишестилѣтнемъ старикѣ. Зачѣмъ Николай I хотѣлъ свести его съ Долгоруковымъ—неизвѣстно.

унтеръ-офицера. Тотчасъ же, какъ я его отправилъ, къ нему отправился докторъ. Присоединяю при этомъ справку о немъ, совершенно соотвѣтствующую и доказывающую все безпутство поведенія Долгорукова". Николай написалъ на этомъ тоже по-французски: „Надо за нимъ въ Вяткѣ строго слѣдить и на всякій случай дать приказъ губернатору, что если онъ позволитъ себѣ хоть малѣйшую злонамѣренную сплетню или поступокъ, чтобы его сейчасъ же подъ арестъ, о чемъ мнѣ доложить и ждать дальнѣйшихъ приказаній".

Однако, указаніе Долгорукова на беззаконность опредѣленія его въ Вяткѣ на службу имѣло свои послѣдствія: Бенкендорфъ предписалъ вятскому губернатору: „не считать его въ службѣ, а жительствовать ему въ Вяткѣ подъ самымъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, съ тѣмъ, что если онъ дозволитъ себѣ хоть наималѣйшее зловредное выраженіе или дѣйствіе", то немедленно арестовать и изолировать совершенно. При этомъ почтъ-директору было предписано посылать отнынѣ въ III Отдѣленіе всѣ письма какъ Долгорукова, такъ и къ нему.

3 іюня Петръ Владиміровичъ прибылъ въ мѣсто своей ссылки.

III.

3 августа 1843 года Яковъ Толстой писалъ Дубельту (по-французски) изъ Парижа: „Спѣшу послать Вашему Превосходительству съ настоящей оказіей копію рукописи, будто бы составленной Вильбуа. Не могъ сдѣлать этого раньше по нездоровью, не позволившему мнѣ поторопить переписчика, которому была поручена эта работа. Я самъ свѣрилъ ее съ подлинникомъ и не нашелъ никакихъ неточностей, кромѣ собственныхъ именъ, которыя и исправилъ. Этотъ случай свелъ меня съ нѣкіимъ Летелье, переписчикомъ королевской библіотеки, предложившимъ мнѣ снять копіи съ самыхъ секретныхъ документовъ, которые не выдаются для просмотра никому изъ иностранцевъ, являющихся съ этимъ намѣреніемъ въ архивъ, въ томъ числѣ и Александру Тургеневу. Если это предложеніе Вамъ пріятно, благоволите увѣдомить меня, и я тотчасъ же пришлю вамъ реестръ бумагъ, которыя такимъ образомъ поступятъ въ мое распоряженіе".

III Отдѣленіе доложило дѣло государю и получило приказаніе предписать Толстому немедленно сойтись поближе съ Летелье и получить все, что только можно... Дѣло приняло, однако, болѣе сложную ситуацію. Толстой понялъ, что русское правительство не постоитъ за лишнимъ рублемъ и 5 января 1844 г. онъ снова пишетъ (по-французски) Дубельту:

„Мой генералъ и глубоко уважаемый другъ, мнѣ совершенно невозможно послать вамъ подробное донесеніе о рукописяхъ королевской библіотеки, которыя могли бы быть предоставлены въ наше распоряженіе, потому что ихъ очень много и мнѣ пришлось бы предварительно разобраться въ нихъ и выбрать еще непереписанныя Тургеневымъ и другими. Простого перечисленія названій, однако, недостаточно для того, чтобы выяснить для Васъ ихъ цѣнность. Къ тому же боль-

шинство помѣчено просто номерами и мнѣ, для выполненія вашего приказанія, пришлось бы составить нѣчто въ родѣ подробнаго каталога. Но и тутъ, опять таки, встрѣчается препятствіе, такъ какъ я не могу заниматься этой работой самъ.

„Вотъ какъ я намѣренъ повести это сложное дѣло. Сначала я думалъ, что слѣдуетъ сговориться съ Тургеневымъ и узнать, какого рода матеріалы ему не удалось еще достать. Онъ здѣсь, но серьезно захворалъ, а все что онъ говоритъ, все такъ неточно и невѣрно, что по полученнымъ отъ него неопредѣленнымъ свѣдѣніямъ трудно найти слѣдъ того, чего мы ищемъ. Впрочемъ, я, все-таки, воспользовался его неточными указаніями; они помогутъ мнѣ направлять лицо, взявшееся помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Переписка Верженa спеціально использована Тургеневымъ. Переписчики спрашиваютъ за работу, которая займетъ 3—4 недѣли, 300 франковъ, и за эту цѣну выдадутъ мнѣ все, что я укажу.

„Я уже совсѣмъ остановился на этомъ планѣ, когда узналъ, что одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, авторъ живописнаго путешествія въ Грецію, вступилъ въ сношенія съ Шампиніономъ, направившимъ его къ Летелье съ тою же цѣлью. Давидовъ очень богатъ и обѣщалъ щедро заплатить, если ему отдадутъ предпочтеніе, но, такъ какъ я думаю, что онъ дѣлаетъ это лишь съ цѣлью предложить плоды своихъ разысканій нашему правительству, какъ онъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ, то, по моему, пусть онъ расходуется. Это избавитъ насъ отъ тратъ, а плодами мы, все-таки, воспользуемся. Думаю сговориться съ нимъ точнѣе. Кромѣ того, Летелье владѣетъ цѣннымъ манускриптомъ: „Компанія высокихъ союзниковъ противъ Людовика XIX“. Этотъ единственный экземпляръ, переплетенный въ серебро и золото, заключаетъ въ себѣ рядъ видовъ голландскихъ городовъ. По всей вѣроятности, этотъ экземпляръ въ трехъ томахъ in folio былъ сдѣланъ для принца Оранскаго и—это ужъ навѣрное—ввезенъ во Францію Пишегрю во время войны съ Нидерландами. Трудъ этотъ единственный въ томъ отношеніи, что въ немъ заключаются лучшія гравюры, сдѣланныя въ ту эпоху во Франціи и Голландіи. Кромѣ того, онъ изобилуетъ позолотой и другими богатыми украшеніями. Летелье утверждаетъ, что этотъ чудесный трудъ стоилъ 20,000 фр., а онъ проситъ за него 4000 фр. Несмотря на его горячее желаніе отдѣлаться отъ этой книги, я не далъ рѣшительнаго отвѣта и только обѣщалъ ему доложить кому слѣдуетъ. Итакъ, жду Вашихъ приказаній.

„Желаете ли Вы, чтобы я велѣлъ снять копіи съ тѣхъ документовъ, которые покажутся мнѣ достойными вниманія, или же чтобы я на счетъ этого сговорился съ Давидовымъ?

„Пользуюсь случаемъ, чтобы преподнести Вамъ нѣсколько экземпляровъ брошюры, напечатанной мною противъ Кюстина подъ псевдонимомъ И. Яковлевъ“. [1]

[1] Объ этомъ см. стр. 142—143.

Немедленно изъ государственнаго казначейства были получены „на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе“ 4.000 франковъ и отправлены Толстому.

Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, чѣмъ закончилась переписка секретныхъ документовъ, которыми, конечно, дорожило и французское правительство. Надо думать, что франки сдѣлали свое дѣло во Франціи, какъ рубли дѣлали у насъ въ Россіи...

Въ сентябрѣ 1843 г. вятскій губернаторъ сообщилъ Бенкендорфу, что Долгоруковъ познакомился съ высшими мѣстными чиновниками, бываетъ у нихъ по вечерамъ и принимаетъ у себя, и спрашивалъ, можно ли продолжать ему такой образъ жизни? Было отвѣчено: можно и это даже хорошо; если будетъ вести себя какъ слѣдуетъ, то заслужитъ скорое прощеніе [1].

Изъ дѣла не видно, чѣмъ было вызвано такое милостивое отношеніе правительства. По всей вѣроятности, оно было слѣдствіемъ многихъ причинъ: и хлопотъ нѣсколькихъ лицъ, и собственнаго „хорошаго поведенія“ князя, и нежеланія Николая оставлять въ его душѣ ужъ очень острую непріязнь... А что какъ возьметъ, да скрывшись подъ псевдонимомъ, разскажетъ міру то, чего не вѣдаетъ никто...

11 марта 1844 г. Бенкендорфъ писалъ Долгорукову:

„Милостивый Государь, Петръ Владиміровичъ. По случаю неприбытія по сіе время Головина [2] изъ за-границы, онъ преданъ суду и при семъ случаѣ Государь Императоръ изволилъ отозваться. что Его Величество не упускалъ и не упуститъ изъ своей памяти, съ какою готовностью и поспѣшностью Ваше Сіятельство исполнили по тому же предмету волю Его Величества. Въ уваженіе сихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, какъ равно и въ уваженіе вашего отличнаго поведенія и скромной жизни въ Вяткѣ, Государь Императоръ всемилостивѣйше дозволяетъ Вашему Сіятельству жительствовать какъ въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ губерніяхъ, исключая Петербурга, и сверхъ того разрѣшить соизволилъ вступить вамъ въ службу, ежели на это изъявите желаніе.

„Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщая Вашему Сіятельству о сей царской милости, я съ своей стороны, относя причину навлекшую на васъ неудовольствіе высшей власти единственно къ пылкости молодыхъ вашихъ лѣтъ и принимая въ васъ искреннее участіе, рѣшаюсь дать вамъ совѣтъ: воспользоваться сею царскою милостью и, посвятивъ себя службѣ, приносить оной ту пользу, которую отъ вашихъ способностей ожидать можно. Ежели Ваше Сіятельство обра-

[1] У Герцена есть разсказъ (см. стр. 180-181 тома II, изд. Павленкова) о продѣлкѣ кн. Долгорукаго съ вятскими чиновниками: онъ накормилъ ихъ пирогомъ, начиненнымъ своей собакой. Разсказъ касается другого кн. Долгорукаго—Михаила Михайловича, умершаго въ 1841 году въ Верхотурьѣ.

[2] Рѣчь идетъ объ И. Г. Головинѣ, одновременно съ Долгоруковымъ вытребованномъ изъ Парижа за сочиненіе по политической экономіи и такъ и не исполнившемъ воли Николая. О немъ см. слѣдующій очеркъ.

тите вниманіе на мой истинно-благонамѣренный совѣтъ, то я готовъ буду содѣйствовать вамъ во всемъ, что только въ будущности можетъ быть вамъ полезно, и пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ удостовѣрить васъ въ чувствахъ моего къ вамъ почтенія и преданности"...

Самъ Бенкендорфъ и вдругъ такія любезности! Это было даже ужъ слишкомъ... Долгоруковъ отвѣчалъ по-французски своему неожиданному всесильному покровителю.

„Графъ, вчера я имѣлъ честь получить письмо отъ Вашего Сіятельства, въ которомъ вы извѣщаете меня о томъ, что государь императоръ соизволилъ смягчить мою кару, разрѣшивъ мнѣ жить гдѣ я хочу, исключая Петербурга. Первымъ долгомъ умоляю ваше сіятельство повергнуть къ стопамъ Его Величества выраженіе моей глубокой признательности за его милосердіе.

„Переходя къ дѣлу, скажу, что самое мое сильное желаніе—посвятить всю жизнь службѣ государю императору. Къ несчастью, этого не позволяетъ мое порядкомъ таки разстроенное здоровье. Я надѣюсь, что одинъ-два курса добросовѣстнаго лѣченія уничтожатъ это препятствіе и позволятъ мнѣ впослѣдствіи выполнить совѣтъ, который В. С-во изволили мнѣ дать съ столь лестнымъ для меня доброжелательствомъ. Въ этомъ неофиціальномъ и совершенно частномъ письмѣ я беру на себя смѣлость отвѣтить на доброжелательство В. С-ва безграничнымъ довѣріемъ.

„Итакъ, не скрою отъ В. С-ва, что, помимо здоровья, у меня были и другія особыя причины. За послѣднія 30 лѣтъ повышать въ чинахъ у насъ стали гораздо медленнѣе, чѣмъ это было прежде. Теперь къ 50 годамъ дослуживаются только до чина, до котораго прежде можно было дослужиться въ 30-40 лѣтъ. Изъ всѣхъ лицъ, занимающихъ теперь высокіе посты и пользующихся довѣріемъ его величества, семь изъ десяти сдѣлали именно такую быструю карьеру и въ 30 лѣтъ или около того были уже генералами или дѣйст. статскими совѣтниками. Кромѣ того, я принадлежу *ко второму разряду гражданскаго производства* [1] и даже за отличіе могу быть повышенъ лишь разъ въ 3 года. Я могу поступить на службу только въ чинѣ IX класса (ибо въ 1841 г. окончилъ срокъ службы въ X классѣ). Мнѣ 27 лѣтъ и, слѣдовательно, чинъ д. ст. совѣтника я могу получить только 42 лѣтъ. Мой отецъ и мои дядья были генералами въ 25 лѣтъ.

„Если на ваше милостивое доброжелательство я отвѣчаю полнымъ довѣріемъ, то это потому, что въ этихъ строкахъ я обращаюсь не къ министру, а къ вельможѣ, удостоившему меня совѣтомъ и многія заслуги котораго я высоко цѣню. Такъ какъ письмо это не носитъ офиціальнаго характера, то я не могу закончить его, не выразивъ благодарности вятскому жандармскому полковнику Андрееву, за его постоянную любезность ко мнѣ. Этотъ милый и честный человѣкъ оказывалъ мнѣ всяческую любезность и предупредительность и внушилъ мнѣ чувство уваженія и дружбы (d'estime et d'amitié), которыя я сохраню навсегда".

[1] Эти слова и въ оригиналѣ написаны по-русски.

Письмо это, несмотря на свой „совершенно частный“ характеръ, подшито къ дѣлу и было доложено государю... Повидимому, Долгоруковъ не добился никакихъ исключеній для себя по службѣ и потому рѣшилъ вовсе не вступать въ нее.

18 мая гр. Блудовъ увѣдомилъ Бенкендорфа, что, разсмотрѣвъ бумаги Долгорукова, онъ представилъ государю краткій о нихъ отчетъ и получилъ приказаніе передать нѣкоторыя бумаги въ государственный архивъ и въ археографическую комиссію, а остальныя возвратить князю. Характерно, что *всѣ* документы, касающіеся русской исторіи, были секвестрованы.

16 августа Долгоруковъ прибылъ въ свое родовое село Богословское-Спѣшнево (Чернскаго уѣзда Тульской губерніи), гдѣ и жилъ потомъ въ промежутки, когда не былъ въ Москвѣ. О его дѣятельности въ это время данныхъ нѣтъ. Приходится сразу перейти къ 1849 году.

Въ апрѣлѣ этого года жена Долгорукова, урожденная Давидова, обратилась съ французскимъ письмомъ къ наслѣднику:

„Ваше Высочество! Боюсь докучать вамъ, но вѣрю въ вашу доброту. На всѣхъ этихъ балахъ, на которыхъ я имѣла честь находиться въ вашемъ августѣйшемъ присутствіи, я говорила себѣ, что неблагоразумно было бы безпокоить васъ моей просьбой среди всѣхъ блестящихъ празднествъ, которыя задаетъ императорской фамиліи Москва, счастливая и гордая тѣмъ, что принимаетъ у себя такихъ высокихъ гостей.

„Вотъ, ваше высочество, въ чемъ состоитъ моя просьба. Мой мужъ, какъ извѣстно в. и. в., до сихъ поръ не получилъ разрѣшенія вернуться въ Петербургъ. Послѣ серьезной болѣзни, которую я перенесла два мѣсяца тому назадъ, врачи предписали мнѣ на лѣто морскія купанья въ Гельсингфорсѣ. Петербургъ по дорогѣ. Привыкнувъ за три года самаго счастливаго супружества не разлучаться съ мужемъ, я смиренно умоляю в. и. в. замолвить словечко его величеству, нашему милостивому государю, и получить для моего мужа разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ. Поистинѣ, в. в., при тѣхъ чувствахъ глубокой и искренней преданности, которыя мужъ мой и я питаемъ къ вашей августѣйшей особѣ, а также и ко всей императорской фамиліи, моя просьба не кажется неумѣстной, но тѣмъ не менѣе, в. в., я умоляю милостиво простить мнѣ этотъ шагъ. Глубокая благодарность, которую я питаю къ в. и. в. за оказанное мнѣ благоволеніе, удваиваетъ чувство благоговѣйнаго уваженія“.

Наслѣдникъ написалъ тутъ же по-русски: „Такъ какъ я завтра ѣду и не увижу можетъ быть Государя, то прошу Васъ, любезный графъ, доложить это письмо и взять на себя трудъ увѣдомить княгиню Долгорукую о Высочайшемъ рѣшеніи“.

Замѣстившій Бенкендорфа гр. Орловъ былъ того мнѣнія, что просьбу княгини слѣдуетъ удовлетворить. Николай не сталъ противиться.

Но Долгоруковъ все еще не былъ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ.

Видя возможность попробовать получить право не только проѣзжать черезъ Петербургъ, а и жить въ немъ постоянно, онъ обратился къ Николаю съ такой

просьбой, на что получилъ отвѣтъ, что все зависитъ отъ отзыва о немъ московскаго генералъ-губернатора. Закревскій же отвѣтилъ, что „хотя Долгоруковъ не довольно спокойнаго характера, однако, ведетъ себя безукоризненно и совершенно безвреденъ". Дубельтъ, съ своей стороны, полагалъ, что Долгорукова можно пустить въ Петербургъ, но имѣть за нимъ секретный надзоръ. Однако, Николая отвѣтъ Закревскаго не удовлетворилъ. Онъ приказалъ спросить его—„безпокойнаго ли характера кн. Долгоруковъ и дерзокъ ли, какъ былъ и какъ знаетъ его государь"... Предчувствуя желаніе государя не дать Дулгорукову обосноваться въ столицѣ, Закревскій отвѣтилъ: „по характеру остался тѣмъ же дерзкимъ и безпокойнымъ человѣкомъ, какимъ извѣстенъ Его Императорскому Величеству"... Ясно, что дѣло было проиграно. 4 сентября 1849 г. Николай написалъ на докладѣ Орлова, ограничившагося уже только передачей отзыва Закревскаго: „По этой и *по другимъ* мнѣ извѣстнымъ причинамъ нельзя дозволять ему здѣсь проживать, ни ему, *ни женѣ* его".

17 сентября петербургскій оберъ-полицеймейстеръ сообщилъ III Отдѣленію, что княгиня Долгорукова пріѣхала изъ Ревеля и уже нѣсколько дней живетъ въ отелѣ Клея. Дубельтъ спрашивалъ приказаній Орлова „не попросить ли княгиню немедленно отправиться къ мужу въ Москву?" Орловъ написалъ: „она и такъ уѣдетъ". Черезъ два дня пріѣхалъ и самъ Долгоруковъ, чтобы быть около больного сына. Княгинѣ разрѣшено было остаться въ столицѣ десять дней, а Петру Владиміровичу приказано немедленно выѣхать въ Москву.

Любопытно, что Долгоруковъ не считалъ неудобнымъ входить въ какія бы то ни было частныя отношенія съ Дубельтомъ, этимъ Малютой Скуратовымъ въ голубомъ мундирѣ. Въ этомъ смыслѣ очень интересно его письмо къ нему отъ 1 марта 1850 года.

„Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Леонтій Васильевичъ!

„Благосклонность и ласковое расположеніе, которое Ваше Превосходительство оказывали мнѣ съ 1843 года, [1] и продолжаете оказывать съ тѣхъ поръ, участіе, коимъ Вы меня постоянно удостаивали, и душевная моя за то къ Вамъ признательность убѣждаютъ меня прибѣгнуть къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой не отказать мнѣ быть моимъ покровителемъ въ дѣлѣ весьма важномъ для моего семейнаго счастія.

„Зная, сколь откровенно можно говорить съ Вашимъ Превосходительствомъ, и вполнѣ убѣжденный, что все мною здѣсь сказанное останется въ ненарушимой тайнѣ между нами, разскажу вещи, какъ онѣ есть.

„Живемъ мы съ женою моею въ совершенномъ согласіи, но у кого нѣтъ слабостей и недостатковъ? Жена моя не даетъ мнѣ покоя, чтобы я просилъ ѣхать въ чужіе края, и изъ-за этого выходятъ ежедневныя сцены, весьма для меня скучныя. Не говоря уже о томъ, что я не знаю, можно ли мнѣ проситься въ чужіе края, но и самыя дѣла мои требуютъ пребыванія въ Россіи. Я очень

[1] Съ въѣзда въ Россію по требованію правительства.

серьезно занимаюсь теперь улучшенiемъ и увеличенiемъ состоянiя своего и поѣздка за границу причинила бы мнѣ въ нынѣшнiй моментъ большое разстройство.

„Жена моя (впрочемъ, предобрѣйшая женщина) ежедневно мнѣ докучая и надоѣдая по сему предмету, взяла съ меня обѣщанiе писать къ Вашему Превосходительству для испрошенiя покровительства Вашего къ полученiю паспорта въ Грецiю и въ Сицилiю, подъ предлогомъ слабости своего здоровья и подъ мнимымъ предлогомъ болѣзни ребенка нашего.

„Но я вмѣсто того рѣшился прибѣгнуть къ Вашему Превосходительству, какъ къ отцу родному, убѣдительнѣйше прося Васъ явить мнѣ новый знакъ Вашей ко мнѣ благосклонности и избавить меня отъ несносныхъ семейныхъ докукъ, сдѣлавъ мнѣ милость написать мнѣ письмо, которое бы я могъ показать женѣ, и въ коемъ бы В. П-во писали бы мнѣ, *что получили просьбу мою о пашпортѣ въ Грецiю и Сицилiю и что предувѣдомляете меня, что пашпорта въ чужiе края мнѣ ни подъ какимъ видомъ и никуда получить нельзя, а что для исправленiя здоровья жены моей и ребенка нашего Вы совѣтуете мнѣ ѣхать на южный берегъ Крыма, край, столь благотворный въ цѣлебномъ отношенiи.*

„Этою милостью ко мнѣ В. П-во окажете мнѣ двойное благодѣянiе: избавивъ меня отъ семейныхъ докукъ и сохранивъ дѣла мои отъ разстройства, и тѣмъ усугубите еще мою давнишнюю къ Вамъ душевную благодарность.

„Прошу В. П-во видѣть въ семъ письмѣ моемъ новый и безспорный знакъ моего глубокаго уваженiя къ особѣ Вашей и моего безграничнаго довѣрiя къ благородству Вашего характера и къ благодушiю сердца Вашего (коему ввѣряю семейную тайну)".

Дубельтъ поступилъ такъ, какъ только и могъ по своей жандармской душѣ: приложилъ это интимное письмо къ официальному дѣлу о Долгоруковѣ... написавъ ему, правда, все просимое.

V.

24 августа 1851 г. Закревскiй уже самъ просилъ государя разрѣшить Долгорукову жить въ Петербургѣ. Онъ говорилъ, что въ 1849 году, когда послѣдовалъ отказъ на такую же просьбу князя, онъ посовѣтовалъ ему „смягчить его строптивый характеръ". „Убѣжденiя мои подѣйствовали на князя. Въ теченiе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ продолжалъ вести себя скромно и во всѣхъ отношенiяхъ примѣрно и какъ въ настоящее время лѣта и горькiй опытъ монаршей немилости его исправили",—то московскiй сатрапъ осмѣливался замолвить свое слово. Но Николай снова отказалъ, „ибо по нахальству своему наживетъ здѣсь непрiятности съ тѣми, которыхъ ругалъ въ своемъ сочиненiи"...

Получивъ опять отказъ, Долгоруковъ сталъ проситься на полгода въ Италiю къ больной женѣ, а такъ какъ по пути пришлось бы ѣхать черезъ Петербургъ,

то разрѣшить ему пробыть тамъ дольше обыкновеннаго. Орловъ сообщилъ Закревскому, что можно впередъ знать объ отказѣ государя, но что, если угодно, то онъ доложитъ, всетаки, просьбу. Закревскій отказался.

Тогда 10 января 1852 г. Долгоруковъ пишетъ Дубельту:

„Зная по собственному опыту, сколь В. П-во расположены дѣлать добро и оказывать благодѣянія, рѣшаюсь просить Васъ убѣдительнѣйшимъ образомъ не оставить меня Вашимъ покровительствомъ: рѣшаюсь упрашивать В. П-во быть моимъ ходатаемъ и предстателемъ передъ Его Сіятельствомъ графомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ для полученія мною разрѣшенія жить въ Петербургѣ. Знаю, что официальнымъ образомъ дѣло это должно идти черезъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, но почтеннѣйшій гр. Арсеній Андреевичъ [1] былъ столь добръ, что сказалъ мнѣ, что онъ, съ своей стороны, съ удовольствіемъ войдетъ о томъ съ представленіемъ, *если будетъ надежда на успѣхъ*.

„В. П. извѣстно что покойный графъ А. Х. Бенкендорфъ въ письмѣ своемъ отъ 11 марта 1844 г. писалъ мнѣ: (слѣдуетъ выдержка первыхъ двухъ фразъ изъ письма на стр. 543—544—*М. Л.*). Вотъ уже восемь лѣтъ минуло, а мнѣ пребываніе въ Петербургѣ все еще запрещено! В. П-ву все извѣстно, и потому извѣстно также, что я не вмѣшиваюсь ни въ какія политическія дѣла; съ другой стороны, мнѣ уже 36 лѣтъ; для меня уже миновало время пылкихъ вспышекъ и неосторожныхъ порывовъ юности; о поведеніи моемъ и о моихъ правилахъ могутъ засвидѣтельствовать гр. Арсеній Андреевичъ Закревскій и Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, и если я получу просимое мною разрѣшеніе, то В. П-во можете быть вполнѣ увѣрены, что я оправдаю поведеніемъ своимъ полученную мною милость, а В. П-ву извѣстно, что на мое слово можно положиться. И сколь бы я былъ счастливъ, если бы обязанъ былъ этимъ покровительству В. П-ва и ходатайству Вашему за меня передъ его Сіятельствомъ гр. Алексѣемъ Ѳедоровичемъ“.

Но Дубельтъ отвѣтилъ, что Орловъ ни въ коемъ случаѣ не хочетъ больше вмѣшиваться въ это дѣло.

Тогда Долгоруковъ обратился въ III Отдѣленіе черезъ графиню Салтыкову, симпатично относившуюся къ нему и женѣ и пользовавшуюся сильнымъ вліяніемъ среди петербургскихъ сферъ. Салтыкова, однако, не сдѣлала всего, что могла; въ своемъ письмѣ она просила исполнить просьбу Долгорукова, если Орловъ найдетъ это возможнымъ... Не видя настойчивости и понимая значеніе ея отсутствія, Орловъ отвѣтилъ графинѣ, что, несмотря на все его желаніе быть ей пріятнымъ, онъ ничего не можетъ сдѣлать... Долгоруковъ не успокоился. Онъ послалъ письмо Орлову, передавъ его черезъ какого-то В. Нелидова. Послѣдній приписалъ, что расчитываетъ на прощеніе Долгорукова, котораго Орловъ, разумѣется, добьется у государя, если вспомнитъ, что только что причастился св. тайнъ и далъ обѣтъ прощенія всѣхъ враговъ, даже личныхъ...

[1] Закревскій.

А вотъ что писалъ Орлову Петръ Владиміровичъ:

„Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, графъ Алексѣй Θедоровичъ.

Позвольте мнѣ прибѣгнуть къ В. С-ву съ просьбою объ исходатайствованіи мнѣ разрѣшенія жить въ Петербургѣ.

„Поступокъ навлекшій на меня девять лѣтъ тому назадъ справедливое неудовольствіе Государя Императора, былъ съ моей стороны ошибкою юности слишкомъ пылкой и необдуманнымъ проступкомъ 26-лѣтняго молодого человѣка, проступкомъ, въ коемъ я нынѣ искренно и давно раскаиваюсь.

„Съ тѣхъ поръ я не имѣю позволенія жить въ Петербургѣ. Между тѣмъ, дѣла мои требуютъ присутствія въ Петербургѣ; съ другой стороны, у меня сынъ, для воспитанія котораго мнѣ весьма бы нужно жить въ Петербургѣ и, главное, мнѣ, какъ русскому и вѣрноподданному, горестно и тяжко находиться подъ опалою государя. В. С-во столь глубоко преданные Г. И. и столь русскіе въ душѣ, легко поймете это чувство грусти и желаніе получить Всемилостивѣйшее прощеніе и забвеніе прошедшаго“.

Орловъ доложилъ, наконецъ, Николаю и получилъ приказаніе запросить Закревскаго, заслуживаетъ ли проситель прощенія своимъ поведеніемъ и скромностью? Московскій генералъ-губернаторъ понялъ, что Николай на него возлагаетъ всю отвѣтственность за будущее Долгорукова, и потому отвѣтилъ, что, несмотря на его безукоризненное поведеніе, онъ не можетъ за него ручаться, но предложилъ, въ свою очередь, взять съ Долгорукова подписку въ добропорядочномъ поведеніи въ Петербургѣ, предупредивъ, что при первомъ же ея нарушеніи онъ лишится въѣзда уже въ обѣ столицы и будетъ сосланъ въ деревню подъ надзоръ полиціи. Орловъ нашелъ эту комбинацію остроумной, Николай не спорилъ. 12 марта 1852 г. Закревскій взялъ съ Долгорукова именно такую подписку и выдалъ ему свидѣтельство для безпрепятственнаго въѣзда въ Петербургъ.

Тогда же Петръ Владиміровичъ и переѣхалъ туда.

Въ октябрѣ онъ попросился въ полугодовой отпускъ за границу къ больной женѣ, но Орловъ не нашелъ возможнымъ безпокоить государя его особой такъ часто.

VI.

Тогда оставалось жить въ Петербургѣ и продолжать прерванныя на время историко-научныя занятія, результатомъ которыхъ и была представленная въ цензуру въ декабрѣ слѣдующаго 1853 года первая часть „Россійской Родословной Книги“.

Позже Долгоруковъ такъ объяснилъ свои постоянныя занятія родословными. Первая причина была слѣдующая. „Въ Россіи у многихъ лицъ есть фамильныя бумаги, переписки, документы. Явись къ большей части такихъ людей человѣкъ, занимающійся исторіей, хоть будь Тацитомъ или Маколлеемъ, ему бумагъ этихъ не сообщатъ, по недовѣрчивости, врожденной въ насъ, русскихъ, и весьма по-

нятной въ странѣ, въ коей шпіонство развито правительствомъ въ исполинскихъ размѣрахъ. Но явись человѣкъ хотя бы ума самаго ограниченнаго, только занимающійся родословными и ему поспѣшатъ все показать и все сообщить. Такимъ образомъ, мы, занимаясь русской исторіей, могли имѣть доступъ къ массѣ документовъ и собрать обильнѣйшій запасъ свѣдѣній. Вторая причина слѣдующая. Мы всегда любили изучать исторію, въ особенности русскую; и вмѣстѣ съ тѣмъ находились иногда подъ явнымъ, а большую часть времени подъ тайнымъ, но всегда постояннымъ надзоромъ тайной полиціи. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы проводили нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ деревнѣ, и агенты полиціи могли задать себѣ вопросъ: „чѣмъ занимается Петръ Долгоруковъ?“. При нашемъ занятіи родословными отвѣтъ угадать было не трудно и тогда, говоря: „пусть себѣ сидитъ въ этихъ невинныхъ запятіяхъ“, насъ оставляли въ покоѣ. Такимъ образомъ занятіе родословными служило намъ путемъ къ познанію документовъ для другихъ недоступныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ тайной полиціи, ширмами за коими мы могли и трудиться по части русской исторіи и вести наши записки“. [1]

Цензурный комитетъ, предварительно вычеркнувъ все касавшееся декабристовъ и пострадавшихъ по польскому мятежу 1831 г., представилъ рукопись въ III Отдѣленіе, спрашивая указаній, нѣтъ ли въ ней лицъ, о которыхъ совершенно нельзя говорить въ печати. Дубельтъ согласился съ сокращеніями цензуры и предложилъ только вычеркнуть всѣ описанія политическихъ преступленій.

Долгоруковъ разсказываетъ, что цензоръ Елагинъ, отличавшійся и тогда сказочною глупостью и свирѣпостью, никакъ не хотѣлъ пропустить замѣчаніе, что русскіе разбили Фридриха Великаго подъ Кунерсдорфомъ въ 1759 г. „Какъ можно это сказать, возражалъ онъ, вѣдь нынѣ королевско-прусскій домъ въ родствѣ съ россійско-императорскимъ домомъ“... Онъ же настаивалъ на томъ, чтобы князья Дмитрій и Иванъ Шаховскіе были показаны внуками своего дѣда, но не сыновьями отца, Федора, о которомъ не слѣдовало де и упоминать...

Только что кончилось дѣло съ „Родословной“, какъ въ дѣлахъ III Отдѣленія появляется рядъ документовъ, касающихся семейной драмы Долгоруковыхъ. Такъ, имѣется записка, изъ которой видно, что жена Петра Владиміровича съ съ пятилѣтнимъ сыномъ Владиміромъ безпрерывно живетъ за границей и въ 1853 г., бывъ въ Римѣ, хотѣла представиться папѣ, но получила отказъ нашего посланника. Тогда она, всетаки, получила двѣ аудіенціи у папы черезъ англійскаго посланника... Орловъ приказалъ никогда ее не пускать за границу... Черезъ нѣсколько дней послѣ такого распоряженія, самъ Долгоруковъ обратился къ нему съ просьбой принять мѣры къ приведенію его жены „въ должное повиновеніе“.

Орловъ (9 января 1854 г.) направилъ дѣло къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой помочь просителю... Однако, черезъ три дня III Отдѣленіе препроводило министру внутреннихъ дѣлъ письменную просьбу Долгорукова о прекра-

[1] „Правда о Россіи“, II, 163–164.

щеніи дѣла по его жалобѣ на непослушаніе жены, актъ о передачѣ женѣ его костромского имѣнія и вольную всѣмъ его крѣпостнымъ крестьянамъ.

А работы надъ „Родословной" шли довольно энергично. Въ февралѣ 1856 г. Долгоруковъ проситъ министра народнаго просвѣщенія, Норова, поднести государю, уже Александру II, третью часть этой книги, прибавивъ, что первыя двѣ были поднесены черезъ министра двора въ февралѣ 1855 г. Немного спустя Долгоруковъ обращается къ Норову съ просьбой пріобрѣсти для министерства 250 экз. третьей части съ уступкою въ 33%, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ будетъ вынужденъ прекратить это явно для него убыточное изданіе... Еще немного спустя Долгоруковъ проситъ уже исходатайствовать у государя „отъ щедротъ монаршихъ какое либо вознагражденіе" за прежнія свои поднесенія... 7 сентября Норовъ увѣдомилъ его, что государь императоръ „изволилъ изъявить ему монаршую благодарность" безъ какихъ бы то ни было вещественныхъ къ ней приложеній... Черезъ годъ, въ мартѣ 1857 г., Долгоруковъ подноситъ черезъ Норова четвертый томъ „Родословной" и добивается доклада со стороны министра просвѣщенія о награжденіи его подаркомъ въ шестьсотъ рублей „за этотъ первый въ своемъ родѣ и достойный полнаго одобренія трудъ". Александръ II былъ, однако, экономенъ на этотъ разъ и приказалъ ограничиться 400 рублями, за которые и былъ пріобрѣтенъ бриллiантовый перстень, доставленный Петру Владиміровичу. [1]

Совершенно непонятно, для чего было сдѣлано это двукратное униженіе. Богатый Долгоруковъ, разумѣется, не нуждался въ перстнѣ... Вообще въ отношеніи Александра II онъ принялъ какой-то недостойный тонъ. Укажу хотя бы на письмо къ шефу жандармовъ, князю В. А. Долгорукову, въ которомъ Петръ Владиміровичъ сообщалъ, что въ Берлинѣ собираются сдѣлать второе изданіе его книги „Notice sur les principales familles de la Russie", выпущенной въ свое время подъ псевдонимомъ графа Альмагро, безъ всякаго его согласія и прямо противъ его желанія. Онъ хорошо понимаетъ, что книга эта—„грѣхъ молодости" и, чтобы „убить брошюру", ему пришла въ голову мысль, которую Долгоруковъ и просилъ доложить государю. А именно: составить краткій и ясный словарь русскихъ дворянскихъ фамилій на французскомъ языкѣ, включивъ туда около 2000 родовъ, подвергнуть цензурѣ въ Петербургѣ и потомъ напечатать въ Парижѣ подъ заглавіемъ „Dictionnaire historique de la noblesse russe, par le prince Pierre Dolgoroukow". Если на это высочайшее одобреніе послѣдуетъ, то онъ примется сейчасъ же за работу. Государь вполнѣ согласился на такое предложеніе и только приказалъ потребовать съ Долгорукова особую подписку въ томъ, что такой словарь дѣйствительно не будетъ напечатанъ имъ заграницей безъ разрѣшенія петербургской цензуры. Очевидно, хотѣли запастись еще лишнимъ документомъ...

Изданіе было выпущено въ Брюсселѣ въ 1858 г.

Въ ноябрѣ 1857 г. Долгоруковъ представилъ вел. князю Константину Николаевичу и министру иностранныхъ дѣлъ, Горчакову, записку, въ которой, совѣтуя

[1] Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 130713.

различныя реформы обветшалаго русскаго строя, убѣждалъ уничтожить тайные доклады министровъ и возстановить засѣданія комитета министровъ въ присутствіи самого государя, какъ это дѣлалось тогда въ Европѣ. Трудно сказать, имѣла ли записка вліяніе, но во всякомъ случаѣ въ декабрѣ 1857 г., уже послѣ представленія ея государю, былъ учрежденъ совѣтъ министровъ, впервые засѣдавшій 2 декабря.

Въ 1859 г. Долгорукій, жившій въ своемъ тульскомъ имѣніи, тайно, черезъ Одессу, уѣхалъ навсегда заграницу.

VI.

Иванъ Головинъ.

Въ славномъ ряду русскихъ эмигрантовъ стараго времени есть одна фигура до того непохожая на всѣ другія, до того уродливая, до того, можно сказать, отрицательно выдающаяся, что съ ней нельзя не познакомить всѣхъ, интересующихся русскими эмигрантами вообще. Это тотъ самый Иванъ Гавриловичъ Головинъ, который такъ блестяще охарактеризованъ Герценомъ. „Въ Головинѣ соединилось все ненавистное намъ въ русскомъ офицерѣ, въ русскомъ помѣщикѣ, съ бездною мелкихъ западныхъ недостатковъ, и это безъ всякаго примиренія, смягченія, безъ выкупа, безъ какой-нибудь эксцентричности, какихъ-нибудь талантовъ или комизмовъ. Его наружность vulgar, провокантная и оскорбительная, принадлежитъ, какъ чеканъ, цѣлому слою людей, кочующихъ съ картами и безъ картъ по минеральнымъ водамъ и большимъ столицамъ, вѣчно хорошо обѣдающихъ, которыхъ всѣ знаютъ, о которыхъ все знаютъ, кромѣ двухъ вещей: чѣмъ они живутъ и зачѣмъ они живутъ. Головинъ—русскій офицеръ, французскій brouilleur, hâbleur, англійскій свиндлеръ, нѣмецкій юнкеръ и нашъ отечественный Ноздревъ, Хлестаковъ in partibus infidelium... У этого человѣка не было ни тѣни художественнаго такта, ни тѣни эстетической потребности, никакого научнаго запроса, никакого серьезнаго занятія. Его поэзія была обращена на него самого, онъ любилъ позировать, хранить apparence; привычки дурно воспитаннаго барича средней руки остались въ немъ на всю жизнь, спокойно сжились съ кочевымъ фуражированіемъ полуизгнанника и полубогемы“. [1]

Къ сказанному Герценомъ присоединяются голоса и многихъ другихъ, знавшихъ Головина. Такъ, напримѣръ, П. В. Анненковъ говоритъ: „Я, кажется, и не встрѣчалъ на вѣку моемъ писателя, менѣе заслуживавшаго вниманія, какъ этотъ Головинъ, въ одно время игравшій на биржѣ и въ оппозицію, пробиравшійся въ жокей-клубъ, въ міръ лоретокъ, и въ демократическія консиліабулы — наглый и ребячески-трусливый, но онъ остался въ Парижѣ, несмотря на вызовъ, и сдѣлался прежде всего русскимъ „политическимъ“ эмигрантомъ, и при томъ изъ особеннаго начала,—изъ страха: ему мерещились всевозможные ужасы, которые по отношенію къ нему просто были немыслимы“. [2]

[1] Эти строки цитируются по опубликованной мною статьѣ Герцена—„И. Головинъ“, напечатанной въ майской книгѣ „Былого“ за 1907 годъ. Эта характеристика — одна изъ блестящихъ главъ „Былого и думъ“.

[2] „Воспоминанія и критическіе очерки“, стр. 155.

Не иначе относились къ Головину и лица, стоявшія во главѣ правительствъ, русскаго и другихъ. Его умственное и нравственное убожество сразу и рѣзко бросалось въ глаза всякому, даже самому посредственному бюрократу.

I.

Головинъ родился въ 1816 году, въ селѣ Архангельскомъ Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи. На второмъ мѣсяцѣ онъ остался безъ отца, съ матерью и шестью братьями. Онъ самъ сознается, что „росъ однимъ и потому вышелъ какимъ-то медвѣдемъ". Семи лѣтъ его отдали въ Петербургъ, въ частный пансіонъ Курнанда, гдѣ уже учился братъ Михаилъ. Оттуда вскорѣ Головина перевели въ пансіонъ Журдана, гдѣ онъ пробылъ пять лѣтъ. Затѣмъ надо было рѣшить, что дѣлать съ юношей дальше. Братья не нашли для этого лучшаго совѣтника, какъ пресловутаго Николая Ивановича Греча, а этотъ послѣдній направилъ ихъ къ Булгарину. Такимъ образомъ, сама судьба связала имя Головина съ этими двумя „почетными" именами... Булгаринъ посовѣтовалъ отправить Головина въ свой собственный пансіонъ въ Дерптѣ... Вскорѣ, по неизвѣстной причинѣ, Головинъ перешелъ въ пансіонъ Эриксона. Затѣмъ 16-ти лѣтъ онъ поступилъ на дипломатическое отдѣленіе дерптскаго университета. Тамъ Головинъ сдѣлался типичнымъ буршемъ, дрался на дуэляхъ, пьянствовалъ, развратничалъ и ничѣмъ серьезнымъ не занимался. Въ 1835 году онъ взялъ заграничный паспортъ и поѣхалъ въ Германію, чтобы въ Берлинѣ записаться на лекціи Ранке, Риттера, Ганса, Раумера и другихъ извѣстныхъ ученыхъ. Въ мартѣ 1837 г. онъ вернулся въ Петербургъ кандидатомъ, получивъ эту степень въ Дерптѣ. Врядъ ли есть основаніе вѣрить хвастливому утвержденію Головина, что онъ былъ первымъ русскимъ, получившимъ эту степень въ Дерптѣ.[1]

Лѣтомъ 1838 года Головинъ отправился въ Швецію; путешествіе это было описано имъ въ книгѣ: „Поѣздка въ Швецію въ 1839 году", изданной въ Петербургѣ въ 1840 г.

Книжка, всего въ 100 страницъ, написана очень жидко и блѣдно, не даетъ ровно ничего для знакомства съ страной, въ которой авторъ, не понимая языка, пробылъ три мѣсяца.

Издавъ „Поѣздку", Головинъ отправился въ Дерптъ, чтобы получить тамъ магистерскій дипломъ. Онъ написалъ диссертацію по политической экономіи, напечатанную спустя два года въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ „Vom Wesen des Geldes" подъ псевдонимомъ „Russischen Schriftsteller", но, въ силу какихъ-то обстоятельствъ, не получилъ желаемой степени. По всей вѣроятности, просто потому, что совершенно не былъ къ ней готовъ.

[1] Пока всѣ біографическія свѣдѣнія я заимствую изъ собственныхъ „Записокъ" Головина, изданныхъ имъ въ 1859 г. въ Лейпцигѣ, дѣлая, разумѣется, соотвѣтствующія исправленія.

Вернувшись въ Петербургъ, Головинъ рѣшилъ поступить на государственную службу. Онъ представился министру иностранныхъ дѣлъ, Нессельроде, и былъ опредѣленъ во французское отдѣленіе...

Курьезно, что лишенный какого бы то ни было политическаго образа мыслей, совершенно равнодушный къ сковывавшему Россію капральскому самовластью, Головинъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ своихъ „Записокъ“: „Я очутился на разводѣ. Принцъ Павелъ Дармштадтскій казался такимъ маленькимъ возлѣ государя. Драгунскій ординарецъ упалъ съ лошадью. Государь вскрикнулъ: „встань и садись!“ Это былъ голосъ, выходящій изъ-подъ земли. Какой чудесный Бертранъ. Я ушелъ подальше отъ этихъ сценъ, достойныхъ Данте. Другой разъ я всмотрѣлся пристально въ государя въ дворянскомъ собраніи и сказалъ себѣ: „мы съ тобой недолго будемъ друзьями“... Разумѣется, все это приписано къ дѣйствительности, чтобы подготовить въ глазахъ читателя почву для „политической“ эмиграціи...

На службѣ Головина погубилъ его плохой почеркъ. Когда онъ сталъ хлопотать о повышеніи, Нессельроде отвѣтилъ: „я согласенъ дать Головину лучшее мѣсто, но съ условіемъ, чтобы онъ бралъ уроки каллиграфіи въ теченіе шести недѣль“... Головинъ рѣшилъ подать въ отставку. Въ „Запискахъ“ по этому поводу находимъ разсказъ о тридцати тысячахъ курьеровъ... „Но я былъ рожденъ писателемъ, а не писаремъ и никогда не сожалѣлъ, что простился съ карьерой, гдѣ требуется столько же лакейства, сколько чванства, а всего болѣе обмана“.

Съ чиномъ коллежскаго секретаря Головинъ остался безъ всякихъ занятій, ровно ни къ чему не способный.

Тогда онъ снова отправился путешествовать по Европѣ, надѣясь найти тамъ что-нибудь для прокормленія.

II.

Осенью 1842 г. Головинъ рѣшилъ напечатать по-французски свою только что законченную книгу: „Духъ политической экономіи“ („Der Geist der politischen Oekonomie“), придавая ей очень большое научное значеніе, котораго она, разумѣется, не имѣла. Для личной безопасности онъ обратился къ Якову Толстому. Отвѣтъ оберъ-патріота Головинъ передаетъ въ такихъ выраженіяхъ: „Мнѣ во время оно было препоручено снестись съ Демидовымъ по случаю статей, которыя онъ писалъ въ „Journal des Débats“, и пригласить его прекратить такого рода публикаціи.[1] Если ваша книга будетъ противъ Россіи, васъ станутъ преслѣдовать; коли ни то, ни се — будутъ смотрѣть сквозь пальцы, а если она бу-

[1] Рѣчь идетъ о сочиненіи Анатолія Демидова — „Lettres sur la Russie“, напечатанномъ сначала въ указанномъ журналѣ въ 1838—1839 гг., а потомъ изданномъ въ Парижѣ въ 1840 г.

детъ въ пользу Россіи—то васъ могутъ и наградить". На вопросъ Головина, можетъ ли онъ считать этотъ отвѣтъ достаточно офиціальнымъ, Толстой отвѣтилъ: „Вы можете принять мои слова за офиціальныя". [1]

Видя, что родственникъ генералъ-адъютанта Чернышева — Глинка издалъ въ Парижѣ „Философію права" и не только не былъ подвергнутъ респрессіямъ, но даже пользовался вниманіемъ, и, придавая значеніе словамъ Толстого, Головинъ принялся за печатаніе своей книги. Между тѣмъ, въ Петербургъ уже летѣлъ доносъ.

22-го января 1843 г. Толстой писалъ Бенкендорфу по-французски: „Одинъ русскій, Головинъ, готовится издать книгу по политической экономіи. Отрывки изъ нея онъ читалъ уже нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ одному литератору, лично мнѣ извѣстному, и тотъ увѣрялъ меня, что это произведеніе заключаетъ въ себѣ доктрины, подрывающія наши государственные устои. Онъ даже привелъ мнѣ одну фразу приблизительно такого содержанія: „государи неспособны сдѣлать никакой уступки въ интересахъ своихъ подданныхъ, если она стоитъ имъ хоть малѣйшей жертвы, и, наоборотъ — охотно жертвуютъ благосостояніемъ тысячъ своихъ подданныхъ, ради удовлетворенія своихъ страстей и капризовъ". Этотъ отрывокъ доказываетъ, что трудъ, который собирается издать Головинъ, въ ненадлежащемъ духѣ"... [2]

Шефъ жандармовъ немедленно доложилъ о подозрительномъ „ученомъ" государю и получилъ повелѣніе поручить повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ объявить лично Головину, чтобъ немедленно возвращался въ Россію, иначе съ нимъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ.

Грозное приказаніе было выполнено точно. Головинъ трусливо заявилъ, что радъ бы исполнить волю царя, но не можетъ этого сдѣлать по нездоровью. На другой день онъ письменно сообщилъ то же самое, прибавивъ, что какъ только можно будетъ двинуться вмѣсто вредной ему кареты на пароходѣ, такъ онъ сейчасъ же вернется въ дорогое отечество.

Рѣшено было ограничиться этимъ обѣщаніемъ и ждать.

Головинъ, однако, зондировалъ обстоятельства и съ этой цѣлью въ августѣ (1843 г.) написалъ Бенкендорфу, что мѣсяца два тому назадъ послалъ въ Петербургъ брату Федору два экземпляра своего послѣдняго сочиненія, прося одинъ вручить ему, а другой поднести государю; что видитъ неисполненіе своего порученія, проситъ Бенкендорфа затребовать книги и очень сожалѣетъ, что, благодаря затянувшейся болѣзни, все еще не можетъ воспользоваться услугами навигаціи.

Дубельтъ запросилъ конно-гвардейскаго ротмистра, Федора Головина, почему онъ не представилъ книгъ по назначенію. Тотъ отвѣтилъ, что никакихъ книгъ не получалъ, а что касается брата Ивана, то можетъ сообщить, что онъ въ

[1] „Записки", стр. 78—79.

[2] Дѣло архива III Отдѣленія, 1843 г., 1 экспед., № 50, ч. I-я.

настоящее время пользуется минеральными водами въ Пиринейскихъ горахъ и по выздоровленіи вернется.

Послѣднее сочиненіе, два экземпляра котораго Головинъ послалъ брату Федору для передачи Бенкендорфу и государю, было написано наспѣхъ, съ цѣлью задобрить русское правительство, недовольное „Духомъ политической экономіи". Озаглавленное „Discours sur Pierre le Grand". Réfutation du livre de M. de Custine: „La Russie en 1839" (Paris, 1843),—оно было разсчитано на смягченіе Николая, который, какъ было извѣстно уже тогда всѣмъ его знавшимъ, очень высоко ставилъ Петра I, — разумѣется, не за его реформатскую дѣятельность, а за тѣ неудержные деспотизмъ и произволъ, съ которыми производились всѣ реформы, —и полезныя и вредныя для государства. То, что книга отвѣчала на сочиненіе Кюстина, такъ взбѣсившее Николая, должно было, по мнѣнію Головина, достичь еще большихъ результатовъ, въ видѣ награды, о которой ему говорилъ Яковъ Толстой... Надежды не оправдались, книга не дошла по назначенію.

Дубельтъ просилъ ротмистра написать брату, что если онъ немедленно не исполнитъ высочайшаго повелѣнія о возвращеніи въ Россію, то подвергнетъ себя весьма строгой отвѣтственности. Но письмо не было доставлено по назначенію, потому что за нѣсколько дней до этого Федоръ Головинъ уѣхалъ за-границу. Тогда 1 сентября было написано министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы онъ немедленно узналъ о мѣстѣ жительства Ивана Головина въ Пиринеяхъ и передалъ ему прилагаемый пакетъ. Въ послѣднемъ заключалось предписаніе вернуться въ Россію въ самомъ непродолжительномъ времени.

Пока шла вся эта переписка, Головину было сообщено разными путями нѣсколько фактовъ, побудившихъ его собраться и ѣхать въ Россію. Такъ, ему разсказали, что государь, увидавъ брата Федора, сказалъ ему: „Я все знаю, напиши брату, что ему бояться нечего, но что воротиться надо". На самомъ же дѣлѣ государь, проходя мимо Головина, спросилъ его только: „Что у тебя за братъ въ Парижѣ?" Но истина стала извѣстна лишь спустя нѣкоторое время. Въ бесѣдѣ съ конно-гвардейцемъ Бенкендорфъ будто бы сказалъ ему: „Коли вашъ братъ добръ, то напишите ему, что я его буду защищать, и что послушаніе будетъ ему зачтено". Вернувшійся изъ Петербурга племянникъ Бенкендорфа сказалъ Головину въ Парижѣ, что говорилъ о немъ съ Дубельтомъ и на вопросъ, можетъ ли онъ дать ему честное слово, что онъ не подвергнется въ Россіи непріятностямъ, получилъ въ отвѣтъ, что разборъ его книги не далъ противъ него никакихъ обвиненій. Онъ же увѣрилъ Головина, что его карьера въ Россіи уже обезпечена, особенно благодаря Гумбольдту, писавшему Николаю I, что книга молодого экономиста хороша и не заслуживаетъ преслѣдованія...

Головинъ укладывался, какъ вдругъ ему вручаютъ письмо, о которомъ я сказалъ выше. Хлестаковъ былъ испуганъ. Кстати онъ узналъ отъ книгопродавцевъ, что на родинѣ его книга запрещена, несмотря на французскій текстъ. Еще черезъ нѣсколько дней Яковъ Толстой, желая прикинуться его защитникомъ, со-

общилъ, что получилъ отъ Бенкендорфа выговоръ за „защиту" его книги... Головинъ рѣшаетъ не исполнить высочайшаго повелѣнія и пишетъ Бенкендорфу французское письмо отъ 24 ноября (1843 г.):

„Графъ, что мнѣ отвѣтить вамъ на письмо, которое вы сдѣлали честь адресовать ко мнѣ отъ 1 сентября и переданное мнѣ только третьяго дня? Если я стану говорить о своей нуждѣ и о своихъ долгахъ, которые удерживаютъ меня здѣсь и которые я не могу заплатить, то заранѣе предвижу вашъ отвѣтъ: вы не хотите слышать никакихъ возраженій. Моя болѣзнь, мое лѣченіе вызываютъ въ васъ только неудовольствіе, которое, конечно, не успокаиваетъ меня относительно будущаго, ожидающаго меня по возвращеніи. Могу ли я говорить о невинности, благодаря которой ко мнѣ адресованъ вызовъ на родину? Вы убѣждены въ ней не меньше меня. И развѣ я не могу видѣть въ вашихъ словахъ, что противъ меня нѣтъ уликъ и дѣло кончится безъ послѣдствій разрѣшенія ѣхать куда вздумается. Надо ли мнѣ заявлять о преданности своему государю? Исторія на лицо: она скажетъ, что мы служимъ трону, какъ никто, и не я первый составлю исключеніе изъ этого правила. Свободой печати я пользовался только для того, чтобы упрочить славу нашего повелителя. Легко служить ему въ благоденствіи, но въ бѣдѣ труднѣе. Если бы я попросилъ субсидіи, вы истолковали бы это въ дурную сторону, а между тѣмъ у меня нѣтъ другого достоянія, кромѣ моего пера. Мои преступленія суть мой умъ, мои болѣзни и моя нищета. А вы въ возмѣщеніе не хотите предоставить мнѣ право свободнаго передвиженія, которымъ пользуется послѣдній изъ подданныхъ. Поэтому, графъ, мнѣ остается только завѣрить васъ въ моемъ почтеніи и положиться на милосердіе и справедливость моего государя".

Бенкендорфъ былъ боленъ, письмо получилъ Дубельтъ. Очень любопытна резолюція, положенная имъ для канцеляріи, которой предстояло написать вполнѣ ей соотвѣтствовавшій отвѣтъ. Вотъ она: „Останавливаюсь еще докладомъ, но Государь спроситъ—и тогда худо. Теперь самъ сдѣлается виноватъ, что не хочетъ отв., ибо онъ дѣлается виноватъ. Никто не говоритъ, что мы виноваты, а теперь по добротѣ души подождемъ въ Россіи; что касается до вашего ума, то правительство знаетъ кому давать деньги"... Офиціальный отвѣтъ, однако, не содержалъ всего этого. Тамъ было написано, что правительство и не обвиняло Головина въ какомъ бы то ни было преступленіи, но что, не исполняя его волю, онъ уже дѣлается виновенъ; что по добротѣ души Бенкендорфъ удерживался и удерживается еще отъ всеподданнѣйшаго доклада, а если государь спроситъ, то, разумѣется, разскажетъ все подробно; поэтому предлагалось, но уже въ *послѣдній* разъ—немедленно вернуться, несмотря ни на какія личныя обстоятельства.

Головинъ отвѣчалъ Бенкендорфу 3 января 1844 года:

„Ваше Сіятельство!

„Въ письмѣ Вашемъ отъ 25 ноября Вы сознаетесь въ моей невинности и говорите о добротѣ души вашей. Я никогда не сомнѣвался въ первой, вторую же не могу усмотрѣть изъ письма вашего. Доброта души и справедливость требуютъ вознагражденія невинно преслѣдованныхъ, а не продолженія преслѣдованій.

Въ дополненіе Вы изволите мнѣ объявлять, что за замедленіе мое въ возвратѣ будетъ поступлено со мною, какъ за преступленіе, со всею строгостью законовъ. Трудно, графъ, приказывать и отнимать вмѣстѣ возможность къ послушанію.

„Въ чувствѣ правоты моего дѣла я возлагаю мои надежды на правосудіе Государя Императора и прошу Ваше Сіятельство не замедлить долѣе докладомъ вашимъ о причинахъ, лишающихъ меня средствъ къ скорому возвращенію, изложенныхъ мною въ письмахъ отъ 15 (3) августа изъ Парижа и отъ 24 (12) ноября изъ Парижа, и состоящихъ въ разстроенномъ положеніи моего здоровья и моего состоянія.

„Съ чувствомъ искренней преданности имѣю честь быть Ваше Сіятельство! покорный слуга *Иванъ Головинъ*.“

Бенкендорфъ все медлилъ, однако, и вновь просилъ министра иностранныхъ дѣлъ сдѣлать представленіе Головину о немедленномъ возвращеніи въ Россію. Одновременно Дубельтъ написалъ самому Головину, что шефъ жандармовъ еще откладываетъ свой докладъ на четыре недѣли...

Получивъ предписаніе изъ посольства, Головинъ отвѣтилъ французскимъ письмомъ на имя Нессельроде (22 февраля 1844 г.): „Графъ, я думалъ что въ своихъ письмахъ отъ 15 августа, 24 ноября 1843 г. и 3 января 1844 г. я высказался достаточно категорически на счетъ моего возвращенія въ Россію. Но такъ какъ ваше сіятельство удостаиваете вмѣшаться въ эту мѣру высшей полиціи, то я считаю долгомъ признаться вамъ, что покинулъ службу и родину, чтобы брать уроки каллиграфіи, согласно вашему предписанію. Протекціи у меня не было и вамъ, конечно, незачѣмъ было помнить, что первый русскій министръ иностранныхъ дѣлъ носилъ одинаковое со мною имя. [1] Надѣюсь, что вы не воспользуетесь всей вашей властью, чтобы заставить заговорить, что Бенкендорфы и Нессельроды довели Головина до роли изгнанника“.

Одновременно Головинъ писалъ и Дубельту: „Ваше Превосходительство, Милостивый государь, Леонтій Васильевичъ! Предписаніе г. генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа отъ 8 января ст. стиля имѣлъ я честь получить изъ рукъ посольства 8 февраля того же стиля, ровно по истеченіи мѣсячнаго срока, назначеннаго мнѣ на возвращеніе. Накануне же сообщено мнѣ было предписаніе гр. Нессельроде совершенно другого содержанія, на которое я имѣлъ честь ему отвѣтить. А по сему предлагаю Вашему превосходительству испросить у г. вице-канцлера сообщеніе моего къ нему письма“.

Возмущенный Нессельроде отправилъ это письмо Бенкендорфу, тотъ доложилъ государю и получилъ приказаніе: „объявить Головину, что объ его поступкѣ сдѣлано законное распоряженіе, о послѣдствіяхъ коего онъ своевременно узнаетъ“... Кромѣ такой загадочной резолюціи, Бенкендорфъ сообщилъ министру юстиціи, Панину, чтобы съ Головинымъ было поступлено по всей строгости законовъ.

[1] Слабостью нашего Хлестакова была собственная геральдика. Происходя отъ Головина, жалованнаго помѣстьями въ 1667 г., онъ при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на графа Ѳ. А. Головина, перваго министра Петра Великаго, на князя Ховру, какъ родоначальника графовъ Головиныхъ.

Такимъ образомъ дѣло переходило въ судъ.

Между тѣмъ, надежда на свиданіе съ Головинымъ въ казематѣ Петропавловки все еще не оставляла русскую жандармерію. Увидавъ брата его, Бенкендорфъ сказалъ ему: „Напишите вашему брату, что государь привыкъ, чтобъ его слушались, и не любитъ, чтобъ съ нимъ шутили, что достаточно одного его слова, чтобы онъ получилъ приказаніе отъ Луи Филиппа выѣхать изъ Франціи въ 24 часа". Получивъ такое извѣщеніе, Головинъ отправился во французское министерство внутреннихъ дѣлъ и спросилъ, можетъ ли онъ считать себя подъ защитой наполеоновскаго правительства? Его увѣрили, что одного слова Николая еще далеко недостаточно и что они не склонны заниматься пустяками. [1]

Въ концѣ октября 1844 г. въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ, получавшихся въ III Отдѣленіи, прочли то, что прозѣвали своевременно въ „Revue de Paris", а именно, что въ скоромъ времени въ Парижѣ появится новый журналъ, который будетъ заниматься исключительно внѣшней политикой Европы и Россіи. Въ числѣ редакторовъ называли Головина, Гервега и Фази, при чемъ первый долженъ былъ редактировать русскій отдѣлъ, второй—германскій, третій—швейцарскій. Какъ только прочли эту замѣтку, такъ сейчасъ же стали наводить справки. Оказалось, что якобы въ Москвѣ и Петербургѣ собираютъ уже матеріалъ для этого журнала, и что занимается этимъ, главнымъ образомъ, нѣкій Золотаревъ, сынъ бывшаго биржевого маклера, окончившій дерптскій университетъ и жившій четыре года въ Парижѣ въ большой дружбѣ съ Головинымъ. Тогда московскимъ жандармамъ было предписано провѣрить это сообщеніе и обо всемъ донести. Изъ Москвы сообщили, что Иванъ Федоровичъ Золотаревъ дѣйствительно жилъ тамъ по пріѣздѣ изъ-за границы, но что вскорѣ поступилъ къ новороссійскому и бессарабскому военному генералъ-губернатору, графу Воронцову; кромѣ того, онъ аттестовывался, какъ человѣкъ вполнѣ благонамѣренный. Новый шефъ жандармовъ, графъ Орловъ, просилъ Воронцова послѣдить за его подчиненнымъ. Воронцовъ рѣшилъ поступить проще и прямо высказалъ Золотареву падавшія на него подозрѣнія. Золотаревъ отрекся отъ всякихъ сношеній съ Головинымъ съ момента его выѣзда изъ Россіи.

Въ іюлѣ 1844 г. Орловъ просилъ Панина ускорить дѣло въ судѣ. Панинъ принялъ мѣры, и 21 іюля оно уже было въ сенатѣ, 26-го докладывалось, а потомъ сразу взялись за составленіе опредѣленія. Затѣмъ послѣднее было передано въ государственный совѣтъ и мнѣніемъ его было положено: „лишивъ Головина чиновъ и дворянства, сослать его, въ случаѣ явки въ Россію, въ Сибирь въ каторжную работу, а имѣніе его, ежели какое окажется гдѣ-либо собственно ему принадлежащимъ, взять, на основаніи законовъ, въ секвестръ". 12 декабря опредѣленіе это было утверждено Николаемъ I.

Такимъ образомъ съ этого времени Головинъ вступилъ въ число государственныхъ преступниковъ—эмигрантовъ.

[1] „Записки", 85-86.

III.

Головину очень хотѣлось отвѣтить Николаю и его правительству. Онъ жаждалъ мщенія и въ удовлетвореніе его написалъ книженку: „La Russie sous Nicolas I“ (Paris, 1845). Работа эта до того незначительна по своему содержанію, до того блѣдна по языку и краскамъ, что когда услужливый Яковъ Толстой предложилъ Бенкендорфу написать немедленно возраженіе, какъ онъ это дѣлалъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, Бенкендорфъ не счелъ нужнымъ тратить деньги и приказалъ пренебречь... Горше этой обиды, разумѣется, ничего быть не могло. Воспользовавшись смертью поэта Баратынскаго, Головинъ написалъ въ „Journal des Débats“ статью, смыслъ которой былъ хотя и совершенно справедливъ, но не въ отношеніи самого автора, какъ онъ старался это показать: страданіе—участь способныхъ людей въ Россіи.

Курьезно какъ описываетъ самъ Головинъ встрѣчу своей „необыкновенной легкости въ мысляхъ“...

„Въ маѣ 1845 г. вышла „Россія подъ Николаемъ“. Кюстинъ побѣжалъ съ нею въ Débats“, говоря: „Вотъ русскій, который меня оправдываетъ во всемъ“. Женудъ писалъ: „Вы не любите жужжаніе мухи,—вотъ вамъ кулакъ по лбу“. „Journal de Commerce“ говорилъ: „Мы любимъ стрѣлка, который надписалъ на своей стрѣлѣ: въ правый глазъ короля Филиппа. Книга передъ нами бьетъ Николая въ сердце“. „Revue indépendante“ писала: „Мы не скроемъ нашей симпатіи къ автору“. „Corsaire-Satan“ говорилъ: „Надо, чтобъ авторъ много перенесъ въ Россіи, чтобы адресовать противъ нея такой протестъ Европѣ“. Г...ій сказалъ: „Черезъ пятьдесятъ лѣтъ русскіе оцѣнятъ эту книгу“. Гречъ сказалъ: „Что не выдумано, то переврано,“ а Шатобріанъ:—„Cette préface est touchée de main de maître.“ Киселевъ пробовалъ распустить слухъ, что я у него просилъ мѣсто—вѣрно швейцара посольства. Книгу мою перевели на шведскій и на испанскій, на венгерскій и на греческій языки“. [1]

Надо ли говорить о томъ, какъ тогда происходилъ за границею выборъ литературы о Россіи для переводовъ? Фигура Николая была тогда такъ антипатична многимъ въ Европѣ, что они пользовались всякимъ случаемъ для пропаганды ненависти къ русскому правительству. Сплошь да рядомъ никому не было дѣла до достоинствъ книги, была бы написана хлестко и съ кое какими фактами, неизвѣстными широкому европейскому обществу... Кромѣ того, неизвѣстно, не приложилъ ли самъ Головинъ, драпировавшійся въ торжественную тогу политическаго эмигранта, руку къ этимъ переводамъ...

[1] „Записки“ 90—91. Дѣйствительно, вотъ еще другія изданія той же книги: „Russland unter Nicolas dem Ersten“, Leipzig, 1845 и 1846; „Russia under the Autocrat Nicholas the First“, London, 1846; „Russland under Kejsar Nicolaus den I-re“, Srockholm, 1846.

Далѣе Головинъ разсказываетъ, какъ Николай, будучи въ Прагѣ, послалъ своего адъютанта купить его книгу и, запершись въ вагонѣ, четыре часа, до Вѣны, читалъ ее не отрываясь... Можно утверждать, что царь не сдѣлалъ Головину этого удовольствія, потому что былъ въ Прагѣ ровно за годъ *до* выхода книги въ свѣтъ...

Не понимая истиннаго значенія своей книги, трусливый Головинъ спѣшилъ гарантировать себя отъ поползновеній петербургскаго правительства и для этого рѣшилъ принять французское подданство. Французскій министръ юстиціи отказалъ въ этомъ, не видя разрѣшенія Николая.

Въ это время Головинъ получилъ отъ братьевъ въ окончательный раздѣлъ ихъ наслѣдства около 40.000 франковъ. Игрокъ по натурѣ, онъ не могъ удержаться отъ покупки желѣзнодорожныхъ акцій, въ теченіе нѣсколькихъ дней потерялъ половину присланнаго капитала, а такъ какъ изъ другой половины вынужденъ былъ подъ всякими угрозами заплатить свои долги, то и остался снова почти безъ ничего.

Снова надо было добывать на пропитаніе. Къ услугамъ его оказалась газета „Corsaire-Satan“, предложившая Головину вести русскій отдѣлъ. Разумѣется, замѣтки Головина не отличались ни правдивостью, ни содержаніемъ, и могли смѣшить (и то по словамъ самого Головина) только Луи-Филиппа, всегда, какъ извѣстно, искавшаго повода публично посмѣяться надъ Николаемъ, такъ оскорбительно отнесшимся къ его воцаренію послѣ іюльской революціи 1830 года...

Однако, вопросъ о натурализаціи все больше и больше безпокоилъ Головина.

Онъ рѣшилъ попытать счастья въ Англіи, и лѣтомъ 1846 г. отправился туда вмѣстѣ съ пріятелемъ Герцена—Сазоновымъ. Тамъ онъ обратился къ лорду Стюарту, члену торрійской оппозиціи въ парламентѣ, совершившему въ 1837 г. путешествіе по Россіи и Востоку. Лордъ въ шесть недѣль натурализовалъ Головина въ качествѣ англичанина. Головинъ разсказываетъ, что „Siècle“ воспользовался этимъ случаемъ для укора своему правительству, а графъ Нессельроде, прочитавъ статью, отмѣтилъ ее и послалъ къ государю; что англійскому правительству былъ сдѣланъ выговоръ... Разумѣется, все это вздоръ, потому что иначе въ дѣлѣ архива остался бы слѣдъ отъ всего разсказаннаго. Больше—натурализація Головина осталась совершенно неизвѣстной русскому правительству, и оно узнало о ней гораздо позже и при томъ отъ самого Головина.

Затѣмъ Головинъ вернулся въ Парижъ и продолжалъ тамъ жизнь игрока, кутилы на чужой счетъ и бульварнаго „публициста“.

Замѣчательно характерно поведеніе его во время парижской революціи 1848 года. Передадимъ его собственнымъ разсказомъ героя.

„Когда я взошелъ въ Тюльери, огонь еще горѣлъ въ каминѣ голубой гостиной, и я зажегъ у него сигаретку. Люди съ пиками и ружьями сидѣли на шелковыхъ креслахъ и ничего не портили. Луи-Филиппъ бѣжалъ постыдно, а Гизо и Дюшатель бѣжали переодѣтыми въ лакеи. Еслибы герцогъ д'Омальской воротился изъ Африки, его бы еще приняли въ короли. Мнѣ подали во дворцѣ

книгу, говоря, что это реестръ королевскихъ милостей; но это была опись дома королевскаго. Я написалъ: „Народъ Парижскій видѣлъ списокъ лакеевъ и объявляетъ, что онъ никогда не будетъ къ нему принадлежать“. Эти слова подписали многія тысячи, но куда дѣвалась книга, до сихъ поръ не знаю. Я вынесъ съ собою бутылку дурного Макона, чтобъ выпить ее на здоровье народа.

„Я оставался зрителемъ событій и видѣлъ, что, кромѣ глупостей, ничего не происходило до того дня, когда Ламартина потрепали въ отель де Виллѣ за воротникъ. Онъ послалъ за мною.

— Вы намъ можете оказать, сказалъ онъ, большія услуги въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Угодно вамъ?

— Французскіе эмигранты служили противъ Франціи не за свободу, я могу вамъ служить за свободу.

— Давайте мнѣ меморіи о Польшѣ и Россіи. Вотъ вамъ пропускъ, а такъ какъ время автора—его состояніе, то вы позволите мнѣ платить за вашъ трудъ по-товарищески.

„Я ему подалъ ноту о состояніи русской арміи; она была грозна на бумагѣ. Онъ сейчасъ съ этой нотой побѣжалъ въ Люксенбургъ и увѣрилъ провизуарное правительство, что объ войнѣ и думать нельзя. Ламорисьеръ еще болѣе укрѣпилъ это мнѣніе, объявивъ, что Франція не можетъ поставить болѣе 30,000 человѣкъ.

„Я на это представилъ серію нотъ, говорившихъ: „Вы не хотите войну за границею, вы будете имѣть войну дома“, „одной дивизіи съ трехцвѣтнымъ знаменемъ довольно, чтобъ сдѣлать много великихъ дѣлъ“ и пр. У Ламартина я видалъ и Моле, и Ротшильда, и Хонскаго, и Островскаго, ихъ роли были совершенно различны.

„Манифестаціи, депутаціи не переставали. Образовались многіе клубы. Я участвовалъ при составленіи клуба литераторовъ, при разогнаніи клуба Cité d'Antin, гдѣ мы основали клубъ „братства народовъ“. Бюро состояло изъ девяти президентовъ девяти комитетовъ различныхъ народовъ. Меня выбрали президентомъ клуба. Когда я извѣстилъ о составленіи его въ клубѣ Барбеса, рукоплесканія были громки и долги.

„15 мая я былъ въ трибунѣ журналистовъ въ народномъ собраніи. Когда пришла національная гвардія, я стоялъ на терассѣ и дюкъ де Гиши, бывшій офицеромъ въ первомъ легіонѣ, сталъ со мной говорить, какъ вдругъ два офицера подходятъ меня арестовать за то, что я бунтую ихъ солдатъ, но я имъ показалъ билетъ и они меня оставили въ покоѣ“. [1]

И такъ далѣе безъ конца... Всякій, кто понимаетъ громадное историческое значеніе февральскихъ дней 1848 года и знаетъ главныя ихъ событія, разумѣется, будетъ отъ души смѣяться надъ разсказомъ Хлестакова, съ сигареткой, закуренной на пламени тюльерійскаго камина, и съ стаканомъ макона во здравіе французскаго народа писавшаго ноты о возможности встать за Польшу...

[1] „Записки“, 107—109.

Революціи всегда даютъ возможность выплывать на поверхность такимъ людямъ, которые въ обыкновенное время тонутъ въ грязи житейской тины. Такъ было и съ Головинымъ. Онъ пыжился, чтобы придать себѣ хоть какое нибудь значеніе, и нельзя сказать, чтобъ совсѣмъ неуспѣвалъ. Кое кого ему удавалось мистифицировать въ бульварной прессѣ и за это получать иногда довольно щедрыя подачки... Впрочемъ, разсказы его самого идутъ гораздо дальше. Опьяненный гостепріимной закуской городничаго, Хлестаковъ вралъ безъ мѣры... Головинъ говоритъ, что къ нему приходили два агента Бонапарта просить его поддержки въ печати идеи о возвращеніи ихъ принципала во Францію. Чтобы доказать свою революціонность, Головинъ, между прочимъ, утверждаетъ, что „имѣетъ на душѣ эмиграцію графа Браницкаго“. Дѣло, видите ли, было такъ: русское правительство затребовало графа домой. Узнавъ объ этомъ, Головинъ поспѣшилъ сообщить въ двухъ газетахъ, что Браницкій отказывается исполнить высочайшее повелѣніе, и потомъ убѣдилъ изумленнаго этимъ вмѣшательствомъ графа послѣдовать его совѣту... Надо ли говорить, что все это просто выдумки...

Когда 10 декабря 1848 г. президентомъ французской республики былъ избранъ Наполеонъ, Головина не испугала близость реакціи, онъ хорошо понималъ возможность приспособиться къ новому курсу.

28 января Наполеонъ объѣзжалъ верхомъ съ небольшой свитой парижскія бульвары. Головинъ пробрался къ нему и крикнулъ: „Да здравствуетъ демократическая республика!“ Возлѣ президента ѣхали два гусарскіе офицера и мужчина во фракѣ съ красной ленточкой въ петлицѣ; послѣдній отвѣтилъ ему: „Гражданинъ, этого то и хочетъ президентъ, онъ уже уволилъ министерство“. „Это дѣло другое,—воскликнулъ Головинъ, и, обратясь къ Наполеону, сказалъ: „гражданинъ Бонапартъ, подайте мнѣ руку“. Наполеонъ подалъ руку... Головинъ почтительно ее пожалъ... Неожиданно для Хлестакова эта его выходка стала извѣстна знакомымъ и вовсе не одобрялась. Надо было поправиться, чтобы не потерять и послѣдней доли довѣрія. Кстати въ офиціальныхъ газетахъ не было объявлено объ исполненномъ якобы увольненіи кабинета. Тогда Головинъ въ торжественной позѣ опубликовалъ въ „Réforme“ и въ прудоновской „La Voix du Peuple“, что онъ беретъ назадъ пожатіе руки президента... Вскорѣ его выслали изъ Франціи; онъ поѣхалъ въ Женеву, а оттуда въ Брюссель. Средства его въ это время были особенно не блестящи. Головинъ написалъ брату въ Россію, чтобы тотъ помогъ ему, но письмо было перлюстровано, а конногвардейцу Головину предписано ни въ какую переписку съ Иваномъ не входить... Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Хлестаковъ мечется изъ страны въ страну по континенту, оттуда въ Англію, потомъ назадъ. Несмотря на это, никакой работы онъ найти не могъ и снова рѣшилъ вернуться въ Женеву.

Здѣсь необходимо остановиться на изданіи Головинымъ въ Женевѣ очень небольшой брошюрки на русскомъ языкѣ—„Катихизисъ русскаго народа“, съ обозначеніемъ на ней Петербурга и типографіи Павловича. „Катихизисъ“ всегда былъ предметомъ гордости Головина, хвастливо утверждавшаго, что опытъ печатанія

за границей прокламацій для Россіи принадлежитъ ему, а не Герцену, пошедшему уже по его пути. Сохраняя объективность, нельзя не сказать, что прокламація составлена по тому времени недурно. Въ виду ея большой библіографической цѣнности, приведу что можно въ выдержкахъ.

Сначала идетъ предисловіе, озаглавленное: „Къ нашимъ“. „Мы отрѣзанный авангардъ вашего просвѣщенія. Насъ выслали за границу, а когда мы возвратились къ вамъ съ запасомъ учености, ваши управители открыли по намъ огонь преслѣдованія. Нѣмцы по знанію, мы остались русскіе по сердцу, потому то ваши властелины вмѣсто снисхожденія показали намъ неистовую вражду. Не нашедши помощи въ васъ и будучи не въ силахъ сносить зрѣлище народнаго униженія, мы унесли наши ропоты въ тѣ земли, въ которыхъ узнали мы мѣру нашихъ страданій и нашли средства имъ помочь. Безъ злобы, но не безъ негодованія изложили мы наши мученія передъ судомъ просвѣщенной Европы. Бодро сносили мы ненависти, клеветы и крамолы, которыя мы возбудили, ибо мы знали, что правда встрѣчаетъ неистовыхъ враговъ въ тѣхъ, которые живутъ неправдою, удерживая другихъ въ невѣжествѣ. Нынѣ во первыхъ предстоимъ мы передъ вами, говоримъ вамъ на языкѣ отечественномъ. На насъ смотрятъ, какъ на умершихъ для Россіи: внемлите же намъ, ибо умирающіе гласятъ правду“.

Затѣмъ шли главы: первая „о царѣ“, вторая „о дворянствѣ“, третья „о солдатѣ“ и четвертая „о правительствѣ“. Вся прокламація изложена въ видѣ діалога между „убѣжденнымъ“ и „просвѣщающимся“ катихизисомъ.

Вотъ первая глава.

„*Убѣжденный*. Сколько въ Россіи царей?

Просвѣщающійся. Одинъ, какъ одно солнце, какъ одинъ Богъ на небеси.

У. Солнцевъ много, а если Богъ одинъ, то онъ премудръ, а нашъ царь есть ли премудръ?

П. Нѣтъ, ибо онъ человѣкъ.

У. Но онъ самодержавенъ. Всемогущество принадлежитъ одному Богу, потому что онъ не можетъ творить зла. Неограниченная же власть человѣка отъ природы слабаго вредитъ только его уму. Какъ зовутъ вашего царя?

П. Николай Павловичъ Романовъ.

У. Чей онъ сынъ?

П. Павла.

У. А Павелъ?

П. Петра.

У. Котораго?

П. Третьяго.

У. Романова?

. . . .

У. Вѣруетъ ли онъ въ Бога?

П. Онъ ходитъ въ церковь.

У. Но губитъ праведныхъ, а ворамъ потакаетъ.

П. Да ему не сладить со взяточниками.

У. Петръ же сладилъ съ ворами.

П. Да его бы сломили.

У. И Петра разбойники задержали, но онъ не страшился съ ними въ бой входить.

П. Петромъ ему не бывать.

У. Плохо, что и говорить. Что ворамъ потакать, что съ ними дѣлиться, есть одно и то же.

П. Видно, что такъ ужъ свыше устроено.

У. Свыше идетъ дождикъ или снѣгъ, свѣтитъ солнце, а судьба наша отъ людей зависитъ, но люди-то глупы. Насъ, какъ стадо овецъ, гонятъ, бьютъ и губятъ. Вѣчно ли будемъ мы овцами?

П. Человѣку суждено мучиться на этомъ свѣтѣ.

У. Да мученіе это не для всѣхъ одинаково. Одинъ мучится, муча другихъ, тотъ страдаетъ отъ несваренія желудка, а другой отъ голода.

П. За то на томъ свѣтѣ будетъ наоборотъ.

У. Это выдумали счастливцы для простяковъ, попы для людей суевѣрныхъ.

П. Но вѣра упрочиваетъ наше спокойствіе.

У. Вѣра слѣпая только сохраняетъ наше невѣжество, которое составляетъ счастіе утѣснителей и несчастіе утѣсняемыхъ.

П. Кажись, что представитель шестидесяти милліоновъ долженъ быть великодушенъ, благороденъ.

У. А выходитъ наоборотъ: и благо народное, и собственную славу подчиняетъ онъ своенравію.

П. Что же изъ этого заключить должно?

У. А то, что когда народъ лучше своихъ правителей, то имъ не уцѣлѣть. Народъ русскій добръ отъ природы, а царь жестокосердъ, мстителенъ, народъ великъ, а Николай человѣкъ мелочной.

П. А, всетаки, народъ его любитъ.

У. Боится, а не любитъ. Ну, спрашиваю тебя, годится ли милліонамъ людей бояться одного?

П. Наслѣдникъ будетъ лучше.

У. Авось. Авось да ничего управляютъ Россіей. Сильна матушка, выноситъ всѣ обиды; ей все ничего, авось, будетъ лучше. По моему, на Бога уповай, а самъ не плошай. Пора приложить умъ умѣрить произволъ судьбы и людей.

П. Итакъ, теперешній порядокъ вещей не удержится?

У. Скажи лучше: безпорядокъ, нарушеніе святѣйшихъ законовъ природы. Уважается ли у насъ личность? цѣнится ли достоинство? Нѣтъ, у насъ почитается чинъ и хранится рабство. Этотъ порядокъ есть обида Богу. Чѣмъ человѣкъ походитъ на Творца? Умомъ, а у насъ право мыслить попрано, сообщать свои *мнѣнія* воспрещено.“

Опуская вторую и третью главы, какъ болѣе слабыя и водянистыя, приведу

нѣсколько выдержекъ изъ четвертой,—о правительствѣ, написанной подъ впечатлѣніемъ только что разразившихся тогда европейскихъ событій.

„*П.* Какое же будетъ у насъ правительство, если когда-нибудь Богъ дастъ намъ выгнать бусурманъ?

У. Народное.

П. Поясни.

У. Не будетъ царя, ни подцариковъ. Царемъ станетъ самъ народъ. Будетъ, какъ было нѣкогда въ Новѣгородѣ, будетъ вѣче, будутъ думы. Не станетъ притѣсненій, всѣ будутъ равны передъ закономъ, прекратится постыдный торгъ въ судопроизводствѣ. Народъ будетъ избирать законодателей, а они будутъ его представителями, судей, большихъ и малыхъ, правителей, отъ низкаго до высокаго. Все будетъ рѣшаться большинствомъ голосовъ въ земской думѣ: миръ или война, налоги и пр.

. . . .

П. Говорятъ, что когда ввели республику заграницей, то дѣло не идетъ на ладъ.

У. Тамъ совсѣмъ другое. Жить узко, земли мало, одинъ у другого отнимаетъ кусокъ хлѣба. Безъ добродѣтели, безъ самоотверженія спасенія нѣтъ. А матушка Русь растянулась на просторѣ, всего вдоволь, не нужно орошать хлѣба кровью. Дай намъ волюшку,—и какъ яхонтъ заблеститъ Русь въ вѣнцѣ народовъ. А теперь она тускнѣетъ въ невѣжествѣ, склоняетъ выю въ рабствѣ.

. . . .

П. Но мы еще не зрѣлы.

У. Полно, не гнилы ли мы? Да и какъ же намъ созрѣть подъ палкой и въ невѣжествѣ, въ которомъ удерживаетъ насъ правительство? Добро дѣлать никогда не рано. Цари хуже безсовѣстныхъ опекуновъ, для нихъ нѣтъ совершеннолѣтія народовъ.

. . . .

П. Какимъ же образомъ избавимся мы отъ теперешняго правительства сильнаго ябедою, штыками, деньгами?

У. Ябеда его обезсиливаетъ, ибо вызываетъ ненависть и презрѣніе, противъ которыхъ никакое правительство устоять не можетъ. Штыкъ оправдаетъ свое названіе молодца, солдатъ вспомнитъ свое происхожденіе и грянетъ съ Богомъ за народъ на утѣснителей онаго. Правительство беретъ деньги съ насъ, но оно такъ мотаетъ, что скоро ихъ не достанетъ, мы же вольны ему отказать.

П. Но кто покусится на возстаніе?

У. Кто любитъ отчизну болѣе самого себя.

П. А если не удастся?

У. Велика слава мучениковъ свободы.

П. Но велико и мученіе.

У. Семи смертямъ не бывать, одной не миновать.

. . . .

П. Какъ же дѣлаютъ завалы?

У. Разбираютъ мостовую, накладываютъ камни грудою, загораживаютъ въ томъ мѣстѣ улицу телѣгами, каретами, мѣшками съ пескомъ и, однимъ словомъ, всѣмъ, что въ ту пору находятъ, усыпаютъ улицу разбитыми бутылками, чтобъ кавалерія не могла двигаться, засаживаются за окопами, на чердакахъ, въ погребахъ, и когда непріятели останавливаются передъ заваломъ, стрѣляютъ въ нихъ, какъ въ куръ, чтобы отучить отъ охоты сражаться противъ своихъ".

Къ сожалѣнію, мнѣ не приходилось встрѣчать указаній въ литературѣ на распространенность хоть гдѣ-нибудь въ Россіи этого „катихизиса", написаннаго человѣкомъ, отнюдь не сочувствовавшимъ революціи ни раньше, ни потомъ.

IV.

Вскорѣ (въ октябрѣ 1850 г.) Головинъ переѣхалъ въ Ниццу, гдѣ основалъ на лѣтній сезонъ журнальчикъ „Carillon" и помѣщалъ въ немъ фельетоны подъ общимъ заглавіемъ „Les prussiens, les russiens et les autres chiens à Nice". Журналъ выходилъ по субботамъ и имѣлъ успѣхъ среди пріѣзжихъ, насколько вообще имѣетъ успѣхъ всякая сплетня... Въ концѣ концовъ Головина выслали изъ Ниццы и онъ перебрался въ Туринъ. Тамъ онъ основалъ „Journal de Tourin", въ которомъ печаталъ фельетоны подъ общимъ заглавіемъ „Portraits et esquisses russes". Но и здѣсь Головину не пришлось пожить. Онъ перевелъ на французскій языкъ статью Максима Азегліо—„Честь Италіи и Австріи", написанную тѣмъ еще до вступленія на постъ сардинскаго министра внутреннихъ дѣлъ, напечаталъ ее въ своемъ журналѣ и былъ привлеченъ къ отвѣтственности, такъ какъ статья не понравилась австрійскому министру въ Туринѣ, графу Апони, настоявшему на высылкѣ Головина.

Русское правительство всегда слѣдило за Головинымъ и знало о его дѣятельности. Въ апрѣлѣ 1852 г. одинъ изъ редакторовъ какой-то петербургской газеты, вѣроятно „Сѣверной Пчелы", представилъ въ III Отдѣленіе первый номеръ „Journal de Tourin" и получилъ за это милостивую благодарность, а министерству народнаго просвѣщенія было предписано немедленно обязать подпискою всѣхъ россійскихъ редакторовъ представлять всѣ подобныя изданія въ III Отдѣленіе.

Замѣчу кстати, что Головинъ приглашалъ къ сотрудничеству въ туринской газетѣ Кавура и получилъ отъ него весьма сухой отвѣтъ, такъ и оставшійся ему неизвѣстнымъ, потому что былъ конфискованъ на почтѣ. Привожу его въ переводѣ: „Милостивый Государь, благодарю Васъ за любезное предложеніе въ Вашемъ письмѣ отъ 3 числа тек. мѣсяца открыть мнѣ столбцы „Journal de Tourin". Поспѣшу воспользоваться имъ какъ только сочту это полезнымъ для дѣла, которому служу, возстановить правду въ лживыхъ росказняхъ обо мнѣ и моихъ политическихъ друзьяхъ. Не думаю, однако, чтобы я злоупотребилъ вашимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ давно уже взялъ себѣ за правило отвѣчать молчаніемъ на всякія обиды и клеветы".

Головинъ снова пріѣхалъ въ Лондонъ, куда немного раньше перебрался и Герценъ. Здѣсь у него обнаружился особенный приступъ графоманіи. По этому поводу любопытно привести его собственное признаніе, напоминающее разсказъ Хлестакова объ игрѣ въ вистъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и видными посланниками.

„Надо имѣть познанія, чтобы васъ читать,—говорилъ мнѣ Гауманъ,—вы не пишите для толпы. На одной строкѣ у васъ нѣсколько мыслей,—говорилъ мнѣ Піори въ Парижѣ.—Головинъ пишетъ не перомъ, а шпагой,—говорилъ при мнѣ женевецъ, который платилъ 300 фр. за мой автографъ, не зная, что я его слушалъ, изъ чего я заключилъ, что мой слогъ слишкомъ рубленъ. Одна изъ моихъ книгъ вытекала изъ другой, одна была послѣдствіемъ другой и послѣдующая дополняла предыдущую. Надо искать автора во всѣхъ его сочиненіяхъ, а не судить его по отрывкамъ. Я не писалъ для того, чтобъ писать, а всегда поставлялъ себѣ какую-нибудь цѣль блага общаго, которой я хотѣлъ достигнуть. Популярнымъ авторомъ можно только быть на родинѣ, а посему на чужбинѣ я адресовался къ извѣстному только классу просвѣщенныхъ читателей. Но писать была большая потребность, такъ что за неимѣніемъ бумаги и печатни, я писалъ бы на древесной корѣ или на камнѣ. Слѣдовательно, пріѣхавъ этотъ разъ въ Лондонъ, я рѣшился сдѣлаться англійскимъ писателемъ, едва зная довольно, чтобы спросить свою дорогу на улицѣ“. [1]

Съ такимъ багажемъ Головинъ шелъ на поприще, гдѣ было столько силъ и ума. Взять хотя бы только одного Герцена...

Обыкновенно такія бездарности прежде всего рабски слѣдуютъ по чьимъ-нибудь пятамъ, мало заботясь о степени своего заимствованія. У Головина передъ глазами было новое громадное литературное явленіе, имѣвшее совершенно до тѣхъ поръ неслыханный и въ Европѣ успѣхъ: романъ Бичеръ-Стоу—„Хижина дяди Тома“. Что до того, что на русской почвѣ романъ въ сущности былъ написанъ Тургеневымъ въ его „Запискахъ охотника“. Головинъ рѣшилъ написать своего Тома, и, дѣйствительно, написалъ по-французски. Спасибо, отъ срама его спасъ какой-то благодѣтель Нельсонъ изъ Эдинбурга, заплатившій графоману за рукопись 80 ф. стерлинговъ и никогда не издавшій романъ въ свѣтъ... Головинъ былъ доволенъ: въ его положеніи это были огромныя деньги... Но, все-таки, хотѣлось внѣшняго успѣха, въ которомъ онъ былъ увѣренъ, и потому онъ обратился къ Кобдену съ просьбой разрѣшить ему организовать нѣсколько митинговъ въ пользу освобожденія русскаго народа, но получилъ отказъ... [2]

Въ Лондонѣ Головинъ сразу попалъ въ соотвѣтствовавшій ему кругъ всевозможныхъ шантажистовъ-репортеровъ и пр., работалъ въ грязномъ именно въ то время листкѣ „Morning Advertiser“, потомъ, въ виду Крымской войны, выпустилъ анонимно „Письма русскаго дипломата“. Какъ разъ въ это время уми-

[1] „Записки“, 140—141.

[2] „Записки“, 141—142.

раетъ его братъ Михаилъ, завѣдовавшій дѣлами Ивана, и послѣдній остается безъ всякихъ средствъ, принужденный заложить все до послѣдней нитки. Потомъ онъ получилъ изъ Россіи 9000 рублей, но, какъ и при полученіи раньше 40.000 франковъ, не утерпѣлъ, чтобы не пуститься въ аферы, и опять потерялъ все присланное. Нищета въ родствѣ съ графоманіей дали романъ „Выходецъ“ („Der Flüchtling“), купленный лейпцигскимъ издателемъ за 26 фунтовъ стерлинговъ и изданный подъ псевдонимомъ Годвинъ, что было сдѣлано по совѣту людей, дорожившихъ успѣхомъ литературы русскихъ эмигрантовъ и понимавшихъ, какъ нежелательно смѣшеніе ихъ именъ съ именемъ Головина.

Приложенія.

Записка Бенкендорфа о тайныхъ обществахъ въ Россіи.

Въ 1814 году, когда войска Русскія вступили въ Парижъ, множество офицеровъ приняты были въ масоны и свели связи съ приверженцами разныхъ тайныхъ обществъ. Послѣдствіемъ сего было, что они напитались гибельнымъ духомъ партій, привыкли болтать то, чего не понимаютъ, и изъ слѣпого подражанія получили не наклонность, но лучше сказать страсть заводить подобныя тайныя общества у себя. Нѣкоторые изъ оныхъ не имѣли въ виду никакой опредѣленной цѣли; другіе, напротивъ того, мечтали лишь о политикѣ и о томъ, какъ возымѣть вліяніе на правительство. Явная цѣль сихъ мнимыхъ свободномыслящихъ, (либеральныхъ, точнѣе, своевольномыслящихъ была введеніе конституціи, или собственно такого образа правленія, подъ которымъ своеволіе ничѣмъ не было бы удерживаемо, а пылкимъ страстямъ, неограниченному честолюбію, желанію блистать предоставлена была бы полная воля. Разумѣется, что вмѣстѣ съ тѣмъ они надѣялись занять высшія мѣста въ правительствѣ и, не опасаясь потери (потому, что не имѣли ничего), воспользоваться выгодами переворота. Съ поверхностными большею частію свѣдѣніями, воспламеняемые искусно написанными рѣчьми и мелкими сочиненіями корифеевъ революціонной партіи, не понимая что̀ такое конституція, часто не смысля какъ привести собственныя дѣла въ порядокъ и состоя большею частію въ низшихъ чинахъ, мнили они управлять государствомъ. Для прикрытія сколько-нибудь своего невѣжества, бросились они къ изученію политическихъ наукъ и стали посѣщать частно преподаваемые курсы, гдѣ поверхностно ослѣпляли ихъ блескомъ выраженій и глушили громкими, но пустыми словами. Слабый умственный желудокъ ихъ, не имѣя предварительныхъ основаній въ вспомогательныхъ наукахъ, не сваривалъ сочиненій лучшихъ писателей, отъ чего и все ихъ просвѣщеніе было мишурное.

Стремленіе сіе особенно замѣтно было въ столицѣ, гдѣ представляется болѣе удобностей доставать правительствомъ запрещаемыя, по вреднымъ правиламъ, сочиненія. Можетъ быть, споспѣшествовало сему близкое нахожденіе вмѣстѣ множества офицеровъ, какое-то взаимное соревнованіе и вліяніе людей, кои скрытно подкрѣпляли сіе броженіе умовъ.

Само собою разумѣется, что необычайное воспаленіе не могло быть продолжительно. Лѣта, развлеченіе, занятія и переходы по службѣ охладили и развлекли многихъ; заведенныя между ими разныя общества рушились; сохранившееся же долѣе прочихъ и съ которымъ нѣкоторыя слились, было общество, подъ названіемъ „Союза Благоденствія“. Правила

онаго составляли особенную книгу, названную по цвѣту обертки „Зеленою Книгою“. Она раздѣлялась на двѣ части, а послѣдняя на четыре отдѣленія. Написанная темнымъ, мистическимъ слогомъ, она составляла смѣсь изъ правилъ разныхъ тайныхъ обществъ, съ весьма нескладнымъ примѣненіемъ къ отечественному. Краткая первая часть давалась для прочтенія принимаемымъ, по взятіи отъ нихъ подписки не открывать ничего; вторая часть сообщалась посвященнымъ уже въ тайны. Главныя правила относились къ попеченію объ усовершенствованіи наукъ, художествъ, всѣхъ вѣтвей государственнаго хозяйства, судопроизводства и пр. Такимъ образомъ даже и для самыхъ членовъ, менѣе опытныхъ, прикрыта была тайная цѣль главныхъ руководителей—возымѣть вліяніе на всѣ отрасли правительства, чего частныя лица отнюдь присвоивать не могутъ. Средства къ тому избраны: распускаемые слухи, разсказы въ обществахъ, сочиненія, особенно журнальныя статьи, какъ болѣе и скорѣе расходящіяся, дабы дать направленіе общему мнѣнію и нечувствительно приготовить всѣ сословія. Есть многое, до чего, какъ до больного мѣста, чтобъ не почувствовать, не должно прикасаться; но частыя напоминанія и, такъ сказать, безпрестанныя атаки по заведенной системѣ на понятія о рабствѣ, цѣпяхъ, неволи, тиранствѣ, ненаблюденіи правосудія и пр., врѣзываясь въ памяти, давали бы дурное мнѣніе и поселяли бы отвращеніе отъ существующаго очерняемаго порядка и желаніе перемѣнъ. Первымъ шагомъ для привлеченія низшаго состоянія почитались: освобожденіе крестьянъ, къ чему каждый членъ былъ обязываемъ, и распространеніе училищъ взаимнаго обученія. Научивши простой народъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ одному только чтенію, скорѣе подѣйствовали бы приготовленными въ духѣ и по смыслу ихъ маленькими сочиненіями, начавъ самыми невинными сказками, повѣстями, пѣснями, краткими наставленіями и пр., чтобъ ихъ заохотить, чему и сдѣланы опыты.

Главные члены составляли Коренную Управу и избирали изъ себя на каждые 4 мѣсяца: предсѣдателя, блюстителя (тоже, что́ прокуроръ) и 4 предсѣдателей отдѣленій. Они собирались еженедѣльно для совѣщаній и, по крайней мѣрѣ, однажды въ мѣсяцъ созывали всѣхъ наличныхъ членовъ сей Управы. Общество имѣло свою печать (улей со пчелами) и архивъ, кои хранились у блюстителя; а сумма (взносъ членами десятой доли дохода) въ ломбардѣ. Переписка производилась темнымъ слогомъ, чрезъ нарочно посылаемыхъ. Члены, приготовляемые мало-по-малу для Управы или долженствовавшіе только служить орудіями, составляли Побочныя Управы, подъ предсѣдательствомъ одного члена Коренной, назывались для прикрытія разными именами (Зеленой Лампы и пр.) и, подъ видомъ литературныхъ вечеровъ или просто пріятельскихъ обществъ, собирались какъ можно чаще. Принятіе новыхъ членовъ сходствовало вообще съ наблюдаемыми въ тайныхъ обществахъ, съ меньшими только обрядами. Если кто вновь предлагаемъ былъ однимъ членомъ или кого желали, то, по довольномъ испытаніи, давали ему глухое понятіе объ обществѣ и, никогда не открывая вдругъ всѣхъ членовъ, вперяли объ участіи многихъ сильныхъ лицъ, дабы тѣмъ болѣе привлечь и устрашить. Послѣ сего предлагаемо было въ Коренной Управѣ, и для принятія требовалось согласіе всѣхъ членовъ оной.

Предсѣдатели Побочныхъ Управъ получали отъ Коренной наставленіе: чѣмъ занимать своихъ членовъ, какія читать и распространять сочиненія,

какіе разглашать слухи и выдумывать каррикатуры, кого изъ знатныхъ стараться чернить въ общемъ мнѣніи, какъ судить о дѣйствіяхъ правительства и пр. Люди, неодинаково съ ними мыслившіе, извѣстны были подъ названіемъ: „бабушкина вѣку“, то-есть, мыслившихъ какъ было при покойной государынѣ Екатеринѣ II, „раболѣпствующихъ“, тоже, что Испанскіе serviles. Для большей удобности и успѣха въ дѣйствіяхъ положено было имѣть не менѣе 8 и не болѣе 12 членовъ въ Побочныхъ Управахъ; когда число ихъ возрастало, отдѣлялась новая Управа. Каждый членъ обязанъ былъ доводить до свѣдѣнія своей Управы обо всемъ, что только могъ узнать. Предсѣдатели представляли о томъ Коренной Управѣ. Въ необходимую также обязанность поставлялось отыскивать и привлекать въ свое общество всѣхъ людей съ дарованіями, въ особенности пользующихся довѣренностію тѣхъ особъ, кои занимаютъ важныя мѣста. Такимъ образомъ надѣялись знать всѣ тайны правительства и во всякомъ случаѣ быть въ безопасности: ибо члены таковые тотчасъ бы предостерегли ихъ. Изъ войскъ положено было набрать самое большое число приверженцевъ въ гвардіи; въ арміи же имѣть на своей сторонѣ только нѣсколько полковыхъ командировъ, рѣшительныхъ и на все готовыхъ, дабы, побужденіемъ ихъ и примѣромъ гвардіи, слѣпо увлечь всю армію. Цензоромъ всѣхъ дѣйствій сначала былъ Петербургъ, послѣ избрана Москва, для привлеченія живущаго тамъ дворянства. Главу положено было избрать, когда было бы уже все готово, изъ вельможъ, уважаемыхъ войскомъ и народомъ и недовольныхъ правительствомъ. Самая большая надежда возлагалась на находящихся во Франціи и на графа Воронцова, на котораго дѣйствовали Тургеневы. Общество съ нетерпѣніемъ ожидало, что въ Пруссіи послѣдуетъ насильственный переломъ правленія, послѣ чего Польша не умедлила бы тому послѣдовать; и такимъ образомъ надѣялись подать руку съ Сѣвера безпокойному Югу. Они не могли скрыть глупой радости при происшествіяхъ въ Испаніи и Неаполѣ, и готовы были бы на все, чтобы принудить Государя возвратиться скорѣе и не допустить имѣть близкое дѣятельное участіе къ успокоенію Европы.

Первоначальные члены общества были почти всѣ молодые гвардейскіе офицеры: Муравьевы (три Главнаго Штаба, полковникъ Александръ, вышедшій въ отставку послѣ того, какъ въ Москвѣ посаженъ былъ подъ арестъ; братъ его безногой; Никита, вышедшій также въ отставку, когда не былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ; и 4-й, бывшій въ прежнемъ Семеновскомъ полку); Пестель, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна; князь Трубецкой, бывшій въ Семеновскомъ полку и теперь за границею; Бибиковъ, адъютантъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича; князь Долгорукій 2-й, гвардейской артиллерійской бригады, бывшій адъютантъ графа Аракчеева; два Фонъ-Визина (одинъ, бывши полковымъ командиромъ, пріуготовлялъ офицеровъ своего Егерскаго полка); Перовскій, теперь оберъ-квартирмейстеръ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса; Шиповъ, настоящій полковой командиръ полка Наслѣднаго Принца Прусскаго; Новиковъ, надворный совѣтникъ, бывшій въ Саксоніи при генералъ-адъютантѣ Репнинѣ и послѣ правителемъ канцеляріи его же, Малороссійскаго военнаго губернатора, теперь въ отставкѣ. Изъ нихъ Перовскій и Шиповъ мало-по-малу въ 1819 году отстали; о Пестелѣ утвердительно неизвѣстно.

Дѣйствія сего общества въ 1818 году получили новую дѣятельность,

и число членовъ возросло болѣе двухъ сотъ. Мало-по-малу привлечено множество офицеровъ Главнаго Штаба, изъ полковъ же наиболѣе въ Измайловскомъ, бывшемъ Семеновскомъ, Егерскомъ, Московскомъ, Конной-Гвардіи [1] и гвардейской артиллеріи. Примѣчательнѣйшіе по ревности: Бурцовъ, Фонъ-деръ-Бригенъ, два Колошина, Оленинъ, Капыловъ, Кутузовъ, Горсткинъ, Нарышкинъ, Корсаковъ и другіе; изъ постороннихъ Николай Тургеневъ, полковникъ Глинка и Семеновъ (молодой человѣкъ въ канцеляріи министра князя Голицына, занимавшій мѣсто секретаря въ обществѣ и руководимый Тургеневымъ и Глинкою).

По выходѣ полковника Муравьева въ отставку и назначеніи Бурцова адъютантомъ къ генералу Киселеву, Коренная Управа раздѣлилась на три вѣтви, имѣвшія постоянную связь. Въ Петербургѣ приняли управленіе Тургеневъ, Фонъ-деръ-Бригенъ и Глинка (изъ нихъ у послѣдняго и у Колошина бывали засѣданія); въ Москвѣ Муравьевы, въ Тульчинѣ Бурцовъ. Вліяніемъ ихъ и Фонъ-Визина вступили въ общество М. Орловъ, Граббе, Реадъ, Юшневскій, Прижевскій и пр. Орловъ брался вовлечь Мамонова; Тургеневъ, Фонъ-деръ-Бригенъ и Глинка молодыхъ графовъ Шереметева и Кушелева-Безбородку, для лучшаго успѣха надъ которыми полагали приставить способныхъ наставниковъ. То же предполагалось и съ другими богатыми, особенно молодыми помѣщиками. Тургеневъ, дававшій главное направленіе, брался съ профессоромъ Куницынымъ издавать журналъ, по самой дешевой цѣнѣ для большого расхода, полагая издержки насчетъ общества, въ которомъ бы помѣщать статьи, къ цѣли общества относящіяся. Содѣйствовать сему обязаны были всѣ члены; также брались: Чаадаевъ (испытывавшійся еще для общества), Кюхельбекеръ (молодой человѣкъ съ пылкою головою, воспитанный въ Лицеѣ, теперь за границею съ Нарышкинымъ) и другіе. Въ одной изъ отдаленныхъ деревень кого-либо изъ членовъ намѣревались завести типографію и какъ литеры, отливъ на старинный шрифтъ, такъ и все нужное выписать изъ за границы... Глинка и Тургеневъ полагали успѣшнѣйшимъ, чрезъ находящихся за границею членовъ, литографировать въ Парижѣ, особенно каррикатуры и, ввозя чрезъ нихъ же, распускать въ народѣ на толкучемъ рынкѣ, разсылать въ армію и по губерніямъ. Тургеневъ настаивалъ преобразовать общество совершенно по системѣ Вейсгаупта и, сходно съ тѣмъ, членамъ назваться между собою другими именами.

Несмотря на все сіе, ревность многихъ ослабѣвала; другіе вовлеченные, не постигая всей цѣли, понявши оную, отставали; нѣкоторые отдѣлялись и заводили между собою общества. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ князь Долгорукій и Бибиковъ, основавшіе особое общество на Охтѣ. Неосторожность и неумѣстные разсказы еще болѣе разстроивали и подали поводъ къ опаснымъ происшествіямъ. Изъ нихъ примѣчательнѣе случившееся въ Москвѣ, гдѣ принятый Муравьевымъ секретарь Правительствующаго Сената Хавскій требовалъ денегъ, угрожая открыть все.

Сіе заставило ревностнѣйшихъ членовъ составить, въ концѣ прошедшаго и началѣ настоящаго года, чрезвычайное засѣданіе въ Москвѣ. Тамъ были изъ главнѣйшихъ, кромѣ Муравьевыхъ, Н. Тургеневъ, Глинка (ко-

[1] Генералъ Орловъ, узнавши, что въ его полку есть литературныя общества офицеровъ и не предполагая ничего добраго, созвавши ихъ, объявилъ, что не допуститъ заводить никакихъ обществъ и поступитъ по всей строгости, если узнаетъ впередъ.

торому общество выдало на путевыя издержки 1000 р.), М. Орловъ, два Фонъ-Визина, Граббе, Комаровъ. Собранія бывали у Ф. Визина и Тургенева. Мнѣнія о приведеніи въ порядокъ дѣлъ были несогласны. Орловъ, ручаясь за свою дивизію, требовалъ полномочія дѣйствовать по своему усмотрѣнію; настаивалъ объ учрежденіи „Невидимыхъ Братьевъ", которые бы составляли центръ и управляли всѣмъ; прочихъ раздѣлить на языки (по народамъ: Греческій, Еврейскій и пр.), которые какъ бы лучи сходились къ центру и приносили дани, не вѣдая кому. Несмотря на признаваемую нелѣпость сихъ требованій, сдѣланныхъ можетъ быть Орловымъ для того, чтобы найти предлогъ отстать отъ общества (ибо, по несовмѣстности, невозможно было ожидать принятія), кажется, что они бы еще сладили, какъ Граббе объявилъ, что въ разговорахъ съ бригаднымъ генераломъ Васильчиковымъ слышалъ: „Генералъ, говоря съ Краснокутскимъ, жалѣлъ, что нѣтъ между офицерами дружескихъ обществъ; послѣдній отвѣчалъ, что есть очень большое и имѣющее значительныхъ членовъ. Вѣроятно, что такой странный отвѣтъ возбудилъ подозрѣніе генерала, и онъ разспрашивалъ подробнѣе у Граббе, не знаетъ ли чего о семъ обществѣ". Извѣстіе сіе потревожило собравшихся въ Москвѣ; они полагали, что генералъ Васильчиковъ сообщитъ навѣрно о семъ брату своему, командующему Гвардейскимъ Корпусомъ, и такимъ образомъ правительство, имѣя въ рукахъ своихъ нить, можетъ сдѣлать нѣкоторыя открытія. Послѣ сего сожжены всѣ бумаги, и общество закрыто. Н. Тургеневъ, возвратясь въ Петербургъ, разсылалъ чрезъ Семенова къ членамъ письменное о семъ объявленіе, въ которомъ между прочимъ сказано: „Общество дѣйствовало для доброй цѣли и употребляло одни благородныя средства. Правительство, подозрительное, особенно послѣ новѣйшихъ происшествій въ Европѣ, не разбираетъ средствъ, готово всѣмъ пожертвовать, и не удивительно, если откроетъ".

Такимъ образомъ кончилось существованіе Союза Благоденствія. Конечно, большая часть членовъ онаго были обольщены наружностію и вступили, не постигая цѣли; но нѣкоторыхъ изъ нихъ, кажется, никогда не должно упускать изъ виду. Весьма вѣроятно, что они желаютъ лишь освободиться отъ излишняго числа съ малымъ разборомъ навербованныхъ членовъ, коимъ неосторожно открыли все, составить скрытнѣйшее общество и дѣйствовать подъ завѣсою безопаснѣе. [1]

Кажется, что наиболѣе должно быть обращено вниманіе на слѣдующихъ людей:

1) Николая Тургенева, который нимало не скрываетъ своихъ правилъ, гордится названіемъ Якобинца, грезитъ гильотиною и, не имѣя ничего святого, готовъ всѣмъ пожертвовать, въ надеждѣ выиграть все при переворотѣ. Его-то наставленіями и побужденіями многимъ молодымъ людямъ вселенъ пагубный образъ мыслить.

2) Ѳедора Глинку. Слабый человѣкъ сей, которому нѣкоторые успѣхи въ словесности и еще болѣе лесть совершенно вскружили голову, ко-

[1] Изъ послѣдне-собранныхъ свѣдѣній открывается, что предполагаютъ мало-по-малу завести небольшія общества, подъ названіемъ Любителей Цвѣтовъ, Деревьевъ и тому подобныхъ, дабы по малому числу лучше быть прикрыту отъ глазъ полиціи; между тѣмъ главнымъ членамъ руководить ими и имѣть связь, скрывъ оную даже отъ прочихъ участниковъ.

торый помѣшался на томъ, чтобъ быть членомъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ обществъ, втирается во всѣ знатные домы, рыскаетъ ко всѣмъ виднымъ людямъ, заводитъ связи, гдѣ только можно; для приданія себѣ важности разсказываетъ каждому за тайну, что узналъ по должности или по слабости начальника; посѣщаетъ всѣ открываемые курсы; посылаетъ во всѣ журналы статьи, изъ коихъ многія не весьма внимательно разсмотрѣны цензурою; и какъ въ разговорахъ, такъ и на письмѣ, кстати и не кстати, прилѣпляетъ политику, которой вовсе не постигаетъ, но блескомъ выраженій и заимствованными мыслями слѣпитъ неопытныхъ.

3) Фонъ-деръ-Бригена, по короткой связи съ Тургеневымъ, пріобрѣтенной совмѣстнымъ ученіемъ въ Нѣмецкихъ университетахъ. Кажется, что связи по женитьбѣ долженствовали бы его нѣсколько образумить.

4) Всѣхъ Муравьевыхъ, недовольныхъ неудачею по службѣ и жадныхъ возвыситься.

5) Фонъ-Визины и Граббе, судя по разсказамъ имѣющихъ съ ними короткія связи и по дѣйствіямъ ихъ въ обществѣ, готовы на все.

6) Михайла Орловъ, кажется, послѣ женитьбы своей, началъ отставать отъ того образа мыслить, которымъ восхищались приверженцы въ его рѣчи Библейскаго Общества, перепискѣ съ Бутурлинымъ и пр.

7) Бурцовъ, при добрыхъ правилахъ и разсудкѣ, болѣе, кажется, вовлеченъ и подъ добрымъ надзоромъ могъ бы еще исправиться.

При судебномъ изслѣдованіи трудно будетъ открыть теперь что-либо о семъ обществѣ: бумаги онаго истреблены, и каждый для спасенія своего станетъ запираться; но правительство легко можетъ удостовѣриться въ истинѣ, поручивши наблюденіе за сими людьми, ихъ связями и пр., и вслѣдствіе того принять на будущее время надлежащія мѣры. Необходимо однакожъ при семъ сказать, что сего наблюденія вовсе не можно поручить настоящему господину С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, который окруженъ людьми, участвующими въ обществѣ или приверженными имъ.

Въ заключеніе должно сказать, что буйныя головы обманулись бы въ безсмысленной надеждѣ на всеобщее содѣйствіе. Исключая столицу, гдѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, много найдется способнаго воспламениться при обольстительныхъ средствахъ; исключая Остъ-Зейскія губерніи, лучшее дворянство которыхъ, получая воспитаніе за границею, мало имѣетъ отечественнаго, утвердительно можно сказать, что внутри Россіи и не мыслятъ о конституціи. Дворянство, по одной уже привязанности къ личнымъ своимъ выгодамъ, никогда не станетъ поддерживать какой-либо переворотъ; о низшихъ же сословіяхъ и говорить нечего: чернь всегда и вездѣ была и будетъ чернью. Если бы нашлись, противъ чаянія, люди, съ добрыми даже правилами, кои, ослѣпляясь скрытнымъ честолюбіемъ и не постигая собственной гибели, стали споспѣшествовать безпокойнымъ затѣйникамъ, то такихъ очень немного. Русскіе столь привыкли къ образу настоящаго правленія, подъ которымъ живутъ спокойно и счастливо и который соотвѣтствуетъ мѣстному положенію, обстоятельствамъ и духу народа, что и мыслить о перемѣнахъ не допустятъ. Отрицать впрочемъ невозможно, что есть зародышъ безпокойнаго духа въ войскахъ, особенно въ гвардіи, прильнувшій, такъ сказать, отъ иноземцевъ во время нахожденія за границею и поддержанный стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ; но войска сами по себѣ ни на что не рѣшатся, а могли бы развѣ по-

служить орудіемъ для другихъ, какъ пагубные новѣйшіе примѣры въ другихъ странахъ доказали. При бдительномъ надзорѣ и кроткихъ, но постоянныхъ мѣрахъ, сіе можетъ быть постепенно отвращено. Между прочимъ, весьма не худо бы казалось, чтобы офицеры, какъ люди, до поступленія еще на службу совершенно приготовившіеся, перестали посѣщать частно преподаваемые курсы, особенно политическихъ наукъ, поверхностное изученіе которыхъ, безъ предварительныхъ прочныхъ основаній и безъ пособія другихъ наукъ, наноситъ величайшій вредъ. Сіе полупознаніе поставляетъ въ такое сомнительное положеніе, въ которомъ воображеніе воспламенено, духъ встревоженъ, а умъ, блуждая во мракѣ безъ руководителя, ищетъ того, чего не видитъ и не постигаетъ, и кончаетъ тѣмъ, что или еще болѣе возрастаетъ сомнѣніе, или же приводитъ на скользкій путь заблужденій.

Приложеніе II.

(къ стр. 276).

Прибавленіе къ № 152 „Сѣверной Пчелы“.

Санктпетербургъ, 22-го Декабря 1830.

Извѣстія о Варшавскомъ мятежѣ и о предварительныхъ причинахъ онаго.

До свѣдѣнія Правительства дошли слѣдующія достовѣрныя подробности о возникшемъ въ Варшавѣ мятежѣ и о предварительныхъ причинахъ онаго.

Введеніе дисциплины въ войскѣ, обузданіе своевольства и заведеніе порядка въ управленіи показались врагамъ общественнаго спокойствія нарушеніемъ правъ, Всемилостивѣйше дарованныхъ Царству Польскому, коихъ соблюденіе и исполненіе поручено было чиновникамъ, избраннымъ изъ среды самихъ Поляковъ, на которыхъ понынѣ не было законной жалобы предъ Престоломъ. Не обращая вниманія на благоденствіе края, возникшее при семъ отеческомъ управленіи, пылкое, неразсудительное юношество увлеклось лжеумствованіями превратныхъ себялюбцевъ, ищущихъ собственныхъ выгодъ въ ниспроверженіи законнаго порядка, и слѣдуя внушенію однихъ страстей, составило, еще въ 1828 году, тайное общество, вопреки обнародованному запрещенію. Подпоручикъ Польскихъ войскъ *Петръ Высоцкій* былъ однимъ изъ первыхъ основателей сего тайнаго общества. Собравъ въ своемъ жилищѣ нѣсколько молодыхъ людей изъ Школы Подпрапорщиковъ, а именно: *Д. Пашкѣвича*, *І. Добровольскаго*, *Карла Кареницкаго*, *Алекс. Ласкаго* и *Осипа Гуровскаго*, *Высоцкій* воспламенилъ неопытные умы лжеумствованіями о политическомъ состояніи Европы, возжегъ въ сердцахъ несбыточныя желанія и надежды, и возбудилъ страсть къ гибельнымъ переворотамъ. Сіе происходило 3/15-го Декабря 1828 года. На другой день *Высоцкій* подговорилъ другихъ Подпрапорщиковъ, уже извѣст-

ныхъ духомъ буйства и превратнымъ образомъ мыслей, какъ-то: *Камилла Мохнатскаго*, *Станислава Понинскаго* и *Северина Цѣховскаго*. Сія горсть безразсудныхъ юношей, неимѣющихъ ни малѣйшаго понятія о состояніи своей страны, о потребностяхъ ея и выгодахъ, толкующихъ превратно всѣ событія въ Европѣ, составила скопище, приведшее нынѣ Польшу на край пропасти и предавшее столицу и провинціи ужасамъ безначалія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ бѣдствій!

Сіи безразсудные юноши, соединенные духомъ буйства и своеволія, зараженные зловредными правилами переворотовъ, стали разсѣвать свое пагубное ученіе, и, къ удивленію, нашли единомышленниковъ между людьми, которые, по званію и по лѣтамъ своимъ, долженствовали бы презрѣть наущенія сихъ ничтожныхъ враговъ порядка, и для общаго блага, обязаны были предать ихъ въ руки правосудія. *Высоцкій* подговорилъ Капитана Гвардейскаго Польскаго гренадерскаго полка *Пашкѣвича* вступить въ тайное общество, и нашелъ въ баталіонѣ Саперовъ легкомысленныхъ, неопытныхъ и несвѣдущихъ офицеровъ, которымъ успѣлъ внушить свои превратныя правила, и вовлечь въ гнусные свои замыслы.—Два офицера сего баталіона, Подпоручикъ *Лаврентій Пржедпельскій* и *Феликсъ Новосѣльскій*, приняли на себя обязанность совратить офицеровъ и рядовыхъ сего баталіона съ пути, указуемаго честью и утверждаемаго присягою.

Члены тайнаго общества, воспламеняя другъ друга на своихъ сходбищахъ, рѣшили ускорить мятежъ, распространеніемъ своихъ клятвопреступныхъ намѣреній между гражданами, и прибѣгнули ко лжи и обманамъ, вступая въ переговоры отъ имени цѣлаго войска. Столь же превратные и безсмысленные граждане отвѣтствовали буйнымъ юношамъ отъ имени цѣлаго народа! Братъ подпрапорщика Гуровскаго, *Адамъ Гуровскій*, увѣрилъ *Высоцкаго*, будто весь народъ раздѣляетъ его образъ мыслей, а Депутатъ на Сеймѣ *Звѣрковскій* утвердилъ его въ семъ ложномъ мнѣніи, и такимъ образомъ обманывая другъ друга, они тѣшили себя лестными, хотя и нелѣпыми надеждами, и увлекали легковѣрныхъ, безнравственныхъ невѣждъ и безпокойныхъ людей въ войскѣ и между гражданами. Трудно сообразить, какимъ образомъ нѣсколько помѣщиковъ, собравшись у *Густава Малаховскаго*, дались въ обманъ, и повѣрили Подпоручику *Высоцкому* и Подпрапорщику *Новосѣльскому*, которые явились на условленное свиданіе вмѣсто множества офицеровъ, какъ было обѣщано при назначеніи сходбища. Однако жъ въ семъ сборищѣ ничего не рѣшено, и только изъявлено желаніе распространять тайное общество.

Негодуя, что остатки благоразумія удерживали гражданъ отъ всякаго покушенія противу законныхъ властей, Капитанъ *Пашкѣвичъ* нашелъ одного изъ помѣщиковъ, котораго самовольно облекъ въ званіе представителя общаго мнѣнія, привелъ его къ Подпоручику *Высоцкому*, и они, въ-троемъ, стали судить о будущей судьбѣ Европы, Россіи и присоединенной къ ней Польши! Послѣ долгихъ споровъ рѣшили они, не начинать ничего до Сейма, котораго ожидали въ Апрѣлѣ 1829 года. Подпоручикъ *Высоцкій* съ трудомъ согласился на сіе рѣшеніе двухъ своихъ товарищей, горя желаніемъ ниспровергнуть порядокъ, существующій въ цѣлой Европѣ! Можно полагать на вѣрное, что многіе изъ помѣщиковъ внутренно смѣялись нелѣпымъ замысламъ изступленнаго Подпоручика, и единственно изъ преступной жалости не объявили о томъ Правительству.

Въ числѣ именъ гражданъ, которыя сливаются съ именами сихъ

ничтожныхъ основателей тайнаго общества въ Школѣ Подпрапорщиковъ, находится, къ сожалѣнію, прозваніе одного только человѣка, пользовавшагося уваженіемъ. Но и сей восьмидесятилѣтній старецъ, извѣстный *Нѣмцевичъ*, пріобыкшій льститься мечтами, хотя выслушалъ изліяніе преступныхъ чувствъ, но не совѣтовалъ предпринимать никакихъ средствъ къ сопротивленію законной власти. Воспламененные юноши приняли незаслуженную ими привѣтливость старца за согласіе, и стали разглашать о его содѣйствіи. Нельзя однако же не порицать излишней снисходительности сего старца къ сумасбродамъ, и трудно вѣрить, чтобъ человѣкъ съ просвѣщеннымъ и опытнымъ умомъ могъ одобрить замыслы, имѣющіе въ предметѣ измѣну, клятвопреступленіе, неповиновеніе, а слѣдствіемъ кровопролитія, грабежи и замѣшательство въ цѣлой странѣ.

Правда, что въ числѣ помѣщиковъ и военныхъ нашлись люди, которые охотно слушали членовъ тайнаго общества, и раздѣляли съ ними ихъ образъ мыслей; но весьма немногіе соглашались на приведеніе въ дѣйство ихъ злодѣйскихъ замысловъ.

Вѣсть о коронованіи Государя Императора на Царство, долженствовавшая исполнить сердца Поляковъ радостію, возбудила въ заговорщикахъ преступную ревность къ измѣнѣ. Присоединившійся къ нимъ Гвардіи Поручикъ *Урбанскій* сдѣлался самымъ пламеннымъ поборникомъ вѣроломства, и болѣе всѣхъ способствовалъ къ распространенію заговора. Множество помѣщиковъ съѣхались въ Варшаву, чтобъ быть свидѣтелями священнаго обряда коронаціи и насладиться лицезрѣніемъ Великодушнаго монарха, исполняющаго завѣтъ своего Предшественника. Заговорщики, напротивъ того, пользовались симъ временемъ и многолюдствомъ, чтобъ разсѣвать свои гнусныя правила и привлекать къ измѣнѣ. Всегда принимая на себя званіе уполномоченныхъ представителей войска, и говоря отъ его имени, они посѣщали многихъ изъ Депутатовъ на Сеймѣ и другихъ значительныхъ помѣщиковъ, стараясь преклонить ихъ на свою сторону страхомъ, лестью и убѣжденіемъ. Помѣщики и Депутаты, желая избавиться отъ ихъ привязчивости, и можетъ быть, опасаясь подвергнуться мести войска, представляемаго заговорщиками въ другомъ видѣ, отвѣчали одно: *еще не время*. Только двое изъ Депутатовъ, *Тржсцинскій* и *Звѣрковскій*, пристали къ заговору, и совѣтовали оружіемъ подкрѣпить нелѣпыя требованія и противузаконныя дѣянія на будущемъ Сеймѣ. Но торжество Россіи въ послѣднюю Турецкую войну устрашило дерзкихъ, и удержало исполненіе ихъ замысловъ.

Переворотъ во Франціи, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1830 года, оживилъ преступныя надежды заговорщиковъ, придалъ ихъ дѣйствіямъ болѣе смѣлости, и присоединилъ къ нимъ толпу безпокойныхъ, дерзкихъ людей и нѣсколько легкомысленныхъ мечтателей. Они усугубили свои старанія, чтобъ совратить съ истиннаго пути какъ можно болѣе военнослужащихъ. Войско стояло тогда лагеремъ подъ Варшавою, и посему заговорщики болѣе имѣли удобности видѣться съ офицерами, испытывать ихъ образъ мыслей, и внушать имъ свои правила. Но надежда ихъ обманула, и они не успѣли учредить въ войскѣ тайнаго общества, хотя и привлекли къ себѣ нѣсколько молодыхъ, легкомысленныхъ офицеровъ, студентовъ Варшавскаго Университета и малое число гражданъ, по большей части людей праздныхъ, въ числѣ коихъ нѣтъ ни одного извѣстнаго человѣка. Имена сихъ новыхъ членовъ тайнаго общества суть, *Осипъ Болеславъ Островскій*, *Маврикій Мох-*

нацскій, *Ксаверій Брониковскій*, *Лудовикъ Набѣлякъ*, *Жуковскій*, *М. Дембинскій*, *С. Гощинскій*, *Анастасій Дунинъ*, помѣщикъ Волынской губерніи, *В. Карманскій* и *Францискъ Гржимала*. Заговорщики раздѣлили между собою войско и городъ, и каждый сталъ дѣйствовать въ своемъ кругу, отыскивая людей, способныхъ къ забвенію своего долга, и готовыхъ на всякія неистовства, для угожденія страстямъ своимъ и мечтаніямъ.

Въ половинѣ и концѣ Сентября сего года, въ Варшавѣ распространились вѣсти о предстоящемъ мятежѣ. Злоумышленники подбрасывали возмутительныя воззванія, угрозы и безъименныя письма. Правительство обратило вниманіе на сіи безпорядки, взяло подъ стражу нѣсколько изъ самыхъ дерзкихъ возмутителей, но не преслѣдовало подозрительныхъ, мѣрами кротости опровергая несправедливыя жалобы злонамѣренныхъ на угнетеніе. Но уже честь замерла въ ожесточенныхъ сердцахъ, и они не чувствовали благодѣяній! Страхъ быть открытыми, надежда возвыситься изъ ничтожества, обогатиться грабежомъ, жажда мщенія и другія преступныя чувствованія и желанія заставляли заговорщиковъ ускорить предпринимаемый мятежъ; но, не имѣя начальника, который былъ бы извѣстенъ въ народѣ умомъ, трудами на пользу общую или заслугами, они не надѣялись увлечь многихъ за собою. Въ семъ недоумѣніи они прибѣгнули къ *Іоакиму Лелевелю*, бывшему Профессору Исторіи въ Виленскомъ Университетѣ, а потомъ Депутатомъ на Сеймѣ Варшавскомъ, извѣстному историческими сочиненіями и изысканіями. Это одинъ только человѣкъ между заговорщиками, который извѣстенъ былъ публикѣ до исполненія гнуснаго замысла. Именемъ *Лелевеля* вовлечено въ преступленіе неопытное юношество, обучающееся въ Варшавскомъ Университетѣ, *Высоцкій* съ *Брониковскимъ* и нѣсколькими изъ своихъ соумышленниковъ, явились къ *Лелевелю* въ публичной библіотекѣ, и обратясь къ нему съ напыщенною рѣчью, наполненною льстивыхъ и хвастливыхъ выраженій, увлекли мечтателя къ содѣйствію своимъ замысламъ. *Лелевель* сдѣлался душою заговора, и назначилъ день къ мятежу, Воскресенье 16/28 Ноября.

Заговорщики присвоили себѣ званіе преставителей войска и народа, и послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, положили въ своемъ скопищѣ начать мятежъ 17/29 Ноября, по слѣдующему плану: 1-е, овладѣть особою Цесаревича; 2-е, принудить Россійскую кавалерію отдать оружіе; 3-е, овладѣть арсеналомъ и раздать оружіе черни; 4-е, обезоружить полки Россійской Императорской Гвардіи Литовскій и Волынскій. Цѣлью всѣхъ преступныхъ дѣйствій было разрушить благодѣтельное Правленіе, дарованное Польшѣ Императоромъ Александромъ и утвержденное Императоромъ Николаемъ, и учредить другое, порожденное мечтами, въ которомъ бы сами заговорщики заняли значительнѣйшія мѣста!

Исполненіе сего злодѣйскаго замысла совершенно согласовалось съ гнусною цѣлью и превратнымъ характеромъ злоумышленниковъ. То, что должно было кончиться убійствами и грабежомъ, началось пожаромъ. 17/29 Ноября, въ 6 часовъ вечера, поданъ былъ сигналъ къ мятежу зажженіемъ пивоварни, на улицѣ Шульцъ, по близости казармъ Россійской кавалеріи. Въ сію минуту отряды Польскихъ войскъ, подговоренные заговорщиками къ измѣнѣ, выступили изъ казармъ на условленныя мѣста, а шайка самыхъ отчаянныхъ злодѣевъ бросилась во дворецъ Бельведеръ, гдѣ находился тогда Его Высочество Цесаревичъ. Имена сихъ гнусныхъ измѣнниковъ, дерзнувшихъ посягнуть на Особу Брата своего Государя и Бла-

годѣтеля, должны быть извѣстны, для преданія ихъ во всеобщее омерзѣніе. Начальствовали вооруженною толпою студентовъ, Подпрапорщиковъ и разныхъ гражданскихъ лицъ, два Подпрапорщика Школы: *Тржасковскій* и *Кобылянскій;* шайку составляли: *Лудовикъ Набѣлякъ*, *Северинъ Гощинскій*, *Карлъ Пашкѣвичъ*, *Станиславъ Понинскій*, *Зенонъ Нѣмоевскій*, *Лудовикъ Орпишевскій*, *Рохусъ* и *Никодимъ* братья *Рупнѣвскіе*, *Валентинъ Насіоровскій*, *Эдуардъ Тржсцинскій*, *Лудовикъ Янковскій*, *Леонардъ Ретель*, *Антонъ Косинскій*, *Александръ Свѣнтославскій*, *Валентинъ Кроснѣвскій* и *Ротермундъ*.

Въ то время, когда злодѣи бросились въ Бельведеръ, *Высоцкій*, въ сообществѣ съ Поручикомъ *Шлегелемъ* (доставившимъ Подпрапорщикамъ боевые патроны) и съ отставнымъ Поручикомъ *Іосифомъ Добровольскимъ*, устремился въ Школу Подпрапорщиковъ. Въ это время всѣ Подпрапорщики собраны были въ залѣ, гдѣ преподавался урокъ Тактики. Бѣснующійся *Высоцкій* возопилъ къ юношамъ, чтобъ они поспѣшили на помощь соотечественникамъ, которыхъ рѣжутъ Русскіе. Другой заговорщикъ кричалъ за воротами: *къ ружью!* и неопытные юноши, отчасти увлекаясь жалостью, отчасти воспламененные рѣчами *Высоцкаго*, схватили ружья и подчинились ему.

Всѣхъ Подпрапорщиковъ было болѣе ста шестидесяти человѣкъ. Они бросились сперва на Лейб-гвардіи Уланскій Его Высочества Цесаревича полкъ, напали на казармы онаго, смежныя съ строеніемъ, въ коемъ помѣщалась ихъ Школа, и произвели тревогу, но вскорѣ обращены были въ бѣгство. Избѣгнувъ на пути въ городъ пораженія отъ Лейб-гвардіи Подольскаго Кирасирскаго полка въ стѣнахъ Радзивиловскихъ казармъ, толпа Подпрапорщиковъ успѣла войти въ городъ, гдѣ злоумышленики уже имѣли время взволновать чернь. Возмущеніемъ черни управлялъ *Ксаверій Брониковскій*, а подъ его начальствомъ *Анастасій Дунинъ*, *Владиміръ Корманьскій*, *Лудовикъ Жуковскій*, *Маврикій Мохнацкій Михаилъ Дембинскій*, *Іосифъ Козловскій* и другіе.—Большая часть 4-го пѣхотнаго полка первая презрѣла долгъ чести и присяги, и вспомоществуемая чернью, овладѣла арсеналомъ. Къ мятежникамъ присталъ Саперный батальонъ, убивъ нѣсколько вѣрныхъ долгу офицеровъ своихъ, также часть Польскаго Гвардейскаго гренадерскаго полка и вся Польская Гвардейская Конная баттарея. Тогда начались неистовства, какихъ не было ни въ Парижѣ, ни въ Брисселѣ, по сознанію самихъ Польскихъ Газетъ! Разъяренная чернь и развращенные солдаты, предавшись пьянству и грабежу, безчеловѣчно умерщвляли безвинныхъ, которыхъ предавала имъ частная месть заговорщиковъ. Кровь лилась рѣкою на Варшавскихъ улицахъ, и убійства продолжались цѣлую ночь. Большая часть солдатъ Польскихъ полковъ присоединились къ мятежникамъ, предводительствуемые молодыми офицерами. Говорятъ, что ни одинъ значительный человѣкъ не участвовалъ въ мятежѣ, что не видно было между мятежниками ни одного Генерала и Полковника, ни даже Капитана, и что роты выведены молодыми Поручиками и Подпоручиками. Начальники Польскаго войска, старавшіеся удержать своихъ подчиненныхъ въ предѣлахъ долга, чести и присяги, погибли отъ рукъ убійцъ, а другіе были взяты подъ стражу или удалены возмутившимися солдатами.

Въ сихъ смятеніяхъ убиты Польскіе Генералы: *Графъ Гауке*, *Графъ Потоцкій*, *Трембицкій*, *Сементковскій*, *Блюмеръ* и *Новицкій*, Полковникъ *Мецижевскій* и Русскій Полковникъ *Зассъ*. Многіе Русскіе Генералы и офицеры, неуспѣвшіе соединиться съ своими полками и отрядами, задержаны въ плѣну мятежниками.

Провидѣніе спасло Цесаревича. Злодѣи, ворвавшись въ самые внутренніе покои Его Императорскаго Высочества, переранили многихъ служителей, умертвили Генералъ-Лейтенанта *Жандра* и нанесли тринадцать ранъ штыками Вице-Президенту Варшавской Полиціи *Любовицкому*. Посреди сихъ неистовствъ Цесаревичу представилась возможность скрыться отъ поисковъ убійцъ, кои, не найдя Его, бѣжали. Его Императорское Высочество повелѣлъ тогда Русскимъ войскамъ и оставшимся вѣрными Польскому Гвардейскому Конно-Егерскому полку и большей части Гвардейскихъ гренадеръ, выступивъ за городъ, защищаться отъ нападенія, но самимъ не нападать, чтобъ на дѣлѣ опровергнуть разглашаемую заговорщиками и мятежниками вѣсть, будто Русскіе предаютъ смерти жителей столицы.—Мятежники, въ превышающемъ числѣ, неоднократно нападали на Русскія войска и на Польскія, оставшіяся вѣрными, но всегда были отражаемы и обращались въ бѣгство. Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, остановленный въ своемъ движеніи 4-мъ пѣхотнымъ полкомъ, мужественно отразилъ всѣ его нападенія, и потерявъ около 30 человѣкъ убитыми и ранеными, достигъ назначеннаго ему пункта.—Упоминая о злодѣйствахъ, должно упомянуть и о примѣрахъ отличной вѣрности и истинной военной доблести. На Саксонской площади, въ караулѣ стоялъ 4-го же полка Подпоручикъ *Горѣцкій*; сей истинно примѣрный офицеръ, окруженный измѣною и неистовствами всякаго рода, отразилъ съ карауломъ своимъ всѣ покушенія злодѣевъ, и наконецъ, бывъ выручёнъ Польскимъ Гвардейскимъ Конно-егерскимъ полкомъ, прибылъ къ Его Высочеству, и тогда, когда всѣ войска Польскія возвратились въ городъ, одинъ съ шестью человѣками остался и нынѣ находится при Его Высочествѣ Цесаревичѣ. Государь Императоръ пожаловать ему изволилъ орденъ Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ.

На другой день ($^{18}/_{30}$ Ноября), кровопролитіе и всякія неистовства не утихали; дикая чернь еще не насытилась кровью и грабежемъ. Городъ былъ въ величайшей опасности; всѣ смиренные жители въ смертельномъ страхѣ ежеминутно ожидали гибели отъ разъяренной черни. Ни какая власть не была признаваема; голосъ зачинщиковъ мятежа управлялъ буйными толпами. Въ семъ отчаянномъ положеніи Правительственный Совѣтъ Царства, не находя въ себѣ довольно силы для прекращенія безпорядка, призвалъ къ себѣ на помощь особъ, пользующихся, по его мнѣнію, общимъ довѣреніемъ, какъ-то: Сенаторовъ *Князя Адама Чарторискаго*, *Князя Михаила Радзивила*, *Михаила Кохановскаго*, *Графа Лудовика Паца*, Секретаря Сената *Юліяна Нѣмцевича* и отставнаго Генерала *Хлопицкаго*. Но въ самое то время образовались мятежныя сходбища изъ самыхъ буйныхъ головъ. Управляя возмутившимся народомъ, они въ совѣщаніяхъ своихъ противились всѣмъ благимъ намѣреніямъ Совѣта, и принудили удалить изъ онаго нѣкоторыхъ Членовъ, засѣдавшихъ въ ономъ прежде, по Высочайшей волѣ Государя Императора. Дерзкіе врывались съ кинжалами въ залу засѣданія, и угрожали неминуемою смертію друзьямъ порядка. *Юліяну Нѣмцевичу* и Генералу *Сѣравскому* Совѣтъ обязанъ своимъ спасеніемъ, а Генералъ *Хлопицкій*, привлекшій на свою сторону часть вооруженныхъ гражданъ, успѣлъ водворить наружное спокойствіе въ Варшавѣ. Здѣсь кончилось существованіе Правительственнаго Совѣта, и дано ему новое образованіе. Предсѣдательство въ ономъ принялъ *Князь Адамъ Чарторискій*; исключены всѣ прежніе Члены, наименованные Государемъ Императоромъ,

кромѣ одного *Князя Любецкаго,* и призваны въ оный, между прочими, Депутаты Сейма: бывшій Профессоръ *Лелевель, Островскій* и *Малаховскій.*— Главное начальство надъ войскомъ и всею вооруженною силою поручено было Генералу *Хлопицкому.* Сей Генералъ рѣшился на сіе и принялъ команду, но не иначе, какъ отъ имени Россійскаго Императора Царя Польскаго. Онъ успѣлъ нѣсколько усмирить войско, но видя, что злобные зачинщики мятежа старались противоборствовать всѣмъ его дѣйствіямъ, принялъ на себя званіе Диктатора, разогналъ буйныя скопища развратныхъ заговорщиковъ, наказавъ смертію нѣсколько изъ оныхъ, и временно водворилъ спокойствіе.

20 Ноября (2 Декабря) депутація Правительственнаго Совѣта (состоявшая изъ *Князя Чарторискаго, Князя Любецкаго, Островскаго* и *Лелевеля*) явилась къ Его Императорскому Высочеству (находившемуся съ Россійскими и вѣрными Польскими войсками въ Виржбахъ, въ трехъ верстахъ отъ Варшавы), и представивъ совершенное безсиліе Совѣта, просила Цесаревича отпустить въ Варшаву находящіеся при Немъ Польскіе полки, для охраненія общественнаго порядка, только по наружности возстановленнаго строгими мѣрами Генерала *Хлопицкаго,* и успокоить умы въ Варшавѣ объявленіемъ, что противъ оной не будетъ предпринято ни какихъ насильственныхъ мѣръ. Его Императорское Высочество, для избѣжанія безполезнаго, по малочисленности его войскъ, кровопролитія, рѣшился съ Россійскими войсками удалиться въ предѣлы Россійской Имперіи, а Польскимъ, начинавшимъ раздѣлять общее волненіе, позволилъ возвратиться въ Варшаву. Начальники сихъ войскъ, Польскіе Генералъ-Адъютанты Его Величества *Винцентій Красинскій* и *Курнатовскій,* вступивъ съ оными въ Варшаву, не медля потребовали увольненія отъ службы. Но духъ мятежа и своевольства еще не утихъ, и принялъ другой видъ. Преступники, составившіе заговоръ, и вовлекшіе въ мятежъ часть войска и гражданъ, заставившіе ихъ забыть долгъ и присягу, страшась праведнаго наказанія, внушаютъ войску и народу превратныя свои правила, обольщаютъ легковѣрныхъ нелѣпыми вѣстями и надеждами, стращаютъ всѣхъ местью Россіянъ, призываютъ къ оружію и защитѣ, чтобъ за толпами ослѣпленныхъ самимъ укрыться отъ заслуженнаго наказанія. Зная всю тяжесть своего преступленія и не надѣясь избѣгнуть кары, заговорщики, зачинщики мятежа, стараются увлечь съ собою цѣлый народъ.

Вскорѣ Сеймъ, вопреки всѣмъ постановленіямъ, самъ собою собрался, и признавъ Генерала Хлопицкаго Диктаторомъ съ самою неограниченною властію, самъ собою же заключилъ свое собраніе. Симъ кончаются послѣднія, официіальныя извѣстія, Правительствомъ полученныя.

Приложеніе III.
(къ стр. 276).

Прибавленіе къ № 17 „Сѣверной Пчелы“ отъ 22 Января 1831 г.

Санктпетербургъ, 22 Января 1831 г.

Главнокомандующій Дѣйствующею Арміею, генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, издалъ двѣ слѣдующія прокламаціи.

I.

Воины Польскіе! Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, посреди браней, возженныхъ исполинскими предпріятіями знаменитаго завоевателя, судьбины вашего отечества были захвачены всеобщимъ пожаромъ. Къ его звѣздѣ привязывала васъ надежда на мнимое возстановленіе вашей страны, надежда часто возобновляемая, но всегда обманчивая. Вѣрные въ самомъ злополучіи, вы на лживыя обѣщанія отвѣтствовали жертвою вашей крови, и нѣтъ такого отдаленнаго края, который бы не былъ орошенъ ею въ пользу выгодъ, чуждыхъ участи вашего отечества.

Наконецъ участь сія была рѣшена въ эпоху ознаменованную великими событіями.

При окончаніи борьбы, вѣчно незабвенной, во время коей Россія зрѣла васъ въ рядахъ своихъ враговъ, безсмертной памяти Императоръ Александръ, слѣдуя единственно порыву возвышеннаго сердца, къ столькимъ знаменитымъ подвигамъ своимъ восхотѣлъ еще присовокупить славу быть вашимъ возстановителемъ. Польша опять пріобрѣла свое имя, Польское войско получило новое существованіе. Всѣ основы счастія, спокойствія, благосостоянія соединились, какъ бы по нѣкоему волшебству, и пятнадцать лѣтъ постепеннаго развитія свидѣтельствуютъ нынѣ о великости благодѣяній, коими край вашъ обязанъ отеческой попечительности Монарха, возстановившаго оный, равно какъ и постоянной заботливости Государя, столь великодушно продолжавшаго сіе предпріятіе Императора Александра.

Воины Польскіе! Его Величество Государь Императоръ и Царь полагается на вашу признательную вѣрность. Еще недавно отдавалъ Онъ справедливость вашему усердію и вашей приверженности. Примѣрное поведеніе всѣхъ Польскихъ офицеровъ безъ изъятія, раздѣлявшихъ съ нашими войсками труды и славу Турецкой войны, заслужило Его высокое благоволеніе. Мы всѣ радовались сему братскому соратничеству, которое сопрягало новыми узами Русское и Польское воинство. — Прекраснѣйшія упованія взаимныхъ выгодъ присоединялись къ сей мысли, основанной на благороднѣйшемъ и святѣйшемъ чувствѣ военной чести.

Сіи упованіи опровергнуты нынѣ жестокимъ образомъ. Горсть молодыхъ людей, никогда не вѣдовавшихъ благородныхъ опасностей боя, молодые офицеры, почти вовсе не служившіе новобранцы, наконецъ поколебали вѣрность храбрыхъ, сіи послѣдніе видѣли передъ своими рядами совершеніе величайшаго изъ преступленій, умерщвленіе своихъ вождей; они не воспротивились мятежу противъ законнаго Государя.

По какому гибельному ослѣпленію, по какой малодушной снисходительности старые воины могли допустить исполненіе величайшаго злодѣянія, и пріобщиться къ шайкамъ кровожаднымъ?

Возможно ли, чтобъ мысль услужить отечеству была, хотя на единый мигъ извиненіемъ подобнаго поступка?

Но вопросите свое отечество—оно здѣсь; оно вамъ скажетъ, что съ давнихъ лѣтъ не наслаждалось оно такимъ благополучіемъ, какъ нынѣ; отечество ваше пріобрѣло многое; оно могло ожидать всего отъ своей вѣрности, отъ сохраненія учрежденнаго порядка, оно подвергаетъ опасности все, замышляя неравную борьбу, возмущаясь противъ Государя, котораго могущественный и рѣшительный характеръ вамъ извѣстенъ; ополчаясь на Державу, которая не была никогда безнаказанно вызываема.

Воины Польскіе! Мятежъ хочетъ напечатлѣть на вашемъ челѣ пятно безчестія; старайтесь избѣгнуть сего поношенія. Исторія скажетъ, что увлекаясь надеждой принести пользу отечеству, вы были вѣрны и преданы тому, кто обѣщалъ вамъ все, и ничего не исполнилъ. Ужели обязана она будетъ сказать также, что платя неблагодарностію и вѣроломствомъ Монарху, великодушно даровавшему вамъ все, чего вы не въ правѣ были ожидать, вы навлекли новыя бѣдствія на ваше отечество и на васъ самихъ позоръ неизгладимый!

Если бы существовали какія-либо причины къ жалобамъ, въ такомъ случаѣ вы должны были, храня довѣріе къ правосудію нашего Августѣйшаго Монарха, представить къ нему ваши жалобы законнымъ порядкомъ, съ тою откровенностью, которая выражаетъ истинныхъ воиновъ.

Я также говорю съ вами откровеннымъ языкомъ солдата.

Воины Польскіе! Иного языка я не знаю. Вѣрный повелѣніямъ моего Государя, я по волѣ Его повторяю вамъ снова то, что милосердіе Его объявило вамъ въ воззваніи отъ 5/17 Декабря.

Нашъ Августѣйшій Монархъ видѣлъ съ живымъ удовольствіемъ вѣрность храбрыхъ Гвардейскихъ конно-егерей, большей части Гвардейскихъ Гренадеровъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Онъ увѣренъ, что знатнѣйшая часть войска имѣла желаніе остаться вѣрною присягѣ, и что многіе предались только минутному увлеченію. Да поспѣшатъ тѣ и другіе исполнить Высочайшія повелѣнія въ воззваніи изложенныя.

Но если непредвидѣнныя обстоятельства не дозволятъ вамъ слѣдовать означенному направленію, по крайней мѣрѣ при появленіи вѣрной рати нашего общаго Государя, вспомните свой долгъ и свою присягу.—Войска подъ начальствомъ моимъ состоящія, вступаютъ въ Царство Польское не такъ, какъ войска непріятельскія: имъ дано благородное назначеніе внести туда порядокъ, возстановить законъ! Они примутъ, какъ братій, всѣхъ тѣхъ военныхъ или гражданскихъ, кои возвратятся къ долгу; но въ то же время, они будутъ умѣть съ мужествомъ и постоянствомъ, которыми они во всякомъ случаѣ отличались, уничтожить сопротивленіе людей злонамѣренныхъ, попирающихъ и святость клятвъ уставы чести, и жертвующихъ драгоцѣннѣйшими выгодами отечества честолюбивымъ и преступнымъ видамъ.

Къ вамъ особенно, коихъ я привыкъ считать достойными сослуживцами, генералы и полковники Польской арміи, къ вамъ взываю я съ довѣренностью! Оставьте минутное заблужденіе, которымъ вы могли себя ласкать, будто бы присоединясь къ мятежникамъ, вы успѣете овладѣть

ими и услужить отечеству, не измѣняя данной присягѣ. Опытность должна нынѣ убѣдить васъ въ противномъ. Возвратитесь къ долгу вѣрности, и симъ поступкомъ вы будете способствовать благоденствiю отечества. Милосердiе нашего Августѣйшаго Монарха вамъ извѣстно; возвратитесь же къ Нему! Помыслите о той необъятной отвѣтственности, которую навлечетъ на васъ преступное упорство. Соединитесь съ нами, вашими ратными сослуживцами; покажите, что вы еще вожди тѣхъ войскъ, которыя ввѣрены были Государемъ вашей чести. Повторяю вамъ, вы будете приняты какъ братья, васъ ожидаетъ забвенiе прошедшаго. Войска, мною начальствуемыя, выполнятъ съ точностью намѣренiя великодушнаго Монарха, и благодарность успокоеннаго отечества будетъ сладостною наградою вашего возвращенiя къ народу.

Но если между вами находятся люди, закоснѣлые въ преступленiи, кои не могутъ ввѣриться великодушiю, ибо не постигаютъ благороднаго чувства, внушающаго оное, тогда мы прерываемъ съ вами всѣ связи высшаго братства, и всемогущая десница Бога, покровительствующаго правому дѣлу, обратитъ на главу ихъ кару, которой достойны ихъ злодѣянiя.

Подписано: *Генералъ-Фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскiй.*

II.

Жители Царства Польскаго! Его Величество Государь Императоръ и Царь, нашъ Августѣйшiй Монархъ, поручилъ мнѣ начальство надъ войсками, предназначенными для прекращенiя прискорбныхъ смутовъ, тревожащихъ Царство Польское.

Изъ воззванiя къ вамъ Его Императорскаго и Царскаго Величества, вамъ уже извѣстно, что Государь въ великодушiи своемъ хочетъ постановить различiе между вѣрными подданными сохраняющими данную присягу, и преступными зачинщиками мятежа, жертвующими гнусному честолюбiю благосостоянiемъ спокойнаго и счастливаго народа. Кромѣ сего Ему угодно распространить свое милосердiе даже на тѣхъ несчастныхъ, коихъ сдѣлали сообщниками преступленiя малодушiе или боязнь. Жители Царства Польскаго! Внемлите гласу вашего Монарха, вашего Отца, Преемника вашего Высокаго Возстановителя, который подобно Ему, постоянно желалъ вашего благополучiя. Самый преступникъ довѣрчиво прибѣгнувъ къ Его великодушiю, испытаетъ благотворное дѣйствiе онаго. Праведное наказанiе, закономъ опредѣленное, постигнетъ только тѣхъ, коихъ руки запятнаны кровiю, и тѣхъ, можетъ быть, еще виновнѣйшихъ, кои возбуждали къ сему страшному преступленiю.

Вступая въ Царство Польское съ войсками, подъ моимъ начальствомъ состоящими, считаю обязанностью извѣстить васъ, съ моей стороны, какiя правила будутъ служить мнѣ руководствомъ. Вѣрный солдатъ, ревностный исполнитель воли моего Государя, я никогда отъ нихъ не уклонюсь.

1) Мирные жители, которые примутъ насъ, какъ друзей и братiй, обрѣтутъ во ввѣренныхъ мнѣ войскахъ тѣ же чувствованiя и испытаютъ дѣйствiе взаимной прiязни. Солдаты будутъ платить исправно за все то, что для нихъ будетъ поставляемо: и если бы обстоятельства требовали, чтобы войска были довольствуемы отъ жителей, и если бы наконецъ

необходимость заставила прибѣгнуть къ реквизиціонному сбору (что будетъ всячески избѣгаемо), въ такомъ случаѣ жителямъ будутъ выдаваемы печатныя квитанціи, кои будутъ принимаемы казначействами Царства Польскаго, въ счетъ податей, наравнѣ съ наличными деньгами. Цѣны на всякія припасы будутъ опредѣлены сообразно съ цѣнами, законнымъ образомъ утвержденными въ разныхъ повѣтахъ.

2) При приближеніи Россійскихъ войскъ жители городовъ и селъ, вооруженные по приказанію Правительства, незаконно основаннаго, сдадутъ всякое оружіе мѣстнымъ властямъ, если бы сіи послѣдніи возвратились къ истинному долгу. Въ противномъ случаѣ они обязаны сложить съ себя оружіе, коль скоро узнаютъ о прибытіи войскъ Его Императорскаго и Царскаго Величества.

3) Всякій обитатель, который, нарушая долгъ вѣрности своему Государю, останется непреклоннымъ мятежникомъ и будетъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, подвергнется всей строгости законовъ. Тѣ, кои станутъ защищаться отъ нашихъ войскъ, преданы будутъ военному суду. На города и села, кои станутъ сопротивляться войскамъ Его Императорскаго и Царскаго Величества, наложена будетъ чрезвычайная контрибуція, болѣе или менѣе значительная, смотря по степени ихъ сопротивленія; и сію контрибуцію понесутъ преимущественно тѣ, кои примутъ участіе въ преступной защитѣ, либо вооружаясь сами, либо возбуждая другихъ къ сему преступленію.

Въ случаѣ новаго поползновенія или бунта позади арміи, возмутившіяся мѣста будутъ преданы всей строгости военныхъ законовъ. Главные зачинщики будутъ наказаны смертію, другіе изгнаніемъ. Но и тутъ, какъ всегда, люди непринимавшіе участія въ преступленіи, будутъ охранены и вознаграждены по возможности.

4) Во избѣжаніе подобныхъ несчастій я приглашаю всѣ гражданскія начальства и военныхъ людей, пребывающихъ въ городахъ и селахъ, высылать немедленно при приближеніи Россійскихъ войскъ депутатовъ, для встрѣчи начальниковъ оныхъ. Такія депутаціи должны выносить съ собою въ знакъ повиновенія законному Государю бѣлое знамя. Онѣ должны объявлять, что жители предаютъ себя милосердію Его Императорскаго и Царскаго Величества, и что оружіе сложено въ извѣстномъ мѣстѣ. Военные Россійскіе начальники немедленно примутъ нужныя мѣры безопасности. Они сохранятъ гражданскія начальства, существовавшія до возмущенія, и власти, послѣ назначенныя, если таковыя дѣятельно въ ономъ не участвовали. Осѣдлая стража ветерановъ, коль скоро она не представитъ никакого сопротивленія, и не подавала прежде явнаго знака измѣны противъ законнаго Государя, также будетъ сохранена. Всѣ сіи власти, какъ военныя, такъ и гражданскія, обязаны будутъ возобновлять присягу въ вѣрности.

По волѣ Его Императорскаго и Царскаго Величества, прощеніе и забвеніе будутъ пожалованы всѣмъ тѣмъ, кои съ первой минуты изъявятъ свою покорность и выполнятъ вышеизъясненныя условія.

5) Россійскіе начальники, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ не будетъ оставленъ Русскій гарнизонъ, учредятъ, смотря по обстоятельствамъ, градскую или волостную стражу, составленную изъ ветерановъ и почетнѣйшихъ жителей, извѣстныхъ своею вѣрностію. Таковой стражѣ будутъ поручены внутренняя полиція и сохраненіе тишины и порядка.

6) Образованіе управленія Воеводствъ, Повѣтовъ и волостей останется въ томъ же видѣ, какъ сіе было до возмущенія, равно какъ и подати, и всякія повинности. Чиновныя лица будутъ сохранены, коль скоро выполнятъ условія, изложенныя въ 4-мъ пунктѣ. Въ противномъ случаѣ будутъ опредѣлены новыя начальства, по выбору корпусныхъ командировъ арміи. Выборъ сей будетъ произведенъ предпочтительно между лицами, которыя соединяя съ потребными способностями возвышенную нравственность, доказали свою вѣрность законному Государю. Изъ онаго будутъ исключены всѣ тѣ, кои, какимъ бы то ни было способомъ, замѣшаны въ возмущеніи, равно какъ и тѣ, кои не перестанутъ сопротивляться законному порядку по вступленіи Россійскихъ войскъ въ Царство Польское.

7) Владѣльцы деревень и домовъ, кои спокойно останутся въ своихъ жительствахъ и покорятся вышеизъясненнымъ условіямъ, будутъ ограждены во всѣхъ своихъ правахъ, какъ мѣстными начальствами такъ и Россійскими войсками.

Напротивъ того, секвестръ будетъ наложенъ на имѣнія всѣхъ лицъ, кои останутся въ рядахъ мятежницкихъ войскъ, или не перестанутъ исправлять должности, полученныя ими отъ незаконного Правительства; равно какъ и тѣхъ, кои явнымъ образомъ дѣйствовали въ возмущеніи.

Жители Царства Польскаго! таковы суть правила, кои будутъ служить руководствомъ арміи, подчиненной моему начальству высокимъ довѣріемъ Его Императорскаго и Царскаго Величества. Вамъ предстоитъ выборъ между благами, которыя обѣщаетъ вамъ и нынѣ совершенная покорность волѣ нашего Августѣйшаго Монарха, и бѣдствіями, которыя повлечетъ за собою сопротивленіе безъ цѣли и упованія.

Радуюсь, что мнѣ поручено сдѣлать извѣстными сіи опредѣленія, внушенныя благородными и великодушными намѣреніями Государя Императора и Царя. Я буду умѣть свято выполнить оныя, но въ то же время я буду умѣть съ праведною и непреклонною строгостью карать преступное упорство.

Подписано: *Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Дибичъ-Забалканскій.*

Приложеніе IV.

(къ стр. 441).

Два отвѣта Надеждина Чаадаеву.

I.

Такъ названное „Философическое письмо“, помѣщенное въ 15 книжкѣ *Телескопа* за нынѣшній годъ, возбудило самое сильное и самое естественное негодованіе. Отрицая съ какимъ-то дикимъ ожесточеніемъ все наше *прошедшее*, говоря, что у насъ *нѣтъ преданій, нѣтъ воспоминаній*, словомъ, нѣтъ *исторіи*, что мы *народъ исключительный*, что мы *явились въ міръ безъ наслѣд-*

ства, безъ связи съ другими людьми, что *мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами, не принимали участія въ ходѣ и движеніяхъ европейскаго просвѣщенія*, это письмо возмутило, оскорбило, привело въ содроганіе народную нашу гордость. Какъ? Мы русскіе никогда не жили, ничего не сдѣлали, ничѣмъ не наполнили исторіи? Этотъ дивный великій народъ, который даровалъ свое имя седьмой части земного шара, который за тысячу лѣтъ озарился божественнымъ свѣтомъ христіанской вѣры, начала всякаго просвѣщенія, и разлилъ ея благодатные лучи на безмѣрномъ, ужасающемъ мысль пространствѣ, отъ подошвы Карпата до хребтовъ Алтая; народъ, который въ одно столѣтіе успѣлъ присвоить себѣ все, что есть лучшаго въ европейской образованности, созданной рядами столѣтій, который въ одинъ годъ, прошедши Европу изъ края въ край съ мечемъ побѣды и оливною вѣтвью мира, начерталъ себѣ такую блистательную страницу во всемірной исторіи человѣчества, какой не можетъ представить ни одинъ изъ древнихъ и новыхъ народовъ свѣта: этотъ-то народъ поставить на самой крайней степени ничтожества? Такое дикое ослѣпленіе мало назвать просто заблужденіемъ: это бредъ, горячка, безуміе! И этимъ безуміемъ оскорбляется сколько здравый смыслъ, видя въ немъ совершеннѣйшее противорѣчіе съ дѣйствительностью, столько или еще болѣе народная русская гордость, поруганная такъ обидно, такъ дерзко и еще такъ несправедливо!

Мы *не имѣемъ прошедшаго*, *не имѣемъ исторіи, не имѣемъ преданій и воспоминаній*! Но что значитъ тысяча лѣтъ существованія русскаго имени съ тѣхъ поръ, какъ Рюрикъ положилъ первый камень общественнаго благоустройства на отдаленнѣйшемъ сѣверѣ Европы, съ тѣхъ поръ, какъ Олегъ двинулъ этотъ сѣверъ на югъ и прибилъ щитъ русскій на стѣнахъ гордой столицы древняго міра, съ тѣхъ поръ, какъ равноапостольный Владиміръ добылъ этому сѣверу, еще юному, но уже могучему, и вѣру, и письменность, и искусства, и нравы? Что значатъ эти яркіе проблески героической храбрости, дивнаго мужества, которые, подобно молніямъ, разсѣкаютъ густой мракъ послѣдующихъ временъ и въ именахъ Мономаховъ и Боголюбскихъ, Александровъ и Димитріевъ увѣковѣчиваютъ славу русскаго имени на берегахъ Днѣпра и Клязьмы, Невы и Дона? Что значитъ грозная, но величественная чета Іоанновъ, которые, менѣе чѣмъ въ столѣтіе, собрали обломки колосса, пятьсотъ лѣтъ дробимаго бурями удѣльныхъ междоусобій, двѣсти лѣтъ подавляемаго тяжкимъ порабощеніемъ, и изъ Москвы, оброчнаго городка кочующихъ варваровъ, создали столицу державы, простирающейся до тундръ Сибири, до степей Татаріи? Что значитъ чудесный, безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра 1612 годъ, когда Русь Іоанновъ, осиротѣлая, обезглавленная, потрясенная изъ конца въ конецъ, раздавленная въ самомъ сердцѣ насиліемъ остервенѣлаго врага, вдругъ чувствуетъ въ себѣ исполинское могущество, собираетъ всѣ свои силы, поднимается и сбрасываетъ съ себя чужеземное иго, растаптываетъ въ прахъ своихъ мучителей, и въ полномъ упоеніи своего торжества, въ полномъ сознаніи своего могущества, своихъ силъ, спѣшитъ освятить свои лавры, повергая ихъ къ стопамъ юнаго Михаила, благородной отрасли Владиміровъ и Іоанновъ, благословеннаго корня Петра? Что значатъ, наконецъ, эти два послѣдніе вѣка, прожитые нами подъ благодатнымъ скипетромъ потомковъ Михаила, эти два вѣка непрерывныхъ чудесъ, которыя отдаленнѣйшее потомство сочтетъ баснословною поэмою; эти два вѣка, записанные во всемірную исторію человѣчества пріобщеніемъ къ Европѣ двухъ третей ея и

половины Азіи, основаніемъ новаго Царя-града на пустынныхъ берегахъ Финскаго залива, округленіемъ Европейскаго Востока въ одну великую, твердую и могучую державу, избавленіемъ и умиротвореніемъ Европейскаго Запада, водруженіемъ сѣверныхъ орловъ на стѣнахъ Парижа и на хребтахъ Арарата? Это ли не исторія? Это ли не прошедшее? И какой другой народъ, древній или новый, можетъ представить воспоминанія болѣе сладостныя, преданія болѣе драгоцѣнныя?

Мы *никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами, не принимали участія въ ходѣ и движеніяхъ европейскаго просвѣщенія*! Но въ чемъ состоятъ признаки и плоды того просвѣщенія, которымъ Европа имѣетъ право гордиться, въ которомъ ей можно и должно завидовать, соревновать? Безъ сомнѣнія, въ развитіи наукъ и искусствъ, промышленности и торговли, этихъ главныхъ условій общественнаго совершенства, главныхъ показателей умственной и гражданской образованности народовъ? Но развѣ у насъ нѣтъ наукъ и искусствъ, развѣ наша промышленность и торговля не возрастаютъ, не цвѣтутъ, не подвигаются впередъ исполинскими шагами, ежегодно, ежедневно, ежеминутно? У насъ нѣтъ наукъ! А безпредѣльное пространство нашего отечества покрыто школами, училищами. Каждое сословіе имѣетъ пріютъ, гдѣ можетъ развивать свои умственныя способности, обогащать ихъ полезными свѣдѣніями, изощрять и благородствовать. Каждая отрасль знанія имѣетъ достойныхъ служителей. Каждый умственный подвигъ находитъ поощреніе, награду, считается государственною заслугою, гражданскою добродѣтелью. Число училищъ, число учащихся растетъ не по днямъ, а по часамъ! У насъ нѣтъ искусствъ! А давно ли картина русскаго художника, несмотря на всѣ усилія зависти, получила первую награду, увѣнчана торжественно въ томъ самомъ городѣ, который считается столицею нынѣшней такъ называемой европейской образованности? И не пріѣзжаютъ ли толпами просвѣщеннѣйшіе европейцы любоваться, дивиться нашему Петербургу, этому великолѣпнѣйшему, изящнѣйшему городу не только въ Европѣ, но и во всемъ свѣтѣ? У насъ нѣтъ промышленности! А между тѣмъ богатая, неистощимая наша природа ежедневно разверзаетъ свои нѣдра и даритъ труду новыя сокровища. Хребты Урала и Алтая кипятъ золотомъ; на берегахъ Крыма, у подошвы Кавказа, виноградъ стелется лѣсами, шелковичный червь прядетъ въ изобиліи свои нити, всѣ нѣжныя произведенія юга распложаются, пускаютъ корни и дѣлаются русскими. Мерзлыя тундры Камчатки и раскаленные солончаки киргизскихъ степей засѣваются хлѣбомъ, обращаются въ золотистыя нивы. Русскій путешественникъ на утломъ челнокѣ отважно носится по волнамъ двухъ океановъ, не боясь вѣчныхъ *льдинъ* одного и грозной *тишины* другого, преслѣдуетъ кита въ полярныхъ широтахъ Шпицбергена, добываетъ пушистые мѣха на погасшей грядѣ Алеутскихъ и Курильскихъ волкановъ. Всѣ издѣлія пользы, удобства и роскоши не стыдятся уже носить русскій штемпель, свидѣтельство русскаго происхожденія. Москва съ своими окрестными губерніями, Тулой и Ярославлемъ, Калугой и Владиміромъ, быстро превращается въ одну огромную мануфактуру, въ исполинскій Манчестеръ! У насъ нѣтъ торговли! А нашъ Нижній-Новгородъ ежегодно соединяетъ въ себѣ Европу и Азію, приходящія мѣняться своими трудами и выгодами. Купцы московскіе имѣютъ свои конторы въ Кяхтѣ на границахъ Небесной Имперіи. Американская компанія сосѣдничаетъ съ Соединенными Штатами. Въ Петербургъ и Одессу, въ Ригу и Архангельскъ приходятъ корабли изъ

Александріи и Калькутты, изъ Нью-Іорка и Ріо-Жанейро. И тогда какъ французы и нѣмцы только-что сбираются воспользоваться важнѣйшимъ изобрѣтеніемъ современной промышленности, богатѣйшимъ пособіемъ торговли, желѣзными дорогами, тогда какъ въ этихъ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы едва обдѣлано по десяти, по двадцати верстъ, у насъ зрѣетъ уже исполинскій планъ оковать желѣзомъ болѣе чѣмъ тысячу верстъ разстоянія, связать Петербургъ съ Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ, такъ чтобъ это огромное пространство пожиралось въ двое сутокъ! Какъ же мы не идемъ вмѣстѣ съ другими народами, не принимаемъ участія въ ходѣ и движеніяхъ европейскаго просвѣщенія? Нѣтъ! мы бѣжимъ съ нею взапуски, и, вѣрно, перебѣжимъ скоро, если еще не перебѣжали!

Все это такіе факты, которыхъ отрицать нѣтъ никакой возможности, которыхъ дѣйствительность ясна, какъ солнце. И русскому ли не признать ихъ, не чувствовать, не восхищаться и не гордиться ими, тогда какъ въ самыхъ враждебнѣйшихъ иностранцахъ зависть невольно смиряется предъ истиною, и почтительное благоговѣніе смѣняетъ мѣсто прежняго непріязненнаго презрѣнія! Русскому ли осмѣлиться сказать, что народъ русскій до сихъ поръ *ничѣмъ* не былъ, *ничего* не сдѣлалъ?

Но, братья русскіе, будемъ безпристрастны къ себѣ, будемъ правдивы и искренны! Такъ! мы велики, и величіе наше признается всѣми земными народами. Но мы ли создали себѣ это величіе? Плодъ ли оно нашихъ собственныхъ усилій? Сами ли мы возвысили себя такъ внезапно на такую степень совершенства, что, осматриваясь вокругъ, почти не вѣримъ, почти сомнѣваемся: точно ли все это истина, не обольщаемъ ли мы себя сладкою мечтою? Да! благородно гордиться своимъ величіемъ; но еще благороднѣе признать истинный источникъ, истинное начало этого величія, и повергнуться предъ нимъ во прахъ съ благоговѣйнымъ смиреніемъ, исповѣдуя, что мы сами ничто, что мы все только чрезъ ту могучую власть, которая, самодержавно правя нашими судьбами, вела и ведетъ насъ по всѣмъ путямъ совершенствованія безъ нашего вѣдома, часто даже противъ нашей воли, борясь отечески съ свойственною массамъ неподвижностью.

Мы имѣемъ блистательныя страницы исторіи. Но развѣ это исторія наша? Развѣ это исторія русскаго народа? Нѣтъ! это исторія государства Русскаго, это исторія царей русскихъ! Развернемъ наши лѣтописи. За тысячу лѣтъ на берегахъ Ильменя полагается первый камень нашей исторіи. „Земля наша велика и богата“, говорятъ послы новогородскіе князю варяжскому: „но нѣтъ въ ней порядка; приди править нами!“ И на эти слова приходитъ самодержавный князь и утверждаетъ въ великой и богатой землѣ русской порядокъ, краеугольный камень народнаго бытія. Скоро новорожденная Русь озаряется свѣтомъ христіанства и съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ первыя начала умственнаго и нравственнаго образованія. Но здѣсь опять самъ ли народъ русскій дѣйствовалъ своею волею? Нѣтъ! Народъ обагрилъ улицы Кіева кровію первыхъ русскихъ христіанъ. Спасительная мысль о прогнаніи мрака идолопоклонства съ земли русской образовалась въ умѣ великаго князя и совершена имъ.

Послушный велѣніямъ главы своей, народъ погрузился въ струяхъ Почайны, но все еще втайнѣ болѣзновалъ о Перунѣ, провожалъ далеко сокрушенный кумиръ его и восклицалъ: „выдыбай, выдыбай, боже!“ Лѣтописецъ говоритъ, что матери рыдали, отпуская дѣтей своихъ въ школы согласно съ волею равноапостольнаго просвѣтителя земли русской. Что

послѣдовало потомъ съ народомъ русскимъ, когда державная власть раздробилась на безчисленное множество удѣловъ и тѣмъ естественно ослабила себя, когда на площадяхъ городовъ раздавался звонъ вѣчевого колокола, котораго не могли заглушить обезсиленные князья? Русскаго народа не стало: онъ исчезъ съ страницъ исторіи на цѣлыя пятьсотълѣтъ. Русскихъ не было во время нашего такъ называемаго удѣльнаго періода, окончившагося, съ одной стороны, татарскимъ, съ другой—литовскимъ порабощеніемъ. Тогда были новогородцы, кіевляне, суздальцы, рязанцы, которые рѣзались другъ съ другомъ, также какъ съ чудью, съ половцами, съ печенѣгами, забывъ и думать о томъ, что составляютъ одинъ народъ, одно семейство. Горько вспомнить, что въ это несчастное время имя Руси, святое, великое имя, сдѣлалось названіемъ польскаго воеводства, что единственный остатокъ, въ которомъ таилось зерно русской самобытности, не смѣлъ иначе называться какъ московскимъ княжествомъ, и долго, долго послѣ былъ извѣстенъ сосѣдямъ подъ этимъ провинціальнымъ именемъ, подъ именемъ *Московіи*. Кто заставилъ народъ русскій войти въ себя, сознать свое единство, сдѣлаться снова русскою державой? Князь московскій, который, сосредоточивъ снова въ рукахъ своихъ самодержавную власть, принялъ имя *царя всей Русіи*, имя, сдѣлавшееся залогомъ возстановленія русской самобытности. Говорить ли о томъ, какъ съ этой поры, съ этой первой буквы настоящей нашей исторіи, развивалось наше существованіе, упрочивалась самобытность, росло величіе? Кто дѣйствовалъ у насъ единственно и исключительно, кто мыслилъ, кто трудился за насъ? Царь! Чтобы ознакомить съ нами Европу, которая все еще продолжала считать насъ жалкою Московіею, надо было русскому царю проѣхать ее изъ края въ край самому своею священною особою. Первый русскій, въ которомъ Европа узнала и научилась чтить имя русское, былъ царь русскій. И когда, какую строку записали мы въ исторію, сами собою, безъ внушенія, безъ велѣнія своего царя? Были точно двѣ великія эпохи, два славные, незабвенные двѣнадцатые года, шесть-сотъ и восемь-сотъ двѣнадцатый, когда народъ русскій дѣйствовалъ изъ себя, самъ собою. Но разсмотримъ внимательно эти обѣ эпохи. Въ 1612 году народъ русскій точно сиротствовалъ, предоставленъ былъ одному себѣ. Но надъ нимъ незримо носилась святая, великая идея царя; всѣ движенія его въ эту незабвенную годину, весь этотъ благородный, высокій энтузіазмъ, которому нѣтъ примѣровъ ни въ чьей другой исторіи, имѣлъ цѣлью наполнить эту опустѣвшую идею, безъ которой нѣтъ существованія, нѣтъ жизни для народа русскаго. Если не лицо, то имя царя было единственнымъ возбудительнымъ началомъ тѣхъ доблестей, той славы, которою облита эта блистательная страница нашей исторіи. Въ другой незабвенный двѣнадцатый годъ подвиги и патріотизмъ русскаго народа были явно только царелюбивымъ отголоскомъ всѣхъ сердецъ на призывъ монарха. Кто первый изъ русскихъ сказалъ, что онъ *не положитъ оружія, пока хотя одинъ врагъ останется на землѣ русской*? Царь русскій. Другіе европейскіе народы развѣ не чувствовали всей тяжести, которою давила ихъ пята, угрожавшая раздавить насъ? Но они безмолвно смирялись, потому что не слышали призыва съ престоловъ, потому что тѣ, которымъ небо ввѣрило предводительствовать ими, сами безмолвно смирялись предъ мощнымъ завоевателемъ. Царь рекъ, и русскій колоссъ всколебался, опрокинулся всею тяжестью своей на всесильнаго врага и сокрушилъ его безпредѣльное могущество.

И такъ вся наша исторія не есть исторія *насъ самихъ*, нашей отдѣльной, *народной* жизни, а исторія нашихъ царей, въ которыхъ и которыми мы жили. Нашей исторіи нельзя дѣлить по періодамъ *народной* жизни, какъ европейцы дѣлятъ свою исторію, а по *царствованіямъ*, которыя представляютъ непрерывную лѣствицу благодѣтельной дѣятельности царей и благоговѣйной покорности народа. Пусть всякій русскій положитъ руку себѣ на сердце и скажетъ: была ли, есть ли у насъ другая исторія?

Во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія *мы* равняемся, *мы* обгоняемъ Европу! Такъ! Кто въ этомъ можетъ усумниться? Но спросимъ опять себя: кому мы обязаны этимъ уравненіемъ, этой надеждой выпередить Европу? *Мы* ли, собственными усиліями, собственнымъ умомъ, собственною волею, создали и создаемъ себѣ просвѣщеніе? Сознаемся откровенно: до сихъ поръ въ дѣлѣ просвѣщенія *мы* еще не умѣемъ достойно отвѣтствовать волѣ монарховъ, нашихъ единственныхъ просвѣтителей, не научились еще вполнѣ пользоваться всѣми ихъ попеченіями о нашемъ образованіи. Такъ! у насъ процвѣтаютъ науки, размножаются училища, жизнь умственная всюду проявляется. Но кому принадлежитъ честь всего этого движенія? Кто былъ первый нашъ просвѣтитель, наставникъ, учитель? Петръ. Не онъ ли самъ своей державной рукой правилъ корректурный листъ первой русской газеты, писалъ планъ первой русской академіи? Среди безчисленныхъ царственныхъ трудовъ онъ составилъ для насъ даже самую азбуку, придумалъ буквы, которыми мы теперь пишемъ. И потомъ какое учебное заведеніе возникло, какой ученый полезный трудъ предпринятъ и совершенъ, безъ повелѣнія, безъ поощренія и награды монарховъ? Чтобы заставить насъ учиться, какихъ средствъ не употребляетъ доселѣ державная власть? Она основываетъ училища, обезпечиваетъ способы и средства образованія, зоветъ, принуждаетъ учиться и осыпаетъ истинно царскими наградами тѣхъ, которые только-что повинуются ей, только-что исполняютъ ея благія велѣнія. Мало того: стоитъ изъявить желаніе, и дѣти наши берутся подъ непосредственный отеческій кровъ монарха, воспитываются на иждивеніи правительства; въ однихъ военныхъ училищахъ такихъ воспитанниковъ царя тысячи. Мало и того: хотимъ ли мы, чтобы дѣти наши воспитывались дома, подъ нашими глазами? Ихъ наставники считаются въ непосредственной службѣ царской, имѣютъ всѣ права государственныхъ чиновниковъ. И такъ умственная наша жизнь не есть дѣло *наше*, а дѣло мудрыхъ, попечительныхъ нашихъ монарховъ! У насъ цвѣтутъ искусства! Но кто ихъ насадитель, покровитель, распространитель? Наши великолѣпнѣйшія зданія воздвигнуты щедротами монаршими. Наша академія художествъ императорская, наши театры императорскіе. Наши лучшіе художники, дивящіе своими произведеніями Италію, отчизну искусствъ—пансіонеры царскіе. Кто лелѣялъ у насъ, на нашей сѣверной почвѣ, первыя нѣжныя сѣмена изящныхъ искусствъ? Екатерина, которая удостоила своимъ царскимъ посѣщеніемъ Ломоносова, чтобы видѣть его мозаическое лѣпленіе! Елисавета, которая своими державными руками украшала ребенка, сдѣлавшагося отцомъ русскаго драматическаго искусства! Николай, который первые дни своего благословеннаго царствованія ознаменовалъ признательностію и уваженіемъ къ мужу, воздвигшему великолѣпнѣйшій памятникъ русскому языку и русской исторіи! Вотъ наши великіе меценаты, наши геніи—вдохновители творческаго генія! У насъ процвѣтаютъ промышленность и торговля! Но отъ *насъ* ли? Нами ли? Не долженъ ли былъ Петръ строить

своими руками корабли, ковать желѣзо, чтобы извлечь насъ изъ прежней безпечности. Онъ братался съ русскими бородачами, называлъ „*дядею*" какого-нибудь Сѣрикова, приглашалъ его въ свой кабинетъ и дружелюбно толковалъ, какъ бы завестись своимъ русскимъ сукномъ, чтобъ было и покупателямъ дешево, и производителямъ выгодно. И теперь какое торговое общество, какое обширное промышленное заведенiе образуется безъ пособiй, безъ покровительства, безъ наградъ монаршихъ? На-дняхъ еще мы были свидѣтелями умилительнѣйшаго зрѣлища, которое электрическимъ огнемъ проникло и одушевило всѣ безчисленныя нити нашей промышленности и торговли. Русскiй царь ѣздилъ на свой главный рынокъ, первый рынокъ Европы, и тамъ съ отеческой любовью вникалъ во всѣ нужды, потребности и выгоды дѣтей своихъ, тамъ благоволилъ указать новый путь обогащенiя своему народу черезъ непроходимые хребты Кавказа до Калькутты. Ктожъ виновникъ настоящаго развитiя нашей промышленности и торговли. *Мы* ли? *Народъ* ли? Скажемъ болѣе: даже умягченiемъ нашихъ нравовъ, образованностью обычаевъ, всѣмъ изяществомъ наружнаго, общежительнаго быта, мы обязаны не себѣ, а царямъ нашимъ. Петръ снялъ съ насъ прежнее платье, придававшее намъ азiатскую наружность, и чтобы создать намъ изящную общественную жизнь, царскимъ указомъ и грозою, сбиралъ насъ въ *ассамблеи*, изъ нашихъ уединенныхъ теремовъ, запертыхъ горницъ. А семейная связь, самое первое и святое основанiе общественнаго благоденствiя, гдѣ находитъ у насъ теперь высокiй, повелительный примѣръ, столь необходимый послѣ того, какъ въ прошломъ столѣтiи, въ просвѣщенныхъ странахъ Европы, общiй развратъ угрожалъ ей конечнымъ разрушенiемъ? Французы съ восторгомъ говорятъ о своемъ добромъ Генрихѣ IV, который возилъ на себѣ своего маленькаго сына. Но добрый король устыдился этого отеческаго поступка, сдѣланнаго въ уединенiи кабинета, и извинялъ себя передъ тѣмъ, который случайно сдѣлался его свидѣтелемъ. Мы, напротивъ, недавно видѣли примѣръ родительской нѣжности, совершенный великимъ монархомъ торжественно, въ присутствiи сотней тысячъ восторженнаго народа! И, такъ все наше просвѣщенiе, вся образованность принадлежитъ опять не *намъ*, происходитъ не отъ *насъ*, а отъ царей нашихъ. Ихъ самодержавная воля была и есть нашей водительницей на всѣхъ путяхъ совершенствованiя.

Значитъ, все, что мы имѣемъ теперь, имѣемъ *не* отъ *себя*, *не* чрезъ *себя*. Значитъ, мы сами по себѣ точно *ничто*! Добрый русскiй народъ чувствуетъ это, и вотъ почему всѣ его желанiя, всѣ надежды, всѣ обѣты и благословенiя, вся жизнь, все бытiе, сосредоточены были всегда въ самодержавной главѣ его. „*Вѣдаетъ Богъ и великiй государь*",—вотъ сокращенiе всей его народной мудрости! „*Служу Богу и великому государю*"—вотъ основанiе всей его гражданской дѣятельности!

Въ такомъ случаѣ мы, дѣйствительно, *народъ исключительный*, не принадлежащiй къ современному *европейскому семейству*, не принимающiй *участiя въ его ходѣ и движенiяхъ!* Но неужели это для насъ унизительно? Неужели этимъ должна оскорбляться наша истинная *русская* гордость?

Боже мой! Какъ жалко унизились бы мы въ собственныхъ глазахъ, еслибъ стали сокрушаться о томъ, что мы созданы быть народомъ самобытнымъ и самообразнымъ, а не слѣпкомъ, не копiей другихъ народовъ! Неужели нынѣшнiй европейскiй бытъ есть крайняя ступень совершенствованiя человѣческаго, окончательная развязка, послѣднiй актъ всемiрной

исторіи? И народъ, который мыслитъ, который чувствуетъ, который живетъ, не какъ нынѣшніе европейцы, уже не имѣетъ никакой надежды спасенія, долженъ повергнуться въ мрачное, безотрадное отчаяніе, хотя бы онъ, какъ мы, состоялъ изъ шестидесяти милліоновъ, наполнялъ собою пространство, въ которомъ умѣстится десятокъ и больше Европъ? Нѣтъ! Не напрасно міродержавный Промыслъ отвелъ намъ въ удѣлъ такую огромную, безпредѣльную ландкарту, державъ насъ тысячу лѣтъ подъ своимъ особеннымъ попеченіемъ и не далъ намъ утратить ни своего самобытнаго языка, ни своихъ самородныхъ нравовъ, ни своей самообразной физіономіи, однимъ словомъ, ни одного изъ тѣхъ условій, которыми держится народная самостоятельность, тогда какъ другія націи, при малѣйшемъ стеченіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, во сто лѣтъ сглаживались съ лица земли, такъ что теперь не находятъ и слѣдовъ ихъ! Не напрасно во все это время мы отдѣлены были отъ маленькаго уголка, называемаго Европою, не приняли ничего отъ ней въ *наслѣдство*, даже самое христіанство, первое условіе всякаго просвѣщенія, заимствовали не у ней, а у Византіи, которая была тогда въ такомъ жалкомъ, непривлекательномъ положеніи, что мы сами тотчасъ ее презрѣли, бросили, не приняли за образецъ и правило. Не напрасно эти тысяча лѣтъ нашего существованія представляютъ чистый *пробѣлъ въ исторіи*, свитокъ которой европейскіе народы исчертили своими страстями, испачкали заблужденіями, забрызгали кровью! Да! *Мы существуемъ для того, чтобы преподать великій урокъ міру!* Наше назначеніе не быть эхомъ этой дряхлой, издыхающей цивилизаціи, которой, можетъ быть, видимъ мы послѣднія предсмертныя судороги, а развить изъ себя новую, юную и могучую цивилизацію, *цивилизацію собственно русскую*, которая также обновитъ ветхую Европу, какъ нѣкогда эта Европа, еще чистая и дѣвственная, еще не истерзанная бурями, не состарѣвшаяся въ волненіяхъ, обновила ветхую Азію. И вотъ идеалъ этой русской самобытной цивилизаціи!

Народъ русскій до сихъ поръ есть великое, патріархальное семейство, существующее въ тѣхъ чистыхъ первобытныхъ формахъ отеческаго самодержавія и дѣтской покорности, которыя самъ Богъ изрекъ для рода человѣческаго. Жалко и смѣшно ослѣпленіе тѣхъ, которые и теперь еще повторяютъ нелѣпую мечту Руссо о какомъ-то первобытномъ состояніи людей, когда мы, какъ звѣри, ходили будто на четвереренькахъ и пожирали другъ друга, жили настоящей республикой львовъ и тигровъ, и о какомъ-то *общественномъ договорѣ*, на которомъ будто основались всѣ нынѣшнія гражданскія постановленія. Люди никогда не были и не могли быть звѣрьми. Сама природа отличила ихъ отъ безсмысленныхъ животныхъ тѣмъ, что вложила въ ихъ сердца инстинктъ семейности, инстинктъ, не оставляющій ихъ въ самомъ глубочайшемъ варварствѣ и дикости. Гдѣ только находятъ нынѣ людей, людей дикихъ, почти униженныхъ до состоянія звѣрей, вездѣ находятъ ихъ семьями. Семья есть необходимая форма человѣческаго существованія. Но семья по природѣ своей есть монархія, и монархія самодержавная: въ ней отецъ—природный, неограниченный государь; дѣти—природные, безусловные подданные. Всѣ народы начали свою исторію съ этого первоначальнаго, единственно свойственнаго природѣ человѣческой состоянія. Азія, отчизна человѣчества, съ самыхъ первыхъ дней своего бытія является въ монархическихъ, неограниченно-самодержавныхъ формахъ. Когда Греція, колыбель европейской цивилизаціи, вышла на сцену

исторіи въ пѣсняхъ Гомера, она также представляетъ рядъ семействъ, управляемыхъ патріархальными жезлами царей, *пастырей народовъ*. Но въ послѣдствіи времени разгаръ страстей, соблазнъ своеволія, желаніе пожить своимъ умомъ, по своимъ прихотямъ, вкралось въ эти первобытныя семейства и разрушило святыя узы послушанія, которыми держалось ихъ существованіе. Какъ семья рѣзвыхъ, своевольныхъ дѣтей, народы вздумали обойтись безъ патріархальной отеческой власти, пожить сами собою. И что же сдѣлалось съ ними? Они истощили свои силы въ бурныхъ порывахъ, въ кипучихъ страстяхъ и погибли, какъ гибнутъ всѣ несогласныя семьи. Такъ погибла древняя Греція; такъ погибъ древній Римъ. Напрасно, въ послѣднія времена, народъ римскій отказался отъ своей несчастной самобытности, которой доискивался столько вѣковъ, которая стоила ему столькихъ терзаній; напрасно возвратился къ первоначальной формѣ всякаго гражданскаго бытія, повергся подъ самодержавный скипетръ Цезарей. Было уже поздно! трупъ, истерзанный вѣковыми потрясеніями, не могъ оживиться. При томъ монархія Цезарей не была чистая, естественная, *законная*, а какая-то чудовищная смѣсь неограниченнаго могущества и всегдашней зависимости отъ произвола тѣхъ, которые ей покорялись. Отсутствіе наслѣдственности, необходимаго условія истинной, законной монархіи, было очевиднымъ признакомъ ея неестественности. Горсть солдатъ, интрига евнуховъ, толпа черни раздавала, даже продавала пурпуръ, кому хотѣла, и срывала его опять по своему буйному произволу. Это было причиною, что обѣ Римскія Имперіи, Западная и Восточная, не могли устоять, разрушились, пали. Явилось христіанство, начало новаго міра. Оно скрѣпило опять узы патріархальной покорности въ народахъ, освятило державную власть печатью божественнаго права, объявило царей, отцовъ народа, помазанниками Божіими. И вотъ новая блистательная жизнь заструилась въ жилахъ человѣчества. Европа воскресла и создала себѣ ту великолѣпную цивилизацію, которая дала ей первенство во вселенной. Обратимъ вниманіе на блестящую эпоху такъ называемаго *возрожденія* наукъ и искусствъ, на это прекрасное утро европейскаго просвѣщенія. Оно совершилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ державныхъ властителей народовъ. Кто были первые покровители наукъ и искусствъ въ Италіи? Самодержавные первосвященники Рима, миланскіе Висконти и Сфорцы, флорентійскіе Медичи, феррарскіе Эсты, веронскіе Скалы, сосредоточившіе въ рукахъ своихъ власть державную. Венеція и Генуа остававшіяся республиками, принимали самое ничтожное участіе въ возрожденіи наукъ и искусствъ: онѣ только покупали манускрипты и другіе остатки древности для державныхъ меценатовъ. Да и въ другихъ государствахъ Европы, какъ называются *золотые вѣка* просвѣщенія? По именамъ государей, которые были ихъ главными зиждителями: *вѣкомъ Франциска I*, *вѣкомъ Елисаветы*, *вѣкомъ Людовика XIV!* Но Европа также не захотѣла остаться при тѣхъ условіяхъ, которыя были причиной ея возрожденія: она вздумала посвоевольничать, пожить сама собою; она пародировала древнюю Грецію и древній Римъ; объявила войну своему родному, кровному прошедшему, опрокинула его, смочила кровью, для того, чтобы передразнить заблужденія и страсти древнихъ народовъ, забывъ, что они погибли отъ этихъ страстей и заблужденій. И ее постигнетъ та же судьба, и надъ ней свиститъ уже бичъ Немезиды, подъ ударами котораго сокрушился Римъ, сокрушилась Греція.

Благодаря Промыслу, народъ русскій не принималъ никакого участія въ движеніяхъ Европы. Онъ остается до сихъ поръ чистой, дѣвственной *семьею дѣтей*, безусловно покорныхъ своему державному *отцу*. И это наше высокое, неоцѣненное преимущество, это особенная благодать Божія, которою мы русскіе имѣемъ полное право гордиться предъ всѣмъ свѣтомъ. Мы *дѣти*, и это *дѣтство* есть наше счастье. Съ нашей простой дѣвственной, младенческой природой, не исчерченной никакими предубѣжденіями, не засѣянной никакими враждебными воспоминаніями и преданіями, можно сдѣлать все безъ труда, безъ насилія; изъ насъ, какъ изъ чистаго, мягкаго воска, можно вылѣпить всѣ формы истиннаго совершенства. О! какой невообразимый верхъ даетъ намъ предъ европейцами это святое, блаженное *дѣтство*! У нихъ есть длинная, тысячелѣтняя *исторія*; но чего она имъ стоитъ? Въ этой исторіи воспоминанія и преданія, накопленныя вѣками, представляютъ борьбу разнороднѣйшихъ, враждебнѣйшихъ *стихій*; и эта борьба оставляетъ ихъ въ вѣчномъ колебаніи, въ вѣчномъ раздорѣ, въ вѣчныхъ мукахъ болѣзненнаго разрушенія. Эта исторія ихъ гибель: она завѣщала имъ неизгладимую ненависть сословій другъ къ другу, безчисленныя неисполнимыя притязанія, химерическія требованія, мечтательныя нужды. Благо намъ, что у насъ нѣтъ такого прошедшаго, что мы не имѣли и не имѣемъ этихъ враждебныхъ *стихій*, борьба которыхъ составляетъ исторію Европы! У насъ не было ихъ, нѣтъ и дай Богъ, чтобъ никогда не было, и дастъ Богъ, никогда не будетъ; у насъ *одна* вѣчная, неизмѣнная *стихія:* царь! Одно *начало* всей народной жизни: *святая любовь къ Царю*! Наша исторія была доселѣ великою поэмою, въ которой *одинъ* герой, *одно* дѣйствующее лицо. Это-то единство было причиною, что мы такъ быстро сравнялись съ европейцами относительно просвѣщенія. Что они придумали въ продолженіе вѣковъ, то мы схватили въ одно столѣтіе. Будь дѣйствователями *сами* мы, предоставь насъ Промыслъ *собственному* уму, *собственной* волѣ, не пошли онъ намъ самодержавной адамантовой воли Петра,—мы бы до сихъ поръ оставались, въ нашихъ бревенчатыхъ избахъ добычей лѣни, невѣжества и бѣдности. Вотъ отличительный, самобытный характеръ нашего *прошедшаго*! Онъ показываетъ намъ и наше *будущее* великое назначеніе. Да! Присвоивъ себѣ всѣ благіе плоды просвѣщенія, безъ тѣхъ волненій, безъ тѣхъ мукъ, безъ тѣхъ ужасныхъ потрясеній, которыя изнурили Европу и убили въ ней духовное начало жизни до того, что она уже отчаявается теперь въ своемъ будущемъ, мы напротивъ станемъ юными, бодрыми, могучими, на чредѣ міра, и явимъ великій, блистательный примѣръ, какъ изъ святого единства *самодержавія* должно возникать образцовое высочайшее *народное* просвѣщеніе, величіе и счастье. Этому просвѣщенію, этому величію, этому счастію будетъ завидовать Европа. Но что я сказалъ? Она и теперь уже завидуетъ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей ея, знаменитый *Раумеръ*, краса и слава германской учености. „Русскіе теперь *счастливѣе* многихъ народовъ Европы; они имѣютъ именно такую конституцію, какая имъ нужна. У нихъ есть (что требуется въ политикѣ, точно такъ же, какъ и математикѣ) свой центръ, и этотъ центръ ихъ императоръ. Формы другихъ государствъ для нихъ непримѣнимы. Чтобы связать такое великое цѣлое, какъ Россія, необходимъ *одинъ мужъ*, и этотъ мужъ является въ полномъ смыслѣ этого слова по тѣлу и духу въ особѣ царствующаго императора. Въ немъ соединены всѣ великія государственныя способности, повелительная и въ то же время привлекательная наруж-

ность, удивительная дѣятельность, дивная сила воли и непреодолимое мужество. Конституція императора Николая такова, что я готовъ взять акцію скорѣе на нее, нежели на жизненность другихъ бумажныхъ конституцій". [1]

И такъ, вотъ гдѣ наше истинное достоинство, истинная *гордость*! Пусть другіе европейскіе народы, дряхлые, изможденные стараются утѣшать себя въ преждевременной старости безразсудными возгласами: „зато мы пожили, зато мы сдѣлали". Русскій великій народъ находитъ свою гордость въ другомъ, болѣе высокомъ, болѣе утѣшительномъ чувствѣ: „я ничего себѣ не приписываю, за меня дѣйствуетъ моя глава; я только слушаюсь ея, повинуюсь ей, съ довѣренностью и любовью; и зато я такъ свѣжъ и могучъ, прекрасенъ и величественъ!" Въ этомъ чувствѣ нѣтъ никакого униженія: напротивъ, оно гораздо согласнѣе съ истиннымъ достоинствомъ человѣческой разумно-нравственной природы, чѣмъ хвастовство буйнаго своевольства. Прибѣгнемъ къ собственному нашему здравому смыслу. Какіе минералы, какія растенія, какихъ животныхъ считаемъ мы единогласно благороднѣйшими, совершеннѣйшими? Не тѣ ли, которые допускаютъ искусству обработывать себя во всѣ изящныя формы, которые повинуются мысли, соображаются съ ней, воплощаютъ ее въ себѣ, отрекаясь отъ того дикаго, грубаго, безсмысленнаго и безцѣльнаго состоянія, въ которомъ находятся они въ нѣдрахъ природы? Когда золото является во всемъ своемъ блескѣ, алмазъ во всей прелести своей лучезарной игры? Тогда какъ грубый кусокъ руды пройдетъ чрезъ очистительный горнъ, темный безцвѣтный кремень покорится рѣзцу художника! Отчего колосъ пшеницы, лоза винограда предпочитаются и могучему дубу, и стройной пальмѣ, и величественному кипарису? отчего они называются благодатнѣйшими дарами растительной природы? Оттого, что они безусловно покорны рукѣ, ихъ воздѣлывающей; оттого, что, по манію этой руки, одинъ разсыпается питающими зернами, другая струится оживляющимъ, веселящимъ сердце сокомъ. Когда, въ какія минуты левъ, царь звѣрей, является намъ во всемъ своемъ царственномъ величіи, рождаетъ истинно высокое чувство? Тогда ли, какъ въ бѣшенствѣ непреодолимой силы, разметавъ гриву, сверкая кровавыми глазами, съ дикимъ ревомъ, терзаетъ своихъ менѣе сильныхъ братьевъ, или, при недостаткѣ добычи, истощаетъ свою ярость на самомъ себѣ? Нѣтъ! Но когда это дивное, могучее животное, покоряя свою силу чувству признательности, лижетъ добродушно руку своего попечителя, слабаго, безпомощнаго человѣка, играетъ съ нимъ, дозволяетъ ему перебирать его косматую гриву, гладить его грозное чело! Орелъ, другой царь животныхъ, левъ пернатыхъ, нигдѣ такъ не является величественнымъ, какъ въ прекрасной баснѣ древнихъ грековъ, гдѣ онъ, съ покорностію голубя, носитъ молніи и громъ міродержца Зевеса! Вотъ тайна истиннаго *величія* всего сотвореннаго, всего, что существуетъ во вселенной! Это величіе находится только тамъ, гдѣ *сила добровольно покоряется мысли, чувству*. И чѣмъ *сила* выше, тѣмъ *покорность* благороднѣе, *величіе* блистательнѣе. Таково именно величіе русскаго народа! Этотъ дивный колоссъ, который однимъ легкимъ потрясеніемъ своихъ исполинскихъ мышцъ можетъ всколебать, опрокинуть вселенную, этотъ колоссъ повинуется одному отеческому слову, одному державному мановенію и повинуется *добровольно*, съ преданностью и съ лю-

[1] *Телескопъ*, 1836, книжка 15, стр. 385—386.

бовью. И вотъ чѣмъ славна, великая его исторія! Она наполнена дивными чертами этого *добровольнаго повиновенія силы*, въ которомъ заключается истинное *величіе народовъ*. Гдѣ, вь какой исторіи, найдете вы сцену, подобную той, которая открываетъ собой лѣтописи земли русской?

Вездѣ, у всѣхъ народовъ власть утверждалась завоеваніемъ, порядокъ былъ сладкимъ плодомъ горькаго насилія. Первый властелинъ, о которомъ упоминаютъ лѣтописи міра, Священное Писаніе, былъ *мужъ силенъ ловецъ предъ Господомъ*; онъ самъ себя сдѣлалъ царемъ, самъ далъ себѣ право владычества. Только одинъ избранный народъ Божій, народъ еврейскій, имѣлъ мудрость испросить самъ себѣ земную главу у небесной главы своей; но этотъ народъ просвѣщенъ былъ откровеніемъ свыше. А народъ русскій, еще во тьмѣ язычества, при совершенномъ отсутствіи всѣхъ внѣшнихъ возбужденій, по одному внушенію добраго свѣтлаго чувства, которое принадлежало только одному ему, самъ преклонилъ колѣна, смирилъ свои могучія силы и предалъ свою *великую и богатую землю* спасительной власти *единодержавія*, да воцарится въ ней *порядокъ*! Какой мудрый отвѣтъ дала дружина и дума княжеская, представительница мысли и силы народной, когда Владиміръ, по тщательномъ испытаніи, рѣшился завоевать своей землѣ христіанство? Она сослалась на державный примѣръ Ольги, *мудрѣйшей изъ женъ*, и съ безусловною преданностію повиновалась волѣ Равноапостольнаго. Тутъ не нужно было ни грозныхъ указовъ Ѳеодосія, ни насильственныхъ драгонадъ Людовика XIV, ни крестовыхъ походовъ, столько разъ провозглашаемыхъ папами для обращенія язычниковъ. Все исполнилось единодушною, безусловною покорностію народа. А то непоколебимое постоянство, съ которымъ народъ русскій вынесъ бури междуусобій и ярмо чужеземнаго рабства, не измѣняя себѣ, не утративъ своихъ добрыхъ качествъ, своей любви къ Богу и царю! А то героическое терпѣніе, съ которымъ онъ прошелъ сквозь очистительный огнь укрѣпляющагося самодержавія, подъ грозою Іоанна! А второе еще болѣе славное, еще болѣе торжественное покореніе подъ спасительную власть *единодержавія* послѣ блистательнѣйшихъ подвиговъ, которые упоили бы всякій другой народъ справедливою гордостью, справедливою довѣренностію къ самому себѣ! Гласъ безоружнаго старца, изъ уединенной тиши монастырской кельи, раздается по всѣмъ концамъ Руси и приводитъ ее въ электрическое содроганіе; сынъ народа, нижегородскій простолюдинъ, становится вождемъ многочисленнаго воинства; мечь благороднаго князя, побѣдителя враговъ, освободителя Москвы, любимца Руси, уже касается святого вѣнца Мономаховъ; и чѣмъ же оканчивается вся эта высокая драма, гдѣ каждое сословіе народа явилось во всемъ блескѣ, во всей силѣ? Единодушнымъ покореніемъ всѣхъ воль, преданіемъ всѣхъ силъ юному Михаилу! А то послушное увлеченіе, съ какимъ, послѣ свойственнаго дѣтскому возрасту упорства, народъ русскій потекъ по пути, указанному ему великимъ преобразователемъ! Но зачѣмъ искать примѣровъ далеко? Давно ли въ тяжкую годину искушенія, посѣщавшаго насъ губительною язвою, одного слова царя достаточно было, чтобы подавить невольное отчаяніе въ сердцѣ бѣдствующаго народа, повергнуть его на колѣна и заставить вознести пламенныя мольбы къ единому Цѣлителю всѣхъ недуговъ, Врачу всѣхъ страданій. Европа не могла скрыть своего благоговѣйнаго изумленія при такомъ величественномъ зрѣлищѣ, какому немного подобныхъ представятъ лѣтописи міра, которое кажется вырваннымъ изъ поэтическихъ преданій о золотомъ

вѣкѣ человѣчества, и такое *послушаніе* при такой безмѣрной массѣ *силъ*, при такомъ обиліи всѣхъ *даровъ*, украшающихъ человѣческую природу! Да! въ этой покорной семьѣ, которая называется *православнымъ русскимъ народомъ*, лежатъ дивныя сокровища ума, характера и чувства. Они развертываются безпрестанно, со дня на день, съ часу на часъ, къ изумленію міра, къ славѣ русскаго имени, къ утѣшенію русскаго царя. Скажемъ съ новою гордостію: мы достойны своихъ мудрыхъ великихъ монарховъ, которые создали намъ такое блистательное настоящее, создадутъ еще блистательнѣйшее будущее. Отъ недостатковъ дѣтскихъ мы исправляемся ежедневно подъ ихъ руководствомъ; добродѣтели дѣтскія сохранимъ всегда къ ихъ радости и славѣ. Русскій царь можетъ гордиться своимъ народомъ, который въ немъ одномъ полагаетъ все свое величіе, блаженство и *гордость*.

Заключимъ словами великаго поэта:

О, Россъ! о, родъ великодушный!
О, твердокаменная грудь!
О, исполинъ царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы!

И ты будешь досягать ея всегда, добрый, великій народъ! Будешь— только памятуй съ благоговѣйнымъ смиреніемъ и благородною гордостію, что вся твоя жизнь, все твое бытіе сосредоточено въ священной главѣ твоей. Безъ нея—ты рядъ *нулей*; съ этой державной единицей нули дѣлаютъ *билліонъ*!

II.

Въ чемъ состоитъ народная гордость?

Изъ письма къ NN.

Насъ упрекаютъ въ недостаткѣ благородной національной гордости, въ добровольномъ униженіи себя въ собственныхъ глазахъ. Это отчасти правда. Мы еще не научились уважать себя, гордиться именемъ Русскихъ. Но что этому причиною?

Я всегда думалъ и всегда говорилъ, что основаніе фальшиваго положенія, въ которомъ мы находимся относительно самихъ себя, заключается единственно въ томъ дѣтскомъ, легкомысленномъ сравненіи, которое мы дѣлаемъ между собою и Европою, не разсуждая, что Европа старше насъ тысячелѣтіями на пути образованія, что она имѣетъ совсѣмъ другія условія существованія, намъ не свойственныя, и что потому между нею и нами не можетъ быть никакой параллели. Европейцы живутъ своею жизнью, которая уже успѣла состарѣться; мы должны жить своею, которая только-что начинается. Между тѣмъ, большая часть нашихъ соотечественниковъ, ознакомившихся съ европейскимъ просвѣщеніемъ, видя, что мы, русскіе, не имѣемъ тѣхъ формъ, которыя тамъ выработаны вѣками, говорятъ съ презрѣніемъ: „да къ чему русскій человѣкъ способенъ, что изъ него можно сдѣлать?“

Это, конечно, должно оскорблять народную гордость.

Но должно ли, для противодѣйствія этому убійственному презрѣнію уклоняться въ другую противоположную крайность? Народная гордость

должна ли превращаться въ самообольщеніе, закрывающее глаза отъ своихъ недостатковъ?

Не думаю.

Будемъ безпристрастны къ себѣ и разсмотримъ внимательно настоящее положеніе нашей народности.

Народъ русскій великъ не только своею физическою силою, въ чемъ не сомнѣваются даже самые враги наши, но и патріархальными добродѣтелями, которыя созидаютъ и держатъ его колоссальное существованіе. Но, къ сожалѣнію, эти добродѣтели исчезаютъ, какъ скоро касается ихъ наше ввозное, чужеземное просвѣщеніе. Это просвѣщеніе, вмѣсто скромнаго смиренія и тихаго шествованія къ совершенству, которое одно намъ прилично, въ однихъ вселяя оскорбительное презрѣніе ко всему русскому, другимъ внушаетъ хвастливую притязательность, не менѣе вредную въ своихъ послѣдствіяхъ. Эти послѣдніе думаютъ, что мы уже стоимъ на точкѣ, съ которой легко можемъ сразу достигнуть идеала совершенства; а этотъ идеалъ составляютъ для нихъ обольстительныя формы европейскаго быта.

Говорю, что такой образъ мыслей и вреденъ, и ложенъ. Вреденъ, потому что мутитъ наши идеи, искажаетъ нашу дѣятельность. Ложенъ, потому что находится въ явномъ противорѣчіи съ фактами и показываетъ совершенное незнаніе русской самобытной и самообразной народности.

Я ограничусь здѣсь показаніемъ только той запутанности, которую этотъ образъ мыслей производитъ въ нашихъ идеяхъ, въ нашей умственной жизни. Первое и главное заблужденіе, происходящее отсюда, есть обольщеніе, въ которомъ находимся мы относительно нашего историческаго бытія. Начитавшись европейскихъ историческихъ сочиненій, въ которыхъ представляется вѣковое развитіе народовъ, мы втѣсняемъ наше прошедшее въ тѣ же рамы или лучше растягиваемъ его насильственно, чтобы оно наполнило эти огромныя рамы. Въ исторіи нашей мы ищемъ тѣхъ же періодовъ, которые проходили европейскіе народы, тѣхъ же элементовъ, которые развивались въ ихъ жизни, и выводимъ или ожидаемъ отъ нихъ тѣхъ же результатовъ. Заблужденіе самое ложное! Конечно, прошло уже тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ явилось имя русское на востокѣ Европы. Но эти тысяча лѣтъ развѣ исторія въ собственномъ смыслѣ этого слова? Это лѣтописи существованія почти только этнографическаго. Народъ русскій въ продолженіе семи сотъ лѣтъ только-что растягивался физически, наполнялъ свою ландкарту, составлялъ себѣ ту огромную географію, которая теперь изумляетъ вселенную. Съ пятнадцатаго вѣка начинаетъ въ немъ вырабатываться политическая организація подъ сѣнію единодержавія царей московскихъ; тутъ начало собственно русской исторіи. Но это начало, какъ и вездѣ, смутно, дико, безобразно. Хаосъ установился только всемощнымъ „да будетъ“ Петра; слѣдовательно, исторія наша, въ собственномъ смыслѣ, продолжается только одно столѣтіе. Какъ же тянуться намъ до другихъ европейскихъ народовъ, изъ которыхъ самые младшіе живутъ по нѣскольку сотъ лѣтъ? Сто лѣтъ въ жизни народа—минута; и вотъ почему можно и должно сказать, что „у насъ нѣтъ исторіи“. [1]

Но не есть ли это самый жестокій ударъ народной гордости? Не унижаетъ ли это насъ самымъ оскорбительнымъ образомъ? По моему, нѣтъ!

[1] Т. е. нѣтъ „исторіи насъ самихъ, нашей отдѣльной, народной жизни“, есть лишь „исторія нашихъ царей“.

Сказать младенцу, что онъ младенецъ, юношѣ, что онъ юноша, а не мужъ, не старикъ—что тутъ унизительнаго, что обиднаго? Я даже держусь такого мнѣнія, что это отсутствіе исторіи есть одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ, которымъ мы можемъ гордиться предъ прочими европейскими народами. Посмотрите на настоящее состояніе Европы: какіе тамъ бури, потрясенія, ужасы! А отчего все это? Оттого, что дѣйствительность находится въ безпрестанной борьбѣ съ исторіей, которая въ теченіе вѣковъ родила столько преданій и укоренила ихъ въ духѣ и характерѣ народовъ. Эти преданія иногда не совмѣстны съ настоящимъ; и вотъ ломка, разрушеніе! Мы, напротивъ, какъ младенцы, сохраняемъ чистую дѣвственность душъ, на которой стоитъ только мудрой рукѣ сѣять сѣмена истины и блага; никакія плевелы не могутъ подавить ихъ, потому что некогда и не откуда было запасть имъ, потому что у насъ не было еще исторіи, которая засѣяла бы насъ страстями, предразсудками и ложными взглядами. Все, что есть теперь въ насъ, такъ ново, что еще не пустило глубокихъ корней; вырывать насильственно ничего не надо.

Къ сожалѣнію, эта пустота нашего прежняго существованія имѣла и невыгодныя слѣдствія. Продолжаясь слишкомъ долго, почти тысячу лѣтъ, она произвела въ нашемъ умѣ затвердѣлость и упорство, въ нашемъ характерѣ лѣность и безпечность, въ которыхъ, не безъ основанія, упрекаютъ народъ русскій. Такъ земля, остающаяся долго безъ воздѣлыванія, черствѣетъ и каменѣетъ. Мы должны сознаться, что эта затвердѣлость, эта лѣность суть наши важнѣйшіе недостатки, съ которыми трудно бороться. Сто лѣтъ нашей исторіи служатъ тому яснымъ доказательствомъ. Какія усилія должно было употребить великому Петру, чтобы провесть первыя борозды на этой одичалой почвѣ? До сихъ поръ мудрое, попечительное правительство принуждено прибѣгать къ столькимъ принудительнымъ мѣрамъ, чтобы заставить насъ итти впередъ, соотвѣтственно его благимъ намѣреніямъ. Оно манитъ насъ, какъ дѣтей, наградами, чтобы мы только учились; преслѣдуетъ невѣжество заслуженнымъ презрѣніемъ, чтобы заставить насъ презирать его. А мы какъ отвѣчаемъ на его призваніе? Большую часть изъ насъ до сихъ поръ ничѣмъ не заманишь въ школу; большая часть тѣхъ, которые, наконецъ, сѣли за азбуку, учатся только, чтобы сказать, что они учились. Мысль вовсе не развивается, умъ коснѣетъ въ прежней недѣятельности. Мы не видѣли еще до сихъ поръ русскаго ума въ самобытной формѣ, русской мысли въ самообразномъ развитіи. Все только наружный, выписной лакъ. Немногія исключенія, если они есть, ничего не значатъ въ массѣ; ихъ никто и не примѣчаетъ.

Вотъ это должно жестоко оскорблять нашу народную гордость! Но должно ли молчать объ этомъ, должно ли это скрывать, затаивать во глубинѣ души?

Нѣтъ! это была бы ложная щекотливость, вредная деликатность. Щадить себя намъ нечего. Лучше откровенно сознаться въ нашей грубости, дикости, закоренѣлости, чѣмъ обольщать себя, притворяться предъ самими собою. Это будетъ черта благородная, которой можно гордиться; и эта гордость будетъ истинная, достойная великаго народа, который сознаетъ себя младенцемъ, для того, чтобы сдѣлаться возмужалымъ.

Мы ничего не имѣемъ, чѣмъ могутъ хвалиться возмужалые народы; что нужды? Будемъ имѣть, когда придетъ время. За то, при нашихъ дѣтскихъ недостаткахъ, мы имѣемъ и тѣ качества, которыя въ дѣтяхъ слу-

жать залогомъ ихъ совершенствованія: мы имѣемъ дѣтскую довѣрчивость, дѣтскую покорность и дѣтскую преданность. Изъ насъ можно сдѣлать все современемъ.

Точка отправленія всей человѣческой жизни есть чувство. Въ немъ источникъ всего великаго, святого, божественнаго. У насъ чувство доселѣ оставалось безъ призора, безъ воздѣлыванія; а оно имѣетъ въ немъ столько же нужды, сколько умъ и характеръ. Чувство народа питается его вѣрованіями: вѣрованія рождаютъ въ немъ религію, патріотизмъ, уваженія къ самому себѣ. Человѣкъ русскій имѣетъ въ себѣ глубокое расположеніе къ вѣрѣ; но эта святая искра не горитъ полнымъ пламенемъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ образованія, она тлѣетъ въ пеплѣ грубости; тамъ, гдѣ есть образованіе, чужеземные вѣтры угрожаютъ задуть ее. Оживленіе вѣры есть первое необходимое условіе нашего совершенствованія. Это чувствуютъ и въ Европѣ. Но тамъ все уже перегорѣло; тамъ надобно вновь искать огня. А у насъ нужно только благодатное дуновеніе!

Мысль моя та: намъ нечѣмъ еще пока гордиться, кромѣ развѣ благороднымъ сознаніемъ своего младенческаго состоянія; нечего тянуться до другихъ европейскихъ народовъ, съ которыми мы были всегда разобщены, и познакомились тогда, когда не осталось межъ нами и ими никакихъ почти точекъ соприкосновенія: нечего, слѣдовательно, равнять себя съ ними ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Они сами по себѣ, мы сами по себѣ. У нихъ есть прошедшее, котораго у насъ нѣтъ; но зато у насъ есть будущее, въ которомъ они отчаиваются. Это будущее заключается въ нашей безусловной довѣренности и преданности державной волѣ, которая правитъ нами, ведетъ насъ, печется о нашемъ совершенствованіи, и которая создаетъ для насъ самую блистательную исторію, такую исторію, которой мы будемъ имѣть полное право гордиться и за которую должны будемъ благословлять судьбу, что мы родились Русскими!...

Приложеніе V.

(къ стр. 475).

Замѣчанія на комедію о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

По названію *Комедія*, данному пьесѣ, не должно думать, что это комедія въ такомъ родѣ, какъ называются драматическія произведенія, изображающія странности общества и характеровъ. Пушкинъ хотѣлъ подражать даже въ заглавіи старинѣ. Въ началѣ русскаго театра, въ 1705 году, комедіей называлось какое-нибудь происшествіе, историческое или выдуманное, представленное *въ разговорѣ*. Въ спискѣ таковыхъ комедій, находившихся въ посольскомъ приказѣ 1709 года, мы находимъ заглавія: комедія о Франталасѣ, царѣ эпирскомъ, и о Мирандолѣ, сынѣ его, и о прочихъ; комедія о честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона Арцухъ (то-есть герцогъ) Фридерикъ фонъ-Поплей; комедія о крѣпости Грубетона, въ ней же первая персона Александръ, царь македонскій, и тому подобное.

Въ подражаніе симъ названіямъ Пушкинъ назвалъ свое сочиненіе *Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ*. Въ сей пьесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это отдѣльныя сцены, или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI тома исторіи государства россійскаго, сочиненія Карамзина, передѣланные въ *разговоры и сцены*. Характеры, происшествія, мнѣнія, все основано на сочиненіи Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедіи принадлежитъ только разсказъ, расположеніе дѣйствія на сцены.

Почти каждая сцена составлена изъ событій, упомянутыхъ въ исторіи, исключая сцены самозванца въ корчмѣ на литовской границѣ, сцены юродиваго и свиданія самозванца съ Мариною Мнишекъ въ саду, гдѣ онъ ей признается, что онъ Отрепьевъ, а не царевичъ.

Цѣль пьесы—показать историческія событія въ естественномъ видѣ, въ нравахъ своего вѣка.

Духъ цѣлаго сочиненія монархическій, ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именно потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые бояре увлекаются честолюбіемъ —но такъ говоритъ исторія. Имена почти всѣ историческія.

Литературное достоинство гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражаніе Шекспиру, Гете, Шиллеру; ибо у сихъ поэтовъ въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ, всегда находится связь и цѣлое въ пьесахъ. У Пушкина это разговоры, припоминающіе разговоры Вальтеръ Скотта. Кажется, будто это составъ вырванныхъ листовъ изъ романа Вальтера Скотта. Для русскихъ это будетъ чрезвычайно интересно по новости рода и по отечественнымъ событіямъ; для иностранцевъ все это потеряно. Нѣкоторыя сцены, какъ, напримѣръ, первая на рубежѣ Россіи, сцена, когда монахъ Пименъ пишетъ исторію, а молодой инокъ Гришка Отрепьевъ спитъ въ кельѣ, сцена Гришки Отрепьева въ корчмѣ на литовской границѣ и еще нѣкоторыя мѣста истинно занимательны и народны; но въ цѣломъ составѣ нѣтъ ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства или пламенное пiитическое воображеніе. Все—подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало.

Нѣкоторыя мѣста должно непремѣнно исключить. Говоря сіе, должно замѣтить, что человѣкъ съ малѣйшимъ вкусомъ и тактомъ не осмѣлился бы никогда представить публикѣ выраженія, которыя нельзя произносить ни въ одномъ благопристойномъ трактирѣ! напримѣръ слова Маржерета. См. № 1.

Въ сценѣ юродиваго № 2 слова: не надобно бы молиться за царя Ирода, хотя не подлежатъ никакимъ толкамъ и примѣненіямъ,—но такъ говорятъ *раскольники*, и называютъ Иродомъ каждаго, кого имъ заблагоразсудится, кто брѣетъ бороду и т. п.

№ 3. Сія тирада произведетъ непріятное впечатлѣніе. У насъ еще не привыкли, чтобы каждый герой романа говорилъ *своимъ* языкомъ безъ возраженія вслѣдъ за его умствованіемъ. Предоставлять каждому читателю возражать самому—еще у насъ не принято, да и публика наша для сего не созрѣла.

№ 4. Здѣсь представлено, что народъ съ воплемъ и слезами проситъ Бориса принять царскій вѣнецъ (какъ сказано у Карамзина); а между

тѣмъ изображено: что люди плачутъ, сами не знаютъ о чемъ, а другіе вовсе не могутъ проливать слезъ и хотятъ лукомъ натирать глаза! „О чемъ мы плачемъ?“—говоритъ одинъ. „А какъ намъ знать, то вѣдаютъ бояре, не намъ чета!“—отвѣчаетъ другой. Затрудняюсь въ изложеніи моего мнѣнія насчетъ сей сцены. Прилично ли такъ толковать народныя чувства?

№ 5. Сцену въ корчмѣ можно бы смягчить: монахи слишкомъ представлены въ развратномъ видѣ. Пословица: вольному воля, *спасенному* рай, передѣлана: вольному воля, а *пьяному* рай. Хотя эти монахи и бѣжали изъ монастыря и хотя это обстоятельство находится у Карамзина, но, кажется, самый развратъ и попойка должны быть облагорожены въ поэзіи, особенно въ отношеніи къ званію монаховъ.

№ 6. Рѣшительно должно выкинуть весь монологъ. Во-первыхъ, царская власть представлена въ ужасномъ видѣ; во-вторыхъ, явно говорится, что кто только будетъ обѣщать свободу крестьянамъ, тотъ взбунтуетъ ихъ. Въ Юрьевъ день можно было, до царствованія Бориса Годунова, переходить съ мѣста на мѣсто.

За сими исключеніями и поправками, кажется, нѣтъ никакого препятствія къ напечатанію пьесы. Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно; ибо у насъ не видывали патріарха и монаховъ на сценѣ. До 1818 года, въ повѣстяхъ, пѣсняхъ и романахъ выводили въ дѣйствіе монаховъ и даже невсегда въ блестящихъ цвѣтахъ. Во время мистицизма и вліянія духовенства на литературу даже имена монаховъ и священниковъ запрещалось строго упоминать; нельзя было сказать: „отецъ мой!“—По паденіи мистицизма и уничтоженіи монашескаго вліянія показались двѣ пьесы, гдѣ монахи выведены въ дѣйствіе: *Чернецъ*, поэма сочин. Козлова, и *Русалка*—Пушкина. Обѣ пьесы подвергались гоненію духовенства и на нихъ были приносимы жалобы министру просвѣщенія. Но въ публикѣ это не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія и у насъ есть народныя, напечатанныя пѣсни, въ коихъ даже монахи представлены въ самомъ развратномъ видѣ. Характеристическая черта русскаго народа есть то, что онъ приверженъ къ вѣрѣ и обрядамъ церковнымъ, но вовсе не уважаетъ духовнаго званія, какъ тогда только, когда оно въ полномъ облаченіи. Всѣ сказки, всѣ анекдоты не обойдутся безъ попа,—представленнаго всегда въ дурномъ видѣ. И такъ, кажется, что введеніе патріарха и монаховъ въ сочиненіе Пушкина не произведетъ никакого дурного впечатлѣнія въ публикѣ, исключая партіи, приверженной къ системѣ мистицизма. Впрочемъ, это зависитъ совершенно отъ того, какъ угодно будетъ смотрѣть на сей предметъ: у Карамзина все это описано вдесятеро сильнѣе—и онъ говоритъ даже, что въ то время Россія была наполнена бѣглыми монахами, которые, скитаясь по обителямъ, дѣлали большіе соблазны и даже злодѣянія. Здѣсь только въ одной сценѣ представлены они въ попойкѣ.

Выписка изъ комедіи о Царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ.

Ходъ Пьесы.

Она начинается со дня вступленія Годунова на царство, изображаетъ притворство и лукавство Бориса, отклонявшаго сначала отъ себя высокій санъ царя, по избранію духовенства и бояръ; возобновленіе усильныхъ ихъ убѣжденій, и, наконецъ, его согласіе и принятіе правленія.

Нахожденіе Отрепьева въ Чудовѣ монастырѣ монахомъ, въ кельѣ Пимена лѣтописца, который, разсказывая ему объ убіеніи Димитрія царевича, упомянулъ, что еслибъ Димитрій былъ живъ, то онъ бы былъ ровесникъ ему по лѣтамъ. Дерзкое предпріятіе Отрепьева назваться царевичемъ; бѣгство его изъ монастыря и изъ Россіи въ Литву. Пребываніе въ Краковѣ; удача самозванца; помощь, оказываемая ему королемъ и вельможами. Пребываніе его въ имѣніи Мнишка; любовь его къ Маринѣ. Распространеніе въ Москвѣ слуховъ о самозванцѣ; безпокойство и различные толки въ народѣ; мѣры осторожности царя Бориса.

Вступленіе самозванца въ Россію, съ шайкою его приверженцевъ, сраженіе; различные успѣхи съ обѣихъ сторонъ.

Страданіе Бориса, мучимаго совѣстію; предложеніе патріарха перенести мощи Димитрія царевича изъ Углича въ Москву для увѣренія народа о его смерти. Отклоненіе сего предложенія княземъ Шуйскимъ, съ коимъ царь соглашается.

Молебствіе въ присутствіи Бориса; безпокойство его отъ угрызенія совѣсти; онъ изнемогаетъ. Назначеніе сына Ѳеодора наслѣдникомъ. Патріархъ, духовенство и бояры признаютъ его царемъ. Постриженіе Бориса; его смерть. Царство Ѳеодора. Рѣчь Пушкина (Гаврила), прибывшаго отъ самозванца въ Москву, къ народу, о признаніи царемъ законнаго наслѣдника Димитрія царевича и о истребленіи рода Бориса Годунова.

Заключеніе подъ стражу царя Ѳеодора и его сестры Ксеніи. Прибытіе въ палаты, гдѣ заключены высокіе плѣнники, бояръ Голицына и Милославскаго. Стоны и вопли, исходящіе изъ палатъ. Объявленіе о смерти царя и его матери. Провозглашеніе царемъ Димитрія Ивановича. Вышеозначенныя происшествія происходятъ: въ Москвѣ на площадяхъ, около соборовъ и монастырей, въ Чудовомъ монастырѣ; въ палатахъ царскихъ, въ домахъ бояръ. На границѣ Литвы: въ корчмѣ, Краковѣ, въ жилищѣ самозванца, въ домѣ Мнишка. На границѣ Россіи: въ лагеряхъ около Новгорода-Сѣверскаго и пр.

Дѣйствующія лица: царь Борисъ со всѣмъ своимъ семействомъ; патріархъ, монахи, бояре, народъ; юродивый Николка; Отрепьевъ, его приверженцы; князь Курбскій, Хрущевъ, Пушкинъ (Гаврило), Мнишекъ, Марина и пр.“

Выписка.

№ 1.

Маржеретъ.

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au col. Qu'en pensez vous, mein Herr?

№ 2.

Юродивый.

Борисъ, Борисъ! Николку дѣти обижаютъ.

Царь.

Подать ему милостыню. О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый.

Николку маленькія дѣти обижаютъ... вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

Бояре.

Поди прочь, дуракъ, схватите дурака!

Царь.

Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка!

Юродивый.

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя Ирода—
Богородица не велитъ.

№ 3.

Царь.

Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ,
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо,
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.

№ 4.

Народъ.

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

Одинъ (тихо).

О чемъ мы плачемъ?

Другой.

А какъ намъ знать? то вѣдаютъ бояре,
Не намъ чета.

Баба (съ ребенкомъ).

Ну, чтожъ? какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! вотъ я тебя! вотъ бука,
Плачъ, баловень! (бросаетъ его объ земь; ребенокъ пищитъ).
Ну, то-то же.

Одинъ.

Всѣ плачутъ,
Заплачемъ, братъ, и мы.

Другой.

Я силюсь, братъ,
Да не могу.

Первый.

Я также. Нѣтъ ли луку?
Потремъ глаза.

№ 5.

Монахи пьютъ; *Варлаамъ* затягиваетъ пѣсню:

Ты проходишь, дорогая, и проч.

(*Григорью*): Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорій.

Не хочу.

Мисаилъ.

Вольному воля...

Варлаамъ.

А пьяному рай, отвѣтилъ Мисаилъ! выпьемъ же чарочку за шинкарочку...

. . . неволей добрый молодецъ и проч.

Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю; ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ— нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

Григорій.

Пей, да про себя разумѣй, от. Варлаамъ! видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ.

А что мнѣ про себя разумѣть!

Мисаилъ.

Оставь его, от. Варлаамъ.

Варлаамъ.

Да что онъ за постникъ? самъ же къ намъ навязался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда—да еще и спѣсивится; можетъ быть кобылу нюхалъ... (пьетъ и поетъ).

Григорій (хозяйкѣ).

Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луевымъ горамъ.

Григорій.

А далече ли до Луевыхъ горъ?

Хозяйка.

Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

Григорій.

Какъ заставы! что это значитъ?

Хозяйка.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать да осматривать.

Григорій (про себя).

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день.

Варлаамъ.

Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка, дѣло, братъ, дѣло! у всякаго свой обычай; а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка: пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ.

Мисаилъ.

Складно сказано, от. Варлаамъ.

№ 6.

Бояринъ Пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ!
И по дѣломъ ему! онъ правитъ нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ):
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ канововъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены-ль мы въ бѣдной жизни нашей?
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ, въ глуши голодна смерть иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньи.
Дай срокъ: тебѣ такая-жъ будетъ участь.
Легко-ль, скажи? мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами,
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры;
Зависимъ мы отъ перваго холопа.
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ—Юрьевъ день задумалъ уничтожить,
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ,
Не смѣй согнать лѣнивца! радъ-не-радъ,
Корми его, не смѣй переманить
Работника, не то въ приказъ холопій.
Ну, слыхано-ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? а легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

ОПЕЧАТКА.

На страницѣ 462-й вмѣсто „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" названъ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія".

Р. 3 —
кн. № 7706/62
б

книгу г. Лемке... Книга читается съ захватывающимъ интересомъ. Цѣн... книги вовсе не велика" („Утро" (Харьковъ), 2 ноября 1907 г.).

4) ...„Не входя въ подробный разборъ всѣхъ очерковъ, заключающи... мѣтимъ коротко, что всѣ они отличаются обычными качествами работъ г. Л... документальной точностью, цѣнными библіографическими указаніями... Очерки да... матеріалъ для исторіи какъ русской литературы, такъ и общественнаго движенія. Ав... обрисовать фигуры дѣятелей реакціи, вродѣ Бенкендорфа, Дуббельта, Фока, Булгарина... самихъ говорить о себѣ подлинными словами историческихъ документовъ... Она (книга)... обходимой принадлежностью каждой библіотеки по исторіи литературы и журналистики, ... по исторіи общественнаго движенія". („Современный Міръ", декабрь 1907 г.).

5. ...„Объемистая книга г. Лемке представляетъ обширное собраніе весьма любопытныхъ ма... ріаловъ, частью почерпнутыхъ авторомъ изъ мало доступныхъ архивовъ предшественника нынѣшняго департамента полиціи, III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, частью дополненныхъ по печатнымъ источникамъ... Вся (книга) она—настоящій мартирологъ русской мысли и печати". („Критическое Обозрѣніе", кн. V—1907 г.).

6) ...„Архивъ (III Отдѣленія) былъ недоступенъ до министерства Святополкъ-Мірскаго и закрылся тотчасъ потомъ; теперь опять могутъ пройти годы прежде, чѣмъ онъ откроется для изслѣдователей, и потому книга г. Лемке пріобрѣтаетъ особенную цѣнность, какъ единственный пока источникъ свѣдѣній о дѣятельности III Отдѣленія... За исключеніемъ главы о Пушкинѣ (52 стр.), представляющей сводку уже ранѣе обнародованныхъ матеріаловъ, все остальное содержаніе книги въ главномъ является новинкой. Полными пригоршнями авторъ черпаетъ изъ архивовъ"... („Вѣстн. Евр.", янв. 1908 г.)

7) ...„Книга г. Лемке представляетъ интересъ... Авторъ сообщаетъ не мало новаго, что обращаетъ его книгу въ очень цѣнный источникъ матеріаловъ по данному историческому періоду... Книгу г. Лемке мы настойчиво рекомендуемъ вниманію читателя". („Русскія Вѣдомости", 25 декабря 1907 г).

8) ...„Работы г. Лемке представляютъ весьма большую цѣнность для исторіи нашей культуры... Ему (автору) удалось извлечь изъ открытаго для него архива высшей полиціи царствованія Николая I массу документовъ, чрезвычайно выразительно дополняющихъ и закругляющихъ картину цензурнаго террора указанной эпохи, главнымъ направителемъ котораго является какъ разъ III Отдѣленіе... Очерки о Долгоруковѣ и Головинѣ очень цѣнны по обилію введеннаго въ нихъ совершенно свѣжаго архивнаго матеріала"... („Русская Мысль", декабрь 1907 г.).

9) ...„Книга Лемке—огромный томъ—цѣнный вкладъ въ исторію русской литературы и даже въ исторію русскаго обществен. движенія... Книга Лемке—живая, интересно написанная, съ массой документ. данныхъ—стоитъ всего лишь 3 р. 50 к.". („Пріазовск. Край". № 287—1907 г).

См. еще рецензіи: „Новости Одессы"—27 Окт. 1907 г... „Нива" 1907 г. № 12 и др.

Владиміръ Беренштамъ. ОКОЛО ПОЛИТИЧЕСКИХЪ. Съ 7 картин., изъ которыхъ 6 на отдѣльн. листахъ мѣловой бумаги, и 18 автобіографіями политич. ссыльныхъ. Спб., 1908 г. Ц. 1 руб.

Изъ отзывовъ печати:

1) ...„Въ чрезвычайно живомъ изложеніи авторъ даетъ рядъ любопытныхъ картинъ сибирской жизни вообще и жизни политическихъ ссыльныхъ въ особенности. Изложеніе этой послѣдней вызываетъ не только сочувствіе, но и даетъ ясное представленіе о страшномъ значеніи ссылки, о ея губительности для многихъ и многихъ даровитыхъ людей, отправляемыхъ въ эти гиблыя мѣста. Не безъинтересны и попутныя впечатлѣнія автора о встрѣчахъ его съ ѣхавшими въ то время на театръ военныхъ дѣйствій военными и частными лицами. Съ внѣшней стороны книжка издана очень хорошо и цѣна ея недорога". („Товарищъ", 5 октября 1907 г.).

2) ...„Любопытны также этнографическія особенности края, которыя также не ускользнули отъ вниманія автора. Несомнѣнную же важность представляетъ встрѣча г. Беренштама съ женой жандарма, охранявшаго въ ссылкѣ, въ теченіе 12 лѣтъ, Чернышевскаго, разговоръ съ которой воспроизведенъ имъ дословно. Благодаря наблюдательности автора и живости изложенія, книга г. Б. не можетъ не заинтересовать". („Рѣчь", 1 ноября 1907 г.).

3) ...„Книга отъ первой до послѣдней строки читается съ интересомъ. Большое впечатлѣніе оставляютъ автобіографіи нѣкоторыхъ изъ ссыльныхъ, записанныя г. Беренштамомъ. Это богатый матеріалъ для историка нашихъ общественныхъ движеній. Книга, изданная С. В. Бунинымъ, стоитъ всего лишь 1 р. (289 страницъ съ иллюстраціями)". („Пріазовскій Край"—№ 280, 1907 г.)

4) ...„Съ географической точки зрѣнія (книга) представляетъ большой интересъ, такъ какъ знакомитъ читателя съ тѣми отдаленными, глухими мѣстами Сибири, которыя еще до сихъ поръ оста-

…о особенно поражаетъ—такъ это разсказъ о богатствахъ, нетронутыхъ …щемъ книга написана живо и читается очень легко". („Казанскій Теле-…).

…ткое и живое, и читается книга съ интересомъ." („Образованіе",октябрь 1907 г.).

…живой наблюдатель съ разносторонними интересами и художественной жилкой; … и еще болѣе умѣетъ слушать. Онъ схватилъ на пути и записалъ, и воспроизвелъ …длинную вереницу типичныхъ разсказовъ, анекдотовъ, мелкихъ фактовъ,—и изъ этого, …наго, иногда извѣстнаго, но всегда перечувствованнаго матеріала, въ общемъ складывается … образъ великой россійской неурядицы... („Русское Богатство", ноябрь 1907 г.).

7) ...„Наброски богаты самыми разнообразными впечатлѣніями, вынесенными авторомъ изъ со…прикосновенія съ жизнью далекой окраины и, особенно, съ политическими ссыльными. Строки, посвященныя послѣднимъ, проникнуты самой горячей любовью, самымъ нѣжнымъ сочувствіемъ къ нимъ. Эту книгу можно безусловно рекомендовать читателю. („Современ. Міръ", декабрь 1907 г.).

8) ...„Интересныя наблюденія привели автора къ печальной мысли „о ссылкѣ и объ ужасѣ того, сколько по своей суммѣ столѣтій и тысячелѣтій плодотворнаго человѣческаго труда уже потеряно для счастья родины, благодаря системѣ ссылки—этого наказанія вынужденнымъ бездѣліемъ здоровыхъ людей"... („Вѣстн. Евр.". октябрь 1907 г.").

См. еще рецензіи: „Кіевскія Вѣсти"—5 ноября 1907 г., „Нива"—ноябрь 1907 г., „Всемірн. Вѣстн."—декабрь 1907 г. и др.

А. М. Ѳедоровъ (авторъ романовъ: Камни, Природа, Земля и др.). **РАЗСКАЗЫ** (новые). Въ художествен. обложкѣ работы М. Соломонова. Спб., 1908 г. Цѣна 1 рубль.

Изъ отзывовъ печати.

1) ...„О разсказахъ А. М. Ѳедорова, изданныхъ съ большимъ изяществомъ, распространяться не будемъ: талантъ г. Ѳедорова хорошо извѣстенъ русской публикѣ... („Новости Одессы"—27 октября 1907 г.),

2) ...„Г. Ѳедоровъ имѣлъ несомнѣнное—не всякому данное—право собрать въ сборникѣ свои разсказы: каждый изъ нихъ, за немногими исключеніями, значителенъ по-своему и каждый изъ нихъ открываетъ вамъ хотя бы уголокъ всегда одной и той же души... Даже въ сравнительно слабыхъ вещахъ сборника вы найдете такое богатство образовъ, легко роняемыхъ авторомъ на бумагу, такую свѣжесть эпитетовъ, когда онъ уводитъ васъ въ степь, говоритъ вамъ о веснѣ... Есть въ авторѣ какая-то особенная чуткость, „чуткость растеній и боговъ"... Не всякій сборникъ разсказовъ можно назвать книгой; сборникъ разсказовъ г. Ѳедорова—несомнѣнная книга". („Новая Книга", № 14—31 октября 1907 г.).

3) ...„Сборникъ разсказовъ г. Ѳедорова отличается большимъ разнообразіемъ... Въ книгѣ есть рядъ разсказовъ и очерковъ, связанныхъ съ событіями послѣднихъ лѣтъ, затрогивающихъ волненія во флотѣ, уличную борьбу, усмиренія, еврейскіе погромы и т. д... (Разсказъ) „Расплата", гдѣ отразилась исторія „Потемкина" и попадаются мѣстами довольно сильныя, захватывающія сцены"...(„Русскія Вѣдомости", 11 декабря 1907 г.).

4) „А. М. Ѳедоровъ несомнѣнно интересный беллетристъ... Онъ умѣетъ находить для своихъ романовъ оригинальныя и широкія идеи"... („Кіевскія Вѣсти", 17 декабря 1907 г.)

См. еще фельетонъ „Литературн. бесѣды" въ газ. „Слово"—1 февр. 1908 г. и мн. друг.

Цѣна 2 р. 50 к.

Изданія помѣщаются въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича

(Спб., Вас. остр., 5 лин., 28).

00027750988
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL